

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2024. 19(1)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (США)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

- С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. Сумы, Украина)
гл. редактор – д-р ист. наук
- Д. ДАРОВЕЦ (г. Венеция, Италия)
- П. ДЖОЗЕФСОН (г. Вотервиль, США)
- Е. Ф. КРИНКО (г. Ростов-на-Дону, Россия)
- Р. МАРВИК (г. Ньюкасл, Австралия)
- Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. Тбилиси, Грузия)
- Б. Н. МИРОНОВ (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Дж. САНБОРН (Пенсильвания, США)
- В. САНДЕРЛЭНД (г. Цинциннати, США)
- С. Г. СУЛЯК (г. Тирасполь, Молдавия)
- Г. ЧЖАН (г. Чанчунь, Китай)
- Ф. Б. ШЕНК (г. Базель, Швейцария)
- М. ШМИГЕЛЬ (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.03.2024 г.

Заказ № 77.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай II, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2024. 19(1)
HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

- S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Editor in Chief – Dr. (History)
- D. DAROVEC (VENICE, ITALY)
- P. JOSEPHSON (WATERTOWN, USA)
- E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
- R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)
- R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)
- B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)
- J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)
- W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)
- S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)
- G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)
- F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)
- M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 03/01/2024

Order № 77.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas II is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Guberniya (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire”

CONTENTS

ARTICLES

The Evolution of Crimes and Punishments of the Corruption Origin in Russia A.V. Shashkova, G.V. Gudimenko, E.V. Kudryashova, L.O. Gordeychenko	5
Cherkasovs (Keretskys): During the Period of the Muscovite Kingdom (to the 450th Anniversary of the Cherkasov Family) A.A. Cherkasov	15
On the Question of the Everyday Life of the Nobility at the end of the 17th – beginning of the 18th centuries P.S. Seleznev	29
The Liubech Town Plan in 1651 by Abraham van Westerveld S.I. Degtyarev, E.M. Osadchyi	40
The Legal Status of the Native Population of Western Siberia in the Russian Empire (late 17th century – late 19th century) M.V. Saudakhanov, I.A. Garnaya-Ivanova	48
French-Language Publications in the Structure of Bookselling Interests of Academic Bookstores of the XVIII century R.M. Zhitin, A.G. Topilsky	57
The Role of Spiritual Education in the Closed Sacred Space of the Yenisei Siberia (second half of the 18th – first half of the 19th centuries) A.P. Dvoretzkaya, N.L. Khait, O.V. Konovalova, E.Y. Kushnarenko	66
The Appointed Hetman Yakov Gerasimovich Kukharenko (1799–1862) (to the 225th Anniversary of his Birth) N.A. Shevchenko, Yu.V. Kapitanets, G.M. Zinchuk, L.N. Tatarinova	78
Diplomatic Mission A.F. Negri in Bukhara 1820: Goals and Results Z.E. Kabuldinov, S.K. Uderbayeva, G.A. Shotanova	84
A Little-Known Testimony on the Russian-Turkish War of 1828–1829: French Ambassador C. de Mortemart on the Balkan Front T.N. Goncharova	95
Konstantin Nikolaevich Bestuzhev-Ryumin (1829–1897): A Biographical Sketch (To the 195th Anniversary of His Birth) L.L. Balanyuk, S.A. Grimalskaya, O.V. Guseva, U.I. Zubritskaya	108
The Arrest of Khivan Subjects in the Russian Empire in 1836 and Russian Struggle Against Slave Trade in Middle Asia. Part II A.Yu. Peretyatko	115
The Development of the Female Education System in the Penza Province in the 1850–1880 L.A. Koroleva	128
Problems of Penal Policy of the Russian Empire in the Literary and Journalistic Heritage of N.M. Yadrintsev and F.M. Dostoevsky A.V. Golovinov, E.A. Kulikov, I.A. Anisimova	137
The Problem of Terrorism in the Security System of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries (on the example of the Yenisei Province) T.V. Izluchenko, D.N. Gergilev, E.A. Akhtamov, D.N. Nesterenko	148

Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries M.A. Sosnina, T.V. Vorotilina, Ju.V. Nikolaeva, O.A. Lavrishcheva	159
Commercial and Industrial Interests of Landowners in the Field of Sugar Beet Production (XIX – early XX centuries) A.G. Topilsky, R.M. Zhitin	169
Publications of the Periodical Press as a Representative and Authentic Source of Information on Ethno-Justice and Family-Legal Relations of the Permian Peoples in the 19th century O.A. Plotskaya, D.I. Makembaeva, N.S. Grudinin, D.A. Shiryov	178
The Practice of Excise Supervision in Russia after the Wine Reform of 1863 N.Ye. Goryushkina	189
Some Issues of Organization of the Educational Process in Russian Imperial Universities in Accordance with the University Statutes of 1863 and 1884 A. Lebid, O. Tulyakov	199
Reconstruction of Ship Biographies Using “Ship Lists” N.W. Mitiukov, I.Yu. Cherkasova	210
The Pro-Russian Oriented Public of the North-Western Territory about Current Problems of Our Time on the Pages of the “Vilna Bulletin” in the second half of the 1860s O.O. Zavyalova	219
To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Warsaw School District (1867–1916) I.Yu. Cherkasova, L.A. Koroleva, V.S. Nikitina, N.V. Svechnikova	232
“Russian Style” in Art Based on the Analysis of the Architectural and Artistic-Technical Journal “Zodchii” (“Arhitektor”) A.A. Omelik, A.V. Kistova, N.A. Sergeeva, T.K. Ermakov	238
St. Petersburg University in the History of Training Kazakh Specialists in the second half of XIX – early XX centuries A. Aitmukhambetov, S. Ismailov, A. Tabuldenov, S. Simonov	249
Verny Men’s Gymnasium and Future Alash Figures O.Kh. Mukhatova, Sh.B. Tleubayev, S.G. Belous, A.N. Konkabayeva	258
Special Aspects of Siberian Intelligentsia Development in the XIX – the early XX centuries T.V. Gryaznukhina, A.G. Gryaznukhin, A.S. Zhulaeva, A.O. Zadorina	268
Expulsion from the Poorhouse in the second half of the XIX – early XX centuries (based on Materials of Siberia) A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, D.V. Rakhinsky, O.I. Savin	278
Innovations in Russian Arms Production in the Period of the 1880s – 1890s Yu.B. Nadtochiy	290
Political and Humanistic Role of Guljamal Khan during and after the Annexation of Merv to Russia I.I. Aminov	302
The History Image of the Fatherland in the Essays of the First Part of the First Volume in Edition “Zhivopisnaya Rossiya (“Picturesque Russia”)” (1881) N.P. Koptseva, A.A. Shpak, Yu.N. Menzhurenko, K.A. Degtyarenko	312
The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2 G. Rajović, S.N. Bratanovskii	325

Features of Elections and the Formation of Representative Meetings in the Cities of the Tobolsk Province on the Reform of 1892 A.B. Khramtsov	342
To the Issue of the Socio-Demographic Situation of the Russian Population on the Territory of Western Kazakhstan (late 19th – early 20th centuries) A. Zhurasova, G. Esseeva, R. Serik, L. Alkhamova	343
The Journal “Mir Iskusstva” (1899–1904) as a Source on the History of Women's Artistic Creativity N.M. Leshchinskaia, M.A. Kolesnik, A.A. Sitnikova, E.A. Sertakova	353
Charitable Donations of Siberians to the Russian Red Cross Society during the Military Campaign in China (1900–1901) T.A. Kattsina, K.A. Tishkina	366
Russian Villagers in Revolutionary Fire, 1902–1907: Generation’s Factor V.B. Bezgin, A.Y. Viazinkin, K.A. Yakimov	374
Crafts of Migrant Peasants in Siberia During the Period of Activity of the Siberian Railway Committee (Based on the Results of an Economic Survey in 1903) D.N. Belyanin, V.N. Razgon, A.V. Razgon	383
Suffrage and Its Implementation by Kazakh Deputies of the State Duma of Russia at the beginning of the XXth century. Alikhan Bukeikhanov and Shaimerden Koshygulov S. Zhumatay, O.N. Mukanov, G.K. Mukanova, Z.Sh. Bimakanova	395
The Public Role of Deputies Elected to the State Duma from the Steppe Region: An Effective Dialogue between Government and Society T.A. Apendiyev, G.B. Batyrbekkyzy, D.L. Sarsembekkyzy, B.B. Tokishkadirov	407
The Journal “Dlya Narodnogo Uchitelya” (1907) as a Source on the Education History in the Russian Empire at the beginning of the XX century Ju.S. Zamaraeva, N.N. Serechkina, N.P. Koptseva, N.N. Pimenova	416
From the History of the Popularization of “Nomadic” Theater in Central Asia through the Kazakh Periodical Press at the beginning of the XX century S. Zhumatay, G.K. Mukanova, A.M. Yespenbetova, D. Mutalova	428
The Siege of Przemysl (1914–1915) in the Russian Periodical Press T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	439
The Theme of Quality of Life in the Public Rhetoric of the Imperial People's Party during the First World War P.S. Seleznev, V.V. Zubov	446
The Initial Stage of the Gorlitskaya Operation (1915). Causal Relationships of the Defeat of the Russian Army G. Popov, O.B. Barabash, B.A. Bulgarova, O.Yu. Kazenkov	454
Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper “Soldatskii Vestnik” (May 22 – September 7, 1916). Part 2 G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, I.N. Kuksin	465
The Head of the Russian Imperial House of Romanov, Grand Duchess Maria Vladimirovna: Touches to a Biographical Portrait (on the 70th Anniversary of Her Birth) A.A. Cherkasov	472
On the Economic Structure, Labor Use and Adaptation of Former Soviet Citizens Who Moved in a Planned Manner from the PRC to Kazakhstan in 1954–1963 M.Ch. Kalybekova, N.A. Kubik, Z.E. Kabuldinov	480

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2024. 19(1): 5-14
DOI: 10.13187/bg.2024.1.5

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

The Evolution of Crimes and Punishments of the Corruption Origin in Russia

Anna V. Shashkova ^{a, *}, Galina V. Gudimenko ^b, Ekaterina V. Kudryashova ^c, Lada O. Gordeychenko ^a

^a MGIMO – University, Russian Federation

^b KIGTU – University, Russian Federation

^c Siberian University of Consumer Cooperation, Russian Federation

Abstract

The article examines the evolution of the category «corruption» in pre-revolutionary Russia, as well as its various manifestations and punishments for corrupt actions. The authors analyzed numerous legislative acts in force in various periods of the existence of the Russian state, as well as measures that taken at the state level to combat corruption. According to the authors, the emergence of corruption is primarily due to the expectation of significant benefits from corrupt actions, the influence of officials' decisions on the allocation of limited resources. The formation of the Russian Empire accompanied by such phenomena as favoritism, abuse of power, distribution of privileges, extortion and bribery. Over time, the state began to attach great importance to anti-corruption issues, many legislative acts aimed at combating corruption adopted, officials convicted of corruption punished regardless of rank and merit, a ban was imposed on combining public service with commerce, etc. The study found that by the end of the XIX century, the experience of legislative and social measures against corruption crimes had been accumulated. These actions of the state led to the fact that at the beginning of the XX century in Russia, corruption in the highest echelons of power in Russia was practically absent, not a single case of abuse and bribery was established. There were manifestations of corruption at the lower and middle levels of government, but the measures taken by the country's leadership to combat corruption for a long time made it possible to achieve real success in pre-revolutionary Russia and become one of the least corrupt European states.

Keywords: pre-revolutionary Russia, Code of Laws, Judicial Code, Pskov judicial charter, corruption, extortion, bribery, anti-corruption, anti-corruption state policy, anti-corruption measures.

1. Введение

Исследования вопросов коррупции показывают, что наличие ресурсов (Vicente, 2010: 28) и повышение роли государства в экономических процессах с расширением государственного сектора в экономике напрямую связаны с повышением уровня коррупции в конкретной стране (Gerring et al., 2005: 233). Объясняется это высоким вознаграждением за риск: ожиданием значительных выгод от коррупционных действий, а также тем, что распределение и перераспределение ресурсов во многом зависят от бюрократических решений. В свете рассмотрения антикоррупционной борьбы с точки зрения государственной деятельности имеющиеся в научных трудах российских историков стандарты исследования антикоррупционной политики государства требуют корректировки и дополнений.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.shashkova@inno.mgimo.ru (A.V. Shashkova),
gudimenkogala@gmail.com (G.V. Gudimenko), ev_kudryashova@inbox.ru (E.V. Kudryashova),
ladagordey@gmail.com (L.O. Gordeychenko)

Авторы не ставят задачу исследовать противодействие коррупции на государственном уровне на всех этапах исторического развития России, вследствие чего особое внимание уделяется основным вехам антикоррупционной борьбы государства в дореволюционной России.

2. Материалы и методы

Источниками исследования послужили архивные материалы Государственной публичной исторической библиотеки, Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также сборник опубликованных документов – Полный свод законов Российской империи.

Исследование базируется на использовании методов – исторического, историко-системного, сравнительно-правового и системного анализа. Использование исторического метода исследования способствует установлению взаимосвязи исторической перспективы и процессов современного развития. Применение историко-системного метода позволяет определять и исследовать отдельные категории до их юридического закрепления в нормативно-правовых актах. Сравнительно-правовой метод может быть использован в целях изучения появления, наполнения и законодательного закрепления отдельных категорий настоящего исследования в различные исторические периоды существования Российской империи. Основу системного подхода составляет изучение объекта и предмета как совокупности взаимосвязанных составляющих. Системный подход может иметь теоретический или практический характер: в теоретическом аспекте он в первую очередь служит для получения научных знаний, которые обогащают и расширяют диапазон исторической науки. В практическом аспекте системный анализ служит источником анализа Свода законов и иных нормативно-правовых и исторических документов Российской империи.

3. Обсуждение

В последнее время внимание ученых привлекают не только современные проявления коррупции, но и ее исторические корни (Hellmann, 2017: 145; Alexander, 2016: 815; Buchan et al., 2014: 155; Snyman, 2022: 83). Исследования исторических аспектов коррупции в Российской империи вносят свой вклад в общую дискуссию об истоках явления.

Российские историки в большинстве своем исследуют противодействие коррупции на отдельных конкретных временных участках. Так, например, В.О. Ключевский рассматривает антикоррупционную борьбу российского государства во время функционирования Московского государства, а также во время правления Петра I (Ключевский, 2008: 311, 765). Е.С. Шумигорский анализирует борьбу с коррупцией в период правления Павла I (Шумигорский, 2014: 137). Автор пишет: «В первый год царствования Павла народ блаженствовал, находил себе суд и расправу без лихоимства: никто не осмеливался грабить и угнетать его; все власти предержавшие страшались ящика», куда любой желающий мог положить жалобу, которую доставал и разбирали лично государь. П.А. Берлин изучал коррупцию в России как социально-экономическое явление в период Отечественной войны 1812 года (Берлин, 1912: 48).

Среди наиболее интересных современных исследований можно выделить работы С.М. Троицкого, который затрагивает вопросы борьбы с коррупцией в конце 50-х годов XVIII века (Троицкий, 1974: 119). Б.В. Волженкин проводит анализ наказания за коррупционные преступления конца XIX – начала XX вв. (Волженкин, 1991: 64) Ю.П. Синельщиков, являясь членом комитета по противодействию коррупции в Государственной Думе Российской Федерации шестого и седьмого созыва, представляет свое мнение о состоянии коррупции в Российской империи и мерах противодействия ей (Синельщиков, 2017: 92).

Материалы и обобщения, представленные в настоящей статье, существенно дополняют историческую науку в части исследования явления коррупции на протяжении длительного периода (IX–XX веков) в дореволюционной России и борьбы государства с коррупционными явлениями пониманием сущности коррупционных преступлений и наказаний в дореволюционный период в России.

4. Результаты

Впервые коррупция как легальное явление на Руси отмечается в IX–X веках, когда представители князя отправлялись руководить провинциями, при этом «командировки» не сопровождалась оплатой. Однако князь не препятствовал обогащению своих представителей путем использования их полномочий, или кормлению (Андрианов, 2011: 4). Данное явление можно считать одним из первых легальных проявлений коррупции. Система кормления нормативно была отменена лишь в 1555 году, при этом фактически она существовала еще достаточно длительный период.

В конце XVI – начале XVIII вв. основной формой местного управления в Московском государстве было воеводское управление. В XVII в. областями управляли воеводы, воеводства давались на три года, что способствовало ограничению злоупотреблений. Еще одной формой ограничений стали отчеты воевод о своем управлении.

Факты злоупотребления служебным положением встречались в Московском государстве нередко, а подтверждением этому служит то, что управители приказов торговали воеводствами.

По словам Татищева, были положены оклады, что «за каждый город взять»; кто платил их, тот получал воеводство.

Так, В.О. Ключевский в своем труде «Сказания иностранцев о Московском государстве» (Ключевский, 1918: 114) отмечает, что «воевода старался прежде всего с лихвой вознаградить себя за издержки, которых стоила ему покупка воеводства, и брал широкой рукой, зная, что начальник приказа, от которого он зависел, не даст хода жалобам обиженных».

Помимо торговли должностями, в ходу был еще один способ, который заключался в том, что воеводы вымогали подарки у жителей, а именно: воевода устраивал пиры, куда приглашал зажиточных служилых и торговых людей своей области, а те в свою очередь старались щедро отблагодарить воеводу.

Правительство пыталось бороться с таким положением дел, однако безуспешно. Наказания за лихоимство в суде, отличавшиеся суровостью, не много имели успеха. Ключевский пишет: «Если судья брал подарки, его могли уличить собственные его слуги или подарившие, которые, обманувшись в надежде выиграть дело, нередко пользовались этим против судьи, чтоб возвратить свои подарки; даже посторонние люди могли доносить на взяточника. Также в продолжение Святой недели судьи могли принимать в дар малоценные вещи и даже деньги от рубля до 12» (Ключевский, 1918: 115-116).

Интересно отметить, что должность палача была почетна и пользовалась популярностью, так как он получал царское жалованье, а также значительные доходы, тайно продавая водку содержащимся под его надзором арестантам и принимая от них посулы за обещание полегче наказывать.

Таким образом, данное положение дел свидетельствует о том, что отзывы иностранцев о продажности суда в Московском государстве, где судьи торговали приговорами («не было преступления, которое не могло бы при помощи денег ускользнуть от наказания»), не противоречат истине. Отмечается, что служение государству рассматривалось в первую очередь как источник кормления.

В 1467 году в Псковской республике был введен в действие сборник законов – Псковская судная грамота, в которой указывались законные и незаконные способы приобретения имущества (Псковская судная грамота, 1467: ст. 46-56). Законность приобретения имущества путем проведения сделки или торгов подтверждалась присягой покупателя. При этом подтверждение законности необходимо было лишь при купле-продаже новых товаров.

Ст. 46 Судебника 1497 года определяла требование засвидетельствования проведения сделки свидетелями, а если они отсутствовали, необходима была присяга участника сделки (Владимирский-Буданов, 1880: 87).

В 1550 году Судебником были установлены виды взяток и формы наказаний для их получателей. Видами взятки названы лихоимство и мздоимство, данные формы коррупционных деяний просуществовали до окончания монархической системы в России, но законодательно они были определены только в XIX веке. «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» (15.08.1845) были определены указанные преступления: «Мздоимство – если чиновник или иное лицо примет, хотя бы и без всякого в чем-либо нарушения обязанностей, подарок. Лихоимство – если кто-либо для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы примет в дар деньги, вещи или что иное, сколько бы, впрочем, сумма денег или вещей, им полученных, не была малозначительна» (Уложение о наказаниях..., 1845: ст. 401).

Причиной Московского бунта в 1648 году явились факты злоупотреблений со стороны боярина Б.И. Морозова – распорядителя финансами царя Алексея Романова (1629–1676 гг.). Для успокоения жителей Москвы на растерзание толпе были отданы отдельные чиновники, кроме самого Морозова.

Характеризуя царствование династии Романовых, В.О. Ключевский отмечал, что начало правления Романовых сопровождалось фаворитизмом, произволом, корыстолюбием, раздачей привилегий в огромных масштабах (Ключевский, 2008: 628).

Взятка стала рассматриваться как преступное деяние лишь в 1715 году, что обусловлено установлением государственным служащим фиксированной оплаты труда. Во время правления Петра I было установлено уголовное наказание государственным чиновникам вне зависимости от чина за коррупционные преступления. Среди подвергнувшихся наказанию коррупционеров периода правления Петра I можно назвать сибирского губернатора М.П. Гагарина, московского губернатора К.А. Нарышкина, сенатора Я.Ф. Долгорукова и др. М.Д. Хмыров в своем историческом очерке «Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701–1791 годы)» описывает, как «летом 1721 года княжна слышала о торжественном повешении перед окнами Юстиц-коллегии великолепного и гордого князя Гагарина, губернатора всей Сибири, обвиненного в лихоимстве» (Хмыров, 2013: 100).

Петр I вел борьбу с коррупцией, в этой связи в период его правления было принято множество актов, которые были направлены на борьбу с казнокрадством. В 1714 г. был издан Указ «О фискалах и о их должности и действии», где устанавливалась компетенция фискалов. Позднее институт фискалов был преобразован в прокуратуру, одной из основных функций которой явилось предупреждение возникновения преступлений в среде чиновников. Интересно отметить, что в полномочия фискалов входили доносы на чиновников, а также уличение в казнокрадстве и взяточничестве. Пункт 4 Указа устанавливал, что «во всех тех делах фискалам надлежит только

проведывать и доносить, и при суде обличать, а самим ни чем ни до кого также и в дела глас о себе имеюция, отнюдь ни тайно, ни явно не касаться под жестоким штрафом, или разорением и ссылкой...» (О фискалах..., 1714).

Вместе с тем в тексте Указа в п. 2 встречается понятие «взятка» как фактор, который наносит ущерб государству. «Всякие взятки и кражу казны, и прочее, что во вреду государственному интересу быть может, какова б оное имяни ни было» (Полиевктов, 1914: 28).

Интересно, что фискалы содержались за счет «собственных кормовых», а другого денежного вознаграждения не получали, что привело к многочисленным взяткам (Shashkova et al., 2021: 137).

До принятия Указа 1714 г. действовал Указ 1711 г. В этом документе определялась роль обер-фискала, который следил за сбором и расходованием денежных средств.

Правление Петра I можно охарактеризовать усилением наказания за получение взяток, установлением ответственности за недонесение о коррупционных деяниях, введением института прокуратуры, началом регулирования прохождения государственной службы. Но желаемого эффекта указанные меры не достигли, коррупционные явления в государственном управлении и распоряжении финансами лишь усилились. В.О. Ключевский, рассматривая данную проблематику, указывал: «При Петре I казнокрадство и взяточничество достигали... размеров, небывалых прежде» (Ключевский, 2008: 792).

По окончании правления Петра I государственная система вернулась к кормлениям, а установление заработной платы было восстановлено Екатериной II.

Свод законов, изданный в правление Николая I, дополненный Александром II, определил следующие виды проявления коррупции (гл. 6, разд. 5, т. 15, ст. 336):

- 1) незаконные поборы, маскируемые государственными податями;
- 2) вымогательство денег, вещей или продовольствия;
- 3) взятки с просителей по судебным и исполнительным делам (Полный свод законов РИ, 1842).

В указанном Своде взяточничество трактуется как элемент лихоимства, целью которого служит ослабление действия закона. Уличенные в коррупции служащие подвергались наказанию вне зависимости от чинов и заслуг с учетом последствий происшествия.

Так, например, высочайшим приказом (за подписью начальника Главного штаба князя Волконского) в январе 1820 года военного суда Селенгинского гарнизонного полка поручик Попов «за лихоимство, жестокое обращение с нижними чинами и употребление рядового для собственных услуг лишается чинов, приобретенного службою дворянского достоинства и знака отличия Св. Анны и разжалуется в рядовые» (Высочайшие приказы..., 1820).

В 1845 году ответственность за коррупционные преступления стала регулироваться «Уложением о наказаниях уголовных и исполнительных» (далее Уложение). Негативным моментом Уложения служило отсутствие определений категорий «мздоимство» и «лихоимство», разницу между ними предлагалось понимать следующим образом: в случае нарушения служебных обязанностей получателем взятки его проступок считался лихоимством, а в случае, когда обязанности не нарушались – мздоимством. За мздоимство коррупционер нес наказание в виде денежного взыскания и возможного отстранения от службы, при установлении случаев лихоимства могло быть назначено наказание вплоть до ареста. Самые суровые наказания были установлены за вымогательство, в их число входили арест, лишение отдельных прав и преимуществ, назначение срока от 5 до 6 лет (Уложение о наказаниях..., 1845: ст. 377).

Во время правления Александра II (1855–1881 гг.) на уровне законов устанавливался контроль за расходами чиновников, данные о наследственных и получаемых доходах и расходах самих чиновников и их жен в обязательном порядке должны были быть опубликованы в специальных изданиях в открытой печати, что позволяло сравнивать реальное и декларируемое состояние государственных служащих (РГИА. Ф. 560. Оп. 12. Д. 448. Л. 62).

С.М. Троицкий в работе «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII–XIX веках. Формирование бюрократии» (Троицкий, 1974: 149, 161) приводит данные о том, что в конце 50-х годов XVIII века ежегодно к уголовной ответственности за коррупционные преступления привлекалось до четырех тысяч представителей низших чинов и до семисот представителей средних чинов, случаи привлечения к судам чиновников высших чинов были единичными. Учитывая, что в 1857 году в России насчитывалось примерно 86 тыс. чиновников, доля привлекаемых к суду в различных инстанциях составляла 6 % от общего числа государственных служащих.

В печатном издании «Обзор Московской губернии... [1875]» приводится информация о том, что при проведении ревизии в поволжской губернии генерал-аншеф П.И. Панин отмечал неспособность и бездеятельность администрации и ее лихоимство (РГИА. Ф. 880. Оп. 4. Д. 1. Л. 23). С середины XVIII века и до 1917 года наблюдалась положительная динамика привлеченных к уголовной ответственности чиновников: с 220 человек в 1847 г. до 303 человек в 1883 г. и затем до 1071 человека в 1913 г. (Ерошкин, 1968: 141).

Отметим, что во всех редакциях Уложения (1845 г., 1866 г., 1885 г.) был установлен запрет на совершение сделок государственных служащих с представителями подконтрольных ведомств, так как

такие сделки могли служить прикрытием коррупционных деяний и вредить государственному бюджету. При установлении фактов таких сделок наказанию подлежали все стороны договорных отношений, а государственный служащий лишался должности (ст. 485 Уложения).

Изменения в Уложение 1885 года были внесены по инициативе Александра III (1881–1894 гг.), для чего был создан специальный Комитет. Отличительной особенностью указанной редакции стало установление равной уголовной ответственности в виде лишения свободы как уже за совершенные деяния, так и за намерение их совершить (*Уложение о наказаниях...*, 1845: ст. 35, 36). Данная редакция Уложения была введена в действие при Николае II.

Во время правления Александра III законодательно были также установлены новые запреты на отдельные действия чиновников, в частности, невозможность принятия комиссионного вознаграждения при эмиссии государственных облигаций или запрещение участия в управляющих органах акционерных предприятий. Как пример, можно привести увольнение министром финансов России И.А. Вышнеградским сотрудника его министерства И.Ф. Циона за получение от зарубежного банка комиссионных в размере двухсот тысяч рублей за действия в процессе выпуска государственного займа, а также снятие с должности министра путей сообщений А.К. Кривошеина за злоупотребления при заключении государственных контрактов (*ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 649. Л. 46*).

Особо строгое наказание в виде ссылки в Сибирь во время правления Александра III предназначалось за прямое взяточничество. Здесь примечательно так называемое «исеевское» дело 1888 года, суть которого состояла в том, что тайный советник П.Ф. Исеев, состоя в должности конференц-секретаря Академии художеств, растратил денежные средства, предназначавшиеся на финансирование возведения храма Спаса-на-крови. В растроченной сумме были как бюджетные деньги, так и деньги жертвователей, в том числе великого князя Владимира Александровича. Вина Исеева была доказана, и по решению суда он был отправлен в ссылку в Сибирь, причем ни в один из списков многочисленных последующих амнистий Исеев не был включен.

Александр III отличался прямоотой и честностью. Российский историк И.В. Зимин в своих трудах указывал, что «...царю претила коммерциализация придворной жизни» (*Зимин, 2011: 37-38*). Именно Александр III законодательно запретил совмещать службу на государственных должностях с коммерцией. Принятый по этому поводу в 1884 году закон действовал вплоть до смены государственного строя в России.

При царствовании Николая II (1894–1917 гг.) вопросы противодействия коррупции вышли на новый уровень вследствие принятия «Уголовного уложения» в 1903 году. Данным уложением дифференцированы категории «взяточничество» и «лихоимство». Период начала XX века характеризовался повышением уровня коррупции среди низших чинов государственных служащих. Точных данных о числе государственных служащих различных уровней в Российской империи в 1901–1912 годах не имеется, однако в расчете на душу населения данный показатель был ниже, чем в других развитых странах (*Писарькова, 2004: 358*).

Б.Н. Миронов в работе «Социальная история России периода империи» (т. 2) приводит следующие данные по 1910 году: численность жителей страны на одного чиновника во Франции составила 57 человек, в Германии – 79, в Российской империи – 270 человек (*Миронов, 2000: 519*).

Повышение уровня коррупции в первом десятилетии XX века связано не только с увеличением числа государственных служащих, активизацией добычи полезных ископаемых, но и военными заказами и поставками в период русско-японской войны и преддверия Первой мировой войны. Начало русско-японской войны сопровождалось ужесточением антикоррупционных мер (*Синельников, 2017*). Так, например, на служащих, уличенных в коррупционных деяниях, не распространялась амнистия, предоставленная Всемилоштивейшим Манифестом от 1.08.1904 года (*Курлов, 1992: 182*).

Расширение коррупции в начале XX века вызвало очередную волну активности в законодательстве, направленную против проявлений коррупции. В 1911 году в связи с представлением министром юстиции И.Г. Щегловитовым нового законопроекта «О наказуемости лихоимства, об усилении в некоторых случаях наказаний за мздоимство и лихоимство...» в обиход было введено само понятие «лихоимства» (*Особый журнал Совета министров, 1916*).

Интересным в рамках настоящего исследования представляется публичное обсуждение данного законопроекта, в котором предлагалось считать самостоятельным преступлением дачу взятки, что объявлялось наказуемым деянием (*Волженкин, 1991: 66*).

В ходе обсуждения законопроекта отмечалось, что неподкупность служебной деятельности составляет одно из первейших условий нормальной жизни государства, поэтому необходимо требовать и от частных лиц, чтобы они воздерживались от всяких попыток побуждать служащих к уклонению с пути строгого выполнения лежащих на них обязанностей, сам подкуп выражался в предоставлении какой бы то ни было имущественной выгоды. Комиссия по судебным реформам Государственной Думы находила возможным ограничиться установлением ответственности только тогда, когда лихоимство связывается с подкупом должностных лиц, имеющих отношение к войне или к обороне государства. Министерство юстиции, наоборот, считало более правильным поставить вопрос о наказуемости лихоимства в общем порядке.

Впервые в истории России выделялась еще одна категория наказуемых – посредников в коррупционных преступлениях. Предлагалось ввести специальное правило о наказуемости тех, кто получает имущественную выгоду для склонения должностных лиц к выполнению или воздержанию от выполнения служебного действия или к неисполнению установленной законом обязанности, либо к злоупотреблению властью или обязанностями звания, при этом определялось, что наибольшая опасность может быть причинена лиходейством в разбирательствах в сферах государственной обороны и железнодорожной службы.

Введен в действие указанный закон был только 31.01.1916 г. (Законодательные акты..., 2023). Наказуемым лиходейством признавался подкуп лиц – государственных служащих, причем сам подкуп мог выражаться в какой бы то ни было имущественной выгоде. Во многом закон 1916 г. следовал идеям законопроекта 1911 г. Закон значительно ужесточал последствия коррупционных деяний в сфере государственной обороны и злоупотребления властью. Принятию закона в чрезвычайном порядке способствовало выявление в военно-промышленном комплексе и в Главном по снабжению армии комитете Всероссийских земского и городского союзов коррупционных деяний и схем. По итогам ревизий в организациях, занимающихся снабжением армии и флота, в 1915 году к уголовной ответственности было привлечено множество чиновников различного уровня, в том числе близких к власти и имеющих определенные заслуги, среди которых можно выделить И.Ф. Манусевича-Мануйлова (Щеголев, 1930: 78) и банкира Д.Л. Рубинштейна (Николаев, 2003: 57).

Несмотря на некоторый прогресс в борьбе с коррупцией, на практике ситуация оказалась неоднозначной. Закон был принят в январе 1916 года, а в феврале этого же года в IV Государственную Думу группой депутатов был внесен законопроект «Об отмене административной гарантии», который был нацелен на упрощение судопроизводства по должностным преступлениям, поскольку депутаты считали, что принятый закон «О лиходействе» чрезвычайно затруднял уголовное преследование взяточников (Стенограмма заседаний..., 1916: 249), находившихся на государственной службе, очевидно, за счет процессуальных препятствий для расследования. Дума признала данный законопроект желательным, но движения он не имел.

Справедливости ради отметим, что в годы русско-японской войны и Первой мировой войны коррупция в высших эшелонах власти в России практически отсутствовала: не было установлено ни одного случая злоупотреблений и взяточничества.

Вступление России в Первую мировую войну стало причиной кризиса. Примечательно, что по мере усугубления кризиса, связанного с Первой мировой войной, в российской административно-правовой науке была выдвинута идея сотрудничества общества и чиновничества в его положительных аспектах. Видный ученый правовед А. Елистратов писал: «Когда жизненный опыт показывает, что публичные службы в состоянии выполнять свое назначение не иначе, как при деятельном сотрудничестве граждан, должно неизбежно вырабатываться сознание, что сотрудник-гражданин есть то же должностное лицо» (Елистратов, 1916: 76).

Начало XX века в России связывают с расширением вмешательства государства в экономику страны. С учетом одновременного развития крупного частного бизнеса создавалась благодатная почва для подкупа чиновников и политических деятелей и более изощренных форм коррупции.

Однако в Российской империи в начале XX века уже был накоплен опыт законодательных мер, направленных против действий, которые теперь относят к разным аспектам проявления коррупции (Корнева, 2011: 108).

Подводя итог, отметим, что борьба с коррупцией в дореволюционной России на протяжении длительного времени позволила добиться реальных успехов: Россия стала одной из наименее коррумпированных европейских государств, особенно в высших эшелонах власти (Ширяев, 1916: 548). Это обусловлено в первую очередь изменением бюрократических нравов под воздействием общественного мнения, а также российской системой образования государственных служащих.

Князь Оболенский, вынужденный в Германии после революционных событий в России совершить коррупционное действие в отношении полицейского (дать взятку), описывал данную ситуацию с удивлением: «Мне и в России не приходилось давать взятку, и я не мог себе представить, как я дам взятку в «честной» Германии» (Оболенский, 2017: 186).

Современное состояние в сфере коррупции в стране обусловлено социально-политическими явлениями, произошедшими в России в 1917 и последующих годах, в результате чего были уничтожены результаты длительной работы по формированию некоррумпированного бюрократического аппарата. Проецируя антикоррупционные меры, принимаемые государством в дореволюционной России, на современные реалии, полагаем, что установление высоких этических норм государственной службы, принятых служащими самостоятельно и ответственно, без боязни установленного законом наказания, не займет длительного времени, а состоится достаточно быстро.

5. Заключение

Подводя итог, отметим, что, начиная с IX–X вв., коррупция как явление уже начинает проявляться на Руси, когда действовала система кормления. В период с XVI по XVIII вв. коррупция продолжает свое развитие, проявляясь во взяточничестве, казнокрадстве, мздоимстве и лихоимстве.

В XVI в. Судебником 1550 г. установлены виды взяток и формы наказаний для их получателей. Далее период царствования династии Романовых можно охарактеризовать как период, который сопровождался фаворитизмом, произволом, корыстолюбием, раздачей привилегий в огромных масштабах. В период правления Петра I усилились наказания за получение взяток, а также была установлена ответственность за такие деяния.

Позднее, при царствовании Николая II, вопросы противодействия коррупции занимали важное положение в связи с введением в действие «Уголовного уложения».

XX век можно охарактеризовать значительным повышением активности в законотворчестве против проявлений коррупции, что впоследствии повлияло на то, что Россия стала одной из наименее коррумпированных европейских государств в дореволюционный период, особенно в высших эшелонах власти.

Литература

Андрианов, 2011 – Андрианов В.Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность. М.: Экономика, 2011. С. 3-11.

Берлин, 1910 – Берлин П.А. Русское взяточничество как социально-историческое явление // *Журнал Современный мир*. № 8, август 1910 г. С. 48-58.

Берлин, 1912 – Берлин П.А. Русское купечество и война 1812 года. Российская национальная библиотека. 2012. 120 с.

Владимирский-Буданов, 1880 – Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 2. Киев, 1880.

Волженкин, 1991 – Волженкин Б.В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX – начала XX в. // *Правоведение*. 1991. № 2. С. 60-68.

Высочайшие приказы..., 1820 – Высочайшие приказы январской трети 1820 года. СПб., 1820. Книжное издание, СПб., 1921 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/search?query=лихоимство&commit>

Стенограмма заседаний..., 1916 – Государственная дума. Созыв 4-й. Сессия 4-я. Приложения к стенографическим отчетам. СПб., 1916. Т. 2. № 66 С. 249. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/37114?query=лиходательство#mode/inspect/page/1/zoom/4>

Елистратов, 1916 – Елистратов А. Должностное лицо и гражданин / Вопросы административного права. Книга 1. М.: Т-во Тип. Мамонтова. 1916. С. 76-89.

Ерошкин, 1968 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

Зимин, 2011 – Зимин И.В. Царская работа. XIX – начало XX в. М.: Изд. Центрполиграф. Серия: Повседневная жизнь Российского императорского двора. № 485 в Отечественная история, № 233 в История России до 1917 года. 2011. 1350 с.

Ключевский, 1918 – Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве / [соч.] В. Ключевского. Петроград: 1-я Государственная типография, 1918. 333 с. Перепечатано без изменений с Московского издания 1916 года.

Ключевский, 2008 – Ключевский В.О. Курс русской истории (Лекции I–XXXII) // АСТ, 2008. 212 с.

Корнева, 2011 – Корнева Н.М. Ответственность за взяточничество по уголовно-материальному праву России XIX – начала XX в. // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2011. № 5. С. 108-120.

Курлов, 1992 – Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992.

Миронов, 2000 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. изд. 2-е, исправл. Т. 2. СПб.: Изд. «Д. Буланин», 2000. 548 с.

Николаев, 2003 – Николаев Р.В. Аферы века // АСТ Полигон, 2003. 146 с.

Обзор Московской губернии, ГПИБ, 1874 – Обзор Московской губернии ... [по годам]. М.: Губ. тип., 1871–1915. С 1870–1899 гг. является прилож. к Всеподданнейшему отчету Моск. губ. ... за 1874 год. [1875], 33, [27] с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.shpl.ru>

Оболенский, 2017 – Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники: воспоминания 1869–1920: В 2 т. / князь В.А. Оболенский; вступительная статья и комментарии К.А. Соловьева; Российское историческое общество, Государственный архив Российской Федерации. М.: Кучково поле, 2017. 1072 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Законодательные акты..., 2023 – Ответственность чиновников за взяточничество и лихоимство по дореволюционному законодательству России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alldocs.ru/zakons/index.php?from=8830>

Писарькова, 2004 – Писарькова Л.Ф. Много ли чиновников было в России? // *Отечественные записки*. 2004. № 2. С. 358-370.

Полный свод законов РИ, 1842 – Полный Свод Законов РИ (ПСЗ) I. Т. XXX.; Т. XXXI // Свод Законов РИ. СЗ РИ. Т. XV. СПб., 1842.

Псковская судная грамота, 1467 – Псковская судная грамота 1467 года. Ст. 47. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/84449

- [Полиевктов, 1914](#) – *Полиевктов М.А.* Проект бар. Гюйсена об учреждении в России фискал-коллегии (1713). М., 1914. 46 с.
- [Синельщиков, 2017](#) – *Синельщиков Ю.П.* Коррупция в России: история, состояние, причины, меры борьбы. Псков: Псковское возрождение, 2017. 92 с.
- [ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.
- [Троицкий, 1974](#) – *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII–XIX веках. Формирование бюрократии. М.: Наука. 1974. 395 с.
- [Уложение о наказаниях..., 1845](#) – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Глава 6. О мздоимстве и лихоимстве (1845). Санкт-Петербург. Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. [Электронный ресурс]. URL: <http://yadi.sk/d/чурт48yDNsnsN>
- [О фискалах..., 1714](#) – Указ от 17 марта 1714 г. Указ «О фискалах и о их должности и действии» // [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2007>
- [Хмыров, 2013](#) – *Хмыров М.Д.* Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701–1791 годы). Исторический очерк по архивным документам. М.: Изд Гос. публ. ист. б-ки (ГПИБ), 2013. 318 с.
- [Ширяев, 1916](#) – *Ширяев В.Н.* Взятничество и лихоимство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль. 1916. 574 с.
- [Шумигорский, 2014](#) – *Шумигорский Е.С.* Император Павел I: жизнь и царствование. [вступ. ст., коммент.: Л.В. Беловинский]; Гос. публ. ист. б-ка России. М.: Изд-во Гос. публ. истор. б-ки России (ГПИБ), 2014. 335 с.: портр. Печ. по изд. 1907 г.
- [Щеголев, 1930](#) – *Щеголев П.Е.* Охранники и авантюристы. М., 1930. С. 78-137.
- [Alexander, 2016](#) – *Alexander P.* Marikana Commission of Inquiry: From narratives towards history *Journal of Southern African Studies*. 2016. 42(5), 815–839
- [Buchan et al., 2014](#) – *Buchan B., Hill L.* (2014). An intellectual history of political corruption. Basingstoke: Palgrave, 2014. 233 p.
- [Gerring et al., 2005](#) – *Gerring J., Thacker S.C.* Do neoliberal policies deter political corruption? *International Organization*. 59(1): 233-254.
- [Djankov et al., 2002](#) – *Djankov S., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A.* (2002). The regulation of entry // *The Quarterly Journal of Economics*. 117(1): 1-37.
- [Hellmann, 2017](#) – *Hellmann O.* The historical origins of corruption in the developing world: a comparative analysis of East Asia. *Crime Law Soc Change*. 68. Pp. 145-165.
- [Shashkova, et al., 2021](#) – *Shashkova A., Verlaine M.* Change of tax policy model as a base for innovation development while transferring from the pre-industrial to the industrial society. *Post-Industrial Society: The Choice Between Innovation and Tradition*. 2021. Pp. 137-147.
- [Snyman, 2022](#) – *Snyman R.A.* Games of Truth in the Age of Transparency: International Organisations and the Construction of Corruption // *J Bus Ethics*. 2022. 181: 83-96.
- [Vicente, 2010](#) – *Vicente P.C.* Does oil corrupt? Evidence from a natural experiment in West Africa // *Journal of Development Economics*. 2010. 92(1): 28-38.

References

- [Alexander, 2016](#) – *Alexander, P.* (2016). Marikana Commission of Inquiry: From narratives towards history. *Journal of Southern African Studies*. 42(5): 815-839.
- [Andrianov, 2011](#) – *Andrianov, V.D.* (2011). Korrupciya kak global'naya problema: istoriya i sovremennost' [Corruption as a global problem: history and modernity]. М.: Экономика. Pp. 3-11. [in Russian]
- [Berlin, 1910](#) – *Berlin, P.A.* (1910). Russkoe vzyatochnichestvo kak social'no-istoricheskoe yavlenie. [Russian bribery as a socio-historical phenomenon]. *Zhurnal Sovremennyj mir*. 8, avgust 1910 g. Pp. 48-58. [in Russian]
- [Berlin, 1912](#) – *Berlin, P.A.* (1912). Russkoe kupechestvo i vojna 1812 goda. Rossijskaya nacional'naya biblioteka. [Russian merchants and the War of 1812]. 2012. 120 s. Po izd. М.: izd. T-va I.D. Sytina, 1911–1912, T. V. Pp. 114-120. [in Russian]
- [Buchan et al., 2014](#) – *Buchan, B., Hill, L.* (2014). An intellectual history of political corruption. Basingstoke: Palgrave, 233 p.
- [Djankov et al., 2002](#) – *Djankov, S., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A.* (2002). The regulation of entry. *The Quarterly Journal of Economics*. 117(1): 1-37.
- [Elistratov, 1916](#) – *Elistratov, A.* (1916). Dolzhnostnoe lico i grazhdanin /Voprosy administrativnogo prava. [Official and citizen /Issues of administrative law]. Kniga 1. М.: T-vo Tip. Mamontova. Pp. 76-89. [in Russian]
- [Eroshkin, 1968](#) – *Eroshkin, N.P.* (1968). Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Izd. 2-e. М.: Vysshaya shkola, 368 p. [in Russian]
- [ГАРФ](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- [Gerring et al., 2005](#) – *Gerring, J., Thacker, S.C.* (2005). Do neoliberal policies deter political corruption? *International Organization*. 59(1): 233-254.

- Hellmann, 2017** – *Hellmann, O.* (2017). The historical origins of corruption in the developing world: a comparative analysis of East Asia. *Crime Law Soc Change*. 68: 145-165.
- Hmyrov, 2013** – *Hmyrov, M.D.* (2013). Grafinya Ekaterina Ivanovna Golovkina i eyo vremya (1701–1791 gody). Istoricheskij ocherk po arhivnym dokumentam [Countess Ekaterina Ivanovna Golovkina and her time (1701–1791)]. Historical essay on archival documents]. M.: Izd Gos. publ. ist. b-ki (GPIB). 318 p. [in Russian]
- Klyuchevskij, 2008** – *Klyuchevskij, V.O.* (2008). Kurs ruskoj istorii (Lekcii I-XXXII) [Course of Russian History (Lectures I-XXXII)]. AST, 212 p. [in Russian]
- Klyuchevskij, 1918** – *Klyuchevskij, V.O.* (1918). Skazaniya inostrancev o Moskovskom gosudarstve [Tales of foreigners about the Moscow State]. [soch.] V. Klyuchevskogo. Petrograd: 1-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1918. 333 p. Perepechatano bez izmenenij s Moskovskogo izdaniya 1916 goda. [in Russian]
- Korneva, 2011** – *Korneva, N.M.* (2011). Otvetstvennost' za vzyatochnichestvo po ugolovno-material'nomu pravu Rossii XIX – nachala XX v. [Responsibility for bribery under the criminal and material law of Russia of the XIX-early XX century]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 5: 108-120. [in Russian]
- Kurlov, 1992** – *Kurlov, P.G.* (1992). Gibel' Imperatorskoj Rossii [The Death of Imperial Russia]. M.: Sovremennik. [in Russian]
- Mironov, 2000** – *Mironov, B.N.* (2000). Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century)]: v 2-h t. izd. 2-e, ispravl. T. 2. SPb.: Izd. «D.Bulanin», 548 p. [in Russian]
- Nikolaev, 2003** – *Nikolaev, R.V.* (2003). Afery veka [Scams of the century]. AST Poligon, 146 p. [in Russian]
- O fiskalah..., 1714** – On Fiscal Officers and their Positions and actions (Decree). 1714. Ukaz ot 17 marta 1714 g. [Ukaz «O fiskalah i o ih dolzhnosti i dejstvii»]. [Electronic resource]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2007> [in Russian]
- Obolenskij, 1940, 1988** – *Obolenskij, V.A.* (2017). Moya zhizn' i moi sovremenniki: vospominaniya 1869–1920: [My Life and my Contemporaries: Memoirs 1869–1920] v 2 t. Knyaz' V.A. Obolenskij; vstupil'naya stat'ya i komentarii K.A. Solov'eva; Rossijskoe istoricheskoe obshchestvo, Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. M.: Kuchkovo pole, 1072 p. [in Russian]
- Pisar'kova, 2004** – *Pisar'kova, L.F.* (2004). Mnogo li chinovnikov bylo v Rossii? [Were there many officials in Russia?]. *Otechestvennye zapiski*. 2: 358-370. [in Russian]
- Polievktov, 1914** – *Polievktov, M.A.* (1914). Proekt bar. Gyujsena ob uchrezhdenii v Rossii fiskal-kollegii (1713). [Baron Huysen's project on the establishment of a fiscal college in Russia (1713)]. M. [in Russian]
- Polnyj svod zakonov RI, 1842** – Polnyj Svod Zakonov RI [The Complete Code of Laws of the Russian Empire]. I. T. XXX; T.XXXI. Svod Zakonov RI. SZ RI. T.XV. SPb., 1842. [in Russian]
- Pskovskaya sudnaya gramota, 1467** – Pskovskaya sudnaya gramota 1467 goda. [Pskov Judgment Certificate of 1467]. [Electronic resource]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/84449 [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Shashkova et al., 2021** – *Shashkova, A., Verlaine, M.* (2021). Change of tax policy model as a base for innovation development while transferring from the pre-industrial to the industrial society. *Post-Industrial Society: The Choice Between Innovation and Tradition*. Pp. 137-147.
- Shchegolev, 1930** – *Shchegolev, P.E.* (1930). Ohranniki i avanturyisty [Guards and adventurers]. M. Pp. 78-137. [in Russian]
- Shiryayev, 1916** – *Shiryayev, V.N.* (1916). Vzyatochnichestvo i lihodatel'stvo v svyazi s obshchim ucheniem o dolzhnostnyh prestupleniyah [Bribery and fraud in connection with the general doctrine of official crimes]. Yaroslavl'. [in Russian]
- Shumigorskij, 2014** – *Shumigorskij, E.S.* (2014). Imperator Pavel I: zhizn' i carstvovanie [Emperor Paul I: Life and Reign]. [vstup. st., komment.: L.V. Belovinskij]; Gos. publ. ist. b-ka Rossii. M.: Izd-vo Gos. publ. istor. b-ki Rossii (GPIB), 335 p. [in Russian]
- Sinel'shchikov, 2017** – *Sinel'shchikov, Yu.P.* (2017). Korrupciya v Rossii: istoriya, sostoyanie, prichiny, mery bor'by [Corruption in Russia: history, state, causes, measures to combat]. Pskov: Pskovskoe vozrozhdenie, 92 p. [in Russian]
- Snyman, 2022** – *Snyman, R.A.* (2022). Games of Truth in the Age of Transparency: International Organisations and the Construction of Corruption. *J Bus Ethics*. 181: 83-96.
- Stenogramma zasedanij..., 1916** – Gosudarstvennaya дума. Sozyv 4-j. Sessiya 4-ya. Prilozheniya k stenograficheskim otchetam [The State Duma. Convocation of the 4th. Session 4. Appendices to verbatim reports]. SPb., 1916. T.2 № 66 P. 249. [Electronic resource]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/37114?query=lihodatel'stvo#mode/inspect/page/1/zoom/4> [in Russian]
- Troitskii, 1974** – *Troitskii, S.M.* (1974). Russkij absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII-XIX vekah. Formirovanie byurokratii [Russian absolutism and the nobility in the XVIII-XIX centuries. Formation of bureaucracy]. M.: Izd. Nauka, 395 p. [in Russian]

[Ulozhenie o nakazaniyah..., 1845](#) – Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh. Glava 6 O mzdoimstve i lihoimstve (1845). (The Code of Criminal and Correctional Punishments. Chapter 6. On Bribery and Extortion (1845)) Sankt-Peterburg. Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. [Electronic resource]. URL: <http://yadi.sk/d/qypt48yDNsnsN> [in Russian]

[Vicente, 2010](#) – *Vicente, P.C.* (2010). Does oil corrupt? Evidence from a natural experiment in West Africa. *Journal of Development Economics*. 92(1): 28-38.

[Vladimirskij-Budanov, 1880](#) – *Vladimirskij-Budanov, M.F.* (1880). Hrestomatiya po istorii russkogo prava. [A textbook on the history of Russian]. Vyp. 2. Kiev. P. 87. [in Russian]

[Volzhenkin, 1991](#) – *Volzhenkin, B.V.* (1991). Otvetstvennost' za vzyatochnichestvo po rossijskomu ugovolnomu zakonodatel'stvu vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Responsibility for bribery under the Russian criminal legislation of the second half of the XIX – early XX centuries]. *Pravovedenie*. 2: 60-68. [in Russian]

[Vysochajshie prikazy, 1820](#) – Vysochajshie prikazy yanvarskoj treti 1820 goda [The Highest orders of the January third of 1820]. SPb., 1820. Knizhnoe izdanie, SPb, 1921 g. [Electronic resource]. URL: <http://elibrshpl.ru/ru/nodes/search?query=lihoimstvo&commit> [in Russian]

[Zakonodatel'nye akty..., 2023](#) – Otvetstvennost' chinovnikov za vzyatochnichestvo i lihoimstvo po dorevolucionnomu zakonodatel'stvu Rossii [The responsibility of officials for bribery and extortion under the pre-revolutionary legislation of Russia]. *Zakonodatel'nye akty*. [Electronic resource]. URL: <http://www.alldocs.ru/zakons/index.php?from=8830> [in Russian]

[Zimin, 2011](#) – *Zimin, I.V.* (2011). Tsarskaya rabota. XIX – nachalo XX v. [Royal work. XIX – Early XX centuries]. M.: Izd. Centrpoligraf. Seriya: Povsednevnyaya zhizn' Rossijskogo imperatorskogo dvora. № 485 v Otechestvennaya istoriya, № 233 v Istoriya Rossii do 1917 goda. 1350 p. [in Russian]

Эволюция преступлений и наказаний коррупционной направленности в России

Анна Владиславовна Шашкова ^{a, *}, Галина Валерьевна Гудименко ^b,
Екатерина Валерьевна Кудряшова ^c, Лада Олеговна Гордейченко ^a

^a Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России, Российская Федерация

^b Калининградский государственный технический университет, Российская Федерация

^c Сибирский Университет потребительской кооперации, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается эволюция категории «коррупция» в дореволюционной России, а также различные ее проявления и наказания за коррупционные действия. Авторами проанализированы многочисленные законодательные акты, действующие в различные периоды существования российского государства, а также меры, которые были приняты на государственном уровне по противодействию коррупции. По мнению авторов, возникновение коррупции связано, прежде всего, с ожиданием значительных выгод от коррупционных действий, влиянием решений чиновников на распределение ограниченных ресурсов. Становление Российской империи сопровождалось такими явлениями, как фаворитизм, злоупотребление властью, раздача привилегий, лихоимство и мздоимство. С течением времени государство стало уделять огромное значение вопросам противодействия коррупции: было принято множество законодательных актов антикоррупционной направленности, уличенные в коррупции чиновники подвергались наказанию вне зависимости от чинов и заслуг, был установлен запрет на совмещение государственной службы с занятием коммерцией и др. В процессе исследования установлено, что к концу XIX века был накоплен опыт законодательных и социальных мер, направленных против коррупционных преступлений. Указанные действия государства привели к тому, что в начале XX века в России коррупция в высших эшелонах власти практически отсутствовала, не было установлено ни одного случая злоупотреблений и взяточничества. На низшем и среднем уровнях власти проявления коррупции имелись, но меры, предпринимаемые руководством страны по противодействию коррупции на протяжении длительного времени, позволили добиться реальных успехов в дореволюционной России и стать одним из наименее коррумпированных европейских государств.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, Свод законов, Судебник, Псковская судная грамота, коррупция, лихоимство, мздоимство, противодействие коррупции, антикоррупционная государственная политика, антикоррупционные меры.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.shashkova@inno.mgimo.ru (А.В. Шашкова),
gudimenkogala@gmail.com (Г.В. Гудименко), ev_kudryashova@inbox.ru (Е.В. Кудряшова),
ladagordey@gmail.com (Л.О. Гордейченко)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 15-28
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.15

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Cherkasovs (Keretskys): During the Period of the Muscovite Kingdom (to the 450th Anniversary of the Cherkasov Family)

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The paper examines the history of the Cherkasov family from Kereti during the period of the Muscovite Kingdom. The attention is given to the first five generations in the history of the family, who lived in the period from 1570 to 1725. The source base of our research is based on archival materials from the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow, Russian Federation), as well as the Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation).

In conclusion, the author states that the history of the Cherkasovs from Kereti today has 17 generations, which fell on the period from 1570 to the present. At the same time, the family history of the period of the Moscow Kingdom is only the first five generations (1570–1725): the initial chronological point is associated with the birth in 1570 in the Zaporozhian Sich (territory of the Polish–Lithuanian Commonwealth) of a Cossack named David (1st generation), and the final one with the death in 1725 of a representative of the 5th generation Prokopii Antonovich Cherkasov. With the death of Prokopii Antonovich, an entire epoch came to an end – an epoch in which a representative from the 2nd generation of the Cherkas Davydov family, the son, stays from the Polish-Lithuanian Commonwealth to the territory of the Moscow Kingdom, serves in its military formations and settles in Kereti. Cherkas's sons, who continued their father's work, also receive excellent military training. Cherkas' grandson Anton participates in the defense of the Solovetsky Monastery, and his great-grandchildren serve in the Streltsy army and take part in hostilities. During this era, all four generations of Cherkasovs from Kereti (2nd – 5th generations) were directly related to military service in the Muscovite Kingdom either as part of military men or as part of the Streltsy army. This allows us to talk about the Cherkasovs from Kereti as a family of sovereign servants of the period of the Moscow Kingdom.

Keywords: Cherkasovs (Keretskys), family history during the Muscovite kingdom, 1570–1725, the Polish-Lithuanian Commonwealth, Muscovy kingdom.

1. Введение

Черкасовы (Керетские) или Черкасовы из Керети – это старинный казачий старообрядческий род, вышедший из Речи Посполитой в Московское царство на рубеже XVI–XVII вв. В 17-ти поколениях этой семьи сегодня насчитывается около 400 судеб. В данной работе мы хотели бы уделить внимание первым пяти поколениям этой семьи, годы жизни которых пришлось на период Московского царства.

2. Материалы и методы

Источниковая база нашего исследования опирается две группы исторических документов: архивные документы и сборники опубликованных документов. К первой группе относятся архивные материалы из Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация),

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

а также Архива Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Ко второй группе мы относим «Акты Московского государства» (Акты..., 1890), «Сборник грамот Коллегии экономии» (Сборник грамот, 1929), а также сборник «Копии с древних царских грамот...» (Копии с древних..., 1834).

Методология нашего исследования представлена общеисторическими принципами и методами, среди которых важное значение имеют принципы историзма, системности и объективности. Важность этих принципов объясняется тем, что наше исследование построено за счет широкого привлечения как архивных, так и опубликованных источников, а также опирается на обширную историографию. Также в работе традиционное внимание уделено хронологическому методу для того, чтобы выстроить исследование с учетом хронологической последовательности событий, происходящих на Русском Севере.

3. Обсуждение

Историография нашего исследования, как уже указывалось в методах, обширна, и она состоит из трех групп работ: первая группа посвящена черкасской колонизации, вторая группа – Русскому Северу периода Московского царства, а третья группа – истории рода Черкасовых из Керети.

К первой группе работ мы хотели бы отнести следующие работы: труд Н.М. Багновской о происхождение термина «черкасы» (Багновская, 2016) и близкой этой теме работе А.И. Папкова о терминах «черкасы» и «люди литовские» (Папков, 2012), знаменитый «Ономастикон» С.Б. Веселовского о древнерусских именах, прозвищах и фамилиях (Веселовский, 1974), работу А.И. Папкова, В.В. Савиной о расселении черкас на южных границах Московского царства (Папков, Савина, 2013), труд И.П. Каменецкого об атамане Черкасе Александрове и его потомках (Каменецкий, 2021), а также его же работа о черкасах на службе в Сибири (Каменецкий, 2023), и, наконец, работу Г.Ю. Колевой о казаках «литовского списка» в Сибири (Колева, 2014).

Вторая группа работ относится к Русскому Северу в период Московского царства. Среди дореволюционных работ по этой теме можно назвать работу соловецкого архимандрита Досифея об истории монастыря за 400 лет (Досифей, 1833) и «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии» (Краткое..., 1898). В советское время были изданы следующие труды: Е.Д. Сташевского о Смоленской войне 1632–1634 гг. (Сташевский, 1919), книга Р.Б. Мюллера «Очерки по истории Карелии» (Мюллер, 1947), а также труд Г.Г. Фруменкова о Соловецком монастыре и обороне Беломорья (Фруменков, 1975). В современный российский период авторы продолжали разработку данной темы. Так, в 1998 г. вышла работа А.Т. Шашкова «Еретики в Сибири» (Шашков, 1998), в 2014 г. О.В. Комаров обращался к теме ратных людей на территории поморских городов периода Московского царства (Комаров, 2014), и, наконец, Е.М. Проскуракова рассматривала иноземцев в полках пашенных солдат в Олонецком уезде (Проскуракова, 2018).

Что касается третьей группы работ, то историография, посвященная семье Черкасовых из Керети, насчитывает сегодня более 30 работ, в ней присутствуют как биографические очерки известных представителей, так и общеисторические произведения. Среди биографических очерков мы могли бы назвать работу, посвященную чиновнику МВД периода Российской империи Павлу Ивановичу Черкасову (1883–1931 гг.) (Cherkasov, 2023), труд, посвященный боевому пути А.Т. Кемова в годы Первой мировой войны (Cherkasov, 2023a), статью о семье И.Ф. Черкасова (Cherkasov, 2022), боевой путь в годы Второй мировой войны И.И. Черкасова (Черкасов, 2022), биографический очерк об А.П. Черкасове (Черкасов, 2022a), работу о разработке лучшего изобретателя Камчатки П.И. Черкасова (Егоров, 1985), а также труд, приуроченный к 20-летию научно-педагогической деятельности А.А. Черкасова (Tarakanov, Ludwig, 2019).

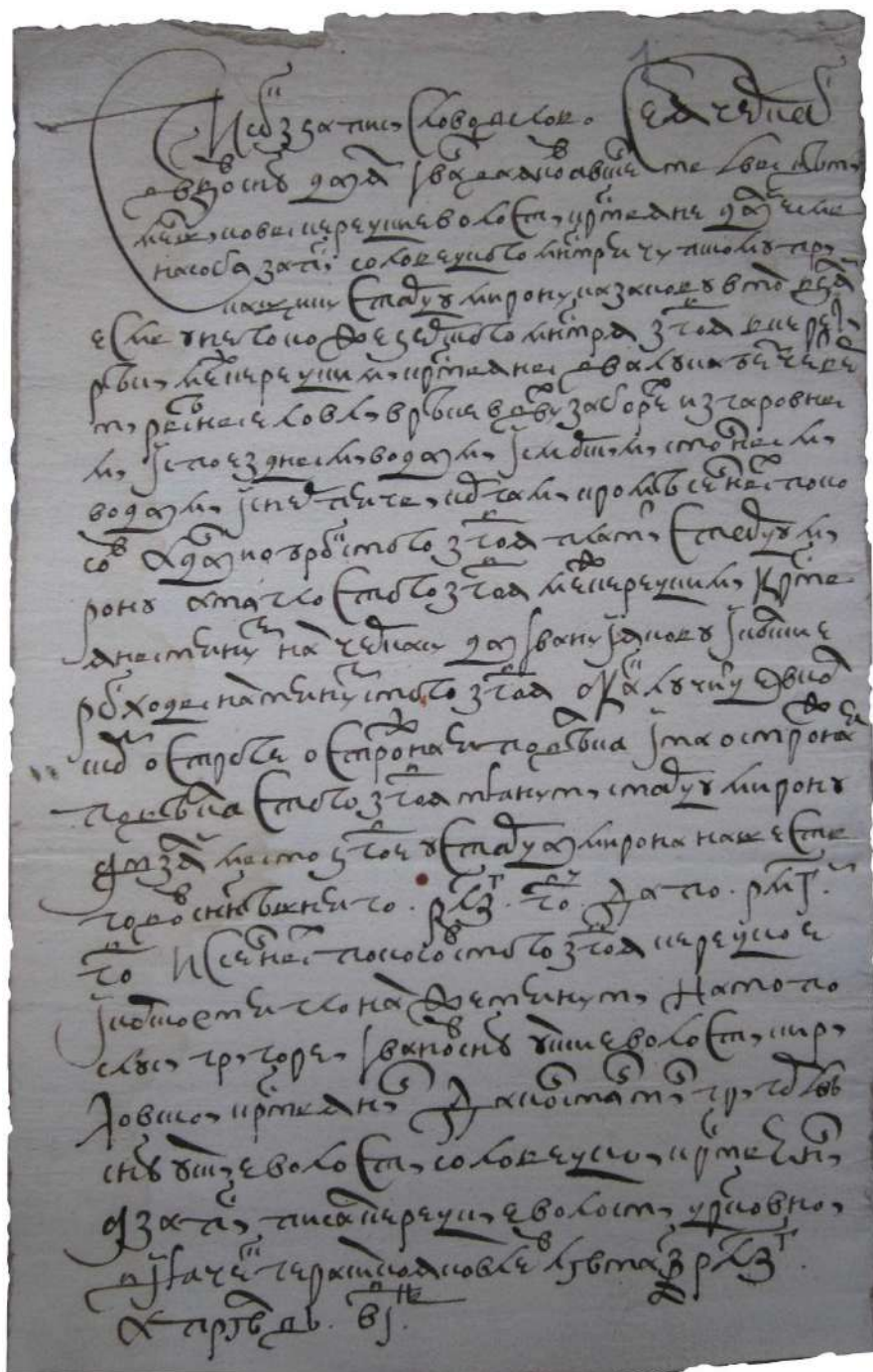
Среди общеисторических работ мы можем назвать историко-генеалогические исследование о семье Черкасовых (Cherkasov, 2021) и попытку создания родового календаря (Cherkasov, 2021a).

4. Результаты

В истории любой семьи есть градообразующий документ: у кого-то это метрическая запись начала XX века о рождении прадеда из регионального архивохранилища, у кого-то это записи из писцовых книг первой половины XVII века. К числу вторых относится и старинный казачий род Черкасовых из села Кереть, проживавший здесь со времен Московского царства.

Градообразующий документ – это документ особенный, его отличительными чертами для генеалогии являются наиболее ранняя датировка с указанием персональных сведений о члене семьи.

Для Черкасовых (Керетских) такой документ был датирован 12 апреля 1629 г. и назывался он: «Порядная запись крестьян Керецкой волости Черкаса Давыдова, Ивана и Якова Авксентьевых Меншиковых на два лука без четверти угодий Княжеозерского монастыря в Керети, данная им Чупскому прикащику (список)» (Рисунок 1) (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 34. Л. 1).

Рис. 1. Градообразующий документ по истории Черкасовых из Керети. Порядная запись крестьян. 12 апреля 1629 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 34. Л. 1)

В документе были приведены следующие сведения: «Список з запису слово в слово. Се я Черкас Давдов сын, да я Иван, да Яков Авксентьевы дети Меншиковы Керецкие волости крестьяне дали есме на себя запись Соловецкого монастыря Чупскому прикащику старцу Мирону Казакову, в том взяли есме у него Кожезерского монастыря згодья в Керети реки меж Керецкими крестьяны два лука без четверти рыбныя ловли в реке в двух заборех и з гаровными, и с поездными водами, и с морскими сточными водами, и с керпячы (?) и коргами, кроме сенных покосов, а дань и оброк с того згодья платить старцу Мирону а тягло того згодья меж керецкими крестьяны тянуть нам Черкасу да Ивану и Якову и кольские росходы нам тянуть с того згодья а как лучитце в Кольском остроге острожная поделка и та острожная поделка с того згодья тянути старцу Мирону, а взяли место згодье у старца Мирона на шесть годов с нынешнего РЛЗ (137, 1629) да по РМГ (143, 1635) год, и с сенных покосов с того згодья Керецкое и Кольское тягло нам же тянуть на том послуши Григорей Иванов, сын Умские волости, Кириловской крестьянин, да Константин Григорьев, сын Умские волости, Соловецкой

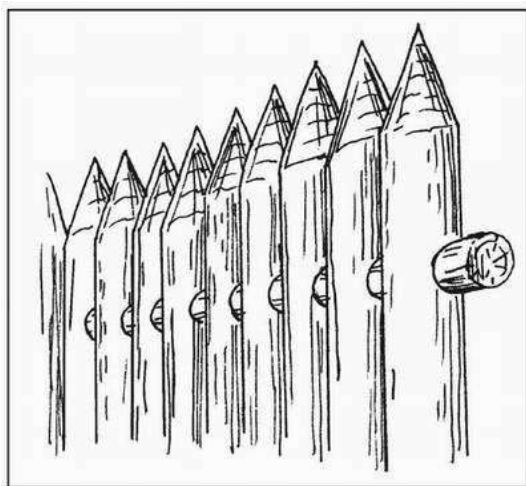
крестьянин, а запись писал Керецкие волости церковной дьячек Герасимко Яковлев лета 7137 апреля в 12 день» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 34. Л. 1).

Комментируя представленный нами источник, мы должны пояснить, что Кереть относилась к промысловой территории, земледелие здесь развито не было, поэтому единицей налогового обложения населения здесь был лук, а доход с луковых угодий взимался продуктами местных промыслов, например, белками, куницами, соколами и т.д. (Мюллер, 1947: 25).

Для того чтобы получить представление о Керети – месте проживания представителей рода Черкасовых, мы обратимся к истории. Сделаем краткий исторический очерк о Керети в XVI – начале XVII вв. Уже в середине XVI века (данные на 1553 г.) в Кемской волости, куда относилась и Кереть, имелось 96 жилых дворов со 146 человеками тяглового населения и 63 казаками (Мюллер, 1947: 88). Кереть была в это время приграничной территорией Московского царства. Эта территория сравнительно недавно была присоединена к России (в 1478 г. после падения Новгородской республики) и поэтому, по мнению соседей (шведы и каянские немцы), была спорной.

Первые столкновения населения Поморья с внешним врагом относятся к 1579–1580 гг. в это время каянские немцы сделали набег на Кемь. Затем в 1590 г. на Кемь напали шведы и опустошили всю Кемскую волость (Краткое..., 1898: 112).

Для обороны Карельского берега в конце XVI века Соловецким монастырем¹ предпринимаются усилия для создания узлов сопротивления. В 1591 г. был построен Сумский острог, в 1593–1598 гг. построена Кемская крепость и Кемский укрепленный городок. Помимо этого, монастырем в это время были укреплены и два крупных поморских села: Кереть (Керецкое) и Сорока (Сороцкое). В Сороке, например, двор огородили «спереди стоячим тыном, а позади в забор», а в Керети монастырь обнес свои помещения забором из тына (Рисунок 2) (Фруменков, 1975). Керетские и Сороцкие сооружения уступали по своей мощности Сумскому и Кемскому детинцам, но это были самые настоящие средневековые укрепления. Обороняли монастырские укрепления, помимо стрельцов, ратные люди из числа местного населения.

Рис. 2. Защитное сооружение (тын)

В тыне делали несколько проходов-ворот для связи населенного пункта с внешним миром. Процесс включал заготовку и обработку леса, транспортировку материала, рытье рвов и канав, сборку конструкций. На строительство таких укреплений уходило несколько месяцев и труд мастеров-плотников и их помощников.

С учетом того, что все крупные населенные пункты Русского Севера были укреплены и едва ли не поголовно удерживались местным населением, шведский король Иоанн III в 1590 г. в инструкции командиру своих экспедиционных войск рекомендовал сжигать русские населенные пункты, а людей и добычу отправлять в Швецию. Только так, по его мнению, можно был исключить русское присутствие на Севере. В сентября 1591 г. шведские экспедиционные части пересекли границу Московского царства и приступили к реализации своего плана в Поморье. Однако взять Сумский острог в ходе нападения не удалось, и шведы отступили. В 1592 г. последовало второе нападение, в ходе которого шведы «опустошили все Поморье, истребили хлебные магазины, соляные варницы, весь скот, опустошили рыбные тони, многих крестьян взяли в плен, ограбили и сожгли церкви». Кереть была взята приступом, и ее церкви были сожжены (Сборник грамот, 1929: 470). Шведы подступили к Сумскому острогу и здесь вновь были разбиты. В Сумском остроге оборонялись

¹ Монастырь построен во времена Новгородской республики. Первое упоминание 1429 г.

стрельцы Соловецкого монастыря и крестьяне – ратные люди, значительная часть которых была казаками-переселенцами из Речи Посполитой.

Самый крупный поход шведских войск на Поморье состоялся в 1611 г., согласно шведским планам, предусматривалось присоединить захваченные земли к Швеции. Поход начался в марте 1611 г. с общим направлением на Суму и Соловки, в нем участвовало 1,5 тыс. человек. Вторгшись в русские пределы, шведы разорили 11 русских селений. Крестьяне, которые практически поголовно были ратными людьми разоренных русских селений, сгруппировались в отряды и приступили к партизанской войне. В результате шведы, двигаясь вдоль реки Кемь, так до Белого моря и не дошли и от деревни Чупы начали организованное отступление в свои пределы.

Итак, во второй половине XVI – начале XVII вв. Русский Север представлял собой зону активных боевых действий, где столкнулись интересы Швеции и Московского царства. В таких условиях Москва искала себе потенциальных союзников, и ими стали начавшие в это время активную миграцию из Речи Посполитой в Московское царство казаки-черкасы.

Сразу скажем, что казачество в землях Речи Посполитой начало создаваться еще в начале XVI века. В казачество в это время «бежало из Польши и Руси угнетенное крестьянство... беспокойные души из среды шляхетской молодежи, и люди... от возмездия правосудия» (Колева, 2014: 130). В результате польской администрацией было решено использовать этот элемент в интересах государства. Так, в регулярном польском войске после польского рыцарства (польских гусар) на втором месте стояла «храбрая конница казаков», затем шла артиллерия и пехота (Колева, 2014: 130).

Как отмечает Н.М. Багновская: «о социальной окраске исторического названия «черкас» свидетельствуют источники XVI в. – это своеобразный вольный казак, воин. В это время почти ни одна война и военное столкновение не обходилось без участия черкас. В различных документах они фигурируют либо в войске польских королей, либо на службе у крупных польских магнатов» (Багновская, 2016: 24).

В 1550-х гг. казаки-черкасы появляются и на Русском Севере. Известно, что таможенную службу в районе Каргополя несли 60 казаков, которые выполняли этот функционал ни как работники, а как служилые люди.

В 1588 г. в Путивле был отряд из 25 черкас под командованием Агея Мартынова. В этом же году на Поле был послан отряд из 50 черкас и охочих казаков во главе с атаманом Яковом Лысым. Эти отряды применялись для предотвращения набегов так называемых «воровских черкас», осуществляющих разбойные набеги в русские пределы (Папков, Савина, 2013: 51).

В 1589 г. на службу в Путивль перешли 15 запорожцев под предводительством атамана Федора Гороховского (Папков, Савина, 2013: 51). В 1590 г. на Русском Севере отмечались каневские черкасы, то есть запорожцы из города Канев (Черкасская область). В отряды на Русском Севере объединялись и так называемые охочие казаки – вольные казаки. В том же 1590 г. в войске Соловецкого монастыря находился отряд из 50 охочих казаков. Охочие казаки имели своих атаманов и представляли собой организованные отряды.

В 1590 г. староста Каргопольского уезда собрал с монастырских деревень Спасского-каргопольского монастыря 400 ратных казаков для участия в походе на каинских немцев (финнов). Каргопольские казаки принимали активное участие и в обороне Каргопольской крепости в 1612 г.

Взглянем на состав русского экспедиционного отряда, который ходил в ответный набег зимой 1591–1592 гг. Так, в этот набег ходили: «устюжан 300 человек, усольцев 200 человек, каргопольцев 400, двинян 400, заонежан 800 человек, с поморских волостей и озерок 150 человек да вольных казаков 40 человек» (Комаров, 2014: 19–20). Отсюда становится понятным, что главный ресурс для набегов на шведскую территорию черпался из состава местного населения, большинство из которых составляли казаки. Причем оплата жалования ратным людям за набег осуществлялась за счет средств самого Соловецкого монастыря (Комаров, 2014: 20). Об этом походе есть конкретизация, оставленная архимандритом Досифеем: «Зимой 1591 г. воевода Степан Борисович Колтовский со Смирным Шокуровым, московскими стрелецкими головами Василием Багрянцевым, Андреем Оничковым, Григорием Брянцовым и отрядом из 1300 ратников и 40 серпуховских «черкас» (казаков) под командой атамана Василия Халетцкого перешли шведскую границу, разорили все жилища по рекам Овлуе и Сиговке, в волостях Островской и Колокольской и взяли приступом Леменгинский острог» (Досифей, 1833: 88–89).

В октябре 1592 г. казачий отряд из 102 охочих казаков во главе с атаманом Максимом Рячиным напал на шведскую заставу (400 солдат и 8 пушек) и захватил ее. Пушки были в последствии переданы в Соловецкую крепость.

В 1592 г. в составе русского отряда для Каинского похода, помимо прочих людей, насчитывалось 90 человек – панов и черкас, то есть выходцев из Речи Посполитой.

В 1594 г. в Путивле находилось 50 черкас, не имевших собственной земли и получавших только жалование деньгами и хлебом. Примерно в это же время, в период 1594–1597 гг. под Рязанью были зафиксированы случаи наделения черкас землей (Папков, Савина, 2013: 52).

Однако ратные люди собирались не только для набегов, но и для защиты своей территории. Напомним, что основную массу польско-литовских войск, наводнивших Московское царство в Смутное время начала XVII века, составляли черкасы (к примеру, в 1613 г. под Тихвином действовало два полка черкас: полковника Сидорко и полковника Барышпольца (Акты..., 1890: 82)). В октябре 1613 г. царским указом для населения Подвинья требовалось против воровских черкас, наступавших на Вагу и Каргополь, «прислать ратных людей с огненным боем и со всяким ратным оружием двести человек наспех» (Комаров, 2014: 21).

Рис. 3. Зона влияния Соловецкого монастыря на Русском Севере в конце XVI века

Согласно [Рисунку 3](#) видно, что Соловецкий монастырь в приграничных районах имел 4 укрепленных населенных пункта: крепость Кемь, Сумский острог и два укрепленных села – Кереть и Сороцкое. На жительство в эти населенные пункты направлялись казаки-черкасы, переходящие на жительство из Речи Посполитой. Эти казаки в Московском царстве назывались «иноземцами» и они играли важную роль, например, в освоении Сибири (Колева, 2014: 133).

Существовало несколько способов попасть черкасам в Московское царство. Один из таких способов был описан в работе А.Т. Шашкова «Еретики в Сибири в первой половине XVII в.»: в 1615 г. когда литовские черкасы осуществили набег на соловецкие промыслы, в Сумский острог «отъехал от литовских полков черкашенин, Михалком звали, а сказал, что он русский казак, родом черниговец». Позднее выяснилось, что черкас родом из Литвы, а не из Чернигова (Шашков, 1998: 279).

В начале XVII века среди служилых людей Московского царства фигурировали и «иноземцы» («литва», «немец», «черкасы» и т.д.) (Колева, 2014: 127). Как мы уже отмечали, иноземцы на русской службе начинают появляться со второй половины XV века. Литовские и немецкие люди в составе русских вооруженных сил в количестве 2 тыс. человек находились еще в эпоху Василия III (1479–1533 гг.), в это же время они стали включаться в аппарат управления. Особенно возросло число представителей иноземного элемента в Московском царстве в период Смутного времени и в процессе ликвидации его последствий.

Интересно отметить, что наиболее распространенным оружием у переселяющихся на территорию Московского царства черкас из Речи Посполитой были сабля и пищаль, но некоторые были и с простой «рогаатиной» (Брезгунова, 2019: 30).

Однако вернемся к Керети. О наличии казаков в селе Кереть в начале XVII в. мы получаем сведения из грамоты Соловецкого монастыря за № 149 за 1613 г. «О защищении от притеснений и насильств керецких монастырских бобылей и казаков от волостных керечан, которые налажали на них тягло» (Копии с древних..., 1834: 100б.). Нужно понимать, что в это время Соловецкому монастырю в Керецкой волости принадлежало лишь ¼ всех жителей и угодий.

По всей вероятности, конфликт между монастырем и волостным керетским правлением так и не был исчерпан. Так, 1625 г. в грамоте за № 216 отмечалось: «Грамота о том, чтобы соловецких старцев и слуг и крестьян Керетской волости защищать от насильства и налогов мирских людей» (Копии с древних..., 1834: 140б.).

Тем временем обстановка на Русском Севере продолжала оставаться напряженной. Так, в 1623 г. четыре датских военных корабля появились у устья р. Колы. Сделать открытое нападение на Кольский острог они так и не решились, и ограничившись нападением на русские промысловые суда, удалились.

По наблюдению историка Смоленской войны Е.Д. Сташевского, в Россию с 1629 г. хлынул целый поток иностранцев, среди которых было много профессиональных военных (Сташевский, 1919: 37).

В это же время в 1629 г. в Соловецкий монастырь и в Сумский острог прибыл на службу воевода Михаил Спешнев (Копии с древних..., 1834: 15). Одновременно с ним в Керети появляется и Черкас, Давыдов сын, который в этом году, согласно порядной записи крестьян, получает угодия для экономического обеспечения своей семьи. Этот первый градообразующий документ для истории семьи Черкасовых дает нам представление не только о пребывании в Керети 12 апреля 1629 г. крестьянина по имени Черкас, но и данные о том, что его отцом был Давыд. Важно также понимать, что в первой половине XVII века у керетских крестьян дворы никто по сословному принципу не различал. Кереть являлась вотчиной великого князя и государя, и там выделяли только двор священника, а все остальные были крестьянскими дворами, при этом среди крестьян, например, значился сотник Оборин (вероятно, из стрелецкого войска Соловецкого монастыря). То есть детализацию на казачьи дворы и дворы служащих никто не делал.

О возрасте Черкаса Давыдова сына в документе ничего не было сказано, возраст не указывался и позднее в документе 1635 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 47. Л. 4). Лишь благодаря данным о его потомках мы можем установить примерный возраст Черкаса. Так, правнук Черкаса – Прокопий Антонович Черкасов родился в 1659 г. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 20. Л. 135), исходя из этого, мы можем с высокой степенью вероятности предположить, что отец Прокопия – Антон Иванович родился примерно в 1638 г. (в документах 1635 г. его еще не было), а дед Прокопия – Иван Черкаса (или Черкасов) сын родился в 1610 г. Таким образом, если предположить, что сын и внук Черкаса родили своих сыновей в молодом возрасте (20–25 лет), то мы можем назвать примерный год рождения Черкаса, а именно – 1590 г. Используя ту же разницу лет между поколениями, можно предположить, что отец Черкаса Давыд родился в Речи Посполитой на территории Запорожской Сечи не позднее 1570 г. Именно таким образом мы установили начальную дату истории семьи Черкасовых из Керети.

Продолжим. В 1629 г. Черкас пребывает в Кереть, в то время ему было около 40 лет, с ним были два сына, имя одного из сыновей нам удалось установить – это был Иван, примерно 1610 года рождения, имя второго сына в настоящее время остается неизвестным. Мы не исключаем, что в семье была жена и дочери, но женщин в переписных документах первой половины XVII века не указывали.

О причинах прибытия Черкаса с семьей в Кереть ничего достоверно неизвестно, мы не обнаружили следов Черкаса Давыдова сына ни в Соловецком монастыре, ни в других населенных пунктах на берегу Белого моря. Хотя резонно предполагали, что, скорее всего, свое имя Черкас получил, находясь на военной службе в Московском царстве.

В поддержку последнего тезиса обратимся к ономастике имени Черкас. В рассматриваемое нами время было значительное количество исторических персон с именем или прозвищем Черкас. Так, среди известных лиц с этим именем был сподвижник Ермака, будущий атаман Черкас Александров¹ (Каменецкий, 2021: 98), который был направлен в 1594 г. из Тобольска для строительства Тарского города (Каменецкий, 2023: 79). Другой известный в Сибири Черкас был администратором в Тобольске «сын боярский» Черкас (он же Василий) Рукин (Каменецкий, 2023: 84). Помимо этого, в документах за 1518 г. встречается литовский воевода Черкас Хрептов. В знаменитой работе С.Б. Веселовского «Ономастикон. Древние имена, прозвища и фамилии» упоминается и имя Черкас в качестве мужского имени. Поясним, что книга С.Б. Веселовского представляла собой справочник по именам, прозвищам и фамилиям Северо-Восточной Руси XV–XVII вв. и была подготовлена на основе обширного количества опубликованных и неопубликованных источников (летописи, акты, разряды и др.). Так, в материалах за 1600 г. имеется упоминание Черкаса Тугаринова, сына Мякинина (Веселовский, 1974: 351). Мякинины были известны с 1452 г. Так, Александр Мякинин был послан из Москвы на Вятку проводить людей ко кресту (Веселовский, 1974: 210). Судя по этим примерам, мы можем говорить о том, что мужчины с именами Черкас были выходцами из казачьих семей, члены военных формирований, имели черкасское происхождение, находились на военной и государственной службе как в Московском царстве, так и в Речи Посполитой. Однако самое главное, что носители этого имени или прозвища получали имя Черкас вдали от родины, вдали от казачьих территорий. То есть имя Черкас эти люди получили, будучи на иноземной службе, так как в среде самих черкас (в казачьей среде) такое прозвище не имело никакого смысла, ибо там были распространены обычные православные имена.

Еще раз получить прозвище «Черкас» в XVI – начале XVII века мог только человек – член военных формирований, отличившийся на военной службе, как правило, командир отряда наемников или казаков, находящийся на службе вдали от исторической родины.

Итак, имя Черкас в XVI–XVII вв. фигурировало в летописях и разрядах, указывая на казачье происхождение носителя этого имени, выходца из черкасской среды. Когда Черкас Давыдов сын пребывает в Кереть, а пребывает он, когда ему уже почти 40 лет, то он называет себя Черкасом. С учетом вышеизложенного, такое могло произойти только при одном обстоятельстве, а именно:

¹ Впрочем, имеются также данные, что у Черкаса Александрова имя Черкас было прозвищем, а настоящее его имя было Иван.

черкасский казак прибыл в Московское царство в более ранний период, находясь на службе (возможно атаманом отряда охочих людей) его долго называли по прозвищу Черкас. Проведя много лет на службе, в конечном итоге его прозвище стало его именем. Здесь он женился, родил детей и в 40-летнем возрасте по каким-то причинам покидает государеву службу. В результате его определяют на жительство в приграничную Кереть в качестве крестьянина-ополченца, то есть потенциального ратника. В поддержку этого тезиса отметим, что в Керети проживало значительное количество черкасских казаков, но никто из них не имел ни имени, ни прозвища «Черкас», ни до, ни после прибытия Черкаса Давыдова сына. С учетом вышеизложенного мы можем выдвинуть гипотезу, что Черкас Давыдов сын появился в Московском царстве в первом десятилетии XVII в. где долгое время находился на государственной службе, и именно на ней получил свое имя – Черкас.

В 1635 г. появляется второй из обнаруженных в настоящее время документов, в котором нашла свое отражение семья Черкаса Давыдова сына. Это перепись государевых дворов села Кереть, проведенная в 1635 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 47. Л. 4).

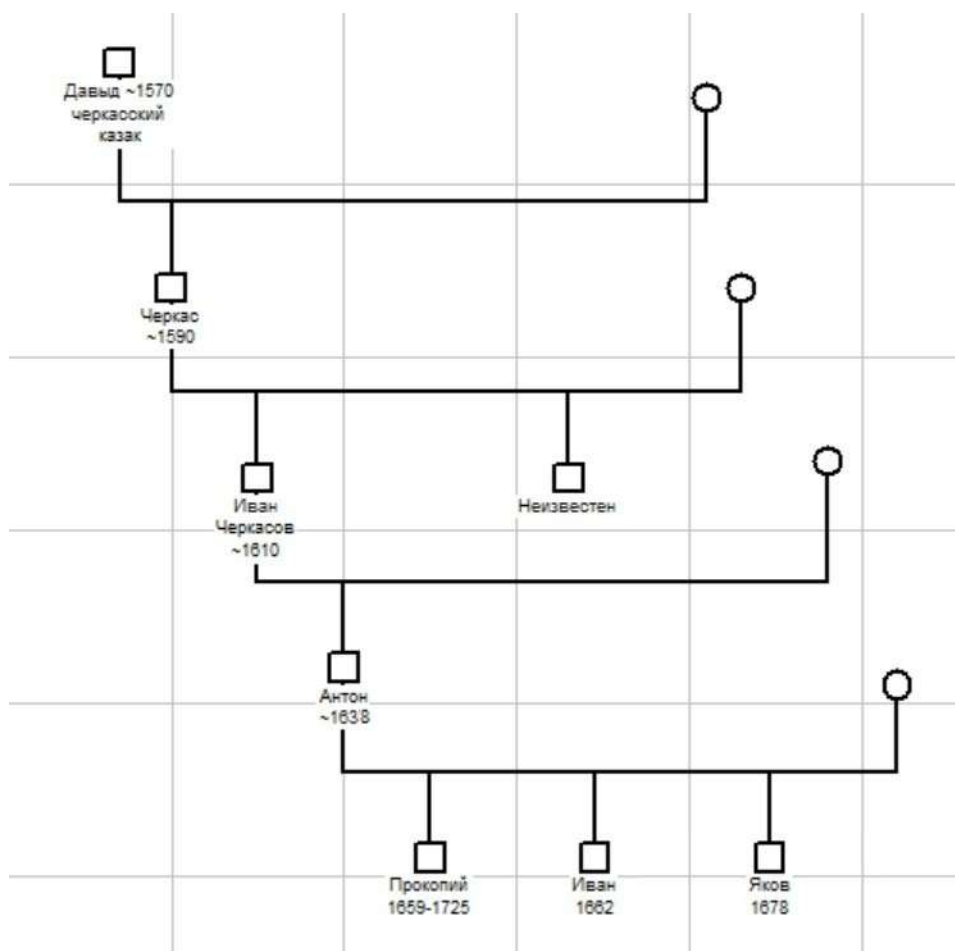
Предыстория этой переписи такова: в 1634 г. ¾ Керетской волости со всеми угодьями, которые ранее были за государем, были переданы во владение Соловецкому монастырю (Копии с древних..., 1834: 170б.). Для этого в 1635 г. была сделана перепись 40 государевых дворов и среди них находился двор Черкаса Давыдова сына. Цитируем: «Двор Черкаса Давыдова, а у него два сына згодья за ним и пол третья лука, да за ним же на потягле Кижезерского згодья два лука без четверти» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 47. Л. 4). Согласно этому источнику, мы можем видеть, что выданные в 1629 г. сроком на 6 лет для него угодья продолжали в 1635 г. оставаться за ним. При этом в документе был уточнен и состав семьи (два сына).

К сожалению, это все имеющиеся исторические следы о жизни в Керети Черкаса Давыдова сына (или Черкаса Давыдовича). От себя можем добавить, что ввиду специфики своего проживания на границе, в семье Черкаса большое внимание уделялось военной подготовке сыновей. Выходец из казачьей семьи, Черкас, по все вероятности, родился и воспитывался в Запорожской Сечи. Где особое внимание уделялось физическому развитию члена их военного общества. Казачья молодежь постоянно совершенствовала свои навыки в соревнованиях по гребле, плаванию, нырянию, бегу, прыжкам, конной подготовке, стрельбе, фехтованию, а также различным видам борьбы. Взрослые казаки, помимо этого участвовали в суровых кулачных боях. Современники – очевидцы кулачных боев, говорили о запорожцах: «Зачем им пушки, если у них такие отличные кулаки?». В подобных условиях пребывание в запорожском обществе слабых людей было просто невозможно. Именно поэтому аналогичное военное воспитание получили и дети Черкаса. Косвенные и прямые следы о военной службе потомков Черкаса мы будем обнаруживать и далее, но обо всем по порядку.

Очередной документ из обнаруженных был датирован 1668 г., то есть спустя 33 года. В переписи населения села Кереть от 16 января 1668 г. мы встречаем следующую запись: «во дворе Антошко Иванов, у него детей Пронка, Ивашко» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. Л. 122об.-123). Последующими изысканиями было установлено, что Пронка – это никто иной, как Прокопий Антонов сын Черкасов (1659–1725 гг.), а Ивашко – его брат Иван, родившийся в 1662 г. После того как была установлена прямая родственная связь между Черкасом Давыдовым сыном и его правнуком Прокопием Антоновичем Черкасовым, мы смогли заполнить недостающие пробелы (См. Рисунок 4). Помимо этого, мы находим семью Антона Иванова сына и в переписных документах 1676 г. Так, в переписи в этом году значатся: «Боббль Онтошка Иванов, у него три сына: Пронка да Ивашко – 10 лет, Якушко – полутретьих лет» (Сборник грамот, 1929: 530-535). Благодаря этой информации был установлен примерный возраст братьев Прокопия – Ивана и Якова.

Вообще, этот период между переписью 1668 и переписью 1676 гг. очень интересен, так как именно в это время происходило восстание Соловецкого монастыря против реформы патриарха Никона (восстание началось в 1668 г., а закончилось в 1676 г.). Согласно историческим данным, во время осады монастыря царскими войсками именно Кереть поддерживала восставшие Соловки в это трудное время. Таким образом, можно не без оснований полагать, что внук Черкаса – Антон Иванович (в то время ему было около 35 лет) принимал непосредственное участие в обороне Соловецкого монастыря. К слову, влияние соловецких монахов на село было столь велико, что и после падения монастыря в 1676 г. Кереть так и осталась старообрядческим селом вплоть до начала XX в. (известно, что село придерживалось раскола, несмотря на наличие двух церквей в селе в конце XIX века. Тайнство причастия там в 1894 г. посетили всего 8 человек, а не исполнившими этот христианских долг считались 445 человек. См.: Краткое..., 1898: 181).

Малоизвестная информация: в 1676 г. в Керети было 72 двора, из которых 10 были казачьими, помимо этого, еще 30 казаков-мужчин проживали на подворьях у крестьян. Таким образом, в 1676 г. удельный вес казаков в селе достигал 20–25 % от общего количества жителей (Сборник грамот, 1929: 530-535), а с учетом прибывших ранее казачьих переселенцев (например в XVI в.) и называвшимися к этому времени уже крестьянами, удельный вес казаков в селе был еще выше. Мы даже не исключаем, что по своему составу село было настоящим казачьим.

Рис. 4. Первые пять генераций рода Черкасовых из Керети с 1570 г.

В 2021 г. в проводимом нами исследовании об истории семьи Черкасовых, Прокопий Черкасов (он же Прокопий) был назван родоначальником рода Черкасовых из Керети, при этом неточно была определена и дата его рождения – примерно 1685 г. (Cherkasov, 2021: 1673). Нужно пояснить, что дата его рождения определялась нами с учетом одного поколения (20–25 лет), на самом же деле оказалось, что, когда родился сын Прокопия Исак (1711 г.), Прокопию был уже 51 год (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 20. Л. 135). Отсюда и получилась такая разница в дате рождения Прокопия. Что же касается тезиса о родоначальнике, то обнаружение и введение в научный оборот летом 2023 г. новых архивных материалов из Российского государственного архива древних актов позволило нам углубить историю семьи и определить Прокопия Антоновича Черкасова как представителя семьи в 5-й генерации.

Итак, согласно документам 1668 и 1676 гг. мы обнаружили семейство отца Прокопия Антоновича Черкасова (1659–1725 гг.) – Антона Ивановича, который родился примерно в 1638 г. Эта дата нам представляется наиболее близкой к действительности, так как по переписи 1635 г. Антона Ивановича еще не было (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 47. Л. 4). Благодаря отчеству Антона мы установили и имя его отца Ивана (родился примерно в 1610 г.), который в свою очередь являлся сыном Черкаса. К сожалению, в настоящее время нам не удалось установить имя второго сына Черкаса, что связано с низкой степенью сохранности документов в период с 1635 по 1668 гг.

Следующий документ был датирован в 1711 г., и он представлял собой переписную книгу Кольского острога с уездом. В этом документе мы обнаруживаем семейство Прокопия Антоновича сына Черкасова: «Во дворе бобыль Прокопей Антонов сын Черкасов пятидесяти одного году, увечен и очми подслеп; у него жена Варвара Иванова дочь тридцети лет, у них детей – сын Исак полуторых лет» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 20. Л. 135). Помимо этого, в этом же документе мы находим и семейство брата Прокопия – Ивана Антоновича, которое проживало на подворье Ивана Однолеткова: «У него на подворье Иван Антонов, сын Черкасов сорока осми лет; у него жена Евдокия Федорова дочь сорока пяти лет; у них дочери: Наталья тринадцати лет, Анна четырех лет и пришли оне в Керецкую волость в ПІ [1710] году» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 20. Л. 140об.-141). В этом же документе во дворе Прокопия Антоновича отмечена семья: «... вдова Анна Анисимова дочь – 30 лет, у ней детей: сын Федор – 9 лет, Лука – 4 года» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 20. Л. 135). Это

семья умершего младшего брата – Якова Антоновича Черкасова, который скончался при невыясненных обстоятельствах в возрасте около 30 лет.

В 1711 г. на подворье Прокопия Антоновича проживало 12 человек, к семье Черкасовых из них относилось шестеро, а остальные проживали на подворье и выполняли разнообразную работу. Приведем список других лиц, проживавших на подворье: «бобыль Степан Иванов сын Калугин – 25 лет, холост; у него мать вдова Марфа Евдокимова дочь 45 лет, очми слепа; у него же тетка Агрипина Евдокимова дочь – 50 лет, слепа; у него ж Степана бабка Ефросинья Иванова дочь – 80 лет; ... у них же на подворье пришлый Корелянин Михайла Калинин сын, у него жена Анна Наумова дочь – 30 лет» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 20. Л. 135). Таким образом, на подворье Прокопия Антоновича Черкасова проживали трое слепых (сам Прокопий, Марфа, Агрипина), одна престарелая женщина 80 лет (Ефросинья), помимо этого было три молодые женщины (Варвара и две Анны), трое малолетних детей (Исак, Федор, Лука) и только два работника (Михайло и Степан). В это время, несмотря на финансовые сложности и большое количество нетрудоспособного населения, подворье продолжало достаточно сносно существовать. Подворье по своей сути, в это время уже было приютом для лиц с ослабленным зрением и имело крупнейшую концентрацию данных лиц в селе Кереть.

Согласно переписной книге за 1711 г., брат Прокопия Антоновича – Иван Антонович (1662 г.р.), вернулся в Кереть только в 1710 г., в возрасте 47 лет (в 1711 году ему 48 лет). Анализируя списки стрельцов Кольского острога за 1699 г. мы находим там Ивашку Антонова (Ивана Антоновича), при этом он фигурирует в двух разных списках стрельцов (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3). То есть брат Прокопия Антоновича – Иван Антонович, потомок выходцев из военного сословия запорожских казаков, состоял в стрелецком войске Московского царства.

Согласно той же переписи 1711 г. сам Прокопий Антонович был увечен (имел сабельное или пулевое ранение), то есть участвовал в боевых действиях. Если учесть, что в 1676 г. Прокопий, будучи ребенком, жил в Керети, а в 1711 г. он продолжал жить там же, то это означает, что служить Прокопий мог в период с 1685 по 1709 гг. Причем служить только в стрелецком войске, так как других военных организаций на Русском Севере не существовало. При этом с высокой степенью вероятности служба его была либо в Сумском остроге, либо в самом Соловецком монастыре. В поддержку тезиса о длительном сроке службы в стрелецком войске может свидетельствовать тот факт, что в 1711 г. у Прокопия была сравнительно молодая жена (Прокопий – 51 год, а жена – 30) и полуторагодовалый ребенок, то есть брак был совершен сравнительно недавно. Большая разница в возрасте не была характерна для брачующихся в селе Кереть, исключение могло составлять только повышенное социальное положение жениха. К примеру, в период своей стрелецкой службы Прокопий находился в должности – пятидесятника (командовал отрядом стрельцов из 50 человек). Резюмируя все вышеперечисленное, мы с высокой степенью вероятности можем утверждать, что Прокопий Антонович, также как и его брат, являлся профессиональным военным, который служил в стрелецком войске и принимал участие в боевых действиях.

Тем временем экономическая ситуация в семье Черкасовых продолжала ухудшаться. Спустя 8 лет, согласно ревизским сказкам Первой Петровской ревизии 1719 г. подворье Прокопия Антоновича Черкасова, который к тому времени уже полностью ослеп, стало фигурировать в списках среди нищих подворий. Так, согласно документу: «нищей Прокофей Черкасов – 60 лет, слеп, у него сын Иван (указан как Иван ошибочно, ранее и позже будет записан как Исак) – 10 лет, племянник Лука Яковлев (имеется ввиду сын Якова) – 13 лет, в том же дворе нищей Степан Петров – 58 лет, слеп же» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1476. Л. 160б.). Нужно пояснить, что в Первой ревизии периода Петра I 1719 г. лиц женского пола не учитывали, однако, как мы видим, в сравнении с переписью за 1711 г. количество слепых среди мужчин на подворье увеличилось. Забегая вперед, скажем, что военный инвалид Прокопий Антонович Черкасов умрет примерно в 1725 г. в весьма почтенном возрасте (не менее 65 лет) по сравнению со многими другими представителями рода Черкасовых, а его сын Исак восстановит экономическое положение семьи. Эти краткие данные о жизни Прокопия Антоновича Черкасова (1659–1725 гг.) наглядно показывают, что Черкасовы в Керети выполняли важную социальную функцию в жизни российского общества. Потомки по достоинству оценили прижизненную службу Прокопия Антоновича Черкасова (1659–1725 гг.), бывшего стрелецкого начальника, получившего увечье на службе и в мирской жизни основавшего сельский приют для лиц с ослабленным зрением, и 1 августа 2022 г., то есть спустя почти 300 лет после смерти Прокопия Антоновича, фундаментальная электронная библиотека Cherkas Global University получила наименование Библиотеки имени Прокопия Антоновича Черкасова – P.A. Cherkasov Fundamental Electronic Library.

5. Заключение

История Черкасовых из Керети сегодня насчитывает 17 поколений, которые пришлось на период, начиная с 1570 г. до настоящего времени. При этом история семьи периода Московского царства – это только первые пять поколений (1570–1725 гг.): начальная хронологическая точка связана с рождением в 1570 г. в Запорожской Сечи (территория Речи Посполитой) казака по имени Давыд (1-я генерация), а заключительная – со смертью в 1725 г. представителя 5-й генерации

Прокопия Антоновича Черкасова. Со смертью Прокопия Антоновича завершилась целая эпоха – эпоха, в которой представитель из 2-й генерации семьи Черкас Давыдов сын пребывает из Речи Посполитой на территорию Московского царства, служит в его воинских формированиях и поселяется в Керети. Отличную военную подготовку получают и сыновья Черкаса, которые продолжили дело отца. Внук Черкаса Антон участвует в обороне Соловецкого монастыря, а правнуки служат в стрелецком войске и принимают участие в боевых действиях. В эту эпоху все четыре поколения Черкасовых из Керети (2-я – 5-я генерации) имели непосредственное отношение к воинской службе в Московском царстве либо в составе ратных людей, либо в составе стрелецкого войска, а это, в свою очередь, позволяет нам говорить о Черкасовых из Керети, как о семье государевых служащих периода Московского царства.

Литература

- Акты...**, 1890 – Акты Московского государства, изданные императорской академией наук. В 3 т. Т. 1. СПб., 1890.
- Архив СПб ИИ РАН** – Архив Санкт-Петербургского института истории РАН.
- Багновская, 2016** – Багновская Н.М. О происхождении термина «черкасы» относительно среднего приднепровья XVI – XVII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). Ч.1. С. 23-26.
- Брезгунова, 2019** – Брезгунова В.М. Переселение черкас в Воронежский край и их служба в России в XVII веке / Дис. на соиск. уч. степ. к.и.н. Воронеж, 2019.
- Веселовский, 1974** – Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974
- Досифей, 1833** – архим. Досифей (Немчинов). Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833. Москва, 1833.
- Егоров, 1985** – Егоров Ю. Общедоступная теплица-автомат и другие разработки лучшего изобретателя Камчатка Павла Ивановича Черкасова // *Изобретатель и рационализатор*. 1985. № 6. С. 14-15.
- Каменецкий, 2021** – Каменецкий И.П. Атаман Черкас Александров и его потомки на «государевой» службе в Сибири в XVII веке // *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2021. № 1 (26). С. 97-102.
- Каменецкий, 2023** – Каменецкий И.П. Служили русскому царю «истинною правдой и безупречно». Черкасы на службе и в ссылке в Сибири в XVII веке // *Военно-исторический журнал*. 2023. № 9. С. 78-87.
- Колева, 2014** – Колева Г.Ю. Служилые люди Сибири: казаки «литовского списка» // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 387. С. 127-136.
- Комаров, 2014** – Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вторая половина XVI – начало XVII вв. // *История военного дела: исследования и источники*. 2014. № 6. С. 1-36.
- Копии с древних...**, 1834 – Копии с древних царских грамот жалованы несудимых и других содержаний так же указов и прочих документов. Соловки, 1834.
- Краткое...**, 1898 – Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Уезды: Онежский, Кемский и Кольский. Архангельск. 1898.
- Мюллер, 1947** – Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI – XVII вв. Петрозаводск, 1947.
- Папков, 2012** – Папков А.И. Термины «черкасы» и «люди литовские», использовавшиеся в российской делопроизводственной документации XVII столетия / *Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Ю.Г. Алексева*. М., 2012. С. 375-398.
- Папков, Савина, 2013** – Папков А.И., Савина В.В. Расселение черкас на южной окраине России в конце XVI – начале XVII в. // *Вестник ТГУ*. 2013. № 10 (126). С. 49-60.
- Проскуракова, 2018** – Проскуракова М.Е. Избранные для службы в Олонецком уезде: Иноземцы в полках пашенных солдат в 1640-е – 1650-е гг. // *Петербургский исторический журнал*. 2018. № 4. С. 7-25.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Сборник грамот, 1929** – Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольского-Мезенского и Важского уездов. Ленинград, 1929.
- Сташевский, 1919** – Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632-1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919.
- Фруменков, 1975** – Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Архангельск, 1975.
- Черкасов, 2022** – Черкасов А.А. Боевой путь рядового Ивана Ивановича Черкасова // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия «История»*. 2022. Т. 67. Вып. 2. С. 414-451.
- Черкасов, 2022a** – Черкасов А.А. Черкасовы (Керетские): Алексей Павлович Черкасов (1910-1969) // *Вопросы истории*. 2022. 5(2): 122-128.

Шашков, 1998 – Шашков А.Т. Еретики в Сибири в первой половине XVII в. / Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. С. 273-282.

Cherkasov, 2021 – Cherkasov A.A. Cherkasovs (Keretskys): Historical and Genealogical Research (based on the Materials from the second half of the XVIII – first half of the XX centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1671-1682.

Cherkasov, 2021a – Cherkasov A.A. The Ancestral Calendar of Cherkasovs (Keretskys) (to the 310th Anniversary of the Birth of Isak Cherkasov) // *History and Historians in the Context of the Time*. 2021. 19(1): 3-7.

Cherkasov, 2022 – Cherkasov A.A. To the Issue of the Complex of Historical Sources of the mid–XIX – early XX centuries (On the Example of Ivan Filippovich Cherkasov' Family) // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1753-1758.

Cherkasov, 2023 – Cherkasov A.A. Cherkasovs (Keretskys): Pavel Ivanovich Cherkasov (1883–1931) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1936-1947.

Cherkasov, 2023a – Cherkasov A.A. The Combat Path of the Corporal of the 333rd Infantry Glazovsky Regiment Andrei Timofeevich Kemov during the First World War (1914–1915) // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 1007-1033.

Tarakanov, Ludwig, 2019 – Tarakanov V.V., Ludwig S.D. Aleksandr Cherkasov: A Scholar, Publisher, and Organizer of Research Collaborations (to the 20th Anniversary of the Scholar's Research and Pedagogical Activity). *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 914-920.

References

Akty..., 1890 – Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye imperatorskoi akademiei nauk [Acts of the Moscow State issued by the Imperial Academy of Sciences]. V 3 t. T. 1. SPb., 1890. [in Russian]

Arkhiv SPb II RAN – Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences].

Bagnovskaya, 2016 – Bagnovskaya, N.M. (2016). O proiskhozhdenii termina «cherkasy» otnositel'no srednego pridneprov'ya XVI – XVII vv. [About the origin of the term “Cherkassy” in relation to the middle Dnieper region of the 16th – 17th centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 7(69). Ch.1. Pp. 23-26. [in Russian]

Brezgunova, 2019 – Brezgunova, V.M. (2019). Pereselenie cherkas v Voronezhskii kraj i ikh sluzhba v Rossii v XVII veke [Resettlement of the Cherkasy to the Voronezh region and their service in Russia in the 17th century]. Dis. na soisk. uch. step. k.i.n. Voronezh. [in Russian]

Cherkasov, 2021 – Cherkasov, A.A. (2021). Cherkasovs (Keretskys): Historical and Genealogical Research (based on the Materials from the second half of the XVIII – first half of the XX centuries). *Bylye Gody*. 16(4): 1671-1682.

Cherkasov, 2021a – Cherkasov, A.A. (2021). The Ancestral Calendar of Cherkasovs (Keretskys) (to the 310th Anniversary of the Birth of Isak Cherkasov). *History and Historians in the Context of the Time*. 19(1): 3-7.

Cherkasov, 2022 – Cherkasov, A.A. (2022). Boevoi put' ryadovogo Ivana Ivanovicha Cherkasova [The combat path of private Ivan Ivanovich Cherkasov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 67(2): 414-451. [in Russian]

Cherkasov, 2022 – Cherkasov, A.A. (2022). To the Issue of the Complex of Historical Sources of the mid–XIX – early XX centuries (On the Example of Ivan Filippovich Cherkasov' Family). *Bylye Gody*. 17(4): 1753-1758.

Cherkasov, 2022a – Cherkasov, A.A. (2022). Cherkasovy (Keretskie): Aleksei Pavlovich Cherkasov (1910-1969) [Cherkasovs (Keretskys): Alexey Pavlovich Cherkasov (1910-1969)]. *Voprosy istorii*. 5(2): 122-128. [in Russian]

Cherkasov, 2023 – Cherkasov, A.A. (2023). Cherkasovs (Keretskys): Pavel Ivanovich Cherkasov (1883–1931). *Bylye Gody*. 18(4): 1936-1947.

Cherkasov, 2023a – Cherkasov, A.A. (2023). The Combat Path of the Corporal of the 333rd Infantry Glazovsky Regiment Andrei Timofeevich Kemov during the First World War (1914–1915). *Bylye Gody*. 18(2): 1007-1033.

Dosifei, 1833 – arkhim. Dosifei (Nemchinov) (1833). Letopisets Solovetskii na chetyre stoletiya, ot osnovaniya Solovetskogo monastyrya do nastoyashchego vremeni, to est' s 1429 po 1833 [Chronicler of Solovetsky for four centuries, from the founding of the Solovetsky Monastery to the present time, that is, from 1429 to 1833]. Moskva. [in Russian]

Egorov, 1985 – Egorov, Yu. (1985). Obshchedostupnaya teplitsa-avtomat i drugie razrabotki luchshego izobretatelya Kamchatki Pavla Ivanovicha Cherkasova [Public automatic greenhouse and other developments of the best inventor of Kamchatka Pavel Ivanovich Cherkasov]. *Izobretatel' i ratsionalizator*. 6: 14-15. [in Russian]

Frumenkov, 1975 – Frumenkov, G.G. (1975). Solovetskii monastyr' i oborona Belomor'ya [Solovetsky Monastery and the defense of the White Sea region]. Arkhangel'sk. [in Russian]

Kamenetskii, 2021 – *Kamenetskii, I.P.* (2021). Ataman Cherkas Aleksandrov i ego potomki na «gosudarevoi» sluzhbe v Sibiri v XVII veke [Ataman Cherkas Alexandrov and his descendants in the “sovereign” service in Siberia in the 17th century]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 1(26): 97-102. [in Russian]

Kamenetskii, 2023 – *Kamenetskii, I.P.* (2023). Sluzhili russkomu tsaryu «istinnoyu pravdoi i bezuprechnu». Cherkasy na sluzhbe i v sylvku v Sibiri v XVII veke [They served the Russian Tsar “with true truth and impeccability.” Cherkasy in service and exile in Siberia in the 17th century]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 9: 78-87. [in Russian]

Koleva, 2014 – *Koleva, G.Yu.* (2014). Sluzhilye lyudi Sibiri: kazaki «litovskogo spiska» [Service people of Siberia: Cossacks of the “Lithuanian list”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 387: 127-136. [in Russian]

Komarov, 2014 – *Komarov, O.V.* (2014). Ratnye lyudi Pomorskikh gorodov vtoraya polovina XVI – nachalo XVII vv. [Military people of Pomeranian cities, second half of the 16th – beginning of the 17th centuries]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. 6: 1-36. [in Russian]

Kopii s drevnikh..., 1834 – Kopii s drevnikh tsarskikh gramot zhalovany nesudimyykh i drugikh sodержanii tak zhe ukazov i prochikh dokumentov [Copies from the ancient royal charters of unconvicted and other contents, as well as decrees and other documents]. Solovki, 1834. [in Russian]

Kratkoe..., 1898 – *Katkoe istoricheskoe opisanie prikhodov i tserkvei Arkhangel'skoi eparkhii* [A brief historical description of the parishes and churches of the Arkhangel'sk diocese]. Vyp. 3. Uezdy: Onezhskii, Kemskii i Kol'skii. Arkhangel'sk. 1898. [in Russian]

Myuller, 1947 – *Myuller, R.B.* (1947). Ocherki po istorii Karelii XVI – XVII vv. [Essays on the history of Karelia in the 16th – 17th centuries]. Petrozavodsk. [in Russian]

Papkov, 2012 – *Papkov, A.I.* (2012). Terminy «cherkasy» i «lyudi litovskie», ispol'zovavshiesya v rossiiskoi deloproizvodstvennoi dokumentatsii XVII stoletiya [The terms “Cherkasy” and “Lithuanian people” used in Russian office documentation of the 17th century]. *Russkoe srednevekov'e. Sbornik statei v chest' professora Yu.G. Alekseeva*. M. Pp. 375-398. [in Russian]

Papkov, Savina, 2013 – *Papkov, A.I., Savina, V.V.* (2013). Rasselenie cherkas na yuzhnoi okraine Rossii v kontse XVI – nachale XVII v. [Settlement of Cherkasy on the southern outskirts of Russia at the end of the 16th – beginning of the 17th centuries]. *Vestnik TGU*. 10(126): 49-60. [in Russian]

Proskuryakova, 2018 – *Proskuryakova, M.E.* (2018). Izbrannye dlya sluzhby v Olonetskom uезде: Inozemtsy v polkakh pashennykh soldat v 1640-e – 1650-e gg. [Selected for service in Olonets district: Foreigners in the regiments of plow soldiers in the 1640s – 1650s.]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 4: 7-25. [in Russian].

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Sbornik gramot, 1929 – *Sbornik gramot kollegii ekonomii*. T. 2. Gramoty Dvinskogo, Kol'skogo, Kevrol'skogo-Mezenskogo i Vazhskogo uездov. Leningrad, 1929. [in Russian]

Shashkov, 1998 – *Shashkov, A.T.* (1998). Eretiki v Sibiri v pervoi polovine XVII v. [Cherkasovs (Keretskys): Alexey Pavlovich Cherkasov (1910-1969)]. *Ural'skii sbornik: Istoriya. Kul'tura. Religiya*. Ekaterinburg. Pp. 273-282. [in Russian]

Stashevskii, 1919 – *Stashevskii, E.D.* (1919). Smolenskaya voina 1632-1634 gg. Organizatsiya i sostoyanie moskovskoi armii [Smolensk War 1632-1634. Organization and condition of the Moscow army]. Kiev. [in Russian]

Tarakanov, Ludwig, 2019 – *Tarakanov, V.V., Ludwig, S.D.* (2019). Aleksandr Cherkasov: A Scholar, Publisher, and Organizer of Research Collaborations (to the 20th Anniversary of the Scholar's Research and Pedagogical Activity). *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 914-920.

Veselovskii, 1974 – *Veselovskii, S.B.* (1974). Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvischa i familii [Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames]. M. [in Russian]

Черкасовы (Керетские) в период Московского царства (к 450-летию рода Черкасовых)

Александр Арвелодович Черкасов^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В работе рассматривается история семьи Черкасовых из Керети в период Московского царства. Уделено внимание первым пяти поколениям в истории семьи, которые жили в период с 1570 по 1725 гг. Источниковая база нашего исследования опирается на архивные материалы из Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), а также Архива Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.cherkasov@cherkasgu.net (А.А. Черкасов)

В заключении автор отмечает, что история Черкасовых из Керети сегодня насчитывает 17 поколений, которые пришлись на период, начиная с 1570 г. до настоящего времени. При этом история семьи периода Московского царства – это только первые пять поколений (1570–1725 гг.): начальная хронологическая точка связана с рождением в 1570 г. в Запорожской Сечи (территория Речи Посполитой) казака по имени Давыд (1-я генерация), а заключительная – со смертью в 1725 г. представителя 5-й генерации Прокопия Антоновича Черкасова. Со смертью Прокопия Антоновича завершилась целая эпоха – эпоха, в которой представитель из 2-й генерации семьи Черкас Давыдов сын пребывает из Речи Посполитой на территорию Московского царства, служит в его воинских формированиях и поселяется в Керети. Отличную военную подготовку получают и сыновья Черкаса, которые продолжили дело отца. Внук Черкаса Антон участвует в обороне Соловецкого монастыря, а правнуки служат в стрелецком войске и принимают участие в боевых действиях. В эту эпоху все четыре поколения Черкасовых из Керети (2-я – 5-я генерации) имели непосредственное отношение к воинской службе в Московском царстве либо в составе ратных людей, либо в составе стрелецкого войска. Что позволяет нам говорить о Черкасовых из Керети как о семье государевых служащих периода Московского царства.

Ключевые слова: Черкасовы (Керетские), история семьи периода Московского царства, 1570–1725 гг., Речь Посполитая, Московское царство.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 29-39
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.29

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Question of the Everyday Life of the Nobility at the end of the 17th – beginning of the 18th centuries

Pavel S. Seleznev ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The study of the everyday life of the noble class during the reign of Peter the Great acquires particular relevance due to the fact that the previous historical development of Russian society predetermined qualitative changes in the life and structure of life of the nobility - representatives of the privileged class of the Russian people. The significance of this work is determined, therefore, by the insufficient knowledge in the context of modern scientific research of certain aspects of the everyday life of the Russian nobility at the end of the 17th – beginning of the 18th centuries.

The work pays special attention to such components of the daily life of the Russian nobility as the legal and economic position of this class in society, its cultural ideas, and everyday life.

The author makes an important conclusion that changes in the everyday life of the Russian nobility were greatly influenced by the penetration of elements of European culture into the court environment, on the one hand, which were actively introduced into everyday social practice, and on the other, which received a certain refraction on the basis of Russian traditions.

The author pays special attention to the connection between the assemblies introduced under Peter I – the prototype of the noble ball, organized in European traditions, and qualitative changes in the life of the Russian nobility. Despite the fact that the era under study was the heyday of the noble class, the “Europeanization” of not only the consciousness, but also the life of the Russian nobility, according to the author’s conclusion, the growth in the standard of living of the class under study was carried out in parallel with the expansion of the official duties of its representatives, the need to constantly increase the educational level.

Keywords: everyday life, nobility, Peter the Great, assemblies, “big court”, culture, traditions, Europeanization.

1. Введение

Актуальность исследования повседневной жизни русского дворянства в период правления Петра I определяется, прежде всего, недостаточной изученностью данной проблематики в контексте исследований, посвященных анализу культуры и быта различных сословий Российской империи конца XVII – начала XVIII вв.

Также изучение столь многогранной темы, как повседневная жизнь дворянского сословия, находящейся де-факто на стыке таких дисциплин, как история, психология, социология, предусматривает обращение к методологии указанных наук при проведении исследования. Следует отметить, что изучение такого социально-экономического конструкта, как повседневная жизнь, применительно к конкретному сословию предполагает сравнение с предшествующим периодом, что позволяет проследить ее динамику, если таковая присутствовала, а также выявление причин и предпосылок изменений общественной жизни, обращение к общеисторическому контексту эпохи.

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev)

Необходимо подчеркнуть, что актуальность настоящего исследования определяется недостаточным раскрытием в научной литературе связи введенных при Петре I ассамблей (некоего прообраза дворянского бала), в значительной степени трансформировавших культурную жизнь русского общества с декабря 1718 г. и повседневную жизнь дворянского сословия. Основной целью их внедрения являлось сближение европейской и русской культур. Именно начиная с этого времени западноевропейские элементы активно проникают в традиционную русскую культуру, а их влияние начинает проявляться практически во всех сферах повседневной жизни русского дворянства. Так, например, развлекательная сторона ассамблей в научной литературе получила достаточно широкое освещение, однако ее качественное влияние на повседневность русского дворянства было исследовано мало.

Наконец, значимость настоящего исследования состоит в выявлении трансформаций, которые происходили в России в исследуемую эпоху под влиянием европейских традиций, которые в значительной степени укрепились в результате насаждаемой Петром I культуры ассамблей.

2. Материалы и методы

Материалы, на базе которых производилось настоящее исследование, можно разделить на пять основных групп.

К первой группе относятся неопубликованные источники – тексты документов, хранящиеся в РГАДА – Российском государственном архиве древних актов (Москва, Российская Федерация) и РГИА – Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В них содержатся свидетельства об устройстве быта, развлекательной стороне жизни и службе дворянского сословия.

Вторую группу образуют нормативные акты. В их числе следует отметить тексты Уложений, позволяющие проанализировать изменения правового положения русского дворянства ([Уложение о службе 1555 г., 1841](#); [Соборное Уложение 1649 года, 1961](#)), законодательные акты о порядке наследования имущества дворянами ([О порядке наследования..., 1714](#)), указы Петра Великого, направленные на реформирование русской общественной и культурной жизни ([Указ о проведении переписи, 1718](#); [Указ об учреждении ассамблей, 1718](#); [Указ Петра I, 1718](#)).

Третья группа представлена источниками личного происхождения, преимущественно воспоминаниями иностранцев о России – ценнейшими свидетельствами о повседневной жизни и быте русских людей, как правило, привилегированного сословия, так как иностранцы, посещавшие Россию, в редких случаях имели возможность непосредственного наблюдения за жизнью простого народа в силу того, что большая часть из них прибывала в страну в составе дипломатических миссий. Ценность данной группы исторических источников состоит в том, что визитеры из других государств обращали внимание преимущественно на те особенности жизни и быта, которые не были значимы для русских писателей-современников в силу того, что они являлись для них обыденностью.

Помимо воспоминаний иностранцев, данная группа источников включает также воспоминания и письма некоторых русских авторов, в которых они излагали свой взгляд на повседневную жизнь дворянского сословия исследуемой эпохи.

В числе методов исследования, использованных при написании настоящей работы, следует отметить как общенаучные, так и частнонаучные методы. К общенаучным методам исследования относятся анализ и синтез материала, первый из которых позволяет изучить отдельные аспекты качества жизни русского дворянства, а второй – представить его как определенную систему.

К конкретно-историческим методам относятся историко-генетический метод, позволяющий изучить качество жизни русского дворянства в его динамике, т.е. в истории и развитии, а также метод сравнительного анализа, благодаря которому возможно осуществить сопоставление содержания различных исторических источников между собой в целях получения объективной информации о русской действительности исследуемого периода.

3. Обсуждение

Историографию, в которой получила отражение изучаемая тема, можно представить по проблемному принципу.

Первый блок работ посвящен трансформациям русской культуры под влиянием западноевропейских культурных веяний, значение которого усилилось в рамках петровских преобразований и продолжилось впоследствии при его приемниках. Это работы О.П. Елисеева ([Елисеев, 2003](#)), М.В. Коротковой ([Короткова, 2009](#)), С.И. Пудиной ([Пудина, 2018](#)), Й. Хейзинги ([Хейзинга, 1988](#)), и др.

Второй блок работ представлен трудами, в которых авторы анализировали характерные особенности быта различных сословий Российской империи, в том числе дворянства. Это труды О.Г. Агеевой ([Агеева, 2006](#)), О.Ю. Захаровой ([Захарова, 2001](#)), В.О. Ключевского ([Ключевский, 1993](#)), М.В. Коротковой ([Короткова, 2009](#)), Ю.М. Лотмана (Лотман, 1994), И.Г. Оноприенко (Оноприенко, 2007), А.В. Шипилова ([Шипилов, 2007](#)) и т.д.

Третий блок работ объединяет труды, посвященные времени правления Петра I, его реформаторской деятельности, ее специфике и последствиям. Это труды Е.В. Анисимова (Анисимов, 1989), С.М. Соловьева (Соловьев, 1984), С.А. Князькова (Князьков, 1991), Н.И. Павленко (Павленко, 1993), М.Е. Попова (Попов, 2018) и др.

Наконец, заключительный блок работ представлен научно-исследовательскими трудами, посвященными анализу застольной культуры российского дворянства исследуемого периода, а также организации и проведению придворных и усадебных трапез. Это труды Ю.М. Лотмана, Е.А. Погосьяна (Лотман, Погосян, 1996), С.Д. Охлябинина (Охлябинин, 2006), В.О. Пигулевского (Пигулевский, 2012) и др.

4. Результаты

Исследуемое в рамках настоящей работы понятие «повседневная жизнь» было внедрено в научный дискурс Альфредом Шюцем, австрийским социологом и философом, в начале XX в. для социологической концептуализации понятия «жизненный мир». Данное понятие ввел в научный оборот Э. Гуссерль. В трудах А. Шюца повседневность рассматривалась как уровень элементарных порядков интеракции «лицом к лицу», обладающий собственной организацией и когнитивным стилем (Шюц, 2003).

Повседневность де-факто выступает в качестве понятия, отделяющего одно явление от другого. В свою очередь, границы и значения выделенных сфер трансформируются в зависимости от места, времени, среды и культуры.

В наиболее общем виде повседневную жизнь представляется возможным определить как процесс жизнедеятельности человека, который протекает в привычных, общеизвестных ситуациях. Как следствие, в рамках изучения повседневной жизни объектом исследования выступают отдельные ее составляющие: экономическая, общественная, культурная и иные области.

Сложность изучения повседневной жизни дворянского сословия применительно к периоду петровских преобразований состоит в том, что, учитывая многоаспектность исследуемого понятия, вряд ли возможно составить его комплексную характеристику в силу специфики исторического отрезка времени, а также его удаленности от реалий современности. В результате представляется возможным оценить отдельные, наиболее характерные составляющие данного понятия, на основании которых можно сделать общий вывод об особенностях повседневной жизни русского дворянства в исследуемую эпоху. Представляется, что первостепенное внимание должно быть уделено правовому положению дворянского сословия, социально-экономическим и культурным маркерам, определяющим его повседневную жизнь.

Таким образом, повседневную жизнь в контексте настоящего исследования необходимо рассматривать как положение индивидуумов (в данном случае – представителей определенного сословия) в обществе, в рамках конкретной культуры и системы ценностей. Фактически исследование повседневной жизни должно отражать некий уровень удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей русского дворянства при учете фактора обеспечения безопасности его жизни.

Еще С.М. Соловьев указывал, что в социально-экономическом плане Россия до периода преобразований Петра Великого представляла собой «... страну преимущественно сельскую, земледельческую, а такие страны необходимо бывают бедны и развиваются чрезвычайно медленно» (Соловьев, 1984: 19). Что касается политического устройства российского государства, то оно представляло собой «монархию с религиозной миссией», т.е. достаточно прочный союз бюрократического государства и церкви. В результате стремительный рост уровня жизни, являющийся, в первую очередь, итогом преобразований в социально-экономическом и политическом плане, представлял собой трудную задачу, положительное решение которой предусматривало, в том числе, трансформацию сознания русского дворянства.

В этой связи большое значение в рамках проведения петровских реформ имел переход на западноевропейские культурные модели. Как следствие, некоторые ученые характеризовали весь период преобразований Петра I как эпоху борьбы Востока и Запада в душе русского человека (Raeff, 1983: 82). Безусловно, трансформации коснулись, в первую очередь, высшего слоя российского общества – дворянства.

Изучение такой темы, как повседневная жизнь русского дворянства эпохи Петра Великого, предусматривает также необходимость ответа на вопрос о том, какие сословия сложились и продолжали формироваться к началу петровского правления. В числе основных следует назвать дворянство, духовенство и крестьянство. Каждое из этих сословий обладало соответствующим перечнем отличительных маркеров. В частности, привилегированное положение дворянства, представители которого первыми испытали на себе петровские преобразования, являлось результатом довольно длительного реформирования, имевшего целью улучшение правового положения данного сословия, прежде всего, по линии расширения личных свобод и возможностей обладания имуществом. В числе наиболее значимых документов, закрепляющих расширение дворянских прав, следует выделить Уложение о службе 1555 г., в соответствии с положениями которого дворянство было уравнено в правах с боярством, в том числе в отношении наследования имущества

(Уложение о службе 1555 г., 1841), и Соборное уложение 1649 г., закрепляющее право дворянского сословия на вечное владение и бессрочный сыск беглых крестьян (Соборное Уложение 1649 года, 1961). Таким образом, еще до начала периода правления Петра Великого в отношении дворянского сословия были приняты документы, расширяющие их имущественные права, а также права на владение крестьянами, что, в свою очередь, способствовало укреплению их экономического положения.

Безусловно, «европеизация» российского дворянства в эпоху правления Петра Великого производилась в русле решения основных государственных задач. Она не могла не оказать влияния на повседневную жизнь привилегированного сословия, однако степень этого влияния продолжает оставаться дискуссионным вопросом. Так, с точки зрения ряда ученых, западная культура оказала исключительно поверхностное воздействие на жизнь русского дворянства. В частности, Ю.М. Лотман отмечал, что «...бритье бород, надевание венгерского, а затем немецкого платья, парики, посещение ассамблей – это внешняя сторона, по которой и воспринимались новшества как «европеизированные» (Лотман, 1994: 23). Другая часть исследователей, напротив, полагала, что культура Европы, привнесенная в Россию Петром Великим, совершила настоящий переворот в умах современников и, как следствие, в области русских традиций, бытового и повседневного уклада жизни русского народа.

Во многом изменения в области повседневной жизни явились следствием разрушения существовавшей замкнутости российского общества (Пудина, 2018: 108). Так, с точки зрения М.М. Богословского, указанные изменения стали итогом расширения взаимодействия русских и иностранцев (Богословский, 1918: 3), в результате чего первые зачастую становились «иностранцами» в рамках собственного государства. В результате углублялся разрыв между уровнем жизни привилегированного сословия русского общества, дворянства, и основной, непривилегированной массы населения. Это было обусловлено тем, что при императорском дворе не представлялось возможным избежать этого взаимодействия в силу углубления контактов русских дворян с иностранцами. Так, в допетровскую эпоху, по мнению Дж. Перри, английского писателя, составившего заметки о России, послам, которые направлялись ко двору в иностранные государства, не позволительно было брать с собой своих сыновей. В свою очередь, «... под страхом смертной казни воспрещалось всякому москвиту выезжать из страны без особого позволения патриарха» (Перри, 1871: 97). Таким образом, можно заключить, что до периода петровских преобразований в русском обществе сформировалась устойчивая традиция недоверия ко всему иностранному, изначально считавшемуся чуждым, а потому враждебным.

Однако усиление связи с зарубежными государствами при Петре I неизбежно оказывало влияние не только на так называемый «большой двор», т.е. двор самого правящего монарха, который в XVIII столетии также именовался «императорским двором» и включал в себя личный штат правителя и все дворцовое ведомство, но также на все дворянское сословие (РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 12. Л. 32). В свою очередь, трансформации повседневной жизни «большого двора» являлись предпосылкой для аналогичных изменений в среде представителей дворянского сословия, не столь близких к особе императора.

В рамках изучения изменений в области повседневной жизни русского дворянства при Петре Великом необходимо отметить, что коренной перелом в культурных представлениях русских людей произвел петровский указ об ассамблеях, изданный 25 ноября 1718 г. Согласно данному документу, на территории России вводился новый вид досуга для представителей привилегированных слоев общества, т.е. для дворянства. Ориентация на западные формы проведения светских мероприятий присутствовала уже в самом названии и содержании данного документа, в котором указывалось, что ассамблея есть термин французского происхождения, сущность которого «... на русском языке одним словом выразить невозможно» (Указ об учреждении ассамблей, 1718).

Основные нововведения указа об ассамблеях состояли в возможности женщин присутствовать на подобного рода увеселительных мероприятиях, равно как и в целом представителей преимущественно знатных сословий: высших чинов до обер-офицеров и дворян, знатных купцов и даже начальных мастеровых людей (Указ об учреждении ассамблей, 1718). В свою очередь, лакеям и служилым людям вход в ассамблеи был воспрещен: им надлежало оставаться в тех помещениях, которые были определены для них хозяином. Таким образом, императорский указ поднимал значение досуговой стороны жизни русского дворянства.

Введение ассамблей при Петре трансформировало повседневную жизнь русского дворянства в силу того, что данные мероприятия сближали русскую и европейскую культуры. В дворянскую среду русской аристократии благодаря ассамблеям была внедрена традиция изысканного времяпрепровождения на европейский манер, обязательным элементом которого, наряду с застольем и обстановкой, благоприятствующей ведению светской беседы, было употребление алкогольных напитков. Категории последних, в свою очередь, не обозначались в тексте императорского указа.

Задача ассамблей состояла также в том, чтобы привить гостям культуру светского поведения за столом, свойственную организации торжественных приемов в европейских странах. В частности, гости должны были определенным образом вести себя за трапезой, выказывать уважение к вновь прибывшим гостям, а также к покидающим увеселительное мероприятие, которых «... при приезде и

отъезде поклоном почтить должно» ([Указ об учреждении ассамблей, 1718](#)). В соответствии с текстом императорского указа, на данных основаниях ассамблеи должны были организовываться до того времени, пока для русского дворянства это не войдет в повседневную практику.

Важным индикатором изменений в области повседневной жизни дворянства при Петре I являлся также уровень организации досуга для «большого двора» и в целом – для представителей привилегированного дворянского сословия. Значительных средств стоило одно только освещение бальных зал, о чем свидетельствуют счета и материалы приходно-расходных книг дворянства не только времен Петра I, но также его преемников ([РГАДА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 59. Л. 2](#)). На увеселительных мероприятиях приглашенные традиционно размещались в соответствии с чином и материальным положением, возрастом и авторитетом в обществе. По свидетельству А.В. Терещенко, «... Первым за столом местом почитается обыкновенно с правой руки у хозяйки, а вторым с левой. В рассуждении первых мест для дам, разумеется, то же самое; только садятся они подле супруга хозяйки. Прочих гостей должно сажать за стол соответственно их характеру или упражнению» ([Терещенко, 1848: 278](#)). Также автор рекомендовал «приспособлять» разговор для каждого из гостей, тем самым выбирая приятную для застольного собеседника тему ([Терещенко, 1848: 278](#)).

В свою очередь, на основании свидетельств иностранцев о России исследуемого периода конструируется картина праздного времяпрепровождения русского дворянства, что, в свою очередь, также говорит о росте уровня жизни представителей данного сословия по сравнению с предшествующими историческими эпохами. Описывая застолье при дворе, вице-адмирал и посланник Дании в России в 1709–1711 гг. Юлий Юст отмечал фактическую обязательность попок на увеселительных мероприятиях и сопровождение начала трапезы пушечным залпом и фейерверками, а также развлечениями шутов: «День мы провели в попойке; отговорки от питья помогали мало; попойка шла под оранье, крик, свист и пение шутов...» ([Записки Юста Юля, 1892: 303-304](#)).

Еще одним значимым маркером трансформаций в области повседневной жизни русского дворянства являлись изменения в устройстве быта. В данном случае ценный материал содержат архивные источники, а также воспоминания современников по истории быта дворянских усадеб, процесс формирования и развития которых являлся неразрывно связанным с изменениями повседневной жизни исследуемого сословия.

В частности, процесс становления и развития подмосковных дворянских усадеб петровской эпохи находят отражение как в материалах современников, так и в документах более позднего времени. В частности, подмосковное имение графа М.Г. Головкина, русского дипломата и сына петровского канцлера, на этапе его окончательного оформления (уже после смерти Петра I) подчеркивало высокое социальное положение его обладателя. Архивные источники свидетельствуют, что внутри дома уже по новым правилам были оштукатурены стены, имелась «зала» и камин ([РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Д. 1076. Л. 3](#)).

В свою очередь, П.Б. Шереметев, дипломат и военачальник петровской эпохи, превратил подмосковное Кусково в свою загородную резиденцию. В результате здесь был возведен великолепный дворцово-парковый ансамбль. В числе комнат загородного имения упоминаются кабинет («конторка»), зал, и галерея. Во внутреннем убранстве интерьера в неопубликованных источниках также упоминаются штукатуренные потолки, карнизы, камин. В отделке помещений подмосковной усадьбы П.Б. Шереметева использовались яркие, цветастые обои, а также неожиданные и новые для своего времени декоративные решения. Например, «конторка» наполовину была обтянута малиновым бархатом, наполовину – китайскими панелями. В бывшей спальне графа обои были зеленого цвета, за ней следовали «покои» «с немецкими» обоями, далее цвета обоев в покоях чередовались, среди них имелись голубые, зеленые, желтые, красные и «камчатые» ([РГИА. Ф. 1088. Оп. 17. Д. 18. Л. 5](#)). Необходимо отметить, что внутреннее убранство и отделка усадьбы Б.П. Шереметева в Кусково соответствовали эстетическим требованиям искусства барокко: в ней был выделен центральный зал, в анфиладном порядке были расположены гостининые комнаты, присутствовала яркая колористика стен и дорогостоящие отделочные материалы.

Следует подчеркнуть, что параллельно с внедрением новых форм внутренней отделки и декорирования аристократических усадеб в исследуемый период развивалось их внешнее убранство. Это выражалось, в том числе, в возведении на их территории так называемых регулярных садов. Они представляли собой созданные искусственным образом земляные рвы, каналы, пруды и фонтаны с причудливыми зелеными насаждениями, деревьями и кустарниками, в результате чего площадь дворянской усадьбы превращалась в произведение садовой архитектуры. Нередко регулярные сады украшались каскадами, ветряными мельницами и т.д.

Роскошь повседневной жизни в подмосковных дворянских усадьбах подчеркивалась также специальной стрижкой кустарников в регулярных садах таким образом, что они приобретали формы животных, птиц и архитектурных сооружений. В этой связи, архитектор Н.А. Львов, критиковавший стрижку парковых насаждений, отмечал следующее: «... изуродовав мирты, пальмы, даже самый кипарис, превращали деревья в медведей, в пирамиды, в дельфинов и наполняли сады наши зелеными неподвижными уродами» ([Гримм, 1954: 110](#)).

Наконец, одним из индикаторов качества жизни дворянского сословия, наряду с бытовыми условиями, являлось питание. В свою очередь, разнообразие блюд и напитков дворянского застолья позволяло судить о том, какие продовольственные продукты присутствовали на столе представителей исследуемого сословия.

Безусловно, объективную оценку дворянской трапезы представляется возможным произвести, обратившись к историческим свидетельствам, отражающим ситуацию в области повседневного потребления продуктов питания, а не блюд на торжественных приемах.

Повседневная жизнь русского дворянства, протекающая вдалеке от шумных балов и торжеств, была неспешной, а в числе основных ее радостей, наряду с повседневными прогулками и развлечениями, значилась вкусная еда. По свидетельству М.В. Коротковой, исследовавшей повседневную жизнь русского дворянства, сразу после пробуждения, в зависимости от вкусов хозяина дворянской усадьбы, лакей по звону его колокольчика приносил в спальню на подносе чашку чая, кофе со сливками, раскуренную трубку, а в некоторых случаях – даже рюмку водки (Короткова, 2003). После завершения утренних дел и выслушивания донесений барину обычно приносили чай, предшествовавший завтраку, на котором присутствовали все члены дворянской семьи. К домашней трапезе при этом могли присоединиться более дальние родственники, а также уважаемые в местном обществе лица, в частности, священник.

Между тем дворянские усадебные трапезы, безусловно, отличались большей простотой по сравнению с торжественными застольями «большого двора». Это, в свою очередь, являлось естественным следствием различий между частной и публичной социальными практиками, которые касались не только правил этикета за столом, но также разнообразия подаваемых к нему блюд.

Анализ содержания руководства под названием «Дешевый русский стол, или Искусство есть вкусно, здорово и дешево», составленного П. Андреевым, позволяет заключить, что различия, существовавшие в дворянской кухне, касались не только постных и непостных дней в году, но также зависели от характера застолья – частного или публичного. Так, дворянские трапезы в усадьбе в кругу семьи отличались от пышных застолий большей простотой подаваемых к столу блюд (Андреев, 1868).

Между тем незамысловатость последних являлась характерной чертой дворянской трапезы только в те дни, когда она была организована исключительно для членов семьи. Однако трансформации в повседневной жизни дворянского сословия при Петре I, равно как и проникновение в нее элементов западноевропейской культурной традиции, предусматривали открытость дворянских усадеб для гостей. Естественно, сбор за трапезой значительного количества чашек предусматривал необходимость приготовления большого числа блюд, отличающихся разнообразием. В частности, А.И. Гончаров в романе «Обрыв» указывал, что «... По двору поминутно носят полные блюда из кухни в дом... то барыне бульон, то тетеньке постное, то барчонку кашки, барину чего-нибудь посолиднее... За обедом подают по два супа, по два холодных блюда, по четыре соуса и по пяти пирожных. Вина – одно кислее другого – все как следует в открытом доме в провинции» (Гончаров, 1982: 97). Как следствие, можно заключить, что открытый характер дворянских застолий предполагал определенное разнообразие, которое выражалось в подаче к столу нескольких видов одного и того же блюда (например, супов и холодных закусок). Вероятно, в этом проявлялся не только широкий размах дворянской жизни, но также радушие и гостеприимство, свойственное характеру русского человека.

При этом констатировать положительные изменения в повседневной жизни привилегированного сословия в петровскую эпоху возможно, в том числе, на том основании, что организация трапезы отнюдь не сводилась исключительно к перемене блюд и их разнообразию: обязательным атрибутом застолья являлось развлечение присутствующих, в первую очередь, посредством искусства беседы. В этой связи хозяин поместья, аналогично супруге, должен был позиционировать себя как интересный собеседник, способный поддержать разговор на разные темы. На этом акцентировал внимание Н. Брянчанинов в «Гастрономических размышлениях», указывая, что есть «... люди, которые, приготовив хороший обед, уже больше ни о чем не думают. Это хорошо, но недостаточно. Фасон приборов и утвари, цвет тарелок, скатертей и даже общее убранство комнаты, а главное удачное соседство за столом помогают хорошему настроению ... и превращают обед в нечто более возвышенное и благородное, чем простой акт питания» (Брянчанинов, 1914: 14-15). В результате можно заключить, что о трансформациях повседневной жизни русского дворянства в исследуемую эпоху свидетельствует также стремление представителей данного сословия привнести элементы культуры торжественного застолья в усадебную трапезу. В свою очередь, в дворянском обществе существовали специальные руководства, на основе которых можно было обучиться правилам поведения за столом (Наставление молодому человеку, 1805).

В то же время необходимо учитывать, что изменения в повседневной жизни русского дворянства при Петре I сочетались с необходимостью для данного сословия во всем следовать воле царя, постоянно повышать качество своего образования, обучаясь за границей лично либо прибывая в европейские страны в составе дипломатических миссий. В силу периодичности военных конфликтов в петровскую эпоху не представляется возможным говорить о постоянном пребывании представителей мужской половины дворянского сословия в своих имениях. Фактически роскошная

жизнь и приближенность к императорскому двору была доступна дворянам лишь в перерывах между военными действиями либо при выходе в отставку.

В свою очередь, в первые годы Северной войны в соответствии с определенным нарядом на службу («жилой четью» или «четвертью») отставные назначались на три месяца в год «жить на Москве». При этом для царедворцев было предусмотрено четыре именных перечня – «четверти» (январская, апрельская, июльская и октябрьская). Если отставной пропускал «прошлогоднюю четверть», ему грозила отписка всех поместий. Для исправления ситуации надлежало подать челобитную, одобренную Разрядом, о переносе «четверти» на другой срок. В частности, в 1708 г. несколько царедворцев просили возратить им имения за пропуск своей службы «в четях» или «за неты отца в четверть» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 7б. Д. 1. Л. 339–341; РГАДА. Ф. 210. Оп. 7б. Д. 21. Л. 221; РГАДА. Ф. 210. Оп. 7б. Д. 26. Л. 42, 53).

Наконец, такая составляющая исследуемого понятия, как безопасность жизни, в исследуемую эпоху являлась весьма неустойчивой в силу масштабности и сравнительной частоты военных конфликтов.

5. Заключение

Подводя итоги рассмотрению вопроса о повседневной жизни русского дворянства в петровскую эпоху, отметим, что по сравнению с предшествующим периодом укрепление экономического положения данного сословия прослеживалось на основании принятых нормативно-правовых документов, существенно расширяющих имущественные права дворянства.

Более высокий уровень повседневной жизни дворянского сословия определялся трансформацией его сознания в результате внедрения элементов культуры европейских стран в российские социальные практики «большого двора». В петровскую эпоху рост уровня жизни дворянского сословия осуществлялся в русле становления светской культуры. В свою очередь, последнее реализовывалось по нескольким основным направлениям: исходило лично от Петра I, от иностранных посланников при «большом дворе» и в определенной степени формировалось посредством отправления дворян в образовательных целях в европейские государства.

В значительной степени качественным изменениям в повседневной жизни русского дворянства способствовало внедрение при Петре Великом ассамблей – некоего прообраза дворянского бала на европейский манер. Ассамблеи способствовали европеизации русского дворянства, формировали потребность в развлечениях, роскоши, праздном времяпрепровождении.

В то же время внедряемые элементы европейской культуры преломлялись на русской почве: даже несмотря на издание специальных руководств по поведению в высшем обществе, негативная сторона ассамблей проявлялась в пристрастии русских людей к спиртному, определявшем характер культуры при дворе.

В исследуемую эпоху трансформировалась также бытовая сторона жизни русского дворянства. Начинается время расцвета дворянских усадеб с их причудливо оформленными регулярными садами, а также стремлением хозяев привнести элементы придворных застолий в усадебную трапезу.

Однако необходимо учитывать, что положительные изменения в области повседневной жизни дворянского сословия осуществлялись параллельно с ростом его обязанностей в области защиты внешнеполитических интересов русского государства.

Литература

Агеева, 2006 – Агеева О.Г. Увеселения русского двора от Петра I до Екатерины Великой // *Отечественная история*. 2006. № 5. С. 3-15.

Андреев, 1868 – Андреев П. Дешёвый русский стол, или Искусство есть вкусно, здорово и дешево: Руководство, содержащее в себе более 685 наставлений для людей, незнакомых с повар. искусством к приготовлению различнейших кушаньев, простых, парад., скором. и пост., хлеб., булок, пирожных и проч. печений, заготовления в прок припасов, вареньев, приготовление различ. напитков, квасу, наливку и пр. и пр., с указанием отлич. признаков свежести и доброкачественности провизии, времени приготовления каждого кушанья, и развеса простейшим способом: стаканами, рюмками и ложками / Сост. и изд. П. Андреев. СПб., 1868.

Анисимов, 1989 – Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.

Богословский, 1918 – Богословский М.М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. Изд. 2-е. Пг., 1918.

Брянчанинов, 1914 – Брянчанинов Н. Гастрономические размышления // *Столица и усадьба*. 1914. № 6.

Гончаров, 1982 – Гончаров И.А. Обрыв: роман. М., 1982.

Гримм, 1954 – Гримм Г.Г. Проект парка Безбородко в Москве (материалы к изучению творчества Н.А. Львова) // *Сообщения Института истории искусств*. 1954. № 4-5.

Елисеев, 2003 – Елисеев О.П. Культурная антропология. М., 2003.

Записки Юста Юля, 1892 – Записки Юста Юля, датского посланника при русском дворе // *Русский архив*. 1892. № 3.

- Захарова, 2001 – Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX веков. М., 2001.
- Ключевский, 1993 – Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993.
- Князьков, 1991 – Князьков С.А. Время Петра Великого. М., 1991.
- Короткова, 2003 – Короткова М.В. Путешествие в историю русского быта. М., 2003.
- Короткова, 2009 – Короткова М.В. Эволюция повседневной культуры московского дворянства в XVIII – первой половине XIX вв.: дисс. .... док. ист. наук. М., 2009.
- Лебедева, 2018 – Лебедева Л.С. «Качество жизни»: ключевые подходы и структура понятия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 4. С. 68-80.
- Лотман, 1994 – Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб, 1994.
- Лотман, Погосян, 1996 – Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Великосветские обеды: Панорама столичной жизни. СПб., 1996.
- Наставление молодому человеку, 1805 – Наставление молодому человеку... // *Северный вестник*. 1805. Ч. VI.
- Онопrienко, 2007 – Онопrienко И.Г. Быт провинциального дворянства: традиции и новации в 50 – 90-е годы XIX века: на примере Центрального Черноземья: дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.
- О порядке наследования..., 1714 – О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах. 23 марта 1714 г. / *Российское законодательство X-XX вв.*: в 9 т. Т.4: Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 295-300.
- Охлябинин, 2006 – Охлябинин С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М., 2006.
- Павленко, 1993 – Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1993.
- Перри, 1871 – Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе / Пер. княжны О.М. Дондуковой-Корсаковой. М., 1871. VIII.
- Пигулевский, 2012 – Пигулевский В.О. Вкушение и трапеза // *Гуманитарий Юга России*. 2012. № 3. С. 100-113.
- Попов, 2018 – Попов М.Е. Опыт применения светских методов культурного преобразования российского государства: на примере «реформы веселья» Петра I // *Известия высших учебных заведений*. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 1 (197). С. 107-111.
- Пудина, 2018 – Пудина С.И. Влияние западноевропейских идей на формирование сознания русского дворянства первой четверти XVIII в. // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2018. № 1 (17). С. 108-115.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Соборное Уложение 1649 года, 1961 – Соборное Уложение 1649 года / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М., 1961.
- Соловьев, 1984 – Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М. 1984.
- Терещенко, 1848 – Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. 1-7. СПб., 1848.
- Указ о проведении переписи, 1718 – Указ о проведении переписи податного населения и порядке расквартирования полков. 26 ноября 1718 г. / *Хрестоматия по истории СССР*. XVIII век. М., 1963.
- Указ об учреждении ассамблей, 1718 – Указ об учреждении ассамблей / Полное собрание законов. Т. V. № 3246.
- Указ Петра I, 1718 – Указ Петра I. О достоинстве гостевом, на ассамблеях быть имеющему. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-biography.ru/DocPage/?IdDocs=84> (дата обращения: 04.02.2024).
- Уложение о службе 1555 г., 1841 – Уложение о службе 1555 г. / Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. XIII, 1904-1906. С. 265-269.
- Хейзинга, 1988 – Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.
- Шипилов, 2007 – Шипилов А.В. Русская бытовая культура: пища, одежда, жилище (с древнейших времен до XVIII в.). Воронеж, 2007.
- Шюц, 2003 – Шюц А. О множественности реальностей // *Социологическое обозрение*. 2003. Т. 3. № 2. С. 3-34.
- Raeff, 1983 – Raeff M. Peter the Great: Reformer or revolutionary? Lexington l.a., 1983.

References

- Ageeva, 2006 – Ageeva, O.G. (2006). Uveseleniya russkogo dvora ot Petra I do Ekateriny Velikoj [Amusements of the Russian court from Peter I to Catherine the Great]. *Otechestvennaya istoriya*. 5: 3-15. [in Russian]

Andreev, 1868 – *Andreev, P.* (1868). Deshyovyy russkij stol, ili Iskusstvo est' vkusno, zdorovo i deshevo: Rukovodstvo, sodержashchee v sebe bolee 685 nastavlenij dlya lyudej, neznakomyh s povar. iskusstvom k prigotovleniyu razlichnejshih kushan'ev, prostyh, parad., skorom. i post., hlebov, bulok, pirozhnyh i proch. pechenij, zagotovleniya v prok pripasov, varen'ev, prigotovlenie razlich. napitkov, kvasu, nalivok i pr. i pr., s ukazaniem otlich. priznakov svezhesti i dobrokachestvennosti provizii, vremeni prigotovleniya kazhdogo kushan'ya, i razvesa prostejshim sposobom: stakanami, ryumkami i lozhkami [Cheap Russian table, or the Art of eating tasty, healthy and cheap: A guide containing more than 685 instructions for people unfamiliar with cooking. the art of preparing a wide variety of dishes, simple, formal, quick. and fasting, breads, rolls, cakes, etc. cookies, preparing supplies for use, jams, preparing various. drinks, kvass, liqueurs, etc., etc., indicating the differences. signs of freshness and good quality of provisions, cooking time for each dish, and weighing in the simplest way: glasses, shot glasses and spoons]. Sost. i izd. P. Andreev. SPb., 1868. [in Russian]

Anisimov, 1989 – *Anisimov, E.V.* (1989). Vremya petrovskih reform [The time of Peter's reforms]. L. [in Russian]

Bogoslovskij, 1918 – *Bogoslovskij, M.M.* (1918). Byt i nruvy russkogo dvoryanstva v pervoj polovine XVIII veka [Life and customs of the Russian nobility in the first half of the 18th century]. Izd. 2-e. Pg. [in Russian]

Bryanchaninov, 1914 – *Bryanchaninov, N.* (1914). Gastronomicheskie razmyshleniya [Gastronomic reflections]. *Stolica i usad'ba*. 6. [in Russian]

Eliseev, 2003 – *Eliseev, O.P.* (2003). Kul'turnaya antropologiya [Cultural anthropology]. M. [in Russian]

Goncharov, 1982 – *Goncharov, I.A.* (1982). Obryv: roman [Break: novel]. M. [in Russian]

Grimm, 1954 – *Grimm, G.G.* (1954). Proekt parka Bezborodko v Moskve (materialy k izucheniyu tvorchestva N.A. L'vova) [Project of Bezborodko Park in Moscow (materials for studying the work of N.A. Lvov)]. Soobshcheniya Instituta istorii iskusstv. № 4-5. [in Russian]

Hejzinga, 1988 – *Hejzinga, J.* (1988). Osen' Srednevekov'ya [Autumn of the Middle Ages]. M. [in Russian]

Klyuchevskii, 1993 – *Klyuchevskii, V.O.* (1993). Russkaya istoriya: Polnyj kurs lekcij v trekh knigah [Russian history: A complete course of lectures in three books]. M. [in Russian]

Knyaz'kov, 1991 – *Knyaz'kov, S.A.* (1991). Vremya Petra Velikogo [The time of Peter the Great]. M. [in Russian]

Korotkova, 2003 – *Korotkova, M.V.* (2003). Puteshestvie v istoriyu russkogo byta [A journey into the history of Russian life]. M. [in Russian]

Korotkova, 2009 – *Korotkova, M.V.* (2009). Evolyuciya povsednevnoj kul'tury moskovskogo dvoryanstva v XVIII – pervoj polovine XIX vv.: diss. [The evolution of everyday culture of the Moscow nobility in the 18th – first half of the 19th centuries]. M. [in Russian]

Lebedeva, 2018 – *Lebedeva, L.S.* (2018). «Kachestvo zhizni»: klyuchevye podhody i struktura ponyatiya [“Quality of life”: key approaches and structure of the concept]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 4: 68-80. [in Russian]

Lotman, 1994 – *Lotman, Yu.M.* (1994). Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX centuries)]. SPb. [in Russian]

Lotman, Pogosyan, 1996 – *Lotman, Yu.M., Pogosyan, E.A.* (1996). Velikosvetskie obedy: Panorama stolichnoj zhizni [High society dinners: Panorama of metropolitan life]. SPb. [in Russian]

Nastavlenie molodomu cheloveku, 1805 – *Nastavlenie molodomu cheloveku...* [Instruction for a young man...]. *Severnyj vestnik*. 1805. Ch. VI. [in Russian]

O poryadke nasledovaniya..., 1714 – *O poryadke nasledovaniya v dvizhimyh i nedvizhimyh imushchestvah*. 23 marta 1714 g. [On the procedure of inheritance in movable and immovable property. March 23, 1714]. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vv.: v 9 t. T.4: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma. Otv. red. A.G. Man'kov. M., 1986. Pp. 295-300. [in Russian]

Ohlyabinin, 2006 – *Ohlyabinin S.D.* Povsednevnyaya zhizn' russkoj usad'by XIX veka [Everyday life of a Russian estate of the 19th century]. M., 2006. [in Russian]

Onoprienko, 2007 – *Onoprienko, I.G.* (2007). Byt provincial'nogo dvoryanstva: tradicii i novacii v 50 – 90-e gody XIX veka: na primere Central'nogo Chernozem'ya [Life of the provincial nobility: traditions and innovations in the 50s – 90s of the 19th century: on the example of the Central Black Earth Region]. Voronezh. [in Russian]

Pavlenko, 1993 – *Pavlenko, N.I.* (1993). Petr Velikij [Peter the Great]. M. [in Russian]

Perri, 1871 – *Perri, Dzh.* (1871). Sostoyanie Rossii pri nyneshnem care [The state of Russia under the current Tsar]. Per. knyazhny O. M. Dondukovoj-Korsakovoj. M. VIII. [in Russian]

Pigulevskii, 2012 – *Pigulevskii, V.O.* (2012). Vkushenie i trapeza [Taste and meal]. *Gumanitarnij Yuga Rossii*. 3: 100-113. [in Russian]

Popov, 2018 – *Popov, M.E.* (2018). Opyt primeneniya svetskih metodov kul'turnogo preobrazovaniya rossijskogo gosudarstva: na primere «reformy vesel'ya» Petra I [Experience of applying secular methods of

cultural transformation of the Russian state: on the example of Peter I's "reform of fun". *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. 1(197): 107-111. [in Russian]

Pudina, 2018 – Pudina, S.I. (2018). Vliyanie zapadnoevropejskikh idej na formirovanie soznaniya russkogo dvoryanstva pervoj chetverti XVIII v. [The influence of Western European ideas on the formation of the consciousness of the Russian nobility in the first quarter of the 18th century.]. *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya*. 1(17): 108-115. [in Russian]

Raeff, 1983 – Raeff, M. (1983). Peter the Great: Reformer or revolutionary? [Peter the Great: Reformer or revolutionary?]. Lexington I.a. [in Russian]

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

Shipilov, 2007 – Shipilov, A.V. (2007). Russkaya bytovaya kul'tura: pishcha, odezhda, zhilishche (s drevnejshih vremen do XVIII v.) [Russian everyday culture: food, clothing, housing (from ancient times to the 18th century)]. Voronezh. [in Russian]

Shyuts, 2003 – Shyuts, A. (2003). O mnozhestvennosti real'nostej [On the plurality of realities]. *Sociologicheskoe obozrenie*. 3(2): 3-34. [in Russian]

Sobornoe Ulozhenie 1649 goda, 1961 – Sobornoe Ulozhenie 1649 goda [Cathedral Code of 164]. M.N. Tihomirov, P.P. Epifanov. M., 1961. [in Russian]

Solov'ev, 1984 – Solov'ev, S.M. (1984). Publichnye chteniya o Petre Velikom [Public readings about Peter the Great]. M. [in Russian]

Tereshchenko, 1848 – Tereshchenko, A.V. (1848). Byt russkogo naroda [Life of the Russian people]. Ch. 1-7. SPb. [in Russian]

Ukaz o provedenii perepisi, 1718 – Ukaz o provedenii perepisi podatnogo naseleniya i poryadke raskvartirovaniya polkov. 26 noyabrya 1718 g. [Decree on conducting a census of the tax-paying population and the procedure for quartering regiments. November 26, 171]. Hrestomatiya po istorii SSSR. XVIII vek. M., 1963. [in Russian]

Ukaz ob uchrezhdenii assamblej, 1718 – Ukaz ob uchrezhdenii assamblej [ecree establishing assemblies]. Polnoe sobranie zakonov. T. V. № 3246. [in Russian]

Ukaz Petra I, 1718 – Ukaz Petra I. O dostoinstve gostevom, na assambleyah byt' imeyushchem [Decree of Peter I. On the dignity of being a guest at assemblies]. [Electronic resource]. URL: <http://rubiography.ru/DocPage/?IdDocs=84> (date of access: 04.02.2024). [in Russian]

Ulozhenie o sluzhbe 1555 g., 1841 – Ulozhenie o sluzhbe 1555 g. [Code of Service 1555]. Polnoe sobranie russkikh letopisej, izdannoe po vysochajshemu povelениyu Arheograficheskoyu komissiiyu. SPb., 1841. T. XIII, 1904-1906. Pp. 265-269. [in Russian]

Zaharova, 2001 – Zaharova, O.Yu. (2001). Svetskie ceremonialy v Rossii XVIII – nachala XX vekov [Secular ceremonies in Russia in the 18th – early 20th centuries]. M. [in Russian]

Zapiski Yusta Yulya, 1892 – Zapiski Yusta Yulya, datskogo poslannika pri russkom dvore [Notes of Just Jule, Danish envoy to the Russian court]. *Russkij arhiv*. 1892. № 3. [in Russian]

К вопросу о повседневной жизни дворянства в конце XVII – начале XVIII вв.

Павел Сергеевич Селезнев ^{a,*}

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Исследование повседневной жизни дворянского сословия в период правления Петра Великого приобретает особую актуальность в связи с тем, что предшествовавшее историческое развитие российского общества предопределило качественные изменения в быту и устройстве жизни дворянства – представителей привилегированного сословия русского народа. Значимость данной работы определяется недостаточной изученностью в контексте современных научных исследований отдельных аспектов повседневной жизни русского дворянства конце XVII – начале XVIII вв.

В работе особое внимание уделяется таким составляющим повседневной жизни российского дворянства, как правовое и экономическое положение этого сословия в обществе, его культурные представления, повседневный быт.

Автор делает вывод о том, что на изменения в области повседневной жизни русского дворянства большое влияние оказало проникновение в придворную среду элементов европейской культуры, с одной стороны, активно внедрявшихся в повседневную социальную практику, с другой – получавших определенное преломление на основе русских традиций.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев)

Особое внимание автор уделяет связи введенных при Петре I ассамблей – прообраза дворянского бала, организованного в европейских традициях, и качественными изменениями в быту российского дворянства.

Несмотря на то, что исследуемая эпоха была временем расцвета дворянского сословия, «европеизации» не только сознания, но и жизни русского дворянства, рост уровня жизни исследуемого сословия осуществлялся параллельно с расширением служебных обязанностей его представителей, необходимостью постоянного повышения образовательного уровня.

Ключевые слова: повседневная жизнь, дворянство, Петр Великий, ассамблеи, «большой двор», культура, традиции, европеизация.

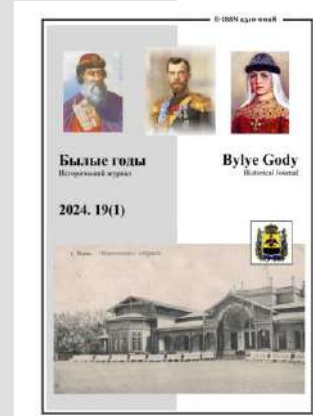

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 40-47
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.40

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Liubech Town Plan in 1651 by Abraham van Westerveld

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Evhenii M. Osadchyi ^c

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Institute of Applied Physics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Sumy, Ukraine

Abstract

The publication analyzes a little-known Liubech plan described by Abraham van Westerveld in his report on Janusz Radziwiłł's march to Kyiv in 1651. The latter was a Lithuanian hetman. The article concerns topographic drawings and geodetic tools used in that time. Modern topographic plans and early modern ones are compared (including respective mistakes). The drawing meets the West European cartographic school: orthogonal projection without decoration and description. It combines fortifications, separate buildings, infrastructure objects, etc. The plan is provided with a scale and English cardinal points. Such a draft was drawn by a skilled cartographer. The above-mentioned can determine the land survey, its methods and tools.

The survey was conducted after the Liubech seizure by Janusz Radziwiłł. The geodesist could get acquainted with the object and determine the stages of plan creation. The work was completed properly. There was only one deviation on the plan: the corner tower orientation shift. Besides, several surveying techniques were applied to the plan, which confirms high skills of the geodesist. The plan is almost centered. No pasting or wall direction changing are detected. Such techniques are usable for surveying unknown objects. However, plan errors themselves are typical for surveying tools and methods of the 17th century. Unfortunately, such a plan was created in a single copy. Therefore, we cannot make any assumptions about its authors.

Keywords: fortification, Liubech, Abraham van Westerveld, 1651, topographic plan, armed conflict, war, good governance.

1. Introduction

In the 16th-17th centuries, the cartography development of the Western Europe was significant. There was a transition from the biblical geography to the real one. Mathematic and astronomic measurements provided an opportunity to create maps of separate countries and continents. The first world maps were drawn. At the same time, the cartographer profession was a great secret to plan a successful military march based on fortifications, roads, ferries, etc.

A large contribution to the cartography development was done due to the Cartesian coordinate system. The same principles were applied for topographical survey of any object: a land, a town or a fortress. New geodetic tools increased the drawing accuracy. In contrast to the Western Europe, it was quite rare for Ukrainian lands under the Polish–Lithuanian Commonwealth to plan towns or fortifications. Usually, such properly colored drawings emerged at the beginning of the 18th century in case of siege. As an example, we can mention the Poltava plan made by Swedish engineers in 1709 (Gol'denberg, 1959: scheme 6). The plan we selected to analyze is a unique cartography heritage of the 17th century in terms of geodesy.

* Corresponding author

E-mail addresses: s.degtyarev@yur.sumdu.edu.ua (S.I. Degtyarev)

2. Materials and methods

The article analyzes the Liubech fortress plan as of 1651. This drawing is one of maps by Abraham van Westerveld who accompanied Janusz Radziwiłł during his march to Kyiv. The former was a Dutch artist, the second was a Lithuanian hetman. The original is stored in the archive «Kralovska kanonie premonstratu na Strachove» with the report on Janusz Radziwiłł's march (sheet 24). The research object is a geodetic task to make guide images of fortifications. To visualize the plan data as of 1651, we added a layer for indicating these marks. The dotted line stands for alleged geodetic points of measurements and observations.

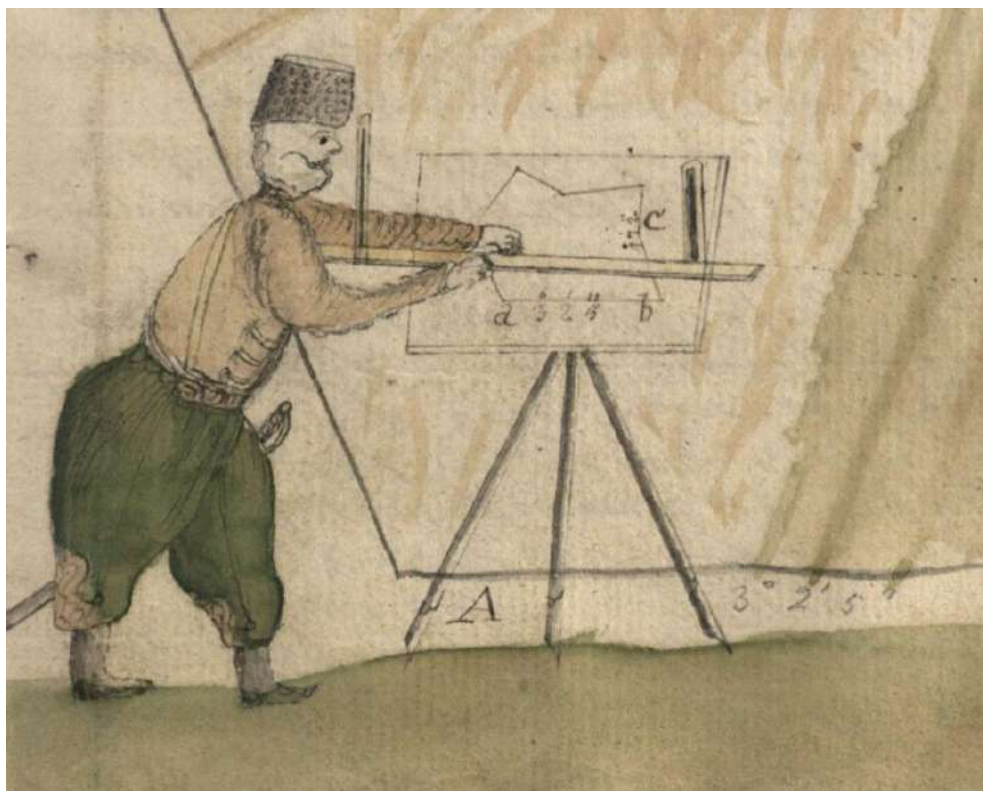
The methodological basis of this article comprises the objectivity principles. Via the source criticism principle, we comprehensively examined Westerveld's plan to detect inaccuracy. The comparison method contributed to this task as well. It is based on a contrast between geodetic techniques of the contemporary and early modern periods. The authors analyzed two Liubech images and defined similarities in drawing some elements and units. Simultaneously, the two-layer application allowed detecting sections with possible deviations. Such a method lets us understand the general plan idea and its finest details.

3. Discussion

The Liubech town history of the early modern period was studied by many Ukrainian and foreign researchers. In particular, a special interest concerns works on Siveria in the 16th-17th centuries (Rusina, 1998; Kulakovs'kyi, 2006; Bobiński, 2000). A comprehensive paper on the Liubech history is a monograph by I. Kondratiev "The Liubech Starostwo in the 16th-17th Centuries" (Kondrat'yev, 2013).

The archeological research of Liubech was conducted in the 20th century with a focus on excavations of the Castle hillfort (Rybakov, 1985: 94-132). At the beginning of the 21st century, excavations were resumed with an interest in the early modern heritage. Consequently, it resulted in the topographical survey of most archeological sites (Veremeychuk, Bondar, 2011: 60-61; Veremeychuk et al., 2012: 485-486; Bondar, 2017: 86-91; Sapozhnykov, Kuzmishchev, 2022; Sapozhnykov, 2022).

The image sources on the Liubech fortress history were also studied in detail. The Liubech plan of the 17th century was first published by Yu. Mytsyk and O. Berezenko (Mytsyk, Berezenko, 2013: 4). Later, it was reviewed by other experts. In particular, there was a Liubech plan comparison as of the 17th century with the drawings by Abraham van Westerveld. Besides, the fortress plan as of 1651 was compared with the contemporary topographical survey. As a result, we concluded its correspondence to written and archeological sources. Moreover, the drawing authorship is a question for further studies (Bondar et al., 2015: 50-52, fig. 4, 5).

Fig. 1. The work of a surveyor. Picture from the book «Arithmetyka albo Nauka Rachunkow», XVIII century

This article represents a new insight into plans, maps and drawings of the early modern period. The research aim is to analyze drawing elements and methodology of their design. Previously, we studied two maps of the first half of the 18th century (Osadchij, 2022: 161-169; Osadchij, Degtyarev, 2023: 209-217).

4. Results

Methods of geodetic survey and main tools for it

Now, we are going to review certain geodetic tools for such surveys. The most typical equipment for surveys was a plane table. It consisted of one or three legs and a desktop with a compass and sights (Figures 1, 2). Distance was measured via Gunter chains with a length scale. Sometimes, even surface distances were measured with a field compass. For angle measurements, an optical square and a magnetic compass were used. Geodesist assistants had also a stick or spear as a measuring rod (Figure 3). These tools were applied for topographical survey and its paper visualization (Warner 2005: 372-375).

Fig. 2. Surveyor with an assistant. Picture from the book «Arithmetyka albo Nauka Rachunkow», XVIII century

The Liubech fortification plan includes two layers. The first layer is an initial broken-line guide image drawn with a lead or silver pencil (walls, towers and church within the Liubech fortress). The second layer comprises a scale, marks and cardinal points. The Liubech fortifications are represented almost in the sheet center, which confirms high geodetic skills. There were some simple survey techniques. As an example, we can mention the polar topographical survey implemented in gradual steps.

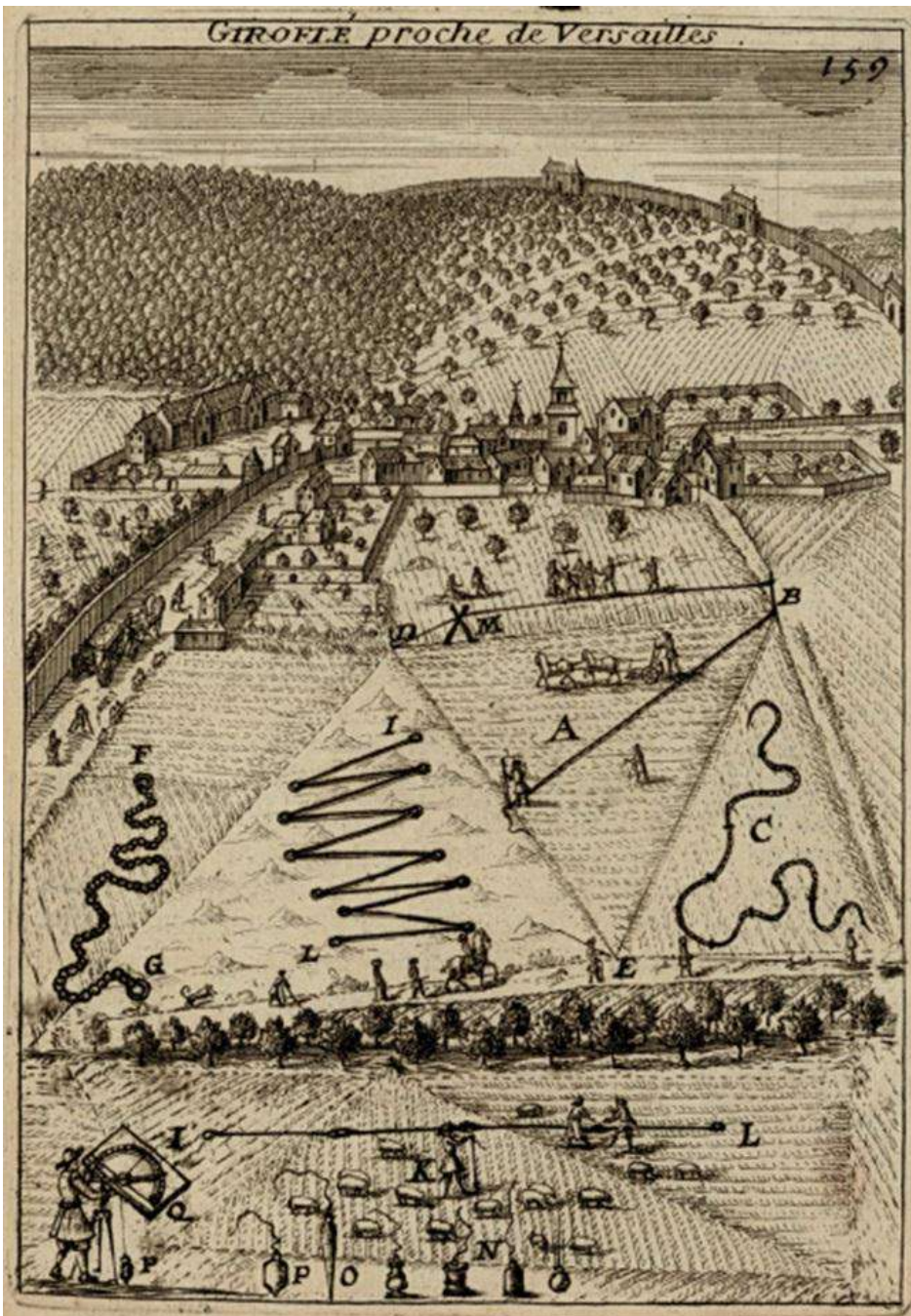
Step 1. Surveying via one or several control points (for closed areas with a distinct center providing an edge view).

Step 2. Laying routes via control points and azimuths (for long curved routes: ramparts and defensive lines).

Step 3. Measuring angles via the triangulation method when points are put on the straight-line intersection defined with a deviation angle (for fixing basic survey points and observation shifts).

Step 4. Calculating locations via astronomic measurements (for obtaining geographical survey coordinates and topographic adjustment).

Such a method had own advantages and disadvantages. When working, geodesists put some marks on the drawing (dots and dashes). Barely visible, they are very informative (Figure 4). The same marks were made by the author of most Liubech plans (Bondar, 2017: 89).

Fig. 3. Basic surveyor's tools. Picture from the book «La Géométrie pratique», 1702

Guide image analysis. Geodetic points and infrastructure objects

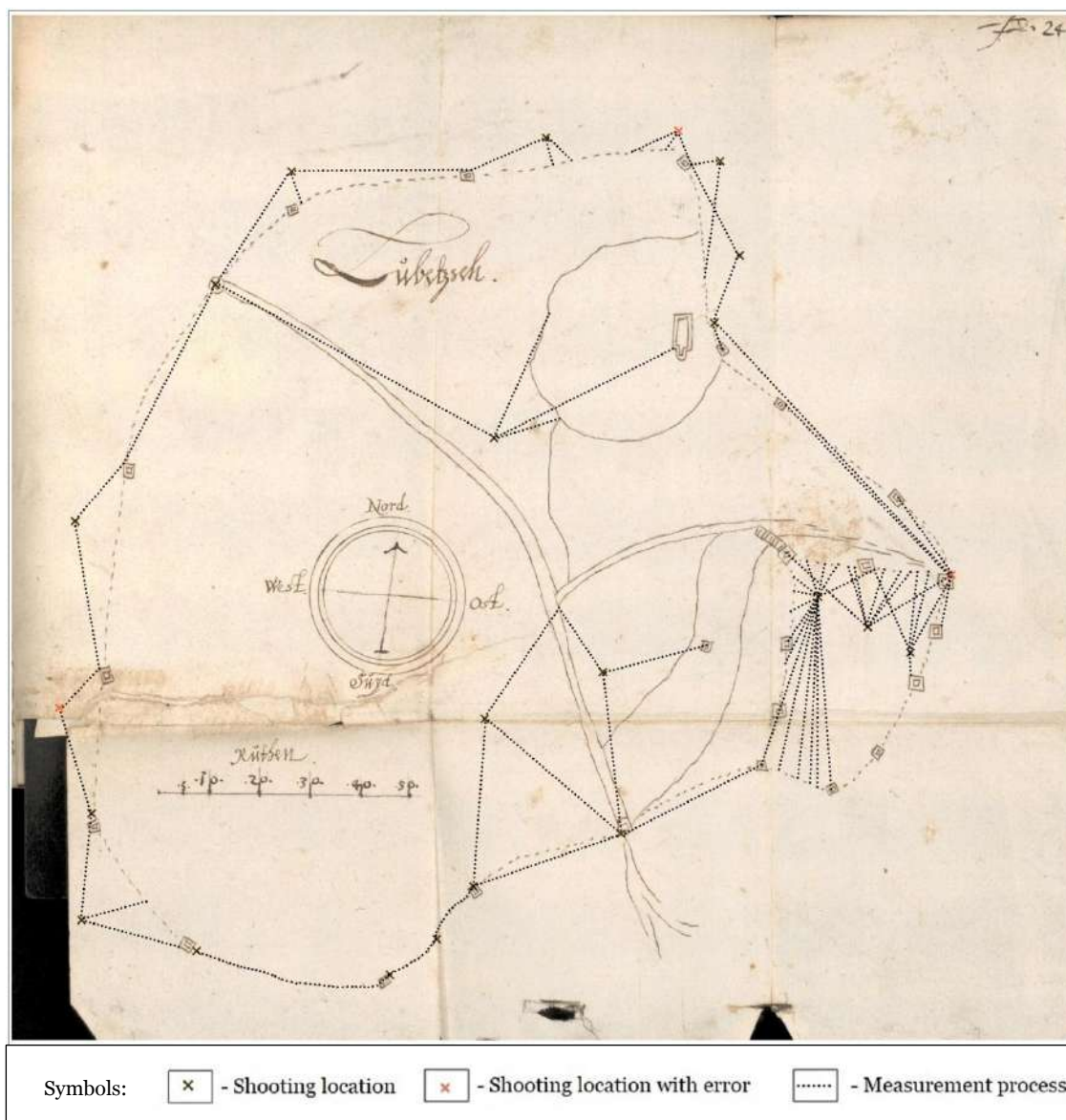
The guide image of the Liubech fortress is a complex cartographic task. It consists of two or even three parts. Firstly, it is the Castle located on a cape of the left Dnipro bank. In this case, the survey difficulty was explained by the hillfort development. Some points were found to observe and fix defensive locations. These points were marked on the plan. There were three points in the lower third of the Castle square. Their positions were adjusted concerning the south-north line. It was this place where the survey was conducted.

On the drawing by Abraham van Westerveld, we see the Castle with main buildings in its northern part (Bondar et al., 2015: 46, fig. 1). That is confirmed by archeological data: the development as of the 16th-17th centuries prevailed in the northern-western part of the Castle (Sytyy, Kondrat'yev, 2012: 17-18, fig. 4-5). Therefore, the northern wall was not directly observed (dashes) in contrast to the southern and western ones (dots). The dots stand for accurate distance measurements and their fixation. The northern part was fixed concerning the azimuth tower positions. Towers themselves were linked directly.

Then, the defensive line required drawing. The central street and descent divide it into two parts. This defensive line leads from the gate to the gate tower in the stream valley between two capes. In archeological literature, they are called the Western and Southern Fortifications (Bondar, 2017: 89).

The Western Fortification survey was conducted inside and outside. Today, the hillfort area is densely developed with private buildings and fences. The similar situation occurred the early modern period. In that time, the town was surrounded with wooden walls, which prevented measuring. For more accurate results, it was necessary to measure outside fortifications. The esplanade in front of defensive buildings simplified geodesist's work who could locate his plane table before fortifications.

The most difficult task was the point transfer from one object to another via wooden walls. On the drawing, we can understand how this transfer was done. From the northern-western wall of the Castle, an azimuth was taken to the place outside fortifications opposite the Piatnytska Church ([Kondrat'yev, 2013: 30-33](#)). It was the place to transfer measurements and observation results marked by a dot. This dot is vividly discerned between dashes standing for the wall guide image. The towers are also drawn clearly because the geodesist directly sees them. The further survey transfers the plane table data on control points and fixes the tower and wall locations. The drawing has three dots near the western corner of the Western Fortification (control points).

Fig. 4. Abraham van Westerveld's plan with the marking of the survey route and measurement control points, 1651

Here, azimuths were taken and distances were defined from control points to measuring objects.

Between towers of the south-western wall of the Western Fortification, there are two dots and dashes. Here, we can see three towers with opposite unclear dots. They stand for the observation place (the removed measuring angle). The distance from these dots to the wall image is scaled as 15 meters. That corresponds to the average ditch width not represented on the drawing.

Among land fortifications, there was a gate tower. On the drawing, it was round with a dot in the middle. That was a starting point to measure the inner space of the Western Fortification. Here, azimuths were taken for main streets. Later, the control point was transferred to the north along the street axis which bisected the fortress. This surveying reference point is important. The latter fixed the main landmarks, for example the Piatnytska Church whose sanctuary is oriented to the north-east. The church apse foundation has also a dot represented on the drawing.

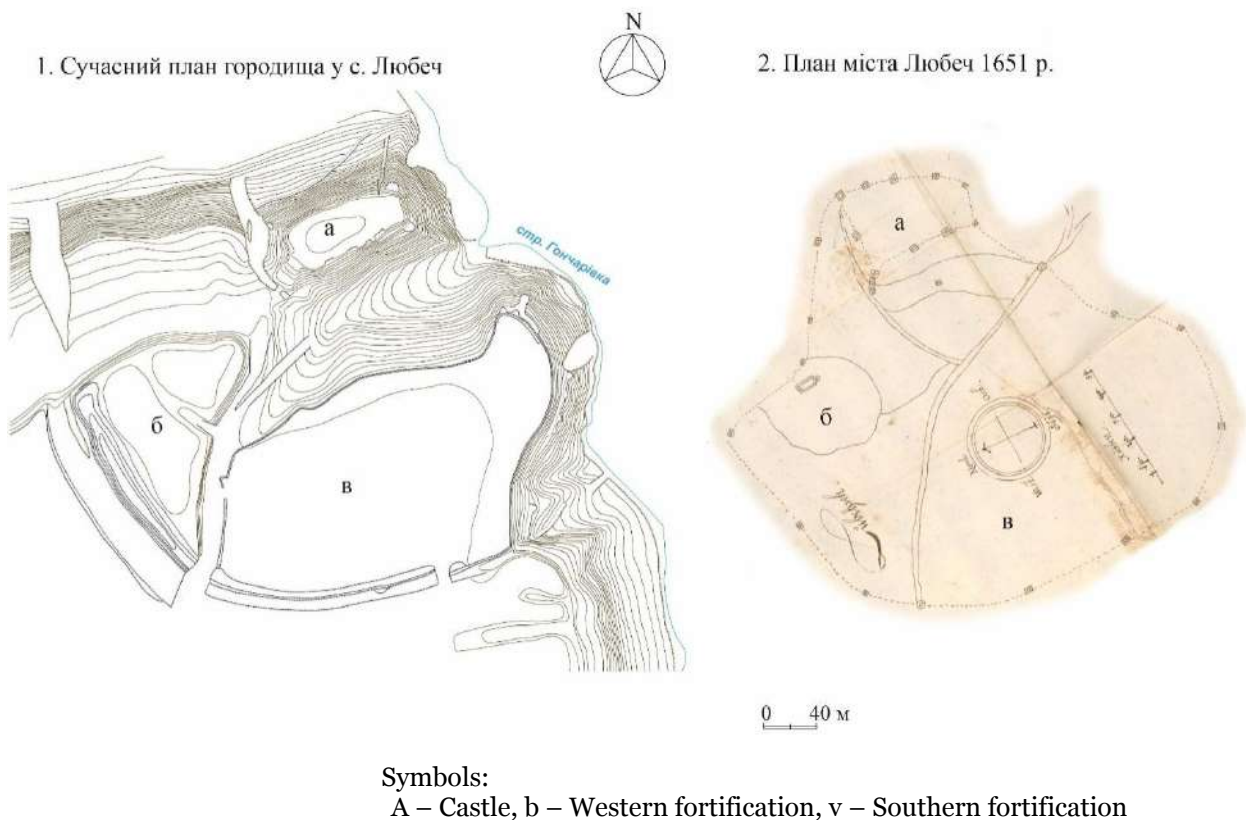
Then, the Southern Fortification wall was surveyed from the gate tower. It led to unclear dots along the defensive line with a larger distance between them. The reason is the almost straight form of the southern wall of the Southern Fortification with no need for too many control points. The fixed towers were linked via dashes. More attention was paid to curved or hard-to-reach locations. First of all, that concerns the eastern wall of the Southern Fortification. There are dots rather than dashes between towers, which show the geodesist's effort to display the wall as accurately as possible. Besides, this wall was situated on the very cliff edge. For survey, it was necessary to move from one point to another linearly.

Between the Southern and Western Fortifications, we have a deep descent to climb from floodplain to town. The fortifications were built on cliffs of two high capes (Figure 5: 1). The next step was survey of two cliffs from the left bank plateau to the Honcharivka stream floodplain. Here, the geodesist took azimuths from the left part of the Castle and the northern part of the Southern Fortification.

In this case, there was only one mark at the tower down the descent. This place produced further measurements and fork leading to the Castle. The drawing had a point between the scale sign and the "wind rose". It corresponds to the cliff edge of the Southern Fortification. Opposite to that, we had another tower and floodplain descent.

The towers and ditch bridge are quite sketchy. Corners of some towers are marked with dots connected via lines. The same concerns the church. All towers are drawn simultaneously (except for the southern one of the Western Fortification). The initial image was corrected by 20 degrees.

The author tried to represent the relief, which was not typical for large-scale plans. The geodesist defined the relief range for the Castle and the Western Fortification. The high position of the Piatnytska Church was marked with a solid line. The low position of the castle on the southern cliff was represented as well.

Fig. 5. Comparison of the modern topographical plan of the settlement in the village of Lubech and the plan of Abraham van Westerveld, 1651

Horizontal survey errors

Now, we are going to discuss differences between the modern plan and the drawing as of 1651. Both pictures were turned to the north and converted to the same scale (Figure 5). Most accurately, the author produced the Castle – a trapezium with the shorter eastern side. On the modern plan, the trapezium sides are almost equal. The northern-eastern corner of the castle was destroyed because of the soil fall, which distorted the

image slightly. Other fortifications generally correspond to the modern survey. Most often, errors were made when the geodesist transferred the control points. A great problem was representing the transition from the Castle to the Western Fortification. The azimuth was likely measured from the southern-eastern tower.

Till the western corner of the Western Fortification, the measurements were more or less accurate. Simultaneously, the geodesist made mistakes from the turn along the southern guide image of fortifications. However, they are stable and match the modern drawing till the central gate tower. Then, measurement errors are critical; the fortress plan has quite significant deviations from location of real objects. This is explained by linear curve measurements via azimuths and distance between points. No triangulation use caused many errors. It concerns measuring the eastern part of the Southern Fortification. Here, the wall image requires correcting by 23 degrees to match the real plan. Less mistakes occur for the survey in the northern corner of the Southern Fortification (when azimuths are taken to the Castle). Such errors were not exceptional: the same took place for the surveys of British colonies in North America (Estopinal, 2009: 19-20).

Therefore, we can conclude that main survey mistakes were made in fortress corners. Here, the geodesist could not take a back azimuth to the previous survey point.

Scale and cardinal points

The second layer has the scale ruler and cardinal points. The latter is the most problematic to produce. For survey, the geodesist should fix the deviation angle. This task requires fixing the north or south. In our case, we fixed the north according to the wind rose direction. The English cardinal points are marked on the cartouche over the drawn lines, which led to main errors of this plan. The cardinal points must have been marked after the plan survey itself (a cross-like sign is shown inside the fortress). Such a mistake may have been done because of the magnetic compass: its swinging needle could lead to a deviation by 5-10 degrees. Consequently, there were many errors on the final survey stage. However, the aligned drawing shows a north deviation by 240 degrees, which cannot be explained by a sum of compass errors.

The scale ruler has even marks from 0 to 50 rutes. The rute is a land length unit used in the Western Europe of the early modern period. The Bavarian or Württemberg rute was 2.9 meters (Brokgauz, Yefron, 1899: 368). Nevertheless, it is difficult to say what length unit Abraham van Westerveld applied indeed. When comparing the plans, the scale ruler corresponds to the modern one: 10 meters are 5 rutes.

Therefore, these two layers were produced in different periods of time. Letters and main lines are thick and clear, other images are thin and not so clear. It shows that the author created guide images of defensive fortifications on the survey site. The drawn lines were so thick that the image revealed itself on the opposite sheet side.

5. Conclusion

The Liubech plan as of 1651 is a field plan drawn during the topographical survey. It has marks typical for geodesists. The drawing must have been a basis for the Liubech map. Because of the unknown reason, the map was not finished. We can argue the survey was done after the Liubech capture by Janusz Radziwiłł. The control points inside and near the fortifications confirm this fact. The plan is quite realistic. Mainly, the guide image of defensive lines corresponds to the modern topographical survey (except for locations destroyed during the last centuries).

6. Acknowledgements

The work was carried out within the framework of fulfilling the terms of Agreement No. BF/23-2021 dated August 4, 2021 to fulfill the tasks of the long-term plan for the development of the scientific direction "Humanities and Arts" of Sumy State University with the support of the Ministry of Education and Science of Ukraine. Funding number: 0121U112686.

References

- Bondar, 2017 – Bondar, O. (2017). *Zamky ta fortetsi Chernihovo-Sivershchyny v XV-XVIII st.: ilyustrovanyy dovidnyk* [Castles and fortresses of the Chernihiv-Siver region in the XV-XVIII centuries: an illustrated guide]. K. 178 p. [in Ukrainian]
- Bondar et al., 2015 – Bondar, O., Volkov, M., Kondrat'yev, I. (2015). Nevidomyy malyunok Lyubecha 1651 r. [Unknown painting by Ljubech of 1651]. *Siveryans'kyi litopys*. 4: 44-56. [in Ukrainian]
- Bobiński, 2000 – Bobiński, W. (2000). *Województwo Kijowskie w czasach Zygmunta III Wazy: studium osadnictwa i stosunków własności ziemskiej*. Warszawa. 599 p. [in Polish]
- Brokgauz, Yefron, 1899 – *Entsiklopedicheskiy slovar'*. T. XXVII: Rozaven – Repa [Vol. XXVII: Rosaven – Turnip]. Izdateli: F.A. Brokgauz, I.A. Yefron. Pod red. K.K. Arsen'yeva, F.F. Petrushevskogo. SPb.: Tipografiya Akts. Obshch. «Izd. delo, byvsheye Brokgauz–Yefron». 1899. 502 p. [in Russian]
- Estopinal, 2009 – Estopinal, S.V. (2009). *A Guide to Understanding Land Surveys*. 3rd ed. New-Jersey: John Wiley & Sons. 249 p.
- Gol'denberg, 1959 – Gol'denberg, L.A. (1959). *Kartograficheskiye istochniki XVIII v. o voyennykh deystviyakh v 1708-1709 gg.* [Cartographic sources of the 18th century. about military actions in 1708-1709]. *Poltava. K 250-letiyu Poltavskogo srazheniya*. M. izd. Akademii nauk SSSR. Pp. 363-388. [in Russian]

Kondrat'yev, 2013 – Kondrat'yev, I.V. (2013). Z istoriyi P'yatnyts'koyi tserkvy Lyubecha u XVI-XVIII st. [From the history of the Friday Church of Ljubech in the XVI-XVIII centuries]. *Khreshchennya Kyjivs'koyi Rusi: vyznachna podiia v istoriyi ukrayins'koho narodu* (materialy naukovo-praktychnoyi konferentsiyi). Chernihiv: Sivers'kyy tsentr pislyadyplomnoyi osvity. Pp. 30-33. [in Ukrainian]

Kulakovs'kyy, 2006 – Kulakovs'kyy, P. (2006). Chernihovo-Sivershchyna u skladi Rechi Pospolytoyi (1618-1648) [Chernihiv-Sivershchyna as part of the Polish-Lithuanian Commonwealth (1618-1648)]. K.: Tempora. 496 p. [in Ukrainian]

Mytsyk, Berezenko, 2013 – Mytsyk, Yu., Berezenko, B. (2013). Unikal'nyy portret polkovnyka Martyna Nebaby [Unique portrait of Colonel Martyn Nebaba]. *Siveryans'kyy litopys*. 4-6: 3-4. [in Ukrainian]

Osadchij, 2022 – Osadchij, Ye.M. (2022). «Plan horodu Aleshny» pershoyi polovyny XVIII stolittya ["Plan of the city of Aleshna" of the first half of the 18th century]. *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprov'ya – 2021: zbirnyk naukovykh prats'*. Pam'yati I. H. Shovkoplyasa (1921–1997). Kharkiv-Poltava: TOV «Maydan». Pp. 161-170. [in Ukrainian]

Osadchij, Degtyarev, 2023 – Osadchij, E., Degtyarev, S. (2023). Archaeological sights of Oleshnia district (based on the materials of Boris Baturyn's land map of 1724). *Eminak*. 2(42): 207-219. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2023.2\(42\).648](https://doi.org/10.33782/eminak2023.2(42).648)

Rusina, 1998 – Rusina, O. (1998). Sivers'ka zemlya u skladi Velykoho knyazivstva Lytovs'koho [Seversky land as part of the Grand Duchy of Lithuania]. K.: NANU, Instytut ukrayins'koyi arkheohrafiyi ta dzhereleznavstva im. M.S.Hrushevs'koho, Instytut istoriyi Ukrayiny. 244 p. [in Ukrainian]

Rybakov, 1985 – Rybakov, B.A. (1985). Zamok. Arkheologiya SSSR s drevneyshikh vremen do srednevekov'ya: Drevnyaya Rus' [Lock. Archeology of the USSR from ancient times to the Middle Ages: Ancient Rus']. *Gorod, zamok, selo*. M.: Nauka. Pp. 94-132. [in Russian]

Sapozhnykov, Kuzmishchev, 2022 – Sapozhnykov, I., Kuzmishchev, O. (2022). Unknown Maps and City Plans of Olbia and Its Outskirts of the 19th Century. *Eminak*. 4(40): 50-77. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2022.4\(40\).602](https://doi.org/10.33782/eminak2022.4(40).602)

Sapozhnykov, 2022 – Sapozhnykov, I. (2022). Ochakiv and Its Outskirts on Maps and Town Plans of A.-J. de Lafitte-Clave Expeditions of 1784 and 1787. *Eminak*. 1(37): 25-45. DOI: [https://doi.org/10.33782/eminak2022.1\(37\).569](https://doi.org/10.33782/eminak2022.1(37).569)

Sytyy, Kondrat'yev, 2012 – Sytyy, Yu., Kondrat'yev, I. (2012). Etapy isnuvannya Lyubets'koho zamku v XIV – XVII st. (za materialamy arkheolohichnykh doslidzhen' B.O. Rybakova) [Stages of existence of Ljubetsky Castle in the 14th – 17th centuries. (based on the materials of archaeological research by B.O. Rybakov)]. *Siveryans'kyy litopys*. 5-6: 12-21. [in Russian]

Veremeychuk, Bondar, 2011 – Veremeychuk, O., Bondar, O. (2011). Doslidzhennya Zamkovoyi Hory bilya s-shcha Lyubech Ripkyns'koho r-nu Chernihivs'koyi obl. [Study of Zamkova Gora near Lyubech village, Ripkinsky district, Chernihiv region]. *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukrayini 2010 r.* K.: Instytut arkheolohiyi NAN Ukrayiny. Pp. 60-61. [in Ukrainian]

Veremeychuk et al., 2012 – Veremeychuk, O., Bondar, O., Tereshchenko, O. (2012). Doslidzhennya Zamkovoyi Hory u smt Lyubech Ripkyns'koho r-nu Chernihivs'koyi obl. [Study of Zamkova Gora near Lyubech village, Ripkinsky district, Chernihiv region]. *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukrayini 2011 r.* K.: Instytut arkheolohiyi NAN Ukrayiny. Pp. 485-486. [in Ukrainian]

Warner, 2005 – Warner, D.J. (2005). True North – and Why It Mattered in Eighteenth-Century America. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 149(3): 372-385.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 48-57
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.48

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Legal Status of the Native Population of Western Siberia in the Russian Empire (late 17th century – late 19th century)

Marat V. Saudakhanov ^{a, *}, Inna A. Garnaya-Ivanova ^b

^a MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the legal status of the yasak population in the Russian Empire in the 17th-19th centuries, namely the period of history from the reign of Peter I to the accession to the throne of Emperor Nicholas II. In their study, the authors relied mainly on materials from Western Siberia, extrapolating the study to the entire policy of the development of colonial territories by the Russian Empire. The authors' view is focused on the regulatory and law enforcement activities of the bodies of the Russian state for the integration of Siberian foreigners into Russian society. The paper examines the genesis of the development of the socio-economic and legal status of the native population of Western Siberia within the framework of the development of territories by the Russian Empire in the XVIII-XIX centuries. On the basis of archival data and other open sources, the problems that the public authorities have faced in terms of integrating the native population of Siberia into Russian society are being comprehended. The authors identify a number of important analytical positions that contributed to the resistance of foreigners to the policy of assimilation. In addition, the article attempts to identify the causes of positive changes in the development of cultural and economic ties between Russian and native society. The research materials demonstrate certain results affecting the period under study in the field of “domestication” of Siberian aliens and the nullification of the normative uncertainty of their legal status. The authors emphasize the careful attitude of the government of the Russian Empire to the traditional way of life of the natives and their social regulation.

Keywords: The Russian Empire, foreigners, Western Siberia, yasak, Speransky's reforms, Orthodoxy, assimilation, the Charter on the management of foreigners, military service, state peasants.

1. Введение

Актуальность заявленной темы заключается в том, что сущность сословной структуры российского социума, ее генезис и политико-правовая природа выступают в качестве одной из ключевых и фундаментальных проблем общественного развития российской государственности в XVII–XIX столетиях. В отечественной и зарубежной историографии акцент на анализе общественного развития России в плоскости формирования сословий, прав и обязанностей подданных, а также эволюции социальных групп в аспекте их правового положения делался постоянно. Тем не менее указанная проблематика и в настоящее время обладает свойствами дискуссионности в теоретическом и методологическом направлениях. Видится, что проблематика правового положения сословий в Российской империи – тема крайне перспективная и нуждается в дальнейших исследованиях. При этом анализ правовой природы сословной структуры российского правопорядка в рамках его генезиса не может обойтись без скрупулезного исследования спецификаций тех коренных народов, которые стали приобретать юридическую субъектность на колониальных территориях Российского

* Corresponding author

E-mail addresses: smv02@bk.ru (M.V. Saudakhanov),
inna.alex.garnaya.ivanova@gmail.com (I.A. Garnaya-Ivanova)

государства с периода Русского централизованного государства и до заката могущества Российской империи в начале XX столетия.

Нельзя не отметить и тот интерес ученых к проблематике места и роли коренных народов Западной Сибири, которые постепенно, начиная с XVI века, втягивались в правовое поле набирающей мощь России как метрополии, обладающей обширными колониальными владениями. На наш взгляд, стоит обратить внимание на то, что в плоскости отечественных и зарубежных историко-правовых исследований в основном преобладают два концептуальных направления, первое из которых обосновывает наличие механизма насильственной ассимиляции и угнетения туземцев. В качестве второго подхода, который сам по себе во многом амбивалентен, фигурирует аргументация эволюционного развития правового статуса сибирских аборигенов, когда центральное правительство Российской империи не форсировало интеграцию сибирских инородцев в сословную структуру государства.

В академической исторической науке принято полагать, что сословная структура Русского централизованного государства начала приобретать четкие очертания ко второй половине XVII в., когда Соборное Уложение нормативно зафиксировало широкий спектр «чинов» консолидируя их в социальные группы, разграничивая политико-правовое состояние подданных, четко нормируя их права и обязанности (Ключевский, 1918: 55). Сам факт введения подушного налогообложения в первой четверти XVIII столетия придавал значительный импульс этому процессу, обусловив предпосылки к юридическому оформлению «чинов» и расщеплению сословной структуры на привилегированных подданных и непривилегированное население Российской империи. В нормативном плане именно подушная подать выступила тем показателем, который предопределял правовой статус подданного (Виртшафтер, 2002: 49). Отталкиваясь от этой принципиальной посылки, авторы настоящей статьи предприняли попытку исследовать специфику правового положения ясачных подданных Российской империи, опираясь на материалы Западной Сибири XVIII–XIX столетий. При этом основным будет оставаться вопрос о возможности отнесения ясачного населения в крестьянское сословие по объему и хронологии вовлечения.

2. Материалы и методы

В качестве эмпирической базы исследования выступают изученные авторами фонды Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), из которых были подчерпнуты сведения о развитии ясачной повинности в рамках российского правового поля. Материалы Государственного архива Омской области (Омск, Российская Федерация) помогли авторам в некоторой степени осмыслить проблематику взаимоотношений органов власти Российской империи с туземным населением Западной Сибири. Через анализ фондов Государственного архива в городе Тобольске (Тобольск, Российская Федерация) авторы настоящей статьи попытались осветить вопрос юридической интеграции коренного населения Западной Сибири в социально-экономические и административные связи Российской империи. Исследование фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) в значительной степени сформировало позицию авторов в отношении тех причин, которые препятствовали интеграции туземного населения в русскую социокультурную среду.

Сведения, которые содержат документы, находящиеся в указанных архивах, дают широкое поле для осмысления правового статуса ясачных групп населения Российской империи, обеспечивая исследование эмпирической основы для анализа той политико-правовой трансформации, которой подвергалось общественное положение инородцев колониальных территорий России. Кроме того, в настоящем исследовании использовались опубликованные научные труды отечественных и зарубежных исследователей, затрагивающие проблему сословной структуры российского общества в XVII–XIX вв. Так, Э.К. Виртшафтер анализирует сословную иерархию Российской империи и место в ней социальной группы разночинцев (Виртшафтер, 2002). В своей монографии Е.В. Анисимов исследует податную реформу Петра I, акцентируя свое внимание на роли налогообложения в аспекте формирования сословной структуры Российской империи (Анисимов, 1982). В исследовании А.Ю. Конева продемонстрирована проблематика правовой природы механизма администрирования колониальных территорий в Российской империи в XVIII – начале XX вв. (Конев, 1995). В своей брошюре Г.Т. Бакиева осуществила краткий анализ правового регулирования сельских поселений татарского населения Западной Сибири в период его существования в рамках Российской империи (Бакиева, Квашин, 2009). В монографии М.М. Федорова отражен генезис политического и правового развития аборигенов Восточной Сибири в составе Российской империи, что позволило авторам, опираясь на этот труд, экстраполировать некоторые концептуальные положения в рамках настоящей статьи (Федоров, 1991). В книге Ф.Т. Валеева исследованы быт и культура сибирских татар (Валеев, 1993). В своем фундаментальном труде С.К. Патканов сделал успешную попытку проанализировать и соотнести культурно-экономические связи русских крестьян и туземного населения Западной Сибири (Патканов, 2003).

Методологически настоящая статья представлена в образе взаимосвязанных и взаимообусловленных методов, принципов и подходов. В частности, использование анализа и синтеза способствовало осмыслению сущности эмпирической основы и выделению закономерностей

трансформирования правового положения ясачного населения в Российской империи. В аспекте историко-правового и системного методов была рассмотрена фактология и событийность, имевшие место в указанный период, что позволило детерминировать генезис правового положения ясачного населения в Российской империи в XVII-XIX вв. С помощью метода герменевтики авторы попытались оптимально истолковать те юридические источники и архивные документы, которые были использованы в настоящем исследовании.

3. Обсуждение

В настоящее время современная историография еще не достигла единства в анализе проблематики правового положения крестьянства в Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. в аспекте сословной градации. Так, ряд исследователей полагает, что крестьянское сословие было неоднородно по своей сути и включало в свой состав несколько подгрупп, которые обладали своими социальными и правовыми спецификациями. Наиболее полно и последовательно указанная точка зрения отражается в исследовании Б.Н. Миронова ([Миронов, 2003: 122-123](#)). Некоторые ученые, такие как Е.В. Анисимов, А.П. Окладников, Н.Н. Покровский и А.В. Дулов склонны выделять в рамках отдельного сословия государственных крестьян ([Анисимов, 1982: 141-145, 152-155; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма..., 1982: 234](#)). Можно отметить, что амбивалентность указанной позиции нашла свое отражение в фундаментальном издании «Российское законодательство X–XX веков», во введении к 4-му тому которого параллельно государственные крестьяне называются и сословием, и внутрисословной категорией ([Российское законодательство..., 1986: 31, 33](#)). Тем не менее, в качестве положительного момента указанного издания можно назвать то, что в качестве основного сословно образующего фактора называется податная реформа 1718–1724 гг.

Позиция ученых относительно социально-юридического положения ясачных групп, проживающих в Сибири, в исследуемый период, не обладает необходимой четкостью. В более предметной плоскости мнение ученых отражается в рамках исследований базовых положений «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Указанный нормативно-правовой акт в качестве точки отсчета предполагал признак оседлости, то есть наличия зачатков земледельческой культуры у туземного населения. В этой связи, авторы, отталкиваясь от замысла законодателя, предполагали постепенную интеграцию инородцев в те сословия российского социума, в которые они войдут, исходя из своего текущего социально-экономического состояния ([ПСЗ-И. Т. 38. № 29126](#)). Тем самым, закладывались предпосылки к тому, что оседлые земледельцы из аборигенов Западной Сибири могли быть интегрированы прежде всего в сословие государственных крестьян. Исходя из обозначенных позиций, вполне обоснованно отечественные исследователи рассматривали принятие указанного нормативно-правового акта как завершающий этап нормативного оформления сословия государственных крестьян в Сибири ([Крестьянство Сибири в эпоху феодализма..., 1982: 246](#)). Кроме того, по мнению Л.М. Дамешека и А. Каппелера, в качестве одного из значимых результатов административной реформы первой четверти XIX столетия выступило формирование специфического сословия инородцев, которых правопорядок Российской империи подразделял на два основных разряда: «кочевые» и «бродячие». Отталкиваясь от юридического закрепления такой правовой спецификации, указанные авторы анализировали и правовую природу ясачной повинности, которая предполагала и особую систему социальной саморегуляции ([Дамешек, 2018: 191; Каппелер, 1994: 219](#)).

В целом научная позиция в отношении сущности социальной группы ясачных людей и возможности их правовой интеграции в сословия государственных крестьян Российской империи обладает аналитической размытостью и субъективностью взглядов, демонстрируя тем самым потребность в дополнительном исследовании данного вопроса.

4. Результаты

В качестве начального этапа нормативного формирования государственных крестьян как общественного слоя выступает реформа податного обложения, которая была реализована в рамках Реформ Петра I. Правовой основой податной реформы выступил указ от 11 января 1722 г., а также плакат от 26 июня 1724 г. Так, в «Плакате о сборе подушном» некоторые положения формировали предпосылки того, что туземное население колониальных территорий Российской империи могло быть юридически интегрировано в крестьянское сословие. В п. 18 указанного документа предусматривался дополнительный налог, который исчислялся четырьмя гривнами, кроме уже существующего подушного сбора ([ПСЗ-И. Т. 7. № 4533](#)). Вполне закономерно, что положения «Плаката о сборе подушном» обрели соответствующие очертания в исследованиях отечественных ученых ([Анисимов, 1982: 141-145, 152-155, 179-181; Российское законодательство X–XX веков..., 1986: 31](#)). По нашему мнению, здесь важно учитывать то, что в период реформ Петра I реорганизация текущего правопорядка в первую очередь учитывала аспект государственной службы. В связи с этим часть инородцев была освобождена от ясачного налога, так как несла воинскую повинность ([Крестьянство Сибири..., 1982: 318](#)). Следовательно, ясачные группы населения Российской империи, несшие военную службу, не фигурировали в рамках подушного сбора.

Стоит отметить, что многие из числа местных западносибирских аборигенов были обложены ясаком и, проживая в труднодоступной местности, все же занимались примитивным земледелием. Как полагает В.И. Шунков в конце XVII столетия, татарское население активно возделывало землю, и его запашка в десятинах примерно равнялась численности проживающих на ней жителей (Шунков, 1956: 54). Конец XVIII столетия был ознаменован тем, что западносибирские инородцы еще более повысили объемы обрабатываемых земель. Тем не менее их земледельческая культура по своему качеству была достаточно неразвита, и урожай всего лишь в два раза превышает посаженное (Громыко, 1965: 42).

Однако в рамках исследования данной темы важно то, что характеризовать инородцев Западной Сибири даже при низком качестве земледельческой культуры можно как земледельцев, которые относились к категории инородцев, платящих ясак. При этом в XVIII столетии правопорядок Российской империи не предполагал в связи с занятием земледелием перевод ясачного инородца в крестьянское сословие.

Примечательно, что положения Подворной переписи 1719 г. предписывали два вида ясака для инородцев. Одна категория последних осуществляла ясак зерновым хлебом, а вторая – пушшиной (Громыко, 1965: 40). Все это не означает, что платящие ясак инородцы обладали различным правовым статусом, так как его формы могли существенно различаться, реализовываясь в денежной и зерновой форме. Популярен был также и ясак пушшиной. По сути, ясак как специфическая форма взаимодействия метрополии с колониальным населением опосредовала особые политико-правовые и социально-экономические связи.

Подать через ясак предполагала особый инструмент фиска, указывающий на титульного собственника земельных владений, на которых проживали инородцы. На это указывает и то, что в случае смены владельцев земли подать не менялась даже в наименовании. К примеру, если землевладелец из инородцев передавал свои права русскому подданному, то к последнему переходила обязанность выплачивать аналогичный ясак за пользование землей. В этой связи нетрудно провести параллели между ясаком и натуральной рентой. Примечательно, что в указанный период и земля могла иметь различные наименования, и кроме ясачной, имела место и российская («росейская»), владельцы которой несли привычные повинности за ее пользование (Громыко, 1965: 193). Пользователи «росейской» земли носили наименование русских ясачных людей (Расходные книги..., 1996: 153)

Такой социально-правовой феномен, как ясак, в XVIII столетии постепенно теряет военно-политические признаки, трансформируясь из дани с покоренного населения в налоговый сбор для подданных. В свою очередь, из способа определения государственно-политической принадлежности инородцев указанный сбор представляется инструментом социальной идентификации, формируя механизм регулирования экономических обязанностей покоренных народов.

По сути, сибирские инородцы представлялись в образе специфической социальной категории, которая была обязана платить подати. Указанная повинность не просто закрепляла императивность уплаты натуральной ренты (оброка) в пользу титульного собственника земли, в качестве которого выступала метрополия, но и формировала юридические спецификации, присущие правовому положению туземного населения колониальных территорий.

В русле нашего исследования нельзя не затронуть и правовой статус православных инородцев, который не был определен нормативно. Так, в конце XVII столетия крещенные иноверцы обычно меняли свой статус, переходя из ясачных в категорию служилых по прибору. При этом некоторые из «новокрещенных» могли остаться при монастырях. Однако данная тенденция была быстро свернута уже в начале XVIII столетия. Из Москвы через Сибирский приказ в декабре 1702 г. пришла грамота, которая запрещала принудительное обращение в православие инородцев. Кроме того, сам факт обращения в православную веру не менял статус последних и, следовательно, не упразднял обязанность платить ясак (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 203).

Тем не менее крещенным инородцам постепенно был дарован ряд льгот, не отменивший ясак как таковой. В частности, согласно указу Сената от 1 сентября 1720 г. принявшим православие инородцам была дана налоговая амнистия на три года, а спустя два года Указ от 2 ноября 1722 г. освободил последних от рекрутской повинности (ПСЗ-1. Т. 6. № 3637).

Постепенно, шаг за шагом, обращенные в православие инородцы приобретали привилегированное социально-экономическое положение, и обязанность уплачивать ясак была не такой обременительной, как обычные подати, которые платили русские земледельцы (Беспокойный, 2013: 96).

Не обошлось здесь и без эксцессов. Так, неопределенность статуса крещенных в православную веру инородцев дала основания ревизионной проверке в 1722 г. обложить их подушным сбором вкупе с сохранением обязанности платить ясак. Тем не менее, заступничество православной церкви помогло отстоять права сибирских инородцев, и уже в рамках Сенатского указа от 26 марта 1726 г. подушную подать с инородцев любого вероисповедания взимать было запрещено (ПСЗ-1. Т. 7. № 4860). Впоследствии, на всем протяжении XVIII столетия правительство Российской империи постоянно своими указами подтверждало запрет взимания подушной подати с инородцев,

за которыми сохранялась лишь обязанность уплаты ясака. Кроме того, сохранялись и льготы для православных инородцев (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 85; Ф. 462. Д. 2. Л. 48).

Тем не менее специфический правовой режим взимания налогов с инородцев, принявших православие, число которых неуклонно возрастало, долгое время был законсервирован. Они были в юридическом плане субъектами одной социальной категории, существенно образом отличаясь от русского крестьянства. Указанные отличия концентрировались не только в аспекте оформления и регулирования податных платежей, но и в отсутствии рекрутской повинности. Отличались они и особой процедурой пользования землей, а также особенностями местного самоуправления (Конев, 1995: 49-75; Бакиева, Квашин, 2009: 97-144).

В этой связи несложно проследить, что интеграция обложенных ясаком сибирских инородцев в категорию государственных крестьян не имела практического воплощения вплоть до второй четверти XIX столетия. Тем не менее, реформы М.М. Сперанского придали импульс провалившимся попыткам юридически «ассимилировать» коренное сибирское население, по крайней мере, его оседлую категорию.

По нашему мнению, будет излишним в рамках настоящей статьи скрупулезно анализировать ключевые нормы «Устава об управлении инородцев», так как данная проблематика является достаточно изученной отечественными исследователями (Светличная, 1957: 53-77; Дамешек, 1975: 21-45; Марченко, 1982: 153-164; Хоч, 1990: 40-49; Федоров, 1991: 168-184). Тем не менее, в рамках нашего исследования имеет место ряд замечаний принципиального характера. Так, вышеуказанный документ был явно компромиссным. При этом его творцы, стремясь унифицировать и рационализировать правовое положение инородцев, не являлись сторонниками радикальных изменений традиционной жизни и привычного быта коренных народов Сибири. Авторы «Устава об управлении инородцев» М.М. Сперанский и Г.С. Батеньков посредством этого нормативно-правового акта ратовали не за революционные изменения, а за постепенный эволюционный процесс, который позволил бы безболезненно интегрировать инородцев в социум Российской империи. Целью реформаторов выступало включение аборигенов в субъектный состав российского правопорядка через реализацию умеренных рычагов административного воздействия на инородцев, которое не вызвало бы всплеск протестных настроений. В этой связи и был предложен такой проект, который выступит предпосылкой постепенного уравнивания в правах и обязанностях инородцев Сибири с непривилегированными сословиями русских подданных империи. Безусловно, подавляющую массу коренных народов Сибири предполагалось включить в сословие государственных крестьян.

Практическая реализация указанного замысла получила импульс уже в 1823 г. в территориальных рамках Тобольской губернии. Так, местных инородцев распределили по разрядам в соответствии с нормами Устава. Исключениями выступили лишь бухарцы и ташкинцы, в отношении которых Сибирский комитет должен был организовать особое заседание, до окончательного решения которого последние оставались в прежнем правовом положении (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 300. Т. 2. Л. 239, 239об.).

Тем не менее, попытки интеграции инородцев в привычные социальные группы Российской империи также оказались несостоятельными. Ревизионная комиссия, осуществлявшая свою работу в Западной Сибири в 1828 г., отмечала «перегибы на местах», указывая на различные нарушения в процессе включения инородцев в крестьянское сословие. Типичными нарушениями выступало то, что к разряду оседлых приписывали тех инородцев, которые не обладали соответствующей материальной базой. Кроме того, отмечались массовые нарушения основных положений Устава, когда туземное население оставалось в прежнем состоянии, которое соответствовало их традиционному укладу жизни (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 620. Л. 452, 453). Бережный подход к реорганизации общностей коренного населения, когда чиновники на местах отказывались от слома самоорганизующейся социальной системы туземцев, в некотором роде вступал в противоречие с нормативной базой Российской империи и свидетельствовал о том, что губернская администрация опасалась стихийных бунтов коренного населения.

Лояльность к инородцам проявилась и в аспекте административно-территориальной реформы, когда в рамках текущей нормативной базы Российской империи в конце 30-х гг. XIX в. были установлены налоговые преференции на срок в 5 лет в виде уплаты лишь половины податей для оседлых инородцев, интегрированных в крестьянское сословие. Налоговые послабления для этой категории коренного населения должны были начать реализовываться в период с 1835–1840 гг. При этом в период с 1840–1850 гг. оседлые инородцы обязаны были уплачивать 66 % от положенной податной суммы. Лишь с 1850 г. туземцы, переведенные в крестьянское сословие, стали уплачивать полный подушный налог. Примечательно, что в рамках интеграции инородцев в русский социум были и еще более привилегированные этносы например, заболотные татары, которые уплачивали подушную подать в еще меньшем объеме. Кроме того, указанный нормативно-правовой акт прощал земские податные недоимки инородцам (ПСЗ-II. Т. 10. Отд. 1. № 8183).

Стоит отметить, что за двадцать лет, в период с 1830 по 1850 гг., в пределах Тобольской губернии административно-территориальное деление коренного населения не было затронуто реорганизацией, а структура местного самоуправления оседлых инородцев осталась в традиционной форме и не была унифицирована по типу русской крестьянской общины (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 850.

Л. 59; ГБУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 624. Л. 14). Более того, у оседлых инородцев в это время местное самоуправление постепенно по своей структуре стало приближаться по форме к образцу самоуправления, которое предусматривалось у кочевого коренного населения и сохраняло в том числе и местные традиционные судебные органы. Подобный подход в организации жизни и быта коренных народов Западной Сибири с самыми незначительными изменениями был законсервирован вплоть до начала XX столетия (ГБУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 34. Д. 390. Л. 35). Учитывая подобную практику, нельзя в полной мере согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что колонизация Западной Сибири Российской империей повлекла радикальный слом традиционного уклада жизни оседлого коренного населения (Национальные окраины..., 1997: 106).

Тем не менее, несмотря на лояльную политику центральной администрации Российской империи к местным структурам самоуправления коренных народов Сибири, первую попытку слома традиционного уклада оседлых инородцев предпринял генерал-губернатор Г.Х. Гасфорт. В конце 1857 года последний упразднил туземные органы управления, унифицировав их структуру по типу русских крестьянских общин. При этом чиновник реформировал лишь те поселения оседлых инородцев, которые находились в окружении русских общин. Важно то, что реорганизация местного управления осуществлялась крайне осторожно, и земельные отношения туземцев были сохранены. Указанная реорганизация имела определенную цель, которая заключалась в попытке повысить земледельческую культуру оседлых инородцев, улучшить их жизнь, параллельно создав предпосылки к уменьшению податной задолженности туземцев (ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4217. Л. 1).

Указанные реформы со стороны местного чиновника ожидаемо спровоцировали протестные настроения среди коренного населения. Как следствие, расформированные туземные структуры местного самоуправления были частично воссозданы уже через несколько лет (Валеев, 1992: 64). Попытки ассимилировать оседлых инородцев в хозяйственном и административном отношении непременно провоцировали недовольство в среде туземного населения, прежде всего потому, что это приводило к увеличению налогов. В этой связи консервация привычных социокультурных связей стала существенным препятствием к ассимиляции инородцев. Важно то, что последние выпадали из правового поля Российской империи по причине сохранения своей прежней правовой регуляции, в которой важную роль играло обычное право.

Институты обычного права у сибирских инородцев опосредовали всю их систему местного самоуправления. Кроме того, суды туземцев разрешали споры о праве во всех ключевых сферах их жизни, в том числе и в вопросах пользования и распоряжения землей. В качестве характерного примера здесь можно привести опыт реорганизации местного самоуправления у хантыйских народов, которые проживали в Тобольском округе. Исходя из архивных сведений, традиционный уклад жизни хантов в значительной степени приближал их быт к образу жизни местных крестьян, хотя юридически ханты считались кочевым народом. Кроме того, в середине 60-х гг. XIX столетия некоторые общины остяков были успешно интегрированы в русские волости на правах сельских обществ (РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 2. Л. 16).

Интеграция оседлых инородцев в русский крестьянский социум имела свою специфику. В частности, туземцы не участвовали в выборах волостного суда. Ханты, по сути, саботировали волостные суды, отдавая предпочтение своим органам правосудия, которые по статусу были ниже, чем суды волости (ГБУТО ГАТ. Ф. 344. Оп. 1. Д. 216. Л. 184).

Волостной начальник нередко указывал, что кроме разницы в выплате податей, интеграции инородцев препятствовали различные по своей сути правила пользования и владения землей (ГБУТО ГАТ. Ф. 344. Оп. 1. Д. 216. Л. 187). В этой связи в начале XX столетия крайне значимыми стали мероприятия по проведению землеустроительных работ на территориях проживания оседлого туземного населения.

В рамках настоящей статьи нельзя обойти вниманием и активную христианизацию туземного населения Западной Сибири. Так, привитие православной веры инородцам в первой половине XVIII столетия способствовало сближению туземцев с русским населением в не меньшей степени, чем налаживание экономических связей сибирских аборигенов с русскими переселенцами (Патканов, 2003: 174). Однако сам факт принятия православия не затронул тенденцию к консервации своего национального самосознания и культурных традиций инородцев. Последние упорно пытались сохранить те различия в жизни и быту, которые не позволяли в полной мере ассимилировать туземцев в русский социум. В наибольшей степени противились интеграции в русскую социокультурную среду татары. Подобная тенденция создавала предпосылки к формированию специфического социально-правового положения инородцев, проживающих в пределах Российской империи.

5. Заключение

В заключение статьи необходимо сделать ряд выводов и обобщений. Туземное население Сибири в XVIII столетии, несмотря на комплекс мер со стороны правительства Российской империи, неохотно интегрировалось в постепенно формирующееся крестьянское сословие. При этом вплоть до первой четверти XIX в. в отношении сибирских инородцев сохранялась юридическая неопределенность их правового статуса. В этой связи только в начале XX столетия различия между

нормативными предписаниями и фактическим положением инородцев были преодолены, и последние были включены в категорию государственных крестьян. Предпосылками к этому служил ряд существенных обстоятельств, затрагивающих национальные, социальные, административные и экономические связи. Важно то, что последовательные и решительные меры по нуллификации юридических различий между оседлыми инородцами и русским населением сыграли свою позитивную роль лишь тогда, когда сословные отношения стали выступать факультативным элементом правопорядка Российской империи. Необходимо подчеркнуть, что политика правительства Российского государства обладала качествами бережного отношения к традициям и быту инородцев, отдавая предпочтение эволюционным, а не революционным преобразованиям социума туземцев. Метрополия преследовала цель сохранить политическую стабильность колониальных территорий, занимаясь «окультуриванием» инородцев, которые обладали существенными льготами в виде сниженных налогов и отсутствия воинской повинности в сравнении с русскими крестьянами. Важную роль в политике «окультуривания» оседлых инородцев сыграла и политика по их христианизации, которой в немалой степени способствовала нормативная база Российской империи. В целом сохранение малых народов Российской Федерации и по сей день остается важнейшей задачей государства, во многом повторяя практику Российской империи.

Литература

- Анисимов, 1982** – *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I: Введ. подуш. подати в России, 1719-1728 гг. Под ред. Н. Е. Носова. Ленинград: Наука, 1982. 296 с.
- Бакиева, Квашин, 2009** – *Бакиева Г.Т., Квашин Ю.Н.* Тоболо-иртышские татары: (историко-этнографические очерки). Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т проблем освоения Севера. Тобольск: ИПОС СО РАН, 2009. 58 с.
- Беспокойный, 2013** – *Беспокойный А.В.* Христианизация этнографических групп манси и православное миссионерство (конец XIX – начало XX в.) // Вестник угроведения. 2013. №2 (12). С. 94-103.
- Валеев, 1992** – *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: культура и быт / Ф. Т. Валеев. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 206 с.
- Виртшафтер, 2002** – *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: различия в Российской империи / Элис К. Виртшафтер; Пер. с англ. Т. П. Вечериной; Под ред. А. Б. Каменского. Москва: Логос, 2002. 271 с.
- ГАОО** – Государственный архив Омской области.
- ГБУТО ГАТ** – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске».
- Громько, 1965** – *Громько М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение / Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние. Новосибирск: Наука, 1965. 267 с.
- Дамешек, 1975** – *Дамешек Л.М.* Устав об управлении инородцев М.М. Сперанского и Г.С. Батенькова // Памяти декабристов. Иркутск, 1975. С. 21-45.
- Дамешек, 2018** – *Дамешек Л.М.* Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.): Монография. Иркутск: Издательство «Оттиск», 2018. 456 с.
- Каппелер, 1994** – *Каппелер А.* Включение нерусских элит в российское дворянство. XVI–XIX вв. (Краткий обзор проблемы) / Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв.: Тез. докл. междунар. конф. Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 1994. Ч. 2. С. 215-225.
- Ключевский, 1918** – *Ключевский В.О.* История сословий в России: Курс, чит. в Моск. ун-те в 1886 г. / В. О. Ключевский; Предисл. А. Юшков. 3-е изд. Петроград: Лит.-изд. отд. Ком. нар. прос., 1918. XVI, 276 с.
- Конев, 1995** – *Конев А.Ю.* Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII - нач. XX вв.). М.: ИЭИА, 1995. 217 с.
- Крестьянство Сибири..., 1982** – Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / [А. П. Окладников, Н. Н. Покровский, А. В. Дулов и др.; редкол.: А. П. Окладников (отв. ред.) и др.]. Новосибирск: Наука, 1982. 504 с.
- Марченко, 1982** – *Марченко В.Г.* Система управления сибирскими аборигенами в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 153-164.
- Миронов, 2003** – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-XX в.). Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. Москва: ГИПП Искусство России, 2003. 547 с.
- Национальные окраины...** – Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / С. Г. Агаджанов, Ш. Ф. Мухамедьяров, В. В. Трепавлов и др.; Ин-т Рос. истории РАН. Москва: Слав. диалог, 1997. 415 с.
- Патканов, 2003** – *Патканов С.К.* Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа, Тобольской губернии. Ч. 2. 2003. 310 с.
- ПСЗ-I** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.
- ПСЗ-II** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе.

Расходные книги..., 1996 – Расходные книги Верхотурской земской конторы 1723 года (подготовка: В.А. Перевалов) // *Архивы Урала*. Научно-популярный журнал. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 151-157.

Российское законодательство..., 1986 – Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. Т. 4 / Ответственный редактор заслуженный деятель РСФСР, доктор исторических наук А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 511 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Светличная, 1957 – *Светличная Л.И.* «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского (1822 г.) // *Учен. зап. Тюменского гос. пед. ин-та*. 1957. Вып. 1. С. 53-77.

Федоров, 1991 – *Федоров М.М.* История правового положения народов Восточной Сибири в составе России: Учеб. пособие / Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 184 с.

Хоч, 1990 – *Хоч А.А.* Административная политика М.М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. // *Вестн. МГУ*. Сер. 8. История. 1990. № 5. С. 40-49.

Шунков, 1956 – *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири. (XVII век) / Акад. наук СССР. Ин-т истории. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 432 с.

References

Anisimov, 1982 – *Anisimov, E.V.* (1982). Podatnaya reforma Petra I: Vved. podush. podati v Rossii, 1719-1728 gg. . [Tax reform of Peter the Great: Introduction of the poll tax in Russia, 1719-1728]. Pod red. N.E. Nosova. Leningrad: Nauka, 296 p. [in Russian]

Bakieva, Kvashin, 2009 – *Bakieva, G.T., Kvashin, Yu.N.* (2009). Tobolo-irtyshskie tatory: (istoriko-etnograficheskie ocherki) [Tobolo-Irtysh Tatars: (historical and ethnographic essays)]. Rossiiskaya akad. nauk, Sibirskoe otd-nie, In-t problem osvoeniya Severa. Tobol'sk: IPOS SO RAN, 58 p. [in Russian]

Bespokoinyi, 2013 – *Bespokoinyi, A.V.* (2013). Khristianizatsiya etnograficheskikh grupp mansi i pravoslavnoe missionerstvo (konets XIX – nachalo XX v.) [Christianization of Mansi ethnographic groups and Orthodox missionary work (late XIX – early XX centuries)]. *Vestnik ugrovedeniya*. 2(12): 94-103. [in Russian]

Dameshek, 1975 – *Dameshek, L.M.* (1975). Ustav ob upravlenii inorodtsev M.M. Speranskogo i G.S. Baten'kova [The Charter on the management of foreigners by M.M. Speransky and G.S. Batenkov]. Pamyati dekabristov. Irkutsk. Pp. 21-45. [in Russian]

Dameshek, 2018 – *Dameshek, L.M.* (2018). Sibirskie «inorodtsy» v imperskoi strategii vlasti (XVIII – nachalo XX v.) [Siberian “aliens” in the imperial strategy of power (XVIII – early XX centuries)]: Monografiya. Irkutsk: Izdatel'stvo «Ottisk», 456 p. [in Russian]

Fedorov, 1991 – *Fedorov, M.M.* (1991). Istoriya pravovogo polozheniya narodov Vostochnoi Sibiri v sostave Rossii [The history of the legal status of the peoples of Eastern Siberia as part of Russia]: Ucheb. posobie. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1991. 184 p. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [State Archive of the Omsk region].

GBUTO GAT – Gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie Tyumenskoi oblasti «Gosudarstvennyi arkhiv v gorode Tobol'ske» [State budgetary institution of the Tyumen region “State Archive in the city of Tobolsk”]. [in Russian]

Gromyko, 1965 – *Gromyko, M.M.* (1965). Zapadnaya Sibir' v XVIII v. Russkoe naselenie i zemledel'cheskoe osvoenie [Western Siberia in the XVIII century. Russian population and agricultural development]. Akad. nauk SSSR. Sib. otd-nie. Novosibirsk: Nauka, 267 p. [in Russian]

Kappeler, 1994 – *Kappeler, A.* (1994). Vkluyuchenie nerusskikh elit v rossiiskoe dvoryanstvo. XVI–XIX vv. (Kratkii obzor problemy) [The inclusion of non-Russian elites in the Russian nobility. XVI–XIX centuries. (A brief overview of the problem)]. *Sosloviya i gosudarstvennaya vlast' v Rossii. XV – seredina XIX vv.: Tez. dokl. mezhdunar. konf. Chteniya pamyati akad. L.V. Cherepnina*. M. Ch. 2. Pp. 215-225. [in Russian]

Khoch, 1990 – *Khoch, A.A.* (1990). Administrativnaya politika M.M. Speranskogo v Sibiri i «Ustav ob upravlenii inorodtsev» 1822 g. [The administrative policy of M.M. Speransky in Siberia and the “Charter on the management of foreigners” in 1822]. *Vestn. MGU*. Ser. 8. Istoriya. 5: 40-49. [in Russian]

Klyuchevskii, 1918 – *Klyuchevskii, V.O.* (1918). Istoriya soslovii v Rossii: Kurs, chit. v Mosk. un-te v 1886 g. g [History of estates in Russia: Course given at Moscow University in 1886]. Predisl. A. Yushkov. 3-e izd. Petrograd: Lit.-izd. otd. Kom. nar. pros. XVI, 276 p. [in Russian]

Konev, 1995 – *Konev, A.Yu.* (1995). Korennye narody Severo-Zapadnoi Sibiri v administrativnoi sisteme Rossiiskoi imperii (XVIII – nach. XX vv.). [Indigenous peoples of Northwestern Siberia in the administrative system of the Russian Empire (XVIII – early XX centuries)]. М.: IEIA, 217 p. [in Russian]

Krest'yanstvo Sibiri..., 1982 – *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu feodalizma* [The Peasantry of Siberia in the era of feudalism]. [A.P. Okladnikov, N.N. Pokrovskii, A.V. Dulov i dr.; redkol.: A.P. Okladnikov (otv. red.) i dr.]. Novosibirsk: Nauka, 1982. 504 p. [in Russian]

Marchenko, 1982 – *Marchenko, V.G.* (1982). Sistema upravleniya sibirskimi aborigenami v «Ustave ob upravlenii inorodtsev» 1822 g. [The management system of Siberian aborigines in the “Charter on the

management of foreigners” of 1822]. *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya*. Tomsk, 1982. Pp. 153-164. [in Russian]

Mironov, 2003 – *Mironov, B.N.* (2003). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII-XX v.)* [The social history of Russia during the Empire period (XVIII-XX centuries)]. T. 1: *Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva*. T. 1. Moskva: GIPP Iskusstvo Rossii, 547 p. [in Russian]

Natsional'nye okrainy... – *Natsional'nye okrainy Rossiiskoi imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya* [The National Outskirts of the Russian Empire: the formation and development of the management system]. S.G. Agadzhanov, Sh.F. Mukhamed'yarov, V.V. Trepavlov i dr.; In-t Ros. istorii RAN. Moskva: Slav. dialog, 1997. 415 p. [in Russian]

Patkanov, 2003 – *Patkanov, S.K.* (2003). *Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Tobol'skogo okruga, Tobol'skoi gubernii* [The economic life of state peasants and foreigners of the Tobolsk district, Tobolsk province]. Ch. 2. 310 p. [in Russian]

PSZ-I – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe* [Complete Collection of laws of the Russian Empire. The first collection]. [in Russian]

PSZ-II – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe* [Complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection]. [in Russian]

Raskhodnye knigi..., 1996 – *Raskhodnye knigi Verkhotur'skoi zemskoi kontory 1723 goda* (podgotovka: V.A. Perevalov) [Expense books of the Verkhotur'sky zemstvo office of 1723]. *Arkhivy Urala*. Nauchno-populyarnyi zhurnal. Ekaterinburg, 1996. 1: 151-157. [in Russian]

RGADA – *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts].

RGIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive].

Rossiiskoe zakonodatel'stvo..., 1986 – *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov* [Russian legislation of the X-XX centuries]. M., 1986. T. 4. *Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma*. T. 4. *Otvetstvennyi redaktor zaslužhennyi deyatel' RSFSR, doktor istoricheskikh nauk A. G. Man'kov*. M.: Yuridicheskaya literatura, 1986. 511 p. [in Russian]

Shunkov, 1956 – *Shunkov, V.I.* (1956). *Ocherki po istorii zemledeliya Sibiri. (XVII vek)* [Essays on the history of agriculture in Siberia. (XVII century)]. Akad. nauk SSSR. In-t istorii. Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 432 p. [in Russian]

Svetlichnaya, 1957 – *Svetlichnaya, L.I.* (1957). «Ustav ob upravlenii inorodtsev» M. M. Speranskogo (1822 g.) [“The Charter on the management of foreigners” by M. M. Speransky (1822)]. *Uchen. zap. Tyumenskogo gos. ped. in-ta*. 1: 53-77. [in Russian]

Valeev, 1992 – *Valeev, F.T.* (1992). *Sibirskie tatory: kul'tura i byt* [Siberian Tatars: culture and way of life]. F. T. Valeev. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 206 p. [in Russian]

Virtshafter, 2002 – *Virtshafter, E.K.* (2002). *Sotsial'nye struktury: raznochintsy v Rossiiskoi imperii* [Social structures: raznochintsy in the Russian Empire]. Elis K. Virtshafter; Per. s angl. T. P. Vecherinoi; Pod red. A. B. Kamenskogo. Moskva: Logos, 271 p. [in Russian]

Правовое положение туземного населения Западной Сибири в Российской империи (конец XVII века – конец XIX века)

Марат Вильданович Саудаханов^{a, *}, Инна Александровна Гарная-Иванова^b

^a МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

^b РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется правовое положение ясачного населения в Российской империи в XVII-XIX вв., а именно период истории со времени правления Петра I до вхождения на престол императора Николая II. В своем исследовании авторы опирались преимущественно на материалы Западной Сибири экстраполируя исследование на всю политику освоения колониальных территорий Российской империей. Взгляд авторов сосредоточен на нормативной и правоприменительной деятельности органов Российского государства по интеграции сибирских инородцев в русский социум. В работе изучается генезис развития социально-экономического и правового положения туземного населения Западной Сибири, в рамках освоения территорий Российской империей в XVIII-XIX вв. На основе архивных данных и иных открытых источников осмысливаются те проблемы, которые встали перед публичной властью в аспекте интеграции туземного населения Сибири в русский социума. Авторы выделяют ряд важнейших аналитических позиций, которые способствовали сопротивлению инородцев политике ассимиляции. Кроме того, в статье

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: smvo2@bk.ru (М.В. Саудаханов),
inna.alex.garnaya.ivanova@gmail.com (И.А. Гарная-Иванова)

делается попытка выявить причины позитивных сдвигов в развитии культурно-экономических связей русского и туземного общества. Материалы исследования демонстрируют определенные результаты, затрагивающие исследуемый период в области «окультуривания» сибирских инородцев и нуллификации нормативной неопределенности их правового положения. Авторы делают акцент на бережном отношении правительства Российской империи к традиционному быту туземцев и их социальному регулированию.

Ключевые слова: Российская империя, инородцы, Западная Сибирь, ясак, реформы Сперанского, православие, ассимиляция, Устав об управлении инородцев, воинская повинность, государственные крестьяне.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 58-65
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.58

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

French-Language Publications in the Structure of Bookselling Interests of Academic Bookstores of the XVIII century

Ruslan M. Zhitin ^a, Alexey G. Topilsky ^{a, *}

^a Derzhavin Tambov state university, Russian Federation

Abstract

The article examines the spread of French-language literature in the Russian Empire during the XVIII century, from Peter I to Paul I. The spread of French literature is characterized as an integral part of Gallomania, which spread throughout Europe (including the Russian Empire) during the period under study. The process of spreading and penetrating into the consciousness of both privileged and, later, wider segments of the population of the French language and French culture as an integral part of the Enlightenment is considered. This confirms the historiographical idea that the assimilation of the French language was an important component of a cultured, enlightened person of the era. It is indicated that contacts with booksellers and the possibility of independent selection of publications by agents contributed to the successful search for the best scientific and fiction literature from the numerous European "assortment" of book products. The activity of the St. Petersburg and Moscow academic shops is characterized as an important element of the distribution of printed publications not only in St. Petersburg and Moscow, but also in provincial cities of the Russian Empire. It was found that decisions on the transformation of the forms of sale of books (in particular, the decision to close the Moscow academic bookstore in 1760) did not lead to the cessation of the distribution of books; well-established links for the supply of literature continued to operate. It is shown that French-language works contributed to the popularization of enlightenment norms, the importance of education and – what was important for the transformation of educated Russians - humanistic values. The conclusion is made about the widespread and sustained interest of Russians in the French book in the post-Soviet era.

Keywords: reading, French literature, enlightenment, cultural transfer, nobles.

1. Введение

Трансферт французской литературы в России середины XVIII века имел важное идеологическое значение. Как и во многих странах Европы, франкоязычные произведения способствовали популяризации норм просветительства, важности образования и гуманистических ценностей. Активному проникновению лучших иностранных произведений содействовало покровительство этого процесса со стороны государственного аппарата, видевшего пользу в распространении идей западного общества в России, активного включения дворянства в общеевропейское культурное пространство. Подчеркивая значение межкультурного франко-русского диалога в послепетровское время, нельзя не отметить деятельность Санкт-Петербургской и Московской книжных лавок по распространению зарубежных изданий в стране. Именно благодаря их деятельности были сформированы партнерские связи с заграничными комиссионерами, отлажен процесс транспортировки печатной продукции в нашу страну, начата продажа западных сочинений. Изучение данных процессов позволяет глубже понять истоки книжного трансферта в России, оценить характер формирования спроса и предложения на французские издания у русского читателя.

* Corresponding author

E-mail addresses: a-topil@yandex.ru (A.G. Topilsky), istoriko8@mail.ru (R.M. Zhitin)

2. Материалы и методы

Данное исследование опирается на значительный объем исторических источников, впервые анализируемых с точки зрения развития частной книготорговли. Для изучения характера распространения книжной продукции в дореволюционной России использовались материалы из фондов Санкт-Петербургского филиала архива РАН (СПбФ АРАН), Ф. 3 Канцелярия АН (1725–1766); Комиссия АН (1766–1803), Ф. 158 Библиотека Академии наук (БАН) СССР (с 1724).

В качестве методов исследования следует отметить сравнительно-исторический метод, позволивший установить соотношение роли государства и частных лиц в распространении печатной продукции в Российской империи. Важную роль в исследовании сыграло применение метода компаративного анализа, благодаря которому удалось комплексно изучить роль иностранцев в процессе книготорговли в Российской империи XVIII века. Метод количественного анализа дал представление о динамике распространения книг как в Санкт-Петербурге и Москве, так и в провинции. Значительный вклад в исследование культуры с позиции системного подхода внес П. Сорокин, у которого она (культура) отождествляется с взаимодействием людей: значение – ценность – норма. Тем самым применение системного подхода обеспечило понимание того, как распространение литературы влияло на изменение представлений среди образованных слоев населения. Теория модернизации объясняет процесс трансформации и усложнения культурных традиций российской провинции до революции, позволяя оценить тот огромный информационный потенциал, который имели личные библиотеки. Они являлись фактором для успешного творчества и в целом для развития образованного сословия Российской империи.

3. Обсуждение

А.Н. Пыпин ([Пыпин, 1888](#)) в работе «Для любителей книжной старины» обобщил корпус рукописных романов XVIII века, в том числе переписанных французских изданий.

Значительный материал о специфике книжных пристрастий читающей публики обобщил П.И. Хотеев ([Хотеев, 1989](#)). По его подсчетам, благодаря работе Академии наук в Россию поступило свыше полутора тысяч изданий.

В исследовании Н.А. Копанева представлена история появления Московской книжной лавки ([Копанев, 1983](#)). Автор рассмотрел качественные характеристики репертуара франкоязычных изданий учреждения, проанализировал популярность зарубежной литературы среди москвичей. В то же время он затронул вопросы транспортировки закупленной продукции в Россию. Изучение этих проблем позволило нам восстановить логику взаимоотношений между должностными лицами академии и европейскими книжными агентами.

Большую историографическую роль в изучении выхода иностранных книг на российский рынок играет сборник «Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории» ([Французская книга..., 1986](#)). Благодаря вводу в научный оборот значительного массива документов авторы демонстрируют, что еще с петровских времен в России началось широкое распространение франкоязычной литературы.

4. Результаты

Интерес к французской книге возник в России в период правления Петра I и не ослабевал на протяжении всего имперского периода. Активную роль в этих процессах играли особенности внешней и внутренней политики российского государства, в начале XVIII века отчаянно стремившегося влиться в сообщество европейских держав и нивелировать культурные различия русской и западной цивилизаций. В это время «французский язык осваивала вся образованная Европа, и Россия, прочно вставшая на путь приобщения к европейской культуре, не могла остаться в стороне от этого процесса» ([Французская книга..., 1986](#)). К середине XVIII века французская речь превращается не просто в средство общения, а в «орган хорошего тона», обязательный элемент культуры светского общества ([Вигель, 2008: 88](#)).

Проникновение в Россию франкоязычной литературы и готовность ее усвоения в обществе были феноменальны. Во многом этому способствовала светскость и чрезвычайная распространенность франкоязычной литературы в Европе. В этот период на французский были переведены лучшие драматические произведения английской, испанской, итальянской, немецкой литературы, для франкоязычных россиян открывалась возможность ознакомиться с мировой классикой ([Французская книга..., 1986: 64](#)). В этом отношении французские книги обходили по популярности немецкие издания, в которых религиозная (а не светская) литература традиционно занимала первое место ([Книговедение..., 1982](#)).

Значительную роль в распространении франкоязычной литературы в России сыграла работа Петербургской академической книжной лавки, предлагавшей русской публике большой ассортимент зарубежных изданий. По данным Н.А. Копаева, в 1734 г. среднестатистический житель Санкт-Петербурга, оказавшийся в академическом книжном магазине, мог выбирать среди 2411 наименований зарубежных томов, а в 1739 г. его выбор возрос уже до 3611 произведений ([Копанев, 1983: 40](#)). Рост количества продаваемой литературы говорит о росте внимания столичных особ к сочинениям французских писателей.

Основным источником поступления книг на российский рынок на протяжении первой половины XVIII века являлись прямые закупки изданий за рубежом. Конкретные характеристики этого процесса мало уловимы из-за недостатка источников. Тем не менее отдельные упоминания о трансферте книг позволяют говорить о нем как об организованном процессе. Известно, что в 1721 г. специальную поездку по европейским странам предпринял сотрудник Академии наук Иоганн-Даниил Шумахер. В его задачи входили подбор, закупка и транспортировка изданий в Россию. При этом сохранился перечень привезенной им литературы: «Specification derer in Franckreich, Teutschland, Holland und Engelland erkaufften, und Anno 1722 in die Kayserl. Bibliothèque abgelifferten Bücher» (*История...*, 1964: 83). Согласно материалам документа, книговед привез в страну 314 произведений, составляющих 522 тома (СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. №255). Большинство изданий были на французском языке (232 тома). В основном это были исторические сочинения, давно известные европейскому читателю. В Библиотеку поступило трехтомное издание «Histoire de France sous le règne de Louis XIV» (Rotterdam, 1718–1722), подготовленное к печати Исааком де Ларре, книга «Histoire des révolutions de Suède» (Paris, 1696) Рене-Обера де Верто, церковная монография Эли Бенуа «Histoire de l'Édit de Nantes» (Delft, 1693–1695) и ряд других знаменитых французских произведений (*Французская книга...*, 1986: 45).

Гораздо более оригинальным был подбор периодической литературы. Впервые для широкого русского читателя стали доступны ведущие французские журналы: «Journal des sçavans» (12 томов за 1715–1720 гг.), «Histoire de l'Académie royale des sciences» (6 томов за 1714–1719 гг.), «Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux arts» (6 томов за 1719–1721 гг.) (*Французская книга...*, 1986: 45). Особенно примечательным являлось присутствие в закупках «Mémoires pour l'». «Мемуары Треву» или «Мемуары для истории наук и изящных искусств» было влиятельным академическим изданием, которое ежемесячно выходило во Франции в период с января 1701 по декабрь 1782 гг. Журнал публиковал критические обзоры, списки книг и статей по широкому кругу тем, включая религию, мораль или политику. Однако тот факт, что большинство авторов данных обзоров были иезуиты, придавала «Мемуарам» определенную предвзятость. Несмотря на критику издания в широких правительственных кругах, русские специалисты не побоялись привезти иезуитскую периодику в Санкт-Петербург.

К началу 1730-х годов окончательно сформировалась система трансферта книжной продукции из Европы в Россию. Большую роль в транспортировке и отборе книг для русского рынка стали играть корреспонденты академии наук из числа зарубежных издателей. Так, в 1725–1730 гг. роль такого посредника в Амстердаме играл Вейтбрехт, в 1730-е–начале 1740-х гг. – Пьер Госс (*История...*, 1964: 65), в 1742–1744 г – Мейнард Утверф. Перечисленные специалисты присылали не только сочинения, выпущенные в их типографиях, но и другие голландские произведения, интересные русской публике. Благодаря этому в Петербург привозили продукцию ведущих гаагских книгоиздателей: Борегарда, Пьера де Хонда, Пони, Шерлера, Ван Дюрена, Моэтжана, лейденских печатников Вербека, Ван дер Аа и многих других (*Французская книга...*, 1986: 69). Помимо Голландии, своих агентов академия имела также в Германии. Источники не раскрывают их имен, однако доподлинно известно, что книготорговая лавка Санкт-Петербурга продавала печать из немецких издательств Эслингера, Варрентрапа, Гледитча, Гауде и Шпенера (*Французская книга...*, 1986: 72). Обширные связи академии свидетельствуют о глубокой встроенности России в общеевропейский книжный рынок в первой половине XVIII века.

Говоря о характере влияния комиссионеров на репертуар продаваемой литературы, нельзя не отметить определенную свободу выбора иностранных специалистов. Несмотря на то, что большая часть книг присылалась по готовым спискам, составляемым сотрудниками академии, русским агентам разрешалось «посылать в Россию и другие книги, кроме тех, что есть в заказах, прибавляя токмо из новых книг, о которых Академии еще известно быть не могло, по одному экземпляру, для рассуждения по тому, может ли такая книга здесь охотников найти или нет» (*Материалы...*, 1900: 261). Таким образом, в Академии не просто способствовали быстрому ознакомлению русской читающей публики с новинками зарубежной литературы, но и максимально демократизировали процесс закупки произведений для расширения репертуара фонда. Так, уже через год после издания столичная публика могла ознакомиться с женевским изданием Ш.-Л. Монтескье, изданным в 1849 году. Аналогичная ситуация складывалась с трудами Ф.-М. Вольтера, которые продавались в столице на следующий год после их выхода во Франции, Голландии, Германии и Швейцарии (*Бородин, 1936: 90*).

Созданные Академией наук книготорговые партнерства были настолько прочные, что использовались в обеспечении печатной продукцией и другие учреждения России, заинтересованные в трансферте книг. В числе прочих в середине XVIII века выделялся Сухопутный шляхетный кадетский корпус, нуждавшийся в самой разнообразной литературе для осуществления учебной деятельности. В 1750 г. местная библиотека уже вмещала в себя 2355 томов, однако этого оказывалось недостаточно (*Хотеев, 1992*). Организованные европейскими комиссионерами поставки изданий в 1756–1758 гг. полностью решили проблему.

Ключевую роль в обеспечении книготорговых заказов шляхетского корпуса играл пастор лютеранской церкви Гилариуса Гартман Геннинг (*Хотеев, 1990: 122*). Выпускник Галльского

университета, он более пятидесяти лет (с 1739 г.) состоял на русской службе. Живя в Германии, он продолжал поддерживать тесные контакты с представителями немецких преподавательских, научных и деловых кругов. Рапорт Геннинга в корпусную канцелярию, хранящийся в Центральном государственном военно-историческом архиве, позволяет детально осветить его деятельность по закупке западноевропейских изданий. Заказ на покупку партии учебных книг по географии и истории Гилариус получил в начале 1756 г. и успешно его выполнил.

Удачный опыт сотрудничества стал первым звеном в развитии аналогичных закупок корпуса на протяжении второй половины XVIII века. Например, в 1757 г. для нужд его обучающихся закупили первые шесть томов «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера (РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. № 2867. Л. 39).

Большую роль в активизации трансферта иностранной литературы во второй половине XVIII века в Россию сыграло появление московской академической книжной лавки. Ее открытие было обусловлено развитием книжного рынка и повышенным интересом москвичей к заморским изданиям. По наблюдениям Канцелярии Академии наук «в столичном всероссийском граде Москве и других городах желающих покупать всякие книги, портреты, ландкарты и прочее множеством есть, которые жадно б желали то покупать» (Материалы..., 1897: 329). При этом, намереваясь открыть московскую книжную лавку, академия своевременно решала и другие задачи. В частности, к середине XVIII века обеспеченность книжного рынка Санкт-Петербурга настолько возросла, что появился небольшой профицит изданий, «которые, за недовольным расходом, необходимо должны от долговременной бытности совершенно погнить и совсем от того пропасть, отчего может происходить казенный убыток» (Материалы..., 1897: 329). Таким образом, перераспределение книжных запасов должно было спасти дорогостоящую продукцию от неминуемой гибели и удовлетворить спрос там, где она действительно был.

Прибытие первой партии с книгами из Петербурга в Москву состоялось 18 апреля 1749 г., то есть спустя месяц после создания московской академической лавки. По сути это означало открытие нового центра книжной торговли в России. Согласно распорядительным документам Академии наук в белокаменную столицу было направлено «изданий и портретов на сумму 7470 р., книг иностранных – на 503 р. 74 к., 600 экз. «Апофегмат», 45 экз. атласов и 200 экз. календарей. Подавляющее число прибывших томов было на французском языке, что указывало на популярность таких сочинений у москвичей. Уже к июлю 1749 года почти половина привезенных книг была раскуплена, а к началу 1750 года не проданными оставались только 13 экземпляров (Французская книга..., 1986: 79).

Сравнительная характеристика языкового репертуара московской академической книжной лавки показывает, что франкоязычные произведения оказывались здесь более популярными по сравнению с изданиями на любом другом языке. Так, по подсчетам Н.А. Копанева, в первые два года торговли французской литературой удалось реализовать 90 % репертуара. Гораздо хуже дела обстояли у изданий на немецком языке. Из 251 немецкоязычной книги, привезенной в Москву в 1751 г., за два года удалось продать 102 экз. (или 41 %). Запасы латинских изданий за аналогичный период истощились только на 13 % (Копанев, 1983: 52).

Высокий спрос на французскую книгу формировался благодаря запросам высшей дворянской аристократии, приобретающей основную массу заморских книг. В числе клиентов московской лавки значились такие личности как А.Ю. Трубецкой, графиня А.Ю. Салтыкова и другие видные столичные аристократы, комплектовавшие свои библиотеки значительным количеством книг на русском и иностранных языках. Прекрасное образование и языковая грамотность позволяла им осваивать литературу в самых разных жанрах. Так, в 1750-х гг. в московской лавке можно было приобрести произведения творцов французского Возрождения: Бонавентура Деперье (201), Анри Этьена (230), Ноэля дю Файля, универсальные франкоязычные сочинения, начиная от романов Пьера Корнеля (167) до сказок Жана Лафонтена. Кроме того, посредством лавки русский читатель мог ознакомиться с лучшими сочинениями многих западноевропейских литератур, переведенных на французский язык. В частности широкой популярностью пользовались античные произведения парижских типографий: «Сатиры» Петрония, «Комедии» Теренция, «Жизнеописания» Плутарха, «Метаморфозы» Овидия, собрание сочинений Вергилия. Здесь же можно было найти франкоязычные издания Сервантеса, Даниэля Дефо, Шекспира (Французская книга..., 1986: 88).

Значительной популярностью среди московских читателей пользовались издания французской грамматики – научного произведения, описывающего грамматический строй изучаемого языка. Известно, что в московской академической лавке продавалась самая разнообразная обучающая франкоязычная литература. Московские букинисты могли приобрести издания П. Ресто, Д.-Э. Шоффена (148, 149, 150), Ж. Венерони (690, 691), Х. Кюраса (185) и других языковедов (Французская книга..., 1986: 85). Они описывали прежде всего правила орфографии и пунктуации, давали развернутые комментарии по поводу употребления тех или иных букв, делились некоторыми замечаниями по поводу произношения, склонения, спряжения, синтаксиса. Не меньшим спросом пользовалась универсальная «Новая, совершенная королевская грамматика французского и немецкого языка» (Grammaire Royale française et allemande : contenant une méthode nouvelle & facile pour apprendre en peu de temps la langue française), составленная Жаном Робером де Пеплие (Pepliers) еще в 1689 г. (Французская книга..., 1986: 85). Эта книга содержала обширные параграфы с

французской орфографией, лексикой, морфологией и синтаксисом, включала множество упражнений по отдельным разделам языкознания и краткий франко-немецкий словарь. Одновременно здесь был представлен обширный раздел для самостоятельного чтения, включавший «Семейные диалоги» – своеобразный разговорник на различные бытовые темы, позволяющий читателям быстро освоить все тонкости иностранного языка.

Во многом материал «Новой ... королевской грамматики...» дополнялся более поздними лексикологическими изданиями, также пользовавшимися неизменной популярностью у посетителей академической книготорговой лавки. Речь идет о книге «Искусство красиво говорить по-французски, включающее все касательно грамматики и спорных оборотов речи» Пьера де ла Туша (*L'art de bien ler françois, qui comprend tout ce qui regarde la grammaire & les façons de parler douteuses*), изданной в 1710 г. в Амстердаме и о сочинении Габриэля Жирар «Правильное использование французского языка, или Различные значения слов, принимаемых за синонимы» (*La Justesse de la langue françoise, ou les Diff érentes ca tions des mots qui passent pour synonymes*), напечатанном в 1718 г. в Париже (Ляхенихт, 2011: 8). Отметим, что на тот момент это были передовые обучающие пособия, использовавшиеся для обучения французскому языку во всем мире (Nilkiborc, 1962: 222).

Спрос на заморские издания рождал новые букинистические предложения. Русским ответом на популярность зарубежных обучающих книг стала торговля академическими переизданиями иностранных грамматик. Одной из первых была напечатана «Новая французская грамматика» В.Е. Теплова. Эта книга была хорошо встречена в среде московских читателей. Из 286 экземпляров, поступавших в свободную продажу в 1750 г., были проданы 284 (Теплов, 1752). Эти цифры говорят о значительном интересе москвичей к французскому языку и характеризуют серьезный запрос на его изучение. Анализировавший этот вопрос Д.В. Тюличев заключил, что в середине XVIII столетия в Москве французскому языку одновременно обучалось не менее 750 человек, и это число «могло быть вдвое, если не втрое, больше». Большая популярность франкоязычных грамматик среди населения белокаменной столицы только подтверждает это предположение (Тюличев, 1988: 102).

Дочерний характер московской академической лавки накладывал ряд ограничений на тиражность поставляемых изданий. Ряд произведений на местный рынок поставляли в одном-двух экземплярах, сразу превращая их в библиографическую редкость. Поэтому оригинальные книги часто переписывались и продолжали свое бытование в многочисленных рукописных копиях. При этом некоторые из них готовились и распространялись на языке оригинала, другие переводились на русский язык, что привлекало к книге еще большее читательское внимание. Хрестоматийным в этом отношении следует признать историю с сочинением Мильтона «Потерянный рай». Данное произведение уже в начале 1730-х гг. можно было приобрести на языке оригинала на ярмарках в Петербурге. Известно, что один из экземпляров книги приобрел А.Г. Строганов (предположительно, в 1745 г.). В последующем с книги были сняты 4 рукописных копии, подлинность которых была установлена известным книговедом А.Н. Пыпиным. На одной из них было написано: «Списана с оригиналу его [Строганова] в Москве 1747 году», на другой дана дата подготовки рукописи («писано 1753 году»), третья копия датировалась 1747 г., четвертая сделана скорописью конца XVIII в. (Пыпин, 1888: 48).

Деятельность московской академической книжной лавки прекращается в 1760 году. Сворачивание торговой активности было связано с изменением политики академии наук, решившей перевести торговлю иностранных произведений в партикулярное содержание, тем самым создавая большие возможности для реализации русскоязычных книг. Такая позиция была поддержана В.Н. Татищевым и М.В. Ломоносовым, отстаивавшим идею продвижения отечественного репертуара. Между тем административное решение не повлекло за собой закрытия всех каналов его проникновения в белокаменную столицу. В 1756 году при Московском университете появляется собственная книжная лавка. По свидетельствам корреспондента московских ведомостей, новое учреждение сразу становится поставщиком новинок европейской литературы как для учащихся университета, так и для всех желающих москвичей (Московские..., 1756: 5).

Основным источником трансферта французских книг в университетскую книжную лавку являлись прямые закупки литературы в старинном германском городе Тюбинген. Причем издания доставлялись через Ригу под контролем ректора университета господина Шаден (Документы..., 1960: 30). В первые годы после организации книготорговой лавки методическую помощь в логистике печатной продукции оказывали специалисты Академия наук. Именно с их помощью «составлялись списки необходимых книг и производилась их закупка» в Германии (Документы..., 1960: 30). Тесные связи университетской профессуры и прессы позволяли публиковать объявления о вновь поступивших изданиях в московских ведомостях, облегчая тем самым привлечение потенциальных покупателей.

Дополнительное внимание к продаваемым книгам привлекал выход отдельных рекламных каталогов иностранной литературы (История..., 1955: 64). Как и в Санкт-Петербурге, данные издания раздавались всем желающим на безвозмездной основе, что свидетельствует о большом прогрессе в маркетинге книжной торговли прошлого. Это подтверждают московские ведомости, 2 января 1761 г. писавшие: «В Университетскую книжную лавку получено вновь немалое число латинских,

французских и немецких книг, о чем охотникам через сие объявляется: и каталоги оным книгам раздаются в оной лавке безденежно» (*Московские...*, 1761: 3).

Анализ содержания московских книготорговых каталогов позволяет сделать выводы о репертуаре реализуемой продукции. В издании 1761 года значатся 447 франкоязычных сочинений, напечатанных в основном во Франции (110 названий) и Голландии (116 названий). Основную массу продаваемого фонда составляла художественная литература (*Французская книга...*, 1986: 94). Здесь можно было найти и сугубо драматические произведения европейской классики, и легкие женские романы, также можно было приобрести сказки, сборники новелл и изречений. Так, среди подготовленных к продаже произведений встречаются басни Ж. Лафонтена, сказки Ш. Перро, романы А.-Р. Лесажа и аббата Прево. Весомое место в каталогах занимали труды французских просветителей Ш.-Л. Монтескье, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Ф.-М. Вольтера. Реализация их произведений в России принесла им невероятную популярность. Так, в 1761 году в лавке можно было свободно купить знаменитый роман Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза», «Философские размышления» Д. Дидро, два издания «Персидских писем» Монтескье (*Французская книга...*, 1986: 94).

Не могла московская интеллигенция обойтись и без сочинений Ф.-М. Вольтера, ставшего особенно известным в России после своей переписки с Екатериной II. В изданном каталоге Московской университетской лавки (1761 г.) значатся сразу 12 его произведений, среди которых присутствовали всемирно известные поэмы «Генриада» и «Орлеанская девственница». Из продававшихся исторических произведений можно отметить «Историю России при Петре Великом», предлагавшуюся в Москве в двух переизданиях. Хорошо были представлены также сборники трудов великого французского просветителя, среди которых следует отметить 20-томное «Полное собрание сочинений» Вольтера, выпущенное в Женеве издателем Крамером (1749 г.) (*Французская книга...*, 1986: 96).

5. Заключение

Изучение специфики книготорговой дельности Санкт-Петербургской и Московской академических книжных лавок позволяют говорить о широком распространении и устойчивом интересе россиян к французской книге в постпетровскую эпоху. Эти издания не только позволяли больше узнать об исторических событиях и фактах, повысить уровень личного образования, но и почувствовать себя причастным к общеевропейскому культурному и интеллектуальному пространству. Становясь участниками глобального процесса трансферта, русский читатель обогащал свою личную культуру. Насыщение библистического рынка России французскими изданиями формировало особую книжную культуру, связанную с распространением ранее не известных в России жанров и направлений. Через академические лавки россияне все активнее знакомились с автобиографическими произведениями, сборниками писем, мемуаров, драматическими произведениями, историческими романами, иностранными грамматиками. Все это обогащало русскую книжную культуру, демократизировало книжный рынок, вовлекало в него новых покупателей.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 22-28-01964).

Литература

- Бородин, 1936* – *Бородин А. В.* Московская гражданская типография и библиотекари Киприяновы // *Труды Института книги, документы и письменности*. Т. 5. Москва, 1936. С. 53-111.
- Вигель, 2008* – *Вигель Ф. Ф.* История светской жизни императорской России. Москва, 2008. 638 с.
- Документы...*, 1960 – Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. Т. 1: 1756-1764. Москва, 1960. 415 с.
- История...*, 1964 – История Библиотеки Академии наук СССР. 1714-1964 / Акад. наук СССР. Ленинград, 1964. 599 с.
- История...*, 1955 – История Московского университета. 1755-1955. В 2 т. Т. 1. Москва, 1955. 456 с.
- Книговедение, 1982* – Книговедение: энциклопедический словарь / редкол.: Н. М. Сикорский и др. Москва, 1982. 664 с.
- Копанев, 1983* – *Копанев Н.А.* Распространение иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII века: По материалам академических книготорговых каталогов / Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX века. Ленинград, 1983. С. 40-60.
- Лаксхит, 2011* – *Лаксхит С.* Учителя-гугеноты на Британских островах (XVI–XVIII вв.) // Французский ежегодник: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. 2011. С. 6-15.
- Материалы...*, 1897 – Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 9. Санкт-Петербург, 1897. 826 с.
- Материалы...*, 1885–1900 – Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 10 (июнь-декабрь). Санкт-Петербург, 1885-1900. 776 с.
- Московские ведомости, 1756* – *Московские ведомости*. 1756. № 2 (30 апреля). С. 5.
- Московские ведомости, 1761* – *Московские ведомости*. 1761. № 1 (2 января). С. 3.

- Пыпин, 1888** – *Пыпин А.Н.* Для любителей книжной старины: библиогр. список рукопис. романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности первой половины XVIII в. Москва, 1888. 74 с.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
Теплов, 1752 – *Теплов В. Е.* Новая французская грамматика. – Санкт-Петербург, 1752. 454 с.
Тюличев, 1988 – *Тюличев В. Д.* Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов. Ленинград, 1988. 279 с.
Французская книга..., 1986 – Французская книга в России в XVIII в.: очерки истории / АН СССР; под редакцией С. П. Луппова. Ленинград, 1986. 252 с.
Хотеев, 1990 – *Хотеев П.И.* Библиотека Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в середине XVIII в.: (Количественные данные) / / Книга в России XVI-середины XIX в. Материалы и исследования: сб. науч. тр. Ленинград, 1990. С. 122-126.
Хотеев, 1992 – *Хотеев П. И.* К истории поставок книг из-за рубежа в Сухопутный шляхетный кадетский корпус в середине XVIII в. / Книга в России. Проблемы источниковедения и историографии: сборник научных трудов. Санкт-Петербург, 1992. 107-122 с.
Nikliborc, 1962 – *Nikliborc A.* L'Enseignement du français dans les écoles polonaises au XVIIIe siècle. Warsowie, 1962. 112 s.

References

- Borodin, 1936** – *Borodin, A.V.* (1936). Moskovskaya grazhdanskaya tipografiya i bibliotekari Kipriyanovy [Moscow Civil Printing house and librarians Kiprianov]. *Trudy Instituta knigi, dokumenty i pis'mennosti*. Vol. 5. Moscow, pp. 53-111. [in Russian]
Dokumenty..., 1960 – Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroj poloviny XVIII veka [Documents and materials on the history of the Moscow University of the second half of the XVIII century]. In 3 vols. Vol. 1: 1756-1764. Moscow, 415 p. [in Russian]
Francuzskaya kniga..., 1986 – Francuzskaya kniga v Rossii v XVIII v.: ocherki istorii [French book in Russia in the XVIII century: Essays on History]. Edited by S. P. Luppov. Leningrad, 252 p. [in Russian]
Istoriya..., 1955 – Istoriya Moskovskogo universiteta. 1755-1955 [History of Moscow University. 1755-1955]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, 456 p. [in Russian]
Istoriya..., 1964 – Istoriya Biblioteki Akademii nauk SSSR. 1714-1964 [The History of the Library of the Academy of Sciences of the USSR. 1714-1964]. Leningrad, 599 p. [in Russian]
Khoteev, 1990 – *Khoteev, P.I.* (1900). Biblioteka Suhoputnogo shlyahetnogo kadetskogo korpusa v seredine XVIII v.: (Kolichestvennyye dannye) [Library of the Land Gentry Cadet Corps in the middle of the XVIII century: (Quantitative data)]. *Kniga v Rossii XVI-serediny XIX v. Materialy i issledovaniya: sb. nauch. tr.* Leningrad, pp. 122-126. [in Russian]
Khoteev, 1992 – *Khoteev, P.I.* (1992). K istorii postavok knig iz-za rubezha v Suhoputnyj shlyahetnyj kadetskij korpus v seredine XVIII v. [On the history of the supply of books from abroad to the Land Gentry Cadet Corps in the middle of the XVIII century]. *Kniga v Rossii. Problemy istochnikovedeniya i istoriografii: sbornik nauchnyh trudov*. St. Petersburg, pp. 107-122. [in Russian]
Knigovedenie..., 1982 – Knigovedenie: enciklopedicheskij slovar' [Bibliology: Encyclopedic dictionary]. Editorial board: N. M. Sikorsky et al. Moscow, 664 p. [in Russian]
Kopanev, 1983 – *Kopanev, N.A.* (1983). Rasprostranenie inostrannoj knigi v Peterburge v pervoj polovine XVIII veka: Po materialam akademicheskikh knigotorgovyh katalogov [Distribution of foreign books in St. Petersburg in the first half of the XVIII century: Based on the materials of academic bookselling catalogs]. *Russkie knigi i biblioteki v XVI – pervoj polovine XIX veka*. Leningrad, pp. 40-60. [in Russian]
Lachenicht, 2011 – *Lachenicht, S.* (2011). Uchitelya-gugenoty na Britanskikh ostrovah (XVI–XVIII vv.) [Huguenot teachers in the British Isles (XVI–XVIII centuries)]. *Francuzskij ezhegodnik: Frankoyazychnye guvernyery v Evrope XVII–XIX vv.*, pp. 6-15. [in Russian]
Materialy..., 1885–1900 – Materialy dlya istorii Imperatorskoj akademii nauk [Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 10 (June-December). St. Petersburg, 776 p. [in Russian]
Materialy..., 1897 – Materialy dlya istorii Imperatorskoj akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 9. St. Petersburg, 826 p. [in Russian]
Moskovskie vedomosti, 1756 – *Moskovskie vedomosti*. No. 2 (April 30), p. 5. [in Russian]
Moskovskie vedomosti, 1761 – *Moskovskie vedomosti*. No. 1 (January 2), p. 3. [in Russian]
Nikliborc, 1962 – *Nikliborc, A.* (1962). L'Enseignement du français dans les écoles polonaises au XVIIIe siècle. Warsowie, 112 p. [in French]
Pyпин, 1888 – *Pyпин, A.N.* (1888). Dlya lyubitelej knizhnoj stariny: bibliogr. spisok rukopis. romanov, povestej, skazok, poem i pr., v osobennosti pervoj poloviny XVIII v. [For lovers of old books: bibliogr. list of manuscripts. novels, novellas, fairy tales, poems, etc., especially in the first half of the XVIII century]. Moscow, 74 p. [in Russian]
РГВИА – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].

SPbF ARAN – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [St. Petersburg branch of the Archive of the RAS].

Теплов, 1752 – *Теплов, V.E.* (1752). Novaya francusskaya grammatika [New French Grammar]. St. Petersburg, 454 p. [in Russian]

Тюличев, 1988 – *Тюличев, V.D.* (1988). Knigoizdatel'skaya deyatel'nost' Peterburgskoj Akademii nauk i M. V. Lomonosov [Book publishing activity of the St. Petersburg Academy of Sciences and M.V. Lomonosov]. Leningrad, 279 p. [in Russian]

Вигел, 2008 – *Vigel, F.F.* (2008). Istoriya svetskoj zhizni imperatorskoj Rossii [The history of the secular life of Imperial Russia]. Moscow, 638 p. [in Russian]

Франкоязычные издания в структуре книготорговых интересов академических книжных лавок XVIII века

Руслан Магомедович Житин ^a, Алексей Геннадьевич Топильский ^{a, *}

^a Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается распространение франкоязычной литературы в Российской империи на протяжении XVIII века, от Петра I до Павла I. Охарактеризовано распространение французской литературы как неотъемлемой части галломании, развивавшейся в Европе (в том числе и по Российской империи) в исследуемый период. Рассмотрен процесс проникновения в сознание широких слоев населения французского языка и французской культуры как неотъемлемой части Просвещения. Тем самым подтверждается историографическое представление о том, что усвоение французского языка было важным компонентом культурного, просвещенного человека эпохи. Указано, что контакты с книготорговцами и возможность самостоятельного подбора изданий агентами способствовали успешному поиску лучшей научной и художественной литературы из многочисленного европейского «ассортимента» книжной продукции. Охарактеризована деятельность петербургской и московской академических лавок как важного элемента распространения печатных изданий не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и в провинциальных городах Российской империи. Установлено, что решения о преобразованиях форм реализации книг (в частности, решение о закрытии московской академической книжной лавки в 1760-м году) не вели к прекращению распространения книг. Отлаженные связи поставки литературы продолжали действовать. Показано, что франкоязычные произведения способствовали популяризации норм просветительства, важности образования и гуманистических ценностей. Делается вывод об устойчивом интересе россиян к французской книге в постпетровскую эпоху.

Ключевые слова: чтение, французская литература, Просвещение, культурный трансферт, дворяне.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский), istorik08@mail.ru (Р.М. Житин)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 66-77
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.66

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of Spiritual Education in the Closed Sacred Space of the Yenisei Siberia (second half of the 18th – first half of the 19th centuries)

Anna P. Dvoretzkaya ^{a, *}, Nadezhda L. Khait ^a, Olga V. Konovalova ^{a, b}, Elena Y. Kushnarenko ^a

^a Siberian Federal University, Institute for the Humanities, Russian Federation

^b Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Russian Federation

Abstract

The article examines the local features of theological education in Yenisey Siberia in the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries on the example of the Russian-Latin school in Krasnoyarsk and Yeniseysk and the Yenisey Theological School. Archival documents and materials of church periodicals tell about the activities of the Russian Orthodox Church in the field of theological education. The emphasis is placed on the sacred space of the church parish. The paper identifies staffing issues in schools and colleges, analyzes the social composition of students and teachers, examines the principles of the educational process aimed at mindset formation of future pastors.

The authors conclude that, despite the dogmatism inherent in the system, future clergymen could acquire knowledge in the field of Christian doctrine, as well as literacy and numeracy skills. The attention is drawn to the fact that during the period in question, the principle of life-long learning in theological education was being formed. The experience of reconstruction and analysis of the activities of well-known clergy of the Yenisey Siberia show that thanks to their activities, the Orthodox Church gave a good account of itself on the imperial outskirts, being at a considerable distance from diocesan authorities. The clergy gave examples of Christian behavior through the Liturgy, promoted the cohesion of the parish, helped to build communication within the community.

Keywords: spiritual education, sacred space, parish, Yenisei Siberia, Krasnoyarsk, Yeniseisk, religious behavior, church school, church college.

1. Введение

Религиозные представления людей определяют их поведение и мировоззрение, способствуют формированию сакрального пространства. Начиная с А. Лефевра пространство рассматривается как продукт, который «создается и воссоздается социумом в процессе экономического и культурного функционирования» (Худяев, 2015). В религиозной практике христианства догматическо-церковный уровень сакрального пространства формируется Церковью и священниками, «окормляющими» приход. От духовного авторитета и знаний священнослужителей во многом зависит их влияние на нравственно-религиозные отношения в социальном бытии приходской общины. Приходской священник уже в XVIII в. должен был уметь читать и считать, петь, знать Псалтирь. Эти навыки позволяли ему совершать церковные службы и проповедовать. Грамотность и знание основ христианского вероучения были добрым примером для прихожан и способствовали каждодневному воспитанию человека по образу и подобию Творца.

Духовное образование пастырей в Российской империи имело вековые традиции, складывалось на лучших образцах христианских школ и позволяло поддерживать полноценную религиозную жизнь в приходе. В статье показывается процесс становления духовного образования в

* Corresponding author

E-mail addresses: advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoretzkaya)

Приенисейской Сибири, воспроизводство традиции христианского просвещения на имперских окраинах, значительно удаленных от епархиального центра.

2. Материалы и методы

Исследование построено на анализе документов Архива г. Енисейска (г. Енисейск, Российская Федерация), Государственного архива Томской области (Томск, Российская Федерация), Государственного архива г. Тобольска (Тобольск, Российская Федерация), Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), материалов епархиальных ведомостей и церковной периодики. В их числе делопроизводственные документы, в т. ч. церковного суда и канцелярии, формулярные списки. На основе документов личного происхождения (Летопись Кытманова, статьи и некрологи) представлены образы отдельных священнослужителей, специфика их деятельности, даны оценочные характеристики их личных и профессиональных качеств, выявлено отношение к ним прихожан.

Методологической основой исследования является метод комплексной теологической и историко-культурной реконструкции сакрального пространства в его исторической динамике. Современных теологов и историков объединяет рассмотрение сакрального пространства не только как места совершения литургии и собрания общины, но и как пространства коммуникации – места взаимодействия людей. Сакральное пространство включает не только видимый ландшафт, но и отдельный сакральный мир общины и верующего человека. Формирование сакрального (священного) пространства в представлениях людей определяет их поведенческую стратегию, формирует религиозное мировоззрение. Одним из акторов, формирующим догматическо-церковный уровень сакрального пространства и влияющим на социальное бытие религиозной общины, является священство. От его уровня образования зависит напрямую духовный облик паствы.

Духовное образование неразрывно связано с евангельской проповедью Христа. Оно построено на учении Церкви и ее догматике. Благодаря обучению заповедям формируется, как говорит С.Л. Франк, «общность судьбы и жизни всякого объединенного множества людей», происходит религиозное единство и общение людей, а духовная жизнь, питаясь одним материалом, наполняется общим содержанием (Франк, 1992: 56).

Духовное образование наполняет смыслом жизнь верующих, позволяет священству более квалифицированно и ответственно выполнять свои организационные, духовно-образовательные, воспитательные и т.п. функции.

История повседневности позволяет увидеть жизнь учащихся и учащих духовных школ в конкретной исторической среде Приенисейской Сибири, обратиться к истории конкретных судеб.

Целью статьи является исследование процесса становления духовного образования и выявление его роли в формировании сакрального пространства Приенисейской Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.

3. Обсуждение

В отечественной дореволюционной историографии система духовного образования Русской православной церкви традиционно освещалась с позиций институционального, структурно-функционального и системного подходов. Авторы, как правило, рассматривали ее как часть функционирования единой системы Церкви или государства. При этом в конфессиональных дореволюционных работах уделяется внимание духовному образованию как церковному институту, представлена характеристика образовательного процесса с точки зрения апологетического подхода (Знаменский, 2001; Титлинов, 1908). Светские же исследователи с позиций критического анализа усматривают негативные схоластические тенденции в развитии церковного образования (Дьяконов, 1907; Щапов, 1874). Особенности развития духовного образования Приенисейской Сибири отражены в работах священников Сулоцкого (Сулоцкий, 1875) и Захарова (Захаров, 1895).

В советский период, несмотря на идеологическую предвзятость и атеистическую риторику, в ряде работ наметилась новая тенденция в изучении духовного церковного образования как части культурного наследия и традиционного воспитания в Российской империи (Юрцовский, 1923; Кошлов, 1974). В этом направлении на региональном материале Енисейской Сибири проводят свои исследования современные отечественные историки (Быконя, 1997; Быконя, 2015; Федорова, 2015; Комлева, 2006; Гергилев и др., 2019).

Среди зарубежных ученых значимый вклад в изучении истории Русской православной церкви, «народного православия» внес американский исследователь Г. Фриз (Фриз, 1977). Развивая заданный им вектор исследования, отечественные специалисты Федоров, Миронов в своих работах рассматривают роль духовного образования в государственно-церковных и общественных отношениях, уделяют внимание трансформации церковного образования в эпохальные периоды развития страны (Федоров, 2003; Миронов, 2015).

С новых методологических позиций истории повседневности изучает уклад жизни и быт бурсаков Т.Г. Леонтьева (Леонтьева, 2018). Духовное просвещение в контексте процесса развития самосознания образованных сословий Российской империи исследует Л. Манчестер (Манчестер,

2015). На пастырский аспект церковного служения обращают внимание А.И. Осипов и К.В. Алексин (Осипов, 1998; Алексин, 2017). Роль и значение духовного образования в приходской жизни местных сообществ в Сибири рассматривает Л.А. Трехсвятский. Он полагает, что период конца XVIII – первой половины XIX вв. являлся своего рода трамплином для подъема духовно-религиозной жизни пастырей и паствы (Трехсвятский, 2003).

Таким образом, в современной историографии расширяется диапазон исследования духовного церковного образования в контексте «культурного поворота» в истории. Духовное просвещение рассматривается как один из факторов формирования и повышения уровня образованности населения Российской империи, с одной стороны, и налаживание полноценной приходской жизни, с другой. В этой связи весьма актуальным является изучение этих процессов на региональном материале Енисейской Сибири.

4. Результаты

На территории Сибири вплоть до XVIII в. не существовало ни светских, ни духовных учебных заведений. Большинство сибирских священников до середины XVIII в. обучались на дому, а для проведения экзаменов и посвящения в духовный сан приезжали в Тобольскую духовную консисторию. Известно, что в 1765 г. в Тобольской семинарии обучалось 200 учеников. К 1791 г. численность семинаристов выросла до 285. (Копылов, 1974: 62).

Вместе с тем возрастала потребность церкви в достаточно подготовленном для окормления паствы клире, расширении круга верующих, защите их от воздействия других вероучений. Развитие духовного образования способствовало не только решению сословно-профессиональных задач, но и вело к реализации значимых общегражданских просветительских функций. Об этом свидетельствует социальный состав учащихся и акты правительственной власти (Юрцовский, 1923: 8). Духовным образовательным учреждениям отводилась особая роль в миссии просвещения – именно они должны были стать кузницей по подготовке учителей начальной школы, «которые бы науки свои знали твердо» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1м. Д. 76. Л. 13).

Однако население не считало получение образования первой необходимостью. Так, жители г. Енисейска, по свидетельству депутата екатерининской комиссии по составлению Нового уложения Самойлова 1767 г., оценивали школу как ненужную роскошь (Кытманов, 2016: 123). Таких же позиций придерживались и некоторые священнослужители. Поэтому церковные власти вынуждены были стимулировать нерадивых священников в этом направлении. Так, в указе «Об отправлении учителя для отбора детей, способных к учебе в семинарии» от 1794 г. предписывалось: «Должно штрафовать тех священников, которые будут укрывать своих детей от учения в семинарии «без всякого упущения» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 4. Д. 1605. Л. 2-3).

Грамота была исключительным достоянием только приказных людей и духовенства. При замещении не только городских и общественных, но даже правительственных (государственных) должностей ощущался недостаток грамотных людей. Так, при выборе в г. Красноярске на должность пограничного таможенного чиновника не нашлось грамотного и был выбран неграмотный (Захаров, 1895а: 129, 130).

Среди духовенства картина была не намного лучше. Как следует из справки Красноярского духовного правления в Красноярский заказ за 1769 г., из всех священно- и церковнослужителей только один человек обучался риторике. Это был заказчик Соборной Преображения Господня церкви протопоп Алексей Михайловский, который служил в соборе с 1750 г.

Известно также, что несколько служителей прошли обучение в Тобольской духовной семинарии. Во вновь открытую школу в г. Красноярске был назначен диакон Григорий Скрыбин, изучавший в семинарии философию. Это было в 1760 г. О втором учителе той же школы, назначенном в 1773 г., посвященном в стихарь причетчике Онисимове, в его формуляре было сказано, что он также слушал в тобольской семинарии философию (Захаров, 1895b: 139).

В апреле 1791 г. в списках для Тобольской духовной консистории, подготовленных священником с. Арейского, десятиначальником Парфоновым, оказалось, что из 52 подчиненных ему служителей 19 человек никогда не изучали арифметики и вообще были малограмотными (Захаров, 1895b: 140).

Конечно, частично данное положение можно объяснить и объективными обстоятельствами: дальностью дороги до Тобольска и отсутствием денежных средств на содержание в семинарии детей. Многие из страха перед ужасами такого далекого путешествия предпочитали ограничить для своих детей образование обучением церковному чтению и пению в домашних условиях через избранных из среды же духовенства мастеров своего дела. Так делали чаще всего беднейшие члены причтов (Захаров, 1895b: 142).

В октябре 1759 г. митрополиту Сибирскому и Тобольскому Павлу поступило прошение о дозволении священно- и церковнослужителям Красноярского заказа детей их не доставлять, особенно малолетних, в Тобольскую семинарию по дальности расстояния и трудности путешествия и разрешить им учредить в г. Красноярске на счет местного духовенства латинскую и русскую школу.

В отсутствие преподавателей для этого училища протопоп Алексей Михайловский предложил свои услуги с условием, что ему будет дан помощник. Воля архипастыря об учреждении в Красноярске школы для детей духовенства была выражена в особом его указе, последовавшем на имя Красноярского духовного правления 17 декабря 1759 г.: «учредить при каждом духовном заказе школы, которые содержат на общем того заказа всех священно-и-церковнослужителей коште в добром порядке, обучать самым нужным предметам и по третям представлять сведения об этих школах к Его Преосвященству» (Захаров, 1895b: 143).

В 1760 г. в Красноярске при Воскресенском соборе протопопом Алексеем Михайловским, заказчиком Красноярского духовного правления, была открыта русско-латинская школа для детей духовенства всех трех (Красноярского, Енисейского и Туруханского) заказов Енисейской провинции, которую посещало 30 учеников.

Решение об учреждении школы принял в 1759 г. тобольский митрополит Павел Конюсевич. В этой школе, помимо Закона Божиего, арифметики и грамматики, учеников обучали церковному пению и музыкальной грамоте. Преподаватели школы, помимо своей прямой деятельности (обучения детей грамоте), вносили свой вклад в развитие художественного и эстетического вкуса учеников.

Первым учителем школы был назначен Григорий Федорович Скрябин, происходивший из семьи духовенства и получивший образование в школе при архиерейском доме в Тобольске. Тяжелое материальное положение заставило Скрябина просить о досрочном определении его на место дьякона к Тобольской Благовещенской церкви в возрасте 21 года. В 1760 г. он добился перевода в Красноярск и с 1761 г. совмещал должности дьякона соборной церкви и учителя в школе (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Д. 229. Л. 2).

Для школы в городе за 180 руб. был куплен дом, где и проводились занятия. Ученики проживали в наемных квартирах жителей Красноярска за счет родителей, что обходилось «за постой и обживание» в среднем по 20 копеек в неделю (по 10 руб. 40 коп. в год за человека) без «харчевных припасов» (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 372. Л. 11).

В 1762 г. духовенство Енисейского и Туруханского духовных правлений обратилось к митрополиту с просьбой перенести школу в Енисейск. Из прошения на имя тобольского митрополита Павла от 30 июля этого года следует, что это решение было принято по нескольким причинам: «за дальностию расстояния», из-за высоких цен на продовольствие, «к тому же в Красноярске хлеб и харчевные припасы противу Енисейскаго не дешевле, но дороже» (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 372. Л. 11, 110б.). Кроме того, между Г.Ф. Скрябиным и Красноярским заказчиком протопопом Алексеем Михайловским произошел конфликт, вылившийся позже в долгое разбирательство.

В 1763 г., удовлетворив прошение, латинскую школу перевели в Енисейск на Абалацкое подворье Туруханского Троицкого монастыря. Учителем назначили енисейского священника Андрея Кудрина, а в 1764 г. Енисейский заказчик протопоп Даниил Базлуцкий написал доношение на имя Павла, митрополита Тобольского, в котором докладывал, что назначенный в латинскую школу учитель совмещает эту должность с обязанностями приходского священника. Базлуцкий доносил, что Кудрин не может научить учеников школы простому нотному пению, поскольку и сам «совершенно ему не обучился... и для обучения учеников этой школы времени мало имеет» (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 372. Л. 62, 62об.). После этого А. Кудрин был уволен с должности учителя, а к преподавательской деятельности вернули Г.Ф. Скрябина, о чем последовало незамедлительное определение (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 372. Л. 63). В 1765 г. последний стал полковым священником и покинул город. После упразднения Абалацкого подворья школу перевели в 1775 г. в Енисейский Спасский монастырь (Быконя, 1997: 61). К сожалению, авторам не удалось найти более поздней информации по школе.

Сохранившийся список учащихся латинской школы Енисейского периода насчитывает 37 человек. В основном возраст учащихся составлял 12-18 лет. Больше всего по численности насчитывалось 13-летних (10 человек). В ведомости также значатся двое детей в возрасте 11 лет и один человек 21 года. Судя по данной ведомости, ученики являлись детьми священнослужителей, в большинстве своем енисейского заказа. Некоторые священники отдавали на обучение по 2-3 своих детей.

При обучении детей учитель должен был руководствоваться инструкцией, которая открывает принципы воспитания и образования учащихся в латинской школе.

Инструкция предписывала учителю строго контролировать учащихся и прививать им основы духовного воспитания: «...понеже начало премудрости страх Господень. Того ради вступающих учеников в школу впервые, обучить надлежит страху Божию... почему потребно всем знать десять заповедей Божиих с кратким толкованием ст. Таинства наизусть ...Ученикам всяк день в том доме, где они обучаются, будут поочередно читать поутру утренния молитвы, по вечеру вечерние, и ходили б в Церковь Божию на славословие, а особливо в воскресенье... и читали по книгам и пели на клиросе... По Четырдесятнице и Посте Великому ученику исповедоваться и причаститься святых Христианских таинств, а при исповеди и причащении св. таинств должен учитель поучать учеников, что исповедь пред духовным Отцом должна быть без утайки своих грехов, с сокрушением сердца и

жалением о грехах, которыми мы прогневаем Бога, и намерением впредь Божией помощью не грешить (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 372. Л. 14, 200б.)».

Также ученики обучались латыни, нотному пению и письму, о чем инструкция гласила так: «Что до латинского диалекта касается, то надлежит поступать таким порядком: вступивших учеников в школу обучить во-первых по латыни, чего ради им раздать азбуки латинские... а других обучать нотному пению. Между тем обучению письму в другой половине дня, чтоб оные ученики могли удобнее учиться вместе писать... и читать» (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 372. Л. 21).

Обращают на себя внимание пункты инструкции, посвященные формированию дисциплины и дисциплинарным взысканиям при ее нарушении. Так, из пункта 8 и 9 инструкции следует: «...всегда являть учением добрые поступки для чего обучить учтивости и оное над ними неослабно наблюдать, чтоб не было между ними ссор, драк и сквернословия... в противном тому поступке по рассмотрению наказывать. Учеников... как Красноярского так и Туруханского заказов, кроме Рождества и Воскресения Христова к родителям отнюдь не отпускать, а кто когда имеет отпущение, то в надлежащее по учению время явиться в школу непременно, а ежели кто хоть мало просрочится, того без упущения наказывать».

Учителю же предписывалось не только обучать и осуществлять контроль над учащимися, но и держать связь с духовным правлением и вести отчетную документацию. Пункт 11 инструкции гласил: «Повелено учителю о учениках своих в заказное Духовное правление подавать рапорты с показанием всякого ученика какого заказа и места, чей сын, как зовут, полных лет, когда вступил в школу, чего обучается и какого понятия, тако же кто, когда и куда выбыл по приложенной при сем форме» (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 372. Л. 21).

Еще одна попытка открыть школу относится к 1779 г., когда вновь по церковным приказам Сибири, в том числе в г. Енисейске, открылись двухклассные русские школы (латынь в них была упразднена), готовившие детей духовенства к обучению в Тобольской семинарии (Захаров, 1895а: 129, 130).

Известен также список пастырской грамоты 1 мая 1779 г. епископа Тобольского и Сибирского Валаама в Мелецкий острог об обучении при церкви детей молитвам «Отче наш» и «Богородице Дево радуйся», Символу веры, десяти заповедям «с истолкованием всем христианским добродетелем, о чем их и сверх оного всегдашнего в церкви святой учения почасту спрашивать и поучать, чтоб они во всегдашней памяти оное содержали и наизусть знали» (Захаров, 1895а: 129).

Первые учебные заведения дали свои плоды просвещения и позволили получить образованных священнослужителей в местные заказы. Так, из дела о выдаче аттестата о службе протоиерею Красноярской Воскресенской церкви Михаилу Кремлеву мы узнаем об уровне его образования. Из прошения от 27 мая 1824 г.: «По Указу Его Императорского Величества из Тобольской духовной консистории сего года марта от 31 дня за №1 068 с прописанием такового же Святейшего Правительствующего Синода последовавшему, духовенство, состоящее в Енисейской губернии для единообразного соединения с гражданским управлением и по причине отдаленности от Тобольска причислено ныне к епархии Иркутской; А как я до окончания Богословского курса обучался в Тобольской семинарии и проходил разные должности, начиная с причетческой, т. е. с 1793 г. февраля с 23-го дня по сие время, также в виду Тобольского епархиального начальства без всякого порока моего и оштрафования. А потому высокопочтеннейше прошу Вашего Преосвященства за бессрочное служение мое по Тобольской епархии в разных местах и по разным должностям наградить меня надлежащим аттестатом. На что и имею честь ожидать Милостливейшего архипастырского благорассмотрения и резолюции... Священнический сын, женат, 49 лет, обучался в Тобольской семинарии латинскому, греческому и немецкому языкам с окончанием семинарского учебного курса, в протоиереи произведен в 1806 г.» (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 928. Л. 1, 10б., 4).

Новый стимул развитию духовного образования был дан в 1820 г. после открытия Енисейского приходского духовного училища. Согласно Уставу духовно-учебных заведений 1808 г. Российской империи приходское училище являлось низшей ступенью духовного образования, оно готовило церковно- и священнослужителей. Обучение продолжалось два года. В приходских училищах преподавались чтение, чистописание, четыре действия арифметики, основы грамматики, краткий катехизис и пение. С 1814 г. в училище зачисляли детей с восьмилетнего возраста. Дети священников обучались бесплатно, для других сословий образование было платным (Санников и др.).

По сообщению правления Тобольской духовной семинарии от 14 мая 1820 г. комиссия духовных училищ разрешила устроить в Томске и Енисейске по одному приходскому училищу при мужских монастырях, для чего через свою канцелярию прислала 91 руб. 66 коп. на обзаведение учебных заведений. Из них одну половину, 45 руб., предполагалось отправить томскому архимандриту Иерониму, а другую – архимандриту Енисейского Спасского монастыря Ксенофону.

Также настоятелям монастырей предписывалось, чтобы они «выбрали во вверенных им монастырях по две комнаты для каждого приходского училища, и по одной комнате для жительства бедных учеников, на посланные к ним деньги сделали за крайне малое вознаграждение столы, скамьи и прочее оборудование, необходимо нужное на обзаведение училищ, и немедленно рапортовали, что именно и за какую сумму сделано». Кроме того, требовалось, чтобы архимандриты из местных обученных священнослужителей выбрали по два кандидата на 1-й и 2-й классы, которые бы могли

обучать предметам, положенным для приходского училища. Это были: в первом классе – чтение на русском и славянском языках, чистописание по печатным российским прописям, нотное церковное пение; во втором классе – четыре первые правила арифметики, начала российской грамматики и катехизис (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 8. Д. 2134. Л. 22, 22об.).

По сообщению правления Тобольской духовной семинарии от 20 мая 1820 г. предполагалось открыть училища в будущем сентябре. Семинарскому правлению требовалось представить к этому времени нужные сведения для открытия училищ, для чего предписывалось через благочинных всех священнослужительских детей от 6 лет и выше перечислить и представить к 1 сентября их обстоятельный список. Требовалось также представить сведения обо всех обучающихся детях в домах родителей и родственников (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 8. Д. 2134. Л. 1 а., 1об.).

Какое серьезное значение предавалось духовному образованию, мы видим из того, что архимандрит Ксенофонт разослал указы енисейскому, красноярскому и туруханскому духовным правлениям о высылке детей священно- и церковнослужителей от и свыше 6 лет в духовное училище к 1 сентября 1820 г. Кроме того, смотрителю училища требовалось распределить приехавших детей по двум классам в соответствии с их знаниями. При неисполнении требований разрешалось срочно известить об этом преосвященного архиепископа. Срочно были утверждены учителя Иван Розанов и Василий Климовский (Юрцовский, 1923. С. 25, 26).

Всего к зачислению было рекомендовано 68 детей от 6 до 14 лет (один даже поступил 18-летний). Все дети проходили обучение дома. Они знали букварь, часослов, псалтирь, ирмолог, октоих и отчее письмо. Знакомство с Законом Божиим и арифметикой не практиковалось вовсе. Только два 6-летних мальчика в Енисейском благочинии уже знали букварь. Это был сын священника с. Устьянскаго Иоанна Касьянова Федор и священника с. Усть-Тургусского Евдокима Шарыпова Александр. Способности детей были помечены отметками посредственными или слабыми, только под некоторыми именами стояла отметка: «Понятия не так худова» (Юрцовский, 1923: 27).

Архимандрит Ксенофонт в виду приближения срока открытия училища донес семинарскому правлению, что к поступлению в училище ожидается до 50 мальчиков. В то же время он просил снабдить училище классическими книгами. Среди них букварь церковной и гражданской печати с сокращенным катехизисом в количестве 5 экземпляров; прописи российские, 50 экз.; краткая российская грамматика, 30 экз.; арифметика, часть 1, 30 экз.; сокращенный обиход церковного нотного пения, 30 экз.; часослов, 10 экз.; псалтирь, 10 экз.; правила для учащихся, 35 экз.; таблица для складывания церковной и гражданской печати и рукописей, 10 экз.; для смотрителя и учителей «назначенных книг», 10 экз. Часть из книг удалось получить в значительно меньшем количестве экземпляров (10 вместо 50). Своёкошные (те ученики, кто содержался за свой счет – прим. авторов) ученики приобретали учебники на свои деньги (Юрцовский, 1923: 27, 28).

Архимандритом Ксенофонтом был собран 51 руб. пожертвований в пользу бедных воспитанников будущего училища. Но так как помещения, отводимые под занятия и проживание учеников, требовали ремонта, их пришлось пустить на хозяйственные нужды, о чем он и просил разрешения семинарского правления. После этого им было собрано дополнительно на ремонтные нужды еще 22 руб. от новых благотворителей и потрачено 21 руб. 30 коп. из полученных от казны. Таким образом, на первоначальный ремонт помещений им было потрачено 139 руб. 30 коп. (половина из них являлась пожертвованиями) (Юрцовский, 1923: 23, 24).

К сожалению, на месте так и не нашлось требуемых по уровню грамотности священнослужителей. Среди местных кандидатов значились: диакон Енисейской Богоявленской церкви Иоанн Новоселов и священник Енисейской Преображенской церкви Никита Малахов. Диакон был, например, охарактеризован как сведущий в нужных предметах, но посредственного поведения (Юрцовский, 1923: 23, 26).

8 августа 1824 г. в Тобольскую духовную консисторию из правления Тобольской семинарии было предписано выдать «прогонных денег для проезда ... от Тобольска до Енисейска учителю Николаю Алексею также на одну пару ... Она же благоволила немедленно отнестись в Тобольскую казенную палату об испрошении прогонных денег, причитающихся ... на одну пару до Енисейска отправляющимся на службу показанным учителям» (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 314. Л. 1).

Н. Алексею было выдано на проезд до Енисейска на две лошади 236 руб. 5 коп. гражданских денег (как писалось в документе, из общих губернских доходов), что показывает важность для всей территории Приенисейской Сибири учреждаемого учебного заведения (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 314. Л. 4). Самое удивительное, что до Енисейска он так и не доехал, и первыми учителями все же стали местные священнослужители. Н. Алексеев поступил на службу в училище только в 1824 г. (см. далее).

Училище располагалось на территории Енисейского Спасского мужского монастыря в деревянном монастырском доме. В 1826 г. по ходатайству посетившего Енисейск епископа Иркутского Михаила Комиссия духовных училищ выделила Спасскому монастырю 2 000 руб. в вознаграждение за предоставляемый под училище монастырский дом (Кытманов, 2016: 193, 194, 212).

Училище было открыто 1 октября 1820 г. Открытие училища было обставлено очень торжественно и стало важным событием для енисейцев. На мероприятии присутствовало 37 человек из дворянского и купеческого сословий, а также почти все городское духовенство, преподаватели и

будущие воспитанники училища. На его открытие было собрано 408 руб. 50 коп. пожертвований (Юрцовский, 1923: 28).

Всего было зачислено 25 мальчиков: в 1 класс – 15, во 2 – 10. Это были дети из Красноярского и Енисейского уездов, 1 ребенок представлял Туруханский уезд. 14 из них являлись детьми священников, остальные были диаконскими и пономарскими отпрысками. Возраст детей 1 класса составил от 6 до 11 лет, один был 14-летним переростком; 2 класса – от 8 до 13 лет. В 1-й класс были зачислены дети, изучавшие дома часослов и псалтирь, во 2-й класс – уже прошедшие их и начавшие изучать нотное пение и чтение (Юрцовский, 1923: 29).

Как показывают формулярные списки священников – преподавателей Енисейского духовного училища, многие из них получили образование в Тобольской духовной семинарии. Возглавил училище Ксенофонт (Попов) (1782–1849), архимандрит, настоятель Енисейского Спасо-Преображенского монастыря (1820–1849). Был смотрителем Енисейского приходского духовного училища (1820–1832), а далее – уездного духовного училища до самой своей смерти. За исполнение этой должности указом Св. Синода от 25 сентября (по ст. ст.) 1823 г. ему было дозволено употреблять в священнослужении мантию.

Ксенофонт (Попов) родился в 1782 г. в семье священника Знаменской церкви Петропавловской слободы Шадринского уезда Пермской епархии Алексея Попова (Енисейское духовное..., 1885: 21-29).

Из послужного списка настоятеля Енисейского Спасского монастыря Ксенофонта за 1819 г. мы узнаем, что «Архимандрит Ксенофонт 34 лет – из духовного звания, обучался в Тобольской семинарии, с окончанием всего курса 1799 г. февраля 24 посвящен в стихарь и был при градо-Тобольской Введенской церкви причетчиком. 1805 ноября 3-го рукоположен в диакона к градо-Тобольской Богородице-Рождественской церкви. 1808-го октября 22-го определен по вдовству в Томский Алексиевский монастырь, и в тамошнее духовное училище учителем высшей грамматики. 1812-го переведен в Тобольский Знаменский монастырь и был в Тобольской семинарии учителем среднего и высшего грамматического классов. 1813-го апреля 6-го пострижен в монашество, мая 22-го того же года рукоположен в иеромонаха и определен в тот монастырь казначеем. 1816-го генваря 9-го в игумена в Туруханский Троицкий монастырь произведен, а из оногo по указу святейшего правительствующего Синода от 14-го июля 1819-го переведен в Енисейский Спасский 22-го февраля 1820-го года произведен в архимандрита». Моральный облик настоятеля монастыря показывает всего одна фраза: «Дело до него не касалось» (ГБУТО ГАТ. Ф. И-156. Оп. 8. Д.1772. Л. 3). В данном отрывке указывается, что он не представлял перед церковным судом.

Первыми учителями училища стали Иван Розанов (1-й класс) и Василий Климовский (2-й класс). Оба – сибиряки, из духовного звания, окончили Тобольскую духовную семинарию по 1-му разряду и в 1820 г. определены на службу в училище. В. Климовский в 1822 г. уволился в светское звание, впоследствии был смотрителем Красноярского уездного училища и советником губернского суда. И. Розанов был переведен учителем 2-го класса, служил в училище до 1824 г., впоследствии был священником Красноярского Воскресенского собора, протоиереем Канского и Ачинского соборов, служил в духовных правлениях. Оба умерли в Красноярске.

На место И. Розанова в 1822 г. был принят будущий протоиерей Енисейского Богоявленского собора М. Белозеров, в 1824 г. он стал учителем 2-го класса, а на место учителя 1-го класса поступил Николай Алексеев, сын протоиерея Красноярского Воскресенского собора Алексея Алексеева. Он окончил курс Тобольской семинарии по 2-му разряду и был определен учителем. В 1825 г. уволился из училища, служил в г. Енисейске городничим, в г. Ачинске – судьей окружного суда (Енисейское духовное..., 1885: 21-29).

Училище было для многих преподавателей началом их духовной или светской карьеры. Известно в Енисейске было имя Михаила Афанасьевича Белозерова (1802–1870), протоиерея Енисейского Богоявленского собора (1859–1870). Он родился в г. Тобольске в семье священника. Окончил курс Тобольской семинарии. В 1822 г. назначен учителем первого класса Енисейского духовного приходского училища, в 1824 г. – второго класса этого же училища. В 1826 г. рукоположен в диаконы, затем – в священники Енисейской Успенской церкви. В 1844 г. Енисейским духовным правлением назначен благочинным над енисейскими городскими церквями. С этого времени служил при Богоявленском соборе священником. Был награжден множеством церковных наград. В 1856 г. за особое усердие в преподавании Слова Божия получил особое архипастырское благословение с занесением в послужной список.

Значителен вклад М.А. Белозерова в дело развития образования в Енисейске. Почти сразу после открытия уездного духовного училища в 1829 г. был определен к нему учителем низшего отделения. Преподавал в это время в училище почти все предметы, кроме латинского и греческого языков. В 1830 г., после открытия в училище высшего отделения, был переведен туда учителем Священной истории, арифметики, нотного пения. Временно, в 1837–1838 гг., преподавал арифметику в низшем отделении.

В 1832 г. стал смотрителем училища, а в 1833–1834 гг. по ходатайству Иркутской духовной семинарии, епископом Иркутским Михаилом ему объявлялись благодарности «за усердие в пользу енисейских духовных училищ» и «за сбережение училищных сумм». В 1836 г. Томский и Енисейский

епископ Агапит выразил признательность за пожертвование в пользу училища значительного количества книг на иностранных языках, в том числе славянских (АГЕ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 2 об., 3об.).

Несмотря на перечисленные заслуги, в 1845 г. он был снят с должности смотрителя по причине отсутствия высшего духовного образования (Енисейское духовное..., 1885: 21-29). Однако о. Михаил продолжал оказывать помощь учебным заведениям. Так, в 1859 г. ему были объявлены благословение и признательность Синода за пожертвование книг в Томскую духовную семинарию (АГЕ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 3об.).

С 1825 г. в училище работал Гавриил Ушаков (1824–1859), также будущий протоиерей Енисейского Богоявленского собора. Он один из немногих к этому времени имел стаж работы в сфере образования: с 1818 по 1823 г. преподавал в Тобольском приходском училище. Он был уроженцем Тобольской губернии, сыном дьякона с. Тогурского Нарымского уезда. Обучался в Тобольской семинарии. В 1823 г. рукоположен в священники Енисейской Успенской церкви. В 1824 г. определен благочинным уездных церквей, назначен членом Енисейского духовного правления и произведен в протоиереи Енисейского Богоявленского собора. 1 сентября (по ст. ст.) 1825 г. назначен на должность учителя Енисейского приходского училища по личному распоряжению епископа Иркутского Михаила, который в своей резолюции аттестовал Ушакова «человеком достойным». Награжден церковной наградой – набедренником. Умер в 1859 г. (Енисейское духовное..., 1885: 21-29).

Еще один служитель церкви, связанный с училищем, – настоятель Туруханского Троицкого монастыря игумен Илиодор (в миру Илья Егорович Вавилов). Он был уроженцем Тобольской епархии, окончил курс семинарии в 1836 г., в 1838 г. был рукоположен в священники к градо-Томской Богоявленской церкви, но по вдовству пострижен в монашество. Первоначально служил в Енисейском Спасском монастыре, а с 1850 по 1863 гг. являлся настоятелем Туруханского Троицкого монастыря. Уволен на покой в 1864 г., а через год, уже в Енисейском Спасском монастыре, умер. Как сказано в его некрологе: «Послужил он с пользою и честью образованию духовного юношества, будучи в должности учителя сначала в Тобольском, потом в Енисейском духовных училищах, с 1836 до 1846 года. Упокой Господи во Царствии Своем – человека доброго, товарища честного ... начальника деятельного и благополезного» (Некролог..., 1865: 613, 614).

В 1836 г. учителем 2-го класса и инспектором училища назначен только что окончивший курс семинарии будущий протоиерей Красноярского кафедрального собора Василий Касьянов, учителем 1-го класса назначен его товарищ Василий Евтифиев. Смотрителем училища был тогда известный всем в Енисейске и уважаемый священник Михаил Белозеров, учителями – священники А. Сретенский, В. Лукин и Слобцов (Кытманов, 2016: 238).

На территории Приенисейской Сибири широко известно имя Василия Дмитриевича Касьянова (1817–1897), церковного писателя, автора дневников. Он родился в с. Пировском Енисейской губернии в семье потомственного священника. Василий Дмитриевич первоначально получил домашнее образование и в 1825 г. был принят сразу во 2-й класс Енисейского духовного училища. Перед этим, уже в 1824 г., исполнял обязанности причетчика при Енисейской Преображенской церкви. В 1826 г. как один из самых способных учеников был переведен в Иркутское уездное духовное училище, после окончания которого был принят на казенный счет в Иркутскую духовную семинарию. Во время учебы был певчим, служил лектором по греческому языку.

После окончания семинарии в 1836 г. В.Д. Касьянов приступил к службе в Енисейске. Первоначально служил в Енисейском уездном духовном училище (1836–1839) учителем и инспектором. В своей автобиографии В.Д. Касьянов пишет, что «со рвением, доходящим иногда до суровости», занимался учительством, свел обширные знакомства в городе. Также исполнял обязанности священника Енисейской Христорожественской церкви одноименного женского монастыря в 1839–1857 гг. Был благочинным. В 1857 г. покинул Енисейск и занял место протоиерея Красноярского Воскресенского собора (1857–1862) (ГАТО. Ф. 170. Оп. 11. Д. 63; Касьянов, 2012. Т. 1: 22-24).

За первые восемь лет существования училища в нем обучилось 120 учеников. В среднем в оба класса училища поступало по 15 мальчиков в год. Из учеников этого периода стали позднее известны: Александр Сретенский (при рождении фамилия Чикинев), инспектор енисейского духовного уездного училища, протоиерей в г. Ачинске; Петр Попов, впоследствии енисейский епископ Павел; Павел Попов – енисейский протоиерей; Александр Меркуриев – красноярский врач; Павел Любомудров (при рождении фамилия Попов) – протоиерей Енисейского Богоявленского собора; Василий Касьянов – красноярский кафедральный протоиерей; архимандрит Енисейского Спасского монастыря Макарий (в миру – Михаил Суслов), известный миссионер северных народов; Егор Пудовиков – священник и благочинный в г. Минусинске; Антип Хнюнин, в 1860-х гг. был секретарем епархиального попечительства в Москве (Приложение..., 1885: 253-266).

Училище сразу же, с момента своего основания, столкнулось с трудностями. Как указывает дореволюционный историк Юрцовский: «Как и следовало ожидать, большинство местного духовенства отнеслось к новой духовной школе несочувственно; по-видимому, оно не признавало в ней никакой потребности и решительно не хотело добровольно отдавать своих детей. Если бы начальство не принимало бы со своей стороны своевременные меры, то можно сказать утвердительно, она оставалась бы пустою на целые десятки лет» (Юрцовский, 1923: 22).

Тобольская духовная консистория на устройство училища выделяла всего 45 руб. ассигнаций, готового помещения в монастыре не было, трудно было найти и учителей. Дети приезжали в училище со всей Енисейской губернии, но только через три года после основания, в 1823 г., при духовном училище появилось общежитие, разместившееся в левой пристройке Захарьевской церкви Спасского монастыря. До этого же воспитанники жили на частных квартирах. Родители платили за постой нерегулярно, что вызывало нарекания хозяев.

Архимандриту Ксенофонту было разрешено принять на казенный счет пять сирот и детей бедных причетников. На их содержание отводилось по 60 руб. в год, но этих денег не хватало, и приходилось обращаться к благотворителям. Первоначально в общежитии жили 6 воспитанников за казенный счет и 3 – за полуказенный. Жили они впроголодь: содержание каждого из них за 11 месяцев обходилось немногим более 20 руб. Каждый из них получал в месяц 25 фунтов ржаной муки, 2 фунта пшеничной, 1 фунт крупы, 3 фунта мяса, 3 четверти фунта рыбы и на 1,5 коп. соли.

Белье воспитанникам выдавали из толстого крестьянского холста. Прямо на рубашку надевался капот из крестьянского сукна, на ногах – кожаные чирки. Войлочная шляпа довершала наряд, одинаковый и летом, и зимой. Денег на белье и книги вовсе не было. Особенно в плачевном состоянии находилось медицинское обслуживание учеников. На лечение в больнице и жалование врачу за осмотры воспитанников семинарское правление ассигновало всего 75 руб. в год. Только в 1855 г. из-за эпидемии горячки в училище появилась лечебница. Врачи видели причину распространения болезни в плохом помещении, плохой одежде и пище учеников и били тревогу по этому поводу (Кытманов, 2016: 193-194, 203-204, 294, 332-333).

В 1856 г. училище было переведено в Красноярск (Енисейское духовное..., 1885: 29).

5. Заключение

Несмотря на множество трудностей, духовная школа имела огромное значение для Енисейской губернии. Благодаря духовным учреждениям в регионе сформировался круг образованных диаконов, многие из них позднее окончили духовную семинарию, стали священниками, школьными преподавателями, работали на гражданской службе.

Духовные школы как часть образовательной системы и просвещения и их выпускники становились трансляторами церковного знания через Литургию и проповедь, дела благотворительности. Священнослужитель являлся образцом поведения, его деятельность – частью миссии Церкви в миру, его личность и повседневные действия оказывали серьезное влияние на прихожан и религиозную жизнь прихода. Нельзя забывать, что большинство прихожан в то время были неграмотными, поэтому священник являлся почти единственным распространителем светских знаний в своем населенном пункте и во многом формировал кругозор верующего человека.

Кроме того, необходимо отметить роль Енисейского Спасского монастыря в распространении духовных знаний и поддержании образования. А монахи того времени, например, архимандрит Енисейского Спасского Ксенофонт, показали себя достойными представителями Церкви.

Во многом благодаря деятельности образованных священнослужителей формировалась социально-духовная составляющая сакрального пространства, нашедшая отражение в Литургии и деятельности прихода, коммуникацию и взаимодействие индивидов, институтов, общины. Данный аспект очень важен для деятельности церкви на начальном этапе создания ее структур и приходов имперской окраины, каковой являлась в то время Приенисейская Сибирь. Ценно и то, что представители духовенства, получившие образование в русско-латинской школе и Енисейском духовном училище, несли свое пастырское служение по всей территории Приенисейской Сибири и являлись носителями единой традиции христианского просвещения, объединяющей все приходы региона.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда проект № 22-28-01668 «Комплексное исследование сакрального пространства старожилов Енисейского Севера: механизм сохранения и развития (на основе междисциплинарного исследования памятников истории и архитектуры)». [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01668/> (рук. А.П. Дворецкая).

Литература

Алексин, 2017 – Алексин К.В. Ускользающий священник: трансформация нормативного дискурса РПЦ о пресвитерском служении // *Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института*. 2017. № 24. С. 136-169.

АГЕ – Архив г. Енисейска.

Быконя, 1997 – Быконя Г.Ф. История Приенисейского края: XVII век – первая половина XIX века. Красноярск: Горница, 1997. 318 с.

Быконя, 2015 – Быконя Г.Ф. История народного образования в центральной Сибири (XVII – середина XIX века). Красноярск, 2015. 262 с.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

- ГБУТО ГАТ – ГБУТО Государственный архив г. Тобольска.
- Дьяконов, 1907 – Дьяконов К.П. Духовные школы в царствование императора Николая I. Сергиев Посад, 1907. 436 с.
- Енисейское духовное ..., 1885 – Енисейское духовное приходское училище // *ЕЕВ*. 1885. № 2. Отдел неофициальный. С. 21-29.
- Захаров, 1895a – Захаров В., св. Историческая справка к вопросу о народном образовании в Енисейской губернии // *ЕЕВ*. 1895. № 9. С. 125–130.
- Захаров, 1895b – Захаров В., св. Историческая справка к вопросу о народном образовании в Енисейской губернии // *ЕЕВ*. 1895. № 10. С. 138–143.
- Знаменский, 2001 – Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб., 2001. 800 с.
- ИЕВ – Иркутские епархиальные ведомости.
- Касьянов, 2012 – Касьянов В.Д. Из дневников. В 2-х т. Красноярск, 2012. Т. 1. 704 с.
- Комлева, 2006 – Комлева Е.В. Сибирское учительство в конце XVIII – первой половине XIX вв.: проблемы социокультурной адаптации / *Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: Сб. науч. тр.* Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. С. 76-95.
- Копылов, 1974 – Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX вв. Новосибирск: Наука, 1974. 252 с.
- Кытманов, 2016 – Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Вступ. статья Л.П. Бердникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 888 с.
- Леонтьева, 2018 – Леонтьева Т.Г. Семинарский быт: свидетельства очевидцев (вторая половина XIX – начало XX века // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. 2018. № 4(61). С. 21-31.
- Манчестер, 2015 – Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. 448 с.
- Миронов, 2015 – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 3. 992 с.
- Осипов, 1998 – Осипов А.И. Русское духовное образование // *Журнал Московской Патриархии*. 1998. № 3. С. 52-61.
- Приложение..., 1885 – Приложение к статье «Енисейское духовное училище» // *ЕЕВ*. 1885. № 14. С. 253-266.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Сулоцкий, 1875 – Сулоцкий А.И. Тобольская архиерейская школа – предшественница Тобольской семинарии // *ИЕВ*. 1875. № 3. С. 7-10.
- Титлинов, 1908 – Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 1. Вильна, 1908. 385 с.
- Тресвятский, 2006 – Тресвятский Л.А. Влияние православной культуры на духовную жизнь в Сибири в XVII – начале XX в. Новокузнецк: МОУ ДПО ИПК, 2006. 236 с.
- Федоров, 2003 – Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. 480 с.
- Федорова, 2015 – Федорова В.И. Школа – учитель – общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX вв. Красноярск: КГПУ, 2015. 244 с.
- Франк, 1992 – Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 510 с.
- Худяев, 2015 – Худяев А.С. «Сакральное пространство» и «Сакральная география» как семиотические концепты // *Человек. Культура. Образование*. Научно-образовательный и методический журнал. 2015. № 3 (17). С. 90-101.
- Щапов, 1874 – Щапов А.П. Сибирское общество до Сперанского. Изв. Сиб. отд. русс. геогр. о-ва: 1874. Т.V. 35 с.
- Юрцовский, 1923 – Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. 268 с.
- Gergilev et al., 2019 – Gergilev D.N., Khait N.L., Akhtamov E.A. Formation of Educational System in the Yenisei Siberia in XVIII century: from Latin School to Small People's School // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52, Is. 2, pp. 523-532.
- Freeze, 1977 – Freeze G.L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Harvard University Press, 1977. 325 p.

References

- Aleksin, 2017 – Aleksin, K.V. (2017). Uskol'zaiushchii sviashchennik: transformatsiia normativnogo diskursa RPTs o presviter'skom sluzhenii [Elusive Priest: Transformation of the Russian Orthodox Church' Normative Discourse on Presbyter Ministry]. *Svet Khristov prosveshchaet vsekh: al'manakh Sviato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta*. 24: 136-169. [in Russian]
- AGE – Arkhiv goroda Eniseiska [State archive of Eniseisk].

- Bykonya, 1997** – *Bykonya, G.F.* (1997). Istoriya Prieniseiskogo kraya: XVII vek – pervaya polovina XIX veka [History of the Yenisei region: XVII century – first half of the XIX century]. Krasnoyarsk: Gornitsa. 318 p. [in Russian]
- Bykonya, 2015** – *Bykonya, G.F.* (2015). Istoriya narodnogo obrazovaniya v tsentral'noi Sibiri (XVII – seredina XIX veka) [The history of Public Education in Central Siberia (XVII – the middle XIX centuries)]. Krasnoyarsk. 262 p. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archives of the Tomsk Region].
- GBUTO GAT** – GBUTO Gosudarstvennyi arkhiv g. Tobol'ska [GBUTO State archive of Tobolsk].
- Gergilev et al., 2019** – *Gergilev, D.N., Khait, N.L., Akhtamov, E.A.* (2019). Formation of Educational System in the Yenisei Siberia in XVIII century: from Latin School to Small People's School. *Bylye Gody*. 52(2): 523-532.
- D'iakonov, 1907** – *D'iakonov, K.P.* (1907). Dukhovnye shkoly v tsarstvovanie imperatora Nikolai I-go [Ecclesiastical Schools in the Reign of Emperor Nicholas I]. Saint Petersburg. 436 p. [in Russian]
- Fedorov, 2003** – *Fedorov, V.A.* (2003). Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyi period. 1700–1917 [Russian Orthodox Church and State. Synodal period. 1700–1917]. M. 480 p. [in Russian]
- Fedorova, 2015** – *Fedorova, V.I.* (2015). Shkola – uchitel' – obshchestvo. Iz istorii narodnogo obrazovaniya Eniseiskoi gubernii XIX – nachala XX vv. [School – teacher – society. From the history of public education in the Yenisei province of the 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk, KGPU. 244 p. [in Russian]
- Frank, 1992** – *Frank, S.L.* (1992). Dukhovnye osnovy obshchestva [Spiritual foundations of society]. M.: Respublika. 510 p. [in Russian]
- Freeze, 1977** – *Freeze, G.L.* (1977). The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Harvard University Press. 325 p.
- Eniseiskoe dukhovnoe..., 1885** – Eniseiskoe dukhovnoe prikhodskoe uchilishche [Yenisei Theological Parish School]. *EEV*. 1885. № 2, otdel neofitsial'nyi. Pp. 21-29. [in Russian]
- IEV** – Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [The Irkutsk eparchial sheets].
- Kas'yanov, 2012** – *Kas'yanov, V.D., prot* (2012). Iz dnevnikov 1870–1897 gg.: v 2 t. Krasnoyarsk: Vostochnaya Sibir'. T. 1. 704 p. [in Russian]
- Khudyaev, 2015** – *Khudyaev, A.S.* (2015) «Sakral'noe prostranstvo» i «Sakral'naya geografiya» kak semioticheskie kontsepty [“Sakral'noe prostranstvo” and “Sakral'naya geografiya” as semiotic concepts]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. Nauchno-obrazovatel'nyi i metodicheskii zhurnal. 3(17): 90-101. [in Russian]
- Komleva, 2006** – *Komleva, E.V.* (2006). Sibirskoe uchitel'stvo v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.: problemy sotsiokul'turnoi adaptatsii [Siberian teaching at the end of XVII – the first part of XIX centuries]. *Adaptatsionnye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i transformiruyushchikhsya obshchestvakh: Sb. nauch. tr.* Novosibirsk: Novosib. State Un-ty, 2. Pp. 76-95. [in Russian]
- Kopylov, 1974** – *Kopylov, A.N.* (1974). Ocherki kul'turnoi zhizni Sibiri XVII – nachala XIX v. [The essays of cultural life of Siberia in XVII – the beginning of XIX centuries]. Novosibirsk: Nauka. 252 p. [in Russian]
- Kytmanov, 2016** – *Kytmanov, A.I.* (2016). Kratkaya letopis' Eniseiskogo uezda i Turukhanskogo kraja Eniseiskoi gubernii 1594–1893 gg. Vstup. stat'ya L.P. Berdnikova [The brief chronicle of Yenisei uyezd and Turuchansk region of Yenisei province. Opening article of L.P. Berdnikov]. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Un-ty. 888 p. [in Russian]
- Leont'eva, 2018** – *Leont'eva, T.G.* (2018). Seminariskii byt: svidetel'stva ochevidtsev (vtoraya polovina XIX – nachala XX veka) [Seminar life: eyewitness accounts (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 4(61): 21-31. [in Russian]
- Manchester, 2015** – *Manchester, L.* (2015). Popovichi v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii [Priests in the World: Clergy, Intelligentsia and the Formation of Modern Self-Consciousness in Russia]. M. 448 p. [in Russian]
- Mironov, 2015** – *Mironov, B.N.* (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t. [Russian Empire: from tradition to modernity]. SPb.: Dmitrii Bulanin. Vol. 3. 992 p. [in Russian]
- Osipov, 1998** – *Osipov, A.I.* (1998). Russkoe dukhovnoe obrazovanie [Russian spiritual education]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*. 3: 52-61. [in Russian]
- Prilozhenie..., 1885** – Prilozhenie k stat'e «Eniseiskoe dukhovnoe uchilishche» [Appendix to the article “Yenisei Theological School”]. *EEV*. 1885. 14: 253-266.
- Sulotskii, 1875** – *Sulotskii, A.I.* (1875). Tobol'skaya arkhieierskaya shkola – predshestvennitsa Tobol'skoi seminarii [Tobolsk Bishops' School – the predecessor of the Tobolsk Seminary]. *IEV*. 3: 7-10. [in Russian]
- Titlinov, 1908** – *Titlinov, B.V.* (1908). Dukhovnaia shkola v Rossii v XIX stoletii. Vyp. 2: Protasovskaia epokha i reformy 60-kh godov [Theological School in Russia in the 19th century]. Vilna. 385 p. [in Russian]
- Tresvyatskii, 2006** – *Tresvyatskii, L.A.* (2006). Vliyanie pravoslavnoikul'tury na dukhovnyu zhizn' v Sibiri v XVII – nachale XX v. [The influence of Orthodox culture on spiritual life in Siberia in the 17th – early 20th centuries]. Novokuznetsk: MOU DPO IPK. 236 p. [in Russian]

Shchapov, 1874 – *Shchapov, A.P.* (1874). Sibirskoe obshchestvo do Speranskogo [Siberian society before Speransky]. *Izv. Sib. otd. russ. geogr. o-va*. V: 35. [in Russian]

Yurtsovskii, 1923 – *Yurtsovskii, N.S.* (1923). Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri [The studies on the enlightenment in Siberia]. Novonikolaevsk. 268 p. [in Russian]

Znamenskii, 2001 – *Znamenskii, P.V.* (2001). Dukhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 [Theological schools in Russia before the reform of 1808]. SPb. 800 p. [in Russian]

Zakharov, 1895a – *Zakharov, V.* (1895). Istoricheskaya spravka k voprosu o narodnom obrazovanii v Eniseiskoi gubernii [Historical background to the issue of public education in the Yenisei province]. *EEV*. 9: 125-130 [in Russian]

Zakharov, 1895b – *Zakharov, V.* (1895). Istoricheskaya spravka k voprosu o narodnom obrazovanii v Eniseiskoi gubernii [Historical background to the issue of public education in the Yenisei province]. *EEV*. 10: 138-143. [in Russian]

Роль духовного образования в формировании сакрального пространства Приенисейской Сибири (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.)

Анна Павловна Дворецкая^{a, *}, Надежда Леонидовна Хаит^a, Ольга Викторовна Коновалова^{a, b}, Елена Евгеньевна Кушнаренко^a

^a Сибирский Федеральный университет, Гуманитарный институт, Российская Федерация

^b Сибирский Юридический институт, Министерства Внутренних Дел Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются региональные особенности становления духовного образования Приенисейской Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. на примере русско-латинской школы в г. Красноярске и Енисейске и Енисейского духовного училища. На основе архивных документов и материалов церковной периодики представлена деятельность Русской православной церкви в сфере духовного образования в контексте формирования сакрального пространства церковного прихода. В работе выявляются проблемы кадрового обеспечения школы и училища, анализируется социальный состав обучаемых и преподавателей, рассматриваются принципы образовательно-воспитательного процесса, направленные на формирование мировоззрения будущих пастырей.

Авторами делается вывод, что, несмотря на присущий системе догматизм, будущие церковно- и священнослужители могли получить системные знания в области христианского вероучения, навыки чтения и счета. Обращается внимание на то, что в рассматриваемый период формируется принцип непрерывности духовного образования. Опыт реконструкции и анализ деятельности известных священнослужителей Приенисейской Сибири показывает, что благодаря их деятельности православная церковь была достойно представлена на имперской окраине, в значительном удалении от епархиальных структур. Они давали образцы христианского поведения через совершение Литургии, способствовали сплоченности прихода, помогали выстраивать коммуникацию внутри общины.

Ключевые слова: духовное образование, сакральное пространство, приход, Приенисейская Сибирь, Красноярск, Енисейск, религиозное поведение, церковная школа, церковное училище.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 78-83
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.78

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Appointed Hetman Yakov Gerasimovich Kukharenko (1799–1862) (to the 225th Anniversary of his Birth)

Natal'ya A. Shevchenko ^{a, b}, Yulia V. Kapitanets ^{c, *}, Galina M. Zinchuk ^c, Lyudmila N. Tatarinova ^d

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^d Higher School of Public Administration of the Presidential Academy, Moscow, Russian Federation

Abstract

This work is devoted to the biography of the commander-in-chief of the Black Sea Cossack Army, Major General, as well as the outstanding writer Yakov Gerasimovich Kukharenko (1799–1862). The publication is timed to the 225th anniversary of his birth. As a source, we used information from the pre-revolutionary “Military Encyclopedia”, as well as materials about the ancestral home of ataman Yakov Kukharenko.

In conclusion, the authors state that among the atamans of the Black Sea (Kuban) Cossack army, Yakov Gerasimovich Kukharenko was a special person who combined not only military and administrative talents, but also creative ones. Coming from a Cossack officer family, he joined the Black Sea Cossack Army at the age of 15 and took an active part in the Caucasian War (1801–1864), the Russian-Turkish War (1828–1829) and the Crimean Company (1853–1856) for the first 25 years of his service. According to historians, he took part in 44 battles and military affairs. In 1852–1856, he reached the peak of his military career – he received the rank of major General and became the commander-in-chief of the Black Sea Cossack army. However, Major General Y.G. Kukharenko is known not only for this, but also for his creative activity. From his pen came a number of works that had important ethnographic significance for the study of the life of the Zaporozh'ye Cossacks, the first settlers to the Kuban Plain in the late XVIII century. This was Yakov Gerasimovich Kukharenko – a brilliant officer and a talented writer.

Keywords: Yakov Gerasimovich Kukharenko, August 15, 1799 – September 26, 1862, biography, commander-in-chief, Black Sea Cossack army.

1. Введение

Яков Герасимович Кухаренко – человек с удивительной биографией, выходец из казачьей семьи. В период Кавказской войны он достиг чина генерал-майора, был наказным атаманом Черноморского казачьего войска (позднее войско переименовано в Кубанское) и одновременно с этим стал выдающимся малороссийским писателем. Яков Герасимович родился 15 августа 1799 г., а в 2024 г. Якову Герасимовичу исполнится 225 лет со дня рождения, что и предопределило тему нашего исследования.

2. Материалы и методы

В качестве источника нами были привлечены сведения из дореволюционной «Военной энциклопедии» (Кухаренко, 1914), а также материалы о родовом гнезде атамана Якова Кухаренко (Особняк..., 2023).

* Corresponding author

E-mail addresses: kapitanetc@yandex.ru (Yu.V. Kapitanets)

Ввиду своей биографической специфики работа опирается на историко-биографический метод, что позволило нам акцентировать внимание на исторических следах, оставленных этим выдающимся военным и писателем. Важное значение в работе имел и ретроспективный метод, благодаря которому события из жизни наказного атамана Кухаренко выстроены в исторической последовательности.

3. Обсуждение

О Якове Герасимовиче Кухаренко писали и пишут достаточно много и в дореволюционный период, и в эмиграции, и в современное время. Среди работ дореволюционного периода мы можем назвать доклад Л.М. Мельникова о взаимоотношениях Я.Г. Кухаренко и Т.Г. Шевченко. Данный доклад был прочитан на собрании членов Общества любителей истории Кубанской области 1 февраля 1913 г. (Мельников, 1913). Позднее он был переиздан на закате советской эпохи в 1989 г. (Мельников, 1989). Также среди дореволюционных произведений мы должны отметить труд Ф.А. Щербина «Кубанское казачество и его атаманы», который был переиздан в 2007 г. (Щербина, 2007).

В Советской России данной темой практически не занимались, однако в эмиграции биографии и творчеству Я.Г. Кухаренко уделялось значительное внимание. Так, одна из первых послереволюционных работ была опубликована Г. Омельченко в 1928 г., она была посвящена 65-летию гибели атамана (Омельченко, 1928). В 1929 г. П.И. Кокунько обращался к теме переселения черноморцев на Кубань (Кокунько, 1929). В 1962 г. В. Науменко рассматривал биографические страницы жизни генерала в связи со 100-летием со дня его смерти (Науменко, 1962).

Активно изучается биография Я.Г. Кухаренко и сегодня как на территории Украины, так и на территории Кубани. Так, Якову Кухаренко уделили свое внимание украинские исследователи Д. Билый и В. Фугулуйчук, которые рассматривали влияние его творчества на украинское национально-культурное движение периода XIX века (Билый, Фугулуйчук, 2015). Обращались к биографии Я.Г. Кухаренко и кубанские исследователи. Так, например А.И. Федина изучала творческое наследие Я.Г. Кухаренко (Федина, 2004), В. Смеюха, помимо творческого наследия, рассматривал и военную службу этого кубанского атамана (Смеюха, 2019).

В целом, несмотря на наличие некоторого количества биографических работ, посвященных Якову Герасимовичу Кухаренко (1799-1862 гг.), в его биографии продолжают оставаться «белые пятна», которые продолжают ждать своего исследователя.

4. Результаты

О Я.Г. Кухаренко, несмотря на его достижения и статус в Кубанском казачьем войске, известно сравнительно немного. Отцом Я.Г. Кухаренко был известный запорожский казак, полковник Герасим Романович Кухаренко. В семье было 8 детей (4 мальчика и 4 девочки) (Особняк..., 2023: 23 мая). Детские и юношеские годы Якова Кухаренко пришлись на время, когда в казачьей среде было много непосредственных переселенцев из Запорожской Сечи. Как отмечает В. Смеюха, «тогда еще здравствовали многие очевидцы и участники казачьей вольницы, а их рассказы о старине воспринимались подрастающим поколением лучше всяких сказок и былин» (Смеюха, 2019).

Так, согласно дореволюционной «Военной энциклопедии», Я.Г. Кухаренко родился в Екатеринодаре, образование получил в Екатеринодарской войсковой гимназии. В 1814 г. после окончания 4-го класса Яков Герасимович покинул учебное заведение и поступил на службу в Черноморское казачье войско (Кухаренко, 1914: 433) в возрасте 15 лет, в чине урядника. Женится Яков Герасимович рано (его избранницей была казачка), уже в 1822 г. При представлении его на офицерскую должность добрую услугу оказало то, что он был женат и имел ребенка (Особняк..., 2023: 23 мая). В 1823 г. Кухаренко был произведен в офицеры.

Неординарные способности молодого Якова Кухаренко вскоре позволили обратить на него внимание непосредственного начальства, и Я.Г. Кухаренко начал двигаться по карьерной лестнице. В 1828 г. сотник Кухаренко командовал артиллерийской ротой при штурме турецкой крепости Анапа. Нужно пояснить, что для командования артиллерийским подразделением в то время требовалось иметь аналитический склад ума, хорошо разбираться в математике, а также быстро и безошибочно производить необходимые расчеты для ведения артиллерийского огня. За Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. Кухаренко 9 июля 1828 г. был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1833–1836 гг. работал прокурором и командовал 9-м конным полком (Билый, Фугулуйчук, 2015: 61), а позднее уже в чине есаула был назначен ассессором войсковой канцелярии (Кухаренко, 1914: 433). В последующее время за участие в Кавказской войне он был награжден 1 августа 1839 г. орденом Св. Станислава 2-й степени, а уже в следующем году 28 сентября 1840 г. ему была пожалована и императорская корона к этому ордену.

4 марта 1845 г. Я.Г. Кухаренко был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, а в 1846 г. – знаком отличия за 15 лет безупречной службы. 17 апреля 1849 г. Кухаренко была пожалована и императорская корона к ордену Св. Анны 2-й степени.

О семье Я.Г. Кухаренко имеются фрагментарные сведения. Тем не менее, известно, что один из сыновей играл в екатеринодарском театре, участвовал в спектаклях, дочь Кларисса некоторое время

преподавала в Мариинском институте, младшая дочь Лидия отлично знала немецкий язык ([Особняк..., 2023: 23 мая](#)).

В это время Я.Г. Кухаренко поддерживал тесные связи с Н.И. Костомаровым и Т.Г. Шевченко ([Билый, Футулуйчук, 2015: 62](#)). Пробовал себя в литературном творчестве. Так, среди художественных произведений Кухаренко можно назвать оперетту «Черноморский был на Кубани между 1794 и 1796 гг.», которая была написана им в 1836 г. в подражание опере И. Котляревского «Наталка-Полтавка». Оперетта описывала быт черноморских казаков в период их первичного заселения Кубанской равнины. Сюжет этого произведения был достаточно прост: Маруся любила Ивана, но он должен был ехать с казаками в поход. В это время мать девушки хочет ее отдать замуж за богатого старого казака. Несмотря на композиционную наивность, сочинение передавало уникальность казачьего быта, характеры и колорит первых переселенцев на Кубань. Это привлекло внимание современников ([Особняк..., 2023: 23 мая](#)). Также Кухаренко был автором народной сказки «Вороний конь» (1861 г.), этнографических очерков «Пластуны», «Казак-Мамай» и «Вивци и чабани в Чорномории» (1862 г.), а также составителем «Чабаньского словаря» (1862 г.) ([Кухаренко, 1914: 433](#)). Важно пояснить, что изданные в 1862 г. произведения были из тех, которые долго пролежали в столе писателя и только в 1862 г., незадолго до его гибели, увидели свет на страницах журнала «Основы» ([Билый, Футулуйчук, 2015: 62](#)).

Пробовал себя Кухаренко и как режиссер театральной труппы. Оказавшись по служебным делам в Санкт-Петербурге, он обнаружил, что любительская труппа поставила его оперетту в качестве выступления. В результате Кухаренко выступил в качестве режиссера, он раздавал роли, участвовал в просмотрах. Однако до начала представления пробыть в Санкт-Петербурге не смог, так как был вынужден срочно отбыть на Кубань ([Смеюха, 2019](#)).

В 1851 г., будучи в чине полковника, был исполняющим обязанности наказного атамана Азовского казачьего войска (26 ноября 1851 г. за 25 лет безупречной службы он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени), а уже в следующем, 1852 году, занял пост начальника штаба Черноморского казачьего войска.

В 1853 г. Я.Г. Кухаренко ([Рисунок 1](#)) был произведен в казачьи генералы и назначен наказным атаманом Черноморского казачьего войска ([Кухаренко, 1914: 433](#)). Будучи генералом, он представлялся к награде только один раз, 6 декабря 1954 г., когда генерал-майору Кухаренко высочайше был пожалован орден Св. Владимира 3-й степени. Занимал должность наказного атамана до 30 июня 1856 г. ([Билый, Футулуйчук, 2015: 61](#)). За это время при его непосредственном участии кордонная линия была перенесена на реку Кубань, что сделало казачьи владения более защищенными и безопасными. В 1856 г. генерал-майор Кухаренко представлял Черноморское казачье войско на коронации императора Александра II ([Особняк..., 2023: 23 мая](#)).

Рис. 1. Наказной атаман Я.Г. Кухаренко (1799–1862 гг.)

Когда встал вопрос о переселении черноморских казаков за реку Кубань для присмотра за черкесскими аулами, Кухаренко поддержал эту идею и в 1861 г. он был назначен управляющим Нижне-Кубанской кордонной линией ([Билый, Футулуйчук, 2015: 62](#)) и одновременно командующим Шапсугским закубанским отрядом ([Кухаренко, 1914: 433](#)).

В сентябре 1862 г. генерал-майор Кухаренко был вызван командующим войсками Кубанской области в город Ставрополь по делам службы. Генерал Кухаренко выехал без эскорта, только с одним своим офицером (зять, капитан Иогансон) (*Особняк...*, 2023: 23 мая). В ночь на 19 сентября 1862 г. при переправе через реку Кубань на офицеров напала группа черкесов из абадзехского племени. По сведениям краеведов, генерал попытался отстреливаться, но его пистолет дал осечку. Тогда Кухаренко выскочил из экипажа, обнажил пашку, но, несмотря на оказанное сопротивление, оба офицера ранеными попали в плен. Спустя неделю в абадзехском плену генерал-майор Кухаренко скончался от ран. Существует также версия о том, что черкесы вообще не имели понятия о том, кого захватили в плен, для них пленный русский был очередным пленным русским. Сам Яков Герасимович настоял на том, чтобы его зять, который достаточно быстро был выкуплен из плена, не занимался выкупом своего тестя. Возможно, это было связано с возможностью оградить семью Кухаренко от крупных финансовых расходов за выкуп. Эта версия вполне согласовывается с тем, что семья Кухаренко была небогатой и часто имела финансовые затруднения (*Особняк...*, 2023: 23 мая). Так или иначе, но генерал-майор Кухаренко спустя неделю своего нахождения в плену умирает.

Сын генерала, Степан Кухаренко, выкупил у абадзехов тело своего отца и похоронил его 6 октября 1862 г. в Екатеринодаре (*Кухаренко*, 1914: 433).

За годы своей службы генерал-майор Кухаренко активно участвовал в боевых действиях. По данным специалистов, на его счету было 44 сражения (*Особняк...*, 2023: 23 мая).

В 1880 г. в Киеве Ф. Пискуновым было издано полное собрание сочинений Кухаренко, которое называлось: «Збирник творив Кухаренко, наказного атамана земли войска Черноморского» (*Рисунок 2*) (*Кухаренко*, 1914: 433).

Рис. 2. Обложка «Збирник творив Кухаренко...» (Киев, 1880)

В полное собрание сочинений вошли многие произведения Я.Г. Кухаренко, включая «Черноморский быт...», «Пластуны», «Вороний конь», «Чабаны...», а также «Чабанский словарь».

5. Заключение

Подводя итоги, нужно отметить, что среди атаманов Черноморского (Кубанского) казачьего войска Яков Герасимович Кухаренко был особой персоной. Он сочетал в себе не только военные и административные таланты, но и творческие. Будучи выходцем из казачьей офицерской семьи, он уже в 15-летнем возрасте поступает на службу в Черноморское казачье войско и первые 25 лет своей службы принимает активное участие как в Кавказской войне (1801–1864 гг.), так и в Русско-турецкой войне (1828–1829 гг.) и Крымской компании (1853–1856 гг.). По подсчетам историков, он принимал участие в 44 сражениях и боевых делах. В 1852–1856 гг. он достиг пика в своей военной карьере – получил чин генерал-майора и стал наказным атаманом Черноморского казачьего войска. Однако не только этим известен генерал-майор Я.Г. Кухаренко, но и своей творческой деятельностью.

Из-под его пера вышел целый ряд произведений, которые имели важное этнографическое значение для изучения быта запорожских казаков – первых переселенцев на Кубанскую равнину периода конца XVIII века. Таким и был Яков Герасимович Кухаренко – блестящим офицером и талантливым писателем.

Литература

Кухаренко, 1914 – Кухаренко Яков Герасимович / Военная энциклопедия. В 18 т. Т. 14. Санкт-Петербург, 1914.

Смеюха, 2019 – *Смеюха В.* Казацьки улици: атаман и писатель Кухаренко // *Кубань* 24. 2019. 15 февр.

Особняк..., 2023 – Особняк, коммуналка, музей: история родового гнезда атамана Якова Кухаренко // Краснодарские известия. 2023. 23 мая.

Билый, Футулуйчук, 2015 – *Билый Д., Футулуйчук В.* Яков Кухаренко и его вклад в развитие украинского национально-культурного движения XIX в. // *Схід*. 2015. 1(133): 61-64.

Науменко, 1962 – *Науменко В.* Генерал-майор Яков Герасимович Кухаренко. К столетию со дня его смерти // Кубанский исторический и литературный сборник. 1962. № 18. С. 13-17.

Мельников, 1913 – *Мельников Л.М.* Я.Г. Кухаренко и Т.Г. Шевченко в их взаимных отношениях: доклад, прочитанный на общем собрании членов ОЛИКО 1 февраля 1913 г. по случаю 50-летия со дня смерти Я.Г. Кухаренко // *Известия общества любителей изучения Кубанской области* / [под ред. Б.М. Городецкого]. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1913. Вып. 6. С. 24-72.

Кокунько, 1929 – *Кокунько П.И.* Кухаренко Я.Г. и переселение черноморцев за Кубань // *Вольное казачество Вильне козацтво*. Прага, 1929. № 40. С. 15-16.

Федина, 2004 – *Федина А.И.* Атаман Я.Г. Кухаренко в кругу современников. Историко-документальные очерки о жизни и творчестве первого кубанского писателя. Краснодар: КСЭИ, 2004.

Омельченко, 1928 – *Омельченко Г.* Я.Г. Кухаренко, наказний отаман Війська Чорноморського. З нагоди 65-ї річниці смерті Я. Г Кухаренка й 50-ї річниці виготовлення до друку видання збірки його творів. Коломия, 1928. 62 с.

Мельников, 1989 – *Мельников Л.М.* Я.Г. Кухаренко и Т.Г. Шевченко в их взаимных отношениях // *Кубань*. 1989. № 1. С. 86-93.

Щербина, 2007 – *Щербина Ф.А.* Кубанское казачество и его атаманы. М.: Вече, 2007.

References

Bilyi, Futuluichuk, 2015 – Bilyi, D., Futuluichuk, V. (2015). Yakov Kukharenko i ego vklad v rozvitie ukrainskogo natsional'no-kul'turnogo dvizheniya XIX v. [Yakov Kukharenko and his contribution to the development of the Ukrainian national-cultural movement of the 19th century]. *Skhid*. 1(133): 61-64. [in Russian]

Fedina, 2004 – *Fedina, A.I.* (2004). Ataman Ya.G. Kukharenko v krugu sovremennikov. Istoriko-dokumental'nye ocherki o zhizni i tvorchestve pervogo kubanskogo pisatelya [Ataman Ya.G. Kukharenko among his contemporaries. Historical and documentary essays about the life and work of the first Kuban writer.]. Krasnodar: KSEI. [in Russian]

Kokun'ko, 1929 – *Kokun'ko, P.I.* (1929). Kukharenko Ya.G. i pereselenie chernomortsev za Kuban' [Kukharenko Ya.G. and resettlement of the Black Sea people beyond the Kuban]. *Vol'noe kazachestvo Vil'ne kozatstvo*. Praga. № 40. Pp. 15-16. [in Russian]

Kukharenko, 1914 – Kukharenko Yakov Gerasimovich [Kukharenko Yakov Gerasimovich]. Voennaya entsiklopediya. V 18 t. T. 14. Sankt-Peterburg, 1914. [in Russian]

Mel'nikov, 1913 – *Mel'nikov, L.M.* (1913). Ya.G. Kukharenko i T.G. Shevchenko v ikh vzaimnykh otnosheniyakh: doklad, pročitannyi na obshchem sobranii chlenov OLIKO 1 fevralya 1913 g. po sluchayu 50-letiya so dnya smerti Ya.G. Kukharenko [Ya.G. Kukharenko and T.G. Shevchenko in their mutual relations: a report read at the general meeting of OLIKO members on February 1, 1913 on the occasion of the 50th anniversary of the death of Ya.G. Kukharenko]. *Izvestiya obshchestva lyubitelei izucheniya Kubanskoj oblasti* [pod red. B. M. Gorodets'kogo]. Ekaterinodar: Tip. Kubanskogo obl. pravleniya. Vyp. 6. Pp. 24-72. [in Russian]

Mel'nikov, 1989 – *Mel'nikov, L.M.* (1989). Ya.G. Kukharenko i T.G. Shevchenko v ikh vzaimnykh otnosheniyakh [Ya.G. Kukharenko and T.G. Shevchenko in their mutual relations]. *Kuban'*. 1: 86-93. [in Russian]

Naumenko, 1962 – *Naumenko, V.* (1962). General-maior Yakov Gerasimovich Kukharenko. K stoletiyu so dnya ego smerti [Major General Yakov Gerasimovich Kukharenko. To the centenary of his death]. *Kubanskii istoricheskii i literaturnyi sbornik*. 18: 13-17. [in Russian]

Omel'chenko, 1928 – *Omel'chenko, G.* (1928). Ya.G. Kukharenko, nakaznii otaman Viis'ka Chornomors'kogo. Z nagodi 65-ї richnitsi smerti Ya. G Kukharenka i 50-ї richnitsi vigotvlennya do druku vidannya zbirki iogo tvoriv [Ya.G. Kukharenko, punishment otaman of Viysk Chornomorsk. Since the death of Ya. Kolomiya]. Kolomiya. 62 p. [in Ukrainian]

Osobnyak..., 2023 – Osobnyak, kommunalka, muzei: istoriya rodovogo gnezda atamana Yakova Kukhareno [Mansion house, communal apartment, museum: the history of the family nest of Ataman Yakov Kukhareno]. *Krasnodarskie izvestiya*. 23 maya. [in Russian]

Shcherbina, 2007 – *Shcherbina, F.A.* (2007). Kubanskoe kazachestvo i ego atamany [Kuban Cossacks and their atamans]. M.: Veche. [in Russian]

Smeyukha, 2019 – *Smeyukha, V.* (2019). Kazach'i ulitsy: ataman i pisatel' Kukhareno [Cossack streets: ataman and writer Kukhareno]. *Kuban' 24*. 15 fevr. [in Russian]

Наказной атаман Яков Герасимович Кухаренко (1799–1862 гг.) (к 225-летию со дня рождения)

Наталья Александровна Шевченко ^{a, b}, Юлия Владимировна Капитанец ^{c, *},
Галина Михайловна Зинчук ^c, Людмила Николаевна Татарина ^d

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Высшая школа государственного управления Президентской академии, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа посвящена биографии наказного атамана Черноморского казачьего войска, генерал-майора, а также выдающегося писателя Якова Герасимовича Кухаренко (1799–1862 гг.). Публикация приурочена к 225-летию со дня его рождения. В качестве источника нами были привлечены сведения из дореволюционной «Военной энциклопедии», а также материалы о родовом гнезде атамана Якова Кухаренко.

В заключении авторы отмечают, что среди атаманов Черноморского (Кубанского) казачьего войска Яков Герасимович Кухаренко был особой персоной, который сочетал в себе не только военные и административные таланты, но и творческие. Будучи выходцем из казачьей офицерской семьи, он уже в 15-летнем возрасте поступает на службу в Черноморское казачье войско и первые 25 лет своей службы принимает активное участие как в Кавказской войне (1801–1864 гг.), так и в Русско-турецкой войне (1828–1829 гг.) и Крымской компании (1853–1856 гг.). По подсчетам историков, он принимал участие в 44 сражениях и боевых делах. В 1852–1856 гг. он достиг пика в своей военной карьере – получил чин генерал-майора и стал наказным атаманом Черноморского казачьего войска. Однако не только этим известен генерал-майор Я.Г. Кухаренко, но и своей творческой деятельностью. Из-под его пера вышел целый ряд произведений, которые имели важное этнографическое значение для изучения быта запорожских казаков – первых переселенцев на Кубанскую равнину периода конца XVIII века. Таким и был Яков Герасимович Кухаренко – блестящим офицером и талантливым писателем.

Ключевые слова: Яков Герасимович Кухаренко, 15 августа 1799 – 26 сентября 1862, биография, наказной атаман, Черноморское казачье войско.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kapitanetc@yandex.ru (Ю.В. Капитанец)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 84-94
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.84

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Diplomatic Mission A.F. Negri in Bukhara 1820: Goals and Results

Ziyabek E. Kabuldinov ^a, Saule K. Uderbayeva ^{b, *}, Galiya A. Shotanova ^a

^a Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article discusses the circumstances of the preparation, goals, course, conduct and results of the diplomatic mission of Alexander Fedorovich Negri to Bukhara in 1820. The mission was sent from Orenburg to Bukhara by the Asian Committee to strengthen relations with the Bukhara Emirate. Based on existing literature and two little-known works from the “Proceedings” of the Orenburg Scientific Archival Commission, little-studied facts about the ransom of prisoners from Bukhara imprisonment are revealed, the scientific results of the expedition members E.K. Meindorf, E. Eversman and others, as well as the political and economic results of the mission.

Over the years, full members of the Orenburg Scientific Archival Commission A.V. Vasiliev and N.G. Petukhov published their research in the “Proceedings” of the commission, revealing the results of the mission and the biographies of its participants. The work of A.V. Vasiliev “The Journey of Doctor Eversman to Bukhara” was published in the XVI issue of the “Proceedings” of the OSAK in 1905, the study by N.G. Petukhov “From the Past of Orenburg” was published in 1911 in the XXIII volume of the “Proceedings” of the OSAK. When preparing their research, members of the archival commission relied on archival documents from the Orenburg Regional Administration.

The authors concluded that the publications of the members of the Orenburg Scientific Archival Commission occupy an important place in the historiography of the issue and are valuable sources on the history of the Negri mission, revealing the unknown facts of the diplomatic embassy. Materials from the “Proceedings” of the Orenburg Scientific Archival Commission significantly complement the rather meager historiography of the mission of A.F. Negri.

Keywords: diplomatic mission, expedition, Russian Empire, Bukhara, A.F. Negri, embassy, Central Asia, Asian Department, “Great Game”.

1. Введение

В начале XIX века Российская империя начала развивать восточный внешнеполитический вектор, отправляя в страны Центральной Азии первые торговые, дипломатические посольства и миссии.

В этот период Россия проявляет интерес к странам Центральной Азии и Ближнего Востока, более того, ее геополитические интересы расширяются вплоть до Индии, Китая и Японии (Шкунов, 2009: 4).

Целый ряд факторов – последствия континентальной блокады, войны 1812 года, последовавшей установки послевоенной системы протекционизма привели к переориентации России в торгово-экономической сфере в восточном направлении. В марте 1813 г. Комитет министров принял решение о всестороннем развитии торговли с восточными странами, в том числе со Среднеазиатскими Эмиратами. В 1819 году для лучшей организации взаимоотношений со странами

* Corresponding author

E-mail addresses: saule-uderbaeva@mail.ru (S.K. Uderbayeva)

Центральной Азии были созданы Азиатский отдел и Азиатский комитет при Комитете министров (Боронин, 2005: 222).

В данной статье рассмотрены обстоятельства подготовки, цели, состав, ход, проведение и результаты дипломатической миссии А.Ф. Негри в Бухару 1820 года. Целью миссии, направленной Азиатским департаментом, являлось установление и укрепление взаимоотношений с Бухарским эмиратом. Возглавил миссию действительный статский советник, дипломат Александр Федорович Негри. В 2020 году исполнилось 200 лет с дипломатической миссии А.Ф. Негри, однако история миссии и ее результаты актуальны и в настоящее время.

2. Методы и материалы

Работа основывается на анализе существующих исторических источников и научной литературы. Авторы статьи также руководствовались методами источниковедения – конкретного анализа и интерпретации. Источниковедческий синтез двух трудов как завершающий этап изучения источника позволил авторам статьи прийти к аргументированной оценке их ценности и практическим рекомендациям о возможностях научно-практического использования анализируемых материалов в научных исследованиях.

В представленном исследовании история отправки и результаты миссии рассматривается на основе двух малоизвестных работ, которые были опубликованы в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии. Авторами этих работ являются действительные члены архивной комиссии А.В. Васильев (Васильев, 1905) и Н.Г. Петухов (Петухов, 1911).

На основе существующей литературы и материалах указанных работ действительных членов архивной комиссии в статье раскрываются малоизученные факты о выкупе пленных из Бухарского заточения, научные результаты участников экспедиции Е.К. Мейндорфа, Э. Эверсмана и других ее участников, политические и экономические, гуманитарные итоги миссии.

Содержащаяся в них информация позволила на основе историко-сопоставительного метода выстроить более полную картину всех обстоятельств дипломатической экспедиции.

Работы оренбургских исследователей, членов Оренбургской ученой архивной комиссии, занимают важное место в историографии вопроса и являются ценными источниками по обозначенной миссии, тем более что многие архивные документы в силу обстоятельств не сохранились, и могут быть весьма полезны современным исследователям.

Исследование базируется на общих и специальных методах научного исследования. При формировании структуры статьи был использован проблемно-хронологический подход, были использованы историко-сравнительный и ретроспективный методы. Сравнительный метод позволил авторам в результате сравнительного анализа источников получить наиболее точные сведения о гуманитарных итогах миссии А. Негри, а именно о точном количестве освобожденных пленников.

3. Обсуждение

История дипломатической миссии Александра Федоровича Негри в Бухару 1820 года и ее результаты нашли определенное отражение в научной литературе. Следует отметить, что эта литература не многочисленна.

Участник дипломатической миссии Егор Казимирович Мейндорф опубликовал свои материалы по экспедиции в петербургском журнале по истории, статистике и путешествиям «Северный архив», редактором которого был Фаддей Булгарин. Эти публикации легли в основу его книги «Путешествие из Оренбурга в Бухарию через степи, простирающиеся на восток от Аральского моря и древнего Яксарта», опубликованной в Париже в 1826 году (Meindorf, 1826).

Русский перевод книги Егора Мейндорфа осуществил ученый-библиограф, востоковед, историк, переводчик, директор Ташкентской государственной библиотеки Евгений Карлович Бетгер, далее заключительный этап подготовки к публикации книги был осуществлен заместителем начальника Главного военного управления Уз ССР Маврикием Вайсом. Опубликовано она была в 1975 году с подробным предисловием видного советского историка Нафтулы Ароновича Халфина (Халфин, 1975).

В 1823 году в Берлине была опубликована книга другого участника экспедиции, натуралиста Эдуарда Эверсмана на немецком языке из двух частей (Eversmann, 1823). В первой части книги исследователь представил описание маршрута, пройденного участниками миссии, этнографические и ботанико-географические материалы, во второй части описал природу, географию, историю, экономику ханства.

Довольно скудную историографию по миссии А. Негри существенно дополняют работы указанных выше деятелей Оренбургской ученой архивной комиссии.

Оренбургская ученая архивная комиссия (далее ОУАК) была образована в имперский период с целью организации губернских архивов. За годы существования архивной комиссии увидели свет тридцать пять томов «Трудов» ОУАК. Материалы, содержащиеся в этих томах, в настоящее время можно оценить как очень важный исторический источник, содержащий исторические,

этнографические, археологические материалы по обширному региону – Центральной Азии, Волго-Уральскому региону с древности до начала XX века (Uderbaeva, 2016: 77).

Деятели Оренбургской ученой архивной комиссии, изучая документы из архива Оренбургского генерал-губернатора, на их основе создали и опубликовали десятки исследований, которые представляют для современных исследователей неоспоримый интерес (Удербаева, Любичанковский, 2019).

К таким исследованиям можно отнести две интересные работы деятелей ОУАК, опубликованные в XIV и XXIII выпусках ее «Трудов» по истории отправки в Бухару Российской императорской миссии 1829 года: «Путешествие доктора Эверсмана в Бухару» А.В. Васильева (Васильев, 1905) и «Из прошлого Оренбурга» Н.Г. Петухова (Петухов, 1911).

Автор первой работы Александр Васильевич Васильев служил окружным инспектором в Оренбурге, являлся действительным членом архивной комиссии с 1898 г., на момент публикации работы указан в списке членов комиссии как старший советник Тургайского областного правления. Автор второго исследования Николай Петухов работал над своей статьей и опубликовался как частный посетитель бывшего генерал-губернаторского архива Оренбурга, в действительные члены ОУАК был избран в 1911 году.

Основой этих публикаций стали архивные документы Управления Оренбургским краем. В работе А.В. Васильева в качестве источника указано Архивное дело 602 от 6 января 1820 года «О путешествии доктора Эверсмана по азиатским владениям» в 90 листов; в работе Н.Г. Петухова нет конкретных ссылок, но он отмечает, что изучал целую серию интереснейших документов Архива Управления краем по отправке экспедиции А.Ф. Негри.

Следует отметить, что данные труды не были включены в широкий научный оборот.

В книге британского журналиста и историка Питера Хопкирка (Хопкирк) (Хопкирк, 2004) описывается межимперское противостояние в контексте «Большой игры» в оригинальной авторской интерпретации (Удербаева, Сагатов, 2019: 163). Один из подразделов книги посвящен миссии А.Ф. Негри в Бухару. Автор характеризует дипломатическую миссию как начало «Большой игры».

4. Результаты

В начале XIX века Азиатский департамент, Азиатский комитет при Комитете министров, так же как и Министерство иностранных дел, военные департаменты России остро нуждались в отсутствующей информации о странах Центральной Азии для разработки тактики и основных направлений взаимоотношений. Российская администрация направляет в регион первые торговые, дипломатические миссии, военно-научные экспедиции.

Для развития торговли важное значение имели отношения с Хивинским эмиратом, через территорию которого проходили важные транзитные торговые пути. Поэтому в 1819 году в Хиву была направлена миссия, которую возглавил штабс-капитан Н.Н. Муравьев, будучи заподозренным правителем Хивы Мухаммад-Рахим ханом в шпионаже, почти полтора месяца находился в заточении. Добившись все же аудиенции хана, вручил ему подарки и письмо от Главного управляющего пограничными делами А. П. Ермолова, убедив, что приехал для установления дружественных торговых контактов между Россией и Хивой (Алхазов, 2017: 135).

На обратном пути Н. Н. Муравьев исследовал побережье Каспийского моря, опубликовал по результатам хивинской поездки «Путешествие в Туркмению и Хиву» (Алхазов, 2017: 135). Почетную приставку к фамилии «Карский» получил за взятие Карса в Крымской войне. Следует отметить, что К. Маркс обозначал крепость Карс ключом к Востоку (Алхазов, 2017: 139).

Итоги миссии Н. Муравьева не были значительными – Хива не откликнулась на предложения о расширении, гарантиях безопасности транзитной торговли. По результатам миссии Азиатский комитет принимает решение о строительстве крепости на восточном берегу Каспия и предпринять попытку установления и укрепления взаимоотношений с Бухарским эмиратом.

Российское правительство давно планировало посольство в Бухару в торгово-политических интересах, что резонировало с инициативами правящей элиты Бухары (Халфин, 1975: 5).

В 1815 году бухарский эмир Хайдар-хан направил в Петербург Азимжана Муминджанова с прошением прислать царских представителей в эмират для заключения торгового договора.

В ответ на прошение эмира министр иностранных дел Карл Нессельроде в июле 1816 года объявил о решении императора Александра I отправить в Бухару своего посланника. В августе следующего года Азимжан Муминджанов вновь прибыл в Петербург с тем же вопросом. Но только лишь в июне 1820 года представителям эмира вручили ноту, информирующую об отправлении в Бухару царского посланника (Халфин, 1975: 5).

В 1820 году Азиатский комитет направил в Бухару дипломатическую миссию, которую возглавил действительный статский советник Александр Федорович Негри.

Личность руководителя миссии – дипломата и археолога Александра Федорович Негри, выходца из старинной греческой фамилии из Константинополя заслуживает особого внимания. Практика привлечения иностранцев на службу Российской империи была в то время довольно распространена.

В 1807 году Негри в составе свиты господаря К. Ипсиланти, приглашенного императором Александром I, прибыл в Россию. Император принял его на русскую службу в чине действительного статского советника, позднее был приписан в Министерство иностранных дел. Во время войны 1828–1929 гг. при адмирале А.С. Грейге вел переговоры с Портой (Негри, 1897: 819).

Основной целью миссии А.Ф. Негри было участие в переговорах о расширении торговли, членам миссии, согласно инструкции, было поручено собрать информацию о природных ресурсах, правителях Среднеазиатских Эмиратов, их взаимоотношениях с Афганистаном, Индией, Портой, судоходном потенциале рек Сырдарья и Амударья (Халфин, 1975: 5).

В состав дипмиссии вошли натуралист Э. Эверсман и офицеры Генерального штаба: капитан Е. Мейндорф, поручики В. Вольховский и Тимофеев, инженеры в чине подпоручиков Тафаев и Артюхов. Позднее к экспедиции присоединился балтийский немец, русский естествоиспытатель, палеонтолог и эмбриолог, натуралист Христиан Иванович Пандер. В степи миссию сопровождал один из виднейших казахских султанов того времени, реформатор Арынгазы Абулгазиев, впоследствии сосланный царским правительством в Калугу. Интересно, что эмир Бухары за содействие Арынгазы в сфере торговли признал его ханом.

Описывая перипетии русской миссии в Бухару 1870 года, дореволюционный исследователь, востоковед, дипломат, генерал-майор Генерального штаба Лев Феофилович Костенко писал, что еще до 1870 года в Бухару были отправлены четыре миссии: первая во главе с Негри, вторая – в 1841 году, третья – в 1859 году, четвертая – в 1865 году (Костенко, 1871: 6). «Неблагоприятный исход переговоров всех этих миссий указывал на трудность ведения каких-либо дипломатических сношений с Бухарою», – писал Л. Костенко (Костенко, 1871: 6).

Как было отмечено выше, миссия под руководством А.Ф. Негри была организована Министерством иностранных дел по повелению императора Александра I в ответ на неоднократные визиты в Петербург бухарских послов. Министр иностранных дел К.В. Нессельроде снабдил начальника миссии Александра Негри длинной и подробной инструкцией, в которой особо подчеркнул главную цель миссии – содействие прогрессу торговых отношений со среднеазиатскими странами. С этой целью членам миссии по инструкции поручалось тщательно изучить условия торговли, договориться дипломатическим путем с правителями Бухары об обеспечении безопасности торговых караванов в степи. Переговоры о мирной торговле должны были способствовать продвижению России далее в степь, – отмечает Н. Г. Петухов (Петухов, 1911: 18). В планы миссии А. Негри также входило решение вопроса о российских пленниках, которые были схвачены и проданы в рабство (Матвиевская, 2006: 22).

Н.Г. Петухов в своей работе «Из прошлого Оренбурга» сделал попытку освещения вопроса о выкупе русских пленников на основании целой серии документов, относящихся к 20-м годам XIX века, времени командирования императорской миссии России в Бухару (Петухов, 1911: 18). Он отмечает, что вопрос о пленниках – одна из самых тяжелых сторон жизни края (Петухов, 1911: 18).

Также им была сделана попытка рассмотреть отношение к выкупу пленников царского правительства. Автор подробно осветил историю отправки миссии Негри. Все приведенные данные достоверны, что подтверждается другими, более поздними исследованиями по миссии Негри. Например, в статье Н.А. Халфина «Егор Казимирович Мейндорф и его путешествие в Бухару» представлен тот же фактологический материал по отправке миссии Негри (Халфин, 1975: 5-7).

Некоторые несовпадения встречаются, но они несущественны, например, дата прибытия миссии в Бухару. Н.Г. Петухов указывает 18 декабря 1829 г., Н.А. Халфин – 20 декабря. Общее число выкупленных пленников тоже разнится: по Петухову – 19 человек, по Халфину – 15 человек. Наиболее достоверными нам представляются данные Петухова по этому вопросу, так как он специально изучал этот вопрос и убедительно представил результаты исследований в своей работе. Но в публикации Н. Петухова дважды неточно указана фамилия директора Азиатского Департамента МИД России: Родришников вместо Родофиникин.

О политике султана Арынгазы автор пишет, что султан Арынгазы умело пользовался своим включением в состав миссии, отправлял препровождавших его казахов грабить своих личных противников, прикрываясь миссией, распускал слухи в степи о том, что русские военные даны ему именно с этой целью. В одном из своих писем генерал-губернатору П. К. Эссену о тщетности своих увещаний и самоволии Арынгазы сетует Александр Негри, отмечая, что одному из своих врагов, захваченных в плен, султан вздумал резать горло, не смущаясь присутствия Негри (Петухов, 1911: 21).

В целом работу Н. Г. Петухова мы можем охарактеризовать как одно из первых исследований, анализирующих существующие архивные документы по миссии Александра Негри. Невзирая на небольшой объем работы, она интересна тем, что архивные документы, изученные автором, существенно повышают ценность работы, материалы, содержащиеся в этом труде, невозможно получить из других исследований.

Исследование А. В. Васильева под названием «Путешествие доктора Эверсмана в Бухару» с указанием в скобках «по данным архива б. Оренбургского генерал-губернатора» посвящено одному из членов экспедиции Негри, доктору Э.А. Эверсману, а также представляет содержание письма Эверсмана Оренбургскому военному губернатору Петру Эссену.

Эдуард Эверсман – выходец из Германии, географ и натуралист, приехавший в Златоуст (Южный Урал) к отцу, строившему там оружейный завод в 1816 году, став врачом, впоследствии оставил медицину, увлекшись зоологией (Гаранин: 6).

Путешествие в составе российского посольства А.Ф. Негри было описано Эверсманом в его книге «Reise von Orenburg nach Buchara, изданной в 1823 в Берлине и Лондоне, принесшей исследователю-натуралисту известность и славу. В первой части книги был описан пройденный миссией путь, ботанико-географические и этнографические материалы, вторая часть посвящена истории, экономике, памятникам архитектуры Бухарского ханства (Гаранин, 2002: 10).

Член ОУАК, исследователь А.В. Васильев, опираясь на архивные источники, обстоятельно изучил и представил в своей статье историю привлечения Э.А. Эверсмана к участию в экспедиции Негри. Представленный текст письма, приближенный к подлиннику, является ценным источником на русском языке по экспедиции Негри, а также по истории Центральной Азии 20-х годов XIX века. С дороги в Бухару Эверсман послал губернатору П. Эссену два письма, но они в делах архива не сохранились, третье его письмо, помеченное 21 января 1821 г., было написано им в Бухаре. «Письмо это изложено на немецком языке и включает в себе много интересных данных в отношении описания местностей и состояния соседних с нами азиатских областей», – отмечает Васильев (Васильев, 1905: 201).

Перевод письма Эверсмана с немецкого был осуществлен Председателем Оренбургской Пограничной Комиссии Григорием Федоровичем Генсом. Как уже отмечалось, результатом исследований Эверсмана стала его книга «Путешествие из Оренбурга в Бухару», опубликованная практически сразу после окончания экспедиции, письма доктора Эверсмана, полученные в марте 1821 г., были опубликованы в шестом номере «Северного архива» (Галиев, 1990: 40-41). Представленный А.В. Васильевым текст письма тем более ценен, что полный перевод книги Эверсмана не был осуществлен.

Исследование члена архивной комиссии А. Васильева основано на конкретных архивных документах, существенно дополняет скудную историографию работ по истории дипмиссии, является в настоящее время ценным историческим источником, раскрывающим детали экспедиции, которые невозможно почерпнуть из других источников.

Многие наблюдения Эверсмана созвучны наблюдениям других участников экспедиции – самого А.Ф. Негри, В.Д. Вольховского, Е.К. Мейндорфа, священника Будрина (в других источниках Ильина). Изложенные факты совпадают с фактами, приведенными в отчетах, замечаниях, записках, трудах участников миссии, что говорит об их достоверности, тем не менее, труд А. Васильева является оригинальным самоценным источником.

Донесение натуралиста губернатору Эссену о султанах Арынгазы являются его самостоятельным личным мнением и в то же время подтверждает все остальные сведения о А. Абулгазиеве, его борьбе с султаном Маненбаем и Хивинским ханом. В отличие от других участников экспедиции, Э. Эверсман прибыл в Бухару под видом купца, что дало ему некоторое преимущество в сборе материала. Отправляясь в экспедицию в Бухару, Эверсман собирался, «побывав в любопытнейших областях независимой Татарии, вернуться в Европу через владения английской Ост-индской компании (Васильев, 1905: 200).

На момент отправки миссии доктору было 24 года, генерал-губернатор П. К. Эссен, прежде чем дать поручения Эверсману, опросил обер-бергмейстера Фурмана о его личности. Фурман характеризовал доктора нравственным, справедливым, честным, последовательным, имеющим лишь два недостатка – с крутым, негибким нравом, отсутствие светской гибкости, сосредоточенным на своих знаниях и уме (Васильев, 1905: 201).

До включения в состав миссии Эверсман служил врачом в Златоусте, проживал в отапливаемой квартире за 2500 руб. в год, выучил русский и татарский языки, изучил Уральские горы, Башкирию, собрав естественные коллекции, два транспорта которых отправил в Берлин, – сообщил в своей характеристике обер-бергмейстер Фурман (Васильев, 1905: 201).

После запроса П. Эссена к графу К. Нессельроде кандидатура Эверсмана была утверждена. Для участия в миссии Император Александр I повелел выдать доктору из Государственного казначейства три тысячи рублей серебром. Известно, что П. Эссен вручил доктору особую инструкцию, но, как пишет Н. Петухов, копия ее в делах Оренбургского архива не сохранилась (Васильев, 1905: 202).

Так как Эверсман участвовал в работе миссии под видом купца, в письме губернатору он сетует на то, что каждый его шаг должен иметь торговую цель, и в связи с этим ему сложно выполнять исследовательские задачи. Например, точно определить размеры Бухары, навскидку он определяет его размеры в поперечнике около трех верст, добавляя, что город окружен глиняной стеной высотой 2,5 сажени. Также он пишет в письме о дешевизне фруктов, кроме груш, на продажу которых исключительное право имеет только Кушбеги. Призывая не удивляться тому, что первый министр торгует грушами, Эверсман пишет: «что вы скажете, когда узнаете, что возвратившийся с нами бухарский посланник сидит теперь с аршином в маленькой лавочке» (Васильев, 1905: 208).

Бухарцы и Кушбеги также считают, что члены миссии приехали с дарами и при случае будут стараться заниматься куплей-продажей, беспощинно, привезя много денег для покупки шалей и

различных товаров, но не знают о цели переговоров Негри с ханом по усилению торговли, – пишет Эверсман (Васильев, 1905: 208).

К финалу миссии местный житель опознал Эверсмана и оповестил тайную полицию, – пишет П. Хопкирк (Хопкирк, 2004: 59). Планы Эверсмана, передав свои заметки членам миссии, присоединиться к каравану в Кашгар в китайском Туркестане с целью продолжения сбора разведывательной информации под угрозой жизни были изменены, и он остался в составе миссии Негри до конца (Хопкирк, 2004: 59).

Интересна характеристика бухарского правителя, данная Эверсманом в письме к П. Эссену. Бухарского хана он описывает как весьма набожного ребенка, в словах и делах которого хвалят лишь муллы, которым он покровительствует, все остальные хана ненавидят, в особенности узбеки, презирающий хана старший сын и живущий отдельно, напротив, любим узбеками (Васильев, 1905: 208).

Также он дает характеристику и описание действий хана Арынгазы, который, по его мнению, был скорее вреден в поездке, чем полезен. Султан воспользовался поездкой, чтобы устрашить казахов и заставить их платить дань, а также чтобы разграбить аулы Маненбая, разглашая по пути, что отряд идет против Хивы. Далее Эверсман пишет о действиях бухарца Хадже-Назарбае, которого в России называют Балкшиевым, характеризуя его как хитрейшего и подлейшего плута. Как выяснилось, бухарец доносил о обо всех членах миссии Кушбеги, причем безошибочно разоблачил Эверсмана как шпиона (Васильев, 1905: 211).

В конце письма доктор выражает надежду отправиться через три месяца с караваном в Кашгар, оттуда в Тибет или через Семипалатинск обратно в Оренбург.

Но, как было отмечено, Эверсман вынужден был возвратиться вместе с миссией в Оренбург, будучи заподозренным ханом в шпионаже не без помощи Балкшиева, продолжение путешествия могло иметь трагический конец для натуралиста (Матвиевская, 1999: 2). По всей видимости, Балкшиев и есть тот самый местный житель, разоблачивший Эверсмана, о котором писал П. Хопкирк.

Бухара оставила у Эверсмана неблагоприятное впечатление, о чем он написал в своем письме к П. Эссену: «Все здесь дурно, только погода и плоды хорошие» (Васильев, 1905: 208). Сам город он характеризует как скопление глиняных домов, без крыш, в которых нет никакого выхода на улицу и вообще никаких отверстий, узкие улицы, на которых сложно разойтись двум прохожим. Но 360 мечетей и 285 медресе, в которых преподают 300 учителей, как и ханский замок, большие, высокие, в древнем индийском стиле, построены не из глины, а из кирпича. Бухара наполовину состоит из караван-сараев, базаров и лавок, в которых люди со всего света обманывают друг друга, – пишет Эверсман (Васильев, 1905: 207).

Несомненный интерес вызывает и личность другого участника миссии – барона Егора Казимировича Мейндорфа, капитана Генерального штаба. Выходец из старинного рода балтийско-немецкого дворянства, участник Отечественной войны, Е. Мейндорф за семь лет прошел путь от прапорщика до штабс-капитана, ему был пожалован орден Святой Анны IV степени, орден Святого Владимира IV степени, Золотая шпага, орден прусского командования. По окончании миссии был произведен в полковники.

В своей книге по итогам путешествия он описал задачи, поставленные перед ним правительством – собирать географические и статистические сведения о Бухарском эмирате (Халфин, 1975: 20). В первой части книги описаны казахские роды и племена, их административное устройство, обычаи и традиции, во второй подробно, детализировано, живо описывается Бухарское ханство.

Однако главными задачами офицеров из числа участников миссии были разведка местности для строительства крепостей, составление подробной карты, изучение ресурсов, рынков, торговых путей, обороноспособности среднеазиатских городов-крепостей, численности и состояния войск, административного устройства, отношений с соседними государствами и т. д. (Халфин, 1975: 7). Наряду со съемками для составления генеральной карты Е. Мейндорфу необходимо было вести журнал (Халфин, 1975: 7).

Миссия вышла из Оренбурга 10 октября 1820 года. 17 декабря в пятидесяти километрах от Бухары миссию встретил визирь эмира с почетным конным эскортом. Спустя три дня посольство Александра Негри, торжественно прибывшее в Бухару, принял эмир Хайдар-хан (Халфин, 1975: 7).

Караван из 358 верблюдов, 400 лошадей сопровождал военный отряд под командованием капитана С. Циолковского из 200 казаков, 200 пехотинцев, 25 башкирских всадников и двух артиллерийских орудий (Матвиевская, 1999: 2).

Состав миссии определялся в Санкт-Петербурге, но, как отмечает известный исследователь истории Оренбургского края Галина Павловна Матвиевская, важная роль в организации экспедиции отводилась Петру Кирилловичу Эссену. По инструкции Министерства иностранных дел, Негри должен был получить от Эссена необходимые наставления, который, в свою очередь, согласно рескрипту императора Александра I от 3 июля 1820 года, был обязан подобрать для Негри проверенных переводчиков, помочь с наймом лошадей и верблюдов, обеспечить необходимый конвой с двумя артиллерийскими орудиями (Матвиевская, 1999: 2).

Из работы Н. Петухова следует, что в инструкции, данной П. Эссеном Александру Негри 18 сентября 1820 года, за три недели до выступления миссии, он призывает главу миссии, несмотря

на то, что правительство не нашло возможным возложить официально выкуп пленных, сделать все необходимое для освобождения пленников частными средствами, вручив ему 12000 рублей червонцами из специальных ресурсов Пограничной комиссии и сверх этого 610 рублей на выкуп подканцеляриста Соколова, похищенного казаками под Троицком. Несмотря на то, что правительством была установлена плата за пленного в размере 150 рублей, П. Эссен предлагает не стесняться в средствах, лишь бы достичь цели. Как отмечает Н. Петухов, это было своевременное предупреждение, так как в Бухаре пленные перепродавались в 4–6 раз дороже (Петухов, 1911: 19).

Интересно, что именно по просьбе А. Негри в состав миссии был включен священник с причетником и походная церковь. Титулярный советник И.Ф. Шапошников был включен по рекомендации генерал-губернатора со специальным поручением по выкупу пленных.

Вместе с инструкцией Александру Негри был передан примерный список пленных, по всей видимости, составленный Пограничной комиссией. Список содержал сведения о 242 пленных, похищенных с 1794 года с приграничья, информацию о месте их пребывания и именами владетелей. Н. Петухов подробно описывает «этот молчаливый мартиролог» (Петухов, 1911: 20).

Более 70 % из списка пленных – около 168 человек – были похищены с рыболовства на Каспийском море и водах Эмбы, 1 похищен с соляных озер в степи; остальные 73 человека – около 29 % – увезены из под крепостей, форпостов линии, с покосов, пашен, среди них 9 женщин и несколько малолетних. Из общего числа 39 относятся к военным: из казаков, отставных солдат, рядовых гарнизонных полков, инвалидов команд – это около 16 %. В списке значились 3 астраханских купца, сын астраханского купца, чиновник Соколов, военнопленный француз Морелли, остальные – государственные и помещичьи крестьяне, мещане, татары и башкиры (Петухов, 1911: 20).

Только у 15 пленных (6 % из списка) указана точная информация о месте нахождения, у части указаны Хива или Бухара, у большей части информация о месте нахождения отсутствует. Из пятнадцати человек с известным местонахождением один находился у хивинского хана, шесть – у караванных начальников Бабажана Хаджисаферова и Бекназара Абдулкаримова, причем, как отмечает Н. Петухов в своей публикации, Б. Хаджисаферов носил чин титулярного советника, имел дом в Троицке и пользовался уважением генерал-губернатора П. Эссена (Петухов, 1911: 20).

За три месяца пребывания в Бухаре А. Ф. Негри неоднократно встречался с эмиром и визирем Бухары. Правящие круги эмирата проявили заинтересованность во взаимном обеспечении безопасности караванов. Но предложение принять постоянного российского консула в Бухаре было принято неохотно; ответная отправка бухарского представителя в Петербург или Оренбург оказалась преждевременной (Халфин, 1975: 7).

Миссии удалось выкупить семерых пленных, восемь пришли тайно самостоятельно, а также Негри удалось добиться от эмира устного обещания запретить покупку российских пленных, – пишет Н. Халфин (Халфин, 1975: 7).

Более подробную информацию об освобожденных пленных можно почерпнуть из публикации Н. Г. Петухова из «Трудов» ОУАК. Он сообщает, что миссия привезла 19 освобожденных пленных: семь из них были выкуплены, восемь тайно сами присоединились к каравану, двое присоединились как свободные, двое были выкуплены спец посланцем Эссена титулярным советником И.Ф. Шапошниковым (Петухов, 1911: 23).

На основании данных из работы Н. Петухова мы составили таблицу 1 о выкупленных миссией пленных.

Таблица 1. Список выкупленных пленных миссией А. Негри

№	Имя и фамилия	Возраст	Сумма за выкуп в голланд. червонцах.	Время нахождения в плену.
1	Федор Соколов (чиновник)	20	96	4 года
2	Илья (фамилию не помнит)	41	66	25 лет
3	Василий Ларионов	55	113 за двоих	14 лет
4	Вера Ларионова жена	55	113 за двоих	35 лет
5	Андрей	63	53	С детства
6	Мир-Надаров	51	55	10 лет
7	Вас. Белопухов (рядовой)	57	76	20 лет
8	Феликс Мильский (рядовой)	50	43	10 лет
9	Афан. Гладков (казак)	63	67	36 лет

Остальные пленники находились в неволе от 10 до 38 лет, многие не помнили своих фамилий и родственников, большинство было преклонного возраста, и именно поэтому, ввиду их недееспособности к работе, бухарцы уступали и, пользуясь случаем, брали за выкуп высокую цену (Петухов, 1911: 23-24).

А. Негри предоставил П. Эссену список пленных из 192 человек, оставшихся в Бухаре, из них 34 на воле и 158 в неволе, среди них 25 женщин и 13 детей.

23 марта 1821 года после трехмесячного, ограниченного в передвижениях пребывания в Бухаре, члены миссии отправились в обратный путь. 16 мая 1821 года участников миссии торжественно встретили в Оренбурге.

В марте 1821 г. Оренбургский генерал-губернатор Петр Эссен доложил императору и Министерству иностранных дел о положительных итогах миссии. Предложения российской стороны, принятые правителем Бухары, не были оформлены (Халфин, 1975: 7). Никакие письменные соглашения не были заключены. Ответная миссия от эмира Бухары Хайдар Хана отправилась лишь 4 года спустя. Ее прибытие в Петербург также ничего не изменило в развитии письменных договоренностей.

Вполне успешно выполнив возложенные на него поручения, А. Негри представил в Министерство иностранных дел подробный журнал переговоров и переписки, которые он вел с бухарским правительством. В награду за труды ему был пожалован орден Святой Анны 1-й степени. Политические результаты миссии были весьма скромными, договоры не были подписаны.

По мнению Н.А. Халфина, правители Среднеазиатских Эмиратов игнорировали даже документально заключенные соглашения с Россией и не спешили их реализовывать вплоть до 60-х годов XIX века, избегая письменного оформления соглашений (Халфин, 1975: 8).

Даже предписания по рескрипту Екатерины II от 25 января 1767 года на имя Оренбургского губернатора князя Пугачина, по которому предписывалось задерживать «азиатцев» пойманных в увозе пленных, в это время не являлись руководством для действия; так, на запрос П. Эссена директору Азиатского департамента К.К. Родофиникину получен уклончивый ответ, что руководствоваться рескриптом конечно следует, но главным все же является установление спокойствия в степи. Тем не менее правительство предполагает принятие серьезных мер против Хивы (Петухов, 1911: 23-24).

П. Хопкирк, анализируя результаты миссии 1820 года писал, что фактически ничего не вышло из планов Санкт-Петербурга, только через четыре десятилетия Бухара оказалась под властью царя (Хопкирк, 2004: 59).

Все исследователи сходятся во мнении, что одна из целей миссии А. Негри – добыча разнообразных сведений о регионе – была осуществлена прекрасно. Именно научные итоги миссии стали очень важными.

Участники миссии привезли ценную восточную рукопись; ботанические и зоологические коллекции, собранные участниками миссии Х. И. Пандером и Э.А. Эверсманом с неизвестными ранее образцами флоры и фауны; собрали интереснейшие сведения о неведомых ранее краях. Книга Е.К. Мейендорфа с ценными приложениями и картой пролила свет на таинственный, незнакомый Бухарский эмират, так же, как и книга Эдуарда Эверсмана (Халфин, 1975: 8).

Материалы научных записок Эверсмана широко использовал историк, писатель, этнограф А.И. Левшин в своем энциклопедическом труде о киргиз-кайсацких степях (Левшин, 1996: 78-80).

Поручик Владимир Вольховский произвёл съёмку маршрутной карты от Оренбурга до Бухары и обратно до крепости Орской, на которую картографы миссии нанесли более двух тысяч новых объектов. По мнению В. Капустиной, именно Оренбургу ученый мир обязан успешным проведением экспедиции и появлением ценной рукописной отчетной карты, которая хранится в данное время в Военно-историческом архиве России (Капустина, 2010: 216).

5. Заключение

В целом миссия Александра Негри не изменила существенно расстановку сил и взаимоотношения России со Среднеазиатским эмиратом. Тем не менее, участники миссии способствовали ускорению установления контактов империи с Бухарским эмиратом.

Политические итоги миссии, в отличие от научных итогов, не были значительными, именно научные результаты участников миссии остаются актуальными в настоящее время для большого числа исследователей. Книги участников экспедиции имели большой резонанс в научной среде имперской России и за рубежом, пролив свет на таинственную Среднюю Азию.

Однако не менее важными были гуманитарные итоги миссии А. Негри, в обратный путь вместе с посольством отправились выкупленные у эмира пленники.

Как следует из анализа материалов по истории дипломатической миссии А. Ф. Негри, две работы членов ОУАК А. Васильева и Н. Петухова содержат весьма ценную информацию, которую невозможно получить из других источников. Эти два исследования существенно дополняют довольно скудную историографию дипломатического посольства 1820 года и могут служить вполне достоверным историческим источником по истории миссии.

На наш взгляд, работы действительных членов Оренбургской ученой архивной комиссии занимают важное место в историографии вопроса, тем более что многие архивные документы в силу обстоятельств не сохранились и могут быть весьма полезны современным исследователям.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке BR20280975 «Исторические традиции казахской государственности и проблемы сохранения национальной идентичности».

Литература

- Алхазов, 2017 – Алхазов Г.Д. На службе Отечеству. Гатчина: Изд-во НИЦ «Курчатовский институт». ПИЯФ, 2017. 320 с.
- Боронин, 2005 – Боронин О.В. Узловые моменты и приоритеты политики России в Средней Азии в первой половине XIX в. / *Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сб. науч. трудов.* Под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. Барнаул: "Аз Бука", 2005. 287 с.
- Васильев, 1905 – Васильев А.В. Путешествие доктора Эверсмана в Бухару // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIV. Оренбург, Типолитография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. 224 с.
- Галиев, 1990 – Галиев В.З. Декабристы и Казахстан. Алма-Ата: Наука, 1990. 152 с.
- Гаранин, 2002 – Гаранин В.И. Жизнь и деятельность Э.А. Эверсмана. Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2002. 64 с.
- Капустина, 2010 – Капустина В. Реестр по чертежам. Из истории оренбургских карт // *Гостинный двор.* №30. Оренбург. Апрель 2010 г. 367 с.
- Костенко, 1871 – Костенко Л.Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб.: Изд. Бортневского, 1871. 109 с.
- Левшин, 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Матвиевская, 1999 – Матвиевская Г.П. В Оренбурге вы явитесь к военному губернатору... // *Вечерний Оренбург.* №23 от 03 июня 1999 г. С. 2.
- Матвиевская, 2006 – Матвиевская Г.П. Яков Владимирович Ханыков. 1818–1862. М.: Наука, 2006. 200 с.
- Негри, 1897 – Негри (Александр Федорович) / *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том ХХА (40).* СПб. Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона). 1897. 964 с.
- Петухов, 1911 – Петухов Н.Г. Из прошлого Оренбурга // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXIII. Оренбург: Типо-лит. Т-ва «Каримов, Хусаинов и Ко», 1911. 346 с.
- Удербаета, Любичанковский, 2019 – Удербаета С.К., Любичанковский А.В. Вклад российских имперских научно-краеведческих обществ в научное изучение Центральной Азии // *История.* 2019. Т. 10. Вып. 8 (82). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/S207987840006044-7-1> (дата обращения: 14.11.2019).
- Удербаета, Сагатов, 2019 – Удербаета С.К., Сагатов А.М. Отражение англо-русского соперничества в Центральной Азии в конце XIX – начале XX в. в научной литературе / *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII-XIX вв.: Сборник научных трудов международного семинара.* Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. / [Под науч. ред. Д.В. Васильева]. М.: Издательство «ОттоПринт», 2019. 328 с. С. 163-179.
- Халфин, 1975 – Халфин Н.А. Егор Казимирович Мейндорф и его путешествие в Бухару / Мейндорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1975. 180 с.
- Хопкирк, 2004 – Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004. 266 с.
- Шкунов, 2009 – Шкунов В.Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. / Дисс. на соискание степени д.и.н. 07.00.02 – Отечественная история. Ульяновск. 2009. 582 с.
- Eversmann, 1823 – Eversmann E. Reise von Orenburg nach Buchara. Berlin. 1823, 150 p.
- Meindorf, 1826 – Meindorf E.K. Voyage d'Orenbourg à Boukhara. Paris. 1826. 508 p.
- Uderbaeva, 2016 – Uderbaeva S.K. (2016). The "Proceedings" of the Orenburg Scientific Archival Commission as a Historical Source // *Oriente Moderno.* 96(1): 76-98.

References

- Alhazov, 2017 – Alhazov, G.D. (2017). Na sluzhbe Otechestvu [In the service of the Fatherland]. Gatchina: Izd-vo NIC «Kurchatovskij institut». PIYAF, 320 p. [in Russian]
- Boronin, 2005 – Boronin, O.V. (2005). Uzlovye momenty i prioritye politiki Rossii v Srednej Azii v pervoj polovine XIX v. [Key points and priorities of Russia's policy in Central Asia in the first half of the 19th century]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Pjatyje nauchnye chtenija pamjati professora*

- A.P. Borodavkina: *Sbornik nauchnyh trudov*. Pod red. V.A. Skubnevskogo i Ju.M. Goncharova. Barnaul: "Az Buka", 287 p. [in Russian]
- Eversmann, 1823 – Eversmann, E. (1823). *Reise von Orenburg nach Buchara*. Berlin. 150 p.
- Galiev, 1990 – Galiev, V.Z. (1990). *Dekabristy i Kazahstan*. [Decembrists and Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka, 152 p. [in Russian]
- Garanin, 2002 – Garanin, V.I. (2002). *Zhizn' i deyatel'nost' E.A. Eversmanna* [Life and work of E.A. Eversmann]. Kazan': Izd-vo Kazansk. Un-ta, 64 p. [in Russian]
- Halfin, 1975 – Halfin, N.A. (1975). *Egor Kazimirovich Meindorf i ego puteshestvie v Buharu* [Egor Kazimirovich Meindorf and his journey to Bukhara]. Meindorf E.K. *Puteshestvie iz Orenburga v Buharu*. M. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka». 180 p. [in Russian]
- Hopkirk, 2004 – Hopkirk, P. (2004). *Bol'shaja Igra protiv Rossii: Aziatskij sindrom* [The Great Game Against Russia: The Asian Syndrome]. M.: Ripol Klassik, 266 p. [in Russian]
- Negri, 1897 – Negri (Aleksandr Fedorovich). *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: Tom XXA (40)*. SPb. Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona). 1897. 964 p. [in Russian]
- Kapustina, 2010 – Kapustina, V. (2010). *Reestr po chertezham. Iz istorii orenburgskih kart* [Register of drawings. From the history of Orenburg maps]. *Gostinyj dvor*. №30. Orenburg. April' 2010 g. 367 p. [in Russian]
- Kostenko, 1871 – Kostenko, L.F. (1871). *Puteshestvie v Buharu russkoj missii v 1870 godu* [Journey to Bukhara of the Russian mission in 1870]. SPb.: Izd. Bortnevskogo, 109 p. [in Russian]
- Levshin, 1996 – Levshin, A.I. (1996). *Opisaniye kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey*. [Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisak, hordes and steppes]. Almaty: Sanat, 656 p. [in Russian]
- Matvievskaja, 2006 – Matvievskaja, G.P. (2006). *Jakov Vladimirovich Hanykov. 1818–1862* [Yakov Vladimirovich Hanykov. 1818–1862] M.: Nauka, 200 p. [in Russian]
- Matvievskaja, 1999 – Matvievskaja, G.P. (1999). *V Orenburge vy javites' k voennomu gubernatoru...* [In Orenburg you will report to the military governor...]. *Vechernij Orenburg*. №23 ot 03 ijunja 1999 g. P. 2. [in Russian]
- Meindorf, 1826 – Meindorf, E.K. (1826). *Voyage d'Orenbourg à Boukhara*. Paris. 508 p. [in French]
- Petuhov, 1911 – Petuhov, N.G. (1911). *Iz proshlogo Orenburga* [From the past of Orenburg]. *Trudy Orenburgskoj uchenoj arhivnoj komissii*. Vyp. XXIII. Orenburg: Tipol.-lit. T-va "Karimov, Khusainov i Ko", 346 p. [in Russian]
- Shkunov, 2009 – Shkunov, V.N. (2009). *Torgovo-jekonomicheskie otnoshenija Rossijskoj imperii s sopredel'nymi stranami Vostoka vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX v.* [Trade and economic relations of the Russian Empire with neighboring countries of the East in the second half of the 18th – first half of the 19th centuries]. *Dissertacija na soiskanie stepeni d.i.n. 07.00.02 – Otechestvennaja istorija*. Ul'janovsk. 582 p. [in Russian]
- Uderbaeva, 2016 – Uderbaeva, S.K. (2016). *The "Proceedings" of the Orenburg Scientific Archival Commission as a Historical Source*. *Oriente Moderno*. 96(1): 76-98.
- Uderbaeva, Ljubichankovskij, 2019 – Uderbaeva, S.K., Ljubichankovskij, A.V. (2019). *Vklad rossijskih imperskih nauchno-kraevedcheskih obshhestv v nauchnoe izuchenie Central'noj Azii* [Contribution of the Russian Imperial Local Lore Societies to the Scientific Study of Central Asia]. *Istorija*. T. 10. 8(82). [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/S20798780006044-7-1> (date of access: 14.11.2019). [in Russian]
- Uderbaeva, Sagatov, 2019 – Uderbaeva, S.K., Sagatov, A.M. (2019). *Otrazhenie anglo-russkogo sopernichestva v Central'noj Azii v konce XIX – nachale XX v. v nauchnoj literature* [Reflection of the Anglo-Russian rivalry in Central Asia in the late XIX – early XX centuries in scientific literature]. *Central'naja Azija na perekrestke evropejskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII-XIX vv.: Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnogo seminaru*. Alma-Ata, 19–23 avgusta 2019 g. [Pod nauch. red. D. V. Vasil'eva]. M.: Izdatel'stvo «OttoPrint», 328 p. Pp. 163-179. [in Russian]
- Vasil'ev, 1905 – Vasil'ev, A.V. (1905). *Puteshestvie doktora Eversmana v Buharu* [Journey of Dr. Eversman to Bukhara]. *Trudy Orenburgskoj uchenoj arhivnoj komissii*. Vyp. XIV. Orenburg: Tipolitografiya I.I. Yevfimovskogo-Mirovitskogo, 224 p. [in Russian]

Дипломатическая миссия А.Ф. Негри в Бухару 1820 года: цели и результаты

Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^a, Сауле Карибаевна Удербаева ^{b,*}, Галия Айтжановна Шотанова ^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, г. Алматы, Республика Казахстан

^b Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: saule-uderbaeva@mail.ru (С.К. Удербаева)

Аннотация. В данной статье рассмотрены обстоятельства подготовки, цели, ход, проведение и результаты дипломатической миссии Александра Федоровича Негри в Бухару 1820 года. Миссия была направлена из Оренбурга в Бухару Азиатским комитетом с целью укрепления отношений с Бухарским эмиратом. На основе существующей литературы и двух малоизвестных работах, опубликованных в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии, раскрываются малоизученные факты о выкупе пленных из Бухарского заточения, научные результаты участников экспедиции Е.К. Мейндорфа, Э. Эверсмана и других, а также политические, экономические, гуманитарные итоги миссии. Действительные члены Оренбургской ученой архивной комиссии А. В. Васильев и Н. Г. Петухов в разные годы опубликовали в «Трудах» комиссии свои исследования, раскрывающие итоги миссии и биографии ее участников. Работа А. В. Васильева «Путешествие доктора Эверсмана в Бухару» опубликована в XVI выпуске «Трудов» ОУАК в 1905 году, исследование Н. Г. Петухова «Из прошлого Оренбурга» увидело свет в 1911 году в XXIII томе «Трудов» ОУАК. При подготовке своих публикаций члены архивной комиссии основывались на архивных документах Управления Оренбургским краем.

Авторы статьи пришли к выводу, что данные публикации деятелей Оренбургской ученой архивной комиссии занимают важное место в историографии вопроса и являются ценными источниками по истории миссии Негри, раскрывая неизвестные факты дипломатического посольства. Материалы «Трудов» ОУАК существенно дополняют довольно скудную историографию миссии А.Ф. Негри.

Ключевые слова: Дипломатическая миссия, экспедиция, Российская империя, Бухара, А.Ф. Негри, посольство, Центральная Азия, Азиатский Департамент, «Большая игра».

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 95-107
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.95

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A Little-Known Testimony on the Russian-Turkish War of 1828–1829: French Ambassador C. de Mortemart on the Balkan Front

Tatiana N. Goncharova ^{a, *}

^a Saint-Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

During the Russian-Turkish war of 1828–1829, which became the final stage of the Eastern crisis provoked by the Greek struggle for independence, the imperial cabinet perceived France as a potential support against the hostility of England and Austria. Appointed ambassador to Russia, general Casimir de Mortemart, was instructed to join emperor Nicholas I on the Balkan front in May 1828. He remained there five months and wrote 32 dispatches, hardly considered by historians to this day. Mortemart did not limit himself to mere observation, but also comments as an officer upon the miscalculations of the high command, which in the end deceived the hopes of the French government for a quick Russian victory over Turkey. He misses Napoleonic audacity in the conduct of operations. Moreover, he came to doubt the real forces and resources of the “northern colossus”, and warned his government against too many illusions. As a diplomat he takes a stronger view than his own government on the opportunity to support Russia against the British claim of a separation between the Balkan issue and the Greek one. Such an ambassador, who appears both as a would-be general-in-chief of the Russian army and would-be French minister of foreign affairs cannot but provide a specially interesting testimony.

Keywords: Russian-Turkish war 1828–1829, Balkan front, Casimir de Mortemart, French embassy, dispatches.

1. Введение

Аккерманская конвенция, подтвердив основные положения Бухарестского мира 1812 г., воспринималась в октябре 1826 г. как крупная победа царской дипломатии, хотя и не стала залогом добрососедских отношений между Российской и Османской империями. Султан Махмуд II видел в ней возможность завершить военную реформу, предпринятую с целью модернизации турецкой армии. С другой стороны, император Николай I не мог оставить нерешенным греческий вопрос, остро стоявший вследствие репрессий турецких властей против народа, вступившего на стезю национально-освободительной борьбы в 1821 г. Усиление турецких войск за счет египетских подкреплений под командованием Ибрагима-паши поставило восставших греков в отчаянное положение вследствие утраты ими большей части Мореи. В этих условиях Россия, Англия и Франция, заключив между собой Лондонскую конвенцию от 6 июля 1827 г., предложили Порте посредничество в примирении с Грецией на основе предоставления ей автономии.

Категорический отказ султана принять условия трех союзных держав привел в действие секретную статью, предусматривавшую принудительные меры. Сражение при Наварине 20 октября 1827 г. закончилось гибелью турецко-египетской флотилии, но Порта упорствовала в своем отказе пойти на переговоры. Возложив на царя вину в подстрекательстве греков к неповиновению, султан попытался внести раскол в ряды союзников. Аккерманская конвенция была денонсирована, проливы Босфор и Дарданеллы оказались закрыты для русской торговли, мусульмане услышали призыв к

* Corresponding author

E-mail addresses: t.goncharova@spbu.ru (T.N. Goncharova)

«священной войне» против неверных. Выждав заключения Туркманчайского мира с Персией, Николай I издал 26 апреля 1828 г. высочайший манифест «Об открытии войны с Оттоманскою Портою», которая стала девятой в череде русско-турецких войн.

Решимость императора покончить с нарушением Турцией российских прав и интересов вызвала неодинаковую реакцию Англии и Франции, где в январе 1828 г. произошла смена правящих кабинетов. В то время как английский премьер-министр А. Веллингтон сблизился с Австрией, известной своими протурецкими симпатиями, во Франции центристское правительство Ж.Б. Мартиньяка демонстрировало готовность к диалогу с Россией. Министр иностранных дел Огюст де Лаферронэ имел репутацию русофила, которая закрепилась за ним во время его посольства в Санкт-Петербурге (1819–1827) и подогревалась слухами об особом благоволении к нему со стороны императоров Александра I и Николая I (Гончарова, 2017: 144–146).

Оставленный вакантным после его отъезда из России пост посла Франции требовал замещения. В марте 1828 г. выбор пал на бригадного генерала Казимира-Луи-Викторьяна де Рошешуара, герцога де Мортемара (1787–1875), выходца из старинного и знатного дворянского рода. Намерение Николая I принять участие в военной кампании побудило европейские дворы отправить своих представителей к главной квартире русской армии, которая в силу присутствия императора становилась центром принятия не только военных, но и политических решений. Таким образом, К. де Мортемару выпало исполнять свои посольские обязанности не в гостиных Санкт-Петербурга, а на главном театре военных действий России против Турции – Балканском.

Настоящее исследование имеет целью выяснить позицию Казимира де Мортемара по основным вопросам, порученным его наблюдению в ходе русско-турецкой кампании 1828 г., а также установить, имели ли его суждения какое-либо влияние на принятие политических и военных решений России и Франции. Тема статьи вписывается в рамки так называемой «новой дипломатической истории», которая уделяет преимущественное внимание роли дипломатов при реализации поставленных правительством задач, что является залогом ее актуальности.

2. Материалы и методы

В основу исследования положена обширная дипломатическая переписка посла К. де Мортемара из фондов Архива Министерства иностранных дел Франции, расположенного в парижском пригороде Ла Курнев. В томах 174 и 175 серии «Политическая корреспонденция: Россия», сформированных из подшитых в хронологическом порядке дипломатических реляций за январь-июль и август-декабрь 1828 г., автору удалось выявить тридцать две депеши Мортемара с Балканского фронта за период с 16 мая по 26 октября (АМАЕ, 1828, vol. 174, 175). Посол сумел обеспечить регулярное сообщение с Парижем, несмотря на военные условия, так что его донесения стали для французского правительства ценным источником сведений, как говорится, из первых рук. Однако медлительность доступных для дипломата того времени средств сообщения заключала в себе риск устаревания информации к моменту ее получения центральной администрацией в Париже. Следует иметь в виду, что для доставки депеш курьером между Балканским фронтом и Парижем требовалось не меньше 16-ти дней. Правительственные директивы также доходили до посла со значительной задержкой, что предоставляло ему возможность для проявления инициативы, оправдываемой лучшим знанием обстановки на месте. Надежды и опасения французских правящих кругов в ходе первой русско-турецкой кампании стали предметом изучения по инструкциям и письмам О. де Лаферронэ, которые хранятся в двух упомянутых выше томах серии «Политическая корреспонденция: Россия» (АМАЕ, 1828, vol. 174, 175).

Российский взгляд на военные и политические события, нашедшие отражение в депешах Мортемара, оказался доступен для анализа благодаря публикации документов по внешней политике России за период с января 1827 г. по октябрь 1828 г., включившей в себя переписку вице-канцлера К.В. Нессельроде с послом в Париже К. О. Поццо ди Борго (ВПр, 1992: 482–644).

К работе привлечены и частные письма Нессельроде, который сопровождал императора Николая I на Балканском театре военных действий, а также воспоминания сотрудников французского посольства Э. де Беарна и П. де Бургуэна (Lettres, s.d.: 1–119; Béarn, s.d.; Bourgoing, 1904: 160–247). Мемуары А. де Буань и Ф.-Р. де Шатобриана интересны содержащимся в них откликом на события Русско-турецкой войны и посольство Мортемара (Boigne, 1922: 198–207; Chateaubriand, 1910: 1–99).

В основу исследования положены как общенаучные, так и собственно исторические методы, среди которых большое значение имеют хронологический, биографический и сравнительный, позволяющие раскрыть содержание дипломатической переписки Мортемара в ее временной последовательности. Учитывались при этом личностные особенности посла и сопоставлялись его оценочные суждения с мнением современников и историков. Прежде чем приступить к анализу содержания депеш Мортемара с Балканского театра военных действий, потребовалось осуществить их перевод на русский язык, как и писем министра О. де Лаферронэ, в постоянном диалоге с которым находился посол, несмотря на трудности сообщения с Парижем. Некоторые из депеш Мортемара – весьма пространные, другие более лаконичные, но для всех характерна высокая степень информативности. Казалось бы, статус посла Франции позволял ему воспринимать военные действия

первой русско-турецкой кампании с позиции не вовлеченного в конфликт стороннего наблюдателя, что предполагает беспристрастность суждений. Тем не менее, депеши Мортемара несут в себе сильную эмоциональную окраску, которая диктовалась как заинтересованностью французского правительства в скорейшей победе России, так и военной компетентностью самого посла. Хорошо известные события военной истории России трактуются в них с точки зрения французских интересов, что позволяет взглянуть на них по-новому, с непривычного ракурса.

3. Обсуждение

В историографии Восточного кризиса 1820-х гг., вызванного греческим национально-освободительным движением против османского гнета, Русско-турецкая война 1828–1829 гг. рассматривается как завершающий его этап. Длительные дипломатические переговоры, предшествовавшие силовому решению назревших проблем, показали безрезультатность попыток императора Александра I урегулировать греко-турецкий конфликт коллективными усилиями держав Священного союза. Решимость молодого Николая I положить «скорый конец этому делу» посеяла тревогу в европейских канцеляриях (Татищев, 1887: 137). Великие державы опасались, что «греческий проект» Екатерины II получит, наконец, свою реализацию. Падение Константинополя было бы равносильно открытию ящика Пандоры. Посчитав, что самое эффективное средство для удержания России – связать ее узами двустороннего соглашения, премьер-министр Великобритании Дж. Каннинг инициировал подписание Петербургского протокола от 4 апреля 1826 г. Этот документ, предусматривавший возможность «общего или единоличного выступления в пользу Греции», трактуется в отечественной историографии как успех дипломатии Николая I (Фадеев, 1958: 139).

Известие о его подписании побудило Францию принять участие в разработке Лондонской конвенции, которая, подтвердив основные положения Петербургского протокола, позволила ей «играть активную роль в греческих делах» (Couderc, 2015: 63). Отвергая мнение о случайном характере битвы при Наварине, Э. Буржуа считал ее «преднамеренным объявлением Францией войны султану, тайно одобренным Карлом X и реализованным адмиралом (де Риньи – Т. Г.), в защиту греков» (Bourgeois, 1933: 757). Однако данное высказывание представляется слишком категоричным.

В трудах, посвященных русско-французским дипломатическим контактам, отмечается стремление императорского кабинета заручиться поддержкой Франции для сдерживания враждебных Англии и Австрии, тогда как позиция тьюльрийского кабинета, которой «не хватало определенности», состояла в лавировании между Россией и Англией (Жидкова, 2006: 76; Федосова, 1986: 68). В этом контексте внешнеполитическая деятельность О. де Лаферронэ оценивается как весьма успешная. Наметив для Франции роль арбитра в русско-турецком конфликте, он приложил усилия для удержания Англии в рамках Лондонской конвенции и организации французской экспедиции в Морею (Bertier de Sauvigny, 1963: 403-405). При этом французским историкам свойственно преувеличивать «российские амбиции» на Балканах, восхваляя роль Лаферронэ в их сдерживании (Bourgeois, 1933: 763).

Тема российских геополитических целей вместе с греческим вопросом и ходом военных действий нашла отражение в дипломатической переписке Мортемара. В этой связи в исследовании учтены наработки С. С. Татищева, А. В. Фадеева, Н. С. Киняпиной, О. В. Орлик, изучавших восточную политику Николая I, а также труды Г. фон Мольтке, Ж. Вальбера, Н. К. Шильдера, содержащие анализ стратегических и тактических просчетов, которые привели к необходимости второй кампании против Турции в 1829 г.

Что же до посольства К. де Мортемара на Балканском фронте в 1828 г., то приходится констатировать, что оно до сих пор не стало объектом специального интереса со стороны историков. Как правило, Мортемар лишь упоминается в числе других дипломатических представителей при главной квартире русской армии (Шильдер, 1903: 124). Пьер де Бургуэн, отдаленный потомок первого секретаря французского посольства, опубликовал в начале XX века пространные отрывки из депеш Мортемара, сопроводив их лишь очень поверхностным комментарием (Bourgoing, 1904: 23-157). Попадаются и слишком поспешные оценки дипломатической деятельности Мортемара. Ж.-Б. Капфиг охарактеризовал его как компетентного военного, но посредственного дипломата, который «видел и чувствовал все на русский манер». «Подпав под очарование императора Николая, который щедро одаривал его знаками внимания, он афишировал энтузиазм по отношению к монарху, который был к нему столь добр» (Capefigue, 1848: 541). Тем самым Мортемару ставилось в упрек транслирование российского видения проблем. Как представляется, напрасно, ведь именно этой информации от него и ожидало французское правительство. Что же до восторженного отношения посла к Николаю I, то этот тезис опровергается последующим изложением результатов исследования, в ходе которого депеши Мортемара за пять месяцев его пребывания при главной квартире русской армии подверглись целостному рассмотрению и осмыслению.

4. Результаты

На момент назначения послом К. де Мортемару исполнился 41 год. За его плечами было участие в наполеоновских кампаниях, включая Русский поход 1812 г. Офицер Почетного легиона и

барон империи, он состоял при Наполеоне ординарцем в 1813 г. Первая Реставрация вернула ему титул герцога, возвела в пэры Франции и назначила командиром сотни швейцарцев королевской гвардии. В период «Ста дней» 1815 г. Мортемар остался верен Бурбонам, вследствие чего Вторая Реставрация возвела его в звание бригадного генерала Национальной гвардии Парижа. По свидетельству графини де Буань, при дворе Карла X «он был настоящий феникс» (Boigne, 1922: 200). В отличие от короля, известного своей реакционностью, Мортемар придерживался умеренных взглядов, сторонился политических партий и проявил себя как приверженец консенсуса между роялистами, либералами и бонапартистами (Capefigue, 1848: 537-540).

Опытный военный, Казимир де Мортемар, был новичком в дипломатии. Однако последнее обстоятельство не помешало его назначению послом в Россию. В 1828 г. боевой опыт был необходим для того, чтобы «оценить ход войны, результаты которой могли столь серьезным образом сказаться на балансе европейской политики» (Béarn, s.d.: 3). Личные предпочтения Николая I также брались в расчет, как свидетельствует письмо Лаферронэ, адресованное вице-канцлеру К. В. Нессельроде: «Герцог де Мортемар является воплощением чести, искренности и верности; как мне кажется, именно таким нужно быть, чтобы понравиться императору...» (Lettres, s.d.: 11).

Посол К. де Мортемар должен был сообразовывать свое поведение и действия с инструкциями от 15 мая 1828 г., подписанными Лаферронэ и завизированными Карлом X. Из них следовало, что Франция придавала большое значение сохранению союза трех держав на основе Лондонской конвенции в условиях, когда Англия заявила о невозможности дальнейшего сотрудничества с Россией в деле умиротворения Греции. Лаферронэ выражал желание быстрой победы России над Турцией и заключения мира на умеренных условиях в соответствии с декларацией российского МИД от 26 апреля, разосланной в европейские столицы. Мортемару поручалось заверить Николая I от имени короля Франции о его «решимости остаться в союзе с Россией и помогать ей своим влиянием настолько это будет от него зависеть» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 158). Тем не менее отдельные фразы свидетельствовали о недоверии тюильрийского кабинета к заверениям царя об отсутствии у него завоевательных намерений на Балканах. Отмечая постоянное расширение границ Российской империи, подтверждением чего стало включение в ее состав Ереванского и Нахичеванского ханств по итогам войны с Персией, Лаферронэ не исключал возможности новых захватов, «если дряхлая Османская империя развалится от первых же ударов». В связи с этим посольство Мортемара определялось как «очень трудное» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 155, 157). Предписав послу исключительно дружескую линию поведения, Лаферронэ вменял ему в обязанность писать всякий раз, как у него будет что сообщить.

Выехав из Парижа 1 мая 1828 г., К. де Мортемар въехал в Российскую империю через Царство Польское, где ему встретились бывшие товарищи по оружию среди поляков, воевавших в 1812 г. в составе наполеоновской армии (Goncharova, 2020: 587). Остановившись в Варшаве на двое суток, он удостоился аудиенции великого князя Константина Павловича и присутствовал на военном параде. Первое донесение Мортемара в Париж было датировано 16 мая из Варшавы. Он отмечал в нем, что польская армия живет обычной гарнизонной жизнью (АМАЕ, 1828, vol. 174: 180). К этому времени желание Николая I привлечь поляков к участию в боевых действиях на Дунае разбилось об упорное сопротивление цесаревича под предлогом защиты западных рубежей от провокаций (Шильдер, 1903: 116-118). Последующий путь Мортемара пролегал через Волынь и Подолье. После переправы через Днестр, он оказался в Бессарабии, перешедшей к России по Бухарестскому миру.

Посольство К. де Мортемара при главной квартире русской армии довольно четко делится на четыре периода: 1) от прибытия в Бендеры до переправы через Дунай; 2) от пребывания в Болгарии до отбытия в Одессу; 3) от нахождения в Одессе до отплытия к Варне; 4) от прибытия под стены осажденной Варны до отъезда в Одессу. Целесообразно поэтому представить анализ депеш посла, следуя хронологии указанных периодов.

Мортемар прибыл в главную квартиру русской армии 25 мая, когда она находилась в Бендерах. К этому времени прошло две с половиной недели с момента начала военных действий. 2-я армия, получившая название Дунайской, заняла без кровопролития Яссы и Бухарест. Император находился «среди войск 2-й армии, не принимая главного начальства над ней» (Шильдер, 1903: 123). Командование было вверено генерал-фельдмаршалу П. Х. Витгенштейну.

26 мая Мортемар удостоился личной аудиенции Николая I, который говорил с ним запросто как «генерал Романов» и аккредитовал его в походных условиях без церемониала вручения верительных грамот. Император говорил о тревоге, внушаемой ему нестабильностью внутривосточной ситуации во Франции и слухами о разлагающем влиянии Конгрегации на французскую армию. В последнем случае молодые офицеры, поступившие добровольцами в ряды русских войск, А. де Ларошжаклен, племянник предводителя вандейских роялистов, Ш. де Лаферронэ, сын министра иностранных дел, и Ш. де Фитц-Джеймс, сын известного в филэллинских кругах Э. де Фитц-Джеймса, служили послу наилучшим аргументом для опровержения порочащих французскую армию слухов (АМАЕ, 1828, vol. 174: 192-193, 323, 342; vol. 175: 11).

Более того, в конце июня Мортемар взял на себя решение об откомандировании двух сотрудников посольства в ряды русской армии. При Мортемаре на тот момент находились первый

секретарь Поль де Бургуэн и три атташе: Эктор де Беарн, Анри де Мортемар, Жеро де Крюссоль, которые прибыли вместе с ним в Россию. Всего на «военное посольство», по выражению П. де Бургуэна, приходилось в походных условиях пять палаток. Согласно его воспоминаниям, «по приказу нашего посла мы считали делом чести быть в числе первых, кто привел себя в боевую готовность и прибыл верхом на сбор рядом с императорской палаткой» (Bourgoing, 1904: 179). Однако со временем слишком многолюдная главная квартира стала обузой при перемещениях, вследствие чего император предложил дипломатам-офицерам вступить в ряды армии либо остаться в тылу. П. де Бургуэн и Ж. де Крюссоль изъявили желание принять участие в военных действиях, в результате чего первый из них отправился в распоряжение генерала Л.О. Рота для участия в осаде Силистрии, второй поступил под командование принца Оранского. Воинственный энтузиазм офицеров-добровольцев рассматривался как способ реабилитации французской армии в глазах Николая I, вследствие чего посол не упускал случая упомянуть о проявленной ими храбрости (АМАЕ, 1828, vol. 174: 192-193).

Первые пять депеш Мортемара после его прибытия к главной квартире русской армии были написаны 25 и 27 мая в Бендерах; 29 мая, 10 июня (№4 и 5) и 12 июня в лагере при селении Сатунова. Первоочередной задачей посла было войти в доверие к Николаю I. С этой целью Мортемар взял за правило сопровождать свои депеши армейскими бюллетенями, находя сообщаемые в них факты достойными доверия. Император должен быть уверен в том, писал он министру, что «принятый в палатки и ряды его армии посол Франции не настроен на придирчивую критику» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 218). Впрочем, французский посол сразу пришелся ко двору. 1 июня, по окончании военного смотра в местечке Болград, он сидел по правую руку от Николая I на званом ужине, что воспринималось как знак особого благоволения (Béarn, s.d.: 38).

В первых донесениях много внимания уделялось откровенным беседам, которые Николай I вел с Мортемаром наедине на темы, вызывавшие его обеспокоенность. Громоздкие обозы с запасами провизии, питьевой воды и палаток, а также весеннее разливание Дуная сдерживали продвижение русской армии (АМАЕ, 1828, vol. 174: 193-195). Целый месяц подготовительных работ по сооружению гати понадобился для того, чтобы 3-й корпус смог переправиться через нижний Дунай при Сатунова. Разгадав намерение русского командования, противник укрепился на высоком противоположном берегу. Мортемар был свидетелем того, как 8 июня два казачьих отряда переправились на лодках на правый берег и отбросили турок, так что те вынуждены были отступить в крепость Исакчу, которая капитулировала без сопротивления. По словам Нессельроде, французский посол, как и все военные в главной квартире, считал эту операцию по форсированию Дуная очень рискованной (Lettres, s.d.: 22). Николай I имел все основания думать, что ему крупно повезло (АМАЕ, 1828, vol. 174: 253-254). «Горстка казаков и егерей сумела обратить в позорное бегство 10 000 человек, кто мог такое предвидеть?» – изумлялся впоследствии военный эксперт Г. фон Мольтке, полагая, что безрассудная отвага и казачьи лодки явились в данном случае слагаемыми русского успеха (Moltke, 1854: 70). После того, как правый берег оказался под контролем, инженерные войска смогли приступить к возведению наплавного моста через Дунай, по которому совершилась 12 июня переправа 3-го корпуса и обозов.

За годы службы в наполеоновской армии Мортемару пришлось повидать немало инженерных сооружений через реки. Тем не менее, наплавной мост через Дунай поразил посла грандиозностью размеров и надежностью конструкции (АМАЕ, 1828, vol. 174: 219). Передислокация основных сил 2-й армии на правый берег Дуная представляла собой знаменательное событие, после которого Мортемар отправил в Париж курьера Драгона, вверив ему проникнутые оптимизмом депеши за начальный период своего пребывания при главной квартире. Сам посол переправился через Дунай 13 июня вместе с главной квартирой (АМАЕ, 1828, vol. 174: 264).

Девять депеш за второй период пребывания Мортемара при русской армии были написаны в Болгарии: одна в лагере при Каратай 18 июня; четыре – в лагере при Карассу 25 и 27 июня, 2 и 5 июля; две – под Базарджиком 14 и 15 июля, две – под Шумлой 24 и 29 июля. Дольше всего императорская квартира оставалась в селении Карассу – около трех недель. Ожидали, пока к авангарду под командованием Ф. В. Рюдигера подтянутся корпуса, задействованные на осаде крепостей, расположенных на «полуострове» между Дунаем, Черным морем и укреплением Траяна (АМАЕ, 1828, vol. 174: 265).

Первыми капитулировали крепости Браилов и Мачин на левом и правом берегу Дуная, что предоставило в распоряжение русской армии второй пункт для переправы через реку, а также возможность установления линии сообщения с Валахией (АМАЕ, 1828, vol. 174: 266). Последовала капитуляция Кюстенджи на черноморском побережье и Хыршова – в западной части Добруджи. После капитуляции Тульчи, которой турки присвоили название «Маленький Измаил», Россия получила полный контроль над северной частью Болгарии (АМАЕ, 1828, vol. 174: 286). Во время длительного пребывания главной квартиры в Карассу Мортемар смог посетить Кюстенджи в обществе генерала К. Х. Бенкендорфа и служащего дипломатического ведомства А. Ф. Матушевича. Сообщая об этой прогулке посла к Черному морю, Нессельроде отмечал в частном письме: «Он с нами на дружеской ноге, без церемоний, но признаюсь искренне, по-моему, ему недостает способностей; что же до обходительности, нам придется часто сожалеть о Лаферронэ» (Lettres, s.d.:

36-37). Вероятно, в глазах дипломата старой закалки Мортемару не доставало внешнего лоска. Что же до Николая I, известного своим пристрастием к военному поприщу, то солдатская прямота французского посла пришлась ему по душе настолько, что, по словам Нессельроде, он с каждым днем проникался к нему все большим расположением (*Lettres, s.d.: 21, 36*).

Как признавался сам Мортемар, более всего он ценил разговоры, которые ему случалось вести с императором во время верховой езды: «Я тогда больше в привычной мне среде, более энергичный, раскованный и предприимчивый. Его Величество относится ко мне со всей доверительностью, которую стараюсь заслужить абсолютной откровенностью относительно всего, что имеет отношение к его армии и планам операций». Посол приводил в пример свои высказывания против «некоторых административных распоряжений и тактики каре» (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 282, 283*). В июне Мортемар предложил комбинацию сухопутной и морской операций: оставив 25-тысячный корпус для наблюдения за Шумлой, часть армии отправилась бы морем на захват плохо укрепленного Бургаса, в то время как другая ее часть должна была наступать на Айдос и Карнобат. Перейдя через Балканский хребет и захватив эти две позиции, она произвела бы соединение с высадившимися в Бургасе силами, что позволило бы русским угрожать Адрианополю и Константинополю (*АМАЕ, 1828, vol. 175: 128*). Однако этот план не был утвержден. Вероятно, его сочли слишком дерзким.

В начале июля в донесениях Мортемара появляются первые критические высказывания в адрес командования русской армией. В них отмечается стремление «беречь сверх всякой меры преувеличенные силы империи» (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 283*). Недостаточное количество задействованных контингентов вынудило авангард провести пятнадцать дней в ожидании, пока падут турецкие крепости, и лишило армию возможности попытаться счастья в генеральном сражении. Гвардия и 2-й корпус генерал-адъютанта А. Г. Щербатова ожидались в качестве подкрепления не ранее конца августа. Однако стойкость и дисциплина русских солдат и офицеров как во время переходов, так и в сражениях вызвали восхищение посла, тем более, что продвигаться и вести осадные действия приходилось под палящим солнцем, когда столбик термометра поднимался до отметки в 44 градуса (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 343*).

Упорное сопротивление турок было воспринято с удивлением во Франции. Лаферронэ высказывал опасения насчет того, что война окажется более трудным и длительным предприятием, чем предполагалось вначале. Министр беспокоился, что если победа не будет одержана «в этом году» и встанет вопрос о второй кампании, то «маски спадут, Турция получит союзников в лице Англии и Австрии и Европа заполяхает» (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 320*). На Мортемара возлагалась задача убедить Николая I в необходимости быстрых успехов. Что же до самого посла, то в июне-июле он сохранял позитивный настрой, полагая, что «кампания... все еще представляется в благоприятном свете», несмотря на потерю времени (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 287, 343*).

В июле русская армия продвинулась вглубь болгарской территории, поставив себе целью захват крепостей второй линии: Варны, Праводы, Силистрии. Важнейшей целью военных действий изначально планировался захват Варны. Однако после взятия Базарджика было принято решение нацелиться на захват Шумлы, куда были стянуты значительные силы противника под командованием Хуссейна-паши (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 343*). Расположенная у подножия крутого Балканского предгорья, крепость имела репутацию неприступной. Французский офицер главного штаба В. Манье, сравнивая позицию Шумлы с подковой, считал возможным «действовать только бешеной атакой или простым окружением» (цит. по: *Bourgoing, 1904: 62*).

Мортемар высказывался в пользу быстрых и энергичных действий против турок для того, чтобы установить над ними моральное превосходство. Затяжная и изнурительная осада позволяла противнику укрепить веру в свои силы. Турецкая армия имела репутацию искусной в обороне. За крепостными стенами турецкий солдат обретал «невероятное бесстрашие загнанного кабана, вспарывающего живот охотнику, осмелившемуся проникнуть в его логово» (*Valbert, 1877: 215*). Опыт наполеоновских кампаний укреплял убежденность Мортемара в необходимости быстрого натиска. 20 июля русской армии удалось овладеть турецким укреплением перед Шумлой. Результат сражения позволял предаваться самым оптимистичным надеждам: «Местоположение Шумлы и ее укрепленный лагерь подвергнуты осаде со стороны равнины; вскоре дорога на Константинополь будет отрезана, и тогда можно будет заняться атакой на верховья Балкан, которые господствуют над всей позицией» (*АМАЕ, 1828, vol. 174: 356*). Однако вместо активизации военных действий Николай I покинул лагерь под Шумлой 2 августа, добрался до окрестностей Варны и отправился морем в Одессу.

Третий период посольства Мортемара можно условно начать с депеши, написанной в день отбытия императора и частично зашифрованной. В открытой ее части говорилось, что Николай I объяснил свой отъезд в Одессу необходимостью руководить продвижением гвардейских корпусов, которые были уже на подходе к Дунаю. По мнению Мортемара, настоящей причиной стали «настойчивые просьбы» императрицы Александры Федоровны, находившейся в Одессе. Во всяком случае, «данный отъезд не может быть мотивирован страхом поражения или неудачи русской армии», – заключал он (*АМАЕ, 1828, vol. 175: 12-15*). Иностранные дипломаты покинули позиции перед Шумлой вслед за императором 3 августа, держа путь к Кюстенджи, где поднялись на фрегат «Штандарт», доставивший их в Одессу.

По дороге в Кюстенджи дипломатам вместе с сопровождавшим их эскадроном гвардейских казаков пришлось преодолеть не одну сотню километров в условиях палящего солнца, недостатка питьевой воды и множества насекомых. Лошади, не имея возможности утолить жажду, падали замертво. Согнанные с насиженных мест болгары промышляли разбоем. Многие селения полыхали в огне. Ени-Базар и Базарджик были наполнены больными и ранеными, а также разлагавшимися трупами домашнего скота. В депеше от 7 августа, написанной в окрестностях Базарджика, Мортемар указывал на то, что чума, называемая «бухарестской болезнью», «наносит большой ущерб и распространяется во многих деревнях, до берегов Дуная»; «пятая часть армии больна», высока смертность (АМАЕ, 1828, vol. 175: 20).

Дипломатический корпус прибыл в Одессу в середине августа, спустя неделю после Николая I. Пребывание Мортемара в этом портовом городе растянулось на полтора месяца, свидетельством чему были депеши, датированные 17, 19, 26, 28, 31 августа, а также 6, 15, 17, 23, 29 сентября 1828 г. В августе пошатнувшееся состояние здоровья Лаферронэ потребовало его отъезда на воды Карлсбада для лечения. На протяжении двух с половиной месяцев его отсутствия в Париже Жерар де Райневаль исполнял обязанности министра иностранных дел (Bourgeois, 1933: 768). Тем не менее Мортемар по-прежнему адресовал свои депеши на имя Лаферронэ, который направлял послу письма, служившие для последнего руководством к действию.

В депешах одесского периода явственно проступало неодобрение Мортемаром «поспешного и неожиданного отъезда» Николая I из действующей армии, которое повергло русских солдат в уныние, тогда как турки, наоборот, расхрабрились (АМАЕ, 1828, vol. 175: 14, 20, 71). Но более всего посол был раздосадован тем, что царь пренебрег его советами приступить к штурму Шумлинской твердыни: «...я был настойчив, но страх подвергнуть опасности жизни своих солдат в то время, как он считает возможным достигнуть той же цели иначе, заставил его предпочесть более медленный путь, который показался ему столь же надежным» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 42). Русская армия осталась под стенами Шумлы, блокируя крепость со стороны равнины, но болезни косили ее ряды. К концу августа количество госпитализированных возросло до 10 000 или 12 000 (АМАЕ, 1828, vol. 175: 72).

В депешах из Одессы Мортемар отмечал, что полностью полагается «на храбрость русских войск», но не имеет той же самой уверенности «в силе и талантах большинства командующих», фамилии которых предпочитал не называть (АМАЕ, 1828, vol. 175: 46). «Император оказался обманут относительно количества войск, необходимых для военной кампании, – сетовал посол. – Опасение войти в противоречие с видами Его Императорского Величества, зависть и соперничество между некоторыми командующими парализуют энергию армии и много раз скомпрометировали или остановили успешный ход операций» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 71-72). Мортемар имел в виду отсутствие единого главнокомандования. По причине присутствия Николая I при армии последнее слово в принятии военных решений оставалось за ним, в то время как П. Х. Витгенштейн «был оттеснен приближенным к царю начальником Главного штаба И. И. Дибичем» (Орлик, 1998: 107-108).

В начале сентября Николай I принял решение вернуться на фронт. По свидетельству Мортемара, накануне отъезда царь признал свои ошибки в разговоре с ним: «Меня обманули перед Шумлой: Ностиц и Вы были правы. Но маршал...» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 76). Упомянутый в цитате прусский генерал А. фон Ностиц разделял критическое отношение французского посла к стратегии и тактике ведения боевых действий верховным командованием. Николай I предпочитал перекладывать ответственность на фельдмаршала Витгенштейна. Н. К. Шильдер, биограф Николая I, склонен винить в неудачах первой кампании И. И. Дибича, по совету которого была допущена «непоправимая ошибка двинуть основные силы русской армии к Шумле» вместо того, чтобы атаковать Варну (Шильдер, 1903: 143). Г. фон Мольтке также полагал, что именно Варна благодаря своей прибрежной ситуации, позволяющей получать снабжение морем, являлась необходимой базой для дальнейших наступательных действий (Moltke, 1854: 117-120). В августе Николай I в полной мере осознал все преимущества Варны перед Шумлой, отдав приказ о направлении туда гвардейских полков. Что же до Мортемара, то в его депешах отсутствует критика сосредоточения основных сил перед Шумлой. Его пожеланием были энергичные действия русской армии. Выбор крепости для штурма его заботил гораздо меньше. По его мнению, Варну, как и Шумлу, необходимо было незамедлительно атаковать.

28 августа, обращаясь к Нессельроде, Мортемар сетовал на бесполезную потерю времени в Одессе. «Вы могли бы завоевать все шесть недель назад, и эти шесть недель стоили вам больше солдат, чем взятие Шумлы. Вот гвардия прибыла; император возвращается к армии, надеюсь, не для того, чтобы устроить ей смотр» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 57). Посол надеялся, что прибытие Николая I к Варне совпадет с моментом решительной атаки, которая позволит завоевать мир осенью 1828 г. Но в целом к этому времени Мортемар вынес уже твердое убеждение в том, что «русская армия 1828 года ни в чем не походит на армию 1806, 1807 годов» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 127). Воюя в составе наполеоновских войск, он был свидетелем недюжинной отваги, которую демонстрировала русская армия в ходе четвертой антифранцузской коалиции. Двигавшие ею воодушевление и военный азарт вызывали восхищение противника даже при том, что ей приходилось терпеть поражения.

Надежды Мортемара на то, что дипломатический корпус отправится к Варне незамедлительно вслед за императором, не осуществились. Ему, как и остальным дипломатам, пришлось задержаться в

Одессе еще на 26 дней. В письме французскому послу от 18 сентября Нессельроде ссылался на недостаток места на борту флагманского корабля «Париж», на котором разместились император и часть главной квартиры на рейде Варны (АМАЕ, 1828, vol. 175: 133). Между тем продолжительное пребывание в Одессе производило неприятное впечатление на членов дипломатического корпуса, порождая догадки о том, что их удерживают вдали от линии фронта для того, чтобы скрыть бедственное положение русской армии. «Держу пари, – писал Мортемар, – что в Австрию и Англию докладывают о том, что “северный колосс – пигмей за пределами своих владений, что стоит только его щелкнуть по протянутым рукам для того, чтобы заставить их убраться обратно в свою раковину...”» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 127).

Более всего подозрений в язвительной недоброжелательности вызывал английский посол лорд Хейтсбери, с которым Мортемар впервые встретился в Одессе, получив тем самым возможность выполнить поручение Лаферронэ, изложенное в письме от 9 июня. В нем министр сообщал о том, каких больших усилий стоило ему добиться согласия британского кабинета на совместные действия трех держав в Эгейском море, называя их «моя осада Браилова». Подозревая Лондон в двойной игре, Лаферронэ поручил Мортемару выяснить его истинные намерения посредством сближения с Хейтсбери, которого отрекомендовал как «Геракла английской дипломатии» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 323). Конфиденциальная депеша Мортемара от 31 августа подтвердила подозрения министра. В ней сообщалось о том, что во время бесед на военные темы он уловил у Хейтсбери «некое выражение злорадства», выдававшее испытываемое им удовлетворение от критических замечаний в адрес русской армии (АМАЕ, 1828, vol. 175: 73). Англия не переставала уповать на то, что ей удастся лишить Россию французской поддержки.

В переписке посла с министром поднималась и тема заявлений Николая I об отсутствии у него завоевательных намерений на Балканах. «С моей стороны, – писал Лаферронэ, – доверие безгранично, потому что я знаю императора и верю его слову, как слову Франциска I» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 236). Несмотря на кажущуюся серьезность тона, фраза источала сарказм. Лаферронэ опасался вступления Николая I в тайный сговор с Англией и Австрией за спиной Франции. Его подозрения подкреплялись письмом Дж. Каннинга от 1824 г., в котором говорилось, что Англия готова подписаться под уничтожением Османской империи «при условии, что Россия не получит выхода в Средиземное море, Франция не приобретет никакой компенсации, Австрия значительно увеличит свою мощь, территорию и население» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 237). Обладая лучшим знанием ситуации изнутри, Мортемар несколько не разделял тревожные предчувствия министра: «...мне удалось заметить, что император не испытывает страстного увлечения войной и уже ею утомлен, что если случайно в самом начале у него и были какие-то мысли о возможности разрушения и раздела турецких владений в Европе, то теперь другие желания наполняют его душу и все они направлены к почетному миру, уюту семейной жизни и необходимости реформировать злоупотребления администрации его обширной империи» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 282).

Впрочем, в августе Мортемар пришел к мысли о том, что для Франции неразумно делать ставку на тесный союз с Россией, которая «несколько не обладает приписываемыми ей силами и ресурсами». В этой связи он советовал своему правительству «более, чем когда-либо стремиться к сохранению нашего союза с другими державами, чья враждебность была бы для нас более губительной, чем вся польза, которую мы можем извлечь из русской дружбы» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 71, 73). Посол имел в виду упования части правящих кругов на возвращение Бельгии и левого берега Рейна при содействии России в обмен на поддержку ее восточной политики (Sorel, 1883: 98-99). Их утопичность была для него очевидна, так как они вступали в противоречие с интересами Англии и Пруссии, в то время как Россия, связанная с последней тесными узами, не была заинтересована в пересмотре статус-кво (Frémeaux, 2014: 84).

В свете вышесказанного Мортемар придавал крайне важное значение успеху французской экспедиции в Морею, решение о которой было принято на Лондонской конференции 19 июля (Driault, 1925: 409). Лаферронэ поручил ему склонить Николая I к заявлению о том, что французская экспедиция в Морею освобождает его от взятого на себя обязательства сложить оружие только после того, как султан выполнит условия Лондонской конвенции. Понимая, насколько это непростое задание, министр определил успех в его выполнении как дипломатическую победу, которая укажет на таланты Мортемара на новом для него поприще (АМАЕ, 1828, vol. 174: 384). Данное поручение еще раз доказывает, что посредством своей экспедиции в Морею Франция желала не только присвоить себе главную роль в освобождении Греции, но и действовала в духе английских настояний об урегулировании восточных дел без российского участия (Федосова, 1986: 69). Однако Мортемар отказался выполнять полученное задание. В депеше от 19 августа он откровенно высказал свое неодобрение идеи вынудить царя отречься от намерения участвовать в решении греческого вопроса. Отстаивая свою точку зрения, посол приглашал министра вообразить, какое впечатление произведет требуемое от Николая I заявление на «дикий ум султана; он возомнит себя победителем России...», и в случае, если «Россия и Порта заключат мир, кто сможет поручиться за судьбу нашей экспедиции в Морею!» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 47). Впрочем, Мортемар почти точь-в-точь повторял риторические вопросы Нессельроде из депешы, адресованной Поццо ди Борго 13 июня 1828 г.: «Сможем ли мы

заклучить мир, не решив греческого вопроса? Сможем ли мы подвергнуть себя риску новой войны для решения этого вопроса? Сможем ли мы, не решив этот вопрос, оставить непрременную причину разрыва, который последует через несколько дней после нашего примирения? А что выиграет Европа, проводя столь узкую и недалновидную политику?» (АМАЕ, 1828, vol. 174: 260).

Впрочем, в августе и сентябре Мортемар не исключал возможность того, что турки «смогут купить его (Николая I – Т. Г.) определенными уступками и договором, который нарушат, как только пожелают» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 74). В таком случае велик был риск, что султан направит высвободившиеся силы в Морею, вследствие чего посол призывал свое правительство держать наготове подкрепления для Н. Ж. Мэзона, поставленного во главе французского экспедиционного корпуса (АМАЕ, 1828, vol. 175: 130). Когда он 17 сентября излагал эти тревожные предположения, эвакуация войск Ибрагима-паши из Мореи уже шла полным ходом на египетских судах в сопровождении эскорта из французских и английских кораблей.

Между тем надежды Мортемара на то, что прибытие Николая I к блокированной с моря и с суши Варне совпадет с решительным штурмом крепости, не оправдались. В депеше от 29 сентября он констатировал отсутствие позитивных перемен. Тяжелое санитарное состояние армии ощущалось в Одессе: «...корабль, который доставляет больных из Варны сюда, бросает шестую часть в море». Николаев, Херсон, Севастополь, Одесса превратились в гигантские лазареты. «Армия обескуражена, народ недоволен, дворянство и коммерция говорят во всеуслышание, что присутствие императора парализует все. Конец кампании не обещает быть удовлетворительным», – делал неутешительный прогноз Мортемар (АМАЕ, 1828, vol. 175: 155, 157). В тот же день линейный корабль «Пантелеймон» прибыл в Одессу со специальным заданием доставить дипломатов в распоряжение русских войск.

Четвертый период посольства Мортемара условно начался 7 октября, с момента его прибытия под осажденную Варну (Lettres, s.d.: 105). В сущности, дипломатический корпус получил приглашение присутствовать при взятии этой крепости, которая капитулировала 11 октября. Факт сам по себе знаменательный, так как русской армии впервые за всю историю ее войн против Турции удалось захватить Варну. Депеши, написанные Мортемаром на борту «Пантелеймона» с рейда Варны, датированы 10, 12, 14 октября. Последние донесения «военного посольства» от 19 и 26 октября имели местом написания Севастополь и Одессу.

По прибытии к Варне Мортемар в сопровождении Э. де Беарна ходил на осмотр осадных работ, спукался в траншею, надев на себя солдатскую шинель и каску. «Без всякого сомнения, крепость была бы сегодня в руках русских, не будь категорического запрета императора на генеральный штурм. Наименее прикрытая часть города представляет сегодня лишь груды развалин», – делился он своими впечатлениями (АМАЕ, 1828, vol. 175: 197).

В депеше, написанной на следующий день после капитуляции Варны, Мортемар обращал внимание на раскол среди верховного командования ее гарнизона. В то время как комендант крепости Юсуф-паша сдался на милость победителя со своими сторонниками 10 октября, капудан-паша Изет-Магомет удалился в цитадель, продолжая сопротивление до тех пор, пока не выговорил себе свободный выход из города в сопровождении вооруженного конвоя. Упомянутое поражение Юсуфа-паши дало основание отдельным французским комментаторам утверждать, что предательство работало на русских, открыв перед ними крепостные ворота (Valbert, 1877: 216). Мортемар не скрывал своего восхищения стойкостью защитников Варны, выдержавших трехмесячную осаду: «...невозможно обороняться красивее, продолжительнее и непостижимее в столь слабой крепости, которую у нас объявили бы непригодной для обороны» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 199).

После взятия Варны Мортемар надеялся, что российское командование последует его совету выступить в поход в ночь на 12 октября для того, чтобы напасть под утро на Омера-пашу Вриони, стоявшего на дороге в Айдос, и блестящей операцией деморализовать турецкую армию. Наполеон поступил бы именно так для того, чтобы извлечь максимум выгоды из победы. Однако царь в очередной раз не последовал его совету. Омер-паша совершил поспешное отступление после того, как русские знамена взвились над развалинами Варны (АМАЕ, 1828, vol. 175: 199-200). Из осмотра крепостных сооружений Мортемар вынес впечатление упущенных возможностей. Посетив лагерь Омера-паши, он нашел его настолько слабо укрепленным, что «хорошо проведенная операция...вынудила бы этого военачальника сложить оружие или вступить в сражение столь неблагоприятное, что все его войска были бы в нем разбиты, не будучи в состоянии совершить отступление» (АМАЕ, 1828, vol. 175: 208).

Взятием Варны завершилась первая кампания Русско-турецкой войны. Позднее время года не позволяло углубиться в горные теснины Балкан. «Армия понесла многочисленные потери, император устал и отдает себе отчет в многочисленных ошибках, допущенных его генералами», – сообщал Мортемар своему правительству (АМАЕ, 1828, vol. 175: 197). 14 октября корабль «Императрица Мария» с Николаем I на борту отплыл из Варны в направлении Одессы. Император торопился прибыть в Гатчину к 26 октября, дню рождения императрицы-матери. Дипломатический корпус последовал за ним на «Пантелеймоне». В ходе плавания к берегам Одессы обоим кораблям пришлось выдержать черноморский шторм редкой силы. Вода, залившая каюту Мортемара, привела в негодность записи и чертежи, предназначавшиеся им для военного министерства (АМАЕ, 1828,

vol. 175: 224). Воспользовавшись остановкой корабля в порту Севастополя для ремонта полученных повреждений, он совершил трехдневное путешествие по южному берегу Крыма, после чего прибыл в Одессу 24 октября, а оттуда отправился в Париж.

Приняв самостоятельно данное решение, Мортемар обращал внимание своего руководства на то, что оно полностью соответствовало пожеланиям Николая I, который хотел, чтобы посол лично заверил французское правительство в наличии у России достаточных сил для второй кампании, которая планировалась на весну 1829 г. (АМАЕ, 1828, vol. 175: 198, 205). Действительно, в условиях активизации Австрии, принявшей распространять «слухи об ограниченных возможностях России», и Англии, возражавшей против блокирования Дарданелл российской эскадрой, правительство Мартинакья нуждалось в ободрении (Орлик, 1998: 110). Достигнутая с большим трудом капитуляция Варны не могла сгладить негативное впечатление от нерешительной первой кампании. И даже блестящие победы, одержанные на Кавказском фронте, не могли спасти ситуацию. Осенью 1828 г. французские публицисты, по свидетельству Ф. Р. де Шатобриана, проникшись сочувствием к отчаянному сопротивлению турок, «позабыли о благородном деле Греции» (Chateaubriand, 1910: 63).

Однако все это были спекуляции, в то время как Мортемар лично присутствовал при боевых действиях, что придавало его свидетельству особое значение, как и Георгиевский крест 4-й степени, врученный ему Николаем I. По словам графини А. де Буань, зимой 1828–1829 гг. ему случалось в частных разговорах признаваться в своем разочаровании в военных способностях Николая I. «Будучи доверительно к кому-то расположен, Мортемар приписывал неприятности кампании присутствию императора в лагере и его отсутствию в битвах, которые тот старался не начинать на близком расстоянии» (Boigne, 1986: 143). Эти слова, вложенные в уста Мортемара мемуаристкой, очень емко, хотя и в жесткой манере, резюмировали содержание его депеш, посвященных критике ведения войны на Балканском фронте в 1828 г.

5. Заключение

Подводя итог исследованию, можно утверждать, что за пять месяцев, проведенных при главной квартире русской армии, взгляд К. де Мортемара на ход военных действий претерпел изменения от сдержанного энтузиазма майских и июньских депеш до тревожного тона августовских и сентябрьских. Неожиданное отбытие царя в Одессу стало спусковым крючком для потока критических замечаний посла. Приверженец наступательной тактики Наполеона, Мортемар не скрывал ни от французских, ни от российских правящих кругов своего недовольства тем, как ведутся военные действия. В октябре, получив возможность присутствовать при капитуляции Варны, он укрепился в своем ощущении упущенных возможностей, ответственность за которые возлагал на Николая I.

На дипломатическом фронте Мортемар имел смелость пойти наперекор своему правительству, которое поручило ему добиваться самоустранения России от решения греческого вопроса. Вторая кампания, в ходе которой император, а вместе с ним и весь дипломатический корпус, включая Мортемара, остались в Санкт-Петербурге, подвела итог двум годам войны заключением Адрианопольского мирного договора, включившего статью об автономном статусе Греции. Отсутствие притязаний России на Константинополь делало честь проницательности посла, который призывал Лаферронэ не искать подвоха в заявлениях императора об умеренности его требований к Порте.

Вместе с тем дозволительно предположить, что разоблачения Мортемаром западных иллюзий относительно военной силы и ресурсов «северного колосса» могли в какой-то мере повлиять на вовлечение Франции в Крымскую войну. С другой стороны, можно усмотреть определенное влияние его рекомендаций в пользу быстрого натиска в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., хотя тогда, как и пятьдесятю годами ранее, потребовалась вторая кампания в силу недостаточной численности выставленных войск.

Литература

ВПР, 1992 – Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского министерства иностранных дел / Под ред. А. Л. Нарочницкого. Серия 2. Т. 15: январь 1827 г. – октябрь 1828 г. М.: Госполитиздат, 1992. 781 с.

Гончарова, 2017 – Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2017. 318 с.

Дебидур, 1947 – Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). В 2 т. Пер. с фр. М.: Государственное изд-во иностранной литературы, 1947. Т. 1. 482 с.

Жидкова, 2006 – Жидкова О. В. Русско-турецкая война и дипломатия России и Франции // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 3(7). С. 74–78.

Киняпина, 2001 – Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 192–201.

Орлик, 1998 – Орлик О. В. Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. М.: Наука, 1998. 270 с.

- Татищев, 1887** – *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1887. 648 с.
- Фадеев, 1958** – *Фадеев А.В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 396 с.
- Федосова, 1986** – *Федосова Е.И.* Дипломатия Франции на заключительном этапе восточного кризиса 20-х гг. XIX в. // *Новая и новейшая история.* 1986. № 6. С. 64-75.
- Шильдер, 1903** – *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. В 2 т. С.-Петербург: А. С. Суворин, 1903. Т. 2. 820 с.
- АМАЕ, 1828** – Archives du ministère des Affaires étrangères. Série “Correspondance politique: Russie”. 1828. Vol. 174: janvier–juillet. 365 f. Vol. 175: août–décembre. 381 f.
- Béarn, s.d.** – *Béarn H. de.* Quelques souvenirs d’une campagne en Turquie, 1828. Paris, s.d. 277 p. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1527635c>
- Berthier de Sauvigny, 1963** – *Bertier de Sauvigny G. de.* La Restauration. Paris: Flammarion, 1963. 498 p.
- Boigne, 1922** – *Boigne, comtesse de.* Récit d’une tante. Mémoires de la comtesse de Boigne, née d’Osmond, publiés intégralement d’après le manuscrit original. En 5 tomes. T. III: De 1820 à 1830. Paris: Émile-Paul frères, éditeurs, 1922. 294 p.
- Bourgeois, 1933** – *Bourgeois E.* Manuel historique de politique étrangère. T. II. Les révolutions (1789–1830). 11e éd. Paris: Eugène Belin, 1933. 812 p.
- Bourgoing, 1904** – *Bourgoing P. de.* Le duc de Mortemart et le baron de Bourgoing. Souvenirs anecdotiques. Paris: Emile-Paul, 1904. 320 p.
- Capefigue, 1848** – *Capefigue J.-B.* Les diplomates et hommes d’État européens. Bruxelles: Meline, Cans et Cie, 1848. 636 p.
- Chateaubriand, 1910** – *Chateaubriand F.-R.* Mémoires d’outre-tombe. Texte établi par Edmond Biré. Paris: Garnier, 1910. Т. 5. 327 p.
- Couderc, 2015** – *Couderc A.* L’Europe et la Grèce, 1821–1830. Le Concert européen face à l’émergence d’un État-nation // *Bulletin de l’Institut Pierre Renouvin.* 2015/2. № 42. Pp. 47-74.
- Driault, 1925** – *Driault E. et Lhéritier M.* Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. En 5 tomes. T. 1. L’insurrection et l’indépendance (1821–1830). Paris: Les Presses Universitaires de France, 1925. 474 p.
- Frémeaux, 2014** – *Frémeaux J.* La Question d’Orient. Paris: Fayard, 2014. 614 p.
- Goncharova, 2020** – *Goncharova T. N.* “Objective Ally” of Russia in 1812: the Disastrous Results of Abbe de Pradt’s Mission in Warsaw // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 56. Is. 2. P. 583–594.
- Lettres, s.d.** – Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760–1850. Extraits de ses archives, publiés et annotés avec une introduction par le comte A. de Nesselrode. Paris: A. Lahure, s.d. T. VII: 1828–1829. 310 p.
- Moltke, 1854** – *Moltke.* Campagnes des Russes dans la Turquie d’Europe en 1828 et 1829. Traduit de l’allemand par A. Demmler. Paris: J. Dumaine, 1854. 224 p.
- Sorel, 1883** – *Sorel A.* L’alliance russe et la Restauration // *Essais d’histoire et de critique.* Paris: E. Plon et Cie, 1883. Pp. 98-116.
- Valbert, 1877** – *Valbert G.* La guerre russo-turque en 1828 et en 1877 // *Revue des Deux Mondes.* 1er novembre 1877. Vol. 24. № 1. P. 212–222.

References

- АМАЕ, 1828** – Archives du ministère des Affaires étrangères. Série “Correspondance politique: Russie”. 1828. Vol. 174: janvier–juillet. 365 f. Vol. 175: août–décembre. 381 f.
- Béarn, s.d.** – *Béarn, H. de.* (s.d.). Quelques souvenirs d’une campagne en Turquie, 1828. Paris, 277 p. [Electronic resource]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1527635c>
- Berthier de Sauvigny, 1963** – *Bertier de Sauvigny, G. de.* (1963). La Restauration. Paris: Flammarion, 498 p.
- Boigne, 1922** – *Boigne, comtesse de.* (1922). Récit d’une tante. Mémoires de la comtesse de Boigne, née d’Osmond, publiés intégralement d’après le manuscrit original. En 5 tomes. T. III: De 1820 à 1830. Paris: Émile-Paul frères, 294 p.
- Bourgeois, 1933** – *Bourgeois, E.* (1933). Manuel historique de politique étrangère. T. II. Les révolutions (1789–1830). 11e éd. Paris: Eugène Belin, 812 p.
- Bourgoing, 1904** – *Bourgoing, P. de.* (1904). Le duc de Mortemart et le baron de Bourgoing. Souvenirs anecdotiques. Paris: Emile-Paul, 320 p.
- Capefigue, 1848** – *Capefigue, J.-B.* (1848). Les diplomates et hommes d’État européens. Bruxelles: Meline, Cans et Cie, 636 p.
- Chateaubriand, 1910** – *Chateaubriand, F.-R.* (1910). Mémoires d’outre-tombe. Texte établi par Edmond Biré. Paris: Garnier, t. 5, 327 p.
- Couderc, 2015** – *Couderc, A.* (2015). L’Europe et la Grèce, 1821–1830. Le Concert européen face à l’émergence d’un État-nation. *Bulletin de l’Institut Pierre Renouvin.* 42: 47-74.

- Debidur, 1947** – *Debidur, A.* (1947). *Diplomatičeskaja istorija Evropy. Ot Venskogo do Berlinskogo kongressa (1814–1878)* [Diplomatic history of Europe. Holy Alliance from the Congress of Vienna to the Berlin Congress]. V 2 t. Per. s fr. Moskva: Gosudarstvennoe izd-vo inostranoj literatury, t. 1, 482 p. [in Russian]
- Driault, 1925** – *Driault, E. et Lhéritier M.* (1925). *Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. En 5 t. T. 1. L'insurrection et l'indépendance (1821–1830)*. Paris: Les Presses Universitaires de France, 474 p.
- Fadeev, 1958** – *Fadeev, A.V.* (1958). *Rossija i Vostochnyj krizis 20-h godov XIX veka* [Russia and the Eastern crisis of the 20s of the 19th century]. Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 396 p. [in Russian]
- Fedosova, 1986** – *Fedosova, E.I.* (1986). *Diplomatija Francii na zaključitel'nom jetape vostočnogo krizisa 20-h gg. XIX v.* [Diplomacy of France at the final stage of the eastern crisis of the 20s of the 19th century]. *Novaja i novejšaja istorija*. 6: 64-75. [in Russian]
- Frémeaux, 2014** – *Frémeaux, J.* (2014). *La Question d'Orient*. Paris: Fayard, 614 p.
- Goncharova, 2017** – *Goncharova, T.N.* (2017). *Mezhdz Parizhem i Sankt-Peterburgom. Posol'stvo Francii v Rossii (1814–1848)* [Between France and Saint-Petersburg. Embassy of France in Russia (1814–1848)]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RHGA, 318 p. [in Russian]
- Goncharova, 2020** – *Goncharova, T.N.* (2020). “Objective Ally” of Russia in 1812: the Disastrous Results of Abbe de Pradt's Mission in Warsaw. *Bylye Gody*. 56(2): 583-594.
- Kinžapina, 2001** – *Kinžapina, N.S.* (2001). *Vneshnjaja politika Nikolaja I* [Foreign policy of Nicholas I]. *Novaja i novejšaja istorija*. 1: 192-201. [in Russian]
- Lettres, s.d.** – *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760–1850. Extraits de ses archives, publiés et annotés avec une introduction par le comte A. de Nesselrode. (s.d.)*. Paris: A. Lahure, t. VII: 1828–1839, 310 p.
- Moltke, 1854** – *Moltke* (1854). *Campagnes des Russes dans la Turquie d'Europe en 1828 et 1829*. Traduit de l'allemand par A. Demmler. Paris: J. Dumaine, 224 p.
- Orlik, 1998** – *Orlik, O.V.* (1998). *Rossija v mezhdunarodnyh otnošenijah 1815–1829 gg.* [Russia in international relations 1815–1829]. Moskva: Nauka, 270 p. [in Russian]
- Šil'der, 1903** – *Šil'der, N.K.* (1903). *Imperator Nikolaj Pervyj, ego žizn' i carstvovanie* [Emperor Nicholas the First, his life and reign]. 2 t. S.-Peterburg: A. S. Suvorin, 820 p. [in Russian]
- Sorel, 1883** – *Sorel, A.* (1883). *L'alliance russe et la Restauration. Essais d'histoire et de critique*. Paris: E. Plon et Cie, pp. 98-116.
- Tatišhev, 1887** – *Tatišhev, S.S.* (1887). *Vneshnjaja politika imperatora Nikolaja I* [The foreign policy of Emperor Nicholas I]. Sankt-Peterburg: Tip. I. N. Skorohodova, 648 p. [in Russian]
- Valbert, 1877** – *Valbert, G.* (1877). *La guerre russo-turque en 1828 et en 1877. Revue des Deux Mondes*. 24(1): 212-222.
- VPR, 1992** – *Vneshnjaja politika Rossii XIX i nachala XX veka: Dokumenty rossijskogo ministerstva inostrannyh del (1992)* [Foreign policy of Russia in the 19th and early 20th centuries: Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs]. Pod red. A. L. Naročnickogo. Serija 2. T. 15: janvar' 1827 g. – oktjabr' 1828 g. Moskva: Gospolitizdat, 781 p. [in Russian]
- Zhidkova, 2006** – *Zhidkova, O.V.* (2006). *Russko-turečkaja vojna i diplomatija Rossii i Francii* [Russian-Turkish war and diplomacy of Russia and France]. *Vestnik RUDN, Serija «Istorija Rossii»*. 3(7): 74-78. [in Russian]

Малоизвестный источник по истории Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.: французский посол К. де Мортемар на Балканском фронте

Татьяна Николаевна Гончарова ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., ставшей завершающим этапом Восточного кризиса, спровоцированного греческой борьбой за независимость, императорский кабинет воспринимал Францию как державу, на поддержку которой мог рассчитывать ввиду враждебности Англии и Австрии. Назначенный послом в Россию генерал Казимир де Мортемар получил приказ отправиться на Балканский фронт, где находился император Николай I. Он провел там пять месяцев и написал 32 депеши, которые до сих пор не привлекли к себе пристального внимания историков. Не ограничившись простым наблюдением, Мортемар комментировал просчеты верховного командования, которые не позволили реализоваться надеждам французского правительства на быструю победу русских над Турцией. По мнению посла, отсутствие

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: t.goncharova@spbu.ru (Т.Н. Гончарова)

наполеоновского напора в проведении военных операций негативно сказывалось на общем духе армии. Усомнившись в реальных силах и ресурсах «северного колосса», он предостерегал свое правительство от иллюзий. Как дипломат, он занимал более твердую позицию, чем французское правительство, не желая идти на поводу у британских притязаний на то, чтобы устранить Россию из решения греческого вопроса, оставив ей лишь урегулирование ее частных претензий к Турции. Таким образом, анализ дипломатической переписки Мортемара раскрывает его как посла, который одновременно примерял на себя и роль главнокомандующего русской армии, и роль французского министра иностранных дел, что придает дополнительный интерес его суждениям.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1828–1829 гг., Балканский фронт, Казимир де Мортемар, посольство Франции, депеши.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 108-114
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.108

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Konstantin Nikolaevich Bestuzhev-Ryumin (1829–1897): A Biographical Sketch (To the 195th Anniversary of His Birth)

Leonid L. Balanyuk ^{a, *}, Svetlana A. Grimalskaya ^b, Olga V. Guseva ^c, Ul'yana I. Zubritskaya ^c

^a Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

Abstract

The paper attempts to create a biographical sketch about the outstanding historian Konstantin Nikolaevich Bestuzhev-Ryumin (1829–1897). The authors drew attention to the main events in the life of this scientist and divided his period of life into three chronological periods (Nizhny Novgorod, Moscow and St. Petersburg).

As materials, the authors used sources of personal origin, namely the memoirs of K.N. Bestuzhev-Ryumin, which were published after his death, namely in 1900. In his memoirs, V.K. Bestuzhev-Ryumin described the period of his life from childhood to 1860.

The authors conclude that the outstanding Russian historian, professor of St. Petersburg University K.N. Bestuzhev-Ryumin (1829–1897) has passed an interesting life path. Gifted and inquisitive by nature, he linked his life with history from childhood and began publishing in periodicals back in his high school years. After graduating from the Imperial Moscow University, he was a home teacher, taught Russian history to members of the imperial family. He tried his hand at editorial work, collaborated with edition “Otechestvennye Zapiski”, worked for “Moskovsky Vedomosti” and “Moskovskoe obozrenie”. But his main job was teaching at the Imperial St. Petersburg University, where he headed the Department of Russian History and for a long time was engaged in historiography and source studies, having trained a whole pleiad of outstanding students.

Keywords: Konstantin Nikolaevich Bestuzhev-Ryumin, 1829–1897, biography, Russian historian, Imperial Saint Petersburg University.

1. Введение

В 2024 г. исполнилось 195 лет со дня рождения русского историка Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829–1897 гг.), который был известен как специалист в области историографии и источниковедения русской истории, а также как руководитель Санкт-Петербургской школы историографии. В данной работе мы хотели бы обратиться к биографии этого выдающегося ученого и уточнить некоторые детали его личности.

2. Материалы и методы

В качестве материалов нами были использованы источники личного происхождения, а именно воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина, которые были изданы после его смерти, а именно в 1900 г. ([Воспоминания..., 1900](#)). В своих воспоминаниях В.К. Бестужев-Рюмин описывал период своей жизни с детского возраста и до 1860 г.

* Corresponding author

E-mail addresses: Balanyuk.LL@rea.ru (L.L. Balanyuk)

Методологически работа опирается на историко-биографический метод, который применяется в исследованиях при изучении человека и общества, в центре которого стоит изучение индивидуального жизненного пути. В данной работе мы хотели бы рассмотреть жизненный путь К.Н. Бестужева-Рюмина – человека, оставившего заметный след в изучении русской истории. Также в работе применен ретроспективный метод, позволивший нам сделать жизнеописание этого ученого с выделением трех жизненных хронологических периодов, а именно: Нижегородский период (1829–1847 гг.), Московский период (1847–1859 гг.) и Санкт-Петербургский период (1859–1897 гг.).

3. Обсуждение

Интерес к биографии и творчеству К.Н. Бестужева-Рюмина появился практически сразу после его смерти. Первым обстоятельную работу о его жизни и творчестве написал Е.В. Шмурло (Шмурло, 1899). Эта работа и сегодня является наиболее полным жизнеописанием К.Н. Бестужева-Рюмина.

В 1922 г. в Петрограде, уже после Гражданской войны, вышел еще один, на этот раз краткий, очерк о К.Н. Бестужева-Рюмене, автором которого был его ученик С.Ф. Платонов (Платонов, 1922). Однако наибольший интерес к жизни и творчеству К.Н. Бестужева-Рюмина проявили современные российские исследователи. Так, например, исследователи И.И. Фатыхова и А.Н. Худолеев обращались к биографии Константина Николаевича, в том числе в контексте изучения российских историков (Фатыхова, Худолеев, 2014; Худолеев, Фатыхова, 2015).

Обращался к наследию К.Н. Бестужева-Рюмина и А.В. Малинов, который рассмотрел теоретико-исторические и философские взгляды русского ученого (Малинов, 2005), а также вместе с соавтором С.В. Петряевым рассмотрел К.Н. Бестужева-Рюмина в контексте специалиста по российской историографии (Малинов, Петряев, 2020).

В свою очередь А.В. Хорошева обращалась к творчеству К.Н. Бестужева-Рюмина и рассматривала его как критика и популяризатора исторической науки (Хорошева, 2015). Е.Н. Мотовикова обращалась к теме «Страхов и К.Н. Бестужев-Рюмин: взаимность критического понимания» (Мотовикова, 2015). Были и другие работы, в которых эпизодически упоминалось наследие К.Н. Бестужева-Рюмина (Кашенко, Приймак, 2014).

4. Результаты

Нижегородский период (1829–1847 гг.)

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин родился 14 мая 1829 г. в деревне Кудрешки Нижегородской губернии в старинной дворянской семье. Его отец, Николай Павлович, питал особые чувства к русской истории и литературе и имел мечту, чтобы один из его сыновей стал профессором истории (Фатыхова, Худолеев, 2014: 28).

Обучать грамоте Константина начали рано, в 4 года, сперва обучали чтению, а с 5 лет – немецкому и французскому языкам (Воспоминания..., 1900: 10). В 1838-1840-х гг. находясь на домашнем обучении, Константин прочел всего Пушкина, Жуковского, Карамзина, Озерова, Фонвизина и других. Из серьезных сочинений, кроме «Истории государства Российского», прочел Плутарха, Бергманна, Берха о Романовых, Записки Манштейна и Устрялова (Воспоминания..., 1900: 12).

Среднее образование Константин Николаевич, как и многие представители дворянских семей (в том числе и его отец) (Воспоминания..., 1900: 5), получал в частном благородном пансионе (в данном случае пансион Л.Ф. Камбека), куда он был направлен в 1840 г. и где обучался первые пять классов. В 1845 г. Константин уговорил отца перевести его в Нижегородскую мужскую гимназию для продолжения образования, и в том же году Константин Николаевич был переведен (Воспоминания..., 1900: 15).

В своих воспоминаниях К.Н. Бестужев-Рюмин отмечал, что обучение в гимназии для него было легче чем в Благородном пансионе, так как в пансионе, помимо прочего, были еще законоведение и естественная история. Все свое свободное время Константин Николаевич посвящал чтению. Вскоре после начала обучения К.Н. Бестужев-Рюмин начал принимать участие в «литературных беседах», которые ежемесячно проводились в гимназии по определенным темам, это требовало больше времени на чтение, размышление и отработку слога. Будучи в последнем классе гимназии К.Н. Бестужев-Рюмин опубликовал в «Нижегородских ведомостях» и первые свои работы, которые были посвящены Фонвизину, Озерову, Гоголю и Крылову (Воспоминания..., 1900: 17).

В мае 1847 г. начались выпускные экзамены, на которые прибыла ревизия из Императорского Казанского университета. Экзамен был устроен жесткий: из 8 человек, допущенных к экзамену, сдали только трое, в том числе и К.Н. Бестужев-Рюмин (Воспоминания..., 1900: 19).

Московский период (1847–1859 гг.)

Забегая вперед, скажем, что этот период только условно можно назвать московским, так как в 1851–1853 гг. К.Н. Бестужев-Рюмин работал домашним учителем в имении Чичериных в Тамбовской губернии, а в 1854–1856 гг. преподавал в Нижнем Новгороде. Тем не менее большую часть времени он провел в Москве.

В июле того же 1847 г. К.Н. Бестужев-Рюмин переезжает в Москву. Здесь Константин Николаевич поступает на философский факультет (он же историко-филологический) Императорского Московского университета, но практически сразу переходит на юридический факультет (Хорошева, 2015: 117). Собственно, в истории с переходом на юридический факультет сильно повлияла прослушанная Бестужевым-Рюминым вступительная лекция профессора Редкина, которая заканчивалась словами: «Придите, сыны света и свободы, в область свободы!» (Воспоминания..., 1900: 20). Во время обучения на юридическом факультете, где, собственно история преподавалась практически в одинаковом объеме с философским факультетом, студент Бестужев-Рюмин слушал лекции профессоров П.Г. Редкина и К.Д. Кавелина.

На 1-м курсе университета К.Н. Бестужев-Рюмин написал две работы: о новгородских посадниках и о новгородских епископах. При подготовке этих работ ему пришлось познакомиться с летописями (Воспоминания..., 1900: 21).

На 2-м курсе Бестужеву-Рюмину преподавал профессор Т.Н. Грановский, который читал Среднюю историю. Об этом курсе в памяти К.Н. Бестужева-Рюмина остались только самые теплые воспоминания: «курс Грановского отличался изяществом построения, сжатою картинностью изложения. Это были очерки, но до того мастерские, что трудно приблизить к ним чье-либо изложение. Высокое, благородное чувство всегда отличало Грановского и много способствовало развитию слушателей...» (Воспоминания..., 1900: 23).

Русскую историю студентам на 2-м курсе читал знаменитый историк С.М. Соловьев. Об этом преподавании К.Н. Бестужев-Рюмин оставил следующие воспоминания: «в наше время лекции его (Соловьева) не были те блистательные очерки общего хода, которые слушали последующие поколения...; наши лекции состояли из краткого фактического очерка, прототипа его учебной книги с прибавкой нескольких лекций историографии» (Воспоминания..., 1900: 24).

Общий курс Соловьева по университетскому учебному плану следовал после курса Кавелина. В своих основах эти курсы мало чем отличались, разница была лишь в том, что Кавелин останавливался преимущественно на бытовой стороне, а Соловьев же выдвигал на первый план политическую историю (Шмурло, 1899: 39).

Нужно заметить, что в своих Воспоминаниях, изданных в 1900 г., К.Н. Бестужев-Рюмин писал о многих преподавателях, оживляя биографический портрет каждого искусными штрихами.

Забегая вперед, скажем, что после окончания университета в 1851 г. К.Н. Бестужев-Рюмин никогда не занимался юриспруденцией.

Еще до окончания университета, в 1851 г. Константин Николаевич по рекомендации профессора Грановского был приглашен в качестве домашнего учителя в семью Б.И. Чичерина (деревня Караул Тамбовской губернии) где проработал с августа 1851 г. вплоть до декабря 1853 г. За это время он обучал двух младших сыновей семьи Чичерина к поступлению в университет по всем предметам, исключая новые языки (Воспоминания..., 1900: 38).

После этого в 1854–1856 гг. он преподавал в Нижегородском кадетском корпусе (Воспоминания..., 1900: 44). После этого Константин Николаевич стал себя пробовать на научно-издательской работе. Первой его позицией на этом поприще был пост помощника редактора в «Московских ведомостях», который он занимал в 1856–1859 гг. (Воспоминания..., 1900: 46). Газета издавалась три раза в неделю объемом в 3 листа (лист официальный, лист политический и лист литературный).

Далее, в 1859 г. К.Н. Бестужев-Рюмин предпринимает неудачную попытку издания собственного журнала – «Московское обозрение», однако после издания двух номеров из-за малого количества подписчиков журнал закрылся. За это короткое время существования журнала в нем принимали участие в качестве авторов не только сам К.Н. Бестужев-Рюмин, но и К.К. Герц, Д.И. Иловайский, М.Ф. Де-Пуле, А.Ф. фон-Видерт, Р.Р. Штранман, князь Н.С. Назаров, А.Я. Пассовер и другие (Воспоминания..., 1900: 56-57).

Санкт-Петербургский период (1859–1897 гг.)

В это же время, с 1859 г. по 1865 г. Константин Николаевич активно сотрудничал с журналом «Отечественные записки» и газетой «Санкт-Петербургскими ведомостями». В 1861-1869 гг. был редактором отдела русской и славянской истории в «Энциклопедическом словаре» А.А. Краевского. В это же время, в период с 1863 по 1864 г. он редактировал «Записки Императорского географического общества».

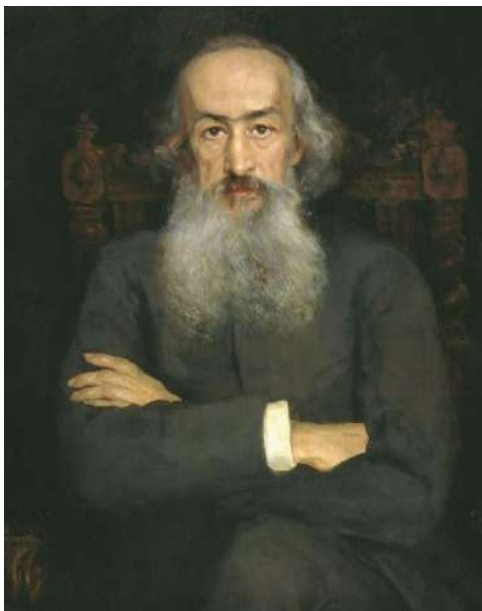
В 1865 г. К.Н. Бестужев-Рюмин был избран членом Археографической комиссии и вступил в члены Русского исторического общества (Фатыхова, Худолеев, 2014: 28).

Первыми послеуниверситетскими трудами К.Н. Бестужева-Рюмина были отзывы на работы Б.Н. Чичерина и С.М. Соловьева, в которых он выступал в поддержку русской народной школы. Много занимался Константин Николаевич переводами трудов.

В 1864 г. К.Н. Бестужев-Рюмин был приглашен преподавать русскую историю Великому князю Александру Александровичу (будущему императору Александру III). После этого Константин Николаевич вплоть до 1882 г. будет читать русскую историю членам императорской фамилии, среди

его августейших слушателей был и Великий князь Константин Константинович, в будущем президент Императорской Академии наук.

В 1865 г. К.Н. Бестужев-Рюмин ([Рисунок 1](#)) получает предложение занять кафедру русской истории Императорского Санкт-Петербургского университета. Уже с 31 мая 1868 г. он получает должность экстраординарного профессора, а спустя 11 дней – 11 июня 1868 становится ординарным профессором. Здесь же, в университете, он занимается научной работой над магистерской диссертацией. К.Н. Бестужев-Рюмин защитил диссертацию на тему: «О составе русских летописей до конца XIV века». И получил сразу докторскую степень, минуя магистерскую ([Хорошева, 2015: 117](#)).

Рис. 1. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897 гг.)

Свои лекции К.Н. Бестужев-Рюмин строил с учетом проблемного принципа, он любил находить спорные тезисы и подвергать их критике. В основу «Бестужевской» методики преподавания легло скрупулёзное изучение источников, разбор чужих мнений, а также аккуратное взвешивание противоположных теорий ([Фатыхова, Худолеев, 2014: 29](#)). Кроме историографии, значительное внимание Константин Николаевич уделял и источниковедению. По мнению Бестужева-Рюмина, «историк должен уделять внимание не только фактам, изложенным в источнике, но и самому источнику» ([Хорошева, 2015: 118](#)). Обстоятельства его создания, информация о его авторе, цель его создания могли рассказать не меньше, чем факты, изложенные в нем. Иными словами, К.Н. Бестужев-Рюмин во второй половине XIX века сделал немало для русского источниковедения, предложив проводить внутреннюю и внешнюю критику исторического источника.

В 1878–1882 гг. К.Н. Бестужев-Рюмин был первым директором Бестужевских Высших женских курсов, где на безвозмездной основе читал курс лекций по истории России ([Худолеев, Фатыхова, 2015: 45](#)). А.В. Хорошева в своей работе «К.Н. Бестужев-Рюмин: критик и популяризатор исторической науки» отмечала, что К.Н. Бестужев-Рюмин – это человек, который взялся за дело организации Санкт-Петербургских Высших женских курсов. Взятая за это дело в то время, когда отношение к женскому высшему образованию в обществе было противоречивым. Позднее курсы были названы его именем – «Бестужевскими» ([Хорошева, 2015: 117](#)).

Главной обобщающей работой К.Н. Бестужева-Рюмина была «Русская история» изданная в 2-х томах: Том 1 вышел в 1872 г.) ([Рисунок 2](#)), а Том 2 – в 1885 г. ([Хорошева, 2015: 117](#)). В этой работе автор представил свод источников с их более поздней интерпретацией, при этом особое внимание уделяется критическому обзору источников, начиная с археологических памятников до литературы и бытописания. После этого в работе был представлен краткий обзор содержания научных трудов по русской истории. По мнению Бестужева-Рюмина, в данном труде его задачей было дать читателю материал и разные интерпретации этого материала разными авторами, чтобы читатель мог сам во все вникнуть ([Фатыхова, Худолеев, 2014: 29](#)).

В 1884 г. К.Н. Бестужев-Рюмин вышел в отставку.

Спустя 6 лет в 1890 г. Императорская Академия наук избрала К.Н. Бестужева-Рюмина своим действительным членом (отделение русского языка и словесности). Свои последние годы он доживал почти постоянно больной, в кругу немногих близких людей и «среди книг, которые оставались до конца его верными, неизменными друзьями» ([Шмурло, 1899: 311](#)).

Рис. 2. Обложка книги «Русская история». Том 1.

Позднее, незадолго до своей смерти, 15 декабря 1896 г. он был принят почетным членом Русского Археологического общества ([Шмурло, 1899: 313](#)). За годы своей преподавательской работы К.Н. Бестужев-Рюмин вырастил целую плеяду выдающихся учеников, среди которых можно назвать: Е.Е. Замысловского, А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Платонова, В.И. Семевского, И.П. Сенигова и других.

2 января 1897 г. в Санкт-Петербурге Константин Николаевич Бестужев-Рюмин скончался на 68-м году жизни ([Шмурло, 1899: 313](#)).

5. Заключение

Подводя итоги, нельзя не отметить, что выдающийся русский историк, профессор Санкт-Петербургского университета К.Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897 гг.) прошел интересный жизненный путь. Даровитый и любознательный от природы, он с детства связал свою жизнь с историей и начал публиковаться в периодической печати еще в гимназические годы. После окончания Императорского Московского университета он был домашним учителем, преподавал русскую историю членам императорской семьи. Пробовал себя в редакторской работе, сотрудничал с «Отечественными записками», работал в «Московских ведомостях» и «Московском обозрении». Но главной его работой стала преподавательская деятельность в Императорском Санкт-Петербургском университете, где он возглавил кафедру русской истории и долгое время занимался историографией и источниковедением, подготовив целую плеяду выдающихся учеников.

Литература

[Воспоминания..., 1900](#) – Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 г.). Санкт-Петербург, 1900.

[Кащенко, Приймак, 2014](#) – *Кащенко С.Г., Приймак Н.И.* Источниковедение отечественной истории в Санкт-Петербургском университете (середина XIX – 1970-е гг.): формирование традиций // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2014. № 19. С. 147-168.

[Малинов, 2005](#) – *Малинов А.В.* К.Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб., 2005.

[Малинов, Петряев, 2020](#) – *Малинов А.В., Петряев С.В.* Мастера российской историографии: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829-1897 гг.) // *Исторический архив*. 2020. № 1. С. 122-137.

[Мотовникова, 2015](#) – *Мотовникова Е.Н.* Н.Н. Страхов и К.Н. Бестужев-Рюмин: взаимность критического понимания // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2015. № 16(2). С. 58-67.

[Платонов, 1922](#) – *Платонов С.Ф.* К.Н. Бестужев-Рюмин // *Русский исторический журнал*. 1922. № 8.

[Фатыхова, Худолеев, 2014](#) – *Фатыхова И.И., Худолеев А.Н.* К.Н. Бестужев-Рюмин: страницы исторической биографии // *Научные исследования и разработки молодых ученых*. 2014. № 1. С. 27-30.

[Хорошева, 2015](#) – *Хорошева А.В.* К.Н. Бестужев-Рюмин: критик и популяризатор исторической науки // *Вестник Литературного института им. А.М. Горького*. 2015. № 1. С. 117-118.

Худолеев, Фатыхова, 2015 – Худолеев А.Н., Фатыхова И.И. Портреты отечественных историков: Н.И. Костомаров, К.Н. Бестужев-Рюмин, Д.И. Иловайский // *Новый взгляд. Международный научный вестник*. 2015. № 7. С. 41-49.

Шмурло, 1899 – Шмурло Е.В. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829-1897 гг. Юрьев, 1899.

References

Fatykhova, Khudoleev, 2014 – Fatykhova, I.I., Khudoleev, A.N. (2014). K.N. Bestuzhev-Ryumin: stranitsy istoricheskoi biografii [K.N. Bestuzhev-Ryumin: pages of historical biography]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh*. 1: 27-30. [in Russian]

Kashchenko, Priimak, 2014 – Kashchenko, S.G., Priimak, N.I. (2014). Istochnikovedenie otechestvennoi istorii v Sankt-Peterburgskom universitete (seredina XIX – 1970-e gg.): formirovanie traditsii [Source study of Russian history at St. Petersburg University (mid-19th – 1970s): formation of traditions]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 19: 147-168. [in Russian]

Khorosheva, 2015 – Khorosheva, A.V. (2015). K.N. Bestuzhev-Ryumin: kritik i populyarizator istoricheskoi nauki [Bestuzhev-Ryumin: critic and popularizer of historical science]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo*. 1: 117-118. [in Russian]

Khudoleev, Fatykhova, 2015 – Khudoleev, A.N., Fatykhova, I.I. (2015). Portrety otechestvennykh istorikov: N.I. Kostomarov, K.N. Bestuzhev-Ryumin, D.I. Ilovaiskii [Portraits of Russian historians: N.I. Kostomarov, K.N. Bestuzhev-Ryumin, D.I. Ilovaiskii]. *Novyi vzglyad. Mezhdunarodnyi nauchnyi vestnik*. 7: 41-49. [in Russian]

Malinov, 2005 – Malinov, A.V. (2005). K.N. Bestuzhev-Ryumin: ocherk teoretiko-istoricheskikh i filosofskikh vzglyadov [K.N. Bestuzhev-Ryumin: an essay on theoretical, historical and philosophical views]. SPb. [in Russian]

Malinov, Petryaev, 2020 – Malinov, A.V., Petryaev, S.V. (2020). Mastera rossiiskoi istoriografii: Konstantin Nikolaevich Bestuzhev-Ryumin (1829-1897 gg.) [Masters of Russian historiography: Konstantin Nikolaevich Bestuzhev-Ryumin (1829-1897)]. *Istoricheskii arkhiv*. 1: 122-137. [in Russian]

Motovnikova, 2015 – Motovnikova, E.N. (2015). N.N. Strakhov i K.N. Bestuzhev-Ryumin: vzaimnost' kriticheskogo ponimaniya [N.N. Strakhov and K.N. Bestuzhev-Ryumin: reciprocity of critical understanding]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 16(2): 58-67. [in Russian]

Platonov, 1922 – Platonov, S.F. (1922). K.N. Bestuzhev-Ryumin [K.N. Bestuzhev-Ryumin]. *Russkii istoricheskii zhurnal*. 8. [in Russian]

Shmurlo, 1899 – Shmurlo, E.V. (1899). Ocherk zhizni i nauchnoi deyatel'nosti Konstantina Nikolaevicha Bestuzheva-Ryumina. 1829-1897 gg. [Essay on the life and scientific activities of Konstantin Nikolaevich Bestuzhev-Ryumin. 1829-1897]. Yur'ev. [in Russian]

Vospominaniya..., 1900 – Vospominaniya K.N. Bestuzheva-Ryumina (do 1860 g.) [Memoirs of K.N. Bestuzhev-Ryumin (until 1860)]. Sankt-Peterburg, 1900. [in Russian]

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897 гг.): биографический очерк (к 195-летию со дня рождения)

Леонид Леонидович Баланюк ^{a, *}, Светлана Александровна Гримальская ^b,
Ольга Владимировна Гусева ^c, Ульяна Игоревна Зубрицкая ^c

^a Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^c Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе делается попытка создания биографического очерка о выдающемся историке Константине Николаевиче Бестужева-Рюмине (1829–1897 гг.). Авторы обратили внимание на основные события в жизни этого ученого и разделили его период жизни на три хронологических периода (Нижегородский, Московский и Санкт-Петербургский).

В качестве материалов авторами были использованы источники личного происхождения, а именно воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина, которые были изданы после его смерти, а именно в 1900 г. В своих воспоминаниях В.К. Бестужев-Рюмин описывал период своей жизни с детского возраста и до 1860 г.

В заключении авторы отмечают, что выдающийся русский историк, профессор Санкт-Петербургского университета К.Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897 гг.) прошел интересный жизненный

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Balanyuk.LL@rea.ru (Л.Л. Баланюк)

путь. Даровитый и любознательный от природы, он с детства связал свою жизнь с историей и начал публиковаться в периодической печати еще в гимназические годы. После окончания Императорского Московского университета он был домашним учителем, преподавал русскую историю членам императорской семьи. Пробовал себя в редакторской работе, сотрудничал с «Отечественными записками», работал в «Московских ведомостях» и «Московском обозрении». Но главной его работой стала преподавательская деятельность в Императорском Санкт-Петербургском университете, где он возглавил кафедру русской истории и долгое время занимался историографией и источниковедением, подготовив целую плеяду выдающихся учеников.

Ключевые слова: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин, 1829–1897 гг., биография, русский историк, Императорский Санкт-Петербургский университет.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 115-128
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.115

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Arrest of Khivan Subjects in the Russian Empire in 1836 and Russian Struggle Against Slave Trade in Middle Asia. Part II

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to a well-known yet not specifically studied event, the arrest of Khivan subjects in the Russian Empire in 1836. Different authors offer diametrically opposed interpretations of this event: thus, the Russian researcher R.Yu. Pochekaev views it as an act of self-defense caused by the Khiva-inspired attacks on the Russian subjects, but the British researcher A. Morrison considers it the first step towards the escalation of a conflict which ended with the Khivan campaign. We will consider this event from the point of view of microhistory rather than the history of states and regions, concentrating the attention on the individual strategies and fates of different people connected with the arrest of Khivans, and in doing so we will rely on archive materials, predominantly the documentation of the Orenburg Border Commission.

In the second part of the article, the author comes to four main conclusions. First, the attitude of the Orenburg authorities towards the arrested Khivans was extremely negative, and the Orenburg Military Governor V.A. Perovsky was demonstrating blatant xenophobia, as a result of which even the mistakenly arrested Bukharians and “Kirgiztsy” (an erroneous term used by Russian officials of the time to call various native ethnicities of the region) were not released from Russian captivity. The Khivans were kept in a specially designated building and on extremely small funds, their visits with families were limited, and as a result, 43 of the arrested in Orenburg did not survive Russian captivity. Second, such an attitude towards the arrested Khivans was not universal for the Russian Empire: much better conditions were created for them in Astrakhan, first of all, by allowing them to live in appartements and by allocating them times more funds for daily expanses. Third, the arrest of Khivans didn't give the results in terms of fighting the slave trade which G.F. Gens had hoped for: for the first two years, before Khiva learned about the impending military expedition against her, only 30 Russian subjects were released from Khivan captivity. And, finally, fourth, the Russian authorities were able to achieve success fighting Khivan slave trade in Middle Asia in 1820–1830s only by extremely brutal methods, the number of victims of which is comparable to the number of victims of said slave trade: in the case of the arrest of Khivans they, to free 30 Russian subjects, had to take no less than 400 hostages, of whom more than 40 died in captivity, and the military campaign to Khiva that allowed to free almost 500 slaves from there had cost, by various estimations, 1 000-3 000 dead Russian soldiers.

Keywords: hostages, slavery, captivity, Central Asia, Khanate of Khiva, Orenburg Governorate, V.A. Perovsky.

1. Введение

Если первая часть нашей статьи была посвящена предыстории массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи, то во второй части мы будем писать о жизни хивинцев в плену и о результатах их задержания. Однако прежде чем перейти к основной части нашей статьи, сделаем ряд важных оговорок.

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

Прежде всего, мы совершенно осознанно не будем касаться сюжетов о том, почему задержать хивинцев русские власти решили именно в 1836 г. и как, собственно, проводилось это задержание. Еще М.А. Терентьев в фундаментальной «Истории завоевания Средней Азии» писал, что «летом 1836 года последовало Высочайшее повеление о задержании, как на оренбургской и сибирской линиях, так и в гор. Астрахани, всех хивинцев» (Терентьев, 1906: 110). В результате сюжет о событиях, непосредственно предшествовавших задержанию хивинцев, выходит за рамки микроистории: при его описании неизбежно придется изучить не позиции отдельных чиновников, но политику Николая I в отношении Средней Азии, т. е. делать как раз то, чего мы в своем исследовании хотим избежать.

Что же касается хода задержания хивинцев, то в связи с ним мы сталкиваемся с другой проблемой. Мы не располагаем делопроизводственными документами, описывающими задержание хивинцев непосредственно по его ходу. Создаваемые же постфактум нарративы русских чиновников о Средней Азии часто крайне идеологизированы и содержат грубые неточности. Так, лично В.А. Перовский упоминал события, связанные с задержанием хивинцев, в своем итоговом отчете по управлению краем. Однако его текст имеет ярко выраженные черты ксенофобии и оправдания собственных ошибок. Военный губернатор даже утверждал, будто бы принятые им в 1836 г. меры (задержание хивинцев и прекращение торговли с Хивой) дали ожидаемый эффект: Хивинское ханство якобы «ощутило недостаток в нужнейших произведениях, которыми исключительно снабжает и может снабдить Хиву Россия» (без уточнения их наименований), «цены на эти произведения повысились непомерно», а «хивинские же произведения, как, например, хлопчатая бумага, подешевела на 50 %» (Отчет..., 2010: 80). То, что хивинцы в такой ситуации все равно не выполнили ультиматумы России, В.А. Перовский связывал исключительно с их «невежеством, фанатизмом, мусульманской гордостью и слепой самоуверенностью» (Отчет..., 2010: 80). Некоторые современные авторы вполне доверяют подобным свидетельствам, например, Р.Ю. Почекаев со ссылкой на отчет В.А. Перовского и документацию Министерства иностранных дел Российской империи утверждает, что «цены на русские товары в Хиве выросли от 15 до 90 %, стоимость же хивинских товаров (в первую очередь хлопчатой бумаги) упала вдвое» (Почекаев, 2017: 213). С нашей точки зрения, свидетельства русских чиновников о результатах предложенных ими мер, доказывающие, что ожидаемый результат был достигнут, но не дал ожидаемого эффекта по «невежеству» хивинцев, не заслуживают ни малейшего доверия (если, конечно, они не подтверждаются иными источниками).

В пользу этого свидетельствует и то, что отчет В.А. Перовского содержит недостоверную информацию даже по тем вопросам, которые касались ситуации в Оренбургской губернии и легко могли быть уточнены ее губернатором. Так, как раз описывая интересующий нас сюжет задержания хивинцев, В.А. Перовский допустил грубую ошибку, очевидную при сличении его текста с материалами Оренбургской пограничной комиссии. Оренбургский губернатор писал о выполненном им приказе императора «задержать на юго-восточной границе России всех хивинских купцов» (Отчет..., 2010: 80). Между тем из материалов Оренбургской пограничной комиссии следует, что в числе задержанных хивинцев были «работники купцов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 19) и люди, занимавшиеся «препровождением Караванов Бухарских и Хивинских на своих верблюдах из платы», т.е. киргизцы-проводники (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 46-47). Таким образом, неверным оказывается уже восходящее к текстам русских чиновников определение всех задержанных хивинцев исключительно как «купцов» (определение Р.Ю. Почекаева) (Почекаев, 2017: 212) или «merchants» (определение, которое предлагает А. Morrison) (Morrison, 2021: 89). Избежать подобных ошибок можно только одним способом: отказавшись от описания тех сюжетов, для изучения которых мы не располагаем первичными источниками, созданными по ходу событий их непосредственными наблюдателями и описывающими ситуацию на уровне частных фактов и судеб отдельных людей, без широких обобщений.

Выполненное нами описание содержания хивинцев в русском плену тоже крайне неполно, поскольку на имеющуюся у нас источниковую базу крайне негативно повлияла ксенофобия русских чиновников. Положение пленных, их чувства, даже их быт в сохранившихся документах оренбургского пограничного начальства описываются редко и крайне отрывочно. Чаще всего в деле о содержании хивинцев в Оренбургской губернии встречаются документы двух тематических групп: документы финансовые (В.А. Перовский неоднократно поднимал вопрос о том, «не оставалось ли какой-либо экономии от довольствия Хивинцев») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 155) и документы о смертях заложников, причем многие из них крайне лапидарны («Командующий Уральским Казачьим войском Подполковник Назаров от 25 Апреля уведомил Пограничную Комиссию, что из числа содержащихся в городе Уральске Хивинцев один, Ишнияз Бакиев, 17 числа Апреля от продолжительной болезни умер» – это полный, не считая чисто делопроизводственных элементов, текст одного из документов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 309). В то же время дошедшие до нас немногочисленные жалобы самих хивинцев и их родных на тяжесть русского плена крайне велеречивы и риторически приукрашены (например, к цесаревичу Александру Николаевичу они обращались так: «Царь и Повелитель Вселенной, питатель и утешитель бедных, щедрый, великий и могущественный, как Соломон, правосудный Государь») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 131).

В полной мере доверять им нельзя уже из-за подобной гиперболизированной стилистики, даже если учитывать возможность сознательной лжи заложников для улучшения своего положения.

В результате русский нарратив о задержанных хивинцах крайне сух, отрывочен и раскрывает преимущественно вопрос о том, сколько на заложников уходило денег. Нарратив хивинских пленников, напротив, настолько эмоционален и насыщен трагическими элементами, что очевидна его риторическая природа, соответствующая среднеазиатским традициям обращения к чиновникам. Поэтому в своем описании пребывания хивинцев в русском плену мы сосредоточимся в основном на четырех вещах, возможно, не самых важных, но именно тех, которые можно объективно оценить на основании крайне специфической делопроизводственной документации. Мы сосредоточимся на том, кто вообще был захвачен русскими властями; на том, как финансировалось содержание пленных; на том, как русские чиновники реагировали на прошения хивинцев; и на том, сколько хивинцев не дожило до освобождения.

2. Материалы и методы

Как и в первой части нашей статьи, мы будем изучать ситуацию с хивинскими пленниками на уровне микроистории, рассматривая их не как своеобразный козырь во время дипломатической игры Российской империи и Хивы в 1836–1839 гг., а как жертв этой игры. Соответственно, нас будут интересовать не действия русских и хивинских центральных властей, а индивидуальные стратегии русских региональных чиновников, получивших приказ задержать хивинцев. Напомним, что, согласно К. Гинзбургу, «всякая социальная конфигурация является результатом взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий: плотным переплетением, восстановить которое под силу лишь приближенному наблюдению» (Гинзбург, 2004: 312). И как раз на основе разбираемого в этой части нашей статьи материала мы сможем убедиться, что социальная конфигурация, сложившаяся в среде оренбургских пограничных властей, влияла на логику российской политики в Средней Азии в целом. А, в свою очередь, эта социальная конфигурация была в значительной степени следствием индивидуальной стратегии В.А. Перовского, специфику которой мы реконструируем в ходе своего исследования. При этом мы также покажем, что данная стратегия была именно индивидуальной: в соседней Астрахани губернатор И.С. Тимирязев занял по отношению к хивинцам совершенно иную позицию (что, в свою очередь, породило совершенно иную социальную конфигурацию в регионе для задержанных хивинцев). Опираясь мы будем, как и в первой части нашей статьи, исключительно на архивные источники, на дело оренбургских властей о содержании хивинских пленников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996).

Аналогичным образом, с позиции микроистории, мы будем анализировать и последствия массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи в 1836 г. Нас не будет интересовать влияние данного события на авторитет России в Средней Азии, реакция на него британских агентов и т. п. Мы обратимся преимущественно к вопросу о том, помогло ли задержание хивинцев решить задачу, которую с его помощью планировал решить Г.Ф. Генс в записке «О находящихся в Хиве российских пленниках»: были ли «освобождены из Хивы все Российские пленники», и вообще сколько русских рабов удалось освободить русским чиновникам столь экзотическим путем, путем задержания подданных страны, которой не была объявлена война. Соответственно, мы обратимся к материалам о вышедших из Хивы русских подданных: для 1837 г. это архивные материалы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1), а для 1839 г. – материалы опубликованные (Ermachkov, 2021: 26-34). При этом нас все еще будет интересовать индивидуальная стратегия В.А. Перовского в борьбе со среднеазиатским рабовладением.

3. Обсуждение

Поскольку общую характеристику работ, в которых упоминается массовый захват хивинских подданных на территории Российской империи в 1836 г., мы уже давали в первой части нашей статьи, здесь отметим лишь, что до сих пор единственным текстом, в котором сообщается хоть какая-то информация о том, как задержанные хивинцы жили в русском плену, остается «История завоевания Средней Азии» М.А. Терентьева. Информация эта, однако, сводится к тому, что злокозненные хивинцы все время пытались обманывать честных русских чиновников: «Задержанные прибегали ко всевозможным уловкам: отказывались от подданства Хивы, уверяли, что товары принадлежат не им, а бухарцам; некоторые даже заявляли желание вступить в русское подданство, но все это оставлено без внимания» (Терентьев, 1906: 111). Как мы увидим далее, действительности соответствует только то, что русские власти оставляли жалобы хивинцев без внимания. Некоторые же из этих жалоб отнюдь не были уловками, но подтверждались независимыми источниками.

4. Результаты

Хивинские пленники в Оренбуржье

В августе-сентябре 1836 г. только в Оренбурге было задержано 372 хивинца (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 5-50б.). Об отношении местных властей к заложникам лучше всего свидетельствует документ, отправленный оренбургским военным губернатором В.А. Перовским к К.В. Нессельроде

сразу же после этих событий. Русское правительство изначально не собиралось оплачивать содержания пленников, рассчитывая, что все расходы на них будут компенсироваться за счет их собственного имущества: дословно предполагалось «выдавать каждому по мере нужд и требований необходимое для содержания количество денег с учетом из собственности его» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1). Однако В.А. Перовского данный вариант не устроил, причем его риторика столь показательна, что мы приведем соответствующее место целиком: «Если рассчитываться с каждым человеком порознь, то, при тупости, скрытности и сварливости Азиатцов, надобно почти на каждого из них по пристапу, который, сверх того, должен бы вооружиться необыкновенным терпением, чтобы расспросить, рассчитать и вразумить каждого; надобно было бы при этом входить в частные расчеты каждого из них, и расчетам этим не было бы конца» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1). В итоге В.А. Перовский предлагал выделять на каждого задержанного 25 коп. в сутки, компенсируя потом эти расходы из их имущества, а если у кого-то имущества не окажется, то за счет имущества других заложников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 106-2).

Оренбургская пограничная комиссия нашла даже такое финансирование пленников избыточным и предложила сократить его до 20 коп. в сутки (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 170б.). В.А. Перовский данное предложение немедленно одобрил (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 18). А вот у имперских властей возникли вопросы: министр финансов Е.Ф. Канкрин писал В.А. Перовскому, что лично К.В. Нессельроде считал содержание в 25 коп. в сутки совершенно недостаточным, и в итоге Николай I повелел выделять 50 коп. в сутки на пленника и не требовать с них компенсации этих расходов за счет имущества (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 38-38об.). Однако В.А. Перовский продолжил доказывать, что больше 25 коп. на пленника в день выделять никак нельзя, ибо они и так «довольствуются весьма хорошо», а увеличение финансирования увеличит расходы казны и приведет к злоупотреблениям (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 39-40). В итоге 25 ноября 1836 г. было утверждено, что финансирование задержанных в Оренбурге хивинцев будет производиться за счет казны, но выделяться при этом им будет только 25 коп. на человека в сутки (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 79).

Когда с задержанных начали собирать показания, 14 из них сказались вообще не хивинцами, а бухарцами, киргизцами, а один даже «аравитянином» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 44-45). Именно в данном случае русские власти первоначально сочли нужным проверить полученную от заложников информацию: Оренбургская пограничная комиссия, обратившись к лояльным России бухарцам и киргизцам, получила подтверждения показаний некоторых пленников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 45-47). Показания остальных не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, но ни одного случая лжи русскими чиновниками выявлено не было (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 45-47). Однако В.А. Перовский отказался отпускать задержанных со следующим обоснованием: «Показания эти кажутся мне частью подозрительными, а свидетельство караванного начальника Атамбаева в глазах моих никакого весу не имеет» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 44). Следов дальнейшей проверки показаний хивинских пленников русскими властями нам обнаружить не удалось, но августе 1837 г. проезжавший Оренбург бухарский посланник Караул-Бек Курбан-Бек Ашурбеков сам обратился в Оренбургскую пограничную комиссию, подтвердив показания 4 задержанных, назвавших себя бухарскими подданными, и требуя их немедленно освободить или хотя бы сообщить бухарскому эмиру об их задержании (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 129-130). В.А. Перовский ответил согласием (снова обращаем внимание на саму риторику текста): «Освободить, объявив посланнику, что за таковым уважением его ходатайства Русское Правительство надеется, что затем и Бухарский Владыка не затруднится выдачей задержанных в Бухаре Русских подданных» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 129). Таким образом, русские власти не просто ошибочно задержали людей, не являвшихся хивинскими подданными. После того как предварительное расследование подтвердило тот факт, что в числе заложников есть киргизцы и бухарцы, это расследование фактически свернули, а ошибочно задержанных оставили в плену, ничего не сообщив бухарскому правительству. Для двух захваченных это имело роковые последствия. Был еще один, пятый, заложник, позиционировавший себя как «Бухарский подданный», Ирмаммет Тюребеков (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 44), но до августа 1837 г. он просто не дожил, скончавшись в ночь с 23 на 24 ноября 1836 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 68-68об.). 6 июня 1839 г. умер Чука Байджулов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 255), который в показаниях «назвался Киргизским Ходжой, кочующим в Байулинском роде на реке Эмбе» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 45.).

Вообще смертность среди захваченных хивинцев была заметной. В их числе были старики и больные. Так, в октябре 1836 г. выяснилось, что один из задержанных, Баба Мамет-назаров, абсолютно слеп (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 48-48об.). Только после этого Оренбургская пограничная комиссия обратилась к В.А. Перовскому, чтобы «покорнейше просить предписания, не благоугодно ли будет приказать поименованного Хивинца во избежание напрасных для него издержек освободить из-под стражи и отослать в Оренбургскую Таможню для выпровождения в его отчину» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 48об.). Когда оказалось, что караванов из Оренбурга в ближайшее время не выходит, Оренбургская пограничная комиссия передала Мамет-назарова бухарцу Мирхалиму Мирхусеинову, взявшему на себя расходы по его содержанию (ОГАОО. Ф. 6.

Оп. 10. Д. 4996. Л. 56-560б.). Но это единственный случай освобождения больного хивинца, который нам удалось выявить. Обычно же больных только отправляли в военный госпиталь. Например, в том же октябре тяжело заболел хивинец Мадамин Джаббаркулов, семья которого находилась в Оренбурге, и штатный врач пограничной комиссии рекомендовал отпустить его для излечения на квартиру, поскольку «для совершенного поправления здоровья его нужно ему спокойствие и тишина, а также и пища по слабости его переменная и по вкусу» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 49-490б.). Все тот же бухарец Мирхалим Мирхусеинов выразил готовность выступить поручителем за пленника, после чего Оренбургская пограничная комиссия рекомендовала отпустить его на поруки сроком до недели (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 490б-50). Но В.А. Перовский на соответствующий документ резолюцию: «Согласен, но для лучшего его пользования полагал бы лучше отправить его в госпиталь» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 49). Что же касается возраста задержанных, то, например, 2 февраля 1839 г. умер хивинец Ибрагим Джабаркулов «по старости лет, коих имел от роду 80» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 237). Упомянутому выше Чуке Байджулову на момент смерти, по данным русских властей, вообще было 85 лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 255).

Опишем детально все случаи смерти хивинских заложников, задержанных в Оренбурге, за первый календарный год их содержания под стражей, т. е. за сентябрь-декабрь 1836 г. Первая смерть произошла 17 сентября. От неуказанной болезни скончался Яхья Ходжибаев, всего за день до этого переведенный из артиллерийского лагеря, где первое время держали пленников, в госпиталь (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 20). 2 октября в артиллерийском лагере умер Доснияз Павланкулов: он болел давно, «тело его все пожелтело», но якобы другие хивинцы «полагали его не трудно больным и никому о том не сказывали» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 26-260б.). В ночь с 23 на 24 ноября умер, как мы упоминали выше, Ирмаммет Тюребеков: он болел «простой желудочной горячкой», но его болезнь не сочли тяжелой и не отправили в госпиталь из дома, куда перевели хивинцев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 68-680б.). На следующую ночь, с 24 на 25 ноября, умер Ходжанияз Абдуллин, причем снова оказалось, что ему нездоровилось давно, но это не принимали всерьез. В показаниях его соседей по комнате говорилось, что покойный «никогда не жаловался на болезнь, как только изредка говорил иногда, что у него болит голова, но боль эту относили к тому, что она происходит от тепла в комнатах» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 73). 26 ноября в госпитале умер от гнилой горячки Исмаил Хасанов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 77). 13 декабря там же и по той же причине скончался Шир-нияз Кулвейзов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 91). В ночь на 30 декабря умер Мухамет Пана Мухамметьрасулев, «одержимый застарелым неизлечимым удушьем» и последние месяцы постоянно принимавший некие лекарства (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 92). Наконец, около полуночи в ночь с 31 декабря 1836 г. на 1 января 1837 г. умер от нервной горячки Юсуп Регинов. Причем из оренбургского военного госпиталя жаловались, что больного доставили к ним в безнадежном состоянии, а штатный лекарь оренбургской пограничной комиссии это отрицал (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 94-95).

Поскольку чем дальше, тем менее подробно русские власти сообщали о смертях хивинцев, мы не будем реконструировать детали дальнейших смертей, но сведем всю информацию по данному вопросу (для заложников, задержанных в Оренбурге) в одну таблицу:

Таблица 1. Данные по смертности хивинцев

Период	Число хивинцев на начало периода	Умерло за период	Смертность в месяц	Расчетная годовая смертность
Сентябрь-декабрь 1836 г. (4 месяца)	372	8	2	24 (6,4 %)
Январь-июнь 1837 г. (6 месяцев)	364	6	1	12 (3,3 %)
Июль-декабрь 1837 г. (6 месяцев)	358	3	0,5	6 (1,7 %)
Январь-июнь 1838 г. (6 месяцев)	350 (5 освобождено в предыдущий период)	5	0,83	10 (2,8 %)
Июль-декабрь 1838 г. (6 месяцев)	345	5	0,83	10 (2,9 %)
Январь-июнь 1839 г. (6 месяцев)	352 (12 захвачено в предыдущий период)	4	0,67	8 (2,3 %)
Июль-декабрь 1839 г.	348	1 (?)	0,17	2 (0,6 %)

(6 месяцев)				
Январь-июнь 1840 г. (6 месяцев)	347	11	1,83	22 (6,5 %)
Всего за сентябрь 1836 г.- июнь 1840 г. (46 месяцев)	372+12	43 (12,5 %)	0,93	11 (3 %)

Источник: ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 20-321; Терентьев, 1906: 112-113

С учетом неоднократно зафиксированного нами ксенофобского отношения русских властей к хивинцам смерть части заложников могла остаться незафиксированной в делопроизводственной документации. Нам кажется крайне необычным, что с июля по декабрь 1839 г. отмечена смерть всего одного хивинца, а именно в это время пограничные власти готовились к военной экспедиции против Хивы и могли менее внимательно относиться к рутинной документации. Таким образом, приведенные нами данные являются минимальной оценкой смертей хивинских заложников в русском плену и могут в дальнейшем быть несколько скорректированы в сторону увеличения. Но даже из них следует, что четыре года русского плена не пережило 43 хивинца, т. е. умер примерно каждый десятый.

Страдало и имущество хивинцев. 4 октября 1837 г. русские солдаты, охранявшие конфискованные у хивинских торговцев товары, украли какую-то их часть (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 157-1570б.). 9 октября один из этих солдат, В. Хапов, был замечен офицером, когда продавал красное сукно. После расспросов он сознался, что украл его из конфискованных хивинских товаров (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 157-1570б.). Была произведена проверка имущества хивинцев, хранившегося опечатанным на гостинном дворе, и оказалось, что повреждены печати на дверях двух помещений: в одном из них взломали 4 больших сундука (еще один пытались взломать, но не смогли), а в другом – 4 больших и 3 малых сундука (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1570б-158). К сожалению, архивных материалов о дальнейших событиях, прежде всего о том, компенсировали ли хивинцам украденное, нам обнаружить не удалось.

Впрочем, куда более серьезным был не прямой, а косвенный ущерб, нанесенный десяткам хивинских семей задержанием на четыре года сильных и работоспособных мужчин. Уже в ноябре 1836 г. к председателю Оренбургской пограничной комиссии, т. е. к Г.Ф. Генсу, обратилось несколько хивинцев, чьи родные на момент их задержания находились в Оренбурге и в Сеитовском посаде. Эти люди просили отпустить их к семьям, ссылаясь на «нужду тех семейств в содержании» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 55-550б.). Как мы помним, в записке «О находящихся в Хиве российских пленниках» Г.Ф. Генс указывал на то, что семьи захваченных в рабство русских подданных «находятся частью без способов к пропитанию», и призывал к жестким мерам против хивинцев, в том числе, и на этом основании. Однако, когда в аналогичной ситуации оказались семьи задержанных русскими властями хивинцев, Г.Ф. Генс и возглавляемая им комиссия повели себя более чем двусмысленно: они сочли себя «не в праве отказать в изъясненной просьбе» и оставили этот вопрос на разрешение В.А. Перовскому, но одновременно сообщали ему, что находят «неудобным удовлетворить таковую просьбу Хивинцев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 55-550б.). Оренбургский военный губернатор был лаконичен и наложил на дело резолюцию из одного слова: «Отказать» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 55). Летом 1837 г. 11 хивинцев подали прошение уже на имя цесаревича Александра Николаевича, живописуя тяжкое положение своих родных («семейства наши, будучи принуждены сносить голод и наготу, со слезами приходят к нам») и умоляя отпустить их жить вместе с семьями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 131-1310б.). «Удовлетворение просьбы их оказывается неудобным», – отвечал В.А. Перовский (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 131-132). Не удовлетворялись даже прошения о том, чтобы дать хивинцам чаще видеться со своими семьями. Самый пронзительный из подобных документов был подан в начале 1839 г. начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса П.И. Рокасовскому: в нем 11 пленников сообщали, что «в продолжение 6-ти месяцев не имели случая видеться с нашими семействами» и «есть слух, будто у одного из нас умерла жена, но настоящего узнать не имеем возможности», после чего просили разрешить им ежедневно ходить под конвоем на свидания с родными (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 240-2400б.). «Настоящая просьба их удовлетворена быть не может», – отвечал П.И. Рокасовский в том же стиле, что и В.А. Перовский (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 242).

Прошения об облегчении участи их мужей подавали и жены задержанных хивинцев. 27 апреля 1839 г. В.А. Перовский получил прошение от нескольких женщин, не подписавших свои фамилии, которые жаловались: «Мы, женщины без мужей, пропитывать себя никакого состояния и средства не имеем, живем без одежды, и дети наши плачут от голода, нет нам возможности продолжать жизнь. А хозяева выгоняют нас из квартир потому, что мы за квартиру платить не в состоянии» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 265). Не вполне понятны дата и адресат прошения еще одной женщины, Халиды Султангуловой, умолявшей выпустить ее мужа, Атабая Мир-Аитова, из тюремного замка хотя бы в

дом к остальным хивинцам, ссылаясь на то, что он, «будучи немолодых лет, удручен печалью о участи своей по Хивинскому делу, сделался нездоровым, имеет у себя Четверых малолетних детей, коих я пропитываю своими трудами, о коих он весьма соболезнует» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 233). Оба этих прошения удовлетворены не были (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 233, 265).

Логику столь жестокого отношения русских властей к задержанным хивинцам лучше всего иллюстрирует как раз случай Аттабая Мир-Аитова. Выше мы упоминали вырванного из Хивы урядника Попова, утверждавшего, что одного из переписывавшихся с русскими властями рабов, Е. Шукина, живым закопали в землю. Согласно его показаниям, основой для обвинений хивинских властей в адрес Е. Шукина послужили сведения, сообщенные из Оренбурга задержанными хивинцами Мадамином Джаббаркуловым, Разумбаем Юсуповым и Аттабаем Мир-Аитовым (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 234). На этом основании было начато расследование. Трех подозреваемых хивинцев перевели в тюремный замок, однако найти других доказательств их вины не вышло: внятной информации о том, кому и что именно они писали в Хиву просто не удалось получить (либо с учетом специфики отношения русских чиновников к хивинцам эта информация не удовлетворила их, из-за чего и была сочтена не заслуживающей доверия) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 234об.). В итоге Оренбургская пограничная комиссия приняла очередное крайне двусмысленное решение: она признала вину хивинцев не доказанной, но при этом оставила их под подозрением и решила дальше держать в тюремном замке, «дабы не подать послабления другим Хивинцам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 234об-235).

Все описанные нами факты, от характеристик В.А. Перовским хивинских пленников до нежелания давать заложникам «послабления», от максимального урезания содержания задержанных до неверия тем из них, кто называл себя бухарцами и киргизцами, рисуют своеобразную, но вполне законченную картину. Отношение оренбургского начальства к задержанным хивинцам изначально было крайне плохим и оставалось таким весь срок их заключения. Сочувствие у В.А. Перовского и Г.Ф. Генса вызывали только русские пленники в Хиве, но не хивинские пленники в Оренбурге. Показательна сама риторика оренбургского начальства: с его точки зрения, если в Хиве в рабстве оказались «несчастные, которые томятся в неволе, непостижимо тяжелой» (напомним, это формулировка Г.Ф. Генса), то в Оренбурге задержали «азиатцов», носителей «тупости, скрятности и сварливости» (а это уже выражения В.А. Перовского).

Безусловно, хивинские пленники могли хитрить и лукавить, желая обманом облегчить свою участь, а нежелание русских властей удовлетворять все их требования можно понять (например, ежедневно выводить под конвоем несколько сотен людей для свидания с семьями действительно было затруднительно). Однако во всем рассмотренном нами комплексе документов нет ни одного случая, когда русские чиновники изобличили хивинцев в явной лжи, зато как минимум однажды информация, отвергнутая как недостоверная, оказалась правдивой (в случае с задержанными, называвшимися не хивинцами, а бухарцами). И однажды обвинение, высказанное русскими в адрес хивинцев, не удалось доказать (дело Мадамина Джаббаркулова, Разумбая Юсупова и Аттабая Мир-Аитова). Показательно, что никаких выводов из этого русские власти сделать не желали (задержанных, называвшихся киргизцами, не отпустили в степь, а Мадамина Джаббаркулова, Разумбая Юсупова и Аттабая Мир-Аитова продолжили держать в тюремном замке). Таким образом, русские власти вполне последовательно рассматривали любое, даже крайне слабо обоснованное подозрение, возведенное на задержанных хивинцев, в качестве основания для жесткого обращения с ними, а любые попытки пленных облегчить свое положение, включая безусловно справедливые, рассматривались как хитрость коварных «азиатцов», создающая неудобства русской администрации.

Итак, в 1836 г. в рамках борьбы с работорговлей в Средней Азии Российская империя взяла в заложники одновременно несколько сотен человек исключительно на основании их хивинского подданства. Задержания проводились с ошибками, и достоверно известно минимум о 4 бухарцах, принятых за хивинцев, которых, однако, категорически отказались освободить на основании их показаний и показаний частных лиц, подтверждающих их подданство. Только почти через год, когда о них узнал бухарский посланник, эти люди были освобождены. Еще 10 человек, отрицавших наличие у них хивинского подданства, освобождены не были даже после этого. 372 хивинца были задержаны в Оренбурге (потом к их числу прибавилось еще 12 человек). В их числе были старики, больные и даже один слепой калека, ставший единственным отпущенным на родину вскоре после задержания. Тем не менее финансирование задержанным выделили крайне скудное (всего 25 коп. в день), и даже имперские власти предлагали его удвоить, что, однако, не было выполнено из-за принципиальной позиции В.А. Перовского. В результате за 4 года заключения умерло 43 человека, включая одного человека, утверждавшего, что он бухарец, и одного человека, утверждавшего, что он киргизец. Родные пленников жаловались на нищету, голод, выселение из квартир на улицу. Некоторые семьи не виделись с мужьями до полугода. Властям, местным и имперским, было подано несколько прошений об облегчении участи задержанных и их семей, но ни одно из них не было удовлетворено. Еще трагичнее ситуацию делало то, что перспективы пленников все эти 4 года оставались совершенно неясны.

С нашей точки зрения, можно даже провести определенную параллель между хивинскими пленниками в Оренбурге и русскими рабами в Хиве (тем более что оренбургские чиновники чаще писали не о «русских рабах», а о «русских пленниках» в Хивинском ханстве) (Peretyatko, 2023: 619-632). При всем различии их ситуаций это были жертвы среднеазиатской системы работорговли в широком смысле слова, включая и жестокие способы борьбы с ней. Риторика Г.Ф. Генса о том, что задержание хивинцев в Российской империи является лишь «мнимой несправедливостью», в конечном счете оказалась ложью. Даже по сравнению с системой взятия в заложники дальних родственников киргизцев, виновных в захвате рабов, практиковавшейся русскими чиновниками в 1820 г., Империя сделала шаг к большему произволу и жестокости своих действий. На сей раз задержания не просто проводились на основании одного подданства, без каких-либо попыток установить степень участия семьи задержанного в работорговле, но были захвачены вовсе посторонние люди, не являвшиеся даже хивинскими подданными, двое из которых умерли в русском плену, но никакого расследования и тем более выплаты компенсации их семьям организовано не было. Как бы ни была благородна цель борьбы со среднеазиатским рабством, те методы, которые в 1836 г. избрали для этой борьбы оренбургские чиновники, были откровенно преступны.

Хивинские пленники в Астрахани

При этом оренбургские власти как минимум с 1838 г. имели перед глазами пример несколько иного отношения к задержанным хивинцам. 17 сентября 1837 г. В.А. Перовский обратился к астраханскому губернатору И.С. Тимирязеву с запросом о том, как велики были расходы на содержание хивинцев в Астрахани (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 171). Возможно, к этому оренбургского военного губернатора побудило желание сэкономить на заложниках еще больше. Вскоре, 4 октября, он обратился к Оренбургской пограничной комиссии, спрашивая, «не оставалось ли какой-либо экономии от довольствия Хивинцев» и ссылаясь на то, что первоначально комиссия считала даже расход в 25 коп. на человека избыточным (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 155). И.С. Тимирязев в Астрахани не было, но астраханский вице-губернатор Е.В. Филиппов сообщил, что на хивинцев было истрачено 151 492 руб., однако все расходы осуществлялись из сумм, «вырученных за проданные их товары» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 171-172об.).

У В.А. Перовского полученная информация вызвала много вопросов. Его удивило не только то, что расходы на хивинцев осуществляются не за казенный счет, но и присланная ему ведомость этих расходов. Например, астраханские власти сочли необходимым оплатить доставку товаров хивинских купцов «в Карантин и оттуда в Таможню», на что ушло 18 077 руб. 10 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 172). «По какому случаю и на какие расходы были затребованы деньги за это?», – вопрошал В.А. Перовский прямо на полях поданного ему документа (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 172). Недоумение у него вызывало и то, например, что хивинцам выдали 3 494 руб. на покупки русских товаров (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 172об.). В итоге оренбургский военный губернатор 4 января 1838 г. отправил в Астрахань новый запрос, желая уточнить уже ту систему, по которой финансировались там хивинские заложники (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 173-174).

Е.В. Филиппов прислал ответ 8 марта 1838 г. Из него следовало, что астраханские власти просто относились к хивинцам с определенным доверием, что и позволило наладить с ними нормальный, насколько это было возможно в подобных условиях, контакт. Так, оказалось, что хивинские торговцы, «прибывая в Астрахань, денег с собой не привозят» и оплачивают доставку своих товаров, побывав в Астрахани (очевидно, после продажи своих товаров и на выручку с них, но прямо об этом в документе не говорится) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1950б-196). Соответственно, перевозчики товаров хивинцев из-за их задержания остались без оплаты, но И.С. Тимирязев, получив прошение от этих перевозчиков, подтвержденное самими хивинцами, распорядился выплатить затребованные суммы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1950б-196).

Соответственно, и в отношении содержания хивинцев астраханские власти предпочли пойти самым простым и очевидным путем. Разумеется, вести персональные расчеты с каждым задержанным было неудобно и астраханским властям, и они предпочли тоже давать им суточное содержание. Однако это содержание было определено в 50 коп. для «кашеваров» (очевидно, разного рода обслуги торговцев) и в 2 руб. для купцов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 196). Таким образом, собственно хивинские купцы в Астрахани получали в 8 раз лучшее содержание, чем в Оренбурге! Правда, лицам, товаров не имеющим, астраханские чиновники сочли возможным не платить вовсе (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 196-196об.). Зато крайне важно, что деньги выделялись на «наем квартир, отопление и содержание» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 196). Таким образом, И.С. Тимирязев сразу дал своим пленникам то, о чем задержанные в Оренбурге хивинцы умоляли Г.Ф. Генса, В.А. Перовского и даже цесаревича Александра Николаевича: дал возможность свободно жить и работать в городе. В подобных условиях отсутствие содержания не имеющих собственных товаров хивинцев не выглядело жестокой мерой.

К сожалению, информации о числе задержанных Е.В. Филиппов не приводил. Однако до 1 декабря 1837 г. собственно на содержание хивинцев в Астрахани было выделено 37 068 руб. 55 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 196). Считая, что содержание выделялось с 1 сентября 1836 г., т. е. в течение 457 дней, и

даже исходя из того, что все задержанные были купцами и получали по 2 руб. в сутки, нетрудно посчитать, что их минимально возможное число составляло 40 человек. Мы считаем это важным потому, что в Оренбург сообщили и о смерти одного хивинца в Астрахани. 22 мая 1840 г. И.С. Тимирязев сообщал П.И. Рокасовскому (В.А. Перовский был в отлучке), что скончался хивинец Юсуп Нуров (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 320). Если это действительно была единственная смерть астраханского заложника, выходит, что в Астрахани и смертность среди хивинцев была значительно меньше.

Соответственно, в Астрахани не мешали живущим фактически на воле хивинцам покупать русские товары, однако они хранились на гостином дворе под особым караулом (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1960б.). Вероятно, именно арест имущества был фактором, мешающим хивинцам сбежать. Но не бежали и лица, имущества не имеющие. Так, «после смерти Хивинца Нурова никакого имущества не осталось, равно и денег» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 320).

Иронично, что причиной подобного сравнительно хорошего положения хивинцев в Астрахани в определенной степени была нераспорядительность имперской власти. «Предписания Г. Министра Финансов об отпуске Хивинцам из казны по Высочайшему повелению по 25 ко. в сутки каждому ни Г. Военным Губернатором, ни Астраханской Казенной палатой получено не было», – сообщал В.А. Перовскому Е.В. Филиппов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 1960б.). И из всей информации, полученной из Астрахани, именно эта вызвала хоть какие-то действия В.А. Перовского: 19 апреля 1838 г. он написал министру финансов Е.Ф. Канкрину, «покорнейше прося не оставить распространить и на содержащихся в Астрахани Хивинцев выдачу из казны по 25 к. в сутки каждому» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 201-202).

И мы приходим к любопытному выводу. Независимо от оценки самого массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи в 1836 г., дальнейшее их содержание оренбургскими властями было не просто жестоким, но и неоправданно жестоким. Более того, эта жестокость была невыгодна самой Российской империи с чисто прагматической точки зрения: исключительно из-за ксенофобии оренбургских властей и их презрения к «азиатцам» не было реализовано первоначально предполагавшееся содержание пленников за их собственный счет. Пример Астрахани показывает, что при минимальном доверии к хивинцам с последними можно было договариваться, в том числе, в вопросах их максимально дешевого для России содержания. Соответственно, действия В.А. Перовского и Г.Ф. Генса в отношении хивинских пленных были, мягко говоря, неоптимальными не только с этической, но и с прагматической стороны. Но, может быть, они хотя бы позволили достигнуть поставленной цели, и благодаря им из Хивы были спасены русские рабы?

Возвращение русских рабов и война

Определенный эффект задержание хивинцев в России и прекращение торговли с Хивинским ханством, безусловно, произвели. Уже с 1837 г. начался возврат русских рабов, организованный хивинскими властями. Проблема, однако, заключалась в деталях.

В сентябре 1837 г. в Оренбург из Хивы прибыл киргизец Нугаман Иркинбаев с вестью «о готовности тамошнего Хана освободить наших пленных» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 152). Даже в степи об этом ходили сильно преувеличенные слухи. 25 октября 1837 г. командир русского отряда, отправленного на встречу ожидаемому каравану с освобожденными рабами, есаул Петров, докладывая, что «караван из Хивы не вышел, хотя и был приготовлен, а с ним и до двух сот Русских пленных, но остановился по случаю возникшего в Хиве Падежа на скот» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 10б-2). Реальность оказалась куда скромнее: 9 ноября бывший пленник киргизцев, а теперь начальник кордонной стражи оренбургской дистанции И.В. Подуров, доложил, что караван все-таки дошел, но в нем только 15 вырученных из Хивы русских (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 4). По внимательному изучению выяснилось, что освобожденных пленников не 200 и не 15, а 25 (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 18-190б.). Безусловно, на фоне полной невозможности добиться освобождения русских рабов из Хивы по официальным каналам в первой половине 1830 гг. спасение оттуда двух с половиной десятков поданных Российской империи было крупным успехом. Оренбургские власти, позднее подготовившие о своей успешной деятельности в деле спасения русских пленников специальную статью для публикации в столичных журналах (к сожалению, автор этой статьи нам неизвестен), без ложной скромности описывали этот успех так: «Эти бедняки обязаны были нашему благодушному Правительству за свою свободу. <...>. Глядя на эту пеструю, праздничную толпу, с лицами выразившими в нашей черте, что здесь делятся что-нибудь необыкновенное, не слыханное и невиданное, глядя на крест и налож и горящие перед ним, среди обширной, необъятной степи, свечи – а потом еще на земляков наших, в азиатской одежде и на заплаканных перед крестом нельзя было не пожалеть, что не было здесь художника который передал бы потомству этих рыдающих перед Евангелием выходцев с того света» (Ermachkov, 2021: 31). Однако в действительности достигнутый успех был более чем скромным: освобождена была только малая часть от 2 000 русских пленников, содержащихся в Хиве по оценке Г.Ф. Генса.

Еще более скромным достижение русских властей делали некоторые побочные сюжеты. Так, согласно показаниям освобожденного из рабства канонира В.В. Дмитриева, хан Аллакули поручил

своему придворному Кабылбаю «выкупить 25 человек наших пленных, платя за каждого по 40 золотых Хивинских монет» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65). Но Кабылбай решил провести эту операцию максимально выгодно для себя: он «старался набирать пленных подешевле, и потому он привез сюда старых и дряхлых» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65). Сам В.В. Дмитриев доплатил за свое освобождение 10 золотых монет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65). Кроме того, согласно его показаниям, «Хивинский Хан никого не принуждал к отдаче пленных, а продажу их предоставил хозяевам на волю» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 65-65об.). Очень старый (82 года) казак В.А. Коптягин был куплен всего за 1,5 червонца неким Куйбаком и передан им Кабылбаю (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 46об.). В.А. Коптягин утверждал, что в Оренбурге были задержаны два брата Куйбака, и он должен был отдать Кабылбаю своего молодого пленника, А. Михайлова, для их освобождения, но предпочел вместо этого купить старого пленника подешевле (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 46об-47). И.Г. Малышев вообще не был рабом на 1836 г.: хозяин бесплатно освободил его еще в 1832 г., и он, узнав о том, что в Россию собирают караван с освобождаемыми рабами, присоединился к нему самостоятельно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 39-39об.). С.Ф. Чунаев для возвращения в Россию выкупил себя самостоятельно (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 40об.). Таким образом, реально в Хиве для выдачи в Россию в 1837 г. собрали 25 русских подданных довольно случайным образом: в их числе были и выкупленные из рабства на деньги хана Аллакули старики, и люди, заплатившие своим хозяевам за то, чтобы быть отпущенными на родину, и даже давно свободные. В то же время лично хан отпустил нескольких своих молодых рабов, например, матроса К.И. Лосева, 33 года (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 44об-45об.) и крестьянина И.Т. Тимофеева, 37 лет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 55-56об.). Чтобы понять реальную логику хивинских властей при отборе пленников, необходимы исследования документов, сохранившихся от Хивинского ханства. Однако в целом складывается впечатление, что хан Аллакули желал продемонстрировать определенные уступки российской стороне и готовность к переговорам, но при этом он не желал ни тратить больших денег на освобождение даже части русских рабов, ни принуждать хивинцев к их освобождению бесплатно. Впрочем, русские власти, судя по всему, на уступки были готовы идти еще меньше: согласно М.А. Терентьеву, взамен 25 прибывших из Хивы русских в Хиву из России отпустили 5 хивинцев (Терентьев, 1906: 112).

И нам остается констатировать, что Г.Ф. Генс допустил в своей записке «О находящихся в Хиве российских пленниках» ошибку, причем ошибку принципиальную, не только утверждая, будто бы задержание всех хивинцев в России является лишь «мнимой несправедливостью», но и предполагая, что подобный шаг заставит хивинское правительство достаточно быстро освободить всех русских рабов на подконтрольной ему территории. В течение «двухгодичного срока», который Г.Ф. Генс первоначально отводил на то, чтобы были «освобождены из Хивы все Российские пленники», угрожая после этого оставить хивинских заложников в России навечно, русским чиновникам по официальным каналам было передано из Хивинского ханства всего 25 человек, причем некоторые из них были свободными, а не рабами. В 1838 г. Аллакули вообще не отправил в Россию ни одного русского пленника, но разрешил вывезти 5 освобожденных рабов частным лицам, желавшим обменять их на некоего задержанного в Оренбурге хивинца (Терентьев, 1906: 113) (напомним, прежде, по свидетельству Г.Ф. Генса, «в Хиве смертная казнь угрожала не только Киргизу, покушающемуся освободить пленника, но и хозяину, соглашающемуся продать его для возвращения в отечество»). В ответ русские власти не только никого не отпустили, но и задержали 13 хивинцев (дипломатического посланника хана со слугами (Терентьев, 1906: 113).

Как нам представляется, резкое ужесточение позиции русских властей по сравнению с предшествующим периодом, как бы оно ни объяснялось официально, в действительности было вызвано ксенофобией В.А. Перовского и явной неудачей предпринимаемых им мер. Именно из-за массового задержания хивинцев в 1836 г. русские власти оказались в крайне двусмысленном положении. Они не только начали эскалацию прежде тлевшего конфликта, но и задержали несколько сотен подданных чужой страны, а из-за нежелания В.А. Перовского вести диалог с пленниками еще и начали содержать большую их часть на казенный счет, что не входило в первоначальные планы. И теперь русским властям было проблематично выйти из созданной ими ситуации с сохранением лица. Оставалось либо неопределенно долго содержать задержанных хивинцев за казенный счет и под охраной, либо признать поражение, отказаться от ультиматумов, посланных в Хиву, и освободить заложников, либо, наконец, пойти на еще большую эскалацию конфликта, реализовав вариант борьбы с хивинской работоторговлей, в начале 1830 гг. русскими чиновниками отвергавшийся, т. е. организовать военную экспедицию против Хивы. С учетом всего написанного выше ясно, что для В.А. Перовского предпочтительным был последний вариант. В конце концов, как мы видели в начале второй части нашей статьи, он и в итоговом отчете по управлению краем настаивал на том, что реализованные им в 1836 г. меры были совершенно правильными и эффективными, а результата не дали лишь вследствие «невежества, фанатизма, мусульманской гордости и слепой самоуверенности» хивинцев. Любопытно, что, согласно М.А. Терентьеву, имперские власти первоначально идею дальнейшей эскалации не поддерживали, и против похода на Хиву выступали как К.В. Нессельроде, так и А.И. Чернышев (Терентьев, 1906: 114).

Тем не менее В.А. Перовский сумел убедить лично Николая I в ее необходимости (Терентьев, 1906: 114). Началась подготовка к ней, и уже весной 1839 г. о готовящемся походе русских войск знали и хивинцы, и киргизцы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 39-39об.). В этих условиях хан Аллакули приступил к активным действиям, причем действиям достаточно хитрым и прагматичным. С одной стороны, резко увеличилась активность по захвату русских подданных на Каспийском море. К.В. Нессельроде писал, что, по сведениям от сбежавших пленников, уже к маю было захвачено и продано в Хиву 164 человека (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 75об.). С другой стороны, в августе в Оренбург неожиданно пришло 80 освобожденных из Хивы русских рабов с посланником хана (Ermachkov, 2021: 27). Посланник представил русским властям и весьма любопытную грамоту Аллакули. Хан выказывал желание дружить с Россией («сие приятное письмо написано для означения дружбы»), утверждал, что на сей раз им освобождены все русские пленные («что же касается до некоторого числа пленников, недавно захваченных Киргизами и Туркменами; то мы, получивши из них к себе часть, и присоединив к ней прежде бывших у нас всех Русских пленных, отправили всех их с Ишнияз Баем к Вам»), и при этом жаловался не только на то, что в России задержаны хивинцы, но и на то, что прежние инициативы по обмену пленными не дали желаемого результата («купцы Хивинские задержаны, и освобождение их зависит от высылки из Хивы Русских пленных, которые несколько уже раз и были отсылаемы в Россию; но из того никакого полезного следствия не оказалось» (Ermachkov, 2021: 29). Логика хивинских властей снова должна быть уточнена по документам, сохранившимся от Хивинского ханства, но можно предположить, что Аллакули, с одной стороны, хотел показать, что может стать гораздо более опасным соседом для России и отнюдь не использует все возможности для нанесения ей вреда, а с другой стороны, предлагал способ прекратить конфронтацию со взаимным сохранением лица.

Реакция В.А. Перовского на грамоту Аллакули показательна и еще раз наглядно демонстрирует, почему русский губернатор не смог договориться с хивинским ханом об обмене пленными. Ни малейшего уважения к своему оппоненту по дипломатической игре В.А. Перовский не проявлял: содержание грамоты Аллакули, по его мнению, было «по обыкновению, ничтожно и заключалось в одном только напыщенном пустословии» (Ermachkov, 2021: 30). Освобождение хивинцами 80 рабов оренбургский военный губернатор трактовал исключительно как реакцию на агрессивные действия России, т. е. в его интерпретации Аллакули просто испугался и искал способы помириться с русскими: «отряды, выдвинутые ныне довольно далеко в степь, возбудили опасения Хана Хивы» (Ermachkov, 2021: 30). Откровенное признание в том, что часть недавно захваченных пленников оказалась в Хиве и, соответственно, за резко усилившимися захватами рабов на Каспийском море стоит именно хивинское правительство, В.А. Перовский рассматривал как ошибку, сделанную «без сомнения только по глупости» (Ermachkov, 2021: 30). Тот вариант, что это наглядная демонстрация возможностей хивинцев в разы активизировать захваты русских рабов, и Аллакули не паникует в ожидании русских войск, но пытается найти способы противодействия Российской империи, русский губернатор не рассматривал. Наконец, демонстрируя полное презрение к хивинской стороне, В.А. Перовский отказался считать сопровождавших рабов хивинцев «Ханскими посланцами» и снова арестовал одного из них на месте, так как была информация, что он владел русскими рабами (Ermachkov, 2021: 30). Остается констатировать, что все разобранные нами тексты В.А. Перовского демонстрируют не столько крайнюю жесткость в отношении к работоторговле, сколько ксенофобию по отношению к «азиатцам». Русский губернатор не просто не считал хивинцев за равных, но и отказывался считать их серьезными оппонентами в дипломатической игре по обмену пленниками, и поэтому не вел с ними переговоры, но только выдвигал ультиматумы.

Итак, в 1839 г. из Хивы было освобождено примерно вдвое меньше невольников, чем союзные хивинцам кочевники только весной захватили на Каспийском море. В.А. Перовский презентовал этот факт начальству как «бесстыдство и дерзость Хивинцев», без какого-либо анализа их мотивов (Ermachkov, 2021: 30). Возможно, оренбургский губернатор просто не хотел акцентировать внимания на том, что его политика не только не привела к сокращению работоторговли, но и вызвала ее всплеск. Дело в том, что упомянутая нами выше панегирическая статья об успешной деятельности оренбургских властей в деле спасения русских пленников была написана как раз в 1839 г., в связи с освобождением 80 рабов из Хивы, и сразу отправлена в Министерство иностранных дел с просьбой опубликовать ее в столичной печати (Ermachkov, 2021: 31). В ней упоминалось, что большую часть освобожденных в текущем году составляли «астраханские промышленники, плененные на море, во время рыболовства», однако время их захвата не уточнялось (Ermachkov, 2021: 31). Зато подчеркивалось то счастье, которое испытывали спасенные на родной земле: «Многие из пленников всхлипывали и едва сдерживались от рыданий; другие горько плакали и молились вслух за здоровье Государя Императора» (Ermachkov, 2021: 31). В.А. Перовский, очевидно, пытался представить себя перед начальством и образованной публикой спасителем русских подданных из Хивы, и привлечь внимание к крайне неудачному для России балансу захваченных/освобожденных пленников в 1839 г. ему было не выгодно.

Анализ Хивинского похода 1839-1840 гг., начатого вскоре после освобождения хивинцами 80 рабов в ноябре 1839 г., выходит за рамки нашей статьи. Только отметим, что по итогам этого

трагического похода Аллакули все же согласился официально запретить своим подданным покупать русских рабов (впрочем, вопрос о том, насколько исполнялся этот запрет, требует отдельного исследования), но русская армия потеряла 1 054 человека убитыми, 609 больными, многие из которых впоследствии умерли, и около 600 пленными (Косырев, 1898: 543-545). Впрочем, по М.А. Терентьеву, потери были еще выше, просто их скрывали в официальных бумагах, а на самом деле из приблизительно пятидесяти тысяч отряда, вышедшего в поход, назад вернулось менее 2 000 человек (Терентьев, 1906: 165). Таким образом, по крайней мере, здесь Г.Ф. Генс оказался прав: попытка спасти русских рабов из Хивы военным путем привела к большим человеческим жертвам. Тем не менее Хивинский поход по крайней мере разрешил проблему хивинских пленников в Оренбурге: они были освобождены в октябре 1840 г. в обмен на освобождение русских рабов в Хиве (Иванин, 1874: 158). Правда, и здесь есть определенный нюанс: согласно одному из первых летописцев Хивинского похода 1839–1840 гг. М.И. Иванину, Аллакули освобождено было 416 русских «пленных» (т. е. как рабов, так и освободившихся еще в Хиве русских подданных) (Иванин, 1874: 157). Таким образом, число освобожденных было много меньше того числа русских невольников, которое приводил Г.Ф. Генс в своей записке «О находящихся в Хиве российских пленниках». Соответственно, возможно, освобождена была только часть русских рабов. В любом случае спасение 416 рабов в итоге стоило жизней 2-3 тыс. солдат.

5. Заключение

Итак, что касается содержания хивинских подданных в Российской империи после их массового захвата в 1836 г., а также последствий этого захвата, то мы можем сделать следующие выводы.

1. Оренбургское начальство, В.А. Перовский и Г.Ф. Генс, не смогло грамотно организовать содержание хивинских пленников, регулярно демонстрируя ксенофобию и порожденные ею жестокость и небрежность к задержанным. В.А. Перовский открыто позиционировал пленников как «азиатцев», для которых характерны «тупость, скрытность и сварливость». Оренбургские власти последовательно не доверяли пленникам, не принимали во внимание любые их жалобы, даже справедливые, зато верили любым обвинениям в их адрес. Кроме того, заложников хотели держать под постоянным контролем, при этом тратя на них минимум денег. Как итог, в числе заложников 4 года провели в русском плену старики, больные и просто невинные люди, причем невинные не с современной гуманистической точки зрения, но и даже исходя из прежней аксиологии русских властей: из 372 лиц, задержанных в Оренбурге в 1836 г., 14 человек заявили о том, что в принципе не являются хивинцами, однако отпустить их отказались, несмотря на подтверждение их слов дружественными России бухарцами и киргизцами. Условия содержания заложников были плохими, им выделялось заведомо мало денег (25 коп. в сутки на человека из государственного бюджета Российской империи), запрещалось покидать выделенное им здание, а возможности не только содержать родных, но и видеться с ними были ограничены. В итоге только нами выявлено 43 смерти задержанных в Оренбурге лиц, включая двух людей, сказавшихся не хивинцами, причем никакого возмещения семьям умерших выплачено не было.

2. Отношение к задержанным хивинцам астраханского начальства, И.С. Тимирязева и Е.В. Филиппова, было намного гуманнее, т. е. описанные выше жестокости были не универсальной политикой Российской империи, но следствием индивидуальных стратегий лиц, находившихся у власти в Оренбурге. Астраханское начальство, вместо того, чтобы жестко контролировать задержанных, сажая их под замок и выделяя казенное содержание, дало хивинцам возможность жить на квартирах и предоставило им куда большие суточные деньги (50 коп. или 2 руб. для различных категорий), но за счет их собственных товаров. Допускались в Астрахани и иные послабления, облегчавшие положение заложников, но при этом не имеющие негативных последствий для Российской империи, вплоть до разрешения хивинским торговцам покупать русские товары при условии, что купленное будет храниться под охраной вместе с арестованными товарами, принадлежавшими хивинцам до задержания. Судя по всему, в результате даже смертность среди задержанных в Астрахани оказалась сильно ниже: пограничному начальству было сообщено всего об одном умершем хивинце, хотя задержано их там было, по нашим расчетам, не менее 40.

3. Значение, которое имел массовый захват хивинских подданных на территории Российской империи для освобождения русских пленников из Хивы, однозначно оценить крайне сложно. В промежуток между проведением этого захвата и началом Хивинского похода 1839–1840 гг. из Хивинского ханства было освобождено с целью обмена на заложников 110 человек: 25 в 1837 г., 5 в 1838 г. и 80 в 1839 г. Однако последняя, самая большая партия освобожденных, была отправлена ханом Аллакули в Оренбург, когда он уже знал о готовящемся выступлении русских войск против Хивы, и логичнее связать отправку ее с желанием избежать войны, а не с запоздалой попыткой вернуть на родину взятых русскими заложников. В то же время В.А. Перовский из-за своей ксенофобии фактически не вел переговоров с хивинским ханом о равноправном обмене пленников, вместо этого выставляя ему крайне жесткие ультиматумы с требованием немедленно освободить всех русских рабов сразу. Российская сторона освободила только 5 человек в 1837 г., а в 1838 г. и 1839 г. не только никого не освобождала, но и захватывала хивинцев, посланных для переговоров. При этом,

судя по всей линии поведения В.А. Перовского, он не саботировал переговоры, а совершенно искренне считал, что с любимыми «азиатцами» можно эффективно говорить только с позиции силы. Возможно, иная стратегия ведения переговоров со стороны оренбургского военного губернатора позволила бы обменять задержанных хивинцев на большее число русских рабов.

4. В целом же выявленные нами факты показывают, что меры, применявшиеся Российской империей в борьбе с хивинской работорговлей в 1820-1830 гг., были либо неэффективны, либо вели едва ли не к большим жертвам, чем сама работорговля. В 1820 г. русские власти брали заложников из киргизцев, но их семьи, дальние родственники и даже предводители не имели рычагов давления на Хиву и обычно не могли вывозить оттуда русских подданных. В первой половине 1830 гг. русские власти пытались выкупать рабов из Хивинского ханства через Бухару, но тоже безуспешно. Массовый захват хивинских подданных на территории Российской империи привел к первым ощутимым результатам, и его безусловным следствием стало освобождение 30 русских из Хивы (25 в 1837 г. и 5 в 1838 г.). Однако для этого понадобилось взять в заложники более 400 людей, включая невинных, и минимум 44 из них умерли. Военная экспедиция против Хивы позволила освободить почти 500 человек (80 в 1839 г. и 416 в 1840 г.). Но за нее заплатили жизнями не менее 1 054 русских солдат (по некоторым оценкам – значительно более, до 3-х тыс.).

Литература

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской Области.

Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.

Иванин, 1874 – Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874. 268 с.

Косырев, 1898 – Косырев Е.М. Поход в Хиву в 1839 г. (Из записок участника) // *Исторический вестник*. № 8. 1898. С. 538-545.

Отчет..., 2010 – Отчет Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского по управлению краем (1833-1842). Уфа, 2010. 111 с.

Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. 384 с.

Терентьев, 1906 – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб., 1906. 511 с.

Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 26-34.

Morrison, 2021 – Morrison A. The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.

Peretyatko, 2023 – Peretyatko A.Yu. Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 619-632.

References

Ermachkov, 2021 – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.

Ginzburg, 2004 – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. Ginzburg K. Mify-embemy-primety: Morfologiya i istoriya, Moscow, 345 p. [in Russian]

Ivanin, 1874 – Ivanin, M.I. (1874). Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839–1840 godu [Description of the Winter Campaign to Khiva in 1839-1840]. Saint-Petersburg, 268 p. [in Russian]

Kosyrev, 1898 – Kosyrev, E.M. (1898). Pokhod v Khivu v 1839 g. (Iz zapisok uchastnika) [The campaign to Khiva in 1839 (From the participant's notes)]. *Istoricheskii vestnik*. 8: 538-545. [in Russian]

Morrison, 2021 – Morrison, A. (2021). The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.

ОГАОО – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].

Отчет..., 2010 – Otchet Orenburgskogo voennogo gubernatora V.A. Perovskogo po upravleniyu kraem (1833-1842) [Report of the Orenburg Military Governor V.A. Perovsky about the administration of the region (1833-1842)]. Ufa, 2010. 111 p. [in Russian]

Peretyatko, 2023 – Peretyatko, A.Yu. (2023). Captives, Slaves, Freeman: Some Aspects of the 19th century Central Asia Former Russian Slaves' Testimonies as a Historical Source. *Bylye Gody*. 18(2): 619-632.

Pochekaev, 2017 – Pochekaev, R.Yu. (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and Khans. Personal Factors in Russian Law-Making in Central Asia: 18th to Early 20th Century]. Moscow, 384 p. [in Russian]

Terent'ev, 1906 – Terent'ev, M.A. (1906). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii. T. I. [History of the Conquest of Central Asia. Vol. 1.]. Saint-Petersburg, 511 p. [in Russian]

Задержание хивинских подданных в Российской империи в 1836 г. и российская борьба с работорговлей в Средней Азии. Часть IIАртем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена достаточно известному в историографии, но специально не изучавшемуся событию, задержанию хивинских подданных в Российской империи в 1836 г. Различными авторами предлагаются диаметрально противоположные трактовки данного события. Так, российский исследователь Р.Ю. Почекаев рассматривает его как акт самообороны, вызванный инспирированными Хивой нападениями на русских подданных, а британский исследователь А. Morrison считает его первым шагом к эскалации конфликта, завершившегося Хивинским походом. Мы будем рассматривать данное событие с позиции микроистории, а не истории государств и регионов, концентрируя внимание на индивидуальных стратегиях и судьбах различных людей, связанных с задержанием хивинцев, опираясь при этом на архивные материалы, преимущественно документацию Оренбургской пограничной комиссии.

Во второй части статьи автор приходит к четырем основным выводам. Во-первых, отношение оренбургских властей к задержанным хивинцам было крайне негативным, а оренбургский военный губернатор В.А. Перовский демонстрировал явную ксенофобию, в результате чего не были отпущены из русского плена даже очевидно ошибочно задержанные бухарцы и киргизцы, хивинцы содержались в специально выделенном здании на крайне малые средства, были ограничены их свидания с семьями, в итоге 43 задержанных в Оренбурге не пережили русский плен. Во-вторых, подобное отношение к задержанным хивинцам не было универсальным для Российской империи: в Астрахани для них создали куда лучшие условия, прежде всего разрешив жить на квартирах и выделяя в разы большие средства на суточное содержание. В-третьих, задержание хивинцев не дало тех результатов в плане борьбы с работорговлей, на которые рассчитывал Г.Ф. Генс: за первые два года, до того, как в Хиве узнали о готовящейся военной экспедиции против нее, из Хивинского ханства было освобождено только 30 русских подданных. И, наконец, в-четвертых, достичь успеха в борьбе с хивинской работорговлей русские власти в Средней Азии 1820-1830 гг. смогли только крайне жестокими методами, число жертв которых было сравнимо с числом жертв работорговли. В случае задержания хивинцев для освобождения 30 русских подданных пришлось взять в заложники не менее 400 хивинцев, из которых более 40 умерли в плену, а военный поход в Хиву, позволивший освободить почти 500 рабов оттуда, обошелся, по разным оценкам, в 1-3 тыс. погибших русских солдат.

Ключевые слова: заложники, рабство, плен, Средняя Азия, Хивинское ханство, Оренбургское губернаторство, В.А. Перовский.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 129-136
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.129

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Development of the Female Education System in the Penza Province in the 1850–1880

Larisa A. Koroleva^{a, *}

^a Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

Abstract

The article examines the evolution of a secondary female school in the Russian Empire in the second half of the XIX century at the regional level – in the Penza province. The degree of knowledge of this problem is characterized. In 1859, the first female school of the 1st category was formed in Penza by combining existing institutions – the noble boarding house and the Hoffmann private boarding house. Two years later, it was closed due to lack of funds, the Hoffmann boarding house remained. Since 1862, a school of the II category functioned in Penza, for three years they received education, mainly girls of the urban class. In 1869, the petition of the Penza governor N.D. Seliverstov about the opening of a women's school of the 1st category, renamed a gymnasium in 1870, was granted. The main contingent of those who studied at the gymnasium were children of nobles and officials. In the gymnasium, the leadership was carried out by the head and councils – pedagogical and guardianship. Women's schools were run by educational districts, existed at the expense of public and private funds. The public of county (9) and state (3) cities of the province declared their readiness to create schools of the II category, but in conditions of a shortage of money they established parish (Chembar, Krasnoslobodsk, Nizhny Lomov, Saransk, etc.). The total number of girls studying in educational institutions of all types of the Penza province did not exceed 1000 people.

Keywords: Russia, women's education, Regulation on women's school, boarding school, school, gymnasium, Penza province.

1. Введение

Развитие женского образования в России определялось активной деятельностью государства в данной сфере при широкой поддержке общественности. До формирования системы государственного женского образования то, какие знания могла получить девочка, полностью зависело от ценностей и материального положения ее родителей и опекунов (Engel, 2004: 24). Э. Хобсбаум подчеркивал, что первым и очевидным свидетельством изменения положения женщин в обществе являлось расширение возможностей получения ими среднего образования (Хобсбаум, 1999: 300-301). В середине 1850-х гг. в условиях назревшего реформирования системы открытых женских образовательных учреждений и подъема общественного движения начинается практическая реализация модели средней женской школы.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена несколькими группами источников. Так, например, в исследовании были использованы документы фонда р-106 «Пензенская 1-я женская гимназия» Государственного архива Пензенской области (Пенза, Российская Федерация).

Среди опубликованных документов в работе был отражен «Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии, с прибавлением распределения судебных мировых участков» (Сборник исторических..., 1870). Также важное значение в работе имеют

* Corresponding author

E-mail addresses: la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva)

материалы периодической печати, а именно местная газета «Пензенские губернские ведомости» за 1876-1877 гг.

Основополагающим методологическим принципом исследования является системный подход к изучению истории женского образования в Пензенской губернии в 50-80-е гг. XIX в., который позволил целостно рассмотреть развитие системы образования на региональном уровне в контексте отечественной действительности с учетом внутренних факторов функционирования. Историко-генеетический метод дал возможность последовательно проследить эволюцию видов образовательных заведений, роль общественности в этом, что способствовало воссозданию реальной картины рассматриваемого периода. Кроме того, исследование проводилось на основе социокультурного подхода и общих методологических принципов историзма и объективности, которые предполагают изучение средней женской школы в Пензенской губернии через взаимодействие государства и социума.

3. Обсуждение

История женского образования в Пензенской губернии, особенно первой женской гимназии, нашла отражение в работах Н.Н. Державина ([Державин, 1894](#)), О.А. Логиновой ([Логинова, 2012](#)), Н.В. Малышевой ([Малышева, 2001](#)), Н.И. Полосина ([Макаркина, Полосин, 1998](#)), Е.В. Полутинной ([Полутина, 2006](#)) и др. В коллективном труде «Очерки истории народного образования Пензенского края» уделяется внимание конфессиональному образованию в регионе ([Очерки истории..., 1997](#)). В контексте изучения темы развития образования в Среднем Поволжье затрагивались вопросы женского образования в исследованиях Л.Д. Гошуляк ([Гошуляк, 2001](#)), О.А. Костюковой ([Костюкова, 2007](#)), И.В. Романовой ([Романова, 2006](#)), Е.Н. Садовниковой ([Садовникова, 2000](#)) и др. Особо следует отметить публикации В.Н. Паршиной по становлению системы женского образования в России во второй половине XIX – начале XX вв. на материалах Пензенской губернии, где комплексно изучается эволюция начального и профессионального женского образования, типология образовательных учреждений в губернии, история епархиального женского училища и пр. ([Паршина, 2008](#); [Паршина, 2010](#); [Паршина, 2012](#)).

4. Результаты

В середине XIX в. в г. Пензе было два женских учебных заведения, так называемый «дворянский пансион», основанный в 1842 г. Как отмечала М.В. Сурина, пансион имел исключительно дворянский характер, и «такая исключительность, а главным образом – отдача детей из богатых дворянских фамилий губернии в казенные и частные учебные заведения, существующие в обеих столицах и приобретшие прочную известность и не в провинциальном только мире, были причиной того, что в Пензенском дворянском пансионе в 1858 г. обучалось только 20 воспитанниц, т.е. по две из каждого уезда» ([Сурина, 1870: 8](#)). Количество обучавшихся зависело от сумм, которые местное дворянство ежегодно жертвовало на содержание пансионеров согласно Положению Дворянского собрания от 14 декабря 1842 г. Содержавшая дворянский пансион Комарова отказалась от его дальнейшей деятельности.

С 1852 г. в г. Пензе существовал частный пансион Гофман, называвшийся сначала «Начальная школа» ([Державин, 1894: 4](#)). В «Сборнике исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии» за 1870 г. указывалось, что этот женский пансион был для детей из всех свободных состояний.

В октябре 1858 г. начальник губернии как почетный попечитель всех женских училищ, существовавших в губернии по «Положению о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения» от 30 мая 1858 г., обратился с прошением к попечителю Казанского учебного округа, к которому относились пензенские учебные заведения, об объединении двух местных пансионов в один под заведыванием одной начальницы ([Крапоткина, 2011: 5](#)). Попечитель округа, приняв во внимание то обстоятельство, что оба данные учреждения имели разные уставы и находились в ведении отдельных начальствующих и почетных лиц, утвержденным Министерством, предложил возможный вариант соединения их только на основании Положения от 30 мая 1858 г. через их закрытие и открытие нового женского училища, т.е. училища для приходящих учениц. После обсуждения данного вопроса на совместном собрании Пензенского губернатора, Губернского Предводителя дворянства, почетных попечительниц обоих пансионов, директоров учебных заведений 5 декабря 1858 г. было принято решение: «Соединить оба пансиона под заведывание одной начальницы, с тем, чтобы дворянские воспитанницы, помещаясь отдельно, учились вместе с другими» ([Сурина, 1870: 9](#)). Таким образом, оба пансиона продолжали свою практику в плане приема и содержания воспитанниц, а обучение осуществлялось в рамках одного училища I-го разряда. Устав данного училища, составленный по общему соглашению и в соответствии с Положением от 30 мая 1858 г., был утвержден попечителем округа 3 июня 1859 г.

Заведование училищем возложили на дочь лютеранского пастора Гофман, в доме которой оно располагалось. Программа пензенского училища I-го разряда предусматривала 6-летний курс обучения.

Однако через два года оно закрылось, поскольку начальнице училища не смогли возместить понесенные ею на содержание училища расходы. Фактически получалось, что, кроме суммы, поступавшей за дворянских и частных пансионеров, значительная часть которой шла на их содержание, жалование классным дамам и пр., других поступлений в пользу училища оказалось недостаточно для покрытия его расходов. Так, приказ общественного призрения за прекращением доходов от кредитных операций по распоряжению начальника губернии смог выделить училищу в виде временного пособия в 1959 г. только 300 руб. Городские и дворянские общества, несмотря на повторявшиеся приглашения к поддержке училища, практически не сделали никаких ответных действий. В конце 1858 – начале 1859 гг. пензенское городское общество заявило, что участия в учреждении женских школ принять не в состоянии за неимением никаких источников. Оказанная помощь была незначительной. Малое денежное пособие поступило из Саранского уезда (3 руб. 60 коп.). Пензенское уездное дворянство в виде пожертвования поместило в училище несколько воспитанниц с платой за их обучение. В 1861 г. Пензенский уездный предводитель дворянства передал училищу сбор, вырученный за спектакль, данный обществом любителей в г. Пензе. При таком положении дела содержание училища полностью ложилось на его начальницу, которая и так бесплатно предоставила помещение заведению в собственном доме. Кроме того, многие представители городской общественности (купцы, мещане, цеховые) считали училище I-го разряда несоответствующим по содержанию учебных курсов «требованиям и прямым нуждам скромного своего быта и тогдашнему развитию детей женского пола своего сословия» (Сурина, 1870: 11).

В результате по просьбе Гофман и по постановлению попечительского совета училища от 14 августа 1861 г. училище было закрыто (Пензенский край..., 2014: 139). В г. Пензе остался один лишь пансион Гофман. Тем не менее потребность в получении девочками хотя бы элементарного образования оставалась. При проверке уровня знаний девочек в г. Пензе в 1860 г. выяснилось, что большинство из них, получавших домашнее воспитание, не умели читать и писать по-русски.

24 апреля 1862 г. в г. Пензе было открыто училище II-го разряда. По «Положению о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения» от 1860 г. продолжительность обучения в училищах II-го разряда составляла три года, I-го разряда – шесть лет. В образовательном учреждении предполагалось изучение Закона Божьего, краткой русской грамматики, русской истории и географии сокращенной, четырех действий арифметики, чистописания и рукоделия. Уже в июне 1862 г. число учениц пензенского училища достигло 90, затем их постоянно стало около 100. Среди воспитанниц преобладали принадлежащие к городским сословиям. Например, в 1870 г. из 100 обучавшихся в училище 89 были детьми родителей городского сословия, 7 – дворян и чиновников, 2 – духовного звания. В училище функционировал особый попечительный совет, представлявший собой государственно-общественный орган управления. Образовательное учреждение содержалось на средства Пензенского городского общества. Так, в 1867 г. было отпущено 1420 руб., в 1868 – 1545 руб.

Тем не менее в губернии запрос на возможность получения девочками более глубоких знаний, особенно дворянского сословия и чиновничества, сохранялся. Еще в 1862 г. на имя начальника губернии Я.А. Куприянова поступило от почетного гражданина И.А. Кононова 5 тыс. руб. серебром и письмо: «... Мы славно закончили наше первое тысячелетие – уничтожением крепостного права; во втором, чтобы быть истинными гражданами родной страны, нам остается выработать себе гражданскую доблесть. На это нам нужна наука – свет. Мы полюбили и любим ее – эту общую нашу мать – кормилицу. ... Женские гимназии, эти рассадники нашего семейного счастья, основаны почти во всех губернских городах и сделались нашею насущною, почти безотлагательною потребностью» (Сурина, 1870: 12). И.А. Кононов просил принять средства на обустройство и первоначальное приобретение необходимых принадлежностей для гимназии. По докладу Министра народного просвещения об этом событии император 22 октября повелел пожертвование принять и жертвователя благодарить. Императрица Мария Александровна в пользу заведения пожаловала несколько вещей (украшений), разыгранных позже в лотерею за 500 руб. В 1881 г. в знак признательности учительницы и классные дамы сами связали и отправили в дар Императрице пуховый платок (ГАПО. Ф. р–106. Оп. 1. Д. 1. Л. 21).

В местной газете «Пензенские губернские ведомости» губернатор опубликовал соответствующую информацию и пригласил всех жителей губернии принять участие в основании женской гимназии посильными пожертвованиями. Кроме того, в газете была размещена предварительная смета на содержание училища I-го разряда, под которым подразумевалась женская гимназия, в сумме 5350 руб. ежегодно.

Первое губернское земское собрание 8 декабря 1865 г. приняло решение присоединить к пожертвованию И.А. Кононова на открытие гимназии остатки земского сбора от упраздненной земской конюшни (6003 руб. 39 коп.). В губернаторскую канцелярию с 1866 г. начали поступать пожертвования: из Мокшана от Полозова – 960 руб.; от Городищенских дворян – графа Д.П. Шереметьева и графини А.И. Коссаковской – по 100 руб.; чиновники Пензенских присутственных мест, кроме единовременных пожертвований, изъявили желание делать постоянный взнос в пользу гимназии в размере 0,5% от жалования с открытием заведения и т.д.

Однако второе губернское собрание 12 декабря 1866 г. постановило открытие женской гимназии приостановить «впредь до удовлетворения земством насущной потребности народа в первоначальном образовании» (Сурина, 1870: 15). Принятое решение обосновывалось тем, что женское училище давало образование небольшой части жителей дворянского сословия и городских обывателей, которые могли это сделать и другими способами, тогда как основная масса сельского населения, привлеченная к сбору средств на женское училище, не будет иметь возможность воспользоваться им. По мнению собрания, в таких условиях земство не имело права обращать средства на высшее или среднее образование. Кроме того, городские общества имели недостаточно свободных денег, чтобы без ущерба для остальных статей расхода направить их на создание гимназии.

К 1 января 1868 г. сумма пожертвований на учреждение в г. Пензе женской гимназии составила всего 9304 руб. 14,5 коп., и остаточные средства, 6003 руб. 39 коп., остались в распоряжении земской управы. Собранные средства планировалось хранить в процентных бумагах.

12 апреля 1869 г. попечитель Казанского учебного округа сообщил пензенскому губернатору, генерал-майору Н.Д. Селиверстову, об удовлетворении его ходатайства и разрешении открыть в г. Пензе шестиклассное женское училище I-го разряда. Здание для гимназии – старый деревянный дом на углу ул. Садовой и ул. Верхне-Пешей, выставленный на продажу, купил Н.Д. Селиверстов за 6 тыс. руб. (Очерки истории..., 1997: 76). Помещение отремонтировали, мебель и наглядные пособия приобрели, и 2 сентября 1869 г. начались приемные экзамены. В 1869 г. учебное заведение называлось женским училищем I-го разряда, но уже 24 мая 1870 г. стало именоваться женской гимназией и поступило под Высочайшее покровительство Государыни Императрицы. В 1872 г. была преобразована в прогимназию (Пензенская женская, 1877: 3). Ее деятельность регламентировалась «Положением о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения» 1870 г. В 1873 г. для гимназии построили новое двухэтажное деревянное здание на месте старого.

Торжественное открытие гимназии произошло 20 сентября 1870 г. На открытии Епископ Пензенский и Саранский Григорий сказал: «... Женщина-мать, становясь, так сказать, средоточием семейной жизни, во многом нуждается для того, чтобы ответить окружающей ей домашней среде со всею полнотою, исполнить задачу своего положения в семье со всею точностью. Что в этом случае может помочь женщине – матери как не образование?.. Образование женщины сопутствует ей во всех путях, на всех ступенях жизни, на какие бы она в жизни ни вступила» (Сборник исторических..., 1870: 95).

В первые 4 класса поступило 86 девочек. В женскую гимназию принимали девочек 9-10 лет, всех сословий, вне зависимости от их вероисповедания. Обучались там в большинстве своем дети из обеспеченных семей – дворян и чиновников (Логинава, 2012: 117).

Первой начальницей гимназии была С.В. Ранцева, 40-летняя вдова офицера, дворянка из рода Устиновых. Кандидатуру начальницы заведения утверждал Министр просвещения. Организацией и обеспечением учебно-воспитательного процесса занимался педагогический совет; попечительский совет – вопросами «ближайшего содействия успешному со стороны общества развитию гимназии» (приобретением учебных пособий, увеличением библиотечного фонда и пр.). В педагогический совет входили преподаватели, в попечительский – известные горожане, именитые купцы, чиновники высокого уровня и пр.

Учебный план предусматривал изучение дисциплин – закона Божьего, математики, физики, арифметики, русского языка, педагогики, естественной истории, немецкого и французского языков, географии, чистописания, рисования, пения, рукоделия. К обязательным предметам относились и танцы.

Контроль за учебой и поведением воспитанниц во внешкольное время осуществляли классные дамы. Наблюдение за гимназистками, не имевшими родственников в городе и проживавшими на квартирах, возлагалось на хозяек этих квартир, которые подбирала администрация гимназии.

Курс обучения включал подготовительный класс и непосредственно гимназических семь классов. В подготовительном классе девочки без первоначального домашнего образования могли теперь его получить. Кроме того, в соответствии с «Положением о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения» 1870 г. разрешался по усмотрению руководства гимназии восьмой класс – педагогический. По окончании семи классов обучавшиеся получали аттестат, где каждая гимназистка получала «звание ученицы, окончившей полный курс учения в женской гимназии»; выпускницы восьмого педагогического класса – свидетельство, признававшее их «достойной звания домашней учительницы с правом быть преподавательницей избранного ею предмета и воспитательницею в женских учебных заведениях» (Очерки истории..., 1997: 76).

Стоимость обучения в год составляла 20 руб. и первоначальный взнос на обустройство – 10 руб. (Державин, 1894: 4-5). По инициативе попечительницы гимназии Л.А. Татищевой и председателя Пензенского окружного суда И.И. Мясоедова с целью оказания помощи особо нуждающимся гимназисткам в г. Пензе было создано Общество вспомоществования. Его членами могли стать все, сделавшие значительные пожертвования в его пользу. Благодаря финансовой поддержке этой структуры в гимназии могли учиться воспитанницы, оставшиеся без родителей (Очерки истории..., 1997: 76). Кроме личных пожертвований, учредители Общества организовывали благотворительные музыкальные вечера, театральные представления и т.п. Так, 10 июля 1870 г. в Пензенском

Дворянском собрании прошел «в пользу бедных девиц» Женского училища концерт, давший за вычетом необходимых расходов 227 рублей 53 коп. (Koroleva, 2016: 423). 28 марта 1876 г. состоялся музыкальный вечер, где профессиональные артисты и любители пели и декламировали стихотворения, в ходе которого было собрано 600 руб. (Музыкальный вечер, 1876: 4).

В 1877 г. в гимназии была введена стипендия в честь председателя педагогического совета К.В. Бауэра, который занимался «благотворной деятельностью на пользу прогимназии». Особо ему в заслугу ставилось, что он «со строгою осмотрительностью относился к выбору, по возможности лучших преподавателей, постоянно надзирал за их педагогическою деятельностью, что заботами его открывавшиеся вакансии быстро замещались, так что ученицы не теряли от перерывов преподавания того или другого предмета» (Пензенская женская..., 1877: 3). Местная пресса сообщала: «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, по всеподданнейшему докладу Г. Министра Народного Просвещения, в 14 день февраля 1877 года, ВЫСОЧАЙШЕ соизволил на учреждение при Пензенской женской прогимназии стипендии имени статского советского Бауэра, на собранные по подписке в среде членов попечительского совета прогимназии деньги, в количестве 200 рублей» (Пензенская женская..., 1877: 3). В соответствии с Положением о стипендии она назначалась одной из беднейших прилежных и примерных по поведению учениц самим К.В. Бауэром или педагогическим советом (в случае смерти последнего или отъезда из города).

Пенза была губернским городом. Кроме нее, в Пензенской губернии находились 9 уездных (Саранск, Городище, Мокшан, Инсар, Нижний Ломов, Наровчат, Краснослободск, Керенск, Чембар) и 3 заштатных города (Верхний Ломов, Троицк, Шишкеев). На местах городских обывателей, под которыми понимались почетные граждане, купцы, мещане и цеховые, дворян и чиновников приглашали к учреждению училищ на собственные средства. Но широкого распространения этот призыв не получил. Так, Инсарское городское общество заявило о своей несостоятельности и бедности по причине пожаров в 1854 г. и 1856 г. Нижнеломовское городское общество предпочло ограничиться образованием своих дочерей в частных заведениях, где преподают частные лица «в низшей степени». Наровчатское городское общество свой отказ мотивировало следующим образом: «Г. Наровчат не имеет при себе ни лесов, ни выгонной даже земли, никаких хлебных или других пристаней, и в чем прочем, даже в торговых оборотах, никаких особых выгод, а по сей причине, по незначительности города, стесняемся даже и в снискивании себе необходимого в жизни пропитания; сверх того, неоднократно постигнуты были несчастиями от пожаров, вследствие чего после пожара 1857 г. выдана даже от правительства ссуда погорельцам. При таком положении мы не имеем состояния и возможности ни отдавать дочерей своих для обучения в частные пансионы, с платежом денег, ни открыть особое училище» (Сурина, 1870: 19). Городищенское общество выразило желание иметь училище, но от материального участия отказалось «по ограниченности состояния, незначительности торговли и по проживанию значительной части граждан в других городах Империи, представляющих большие удобства для торговли и промыслов, чем г. Городище» (Сурина, 1870: 19).

30 октября 1858 г. Чембарское городское общество приняло решение, т.е. составило приговор об учреждении первого женского училища в Пензенской губернии. Чембарцы намеревались образовать училище II-го разряда. Но определенная на него сумма, 325 руб. в год (5 руб. – от каждого купеческого капитала, 10 коп. – с каждой мещанской души), оказалась недостаточной для содержания заведения, поэтому общество «ограничилось» приходским женским училищем. Оно было открыто 6 октября 1859 г. и размещалось в доме, пожертвованном почетным гражданином Кононовым.

Краснослободское общество в январе 1860 г. также заявило о намерении открыть училище II-го разряда. Сбор на содержание заведения предусматривал следующую схему: с купцов 1-ой гильдии – 20 руб., 2-ой гильдии – 15 руб., 3-ой гильдии – 6 руб.; с мещан – по 10 коп. с каждого. Дефицит бюджета планировалось покрывать особыми пожертвованиями и дополнительными сборами. В течение года устраивались благотворительные спектакли и собрания, составлялись особые списки «с целью поддержать благое начинание». Вырученная сумма (369 руб. 50 коп.) пошла на обустройство помещения. На пожертвования Городского головы Ненюкова (200 руб.), помещика Манухина (100 руб.) и др. был приобретен дом для образовательного заведения. Однако в связи с нехваткой средств 1 октября 1861 г. было открыто приходское училище.

Затем приходские училища были открыты в Нижнем Ломове (1862 г.), Саранске (1865 г.), Наровчате (1865 г.). Потребность в создании женских образовательных заведений была очевидной, однако она не обеспечивалась достаточными вложениями со стороны государства (Покотилова, Оборский, 2022: 75).

В «Сборнике исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии» за 1870 г. указывалось общее число обучавшихся девочек в светских женских училищах, сельских и частных школах, где обучались дети обоего пола, – 950 чел., с учетом духовных учебных заведений – 1000 чел., т.е. на 597 женщин приходилась только одна учащаяся (Полиновская, 1870: 86-86). И делался объективный вывод: «Много еще можно желать здесь для правильного развития и научного образования женщины» (Сурина, 1870: 23).

5. Заключение

Таким образом, в Пензенской губернии в обозначенных хронологических рамках развитие женского образования шло в общем контексте общероссийских тенденций. Женские гимназии представляли собой важное звено в образовательном комплексе губернии. Образовательные учреждения представляли собой открытые учебные заведения, поступление в которые было обусловлено не сословным происхождением, а возможностью оплатить обучение. Функционирование средней женской школы обеспечивалось, главным образом, активностью местных обществ и отдельных граждан. Казенные поступления были незначительны. В 1880-е гг. в государстве оформилась система женских учебных заведений, просуществовавшая без принципиальных изменений практически до 1917 г.

Литература

- ГАПО – Государственный архив Пензенской области.
- Гошуляк, 2001 – Гошуляк Л.Д. Губернский образовательный комплекс России второй половины XIX – начала XX веков. М., 2001. 384 с.
- Державин, 1894 – Державин Н.Н. Краткий исторический очерк 25-ти летнего существования Пензенской женской гимназии 1869–1894. Пенза, 1894. 18 с.
- Костюкова, 2007 – Костюкова О.А. Становление и развитие гимназического образования в российской губернии в XIX – начале XX века (на примере гимназий Пензенской губернии). Пенза, 2007. 144 с.
- Крапоткина, 2011 – Крапоткина И.Е. Казанский учебный округ в конце XIX – начале XX в. М., 2011. 159 с.
- Логинова, 2012 – Логинова О.А. Социокультурные основания семейного и общественного воспитания провинциальной России в XIX – начале XX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. Гуманитарные науки. 2012. № 2 (22). С. 112-119.
- Макаркина, Полосин, 1998 – Макаркина О., Полосин Н.И. Из истории женского образования в Пензенской губернии // *Краеведение*. 1998. № 4. С. 65-70.
- Мальшева, 2000 – Мальшева Н.В. Профессиональное обучение в системе российского образования конца XIX – начала XX века // *Исторические записки*. Вып. 4. Пенза, 2000. С. 201-207.
- Музыкальный вечер, 1876 – Музыкальный вечер // *Пензенские губернские ведомости*. 1876. № 39. С. 4.
- Сборник исторических..., 1870 – Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии, с прибавлением распределения судебных мировых участков. Пенза, 1870. С. 94-104.
- Очерки истории..., 1997 – Очерки истории народного образования Пензенского края. Пенза, 1997. 398 с.
- Паршина, 2012 – Паршина В.Н. Гендерный аспект образования России второй половины XIX века: историография вопроса // *Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского*. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 879-884.
- Паршина, 2010 – Паршина В.Н. Основные типы начальных женских учебных заведений Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века // *Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского*. Гуманитарные науки. 2010. № 15 (19). С. 95-101.
- Паршина, 2008 – Паршина В.Н. Профессиональные женские учебные заведения в России во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Пензенской губернии) // *Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского*. Гуманитарные науки. 2008. № 9 (13). С. 124–129. Пензенская женская, 1877 – Пензенская женская прогимназия // *Пензенские губернские ведомости*. 1877. № 39. С. 3.
- Пензенский край, 2014 – Пензенский край в истории и культуре России / под ред. О.А. Суховой. Пенза, 2014. 526 с.
- Покотилова, Оборский, 2022 – Покотилова Т.Е., Оборский Е.Ю. Личность, общество и власть в развитии женского образования в Российской империи // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2022. Т. 9 (1). С. 72-80.
- Полиновская, 1870 – Полиновская А.М. Статистический обзор современного состояния народного образования в Пензенской губернии // *Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии, с прибавлением распределения судебных мировых участков*. Пенза, 1870. С. 85–86.
- Полутина, 2006 – Полутина Е.В. Становление и развитие женского гимназического образования в городах Мордовского края в конце XIX – начале XX в. // *Интеграция образования*. 2006. № 2. С. 60-65.
- Романова, 2006 – Романова И.В. Светское образование средневожских губерний в пореформенный период XIX века (1864–1884 гг.). М., 2006. 195 с.

- Садовникова, 2000 – Садовникова Е.И. Педагогические учебные заведения Инсара, Краснослободска и Саранска в начале XX века // *Исторические записки*. Пенза, 2000. Вып. 4. С. 299-306.
- Сурина, 1870 – Сурина М.В. Краткий очерк движения вопроса о женском образовании в Пензенской губернии и его современного положения / *Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии, с прибавлением распределения судебных мировых участков*. Пенза, 1870. С. 8-19.
- Хобсбаум, 1999 – Хобсбаум Э. Век империи: 1875–1814. Ростов на Дону, 1999. 480 с.
- Engel, 2004 – Engel B.A. *Women in Russia, 1700–2000*. Cambridge, 2004. 275 p.
- Koroleva, 2016 – Koroleva L.A. Theater life of provincial Russia in the 1840–1870 (on the example of the Penza province) // *Bylye Gody*. 2016. 40 (2): 420-429.

References

- Derzhavin, 1894 – Derzhavin, N.N. (1894). Kratkii istoricheskii ocherk 25-ti letnego sushchestvovaniya Penzenskoi zhenskoj gimnazii 1869–1894 [A brief historical essay on the 25-year existence of the Penza Gymnasium 1869–1894]. Penza, 18 p. [in Russian]
- Engel, 2004 – Engel, B.A. (2004). *Women in Russia, 1700–2000* [Women in Russia, 1700–2000]. Cambridge, 275 p.
- GAPO – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [State archive of the Penza region].
- Goshulyak, 2001 – Goshulyak, L.D. (2001). Gubernskii obrazovatel'nyi kompleks Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov [The provincial educational complex of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. M., 384 p. [in Russian]
- Khobsbaum, 1999 – Khobsbaum, E. (1999). Vek imperii: 1875–1814 [Age of Empire: 1875–1814]. Rostov na Donu, 480 p. [in Russian]
- Koroleva, 2016 – Koroleva, L.A. (2016). Theater life of provincial Russia in the 1840–1870 (on the example of the Penza province). *Bylye Gody*. 40(2): 420-429.
- Kostyukova, 2007 – Kostyukova, O.A. (2007). Stanovlenie i razvitie gimnazicheskogo obrazovaniya v rossiiskoi gubernii v XIX – nachale XX veka (na primere gimnazii Penzenskoi gubernii) [Formation and development of gymnasium education in the Russian province in the XIX – early XX centuries (using the example of gymnasiums of the Penza province)]. Penza, 144 p. [in Russian]
- Krapotkina, 2011 – Krapotkina, I.E. (2011). Kazanskii uchebnyi okrug v kontse XIX – nachale XX v. [Kazan Educational District in the late XIX – early XX centuries]. M., 159 p. [in Russian]
- Loginova, 2012 – Loginova, O.A. (2012). Sotsiokul'turnye osnovaniya semeinogo i obshchestvennogo vospitaniya provintsial'noi Rossii v XIX – nachale XX v. [Sociocultural foundations of family and public education in provincial Russia in the XIX – early XX centuries]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region*. Gumanitarnye nauki. 2(22): 112-119. [in Russian]
- Makarkina, Polosin, 1998 – Makarkina, O., Polosin, N.I. (1998). Iz istorii zhenskogo obrazovaniya v Penzenskoi gubernii [From the history of women's education in the Penza province]. *Kraevedenie*. 4: 65-70. [in Russian]
- Malysheva, 2000 – Malysheva, N.V. (2000). Professional'noe obuchenie v sisteme rossiiskogo obrazovaniya kontsa XIX – nachala XX veka [Vocational training in the Russian education system of the late XIX – early XX centuries]. *Istoricheskie zapiski*. Vyp. 4, Penza. Pp. 201-207. [in Russian]
- Muzykal'nyi vecher, 1876 – Muzykal'nyi vecher [Musical Evening] (1876). *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 39: 4. [in Russian]
- Ocherki istorii..., 1997 – Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Penzenskogo kraja [Essays on the history of public education of the Penza Territory]. Penza, 1997. 398 p. [in Russian]
- Parshina, 2008 – Parshina, V.N. (2008). Professional'nye zhenskie uchebnye zavedeniya v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (po materialam Penzenskoi gubernii) [Professional women's educational institutions in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Penza province)]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo*. Gumanitarnye nauki. 9 (13): 124-129. [in Russian]
- Parshina, 2010 – Parshina, V.N. (2010). Osnovnye tipy nachal'nykh zhenskikh uchebnykh zavedenii Penzenskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The main types of primary female educational institutions of the Penza province in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo*. Gumanitarnye nauki. 15 (19): 95-101. [in Russian]
- Parshina, 2012 – Parshina, V.N. (2012). Gendernyi aspekt obrazovaniya Rossii vtoroi poloviny XIX veka: istoriografiya voprosa [Gender aspect of the education of Russia in the second half of the 19th century: historiography of the question]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo*. Gumanitarnye nauki. 27: 879-884. [in Russian]
- Penzenskaya zhenskaya, 1877 – Penzenskaya zhenskaya progimnaziya [Penza Women's Gymnasium] *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1877. 39: 3. [in Russian]
- Penzenskii kraj, 2014 – Penzenskii kraj v istorii i kul'ture Rossii [Penza Territory in the history and culture of Russia]. Pod red. O.A. Sukhvoi. Penza, 2014. 526 p. [in Russian]

Pokotilova, Oborskii, 2022 – Pokotilova, T.E., Oborskii, E.Yu. (2022). Lichnost', obshchestvo i vlast' v razvitii zhenskogo obrazovaniya v Rossiiskoi imperii [Personality, society and power in the development of women's education in the Russian Empire]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 9(1): 72-80. [in Russian]

Polinovskaya, 1870 – Polinovskaya, A.M. (1870). Statisticheskii obzor sovremennogo sostoyaniya narodnogo obrazovaniya v Penzenskoi gubernii [Statistical review of the modern state of public education in the Penza province]. *Sbornik istoricheskikh, geograficheskikh i statisticheskikh materialov o Penzenskoi gubernii, s pribavleniem raspredeleniya sudebnykh mirovykh uchastkov*. Penza, pp. 85-86. [in Russian]

Polutina, 2006 – Polutina, E.V. (2006). Stanovlenie i razvitie zhenskogo gimnazicheskogo obrazovaniya v gorodakh Mordovskogo kraja v kontse XIX – nachale XX v. [Formation and development of female gymnasium education in the cities of the Mordovian Territory in the late XIX – early XX centuries]. *Integratsiya obrazovaniya*. 2: 60-65. [in Russian]

Romanova, 2006 – Romanova, I.V. (2006). Svetskoe obrazovanie srednevolzhskikh gubernii v poreformennyi period XIX veka (1864–1884 gg.) [Secular formation of the Middle Volga provinces in the post-reform period of the XIX century (1864–1884)]. M., 195 p. [in Russian]

Sadovnikova, 2000 – Sadovnikova, E.I. (2000). Pedagogicheskie uchebnye zavedeniya Insara, Krasnoslobodsk i Saransk v nachale XX veka [Pedagogical educational institutions of Insar, Krasnoslobodsk and Saransk at the beginning of the 20th century]. *Istoricheskie zapiski*. Penza, Vyp. 4, pp. 299-306. [in Russian]

Sbornik istoricheskikh..., 1870 – Sbornik istoricheskikh, geograficheskikh i statisticheskikh materialov o Penzenskoi gubernii, s pribavleniem raspredeleniya sudebnykh mirovykh uchastkov. Penza, 1870. Pp. 94-104 [in Russian]

Surina, 1870 – Surina, M.V. (1870). Kratkii ocherk dvizheniya voprosa o zhenskom obrazovanii v Penzenskoi gubernii i ego sovremennogo polozheniya [A brief essay on the movement of the issue of women's education in the Penza province and its modern position]. *Sbornik istoricheskikh, geograficheskikh i statisticheskikh materialov o Penzenskoi gubernii, s pribavleniem raspredeleniya sudebnykh mirovykh uchastkov*. Penza, pp. 8-19. [in Russian]

Развитие системы женского образования в Пензенской губернии в 1850–1880 е гг.

Лариса Александровна Королева ^{a, *}

^a Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается эволюция средней женской школы в Российской империи во второй половине XIX в. на региональном уровне – в Пензенской губернии. Характеризуется степень изученности данной проблемы. В 1859 г. в г. Пензе было образовано первое женское училище I-го разряда путем объединения существовавших заведений – дворянского пансиона и частного пансиона Гофман. Спустя два года его закрыли из-за недостатка средств, остался только один пансион Гофман.

С 1862 г. в г. Пензе функционировало училище II-го разряда, где в течение трех лет получали образование, главным образом, девочки городского сословия. В 1869 г. было удовлетворено прошение пензенского губернатора Н.Д. Селиверстова об открытии женского училища I-го разряда, в 1870 г. переименованного в гимназию. Основной контингент обучавшихся в гимназии составляли дети дворян и чиновников. В гимназии руководство осуществлялось начальницей и советами – педагогическим и попечительским. Обучение в гимназии состояло из годового пригготовительного класса, семи общих классов и восьмого класса, педагогического, который давал возможность работать учительницей. Женские училища находились в ведении учебных округов, существовали за счет общественных и частных средств.

Общественность уездных (9) и заштатных (3) городов губернии заявляла о готовности создавать училища II-го разряда, но в условиях дефицита денег учреждали приходские училища (Чембар, Краснослободск, Нижний Ломов, Саранск и др.). Общая численность девушек, обучавшихся в образовательных заведениях всех типов Пензенской губернии, не превышала 1000 человек.

Ключевые слова: Россия, женское образование, Положение о женском училище, пансион, училище, гимназия, Пензенская губерния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 137-147
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.137

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problems of Penal Policy of the Russian Empire in the Literary and Journalistic Heritage of N.M. Yadrintsev and F.M. Dostoevsky

Alexander V. Golovinov ^{a, *}, Egor A. Kulikov ^a, Irina A. Anisimova ^a

^aAltai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

This work is aimed at studying the problems of the criminal-executive (penitentiary) policy of tsarism in the assessments of pre-revolutionary writers – the Siberian regionalist N.M. Yadrintsev and the great Russian novelist F.M. Dostoevsky. Thus, the purpose of the article is to explicate narratives about the essence, content and problems of implementing the penal policy of the Russian Empire in the literary and journalistic heritage of N.M. Yadrintsev and F.M. Dostoevsky. The research is carried out on the basis of an interdisciplinary methodology that organically combines the tools of the “new intellectual history”, hermeneutic content analysis and the paradigm of the “new social history”.

This research approach is aimed at explicating a system of views and concepts on a specific social problem, taking into account the context of the era. The source base for the work was published sources: the corpus of artistic, literary and journalistic texts by N.M. Yadrintsev and F.M. Dostoevsky, dedicated to the problems of prison and hard labor in the history of the Russian Empire.

The authors show that the journalism of the classics of regional thought includes a large component in the field of exile as a form and type of punishment, the fate of exiled settlers, their colonization significance, and extensive problems in the field of prison studies. It is also noted that F.M. Dostoevsky formulated an important idea for penitentiary studies: for work in prison to have the character of not only punishment, but also to have a corrective effect, it must be meaningful and useful.

In general, the authors found that as a means of correction F.M. Dostoevsky understood labor, collective interaction and collective organization, taking into account the rules of community life inherent in this organization, as well as reading, education and training. Level of reflection N.M. Yadrintsev about the state and prospects of imperial penal policy was of a practice-oriented nature.

Keywords: N.M. Yadrintsev, F.M. Dostoevsky, penitentiary studies, penal policy, Russian Empire, convicts, re-education of a criminal, history of prison, exile, hard labor.

1. Введение

Каторжная, ссылка и тюремная тема актуальна во все времена. История государства и права, социальная и политическая история отчетливо показывает нам печальные страницы бытия тюремных застенков. Учреждения исполнения наказания существовали с глубокой древности. Так было и, вероятно, так будет, что человеческое общество не сможет полностью избавиться от девиаций. Изоляция от общества в виде лишения свободы – древний и универсальный институт. Нацеленная на перевоспитание и исправление преступника тюремная система часто слабо достигает таких духовных и нравственных замыслов. Напротив, мир тюремного барака зачастую из-за жутких условий содержания осужденных ресоциализирует преступника, подталкивая его рецидиву. Государственная власть, прежде всего в лице уполномоченного законодателя, принимая некоторые

* Corresponding author

E-mail addresses: alex-golovinov@mail.ru (A.V. Golovinov), kulikoveg@yandex.ru (E.A. Kulikov), anisimovaia@bk.ru (I.A. Anisimova)

узаконения в этой сфере, всегда старается достичь положительного эффекта. Но иногда случается так, что до государственного органа еще надо достучаться, обратив его внимание на конкретную проблему. В этом смысле отечественные писатели и публицисты эпохи «эмансипации» первыми обращали внимание на проблемы содержания осужденных и обличали изъяны уголовно-исполнительной системы Российской империи. Кто-то из них сам познал тяготы тюремного заключения, кто-то в силу гуманистического мировоззрения и благих намерений проникся этой деликатной темой. Пионерами и передовиками этого непростого дела по праву можно считать Ф.М. Достоевского и Н.М. Ядринцева. Потому обращение к наследию русских публицистов и литераторов видится научно значимым. До сих пор преимущественно исследователи были заняты изучением воззрений выдающихся представителей русской литературной школы, несколько принижая роль и значение сибирских писателей в каторжной прозе.

В связи с этим считаем важным выявить и показать восприятие тюремного вопроса писателем Ф.М. Достоевским и отцом сибирской журналистики Н.М. Ядринцевым.

2. Материалы и методы

Эмпирической основой работы выступают опубликованные источники. Прежде всего, это корпус художественных, литературных и публицистических текстов Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского, посвященных проблематике тюрьмы и каторги. Объектом анализа выступили такие произведения, как монография Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке», изданная в 1872 г., повесть Ф.М. Достоевского «Записки из мертвого дома», впервые увидевшая свет в 1862 г., и др.

В качестве дополнительного исторического источника использовались тексты публицистических статей Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского, размещенные на страницах дореволюционной периодики.

Для работы с таким разнообразным и неоднородным материалом, содержащим в себе идеалы и представления отечественных писателей, наиболее востребованной оказалась методология «новой интеллектуальной истории». Данный исследовательский инструментарий направлен на экспликацию системы взглядов и концептов по определенной общественной проблеме с учетом контекста эпохи. Так как настоящая работа предполагает исследование содержания письменных и художественных выражений мыслей дореволюционных авторов, то именно обозначенная методология максимально полно позволяет познать историю формирования, бытования и даже пропаганды определенных идей.

Обращение к имманентному смыслу и содержанию текстовых источников также обязывает применить герменевтический контент-анализ статей и книг Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского.

В качестве вспомогательного исследовательского приема были использованы подходы «новой социальной истории». Такой инструментарий нацеливает исследователя на гуманистические принципы, рассматривая общественные явления в формате приоритета личности, а не государства. Данный мировоззренческий архетип был свойственен исследуемым персоналиям дореволюционной России. Потому обозначенная методология удачно походит для настоящего исследования идей и оценок уголовно-исполнительной политики Российской Империи по литературно-публицистическому наследию Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского.

3. Обсуждение

Современная отечественная историография изобилует различными подходами, оригинальными трактовками и убедительными выводами в области истории общественной мысли эпохи «великих реформ». Так, интеллектуальная галерея и идейное наследие известного писателя-сибиряка Н.М. Ядринцева и классика мировой литературы Ф.М. Достоевского вызывает стабильно высокий интерес в гуманитаристике.

Идейный мир лидеров движения сибирских областников Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина выступает предметом исследования таких авторитетных ученых, как В.А. Должиков ([Должиков, 2023](#)), В.П. Зиновьев ([Зиновьев, 2022](#)), М.В. Шиловский ([Шиловский, 2021](#)), И.Л. Дамешек ([Дамешек, 2019](#)), А.А. Иванов ([Иванов, 2009](#)) и др. Группа современных исследователей раскрывает различные грани идеалов классиков областничества.

Воззрения Н.М. Ядринцева на процесс необходимой гуманизации тюремного вопроса рассматривает барнаульский историк В.А. Должиков. Общий контекст развития областнической мысли изучает томский профессор В.П. Зиновьев, акцентируя роль и влияние движения областников на общественность и периодическую печать. В своих многолетних трудах новосибирский ученый М.В. Шиловский продолжает познавать всю историю областнического движения с момента своего зарождения до упадка. В контексте выстраивания маркеров и паттернов сибирского особого самосознания рассматривает областничество иркутская исследовательница И.Л. Дамешек.

Особую ценность для нашей работы представляют публикации профессора из восточной Сибири А.А. Иванова, который рассмотрел представления идеологов сибирского областничества на воздействие уголовной ссыльной системы на процесс колонизации и освоения сибирского региона.

Таким образом, данная часть историографического обзора свидетельствует о том, что несмотря на разработанность темы истории областнического движения, конкретные взгляды Н.М. Ядринцева на уголовно-исполнительную систему современной ему России рассматривались только избирательно и фрагментарно.

В настоящей работе с учетом историографических успехов как раз и предпринимается попытка исследовать данный пласт идейного мира известного сибиряка.

Отечественные гуманитарии откровенно балуют своим вниманием идейное наследие выдающегося русского литератора Ф.М. Достоевского. Так как в нашей работе предполагается исследовать представления гения русской словесности о тюрьме и мире арестантов, то историографический обзор выстроим в фокусе только этой проблематики.

Семантика тюремных застенков в произведениях Ф.М. Достоевского рассматривается в работах В.О. Зверева. Ученый историк акцентирует специфику тюремной субкультуры в процессе ее зарождения, эволюции и трансформации в среде арестантов по произведениям Ф.М. Достоевского. Авторский интерес к «Запискам из Мертвого дома» обусловлен задачей показать, как в русской литературе описывались характеры каторжан, их социальная самоорганизация, особый сленг и жаргон (Зверев, 2022). Для этого сибирский ученый также обращает внимание на наследие С.В. Максимова, А.П. Чехова и В.М. Дорошевич.

А.М. Фумм посвятила свои работы онтологии острожных замков в прозе Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова. Автор отмечает, что основоположником русской тюремной прозы по праву считается Ф.М. Достоевский. Его повесть «Записки из Мертвого дома» наделала в свое время очень много шума (Фумм, 2015).

В качестве особого блока историографии можно выделить исследования, которые связывают труды видных русских литераторов с Сибирью, областничеством, творчеством и деятельностью Н.М. Ядринцева. Так, первой в отечественной науке изучила вопрос влияния работ известного сибиряка на художественный метод Л.Н. Толстого при написании романа «Воскресенье» А.Г. Кандеева. В работе «Л.Н. Толстой читает Н.М. Ядринцева» автор высказывает мысль о глубоком воздействии содержания книги областника «Русская община в тюрьме и ссылке» на мировоззренческие ориентиры выдающегося русского писателя и философа. Материал, собранный Н.М. Ядринцевым, служил фактологической базой при создании так называемого последнего романа Л.Н. Толстого (Кандеева, 1990).

Е.Г. Новикова оригинально показывает, как идеологи сибирского областничества воспринимали Ф.М. Достоевского, позиционируя его как представителя движения петрашевцев. Современный исследователь убедительно доказывает, что «Записки из Мертвого дома» крепко повлияли на публицистику раннего сибирского областничества. Общность судеб, скрепленная стенами омского острога, формировала Н.М. Ядринцева как истинного собрата Ф.М. Достоевского по духу и мировосприятию. Автор высказывает мысль о том, что условия содержания узника Ф.М. Достоевского и лидеров областнического течения были несопоставимо различными. Имея больше свободы для перемещения по казематам омского тюремного учреждения, Н.М. Ядринцев много общался с сидельцами. Данный фактический материал вошел в его первую крупную книгу (Новикова, 2020).

Таким образом, обращение к историографии вопроса свидетельствует о накопленном багаже новых интерпретационных оценок, доводов и сведений о воззрениях русских писателей второй половины XIX в. о тюремном вопросе в царской России. Вместе с тем до сих пор нет исследования, в котором органично в ракурсе диалектического единства рассматривались бы идеалы содержания уголовно-исполнительной политики Российской Империи в литературе и публицистике Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского. В настоящем материале как раз и преследуются данные исследовательские цели.

4. Результаты

4.1. Н.М. Ядринцев о насущных проблемах уголовно-исполнительной политики Российской Империи

Литературно-публицистическое наследие Н.М. Ядринцева, основоположника движения сибирских демократических регионалистов (областников), изобилует глубоким анализом политики царизма в сфере исполнения наказания. Уголовно-исполнительная политика Российской Империи оценивалась сибирским просветителем исключительно с критических позиций. Отчетливо осознавая, что любое общество, к сожалению, не может существовать без девиаций, публицист рассматривал преступления и противоправные злодеяния как трагическую часть онтологии любого социума.

Публицистика Н.М. Ядринцева повествует о ссылке как форме наказания. Он пишет о судьбах ссыльнопоселенцев, об их колонизационном значении, поднимает вопросы тюремноведения. Такой неподдельный интерес и сформировавшаяся авторская гуманистическая позиция в пенитенциаристике может быть объяснима двумя обстоятельствами.

Во-первых, одной из центральных проблем развития сибирского региона выступала многочисленная штрафная колонизация. Тема ссылки, каторги и бродяжничества имела витальный смысл для родной и горячо любимой Н.М. Ядринцевым «Восточной окраины». Таким образом, понимая вопрос о ссылке самым насущным для Сибири, просветитель считал, что скорейшая отмена этого наказания по уголовному закону Российской Империи приведет к росту благосостояния отчего

края. Потому множество произведений и писательских творений известного сибиряка были посвящены самому детальному и скрупулезному разбору ссылки и ее последствий.

Во-вторых, биография сибирского просветителя включала в себя печальный фрагмент непосредственного знакомства с миром стен пенитенциарных учреждений Российской Империи. Николай Михайлович сполна отведал тюремных щей и до дыр сносил арестантский халат. Три года, с 1865 по 1868 г., молодой подвижник Сибири провел в камерах Омского острога. Причем такого самого места, о котором так подробно писал выдающийся русский писатель Ф.М. Достоевский еще в 1860-м г. на полосах известной газеты «Русский мир». Федор Михайлович также отдал несколько лет своей жизни казематам омской тюрьмы. В «Записках из мертвого дома» дается подробное описание тех условий, в которых проводят тягостные дни арестанты всех мастей.

Отметим, что Н.М. Ядринцев привлекался к уголовной ответственности по так и не доказанному делу о «сибирских сепаратистах». Впоследствии Николая Михайловича полностью оправдают и восстановят во всех правах. Делая скромный экскурс в историю вопроса, отметим, что все следственные мероприятия, к которым привлекался Н.М. Ядринцев, официально закончились 27 ноября 1865 года. С этого времени и начался период жизни писателя в качестве узника и арестанта.

Как доподлинно известно, итогом работы омской следственной комиссии стало откровенное признание Г.Н. Потанина, который взял на себя ношу главного преступника-дизинтегратора. Стоит полагать, что в идеологическом смысле для областничества как системы взглядов акт признания не имел столь важного значения. Юные мечты о свободной Сибири только приобретали свое теоретическое обоснование. Как известно, признать – не значит отказаться. Очень любопытно, что практически сразу после того как основоположник сибирского регионализма взял основной удар на себя, ум его не остыл от протестных настроений. Как следует из воспоминаний, Г.Н. Потанин получил в награду за свое откровенное признание первую книгу. Это было Евангелие. Повторялась история Ф.М. Достоевского, которому на пути в острог Омска жены декабристов подарили Библию – единственную книгу, сопровождавшую его долгое время.

В многочисленных донесениях, отчетах и иных материалах следствия мы не находим, чтобы кто-то из арестантов также откровенничал с политической полицией. Так, согласно отчетным материалам органов дознания, «Ядринцев первоначально сознался только в том, что получил воззвание в Петербурге по почте, и от неизвестного... В нем проявлялось желание сознаться и раскаться, но вместе с тем его как будто удерживала боязнь скомпрометировать себе перед другими сообщниками и нежелание выдать их» (Потанин, 2002: 47).

Шесть непоротых месяцев продолжала свою работу учрежденная в Омске следственная комиссия. По окончании следствия Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, С.С. Шашкова и др. перевели из тюремного замка в крепость. Николаю Михайловичу и всей группе мечтателей-сепаратистов пришлось почти три года ожидать приговора. «Через 3 года тяжелого заключения, – вспоминал Н.М. Ядринцев, – вышла конфирмация. Потанину объявили приговор на эшафот и заковали в кандалы» (Ядринцев, 1904: 158).

По официальным источникам известно, что окончательный приговор был вынесен только в июне 1868 года. Николай Михайлович о решении судебного органа вспоминал так: «Суд был к нам строг: меня, Потанина и Шашкова приговорили к 12 годам каторги, но после наказание смягчили, в виду молодости и долгого ожидания под следствием» (Ядринцев, 1904: 158).

Полагаем, что Н.М. Ядринцев, пребывая в застенках омского острога, крепко задумался о бытии заключенных, условиях их содержания, о природе тюремных сообществ, способах исправления преступников и о гуманизации пенитенциарной политики царизма. Оказалось, что личные переживания и непосредственное включение в пространство учреждений уголовно-исполнительной системы хорошо подтверждали доводы, догадки и теории о решении «самого насущного вопроса Сибири» – избавления ее от клейма исключительного места каторги, тюрьмы и ссылки.

Таким образом, с одной стороны, истинные патриотичные чувства к своей малой родине, а с другой, опыт непосредственной жизни среди осужденных выступили первопричинами глубокого исследования Н.М. Ядринцевым проблем политики в сфере исполнения наказания.

Самые первые публикации просветителя в области государственной уголовно-исполнительной политики вышли в свет в 1868–1869 гг. Хронологически можно установить, что уголовная тематика стартовала и развернулась на столбцах серьезного издания – журнала «Дело».

Итак, в девятом номере учено-литературного журнала за 1868 г. будет опубликована статья лидера движения сибирских областников, посвященная проблемам бродячего населения в Сибири. Рассматривая феномен бродячего элемента, Н.М. Ядринцев акцентирует внимание на том, что русский народ издавна имел склонность к бродячеству. Слабая заселенность и обширность территорий привлекала отдельные социальные группы к незанятым местам. По мысли просветителя, государственный строй древней Руси этому только сопутствовал. Дело усугублялось многообразием притеснений различного рода. Все это происходило на фоне споров независимых княжеств с Москвой. Как следствие, эти обстоятельства вызывали обширные миграционные потоки на окраине большой Империи. Побег, как замечал Н.М. Ядринцев, составляли чуть ли не единственное средство избавиться от дурной обстановки и тягостной жизни в таком обществе. Как в древней, так и в новой

Руси бегство и бродяжество были единственным протестом личности против стеснявших его обстоятельств. Тяжело было русскому человеку от крепостного права, на него давил воевода, его брали в войско, начинали записывать в податной подушный оклад, запрещали исповедовать старую веру и накладывали тяжелую подать (Ядринцев, 1868: 233). Все это, по мнению известного сибиряка, выступало драйвером брожения по пространству необъятного русского царства.

Тема ссылки как вида уголовного наказания прозвучала с опорой на статистические данные в другом петербургском издании – газете «Неделя». 14 августа 1877 г. столбцы центральной газеты снова пестрили полемикой о ссыльной системе. Н.М. Ядринцев, будучи последовательным гуманистом и демократом, в тоне мировоззрения народнического толка акцентировал внимание на положении детей в сложившейся системе ссылки. Данные, которые приводил просветитель, были безрадостными. По его сведениям, смертность детей в пересыльной тюрьме оказалась огромной. Она составляла 58 % от всей смертности. С 1867 по 1871 гг. в Сибирь за родителями пришло 12 627 детей. За каторжными следует 22 % детей, за ссыльнопоселенцами – 18 % (Ядринцев, 1877: 1104). Такая панорама трагической картины штрафной ссыльной системы, по мысли писателя-сибиряка, выступала еще одним аргументом в деле отмены это вредоносного уголовного наказания.

Судьбы детей интересовали Н.М. Ядринцева не только в контексте воздействия на них пагубных последствий неразборчивой штрафной колонизации. Мыслитель обратился к вопросу положения детей-преступников в тюремных замках Российской Империи. «Что касается тюремного заключения, – отмечал просветитель, – применение тех же условий к детям, что ко взрослым только лишь приведет на путь порока и сделает окончательное огрубление и извращение малолетних арестантов» (Ядринцев, 1874: 76). Н.М. Ядринцев заключал, что взгляды криминалистов и сложившаяся уголовно-исполнительная практика на режим тюремного содержания малолетних заключенных должна быть немедленно гуманизирована. Аппелируя историко-правовой методологией, просветитель оценивал генезис такой последовательной исправительной практики и констатировал, что она не до конца удалась. Первые попытки создания колоний для малолетних в виде отдельных пенитенциариев, отличающихся от учреждений тюремной системы для взрослых, состоялись в Париже в 1836 г.

В отечественном действующем законодательстве такой подход применили только почти спустя 30 лет. «В Судебных Уставах 20 ноября 1864 г. – обнаруживал Н.М. Ядринцев, – впервые была выражена мысль о необходимости исправительных приютов для детей-преступников. Для приведения в исполнение изложенного в приведенной статье устава, для желанья законодателя составлены были особые правила для детских исправительных приютов, удостоившихся Высочайшего утверждения 5 декабря 1866 г.» (Ядринцев, 1874: 78).

Отделение несовершеннолетних арестантов от взрослых сидельцев и учреждение для данной категории подневольных специального режима содержания просветитель считал лишь робким и несмелым шагом.

Последующим этапом в деле перевоспитания малолетних осужденных публицист предлагал скорейшее введение воспитательного надзора в целях нравственного воздействия на детей преступников. Снова на полосах центральной периодики, в столичной газете «Голос», в 1875 г. писатель-сибиряк крепко взялся за анализ «Тюремного Устава» и «Положения об отделении малолетних арестантов при петербургском тюремном замке». Герменевтическая аналитика буквы данных нормативных актов и гносеологические рассуждения отчетливо позволили установить, что роль воспитателя ставится в полную зависимость от тюремного смотрителя. Н.М. Ядринцев обнаруживал, что воспитатель состоит только на правах помощника надзирателя тюремного замка.

Итогом глубокого погружения в эту сторону тюремного быта несовершеннолетних преступников становится целый ряд чрезвычайно убедительных выводов. Просветитель отмечал: «1) Воспитательный надзор слишком ограничен в своих правах: тюремная администрация требует от него отчета за каждый шаг; 2) Значение воспитательного надзора вполне игнорируется тюремной администрацией, которая допускает вмешательство в жизнь отделения даже низших чинов тюремной полиции: городских, фельдфебеля и тому подобных; 3) К постановлениям исправительного совета относительно отделения малолетних тюремная администрация относится весьма недружелюбно и тормозит их в значительной мере» (Ядринцев, 1875: 1).

Общественно-политической мысли Н.М. Ядринцева было свойственно диалектическое начало. Потому взаимодействие воспитателей и тюремных служащих он рассматривал в диалектической симфонии единства в деле исправления преступного элемента среди малолетних. По выводам известного сибиряка, отношения воспитательного надзора и тюремной администрации оставались двусмысленными и неопределенными. Отсутствие синергии и слаженности в их профессиональной деятельности нередко приводило к отмене различных распоряжений участников воспитательного воздействия со стороны осторожных смотрителей. В то же время воспитательный надзор часто упрекали в том, что он не сообщал администрации тюремного учреждения о каждом, даже самом незначительном проявлении беспорядков среди малолетних осужденных.

Организация профессиональной деятельности корпуса служащих в тюремных учреждениях впоследствии детально рассматривалась просветителем в рамках объемной книги «Русская община в тюрьме и ссылке» 1872 г. Также в критических тонах рисовал облик надзирателя сибирский публицист.

Оценивая профессию надзирателя в дореволюционной России, Н.М. Ядринцев констатировал тотальную безграмотность и умственную недалекость этой категории государственных служащих. Вот что находим в первой крупной книге известного сибиряка: «Полицейских чиновников назначали в смотрители, имея в виду их знакомство с преступниками, военных за их распорядительность и энергию; но компетентность полицейских чиновников далеко не оправдывалась, также как энергия и распорядительность смотрителей из военных не приводила к цели. Это был народ почти без всякого образования...» (Ядринцев, 1872: 164). Конечно, должности надзирателей нельзя было назвать желанными и востребованными. Потому контингент данной профессиональной группы составляли бывшие полицейские и военные. Цель перевоспитать преступника, как взрослого, так и малолетнего, таким корпусом некомпетентных сотрудников пенитенциариев практически оказывалась недостижимой. Как замечал Н.М. Ядринцев, унтер-офицеры назначались в большие губернские остроги с причудливым, артистичным и продвинутым арестантством, уровень развития которого значительно превышал способности унтер-офицеров. Потому надзиратели играли жалкую роль в регуляции острожной жизни, а заключенные наддували их почти на каждом шагу (Ядринцев, 1872: 169).

4.2. Мир тюремных застенков в литературно-публицистическом творчестве Ф.М. Достоевского

Отечественная пенитенциарная наука традиционно опирается на глубокие теоретические исследования тюремного вопроса, представленного трудами дореволюционных ученых-юристов уголовно-правового направления И.Я. Фойницкого, Н.С. Таганцева, А.Ф. Кистяковского и ряда других. Однако не менее полезным для расширения гносеологического горизонта учения о наказании представляется обращение к публицистической и художественной литературе, созданной выдающимися русскими писателями и общественными деятелями XIX – начала XX вв. Некоторые из них воочию были знакомы с реальностью карательной политики России, имели возможность увидеть быт исправительных учреждений изнутри. Речь идет, в частности, о работах Ф.М. Достоевского, проявившего в них не только талант внимательного и квалифицированного бытописателя, но и способности к тонкому психологическому анализу и глубокому философскому рефлексированию.

Обстоятельное наследие Ф.М. Достоевского, доступное на сегодняшний день, не позволяет в полной мере отразить все стороны тюремного быта, однако концентрация на некоторых существенных моментах дает возможность охватить и осмыслить ключевые идеи писателя, затрагивающие, в частности, вопросы пенологии и пенитенциаристики. Разумеется, Ф.М. Достоевский выступал не в роли скрупулезного ученого и дотошного исследователя. Он рисовал живые образы и высказывал соображения, представляющие ценность для лучшего понимания сущности наказания, связанного с изоляцией от общества, его карательного и исправительного воздействия.

Характерной чертой Ф.М. Достоевского выступает своеобразная незаикленность на свойствах и средствах наказания. Хотелось бы также отметить и реализм писателя. Он достаточно далек от идеализации каких-либо исправительных мероприятий, равно как и от нигилистического отношения к карательно-исправительной системе в целом. Думается, что этот реализм выступил результатом его собственного знакомства с этой системой. В рамках настоящего исследования обратимся к трем значимым и затрагивающим пенитенциарные вопросы работам Ф.М. Достоевского, а именно к публицистическим заметкам, объединенным в «Дневник писателя», а также к автобиографическому роману «Записки из мертвого дома» и к заключительной части романа «Преступление и наказание».

Интерес представляет описанный Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя» за 1876 год эпизод посещения им колонии малолетних преступников: «Колония малолетних преступников. Мрачные особи людей. Переделка порочных душ в непорочные. Средства к тому, признанные наилучшими. Маленькие и дерзкие друзья человечества» (Достоевский, 2010: 236). В частности, он рассматривал то, что сейчас принято называть средствами исправления, которые применяются в отношении малолетних преступников. Все впечатления о воспитанниках названного заведения могут быть выражены одной фразой писателя: «Да, эти детские души видели мрачные картины и привыкли к сильным впечатлениям, которые и останутся при них, конечно, навеки и будут сниться им всю жизнь в страшных снах. Итак, с этими ужасными впечатлениями надобно войти в борьбу исправителям и воспитателям этих детей, искоренить эти впечатления и насадить новые; задача большая» (Достоевский, 2010: 239).

Вполне закономерен отсюда и вопрос, который Ф.М. Достоевский задавал директору колонии относительно применяемых средств исправления, на что следует ответ: «Труд, совершенно иной образ жизни и справедливость в обращении с ними; наконец, и надежда, что в три года, сами собою, временем, забудутся ими старые их пристрастия и привычки» (Достоевский, 2010: 239). В ходе пребывания в колонии воспитанники овладевают ремесленной профессией и получают документ. Далее писатель расшифровывал сжато сформулированные директором средства воздействия. В качестве основного он описывал труд, результаты которого в виде разного рода поделок реализуются, а полученные средства идут в пользу воспитанников. Вторым средством Ф.М. Достоевский называл «самосуд», своего рода товарищеский суд над провинившимися. Наказание в данном случае – отлучение от игр (как бы «изгнание», временное приостановление статуса «своего» для остальных воспитанников). Крайнее же средство – помещение в своеобразный «изолятор», т.е. отлучение от всей колонии (Достоевский, 2010: 240).

Достаточно критично Ф.М. Достоевский высказывался и по поводу обращения воспитателей к воспитанникам: «...гуманное и до тонкости предупредительное обращение с мальчиками воспитателей... не совсем достигает в некоторых случаях до сердца этих мальчиков и уж конечно, и до их понятия», в частности, обращение «Вы» ко всем, даже к самым маленьким, по причине чего «может быть, мальчики, попав сюда, сочтут это лишь за господскую затею» (Достоевский, 2010: 243). Впрочем, в этой части писатель уже не на столько категоричен. Скорее, мы можем наблюдать проявление его почвеннических мировоззренческих установок.

Наконец, Ф.М. Достоевский характеризовал третье средство исправления, применявшееся в колонии – это чтение. «Чтение, если уж оно допущено, конечно, есть чрезвычайно развивающая вещь, но я знаю и то, что если б и все наши просветительные силы в России, со всеми педагогическими советами во главе, захотели установить или указать: что именно принять к чтению таким детям и при таких обстоятельствах, то, разумеется, разошлись бы, ничего не выдумав, ибо дело это очень трудное и решается окончательно не в заседании только. С другой стороны, в нашей литературе совершенно нет никаких книг, понятных народу» (Достоевский, 2010: 244). Сейчас эти сомнения могут быть не вполне понятными, однако же если учесть, что на 1876 г. еще не было ни советского ликбеза, ни всеобщей системы обязательного начального образования, ни народной литературы, а литература была делом преимущественно дворянского и интеллигентского (разночинного) сословий, т.е. по сути, все той же господской забавой, то подобного рода почвеннические замечания вполне оправданны. Общее впечатление Ф.М. Достоевского от колонии было вполне позитивным. Он писал: «Впрочем, я простился с колонией с отрадным впечатлением в душе. Если что и не «налажено», но есть, однако же, факты самого серьезного достижения цели» (Достоевский, 2010: 246). Эпоха 1860–1870 годов – время больших ожиданий и новых надежд, время падения векового крепостного права, отсюда такие впечатления также вполне понятны.

Для пенитенциаристики важно подчеркнуть, что приведенные Ф.М. Достоевским средства исправления вполне приемлемы для воспитательных колоний, однако же надо учитывать и определенные моменты. С одной стороны, современное российское общество довольно долго жидилось на индивидуалистских началах, и индивидуализм по западноевропейскому образцу прочно вошел в нашу жизнь. Ф.М. Достоевский все-таки описывает коллективистское общество, но, с другой стороны, коль речь идет о работе с несовершеннолетними преступниками, можно предположить действенность такого рода средств, в том числе и в целях возрождения в будущих поколениях россиян коллективистских начал как преобладающих поведенческих установок.

Произведение «Записки из мертвого дома» дает достаточно обширный материал описательного характера. В нем описывается быт каторжных заключенных, а также представлен потрясающий набор психологических портретов этих заключенных. Среди них имеются как представители простого народа, так и привилегированные слои населения Российской империи.

В рамках настоящего исследования, однако, более всего интересны те идеи, которые писатель формулирует относительно самой пенитенциарной системы, ее устройства, достоинств и недостатков, которые также в указанном произведении можно найти: «Тут был свой особый мир, ни на что не похожий, тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо мёртвый дом, жизнь – как нигде, и люди особенные» (Достоевский, 1911: 12). Хочется подчеркнуть во многом современность такой первичной характеристики мест лишения свободы, которую мы встречаем в самом начале «Записок из мертвого дома» (далее «Записки...»).

На примере своего острога Ф.М. Достоевский показывал разряды заключенных, в соответствии с которыми они отбывали наказание. Речь идет о дореформенной системе разрядов, поскольку сам писатель находился в остроге с 1850–1854 гг. «Все это разделялось по степени преступлений, а следовательно, по числу лет, определённых за преступление. Надо полагать, что не было такого преступления, которое не имело бы здесь своего представителя» (Достоевский, 1911: 12).

Ф.М. Достоевский описывал три основных разряда заключенных острога. При всей краткости наброска чувствуется попытка уже дать краткую характеристику каждому разряду и между строк поставить вопрос о возможностях исправительного воздействия на каторжных острожной жизни. И всего меньше такому воздействию способствует нераздельное нахождение таких разных людей в одном месте в течение длительного периода жизни. Острог в Царской России, по сути, составлял параллельное общество, даже параллельную реальность, представляя собой обратное зеркало свободного общества.

На вопрос о том, почему же наказание в виде помещения в острог обладает не столько исправительным, сколько карательным свойством, Ф.М. Достоевский формулировал ответ в следующей главе, описывая, что именно придает этому наказанию необходимый уровень мучительности и болезненности. Первым очевидным элементом выступает само лишение свободы, т.е. изоляция от общества. В качестве второго писатель характеризует вынужденную работу.

Тем самым Ф.М. Достоевский сформулировал важную для пенитенциаристики мысль: чтобы работа в заключении имела характер не только кары (причем кары невыносимой), но и оказывала в какой-то мере исправительное воздействие, она должна быть осмысленной, полезной. Полностью же бессмысленная работа сродни смертной казни посредством медленной смерти.

Другой элемент так описан Ф.М. Достоевским: «...кроме лишения свободы, кроме вынужденной работы, в каторжной жизни есть ещё одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другие. Это: вынужденное общее сожительство. Общее сожительство, конечно, есть и в других местах; но в острогах приходят такие люди, что не всякому хотелось бы сживать с ними, и я уверен, что всякий каторжный чувствовал эту муку, хотя, конечно, большею частью бессознательно» (Достоевский, 1911: 35).

Здесь также поднималась проблема коллективного исправительного воздействия: возможно, в условиях свободы, где человек сам выбирает, к какому коллективу ему присоединиться, либо изначально воспитывается в таком коллективе (община, мир), такое воздействие и существует, но в условиях не просто вынужденного совместного проживания, а вынужденного совместного проживания преступников, скорее можно было усвоить обычаи и нравы преступного мира, окончательно обзлиться на общество, чем исправиться, восстановиться в виде полноценного члена общества.

Наконец нельзя не упомянуть и о еще одной поднимаемой Ф.М. Достоевским пенитенциарной проблеме. Это проблема справедливости, то есть соразмерности воздействия, оказываемого наказанием, тому совокупному вреду, который причиняется преступлением. Писатель ведет речь не столько о соразмерности наказания и преступления, сколько о соразмерности режима отбывания наказания и тяжести совершенного преступления. Какой бы ни была детально регламентированной система наказаний по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, необходимого уровня индивидуализации наказания, особенно в части его исполнения, она не обеспечивала. Такую мысль и обрисовывал в художественных красках Ф.М. Достоевский.

В приведенном же фрагменте косвенно писателем обозначена еще одна идея, имеющая отношение и к пенитенциаристике, и к исправительному воздействию. Эта идея позволяет нам перейти в анализе взглядов Ф.М. Достоевского к роману «Преступление и наказание», в эпилоге которого писатель ее формулирует в более подробном виде. Речь идет о том, что какими бы ни были качественными исправительные средства – труд, коллективная, общинная жизнь, справедливое отношение, – исправление как таковое является индивидуальным делом осужденного и может произойти только после определенных изменений в его душе, в его нравственных устоях. И в романе «Преступление и наказание» одним из условий нравственного перерождения Ф.М. Достоевский называет любовь.

Прежде всего писатель указывал, что ни в ходе расследования, ни в ходе суда, ни даже в начальный период отбывания наказания Раскольников не испытывал раскаяния в содеянном, не считал, что вообще совершил что-то дурное, а укорял себя лишь за то, что не выдержал своего преступления и явился с повинной. Но при этом в душе его идет интенсивная работа, размышления и о себе, и об окружавших его арестантах. И дело это исключительно внутреннее, хотя в нем и осуществляется преломление всего, что происходит вокруг него.

Необходимым считаем привести позицию П.В. Тепляшина, который выделяет славянский тип пенитенциарной системы и наделяет эту систему следующими чертами: «Для славянского типа европейских пенитенциарных систем характерны поиск сбалансированного подхода к решению дилеммы между обеспечением общественной безопасности и соблюдением доктрины прав человека, подведомственность органов управления пенитенциарными учреждениями соответствующим министерствам юстиции, достаточно высокий коэффициент заключенных, как правило, минимальное количество иностранных осужденных, отрядная модель отбывания лишения свободы» (Тепляшин, 2018: 204-205).

Таким образом, на постсоветском пространстве (а ранее – на пространстве Российской империи) исторически сложился особый тип системы исполнения наказания в виде лишения свободы. Его основные черты, включающие достоинства и недостатки, выделяемые еще Ф.М. Достоевским, сформировались в XIX веке и получили определенное развитие в веке XX. Они сохраняются и до сегодняшнего дня. Многочисленные реформы, предпринимаемые на рубеже XX–XXI вв., сталкиваются не только с недостаточным финансированием как основным препятствием, но и с более глубинными чертами, которые стоит рассматривать не только в смысле их преодоления, но и в смысле их учета для более грамотного построения концепции реформирования уголовно-исполнительной системы.

5. Заключение

Итак, подведем итоги исследования. В целом уровень рефлексии сибирского просветителя Н.М. Ядринцева о состоянии и перспективах имперской уголовно-исполнительной политики носил практико-ориентированный характер. Метафизика и онтология тюремной жизни оригинально наполнялась фактами и убедительными аргументами. Умозрительные заключения об истинных проблемах пенитенциарной политики сочетались с впечатлениями личного опыта острожной жизни и подкреплялись фактами и статистикой, а также органично сочетались с анализом официальных нормативно-правовых актов.

Такие обстоятельства привлекали внимание крупных чиновников и ученых юристов. Так, на разработки Н.М. Ядринцева ссылался начальник Главного тюремного управления с 1896 г.

А.П. Саломон. Ранее сибирский интеллеktуал трудился секретарем при комиссии по тюремным преобразованиям, за действия которой отвечал В.А. Соллогуб.

Н.М. Ядринцев был лично знаком и состоял в переписке с профессором уголовного права И.Я. Фойницким. Накопленные писателем-сибиряком сведения в области тюрьмоведения использовались ученым-пенитенциаристом, а также начальником Главного тюремного управления с 1879 по 1896 г. М.Н. Галкиным-Враским.

Ознакомление широкой общественности с проблематикой ссылки, каторги и тюрьмы оказалось весьма успешным делом. В среде образованных интеллигентов книга Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» также вызывала неподдельный интерес. Известно, например, что выдающийся русский литератор Л.Н. Толстой использовал тюрьмоведческое произведение сибирского публициста как фактический материал, работая над романом «Воскресенье».

Таким образом, в идейно-публицистическом наследии лидера областнического движения особое место занимала пенитенциарная и уголовная проблематика. Суждения, оценки и разумная критика уголовно-исполнительной политики царизма получили оформление в синтезе умозрительных и практических предложений и выводов просветителя.

Анализ фрагментов трех произведений Ф.М. Достоевского («Дневника писателя», «Записок из мертвого дома» и «Преступления и наказания») позволяет отметить несколько существенных моментов, отражающих позицию писателя в области пенитенциарной (уголовно-исполнительной) политики Российской империи второй половины XIX в.

Во-первых, в качестве средств исправления он называл труд, коллективное взаимодействие и даже своего рода коллективную организацию (прообраз отряда в современной системе исполнения наказаний), а также действие присущих этой организации правил общежития и чтение, а в широком смысле – образование и обучение.

Во-вторых, в то же время Ф.М. Достоевский подчеркивал условность и относительность этих средств исправления, показывая, что каторжный труд, доведенный до абсурда, имеет не исправительное, а уничтожающее воздействие: вынужденное совместное проживание угнетает, создает карательный эффект и нисколько не исправляет, а чтение в острожной жизни ограничено.

И в-третьих, главным выводом писателя относительно возможностей исправительного воздействия пенитенциарной системы является идея о том, что исправление представляет собой длительный и напряженный внутренний процесс, непрестанную работу осужденного над собой, который вряд ли способен запуститься сам, без какого-либо внешнего возрождающего воздействия. В качестве средства такого возрождения и воскрешения Ф.М. Достоевский называет любовь, способную пробудить даже в совершенно духовно погибшем человеке лучшие чувства и запустить в нем процесс внутренней душевной работы, направленной на его возрождение. Естественно, что любая пенитенциарная система не способна оказать такое воздействие, а может лишь создать для этого необходимые условия и не мешать такому воздействию. Требуется прежде всего сознательная работа над собой, а государство в лице учреждений уголовно-исполнительной системы может лишь обеспечить условия для запуска и работы внутреннего механизма духовного развития человека.

Литература

Дамешек, 2019 – Дамешек И.Л. Областническая концепция как выражение сибирского самосознания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» / Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков: Коллективная монография / Научный редактор Л.М. Дамешек. Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью. Издательство Отгиск, 2019. С. 98-120.

Достоевский, 2010 – Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 436 с.

Достоевский, 1911 – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. С многочисленными приложениями. Том шестой: Записки из Мертвого Дома. Петербург: Типо-литография Товарищества «Просвещение», Забалканский проспект, 1911. 612 с.

Должиков, Головинов, 2023 – Головинов А.В., Должиков В.А. Проблема гуманизации отечественной пенитенциарной системы в политико-правовом идейном наследии сибирских областников // *Вестник Томского государственного университета. История*, 83. 2023. 5-13. DOI: 10.17223/19988613/83/1

Зверев, 2022 – Зверев В.О. История тюремной субкультуры в произведениях русских авторов // *Общество и право*. 2022. №1 (79). С. 17-20.

Зиновьев, Филонов, 2022 – Зиновьев В.П., Филонов И.Д. "Сибирский вестник" и сибирское областничество: эволюция отношений в 1885 - 1905 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. 484. С. 121-126.

Иванов, 2009 – Иванов А. А. Лидеры областнического движения о роли уголовной ссылки в освоении Сибири // *Известия Алтайского государственного университета*. 2009. №4-3(64). С. 96-99.

Кандеева, 1990 – Кандеева А.Г. Л.Н. Толстой читает Н.М. Ядринцева // *Прииртьишье мое: Краеведческий сборник*. Омск. 1990. Вып. 2. С. 216-230.

- Новикова, 2020** – Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. статья вторая // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. №67. С. 22-26.
- Потанин, 2002** – Потанин Г.Н. Воспоминания (отрывки) / Дело об отделении Сибири от России / Сост. Н.В. Серебренников. Томск. Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 41-48.
- Тепляшин, 2018** – Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 412 с.
- Фумм, 2015** – Фумм А.М. Тюрьма в русской литературе второй половины XIX в. // *Вестник Самарского юридического института*. 2015. №2 (16).
- Шиловский, 2021** – Шиловский М.В. Публицистическое осмысление Н. М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870–1880-е гг. // *Ядринцевские чтения*. 2021. Вып. 9. Омск. ОмГУ. С. 22-26.
- Ядринцев, 1904** – Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // *Русская мысль*. 1904. Кн. 6. С. 152-160.
- Ядринцев, 1868** – Ядринцев Н.М. Бродячее население Сибири // *Дело*. 1868. № 9, отд. 1. С. 223-240.
- Ядринцев, 1877** – Ядринцев Н.М. Невинные жертвы // *Неделя*. 1877 № 33. с. 1104-1105.
- Ядринцев, 1874** – Ядринцев Н.М. Колонии для малолетних преступников // *Дело*. 1874. № 7–8. С. 75-96.
- Ядринцев, 1875** – Ядринцев Н.М. Малолетние преступники и тюрьма // *Голос*. 1875. №194. С. 1.
- Ядринцев, 1872** – Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб., 1872. 708 с.

References

- Dameshek, 2019** – Dameshek, I.L. (2019). Oblastnicheskaya kontseptsiya kak vyrazhenie sibirskogo samosoznaniya. Irkutskoe obshchestvo i «sibirskie voprosy» [Regional concept as an expression of Siberian identity. Irkutsk society and “Siberian issues”]. Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoi gubernii XIX – nachala KhKh vekov: Kollektivnaya monografiya. Nauchnyi redaktor L.M. Dameshek. Irkutsk: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu. Izdatel'stvo Ottisk. Pp. 98-120. [in Russian]
- Dostoevskii, 2010** – Dostoevskii, F.M. (2010). Dnevnik pisatelya [Writer's diary]. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 436 p. [in Russian]
- Dostoevskii, 1911** – Dostoevskii, F.M. (1911). Polnoe sobranie sochinenii. S mnogochislennymi prilozheniyami. Tom shestoi: Zapiski iz Mertvago Doma [Full composition of writings. With numerous applications. Volume six: Notes from the House of the Dead]. Peterburg: Tipo-litografiya Tovarishchestva «Prosveshchenie», Zabalkanskii prospekt, 612 p. [in Russian]
- Dolzhikov, Golovinov, 2023** – Golovinov, A.V., Dolzhikov, V.A. (2023). Problema gumanizatsii otechestvennoi penitentsiarnoi sistemy v politiko-pravovom ideinom nasledii sibirskikh oblastnikov oblastnikov [The problem of humanization of the national penitentiary system in the political and legal ideological heritage of Siberian regionalists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 83: 5-13. DOI: 10.17223/19988613/83/1 [in Russian]
- Zverev, 2022** – Zverev, V.O. (2022). Istoriya tyuremnoi subkul'tury v proizvedeniyakh russkikh avtorov [History of the prison subculture in the works of Russian authors]. *Obshchestvo i pravo*. 1(79): 17-20. [in Russian]
- Zinov'ev, Filonov, 2022** – Zinov'ev, V.P. Filonov, I.D. (2022). "Sibirskii vestnik" i sibirskoe oblastничество: evolyutsiya otnoshenii v 1885 – 1905 gg. ["Sibirskii vestnik" and Siberian regionalism: the evolution of relations in 1885 – 1905]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 484: 121-126. [in Russian]
- Ivanov, 2009** – Ivanov, A.A. (2009). Lidery oblastnicheskogo dvizheniya o roli ugolovnoi ssylki v osvoenii Sibiri [Leaders of the regional movement on the role of criminal exile in the development of Siberia]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-3(64): 96-99. [in Russian]
- Kandeeva, 1990** – Kandeeva, A.G. (1990). L.N. Tolstoi chitaet N.M. Yadrinseva [L.N. Tolstoy reads N.M. Yadrinseva]. *Priirtysh'e moe: Kraevedcheskii sbornik*. Omsk. 2: 216-230. [in Russian]
- Novikova, 2020** – Novikova, E.G. (2020). F.M. Dostoevskii i sibirskoe oblastничество. stat'ya vtoraya [F.M. Dostoevsky and Siberian regionalism. article two]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologiya. 67: 22-26. [in Russian]
- Potantin, 2002** – Potantin, G.N. (2002). Vospominaniya (otryvki) [Memoirs (excerpts)]. Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii. Sost. N.V. Serebrennikov. Tomsk. Izd-vo Tom. un-ta. Pp. 41-48. [in Russian]
- Tepliyashin, 2018** – Tepliyashin, P.V. (2018). Evropeiskie penitentsiarnye sistemy [European penal systems]: monografiya. M.: Yurlitinform, 412 p. [in Russian]
- Fumm, 2015** – Fumm, A.M. (2015). Tyur'ma v russkoi literature vtoroi poloviny XIX v. [Prison in Russian literature of the second half of the 19th century]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2(16). [in Russian]

Shilovskii, 2021 – *Shilovskii, M.V.* (2021). Publitsisticheskoe osmyslenie N. M. Yadrintsevym perspektiv razvitiya Sibiri v 1870–1880-e gg. [N.M. Yadrintsev's publicistic comprehension of the prospects for the development of Siberia in the 1870s - 1880s]. *Yadrintsevskie chteniya*. Vyp. 9. Omsk. OmGU. Pp. 22-26. [in Russian]

Yadrintsev, 1904 – *Yadrintsev, N.M.* (1904). K moei avtobiografii [To my autobiography]. *Rusckaya mysl'*. Kn. 6. Pp. 152-160. [in Russian]

Yadrintsev, 1868 – *Yadrintsev, N.M.* (1868). Brodyachee naselenie Sibiri [The wandering population of Siberia]. *Delo*. 9, otd. 1. Pp. 223-240. [in Russian]

Yadrintsev, 1877 – *Yadrintsev, N.M.* (1877). Nevinnye zhertvy [Innocent victims]. *Nedelya*. 33: 1104-1105. [in Russian]

Yadrintsev, 1874 – *Yadrintsev, N.M.* (1874). Kolonii dlya maloletnikh prestupnikov [Colonies for juvenile offenders]. *Delo*. 7–8: 75-96. [in Russian]

Yadrintsev, 1875 – *Yadrintsev, N.M.* (1875). Maloletnie prestupniki i tyur'ma [Juvenile delinquents and prison]. *Golos*. 194: 1. [in Russian]

Yadrintsev, 1872 – *Yadrintsev, N.M.* (1872). Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke. Issledovaniya i nablyudeniya za zhizn'yu tyuremnykh, ssyl'nykh i brodyazheskikh obshchin. Svravnenie razlichnykh sistem nakazaniya u nas i v Zapadnoi Evrope. Osnova novoi ratsional'noi sistemy ispravleniya soglasno vyvodom penitentsiarnoi nauki i opytu russkoi tyuremnoi obshchiny [Russian community in prison and exile. Research and observation of the life of prison, exile and vagrant communities. Comparison of different punishment systems in our country and in Western Europe. The basis of a new rational system of correction according to the conclusions of penitentiary science and the experience of the Russian prison community]. SPb., 708 p. [in Russian]

Проблемы уголовно-исполнительной политики Российской империи в литературно-публицистическом наследии Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского

Александр Викторович Головинов ^{a, *}, Егор Алексеевич Куликов ^a, Ирина Анатольевна Анисимова ^a

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая работа направлена на исследование проблематики уголовно-исполнительной (пенитенциарной) политики царизма в оценках дореволюционных писателей – сибирского областника Н.М. Ядринцева и великого русского романиста Ф.М. Достоевского. Таким образом, цель статьи – эксплицировать нарративы о сущности, содержании и проблемах реализации уголовно-исполнительной политики Российской Империи в литературно-публицистическом наследии Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского. Исследование проводится на основе междисциплинарной методологии, органично сочетающей инструментарий «новой интеллектуальной истории», герменевтический контент-анализ и парадигмы «новой социальной истории».

Данные исследовательские подходы направлены на экспликацию системы взглядов и концептов по определенной общественной проблеме с учетом контекста эпохи. Источниковой базой работы выступил корпус художественных и публицистических текстов Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского, посвященных проблематике тюрьмы и каторги в истории Российской империи.

Авторами показано, что публицистика классика областнической мысли включает в себя большой компонент в сфере изучения ссылки как формы и вида наказания. Также отмечается, что Ф.М. Достоевский сформулировал важную для пенитенциаристики мысль: необходимо, чтобы работа в заключении имела характер не только кары, но и оказывала исправительное воздействие, она должна быть осмысленной и полезной.

В целом авторами установлено, что в качестве средств исправления Ф.М. Достоевский понимал труд, коллективное взаимодействие и коллективную организацию с учетом присущих этой организации правил общежития, а также чтение, образование и обучение. Уровень рефлексии Н.М. Ядринцева о состоянии и перспективах имперской уголовно-исполнительной политики носил практико-ориентированный характер.

Ключевые слова: Н.М. Ядринцев, Ф.М. Достоевский, пенитенциаристика, уголовно-исполнительная политика, Российская Империя, осужденные, перевоспитание преступника, история тюрьмы, ссылка, каторга.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex-golovinov@mail.ru (А.А. Головинов), kulikoveg@yandex.ru (Е.А. Куликов), anisimoaia@bk.ru (И.А. Анисимова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 148-158
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.148

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Problem of Terrorism in the Security System of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries (on the example of the Yenisei Province)

Tatiana V. Izluchenko ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^{a, b}, Evgeniy A. Akhtamov ^a, Daria N. Nesterenko ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Federal Research Center Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Modern security studies actualize the problem of terrorism. It is multidimensional and requires careful study, taking into account the time and space of a particular State. Considering terrorism as a concrete historical phenomenon contributes to the preservation of historical and genetic continuity. Using the experience of countering it will ensure the security of the state and society. The aim of the work is to identify the specifics of the attitude towards terrorism in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries on the part of the state authorities and society. The methodological basis of the study was the political-historical approach. It is used to reconstruct the domestic political situation and transform legislation. The historical-genetic method made it possible to identify the conditions of spread and development of terrorist sentiments in time. The idiographic method reveals the impact of individual cases on the situation as a whole. Terrorism is considered within the framework of social constructivism. The roles of all participants are indicated. The authors note the emerging trend towards the glorification of terrorists among the population and the positioning of their actions by terrorists as acts of martyrdom. The noted favorable conditions for the spread of terrorism were caused by systemic errors of the State authorities. The first mistakes were in the absence of an appropriate legislative norm separating terrorism from other types of crimes. The second is ignoring the social nature of terrorism caused by post-reform changes. As a result, the comprehensive approach necessary for constructive counteraction to terrorism has not been developed. The police measures of detection, prevention and supervision used were not effective, and in some cases even contributed to the spread of anti-government ideas to remote territories of the empire.

Keywords: terrorism, revolutionary movement, crime, martyrdom, security, securitization, radical transformation.

1. Введение

В настоящее время востребованными являются исследования в области безопасности, поскольку они обеспечивают высокую теоретическую продуктивность разрешения общественно значимых вопросов (Waeber, Buzan, 2019: 444). Терроризм (в пер. с лат. яз., – «страх», «ужас») остается одной из наиболее актуальных угроз социальной и государственной безопасности, усиливаясь современными трендами глобального политического процесса. Часто его используют в качестве единственного инструмента политического насилия. Мотивацией для участия выступают религиозные, этнонациональные, идеологические (политические) убеждения, ориентированные на установление всемирной социальной справедливости и/или на разрыв «петли незащищенности» внутри конкретного государства. Противодействию терроризму посвящено большое количество как

* Corresponding author

E-mail addresses: izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), d.n.matveeva@mail.ru (D.N. Nesterenko)

нормативно-правовых актов, межправительственных соглашений, так и научных исследований в области международных отношений, стремящихся выявить причины возникновения, условия участия и дерадикализации террористов, модели работы с ними на государственном и общественном уровне.

Однако к террористической тактике прибегали на протяжении всей истории государственности разнообразные группировки с целью изменить социально-политическое устройство при отсутствии легитимных способов или их неэффективности. Оформляться данная ситуация в Российской империи в деятельностном и законодательном плане стала со второй половины XIX в. Исследование терроризма как историко-конкретного феномена, адаптирующегося под изменяющиеся обстоятельства, представляется необходимым для выявления исторических предпосылок, механизмов трансформации и оптимальных моделей противодействия. Енисейская губерния рубежа XIX – XX вв. представляла собой яркий пример реализации государственных антитеррористических мер, включая дерадикализацию террористов и последующего над ними надзора. Она традиционно являлась местом высылки имперским правительством участников террористических групп и антиправительственных движений в силу ее географической отдаленности от политического центра.

2. Материалы и методы

Эмпирическая база исследования включает обработку разнообразных источников, отвечающих требованиям подлинности, репрезентативности, достоверности и полноты. Источниковой базой стали архивные документы из фонда Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация): отчеты и переписки, циркулярные письма департамента полиции, материалы судебного делопроизводства, материалы периодической печати. Реконструкция государственного наказания и надзора за ссыльными лицами, причастными к террористической деятельности, основывалась на соответствующих нормативно-правовых документах, циркулярных письмах департамента полиции, переписке Енисейского уездного жандармского управления. Процесс выявления участников террористических групп и антиправительственной деятельности основывается на материалах судебного делопроизводства указанного периода.

Исследование проведено на основе политико-исторического подхода, способствовавшего реконструкции возникновения, развития и функционирования террористических групп на рубеже XIX – XX вв., а также политико-правового отношения к проявлениям террористической направленности и формирования мер профилактики, надзора и дерадикализации участников. Определены влияния отдельных исторических событий на государственную политику в сфере обеспечения безопасности и на действия правоохранительных органов осуществлялось посредством идиографического метода. Исследование происхождения терроризма в Российской империи на рубеже XIX – XX вв. и его развития во времени осуществлялось историко-генетическим методом. Установление сходства и различий в функционировании террористических групп указанного периода и начала XXI в. проведено посредством сравнительно-исторического метода. Понятие терроризма рассматривается в рамках социального конструктивизма, его традиционной интерпретации, учитывающей власть, государство и иных акторов в формировании представлений об антиправительственных действиях насильственного характера, а также теории секьюритизации (Б. Бьюзен).

3. Обсуждение

В научной литературе дискуссионным вопросом, не теряющим своей актуальности на протяжении последних нескольких десятилетий, остается проблема определения сущности терроризма. Значимая работа по систематизации социальных, международных, политико-правовых наработок была проведена П. Седербергом, который выделил три основных сложившихся подхода к терроризму. Первый: терроризм – это враг, которого необходимо победить в войне, открытом противостоянии до полного уничтожения. Не подразумевает искупления вины, дерадикализацию участников, трансформацию идей и переговоры с государственными структурами. Второй: терроризм – это преступление, в отношении которого применимы полицейские меры выявления и пресечения деятельности, преимущественно после совершения насильственного акта, работа внедренных агентов и провокаторов. Участники имеют возможность искупить свою вину и вернуться к исполнению своих гражданских обязанностей после временной социальной изоляции (места лишения свободы, ссылки, каторги). Третий: терроризм – это болезнь, требующая системы профилактических мероприятий, разработки долгосрочных стратегий и устранения предпосылок возникновения при минимизации социальных последствий (Sederberg, 2003: 267-284).

Большое количество работ посвящено рассмотрению деятельности террористов в контексте психологических отклонений. Эта позиция основывается на массовой культуре, желании приписать психические расстройства тем, кто совершает акты насилия, и недостаточности эмпирических данных. Ярким примером является концепция Д.В. Ольшанского, предлагающая рассматривать террористов как психологически ущербных личностей, провоцирующих гиперкомпенсацию за счет других. Психопатия у террористов сочетается со своеобразными особенностями личности: чудачество, непредсказуемость в поступках, импульсивность, неконформность (Ольшанский, 2002). П.И. Сидоров

сводит терроризм к наследственной предрасположенности, психологической отягощенности, ментальным расстройствам, духовно-нравственным нарушениям и синдрому деморализации (Сидоров, 2014). Дж. Аканни указывает ключевым фактором психического состояния террористов употребление тяжелых наркотиков, усиливаемого промыванием мозгов (brainwashing) (Akanni, 2023).

Однако с данными позициями не согласуются результаты научных исследований, доказывающих наличие осознанности и рационального выбора террористической группы ее участниками. Д. Уэббер и А. Круглански выявили социально-психологические задатки террористов, триггируемые желанием личной значимости: (1) индивидуальная потребность, которая мотивирует человека участвовать в политическом насилии, (2) оправдывающий насилие идеологический нарратив и (3) социальная сеть (группа). При этом подчеркивается, что количество мотивированных участников постепенно уменьшается по мере вовлеченности и упрощения образа мышления, который видит мир в черно-белых тонах (Webber, Kruglanski, 2018). Рационалистической позиции выбора придерживается историк М.Б. Колотков, указывая на признание революционерами-террористами нелегитимности своих действий и нахождения себя вне общепринятых нравственных норм, что подкреплялось идеологией и желанием радикальных изменений «из старого несправедливого мира к миру нового порядка» (Колотков, 2015: 123).

Широкое распространение в научной среде получил социально-психологический подход, подчеркивающий роль социально-политических и экономических условий и актуализирующий модель эпидемиологии к распространению террористических настроений. И. Баба, Ф. Рихан, Э. Хинкал рассматривают участников террористических групп как заразившихся, «заболевших» деструктивными, вредными идеями в силу объективных социально-политических, экономических обстоятельств. Терроризм понимается нестандартным эпидемическим процессом, который не возникает из ничего. Авторами подчеркивается его обусловленность с некоторой уже существующей деструктивной средой, влияющей на уязвимые группы населения. Эпидемиологическая модель описывает динамичное поведение терроризма как болезни, включающей в себя потерю иммунитета участниками и соответствующие меры государственного реагирования (Baba et al., 2023). Подчеркивание социальной составляющей терроризма как формы криминального поведения присутствует в работе Б. Терви. Им справедливо обозначено, что социальные факторы способствуют переходу человека от умеренных, социально-нормативных взглядов к одобрению агрессивных действий, которые отклоняются от социально принятых стандартов поведения (Turvey, 2022).

Специфика применения насилия террористическими группами и перформативность террористических актов представлена в работе М. Юргенсмейера (Juergensmeyer, 2017). П. Дженкинс, понимая под терроризмом внезапный и повторяющийся акт насилия, указывает на использование террористическими группами жертв для коммуникации с государственными структурами (Jenkins, 2003). Е. Импара обосновывает символическую значимость демонстраций казней гражданского населения террористами для формирования представлений о вовлеченности всех и отсутствии безопасности для кого бы то ни было (Impara, 2018). Подчеркнем, что обоснованием гибели жертв может быть политика, религия, этика и различные идеологии. Хотя большинство жертв террористов выбираются случайным образом, они почти всегда принадлежат к намеченной целевой аудитории.

Символичность самих исполнителей террористических актов в Российской империи на рубеже XIX – XX вв. доказана исследователем А.Ш. Бик-Булатовым на примерах публикаций периодической печати указанного периода. Лица, использующие террор как метод политической борьбы, именовались террористами и позиционировались разрушителями во имя правды, борцами за народное благополучие (Бик-Булатов, 2013: 117-118). Данная идея получила развитие в концепции мученичества А.И. Зыгмонта. Им проанализирован процесс формирования культа мучеников в среде революционеров-народников в 1860–1880 гг., основными ориентирами для которого были мученики Французской революции и декабристы (Зыгмонт, 2021).

Историками отмечается преобладание одиночного характера терроризма в Российской империи до начала XX в. М.И. Леонов делает акцент на социальной составляющей в возникновении индивидуального политического террора – болезненное реагирование представителей образованной части пореформенного общества на жизненные трудности, основным источником которых позиционировалась существующая власть (Леонов, 2017: 15). Для обозначения этой формы терроризма исследователями предложено отдельное понятие – «сопротивление без лидера» (Posłuszna, 2020). А.В. Маньковым было выявлено оформление организованного террористического движения в южных регионах и Малороссии в 1870–1880-х гг., которое впоследствии распространилось на всю империю. Исследователь указал, что в первом десятилетии XX в. произошел содержательный поворот, завершившийся идеями полного социально-политического преобразования государства и массовыми террористическими актами. В результате терроризм перестал быть насильственным действием, совершенным преступными элементами, прикрываемыми лозунгами о справедливости, а стал явлением социальным (Маньков, 2018: 90).

Конструктивным представляется исследование терроризма в рамках теории безопасности (security studies), рассматривающей вопросы: а) отношения к государству как референтному объекту, тождества государственной и национальной безопасности; б) учета внутренних угроз; в) расширения

сферы безопасности; г) связи безопасности с динамикой угроз, опасностей и проблем. Это подтверждается работой М. Абрамса, Л. Дау и Э. Мур, в которой охарактеризована взаимосвязь террористических актов с оттоком прямых иностранных инвестиций и капитала, институциональным эскапизмом, спадом национальной экономики (Abrahms et al., 2023). Изучению терроризма как социетальной угрозы и научной проблемы способствуют работы Б. Бюзена, сместившего измерения безопасности с военного, международного на социальный, внутрисоциальный аспекты, устойчивое развитие культуры, религиозную и национальную идентичности (Buzan, 1991).

При столь подробном изучении проблемы терроризма, деятельности террористических групп и актуальности практических разработок для системы обеспечения безопасности исторический опыт Российской империи на рубеже XIX–XX вв. относительно конструктивных и малоэффективных способов противодействия террористической угрозе, распространения антиправительственных настроений и реализации мер противодействия остается мало исследованным.

4. Результаты

Современные исследования терроризма ориентируются на международные террористические акты и деятельность соответствующих сообществ. Особо подчеркиваются угроза применения оружия массового поражения террористическими группами и деградация окружающей среды, вызванная использованием ими химикатов и тяжелых металлов, нерациональным расходом подконтрольных природных ресурсов (Kilic et al., 2024). Террористические объединения адаптируются под изменяющиеся условия функционирования, трансформацию политической конъюнктуры, поставленные цели и доступные средства реализации своих заявлений. Для повышения собственной эффективности могут сотрудничать не только с террористами иных идеологических убеждений, но и с преступными группировками (незаконный оборот оружия, наркоторговля, торговля людьми, наемничество). Многие акции совершаются одиночками, разделяющими идеологические положения, но не состоящими в непосредственном членстве.

Стоит помнить, что безопасность является результатом конкретного времени и пространства реализации государственной политики, при повторении которых происходит типизация и формируется определенная модель безопасности. Организация эффективного реагирования на террористическую угрозу и/или управление возможным террористическим инцидентом напрямую зависят от содержательного наполнения понятия и гибкости системы противодействия со стороны государства и общества. Идеологическая демаркация террористов, выявление специфики деятельности и сложность определения вектора и оптимизации стратегии противодействия зависят от содержательного наполнения понятия «терроризм». Внеисторическая перспектива может привести к забвению прошлых знаний, игнорированию историко-генетической преемственности проблемы терроризма и опыта противодействия ему.

Безопасность как научная проблема начинает рассматриваться только после окончания Первой мировой войны в контексте выявления угроз государственному суверенитету, а позднее – социальной идентичности, воспроизводству общества и культурному суверенитету. Отдельные вопросы, относящиеся к поддержанию внутрисоциального и социального порядка, были включены в повестку сотрудников правоохранительных органов и мыслителей, общественных деятелей (народничество, социально-революционное движение) Российской империи на рубеже XIX – XX вв. Так, чтобы прекратить беспрерывно повторяющиеся покушения с целью поколебать в России государственный и общественный порядок, в 1880 г. создается Верховная Распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия (Именной..., 1880). В Прокламации «Молодая Россия» 1862 г. говорится, что выход из сложившегося страшного социально-политического и экономического положения в государстве – это кровавая революция. Только она способна радикально изменить все, даже ценой невинных жертв и самих участников (Гейтер, 2020: 43-51). В воззвании союза «Крайних террористов» от марта 1909 г. указывается, что забастовки и требования политических реформ бессмысленны. Они не приводят к необходимым экономическим изменениям и освобождению личности, что представляется конечным идеалом. Следовательно, террор становится единственным оставшимся способом: «Мы будем убивать, душить всю сволочь называемую русским правительством, мы для достижения своей цели не остановимся ни перед чем» (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 89. Л. 15-16).

В Российской империи на рубеже XIX – XX вв. терроризм понимался насильственными действиями в отношении государственных лиц, в частности представителей императорского дома. В июле 1914 г. начальникам жандармских управлений было предписано безотлагательно направить агентуру к полному освящению террористических групп в пределах обслуживаемого региона. Необходимо было установить за членами тщательное наблюдение, а в случае их выезда в Крым (туда прибывал член императорского дома) и при невозможности наблюдения необходимо произвести арест (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 183. Л. 12). Для этого были объективные причины, заключающиеся в характере совершения данных преступлений: убийство конкретного человека, олицетворяющего социально-политический порядок. Согласно данным, в период 1902–1911 гг. совершено

263 террористических акта, а в период 1905–1908 гг. – порядка 2,6 тыс. государственных служащих убиты и ранены, около 4 тыс. чел. стали сопутствующими жертвами (Гейфман, 1997: 31-57).

Определение такого рода насильственных действий в самостоятельную правовую категорию в законодательстве Российской империи на рубеже XIX – XX вв. отсутствовало. В различных разделах фиксировались действия, связанные с изготовлением и хранением взрывчатых веществ, оружия; подготовкой убийств представителей государственной власти; насильственным сопротивлением государственной власти и изменением существовавшего социально-политического положения посредством бунта. Несмотря на отсутствие законодательно закрепленного определения понятия «терроризм», оно широко использовалось в официальных документах, например, при разграничении подлежащих надзору лиц на административно высланных за участие в террористических актах и ссыльно-поселенцев, высланных по суду за государственные преступления (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 209. Л. 19).

Действиям, которые можно рассматривать в качестве террористических, были посвящены отдельные статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: вооруженное восстание против постановлений и объявлений правительства, указов и распоряжений или «принудить власти к чему либо несогласному с их долгом» (ст. 263), оказание давления, в том числе насильственного, на исполнение должностными лицами своих обязанностей (ст. 271) и удержание их от исполнения своих должностных обязанностей угрозами (ст. 272) (Свод законов...).

В Уголовном уложении 1903 г. в главе третьей «О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома» содержится норма о насильственном посягательстве на форму правления, порядок наследования и отторжение какой-либо территории, за нарушение которой предполагалась смертная казнь (ст. 100). В главе пятой «О смуте» наказание предусматривалось: а) за участие в сообществе, созданного с целью совершения выше обозначенных деяний, ниспровержения существующего в государстве общественного строя, в том числе с применением взрывчатых веществ и оружия (ст. 102); б) публичную и непубличную пропаганду идей неподчинения государственной власти и изменения существующего социально-политического положения (ст. 129, ст. 130).

Попытки идентификации сообществ, созданных и тайно функционирующих с противозаконными намерениями, были предприняты в законах «О противозаконных сообществах» 1867 г., «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных» 1874 г. и разработках унифицированных уставов и регламентаций деятельности различных сообществ, а также посредством внесения изменений в действующее законодательство. Участие в противозаконных сообществах наказывалось вне зависимости от степени вовлеченности и совершения/несовершения тяжких преступлений (ст. 52, 102, 118, 124-126). Исключение составляло смягчение приговора при заблаговременном сообщении властям (Новое уголовное уложение, 1903).

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что государство в лице законотворцев и правоохранителей не считало терроризм каким-то специфичным явлением и особым видом преступления. Не только не проводилась разработка соответствующего реагирования, но и сложилась тенденция проявления гуманности в отношении исполнителей и организаторов террористических актов. Согласимся с С.Е. Майшевым в том, что общая сумма помилований (96 из 141 смертного приговора за 16 лет) свидетельствует, что «тиранический режим давал шанс тем, кто собирался его уничтожить» (Майшев, 2018: 18).

К приговоренным по делам террористической направленности зачастую применяли меры гласного надзора, наказания в виде каторги и ссылки, в том числе за повторно совершенные преступления. Показательным является пример Б. Моисеенко. Его в 1902 г. выслали в Вологодскую губернию под гласный надзор на три года по делу группы «Рабочее Знамя», откуда он скрылся в 1904 г. В 1905 г. привлечен по делу о подготовке террористических покушений на высших государственных сановников. В 1906 г. арестован в г. Москве за участие в социально-революционном движении и направлен под гласный надзор в выбранное им место жительство – Забайкальскую область. В 1909 г. он незаконно покинул империю и вступил в террористическую группу Б. Савинкова за границей (ГАКК. Ф. 827 Оп. 1. Д. 183. Л. 30). На 1913 г. из 92 представленных в списке гласно-надзорных в районе Енисейского розыскного пункта лиц, причастных к террористической деятельности и боевым организациям, 12 отбывали ссылку сроком пять лет по причине совершения непосредственных насильственных действий, а остальные – три-четыре года (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 209. Л. 8-14).

Отбывая наказание или оставаясь на поселении, участники террористических групп и политические ссыльные разворачивали полноценную пропаганду антиправительственных идей, создавали соответствующие сообщества. На территории Енисейской губернии в период с 1879 по 1892 гг. отбывали ссылку 1065 участников народнических организаций. После расселения ссыльных участников польского восстания 1863 г. в Канском и Минусинском уездах и прибытия организатора «Земли и воли» Н.А. Серно-Соловьевича уже в 1865 г. зафиксировался рост деятельности соответствующих подпольных организаций, выдвигавших в числе прочих демократические требования и получавших поддержку от местных общественников. По причинам отсутствия

административных и процессуальных возможностей и наличия опасений вызвать общественный резонанс мера пресечения составляла отpravку участников в еще более отдаленные местности (Иллюстрированная история..., 2012: 206-208). Рост числа ссыльных по политическим преступлениям, носителей революционной идеологии и атеистических воззрений на рубеже XIX–XX вв. приводил к качественному изменению населения.

На наш взгляд, данные действующие меры наказания со стороны государства способствовали распространению антиправительственных настроений и созданию оппозиционных политических сообществ в самых отдаленных территориях Российской империи. Усугублялась такая ситуация ограниченными административными и кадровыми ресурсами правоохранительных органов, которые не могли полноценно осуществлять не только пресечение, но необходимый в рамках системы исполнения наказаний контроль и надзор за участниками террористических групп и политическими ссыльными. Фиксировались неоднократные случаи побега из-под стражи и гласного наблюдения в результате административных нарушений, а также обращения к вышестоящему руководству по недостатку правовых оснований и мер к пресечению антиправительственной деятельности «может вносить вредное влияние на солдатскую среду ..., но к сожалению, не обладаю достаточным юридическим материалом, чтобы выселить его» (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 89. Л. 20).

Меры, рекомендованные и применяемые по выявлению и пресечению деятельности террористов на всей территории империи, относились к полицейским способам ведения сыскной работы, реализации оперативно-розыскных мероприятий. Они сводились преимущественно к организации агентурной сети. В связи с предстоящим юбилеем Отечественной войны 1812 г. и запланированными поездками императора Департаментом полиции МВД по особому отделу в мае 1912 г. были разосланы циркулярные письма по правоохранительным ведомствам. В них кратко характеризовалась деятельность террористов – групп социалистов-революционеров: использование ими ранее неизвестных охраняемых способов и технических новинок (аэропланов, моторных лодок, автомобилей), вовлечение действующих военных и курсантов, подготовка исполнителей из ранее не имевших боевого опыта лиц и осуществление террористического акта единолично или парой. Среди перечисленных мер, требуемых немедленной реализации, приоритет отдается расширению агентурной сети, осведомленной о деятельности, приезде заграничных активистов и «могущей связаться с заграничными центрами, таковые приобретения будет поставлено в особую заслугу розыскным органам» (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 183). Начальникам губернских жандармских управлений в 1909 г. предписывалось собирать сведения от агенты относительно планируемых акций и собраний губернских и областных социалистов-революционеров, а в случае подтверждения принимать меры наблюдения, выявлять делегатов. Только при наличии изобличающего материала предписывалось ликвидировать съезды (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 89).

Справедливости ради отметим направления работы правоохранительных органов, в частности департамента полиции МВД, принципы которой могут быть востребованы в современных условиях. Однако подчеркнем, что они не составляли единого комплекса антитеррористических мер, зачастую были не согласованы и излишне дублировали уже ранее полученную информацию.

Первое направление заключалось в отслеживании международной обстановки и деятельности международных организаций, способных использовать метод террора и проводить антиправительственную работу. Так, собирались сведения и устанавливались причастные лица к анархическим движениям, созывам международных конференций, съездам анархических и коммунистических групп, их финансированию, а также данные о прибытии участников с территорий иностранных государств. В отношении последних предписывалось немедленно арестовать, обыскать и установить личность, цель поездки (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 183. Л. 17-18, 24-28, 32-65).

Второе направление – ведение списков лиц, причастных к революционным и террористическим действиям (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 183. Л. 1-10), списков неблагонадежных в политическом отношении лиц, проживающих на определенной территории (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 89), и списков всех водворенных на определенную территорию политических ссыльных, которые являлись причастными к террористической деятельности или боевым организациям (ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7032). Указывались личные данные (фамилия, имя, отчество, дата рождения), примеры, род деятельности. Фотографии по возможности прилагались. В отношении политических административных ссыльных, гласно-поднадзорных добавлялись сведения по месту водворения, основаниям для осуждения и срок (ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 209. Л. 8-14). Данные редактировались, регулярно актуализировались и дополнялись агентурными сведениями. Списки находились у начальников губернских жандармских управлений, охранных отделений, пограничных пунктов и отделений розыска.

На наш взгляд, в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. сложилась противоречивая ситуация в отношении деятельности террористов и антиправительственных сообществ. С одной стороны, они не воспринимались реальной угрозой существованию государственности и суверенитету, подкрепляемой внешнеполитическим влиянием иностранных государств. Однако террористическая деятельность таковой была обозначена в публичном пространстве политическими субъектами. Терроризм позиционировался секьюритизированным объектом, а государственный

аппарат – и секьюритизированным субъектом, и референтным объектом, отождествляющим свою безопасность с безопасностью государства. Обеспечение безопасности государства позиционируется инструментально как лучший способ защиты других референтных объектов (населения, экономики, религии). Формированием представления о террористической угрозе среди населения занималось государство, что выражалось в соответствующих заявлениях представителей власти, судебных разбирательствах и публичных исполнениях смертных приговоров. Например, процесс по делу об убийстве императора Александра II и публичная казнь осужденных как «цареубийц» ([Дело 1-го марта..., 1906](#)).

На рубеже XIX–XX в. термин «терроризм» получил широкое использование в публикациях, особенно в революционно-народнической нелегальной и эмигрантской печати в положительном аспекте. Социально-революционно настроенные писатели, идеологи народничества и активисты обосновывали использование террора и подчеркивали его агитационный, медийный потенциал в качестве публичного события, превалирующего над его реальным значением в борьбе с самодержавием. Аудитория террористических актов и реализации государственных мер противодействия им, испытывая сильные эмоции и переживания от совершенных действий, не рассматривала себя в качестве потенциальных или случайных жертв. Создавался образ героя-террориста, транслируемого в массы.

После прекращения в 1881 г. публичных судебных разбирательств степень эмоционального соучастия населения стала снижаться в отношении непосредственных жертв, которыми являлись, как правило, чиновники и публичные проправительственные деятели. Свои насильственные и иные противозаконные действия в адрес представителей государственного аппарата и императорского дома террористы оправдывали и обосновывали утопическими представлениями о возможности радикальных преобразований сложившегося социально-политического порядка и изменения вектора внутренней политики. Террористы стали позиционироваться своеобразными героями, мучениками за социально-политическое преобразование в пользу широких слоев населения против угнетателей, террористические акты – ассоциироваться с милитантными образами и идеями. Лидер «Народной воли» А.Д. Михайлов охарактеризовал свою работу как великое дело, ведущее, если нужно, на славную смерть по примеру мучеников 14 декабря. Революционер С.М. Степняк-Кравчинский описывал террориста как самоотверженного борца с деспотизмом, чей идеал – жизнь, полная страданий, и смерть мученика ([Зыгмонт, 2021: 253–254](#)). В. Засулич охарактеризовала значимость покушений на властителей, заключающуюся в показательном характере, привлечении всеобщего внимания, повышении престижа террористов, возбуждении радостного чувства и психологическом удовлетворении в сопротивлении ([Первая..., 1984](#)).

На основании вышесказанного можно выделить следующие группы проблем, вызванных деятельностью террористических групп, отдельных исполнителей и позицией государственной власти.

Первая группа – законодательство на рубеже XIX–XX вв. Отсутствие отдельной законодательной нормы, регламентирующей противодействие организованной террористической деятельности, можно объяснить спецификой совершения насильственных действий – адресным характером, относительно небольшим количеством успешно реализованных актов, отсутствием единой идеологии и единого социально-политического, революционного движения, общественного резонанса. Также террористические акты нередко сопровождалось ограблениями, изъятием имущества и финансов, незаконным оборотом оружия, изготовлением взрывных устройств. Так, в 1905–1906 гг. произошло 1951 ограбление по политическим мотивам. Хищения оружия фиксировались в воинских частях, офицерских школах, кадетских корпусах. В 1905 г. эсеры закупили за счет японской разведки 659 винтовок, 658 штыков, 120 тыс. оружейных патронов и предприняли попытку ввоза на территорию империи на пароходе «Джон Крафтон» ([Изнанка..., 1906: 19](#)).

Вторая группа включает игнорирование терроризма как социально-политического явления, формирующего социально-реактивное революционное движение, и специфического вида правонарушений, требующего нестандартных для данного периода времени полицейских мер пресечения и надзора. К 1905 г. накал террористических атак достиг пика, вызывая ощущение беспомощности, что усугублялось отсутствием мер борьбы со стороны правоохранителей и гуманистической позицией со стороны руководства империи: «Каждый божий день по несколько убийств ... теперь свободно все стачки проходят, и никаких арестов в помине нет, а террористы палят и палят» ([Козьмин, 1928: 111](#)).

Сложившееся положение не подразумевало разработки специализированного подхода противодействия терроризму и выделение террористических актов в отдельную проблему, требующую комплексного решения, межведомственного взаимодействия и устранения предпосылок для развития соответствующих антиправительственных настроений у населения. Об эффективности отдельных попыток комплексного подхода свидетельствуют либеральные внутриполитические реформы начала XX в. По мнению А. И. Суворова, правительству П.А. Столыпина посредством оздоровления и стабилизации внутриполитической обстановки, борьбы с анархией, хаосом,

произволом и беззаконием удалось снизить террористическую угрозу и спровоцировать идейно-политическое вырождение в заурядную уголовщину и чистый бандитизм (Суворов, 2023: 30).

5. Заключение

Подводя итог, отметим, что в Российской империи на рубеже XIX – XX вв. сложились благоприятные условия для распространения террористических настроений и использования террора, вызванные системными ошибками государственной власти. Ключевой проблемой безопасности являлось то, что к терроризму не относились как к реальной внутренней угрозе государству и обществу, требующей отдельного законодательства и разработки профилактики. Власть недооценивала терроризм по причине новизны данного явления, что усугублялось а) позиционированием его обычным преступлением, участники которого достойны гуманного наказания, и б) героизацией исполнителей в качестве мучеников со стороны общественности. Игнорировались его социально-реактивная составляющая и деструктивный характер последствий для социальной стабильности и сплочения населения перед внешними угрозами. Низкая эффективность антитеррористических мер объясняется отсутствием комплексного подхода и превалированием отношения к терроризму как преступлению. Террористы могут быть изолированы и дерадикализованы, в результате чего террористические группы прекратят свое существование. Однако ссылка террористов способствовала появлению террористических групп и радикализации общественности в удаленных окраинах империи. Были разработаны и конструктивные решения: отслеживание международных движений, тенденций в антиправительственных организациях и ведение списков причастных к терроризму лиц, разделенных на различные категории. Проанализированный нами исторический опыт является полезным для оптимизации управленческих решений и разработки антитеррористических мер.

Литература

- Бик-Булатов, 2023** – Бик-Булатов А. Ш. Проблематика терроризма в российской публицистике второй половины XIX – начала XX века // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. 2013. Т. 155, кн. 6. С. 117–124.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Гейфман, 1997** – Гейфман А. Убий! Революционный террор в России. 1894–1917. М.: КРОНПРЕСС, 1997. 448 с.
- Гефтер 2020** – Гефтер М.Я. Антология народничества / под ред. В. Г. Виноградского, М. Г. Пугачевой, М. Я. Рожанского; коммент. и указ. В. А. Твардовской. СПб.: Нестор-История, 2020. 688 с.
- Дело 1-го марта..., 1906** – Дело 1-го марта 1881 г.: Процесс Желябова, Перовской и др. : (Правительств. отчет) : Со ст. и примеч. Л. Дейча: К 25-летию 1881–1906 гг. СПб : Свобод. труд, 1906. 428 с.
- Зыгмонт, 2021** – Зыгмонт А. И. Существует ли «секулярное мученичество»? К вопросу о демаркации проблемных феноменов жертвенности // *Steps*. 2021. Т. 7. № 2. С. 244–267.
- Изнанка..., 1906** – Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. 20 с.
- Иллюстрированная история..., 2012** – Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX в.) / Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова, В. А. Безруких. Красноярск: РАСТР, 2012. 240 с.
- Именной..., 1880** – Именной, данный сенату указ «Об учреждении в Санкт-Петербурге Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 12 февраля 1880 г. // *ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 54. Отд. 2. № 60492*.
- Козьмин, 2015** – Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты: Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.: Гос. изд-во, 1928. 144 с.
- Колотков, 2015** – Колотков М. Б. Концептуальные основы идеологии терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX века) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 392. С. 123–128.
- Леонов, 2017** – Леонов М.И. Начало эсеровского террора // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2017. № 2(40). С. 14–26.
- Майшев, 2018** – Майшев С. Е. Возникновение политического терроризма в Российской империи во второй половине XIX века // *Кант*. 2018. № 1. С. 14–19.
- Маньков, 2018** – Маньков А.В. Терроризм в России: исторические аспекты (вторая половина XIX – начало XX века) // *Вестник Чувашского университета*. 2018. № 4. С. 84–100.
- Новое..., 1903** – Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: с прил. предм. алф. указ. СПб.: кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. 253 с.
- Ольшанский, 2002** – Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
- Первая..., 1893–1903** – Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда», 1893–1903: документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М.: Наука, 1984. 448 с.

- Сидоров, 2014 – Сидоров П.И. Ментальная экология пандемии терроризма // *Экология терроризма*. 2014. № 3. С. 18-27.
- Суворов, 2023 – Суворов А.И. Террористическая активность в России в начале XX века и государственная власть // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2023. № 6(105). С. 28-31.
- Свод законов Российской империи, 1916 – Свод законов Российской империи. Т. 15. [Ч]. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов ; [Ч]. 2: Уголовное уложение: (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. 1916. 521 с.
- Abrahms et al., 2023 – Abrahms M., Dau L., Moore E. Should I stay or should I go now? Understanding terrorism as a driver of institutional escapism // *International Business Review*. 2023. Vol. 32. Is. 4. P. 102120.
- Akanni, 2023 – Akanni J. A non-linear optimal control model for illicit drug use and terrorism dynamics in developing countries with time-dependent control variables // *Decision Analytics Journal*. 2023. Vol. 8. P. 100281.
- Baba et al., 2013 – Baba I., Rihan F., Hincal E. A fractional order model that studies terrorism and corruption codynamics as epidemic disease // *Chaos, Solitons & Fractals*. 2023. Vol. 169. P. 113292.
- Buzan, 1991 – Buzan B. People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations. Wheatsheaf Books, 1991. 262 p.
- Impara, 2018 – Impara E. A social semiotics analysis of Islamic State's use of beheadings: Images of power, masculinity, spectacle and propaganda // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2018. Vol. 53. Pp. 25-45.
- Jenkins, 2003 – Jenkins P. Images of terror: What we can a. can't know about terrorism. New York : Aldine de Gruyter, Cop. 2003. 227 p.
- Juergensmeyer, 2017 – Juergensmeyer M. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. Berkeley: University of California, Press, 2017. 319 p.
- Kilic et al., 2024 – Kilic C., Soyyigit S., Bayar Y., Bekun F. Exploration on terrorism, ecological footprint and environmental sustainability in countries with the most terrorism antecedent: Accessing evidence from panel fourier analysis // *Heliyon*. 2024. Vol. 10. Is. 1. P. e22849.
- Posluszna, 2020 – Posluszna E. Terrorism of Lone Wolves // *Safety & Defense*. 2020. Vol. 6 (1). Pp. 109-118.
- Sederberg, 2003 – Sederberg P.C. Global Terrorism: Problems of Challenge and Response // C.W. Kegley Jr (ed.). The New Global Terrorism: Characteristics, Causes, Controls, Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2003. Pp. 267-284.
- Turvey, 2022 – Turvey B. Criminal Profiling (Fifth Edition) An Introduction to Behavioral Evidence Analysis. San Diego, Calif. : Academic Press, 2022. 717 p.
- Waever, Buzan, 2019 – Waever O., Buzan B. After the Return to Theory: The Past, Present, and Future of Security Studies // *Contemporary Security Studies*/ ed. A. Collins. Oxford University Press, 2019. P. 444.
- Webber, Kruglanski, 2018 – Webber D., Kruglanski A. The social psychological makings of a terrorist // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 19. Pp. 131-134.

References

- Abrahms et al., 2023 – Abrahms, M., Dau, L., Moore, E. (2023). Should I stay or should I go now? Understanding terrorism as a driver of institutional escapism. *International Business Review*. 32(4): 102120.
- Akanni, 2023 – Akanni, J. (2023). A non-linear optimal control model for illicit drug use and terrorism dynamics in developing countries with time-dependent control variables. *Decision Analytics Journal*. 8: 100281.
- Baba et al., 2013 – Baba, I., Rihan, F., Hincal, E. (2023). A fractional order model that studies terrorism and corruption codynamics as epidemic disease. *Chaos, Solitons & Fractals*. 169: 113292.
- Bik-Bulatov, 2023 – Bik-Bulatov, A. Sh. (2013). Problematika terrorizma v rossijskoj publicistike vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Problematics of terrorism in Russian journalism of the second half of the XIX – early XX century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 155, kn. 6, pp. 117-124. [in Russian]
- Buzan, 1991 – Buzan, B. (1991). People, States & Fear: The National Security Problem in International Relations. Wheatsheaf Books, 262 p.
- Delo 1-go marta..., 1906 – Delo 1-go marta 1881 g.: Process Zhelyabova, Perovskoj i dr.: (Pravitel'stv. otchet): So st. i primech. L. Dejcha: K 25-letiyu 1881–1906 gg. (1906) [The case of March 1, 1881: The trial of Zhelyabov, Perovskaya, etc.: (Govt. report): From the article and notes by L. Deutsch: To the 25th anniversary of 1881-1906]. SPb : Svobod. Trud, 428 p. [in Russian]
- GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Gefter, 2020 – Gefter, M.Ya. (2020). Antologiya narodnichestva [Anthology of populism]. Pod red. V. G. Vinogradskogo, M. G. Pugachevoj, M. Ya. Rozhanskogo; komment. i ukaz. V. A. Tvardovskoj. SPb.: Nestor-Istoriya, 688 p. [in Russian]

- Gejzman, 1997** – *Gejzman, A.* (1997). Ubij! Revolyucionnyj terror v Rossii. 1894–1917 [Kill! Revolutionary terror in Russia. 1894-1917]. M.: KRONPRESS, 448 p. [in Russian]
- Ilyustrirovannaya istoriya..., 2012** – *Ilyustrirovannaya istoriya Krasnoyar'ya (XVI — nachalo XX v.)* (2012) [Illustrated history of Krasnoyarsk (XVI — early XX century)]. G. F. Bykonya, V. I. Fedorova, V. A. Bezrukih. Krasnoyarsk: RASTR, 240 p. [in Russian]
- Imennoi..., 1880** – *Imennoi, dannyj senatu ukaz «Ob uchrezhdenii v Sankt-Peterburge Verhovnoj Rasporjaditel'noj Komissii po ohraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obschestvennogo spokojstviya» ot 12 fevralya 1880 g.* [Nominal, decree given to the Senate «On the establishment in St. Petersburg of the Supreme Administrative Commission for the Protection of Public Order and Public Tranquility» dated February 12, 1880]. PSZRI. Sobr. 2. T. 54. Otd. 2. № 60492. [in Russian]
- Impara, 2018** – *Impara, E.* (2018). A social semiotics analysis of Islamic State's use of beheadings: Images, of power, masculinity, spectacle and propaganda. *International Journal of Law, Crime and Justice*. 53: 25-45.
- Iznanka..., 1906** – *Iznanka revolyucii. Vooruzhennoe vosstanie v Rossii na yaponskie sredstva* [The wrong side of the revolution. An armed uprising in Russia with Japanese funds]. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, 1906. 20 p. [in Russian]
- Jenkins, 2003** – *Jenkins, P.* (2003). Images of terror: What we can a. can't know about terrorism. New York : Aldine de Gruyter, Cop, 227 p.
- Juergensmeyer, 2017** – *Juergensmeyer, M.* (2017) Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. Berkeley: University of California, Press, 319 p.
- Kilic et al., 2024** – *Kilic, C., Soyuyigit, S., Bayar, Y., Bekun, F.* (2024). Exploration on terrorism, ecological footprint and environmental sustainability in countries with the most terrorism antecedent: Accessing evidence from panel fourier analysis. *Heliyon*. 10(1): e22849.
- Kolotkov, 2015** – *Kolotkov, M.B.* (2015). Konceptual'nye osnovy ideologii terrorizma v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Conceptual foundations of the ideology of terrorism in Russia (the second half of the XIX – early XX century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 392: 123-128. [in Russian]
- Koz'min, 2015** – *Koz'min, B.P.* (1928). S. V. Zubatov i ego korrespondenty: Sredi ohrannikov, zhandarmov i provokatorov [S. V. Zubatov and his correspondents: Among the guards, gendarmes and provocateurs]. M.: Gos. izd-vo, 144 p. [in Russian]
- Leonov, 2017** – *Leonov, M.I.* (2017). Nachalo eserovskogo terrora [The beginning of the Socialist Revolutionary terror]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region*. Gumanitarnye nauki. 2(40): 14-26. [in Russian]
- Majshev, 2018** – *Majshev, S.E.* (2018). Vozniknovenie politicheskogo terrorizma v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka [The emergence of political terrorism in the Russian Empire in the second half of the XIX century]. *Kant*. 1: 14-19. [in Russian]
- Man'kov, 2018** – *Man'kov, A.V.* (2018) Terrorizm v Rossii: istoricheskie aspekty (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Terrorism in Russia: historical aspects (second half of the XIX – beginning of the XX centuries)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4: 84-100. [in Russian]
- Novoe..., 1903** – *Novoe ugolovnoe ulozhenie, vys. utv. 22 marta 1903 g.: s pril. predm. alf. Ukaz (1903)* [New criminal code, approved on March 22, 1903: from the appendix of the prem. alf. decree]. SPb.: kn. mag. V. P. Anisimova, 253 p. [in Russian]
- Ol'shanskij, 2002** – *Ol'shanskij, D.V.* (2002). Psihologiya terrorizma [Psychology of terrorism]. SPB.: Piter, 288 p. [in Russian]
- Pervaya..., 1984** – *Pervaya marksistskaya organizaciya Rossii – gruppa «Osvobozhdenie truda», 1893–1903: dokumenty, stat'i, materialy, perezpiska, vospominaniya (1984)* [The first Marxist organization in Russia – the group «Liberation of Labor», 1893– 1903: documents, articles, materials, correspondence, memoirs]. M.: Nauka, 448 p. [in Russian]
- Posluszna, 2020** – *Posluszna, E.* (2020). Terrorism of Lone Wolves. *Safety & Defense*. 6(1): 109-118.
- Sederberg, 2003** – *Sederberg, P.C.* (2003). Global Terrorism: Problems of Challenge and Response. C. W. Kegley Jr (ed.) The New Global Terrorism: Characteristics, Causes, Controls, Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, pp. 267-284.
- Sidorov, 2014** – *Sidorov, P.I.* (2014). Mental'naya ekologiya pandemii terrorizma [Mental ecology of the terrorism pandemic]. *Ekologiya terrorizma*. 3: 18-27. [in Russian]
- Suvorov, 2023** – *Suvorov, A.I.* (2023). Terroristicheskaya aktivnost' v Rossii v nachale XX veka i gosudarstvennaya vlast' [Terrorist activity in Russia at the beginning of the twentieth century and state power]. *Universum: ekonomika i yurisprudenciya*. 6(105): 28-31. [in Russian]
- Svod zakonov Rossijskoj imperii, 1916** – *Svod zakonov Rossijskoj imperii (1916)*. T. 15. [Ch]. 1: Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh. Izdanie 1885 goda, so vklucheniem statej po Prodolzheniyam 1912, 1913 i 1914 godov ; [Ch]. 2: Ugolovnoe ulozhenie : (stat'i, vvedennye v dejstvie). Izdanie 1909 goda, so vklucheniem statej po Prodolzheniyam 1912 i 1913 godov [Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 15. [H]. 1: The Code of Criminal and Correctional Punishments. The 1885 edition, with

the inclusion of articles on the Sequels of 1912, 1913 and 1914; [H]. 2: Criminal Code: (articles put into effect). The 1909 edition, with the inclusion of articles on the Sequels of 1912 and 1913]. 521 p. [in Russian]

Turvey, 2022 – *Turvey, B.* (2022). *Criminal Profiling (Fifth Edition) An Introduction to Behavioral Evidence Analysis*. San Diego, Calif.: Academic Press, 717 p.

Waever, Buzan, 2019 – *Waever, O., Buzan, B.* (2019). *After the Return to Theory: The Past, Present, and Future of Security Studies*. Contemporary Security Studies. Ed. A. Collins. Oxford University Press, p. 444.

Webber, Kruglanski, 2018 – *Webber, D., Kruglanski, A.* (2018). The social psychological makings of a terrorist. *Current Opinion in Psychology*. 19: 131-134.

Zygmont, 2021 – *Zygmont, A.I.* (2021). Sushchestvuet li «sekulyarnoe muchenichestvo»? K voprosu o demarkacii problemnyh fenomenov zhertvennosti [Is there a «secular martyrdom»? On the issue of demarcation of problematic phenomena of sacrifice]. *Steps*. 7(2): 244-267. [in Russian]

Проблема терроризма в системе безопасности Российской империи на рубеже XIX–XX веков (на примере Енисейской губернии)

Татьяна Владимировна Излученко ^{a, *}, Денис Николаевич Гергилев ^{a, b},
Евгений Александрович Ахтамов ^a, Дарья Николаевна Нестеренко ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Сибирский федеральный университет, Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Российская Федерация

Аннотация. Современные исследования безопасности актуализируют проблему терроризма, позиционируя его многоаспектным и требующим тщательной проработки с учетом времени и пространства явлением. Рассмотрение терроризма как конкретно-исторического явления способствует сохранению историко-генетической преемственности и использованию опыта противодействия для обеспечения безопасности государства и социального единства. Целью работы является выявление специфики отношения к терроризму в Российской империи на рубеже XIX–XX веков со стороны государственной власти и общественности. Методологическую основу исследования составил политико-исторический подход, используемый для реконструкции внутривластной обстановки и трансформации законодательства. Историко-генетический метод позволил выявить условия распространения и развития во времени террористических настроений, а идиографический метод – определить влияние отдельных случаев на ситуацию в целом. Терроризм рассматривается в рамках социального конструктивизма, что способствует выявлению роли всех участников. Авторами отмечается тенденция к героизации террористов среди населения и к позиционированию их действий в качестве актов мученичества. Благоприятные условия для распространения терроризма были вызваны системными ошибками государственной власти. Первые ошибки заключались в отсутствии соответствующей законодательной базы, отделяющей терроризм от иных видов преступлений. Вторые – это игнорирование социальной природы терроризма, спровоцированной пореформенными изменениями. В результате необходимый для конструктивного противодействия терроризму комплексный подход не был разработан. Используемые полицейские меры выявления, предупреждения и надзора не являлись эффективными, а в некоторых случаях даже способствовали распространению антиправительственных настроений в отдаленные территории империи.

Ключевые слова: терроризм, революционное движение, преступление, мученичество, безопасность, секьюритизация, радикальное преобразование.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко), turilak@yandex.ru (Д.Н.Гергилев), akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), d.n.matveeva@mail.ru (Д.Н. Нестеренко)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 159-168
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.159

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries

Mariya A. Sosnina ^{a,*}, Tatyana V. Vorotilina ^b, Julia V. Nikolaeva ^c, Olga A. Lavrishcheva ^d

^a Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the issues of legal regulation of the institution of family divisions among the peasants of the Arkhangelsk province in the second half of the XIX – early XX centuries: namely, the role of legal custom and legislative regulation in the field of marital and family relations in the peasant community of the Russian North is studied. The authors focused not only on the materials of pre-revolutionary historiography on this issue, but also on archival documents found in the State Archive of the Arkhangelsk region, which contain reliable information about the activities of volost courts during this period. From the point of view of the formal legal method, this article analyzes the normative legal acts concerning family divisions among peasants. Due to the already published and for the first time introduced archival documents into scientific circulation, the problem of the relationship between law and legal custom in regulating family divisions and their consequences expressed not only in the disintegration of a large peasant family but also in the division of property based on the principles of consentient labour and family ownership, is understood. In addition, the authors identify the subjective and objective causes of the processes taking place, its specifics in the Russian North, where there was no private feudal dependence of the majority of peasants. The research materials demonstrate reliable results concerning the period under study in the field of regulating family divisions among peasants, who mainly relied on local custom in solving this issue, at the same time experiencing a governmental reaction in the form of the adoption of normative legal acts restraining the process of disintegration of the peasant community and contradicting peasant customary law.

Keywords: Russian Empire, the Russian North, volost court, legal custom, law, family division, peasant family, family property, householder.

1. Введение

Вопросы правового регулирования семейно-брачных отношений были, остаются и будут актуальными для государства и общества, поскольку семья как первичная социальная группа выполняет важные функции, в том числе является экономической основой страны. С момента появления семьи ее правовая основа – брак – пережил ряд трансформаций, связанных с субъектным составом и новыми формами брачных союзов, вопросов законодательного регулирования отношений родителей и детей, появлением новых форм определения детей в семью, а также опекой и попечительством над престарелыми родственниками.

В отличие от западной, во многом либеральной традиции, в дореволюционной России решением данных вопросов в основном занималась церковь, в случаях же, когда церковное право

* Corresponding author

E-mail addresses: SosninaAGTU@yandex.ru (M.A. Sosnina), vorotilina@mail.ru (T.V. Vorotilina), UNikolaeva@fa.ru (Ju.V. Nikolaeva), lavrischeva-olga@mail.ru (O.A. Lavrishcheva)

«молчало», правовое регулирование осуществлялось с помощью обычая. Справедливости ради следует отметить, что и законодательное регулирование семейно-брачных отношений не отличалось реформаторством, а характеризовалось патриархальностью, традиционностью и преемственностью в силу объективных и субъективных причин.

Среди объективных причин следует назвать исторически сложившуюся сословность российского общества второй половины XIX века, которая определялась значительной частью крестьянского населения. Субъективной причиной существования архаичного законодательства в сфере брачно-семейных отношений стала сама модель крестьянской семьи во главе с отцом-домохозяином как главной опорой неограниченной власти монарха в государстве (Котляров, 2014: 30).

Местные обычаи на Русском Севере, особенно в сфере регулирования семейных отношений, представляют огромный исследовательский интерес по причине отсутствия частнофеодальной зависимости большинства местного населения, среди которого преобладали государственные крестьяне. Признание вследствие крестьянской реформы 1861 года за местным обычаем юридической силы (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. № 36657), а главное, сохранение ее после судебной реформы 1864 года (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. № 41477), а также административно-судебной реформы 1889 года (ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 9. № 6196), выявило противоречия между позитивным правом и крестьянской правовой культурой в сфере регулирования крестьянских правоотношений.

Проблема правового регулирования семейных разделов у крестьян достаточно сложна, поскольку она определялась не только со стороны государства, но и внутри крестьянской общины. Традиционный уклад семьи, принципы совместного труда и семейной собственности, а главное, принцип справедливости основывались на фундаментальных представлениях крестьян (Plotskaya et al., 2023b), которые включали, в том числе, экономические основания развития региона, где отсутствовало крепостное право. В силу названных причин крестьяне охотнее обращались к более гибкому в вопросах семейных разделов местному обычаю, чем к официальному законодательству, характеризующемуся в тот период времени догоняющим характером.

В настоящем исследовании авторами сделан акцент на законодательном и обычно-правовом регулировании крестьянских семейных разделов в Архангельской губернии как самой территориально обширной на Русском Севере.

2. Материалы и методы

Ввиду актуальности изучения правовых обычаев и их важной роли в процессе регулирования общественных отношений отметим особое значение региональных архивов. Изучив дела Государственного архива Архангельской области (Архангельск, Российская Федерация), авторы данной статьи выявили закономерности правового регулирования крестьянских семейных разделов на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX вв. Следует особо подчеркнуть, что в настоящем исследовании использовались архивные документы, касающиеся деятельности волостных судов Архангельской губернии, нигде ранее не опубликованные. Данный аспект позволил с большой долей достоверности воссоздать правовую картину крестьянской семьи на Русском Севере, историю ее трансформации и правового регулирования в условиях пореформенной России.

Авторы статьи также с большим вниманием проанализировали издания архангельских краеведов, общественных деятелей, должностных лиц начала XX века (Памятная книжка..., 1908). Большой вклад в науку начала XX века внес журнал «Известия» Архангельского Общества изучения Русского Севера. В журнале публиковались нормативные правовые акты, результаты деятельности общественных учреждений, работающих на Русском Севере, заметки о жизни северного края. Важнейшим источником народных юридических обычаев крестьян Архангельской губернии является работа П.С. Ефименко «Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии» (Ефименко, 2009).

Наряду с архивными документами с помощью формально-юридического метода анализировались нормативные правовые акты Российской империи, собранные в Полном собрании законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Значительный массив законов и указов, регулирующих вопросы семейных разделов у крестьян, свидетельствует о важности данной проблемы для дореволюционных властей.

Более того, специфика настоящего исследования заключается в использовании конкретно-исторического метода, который позволяет проанализировать то или иное явление с точки зрения экономической, политической и правовой реальности государства. В настоящем исследовании также использовался системный метод, который позволил систематизировать и обобщить полученные эмпирическим путем данные.

3. Обсуждение

Вопросами обычно-правового регулирования крестьянских правоотношений в целом и семейных в частности исследователи стали заниматься после признания за волостным судом права применять местные обычаи в качестве основы судебных решений в результате крестьянской реформы 1861 года. Среди значимых работ необходимо отметить исследования П.С. Ефименко (Ефименко,

2009), В.Ф. Мухина (Мухин, 1888), И.Г. Оршанского (Оршанский, 1879), С.В. Пахмана (Пахман, 2003), Н.В. Калачова (Калачов, 1877). Вторая половина XIX века стала временем появления выдающихся научных трудов ученых-цивилистов, в том числе связанных с исследованием вопросов крестьянских семейных правоотношений. Это известные работы К. Кавелина (Кавелин, 1884), Д.И. Мейера (Мейер, 1902), К.П. Победоносцева (Победоносцев, 1896), Г.Ф. Шершеневича (Шершеневич, 1911) и др.

Среди значимых современных работ по различным аспектам крестьянского обычного права необходимо отметить работы В.Б. Безгина (Безгин, 2004), С.В. Березницкого (Bereznitsky et al., 2020), П.В. Никитина (Nikitina, 1993), О.А. Плоцкой (Плоцкая, 2013; Плоцкая, Иванова, 2013; Плоцкая, 2015; Plotskaya et al., 2021; Plotskaya et al., 2022a; Plotskaya et al., 2022b; Plotskaya et al., 2023a), Н.В. Дунаевой (Дунаева, 2010), Т.В. Шатковской (Шатковская, 2000a; Шатковская, 2000b), Е.Ю. Игнатъевой (Игнатъева, 2019), Л.И. Земцова (Земцов, 2005), В.В. Баринова (Баринов, 2013) и др.

Тем не менее, несмотря на значительное число исторических и историко-правовых исследований по вопросам крестьянского обычного права, в историографии отсутствуют научные работы, посвященные глубокому анализу и систематизации правовых обычаев и законодательного регулирования крестьянских семейных разделов на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX вв., выполненные на основе архивных документов государственных органов, вводимых в научный оборот впервые.

Поэтому цель настоящего исследования – выявить соотношение законодательных и обычно-правовых норм в регулировании крестьянских семейных разделов на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX вв., а также проанализировать и систематизировать характерные особенности данного процесса.

Настоящая работа является продолжением уже изданных трудов, посвященных различным аспектам крестьянской правовой культуры (Соснина, 2017a; Соснина, 2022; Соснина, 2023a; Соснина, 2023b).

4. Результаты

Крестьянская семья – сложное социально-правовое явление, основанное на супружеских отношениях. Известный цивилист И.Г. Оршанский в исследовании по русскому праву, обычному и брачному отмечал, что, во-первых, брак рассматривается у крестьян не как таинство, а как имущественная сделка, главным образом как купля-продажа (Оршанский, 1879: 284-285). Во-вторых, семья жениха и невесты вносили имущество в совместное хозяйство. И, в-третьих, невеста часто являлась предметом брачной сделки, поскольку о браке между молодыми договаривались обычно родители (Оршанский, 1873).

В вопросе правового определения крестьянского брака самый, пожалуй, авторитетный крестьянский автор С.В. Пахман с И.Г. Оршанским согласен не был. По его словам, брак есть особое юридическое состояние, одобряемое со стороны общества и приобретаемое... на всю жизнь (Пахман, 2003: 392-393).

Назвать крестьянский брак таинством не решился ни один из «народных» авторов. В.Ф. Мухин, например, характеризует крестьянскую семью как хозяйственный союз, основанный на трудовом принципе и выделяет два их вида: семью натуральную, естественную, основанную на кровном родстве и личной власти отца, и семью искусственную, состоящую из нескольких самостоятельных семей или принятых в семью лиц (племянников, зятьев-приемышей), образующих общее хозяйство, возникающее на договорном начале (Мухин, 1888: 32). После смерти отца-домохозяина семейное имущество распределялось между членами естественной семьи в порядке наследования, а в семье искусственной – в порядке раздела. Подобного взгляда на крестьянскую семью придерживался и один из первых крестьянских авторов Н.В. Калачов (Калачов, 1877).

Крестьянская семья на Русском Севере также основывалась на хозяйственном принципе (Ефименко, 2009: 40). Вследствие этого крестьянский брак представлял имущественную сделку, сопровождаемую обрядовыми действиями (Ефименко, 1873: 33).

В период становления и развития буржуазных отношений в Российской империи крестьянская семья переживала период трансформации, вызванный объективными причинами изменения социально-экономического строя. В середине XIX века наметилась устойчивая тенденция распада больших крестьянских семей, которую правительство пыталось сдерживать.

Раздел крестьянской семьи – это процесс распада сложной многопоколенной семьи, сопровождающийся выделом взрослых детей в отдельную от родителей семью. Юридические отношения между родителями и отделенными детьми не прекращались, а принимали иную правовую форму, определяемую законом и/или обычной нормой.

С точки зрения нормативных правовых актов, составляющих крестьянскую реформу 1861 г., вопрос раздела семьи входил в компетенцию сельского схода, решение принималось большинством голосов (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. № 36657). Если разделы семьи происходили без разрешения схода, они признавались самовольными, семьи воссоединялись, а виновные наказывались по решению волостного суда. Последний имел право рассматривать вопрос о крестьянском разделе только в том

случае, если сельский сход по какой-либо причине не смог принять решение, или по заявлению сельского старосты.

Показательным в этом отношении дело было рассмотрено волостным судом 4 июля 1894 году. Крестьянин Совпольской волости и общества деревни Верхнеконской Михаил Егоров Садков подал письменную жалобу о том, что отец его самовольно произвел раздел семьи и не дает ему пропитания. Волостные судьи нашли, что жалоба Садкова распространяется до оснований самовольного раздела семьи, признали, что «оная волостному суду неподсудна и неподлежащая дальнейшему рассмотрению, а потому оставить ее без разбирательства, предложив сельскому старосте соединить Садковых в одну семью. За самовольный же раздел семьи волостным судом виновные в том наказаны в следующем за сим решении, о чем и объявить Садкову» (ГААО. Ф.235. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 250б.-26).

22 июля в ответ на предложение волостного суда Совпольский сельский староста Тимофей Ушаков записал в настоящую книгу на разбирательство волостного суда следующее: «До сведения моего дошло, что крестьянин деревни Верхнеконской Егор Садков с родным сыном Михаилом произвели самовольный раздел семьи, вследствие чего мною был собран для соединения семьи 20 июля общинный сход. Были приняты меры, но воссоединиться они не захотели, а сына Михаила Егор Садков уже наделил частью имущества самовольно, что воспрещается Инструкцией о разделах семейственных. В настоящее время между Садковыми происходят страшные семейные ссоры, вследствие которых может произойти опасное дело, потому прошу волостной суд привлечь виновных к законной ответственности» (ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр.165. Л. 260б.-28). 16 октября отец и сын были признаны волостным судом виновными и подвергнуты следующим наказаниям: Егор – общественным работам на двое суток, а с Михаила взыскали в пользу мирского капитала 1 рубль (ГААО. Ф. 235. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 260б.-28).

Самое интересное в этой ситуации то, что ни законы, ни сельские сходы, запрещающие самовольные разделы крестьянских семей, ни даже наказания в виде штрафов и общественных работ не пугали решившихся на раздельное жительство крестьян. Вышеприведенная история отца и сына получила продолжение спустя два года, когда 25 ноября Совпольский сельский староста еще раз попросил привлечь к законной ответственности отца и сына Садковых за самовольный раздел, вследствие чего, руководствуясь ст. 486 Устава о благоустройстве в казенных селениях, волостной суд постановил взыскать по 1 рублю с каждого в пользу мирского капитала и соединить в одну семью (ГААО. Ф.235. Оп.1. Ед. хр. 367. Л.630б.-64).

Реформа государственной деревни 1837-1841 гг. графа П.Д. Киселева стала своего рода прототипом крестьянской реформы 1861 г. Она сопровождалась принятием Сельского судебного устава для государственных крестьян (ПСЗРИ. Собр.2. Т.14. №12166), который также запрещал самовольные разделы крестьянских семей. После того как правительство распространило законодательные акты крестьянской реформы 1861 г. на государственных крестьян (ПСЗРИ. Собр. 2. Т.41. №42899), Сельский судебный устав продолжал служить правовой основой принятия решений волостными судами Архангельской губернии.

Подтверждение находим в одном архивном деле за 1891 год: «На основании ст. 486 Сельского судебного устава для государственных крестьян Ивана Петрова Ширяева, как старшего брата, за допущение самовольного раздела семьи подвергнуть общественным работам на три дня, а с младшего брата Андрея Евдокимова Ширяева взыскать 1 рубль, и самовольно разделившихся вновь соединить в одно семейство» (ГААО. Ф.235. Оп.1. Ед. хр. 165. Л. 310).

Несмотря на то что закон запрещал самовольные разделы семей, исследователи крестьянского обычного права отмечали, что большие семьи распадались, взрослые дети выделялись из семьи, а число разделившихся семей превышало неразделившихся. Местные обычаи Архангельской губернии разрешали семейные разделы в силу хозяйственных интересов крестьян, но строго с общего согласия и благословения родителей. П.С. Ефименко выделял два вида разделов: раздел и отдел. Раздел означал выход из дома, а отдел – развод по комнатам с помощью перегородки в одном доме. Отделы чаще всего происходили в бедных семьях, а зажиточные родители еще при жизни старались построить отдельные дома, чтобы отделить взрослых детей. Этнограф подчеркивал, что среди причин семейных разделов назывались ссоры, драки, «многолюдность» и теснота помещений, желание самостоятельно вести свое хозяйство, но главной причиной раздела семьи было существование стародавнего наследственного обычая жить независимо (Ефименко, 2009: 59-60).

Если раздел производил отец-домохозяин, то выдел частей имущества происходил исключительно по его воле согласно вложенному труду отделяющегося и совсем необязательно с согласия сыновей (Ефименко, 2009: 66). После смерти отца с просьбой о разделе имущества обращались в волостной суд братья (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 149).

Например, в споре между братьями в волостном суде выяснилось, что после смерти отца старший из братьев выгнал из дома младшего, не дав ему имущества и пропитания. В качестве свидетельницы волостной суд выслушал мать братьев, которая показала, что самовольный раздел между ними произошел по инициативе старшего брата, а потому на основании ст. 486 Устава о благоустройстве в казенных селениях подвергнуть старшего брата общественным работам на три дня, а имущество соединить (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 156).

Имущество делилось поровну на каждого сына и внука. Дом оставался, как правило, младшему брату, с которым оставалась жить вдова-мать. Надворные строения (повети, клетки, амбары, овины, гумна) делились целиком поровну или частями пополам. Скот, хлеб, одежда и другое имущество делилось также поровну или с приблизительной оценкой в случае компенсации. В общий раздел не входило женское приданое и личные вещи женщин. В случае споров относительно раздела имущества часто крестьяне Архангельской губернии прибегали к «жеребью» или сельскому старосте, который собирал сельский сход, и вопрос решался большинством голосов (Ефименко, 2009: 62–63). Но и в этом случае иногда находились недовольные, которые искали правды в волостном суде, особенно если дело доходило до взаимных оскорблений и драк. Но чаще всего инициаторами раздела семей становились женщины, особенно вдовы с детьми, по причине притеснения со стороны родственников умершего мужа (Ефименко, 2009: 64).

6 апреля 1908 г. волостной суд рассмотрел дело крестьянской вдовы Марфы Маспоновой, суть которого заключалась в оскорблении ее словами и действием сыном Николаем. В ответ на иск Николай показал суду, что никакой обиды матери он не наносил, напротив, это она его постоянно ругает и, отделяя, не хочет дать ему из трех скотин одну. По этой причине ответчик просит суд сделать ему законный выдел из общего хозяйства и утвердить в семейном разделе. Свидетели на суде показали, что вдовствующая мать и старший из трех сыновей Николай уже живут отдельно, только не могут разделить скот (корову, нетель и лошадь). Из перечисленной скотины Николай хочет получить нетель, а матери с двумя младшими братьями оставить остальное, что согласно местным обычаям и будет согласно закону. А потому суд постановил: «Отдать Николаю нетель с тем, чтобы он уплатил матери за прокорм таковой с Великого заговенья 6 рублей, а из построек одну чистую избу, которой сейчас и проживает» (ГААО. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 32–34).

Анализ протоколов волостных судов позволил выявить и систематизировать местные обычаи, касающиеся дальнейших отношений между разделившимися родственниками. Чаще всего между взрослыми детьми и престарелыми родителями возникали чисто имущественные отношения, которые сводились к тому, что все отделенные дети в равных долях обязаны были предоставить родителям помещение для проживания, отопление и продукты.

Показательное в этом отношении дело было рассмотрено волостным судом 11 июля 1876 года. Крестьянин Долгощельского селения Федор Васильев Попов принес жалобу волостному суду в том, что по разделу отцом его Василием Поповым с братом его Егором последний обязан уплатить 20 рублей серебром в этом году, но он не выплачивает. На слушании мать братьев Александра Попова показала, что они детей своих, Федора и Егора, разделили, но с тем, чтобы дети представляли ей продовольствие ежегодно по 2 куля муки (1 куль – 10 пудов). Несмотря на это, младший сын в 1875 году отдал только 10 пудов. Оставили родители за собой только лошадь, корову и снасти для ловли рыбы для приобретения харчей. Суд постановил: «согласно желанию и воле родителей взыскать с сына Егора в продовольствие отца и матери за прошлый 1875 год 10 пудов муки, и чтобы на будущее поставлял им по 2 куля ежегодно до самой их кончины. Взыскать с Егора в пользу брата его Федора 20 рублей серебром. Василию (отцу) разделить все поровну между сыновьями» (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 130).

Значительное количество протоколов с обращениями крестьян к волостному суду с просьбами о семейных разделах свидетельствует об актуальности данного вопроса во второй половине XIX – начале XX вв. Местные обычаи, регулирующие данную сферу правоотношений у крестьян, оказались, как показала судебная практика, вполне современными. Однако участвовавшие случаи семейных разделов крестьянских семей привели к реакции правительства, которое 18 марта 1886 г. приняло «Правила о порядке разрешения семейных разделов...» (ПСЗРИ. Собр.з. Т.6. Ст.3578). Правила ужесточили контроль за семейными разделами, которые по Общему положению 1861 г. санкционировались простым большинством голосов сельского схода, обязав мирской сход давать разрешение на раздел только при согласии 2/3 голосовавших. Более того, согласия домохозяина теперь было недостаточно, нужна была уважительная причина и имущественная благонадежность разделяющихся семей. Норма закона от 18 марта 1886 г. нашла отражение в протоколе волостного суда в деле за 1890 год (ГААО. Ф. 233. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 266–268).

И только известные события начала XX века ускорили модернизацию крестьянского законодательства. 5 октября 1906 г. Указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных сословий» (ПСЗРИ. Собр.з. Т.26. №28392) отменил Правила о порядке разрешения семейных разделов 18 марта 1886 г. А Указ 9 ноября 1906 г. (ПСЗРИ. Собр.з. Т.26. №28528) регламентировал семейные разделы в обществах с подворным владением по добровольному соглашению делящихся сторон без санкции сельского схода или в случае спора – в судебном порядке. Последний из названных указов из-за особенностей землепользования и землевладения в Архангельской губернии (Соснина, 2017b) юридической силы не имел, то есть оставил в силе условия семейных разделов, регламентированные Общим положением 1861 г.

Изучение официальных правоприменительных документов, а именно архивных документов, касающихся деятельности волостных судов, позволило выявить множество дел о семейных разделах, которые разрешались местными обычаями и запрещались законом. Законодательные нормы,

направленные на сдерживание распада крестьянской общины, в вопросе раздела крестьянской семьи вступали в противоречие с нормами обычного права.

5. Заключение

Поводя итоги комплексного анализа различных источников по изучаемой теме, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, отметим, что проблема семейных разделов у крестьян Русского Севера в середине XIX – начале XX вв. имела свою специфику. В силу не только родственного, но хозяйственного характера семьи архангельского крестьянина следует констатировать, что с развитием буржуазных отношений трансформация семьи в сторону ее разделения была неизбежна, что подкреплялось изнутри общины существованием местных обычаев.

Однако данный процесс по политическим причинам правительством сдерживался на законодательном уровне, что приводило к противоречию закона и правового обычая. Таким образом, можно констатировать более гибкий характер правовых обычаев, изменяющихся в новых социально-экономических условиях, и догоняющий характер официального законодательства, следующего за уже изменившимися общественными отношениями.

Литература

Баринов, 2013 – *Баринов В.В.* Организация и деятельность волостных судов на территории Республики Мордовия в конце XIX – начале XX века. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 148 с.

Безгин, 2004 – *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов: Изд-во Тамб. техн. ун-та, 2004. 304 с.

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

Дунаева, 2010 – *Дунаева Н.В.* Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в.: Монография. СПб: Изд-во СЗАГС, 2010. 472 с.

Ефименко, 1873 – Ефименко П.С. Семья архангельского крестьянина по обычному праву // Судебный журнал. 1873. Июль - Август; Сентябрь - Октябрь; Ноябрь - Декабрь. С. 32-114.

Ефименко, 2009 – *Ефименко П.С.* Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М.: ОГИ, 2009. 272 с.

Земцов, 2005 – *Земцов Л.И.* Обычно-правовые основы деятельности волостных судов в России (60 – 70 гг. XIX в.) // *Вестник ВГУ.* Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 234-244.

Игнатъева, 2019 – *Игнатъева Е.Ю.* Теоретико-правовые основания судебного протворчества в России в период введения судебных уставов 1864 года // *Образование. Наука. Научные кадры.* 2019. № 2. С. 23-26.

Кавелин, 1884 – *Кавелин К.* Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1884. 172 с.

Калачов, 1877 – *Калачов Н.В.* Об отношении юридических обычаев к законодательству: [Речь, чит. на Первом Съезде юристов в Москве в 1875 г.] / [Соч.] Н. Калачова, Н.В. Калачов. СПб: Тип. В. Киршбаума, 1877. 14 с.

Котляров, 2014 – *Котляров С.Б.* Правосознание крестьян Симбирской губернии накануне столыпинских аграрных реформ // *История государства и права.* М.: Юрист, 2014. № 9. С. 29-33.

Мейер, 1902 – *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. В 2-х ч.: По исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г. Ч. 2 / Под ред. Ем В.С., Козлова Н.В., Корнеев С.М., Кулагина Е.В., Панкратов П.А., Суханов Е.А. М., 1997. 455 с.

Мухин, 1888 – *Мухин В.Ф.* Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению). СПб: Тип. Правительствующего Сената, 1888. 331 с.

Оршанский, 1879 – *Оршанский И.Г.* Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб: Тип. А. Е. Ландау, 1879. 453 с.

Оршанский, 1873 – *Оршанский И.Г.* Народный суд и народное право // *Журнал гражданского и уголовного права.* СПб, 1873. Книга 4. С. 141-224.

Памятная книжка..., 1908 – *Памятная книжка Архангельской губернии на 1908 год:* Издание Архангельского Губернского Статистического Комитета под редакцией Секретаря Комитета Н.А. Голубцова. Архангельск: Губернская типография, 1908. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aonb.ru/ekb/aoirs.html>

Пахман, 2003 – *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России / Под ред., с предисл.: Томсинов В. А. М.: Зерцало, 2003. 736 с.

Плоцкая, 2013 – *Плоцкая О.А.* Регулирование обычно-правовыми нормами правового статуса женщин в браке у коми (зырян) в XIX – начале XX вв. // *Семейное и жилищное право.* 2013. № 4. С. 7-11.

Плоцкая, 2015 – *Плоцкая О.А.* Обычное этническое право пермских народов в эпоху глобализации. Монография. Сыктывкар, 2015. 244 с.

[Плоцкая, Иванова 2013](#) – *Плоцкая О.А., Иванова Ж.Б.* Матримониальные обычно-правовые нормы у коми и других северных промысловых народов России в XIX – начале XX вв. // *Семейное и жилищное право*. 2013. № 2. С. 39-42.

[Победоносцев, 1896](#) – *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права: в 3 ч. С.-Пб., 1896. Ч. 1. 767 с.; Ч. 2. 688 с.; Ч. 3. 755 с.

[ПСЗРИ](#) – Полное собрание законов Российской империи.

[Соснина, 2017a](#) – *Соснина М.А.* Обычно-правовые основы крестьянской семьи: влияние закона и обычая на решения волостных судов в семейно-брачных делах (на материалах Архангельской губернии второй половины XIX – начала XX вв.) // *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс*. 2017. № 1. С. 195-218. [Электронный ресурс]. URL: <http://ipp.kursksu.ru/index.php?page=6&new=18>

[Соснина, 2017b](#) – *Соснина М.А.* Политика правительства Российской Империи в отношении земельной собственности бывших государственных и удельных крестьян во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах решений волостных судов Архангельской губернии) // *Право и политика*. 2017. № 10. С.25-36. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.10.21682 [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/plp/article_21682.html

[Соснина, 2022](#) – *Соснина М.А.* Правовая культура северного крестьянства в отражении документов волостных судов / *Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований: Сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции* // Сост. М.Н. Мелютина, С.И. Дровнина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Архангельск, 2022. 632 с.

[Соснина, 2023a](#) – *Соснина М.А.* Провинциальная правовая культура северного крестьянства в контексте реализации буржуазных реформ второй половины XIX в. в России // *Юридические исследования*. 2023. № 5. С.48-59. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.5.38844 [Электронный ресурс]. URL: https://e-notabene.ru/lr/article_38844.html

[Соснина, 2023b](#) – *Соснина М.А.* Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии / Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2023. 218 с.

[Шатковская, 2000a](#) – *Шатковская Т. В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии: Монография. Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2000. 238 с.

[Шатковская, 2000b](#) – *Шатковская Т. В.* Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // *Вопросы истории*. 2000. № 11-12. С. 96 – 106.

[Шершеневич, 1911](#) – *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М.: Изд. бр. Башмаковых, 1911. 858 с.

[Bereznitsky et al., 2020](#) – *Bereznitsky S.V., Galechko I.I., Primak P.V.* Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 31-39.

[Nikitina, 1993](#) – *Nikitina G.A.* Sel'skaya obshchina-buskel' v poreformennyi period (1861– 1900 gg.) [Rural community-Buskel – in the post-reform period (1861-1900)]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 166 p.

[Plotskaya et al., 2021](#) – *Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G.* Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.

[Plotskaya et al., 2022a](#) – *Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E., Ospanova D.A.* Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575-1584.

[Plotskaya et al., 2022b](#) – *Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V.* The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.

[Plotskaya et al., 2023a](#) – *Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V.* The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37-45.

[Plotskaya et al., 2023b](#) – *Plotskaya O.A., Osmonalieva N.J., Lotorev E.N., Shiryova I.V.* Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1612-1620.

References

[Barinov, 2013](#) – *Barinov, V.V.* (2013). Organizatsiya i deyatelnost' volostnykh sudov na territorii Respubliki Mordoviya v kontse XIX – nachale XX veka [Organization and activity of parish courts in the territory of the Republic of Mordovia in the late XIX – early XX centuries]. Saransk: Publishing House of Mordovia. un-ta, 148 p. [in Russian]

[Bereznitsky et al., 2020](#) – *Bereznitsky, S.V., Galechko, I.I., Primak, P.V.* (2020). Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia. *Bylye Gody*. 55(1): 31-39.

- Bezgin, 2004** – *Bezgin, V.B.* (2004). Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka) [Peasant daily life (traditions of the late XIX – early XX centuries)]. Tambov: Publishing House of Tambov Tech. un-ta, 304 p. [in Russian]
- Dunaeva, 2010** – *Dunaeva, N.V.* (2010). Mezhdru soslovnoi i grazhdanskoi svobodoi: evolyutsiya pravosub"ektnosti svobodnykh sel'skikh obyvatelei Rossiiskoi imperii v XIX v.: Monografiya. [Between class and civil Freedom: the evolution of the Legal Personality of the Free rural inhabitants of the Russian Empire in the 19th Century]. St. Petersburg: Publishing House of the SSAGS, 472 p. [in Russian]
- Efimenko, 1873** – *Efimenko, P.S.* (1873). Sem'ya arkhangel'skogo krest'yanina po obychnomu pravu [The family of an Arkhangelsk peasant under customary law]. *Sudebnyi zhurnal*. 1873. Iyul' - Avgust; Sentyabr' - Oktyabr'; Noyabr' - Dekabr'. Pp. 32-114. [in Russian]
- Efimenko, 2009** – *Efimenko, P.S.* (2009). Narodnye yuridicheskie obychai krest'yan Arkhangel'skoi gubernii [Folk legal customs of the peasants of the Arkhangelsk province]. M.: OGI, 272 p. [in Russian]
- GAO** – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [The State Archive of the Arkhangelsk region].
- Ignat'eva, 2019** – *Ignat'eva, E.Yu.* (2019). Teoretiko-pravovye osnovaniya sudebnogo pravotvorchestva v Rossii v period vvedeniya sudebnykh ustavov 1864 goda [Theoretical and legal foundations of judicial law-making in Russia during the period of the introduction of judicial statutes in 1864]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*. 2: 23-26. [in Russian]
- Kalachov, 1877** – *Kalachov, N.V.* (1877). Ob otnoshenii yuridicheskikh obychaev k zakonodatel'stvu [On the relation of legal customs to legislation]: [Rech', chit. na Pervom S"ezde yuristov v Moskve v 1875 g.]. [Soch.] N. Kalachova, N.V. Kalachov. S.-Pb.: V. Kirshbaum type, 14 p. [in Russian]
- Kavelin, 1884** – *Kavelin, K.* (1884). Ocherk yuridicheskikh otnoshenii, vznikayushchikh iz semeinogo soyuza [An outline of the legal relations arising from a family union]. S.-Pb.: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 172 p. [in Russian]
- Kotlyarov, 2014** – *Kotlyarov, S.B.* (2014). Pravosoznanie krest'yan Simbirskoi gubernii nakanune stolypinskikh agrarnykh reform [The legal consciousness of the peasants of the Simbirsk province on the eve of Stolypin's agrarian reforms]. *Istoriya gosudarstva i prava*. M.: Yurist. № 9. Pp. 29-33. [in Russian]
- Meier, 1902** – *Meier, D.I.* (1902). Russkoe grazhdanskoe pravo [Russian civil Law]. V 2-kh ch.: Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izdaniyu, 1902 g. Ch. 2. Pod red. Em V.S., Kozlova N. V., Korneev S. M., Kulagina E. V., Pankratov P.A., Sukhanov E.A. M., 1997. 455 p. [in Russian]
- Mukhin, 1888** – *Mukhin, V.F.* (1888). Obychnyi poryadok nasledovaniya u krest'yan (k voprosu ob otnoshenii narodnykh yuridicheskikh obychaev k budushchemu grazhdanskomu ulozheniyu). [The usual order of inheritance among peasants (on the question of the relation of folk legal customs to the future civil code)]. SPb: Type. The Governing Senate, 331 p. [in Russian]
- Nikitina, 1993** – *Nikitina, G.A.* (1993). Sel'skaya obshchina-buskel' v poreformennyi period (1861–1900 gg.) [Rural community-Buskel – in the post-reform period (1861-1900)]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN, 166 p. [in Russian]
- Orshanskii, 1873** – *Orshanskii, I.G.* (1873). Narodnyi sud i narodnoe pravo [People's Court and people's law]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogogo prava*. SPb. Kniga 4. P. 141-224. [in Russian]
- Orshanskii, 1879** – *Orshanskii, I.G.* (1879). Issledovaniya po russkomu pravu, obychnomu i brachnomu [Research on Russian law, customary and marriage law]. SPb: Type A. E. Landau, 453 p. [in Russian]
- Pakhman, 2003** – *Pakhman, S.V.* (2003). Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii [Customary civil law in Russia]. Pod red., s predisl.: Tomsinov V. A. M.: Zertsalo, 736 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1908** – Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1908 god [Memorial book of the Arkhangelsk province for 1908]: Izdanie Arkhangel'skogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta pod redaktsiei Sekretarya Komiteta N.A. Golubtsova. Arkhangel'sk: Gubernskaya tipografiya, 1908. [Electronic resource]. URL: <http://www.aonb.ru/ekb/aoirs.html>[in Russian]
- Plotskaya et al., 2021** – *Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G.* (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.
- Plotskaya et al., 2022a** – *Plotskaya, O.A., Kurilyuk, Y.E., Ospanova, D.A.* (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575-1584.
- Plotskaya et al., 2022b** – *Plotskaya, O.A., Ruchkina, G.F., Alekseeva, D.G., Naumkina, V.V.* (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 49-56.
- Plotskaya et al., 2023a** – *Plotskaya, O.A., Elinsky, V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V.* (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37-45.
- Plotskaya et al., 2023b** – *Plotskaya, O.A., Osmonaliev, N.J., Lotorev, E.N., Shiryova, I.V.* (2023). Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 18(4): 1612-1620.

Plotskaya, 2013 – *Plotskaya, O.A.* (2013). Regulirovanie obychno-pravovymi normami pravovogo statusa zhenshchin v brake u komi (zyryan) v XIX – nachale XX vv. [Regulation by customary legal norms of the legal status of women in marriage in Komi (Zyryan) in the XIX – early XX centuries]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*. 4: 7-11. [in Russian]

Plotskaya, 2015 – *Plotskaya, O.A.* (2015). Obychnoe etnicheskoe pravo permskikh narodov v epokhu globalizatsii. [The customary ethnic law of the Permian peoples in the era of globalization]. Monografiya. Syktyvkar, 244 p. [in Russian]

Plotskaya, Ivanova 2013 – *Plotskaya, O.A., Ivanova, Zh.B.* (2013). Matrimonial'nye obychno-pravovye normy u komi i drugikh severnykh promyslovykh narodov Rossii v XIX – nachale XX vv. [Matrimonial customary legal norms among the Komi and other northern fishing peoples of Russia in the XIX – early XX centuries]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*. 2: 39-42. [in Russian]

Pobedonostsev, 1896 – *Pobedonostsev, K.P.* (1896). Kurs grazhdanskogo prava [Civil Law Course]: v 3 ch. S.-Pb., Ch. 1. 767 p.; Ch. 2. 688 p.; Ch. 3. 755 p. [in Russian]

PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire].

Shatkovskaya, 2000a – *Shatkovskaya, T.V.* (2000). Pravovaya mental'nost' rossiiskikh krest'yan vtoroi poloviny XIX veka: opyt yuridicheskoi antropometrii [The Legal mentality of Russian peasants in the second half of the 19th century: the experience of Legal Anthropometry]: Monografiya. Rostov-on-Don: RSEU (RINH), 238p. [in Russian]

Shatkovskaya, 2000b – *Shatkovskaya, T.V.* (2000). Zakon i obychai v pravovom bytu krest'yan vtoroi poloviny XIX veka [Law and custom in the legal life of peasants of the second half of the XIX century]. *Voprosy istorii*. 11-12: 96-106. [in Russian]

Shershenevich, 1911 – *Shershenevich, G.F.* (1911). Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian civil law]. M.: Izd. br. Bashmakovykh, 858 p. [in Russian]

Sosnina, 2017a – *Sosnina, M.A.* (2017). Obychno-pravovye osnovy krest'yanskoi sem'i: vliyanie zakona i obyichaya na resheniya volostnykh sudov v semeino-brachnykh delakh (na materialakh Arkhangel'skoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.) [The customary legal foundations of the peasant family: the influence of law and custom on the decisions of the volost courts in family and marriage cases (based on the materials of the Arkhangel'sk province of the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Istoriko-pravovye problemy: Novyi rakurs*. 1: 195-218. [Electronic resource]. URL: <http://ipp.kursksu.ru/index.php?page=6&new=18> [in Russian]

Sosnina, 2017b – *Sosnina, M.A.* (2017). Politika pravitel'stva Rossiiskoi Imperii v otnoshenii zemel'noi sobstvennosti byvshikh gosudarstvennykh i udel'nykh krest'yan vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (na materialakh reshenii volostnykh sudov Arkhangel'skoi gubernii) [The policy of the Government of the Russian Empire in relation to the land ownership of former state and specific peasants in the second half of the XIX – early XX centuries (based on the materials of the decisions of the parish courts of the Arkhangel'sk province)]. *Pravo i politika*. 10: 25-36. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.10.21682. [Electronic resource]. URL: http://e-notabene.ru/plp/article_21682.html [in Russian]

Sosnina, 2022 – *Sosnina, M.A.* (2022). Pravovaya kul'tura severnogo krest'yanstva v otrazhenii dokumentov volostnykh sudov [The legal culture of the Northern peasantry in the reflection of the documents of the volost courts]. *Kenozerskie chteniya. – 2021. Zapovednye zemli Russkogo Severa v kontekste sotsial'no-gumanitarnykh i estestvenno-nauchnykh issledovaniy: Sbornik materialov X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Sost. M.N. Melyutina, S.I. Drovkina; otv.red. E.F. Shatkovskaya; FGBU «Natsional'nyi park «Kenozerskii». Arkhangel'sk, 632 p. [in Russian]

Sosnina, 2023a – *Sosnina, M.A.* (2023). Provintsial'naya pravovaya kul'tura severnogo krest'yanstva v kontekste realizatsii burzhuznykh reform vtoroi poloviny XIXv. v Rossii [The provincial legal culture of the Northern peasantry in the context of the implementation of bourgeois reforms of the second half of the nineteenth century in Russia]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 5: 48-59. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.5.38844 [Electronic resource]. URL: https://e-notabene.ru/lr/article_38844.html [in Russian]

Sosnina, 2023b – *Sosnina, M.A.* (2023). Sootnoshenie zakona i pravovogo obyichaya v deyatel'nosti volostnykh sudov Rossiiskoi imperii v 1861 – 1917 gg.: na primere Arkhangel'skoi gubernii [The correlation of law and legal custom in the activities of the volost courts of the Russian Empire in 1861-1917: on the example of the Arkhangel'sk province]. Kazan (Volga Region) Federal University. Kazan, 218p. [in Russian]

Zemtsov, 2005 – *Zemtsov, L.I.* (2005). Obychno-pravovye osnovy deyatel'nosti volostnykh sudov v Rossii (60 – 70 gg. XIX v.) [The customary legal foundations of the activity of parish courts in Russia (60 – 70 years of the XIX century)]. *Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2: 234-244. [in Russian]

Правовое регулирование крестьянских семейных разделов на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX вв.

Мария Александровна Соснина ^{a, *}, Татьяна Викторовна Воротилина ^b,
Юлия Валентиновна Николаева ^c, Ольга Анатольевна Лаврищева ^d

^a Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются вопросы правового регулирования института семейных разделов у крестьян Архангельской губернии во второй половине XIX – начале XX вв., а именно изучается роль правового обычая и законодательной нормы в сфере брачно-семейных отношений в крестьянской общине Русского Севера. Авторы сделали акцент не только на материалах дореволюционной историографии по данной проблеме, но и на архивных документах, обнаруженных в Государственном архиве Архангельской области, которые содержат достоверные сведения о деятельности волостных судов в указанный период. С точки зрения формально-юридического метода, в данной работе проанализированы нормативные правовые акты, касающиеся семейных разделов у крестьян. С помощью уже опубликованных и впервые вводимых в научный оборот архивных документов осмысливается проблема соотношения закона и правового обычая в регулировании семейных разделов и их последствий, выражающихся не только в распаде большой крестьянской семьи, но и разделе имущества исходя из принципов совместного труда и семейной собственности. Кроме того, авторы выделяют субъективные и объективные причины происходящих процессов, их специфику на Русском Севере, где отсутствовала частнофеодальная зависимость большинства крестьян. Материалы исследования демонстрируют достоверные результаты, касающиеся изучаемого периода в сфере регулирования семейных разделов у крестьян, которые преимущественно опирались в решении данного вопроса на местный обычай, в то же самое время испытывая правительственную реакцию в виде принятия нормативных правовых актов, сдерживающих процесс распада крестьянской общины и входящих в противоречие с крестьянским обычным правом.

Ключевые слова: Российская империя, Русский Север, волостной суд, правовой обычай, закон, семейный раздел, крестьянская семья, семейная собственность, домохозяин.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: SosninaAGTU@yandex.ru (М.А. Соснина),
vorotilina@mail.ru (Т.В. Воротилина), UNikolaeva@fa.ru (Ю.В. Николаева),
lavrischeva-olga@mail.ru (О.А. Лаврищева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 169-177
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.169

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Commercial and Industrial Interests of Landowners in the Field of Sugar Beet Production (XIX – early XX centuries)

Alexey G. Topilsky^{a, *}, Ruslan M. Zhitin^a

^aTambov Derzhavin State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the development of the sugar beet industry during the XIX – early XX centuries. The materials of the State Archive of the Tambov Region were used to study the problem at the micro level. The methodological tools of the work were the principles of objectivity and historicism. The principle of objectivity made it possible to analyze the history of sugar enterprises outside the ideological context of Soviet historiography, to show the positive role of the industry in the development of latifundia. The principle of historicism was aimed at studying the historical context of the development of industrial beet processing in post-reform Russia. The pre-revolutionary, Soviet and modern historiography of the development of sugar and refined landlord enterprises in the Russian Empire in general and the Central Chernozem region in particular is considered. The influence of the abolition of serfdom and other legislative acts on the development and concentration of the sugar industry is analyzed. It is shown that the state policy of supporting sugar growers at the end of the XIX century led to a high concentration of sugar beet enterprises and encouraging the export of their products. The transfer of beet fields from individual vegetable gardens to the general structure of the owner's crop rotation, the purchase of new machines and equipment for planting and harvesting beetroot, the active involvement of agricultural artels in the work is analyzed. The internal agreements of the owners of enterprises, which were formed within a semi-legal syndicate of refiners, whose association actively dictated its conditions in the domestic market, are characterized. In particular, restrictions on the production of refined products on the Russian market are considered, as well as how Russian landlords were forced to reduce the acreage of beetroot in order to maintain high sugar prices.

Keywords: sugar, nobles, Russian Empire, field breeding, landowner land ownership.

1. Введение

Свеклосахарная промышленность на протяжении XIX века являлась весьма важной отраслью крупного помещичьего предпринимательства. Став еще в крепостную эпоху прибыльной сферой приложения дворянского капитала, после 1861 г. сахарное производство стало флагманом рационализации латифундий. При этом Центральное Черноземье как один из самых крупных центров промышленной переработки свекловицы традиционно отражало весь комплекс производственных, экономических и социальных аспектов «сахарной модернизации» аграрного строя. Строительство на территории региона новых предприятий повышало эффективность работы местных экономий, привлекало в заводские районы пришлых работников. Однако если в экономическом плане данные аспекты хорошо изучены, то социальные и организационные факторы становления и деятельности черноземных сахарных заведений остаются в тени. Между тем анализ истории свеклосахарного производства России позволяет глубже понять суть структурных изменений, происходящих в помещичьем секторе дореволюционных событий 1917 года.

* Corresponding author

E-mail addresses: a-topil@yandex.ru (A.G. Topilsky), istoriko8@mail.ru (R.M. Zhitin)

2. Материалы и методы

Основным приоритетом исследования выступает изучение маловостребованных в исторических работах источников. Большое значение для изучения организации сахарной промышленности имеют «Материалы для статистики Российской империи» ([Материалы..., 1839](#)), содержащие подробные сведения о работе ряда латифундиальных заводов. Одновременно в статье были использованы данные дореволюционной периодики ([Земледельческий журнал, 1832](#)) и описания крупнейших сахарных предприятий ([Головня, 1913](#)). Для изучения малоизвестных фактов из истории пищевой промышленности в работе был задействован обширный архивный материал. В частности, привлекались источники по Ново-Покровскому сахарному заводу ([ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 214. Л. 108](#)), а также общие данные Тамбовского сельскохозяйственного общества ([ГАТО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 142](#)).

В качестве методологического инструментария работы выступили принципы объективности и историзма. Принцип объективности позволил проанализировать историю сахарных предприятий вне идеологического контекста советской историографии, а также позволил показать позитивную роль отрасли в развитии латифундий. Принцип историзма был направлен на изучение исторического контекста развития промышленной переработки свекловицы в пореформенной России. На всех этапах исследования применялся также историко-сравнительный метод, позволяющий эффективно изучить разнородные исторические источники.

3. Обсуждение

Проблемы изучения свеклосахарной промышленности достаточно давно интересуют отечественных историков. В дореволюционной России историю сахарного производства рассматривали Ю. Цехановский ([Цехановский, 1907](#)), М.А. Толпыгин ([Толпыгин, 1894](#)). Ученые охарактеризовали районы расположения заводов, проанализировали их производительность. Подробные справочные сведения о черноземных предприятиях указывались в ежегоднике «Справочник по сахарной промышленности Российской империи» ([Справочник..., 1913](#)). Здесь приводились основные показатели отечественных заведений, давалась информация об акционировании новых объектов, а также об основных сахарозаводчиках. Особую ценность изданию придавала публикация сведений по истории Всероссийского общества сахарозаводчиков, а также списков зарубежных партнеров российских предпринимателей. Данные материалы дополняются значительным количеством описаний по отдельным сахарным заводам ([Описание..., 1899](#)).

Профильные работы в области изучения крупнопомещичьего сахароварения подготовили в 1960–1970 гг. Л.М. Минарик ([Минарик, 1971](#)) и А.М. Анфимов ([Анфимов, 1969](#)). Ученых интересовали масштабы участия латифундистов в промышленной переработке свекловицы, проблемы акционирования предприятий, роль отрасли в модернизации аграрного строя.

Рассматривая истоки сахарного бизнеса в России, Л.П. Минарик проанализировала предпринимателей второй половины XIX века. Была установлена значительная роль семей Терещенко и Харитоненко в развитии сахарного бизнеса и монополизации отрасли. К началу XX они лидировали по совокупной производительности сахарных заводов (более 17 млн руб.) ([Минарик, 1971: 26](#)). Одновременно Минарик отмечала тесную связь сахарного и аграрного производства имений. По ее подсчетам, «все крупнейшие сахарозаводчики России также относились к группе крупнейших земледельцев страны» ([Минарик, 1971: 27](#)).

Критически относился к деятельности сахарозаводчиков дореволюционной России А.М. Анфимов ([Анфимов, 1969: 261–270](#)). По его мнению, все имеющиеся отечественные производства были сосредоточены у «небольшой кучки сахарных магнатов, которые играли крупную роль в промышленно-финансовых кругах и оказывали значительное влияние на правительственные органы» ([Анфимов, 1969: 261](#)). К этому выводу исследователя подтолкнуло комплексное исследование истории первого синдиката рафинеров и Союза сахарозаводчиков, а также анализ вопросов акционирования и укрупнения ряда латифундиальных заводов. К схожим выводам пришел и М.Я. Гефтер, занимающийся вопросами монополистического капитализма в России ([Гефтер, 1951: 104](#)).

Значительные успехи в исследовании истории отдельных сахарных заводов достигнуты на современном этапе. В работах Р.М. Житина представлено комплексное описание имеющихся в Тамбовской губернии объектов пищевой промышленности, рассмотрены социально-экономические аспекты развития Ново-Покровского сахарного завода ([Житин, 2018](#)). Вопросы становления свеклосахарного производства Центрально-Черноземного экономического района представлены в работах Н.Е. Воиновой ([Воинова, 2007](#)). Обобщенная работа по истории сахарного производства в Курской губернии предоставлена в трудах В.В. Спитчак ([Спитчак, 2008](#)).

Резюмируя историографический обзор, следует отметить глубокую проработку учеными истории сахарной промышленности дореволюционной России. Вместе с тем виден исследовательский уклон в изучение экономических аспектов модернизации отрасли, тогда как вопросы организации сахарных производств изучены в наименьшей степени.

4. Результаты

Первый сахарный завод в пределах губерний Центрального Черноземья был построен купеческой семьей Духаниных в Раненбургском уезде Рязанской губернии в 1809 году (Центрально..., 1929: 179). Возведение предприятия носило вспомогательное значение – посе́вы свеклы позволяли модернизировать местный севооборот и обеспечить владельческое предприятие необходимым сырьем (Материалы..., 1839: 165). Успешная экономическая деятельность нового заведения стала показательной для помещиков России, начавших активно интересоваться особенностями прибыльного бизнеса.

Учитывая значение сахарной промышленности, правительство взяло курс на усиленное покровительство всем лицам, желающим заняться постройкой новых предприятий. Государство не только разрешало помещикам выкупать спирт из свекловичных остатков, но и приступило к раздаче субсидий и земель владельцам для постройки самих заводов. В результате в 1825 году в России одновременно действовало более двух десятков заведений разного уровня и масштаба. Массово возводились новые комплексы в Тверской, Московской, Саратовской губерниях (Воинова, 2007). Одновременно более благоприятные почвенно-климатические условия обуславливали перемещение промышленных мощностей в крупные имения Украины и Центрального Черноземья. В результате уже в начале XIX века начали формироваться будущие районы концентрации сахарной промышленности.

В 1829 году семья Бобринских строит на территории Тульской губернии один из самых крупных комплексов России – Михайловский сахарный завод с годовым производством 4 тыс. пудов. В этом же году семья воронежских помещиков Горяиновых строит Петровский завод с уникальной для своего времени системой подсобного полеводства. Свеклосеяние здесь стало частью севооборота имения (Воинова, 2007). Новый завод, стоивший 18000 руб. и оборудованный двумя гидравлическими прессами, был рассчитан на переработку более чем 1000 пудов свеклы, собираемой на 100 десятин посевных плантаций (Витт, 1853: 200). Одновременно помещик осуществлял закупки урожая на стороне с выдачей предварительных денежных авансов.

Сахарная промышленность демонстрировала высокую прибыльность, что выгодно отличало ее от зернового производства. По данным земледельческой газеты, среднестатистический владелец имения «мог затрачивать на покупку пуда сахара 19 четвериков ржи или 4 четвертей овса, а в 1830 г. за тот же пуд сахара ему нужно было отдать уже 46 четвериков ржи или почти 9 четвертей овса» (Земледельческий..., 1832: 54). Неудивительно, что в 1830–1840 гг. наблюдается резкий рост посевов свекловицы и бурное строительство новых заводов. Только в Центральном Черноземье в этот период было построено 40 сахарных предприятий (Центрально..., 1929: 181). Из наиболее примечательных по уровню и технике производства явились Сажовский (Аннинский уезд), возведенный в 1835 году, и Нижнекислянский (Острогорский уезд), построенный в 1837 году, заводы. Их совокупный объем производства превышал 200 тыс. пудов свекловицы (Центрально..., 1929: 182).

Одно из первых сахарных предприятий Тамбовской губернии (Тюшевский завод в Липецком уезде) принадлежало помещикам Давыдовым. В 1830-х гг. число местных заведений возросло за счет строительства трех объектов в Елатомском уезде и двух – в Лебедянском уезде. К моменту отмены крепостного права в регионе действовало уже 13 свеклосахарных заводов общей производительностью 81,5 тыс. пудов. В основном это были небольшие заведения с числом работников не более 50 человек. Наиболее крупные комплексы смогли создать дворяне Васильчиковы (с. Трубетчино Лебедянского уезда) и граф Шувалов (с. Земеччино Моршанского уезда) (Черменский, 1961: 120). Эти предприятия пережили перевод капиталистической трансформации второй половины XIX века, став одними из центров тамбовской промышленности в начале XX века.

Первоначально заводы строились отдельными помещиками-капиталистами, но в 1837 году в г. Путивле (Курская губерния) возникла первая акционерная компания, по поводу которой в отчете губернатора 1837 года было сказано: «из промышленных предприятий, учрежденных по акциям, замечателен свеклосахарный завод, устроенный в Путивльском уезде сотовариществом тамошних помещиков» (Центрально..., 1929: 182). Значительные траты на обустройство предприятий и внедрение новых севооборотов обеславливали дальнейший процесс акционирования заведений и рост их производительности. При этом рост объемов выпуска сахара и незначительная его реализация на внутреннем рынке вызвала перегрев отрасли.

Знаковое событие для российской сахарной промышленности первой половины XIX века связано с введением акциза (1848 г.) Согласно выпущенному «Уставу об акцизе с свеклосахарного производства», новая выплата исчислялась исходя из нормы выработки сахарного песка из свекловицы (норма 3 %) и первоначально составляла 30 коп с пуда предполагаемого выхода (ПСЗ РИ, 1849: 144). При этом стоимость размера акциза в первые шесть лет работы предприятий с годовым производством не более 500 пудов распределялась прогрессивным образом: «1) с 1 сентября 1848 г. по 1 сентября 1850 г. по 15 коп.; 2) с 1 сентября 1850 г. по 1 сентября 1852 г. по 30 коп.; 3) с 1 сентября 1852 г. по 1 сентября 1854 г. по 45 коп. серебром с пуда» (ПСЗ РИ, 1849: 144). Так как введенная нормировка не способствовала укрупнению предприятий, к началу отмены крепостного права основным типом сахарного завода было небольшое заведение с числом работников не более

50 человек. В 1859 году из 357 работающих в стране заводов 268 комплексов принадлежали к категории мелких (69,5 %), 90 – к средним (23,4 %), 27 – к крупным (7,1 %) (Воинова, 2007).

Процесс концентрации и монополизации сахарной промышленности начался после 1861 года. Небольшие заводы, которые работали на барщинном труде, быстро лишились своей сырьевой базы и разорились. С другой стороны, для крупных помещиков сахарные комплексы стали играть роль драйвера местной экономики, позволяя значительно повысить доход от своих имений. В 1859–1865 гг. число сахарных предприятий сократилось более чем наполовину (со 357 до 143 заводов). При этом даже работающие заведения действовали с большими перерывами (Воинова, 2007).

Уменьшение количественных показателей отрасли сопровождалось одновременным увеличением ее качественных характеристик. Если в 1860 г. общероссийское производство сахара составляло 3,9 млн пудов, то в 1911 г. отечественные заводы отгрузили уже 92 млн пудов (Анфимов, 1969: 261). Это стало возможным благодаря укрупнению масштаба производства, когда большинство пореформенных предприятий из мелких мастерских 1830–1860-х годов превратились в крупные капиталистические производства с огромным выходом готового продукта.

Следует выделить потомков первых сахарных производителей, чьи заводы возникли в 30-50-е годы XIX в. Среди них две ветви Бобринских («Смелянские» и «Тульские»), которым в начале XX в. принадлежало 7 крупнейших в стране предприятий: Балаклеийские, два Смелянские, Грушевские и Капитоновские (Киевская губерния), Богородицкие и Михайловские заводы (Тульская губерния). Годовая производительность этих комплексов достигала 10 млн. руб., а число рабочих – 3 тыс. человек. С 1830-х гг. ведут свою историю заведения Браницких на Украине. Этой семье принадлежали Кожанский, Ольшанский, Саливонковский, Шамраевский, Езерянский, Синявский, Сосновецкий заводы. К началу XX века оборот этих предприятий приносил владельцам 6 млн руб. дохода, а общее количество занятых на производстве работников оценивалась в 4,4 тыс. человек. Крупному помещику И.А. Потоцкому принадлежали Гайсинский и Шепетовский заводы (2,6 млн руб., 1,2 тыс. рабочих) (Минарик, 1971: 26-27).

В 50-х годов XIX в. к А.В. Бярятинскому по наследству перешли Крупецкие и Шалыгинское заведения в Курской губернии (1,7 млн. руб., 720 рабочих). С 1839 г. А.Г. Щербатова построила крупный комплекс в Харьковской губернии (1,4 млн. руб., 500 рабочих). В этом же году совладельцами сахарного бизнеса стали Долгоруковы и Балашовы. Первым принадлежал Земетчинский завод в Тамбовской и Черешенский завод в Черниговской губернии. У Балашовых на Подолье действовало Шпиковское предприятие (Минарик, 1971: 26-27).

В 60-е годы XIX в. в число крупнейших помещиков-сахарозаводчиков вошли две семьи. В 1865 г. И.П. Чернышов-Кругликов построил Сотницкий завод на Тамбовщине (424 рабочих), в этом же году обзавелся Ситковецким и Соболевским заводами на Волыни К.К. Потоцкий (1,2 млн. руб., 1068 рабочих). В 1870–80-е годы в сахарный бизнес влились еще 6 помещиков-латифундистов. В 1873 г. уральские заводчики Демидовы построили в Киевской губернии Ильинецкий завод (721,5 тыс. руб., 348 рабочих). С 1875 г. начал работать Чечельникский, а с 1896 г. Эртильский заводы В.Н. Орлова (Воронежская губерния). Совокупная производительность этих предприятий составила 1,3 млн. руб., общая обеспеченность рабочими – 1110 человек. В 1890-х гг. в Курской губернии были построены Ивнянский, Переверзовский и Ржавский сахарные заводы К.П. Клейнмихеля (2,3 млн. руб., 1175 рабочих) (Минарик, 1971: 26-27).

Строительство сахарных заводов в пореформенное время привело к большим изменениям в производственных системах имений помещиков. С отменой крепостного права заводчики лишились бесплатного крестьянского труда, вынуждены были внедрять новые технологии работы. Для выпуска сахара требовалось не просто возведение здания завода. Первостепенное значение имела бесперебойная поставка сырья, привлечение в имение новых категорий сельскохозяйственных работников. Это было обусловлено перенесением свекловичных полей из отдельных огородов в общую структуру владельческого севооборота, закупкой новых машин и оборудованием для посадки и сбора свекловицы, активное привлечение к работам сельскохозяйственных артелей. При этом на эффективность полеводческих практик сильное влияние оказывали цены на сахар. В период их уменьшения свекловицу сеяли на озимые поля, что позволяло уменьшить себестоимость урожая и увеличить его сахаристость, в период увеличения сахарных цен плантации помещались на пару, чем добивались увеличения объема полученного сырья. Наиболее крупные и обеспеченные владельцы переходили к плодосменным севооборотам с применением минеральных удобрений. Так, в имении Орловых-Давыдовых для посадок свеклы применяли как навозные, так и минеральные добавки. Местные поля насыщались чилийской селитрой и суперфосфатами (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 583. Л. 137; ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 596. Л. 92). Если в 1901 году на закупку минеральных добавок имение тратило 3 руб. на одну десятину, то к 1909 г. эта сумма выросла до 4,5 руб. (Житин, 2014).

Высокая прибыльность сахарного бизнеса подталкивала процессы монополизации отрасли. В 1887 г. образовался первый союз сахарозаводчиков, объединивший 171 сахарный завод. Учитывая, что в этот период было 219 сахарных предприятий, монополисты контролировали абсолютное большинство производства в стране. Объединение должно было способствовать защите интересов входивших в него помещиков, а также должно было способствовать повышению доходности их

владений (Анфимов, 1969: 261). Для этого применялся механизм искусственного регулирования нормы выработки.

Союз просуществовал до 1895 г., когда владельцы крупнейших предприятий страны, возглавляемые латифундистом В.П. Бродским, отправили официальный запрос в российское правительство с требованием регулирования отечественного сахарного бизнеса. Таким образом, предприниматели хотели получить максимально высокий уровень цен на внутреннем рынке. Излишки продукта предлагалось принудительно оправлять за границу, что обуславливало дефицит (и высокую стоимость) продукта в России. Учитывая особую расположенность власти к сахарозаводчикам, 20 ноября 1895 г. был издан указ «О некоторых мерах относительно сахарной промышленности». Документ полностью удовлетворял надежды крупнейших заводчиков и гарантировал их безбедное существование (Закон..., 1896). В частности, обязательному регулированию подвергались объемы выпуска сахарной продукции как в локальном (отдельный завод), так и в глобальном (вся отрасль в целом) смысле, определялся размер неприкосновенного запаса готового продукта на отдельных предприятиях, а также определялись предельные цены для внутреннего потребления. С небольшими изменениями данные положения были актуальны вплоть до начала Первой мировой войны. В акте были учтены пожелания сахарозаводчиков. Чтобы владельцы не продавали свои запасы раньше времени, правительство ввело обложение в виде двойного акциза. В то время как «нормальный» размер такого налога с каждого заводчика составлял 1 руб. 75 коп. с пуда сахара, нарушителям приходилось платить по 3,5 руб. (Закон..., 1896: 44).

Закон разрешал каждому заводу ежегодный выпуск до 80 тыс. пудов продукта, далее продукт должен был распределяться на внутреннем рынке. Остальная часть делилась между всеми предприятиями отрасли в зависимости от производительности каждого заведения. При этом излишне произведенный продукт отправлялся за рубеж (в этом случае предпринимателям возвращали уплаченный ранее акциз). Одновременно для защиты своих интересов в случае открытия новых заводов монополисты установили максимальный объем производства (160 000 пудов в год) (Закон..., 1896: 44). Такие меры должны были оградить отрасль от перегрева и затруднить появление новых предприятий.

Результаты монополизации отрасли не заставили себя долго ждать (Гефтер, 1951: 104-153). С 1898 до 1912 гг. в России было построено только 42 новых предприятия, зато многократно возросла мощность старых производств. Если в 1888 г. в стране действовало 65 заводов, суточная выработка свеклы на которых составляла 1000 берковцев, то к 1912 году таких объектов было уже 261 (Анфимов, 1969). В конце XIX – начале XX вв. ряды сахарных предпринимателей возросли еще на 7 помещиков. В 1895 г. был построен Ракицкий завод Юсуповых в Курской губ. (1,2 млн. руб., 440 рабочих). Тогда же начал строиться Ново-Покровский завод Орловых-Давыдовых в Тамбовской губ. (514 тыс. руб., 466 рабочих). К более позднему времени относится ввод в эксплуатацию Мирозского комплекса на С.П. фон-Дервиза и Дерюшского завода (Курская губерния) великого князя М.А. Романова. В начале 1900-х годов в Полтавской губернии были построены два завода герцогов Мекленбург-Стрелицких (Карловский и Ланновский, 360 рабочих) и Павловский завод П.П. Дурново (3,4 млн. руб., 600 рабочих). В это же время несколько заводов Терещенко (Сатановецкий Льговский, Ситковецкий, Ново-Покровский) и группа предприятий К.П. Клейнмихеля вошла в состав акционерных обществ (Минарик, 1971: 26-27).

Одновременно возрастало количество предприятий в руках одних помещиков. В начале XX в. П.И. Харитоненко принадлежало 8 заводов: Краснояружский, Парафиевский, Пархомовский, Угродский, Янковский, Павловский, Мартыновский и Веркиевский. В совокупности они приносили владельцу 32,8 млн руб. В это же время наименьшим числом предприятий владела семья Терещенко. В их собственности находились Червоновский, Старотнянский, Теткинский, Богучарский, Марьинский, Андрушевский, Коровинецкий и Тульский заводы, дававшие помещику свыше 7 млн. руб. чистого дохода (Минарик, 1971: 26-27).

Дальнейшая регулировка сахарной промышленности была связана с деятельностью Всероссийского общества сахарозаводчиков (ВОС), созданного в 1897 г. владельцами 206 заводов (Гефтер, 1951: 104-153). Объединение представляло глобальную организацию российских предпринимателей, которая совместно с чиновниками Министерства финансов осуществляла политику государственного регулирования производства сахара. Под давлением монополистов вся продукция сахарозаводчиков, произведенная сверх нормы (в 1897 г. она составляла 25 млн пудов), облагалась акцизом в 1 руб. 75 копеек. Одновременно государство стало активнее использовать экспортные возможности русских предприятий. В частности, оно полностью освобождало вывозимый за границу сахар от прямых и косвенных налогов. Несмотря на наличие высокой ставки отечественного обложения (3 руб. 50 коп), предприниматели все равно оставались в прибыли. Проанализировав это явление, корреспондент «Народного хозяйства» отмечал: «Благодаря действующей системе сахарной нормировки у нас возможно явление своеобразного «сахарного голода», в то время как с потерями для нашего народного хозяйства мы снабжаем дешевым сахаром иностранных потребителей, откармливая русским сахаром даже английских свиней» (Спичак, Остроумов, 2010: 100).

Высокая концентрация производства и монополизация сахарной отрасли в России станет еще очевиднее, если учесть, что наряду с государственной монополией существовали внутренние договоренности владельцев предприятий, оформлявшиеся внутри полулегального синдиката рафинеров (создан в 1902 году). Контролируя производство 80 % сахара в стране, объединение активно диктовало свои условия на внутреннем рынке. В числе прочего оно ограничивало производство рафинада на российском рынке. Так, согласно данным А.М. Анфимова, в 1902 г. отечественными поставщиками было запланировано сокращение выработки своих предприятий на 20 %. Еще через четыре года (в 1906 году) эта норма оказалась уменьшенной на 5 %, а к 1910 году производство было снижено еще на 17,5 % (Анфимов, 1969: 266). Одновременно рафинеры пытались повлиять на предложение сахара в стране. Например, под давлением синдиката в 1907 г. 167 владельцев предприятий были вынуждены пойти на изъятие со своих складов более 1 млн. пудов готового продукта. При этом речь шла не просто о создании искусственного дефицита сахара, а о целенаправленном уменьшении объема его выпуска. Для этого российским помещикам навязывалось сокращение посевных площадей свекловицы. В 1909 г. ее посевы уменьшились до 60 тыс. дес., в 1913 г. местные заводчики недосчитались еще 22 тыс. дес. Таким образом, происходило искусственное регулирование рынка сахарного производства, создавались условия для удержания максимально высоких цен (Анфимов, 1969: 267).

Большое влияние сахарных монополистов в стране подтверждалось их связью с государственным аппаратом. Неудивительно, что условия государственной нормировки сахара в стране определялись интересом частных структур, заинтересованных в этом нормировании. При этом своеобразное частно-правительственное партнерство было выгодно всем его участникам. Высокая прибыльность сахарного бизнеса помещиков в среднем ежегодно достигала трех четвертей авансированного капитала. Так, четыре завода Бобринских в 1912 г. приносили его владельцу 314 тыс. руб. Высокие барыши, достигавшие 200 тыс. рублей, получали владельцы Карловского, Чутовского, Ракитянского, Тростянецкого и ряда других российских заводов. Что касается прибыли казны, полученной от сахарного бизнеса помещиков, то только в 1912 г. бюджет страны получил 128 млн руб. акцизных отчислений (Анфимов, 1969: 264).

Сахарная промышленность была одной из немногих отраслей, которая имела тесные связи с банковским капиталом. Изначально эта связь реализовывалась через кредитные операции владельцев, заинтересованных в расширении своего производства. Например, для обустройства Ново-Покровского сахарного и рафинадного завода А.А. Орлова-Давыдова потребовалось более 1 млн банковских средств. В последующем помещик сотрудничал с Киевским отделением для внешней торговли банка, который закупал всю продукцию завода в 1913 году (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 214. Л. 108). В следующем 1914 году новым эксклюзивным торговым партнером предприятия становится фирма «Вогао и ко», вплоть до начала Перовой мировой войны осуществлявшая торговые операции с Орловым-Давыдовым (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1045). Некоторые другие помещики (Юсуповы, Мекленбург-Стрелецкие) переходили на реализацию сахара через комиссионную продажу. Особое распространение данные операции получили в годы Первой мировой войны (Минарик, 1971: 26-27).

Значительное количество латифундистов входило в состав правлений акционерных предприятий. С.П. фон Дервиз был в составе совета Львовского и Марьянского сахарных заводов, Ю.С. Нечаев-Мальцев участвовал в акционерном обществе Киевского сахарного завода, И.И. Воронцов-Дашков был членом правления Харьковского и Саблино-Знаменского предприятий (Минарик, 1974: 311). Кроме него, в эти же правления входил А.И. Мусин-Пушкин, бывший одновременно и членом Яготинского и Носово-Козарского акционерных обществ. При этом в общество Харьковского сахаро-рафинадного завода И.И. Воронцов-Дашков привлек своих родственников по линии Шереметевых, Демидовых, Шуваловых. Добавим к тому тот факт, что такие люди как Ф.Ф. Юсупов, И.И. Воронцов-Дашков и А.А. Бобринский входили в правление Всероссийского общества сахарозаводчиков, а последний был его председателем (Минарик, 1974: 311).

5. Заключение

Таким образом, активное вхождение помещиков в сферу свеклосахарного производства определялось высокой доходностью отрасли для владельческого бюджета и правительственной поддержкой сахарозаводчиков, гарантирующих бюджету страны высокие прибыли. При этом высокая капитализация промышленных занятий владельцев проявила себя уже в начале 1860-х гг. После отмены крепостного права большинство пореформенных предприятий из мелких полукустарных мастерских превратились в крупные капиталистические производства, трансформирующие весь характер хозяйственной деятельности имений. Возведение и строительство новых заведений обуславливало внедрение посевов свекловицы в общие севообороты экономий, а также общую рационализацию всего комплекса землепользования. При этом широкая вовлеченность владельцев в монополистические объединения гарантировала латифундистам устойчивые прибыли. В конце XIX – начале XX вв. многие из них участвовали в деятельности Всероссийского общества сахарозаводчиков и Синдиката рафинеров, осуществлявших лоббизм интересов заводчиков в государственных структурах.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 23-28-01782).

Литература

- Анфимов, 1969** – *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство европейской России. (Конец XIX – начало XX в.). Москва, 1969. 394 с.
- Витт, 1853** – *Витт Н.И.* Руководство к сахарному производству, составленное Николаем Виттом. Санкт-Петербург, 1853. 462 с.
- Воинова, 2007** – *Воинова Н.Е.* Становление свеклосахарного производства России (на примере Центрально-Черноземного экономического района) // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2007. № 1-2 (3-4). С. 7-17.
- ГАТО** – Государственный архив Тамбовской области.
- Гефтер, 1951** – *Гефтер М.Я.* Из истории монополистического капитализма в России. (Сахарный синдикат) // *Исторические записки*. 1951. № 38. С. 104-153.
- Головня, 1913** – *Головня В.Я.* Смела: Крат. стат.-экон. описание имений и заводов гр. Льва Алексеевича, Алексея, Андрея и Георгия Александровичей Бобринских в Киев. губ., для Всерос. выст. 1913 г. в Киеве. Киев, 1913. 197 с.
- Житин, 2018** – *Житин Р.М.* Специфика организации и характер промышленной деятельности крупных помещиков (на материалах Ново-Покровского сахарного завода Орловых-Давыдовых) // *Гуманитарные исследования Центральной России*. 2018. № 4. С. 30-37.
- Житин, 2014** – *Житин Р.М.* Экономические характеристики хозяйственных комплексов крупных имений на микроуровне: (По материалам Ново-Покровского имения Орловых – Давыдовых и Ракитянского имения Юсуповых) // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 11(139). С. 258-266.
- Закон..., 1896** – Закон 20 ноября 1895 г. о некоторых мерах относительно сахарной промышленности и относящиеся к нему распоряжения Министерства финансов: (Извлеч. из Собр. узаконений и распоряжений правительства и Вестн. финансов, пром-сти и торговли). Киев, 1896. 52 с.
- Земледельческий журнал, 1832** – *Земледельческий журнал*. Москва, 1832. 100 с.
- Материалы..., 1839** – Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург, 1839. 668 с.
- Минарик, 1974** – *Минарик Л.П.* О связях крупнейших земельных собственников России с промышленностью к началу XX в. / Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Москва, 1974. С. 307-318.
- Минарик, 1971** – *Минарик Л.П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в.: землевладение, землепользование, система хозяйства. Москва, 1971. 145 с.
- Описание..., 1899** – Описание Харьково-Романовского (Мало-Исторопского) свекло-сахарного завода. Сумы, 1899. 12 с.
- ПСЗ РИ, 1849** – Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1848. Т. XXIII. Отд. 1. Санкт-Петербург, 1849. 1167 с.
- Спичак, Остроумов, 2010** – *Спичак В.В., Остроумов В.Б.* Развитие сахарной промышленности в России. Курск, 2010. 216 с.
- Справочник..., 1913** – Справочник по сахарной промышленности Российской империи. Киев, 1913. 308 с.
- Толпыгин, 1894** – *Толпыгин М. С.* Сахарная промышленность от основания ее до настоящего времени. Киев, 1894. 45 с.
- Центрально..., 1929** – Центрально-Черноземная область: Справочная книга / Под общ. ред. В. Алексеева, Е. Малаховского, Ал. Швера. Воронеж, 1929. 532 с.
- Цехановский, 1907** – *Цехановский М.Ю.* Сахарная промышленность в экономической и финансовой жизни России. Санкт-Петербург, 1907. 83 с.
- Черменский, 1961** – *Черменский П. Н.* Прошлое Тамбовского края. Тамбов, 1961. 199 с.

References

- Anfimov, 1969** – *Anfimov, A.M.* (1969). *Krupnoe pomeshchich'e hozyajstvo evropejskoj Rossii*. (Konets XIX – nachalo XX v.) [Large landlord economy of European Russia. (Late XIX – early XX centuries)]. Moscow, 394 p. [in Russian]
- Chermensky, 1961** – *Chermensky, P.N.* (1961). *Proshloe Tambovskogo kraya* [The past of the Tambov Region]. Tambov, 199 p. [in Russian]
- ГАТО** – Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti [State Archive of the Tambov region].
- Gefter, 1951** – *Gefter, M.Y.* (1951). *Iz istorii monopolisticheskogo kapitalizma v Rossii*. (Saharnyj sindikat) [From the history of monopolistic capitalism in Russia. (Sugar syndicate)]. *Istoricheskie zapiski*. 38: 104-153. [in Russian]

Golovnya, 1913 – *Golovnya, V.Y.* (1913). Smela: Krat. stat.-ekon. opisaniye imenij i zavodov gr. L'va Alekseevicha, Alekseya, Andrey a i Georgiya Aleksandrovichej Bobrinskih v Kiev. gub., dlya Vseros. vyst. 1913 g. v Kieve [Smela: Brief stat.-econ. description of the estates and factories of gr. Lev Alekseevich, Alexey, Andrey and George Alexandrovich Bobrinsky in Kiev. gouv., for All. vyst. 1913 in Kiev]. Kiev, 197 p. [in Russian]

Materialy..., 1839 – Materialy dlya statistiki Rossijskoj imperii, izdavaemye s vysochajshego soizvoleniya pri Statisticheskom otdelenii Soveta Ministerstva vnutrennih del [Materials for statistics of the Russian Empire, published with the highest permission at the Statistical Department of the Council of the Ministry of Internal Affairs]. St. Petersburg, 668 p. [in Russian]

Minarik, 1971 – *Minarik, L.P.* (1971). Ekonomicheskaya harakteristika krupnejshih zemel'nyh sobstvennikov Rossii konca XIX – nachala XX v.: zemlevladieniye, zemlepol'zovaniye, sistema hozyajstva [Economic characteristics of the largest land owners of Russia in the late XIX – early XX centuries: land ownership, land use, economic system]. Moscow, 145 p. [in Russian]

Minarik, 1974 – *Minarik, L.P.* (1974). O svyazyah krupnejshih zemel'nyh sobstvennikov Rossii s promyshlennost'yu k nachalu XX v. [On the relations of the largest land owners of Russia with industry by the beginning of the XX century]. *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. Moscow, pp. 307-318. [in Russian]

Opisaniye..., 1899 – Opisaniye Har'kovo-Romanovskogo (Malo-Istoropskogo) sveklo-saharnogo zavoda [Description of the Kharkov-Romanovsky (Malo-Istoropsky) beet-sugar factory]. Sumy, 12 p. [in Russian]

PSZ RI, 1849 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ). 1848. T. XXIII. Otd. 1 [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ). 1848. Vol. XXIII. Ed. 1]. St. Petersburg, 1167 p. [in Russian]

Spichak, Ostroumov, 2010 – *Spichak, V. V., Ostroumov, V. B.* (2010). Razvitiye saharnoj promyshlennosti v Rossii [Development of the sugar industry in Russia]. Kursk, 216 p. [in Russian]

Spravochnik..., 1913 – Spravochnik po saharnoj promyshlennosti Rossijskoj imperii [Handbook of the sugar industry of the Russian Empire]. Kiev, 1913. 308 p. [in Russian]

Tolpygin, 1894 – *Tolpygin, M.S.* (1894). Saharnaya promyshlennost' ot osnovaniya ee do nastoyashchego vremeni [Sugar industry from its foundation to the present]. Kiev, 45 p. [in Russian]

Tsekhanovskiy, 1907 – *Tsekhanovskiy, M.Y.* (1907). Saharnaya promyshlennost' v ekonomicheskoy i finansovoj zhizni Rossii [Sugar industry in the economic and financial life of Russia]. St. Petersburg, 83 p. [in Russian]

Tsentrarno..., 1929 – Tsentral'no-Chernozemnaya oblast': Spravochnaya kniga [Central Chernozem region: Reference book]. Under the general editorship of V. Alekseev, E. Malakhovskiy, Al. Shver. Voronezh, 532 p. [in Russian]

Voinova, 2007 – *Voinova, N.E.* (2007). Stanovleniye sveklosaharnogo proizvodstva Rossii (na primere Central'no-Chernozemnogo ekonomicheskogo rajona) [The formation of sugar beet production in Russia (on the example of the Central Chernozem Economic Region)]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1-2(3-4): 7-17. [in Russian]

Witt, 1853 – *Witt, N.I.* (1853). Rukovodstvo k saharному proizvodstvu, sostavlennoe Nikolaem Vittom [Guide to sugar production, compiled by Nikolai Witt]. St. Petersburg, 462 p. [in Russian]

Zakon..., 1896 – Zakon 20 noyabrya 1895 g. o nekotoryh merah otnositel'no saharnoj promyshlennosti i otnosyashchiesya k nemu rasporyazheniya Ministerstva finansov: (Izvlech. iz Sobr. uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva i Vestn. finansov, prom-sti i trgovli) [The Law of November 20, 1895 on certain measures concerning the sugar industry and related orders of the Ministry of Finance: (Extract. from the Collected laws and orders of the government and Vestn. finance, industry and trade)]. Kiev, 52 p. [in Russian]

Zemledel'cheskij zhurnal, 1832 – Zemledel'cheskij zhurnal [Agricultural journal]. Moscow, 100 p. [in Russian]

Zhitin, 2014 – *Zhitin, R.M.* (2014). Ekonomicheskie harakteristiki hozyajstvennyh kompleksov krupnyh imenij na mikrourovne: (Po materialam Novo-Pokrovskogo imeniya Orlovyyh – Davydovyh i Rakityanskogo imeniya Yusupovyh) [Economic characteristics of economic complexes of large estates at the micro level: (Based on the materials of the Novo-Pokrovsky estate of the Orlov – Davydovs and the Rakityansky estate of the Yusupovs)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 11(139): 258-266. [in Russian]

Zhitin, 2018 – *Zhitin, R.M.* (2018). Specifika organizacii i harakter promyshlennoj deyatel'nosti krupnyh pomeshchikov (na materialah Novo-Pokrovskogo saharного zavoda Orlovyyh-Davydovyh) [The specifics of the organization and the nature of the industrial activity of large landowners (based on the materials of the Novo-Pokrovsky sugar factory Orlov-Davydov)]. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noj Rossii*. 4: 30-37. [in Russian]

Торгово-промышленные интересы помещиков в сфере свеклосахарного производства (XIX – начало XX вв.)Алексей Геннадьевич Топильский ^{а,*}, Руслан Магомедович Житин ^а^а Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается развитие свеклосахарной промышленности на протяжении XIX – начала XX вв. Для исследования проблемы на микроуровне были привлечены материалы Государственного архива Тамбовской области (ГАТО). В качестве методологического инструментария работы выступили принципы объективности и историзма. Принцип объективности позволил проанализировать историю сахарных предприятий вне идеологического контекста советской историографии, показать позитивную роль отрасли в развитии латифундий. Принцип историзма был направлен на изучение исторического контекста развития промышленной переработки свекловицы в пореформенной России. Рассмотрена дореволюционная, советская и современная историография развития сахарных и рафинадных помещичьих предприятий в Российской империи в целом и Центральном Черноземье, в частности. Проанализировано влияние отмены крепостного права и иных законодательных актов на развитие и концентрацию сахарной промышленности. Показано, что государственная политика поддержки сахарозаводчиков в конце XIX века привела к высокой концентрации свеклосахарных предприятий и поощрению экспорта выработанной ими продукции. Проанализировано перенесение свекловичных полей из отдельных огородов в общую структуру владельческого севооборота, закупка новых машин и оборудования для посадки и сбора свекловицы, активное привлечение к работам сельскохозяйственных артелей. Охарактеризованы внутренние договоренности владельцев предприятий, оформлявшиеся внутри полулегального синдиката рафинеров, чье объединение активно диктовало свои условия на внутреннем рынке. В том числе, были рассмотрены ограничения производства рафинада на российском рынке, а также был проанализирован процесс сокращения посевных площадей свекловицы с целью удержания высоких цен на сахар.

Ключевые слова: сахар, дворяне, Российская империя, полеводство, помещичье землевладение.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский), istorik08@mail.ru (Р.М. Житин)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 178-188
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.178

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Publications of the Periodical Press as a Representative and Authentic Source of Information on Ethno-Justice and Family-Legal Relations of the Permian Peoples in the 19th century

Olga A. Plotskaya ^{a, b, *}, Diana I. Makembaeva ^c, Nikita S. Grudinin ^{a, d}, Denis A. Shiriyov ^e

^a MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Kyrgyz National University after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

^d Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

^e Peoples' Friendship University of Russia – RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The materials and publications of the periodical press are the most important historical and legal source of information on the customary law of the Permian peoples in the 19th century.

In the period under review, the Zyryans, Votyaks, and Permyaks assigned a significant role to customary law in traditional social relations that existed in ethno-local societies. It recorded the centuries-old experience of ancestors, the peculiarities of the ethno-normative culture of the peoples in question, the rules for conducting economic and economic activities, the ways of proper behavior in the family and in society.

Customary legal norms were widespread in civil law, marriage and family, criminal law, trade, and ethno-justice. They were reflected in the legal and cultural traditions of the studied peoples.

In this regard, the materials of the periodical press of the 19th century are the most valuable historical and legal source of information about the customary legal life of the Perm peoples. Moreover, a huge number of periodicals containing relevant materials can be divided into publications of the central and local periodicals. Despite the fact that the pages of the central periodicals revealed the process of influence of the current state legislation on the norms of customary law, as well as commented on some court decisions and contained various aspects of the customary legal world of the Perm peoples, however, a significant amount of historical, ethnographic and customary legal material is contained in the works of researchers published in such editions of the local periodical press as Vologda Provincial Gazette, Vyatka Gubernskie Gazette, and Perm Diocesan Gazette.

Keywords: Zyryans, Permyaks, Votyaks, legal custom, ethno-justice, marriage and family relations, periodicals.

1. Введение

Материалы и публикации периодической печати представляют собой важнейший историко-правовой источник сведений по обычному праву пермских народов в XIX веке.

В рассматриваемый период у пермских народов (к ним относятся коми-зыряне (устаревшее название – зыряне), удмурты (вотяки), коми-пермяки (пермяки) обычному праву отводилась значительная роль в традиционных общественных отношениях, существовавших в этно-локальных обществах. В нем фиксировался многовековой опыт предков, особенности этно-нормативной культуры рассматриваемых народов, правила ведения хозяйственно-экономической деятельности, способы должного поведения в семье, в обществе. Являясь архаичным регулятором, оно отражало

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya), dian_@mail.ru (D.I. Makembaeva), nekit-07@mail.ru (N.S. Grudinin), shirev-da@rudn.ru (D.A. Shiriyov)

влияние разнообразных факторов и социальных норм (включая религиозные, моральные, нравственные, этические и др.) на жизнедеятельность общества.

Обычное право своими корнями уходило в народное крестьянское мировоззрение, оно отражало многовековые этнические традиции, обладая разнообразной вариативностью. Это приводило к появлению локальных особенностей и отличий в рамках одной этно-группы. Оно, как живой организм, в течение времени видоизменялось. На него влияла не только хозяйственно-экономическая и геополитическая обстановка в государстве, но и изменения, проникавшие в обыденную крестьянскую жизнь (Ефименко, 1873: 175).

Обычно-правовые нормы были широко распространены в гражданско-правовой, брачно-семейной, уголовно-правовой, промысловой сфере и в этно-правосудии. Они отражались в юридических и культурно-бытовых традициях коми, удмуртов, пермяков.

Архивных материалов, способных пролить свет на обычно-правовой быт пермских народов того времени, в разрозненном виде сохранилось много. Они находятся в различных архивах. Как правило, это материалы официального делопроизводства (отчеты органов государственной власти, органов общинного управления, мировые, закладные, переписки, реже – судебные дела, включая приговоры, завещания, отдельные акты, закладные крепости и др.), несистематизированные и носящие казуистический характер.

Можно также отметить в качестве источника и символическую систему, существовавшую в виде родовых знаков (Королев, Савельева, 2002: 82) («пас», «пус»). Информация об обычном праве содержится в народном фольклоре, в котором часто синкретизировались обычно-правовые, религиозные и мифологические нормы (Электронная библиотека...). В мифологической прозе включены императивы правильного (шаблонного) поведения. В мифах заложены представления о добре и зле (Климов, Чагин, 2005: 11), о табуированных нормах (Доронин, 1924: 91), о видах противоправных действий (Верещагин, 1889: 150), формах обычно-правовых наказаний (Электронная библиотека...) и т.д. Но при исследовании семиотической системы народного фольклора и мифологической прозы возникают вопросы, связанные с репрезентативностью полученных данных, так как раскрыть все обычное право ни мифы, ни фольклор, ни семиотика не могут. Кроме того, использование этих источников вызывает вопрос об аутентичности полученной информации, которую нельзя назвать исторически достоверной и полной.

К сожалению, наука также не располагает систематизированными (кодифицированными) источниками обычного права у пермских народов.

Несмотря на наличие различных научных и публицистических материалов, введенных в научный оборот дореволюционными учеными и путешественниками, более или менее полную картину обычно-правового мира пермских народов в исследуемый период можно составить благодаря привлечению эмпирических данных из публикаций в центральной, и особенно местной, периодической печати, содержащей интересные нас сведения.

2. Материалы и методы

В настоящей работе в качестве источников были привлечены справочно-энциклопедические издания (Емельянов, 1910; Коми-зыряне, 2002; Конаков; Пухта, 1872; Русская..., 1959; Цыпанов, 1998; Энциклопедия..., 1999), библиографические сборники (Якушкин, 1899; Якушкин, 1909; Зыряне..., 2010; Лисовский, 1915; Чудова, 1967; Шумихин, Кокурина, 1985; Чарушин, 1926; Удмурты..., 2006; Беляева и др., 1958–1961; Периодика..., 1976; Смирнов-Сокольский, 1965; Сергиев, 1887), а также материалы периодической печати XIX века, представляющие собой результаты исследований дореволюционных ученых и путешественников. Последнюю группу источников можно подразделить на публикации центральной периодической печати и местной. Данные источники касались сведений обычно-правового мира российских народов. На страницах журналов, относящихся к центральной печати (например, «Юридический вестник», «Вестник права», «Журнал Министерства внутренних дел», «Журнал Министерства юстиции» и др.), описывался процесс влияния действовавшего законодательства на нормы обычного права, а также раскрывались некоторые судебные решения, принятые судом с учетом элементов обычного права. Некоторые центральные периодические издания, такие как «Вестник Европы», «Слово» и др., также содержали информацию, касающуюся обычно-правового мира. Немало этно-правовых аспектов относительно обычно-правовых воззрений пермских народов было раскрыто в трудах, опубликованных в таких изданиях местной периодической печати, как «Вологодские губернские ведомости», «Вятские губернские ведомости», а также «Пермские епархиальные ведомости» и др.

Системный подход используется в качестве методологической основы настоящей работы. Благодаря применению системного метода из огромного массива были отобраны необходимые публикации в периодических изданиях, позволившие выявить труды, относящиеся к теме настоящего исследования. Ведущее место отведено здесь историко-хронологическому методу, способствующему учету исторических фактов, событий, последовательно происходивших в обозначенный период. Применение метода контент-анализа позволило рассмотреть публикации центральной и местной

периодической печати как репрезентативные и аутентичные исторические источники сведений по обычному праву пермских народов.

3. Обсуждение

Касаясь историографических аспектов настоящего исследования, поясним, что специализированных, узконаправленных работ, посвященных изучению публикаций по обычному праву пермских народов в периодической печати XIX века, не издано. Ранее в научных публикациях материалы периодической печати не рассматривались в качестве репрезентативного и аутентичного исторического источника сведений по обычному праву пермских народов.

Поэтому необходимо разделить всю историографию на два вида. Во-первых, это работы, посвященные различным общественно-культурным вопросам, возникавшим у пермских народов в исследуемый период; во-вторых, труды, раскрывающие историко-этнографические и этно-правовые аспекты жизнедеятельности пермских народов, зафиксированные в материалах российских периодических изданий в XIX веке.

Характеризуя первый вид работ, необходимо назвать труды таких авторов, как М.Г. Долгушина, исследовавшая события в музыкальной жизни Вологды в XIX веке при анализе содержания материалов газеты «Вологодские губернские ведомости» (Долгушина, 2018); А.А. Вахрушев, касавшийся процесса появления и развития не только печати, но и литературы в Вятской губернии, начиная с XVII до начала XX вв. (Вахрушев, 2011); П.С. Богословский, изучавший становление национальной литературы в Пермском крае (Богословский, 1926); С.Н. Плотников, рассматривавший значение «Пермских губернских ведомостей» как средства просвещения и информационного источника исследования формирования пермского земства (Плотников, 2003); Г.П. Волгирева, С.И. Корниенко, С.В. Пигалева, осуществившие источниковедческий анализ газеты «Пермские губернские ведомости» (Волгирева и др., 2007) и др.

Ко второму виду научных трудов можно отнести исследования таких ученых, как О.Е. Бондаренко, М.А. Калинин, В.А. Кустов, О.В. Кырнышева, С.В. Пигалева (Кырнышева, 2020; В краю..., 2011; Кустов, 1971; Кустов, 1973; Калинин, 2003; Пигалева, 2003) и др.

Вопросы, связанные с публикациями в периодической печати различных материалов и касающиеся жизнедеятельности других народов в XIX веке, неоднократно раскрывались в работах таких современных исследователей, как А.Г. Грязнухина, Т.В. Грязнухина, А.П. Дворецкая, Т.К. Ермаков, А.С. Жулаева, С.Б. Зинковский, Т.Э. Зульфугарзаде, А.В. Кистова, М.Б. Колотков, И.И. Лейман, Т.А. Магсумов, А.М. Мамадалиев, В.С. Никитина, А.А. Омелик, Н.В. Свечникова, Н.А. Сергеева, И.Ю. Черкасова и др. (Gryznukhin et al., 2023; Mamadaliev et al., 2023; Leyman, 2023; Kistova et al., 2023; Magsumov et al., 2023). Однако они не затрагивали вопросы обычного права и не рассматривали пермские народы, что, в свою очередь, обуславливает актуальность настоящего исследования.

Таким образом, несмотря на значимое количество опубликованных историко-филологических и этнографических исследований в периодической печати, вопросы, раскрывающие различные аспекты обычно-правового мира у пермских народов в XIX веке, не были детально исследованы.

Поэтому целью настоящего исследования является изучение значения публикаций периодической печати как репрезентативного и аутентичного исторического источника сведений по этноправосудию и семейно-правовым отношениям у пермских народов в XIX веке.

Данный труд является продолжением изданных ранее научных исследований, посвященных проблемам обычного права у пермских народов (Plotskaya и др., 2021; Plotskaya и др., 2022; Plotskaya и др., 2023).

4. Результаты

Вопросы обычного права различных народов Российской империи в XIX веке периодически поднимались на страницах центральных юридических журналов. Так, в «Журнале Министерства Юстиции» 1862 года П. Мулов, описывая значение правовых обычаев, сообщал, что они часто существуют в «замаскированной форме, что только опытный глаз наблюдателя способен их извлечь из жизни» (Мулов, 1862: 56). Раскрывая вопросы представления доказательств в волостном суде, где применялись нормы обычного права, П. Скоробогатый детально пояснял способы оценки свидетельских показаний (Скоробогатый, 1883: 252).

Вопросы влияния и соотношения норм позитивного и обычного права, комментарии по отдельным судебным решениям обсуждались также в таких правовых журналах, как «Журнал Министерства внутренних дел», «Вестник права». В первом из них встречались статьи, содержащие этнографические материалы с описанием обычно-правовых элементов. Так, М.И. Михайлов опубликовал ряд таких работ, касающихся не только промысловых, хозяйственно-бытовых, но и семейно-правовых вопросов, регулируемых, в том числе, нормами обычного права. Он коснулся даже описания физических и нравственных черт зырян (Михайлов, 1850; Михайлов, 1851; Михайлов, 1852; Михайлов, 1853).

Неюридические периодические издания также содержали обсуждение вопросов обычно-правового мира крестьян. К примеру, в журнале «Вестник Европы» Н. Добротворским, помимо

этнографических аспектов, был описан процесс слушания семейных споров у пермяков, возникавших в общине, поднимались вопросы, касающиеся общественных дел, «споры и раздоры между членами семьи, ... разделы между братьями и др.» (Доброворский, 1883: 259-260).

Значительное количество публикаций историко-этнографического характера, содержащих исследования по вопросам обычно-правового мира пермских народов, представлено именно в местных видах периодической печати. Речь идет прежде всего о таких изданиях, как «Вологодские губернские ведомости», «Вятские губернские ведомости», «Пермские епархиальные ведомости». Нельзя недооценивать значение работ, опубликованных именно в этих периодических изданиях, так как они наиболее детально раскрывают обычно-правовой этноколорит восточных финно-угорских народов.

Так, знаменитая газета «Вятские губернские ведомости» содержала множество этнографического материала и различные исследования, касающиеся обычно-правовых воззрений удмуртского и коми народов (Блинов, 1846; Герцен, 1838; Ежов, 1857; Курочкин, 1851; Осокин, 1857). Она являлась первой газетой, издававшейся в Вятской губернии с 1838 года и до наступления знаменитых революционных событий 1917 года. Являясь единственной газетой до 1894 года, издававшейся на вятской земле, она представляла собой основной и важнейший источник сведений по истории развития Вятского края, выполняя роль своеобразной летописи происходивших в этот период событий. Газета имела две части – официальную и неофициальную. В первой части издавались законодательные акты, принятые на уровне центральной и местной власти, кадровые перемещения государственных служащих, случаи награждения сотрудников и чиновников местного аппарата управления, информация о предстоящих торгах, купле-продаже земель и имений, анонсы судебных дел и др. Она выходила до мартовских событий 1917 года.

В неофициальной части печатались статьи, посвященные историко-этнографическим, краеведческим аспектам, помещались материалы, посвященные экономико-географическим вопросам. Начиная с 1899 года вторая часть выходила в виде отдельной газеты, которая называлась «Приложение к ВГВ», а с 1905 года приложение получило статус самостоятельной газеты, посвященной общественно-политическим вопросам. Она издавалась под названием «Вятский вестник» (Вятская...).

В этой газете значительное внимание уделялось описанию обычно-правовых характерных традиционных черт, бытовавших у удмуртов, сопровождавших процесс заключения брака, включая выплату калыма: «...сватовья обязываются отцу невесты платить калым...» (Курочкин, 1851: 212); сроки его выплаты: «...если же вотяк несостоятелен, то назначается срок его уплаты...» (Блинов, 1846: 306); передачу «... от матери к дочери, от дочери ко внучке и так далее через несколько поколений» украшений из серебряных монет (Осокин, 1857: 44); правила поведения замужней женщины: «...женщина в вотском семействе, ... не садится за общий стол, а где-нибудь в стороне...» (Блинов, 1846: 307) и др.

Еще одним важным источником сведений об обычно-правовом быте пермских народов являлись «Вологодские губернские ведомости», издававшиеся начиная с 1838 года до 1917 года. Данное периодическое издание представляло собой первую вологодскую газету, так же как и «Вятские губернские ведомости», состоящую из официальной и неофициальной частей. В первой размещались нормативно-правовые акты, издававшиеся на центральном и местном уровнях, во второй помещались различные материалы об обыденной жизни жителей губернии, большая часть которых была представлена зырянскими крестьянами (Аврамов, 1859; Волков, 1879; Михайлов, 1853; Михайлов, 1850; Попов, 1875; Попов, 1854; Фролов, 1885). В этой газете публиковались этнографические очерки, посвященные коми-зырянам, раскрывался хозяйственный быт, физические и нравственные свойства зырян в различных уездах, обычаи, особенности и способы заключения брака, сопровождавшегося традиционными ритуальными действиями, имевшими обычно-правовой характер.

Нельзя не упомянуть о таком периодическом издании, как «Пермские епархиальные ведомости». Они издавались в Перми, начиная с 1867 по 1919 гг. По структуре данное издание напоминало «Вятские губернские ведомости». В этой газете публиковались лучшие работы, посвященные краеведению, местной археологии и этнографии и раскрывавшие обычно-правовой быт коми-пермяков. Значимый вклад в исследование обычно-правовых воззрений коми-пермяков внес исследователь Е. Подосенов, опубликовавший несколько статей, посвященных этно-правовым характеристикам жителей Пермской земли (Подосенов, 1886).

Необходимо отметить, что материалы, публиковавшиеся в местных периодических изданиях, были свободны от идеологии, в отличие от исследований, издававшихся в советский период. На них уже распространялся «общий идеологический курс государства» (Новоселова и др., 2022: 117; Подосенов, 1886).

5. Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что материалы периодической печати XIX века представляют собой ценнейший историко-правовой источник сведений об обычно-правовом быте пермских народов. Причем огромное количество периодических изданий, содержавших соответствующие материалы, можно разделить на публикации центральной и местной

периодической печати. Несмотря на то, что на страницах центральных периодических изданий раскрывался процесс влияния действовавшего государственного законодательства на нормы обычного права, а также комментировались некоторые судебные решения с применением локальных правовых обычаев, там содержались различные аспекты обычно-правового мира пермских народов. Значительный объем историко-этнографического и обычно-правового материала раскрыт в трудах, опубликованных в таких изданиях местной периодической печати, как: «Вологодские губернские ведомости», «Вятские губернские ведомости», а также «Пермские епархиальные ведомости».

Литература

- Аврамов, 1859** – Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт // *Вологодские губернские ведомости*. 1859. № 31. С. 272-274.
- Беляева и др., 1958–1961** – Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России 1901 – 1916. Л., 1958–1961. Т. 1-4.
- Блинов, 1846** – Блинов Н. Вотяки Вятской губернии // *Вятские губернские ведомости*. 1846. № 46. С. 305-307.
- Богословский, 1926** – Богословский П.С. Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае // *Пермский краеведческий сборник*. Вып. 2. Пермь, 1926. С. 16-29.
- Вахрушев, 2011** – Вахрушев А.А. Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России (на материале Вятской губернии XVII – начала XX веков): Монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. 274 с.
- Верещагин, 1889** – Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб., 1889.
- В краю..., 2011** – В краю зырянском: по материалам российских периодических изданий XIX-начала XX века / [сост., вступ. ст. О.Е. Бондаренко]. Сыктывкар: Анбур, 2011.
- Волгирева и др., 2007** – Волгирева Г.П., Корниенко С.И., Пигалева С.В. Источниковедческий анализ газеты «Пермские губернские ведомости» (XIX – начало XX в.) как основа для проектирования и создания информационной системы // *Вестник пермского университета*. 2007. № 3 (8). С. 79-88.
- Волков, 1879** – Волков Н. Удорский край. (Этнографический очерк) // *Вологодские губернские ведомости*. 1879. № 34. С. 3.
- Вятская...** – Вятская электронная библиотека – Вятские губернские ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://herzenlib.ru/vpeb/magazine/index.php?newspaper=354> (дата обращения: 08.05.2023).
- Герцен, 1838** – Герцен А.И. Вотяки и черемисы // *Вятские губернские ведомости*. 1838. № 1. С. 1-2; № 3. С. 11-15.
- Добротворский, 1883** – Добротворский Н. Пермьяки. Бытовой этнографический очерк // *Вестник Европы*. 1883. Т. 2. Кн. 3. С. 259-260.
- Долгушина, 2018** – Долгушина М.Г. «Вологодские губернские ведомости» как источник сведений о музыкальной жизни Вологды второй половины XIX века // *Вестник КемГУКИ*. 2018. № 43. С. 144-152.
- Доронин, 1924** – Доронин П.Г. Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости, Усть-Вымского уезда // *Коми му*. 1924. № 1-2.
- Ежов, 1857** – Ежов О. Личность и отличительные качества зырян // *Вятские губернские ведомости*. 1857. № 22. С. 134-137.
- Емельянов, 1910** – Емельянов В.Д. Указатель исторических материалов, актов, грамот, статей и заметок, напечатанных в Трудах вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1910. Вып. 2. С. 1-31.
- Ефименко, 1873** – Ефименко А.Я. Крестьянская женщина // *Дело*. 1873. № 2. С. 173-206.
- Зыряне..., 2010** – Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Под общ. ред. В.А. Лимеровой. Сыктывкар, Кола, 2010. 518 с.
- Калинин, 2003** – Калинин М.А. Материалы периодической печати как источник по истории Добрянского края (1579 – 1917 гг.) // *Периодическая печать Пермской области: история и современность: матер. науч.-практ. конф., посвященной 300-летию Российской печати*. Пермь, 2003. С. 80-81.
- Климов, Чагин, 2005** – Климов В.В., Чагин Г.Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар, 2005.
- Коми-зыряне, 2002** – Коми-зыряне. Историко-этнографический справочник / сост. Н.Д. Конаков. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993. 176 с.
- Конаков** – Конаков Н.Д. Мифология коми // Электронная библиотека «Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми» [Электронный ресурс]. URL: <http://sati.archaeology.nsc.ru/mifolog/myth/160.htm> (дата обращения: 08.05.2023).
- Королев, Савельева, 2002** – Королев К., Савельева Э. Вначале были пасы // *Коми-край далекий и близкий*. М.; Сыктывкар, 2002.
- Курочкин, 1851** – Курочкин С.Н. Вотяки Малмыжского уезда Вятской губернии (продолжение) // *Вятские губернские ведомости*. 1851. № 25. С. 210-214.

Кустов, 1973 – Кустов В.А. Газета «Пермские губернские ведомости» как источник по изучению истории края / 250 лет Перми: матер. науч. конф. «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермь, 1973.

Кустов, 1971 – Кустов В.А. Фольклорно-этнографические материалы в газете «Пермские губернские ведомости» 1870-х гг. // Фольклор и литература Урала. Вып. 1. Пермь, 1971.

Кырнышева, 2020 – Кырнышева О.В. Роль императорского русского географического общества в публикации материалов о зырянах в периодических изданиях XIX века // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2020. 1 (13). С. 28-39.

Лисовский, 1915 – Лисовский Н.М. Русская периодическая печать. 1703 – 1900: Библиография и графические таблицы. Пг., 1915.

Михайлов, 1852 – Михайлов М. Домашний и семейный быт зырян // Журнал Министерства внутренних дел. 1852. Ч. 37. С. 319-336.

Михайлов, 1851 – Михайлов М. О земледелии и скотоводстве у зырян Усть-Сысольского уезда // Журнал Министерства внутренних дел. 1851. Ч. 35. С. 349-360.

Михайлов, 1850 – Михайлов М. Устьвым (Продолжение) // Вологодские губернские ведомости. 1850. № 22. С. 239-242.

Михайлов, 1853 – Михайлов М.И. Физические и нравственные свойства зырян (Продолжение) // Вологодские губернские ведомости. 1853. № 18. С. 151-153.

Мулов, 1862 – Мулов П. Значение народных юридических обычаев // Журнал Министерства Юстиции. 1862. Т. 11. Кн. 1-3. Январь. С. 56.

Новосёлова и др., 2022 – Новосёлова Е.В., Чернова Н.И., Катахова Н.В. Аксиологические аспекты преподавания испанского языка в СССР // Российский технологический журнал. 2022. № 10(5). С. 111-120.

Осокин, 1857 – Осокин С. Народный быт в Северо-восточной России. Гл. II: Вотяки и Черемисы (продолжение) // Вятские губернские ведомости. 1857. № 9. С. 43-50.

Периодика..., 1976 – Периодика Урала. Вып. 1: Дореволюционные издания: библиографический указатель / сост. Г.М. Савиных. Свердловск, 1976.

Пигалева, 2003 – Пигалева С.В. Обзор газетной периодики г. Перми (1838 – 1917 гг.) в фондах Пермского областного краеведческого музея / Периодическая печать Пермской области: история и современность: матер. науч.-практ. конф., посвященной 300-летию Российской печати. Пермь, 2003. С. 89-91.

Плотников, 2003 – Плотников С.Н. «Пермские губернские ведомости» как информационный источник исследования формирования Пермского земства / Периодическая печать Пермской области: история и современность: матер. науч.-практ. конф., посвященной 300-летию Российской печати. Пермь, 2003. С. 65-66.

Подосенов, 1886 – Подосенов Е. Пермьяки // Пермские епархиальные ведомости. 1886. № 1. С. 1-3.

Попов, 1854 – Попов К. Два способа заключения брачных союзов у зырян // Вологодские губернские ведомости. 1854. № 4. С. 37-39.

Попов, 1875 – Попов И. Черты из быта, нравов и обычаев Зырян Яренского уезда, Удорского края // Вологодские губернские ведомости. 1875. № 90. С. 3-4.

Пословицы... – Пословицы и поговорки народа Коми [Электронный ресурс]. URL: http://chudetstvo.ru/detskaya_ploschadka/stixi-i-skazki/narodnye/2697-poslovicy-i-pogovorki-naroda-komi.html (дата обращения: 31.01.2023).

Пухта, 1872 – Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. Ярославль: тип. Г. Фальк, 1872. 99 с.

Русская..., 1959 – Русская периодическая печать. 1702 – 1894: Справочник / Под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепахова. М., 1959. 835 с.

Сергиев, 1887 – Сергиев Н. Указатель статей. Помещенных в духовно-литературном отделе «Вятских епархиальных ведомостей» с 1863 года (начала их издания) по 1886 год включительно. Вятка, 1887. 111 с.

Скоробогатый, 1883 – Скоробогатый П. Доказательства на волостном суде // Юридический вестник. 1883. № 2. С. 252.

Смирнов-Сокольский, 1965 – Смирнов-Сокольский Н.П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII – XIX вв.: Библиограф. указатель. М., 1965. 592 с.

Удмурты..., 2006 – Удмурты: История, этнография, археология: Библиограф. указатель (1751 – 2000) / Сост. Е.А. Иванова, Л.Г. Кондратьева и др. Ижевск, 2006. 720 с.

Фролов, 1885 – Фролов А. Свадебные и похоронные обычаи жителей села Устьнемского Устьсысольского уезда // Вологодские губернские ведомости. 1885. № 21. С. 9-10.

Цыпанов, 1998 – Цыпанов Е.А. Энциклопедия. Коми язык. М., 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://finnougoria.ru/community/folk/folk.php> (дата обращения: 03.04.2015).

Чарушин, 1926 – Чарушин Н.А. Указатель статей и заметок, помещенных в «Вятском крае» – первой в Вятке частной газете (1895 – 1898). Вып. 1. Вятка, 1926. 72 с.

Чудова, 1967 – Чудова Г.Ф. Указатель библиографических работ о Кировской области за 100 лет (1863 – 1963). Киров, 1967. 48 с.

Шумихин, Кокурина, 1985 – Шумихин В., Кокурина С. Салтыков-Щедрин в Вятке: Библиограф. указатель (1848 – 1982). Киров, 1985.

Электронная библиотека... – Электронная библиотека «Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми» / под ред. Анна-Леена Сийкала, В.В. Напольских, Михай Хоппал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komi.com/folk/myth/31.htm> (дата обращения: 08.05.2023).

Энциклопедия..., 1999 – Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми / под ред. Н.Д. Конакова. М.: ДиК, Сыктывкар, 1999. Т. I. 480 с.

Якушкин, 1909 – Якушкин Е.И. Обычное право: материалы для библиографии обычного права. Вып. 4. Репр. изд. М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1909. 440 с.

Якушкин, 1899 – Якушкин Е.И. Обычное право русских инородцев: Материалы для библиографии обычного права. М.: Унив. тип., 1899. 370 с.

Gryaznukhin et al., 2023 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Dvoretzkaya A.P., Zhulaeva A.S. The Attitude of the Russian Intelligentsia to Values and Lifestyles of the Western European Society in the 19th century // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 115-124.

Kistova et al., 2023 – Kistova A.V., Sergeeva N.A., Ermakov T.K., Omelik A.A. The Journal “Zodchij” of 1872 as a Historical Source on the Theory of Urban Planning in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 858-868.

Leyman, 2023 – Leyman I.I. The Contribution of Merchants to the Formation of the System of Female Education in the Russian Province (based on the Materials of Vologda Province in the Second Third of the 19th century) // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 685-693.

Magsumov et al., 2023 – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The First World War on the Pages of the Journal “Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta” // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 998-1006.

Mamadaliyev et al., 2023 – Mamadaliyev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Y. To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 781-788.

Plotskaya et al., 2023 – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V. The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37-45.

Plotskaya et al., 2022 – Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E., Ospanova D.A. Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575-1584.

Plotskaya et al., 2021 – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.

References

Avramov, 1859 – Avramov, V. (1859). Zhiteli Yarenskago uезда i ih hozyajstvennyj byt [Residents of Yarensky Uyezd and their economic life]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 31: 272-274. [in Russian]

Belyaeva i dr., 1958–1961 – Belyaeva, L.N., Zinov'eva, M.K., Nikiforov, M.M. (1958–1961). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii 1901 – 1916 [Bibliography of periodicals of Russia 1901-1916]. L. T. 1-4. [in Russian]

Blinov, 1846 – Blinov, N. (1846). Votyaki Vyatskoj gubernii [Votyaki Vyatka province]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 46: 305-307. [in Russian]

Bogoslovskij, 1926 – Bogoslovskij, P.S. (1926). Iz materialov po istorii literatury i pečati v Permskom krae [From materials on the history of literature and printing in the Perm Region]. *Permskij kraevedcheskij sbornik*. Vyp. 2. Perm'. Pp. 16-29. [in Russian]

Charushin, 1926 – Charushin, N.A. (1926). Ukazatel' statej i zametok, pomeshchennyh v «Vyatskom krae» – pervoj v Vyatke chastnoj gazete (1895 – 1898). Vyp. 1 [Index of articles and notes published in Vyatka Krai, the first private newspaper in Vyatka (1895 – 1898). Issue 1]. Vyatka, 72 p. [in Russian]

Chudova, 1967 – Chudova, G.F. (1967). Ukazatel' bibliograficheskikh rabot o Kirovskoj oblasti za 100 let (1863 – 1963) [Index of bibliographic works about the Kirov region for 100 years (1863 – 1963)]. Kirov, 48 p. [in Russian]

Dobrotvorskij, 1883 – Dobrotvorskij, N. (1883). Permyaki. Bytovoje etnograficheskij ocherk [Permyaki. Household ethnographic essay]. *Vestnik Evropy*. T. 2. Kn. 3: 259-260. [in Russian]

Dolgushina, 2018 – Dolgushina, M.G. (2018). «Vologodskie gubernskie vedomosti» kak istochnik svedenij o muzykal'noj zhizni Vologdy vtoroj poloviny XIX veka [“Vologda Provincial Vedomosti” as a source of information about the musical life of Vologda in the second half of the XIX century]. *Vestnik KemGUKI*. 43: 144-152. [in Russian]

Doronin, 1924 – Doronin, P.G. (1924). Perezhitki stariny v byte krest'yan Prokop'evskoj volosti, Ust'-Vymskogo uезда [Remnants of antiquity in the everyday life of peasants of Prokopyevskaya volost, Ust'-Vymsky uyezd]. *Komi mu.* 1-2. [in Russian]

- Efimenko, 1873** – *Efimenko, A.Ya.* (1873). Krest'yanskaya zhenshchina [Peasant woman]. *Delo*. 2: 173-206. [in Russian]
- Elektronnaya biblioteka...** – Elektronnaya biblioteka «Enciklopediya ural'skih mifologij. Mifologiya komi». Pod red. Anna-Leena Siikala, V.V. Napol'skih, Mihaj Hoppal [Electronic resource]. URL: <http://www.komi.com/folk/myth/31.htm> (date of access: 08.05.2023).
- Emel'yanov, 1910** – *Emel'yanov, V.D.* (1910). Ukazatel' istoricheskikh materialov, aktov, gramot, statej i zametok, napechatannyh v Trudah vyatskoj uchenoj arhivnoj komissii [Index of historical materials, acts, certificates, articles and notes published in the Proceedings of the Vyatka Scientific Archival Commission]. Vyatka. Vyp. 2: 1-31. [in Russian]
- Entsiklopediya..., 1999** – Entsiklopediya ural'skih mifologij. Mifologiya komi [Encyclopedia of Ural mythologies. Komi mythology]. Pod red. N.D. Konakova. M.: DiK, Syktyvkar, 1999. T. I. 480 p. [in Russian]
- Ezhov, 1857** – *Ezhov, O.* (1857). Lichnost' i otlichitel'nye kachestva zyryan [Personality and distinctive qualities of the Zyryans]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 22: 134-137. [in Russian]
- Frolov, 1885** – *Frolov, A.* (1885). Svadebnye i pohoronnye obychai zHITElej sela Ust'nemskogo Ust'sysol'skogo uezda [Wedding and funeral customs of the villagers of Ustnemsky Ustsysolsky uyezd]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 21: 9-10. [in Russian]
- Gercen, 1838** – *Gercen, A.I.* (1838). Votyaki i cheremisy [Votyaki and cheremis]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 1: 1-2; 3: 11-15. [in Russian]
- Gryaznukhin et al., 2023** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Dvoret'skaya, A.P., Zhulaeva, A.S.* (2023). The Attitude of the Russian Intelligentsia to Values and Lifestyles of the Western European Society in the 19th century. *Bylye Gody*. 18(1): 115-124.
- Kalinin, 2003** – *Kalinin, M.A.* (2003). Materialy periodicheskoy pechati kak istochnik po istorii Dobryanskogo kraya (1579 – 1917 gg.) [Materials of the periodical press as a source on the history of the Dobryansky Krai (1579-1917)]. *Periodicheskaya pechat' Permskoj oblasti: istoriya i sovremennost': mater. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 300-letiyu Rossijskoj pechati*. Perm'. Pp. 80-81. [in Russian]
- Kistova et al., 2023** – *Kistova, A.V., Sergeeva, N.A., Ermakov, T.K., Omelik, A.A.* (2023). The Journal “Zodchij” of 1872 as a Historical Source on the Theory of Urban Planning in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 18(2): 858-868.
- Klimov, Chagin, 2005** – *Klimov, V.V., Chagin, G.N.* (2005). Kruglyj god prazdnikov, obryadov i obyachaev komi-permyakov [All year round holidays, rituals and customs of the Komi-Permyaks]. Kudymkar. [in Russian]
- Komi-zyryane, 2002** – Komi-zyryane. Istoriko-etnograficheskij spravochnik [Komi-zyryans. Historical and ethnographic reference book]. Sost. N.D. Konakov. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1993. 176 p. [in Russian]
- Konakov** – *Konakov, N.D.* Mifologiya komi. Elektronnaya biblioteka «Enciklopediya ural'skih mifologij. Mifologiya komi» [Electronic resource]. URL: <http://sati.archaeology.nsc.ru/mifolog/myth/160.htm> (date of access: 08.05.2023).
- Korolev, Savel'eva, 2002** – *Korolev, K., Savel'eva, E.* (2002). Vnachale byli pasy [In the beginning there were passes]. Komi-kraj dalekij i blizkij. M.: Syktyvkar. [in Russian]
- Kurochkin, 1851** – *Kurochkin, S.N.* (1851). Votyaki Malmyzhskogo uezda Vyatskoj gubernii (prodolzhenie) [Votyaki of the Malmyzhsky uyezd of the Vyatka province (continued)]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 25: 210-214. [in Russian]
- Kustov, 1971** – *Kustov, V.A.* (1971). Fol'klorno-etnograficheskie materialy v gazete «Permskie gubernskie vedomosti» 1870-h gg. [Folklore and ethnographic materials in the newspaper "Perm Provincial Vedomosti" of the 1870s]. *Fol'klor i literatura Urala*. Perm'. Vyp. 1. [in Russian]
- Kustov, 1973** – *Kustov, V.A.* (1973). Gazeta «Permskie gubernskie vedomosti» kak istochnik po izucheniyu istorii kraya [Newspaper "Perm gubernskie vedomosti" as a source for the study of the history of the region]. 250 let Permi: mater. nauch. konf. «Proshloe, nastoyashchee i budushchee Permi». Perm'. [in Russian]
- Kyrnysheva, 2020** – *Kyrnysheva, O.V.* (2020). Rol' imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva v publikacii materialov o zyryanah v periodicheskikh izdaniyah XIX veka [The role of the Imperial Russian Geographical Society in the publication of materials about the Zyryans in periodicals of the XIX century]. *Vestnik Syktyvkar'skogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk*. 1(13): 28-39. [in Russian]
- Leyman, 2023** – *Leyman, I.I.* (2023). The Contribution of Merchants to the Formation of the System of Female Education in the Russian Province (based on the Materials of Vologda Province in the Second Third of the 19th century). *Bylye Gody*. 18(2): 685-693.
- Lisovskij, 1915** – *Lisovskij, N.M.* (1915). Russkaya periodicheskaya pechat'. 1703 – 1900: Bibliografiya i graficheskie tablicy [Russian Periodical Press. 1703 – 1900: Bibliography and graphic tables]. Pg. [in Russian]
- Magsumov et al., 2023** – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* The First World War on the Pages of the Journal “Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta”. *Bylye Gody*. 18(2): 998-1006.

- [Mamadaliyev et al., 2023](#) – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Y. (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917. *Bylye Gody*. 18(2): 781-788.
- [Mihajlov, 1850](#) – Mihajlov, M. (1850). Ust'vym (Prodolzhenie) [Ustvym (Continued)]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 22: 239-242. [in Russian]
- [Mihajlov, 1851](#) – Mihajlov, M. (1851). O zemledelii i skotovodstve u zyryan Ust'-Sysol'skogo uezda [About agriculture and cattle breeding among the Zyryans of Ust-Sysolsky uyezd]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del*. Ch. 35: 349-360. [in Russian]
- [Mihajlov, 1852](#) – Mihajlov, M. (1852). Domashnij i semejnij byt zyryan [Home and family life of zyryan]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del*. Ch. 37: 319-336. [in Russian]
- [Mihajlov, 1853](#) – Mihajlov, M.I. (1853). Fizicheskie i nrvstvnyye svojstva zyryan (Prodolzhenie) [Physical and moral properties of zyryan (Continued)]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 18: 151-153. [in Russian]
- [Mulov, 1862](#) – Mulov, P. (1862). Znachenie narodnyh yuridicheskikh obychaev [The meaning of folk legal customs]. *Zhurnal Ministerstva Yusticii*. T. 11. Kn. 1-3. Yanvar'. P. 56. [in Russian]
- [Novosyolova i dr., 2022](#) – Novosyolova, E.V., Chernova, N.I., Katahova, N.V. (2022). Aksiologicheskie aspekty prepodavaniya ispanskogo yazyka v SSSR [Axiological aspects of teaching Spanish in the USSR]. *Rossijskij tekhnologicheskij zhurnal*. 10 (5): 111-120. [in Russian]
- [Osokin, 1857](#) – Osokin, S. (1857). Narodnyj byt v Severo-vostochnoj Rossii. Gl. II: Votyaki i Cheremisy (prodolzhenie) [Folk life in Northeastern Russia. Chapter II: Votyaki and Cheremis (continued)]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 9: 43-50. [in Russian]
- [Periodika..., 1976](#) – Periodika Urala. Vyp. 1: Dorevolucionnyye izdaniya: bibliograficheskij ukazatel' [Periodicals of the Urals. Issue 1: Pre-revolutionary publications: bibliographic index]. Sost. G.M. Savinyh. Sverdlovsk. [in Russian]
- [Pigaleva, 2003](#) – Pigaleva, S.V. (2003). Obzor gazetnoj periodiki g. Permi (1838 – 1917 gg.) v fondah Permskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Review of newspaper periodicals of Perm (1838 – 1917) in the funds of the Perm Regional Museum of Local Lore]. *Periodicheskaya pechat' Permskoj oblasti: istoriya i sovremennost'*: mater. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 300-letiyu Rossijskoj pechati. Perm'. Pp. 89-91. [in Russian]
- [Plotnikov, 2003](#) – Plotnikov, S.N. (2003). «Permskie gubernskie vedomosti» kak informacionnyj istochnik issledovaniya formirovaniya Permskogo zemstva ["Perm provincial Vedomosti" as an information source for the study of the formation of the Perm Zemstvo]. *Periodicheskaya pechat' Permskoj oblasti: istoriya i sovremennost'*: mater. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 300-letiyu Rossijskoj pechati. Perm'. Pp. 65-66. [in Russian]
- [Plotskaya et al., 2021](#) – Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G. (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.
- [Plotskaya et al., 2022](#) – Plotskaya, O.A., Kurilyuk, Y.E., Ospanova, D.A. (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575-1584.
- [Plotskaya et al., 2023](#) – Plotskaya, O.A., Elinsky, V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V. (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37-45.
- [Podosenov, 1886](#) – Podosenov, E. (1886). Permyaki [Permyaki]. *Permskie eparhial'nye vedomosti*. 1: 1-3. [in Russian]
- [Popov, 1854](#) – Popov, K. (1854). Dva sposoba zaklyucheniya brachnyh soyuzov u zyryan [Two ways to conclude marriage unions among Zyryans]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 4: 37-39. [in Russian]
- [Popov, 1875](#) – Popov, I. (1875). Cherty iz byta, nrvov i obychaev Zyryan Yarenskago uezda, Udorskogo kraja [Features from the life, customs and customs of the Zyryans of the Yarensky Uyezd, Udorsky Krai]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 90: 3-4. [in Russian]
- [Poslovitsy...](#) – Poslovitsy i pogovorki naroda Komi [Electronic resource]. URL: http://chudetstvo.ru/detskaya_ploschadka/stixi-i-skazki/narodnye/2697-poslovicy-i-pogovorki-naroda-komi.html (date of access: 31.01.2023).
- [Puhta, 1872](#) – Puhta, G.F. (1872). Enciklopediya prava [Encyclopedia of Law]. Yaroslavl': tip. G. Fal'k, 99 p. [in Russian]
- [Russkaya..., 1959](#) – Russkaya periodicheskaya pechat'. 1702 – 1894: Spravochnik [Russian periodical press. 1702 – 1894: Handbook]. Pod red. A.G. Dement'eva, A.V. Zapadova, M.S. Cherepahova. M., 1959. 835 p. [in Russian]
- [Sergiev, 1887](#) – Sergiev, N. (1887). Ukazatel' statej. Pomeshchennyh v duhovno-literaturnom otele «Vyatskih eparhial'nyh vedomostej» s 1863 goda (nachala ih izdaniya) po 1886 god vklyuchitel'no [Placed in the spiritual and literary department of the Vyatka Diocesan Gazette from 1863 (the beginning of their publication) to 1886 inclusive]. Vyatka, 111 p. [in Russian]

- Shumihin, Kokurina, 1985** – *Shumihin, V., Kokurina, S.* (1985). Saltykov-Shchedrin v Vyatke: Bibliograf. ukazatel' (1848 – 1982) [Saltykov-Shchedrin in Vyatka: Bibliographer. index]. Kirov. [in Russian]
- Skorobogatyj, 1883** – *Skorobogatyj, P.* (1883). Dokazatel'stva na volostnom sude [Proofs at the volost court]. *Yuridicheskij vestnik*. 2: 252. [in Russian]
- Smirnov-Sokol'skij, 1965** – *Smirnov-Sokol'skij, N.P.* (1965). Russkie literaturnye al'manahi i sborniki XVIII – XIX vv.: Bibliograf. ukazatel' [Russian literary almanacs and collections of the XVIII – XIX centuries: Bibliographer. index]. M., 592 p. [in Russian]
- Tsypanov, 1998** – *Tsypanov, E.A.* (1998). Enciklopediya. Komi yazyk. M. [Electronic resource]. URL: <http://finnougoria.ru/community/folk/folk.php> (date of access: 03.04.2015).
- Udmurty..., 2006** – Udmurty: Istoriya, etnografiya, arheologiya: Bibliograf. ukazatel' (1751 – 2000) [Udmurts: History, Ethnography, archeology: Bibliographer. index (1751 – 2000)]. Sost. E.A. Ivanova, L.G. Kondrat'eva i dr. Izhevsk, 2006. 720 p. [in Russian]
- V krayu..., 2011** – V krayu zyryanskom: po materialam rossijskih periodicheskikh izdaniy XIX-nachala XX veka [In the edge of zyryansky: based on the materials of Russian periodicals of the XIX – early XX centuries]. [sost., vstup. st. O.E. Bondarenko]. Syktyvkar: Anbur, 2011. [in Russian]
- Vahrushev, 2011** – *Vahrushev, A.A.* (2011). Prosvetitel'skaya missiya pečati i literatury v provincial'noj Rossii (na materiale Vyatskoj gubernii XVII – nachala XX vekov): Monografiya [Educational mission of the press and literature in provincial Russia (based on the material of the Vyatka province of the XVII – early XX centuries): Monograph]. Izhevsk: Izd-vo «Udmurtskij universitet», 274 p. [in Russian]
- Vereshchagin, 1889** – *Vereshchagin, G.E.* (1889). Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoj gubernii [Votyaki of Sarapul'sky uyezd of Vyatka province]. SPb. [in Russian]
- Volgireva i dr., 2007** – *Volgireva, G.P., Kornienko, S.I., Pigaleva, S.V.* (2007). Istochnikovedcheskij analiz gazety «Permskie gubernskie vedomosti» (XIX – nachalo XX V.) kak osnova dlya proektirovaniya i sozdaniya informacionnoj sistemy [Source analysis of the newspaper "Perm Provincial Vedomosti" (XIX – early XX Century) as a basis for designing and creating an information system]. *Vestnik permskogo universiteta*. 3 (8): 79-88. [in Russian]
- Volkov, 1879** – *Volkov, N.* (1879). Udorskij kraj. (Etnograficheskij ocherk) [Udorsky Krai. (Ethnographic essay)]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 34: 3. [in Russian]
- Vyatskaya...** – Vyatskaya elektronnaya biblioteka – Vyatskie gubernskie vedomosti [Electronic resource]. URL: <https://herzenlib.ru/vpeb/magazine/index.php?newspaper=354> (date of access: 08.05.2023).
- Yakushkin, 1899** – *Yakushkin, E.I.* (1899). Obychnoe pravo russkikh inorodcev: Materialy dlya bibliografii obychnogo prava [The customary law of Russian foreigners: Materials for the bibliography of customary law]. M.: Univ. tip., 370 p. [in Russian]
- Yakushkin, 1909** – *Yakushkin, E.I.* (1909). Obychnoe pravo: materialy dlya bibliografii obychnogo prava. Vyp. 4. Repr. izd. [Customary Law: materials for the bibliography of customary law. Issue 4. Repr. ed.]. M.: Tovarishchestvo tip. A.I. Mamontova, 1909. 440 p. [in Russian]
- Zyryane..., 2010** – Zyryane i zyryanskij kraj v literaturnyh dokumentah XIX veka [Zyryans and Zyryansky kraj in literary documents of the XIX century]. Pod obshch. red. V.A. Limerovoj. Syktyvkar, Kola, 518 p. [in Russian]

Публикации периодической печати как репрезентативный и аутентичный источник сведений по этноправосудию и семейно-правовым отношениям пермских народов в XIX веке

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, b, *}, Диана Искендербековна Макембаева ^c,
Никита Сергеевич Грудинин ^{a, d}, Денис Андреевич Ширев ^e

^a МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

^b Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Кыргызский Национальный Университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

^d Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

^e ФГАО УВО Российский университет дружбы народов (РУДН), Российская Федерация

Аннотация. Материалы и публикации периодической печати представляют собой важнейший историко-правовой источник сведений по обычному праву пермских народов в XIX веке.

В рассматриваемый период у зырян, вотяков, пермяков обычному праву отводилась значительная роль в традиционных общественных отношениях, существовавших в этно-локальных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая), dian_@mail.ru (Д.И. Макембаева), nekit-07@mail.ru (Н.С. Грудинин), shirev-da@rudn.ru (Д.А. Ширев)

обществах. В нем фиксировался многовековой опыт предков, особенности этно-нормативной культуры рассматриваемых народов, правила ведения хозяйственно-экономической деятельности, способы должного поведения в семье и обществе.

Обычно-правовые нормы были широко распространены в гражданско-правовой, брачно-семейной, уголовно-правовой, промысловой сфере и в этноправосудии. Они отражались в юридических и культурно-бытовых традициях исследуемых народов.

В связи с этим материалы периодической печати XIX века представляют собой ценнейший историко-правовой источник сведений об обычно-правовом быте пермских народов. Причем огромное количество периодических изданий, содержащих соответствующие материалы, можно разделить на публикации центральной и местной периодической печати. Несмотря на то, что на страницах центральных периодических изданий раскрывался процесс влияния действовавшего государственного законодательства на нормы обычного права, а также комментировались некоторые судебные решения с применением локальных правовых обычаев, там содержались различные аспекты обычно-правового мира пермских народов. Значительный объем историко-этнографического и обычно-правового материала раскрыт в трудах, опубликованных в таких изданиях местной периодической печати, как: «Вологодские губернские ведомости», «Вятские губернские ведомости», а также «Пермские епархиальные ведомости».

Ключевые слова: зыряне, пермяки, вотяки, правовой обычай, этноправосудие, брачно-семейные отношения, периодическая печать.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 189-198
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.189

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Practice of Excise Supervision in Russia after the Wine Reform of 1863

Natalia Ye. Goryushkina ^{a, *}

^a South-Western State University, Russian Federation

Abstract

The article highlights the practical activities of excise departments, which were specially established for the conduct of the wine reform of 1863. This transformation was carried out in relation to the drinking collection, which was the most significant part of the state revenues of Russia. The steady receipt of the collection from drinking was guaranteed by the tireless, everyday activity of excise officials. Their functional responsibilities were clearly defined and included inspection of factory equipment, patenting of establishments that produced and sold alcohol, proper audits, accounting control and accounting, technical support of excise duty. Alcohol turnover was supervised day and night. The first level of supervision was provided by overseers assigned to each distillery, the second – by assistant district supervisors at their site; the third – by excise supervisors in their district; the fourth level of supervision was carried out by the excise manager, his assistants, auditors, technicians within the subordinated territory; the fifth – the Minister of Finance himself, the director of the Department of Non-payment Fees and the auditors of the specified department. Audits of distilleries were carried out for compliance of production with selected standards of distilling and included monitoring the full cycle from jam to distilling alcohol or for a separate distillery operation, readings of control shells were taken, factory reports were checked. During the audit of places of trade, measurements of dishes, the strength of wine were carried out, permits for trade were checked. The revisions were planned and sudden, brief and complete, and there were no restrictions on their number. The provincial and district excise administrations coped with their mission, the drinking income grew during the excise period. The epithet “excise” has become synonymous with the word “quality”.

Keywords: drinking collection, wine reform, excise system, excise management, excise officer, examination, patenting, audit, bookkeeping.

1. Введение

Реформы в России всегда пользовались неизменным исследовательским интересом. Не утратила тема научной актуальности и в настоящее время. Но характер, цель и смысл винной реформы 1863 г. остались до сих пор мало изученными. О реформе в отношении питей долго не вспоминали, несмотря на то что она обладала значительным модернизационным потенциалом, носила системный характер и радикально изменила всю связанную с ней действительность. В этом ключе есть смысл упомянуть слова известного беллетриста середины XIX в. П.П. Сухонина: «Народный труд, народная нравственность, развитие материального довольства и интеллигентных сил в большей или меньшей степени совпадают у нас с состоянием питейного дела, так что, по справедливости, мы можем признать питейный вопрос каким-то *fatum*’ом русской жизни» (Сухонин, 1881: 4).

Основы винной реформы были сформулированы в высочайше утвержденном 4 июля 1861 г. «Положении о питейном сборе». Организацию питейно-акцизного дела согласно этому документу

* Corresponding author

E-mail addresses: goro46@yandex.ru (N.Ye. Goryushkina)

приняли на себя специально образованные управления, действовавшие на губернском и окружном уровнях на основе четко означенных функциональных обязанностей (*Положение...*, 1862: 5-6).

Развернутая характеристика практической деятельности по акцизу есть цель настоящей работы.

2. Материалы и методы

2.1. Основной массив источников, использованных при подготовке статьи, относится к делопроизводственным материалам. Одна их часть была опубликована (*Комаров, 1874*), другая – извлечена из фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Государственного архива Курской области (Курск, Российская Федерация).

Источниковую базу дополнили законодательные и подзаконные акты, регулировавшие практическую деятельность по акцизу. Надзорный механизм требовал постоянной настройки, что обусловило выпуск руководств, наставлений и объяснений по управлению питейно-акцизными сборами. Они дополнили источниковую базу статьи. Не оставлены без внимания и источники личного происхождения: мемуары, дневники, письма современников, передавшие оценочные суждения и размышления авторов о практике акцизного надзора.

2.2 Методологический инструментарий статьи включает базисные принципы исторического познания, а именно историзм, объективность и системность. Принцип историзма потребовал рассмотрения практики акцизного надзора в контексте переменчивого пореформенного времени. Принцип объективности направил взгляд на надежные источники, не искажавшие практику акцизного надзора в России после винной реформы 1863 г. Благодаря принципу системности разнородные виды деятельности изучены как структурные элементы единой системы надзора над оборотом питей.

Свое применение нашли метод контекстной интерпретации правовых актов, а также историко-сравнительный и историко-генетический методы. Первый из них использовался при «толковании» акцизного законодательства, второй – при определении сходств и различий в практике акцизного надзора в разные временные отрезки; третий способствовал раскрытию функционала чиновников разных уровней, начиная от надсмотрщика на винокурном заводе и заканчивая министром финансов России.

3. Обсуждение

Практика акцизного надзора в России после винной реформы 1863 г. была представлена в трудах акцизных деятелей разного уровня: ревизора Департамента неокладных сборов Н.С. Терского (*Терский, 1890*), управляющего акцизными сборами Б.К. Кукеля (*Кукель, 1892*), окружного надзирателя барона Э.Ф. Нольде (*Нольде, 1882*). В «Кратком очерке 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков» приведены общие сведения о компетенции, функциях, структуре акцизных органов, но, надо признать, весьма схематично и упрощенно (*Краткий очерк...*, 1913). Общих трудов по заявленной теме до революции так и не появилось. В советское время винная реформа 1863 г. не изучалась совершенно. Только в 1992 г. Московский университет выпустил сборник статей «Великие реформы в России 1856–874». Там в статье доктора философии университета Мак-Куэри (Сидней, Австралия) Д. Крисчна было упомянуто «забытое» всеми винное преобразование Александра II. Ученый указал на то, что произведенная в отношении питей реформа заслуживает серьезного внимания, поскольку «это событие было столь же важным и значительным в истории государственной власти и экономики России, как и упразднение в 1791 г. системы «Генеральных откупов» во Франции» (*Крисчн, 1992*). С этого времени число исследователей питейного преобразования стало расти и новейшая историография винной реформы 1863 г. выглядит более «богатой». Серьезные работы по теме были подготовлены историками А.М. Мариупольским (*Мариупольский, 2000*), Н.Е. Горюшкиной (*Горюшкина, 2012*), Ю.В. Веретило (*Веретило, 2021*). В последние годы проявилась исчерпанность в освещении ряда аспектов функционирования свободного оборота алкоголя, но практика акцизного надзора требует дополнительного представления.

4. Результаты

Акцизная система взимания налога с питей вступала в действие с 1 января 1863 г. К этому времени местные органы акцизного надзора – губернские и окружные – были укомплектованы согласно составленному 31 января 1862 г. расписанию (*РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 776. Л. 3, 6*). Уже 1 июля 1862 г. сеть акцизных управлений покрыла губернии Европейской России и Сибири. Каждое губернское акцизное управление взялось за администрирование питейного сбора в одной или нескольких губерниях в зависимости от численности подакцизных заведений, там расположенных. Так, Подольское акцизное управление брало под контроль Бессарабскую область. Таврическая область была разделена между Екатеринославским и Херсонским, а Вологодская – между Ярославским и Вятским акцизными управлениями. Московское акцизное управление распространило свою власть на Тверскую губернию, Новочеркасское управляло по акцизу

территорией Войска Донского и Ростовским уездом Екатеринославской губернии. В губерниях Архангельской, Астраханской и Олонецкой, где винокурение отсутствовало, акцизный надзор был поручен председателям местных казенных палат.

На место службы прибыли 45 управляющих акцизными сборами, 45 их помощников, 90 ревизоров (старших и младших), 48 бухгалтеров и 54 их помощника. Они были отобраны из большого числа кандидатов и наделены широкими полномочиями в надзоре над оборотом питей (*Сборник...*, 1866: 13-14). Общий надзор за состоянием питейного дела осуществлял управляющий акцизными сборами, помощник управляющего делил с ним руководящие функции, а ревизоры проверяли надзорную часть акцизной практики (*Блех*, 1895: 159).

Как и планировалось, 1 августа 1862 г. приступили к работе окружные акцизные управления. В каждом губернском управлении было 5-7 окружных управлений. В штате округа состояли окружной надзиратель и его помощники. Делопроизводством заведовал письмоводитель. Округа были поделены на участки, каждый участок передан под контроль помощника надзирателя. На участке располагалось 3-4 винокуренных завода. На каждый завод был направлен надсмотрщик, принятый на службу по уряду. 249 окружных надзирателей, 845 помощников надзирателя, 249 письмоводителей, 3015 надсмотрщиков приступили к службе, предвосхищая новый питейный порядок. (*Краткий очерк...*, 1913: 253-254).

Акцизные чиновники были обязаны исполнять установленные «Положением о питейном сборе» обязанности. Практика акцизного надзора включала в себя ряд важных операций, которые в совокупности своей должны были обеспечить неуклонное поступление сбора с питей в государственный бюджет.

Одной из них были *осмотр, измерение и описание* винокуренного завода. Эта операция осуществлялась, как только в окружное акцизное управление от заводчика или его поверенного поступало заявление (в 3-х экземплярах) с просьбой о проведении осмотра, измерения и описания завода. К заявлению прилагались описание и план завода, перечень используемых снарядов и посуды. Окружной надзиратель и (или) его помощник, приняв заявление, устанавливали дату своего прибытия (не позже 2-х недель со дня получения заявления) и отправлялись на завод в указанное время. Осмотру подлежали заторное, квасильное, дрожжевое, перегонное (аппаратное), паровичное, солодовенное, спиртоприемное (затрубное) отделения. Помимо того, проверялись все имевшиеся при заводе помещения, включая амбары с припасами, сараи с топливом, подвалы для хранения спирта, контора, квартиры управляющего заводом, винокура, надсмотрщика и т.д. Заводская посуда вымерялась, клеймилась и нумеровалась.

Осмотр должен был удостоверять, что винокуренный завод соответствует требованиям «Положения»: емкость квасильных чанов в совокупности при четырехсуточном брожении составляет не менее 540 ведер, емкости и посуда вымерены, какие-либо приспособления для выпуска продукта, не обложенного акцизом, отсутствуют. На основе осмотра, измерения и описания винокуренного завода акцизный чиновник определял силу (мощность) производства, что было важно в дальнейших расчетах (*Ребровский*, 1865: 45).

После проведенной операции завод опечатывался с тем, чтобы предупредить всякое на нем производство.

Второй обязательной операцией в практике акцизного надзора было *(о)свидетельствование* объявлений на винокурение и *патентование* мест производства. «Горячим» временем для освидетельствования и выборки патентов были последние дни года. В ноябре и декабре в окружных управлениях наблюдалось: «1) скопление народа, 2) задержка в выдаче патентов, 3) ошибки вследствие спешности работы, 4) физическая невозможность чиновника удовлетворить их требования до 1-го января» (*Роспопов*, 1898: 17).

Операция эта производилась в соответствии с полученным от заводчика заявлением (в 3-х экземплярах). В нем были указаны сроки начала и окончания производства алкоголя, планируемая емкость квасильных чанов на один пуд затираемых припасов, число заторов, система брожения, порядок употребления посуды, нормы курения и т.д.

Объявления с намерением открыть продажу питей подавали в окружное акцизное управление виноторговцы. Из них были ясны вид заведения, месторасположение, тип торговли (распивочно, навынос, в комбинации). Открытие заведений трактирного типа или ренского погреба требовалось дополнить гильдейским или промысловым свидетельством; а открытие распивочной торговли предполагало наличие у заявителя разрешительного приговора (согласия), полученного от собственника земли (*Устав...*, 1870: 55).

Чиновник по акцизу проверял представленные сведения. Если объявление расходилось с условиями питейного законодательства, на объявлении делалась соответствующая пометка, и оно возвращалось для исправлений. Если объявление было составлено без ошибок, то акцизный чиновник производил расчет патентной платы, а заявитель оплачивал в местной Казенной палате. Квитанции об оплате прилагались к объявлениям. Когда все формальности были соблюдены, акцизный чиновник на одном из экземпляров объявления делал приписку: «Согласно сему, за весь срок винокурения по настоящему свидетельству подлежит оплате акцизом столько-то градусов

безводного спирта на сумму (прописью и цифрами)», ставил печать, подпись, дату. Объявление с припиской становилось свидетельством: первый его экземпляр возвращался заявителю, второй оставался в окружном управлении, третий направлялся в губернское акцизное управление. Разрешение на торговлю в виде патента получал и владелец питейного заведения. В зависимости от месторасположения, типа питейного заведения и вида планируемой торговли рассчитывалась сумма патентного сбора с мест продажи питей.

Завершив освидетельствование и патентование мест производства и продажи алкоголя, акцизные чиновники приступали к новой операции – *запуску заводов*. Винокуренный период законодательно начинался 1-го июля, а заканчивался 30-го июня. Винокуренные заводы работали весь срок или какой-то временной отрезок в указанных пределах. Самый короткий винокуренный срок был равен двум неделям. В день открытия производства окружной надзиратель и (или) его помощник обязательно прибывали на завод для прочтения свидетельства и запуска завода. Прочтение проходило в присутствии всех лиц, имевших отношение к курению вина. Акцизные чиновники четко и с расстановкой зачитывали свидетельство и настоятельно предупреждали о недопустимости каких-либо отступлений, о необходимости срочного уведомления акцизного надзора обо всех случаях на заводе. Свидетельство, расписание к нему и патент вывешивались внутри завода на видном месте, цеха повторно осматривались, с заводской посуды снимались печати, с введением контрольных снарядов (начало 1870-х гг.) акцизные чиновники «собственноручно» соединяли его крепления с перегонным устройством. После указанных манипуляций акцизный чиновник составлял записку о запуске производства и препровождал ее в окружное акцизное управление. Завод приступал к курению вина. С этого времени до составления акта с указанием уважительной причины остановки завод считался в полном ходу.

Плановые остановки винокурения происходили редко и были связаны в основном с праздниками (Рождество, Воскресенье Господне, Благовещенье, последние дни Масленицы, дни Крестных ходов) или профилактическими работами. Внеплановая остановка завода являлась следствием какой-либо непредвиденной ситуацией (пожар, нехватка винокуренных припасов). Факт ее фиксировался заводчиком в окружном акцизном управлении посредством акта, при получении которого окружной надзиратель или его помощник немедленно отправлялись с проверкой обстоятельств происшедшего (*Шпицбарт, 1888: 8*).

Окружным надзирателем и (или) его помощником производился пристрастный осмотр заводского оборудования, устранялись причины остановки, опрашивались надсмотрщик, заводчик, рабочие и посторонние лица, выступившие по каким-то обстоятельствам свидетелями. Так, к акту о прекращении винокурения, составленному надзирателем 4-го округа Харьковского акцизного управления Н. Медишем, прилагались показания сельского старосты И. Козуба, а также крестьян И. Топора, С. Шубы, И. Хомута, А. Тулуца (*Засорин, 1911: 23-28*).

Закон запрещал выпускать спирт из подвала без уплаты за него акциза за исключением случаев, когда заводчиком была использована рассрочка на случай отпуска вина из заводов небольшими количествами на местное потребление или более или менее значительными партиями для оптовых складов или отправки за границу. Рассрочка допускалась под залог или ручательство благонадежных лиц. Акцизные чиновники проводили соответствующие «исследования», чтобы удостовериться в верности заявлений на рассрочку, а также стоимость земли и недвижимости, выступавшей залогом, и благонадежности поручителей (*РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 42. Л. 65*).

Практика акцизного надзора была бы неполной без инспектирования подакцизных заведений акцизными чиновниками разных уровней. Личность чиновника, прибывшего с ревизией, удостоверялась открытым письмом, которое он должен был представить по прибытии на завод или в питейное заведение. Закон защищал акцизных служащих. «Всякое сопротивление или оскорбление должностным лицам Акцизного Управления, при исполнении ими служебных обязанностей сделанное, признается за явное нарушение государственного порядка, и подвергает виновных уголовному суду», – гласила ст. 23 «Положения о питейном сборе» (*Положение..., 1862: 9*).

Первый уровень контроля обеспечивали надсмотрщики. Они поселялись на винокуренном заводе перед началом винокурения и находились там безотлучно до окончания винокуренного срока. Круглосуточно (с небольшими перерывами на отдых) они контролировали производственный процесс. В заторном отделении надсмотрщики наблюдали за взвешиванием винокуренных припасов, замеряли объем заторной массы. В квасильном отделении они проверяли состояние квасильных чанов, фиксировали порядок брожения в каждом из них, измеряли температуру бражки. В дрожжевом отделении надсмотрщики присутствовали при приготовлении дрожжей. В перегонном отделении они осматривали водяные, паровые и спиртоводные трубы, их коммуникацию, записывали данные контрольных снарядов т.д. Надсмотрщики своим присутствием гарантировали соблюдение на винокуренном заводе казенного интереса. Но в отличие от акцизных чиновников они не имели правовой защиты, что в целом мешало надзорному делу. Стоя на страже акцизного законодательства, надсмотрщик отдавал приказы от имени казны, пресекал злоупотребления, указывал виновных, но продолжал жить вместе с рабочими, зачастую во враждебной для себя среде. Бывало, что надсмотрщики, особенно те, кто долго жил на одном и том же винокуренном заводе,

вступали в сговор с заводчиком и сквозь пальцы смотрели на предпринимаемые ухищрения. За свое бездействие они получали удобную жилую комнату, «отменные кушанья с самоваром», прислугу и денежное вознаграждение. В подтверждение этому звучат воспоминания, записанные со слов управляющего винокурненным заводом П.В. Березиным: «Вознаграждение служащим сверх оклада жалования назначалось за каждое безакцизное ведро <...> Надсмотрщику же полагалось более всех, как лицу разрешавшему, ему платилось 20 к. за ведро, так что наш Кубрин рассчитывал получать не менее 600 рублей в месяц сверх казенного пятнадцатирублевого жалования» (Березин, 1900: 52).

С распространением в начале 1870-х гг. на винокурных заводах контрольных снарядов постоянных надсмотрщиков стали заменять надсмотрщиками разъездными, последние проживали при самом крупном или проблемном в отношении надзора заводе и обзоревали несколько расположенных поблизости производств. С 1878 г. ужесточился надзор над производством водок, и разъездные надсмотрщики стали контролировать, помимо винокурных заводов, водочные производства. В начале 1880-х гг. для предотвращения злоупотреблений в питейной торговле к ревизиям стали привлекаться городские надсмотрщики. В 1885 г. в штат акцизных управлений были включены контролеры (старшие и младшие), техники (старшие и младшие), чиновники по судебной части. Первые взяли на себя большой объем ревизионной деятельности, вторые занялись наблюдением за контрольными снарядами и технической частью винокурения, третьи занялись преследованием нарушителей питейного законодательства (Блех, 1895: 161).

Неустанно ревизионную деятельность на своем участке вели помощники надзирателя. «Есть губернии, – признавал критиковавший акцизную систему Э.Ф. Нольде, – в которых в самую ужасную погоду на дорогах только и встретите одних акцизных чиновников» (Нольде, 1882: 17).

Помощник надзирателя, контролировавший 2-5 винокур на своем участке, составлял график работы заводов и старался прибыть на каждый из них в момент спуска затора или в момент сгона готового продукта. Как показывала практика надзора, основная масса нарушений питейного законодательства происходила в момент «перехода» продукта из одного цеха в другой. Департамент неокладных сборов рекомендовал, чтобы помощник надзирателя не реже трех раз в месяц бывал на каждом из винокурных заводов, 1 раз в месяц ревизовал подвал с готовой продукцией, 1-2 раза в месяц – оптовые склады своего участка и хотя бы раз в полугодие посещал места розничной торговли спиртными напитками. (Горюшкина, 2009: 160).

Многие помощники надзирателя настолько хорошо знали подконтрольные производства, что без труда замечали всякое нарушение акцизных норм. «При нечаянном приезде чиновника, – свидетельствовал П.В. Березин, – если бы при проверке оказалось количество порожних мешков, несогласное с записями на заводской доске или в тетради надсмотрщика, то опять могло возникнуть неприятное дело, при котором заводчик попадал в число подозрительных, а надсмотрщик за это переводился на другой завод, а иногда и совсем увольнялся» (Березин, 1900: 56).

Ежемесячно личные ревизии вверенной территории осуществлял окружной надзиратель. Обзор округа предполагал объезд от одного до трех уездов, входивших в его состав. «Посещение производилось мною в разное время дня и ночи с целью главным образом предупреждать злоупотребления, – рассказывал окружной надзиратель Курского акцизного управления Шульц, – заставляя заводчиков ожидать приезд во всякое время, а с другой стороны, чтобы заставить различные моменты производства» (ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 561. Л. 99). Рабочие поездки окружного надзирателя, в зависимости от цели, были внезапными и плановыми, короткими (несколько часов) и длительными (до девяти дней). Он ревизовал одну операцию или весь цикл производства, чтобы убедиться, что производство в округе ведется согласно полученным свидетельствам, что на заводе нет тайных аппаратов, что отсутствуют изменения в вымеренной и заклеянной посуде, что заводские книги ведутся с соблюдением законодательства. Он выяснял, куда направляется готовая продукция, своевременно ли была осуществлена оплата акцизом выпущенного из заводского подвала спирта. При ревизии оптового склада надзиратель проверял наличие вина, условия его хранения и всю сопроводительную бухгалтерию (Устав..., 1870: 26). В места питейной торговли окружной надзиратель старался прибыть тоже неожиданно. «Один из надзирателей нашей губернии, – свидетельствовал П.В. Березин, – производя ревизию своего округа, проезжал как-то поздней ночью одно глухое село, где находился небольшой винный склад. Надзиратель и не рассчитывал делать ревизии в этом складе, но при своем проезде заметил у подвала складываемые бочки, он решил на возвратном пути из завода, куда он ехал, побывать и на складе. Складываемые же бочки, замеченные надзирателем, как потом оказалось, были из безакцизного транспорта» (Березин, 1900: 71). Основными нарушениями при производстве вина были отвод готового продукта от контрольного снаряда, тайное винокурение, нарушение счетоводства, незаконная торговля из заводского подвала и т.д. Окружной надзиратель временно останавливал производство или продажу питей, если деятельность осуществлялась вразрез питейному законодательству, а при ряде нарушений отбирал патент (ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 132. Л. 7 об.-8).

Нарушители питейного законодательства использовали самые изощренные способы противодействия акцизному надзору. К акцизникам, особенно к предприимчивым и «ловким», приставлялся караульный, которому поручалось следить за их разъездами и заблаговременно

предупреждать заводчиков о приближении проверяющего. «Шпионство» за акцизными служащими было частым явлением (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 35. Д. 580. Л. 3-4об.).

Годовой объезд вверенной территории совершал акцизный управляющий. Он должен был сам удостовериться, что винокурение осуществлялось согласно свидетельствам, а виноторговля – согласно патентам, чтобы должностные лица, ему подчиненные, осуществляли надзор согласно установленным правилам, чтобы ревизии производились как можно чаще, чтобы все доходы, подлежащие его ведению, поступали в казну своевременно и в полном объеме.

Завершив объезд подведомственной территории, одни управляющие были уверены, что им известно о виноторговле и винокурении все, что они слышат, как пар идет на заводах, другие, иногда по наивности, иногда по неумелости, проводили объезд так добродушно, что их надзор походил на счетоводство. Активную ревизионную деятельность вели помощник управляющего и ревизоры, техники. Они делили территорию губернского управления между собой и ревизовали ее без перерыва по 2-3 месяца (Горюшкина, 2009: 169-170).

Ревизии питейно-акцизного дела вел директор Департамента неокладных сборов, а также ревизоры департамента (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 490. Л. 1-10б.)

Ревизии мест производства и продажи питей были нацелены на то, чтобы ни один градус алкоголя не остался без обложения его акцизной пошлиной. «Несмотря на <...> простоту постановки, можно с уверенностью сказать, – продолжал П. В. Березин, – что в эти первые годы больших злоупотреблений по заводам не было, и можно предположить по следующим причинам: во-первых, дело было совсем новое, незнакомое в подробностях, во-вторых – строгое наказание, изложенное в уставе, пугало многих и, в-третьих – заводы зарабатывали так много, что и без злоупотреблений наживали большие деньги. Кроме того, еще и акциз был небольшой и не так соблазнителен, как впоследствии» (Березин, 1900: 10-11).

Помимо названных операций, практика акцизного надзора включала в себе и бухгалтерское сопровождение сбора с питей. На винокуренных заводах велись винокуренная и подвальная книги, на водочных – книги прихода и расхода спирта и выделанных из него напитков, в питейных заведениях – книги учета. Книги были прошнурованы, скреплены, снабжены печатями акцизного управления и переданы в места производства и продажи питей перед их открытием. Выписки из этих книг ежемесячно передавались в участок, сведения с участков направлялись в округ, окружные управления отчитывались перед губернским управлением. Данные по губернскому акцизному управлению отсылались в Департамент неокладных сборов (Соколов, 1876: 45-47).

Подготовка отчетов занимала много времени и негативно сказывалась на ревизионной деятельности. Но основная тяжесть по подготовке отчетных документов лежала на бухгалтерско-письмоводителях.

В 1863 г. в Санкт-Петербург передавались сведения о поступлении питейного сбора, о приходе и расходе спирта в течение месяца, остатке на конец месяца, об оптовых ценах на вино, о суммах, поступивших за патенты и т.д. В 1865 г. к ним добавились отчеты о поставках спирта за границу; в 1866 г. – о запасах вина в местах оптовой торговли, о недоимках по питейному сбору, о личном составе акцизных управлений; в 1867 г. – о численности оптовых и розничных заведений с питейной торговлей; в 1870 г. – об изменениях в численности винокуренных, водочных, пивоваренных заводов. В 1871 г. Департамент неокладных сборов запросил сведения о видах на урожай, о ценах на хлеб и картофель. С каждым годом число обязательных отчетов росло (Комаров, 1874: 58-62). В 1877 г. в отправляемую в столицу отчетность были добавлены сведения о числе дел по нарушению питейного устава, в 1884 г. – о вывозе вина за границу, в 1886 г. – о залогах, в 1887 г. – о водочном производстве и очистке спирта и т.д. Отчетность делилась на помесечную, поквартальную, полугодовую и годовую. Годовой отчет был самым обширным документом, который отражал полную картину питейно-акцизного дела в губернском акцизном управлении (Сборник..., 1866: 32).

Формы отчетных документов (ведомости, бланки, таблицы, квитанции и т.д.) постоянно совершенствовались (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 11. Л. 9об.-10).

В 1890-е гг. практика акцизных служащих дополнилась занятиями, связанными с подготовкой к казенной винной монополии. К повседневной надзорной деятельности, которую никто не отменял, прибавились такие занятия, как поиск поставщиков алкоголя, определение мест ректификации, руководство строительством и оборудованием казенного винного склада, устройство казенных винных лавок, найм продавцов и др. (Снежинский, 1896: 3).

Требуется упомянуть, что практическая деятельность по акцизу хорошо оплачивалась. В большинстве губерний России разъездной надсмотрщик в год получал приблизительно 700-800 руб., младшие помощники надзирателя – 1600-1800 руб.; старшие помощники надзирателя – 2000-2200 руб.; окружные надзиратели – 3000-3500 руб.; младшие ревизоры губернских управлений – 2800-3000 руб.; старшие ревизоры – 3300-3600 руб.; управляющие – 6500-7500 руб. (Нольде, 1882: 16-17).

Акцизные управления оказались успешными в том, что касалось формирования особой профессиональной корпорации. Высокий должностной оклад, деньги на разъезды, возможность получения процента от открытых злоупотреблений – все это сводило к минимуму коррупционные проявления со стороны акцизных служащих (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 53. Д. 77. Л. 11, 15). Понятие

«акцизный» стало синонимом к слову «качественный». Оценка практики акцизного надзора общественным мнением того времени не может восприниматься некритически, но даже критик акцизной системы, знаменитый откупщик В.А. Кокорев, не преминул указать: «Все мы, русские люди, вправе гордиться таким надежным составом главных акцизных деятелей <...> с таким акцизным персоналом можно идти смело на всякое преобразование» (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 231. Л. 264-264об.).

5. Заключение

Подводя итог сказанному, укажем, что «Положение о питейном сборе» действовало в течение 33-х лет. Его заменило высочайше утвержденное 6-го июня 1894 г. «Положение о казенной продаже питей», которое ознаменовало собой переход к казенной винной операции. Акцизные управления могли подвести итоги многотрудной деятельности по акцизу, обеспечившей российскому государственному бюджету неуклонный рост поступлений с питей. Функциональные обязанности акцизных чиновников оказались исключительно широкими, их выполнение потребовало юридических, экономических, технических знаний, бухгалтерских и делопроизводственных навыков, умения работать в стрессовой ситуации. Чиновники по акцизу проводили освидетельствование заводского оборудования, патентование выпускающих и реализующих питания заведений, осуществляли ревизионную деятельность, бухгалтерский контроль и учет, вели техническое сопровождение по акцизу, пребывая в постоянных разъездах. Наблюдение над производством вина обеспечивалось надсмотрщиками на винокурных заводах. Ревизии участка вел помощник окружного надзирателя. Округ объезжал акцизный надзиратель. Ревизии подакцизных заведений на территории, входившей в губернское управление, осуществляли акцизный управляющий, его помощник, ревизоры и техники. Высший уровень контроля обеспечивался через ревизионную деятельность министра финансов, директора и ревизоров Департамента неокладных сборов. Ревизии винокурных заводов проводились на предмет соответствия производства избранным нормам и включали в себя наблюдение за полным циклом производства либо за отдельной винокурной операцией, снимались показания контрольных приборов, исследовалась заводская отчетность. При ревизии мест торговли проверялись разрешительные документы на торговлю и качество реализуемого продукта. Губернские и окружные акцизные управления успешно справились с возложенными обязанностями и гарантировали возрастающее год от года поступление сбора с питей.

6. Благодарности

НИР в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства (номер 0851-20200033).

Литература

- Березин, 1900** – Березин П. В. На службе злему делу (Хроника из жизни на винокурных заводах). М.: Тип.-лит. товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1900.
- Блех, 1895** – Блех И.И. Устройство финансового управления и контроля в России в историческом их развитии. СПб.: тип. Муллер и Богельман, 1895.
- Богданов, 2010** – Богданов С. В. «Питейное дело» и финансы России: о способах пополнения государственного бюджета во второй половине XIX века // *Вестник Тверского государственного университета*. 2010. № 1. С. 55-67.
- Веретило, 2021** – Веретило Ю. В. Губернские акцизные управления на белорусских землях во второй половине XIX в.: создание и структура // *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы*. 2021. Т. 13. №3. С. 44-54.
- ГАКО** – Государственный архив Курской области.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Горюшкина, 2009** – Горюшкина Н. Е. История государственного регулирования свободного оборота алкоголя в пореформенной России (по материалам Курской губернии). Курск: КГТУ. 2009.
- Горюшкина, 2012** – Горюшкина Н. Е. Губернские и окружные акцизные управления в 1862 – 1894 гг.: структура, полномочия, механизм функционирования // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2012. № 5-1 (44). С. 187-191.
- Засорин, 1911** – Засорин А. Спутник акцизного чиновника. Сумы: Типо-литография К.М. Пашкова, 1911.
- Комаров, 1874** – Комаров Б. А. Сборник действующих распоряжений Министерства финансов по управлению питейными сборами за 1862-1874 гг., составленный в порядке разделов и статей Устава о питейном сборе. СПб.: тип. Деп. уделов, 1874.
- Краткий очерк..., 1913** – Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. 1863–1913. СПб.: Тип. В. Ф. Киришаума, 1913.
- Крисчн, 1992** – Крисчн Д. Забытая реформа: отмена винных откупов // Великие реформы в России. 1856 – 1874: Сборник / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 126-139.

- Кукель, 1892** – *Кукель Б. К.* Из эпохи уничтожения откупов. Воспоминания первого, по времени назначения, акцизного чиновника, 1862-1863 гг. // Русская старина. 1892. Т. LXXIII. № 1. С. 177-189.
- Мариупольский, 2000** – *Мариупольский А. М.* Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863 – 1902 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000.
- Нольде, 1882** – *Нольде Э. Ф.* Питейное дело и акцизная система. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. Ч. 1.
- Положение..., 1862** – Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4 июля 1861 года. М.: тип. Ал. Семена, 1862.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ребровский, 1865** – *Ребровский Г. Г.* Руководство для акцизных чиновников и винокуренных и пиво-медоваренных заводчиков. СПб.: Тип. Королева и К°, 1865.
- Роспопов, 1898** – *Роспопов П. А.* Данные о положении питейного дела в Богородском уезде Московской губернии. Собраны и обработаны исполняющим дела непременного члена Богородского по питейным делам Присутствия П.А. Роспоповым. М.: Московское губернское земство, 1898.
- Сборник..., 1866** – Сборник правительственных распоряжений по управлению питейно-акцизными сборами. СПб.: В типографии товарищества «Общественная польза», 1866.
- Снежинский, 1896** – *Снежинский В. О.* Заметки о подготовительных работах по введению казенной продажи питей. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1896.
- Соколов, 1876** – *Соколов С. И.* Акцизные уставы. М.: тип. И. И. Родзевича, 1876.
- Сухонин, 1881** – *Сухонин П. П.* Нечто о питейном деле в России. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1881.
- Терский, 1890** – *Терский Н. С.* Питейные сборы и акцизная система в России: Исторический очерк и настоящее положение. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1890.
- Устав..., 1870** – Устав о питейном сборе. СПб.: тип. К. Э. Фульфа, 1870.
- Шпицбарт, 1888** – *Шпицбарт Э. А.* Справочный указатель для чинов акцизного надзора. М.: тип. Т.И. Гаген, 1888.

References

- Berezin, 1900** – *Berezin, P.V.* (1900). Na sluzhbe zlomu delu (Khronika iz zhizni na vinokurennykh zavodakh) [In the service of an evil cause (Chronicle of life at distilleries)]. М.: Tip-lit. tovarishchestva I.N. Kushnerev i K°. [in Russian]
- Blekh, 1895** – *Blekh, I.I.* (1895). Ustroistvo finansovogo upravleniya i kontrolya v Rossii v istoricheskom ikh razvitii [The structure of financial management and control in Russia in their historical development]. SPb.: tip. Muller i Bogel'man. [in Russian]
- Bogdanov, 2010** – *Bogdanov, S.V.* (2010). «Piteinoe delo» i finansy Rossii: o sposobakh popolneniya gosudarstvennogo byudzheta vo vtoroi polovine XIX veka [“Drinking business” and the finances of Russia: on ways to replenish the state budget in the second half of the 19th century]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1: 55-67. [in Russian]
- GAKO** – Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti [State Archives of the Kursk Region].
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Goryushkina, 2009** – *Goryushkina, N. E.* (2009). Istoriya gosudarstvennogo regulirovaniya svobodnogo oborota alkogolya v poreformennoi Rossii (po materialam Kurskoi gubernii) [History of state regulation of free circulation of alcohol in post-reform Russia (based on materials from the Kursk province)]. Kursk: KGTU [in Russian]
- Goryushkina, 2012** – *Goryushkina, N.E.* (2012). Gubernskie i okruzhnye aktsiznye upravleniya v 1862 – 1894 gg.: struktura, polnomochiya, mekhanizm funktsionirovaniya [Provincial and district excise departments in 1862-1894: structure, powers, functioning mechanism]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. 5-1 (44): 187-191. [in Russian]
- Komarov, 1874** – *Komarov, B.A.* (1874). Sbornik deistvuyushchikh rasporyazhenii Ministerstva finansov po upravleniyu piteinymi sborami za 1862-1874 gg., sostavlennyy v poryadke razdelov i statei Ustava o piteinom sbore [Collection of current orders of the Ministry of Finance on the management of drinking taxes for 1862-1874, compiled in accordance with the sections and articles of the Charter on drinking taxes]. SPb.: tip. Dep. Udelov. [in Russian]
- Kratkii ocherk..., 1913** – *Kratkii ocherk 50-letiya aktsiznoi sistemy vzimaniya naloga s krepkikh napitkov i 50-letiya deyatelnosti uchrezhdenii, zavedyvyayushchikh neokladnymi sborami. 1863–1913.* (1913). [A brief outline of the 50th anniversary of the excise system of collecting tax on strong drinks and the 50th anniversary of the activities of institutions in charge of non-salary collections. 1863-1913]. SPb.: Tip. V.F. Kirshbauma. [in Russian]
- Krischn, 1992** – *Krischn, D.* (1992). Zabytaya reforma: otmena vinnykh otkupov [Forgotten reform: abolition of wine farming]. Velikie reformy v Rossii. 1856 – 1874: Sbornik. Pod red. L. G. Zakharovoi, B. Eklofa, Dzh. Bushnella. М.: Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 126-139. [in Russian]
- Kukel', 1892** – *Kukel', B.K.* (1892). Iz epokhi unichtozheniya otkupov. Vospominaniya pervogo, po vremeni naznacheniya, aktsiznogo chinovnika, 1862-1863 gg. [From the era of the destruction of payoffs.

- Memoirs of the first, at the time of appointment, excise officer, 1862-1863]. *Russkaya starina*. LXXIII(1): 177-189 [in Russian]
- Mariupol'skii, 2000** – *Mariupol'skii, A.M.* (2000). Vinokurenje i vinotorgovlya Zapadnoi Sibiri v period deistviya aktsiznoi sistemy (1863-1902 gg.) [Distillation and wine trade in Western Siberia during the period of the excise system (1863-1902)]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta. [in Russian]
- Nol'de, 1882** – *Nol'de, E.F.* (1882). Piteinoe delo i aktsiznaya sistema [Drinking business and the excise system]. SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, Ch. 1. [in Russian]
- Polozhenie..., 1862** – Polozhenie o piteinom sbore, vysochaishe utverzhdennoe 4 iyulya 1861 goda (1862) [Regulations on the drinking tax, approved by the Supreme on July 4, 1861]. M.: tip. Al. Semena. [in Russian]
- Rebrovskii, 1865** – *Rebrovskii, G.G.* (1865). Rukovodstvo dlya aktsiznykh chinovnikov i vinokurennykh i pivo-medovarennykh zavodchikov [Guide for excise officials and distilleries and beer and mead brewers]. SPb.: Tip. Koroleva i K°. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Rospopov, 1898** – *Rospopov, P.A.* (1898). Dannye o polozhenii piteinogo dela v Bogorodskom uezde Moskovskoi gubernii. Sobrany i obrabotany ispolnyayushchim dela nepremennogo chlena Bogorodskogo po piteinykh delam Prisutstviya P.A. Rospopovym [Data on the situation of the drinking business in the Bogorodsky district of the Moscow province. Collected and processed by the executing affairs of the indispensable member of Bogorodsky for drinking affairs of the Presence P.A. Rospopov]. M.: Moskovskoe gubernskoe zemstvo. [in Russian]
- Sbornik..., 1866** – Sbornik pravitel'stvennykh rasporyazhenii po upravleniyu piteino-aktsiznymi sborami (1866) [Collection of government orders on the management of drinking and excise taxes]. SPb.: V tipografii tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1866. [in Russian]
- Shpitsbart, 1888** – *Shpitsbart, E.A.* (1888). Spravochnyi ukazatel' dlya chinov aktsiznogo nadzora [Reference index for excise officials]. M.: tip. T. I. Gagen. [in Russian]
- Snezhinskii, 1896** – *Snezhinskii, V.O.* (1896) Zametki o podgotovitel'nykh rabotakh po vvedeniyu kazennoi prodazhi pitei [Notes on the preparatory work for the introduction of government sales of drinks]. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha [in Russian]
- Sokolov, 1876** – *Sokolov, S.I.* (1876). Aktsiznye ustavy [Excise statutes]. M.: tip. I. I. Rodzevicha, 1876. [in Russian]
- Sukhonin, 1881** – *Sukhonin, P.P.* (1881). Nechto o piteinom dele v Rossii [Something about the drinking business in Russia]. SPb.: tip. V. S. Balasheva. [in Russian]
- Terskii, 1890** – *Terskii, N.S.* (1890). Piteinye sbory i aktsiznaya sistema v Rossii: Istoricheskii ocherk i nastoyashchee polozhenie [Drinking duties and the excise system in Russia: Historical outline and current situation]. SPb.: tip. V.F. Kirshbauma [in Russian]
- Ustav..., 1870** – Ustav o piteinom sbore (1870) [Charter on the drinking tax]. SPb.: tip. K. E. Ful'fa. [in Russian]
- Veretilo, 2021** – *Veretilo, Yu.V.* (2021). Gubernskie aktsiznye upravleniya na belorusskikh zemlyakh vo vtoroi polovine XIX v.: sozdanie i struktura [Provincial excise departments on Belarusian lands in the second half of the 19th century: creation and structure]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly*. 13(3): 44-54. [in Russian]
- Zasorin, 1911** – *Zasorin, A.* (1911). Sputnik aktsiznogo chinovnika [Excise Officer's Companion]. Sumy: Tipo-litografiya K.M. Pashkova. [in Russian]

Практика акцизного надзора в России после винной реформы 1863 г.

Наталья Евгеньевна Горюшкина ^{a, *}

^a Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье освещена практическая деятельность акцизных управлений, которые были специально учреждены для поведения винной реформы 1863 г. Преобразование это осуществлялось в отношении питейного сбора, который являлся самой значительной частью государственных доходов России. Неуклонное поступление сбора с питей было гарантировало неуклонной, каждодневной деятельностью акцизных чиновников. Их функциональные обязанности были четко определены и включали в себя освидетельствование заводского оборудования, патентование производивших и реализующих алкоголь заведений, собственно ревизии, бухгалтерский контроль и учет, техническое сопровождение акциза. Надзор над оборотом алкоголя велся днем и ночью. Первый уровень наблюдения обеспечивался надсмотрщиками, поставленными

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gor046@yandex.ru (Н.Е. Горюшкина)

на каждый винокуренный завод, второй – помощниками окружного надзирателя на своем участке, третий – акцизными надзирателями в своем округе, четвертый уровень надзора осуществляли акцизный управляющий, его помощники, ревизоры, техники в пределах подведомственной территории, пятый – сам министр финансов, директор Департамента неокладных сборов и ревизоры указанного ведомства. Ревизии винокуренных заводов проводились на предмет соответствия производства избранным нормам винокурения и включали в себя наблюдение за полным циклом от затора до сгонки спирта или за отдельной винокуренной операцией, снимались показания контрольных приборов, проверялась заводская отчетность. При ревизии мест торговли осуществлялись измерения посуды, крепости вина, проверялись разрешительные документы на торговлю. Ревизии были плановыми и внезапными, краткими и полными, ограничений на их число не вводилось. Губернские и окружные акцизные управления справились со своей миссией, питейный доход в акцизный период рос. Эпитет «акцизный» стал синонимом к слову «качественный».

Ключевые слова: питейный сбор, винная реформа, акцизная система, акцизное управление, акцизный чиновник, освидетельствование, патентование, ревизия, счетоводство.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 199-209
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.199

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Some Issues of Organization of the Educational Process in Russian Imperial Universities in Accordance with the University Statutes of 1863 and 1884

Andrii Lebid ^{a, b, *}, Oleg Tulyakov ^a

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

This article is an attempt to analyze the main milestones in the formation and development of the system of higher education in Ukraine in those territories that were part of the Russian Empire. In this context, the organizational features and functioning of three Russian imperial universities on the territory of Ukraine are considered: the Imperial Kharkov University, St. Vladimir's University in Kiev, and the Imperial Novorossiysk University. From the point of view of observing the principle of objectivity and completeness these phenomena and phenomena were investigated in the context of the all-Russian imperial process of ensuring and implementing the state policy in the sphere of higher education.

The scientific review of the stated problem was made with reference to the main legislative initiatives and norms of the government of the Russian Empire, which established the principles and priorities of state policy and reforming the sphere of higher education.

Significant differences in the norms of the university charters of 1863 and 1884 were noted, in particular, concerning not only academic freedoms, but also organizational features of educational and scientific activities in Russian imperial universities. In general, summarizing these differences, it is necessary to note the fact of increased governmental and ministerial control in the system of higher education. These phenomena in the history of university education can be conceptualized as counter-reformist.

By analyzing the content, formal, as well as contextual characteristics of government documents: rules, regulations, circulars, orders, etc., it is possible to trace the evolution of changes in the sphere of higher education, in particular those concerning the organizational features of teaching and learning in Russian imperial universities in the second half of the 19th century.

Keywords: higher education, educational policy, educational reform, university statute, educational access, sustainable development in education, education policy.

1. Введение

Система высшего образования в Российской империи в целом и Украины в имперский период в частности в свете теории и практики университетских уставов претерпела значительные трансформации в своих контекстуальных, содержательных, формальных, ценностно-мировозренческих и других аспектах. С одной стороны, утверждение университетских уставов являлось необходимым с точки зрения обеспечения функциональности и организационной слаженности университетской структуры, определяя устойчивость системы и её жизнедеятельность.

С другой стороны, университетские уставы зачастую использовались как инструменты управления и контроля, выполняя функции регулятора в «ручном режиме» ключевых аспектов, сфер и направлений университетской автономии.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A. Lebid)

История российских императорских университетов как история университетских уставов отражает исторические реалии процесса становления и развития интеллектуальных и социальных элит государства, но вместе с тем и бюрократического аппарата, механизма контроля и управления процессами. Важно отметить проекции уставных регламентаций функционирования университетов в общественном сознании, которое трансформирует их в бинарном поле дискурса реакции и контрреформ, с одной стороны, апофеоза либертарианства и символизма свободы – с другой. В этом отношении система высшего образования предстаёт как динамическая диссипативная структура с необозначенным набором аттракторов и сценариев развития.

2. Материалы и методы

В качестве основных при подготовке данной рукописи источников нами были проанализированы законодательные и другие нормативные документы, регулирующие функциональные, организационные, процедурно-процессуальные, административные и другие особенности системы высшего образования Украины в её связи с положениями и принципами, определёнными в университетских уставах 1863 г. и 1884 г. Нами были также проанализированы постановления, правила и предписания по Министерству народного просвещения, циркуляры учебных округов Российской империи и др. документы на предмет исследования организационных особенностей образовательного процесса в высшей школе в общеимперском и национальном (украинском) аспектах.

Анализ научной литературы и источников позволяет утверждать, что образовательный процесс, научная и педагогическая деятельность профессоров и преподавателей, а также менеджмента университетов может быть эффективной в условиях содействия со стороны государственной и местной власти, чиновников министерства, попечителей учебных округов и проч. Немаловажным представляется также материально-техническое обеспечение учебных и научных учреждений, созданных вокруг университетских центров. Данный перечень учреждений по Уставу 1863 г. для университетов свидетельствует об их самодостаточности.

Нами был проведён компаративистский анализ общеимперских университетских уставов 1863 и 1884 годов с целью определения их роли в системе функционирования высшего образования, в частности, в процессе реализации научно-педагогической деятельности участников образовательного процесса.

Также нами были проработаны исторические источники из фондов Центрального государственного исторического архива Украины: фонд 707, Опись 1 (1832–1847): Циркуляры Министерства народного просвещения. Правила открытия частных учебных заведений, библиотек; сдачи экзаменов и выдачи аттестатов. Отчеты о состоянии и ревизии учебных заведений. Годовые результаты проверки организации преподавания учебных дисциплин. Дела об образовании Киевского учебного округа, подчинение ему учебных заведений Полтавской и Харьковской губерний; основание Киевского университета, открытие юридического факультета и архитектурного кабинета, изменение устава и штатного расписания Киевского университета, избрание почетных членов и др.

Фонд 707. Опись 180 (1893): Циркуляры Министерства народного просвещения, попечителя Киевского учебного округа. Дела об утверждении протоколов заседаний правления Киевского университета, отчёты Государственной казны по вопросам финансирования учебных заведений Киевской, Подольской, Полтавской, Волынской, Черниговской губерний и др.

Фонд 2046 (1829–1890): Платонов (Холмогоров) Иван Васильевич – профессор Харьковского университета

Фонд 264 (1871–1919): Кулаковский Юлиан Андреевич – историк, археолог, профессор Киевского университета

Фонд 1320 (1856–1880): Станиславский Антон Григорьевич – юрист, профессор Казанского и Харьковского университетов

Фонд 2045 (1827–1958): Потебня Александр Афанасьевич – языковед, фольклорист, этнограф, литературовед, профессор Харьковского университета.

Методологической базой исследования послужили принципы объективности, историзма, верификационизма, конструктивизма. Они реализуются посредством как общенаучных, так и специально-исторических методов исследования: исторического анализа с целью определения и анализа исторических фактов; классификации источников и фактических данных; интерпретационного, декомпозиционного и концептуального анализа с целью экстраполяции семантического поля исследования в конкретно прикладные дискурсы.

Для решения поставленных в данном исследовании научно-исследовательских задач были также использованы методы исторического и логического анализа, структурно-функциональный и системный подходы на принципах когерентизма, непротиворечивости, однозначности, детерминизма.

3. Обсуждение

Проблемы развития российского имперского высшего образования в общем и вопросы организационного его характера в частности нашли своё отражение в достаточно широком массиве

научной литературы. Значительный вклад в исследование вопросов развития университетского образования периода империи внесли В. Выхруц ([Выхруц, 2001](#)), Н. Демьяненко ([Демьяненко, 2005](#)), Р. Эймонтова, В. Змеев, С. Посохов, В. Майборода ([Майборода, 1992](#)), А.А. Черкасов ([Cherkasov, 2023](#)), А. Андреев, Н. Шип ([Шип, 1991](#)), Г. Щетинина ([Щетинина, 1976](#)) и другие исследователи. Отметим тот факт, что в научных исследованиях на основе анализа развития университетского образования эти и другие учёные определяют фундаментальные подходы к профессиональной подготовке выпускников императорских университетов.

Так, в своих научных работах на основании анализа общественно-политических, социально-экономических, внешнеполитических и ценностно-мировозренческих аспектов В. Выхруц исследует особенности становления и развития дидактической мысли в Украине второй половины XIX – начала XX века, а также влияние этих процессов на особенности организации университетского образования. Исследовательницей были концептуально сформированы различные направления со свойственной им методологической основой ([Выхруц, 2001](#)).

Г. Щетинина комплексно исследовала университетскую политику центральной власти Российской империи в период 70-80-х годов XIX ст. Это политика в научном историческом дискурсе получила название «университетской контрреформы», упразднившая академические университетские свободы и привилегии, до того задекларированные в Уставе 1863 г. ([Щетинина, 1976](#)).

Важное место в исследуемой проблеме занимают дискуссии о роли и миссии университетских уставов, которые по большей степени символизировали, а не концептуально и функционально определяли автономию российских императорских университетов. Во многом такая общественная дискуссия отражала не столько вопросы собственно структуры и функционала университетов, сколько общественное мнение и гражданскую позицию в отношении их ([Воробьев, 1905](#); [Герье, 1873](#); [Иконников, 1876](#); [Любимов, 1876](#); [Любимов, 1873](#); [Любимов, 1875](#)).

Отдельные аспекты университетского образования, как-то институт ректорства, функционирование аппарата управления системой образования и формирование модели «просвещённой бюрократии», особенности организации учебного процесса и другие вопросы рассматривались нами в серии научных публикаций на заданную тематику ([Lebid, 2022](#); [Lebid, Shevchenko, 2021a](#); [Lebid, Shevchenko, 2021b](#); [Lebid, Degtyarev, 2023](#); [Lebid, Lobko, 2022](#)).

4. Результаты

В начале 19 ст. на территории Украины одновременно реализовывались две образовательные реформы: польская, инициированная Эдукационной Комиссией, и российская, разработанная Училищной комиссией. Как отмечает В. Выхруц, особенностью нормативной деятельности правительства Российской империи было стремление удерживать под контролем внутреннюю политику учебных заведений разных типов, организацию учебного процесса в них, тогда как на территории Галиции и Буковины правительство лишь нормировало содержание образования и его распорядок ([Выхруц, 2001: 96](#)).

Отметим, что законодательно обусловленные вопросы организации учебного процесса нормировали практическую деятельность профессорско-преподавательского состава, а также обучение студентов. В них нашли отражение проблемы и вопросы теории обучения, его содержания, а также структура учебных планов. Следует отметить, что в восточнукраинских землях, входивших в состав Российской империи, действовали нормативные документы, охватывавшие практически все образовательные вопросы, активно влияя на формирование управленческого аппарата, определяя тем самым закономерное развитие науки и педагогики.

Законодательное обеспечение Российской империи исследуемого периода регламентировало работу преподавателей и студентов высших учебных заведениях, начиная с «Предварительных правил народного образования» ([Предварительные правила, 1875](#)), Общеуниверситетского Устава Российской империи» 1804 г. ([Сравнительная таблица уставов, 1901](#)), «Устава учебных заведений, подчинённых университетам» ([Устав, 1864](#)), другими документами, которыми определялась структура образования и система управления учебными заведениями. В дальнейшем принятие новых Уставов университетов 1834 г., 1863 г., 1884 г. определяли и регулировали деятельность университетов Российской империи и определяли их статус ([Сравнительная таблица уставов, 1901](#)).

Отметим, что через этот инструментарий правительство в целом нормировало функциональность учебных учреждений в целом. На протяжении 2-й половины XIX – начала XX века основными нормативными документами для высшей школы были действующие Уставы университетов ([Сравнительная таблица уставов, 1901](#)), «Временные правила», распоряжения, инструкции, программы и другие министерские документы, которые определяли основные направления деятельности высших учебных заведений империи в целом и организацию учебного процесса в них в частности.

Именно уставы университетов являлись основными официальными документами, регулировавшими учебный процесс в высшей школе, в частности, студенческую самостоятельную учебную и научную деятельность, а также работу преподавателей. Таким образом, развитие университетской образовательной деятельности в исследуемый период было обозначено действием как

интернальных, так и интранальных уставных норм, что было обусловлено необходимостью приспособить формы и содержание университетского образования и структурные особенности императорских университетов к основным направлениям государственной внутренней и внешней политики.

Без сомнений, каждый последующий университетский устав отличался от предыдущего по духу, целеполаганию и задачам, определявшие специфику функционирования императорских университетов. Анализ содержания и структуры университетских уставов Российской империи свидетельствует об их когерентности объективным социально-политическим и экономическим процессам, государственной политике в сфере высшего образования, традициям подготовки специалистов-выпускников императорских университетов.

Принятие в 1804 году Общеуниверситетского устава императорских университетов способствовало формированию системы высшего образования в Российской империи на основе классического университетского образования, классической университетской модели (Воробьев, 1905: 3). Важнейшим достижением, основополагающей идеей этого документа стало провозглашение автономии университетов.

Нельзя не отметить положительный эффект данной нормы. Также уставом предусматривалось расширение научной деятельности университета. Среди прочих это и вопросы организации научно-исследовательской работы субъектов образовательного процесса, в частности, студентов императорских университетов. Проблемы и вопросы, связанные с ней, предполагалось ежемесячно обсуждать на заседаниях университетских советов. На практике организационные вопросы самостоятельной научной и исследовательской студенческой работы должны были реализовываться в формате работы научных и литературных сообществ на факультетах, организации разного рода конкурсов, изданиях печатных изданий, учебной и научной литературы, функционирования типографии и внутреннего цензурирования (Шип, 1991: 84-95).

Устав 1835 г. ликвидировал автономию университетов. Назревшие в этой связи кадровые проблемы для высшей школы отчасти предполагалось решить через систему педагогических курсов. С этой целью Министерством народного просвещения в 1860 г. было утверждено «Положение о педагогических курсах». Документом предполагалось их функционирование при императорских университетах.

Определённо положительный эффект имели мероприятия и инициативы правительства и общественности по повышению уровня подготовки выпускников университетов. Так, Правилами 1844 г. предусмотрено обязательные написание каждым студентом «чётко и собственноручно» не менее 2-х научных сочинений. К тому же были обозначены и меры предупреждения по невыполнению и/или несвоевременному предъявлению учащимися письменных работ, способы их рецензирования и оценки.

Университетский устав 1863 г. закрепил стабильную структуру и функциональность императорских университетов. Нормы и положения документа регламентировали функционал и организационные особенности Императорского Санкт-Петербургского, Императорского Московского, Императорского Харьковского, Императорского Казанского университетов и Университета Святого Владимира в Киеве. В каждом из них предполагалось функционирование 4-х факультетов: физико-математического, медицинского, историко-филологического и юридического (Сравнительная таблица уставов, 1901). Так, например, Императорский Харьковский университет в соответствии с Уставом, в своей организационной структуре объединял 4 вышеуказанных факультета, а также словесный факультет или отделение словесных наук.

В Киевском же Университете Святого Владимира с момента его основания действовал лишь философский факультет, разделённый на 2 отделения: историко-филологическое и физико-математическое. В 1835 г. в университете был открыт юридический факультет, а в 1847 г. вместо закрытой Виленской медико-хирургической академии появился медицинский факультет. Философский факультет впоследствии был разделён на 2 отдельных структурных подразделения. В таком формате университет работал до 1917 г. В университетской организационной структуре были свои исключения. Например, Императорский Новороссийский университет в Одессе в своей структуре вплоть до 1900 г. не имел медицинского факультета и т.д.

Отметим тот факт, что императорские университеты на территории Украины, входившей в состав Российской империи (Императорский Харьковский, Университет Святого Владимира в Киеве и Императорский Новороссийский университет), возникли как светские высшие учебные заведения и оставались таковыми, несмотря на неоднократные попытки «усилить влияние богословских наук».

Помимо прочего, Университетский устав 1863 г. знаменовал собой новый, более демократический этап в развитии императорских российских университетов. Он объединил элементы как немецкой (в части восстановления самоуправления университетов) так и французской (относительно наличных обязательных учебных планов) моделей образования.

Основной посыл и миссия Устава 1863 г. было восстановление университетской автономии, существенно расширяя права корпорации профессоров и преподавателей, в частности, относительно учебных вопросов и вопросов менеджмента. В своей новой редакции Устав наделял Совет университета правом самостоятельно решать научные, учебные и административно-финансовые

дела: распределял предметы и определял порядок их преподавания на факультетах, присуждал ученые степени и звания, проводил распределение государственных средств по факультетам и др. ([Сравнительная таблица уставов, 1901](#)).

Эти, а также другие факторы в целом способствовали надлежащей организации научной и учебной деятельности студентов в лабораториях и вспомогательных учебных помещениях университетов (библиотеке, обсерватории, музее, ботаническом саду и т.д.), а также во внеаудиторной работе преподавателей и студентов в научных кружках и сообществах, экспедициях, экскурсиях и проч.

Устав 1863 г. также определял «права и преимущества университетов» среди других учебных заведений ([Сравнительная таблица уставов, 1901](#)). Среди прочих: университеты находятся под покровительством императора (§123); они имеют собственную цензуру (§130); университеты могут издавать периодические издания научного характера, иметь типографии и книжные лавки (§132); беспозышно выписывать заграничные учебные пособия и др. Несомненным является тот факт, что в результате реформы, как её логическое следствие, императорские университеты стали центрами притяжения новых сил, посредством которых университетская наука «приходила в действительную связь с обществом» ([Майборода, 1992: 116](#)).

Университеты выступали той средой, в которой формировались условия для развития студенческой и преподавательской работы, непосредственно связанные с деятельностью различного типа учебно-воспитательных, научных и проч. учреждений. Более того, согласно нормативам университетского устава 1863 г. (§121) на всех факультетах императорских университетов для полноценной их деятельности и функционирования должны были быть созданы соответствующие учебно-вспомогательные заведения.

Так, с целью «распространения наук и образования» при университетах создавались в качестве вспомогательных учреждений астрономическая обсерватория, физический кабинет, химическая лаборатория, кабинет естественной истории, ботанический сад, библиотека, анатомический театр, а также институт клинического, хирургического и повивального искусства и др. (§73).

Устав также определял число и состав учебных помещений, пособий и собраний, которые определялись штатом. Их количество по мере необходимости и возможностей могло быть увеличено, если на то была воля и представление Совета университета, а также разрешение министерства.

Со временем в университетском образовании произошли некоторые изменения, связанные, прежде всего, со специализацией и дифференциацией учебных занятий. Рост потребности в специалистах в связи с развитием экономики и хозяйства страны требовал увеличения финансирования университетов.

Реформа 1864 г. сделала возможным женское образование, что, естественно, детерминировало создание учебных заведений для подготовки педагогических кадров. Университетский устав 1863 г. не предоставлял женщинам права учиться в государственных высших учебных заведениях. Посему были созданы Высшие женские курсы, дававшие равноценное университетскому образованию. Их целью было «давать женщинам высшее образование университетского характера и, в частности, готовить их к деятельности преподавательской и педагогической» ([Дем'яненко, 2005: 159](#)).

Таблица 1. Бюджет императорских российских университетов (устав 1863 г., руб.).

Потребности	Всего по университету			
	Императорский Санкт-Петербургский университет	Императорский Московский университет	Императорский Харьковский университет	Университет Святого Владимира
Библиотека	6000	6000	6000	6000
Астрономическая обсерватория	500	1500	500	1000
Химический кабинет	1500	1500	1500	1500
Ботанический сад	2500	2500	2500	2500
Музей искусств и древностей	1000	1000	1000	1000
Выписка газет и журналов	1000	1000	1000	1000

Что касается студенческого образования, их научной и ненаучной работы, то Устав 1863 г. предоставлял возможность на факультетских собраниях решать вопросы активизации учебной деятельности студентов, одобрение произведений, издаваемых в университете; согласование и утверждение программ преподавания. Совету факультета вменялось распределение предметов и порядок их преподавания, выборы стипендиатов; выбор претендентов на подготовку и получение

профессорского звания; назначение стипендий и присуждение медалей студентам и проч. При составлении правил о вознаграждении было отмечено, что более всего важно, чтобы из всех специальных средств университет назначал большую сумму на помощь «недостаточным студентам», которые проявили свои способности и трудолюбие ([Сравнительная таблица уставов, 1901](#)).

Важно отметить, что каждому члену факультета ежегодно была предоставлена возможность инициировать рассмотрение на Совете факультета предложения о введении нового учебного курса. Отметим также, что Устав 1863 г. чётко определял компетенции Совета университета и факультета по организационным вопросам. Так, в Правилах о приеме студентов и посторонних слушателей отмечалось, что звание студента получают те, кто по представленным аттестатам имеют «удовлетворительные познания во всех предметах гимназического курса» с условием сдать экзамен по одному из его предметов.

После того, как было утверждено «Положение об экзаменах на звание действительного студента и научное степени» изменился и порядок проведения выпускных экзаменов. Оценивание знаний и достижений студентов в их учебной, научной и самостоятельной работе стало происходить по 5-ти балльной системе оценивания (до этого по 6-ти балльной). Допускалась и «словесная» 3-х балльная система: «весьма удовлетворительно», «удовлетворительно», «неудовлетворительно» ([Новое положение, 1864; Положение..., 1867](#)).

Отметим, что во время экзаменов претенденты «письменно решали один вопрос по любому главному предмету факультета» (§16). В §14 положения отмечалось, что выпускные экзамены должны охватывать «все предметы, определённые для курса того факультета или отделения, по которому приобреталась степень», а не только главные и часть вспомогательных, которые преподавались на последнем курсе ([Новое положение, 1864](#)).

Министерство народного просвещения отмечало, что «курсовые экзамены есть не что иное, как средство контроля», который не может «заменить необходимого убеждения в знаниях, которые получают студенты по окончании курса, потому что университетские аттестаты и звание действительного студента и степень кандидата даются не за успехи в науках, а за те знания по предметам всего университетского курса, которые студент доказывал на итоговом экзамене» ([О способах контроля, 1867: 623](#)).

Вторая половина XIX в. может быть охарактеризована определёнными изменениями в осуществлении государственной кадровой политики в сфере образования, что было обусловлено общей направленностью реформ в сфере образования. Отметим, что научные изыскания и результаты профессоров М. Владимирского-Буданова ([Владимирский-Буданов, 1884](#)), В. Герье ([Герье, 1873; Герье, 1876](#)), В. Иконникова ([Иконников, 1876](#)), М. Любимова ([Любимов, 1873; Любимов, 1875; Любимов, 1876](#)) не только были нацелены на анализ положений Устава 1863 г., но и в некотором роде были ориентированы на защиту автономии университетов в условиях подготовки нового общеуниверситетского устава 1884 г.

Утверждённый в 1884 г. новый Устав университетов регламентировал организацию и характер учебной, преподавательской и научной деятельности в высшей школе. Согласно документу, все учебные курсы и дисциплины определялись «экзаменационными требованиями» над которыми работали специальные министерские комиссии. Значительное влияние Устав оказал на историко-филологическое образование ([Сравнительная таблица уставов, 1901](#)).

Устав 1884 г. отменял разделение историко-филологических факультетов на три отделения: историческое, славяно-русское, классическое. К примеру, изучение философии на историко-филологическом факультете по решению Министерства народного просвещения было отнесено к «собственной любознательности» студентов. В категорию «необязательных» для изучения также были отнесены энциклопедия и философия права, общее государственное право.

Параллельно устанавливался широкий контроль за системой преподавания в университетах. Министерство народного просвещения прямо предопределяло содержательный аспект обучения, что само по себе выбивается из нормы демократизации высшего образования. Зачастую инициативы прогрессивно мыслящих профессоров и преподавателей попросту не воспринимались и игнорировались. Руководство научной и исследовательской деятельностью осуществлялось посредством правительственных циркуляров и инструкций ([Гросул, 2000: 263; Щетинина, 1978: 110-111](#)).

Устав 1884 г. предписывал полномочия ректора университета, которые ограничивались в разрезе их автономии. Так, ректор осуществлял управление университетом при участии в надлежащих случаях Совета университета, в связи с чем значительно сокращался круг вопросов, которые решались им самостоятельно ([Сравнительная таблица уставов, 1901](#)). Все ключевые вопросы утверждались министерством или же попечителем.

Так, должность доцента упразднялась. На смену ей были введены должности приват-доцентов. Общая сумма расходов на содержание шести императорских университетов устанавливалась на уровне 2268,9 тыс. руб.: Харьковскому университету выделялось 327,190 руб., Киевскому университету – 332,070 руб., Новороссийскому университету – 218,150 руб. Уменьшение финансирования было обусловлено в том числе и отменой института доцентства. Суммы, предназначенные на финансирование окладов приват-доцентов, поступали в распоряжение министра

народного просвещения, который распределял их по своему усмотрению в «соответствии с потребностями университета». Кроме штатного финансирования университеты могли получать и целевые средства (Милоков, 1991:248-249).

Вместе с тем, имело место и регулирование деятельности соискателей высшего образования. Так, согласно положениям Устава 1884 г. были разработаны и утверждены «Правила о приеме в студенты университета»; «Правила о плате за слушание лекций в университете»; «Правила для студентов университета во время прохождения учебного курса»; «Правила о назначении студентам стипендии и денежной помощи»; «Правила о допуске в университет посторонних слушателей», «Инструкция для Инспекций» и др. (Сравнительная таблица уставов, 1901; Правила..., 1877; Правила..., 1878; Правила..., 1880).

В частности, в «Правилах о плате за слушание лекций в университете» указано, что с каждого студента и стороннего слушателя берется плата за слушание лекций и участие в практических занятиях в пользу университета за каждое полугодие. Кроме того, было указано, что с каждого студента и постороннего слушателя берется особая плата в пользу отдельных преподавателей, лекциями и руководствами которых им нужно пользоваться. Плата за практические занятия под руководством профессоров и преподавателей определялась каждым факультетом по согласованию с Министерством народного просвещения. Плата за слушание лекций должна быть внесена до начала лекций (до 20 августа и до 15 января).

В 1885 г. были приняты единые для всех российских императорских университетов «Правила о плате за слушание лекций в университете», согласно которым к ранее существовавшим условиям получения льгот добавлялись и результаты «соревновательных экзаменов». Правилами подчеркивалось, что общее количество льготников не должно превышать 15 %. Сама же льгота действовала в течение полугодия.

Стипендию и помощь студенты получали непосредственно от инспектора и от его помощника (§28). Правила об условиях и порядке зачисления студентам было изложено в особой инструкции, которая выдаётся студентам вместе с другими правилами (§29). Проступки за нарушение правил рассматривали инспектор, ректор и правление (§31) (Правила..., 1885a). Таким образом, на основе уставных требований университеты устанавливали собственные правила для участников учебного процесса.

В «Правилах о допуске в университет посторонних слушателей» было осуществлено регулирование участия в учебном процессе университетов посторонних слушателей. Так, в §1 отмечалось, что если позволяет пропускная система аудиторного фонда, то после окончания приема в университет с разрешения ректора допускаются к слушанию лекций и других занятий посторонние слушатели.

В §14 Правил определялось, что временные и случайные посетители университета, имея статус гостя, могут присутствовать на некоторых лекциях профессоров, и то с их разрешения и не более трёх раз. Таким образом, уставные требования ограничивали доступ для свободных слушателей в учебном процессе университета.

С утверждением Устава 1884 г. порядок осуществления контроля за учебной деятельностью студентов происходил по единым «Правилам о зачете полугодий студентами императорских университетов» (Правила..., 1885b). Важным средством контроля оставалась проверка присутствия студентов на занятиях, которая «способствовала усвоению необходимых знаний» (§7). Контролировали присутствие на лекциях и занятиях инспекторы и преподаватели.

Ограничив, а в некотором отношении ликвидировав автономию университетов, Устав 1884 г. внёс изменения в систему замещения вакантных должностей профессора (Историко-филологический факультет, 1908: 137). Разрушалась традиция университетского устройства. Для должности профессора, в частности, обязательно требовалась степень доктора. Устав чётко определял, что для получения звания профессора необходимо доказать способность к преподаванию чтением лекций не менее трёх лет в звании приват-доцента университета или преподавателя другого высшего учебного заведения (Щетинина, 1978: 44, 168).

Только указом от 8 апреля 1906 г. факультетам было разрешено «приводить избрание» кандидатов на открытие вакансий не только путем конкурса, но и через рекомендации членов факультета с предварительным ходатайством перед министром (Историко-филологический факультет, 1908: 139). Для участия в конкурсе для претендента на замещение вакантной должности в Российских Императорских университетах необходимым условием было выполнение научной работы, публикация результатов научных работ.

5. Заключение

Отмечая факт одновременной реализации (ввиду сложившихся исторических реалий) на территории Украины двух моделей образования и образовательных реформ – польской и российской, следует заметить большую степень и уровень контроля со стороны правительства Российской империи в сравнении с политикой польской администрации. Подобные явления были отмечены на всех уровнях системы образования для всех типов образовательных учреждений.

Законодательством Российской империи был предусмотрен действенный механизм, регламентировавший работу профессорско-преподавательского состава, студентов университетов, его

менеджмента. Помимо различного рода правил, предписаний и распоряжений правительства и профильного министерства, важным документом являлся Устав университета. Утверждение университетских Уставов определяло и регулировало деятельность высших учебных заведений Российской империи, влияло на их статус. Смена уставного регулирования жизнедеятельности университетов, в том числе, была связана с конъюнктурными изменениями во внутренней политике Российского государства, необходимостью реагировать на общественные трансформации и процессы.

Именно уставы университетов являлись основными официальными документами, регулировавшими учебный процесс в высшей школе, в частности, а само развитие университетской образовательной деятельности было обозначено влиянием внутренних и внешних уставных норм, что было обусловлено необходимостью приспособить формы и содержание университетского образования и структурные особенности императорских университетов к основным направлениям государственной политики.

Без сомнений, каждый последующий университетский устав отличался от предыдущего по духу, целеполаганию и задачам, определявшие специфику функционирования императорских университетов. Анализ содержания и структуры университетских уставов Российской империи свидетельствует об их когерентности объективным социально-политическим и экономическим процессам, государственной политике в сфере высшего образования, традициям подготовки специалистов-выпускников императорских университетов.

Литература

Вихруц, 2001 – *Вихруц В.О.* (2001). Розвиток теоретико-концептуальних основ вітчизняної дидактики (друга половина ХІХ - початок ХХ століття). Київ, 2001. 494 с.

Владимирский-Буданов, 1884 – *Владимирский-Буданов М.Ф.* (1884). История императорского университета св. Владимира. Том 1. Киев, 1884

Воробьев, 1905 – *Воробьев В.А.* (1905). К истории наших университетских уставов // *Русская мысль*. 1905. 12: 1-10

Герье, 1873 – *Герье В.И.* (1873). Университетский вопрос: По поводу мнения г. Любимова о пересмотре университетского устава // *Вестник Европы*. 1873. 2(4): 818-836.

Герье, 1873 – *Герье В.И.* (1873). Наука и государство // *Вестник Европы*. 1876. 10: 768-798.

Гросул, 2000 – *Гросул В.Я.* (2000). Русский консерватизм ХІХ столетия. Идеология и практика. Москва: Прогресс-Традиция, 2000

Дем'яненко, 2005 – *Дем'яненко Н.М.* (2005). Історія вищої жіночої освіти в Україні: Київський Фребелівський педагогічний інститут (1907-1920). Київ, 2005

Иконников, 1876 – *Иконников В.С.* (1876). Русские университеты в связи с ходом общественного образования // *Вестник Европы*. 1876. 9-11

Историко-филологический факультет, 1908 – Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805-1905). Харьков, 1908

Любимов, 1876 – *Любимов Н.А.* (1876). Записка о недостатках нынешнего состояния наших университетов. Санкт-Петербург, 1876

Любимов, 1873 – *Любимов Н.А.* (1873). По поводу предстоящего пересмотра университетского устава // *Русский вестник*. 1873. 2

Любимов, 1875 – *Любимов Н.А.* (1875). Университетский вопрос // *Русский вестник*. 1875. 1: 377-384

Майборода, 1992 – *Майборода В.К.* (1992). Вища педагогічна освіта в Україні: історія, досвід, уроки (1917-1985). Київ: Либідь, 1992. 196 с.

Милюков, 1991 – *Милюков П.Н.* Воспоминания. Москва: Политиздат, 1991. 528 с.

О способах контроля, 1867 – О способах контроля над занятиями студентов и о незасчитывании отметок, полученных на курсовых испытаниях // *Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения*. Т. 3 (1850-1864). Санкт-Петербург, 1867

Новое положение, 1864 – По поводу нового положения об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1864. Март. Ч. СХХІ. Отд. II

Положение..., 1867 – Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени // *Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения*. Т. 3 (1850-1864). СПб., 1867

Правила..., 1880 – Правила для студентов и посторонних слушателей Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1880.

Правила..., 1878 – Правила для студентов и посторонних слушателей лекций в Императорском Харьковском университете. Харьков, 1878.

Правила..., 1885а – Правила для студентов и сторонних слушателей императорских российских университетов. Санкт-Петербург, 1885

Правила..., 1877 – Правила Императорского университета св. Владимира. Киев, 1877

Правила..., 1885b – Правила о зачете полугодий студентам императорских российских университетов. Москва, 1885

Предварительные правила..., 1875 – Предварительные правила народного просвещения. *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения*. Т.1. Царствование императора Александра I. 1802-1825. Санкт-Петербург, 1875

Сравнительная таблица уставов..., 1901 – Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. Санкт-Петербург, 1901

Устав..., 1864 – Устав учебных заведений, подведомых Университету // *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения*. Т.1. Санкт-Петербург, 1864.

Шип, 1991 – Шип Н.А. (1991). Интеллигенция на Украине (XIX в.): Историко-социологический очерк. Киев: Наукова думка, 1991. 172 с.

Щетинина, 1976 – Щетинина Г.И. (1976). Университеты в России и устав 1884 года. Москва: Наука, 1976. 232 с.

Cherkasov, 2023 – Cherkasov A.A. Revisiting the Evolution of the System of Higher Education in the Russian Empire in 1830–1916 // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(4): 1502-1507.

Lebid, 2022 – Lebid A. The Institution of the Rectorship in the Higher Education System of the Russian Empire in the 19th and Early 20th centuries: The Case of Imperial Kharkov University // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1309-1319.

Lebid, Shevchenko, 2021a – Lebid A., Shevchenko N. Ukrainian «enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the century // *Bylye Gody*, 2021, 16(4): 1716-1727.

Lebid, Degtyarev, 2023 – Lebid A., Degtyarev S. The Institution of the Rectorship within the Higher Education System of the 19th and Early 20th Century Russian Empire: The Case of Imperial Novorossiia University // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(1): 267-278

Lebid, Shevchenko, 2021b – Lebid A., Shevchenko N. The Organization of the Educational Process in Kharkov Imperial University (1835-1863) // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(2): 546-554.

Lebid, Lobko, 2022 – Lebid A.E., Lobko N. (2022). Rectorship in the System of Higher Education in the 19th and early 20th centuries: The Case of the Imperial University of St. Vladimir // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 972-980.

References

Cherkasov, 2023 – Cherkasov, A.A. (2023). Revisiting the Evolution of the System of Higher Education in the Russian Empire in 1830–1916. *European Journal of Contemporary Education*. 12(4): 1502-1507.

Demianenko, 2005 – Demianenko, N.M. (2005). Istorii vyshchoi zhinochoi osvity v Ukraini: Kyivskiy Frebelivskiy pedahohichniy instytut (1907-1920) [The History of Higher Women's Education in Ukraine: Kyiv Froebel Pedagogical Institute]. Kyiv. [in Ukrainian]

Gere, 1873 – Gere, V.I. (1873). Universitetskij vopros: Po povodu mneniya g. Lyubimova o peresmotre universitetskogo ustava [University Question: Concerning Mr. Lyubimov's Opinion on the Revision of the University Statute]. *Vestnik Evropy*. 2(4): 818-836. [in Russian]

Gere, 1876 – Gere, V.I. (1876). Nauka i gosudarstvo [Science and the State]. *Vestnik Evropy*. 10: 768-798. [in Russian]

Grosul, 2000 – Grosul, V.Ya. (2000). Russkij konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika [Russian conservatism of the XIX century. Ideology and practice]. Moskva: Progress-tradiciya. [in Russian]

Ikonnikov, 1876 – Ikonnikov, V.S. (1876). Russkie universitety v svyazi s hodom obshestvennogo obrazovaniya [Russian universities in connection with the course of public education]. *Vestnik Evropy*. 9-11. [in Russian]

Istoriko-filologicheskij fakultet, 1908 – Istoriko-filologicheskij fakultet Harkovskogo universiteta za pervye 100 let ego sushestvovaniya (1805-1905) [History and Philology Department of Kharkov University for the first 100 years of its existence]. Harkov, 1908. [in Russian]

Lebid, 2022 – Lebid, A. (2022). The Institution of the Rectorship in the Higher Education System of the Russian Empire in the 19th and Early 20th centuries: The Case of Imperial Kharkov University. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1309-1319.

Lebid, Degtyarev, 2023 – Lebid, A., Degtyarev, S. (2023). The Institution of the Rectorship within the Higher Education System of the 19th and Early 20th Century Russian Empire: The Case of Imperial Novorossiia University. *European Journal of Contemporary Education*. 12(1): 267-278.

Lebid, Lobko, 2022 – Lebid, A.E., Lobko, N. (2022). Rectorship in the System of Higher Education in the 19th and early 20th centuries: The Case of the Imperial University of St. Vladimir. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 972-980.

Lebid, Shevchenko, 2021a – Lebid, A., Shevchenko, N. (2021). Ukrainian «enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the century. *Bylye Gody*. 16(4): 1716-1727.

Lebid, Shevchenko, 2021b – *Lebid, A., Shevchenko, N.* (2021). The Organization of the Educational Process in Kharkov Imperial University (1835-1863). *European Journal of Contemporary Education*. 10(2): 546-554.

Lyubimov, 1873 – *Lyubimov, N.A.* (1873). Po povodu predstoyashego peresmotra universitetskogo ustava [Regarding the upcoming revision of the university statute]. *Russkij vestnik*. 2. [in Russian]

Lyubimov, 1875 – *Lyubimov, N.A.* (1875). Universitetskij vopros [University issue]. *Russkij vestnik*. 1: 377-384. [in Russian]

Lyubimov, 1876 – *Lyubimov, N.A.* (1876). Zapiska o nedostatkah nyneshnego sostoyaniya nashih universitetov [A note on the shortcomings of the present state of our universities]. Sankt-Peterburg. [in Russian]

Maiboroda, 1992 – *Maiboroda, V.K.* (1992). Vyshcha pedahohichna osvita v Ukraini: istoriia, dosvid, uroky (1917-1985) [Higher Pedagogical Education in Ukraine: History, Experience, Lessons Learned]. Kyiv: Lybid, 196 p. [in Ukrainian]

Milyukov, 1991 – *Milyukov, P.H.* (1991). Vospominaniya [Memories]. Moskva: Politizdat, 528 p. [in Russian]

Novoe polozhenie, 1864 – Po povodu novogo polozheniya ob ispytaniyah na zvanie dejstvitelnogo studenta i na uchenye stepeni [Concerning the new regulation on tests for the title of full student and for academic degrees]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesheniya*. 1864. Mart. Ch. CXXI. Otd. II. [in Russian]

O sposobah kontrolya, 1867 – O sposobah kontrolya nad zanyatyiymi studentov i o nezashchityvanii otmetok, poluchennyh na kursovyh ispytaniyah [On ways of controlling students' studies and the non-counting of marks received in course tests]. *Sbornik rasporyazhenij po Ministerstvu narodnogo prosvesheniya*. T. 3 (1850-1864). Sankt-Peterburg, 1867. [in Russian]

Polozhenie..., 1867 – Polozhenie ob ispytaniyah na zvanie dejstvitelnogo studenta i na uchenye stepeni [Regulations on Tests for the Title of Full Student and for Academic Degrees]. *Sbornik rasporyazhenij po Ministerstvu narodnogo prosvesheniya*. T. 3 (1850-1864). Sankt-Peterburg. [in Russian]

Pravila..., 1877 – Pravila Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira [Rules of the St. Vladimir's Imperial University]. Kiev, 1877. [in Russian]

Pravila..., 1878 – Pravila dlya studentov i postoronnih slushatelej lekcij v Imperatorskom Harkovskom universitete [Rules for students and outsiders attending lectures at the Imperial Kharkov University]. Harkov, 1878. [in Russian]

Pravila..., 1880 – Pravila dlya studentov i postoronnih slushatelej Imperatorskogo Novorossijskogo universiteta [Rules for Students and Outside Students of the Imperial University of Novorossia]. Odessa, 1880.

Pravila..., 1885a – Pravila dlya studentov i storonnih slushatelej imperatorskih rossijskih universitetov [Rules for Students and Outside Students of Imperial Russian Universities]. Sankt-Peterburg, 1885. [in Russian]

Pravila..., 1885b – Pravila o zachete polugodij studentam imperatorskih rossijskih universitetov [Rules on the crediting of half-years to students of imperial Russian universities]. Moskva, 1885. [in Russian]

Predvaritelnye pravila, 1875 – Predvaritelnye pravila narodnogo prosvesheniya [Preliminary rules for public education]. *Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosvesheniya*. T.1. Carstvovanie imperatora Aleksandra I. 1802-1825. Sankt-Peterburg, 1875. [in Russian]

Shetinina, 1976 – *Shetinina, G.I.* (1976). Universitety v Rossii i ustav 1884 goda [Universities in Russia and the Statute of 1884]. Moskva: Nauka, 232 p. [in Russian]

Ship, 1991 – *Ship, N.A.* (1991). Intelligenciya na Ukraine (XIX v.): Istoriko-sociologicheskij ocherk [Intellectuals in Ukraine (XIX c.): Historical and Sociological Essay]. Kiev: Naukova dumka, 172 p. [in Russian]

Sravnitel'naya tablica ustavov, 1901 – Sravnitel'naya tablica ustavov universitetov 1884, 1863, 1835 i 1804 gg. [Comparative table of university statutes of 1884, 1863, 1835 and 1804]. Sankt-Peterburg, 1901. [in Russian]

Ustav, 1864 – Ustav uchebnyh zavedenij, podvedomyh Universitetu [Statutes of educational institutions subordinate to the University]. *Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosvesheniya*. T.1. Sankt-Peterburg, 1864. [in Russian]

Vladimirskij-Budanov, 1884 – *Vladimirskij-Budanov, M.F.* (1884). Istoriya imperatorskogo universiteta sv. Vladimira [History of the Imperial University of St. Vladimir]. Tom 1. Kiev. [in Russian]

Vorobev, 1905 – *Vorobev, V.A.* (1905). K istorii nashih universitetskikh ustavov [Toward a history of our university statute]. *Russkaya mysl*. 12: 1-10 [in Russian]

Vykhreshch, 2001 – *Vykhreshch, V.O.* (2001). Rozvytok teoretyko-kontseptualnykh osnov vitchyznianoj dydaktyky (druha polovyna XIX - pochatok XX stolittia) [Development of theoretical and conceptual foundations of national didactics]. Kyiv, 494 p. [in Ukrainian]

Некоторые вопросы организации учебного процесса в российских императорских университетах в соответствии с университетскими уставами 1863 и 1884 гг.

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Олег Олегович Туляков ^a

^a Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В данной статье представлена попытка проанализировать основные вехи становления и развития системы высшего образования Украины на тех её территориях, которые входили в состав Российской империи. В этом ключе рассмотрены организационные особенности и функционирование трёх российских императорских университетов на территории Украины: Императорского Харьковского университета, Университета Святого Владимира в Киеве, Императорского Новороссийского университета. С точки зрения соблюдения принципа объективности и полноты эти явления и феномены были исследованы в контексте общероссийского имперского процесса обеспечения и реализации государственной политики в сфере высшего образования.

Научный обзор заявленной проблемы был произведён с отсылкой на основные законодательные инициативы и нормы Правительства Российской империи, устанавливавшие принципы и приоритеты государственной политики и реформирования сферы высшего образования.

Отмечены существенные различия в нормах университетских уставов 1863 и 1884 годов, в частности, относительно не только академических свобод, но и организационных особенностей учебной и научной деятельности в Российских Императорских университетах. В общем, резюмируя эти отличия, необходимо отметить факт усиления правительственного и министерского контроля в системе высшего образования. Эти явления в истории университетского образования можно концептуализировать как контрреформаторские.

Анализ содержательных, формальных, а также контекстуальных характеристик правительственных документов: правил, предписаний, циркуляров, распоряжений и др., можно проследить эволюцию изменений в сфере высшего образования, в частности тех, что касаются организационных особенностей преподавания и обучения в Российских Императорских университетах второй половины XIX века.

Ключевые слова: высшее образование, образовательная политика, реформа образования, устав университета, доступность образования, устойчивое развитие в образовании, образовательная политика.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А. Лебедь)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 210-218
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.210

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Reconstruction of Ship Biographies Using “Ship Lists”

Nicholas W. Mitiukov ^{a, *}, Irina Yu. Cherkasova ^{b, c}

^a Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^b Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

“Ship Lists” are a valuable source of the history of the Russian fleet. This is probably the only printed work on the basis of which it is possible to reconstruct the biographies of non-self-propelled watercraft of domestic ports. In some cases, analysis of records makes it possible to identify distorted data, as illustrated by the example of the fire steamboat of the Kronstadt Steamship Plant. It is shown that in the course of the evolution of records, the place of construction first changed from Votkinsk to Kronstadt, and later the date of major repairs of 1885 replaced the date of construction of 1865. However, the more intense the period with records about ships, the more confidently it is possible to reconstruct ship biographies. As a result of the analysis of the records, it was possible to unambiguously link the fire steamboat of the Kronstadt Steamship Plant with the steamboat No. 141 of the Kronstadt port, and ultimately trace the biography of the vessel until the end of the 1930s, and also link it with the 12-horsepower steamboat laid down by the Votkinsk plant for its own needs in 1860. The insufficient saturation of the records of the “Ship Lists” of the period of the Russian-Japanese War regarding the new watercraft of the Kronstadt port led to a discrepancy between the list of built ships and the ships available in the port. As a result, based on the analysis of archival information, it was possible to identify five garbage boats, two provision barges and two dry cargo barges built by the Votkinsk plant for the Kronstadt port. As it turned out, all the ships appeared in the “Ship Lists”, but without indicating the place of construction.

Keywords: reconstruction, “Ship list”, Baltic Fleet, Kronstadt port, Votkinsk plant.

1. Введение

В предлагаемой статье обобщается авторский опыт работы с периодическими справочными изданиями «Судовые списки» Российского императорского флота (далее – Списки) при реконструкции судовых биографий. Расположение информации Списков в хронологическом порядке и анализ эволюции записей по отдельным судам нередко способно выявить допущенные составителями ошибки. И, кроме того, появляется возможность постановки и формулирования исследовательских задач для архивного поиска с до предела сжатыми хронологическим рамками.

2. Материалы и методы

Основными материалами работы послужили «Судовые списки» из фондов Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Полученная информация послужила основанием для поиска материалов в архивных фондах Кронштадтского порта (РГА ВМФ. Ф. 930), Главного управления кораблестроения и судоремонта (ГУКиС) (РГА ВМФ. Ф. 427), Воткинского завода (коллекция документов центрального государственного архива Удмуртской Республики – Ижевск, Российская Федерация) и других.

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

В качестве основного метода работы выступил историко-хронологический метод. Расположение в хронологическом порядке записей «Судовых списков» о том или ином судне дает возможность проследить все изменения в характеристиках и переименованиях и, как показал опыт работы с пожарным барказом Кронштадтского пароходного завода, даже определить ошибки записей, причину и время их возникновения.

3. Обсуждение

В литературе «Судовые списки», как правило, используются лишь отдельными выпусками. В основном они нужны для уточнения характеристик описываемых судов, например, пароходов Доброфлота или РОПиТ периода Русско-японской войны (Агапов, 2006), построенных в США серии крейсеров для действий на британских коммуникациях в случае войны (Климовский, 2018) и т.д. Намного реже авторы используют несколько Списков, например, чтобы проследить закономерности в отправляемых на Дальний Восток судов (Чистый, 2002) или для обработки статистики по награждениям офицеров, для чего «Судовые списки» оказались полезными при уточнении номеров флотских экипажей (Тереханова, 2007). Однако, как показал анализ литературы, в ней отсутствует использование «Судовых списков» сразу за 20-30 лет для реконструкции судовых биографий, кроме авторов данной публикации (Mitiukov et al., 2023). Возможно, это связано с тем, что в основном производится реконструкция достаточно больших судов, по которым сохранился большой объем делопроизводственной документации. В данной же работе обобщается авторский опыт по реконструкции биографий самоходных плавсредств, которые практически не отразились в документации. В связи с этим, если использовать традиционные методы исследования, для решения этой задачи необходимо обработать большой объем архивной информации, в то время как решение задачи с помощью «Судовых списков» дает возможность обозначить наиболее перспективные периоды для последующих архивных поисков.

Как показал опыт работы со Списками, при достаточной насыщенности ими некоторого временного периода на основе анализа эволюции записей появляется возможность выявить неточности записей и факты искажения информации. В качестве примера в Таблице 1 сведены данные записей относительно барказа Кронштадтского пароходного завода. Первое упоминание о судне происходит в «Судовом списке» 1874 г., причем в нем оно не имеет названия. Это очень странно, поскольку судно – 1865 г. постройки, но в периоде 1865–1873 г. записей, которые можно как-то связать с ним, не обнаружено.

В Списке 1874 г. судно приводится в разделе винтовых барказов, перед ним идет запись: «*один [барказ] Кронштадтского порта*». Хотя в графе стоит прочерк, он очень похож на условный знак, означающий повторяющиеся сведения, из чего можно предположить, что судно, скорее всего, было в распоряжении командира Кронштадтского порта. В Списке 1877 г. в графе «Название судов» впервые появляется запись «*Пожарный*». Но в данном случае непонятно, название это или назначение, поскольку вместе с ним приведены сразу четыре пожарных барказа и три таранных (в современных терминах – буксирных). И в Списке 1877 г. по судну даются характеристики, отличные от тех, что были в более ранних и более поздних Списках. Поскольку они довольно точно совпадают с характеристиками после 1885 г., можно предположить, что это какой-то другой способ замера, например, не длина по ватерлинии, а максимальная. Хотя, возможно, это просто опечатка составителей.

Из Таблицы 1 также явно прослеживается эволюция в назначении судна. Со Списка 1884 г. судно впервые упоминается как Барказ №1, очевидно имеется в виду пожарный барказ пароходного завода. С 1888 г. наименование барказа становится двойное: №1 (141). Очевидно, №1 – это маркировка его как судна Кронштадтского пароходного завода, а №141 – как Кронштадтского порта. Причем с этого года пропадает информация о том, что на барказе стоит пожарное оборудование. Это изменение объясняет Список 1889 г., где указание, что это судно пароходного завода, пропадает и вместо него появляется запись, что оно используется «*при углублении гаваней*». Очевидно, его начали использовать при землечерпательном караване в качестве шаландера. С 1897 г. исчезает двойная маркировка в названии судна. Он теперь – исключительно Барказ №141. Это изменение снова подтверждается Списком следующего года: с 1898 г. исчезает запись, что судно используется «*при углублении гаваней*». Таким образом, с этого периода барказ №141 – обычный портовый барказ Кронштадта.

Таблица 1. Информация по барказу Кронштадтского пароходного завода из Судовых списков

Название	Характеристики	Размерения	Источник
–	6 л.с. 12,36 / 11 ¹⁰ / ₉₄	34' × 8'6" × 4'6"	(Список, 1874: 56-57)
Из железа			
Пожарный	6 л.с. –	45' × 10'3" × 6'	(Список, 1877: 58-59)
При Кронштадтском пароходом заводе. Корпус – из железа на Воткинском заводе; приспособлен на Кронштадтск[ом] зав[оде] в 1865 г. – 5876 р. Механизм – на Кроншт[адтском] зав[оде] – 5348 р., а пожарная машина – 776 р.			
Пожарный	6 л.с. 12,36 / 11 ¹⁰ / ₉₄	34' × 8'6" × 4'6"	(Список, 1878: 76-77)
При Кронштадтском пароходом заводе. Корпус – из железа на Воткинском зав[оде]; приспособлен			

из Кроншт[адтского] зав[оде] 1865 г. – 5876 р. Механизм – на Кроншт[адтском] зав[оде] – 5348 р., а пожарная машина – 776 р.			
Барказ № 1	6 л.с. 12,36 / 11 ^{10/94}	34' × 8'6" × 4'6"	(Список, 1884: 76-77)
При Кронштадтском пароходом заводе. Корпус – из железа на Воткинском зав[оде]; приспособлен из Кроншт[адтского] зав[оде] 1865 г. – 5876 р. Механизм – на Кроншт[адтском] зав[оде] – 5348 р., а пожарная машина – 776 р.			
Барказ № 1	6 л.с. 12,36 / 11 ^{10/94}	45'9" × 10'9" × 4'6"	(Список, 1885: 104-105)
При Кронштадтском пароходом заводе. Корпус – из железа на Воткинском зав[оде]; приспособлен из Кроншт[адтского] зав[оде] 1865 г. – 5876 р. Механизм – на Кроншт[адтском] зав[оде] – 5348 р., а пожарная машина – 776 р.			
Барказ № 1 (141)	6 л.с. 12,36 / 11 ^{10/94}	45'9" × 10'9" × 4'6"	(Список, 1888: 118)
При Кронштадтском пароходом заводе. Корпус – из железа в Кроншт[адтском] пароходном зав[оде] 1865 г. – 5870 р.			
Барказ № 1 (141)	6 л.с. 12,36 / 11 ^{10/94}	45'9" × 10'9" × 4'6"	(Список, 1889: 118)
При углублении гаваней. Корпус – из железа в Кроншт[адтском] пароходном зав[оде] 1865 г. – 5870 р.			
Барказ № 141	6 л.с. 12,36	45'9" × 10'9" × 4'6"	(Список, 1897: 101)
При углублении гаваней. Корпус – из железа в Кроншт[адтском] пароходном зав[оде] 1885 г. – 5870 р.			
Барказ № 141	6 л.с. 12,36	45'9" × 10'9" × 4'6"	(Список, 1898: 121)
Корпус – из железа в Кроншт[адтском] пароходном зав[оде] 1885 г. – 5870 р.			
Барказ № 141	12,32	45'9" × 10' × 4'6"	(Список, 1908: 42-43)
Место постройки – Кронштадт, 1885 г. 5870 р.			

В графе «Характеристики» приведена мощность машины, водоизмещение и строевые тонны¹; в графе «Размерения» – длина во ватерлинии, ширина с обшивкой, углубление.

Кроме эволюции применения судна, [Таблица 1](#) иллюстрирует еще один важный элемент. С 1888 г. исчезает запись, что оно построено на Воткинском заводе, но оставляется информация, что оно переоборудовано на Кронштадтском заводе. При этом запись сформулирована таким образом, что создается впечатление, что именно на Кронштадтском пароходном заводе барказ и построен. С 1897 г. годом постройки судна становится не 1865 г., а 1885 г. – год переоборудования судна в пожарный барказ. И далее эта ошибочная запись идет вплоть до последней редакции Списка в 1908 г.

К сожалению, несмотря на то, что Списки выходили каждый год или через год, в некоторых случаях дублируются записи предыдущего года без должной корректировки информации. Это, в первую очередь, относится к периоду, предшествовавшему Русско-японской войне. Очевидно, в это время взрывообразного роста флота изменению записей по несамостоятельным плавсредствам просто не придавали должного значения.

В [Таблице 2](#) приведены сведения о плавсредствах Кронштадтского и Санкт-Петербургского военных портов. Ранее мы проводили подобный анализ для периода 1864-1888 гг. ([Mitiukov et al., 2023](#)). Для простоты восприятия информации соответствующие страницы заимствования не показаны: 1886 г. ([Список, 1886: 119-129](#)), 1888 г. ([Список, 1888: 108-124](#)), 1889 г. ([Список, 1889: 108-124](#)), 1890 г. ([Список, 1890: 120-151](#)), 1891 г. ([Список, 1891: 120-151](#)), 1893 г. ([Список, 1893: 77-93](#)), 1897 г. ([Список, 1897: 86-106](#)), 1898 г. ([Список, 1898: 104-126](#)), 1899 г. ([Список, 1899: 112-134](#)), 1900 г. ([Список, 1900: 116-138](#)), 1901 г. ([Список, 1901: 194-218](#)), 1902 г. ([Список, 1902: 180-204](#)), 1903 г. ([Список, 1903: 180-204](#)), 1904 г. ([Список, 1904: 192-216](#)), 1906 г. ([Список, 1906: 50-74](#)), 1907 г. ([Список, 1907: 50-74](#)), 1908 г. ([Список, 1908: 2-39](#)). Анализ пагинации Сборников показал, что издания 1888 и 1889 гг. полностью идентичные, как издания 1890 и 1891 гг., 1902 и 1903 гг., 1906 и 1907 гг. Но на самом деле идентичность изданий немного шире отмеченных параллелей, поскольку из-за добавления новых судов и исключения списанных основная масса списков повторяется. Она отпечатана тем же шрифтом с той же компоновкой записи, но только, например, запись в конце одной станицы за этот год в издании будущего года может быть в начале следующей страницы. Радикально форма Списка изменилась в 1906 г., когда он стал в двух томах и информация о плавсредствах стала размещаться не на одной странице, а на развороте. Тем не менее анализ динамики записей позволяет сделать некоторые выводы.

¹ Водоизмещение – масса воды, вытесняемая корпусом. Строевые тонны – мера объема судна, сохранившаяся с парусных времен. Определяется как произведение длина по килю, ширина (без обшивки) и половину ширины (в футах); итог делился на 0,94. По этой величине кораблестроители обычно получали вознаграждение за работу.

Таблица 2. Информация о баржах воткинской постройки в Судовых списках 1886–1904 гг.

	1886	1888	1889	1890	1891	1893	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1906	1907	1908
1850, 140'	K1	K1	K1	K1	K1	K1	K1	K1	K1	K1	K1	K1	K1	K1	K1	K1	K40
1857, 85'	K4	K4	K4	K4	K4	K4	K4	K4	K4	K4	K4	K4	K4	K4	K4	K4	K23
	K5	K5	K5	K5	K5	K5	K5	K5	K5	K5	K5	K26	K26	K26	K26	K26	K26
	K6	K6	K6	K6	K6	K6	K6	K6	K6	K6	K6	K6	K6	K6	K6	K6	K24
	K7	K7	K7	K7	K7	K7	K7	K7	K7	K7	K7	K7	K7	K7	K7	K7	K25
	C11	C11	C11	C11	C11	C11	C11	C11	C11	C11	C11	C11	C11	C11	C11	C11	C11
1860, 60'	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.	Ел.
	C7	C7	C7	C7	C7	C7	C7	C7	C7	C7	C7	C7	C7	C7	C7	C7	C7
1861, 75'	C8	C8	C8	C8	C8	C8	C8	C8	C8	C8	C8	C8	C8	C8	C8	C8	C8
	C3	C3	C3	C3	C3	C3	C3	C3	C3	C3	C3	C3	C3	C3	C3	C3	–
	C4	C4	C4	C4	C4	C4	C4	C4	C4	C4	C4	C4	C4	C4	C4	C4	C4
	–	C5	C5	C5	C5	C5	C5	C5	C5	C5	C5	C5	C5	C5	C5	C5	C5
1862, 90'	C6	C6	C6	C6	C6	C6	C6	C6	C6	C6	C6	C6	C6	C6	C6	C6	C6
	K8	K8	K8	K8	K8	K8	K8	K8	K8	K8	K8	K8	K8	K8	K8	K8	K27
	K9	K9	K9	K9	K9	K9	K9	K9	K9	K9	K9	K9	K9	K9	K9	K9	K28
	K10	K10	K10	K10	K10	K10	K10	K10	K10	K10	K10	K10	K10	K10	K10	K10	K29
1864, 61'	K11	K11	K11	K11	K11	K11	K11	K11	K11	K11	K11	K11	K11	K11	K11	K11	K30
	20-33	20-33	20-33	20-33	20-33	20-33	20-33	20-33	20-33	20-33	20-33	20-33	20-33	20-33	20-33	20-33	10-23
1865, 80'	C15	C15	C15	C15	C15	C15	C15	C15	C15	C15	C15	C15	C15	C15	C15	C15	C15
	C16	C16	C16	C16	C16	C16	C16	C16	C16	C16	C16	C16	C16	C16	C16	C16	C16
	C17	C17	C17	C17	C17	C17	C17	C17	C17	C17	C17	C17	C17	C17	C17	C17	C17
	C18	C18	C18	C18	C18	C18	C18	C18	C18	C18	C18	C18	C18	C18	C18	C18	C18
1867, 90'	C19	C19	C19	C19	C19	C19	C19	C19	C19	C19	C19	C19	C19	C19	C19	C19	C19
	C20	C20	C20	C20	C20	C20	C20	C20	C20	C20	C20	C20	C20	C20	C20	C20	C20
1867, 80'	K21	K21	K21	K21	K21	K21	K21	K21	K21	K21	K21	K21	K21	K21	K21	K21	K10
	K35	B1	B1	B1	B1	B1	B1	B1	B1	B1	B1	B1	B1	B1	B1	B1	B1
1867, 70'	C27	C27	C27	C27	C27	C27	C27	C27	C27	C27	C27	C27	C27	C27	C27	C27	C27
	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K32
1867, 120'	K124	K124	K124	K124	K124	K124	K124	K124	K124	K124	K124	K124	K124	K124	K124	K124	K33
	K125	K125	K125	K125	K125	K125	K125	K125	K125	K125	K125	K125	K125	K125	K125	K125	K34
	K126	K126	K126	K126	K126	K126	K126	K126	K126	K126	K126	K126	K126	K126	K126	K126	K35
	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K123	K32
1872, 66'	K74	K74	K74	K74	K74	K74	K74	K74	K74	K74	K74	K74	K74	K74	K74	K74	K2
1872, 42'6"	K75	K75	K75	K75	K75	K75	K75	K75	K75	K75	K75	K75	K75	K75	K75	K75	K1
1901, 61'	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	ж-к	ж-к	ж-к	ж-к	ж-к
	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	24-38
1901, 75'	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

В первой колонке даются год постройки и длина корпуса (футы), С – плавсредство Санкт-Петербургского порта, К – плавсредство Кронштадтского порта, Ел. – Елагинский плавучий маяк, Б1 – водоотливной бот №1 Кронштадтского порта

Из Таблицы 2 видно, что в Списке 1886 г. отсутствует баржа №5 Санкт-Петербургского порта. Однако, скорее всего, причина этому – банальная опечатка. Запись по 75-футовым баржам на странице 120 полностью идентична записям по этим баржам в более ранних и более поздних выпусках. После №4 стоит запятая, далее идет пробел и сразу напечатан №6, причем места для того, чтобы поместить №5, вполне хватает. Из этого можно сделать вывод, что литера с №5 в издании выпала или не прочиталась.

Другие изменения судового состава в Таблице 2 уже отражают определенные структурные изменения. С 1902 г. баржа №5 Кронштадтского порта стала №26. В Списке 1908 г. исчезла баржа №3 Санкт-Петербургского порта. В 1908 г. в Кронштадтском порту произошла перенумерация плавсредств как баржей, так и плашкоутов. Наконец, с 1888 г. баржа №35 Кронштадтского порта стала водоотливным ботом №1.

В Списке 1886 г. относительно баржи №35 отмечается, что это «водолазная машина» водоизмещением 56,4 т., длиной 70', шириной 14', углублением 3'. Построена на Воткинском заводе в 1867 г. за 8030 руб. (Список, 1886: 127). В Списке 1888 г. баржи №35 уже нет, но есть Водоотливной бот №1, водоизмещение которого составляет также 56,4 т., длина 70', ширина 14', углубление 3'. Он построен на Воткинском заводе в 1867 г. за 8030 руб. (Список, 1888, 123). Поэтому сомнений, что это одно и то же судно, не возникает. А вот то, что это «водолазная машина» в более ранних Списках, возможно, объясняет его отсутствие в Списках 1874–1877, 1884 и 1885 г., что отмечалось нами ранее (Mitiukov et al., 2023).

В Списках 1902–1907 гг. пять плашкоутов воткинской постройки имеют литеры «ж», «з», «и», «і», «к» (Таблица 2). Но, очевидно, это не маркировка судов в составе Кронштадтского порта. Подобным образом составители Списков отмечали суда, которые были заказаны, но пока не получили номеров или наименований. В 1908 г. эти пять плашкоутов получили номера в диапазоне №24 – №38 вместе с однотипными плашкоутами Кронштадтской постройки. Так что очевидно, что составители Списков просто некорректно перепечатали информацию 1902 г., без какого-либо уточнения. Несмотря на то что Воткинский завод построил четыре 75-футовые баржи (Mitiukov et al., 2020), в списке отразились лишь две.

Все это дает основание для проведения архивных поисков с целью уточнения обнаруженных несоответствий.

4. Результаты

Критический анализ [Таблицы 1](#) и [2](#) может помочь поставить исследовательские задачи, существенно сократив хронологические рамки поиска.

Так, информация о том, что пожарный барказ Кронштадтского парового завода стал барказом №141 Кронштадтского порта, дает возможность реконструировать его дальнейшую биографию. 22 марта 1924 г. во исполнение предписания Морского штаба Республики от 18 января 1924 г. командир Кронштадтского порта представил проект переименования вверенных ему плавсредств. В соответствии с ним портовый паровой катер №141 должен был получить наименование «Набат» ([РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 692. Л. 14](#)). Однако в итоговом приказе командира Кронштадтского порта №181 от 24 марта 1925 г. барказ №141 переименовали в «П №17» ([РГА ВМФ. Ф. Р-305. Оп. 2. Д. 95. Л. 43](#)). Литера «П» означала, что это паровое судно, в отличие от «М» – моторное. В результате в дальнейших документах командира порта судно проходило как №17 или №17 (п). Однако в литературе имеется еще одна форма записи – П-17. В соответствии с приказом по Военно-морским силам РККА №237 от 4 ноября 1931 г. паровой катер №17 Главного Кронштадтского военного порта стал КП-102. На весну 1939 г. катер КП-102 числился как «Таранный паровой барказ» постройки Кронштадтского парового завода в 1885 г. Корпус стальной, водоизмещение 23 т., длина 15,8 м, ширина 4,2 м, осадка 1,8 м. Мощность машины 60 л.с. Судно находилось на консервации со снятым котлом ([РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 8. Д. 4. Л. 740б – 75](#)). В этой записи сразустораживает, что судно показано таранным барказом, то есть малым буксиром, которым он никогда не был. Размерения в соответствии с [Таблицей 1](#) составляют 13,95 × 3,28 × 1,37 м, что не стыкуется с указанными данными 1939 г. Однако они вполне соответствуют таранному барказу «Друг народа», ставшему в 1925 г. П №7. В приказе №237 №7 отсутствует, из чего можно предположить, что уже к 1931 г. бывший воткинский паровой барказ списали и №7 получил его номер.

С другой стороны, факт того, что судно 1865 г. постройки появляется в Судовых списках лишь с 1874 г., заставляет предположить, что с его постройкой имелся какой-то инцидент.

Дело о постройке для Санкт-Петербурга 12-сильного барказа началось в 1853 г. ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6343. Л. 13](#)). Однако в ходе крупного пожара на заводе 26 июня 1856 г. «*барказ полностью поврежден и восстановлению не подлежит*» ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6343. Л. 65](#)). Судя по всему, Морское ведомство решило начать постройку заново. В переписке фигурирует колесное судно с единственным колесом, расположенным в корме ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6343. Л. 71](#)). В мае 1858 г. завод докладывал, что барказ будет сдан в Усть-Речке в начале навигации 1859 г., для чего планировался приезд специальной приемочной комиссии морского ведомства ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6343. Л. 75](#)). Вероятно, на этой стадии проект судна подвергся серьезной корректировке. Учитывая быстрый прогресс в паростроении данного периода, это не удивительно. По крайней мере в феврале 1859 г. в заводской переписке упоминается, что началась постройка новой паровой машины по совершенно другому проекту. В нем упоминаются «*трубчатые поршни*» как более прочные и надежные ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6343. Л. 85](#)). По всей видимости, имелись и какие-то изменения по корпусу. По крайней мере одновременно строившийся 100-сильный пароход (будущий «Работник») прошел удлинение корпуса для уменьшения осадки ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6343. Л. 94](#)).

В сентябре 1859 г. завод отчитался о спуске барказа на воду. Но результаты проведенных швартовых и ходовых испытаний показали крайне неудовлетворительные результаты. Осадка превысила проектную, тяга в котлах была слишком слабая, дымогарные трубки «*быстро затягивались*», в итоге судно показало отвратительные ходовые качества и чрезвычайно низкую скорость ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6343. Л. 98-99](#)). Причиной указанных недостатков признали «*качающуюся систему цилиндров, как на пароходах “Урал” и “Кура”*», вместо чего предполагалось изготовить машину системы Пенна. В качестве просчета признали также слишком короткий корпус и наличие одного гребного колеса ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6343. Л. 111 об](#)). По смете увеличение длины корпуса и модернизация котлов должны были обойтись в 562 руб. 10 ³/₄ коп. ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6343. Л. 164](#)), но морское ведомство на дополнительные расходы не пошло, и завод стал перед проблемой дальнейшего использования судна. В сентябре 1861 г. он предложил барказ Астраханскому порту, в качестве довода указав, что размерения примерно совпадают с таковыми для двух заказанных портом барказов ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6343. Л. 166](#)). По-видимому, этот барказ в итоге продали частникам, которые его эксплуатировали до 1920-х гг.

Но в отчете о производительности завода за 1860–61 гг. имеется сумма в 783 руб. 43 ³/₄ коп., потраченная на постройку «*12-сильного парохода для заводского пруда*» ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 7432. Л. 286](#)). Одновременно строились две железные баржи для перевозок по пруду. Можно предположить, что, поскольку морское ведомство не пошло на модернизацию готового судна, завод решил на свой страх и риск на вновь построенном барказе эти изменения внести, выдав его за судно для собственных нужд.

Небольшая потраченная сумма в 1860–61 гг. показывает, что судно находится в достройке. В ноябре 1862 г. в одном из документов представители завода упомянули, что строят барказ для собственных нужд ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6343. Л. 168](#)), так что, похоже, что к этому времени он все еще был в достройке. В 1864 г. заводские документы планируют смету в размере 458 руб. 56 коп. «*на постройку железного корпуса 12-ти сильного парохода для Екатеринбурга*» ([ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 8019. Л. 263](#)). Снова, судя по небольшой сумме, речь идет о достройке все того же барказа. Из этого можно заключить, что с 1860 по

1865 г. завод неспешно строил 12-сильный барказ, который предполагалось использовать для собственных нужд, но при этом завод не исключал возможность передачи его потенциальному заказчику. К сожалению, после 1865 г. заводские документы об этом судне более не сообщают. В связи с этим можно высказать предположение, что во всей документации периода 1853–1865 гг. речь идет об одном и том же барказе, а суммы, выделяемые после 1860 г., связаны лишь с необходимостью его перестройки. Поэтому и ищутся варианты его использования: барказ для собственных нужд, пароход для Екатеринбурга, барказ для Астраханского порта и т.п. И когда его в середине 1860-х гг. удалось продать частнику, информация о судне в делопроизводственной документации завода пропадает.

С другой стороны, имеется документация Кронштадтского порта. 28 декабря 1871 г. его управление обратилось в канцелярию морского министра с предложением построить ряд судов для нужд порта, передав для этого пять чертежей и две спецификации (РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4568. Л. 5). 8 января 1872 г. министерство отправило всю документацию в Горный департамент с запросом, будет ли весь заказ готов в навигации этого года (РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4568. Л. 6). Речь шла о большом и малом флашкоуте, железном барказе и двух весельных катерах. На выполнение заказа Воткинский завод запросил 27 тыс. руб. (РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4568. Л. 10). Для сравнения, завод Крейтона в Або был готов поставить всю продукцию за 25 тыс. (РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4568. Л. 7), что заставило Горный департамент пересмотреть цены. 3 марта 1872 г. завод начал работы по заказу (РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4568. Л. 20).

Из дальнейшей переписки становится понятно, что под барказом подразумевается паровой барказ в 8 л.с. и длиной корпуса в 35' (10,7 м). В итоге стоимость заказа составила за 64-футовый (19,5 м) плашкоут – 14358 руб. 23 коп. (№ 74 в Таблице 2), за 42-футовый (12,8 м) плашкоут – 5859 руб. (№ 75 в Таблице 2), за барказ – 2795 руб., за 14-весельный катер – 1291 руб., за 8-весельный катер – 806 руб., всего – 25109 руб. 23 коп. (РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4568. Л. 55). Что интересно, в переписке барказ называется то весельным, то паровым. Соответствующая документация Воткинского завода за 1872 г. подтверждает постройку пяти судов для Кронштадтского порта в 1872 г. Все суда действительно были готовы в навигации этого года.

Следует отметить, что в данном случае делопроизводственная документация Воткинского завода допускает реконструкцию биографии барказа как заново построенного судна, так и как судна, замороженного постройкой в 1865 г. Если предположить второе, и под ним можно понять недостроенный «12-ти сильный барказ», заложенный еще в 1860 г., и тогда несоответствие с датами в «Судовых списках» становится более-менее объяснимыми. Получается, что его действительно спустили на воду в 1865 г. и доставили в Кронштадт в 1872–73 гг., из-за чего он впервые и появляется в Списке 1874 г. Впрочем, данный вопрос нуждается в более детальной проработке. Данные Таблицы 2 говорят, что в 1908 г. из состава Санкт-Петербургского порта пропала баржа №3.

2 июля 1908 г. капитан Бакинского порта обратился к капитанам Кронштадтского и Санкт-Петербургского портов с просьбой отправить в Баку какую-нибудь 100-тонную баржу (РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 1869. Л. 1-2). При этом, если из Кронштадта ответили, что требуемого свободного тоннажа не имеют, то из Петербурга пришел ответ, что могут предложить баржу №5 грузоподъемностью 3000 пудов (49 т.) (РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 1869. Л. 7). Представители Баку могут принять судно в любое удобное время и увести его к новому месту службы. Судя по переписке, речь действительно шла о 75-футовой барже воткинской постройки. Но вскоре руководство Баку нашло более простой вариант и купило требуемое судно у частных лиц, так что трудоемкую операцию по переводу судна по рекам и морям удалось избежать (РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 1869. Л. 21). Таким образом, если в 1908 г. руководство порта было готово отдать баржу №5, напрашивается вывод, что оно это и сделало. А, возможно, для сохранения цельности нумерации бывшая баржа №3 получила №5 выводимой из состава флота.

Пять плашкоутов, проходящих в Таблице 2 под литерами, в итоге оказываются распределенными под номерами №24–38. Судя по Списку 1908 г., №10–23 (14 шт.) представляли собой старые воткинские плашкоуты 1861 г. постройки. 15 плашкоутов (№24–38) указаны Кронштадтской постройки 1903 г., еще 10 (№39–48) также Кронштадтской постройки, но 1906 г. (Список, 1908: 38–41). До смены в 1908 г. они носили следующие номера:

14 воткинских 1861 г. – №20–33;

15 кронштадтских 1903 г. – №34–48;

10 кронштадтских 1906 г. – №49–58 (РГА ВМФ. Ф. 930. Оп. 25. Д. 242. Л. 3-30б.).

Года постройки судов названы достаточно произвольно. Так, порт принял воткинские плашкоуты 11 декабря 1901 г. (РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 744. Л. 4), плашкоут №49 в 1904 г., №50–53 – в 1905 г. (РГА ВМФ. Ф. 930. Оп. 6. Д. 54. Л. 76). В приказе командира Кронштадтского порта в ноябре 1902 г. о закреплении ответственных за ремонт судов лиц фигурируют только плашкоуты №21 (РГА ВМФ. Ф. 930. Оп. 11. Д. 639. Л. 225), №20, 22–28, 30, 32 (РГА ВМФ. Ф. 930. Оп. 11. Д. 639. Л. 226об.), №29, 31, 33 (РГА ВМФ. Ф. 930. Оп. 11. Д. 639. Л. 227). Кроме того, говорится о строящихся плашкоутах в доке, номера которых не упомянуты (РГА ВМФ. Ф. 930. Оп. 11. Д. 639. Л. 225об.). Таким образом, в строю находятся №20–33, то есть только старые постройки 1861 г. Таким образом, в 1902 г. ни один

из плашкоутов серии №34–48 еще не был укомплектован и указанная дата (1903 г.) – это не дата приемки, а дата укомплектования. Аналогично и 1906 г. для плашкоутов серии №49–58.

Указанные в Судовых списках литеры для воткинских плашкоутов «ж», «з», «и», «i» и «к» – это не более, чем условное обозначение, поскольку составители Списков не знали точный номер. Для сравнения, литерами «д» и «е» они отметили плашкоуты Пульмана, грузоподъемность которых была в два раза больше мусорных. Тем не менее история заказа и постройки данного типа становится ясной при анализе документации Главного управления кораблестроения и судоремонта (ГУКиС) (РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 540). Пульман действительно внес свой вклад в постройку судов данного типа, но лишь как автор проекта. А всю серию предполагалось строить в Кронштадте. Для того, чтобы порт быстрее получил плашкоуты, заказ на пять судов был разыгран ходе конкурса, в котором победил Воткинский завод. При этом заложенные в Кронштадте в среднем бассейне Докового Адмиралтейства плашкоуты получили условные номера №1–4, тогда как воткинские – №5–9. Из этого получается, что кронштадтские суда стали №34–37, а воткинские – №38–42.

Еще один непонятный момент возникает, когда данные [Таблицы 2](#) сравниваются со списком построенной в Воткинске продукции (Mitiukov et al., 2020), среди которой фигурируют четыре 75-футовые баржи. Строго говоря, в Списке, начиная с 1903 г. также указывается четыре баржи этого типа (№19, №20, №24, №25), но только у двух последних строителем значится Воткинский завод, а первые две постройки – завода Пульмана (Список, 1904: 216).

Документы ГУКиС однозначно говорят, что все четыре баржи строились по одному проекту в рамках конкурса на провизионную баржу Кронштадтского порта, объявленного 3 февраля 1900 г. (РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 460. Л. 1). Победителями в нем стали Петровский завод (первые две баржи) и Воткинский (вторые две). Однако в ходе постройки возникли сомнения, что Петровский завод сможет выполнить заказ в срок, и его передали Пульману (РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 460. Л. 52). Поэтому, несмотря на то что пульмановские баржи были готовы после воткинских, они получили более ранние номера. В 1908 г. вся четверка получила номера №11–14 (Список, 1908: 32-33).

Что касается вторых двух 75-футовых барж, построенных Воткинским заводом, то уже сама заводская документация имеет некоторые странности. Если заказчиком первых двух барж, как и положено, выступал ГУКиС, то вторых – Кронштадтский порт (МИКВ. Д. 4812. Л. 6, 8). Заказ на них последовал без формального конкурса, и по наряду, выданному 9 августа 1901 г., завод начал постройку двух сухогрузных барж по чертежам ранее построенных провизионных (РГА ВМФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 744. Л. 308). Аналогичный заказ на две баржи по ранее построенным чертежам получил также Ижорский завод (РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 698. Л. 1). Еще одна баржа, по-видимому, досталась Пульману. Нетрудно предположить, что условия постройки ему задали аналогичные – по типу ранее построенной. В связи с этим, несмотря на общее техническое задание, характеристики всех пяти барж несколько отличались. Это отразилось в Списке 1908 г., где они значатся под номерами №15–20 без указания места постройки с грузоподъемностью 4000 пудов, 1902 г. постройки, длиной 74', шириной 16'4" и осадкой 3' (Список, 1908: 32-33). Номера – в порядке выданных заказов: воткинские (№15 и №16), ижорские (№17 и №19) и пульмановская (№20). До 1908 г. они имели номера №27, №28, №29, №30 и №32 соответственно.

Таким образом, хотя «Судовой список» непосредственно и не отображает информацию о судах воткинской постройки, с его помощью можно существенно сузить хронологические рамки для архивного поиска и, как оказалось, он в целом всю информацию отображает достаточно корректно.

5. Заключение

«Судовые списки» представляют собой ценный источник по вспомогательным судам флота. В них иногда может быть опущена информация, позволяющая легко идентифицировать данные, но в целом информация отображается вполне корректно. Анализ «Судовых списков» позволяет существенно сузить хронологические рамки для последующих архивных поисков.

Анализ эволюции записей по пожарному барказу Кронштадтского пароходного завода позволил его однозначно связать с воткинской продукцией и в итоге продлить биографию судна до конца 1930-х гг., а также связать его с 12-сильным барказом, заложенным заводом для собственных нужд в 1860 г.

Критический анализ Судовых списков позволил идентифицировать пять мусорных плашкоутов, две провизионные баржи и две сухогрузные баржи, построенные Воткинским заводом для Кронштадтского порта, по которым в «Судовых списках» не указан завод-строитель.

Литература

МИКВ – Музей истории и культуры города Воткинска.

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

Агапов, 2006 – Агапов В.Л. Морская торговля и торговое судоходство России и Японии накануне и во время русско-японской войны. Дисс. ... канд. истор. наук. Владивосток, 2006. 251 с.

Климовский, 2018 – Климовский С.Д. Российско-американские научно-технические и производственные связи в области кораблестроения: вторая четверть XIX в. – 1917 г. Дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2018. 327 с.

- Список, 1874 – Судовой список 1874 года. СПб.: [б.и.], 1874. 144 с.
 Список, 1877 – Судовой список 1877 года. СПб.: [б.и.], 1877. 144 с.
 Список, 1878 – Судовой список 1878 года. СПб.: [б.и.], 1878. 160 с.
 Список, 1884 – Судовой список, исправлен на 29 мая 1884 года. СПб.: [б.и.], 1884. 192 с.
 Список, 1885 – Судовой список, исправлен на 23 июня 1885 года. СПб.: [б.и.], 1885. 192 с.
 Список, 1886 – Судовой список, исправлен на 12 января 1886 года. СПб.: [б.и.], 1886. 192 с.
 Список, 1888 – Судовой список, исправлен на 1 мая 1888 года. СПб.: [б.и.], 1888. 190 с.
 Список, 1889 – Судовой список, исправлен на 1 мая 1889 года. СПб.: [б.и.], 1889. 190 с.
 Список, 1890 – Судовой список 1890 года. СПб.: [б.и.], 1890. 231 с.
 Список, 1891 – Судовой список, исправлен на 1 мая 1891 года. СПб.: [б.и.], 1891. 233 с.
 Список, 1893 – Судовой список, исправлен на 1 сентября 1893 года. СПб.: [б.и.], 1893. 162 с.
 Список, 1897 – Судовой список, исправлен на 1 января 1897 года. СПб.: [б.и.], 1897. 184 с.
 Список, 1898 – Судовой список 1898 года. СПб.: [б.и.], 1898. 212 с.
 Список, 1899 – Судовой список 1899 года. СПб.: [б.и.], 1899. 230 с.
 Список, 1900 – Судовой список 1900 года. СПб.: [б.и.], 1900. 244 с.
 Список, 1901 – Судовой список 1901 года. СПб.: [б.и.], 1901. 386 с.
 Список, 1902 – Судовой список 1902 года. СПб.: [б.и.], 1902. 376 с.
 Список, 1903 – Судовой список 1903 года. СПб.: [б.и.], 1903. 386 с.
 Список, 1904 – Судовой список 1904 года. СПб.: [б.и.], 1904. 412 с.
 Список, 1906 – Судовой список 1906 года. Ч. II. СПб.: [б.и.], 1906. 188 с.
 Список, 1907 – Судовой список 1907 года. Ч. II. Суда особого назначения. СПб.: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1907. 188 с.
 Список, 1908 – Судовой список 1908 года. Исправлено по 1 июня. Ч. II. Портовые, плавучие средства и IV приложения. СПб.: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1908. 200 с.
 Тереханова, 2007 – Тереханова А.А. Наградные традиции российского военно-морского флота: XVIII – начало XX вв. Дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2007. 428 с.
 Чистый, 2002 – Чистый А.В. Морская политика Российской империи на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. Дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2002. 200 с.
 Mitiukov et al., 2020 – Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Makarov Yu.N. Reconstruction of the Volume of Shipbuilding Production in Votkinsk // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4: 2531-2545. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2531
 Mitiukov et al., 2023 – Mitiukov N.W., Faizullin R.V., Cherkasova I.Yu. “Ship List” as a Source for Pre-Revolutionary Ship Biographies // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1333-1340. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1333

References

- Agapov, 2006 – Agapov, V.L. (2006). Morskaya trgovlya i torgovoe sudokhodstvo Rossii i Yaponii nakanune i vo vremya russko-yaponskoi voyny [Maritime trade and merchant shipping of Russia and Japan on the eve and during the Russo-Japanese war]. Diss. ... kand. istor. nauk. Vladivostok, 251 p. [in Russian]
 Chisty, 2002 – Chisty, A.V. (2002). Morskaya politika Rossiiskoi imperii na Dal'nem Vostoke vo vtoroi polovine XIX v. [Maritime policy of the Russian Empire in the Far East in the second half of the 19th century]. Diss. ... kand. istor. nauk. SPb., 200 p. [in Russian]
 Klimovskii, 2018 – Klimovskii, S.D. (2018). Rossiisko-amerikanskie nauchno-tekhicheskie i proizvodstvennye svyazi v oblasti korablestroeniya: vtoraya chetvert' XIX v. – 1917 g. [Russian-American scientific, technical and industrial relations in the field of shipbuilding: the second quarter of the 19th century. – 1917]. Diss. ... kand. istor. nauk. SPb., 327 p. [in Russian]
 MIKV – Muzei istorii i kul'tury goroda Votkinska [Museum of History and Culture of the City of Votkinsk]. [in Russian]
 Mitiukov et al., 2020 – Mitiukov, N.W., Loshkarev, A.N., Makarov, Yu.N. (2020). Reconstruction of the Volume of Shipbuilding Production in Votkinsk. *Bylye Gody*. 58(4): 2531-2545. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2531
 Mitiukov et al., 2023 – Mitiukov, N.W., Faizullin, R.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). “Ship List” as a Source for Pre-Revolutionary Ship Biographies. *Bylye Gody*. 18(3): 1333-1340. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1333
 RGA VMF – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voennno-morskogo flota [Russian State Archive of the Navy].
 Spisok, 1874 – Sudovoi spisok 1874 goda [Ship list of 1874]. SPb.: [b.i.], 1874. 144 p. [in Russian]
 Spisok, 1877 – Sudovoi spisok 1877 goda [Ship list of 1877]. SPb.: [b.i.], 1877. 144 p. [in Russian]
 Spisok, 1878 – Sudovoi spisok 1878 goda [Ship list of 1878]. SPb.: [b.i.], 1878. 160 p. [in Russian]
 Spisok, 1884 – Sudovoi spisok, ispravlen na 29 maya 1884 goda [Ship list, corrected to May 29, 1884]. SPb.: [b.i.], 1884. 192 p. [in Russian]
 Spisok, 1885 – Sudovoi spisok, ispravlen na 23 iyunya 1885 goda [Ship list, corrected to June 23, 1885]. SPb.: [b.i.], 1885. 192 p. [in Russian]
 Spisok, 1886 – Sudovoi spisok, ispravlen na 12 yanvarya 1886 goda [Ship list, corrected to January 12, 1886]. SPb.: [b.i.], 1886. 192 p. [in Russian]
 Spisok, 1888 – Sudovoi spisok, ispravlen na 1 maya 1888 goda [Ship list, corrected to May 1, 1888]. SPb.: [b.i.], 1888. 190 p. [in Russian]

- [Spisok, 1889](#) – Sudovoi spisok, ispravlen na 1 maya 1889 goda [Ship list, corrected to May 1, 1889]. SPb.: [b.i.], 1889. 190 p. [in Russian]
- [Spisok, 1890](#) – Sudovoi spisok 1890 goda [Ship list of 1890]. SPb.: [b.i.], 231 p. [in Russian]
- [Spisok, 1891](#) – Sudovoi spisok, ispravlen na 1 maya 1891 goda [Ship list, corrected to May 1, 1891]. SPb.: [b.i.], 1891. 233 p. [in Russian]
- [Spisok, 1893](#) – Sudovoi spisok, ispravlen na 1 sentyabrya 1893 goda [Ship list, corrected to September 1, 1893]. SPb.: [b.i.], 1893. 162 p. [in Russian]
- [Spisok, 1897](#) – Sudovoi spisok, ispravlen na 1 yanvary 1897 goda. SPb.: [b.i.], 1897. 184 p. [in Russian]
- [Spisok, 1898](#) – Sudovoi spisok 1898 goda [Ship list of 1898]. SPb.: [b.i.], 1898. 212 p. [in Russian]
- [Spisok, 1899](#) – Sudovoi spisok 1899 goda [Ship list of 1899]. SPb.: [b.i.], 1899. 230 p. [in Russian]
- [Spisok, 1900](#) – Sudovoi spisok 1900 goda [Ship list of 1900]. SPb.: [b.i.], 1900. 244 p. [in Russian]
- [Spisok, 1901](#) – Sudovoi spisok 1901 goda [Ship list of 1901]. SPb.: [b.i.], 1901. 386 p. [in Russian]
- [Spisok, 1902](#) – Sudovoi spisok 1902 goda [Ship list of 1902]. SPb.: [b.i.], 1902. 376 p. [in Russian]
- [Spisok, 1903](#) – Sudovoi spisok 1903 goda [Ship list of 1903]. SPb.: [b.i.], 1903. 386 p. [in Russian]
- [Spisok, 1904](#) – Sudovoi spisok 1904 goda [Ship list of 1904]. SPb.: [b.i.], 1904. 412 p. [in Russian]
- [Spisok, 1906](#) – Sudovoi spisok 1906 goda [Ship list of 1906]. Ch. II. SPb.: [b.i.], 1906. 188 p. [in Russian]
- [Spisok, 1907](#) – Sudovoi spisok 1907 goda [Ship list of 1907]. Ch. II. Suda osobogo naznacheniya. SPb.: Tipografiya Morskogo ministerstva v Glavnom Admiralteistve, 1907. 188 p. [in Russian]
- [Spisok, 1908](#) – Sudovoi spisok 1908 goda [Ship list of 1908]. Ispravleno po 1 iyunya. Ch. II. Portovye, plavuchie sredstva i IV prilozheniya. SPb.: Tipografiya Morskogo ministerstva v Glavnom Admiralteistve, 1908. 200 p. [in Russian]
- [Terekhanova, 2007](#) – *Terekhanova, A.A.* (2007). Nagradnye traditsii rossiiskogo voenno-morskogo flota: XVIII – nachalo XX vv. [Award traditions of the Russian navy: XVIII – early XX centuries]. Diss. ... kand. istor. nauk. SPb., 428 p. [in Russian]
- [TsGA UR](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].

Реконструкция судовых биографий с помощью «Судовых списков»

Николай Витальевич Митюков ^{a, *}, Ирина Юрьевна Черкасова ^{b, c}

^aУдмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^bЧеркас глобальный университет, Вашингтон, США

^cВолгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. «Судовые списки» представляют собой ценный источник истории отечественного флота. Это, вероятно, единственная печатная работа, на основе которой можно реконструировать биографии несамоходных плавсредств отечественных портов. В некоторых случаях анализ записей позволяет идентифицировать искаженные данные, что проиллюстрировано на примере пожарного барказа Кронштадтского парового завода. Показано, что в ходе эволюции записей сначала изменилось место постройки с Воткинска на Кронштадт, а позднее дата капитального ремонта 1885 г. заменила дату постройки 1865 г. Тем не менее, чем более насыщенным получается период с записями о судах, тем более уверенно получается реконструировать судовые биографии. В результате анализа записей удалось однозначно связать пожарный барказ Кронштадтского парового завода с барказом №141 Кронштадтского порта и в итоге проследить биографию судна до конца 1930-х гг., а также связать ее с 12-сильным барказом, заложенным Воткинским заводом для собственных нужд в 1860 г. Недостаточная насыщенность записями «Судовых списков» периода Русско-японской войны относительно новых плавсредств Кронштадтского порта привела к несоответствию списка построенных судов и судов, имевшихся в порту. В результате на основе анализа архивной информации удалось идентифицировать пять мусорных плашкоутов, две провизионные баржи и две сухогрузные баржи, построенные Воткинским заводом для Кронштадтского порта. Как оказалось, все суда фигурировали в «Судовых списках», но без указания места постройки.

Ключевые слова: реконструкция, «Судовой список», Балтийский флот, Кронштадтский порта, Воткинский завод.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 219-231
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.219

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Pro-Russian Oriented Public of the North-Western Territory about Current Problems of Our Time on the Pages of the “Vilna Bulletin” in the second half of the 1860s

Oksana O. Zavyalova ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

In a publication based on an analysis of articles, letters and notes sent by local correspondents to the newspaper “Vilna Bulletin” in 1865–1867 the views of the pro-Russian oriented public of the North-Western Territory on current issues of the development of the Russian Empire and the region are revealed, and the features of the socio-political position of its individual representatives are revealed. Based on the application of a communicative approach, newspaper materials are considered as a form of expression of political loyalty and a single “communicative flow”, within the framework of which value judgments and assessments were developed that are significant both for the regional administration and for the local public. Local correspondents of the Vilna Vestnik, in the context of overcoming the socio-political crisis in the North-Western region in the second half of the 1860s, acted as participants in the official imperial discourse aimed at developing the ideological foundations of the integrative course implemented by the Russian authorities.

It is concluded that in 1865–1867 Vilna Vestnik correspondents from the northwestern provinces, following the newspaper’s editorial policy, supported the task of “moral conquest of the region” and actively participated in the process of forming the concept of Russian nationalism, both in its religious-ethnic and political dimensions. Representatives of the local educated society, loyal to the Russian authorities, sent their materials to the Vilna Bulletin, contributed to the formation of the image of Emperor Alexander II as a “renovator tsar”, “a new organizer of the whole of Russia” and insisted on the need for further reforms under the auspices of autocratic power. Representatives of the local public, who supported the policies of the Russian government, proposed a set of measures that, in their opinion, would make it possible not only to oust the Polish element hostile to Russian government principles from the region, but also to deepen the integration vector of the government course aimed at forming an all-Russian identity among the residents of the Northwestern Territory.

Keywords: Russian Empire, Northwestern Territory, Alexander II, the Vilna Vestnik (“Vilna Bulletin”), A.K. Kirkor, A.I. Zabelin, pro-Russian public, political loyalty.

1. Введение

Процесс подготовки и реализации Великих реформ 1860-х – 1870-х гг., уничтожение крепостничества, создание независимого гласного суда и земских учреждений, появление относительной гласности и свободы печати позволили российской общественности в новых условиях проявить свою способность участвовать в идейном сопровождении проводимого правительством политического курса. Со второй половины 1850-х гг. распространялось убеждение в том, что отныне правительственная политика в России не может вырабатываться только императором и его ближайшим окружением. В этот период остро осознавалась необходимость руководства общественным мнением, которое могло быть возложено на лояльное и управляемое властями периодическое издание, способное проводить «известные основные идеи, могущие служить

* Corresponding author

E-mail addresses: la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva)

подготовительной почвой для приведения в исполнение правительственных распоряжений» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1982. Л. 30б.). В процессе реализации масштабных преобразований самодержавие не могло обходиться без поддержки общественного мнения и публичного обоснования необходимости существующих политических и общественных порядков.

В Северо-Западном крае, ставшем после Январского восстания 1863–1864 гг. объектом масштабных преобразований, задача постановки печатного слова на службу имперским властям начала реализовываться при генерал-губернаторе М.Н. Муравьеве, отдавшем распоряжение превратить старейшее издание региона, «Виленский вестник», в официальный орган виленского генерал-губернаторства и «рупор» правительственного курса (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2021. Л. 90б.). Данное издание, существовавшее ранее под названием «Литовский вестник», в 1841 году по Высочайшему повелению было переименовано в «Виленский вестник» и передано Виленскому Дворянскому институту, содержавшему на доходы от его издания пять своих воспитанников (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2021. Л. 2). Прибыв в край в мае 1863 года, М.Н. Муравьев обратил особое внимание на «Виленский вестник» и предварительно ознакомился с материалами, помещаемыми в русском и польском отделах издания. Для контроля за идейным направлением газеты виленский генерал-губернатор назначил особых чиновников, которые передавали его рекомендации и указания в редакцию (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2021. Л. 20б.). После подавления Январского восстания 1863–1864 гг. в рамках реализации муравьевской «системы» управления Северо-Западным краем «Виленский вестник» взял на себя роль проводника «русских начал», выступая правительственным органом, информирующим население о проводимом политическом курсе, направленном на утверждение «русского владычества» в регионе. С марта 1864 года газета, ранее издававшаяся на русском и польском языках, стала исключительно русскоязычной. При М.Н. Муравьеве «Виленский вестник» приобрел чисто русское направление и, сделавшись «чиновником русской службы» (Миловидов, 1914: 22), был призван способствовать «моральному перерождению» западнорусского общества (Муравьев, 1885: 199). В соответствии со своей управленческой «системой» особое внимание М.Н. Муравьев уделял историческому отделу «Виленского вестника», который должен был «отрезвлять общество от утопических польских мечтаний в отношении прошедшего здешнего края» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2021. Л. 4).

Преобразовательный процесс, запущенный в годы царствования Александра II, а также изменения правительственной политики в отношении Северо-Западного края после подавления польского мятежа 1863–1864 гг. привели к возникновению новых общественно-политических проблем и обозначили необходимость реформирования социально-экономической системы. Вопросы, вызванные реформами, волновали и представителей местного образованного общества, направлявших свои статьи, письма и заметки в главный печатный орган Северо-Западного края – «Виленский вестник».

2. Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили статьи и письма, направляемые местными корреспондентами в «Виленский вестник» в 1865–1867 гг. Их анализ позволяет проследить социокультурные изменения, протекавшие в среде лояльной российским властям части местного образованного общества, представители которого в условиях преодоления социально-политического кризиса в Северо-Западном крае во второй половине 1860-х гг. выступали в качестве участников официального имперского дискурса, направленного на выработку идейных основ интегративного курса, реализуемого российским властями. Также источниками исследования послужили неопубликованные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) и раскрывающие формирование и эволюцию идейного направления газеты «Виленский вестник» в рассматриваемый период.

Методологическую основу исследования составили общеисторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный) и коммуникативный подход, предложенный Ю. Хабермасом (Habermas, 1989: 6-7), позволивший проанализировать материалы газеты «Виленский вестник» как единый «коммуникативный поток», в рамках которого вырабатывались ценностные суждения и оценки, значимые как для администрации края, так и для местной общественности. Для анализа проблем исследования также использовалась категория «политическая лояльность», на основе которой совокупность воззрений местных корреспондентов «Виленского вестника» рассматривалась как форма социального поведения и выражения лояльности, обладавшая интегрирующими функциями и проявлявшаяся в осознанном отношении к реализуемому политическому курсу.

На основе применения историко-генетического метода выявлены закономерности, обуславливающие формирование комплекса воззрений местных корреспондентов газеты на актуальные проблемы эпохи Великих реформ и присущие им общие идейные коннотации. Используемый в работе историко-сравнительный метод позволил сопоставить «политическую программу» газеты «Виленский вестник» при разных редакторах-издателях и определить общественно-политическую позицию, занимаемую местными корреспондентами в 1865–1867 гг.

3. Обсуждение

В историографии проблема осмысления корреспондентами «Виленского вестника» актуальных вопросов развития Российской империи и Северо-Западного края второй половины 1860-х гг. практически не рассматривалась. Работы, посвященные данному изданию, лишь в общих чертах освещали основные этапы его развития, выделяемые на основе анализа происходивших в регионе общественно-политических событий (Иванов, 2014). Материалы, помещенные в «Виленском вестнике», в том числе и местными корреспондентами, привлекались белорусскими исследователями для анализа политических, социально-экономических и национальных проблем северо-западных губерний (Самбук, 1976). В обзорной статье, посвященной анализу роли «Виленского вестника» в поддержке русификаторских мероприятий российских властей во второй половине XIX века, лаконично было замечено, что в 1866–1867 гг. помещаемые в газету статьи имели в основном антипольский и антисемитский характер, а исторические, этнографические и краеведческие публикации «преследовали откровенно шовинистические цели» (Путик, 2009: 5). Участие «Виленского вестника», редактируемого М.Ф. Де-Пуле, в кампании в пользу русификации католичества, развернутой М.Н. Катковым во второй половине 1860-х гг., было рассмотрено российским исследователем А.Э. Котовым (Котов, 2017). На основе анализа передовых статей газеты 1867 года он также проанализировал особую концепцию «обрусения», предложенную М.Ф. Де-Пуле, не сосредотачиваясь на характеристике идейного наполнения статей, принадлежавших местным корреспондентам (Котов, 2016).

Анализ материалов, помещаемых на страницах «Виленского вестника» представителями местного образованного общества, представляет интерес в контексте изучения общественных настроений и реакции на правительственные мероприятия в Северо-Западном крае в период с 1865 по 1867 гг., когда происходило дальнейшее развитие политики, направленной на усиление в регионе «русского элемента» при ее заметной трансформации, зависевшей от смены лиц в местной администрации. Данный период, согласно характеристике, данной редакцией «Виленского вестника», можно обозначить как эпоху перехода Северо-Западного края «к новому, более правильному существованию», время разработки «тех жизненных вопросов народа, от решения которых зависит... ничем невозмутимое существование» региона в будущем (Воспитание женщин, 1865: 1).

4. Результаты

Формирование новой политической программы «Виленского вестника» в середине 1860-х гг., основанной на идеях упрочения в Северо-Западном крае православия и русской народности, началось при редакторе-издателе А.К. Киркоре. По контракту с попечителем Виленского учебного округа он стал издавать газету с января 1860 года, поставив перед собой задачу познакомить русское общество с Северо-Западным краем, его развитием, жителями, их нравами и обычаями (От редактора, 1860: 1). С началом эскалации русского-польского конфликта в 1860-х гг. ему пришлось работать в сложных условиях формирования нового правительственного курса в отношении Северо-Западного края и польского вопроса. В открытом письме к «редактору польской газеты» А.К. Киркору польские националисты возмущались его поддержкой правящего режима и политики императора Александра II, проводимой в отношении Царства Польского и Северо-Западного края в начале 1860-х гг. Анонимный автор одного из писем к Киркору называл «Виленский вестник» «лживой и лицемерной газетой», расхваливающей распоряжения российского правительства, которые на самом деле не несли никаких благоденствий польскому народу и не возвращали ему отнятых прав (Письмо «Русского», 1964: 6-7).

В период Январского восстания 1863–1864 гг. сложились еще более неблагоприятные обстоятельства для издания «польской газеты». В феврале 1863 года А.К. Киркор навлек на себя подозрение «в недоброжелательстве к правительству», вследствие чего даже был поднят вопрос о переводе его на службу в одну из великороссийских губерний (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1863. Д. 80. Л. 50б., 70б.-8). Киркор в своей развернутой претензии к новому руководству края в лице виленского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана отмечал, что с назначением в край М.Н. Муравьева он «не жалел ни трудов, ни издержке, чтобы добросовестно исполнять волю начальства» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2021. Л. 3). В октябре 1865 года попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов сообщил Киркору о преобразовании редакции «Виленского вестника» без его участия и о признании заключенного с ним контракта на издание газеты недействительным с января 1866 года (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2021. Л. 3 об.). Редактору-издателю ставилось в вину невыполнение условий контракта на издание газеты, ее скудное снабжение статьями, в которых «проявлялось бы настоящее направление русского духа в здешнем крае», отзывались бы «чувства, знаменующие истинно русский характер, кои должны были способствовать к восстановлению в народе правительственных идей и возвращению заблудших на путь чести и долга» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2021. Л. 30б.).

С 1866 года «Виленский вестник» стал издаваться под новой «русской», а не «польской» редакцией, получая упреки от постоянных читателей из-за отсутствия передовых статей, определявших идейное направление газеты (Из письма в редакцию, 1866: 3). Под руководством

убежденного русификатора А.И. Забелина «Виленский вестник» помещал материалы в славянофильском духе, понимавшем обрусение исключительно в этническом и религиозном измерениях. Сведения об общественно-политических условиях, в которых приходилось работать редактору и его местным пророссийски ориентированным корреспондентам, отразились в письмах 1866 года А.И. Забелина к историку М.П. Погодину и публицисту И.С. Белюстину, в которых Забелин давал резко отрицательную характеристику публицистической деятельности М.Н. Каткова, а также признавался, что превратил «Виленский вестник» в орган не администрации, а общества, сочувствием которого пользовалась газета (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2030. Л. 2; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1969. Л. 5).

В начале 1866 года редакция «Виленского вестника» разослала более 600 писем русским общественным деятелям в Северо-Западном крае с просьбой о нравственном содействии ее деятельности (Письмо в редакцию, 1866: 4). В свою очередь местные корреспонденты приветствовали обновление редакции газеты, которая, по их мнению, наконец-то стала «проводником местной общерусской мысли и жизни» (По поводу 1-го тома, 1866: 1-2). Уже в январе 1866 года на призывы откликнулись корреспонденты из Ковенской губернии. Один из них, желавший «прочного успеха русскому делу», стал представлять свои наблюдения над течением местной общественной жизни с целью не допустить возникновения «женственной симпатии» в русском обществе к якобы несчастным полякам (Из Ковенской губернии, 1866: 3). В нескольких номерах газеты была помещена историческая заметка о «Виленском вестнике», автор которой характеризовал редакцию газеты под руководством А.К. Киркора как «проводника латино-польских идей». Он обвинял газету в равнодушии к русским интересам, с одной стороны, и в «излишнем, даже нахальном потворстве польщизне», с другой (Историческая заметка..., 1866: 3).

В 1867 году в редакционном отделе «Виленского вестника» снова произошли идейные трансформации. Редактором газеты стал публицист М.Ф. Де-Пуле, который уже в первой программной статье газеты отметил ряд ошибок, совершенных его предшественником. По его мнению, забелинская редакция из-за «доктринерства ..., теоретичности и поверхностного взгляда на местную жизнь», следуя «самым архаичным, самым кабинетным» теориям по еврейскому и католическому вопросам, привела в искреннее отчаяние тех евреев и поляков, которые сочувствовали политике обрусения Северо-Западного края (Вильна, 3-го января, 1867: 2). М.Ф. Де-Пуле особо отмечал, что направление, избранное газетой в 1866 году с ее упором на православие как главный критерий русскости, вызвали раздражение среди местного иноверного населения, лояльного российской власти. В последующих номерах «Виленского вестника» редактор продолжал развивать свою мысль, поддерживая принцип свободы совести и последовательно отстаивая идею русской политической нации. Он призывал иноверцев края проникнуться полнейшим уважением ко всему русскому, а местную администрацию – проводить политику обрусения, не затрагивая вопросов вероисповедания и используя «ассимилирующую силу» русского языка, литературы и науки (Вильна, 21 января, 1867: 1–2; Вильна, 24 января, 1867: 1; Вильна, 30 января, 1867: 2).

В 1867 году одним из главных идейных оппонентов «Виленского вестника» стала славянофильская газета «Москва», в полемику с которой вступил один из гродненских корреспондентов главного печатного органа Северо-Западного края, назвавший себя «Русским». Упрекая редакцию «Москвы» в абсолютной религиозной нетерпимости, он считал, что «внутреннюю покорность и внутренне изъявление преданности» со стороны иноверцев края следует достигать не преследованием, а распространением среди иноплеменных масс русского языка, развития любви к русской литературе, нравственного влияния на них русских законов, администрации и науки. Называя русский народ молодым и противопоставляя его дряхлости польского народа и польской литературы, аноним считал русскую литературу, носящую в себе «зачатки глубоко-гуманного мирозерцания», наиболее могущественным средством обрусения (Чего желает..., 1867: 2-3).

Несмотря на отсутствие идейной целостности в развитии редакционной политики «Виленского вестника» в 1865–1867 гг., во многом зависевший от лиц, входящих в его редакцию, публикуемые в нем материалы местных корреспондентов, затрагивавшие актуальные проблемы развития Северо-Западного края и Российской империи, в рассматриваемый период обладали смысловым единством. Наибольший интерес в контексте рассматриваемой проблемы представляют материалы, представленные в неофициальной части и литературном отделе газеты, в котором, наряду со статьями по истории, этнографии и статистике, помещались известия об общественной жизни края. Особое внимание местных корреспондентов привлекали злободневные вопросы, вызванные происходившими в стране переменами, актуальные не только для региона, но и для всей России. Одним из таких значимых сюжетов являлась сфера судопроизводства, подвергшаяся в данный период существенному реформированию. Общественность северо-западных губерний приветствовала благотворные последствия судебной реформы, подчеркивая ее огромное влияние на нравственное состояние общества, в котором благодаря гласности судопроизводства развивалось уважение к законности и чувство собственного достоинства (Зброевский, 1866: 2; Новая эра..., 1866: 1; О публичных докладах..., 1866: 1-2).

На протяжении рассматриваемого периода в материалах местных корреспондентов конструировался образ «русского общества здешнего края» как самостоятельной социокультурной и внесловной группы, включавшей в себя многих «порядочных, дельных и образованных людей», которые благодаря обрусительным мероприятиям «подтянулись, настроились и смотрят на свое призвание довольно сознательно» ([Письмо из Минска, 1865b: 2](#)). Описывая явления местной общественной жизни, один из минских корреспондентов газеты сообщал, что после 1863 года «изменилась физиономия целого Северо-Западного края, как будто каким-то волшебством, и мы русские смело подняли голову» ([Из Минска, 1866: 2](#)). Вместе с тем в корреспонденциях подчеркивалось, что русским людям придется еще много и долго работать, чтобы сделать край, в котором сохраняется пассивное сопротивление поляков, вполне русским ([Из виленской жизни, 1866: 3](#); [Размышления..., 1866: 2](#); [Обращик..., 1866: 2](#)).

О попытках самоорганизации лояльной российской правительству общественности северо-западных губерний свидетельствует учреждение в феврале 1865 года клуба для всех сословий в г. Орше Могилевской губернии. Информация об этом была помещена в «Виленском вестнике» учредителем Оршанского клуба П. Пищолко. Клуб учреждался с разрешения Главного начальника края М.Н. Муравьева при содействии губернатора А.П. Беклемишева. По словам его учредителей, данный клуб должен был соединить всех верноподданных России в «одну общую семью, одушевленную священным чувством любви и преданности к Великодушному Монарху... и дорогому Отечеству» ([Об открытии клуба..., 1865: 1](#)).

В 1865 году в «Виленском вестнике» была опубликована серия анонимных писем в редакцию под общим названием «О современных вопросах». Их автор от лица местного благонамеренного общества, в первую очередь дворянского, заявлял об общем желании «исправиться... искупить несчастное заблудшее прошлое», а также о готовности исполнить «программу» развития Северо-Западного края, изложенную в публичных заявлениях М.Н. Муравьева ([Письма в редакцию..., 1865a: 1](#)). Аноним призывал местное дворянство гласно и открыто словом и делом «сознательно и с любовью проникнуться духом и интересами... общего отечества – России» ([Письма в редакцию..., 1865a: 1](#)). На данное первое письмо в редакцию газеты поступил отклик согласного с ним местного жителя, который выражал надежду на то, что шляхетское сословие «искони русского края» уразумеет свою принадлежность к «общей русской семье», отмечая в то же время сохраняющуюся в ее среде «ненависть к имени русскому» ([Мы получили письмо..., 1865: 1](#)). В 1866 году при новой «русской редакции» схожие мнения приобретут откровенно полонофобский характер. Местные корреспонденты будут часто заявлять о сохранении в среде местной колонизированной интеллигенции «несбыточных надежд» и ненависти ко всему русскому, а также отстаивать идею о невозможности полякам-католикам жить в мире с православным населением края из-за постоянных козней, чинимых поляками и «полякующими» действиям русской администрации ([Из Трокского уезда, 1866: 1](#); [Из Кобринского уезда, 1866: 1](#); [Из Шавель, 1866: 2](#)).

В другом своем письме анонимный автор серии писем «О современных вопросах» продолжал развивать общерусскую идею, отмечая, что уничтожение крепостного права и «общее развитие гражданственности» в эпоху Великих реформ позволило как великорусским, так и местным крестьянам освободиться от гнета «высших привилегированных классов» и привело к осознанию того факта, что в крае есть «одна господствующая коренная народность – русская» ([Письма в редакцию..., 1865b: 2](#)). В духе общерусской идеологии мыслили и другие местные корреспонденты ([Памятники..., 1866: 2](#)). По мнению анонима, отмена крепостного права и наделение крестьян гражданскими правами имели особое значение для развития края, который получил громадные производительные силы. Следует отметить, что крестьянская реформа единодушно воспринималась местными корреспондентами как спасение западнорусских крестьян от деспотической опеки панов и ксендзов, их освобождение от «нищенства, одичалости, нравственного растрепания» ([Братства трезвости..., 1866: 2, 4](#); [По поводу проекта..., 1866: 3](#); [Из Речицкого уезда, 1866: 2](#); [Корреспонденция..., 1867f: 3](#)). Вместе с тем отмечалось, что крестьяне, не привыкшие пользоваться полученной свободой и собственностью, нуждаются в «нравственной поддержке» на новом поприще самостоятельного хозяйствования. Для развития хозяйственного потенциала крестьян и распространения среди них «здоровых понятий о сельском хозяйстве» автор писем «О современных вопросах» предлагал для наиболее способных крестьянских детей учредить земледельческие народные школы с образцовыми хуторами при них для практического обучения. По его мнению, выпускники данных школ благодаря полученным знаниям в своей родной деревне смогут стать «наставниками, руководителями и судьями, решающими споры односельцев», что будет способствовать приготовлению крестьянской среды для будущих земских учреждений в крае ([Письма в редакцию..., 1865c: 2](#)).

В других письмах в редакцию аноним предлагал «поднять» городское христианское торговое-ремесленное сословие путем распространения в нем специального образования, которое способствовало бы к уяснению мещанами и ремесленниками их «нравственного положения как русских граждан» ([Письма в редакцию..., 1865d: 1-2](#); [Письма в редакцию..., 1865e: 1](#)). Выражая мысль о необходимости создания в городах северо-западных губерний ремесленных училищ, автор руководствовался и политическими целями, которые заключались в превращении подобных учебных

заведений в «рассадник» благомыслящих «полезных ремесленных деятелей», «преданных долгу и делу, с ясным взглядом на свое политическое положение» (*Письма в редакцию...*, 1865е: 1-2). Все предложения автора были направлены на укрепление в местном населении «чувства русской народности» и налаживание его более тесных связей и контактов с великорусским народом.

Местных корреспондентов особенно волновала проблема обеспечения полной экономической и правовой самостоятельности крестьян Северо-Западного края. Один из анонимов подчеркивал, что при настоящем развитии своей свободной экономической жизни «западнорусский народ» встречает в местной интеллигенции своих врагов – поляков, а в городском сословии – «своекорыстных евреев». Для формирования «чисто народных» торговли и промышленности русским деятелям края следовало поддерживать крестьянскую самоорганизацию посредством учреждения хозяйственных и экономических обществ, состоящих из крестьян и руководимых мировыми посредниками (*По поводу проекта...*, 1866: 3). Корреспондент из Могилева также предлагал обеспечить «денежную самостоятельность» крестьян через создание при волостных правлениях крестьянских банков или ссудных касс из крестьянских капиталов (*Благотворительные и ссудные кассы...*, 1866: 2).

Одной из главных «настоятельных потребностей» периода являлось обсуждение проблемы развития системы образования и воспитания. В новых условиях за приходским учителем закреплялась роль миссионера христианства и нравственности (*Несколько слов...*, 1866: 3). В корреспонденциях отмечалось, что преподаватели русского языка в народных училищах вместе с языком должны прививать «русскую народность, русские мысли и понятия», оказывая прежде всего нравственное влияние на учеников (*Что нужно для воспитания...*, 1866: 2-3). Анонимный корреспондент в статье «Виленские народные училища» отмечал возросшую роль общественности в деле образования и воспитания, которая указывала на их многочисленные недостатки, и призывал местное общество «заявлять свое сочувствие делу народного русского образования здешнего юношества» (*Виленские народные училища*, 1865: 1). По его мнению, воспитание в Северо-Западном крае должно быть направлено на уяснение юношеством обязанностей вернопопданного и «благонамеренных помышлений» правительства возратить региону «его исконную русскую народность» (*Виленские народные училища*, 1865: 1). Корреспондент также отмечал сложность условий, в которых приходилось работать молодым наставникам, встречавшим противодействие в виде «отрицательного антагонизма» родителей учащихся.

В другом номере газеты за 1865 год было помещено письмо «Минского сторожила», также поднимавшего проблему образования в крае. Учреждение народных училищ он рассматривал в качестве действенного способа распространения образования среди простого народа северо-западных губерний. Минчанин отмечал, что поляки и здешние ополяченные русские, объявив себя «интеллигенцией края», присвоили монополию на образование и «прибрали в свои руки места по всем частям управления», «давя русских». Для автора письма определяющим критерием «русскости» выступало православное вероисповедание. В связи с этим он предлагал разработать систему материального вспомоществования для православных учеников, способных пополнить ряды «полезных деятелей», проникнутых интересами русской народности (*Письмо из Минска*, 1865а: 1). Другой корреспондент газеты учреждение народных училищ в северо-западных губерниях назвал «прочно построенной плотиной», через которую будет трудно посягнуть на настоящую «русскую» народность белорусского крестьянина. В указанных статьях особо отмечалось, что только с 1864 года образование в Северо-Западном крае приобрело «правильное направление» и, находясь в руках благонамеренных людей, ограждено от всякого вредного влияния (*О народных училищах...*, 1865: 1-2).

Особое внимание на страницах «Виленского вестника» в рассматриваемый период уделялось женскому образованию и воспитанию (*Корреспонденция...*, 1867а: 2). В одной из передовых статей газеты было отмечено, что «вопрос о воспитании женщин в настоящее время должен занимать всех», поскольку он составляет одну из самых важных потребностей края, способных предупредить в нем новые волнения. Автор передовицы отмечал, что необходима «постоянная бдительность и возможность следить неустанно за ходом воспитания», которую может обеспечить назначение от правительства в каждый частный женский пансион по одной старшей классной даме – инспектрисы (*Воспитание женщин*, 1865: 1). В другой статье, написанной жителем Минска, приветствовалось открытие в его городе женской гимназии и отмечались недостатки домашнего и пансионного воспитания, не соответствовавшего народному «русскому духу» и принесшего больше вреда, чем пользы местному «русскому обществу» (*Об открытии...*, 1865: 1).

Женский вопрос на страницах газеты поднимался и в контексте распространения в России «современной язвы» молодого поколения – нигилизма. Автор одной из статей, рассматривая причины, заставляющие женщин вступать в коммуны и фаланстерии, отмечал «сильную замкнутость настоящего поприща для женской деятельности». Для решения данной проблемы аноним предлагал предоставить женщинам, получившим образование, преимущественные перед мужчинами права занимать должности преподавателей народных училищ (*К женскому вопросу...*, 1866: 1).

Среди постоянных корреспондентов газеты было немало представителей православного духовенства края, уделявших особое внимание возрождению былого величия православного вероисповедания, а также распространению русской речи и «русского духа» в регионе,

освобождаемом от «польского господства и тяготы панской» (*Открытие в Вильне...*, 1865: 1; *Освящение православного храма...*, 1866: 2; *Освещение церкви...*, 1867: 2; *Корреспонденция...*, 1867d: 2). В их статьях укрепление православной веры было неразрывно связано с воспитанием молодого поколения «в правильном разумении гражданских обязанностей и долга к отечеству своему – России» (*Пцолко*, 1865: 2). Местные корреспонденты, относящиеся к духовному сословию, рассматривали священников и сельских наставников в качестве проводников имперской образовательной и культурной политики среди простого населения региона, указывая на имеющиеся проблемы, связанные с качеством и содержанием образования в духовных училищах северо-западных губерний и отмечая крайне слабые исторические познания местных священников (*Какие преобразования...*, 1866: 2-3). Указывалось на крайне затруднительное, даже нищенское, положение сельских наставников в отдельных губерниях Северо-Западного края, препятствовавшее им стать авторитетными духовными воспитателями для местных народных масс (*Котлинский*, 1867a: 2).

Корреспонденты газеты отдавали дань уважения деятельности мировых посредников и, следуя за основным идейным направлением газеты в этом вопросе, положительно оценивали их влияние на развитие народного образования в крае и то особое внимание, которое они уделяли процессу обучения и воспитания крестьянских детей (*Котлинский*, 1867b: 2). Вместе с тем «здешние русские» позволяли себе умеренную критику их действий и понимания ими ситуации в регионе. Так, автор корреспонденции «Белорусский семинарист» упрекал мирового посредника, обвинявшего в своей статье местное население в лукавстве, лживости и готовности унижаться перед начальством, за недостаточное знакомство с народной «натурой». Автор называл «местный русский» народ «в высшей степени честным, прямодушным и чрезвычайно патриархальным» (*По поводу статьи...*, 1867: 2).

Местные корреспонденты внесли большой вклад в понимание причин Январского восстания 1863-1864 гг., интерпретируя их в соответствии с официальной точкой зрения и приветствуя действия местной администрации, направленные на скорейшее восстановление в Северо-Западном крае прав русской народности (*Из Витебска*, 1866: 2). Одним из наиболее могущественных средств обрусения, способных укрепить русские начала в Ковенской губернии, большинство населения которой исповедовало католицизм, признавалось переселение туда русских крестьян (*Корреспонденция...*, 1867b: 2). Один из корреспондентов, подписавшийся «Quidam», призывал влить «чисто русскую струю жизни» в население данной губернии, метко названной автором «испанской провинцией для католицизма», вместе с тем указывая на то, что переселенческий процесс на литовских землях проводится слабо и нерешительно. Причину этого он усматривал в недостаточно активной агитации среди великорусских крестьян, опасавшихся перебираться в незнакомую и чуждую для них местность. По мнению анонима, мощной преградой польской пропаганде должна стать русская крестьянская община, состоящая из русских людей, призванных «оживить, разнообразить здешние устарелые, неподвижные, стесняющие жизнь и благосостояние народа порядки, которые создало польское барство и шляхетство, освятило и закрепило католичество» (*Корреспонденция...*, 1867c: 2).

В корреспонденциях «Виленского вестника» был представлен и другой взгляд на проблему водворения в крае «русского элемента» посредством переселенческой политики. Один из корреспондентов указывал на то, что для всех вновь прибывающих в край великорусских крестьян «здешняя жизнь» с иным языком и чуждыми обычаями скоро становилась в тягость. Переселившись в данную местность, они замыкались в своих особых «кружках», отказываясь от всякой солидарности с местными крестьянами, что вело к еще большему разъединению и без того этнически и религиозно пестрого населения (*Корреспонденция...*, 1867e: 2).

В 1867 году в газете была помещена обширная статья М. Десницкого, посвященная поиску средств восстановления «племенной связи между западной Русью и восточной», главным из которых он признавал распространение в западных губерниях великорусского элемента путем водворения в нем «коренных русских жителей всех сословий, начиная с дворян и до крестьян, особенно последних» (*Десницкий*, 1867: 3). Он также затрагивал значимую для региона проблему морально-нравственного облика носителя русских государственных начал, которого называл «миссионером русского дела», способного разъяснить белорусским крестьянам правительственные действия, внушить «здоровые гражданские понятия» и воспитывать в нем «родственные племенные чувства» (*Десницкий*, 1867: 3).

Корреспонденты «Виленского вестника» вступали в острую полемику с центральными российскими изданиями по вопросу о переселении в край русских землевладельцев. Представитель местной общественности П. Штер полемизировал с «Биржевыми ведомостями», доказывая неосновательность и ложность ее выводов о нерациональности и неприемлемости административных мер по водворению в крае русских землевладельцев в соответствии с Высочайшим повелением от 10 декабря 1865 года (*Несколько слов...*, 1867: 2). Другие авторы, один из которых назвал себя местным русским чиновником, в контексте полемики, развернувшейся между «Виленским вестником» и либеральной газетой «Голос», отвечали на упреки последнего о якобы малоуспешном ходе русского дела в Северо-Западном крае (*После прочтения газет*, 1867: 2). Рассматривая правительственные мероприятия, направленные на обрусение края (распространение русского землевладения в крае, укрепление православия, деполонизацию административной сферы), автор приходит к выводу о том, что край живет и развивается на основании кровных русских начал. По его

мнению, наибольшее противодействие русскому делу в северо-западных губерниях оказывали даже не представители польской шляхты, а так называемые «крайние русификаторы», деятельность которых включала в себя систематический мелкий произвол, личные преследования, бездоказательные наущения, подрывавшие авторитет российской власти (В чем же дело, 1867: 2-3).

5. Заключение

В 1865-1867 гг. газета «Виленский вестник» успешно выполняла поставленную перед ней местной администрацией задачу идейного обеспечения и информационного сопровождения правительственной политики в Северо-Западном крае. Местное официальное издание было призвано способствовать реализации стратегических целей Российской империи в регионе, которые после подавления Январского восстания 1863–1864 гг. заключались во всевозможном пресечении и предупреждении любых антиправительственных настроений, вытеснении «польско-католического элемента» из всех сфер общественной жизни местного населения и укреплении русских государственных и народных начал в крае. В эти годы местные корреспонденты «Виленского вестника», следуя редакционной политике газеты, поддерживали задачу «нравственного завоевания края», разделяемую славянофильскими изданиями «День» и «Москва» И.С. Аксакова и «Московскими ведомостями» М.Н. Каткова, активно включаясь в процесс формирования концепции русского национализма, как в его религиозно-этническом, так и в политическом измерениях. Лояльные российской власти представители местного образованного общества, направлявшие свои материалы в «Виленский вестник», способствовали формированию образа императора Александра II как «царя-обновителя», «нового устроителя целой России» и настаивали на необходимости проведения дальнейших реформ под эгидой самодержавной власти, уделяя особое внимание крестьянскому вопросу, состоянию системы образования в крае и проблемам, связанным с процессом водворения в нем «русского элемента» посредством русского землевладения. Представители местной общественности, поддерживавшие политику российского правительства, предлагали комплекс мер, позволявший, по их мнению, не только вытеснить из края враждебный русским государственным началам «польский элемент», но и углубить интеграционный вектор правительственного курса, направленный на формирование у жителей Северо-Западного края общерусской идентичности.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00080 «Актуальные проблемы развития Российской империи в воззрениях пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края в 1850-1870-е гг.».

Литература

- Благотворительные и ссудные кассы, 1866 – Благотворительные и ссудные кассы для народа // *Виленский вестник*. 1866. № 53. С. 2.
- Братства трезвости, 1866 – Братства трезвости в Северо-Западном крае // *Виленский вестник*. 1866. № 29. С. 2-4.
- Виленские народные училища, 1865 – Виленские народные училища // *Виленский вестник*. 1865. № 31. С. 1.
- Вильна, 3-го января, 1867 – Вильна, 3-го января // *Виленский вестник*. 1867. № 1. С. 2.
- Вильна, 21 января, 1867 – Вильна, 21 января // *Виленский вестник*. 1867. № 9. С. 1-2.
- Вильна, 24 января, 1867 – Вильна, 24 января // *Виленский вестник*. 1867. № 10. С. 1.
- Вильна, 30 января, 1867 – Вильна, 30 января // *Виленский вестник*. 1867. № 13. С. 2.
- Воспитание женщин, 1865 – Воспитание женщин // *Виленский вестник*. 1865. № 31. С. 1.
- В чем же дело, 1867 – В чем же дело? // *Виленский вестник*. 1867. № 93. С. 2-3.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Десницкий, 1867 – Десницкий М. О некоторых средствах к восстановлению племенных связей между Восточной и Западной Русью // *Виленский вестник*. 1867. № 1. С. 3.
- Зброевский, 1866 – Зброевский Л. О гласных судебных докладах // *Виленский вестник*. 1866. № 4. С. 2.
- Иваню, 2014 – Иваню А.А. Эволюция издания газеты «Віленскі Веснік» на працягу XIX стагоддзя // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2014. № 1. С. 69-73.
- Из Виленской жизни, 1866 – Из Виленской жизни // *Виленский вестник*. 1866. № 47. С. 3.
- Из Витебска, 1866 – Из Витебска // *Виленский вестник*. 1866. № 114. С. 2.
- Из Кобринского уезда, 1866 – Из Кобринского уезда // *Виленский вестник*. 1866. № 92. С. 1.
- Из Ковенской губернии, 1866 – Из Ковенской губернии // *Виленский вестник*. 1866. № 27. С. 3.
- Из Минска, 1866 – Из Минска // *Виленский вестник*. 1866. № 41. С. 2.
- Из письма в редакцию, 1866 – Из письма в редакцию // *Виленский вестник*. 1866. № 14. С. 3.
- Из Речицкого уезда, 1866 – Из Речицкого уезда // *Виленский вестник*. 1866. № 94. С. 2.
- Из Трокского уезда, 1866 – Из Трокского уезда // *Виленский вестник*. 1866. № 34. С. 1.

- Из Шавель, 1866 – Из Шавель // *Виленский вестник*. 1866. № 97. С. 2.
- Историческая заметка..., 1866 – Историческая заметка о «Виленском вестнике» // *Виленский вестник*. 1866. № 68; № 70; № 74.
- Какие преобразования..., 1866 – Какие преобразования можно и нужно бы сделать в православных семинариях Северо-Западного края // *Виленский вестник*. 1866. № 37. С. 2-3.
- К женскому вопросу..., 1866 – К женскому вопросу (письмо к редактору) // *Виленский вестник*. 1866. № 107. С. 1.
- Корреспонденция..., 1867a – Корреспонденция «Виленского вестника». Бобруйск, 26 февраля // *Виленский вестник*. 1867. № 30. С. 2.
- Корреспонденция..., 1867b – Корреспонденция «Виленского вестника». Из Жмуди // *Виленский вестник*. 1867. № 53. С. 2.
- Корреспонденция..., 1867c – Корреспонденция «Виленского вестника». Тельши, 1 июня 1867 г. // *Виленский вестник*. 1867. № 72. С. 3.
- Корреспонденция..., 1867d – Корреспонденция «Виленского вестника». Волковыск, 16 июня // *Виленский вестник*. 1867. № 82. С. 2.
- Корреспонденция..., 1867e – Корреспонденция «Виленского вестника». Минск, 12 сентября // *Виленский вестник*. 1867. № 111. С. 2.
- Корреспонденция..., 1867f – Корреспонденция «Виленского вестника». Пинск, 2-го октября // *Виленский вестник*. 1867. № 120. С. 3.
- Котлинский, 1867 – Котлинский А. Корреспонденция «Виленского вестника». Из Дисненского уезда, 12 марта // *Виленский вестник*. № 39–40. С. 2.
- Котлинский, 1867 – Котлинский А. Праздничный вечер в сельской школе // *Виленский вестник*. 1867. № 14. С. 2.
- Котов, 2016 – Котов А.Э. М.Ф. Де-Пуле – редактор «Виленского вестника» // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 2. С. 38-43.
- Котов, 2017 – Котов А.Э. «Русское латинство» 1860-х годов как элемент идеологии бюрократического национализма // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 2 (144). С. 122-136.
- Миловидов, 1914 – Миловидов А.Н. Пятидесятилетие «Виленского вестника» русской редакции. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1914. 52 с.
- Муравьев, 1885 – Муравьев М.Н. Записка М.Н. Муравьева. Лично представлена Государю Императору в Петербург 5 апреля 1865 года // *Русский Архив*. 1885. № 6. С. 197-199.
- Мы получили письмо..., 1865 – Мы получили письмо следующего содержания // *Виленский вестник*. 1865. № 173. С. 1.
- Несколько слов..., 1866 – Несколько слов о характере народных училищ // *Виленский вестник*. 1866. № 8. С. 3.
- Несколько слов..., 1867 – Несколько слов по поводу статьи «Биржевых ведомостей» // *Виленский вестник*. 1867. № 92. С. 2.
- Новая эра, 1866 – Новая эра юстиции в России (17 апреля 1866) // *Виленский вестник*. 1866. № 82. С. 1.
- Об открытии клуба..., 1865 – Об открытии клуба в г. Орше Могилевской губернии // *Виленский вестник*. 1865. № 17. С. 1.
- Об открытии..., 1865 – Об открытии женской гимназии в г. Минске // *Виленский вестник*. 1865. № 74. С. 1.
- Обращик..., 1866 – Обращик польской наглости в Вильне // *Виленский вестник*. 1866. № 51. С. 2.
- О народных училищах..., 1865 – О народных училищах в Минской губернии // *Виленский вестник*. 1865. № 88. С. 1-2.
- О публичных докладах..., 1866 – О публичных докладах дел в судебных местах г. Минска // *Виленский вестник*. 1866. № 30. С. 1-2.
- Освящение православного храма..., 1866 – Освящение православного храма в местечке Мир, Новогрудского уезда // *Виленский вестник*. 1866. № 12. С. 2.
- Освящение церкви..., 1867 – Освящение церкви в селе Яршевичах // *Виленский вестник*. 1867. № 10. С. 2.
- От редактора, 1860 – От редактора // *Виленский вестник*. 1860. № 1. С. 1
- Открытие в Вильне..., 1865 – Открытие в Вильне православного Свято-духовного братства // *Виленский вестник*. 1865. № 172. С. 1.
- Памятники..., 1866 – Памятники народного творчества в Северо-Западном крае // *Виленский вестник*. 1866. № 25; № 30.
- Письма в редакцию..., 1865a – Письма в редакцию о современных вопросах. Письмо первое // *Виленский вестник*. 1865. № 139. С. 1.
- Письма в редакцию..., 1865b – Письма в редакцию о современных вопросах. Письмо второе // *Виленский вестник*. 1865. № 142. С. 2.
- Письма в редакцию..., 1865c – Письма в редакцию о современных вопросах. Письмо третье // *Виленский вестник*. 1865. № 146. С. 2.

- Письма в редакцию..., 1865d** – Письма в редакцию о современных вопросах. Письмо четвертое // *Виленский вестник*. 1865. № 162. С. 1-2.
- Письма в редакцию..., 1865e** – Письма в редакцию о современных вопросах. Письмо пятое // *Виленский вестник*. 1865. № 169. С. 1.
- Письмо в редакцию, 1866** – Письмо в редакцию // *Виленский вестник*. 1866. № 15. С. 4.
- Письмо из Минска, 1865a** – Письмо из Минска // *Виленский вестник*. 1865. № 13. С. 1.
- Письмо из Минска, 1865b** – Письмо из Минска // *Виленский вестник*. 1865. № 70. С. 2.
- Письмо «Русского», 1964** – Письмо «Русского» редактору газеты «Виленский вестник» А. Киркору, разоблачающее сущность политики царского правительства в Польше, Литве и Белоруссии 18 октября 1860 г. // *Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861 – 1862 гг.* Москва: Наука, 1964. С. 5-8.
- По поводу 1-го тома..., 1866** – По поводу 1-го тома актов, издаваемых Виленской археографической комиссией // *Виленский вестник*. 1866. № 59. С. 1-2.
- По поводу проекта..., 1866** – По поводу проекта общества взаимного страхования от огня крестьянских построек во 2-м участке Кобринского уезда Гродненской губернии // *Виленский вестник*. 1866. № 51. С. 3.
- По поводу статьи..., 1867** – По поводу статьи «Заметки наблюдателя» // *Виленский вестник*. 1867. № 25. С. 2.
- После прочтения газет, 1867** – После прочтения газет // *Виленский вестник*. 1867. № 98. С. 2.
- Путик, 2009** – *Путик В.С.* «Виленский Вестник» русской редакции как источник по истории правительственной политики в Северо-Западном крае (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Сучасныя падыходы да вывучэння крыніц па гісторыі Беларусі. Да 1000-годдзя летаніснай Літвы: матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., г. Мінск, 18 снеж. 2009 г.* Мінск: БДПУ. С. 107-112.
- Пщолко, 1865** – *Пщолко А.* Слово по случаю закладки новой церкви во имя Св. великомученика Георгия Победоносца в селе Гейшишках, Виленского уезда // *Виленский вестник*. 1865. № 111. С. 2.
- Размышления..., 1866** – Размышления виленского старожила // *Виленский вестник*. 1866. № 51. С. 2.
- Самбук, 1976** – *Самбук С.М.* Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати). Минск: Наука и техника, 1976. 184 с.
- Чего желает..., 1867** – Чего желает газета «Москва»? (Письмо к редактору) // *Виленский вестник*. 1867. № 13. С. 2-3.
- Что нужно для воспитания..., 1866** – Что нужно для воспитания учащихся в городских начальных училищах Северо-Западного края // *Виленский вестник*. 1866. № 106. С. 2-3.
- Habermas, 1989** – *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: Polity Press, 1989. 301 p.

References

- Blagotvoritel'nye i ssudnye kassy, 1866** – Blagotvoritel'nye i ssudnye kassy dlya naroda [Charitable and loan funds for the people]. *Vilna Bulletin*. 53: 2. [in Russian]
- Bratstva trezvosti, 1866** – Bratstva trezvosti v Severo-Zapadnom krae [Temperance Brotherhoods in the North-Western Territory]. *Vilna Bulletin*. 29: 2-4. [in Russian]
- Chego zhelaet..., 1867** – Chego zhelaet gazeta «Moskva»? (Pis'mo k redaktoru) [What does the newspaper «Moscow» want? (Letter to the editor)]. *Vilna Bulletin*. 13: 2-3. [in Russian]
- Chto nuzhno dlya vospitaniya..., 1866** – Chto nuzhno dlya vospitaniya uchashchikhsya v gorodskikh nachal'nykh uchilishchakh Severo-Zapadnogo kraya [What is needed for the education of students in urban primary schools of the North-Western Territory]. *Vilna Bulletin*. 106: 2-3. [in Russian]
- Desnitskii, 1867** – *Desnitskii, M.* (1867). O nekotorykh sredstvakh k vosstanovleniyu plemennykh svyazei mezhdru Vostochnoi i Zapadnoi Rus'yu [About some means for restoring tribal ties between Eastern and Western Russia]. *Vilna Bulletin*. 1: 3. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Habermas, 1989** – *Habermas, J.* (1989). The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: Polity Press, 301 p.
- Istoricheskaya zametka..., 1866** – Istoricheskaya zametka o «Vilenskom vestnike» [Historical note about the “Vilna Bulletin”]. *Vilna Bulletin*. № 68, 70, 74. [in Russian]
- Iz Kobrinskogo uezda, 1866** – Iz Kobrinskogo uezda [From Kobrin district]. *Vilna Bulletin*. 92: 1. [in Russian]
- Iz Kovenskoj gubernii, 1866** – Iz Kovenskoj gubernii [From the Kovno province]. *Vilna Bulletin*. 27: 3. [in Russian]
- Iz Minska, 1866** – Iz Minska [From Minsk]. *Vilna Bulletin*. 41: 2. [in Russian]
- Iz pis'ma v redaktsiyu, 1866** – Iz pis'ma v redaktsiyu [From a letter to the editor]. *Vilna Bulletin*. 14: 3. [in Russian]
- Iz Rechitskogo uezda, 1866** – Iz Rechitskogo uezda [From Rechitsky uyezd]. *Vilna Bulletin*. 94: 2. [in Russian]

- [Iz Shavel', 1866](#) – Iz Shavel' [From Shavel]. *Vilna Bulletin*. 97: 2. [in Russian]
- [Iz Trokского uезда, 1866](#) – Iz Trokского uезда [From Troksky uyezd]. *Vilna Bulletin*. 34: 1. [in Russian]
- [Iz Vilenskoj zhizni, 1866](#) – Iz Vilenskoj zhizni [From Vilna life]. *Vilna Bulletin*. 47: 3. [in Russian]
- [Iz Vitebska, 1866](#) – Iz Vitebska [From Vitebsk]. *Vilna Bulletin*. 114: 2. [in Russian]
- [K zhenskomu voprosu..., 1866](#) – K zhenskomu voprosu (pis'mo k redaktoru) [To the women's question (letter to the editor)]. *Vilna Bulletin*. 107: 1. [in Russian]
- [Kakie preobrazovaniya..., 1866](#) – Kakie preobrazovaniya mozžno i nuzhno by sdelat' v pravoslavnykh seminariyakh Severo-Zapadnogo kraja [What transformations can and should be done in the Orthodox seminaries of the North-Western region]. *Vilna Bulletin*. 37: 2-3. [in Russian]
- [Korrespondentsiya..., 1867a](#) – Korrespondentsiya «Vilenskogo vestnika». Bobruisk, 26 fevralya [Correspondence of the Vilna Bulletin. Bobruisk, February 26]. *Vilna Bulletin*. 30: 2. [in Russian]
- [Korrespondentsiya..., 1867b](#) – Korrespondentsiya «Vilenskogo vestnika». Iz Zhmudi [Correspondence of the Vilna Bulletin. From Zhmudi]. *Vilna Bulletin*. 53: 2. [in Russian]
- [Korrespondentsiya..., 1867c](#) – Korrespondentsiya «Vilenskogo vestnika». Tel'shi, 1 iyunya 1867 g. [Correspondence of the Vilensky Vestnik. Telshi, June 1, 1867]. *Vilna Bulletin*. 72: 3. [in Russian]
- [Korrespondentsiya..., 1867d](#) – Korrespondentsiya «Vilenskogo vestnika». G. Volkovysk, 16 iyunya [Correspondence of the Vilna Bulletin. Volkovysk, June 16]. *Vilna Bulletin*. 82: 2. [in Russian]
- [Korrespondentsiya..., 1867e](#) – Korrespondentsiya «Vilenskogo vestnika». Minsk, 12 sentyabrya [Correspondence of the Vilna Bulletin. Minsk, September 12]. *Vilna Bulletin*. 111: 2. [in Russian]
- [Korrespondentsiya..., 1867f](#) – Korrespondentsiya «Vilenskogo vestnika». Pinsk, 2-go oktyabrya [Correspondence of the Vilna Bulletin. Pinsk, October 2]. *Vilna Bulletin*. 120: 3. [in Russian]
- [Kotlinskii, 1867](#) – *Kotlinskii, A.* (1867). Korrespondentsiya «Vilenskogo vestnika». Iz Disnenskogo uезда, 12 marta [Correspondence of the Vilna Bulletin. From Disninsky district, March 12]. *Vilna Bulletin*. 39-40: 2. [in Russian]
- [Kotlinskii, 1867](#) – *Kotlinskii, A.* (1867). Prazdnichnyi vecher v sel'skoi shkole [A festive evening at a rural school]. *Vilna Bulletin*. 14: 2. [in Russian]
- [Kotov, 2016](#) – *Kotov, A.E.* (2016). M.F. De-Pule – redaktor «Vilenskogo vestnika» [M.F. De Poulet – editor of the “Vilna Bulletin”]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya “Gumanitarnye nauki”. 2: 38-43. [in Russian]
- [Kotov, 2017](#) – *Kotov, A.E.* (2017). «Russkoe latinstvo» 1860-kh godov kak element ideologii byurokraticeskogo natsionalizm [“Russian Latinism” of the 1860s as an element of the ideology of bureaucratic nationalism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2(144): 122-136. [in Russian]
- [Milovidov, 1914](#) – *Milovidov, A.N.* (1914). Pyatidesyatiletie «Vilenskogo vestnika» russkoi redaktsii [The fiftieth Anniversary of the Vilna Bulletin of the Russian edition]. Vil'na: Tip. A.G. Syrkina, 52 p. [in Russian]
- [Murav'ev, 1885](#) – *Murav'ev, M.N.* (1885). Zapiska M.N. Murav'eva. Lichno predstavlena Gosudaryu Imperatoru v Peterburg 5 aprelya 1865 goda [Note by M.N. Muravyov. Personally presented to the Emperor in St. Petersburg on April 5, 1865]. *Russkii Arkhiv*. 6: 197-199. [in Russian]
- [My poluchili pis'mo..., 1865](#) – My poluchili pis'mo sleduyushchego soderzhaniya [We received a letter with the following content]. *Vilna Bulletin*. 173: 1. [in Russian]
- [Neskol'ko slov..., 1866](#) – Neskol'ko slov o kharaktere narodnykh uchilishch [A few words about the nature of public schools]. *Vilna Bulletin*. 8: 3. [in Russian]
- [Neskol'ko slov..., 1867](#) – Neskol'ko slov po povodu stat'i «Birzhevnykh vedomostei» [A few words about the article «Stock Exchange Vedomosti»]. *Vilna Bulletin*. 92: 2. [in Russian]
- [Novaya era, 1866](#) – Novaya era yustitsii v Rossii (17 aprelya 1866) [A new era of justice in Russia (April 17, 1866)]. *Vilna Bulletin*. 82: 1. [in Russian]
- [O narodnykh uchilishchakh..., 1865](#) – O narodnykh uchilishchakh v Minskoj gubernii [About public schools in the Minsk province]. *Vilna Bulletin*. 88: 1-2. [in Russian]
- [O publichnykh dokladakh..., 1866](#) – O publichnykh dokladakh del v sudebnykh mestakh g. Minska [On public reports of cases in judicial places in Minsk]. *Vilna Bulletin*. 30: 1-2. [in Russian]
- [Ob otkrytii kluba..., 1865](#) – Ob otkrytii kluba v g. Orshe Mogilevskoi gubernii [On the opening of the club in Orsha, Mogilev province]. *Vilna Bulletin*. 17: 1. [in Russian]
- [Ob otkrytii..., 1865](#) – Ob otkrytii zhenskoi gimnazii v g. Minske [About the opening of a women's gymnasium in Minsk]. *Vilna Bulletin*. 74: 1. [in Russian]
- [Obrashchik..., 1866](#) – Obrashchik pol'skoi naglosti v Vil'ne [Obraschik of Polish insolence in Vilna]. *Vilna Bulletin*. 51: 2. [in Russian]
- [Osvyashchenie pravoslavnogo khrama..., 1866](#) – Osvyashchenie pravoslavnogo khrama v mestechke Mir, Novogrudskogo uезда [Consecration of the Orthodox church in the village of Mir, Novogrudok district]. *Vilna Bulletin*. 12: 2. [in Russian]
- [Osvyashchenie tserkvi..., 1867](#) – Osvyashchenie tserkvi v sele Yarshevichakh [Consecration of the church in the village of Yarshevichi]. *Vilna Bulletin*. 10: 2. [in Russian]
- [Ot redaktora, 1860](#) – Ot redaktora [From the editor]. *Vilna Bulletin*. 1: 1. [in Russian]

- Otkrytie v Vil'ne..., 1865** – Otkrytie v Vil'ne pravoslavnogo Svyato-dukhovnogo bratstva [Opening of the Orthodox Holy Spiritual Brotherhood in Vilna]. *Vilna Bulletin*. 172: 1. [in Russian]
- Pamyatniki..., 1866** – Pamyatniki narodnogo tvorchestva v Severo-Zapadnom krae [Monuments of folk art in the North-Western region]. *Vilna Bulletin*. 25: 30. [in Russian]
- Pis'ma v redaktsiyu..., 1865a** – Pis'ma v redaktsiyu o sovremennykh voprosakh. Pis'mo pervoe [Letters to the editor about modern issues. The first letter]. *Vilna Bulletin*. 139: 1. [in Russian]
- Pis'ma v redaktsiyu..., 1865b** – Pis'ma v redaktsiyu o sovremennykh voprosakh. Pis'mo vtoroe [Letters to the editor about modern issues. The second letter]. *Vilna Bulletin*. 142: 2. [in Russian]
- Pis'ma v redaktsiyu..., 1865c** – Pis'ma v redaktsiyu o sovremennykh voprosakh. Pis'mo tret'e [Letters to the editor about modern issues. The third letter]. *Vilna Bulletin*. 146: 2. [in Russian]
- Pis'ma v redaktsiyu..., 1865d** – Pis'ma v redaktsiyu o sovremennykh voprosakh. Pis'mo chetvertoe [Letters to the editor about modern issues. The fourth letter]. *Vilna Bulletin*. 162: 1-2. [in Russian]
- Pis'ma v redaktsiyu..., 1865e** – Pis'ma v redaktsiyu o sovremennykh voprosakh. Pis'mo pyatoe [Letters to the editor about modern issues. Fifth letter]. *Vilna Bulletin*. 169: 1. [in Russian]
- Pis'mo «Russkogo», 1964** – Pis'mo «Russkogo» redaktoru gazety «Vilenskii vestnik» A. Kirkoru, razoblachayushchee sushchnost' politiki tsarskogo pravitel'stva v Pol'she, Litve i Belorussii 18 oktyabrya 1860 g. [A letter from a Russian to the editor of the newspaper Vilensky Vestnik A. Kirkor, exposing the essence of the policy of the tsarist government in Poland, Lithuania and Belarus on October 18, 1860]. *Revolutsionnyi pod'em v Litve i Belorussii v 1861 – 1862 gg.* Moskva: Nauka, 1964. Pp. 5-8. [in Russian]
- Pis'mo iz Minska, 1865a** – Pis'mo iz Minska [Letter from Minsk]. *Vilna Bulletin*. 13: 1. [in Russian]
- Pis'mo iz Minska, 1865b** – Pis'mo iz Minska [Letter from Minsk]. *Vilna Bulletin*. 70: 2. [in Russian]
- Pis'mo v redaktsiyu, 1866** – Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Vilna Bulletin*. 15: 4. [in Russian]
- Po povodu 1-go toma..., 1866** – Po povodu 1-go toma aktov, izdavaemykh Vilenskoj arkhograficheskoi komissiei [Concerning the 1st volume of acts issued by the Vilna Archeographic Commission]. *Vilna Bulletin*. 59: 1-2. [in Russian]
- Po povodu proekta..., 1866** – Po povodu proekta obshchestva vzaimnogo strakhovaniya ot ognya krest'yanskikh postroek vo 2-m uchastke Kobrinskogo uyezda Grodnenskoj gubernii [About the project of the mutual fire insurance society of peasant buildings in the 2nd section of the Kobrin district of the Grodno province]. *Vilna Bulletin*. 51: 3. [in Russian]
- Po povodu stat'i..., 1867** – Po povodu stat'i «Zametki nablyudatelya» [About the article «Observer's notes»]. *Vilna Bulletin*. 25: 2. [in Russian]
- Posle prochteniya gazet, 1867** – Posle prochteniya gazet [After reading the newspapers]. *Vilna Bulletin*. 98: 2. [in Russian]
- Pshcholko, 1865** – *Pshcholko, A.* (1865). Slovo po sluchayu zakladki novoi tserkvi vo imya Sv. velikomuchenika Georgiya Pobedonostsa v sele Geishishkakh, Vilenskogo uyezda [Word on the occasion of the laying of a new church in the name of St. Great Martyr George the Victorious in the village of Geishishki, Vilna county]. *Vilna Bulletin*. 111: 2. [in Russian]
- Putik, 2009** – *Putik, V.S.* (2009). «Vilenskii Vestnik» russkoj redaktsii kak istochnik po istorii pravitel'svennoi politiki v Severo-Zapadnom krae (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [“Vilensky Bulletin” of the Russian edition as a source on the history of government policy in the North-Western Region (the second half of the XIX – early XX century)]. *Modern approaches to the study of sources on the history of Belarus. To the 1000th anniversary of the Chronicle of Lithuania: materials of the Republic of Sciences-theoretical. Conf., Minsk, December 18. 2009.* Minsk: BSPU, pp. 107-112. [in Russian]
- Razmyshleniya..., 1866** – Razmyshleniya vilenskogo starozhila [Reflections of the Vilna old-timer]. *Vilna Bulletin*. 51: 2. [in Russian]
- Sambuk, 1976** – *Sambuk, S.M.* (1976). Obshchestvenno-politicheskaya mysl' Belorussii vo vtoroi polovine XIX veka (po materialam periodicheskoi pechati) [Socio-political thought of Belarus in the second half of the XIX century (based on the materials of the periodical press)]. Minsk: Science and Technology, 184 p. [in Russian]
- V chem zhe delo, 1867** – V chem zhe delo? [What's the matter?]. *Vilna Bulletin*. 93: 2-3. [in Russian]
- Vilenskie narodnye uchilishcha, 1865** – Vilenskie narodnye uchilishcha [Vilna folk schools]. *Vilna Bulletin*. 31: 1. [in Russian]
- Vil'na, 21 yanvarya, 1867** – Vil'na, 21 yanvarya [Vilna, January 21]. *Vilna Bulletin*. 9: 1-2. [in Russian]
- Vil'na, 24 yanvarya, 1867** – Vil'na, 24 yanvarya [Vilna, January 24]. *Vilna Bulletin*. 10: 1. [in Russian]
- Vil'na, 30 yanvarya, 1867** – Vil'na, 30 yanvarya [Vilna, January 30]. *Vilna Bulletin*. 13: 2. [in Russian]
- Vil'na, 3-go yanvarya, 1867** – Vil'na, 3-go yanvarya [Vilna, January 3]. *Vilna Bulletin*. 1: 2. [in Russian]
- Vospitanie zhenshchin, 1865** – Vospitanie zhenshchin [Education of women]. *Vilna Bulletin*. 31: 1. [in Russian]
- Zbroevskii, 1866** – *Zbroevskii, L.* (1866). O glasnykh sudebnykh dokladakh [About public judicial reports]. *Vilna Bulletin*. 4: 2. [in Russian]
- Ivanoj, 2014** – *Ivanoj, A.A.* (2014). Evalyutsyya vydannya gazety «vilenski VESNIK» na pratsyagu XIX stagoddzya [The evolution of the publication of the newspaper «Vilna Bulletin» during the 19th

century]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 1: 69-73. [in Belarusian]

Пророссийски ориентированная общественность Северо-Западного края об актуальных проблемах современности на страницах «Виленского вестника» во второй половине 1860-х гг.

Оксана Олеговна Завьялова ^{а, *}

^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В публикации на основе анализа статей, писем и заметок, направляемых местными корреспондентами в газету «Виленский вестник» в 1865–1867 гг., выявляются воззрения пророссийски ориентированной общественности Северо-Западного края на актуальные вопросы развития Российской империи и региона, раскрываются особенности общественно-политической позиции ее отдельных представителей. На основе применения коммуникативного подхода материалы газеты рассматриваются как форма выражения политической лояльности и единый «коммуникативный поток», в рамках которого вырабатывались ценностные суждения и оценки, значимые как для администрации края, так и для местной общественности. Местные корреспонденты «Виленского вестника» в условиях преодоления социально-политического кризиса в Северо-Западном крае во второй половине 1860-х гг. выступали в качестве участников официального имперского дискурса, направленного на выработку идейных основ интегративного курса, реализуемого российским властями.

Делается вывод о том, что в 1865–1867 гг. корреспонденты «Виленского вестника» из северо-западных губерний, следуя редакционной политике газеты, поддерживали задачу «нравственного завоевания края» и активно включились в процесс формирования концепции русского национализма как в его религиозно-этническом, так и в политическом измерениях. Лояльные российской власти представители местного образованного общества, направлявшие свои материалы в «Виленский вестник», способствовали формированию образа императора Александра II как «царя-обновителя», «нового устроителя целой России» и настаивали на необходимости проведения дальнейших реформ под эгидой самодержавной власти. Представители местной общественности, поддерживавшие политику российского правительства, предлагали комплекс мер, позволявший, по их мнению, не только вытеснить из края враждебный русским государственным началам «польский элемент», но и углубить интеграционный вектор правительственного курса, направленный на формирование у жителей Северо-Западного края общерусской идентичности.

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Западный край, Александр II, «Виленский вестник», А.К. Киркор, А.И. Забелин, пророссийски ориентированная общественность, политическая лояльность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zavyalova@sfedu.ru (О.О. Завьялова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 232-237
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.232

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Warsaw School District (1867–1916)

Irina Yu. Cherkasova ^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva ^c, Valentina S. Nikitina ^d, Natalia V. Svechnikova ^e

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The paper examines the pedagogical periodical press of the Warsaw School District in the period of 1867–1916. The attention is paid to the geographical distribution of these publications, as well as to the internal criticism of these publications as a historical source. The source base of our research is based on materials from pre-revolutionary periodicals and highly specialized reference works on the history of periodicals. Methodologically, the work is based on the method of content analysis, thanks to which a selection of periodicals published in 1867–1916 was made on the territory of the Warsaw School District.

The authors conclude that 6 scientific pedagogical publications were published on the territory of the Warsaw Educational District in the period from 1867 to 1916. All of them were associated with either the Imperial Warsaw University or the Warsaw School District. The first two magazines (“Tsirkulyar po Varshavskomu uchebnomu okrugu” and “Russkii filologicheskii vestnik”) existed for more than 30 years. Moreover, the “Russkii filologicheskii vestnik” has become an authoritative and recognizable publication in the scientific and pedagogical life of the Russian Empire. Another, later popular, publication for physicists was published in Warsaw – the journal “Fizicheskoe obozrenie”. This journal was published in Warsaw in 1900–1905, and then moved to Kiev. Among the other publications, the journal “Domashnee i shkol'noe obrazovanie” (the period of publication 1911–1914) was distinguished by great longevity, while two other publications (“Voprosy pedagogiki” and “Ekho universiteta”) ceased publication in the first year of its existence.

Keywords: pedagogical periodical press, Warsaw Educational District, Russian Empire, 1867–1916.

1. Введение

Варшавский учебный округ был основан в 1839 г., а его административным центром был город Варшава. В состав территорий учебного округа входили Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская и другие польские губернии. В 1897 г. на этих территориях проживало более 8,5 млн человек (4,3 млн мужчин и 4,3 млн женщин), из которых 1,9 млн были городскими жителями (Население..., 1898: 5-29). На территории округа в 1869 г. в городе Варшава был основан собственный университет – Императорский Варшавский университет (Cherkasov, 2023: 1688-1689).

2. Материалы и методы

Источниковая база нашего исследования опирается на материалы дореволюционной периодической печати и узкоспециализированные справочные труды по истории периодической печати. Среди первых работ необходимо назвать «Циркуляр по Варшавскому учебному округу», «Вопросы педагогики», «Журнал министерства народного просвещения» и другие. Среди справочных

* Corresponding author

E-mail addresses: Cherkasovairina42@gmail.com (I.Yu. Cherkasova)

изданий мы хотели бы назвать работу А.А. Черкасова о научном и демографическом потенциале учебных округов Российской империи (Cherkasov, 2023), работу Н.Н. Аблова о научных периодических изданиях (Аблов, 1937), а также труд Н. Флоренского по созданию критико-библиографического обзора новейших трудов и изданий по славяноведению (Флоренский, 1904).

Методологически работа опирается на метод контент-анализа, благодаря которому была сделана выборка периодических изданий, издаваемых в 1867–1916 гг. на территории Варшавского учебного округа. При этом важное значение для нас имел и ретроспективный метод, который позволил нам выстроить свою работу с учетом хронологической последовательности событий.

3. Обсуждение

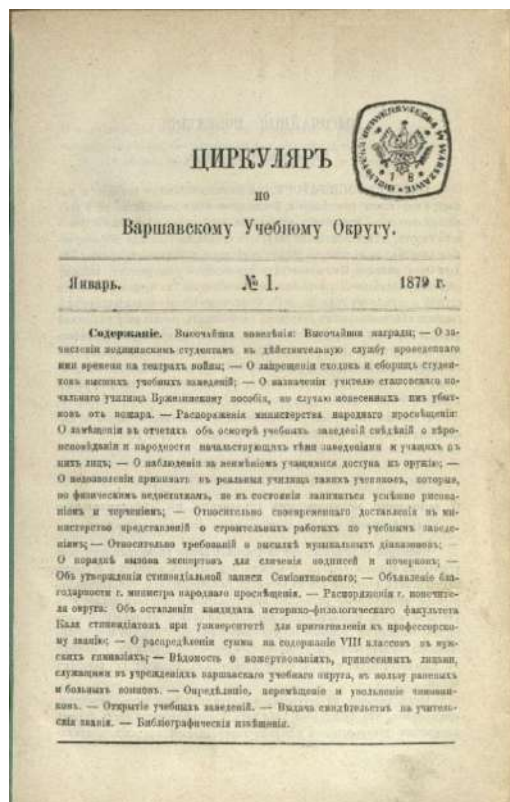
Историографию темы нашего исследования мы разделили на несколько групп: историографию, посвященную периодическим изданиям на территории Варшавского учебного округа, а также историографию о периодических изданиях на территориях других учебных округов Российской империи.

Что касается первой группы, то здесь исследователи большое внимание уделяли «Русскому филологическому вестнику» и его редакторам. Так, журналу и его последнему редактору уделили свое внимание Л.Д. Бондарь и А.А. Карский (Бондарь, Карский, 2020), Л.Д. Сильнова обратила внимание на журнал в контексте его отражения в биографии и личной библиотеке академика Е.Ф. Карского (Сильнова, 2015), о последнем редакторе этого журнала писал для «Православной энциклопедии» и И.А. Чарота (Чарота, 2013). Обращались исследователи и к биографиям редакторов других варшавских журналов. Так, например, к биографии редактора журнала «Физическое обозрение» профессору П.А. Зилкову обращался Ю.А. Храмов (Храмов, 1983).

Что же касается историографии, посвященной периодической печати других учебных округов Российской империи, то здесь можно назвать следующие работы: И.Ю. Черкасовой и других о педагогических изданиях на территории Оренбургского учебного округа (Cherkasova et al., 2023), А.М. Мамадалиева и других об аналогичных процессах на территории Киевского учебного округа (Mamadaliyev et al., 2023), Харьковского учебного округа (Mamadaliyev et al., 2023a), Рижского учебного округа (Mamadaliyev et al., 2023b) и Кавказского учебного округа (Mamadaliyev et al., 2022). Помимо этого, к теме педагогической периодической печати на примере Казанского учебного округа обращались В.Д. Музыкант и другие (Muzykant et al., 2022).

4. Результаты

Как отмечал А.А. Черкасов, на территории Варшавского учебного округа издавалось 6 педагогических периодических изданий, все в административном центре, городе Варшаве.

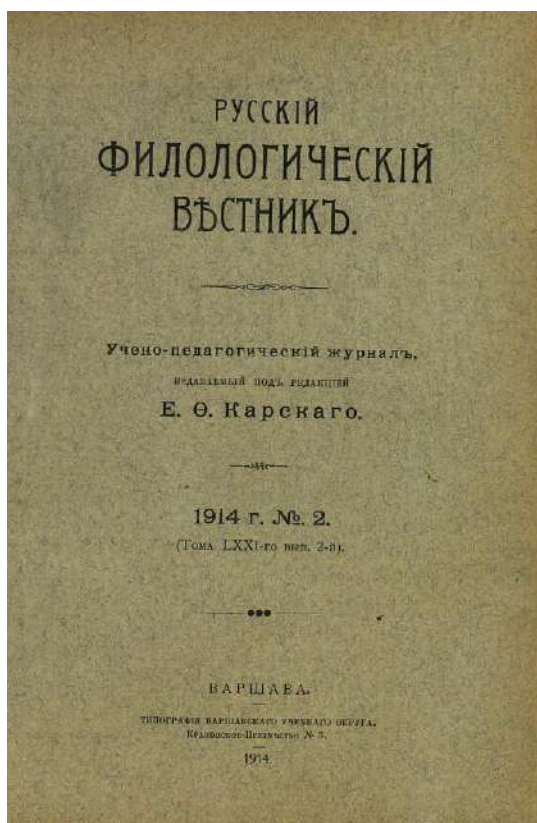

Рис. 1. Титульная страница журнала «Циркуляръ по Варшавскому учебному округу» за 1879 г. № 1 (январь)

Старейшим из этих журналов был ведомственный «Циркуляр по Варшавскому учебному округу», который издавался в период 1867–1913 гг. (Cherkasov, 2023: 1689). Как и все ведомственные «Циркуляры», журнал издавался ежемесячно и состоял из официальной части. В первые два года своего существования назывался «Циркуляр по управлению Варшавским учебным округом».

В журнале публиковались высочайшие повеления; распоряжения министра народного просвещения; распоряжения попечителя учебного округа, а также обширные сведения по разным вопросам (от информации по перемещению и увольнению учителей, до библиографических извещений) (Содержание, 1879: 1).

Настоящим событием в жизни периодической печати Российской империи было издание «Русского филологического журнала». Это издание выходило в свет в период 1867–1916 гг. (Cherkasov, 2023: 1689). Это издание позиционировалось как учебно-педагогическое издание и выпускалось ежеквартально. Издателем-редактором журнала был М.А. Колосов (1879 г.); А.И. Смирнов (1880–1904 гг.) и Е.Ф. Карский (1905–1916 гг.) (Бондарь, Карский, 2020). Несмотря на наличие общего уклона в сторону филологии, в журнале публиковалось большое количество материалов по педагогике и методике преподавания языков и литературы.

Рис. 2. Обложка «Русского филологического вестника» за 1914 г. № 2

Несколько слов скажем об издателях этого журнала. Первый редактор и основатель «Русского филологического вестника» пробыл в этой должности всего год, после этого 24 года, практически вплоть до своей смерти, журнал редактировал Александр Иванович Смирнов (1842–1905 гг.). А.И. Смирнов родился в семье священника. Среднее образование он получил в Переяславском духовном училище и Владимирской духовной семинарии. В 1865 г. он поступил в Императорский Новороссийский университет и в 1869 г. закончил славяно-русское отделение. Потом была учительская работа и в 1879 г. защита магистерской диссертации. В 1880 г. он стал экстраординарным профессором в Императорском Варшавском университете, в это время он и возглавил «Русский филологический вестник». За время его работы в журнале было опубликовано 50 томов журнала. Скончался А.И. Смирнов 5 июля 1905 г. в Одессе (А.И. Смирнов, 1905: 925).

В 1905 г. к редактированию приступил Ефим Федорович Карский (1860–1931 гг.) (Рисунок 3). Е.Ф. Карский был также выходцем из церковной семьи, его отец был церковным дьячком. В 1871 г. он поступил в Минское духовное училище, а затем в Минскую духовную семинарию. Продолжил свое образование Е.Ф. Карский в Нежинском историко-филологическом институте, по окончании которого начал преподавать во 2-1 Виленской гимназии и заниматься научно-педагогической работой. В 1893 г. он перешел на работу в Императорский Варшавский университет, а уже через год его назначали экстраординарным профессором на кафедру русского и церковнославянского языков.

С 1902 г. – декан историко-филологического факультета, а с 1905 г. последний редактор «Русского филологического вестника» (Чарота, 2013: 357-360).

Рис. 3. Ефим Федорович Карский (1860–1931 гг.) – третий редактор «Русского филологического вестника»

Прекратил издаваться «Русский филологический вестник» после эвакуации из Варшавы в период Первой мировой войны.

Следующее издание было в 1900–1905 гг., тогда в Варшаве издавался журнал «Физическое обозрение», который позднее переехал в город Киев (Cherkasov, 2023: 1689). В варшавский период своего существования журнал издавался профессором П.А. Зиловым (Варшава, 1900–1905 гг.), ежегодно публиковалось по 6 номеров. В рубрикации журнала присутствовал специальный отдел, посвященный вопросам преподавания физики. В целом же в журнале большое внимание уделялось педагогическим вопросам (Храмов, 1983: 116).

В 1911–1914 гг. местной интеллигенцией при поддержке администрации Варшавского учебного округа предпринимались усилия для издания журнала «Домашнее и школьное образование» (Cherkasov, 2023: 1689). Редактором-издателем этого проекта был С. Сивильский. Журнал выходил 8 раз в год, начиная с сентября 1911 г. Ввиду связи издателя с администрацией Варшавского учебного округа, журнал был полуофициальным. В рубрикации его были и официальный отдел, и справочно-библиографический отдел, и научный отдел. В последнем публиковались материалы по домашнему воспитанию и обучению (в большинстве случаев посвященных начальному образованию), материалы по вопросам внешкольного образования и по истории народного образования (Аблов, 1937: 86).

В 1912 г. была попытка начать выпуск журнала «Вопросы педагогики» (Cherkasov, 2023: 1689). Журнал издавался под редакцией профессора Е.А. Боброва. Вышел только 1-й номер журнала. Журнал должен был служить органом педагогического кружка при Императорском Варшавском университете. В 1-м номере журнала в разделе от редакции отмечалось, что успехи педагогических знаний зависели от возможно широкого соприкосновения педагогики с соседними и пограничными областями науки, философией, историей и прочем (От редакции, 1912: 3). Наряду с педагогическими статьями здесь публиковались статьи по философии, о медико-педагогическом применении гипноза и другим вопросам. В журнале принимали участие такие специалисты, как: Н.Г. Дебольский, О.И. Фельдман, А.А. Яворский и другие.

И, наконец, в 1913 г. попытка издания журнала «Эхо университета» (Cherkasov, 2023: 1689). Редакция журнала позиционировала его как научно-популярный журнал. Редактором-издателем был П.И. Тимков. Вышло всего несколько номеров. Журнал издавался академически настроенной группой студентов Императорского Варшавского университета. Публиковалось значительное количество статей, посвященных вопросам народного образования, а также материалы по истории университета и прочему (Аблов, 1937: 95).

5. Заключение

Итак, на территории Варшавского учебного округа в период с 1867 по 1916 гг. издавалось 6 научных педагогических изданий. Все они были связаны либо с Императорским Варшавским университетом, либо с Варшавским учебным округом. Первые два журнала («Циркуляр по Варшавскому учебному округу» и «Русский филологический вестник») просуществовали более 30 лет. Причем «Русский филологический вестник» стал авторитетным и узнаваемым изданием в научно-педагогической жизни Российской империи. В Варшаве издавалось и другое, позднее популярное, издание для физиков – журнал «Физическое обозрение». Этот журнал в 1900–1905 гг. издавался в Варшаве, а потом переехал в Киев.

Среди остальных изданий большим долгожительством отличался журнал «Домашнее и школьное образование» (период издания 1911–1914 гг.), два же других издания («Вопросы педагогики» и «Эхо университета») прекратили издаваться в первый год своего существования.

Литература

- [А.И. Смирнов, 1905](#) – А.И. Смирнов (некролог) // *Журнал министерства народного просвещения*. 1905. № 361. С. 925.
- [Аблов, 1937](#) – Аблов Н.Н. Педагогическая периодическая печать (1803-1916 гг.). Москва, 1937.
- [Бондарь, Карский, 2020](#) – *Бондарь Л.Д., Карский А.А.* «Русский филологический вестник»: Последний редактор и судьба журнала после 1917 г. // *История: Электрон. научно-образовательный журнал*. 2020. № 1 (87). С. 16.
- [Население, 1898](#) – Население империи по переписи 28-го января 1897 г. По уездам. Санкт-Петербург, 1898.
- [От редакции, 1912](#) – От редакции // *Вопросы педагогики*. 1912. № 1. С. 3.
- [Сильнова, 2015](#) – *Сильнова Л.Д.* Журнал «Русский филологический вестник» в биографии и личной библиотеке академика Е.Ф. Карского // *Берковские чтения 2015: Материалы III научной конференции, Минск, 26-27 мая 2015 г.* М., 2015. С. 468-475.
- [Содержание, 1879](#) – Содержание // *Циркуляр по Варшавскому учебному округу*. 1879. № 1. С. 1.
- [Храмов, 1983](#) – Храмов Ю.А. Зилов Петр Алексеевич / *Физики: библиографический справочник* / Под ред. А.И. Ахиезера. М., 1983. С. 116.
- [Чарота, 2013](#) – *Чарота И.А.* Карский Ефимий Федорович / *Православная энциклопедия*. Т. 31. Москва, 2013. С. 357-360.
- [Cherkasov, 2023](#) – *Cherkasov A.A.* Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694.
- [Cherkasova et al., 2023](#) – *Cherkasova I.Yu., Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V.* To the Issue of Pedagogical Periodicals of the Orenburg Educational District (1875–1917) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1881-1888.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916 // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1207-1213.
- [Mamadaliev et al., 2023](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 251-257.
- [Mamadaliev et al., 2023a](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 781-788.
- [Mamadaliev et al., 2023b](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* The Pedagogical Periodical Press in the Riga Educational District (1832–1915) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(2): 699-704.
- [Muzykant et al., 2022](#) – *Muzykant V.L., Burdovskaya E.Yu., Yurova Yu.V., Zyukina Z.S.* (2022). The Pedagogical Periodical Press in the Kazan Educational District, the Russian Empire (1865–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1339-1344.

References

- [A.I. Smirnov, 1905](#) – A.I. Smirnov (nekrolog) [A.I. Smirnov (obituary)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1905. 361: 925. [in Russian]
- [Ablov, 1937](#) – *Ablov, N.N.* (1937). *Pedagogicheskaya periodicheskaya pechat' (1803-1916 gg.)* [Pedagogical periodicals (1803-1916)]. Moskva. [in Russian]
- [Ablov, 1937](#) – *Ablov, N.N.* (1937). *Pedagogicheskaya periodicheskaya pechat' (1803–1916)* [Pedagogical periodicals (1803–1916)]. Pod red. E.N. Medynskogo. M. [in Russian]
- [Bondar', Karskii, 2020](#) – *Bondar', L.D., Karskii, A.A.* (2020). «Russkii filologicheskii vestnik»: Poslednii redaktor i sud'ba zhurnala posle 1917 g. [“Russian Philological Bulletin”: The last editor and the fate of the magazine after 1917]. *Istoriya: Elektron. nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*. 1(87): 16. [in Russian]
- [Charota, 2013](#) – *Charota, I.A.* (2013). *Karskii Efimii Fedorovich* [Karsky Efimy Fedorovich]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. T. 31. Moskva. Pp. 357-360. [in Russian]
- [Cherkasov, 2023](#) – *Cherkasov, A.A.* (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.
- [Cherkasov, 2023](#) – *Cherkasov, A.A.* (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.
- [Cherkasova et al., 2023](#) – *Cherkasova, I.Yu., Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V.* (2023). To the Issue of Pedagogical Periodicals of the Orenburg Educational District (1875–1917). *Bylye Gody*. 18(4): 1881-1888.
- [Khramov, 1983](#) – *Khramov, Yu.A.* (1983). *Zilov Petr Alekseevich* [Zilov Petr Alekseevich]. *Fiziki: bibliograficheskii spravochnik*. Pod red. A.I. Akhieзера. M. P. 116. [in Russian]

Mamadaliev et al., 2022 – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916. *Bylye Gody*. 17(3): 1207-1213.

Mamadaliev et al., 2023 – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917. *Bylye Gody*. 18(1): 251-257.

Mamadaliev et al., 2023a – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917. *Bylye Gody*. 18(2): 781-788.

Mamadaliev et al., 2023b – Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). The Pedagogical Periodical Press in the Riga Educational District (1832–1915). *European Journal of Contemporary Education*. 12(2): 699-704.

Muzykant et al., 2022 – Muzykant, V.L., Burdovskaya, E.Yu., Yurova, Yu.V., Zyukina, Z.S. (2022). The Pedagogical Periodical Press in the Kazan Educational District, the Russian Empire (1865–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1339-1344.

Naselenie, 1898 – Naselenie imperii po perepisi 28-go yanvarya 1897 g. Po uezdam [Population of the empire according to the census of January 28, 1897. By county]. Sankt-Peterburg, 1898. [in Russian]

Naselenie..., 1898 – Naselenie imperii po perepisi 28-go yanvarya 1897 g. Po uezdam [Population of the empire according to the census of January 28, 1897. By county]. Sankt-Peterburg, 1898. [in Russian]

Ot redaktsii, 1912 – Ot redaktsii [From the editor]. *Voprosy pedagogiki*. 1912. 1: 3. [in Russian]

Sil'nova, 2015 – Sil'nova, L.D. (2015). Zhurnal «Russkii filologicheskii vestnik» v biografii i lichnoi biblioteke akademika E.F. Karskogo [The journal “Russkii filologicheskii vestnik” in the biography and personal library of academician E.F. Karsky]. *Berkovskie chteniya 2015: Materialy III nauchnoi konferentsii, Minsk, 26-27 maya 2015 g.* M. Pp. 468-475. [in Russian]

Soderzhanie, 1879 – Soderzhanie [Contents]. *Tsirkulyar po Varshavskomu uchebnomu okrugu*. 1879. 1: 1. [in Russian]

К вопросу о педагогической периодической печати Варшавского учебного округа (1867–1916 гг.)

Ирина Юрьевна Черкасова ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c,
Валентина Сергеевна Никитина ^d, Наталья Викторовна Свечникова ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^d Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается педагогическая периодическая печать Варшавского учебного округа в период 1867–1916 гг. Уделено внимание географическому распределению этих изданий, а также внутренней критике этих изданий как исторического источника. Источниковая база нашего исследования опирается на материалы дореволюционной периодической печати и узкоспециализированные справочные труды по истории периодической печати. Методологически работа опирается на метод контент-анализа, благодаря которому была сделана выборка периодических изданий, издаваемых в 1867–1916 гг. на территории Варшавского учебного округа.

В заключении авторы отмечают, что на территории Варшавского учебного округа в период с 1867 по 1916 гг. издавалось 6 научных педагогических изданий. Все они были связаны либо с Императорским Варшавским университетом, либо с Варшавским учебным округом. Первые два журнала («Циркуляр по Варшавскому учебному округу» и «Русский филологический вестник») просуществовали более 30 лет. Причем «Русский филологический вестник» стал авторитетным и узнаваемым изданием в научно-педагогической жизни Российской империи. В Варшаве издавалось и другое, позднее популярное, издание для физиков – журнал «Физическое обозрение». Этот журнал в 1900–1905 гг. издавался в Варшаве, а потом переехал в Киев. Среди остальных изданий большим долгожительством отличался журнал «Домашнее и школьное образование» (период издания 1911–1914 гг.), два же других издания («Вопросы педагогики» и «Эхо университета») прекратили издаваться в первый год своего существования.

Ключевые слова: педагогическая периодическая печать, Варшавский учебный округ, Российская империя, 1867–1916 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Cherkasovairina42@gmail.com (И.Ю. Черкасова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 238-248
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.238

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Russian Style” in Art Based on the Analysis of the Architectural and Artistic-Technical Journal “Zodchii” (“Arhitektor”)

Anna A. Omelik ^{a,*}, Anastasia V. Kistova ^{a,b}, Natalya A. Sergeeva ^{a,c}, Tikhon K. Ermakov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov, Russian Federation

^c Siberian State Institute of Arts named after Dmitry Hvorostovsky, Russian Federation

Abstract

In this article, the conceptual theory of art criticism of fine art by V.I. Zhukovsky, D.V. Pivovarov, N.P. Koptseva is used as a methodological basis for analyzing the materials of the architectural and art-educational journal “Zodchii”. The first part of the work is devoted to the theoretical understanding of the concept of “Russian style” in art. The second part of the article presents an analysis of articles of the monthly architectural and artistic-technological journal “Zodchii” from 1872 to 1875 as research material and, in the third part, articles from 1893 to 1897 are considered in order to identify the truly national characteristics of Russian culture and “Russian style”. Of particular interest were the articles by L.V. Dahl devoted to issues of style – these are issues of national identity and self-knowledge. The study in question can be called basic, both for the author himself and for his contemporaries. In the future, L.V. Russian Russian architecture Dahl will devote a large number of articles to a more detailed and thorough examination of individual monuments and signs of the “Russian style” in Russian architecture. Also, the works of such authors as I.I. Gornostaev, G.G. Gagarin and E.N. Sokolovsky, A. Dmitriev and others are considered. Russian Russian researchers identify the influence of cultural traditions, such as the Byzantine cultural tradition; the traditions of Lombard, Hungarian, Mongolian and Italian art, which were reinterpreted by Russian architects and formed the features of the “Russian style” in Russia of the XIX century.

It should be noted that the monthly architectural and art-technical journal is an invaluable source of materials for art historians and researchers of Russian culture and art of the XIX century. The articles devoted to Russian architecture are filled with knowledgeable data and are of research interest.

Keywords: “Russian style”, art, architecture, ancient Russian architecture, journal “Zodchii”.

1. Введение

В данной статье рассмотрена концептуальная искусствоведческая теория изобразительного искусства В.И. Жуковского, Д.В. Пивоварова, Н.П. Копцевой (Koptseva, Reznikova 2015; Koptseva, Sitnikova, 2022; Копцева, 2022). Данной теории придерживаются такие исследователи, как: Ю.С. Замарева (Замараева и др., 2022; Koptseva et al., 2022), К.А. Дегтяренко (Дегтяренко и др., 2022), К.В. Резникова (Koptseva, Reznikova, 2015), В.С. Лузан (Лузан и др., 2017), Н.А. Сергеева (Сергеева 2023; Сергеева, Замараева, 2023). В качестве исследовательского материала представлен анализ статей ежемесячного архитектурного и художественно-технологического журнала «Зодчий» целью которого стало выявление действительно подлинных национальных черт русской культуры и «русского стиля». Особый интерес представили статьи Л.В. Даля, посвященные вопросам стиля – это вопросы национального самосознания и самопознания. Рассмотренное исследование можно назвать

* Corresponding author

E-mail addresses: omelik@inbox.ru (A.A. Omelik), kistochka7@mail.ru (A.V. Kistova), nasergeeva@sfu-kras.ru (N.A. Sergeeva), erm-tihon@mail.ru (T.K. Ermakov)

базовым как для самого автора, так и для его современников. В дальнейшем Л.В. Даль посвятит большое количество статей более подробному и тщательному рассмотрению отдельных памятников и признаков «русского стиля» в отечественном зодчестве.

Данная статья посвящена исследованию формирования «русского стиля» в работах русских исследователей XIX века. Ежемесячный архитектурный и художественно-технический журнал является источником материалов для искусствоведов и исследователей. Статьи, посвященные русской архитектуре, наполнены знаточескими данными и представляют исследовательский интерес.

2. Материалы и методы

В статье представлен анализ материалов, опубликованных в ежемесячном архитектурном и художественно-техническом журнале «Зодчий» 1893–1897 годов. Особый интерес представляют статьи из раздела «История архитектуры».

В данном исследовании представлен анализ статей исследователей XIX века и их представления о «русском стиле» в искусстве посредством выявления особенностей исторического влияния на формирование этого стиля, выявления идейных особенностей, а также некоторых конструктивных и художественных признаков, присущих религиозным и гражданским сооружениям, опираясь на публикации журнала «Зодчий» с 1872 по 1875 и 1893 по 1897 год, а именно: статья «Родник русского искусства» (Гагарин, 1893: 9-12); статья «О русском стиле», представляющая собой опубликованную переписку известного исследователя русского зодчества XIX века Л.В. Даля с И.И. Горностаевым, Г.Г. Гагариным и Е.Н. Соколовским (Даль и др., 1895: 73-80); статья «Археологические исследования Старой Ладogi» (Бенуа, Гейслер, 1894: 6-8); статья А. Дмитриева «Некоторые древности Пскова» (Дмитриев, 1897: 35-38); статья «О значении изучения древних русских памятников для современного зодчества» (Быковский, 1893: 3); статей Л.В. Даля «Историческое исследование памятников русского зодчества» из журнала «Зодчий» (Даль, 1872; Даль, 1872a; Даль, 1872b), 1873 году (Даль, 1873; Даль, 1873a) и 1875 году (Даль, 1875).

Основным методом выявления этих самобытных черт «русского стиля» в рассматриваемом исследовании является сравнительный анализ. В качестве материалов для сопоставительного анализа автор выбирает обширный круг: памятники скандинавской, византийской, романской, готической, английской, восточной культур соседних с Древней Русью государств. Исследование дополнено большим количеством рисунков, гравюр и чертежей.

3. Обсуждение

Вопросам, посвященным проблемам «русского стиля», посвящены работы таких современных исследователей как Е.Ю. Орловой, которая говорит о том, что обращение к стилистике художественных произведений и сооружений происходит в XVI-XVII вв. в работах русского иконописца И. Владимирова, русского московского иконописца и графика С.Ф. Ушакова, писателя и историка Сигизмунда фон Герберштейна. Позднее, в XVII-XVIII веках – в работах русского писателя Н.М. Карамзина, публициста и общественного деятеля Н.И. Новикова, архитекторов: Ф. Коржавина, А.М. Горностаева, Я.М. Земцова и др.

Начиная с середины XIX века возрастает интерес к истории русской архитектуры, так как все больше архитекторов стремятся использовать черты древнего русского стиля для новых возводимых сооружений. Идет переосмысление всего накопленного опыта, опыта архитектуры, опирающегося во многом на европейские традиции, начиная с Петровских времен. Поиски собственной стилевой идентичности запускают активные исследования в этой области – публикацию изданий, посвященных исключительно русской традиции, как периодических, таких как журнал «Русская старина», так и каталожных серийных изданий, представляющих архитектурные сооружения в планах, разрезах, с разных ракурсов, а также представляющими детали отделки, таких как «Памятники древнего русского зодчества» (Быковский, 1893: 2-5; Султанов, 1897: 72). Архитектурный и художественно-технический журнал «Зодчий» также уделяет особое место подобным исследованиям практически в каждом номере в разделе «История архитектуры».

В архитектурной практике второй половины XIX века наиболее известные архитектурные теории относительно «русского стиля» выдвигали российский архитектор, исследователь русского деревянного зодчества, академик Императорской Академии художеств Л.В. Даль, русский архитектор В.В. Шервурд, русский архитектор В.Н. Султанов. В практической части анализа статей будет обращение к анализу статей данных авторов. В этом случае журнал «Зодчий» несет знаточескую ценность для истории и теории архитектуры. Авторы статей журнала обращаются к архитектурно-художественным традициям, которые значительным образом повлияли на формирование «русского стиля».

4. Результаты

Первый раздел статьи посвящен теоретическому осмыслению понятия «русский стиль», намечены ключевые, концептуальные точки определения «русского стиля». Представлено понимание механизма идеологического разделения «русского стиля», которое позволяет понять художественную

культуру Российской империи XIX века, позволяет вывести некоторые моменты, связанные с формированием национальной идентичности «русский» в наиболее острые для имперской государственности моменты.

В прикладной части статьи проанализированы материалы, посвященные выражению «русского стиля» в периодических изданиях Российской Империи, особый интерес авторов статьи лежал в поле анализа раздела «История архитектуры» и публикации ежемесячного архитектурного и художественно-технического журнала «Зодчий» посвященные русскому искусству.

Авторами выделены характерные особенности формирования «русского стиля» под влиянием других культур. Так, например, К.М. Быковский выделяет византийское влияние в религиозных сооружениях, в использовании византийского плана с куполом, отмечает переосмысление традиций ломбардского, венгерского, монгольского и итальянского искусства. Л.В. Даль отмечает влияние индийской культуры на русский под воздействием татарского нашествия. Также представлен анализ конструктивных и художественных особенностей русского стиля в архитектуре, которые неотделимы от идейного содержания русского искусства.

Русский стиль: теоретическая проблематика

«Стиль» является одним из ведущих понятий искусствоведения и истории искусства. Являясь инструментом типологического анализа множества произведений искусства, создаваемых в разные исторические периоды, стиль позволяет искусствоведению выстраивать целостную историю искусства, выявляя типические механизмы развития тех или иных художественных приёмов, техник или образов. Так, теория искусства В. И. Жуковского опирается на представление о стиле как группировке произведений искусства в соответствии с доминантой в-образительной или изобразительной тенденции в конструировании художественного образа (Zhukovskij, 2011). Одновременно с этим стиль является инструментом критического анализа произведений современности, выступая инструментом борьбы между художественными школами и направлениями. Стиль в этом случае конструируется не столько в результате непредвзятого анализа уже созданных произведений, сколько как результат теоретического предугадывания текущего направления развития художественного творчества.

В результате можно говорить о том, что проблематика определения стиля определяется с двух сторон. Во-первых, это некий «объективный» стиль, который проявляет своё качество как принцип классификации произведений искусства. Во-вторых, это стиль «субъективный» формирующийся в ходе размышлений критиков и художников над текущим состоянием системы произведений искусства. Если первый вариант стиля, как правило, выявляется непредвзято и нужен для идентификации произведений и описания исторического процесса развития искусства, то субъективный стиль выступает «оружием» в противостоянии между интересами конкретных мыслителей эпохи.

Прикладная часть статьи будет посвящена «субъективному» выражению русского стиля в периодических изданиях Российской Империи, а потому будет уместно описать общие проблемы, связанные с «объективной» интерпретацией русского стиля в современном искусствоведении. Во многом эта необходимость связана с тем, что некоторые проблемы «объективного» понимания стиля связаны с переносом в эту область вопросов, связанных с «субъективным» восприятием русского стиля в эпоху его распространения. Отсюда и возникает задача данного раздела статьи: наметить болевые точки определения русского стиля, чтобы впоследствии показать их источником включение субъективной интерпретации эпохи в научный дискурс, связанный сугубо с классификацией произведений искусства, но не с их оценкой.

Первой же существенной проблемой «объективного» определения русского стиля становится его временные рамки. В наиболее общей интерпретации русский стиль охватывает временной промежуток со второй половины XVIII века до конца XIX века (Lisovskij, 2009), причём очевидно, что попадающие в эту группу памятники будут различны, поскольку за этот промежуток времени значительно изменяются тенденции в общемировой архитектуре. Попытка воспринять русский стиль как некий «фоновый» или «академический» по отношению к развивающемуся в это же время ампиру, модерну или эклектике представляется весьма затруднительным, поскольку даже внутри этого фона происходят изменения столь сильные, что сводить их все к единому стилю было бы попросту невозможно. Подобная проблема термина возникает как раз в силу наиболее типичного случая методологического смешивания «объективного» и «субъективного» понимания стиля.

Дело в том, что русский стиль в XVIII-XIX веке в самой исторической ситуации понимался как поиск самобытного художественного языка, который бы отличил русское искусство от искусства европейского (Kirichenko, 2020). В этом смысле полтора века существует не русский «стиль», а некоторая общая тенденция, связанная с поиском самобытного художественного языка. Соответственно, объективное выделение «русского стиля» должно быть осуществлено отдельно, внутри этого временного периода или же сохранено как историческое наименование группы разнонаправленных стилей, объединённых решением общей задачи.

В данной статье мы сосредоточим своё внимание на «русском стиле» во второй половине XIX века. Опять же, объединяемые под этим термином памятники довольно разнородны, при этом в

исследованиях искусствоведов ярко прослеживаются две ключевые тенденции в определении русского стиля в XIX веке. Их появление естественным образом связано с развитием общеевропейских тенденций в архитектуру, наложившихся на существующую проблему поиска национального стиля (Semicheva, 2015). В результате формируется два варианта русского стиля: первый связан с ориентацией на эклектизм, второй — на модерн.

Эклектичный вариант русского стиля заимствовал элементы из памятников прошлого, в которых теоретики данного направления видели черты собственно «русскости» и народности. Используя элементы древнерусской и византийской архитектуры, архитекторы создавали сооружения, отвечавшие современным тенденциям в планировке и техническом решении архитектурных задач, при этом подчеркивая происхождение памятника из прежних традиций. Зачастую это достигалось через вкрапление орнаментальных элементов или через специфическое перекрытие подобных сооружений. При этом эклектический вариант русского стиля находил поддержку в академических кругах, что иногда связывается с тем, что, будучи нацеленным на «народное» и «национальное» он сохранял связи с государственной национальной политикой, формируя некий «официальный» вариант русского искусства (Pechjonkin, 2018).

Вариант же русского стиля, опиравшийся на модерн (иногда именуется «псевдорусским стилем») развивался в более независимых кругах, был связан с деятельностью Абрамцевского кружка и подобных объединений, финансируемых крупными купцами. В этом случае элементы традиционных стилей русской архитектуры не складывались с достижениями современной архитектуры, а повторялись максимально полно при стремлении создать ощущение древнерусской постройки, естественным образом вписанной в ландшафт и «произрастающей» из него. Подобные строения были менее официальными и не столько продвигали вперед некоторую общую для всех идею о русском стиле, сколько проблематизировали сам вопрос о самобытности. Не предлагали вариант решения, а занимались активным поиском.

Отсюда следует некоторая сложность в определении даже «субъективных» границ русского стиля. Варианты, связанные с «модерном» и с «эклектикой» существовали отнюдь не в рамках кооперации, а, напротив, активно дискутировали друг с другом, проблематизируя само понятие национального. В результате, даже если мы опираемся на понимание русского стиля как тенденции к поиску национального искусства, следует иметь в виду его внутреннюю неоднородность, связанную не только с технической стороной вопроса, но и с содержанием. Именно эту составляющую и призван прояснить анализ периодических изданий Российской Империи, поскольку содержательный спор вокруг определения «национального» является ядром субъективного русского стиля, для которого внешние формальные признаки архитектурных сооружений выступают лишь преходящим инструментом реализации тех или иных тенденций в определении локального художественного языка. Понимание механизма идеологического разделения «русского стиля» позволит не только лучше понять художественную культуру Российской империи XIX века, но и высветит некоторые моменты, связанные с формированием национальной идентичности «русский» в наиболее острые для имперской государственности моменты.

Некоторые особенности «русского стиля» на основании материалов журнала «Зодчий», опубликованных с 1872 по 1875 годы.

Проблемы изучения, сохранения и формирования «русского стиля» являются одной из генеральных задач публикаций журнала «Зодчий» с самого начала его деятельности. Ориентированный на практику характер издания делает рассуждения авторов о чертах и задачах стиля весьма конкретными и убедительными, несмотря на некоторый пафос отдельных статей, посвященных призывам к «очищению» отечественного искусства от чрезмерного западноевропейского влияния.

Обратимся к рассмотрению статей Л. В. Даля «Историческое исследование памятников русского зодчества» из журнала «Зодчий» за 1872–1875 годы, в которых представлен краткий обзор истории отечественного архитектурного искусства со сравнительными стилистическими анализами конкретных памятников. Исследование разделено на шесть частей, изданных в разных номерах журнала в 1872 году (Даль, 1872; Даль, 1872a; Даль, 1872b), 1873 году (Даль, 1873; Даль, 1873a) и 1875 году (Даль, 1875).

Первая часть исследования посвящена обоснованию актуальности обращения к тщательному изучению и анализу памятников отечественного искусства с целью выявления действительно подлинных национальных черт русской культуры (Даль, 1872). Автор фиксирует активное развитие принципов эклектики в отечественной и европейской архитектуре второй половины XIX века и, сравнивая основу этого явления в европейских странах и в России, указывает на отсутствие в нашей стране первоначального и крайне важного этапа изучения собственных исторических памятников зодчества, что в итоге приводит к снижению художественного уровня построек и в конечном итоге к утрате самобытного стиля: «Мы нашли потерянную в погоне за иноземным собственную почву и в нашем прошлом – богатый источник элементов самобытного искусства. К сожалению, мы и к своему родному по привычке относимся нередко слишком поверхностно, без критического анализа, но, что гораздо хуже – примешиваем к этому чувство самообольщения и самонадеянности» (Даль, 1872: 2).

Для Л.В. Даля вопросы стиля – это вопросы национального самосознания и самопознания. Именно поэтому он ставит своей основной задачей исторический анализ отечественной архитектуры: «Мы же, создавая свои стили, до сих пор еще не позаботились поискать в отечественном зодчестве не только нечто цельное, но даже каких бы то ни было признаков осмысленности» (Даль, 1872: 10).

Вторая часть исследования посвящена начальному этапу развития русского зодчества дохристианского и начального христианского периодов (Даль, 1872a). Историю развития русской архитектуры Л.В. Даль начинает с языческого периода, включая в круг анализа предметы археологии и сопоставляя их с подобными памятниками культуры Северной Европы. Исследователь отмечает скандинавское влияние на культуру и искусство древних славян.

Начальный христианский период в русском зодчестве Л.В. Даль рассматривает на материале анализа Софии Киевской, в которой он не находит самобытных русских черт, выявляя преобладание византийских традиций. По мнению исследователя, «проблески самобытного русского вкуса» впервые встречаются в суздальской архитектуре Древней Руси до татаро-монгольского периода (Даль, 1872a: 70).

Третья часть исследования рассматривает древнерусскую архитектуру удельного периода (Даль, 1872b). Автор анализирует новгородское зодчество, выявляя взаимовлияние новгородского и североевропейского средневекового искусства. Но подлинно самобытные черты Л.В. Даль обнаруживает в деревянном зодчестве Ростово-Суздальской земли. Ключевые качества «русского стиля» в деревянной архитектуре, по мнению Л.В. Даля, – простота и рациональность: «...неудивительно, что многие из этих мотивов так укоренились, что в последствии перешли в нашу каменную архитектуру» (Даль, 1872b: 105).

Четвертая часть исследования посвящена зодчеству Московской Руси. Автор рассматривает как каменные, так и деревянные храмовые сооружения, отмечая в них признаки традиций суздальского зодчества, итальянского, византийско-азиатские мотивы, а также черты древнерусского деревянного зодчества в каменной архитектуре.

Необходимо отметить, что в целом для всего исследования Л.В. Даля характерен контекстный подход, рассматривающий не только черты и конструкцию конкретных памятников, но и общий историко-культурный фон: «С объединением Московской Руси в ней появляется жизнь и энергия; она свергает монгольское иго, призывает с Запада иностранцев, сначала для военных, а потом и для художественных и научных целей и при помощи их начинается движение вперед. Постройка каменных церквей при тогдашнем жалком их состоянии не могла не подпасть влиянию иностранцев; их обязывают опять, не выходя из правил византийской догматики, строить московские соборы» (Даль, 1873: 6). Самым интересным образцом этого «итальяно-русского стиля» автор называет Архангельский собор Московского Кремля.

Отдельное внимание Л.В. Даль уделяет сравнительному анализу Собора Василия Блаженного на Красной площади, Московского Кремля (Собор Покрова Богородицы на Рву) и Храма Иоанна Предтечи в селе Дьяково. В первом он видит признаки творчества иностранного архитектора, прежде всего в сложности декоративных форм и изяществе их исполнения. Во втором – более грубую и простую работу отечественных зодчих.

Интересен вывод, который делает автор в конце статьи относительно этих двух храмов: «Но который из двух храмов древнее? Церковь ли Иоанна Предтечи есть более грубое подражание доморощенным мастерам храму Василия Блаженного или иностранцу, получившему заказ на постройку церкви Василия Блаженного, был дан за образец Дьяковский храм? – это могут только решить письменные памятники. В архитектурном же отношении и их расположении эти два храма стоят слишком далеко ото всех, как предыдущих, так и последующих каменных церквей наших, и не находят сродства между нашими зданиями, если только не предположить их происхождение от неизвестной нам архитектуры того времени, имевшей своим материалом дерево» (Даль, 1873: 7).

Пятая часть исследования обращается к отечественной архитектуре после смутного времени (Даль, 1873a). Автор дает краткий обзор русского зодчества периода XVII и XVIII столетий, обозначая как общий вектор развития архитектуры, так и частные стилистические черты.

Архитектуру XVII столетия Даль называет «романовским стилем», черты которого активно использовали в русской эклектичной архитектуре XIX века (Даль, 1873a: 56). В этом периоде исследователь обнаруживает черты византийских традиций, более ранних отечественных традиций, некоторые черты храма Василия Блаженного, а также элементы русского деревянного зодчества. Некоторые декоративные элементы Л.В. Даль сопоставляет с признаками романского и готического стилей. В архитектуре последней четверти XVII столетия автор указывает на сильное влияние североевропейских традиций (Англия, Шотландия).

Период петровского времени в архитектуре России Л.В. Даль именуется «немецко-русским барокко», указывая на преобладание вычурных декоративных элементов (Даль, 1873a: 59). Архитектуру времен Елизаветы Петровны и Екатерины II автор обозначает как время все более дальнего отхода от собственных традиций и все большего преобладания иностранных влияний.

В завершении обзора Л.В. Даль приходит к заключению, что воссоздание «русского стиля» как реконструкция подлинно существовавшей древнерусской архитектуры едва ли возможно, однако

изучение собственных древних памятников необходимо: «Все, что мы можем сделать – это, по примеру Запада, ознакомившегося со своей средневековой архитектурой, обратиться к изучению старинных памятников древнерусского зодчества в отношении исторического происхождения форм и логического сочетания отдельных частей целого архитектурного произведения» (Даль, 1873а: 59).

Шестая часть исследования, опубликованная лишь в 1875 году, посвящена архитектуре Владимиро-Суздальского княжества (Даль, 1875). В этой части автор подробно рассматривает памятники владими́ро-суздальского зодчества, выявляя в них различные влияния (западноевропейские, византийские, восточные) и признаки возрождения «коренного национального стиля, до тех пор скрывавшегося благодаря византийскому влиянию» (Даль, 1875: 132). Эти же черты автор видит и в раннемосковской архитектуре, которая опирается на традиции суздальской земли.

Таким образом, обширное исследование Л.В. Даля дает представление о стилистическом богатстве и разнородности древнерусской архитектуры, о сложностях определения истоков некоторых черт русского зодчества, характеризую русскую культуру как культуру, взаимодействующую и с Западом, и с Востоком, но имеющую и свои коренные отличительные черты, хотя и несколько забытые, но видимые в сохранившихся архитектурных памятниках.

Наибольшее количество признаков самобытной русской архитектуры автор обнаруживает в древнерусском деревянном зодчестве, а также в архитектуре Владимиро-Суздальского периода.

Некоторые особенности русского стиля на основании анализа статей журнала «Зодчий», опубликованных с 1893 по 1897 год

В XIX столетии формируется активный интерес архитекторов и деятелей искусства к исследованию «русского стиля» в архитектуре и искусстве в контексте поиска национальной идентичности и практического воплощения этой идентичности в искусстве. В настоящем исследовании попытаемся сформулировать основные особенности «русского стиля» в архитектуре, опираясь на статьи видных деятелей культуры XIX века, опубликованных в журнале «Зодчий» с 1893 по 1897 год. Особый интерес представляют статьи из раздела «История архитектуры», так как практически в каждом номере журнала можно найти публикации, посвященные русскому искусству, и на примере этих публикаций хорошо отражены представления интеллигенции XIX века о важности поиска национальной идентичности в архитектуре, определение особенностей «русского стиля» как в конструктивном, художественном, так и в идейном плане. Также, активно исследуется вопрос исторического влияния других культур на формирование «русского стиля». В середине и конце XIX века в публикациях прослеживается некая усталость от западноевропейского влияния на искусство и архитектуру России, и в поисках национальной идентичности искусства и архитектуры, исследователи все больше обращаются к памятникам древности для определения особенностей религиозной и гражданской архитектуры X–XVII века, и возможности переосмысления этих особенностей при проектировании и строительстве новых сооружений.

Рассматривая историческое влияние на русское древнее зодчество и русскую архитектуру, К.М. Быковский выделяет византийское влияние, пришедшее вместе с христианством. По большей части такое влияние очевидно в религиозных сооружениях – храмах и церквях, а именно в использовании византийского прямоугольного плана с куполом на четырех столбах, который активно использовался в Новгороде, Суздале и Москве. Кроме этого, он выделяет использование форм «ломбардских или итальянских», но изменёнными и переосмысленными русскими зодчими (Быковский, 1893: 3)

Гагарин Г.Г. в своей статье «Родник русского искусства» (Гагарин, 1893: 9-12) также уделяет большое внимание историческому развитию русского стиля в искусстве как непрерывающемуся процессу влияния и заимствования под действием исторических событий. Автор статьи делает в своем исследовании акцент на христианской религиозной архитектуре, и поэтому основным агентом влияния с его точки зрения выступает византийское и греческое искусство. Он отмечает, что детали архитектуры, живописи, орнаментальной резьбы по камню и дереву присущие религиозным сооружениям Владимира, Суздаля, Костромы и Москвы «характеризуют народный вкус с XII-го по XVII-й век. Вкус этот, хотя немного уклоняется от византийского, полон, однако, большой прелести и далеко превосходит новейшую бесхарактерность» (Гагарин, 1893: 11). Но, несмотря на то, что в византийский стиль содержит богатейшие мотивы и живописные темы и эффекты, а также он довольно хорошо приспособлен к разным видам материалов, все же он труден для положения его в основание школы нового поколения. И основой для использования его в современных условиях Гагарин считает идейное и духовное наполнение в большей степени, чем техническое.

Влияние других культур Гагарин отмечает больше в контексте отвлечения Руси от изучения и использования, византийских начал. Но, тем не менее, признает влияние ломбардского, венгерского, монгольского и итальянского искусства, в основном связанного с супружескими связями русских царей и императоров, которые регулярно привносили в культуру свои ценности и особенности, но переосмыслилось под влиянием древней русской культуры.

Интерес вызывает также статья «О русском стиле», представляющая собой опубликованную переписку, известного исследователя русского зодчества XIX века Л.В. Даля с И.И. Горностаевым, Г.Г. Гагариным и Е.Н. Соколовским с целью предпринять путешествие в Индию в поисках истоков

русского стиля в архитектуре (Даль и др., 1895: 73–80). Даль видит однозначное влияние индийской культуры на русский стиль и предполагает возможность такого влияния под воздействием татарского нашествия, принесшего влияние мусульманской индийской эпохи, сходными обстоятельствами развития народов России и Индии, общим происхождением народов, подтверждающимся сходством всех индоевропейских языков, или соединением всех этих обстоятельств. Адресаты письма Даля также подтверждают возможность такого влияния и настаивают на необходимости организации научной экспедиции с целью дальнейших исследований.

Большое внимание в публикациях журнала «Зодчий» также уделяется археологическим исследованиям памятников древности. В период с 1893 по 1897 год было опубликовано 2 обширных статьи посвященных таким памятникам русского искусства – статья «Археологические исследования Старой Ладogi» (Бенуа, Гейслер, 1894: 6–8), в которой подробно описываются результаты археологических изысканий, проведенных под руководством академика В.В. Сулова и председателем на заседании Императорского русского археологического общества, и статья А. Дмитриева «Некоторые древности Пскова» (Дмитриев, 1897: 35–38), в которой описываются архитектурные сооружения, частично не сохранившиеся до XIX века, но имеющие огромное историческое значение.

Далее перейдем к тем конструктивным и художественным особенностям русского стиля в архитектуре, которые выделяют исследователи и авторы XIX века в своих публикациях в журнале «Зодчий». А также обратим внимание на их неотделимость от идейного содержания русского искусства.

Быковский К.М. в своей статье «О значении изучения древних русских памятников для современного зодчества», говоря о влиянии традиции византийских храмовых сооружений, делает акцент на переосмыслении византийской традиции через традицию народной строительной работы, а именно работы плотницкой. Именно работа с деревом и плотницкое дело в религиозной архитектуре, по его мнению, воспитывало народный вкус, обогащаясь со временем узорчатой затейливой резьбой. Позднее «на каменных зданиях отразился пошиб деревянных построек» (Быковский, 1893: 3), что демонстрирует принцип переосмысленного заимствования, стремления русских строителей создавать «самое лучшее, им доступное, не отворачиваясь от красоты, правды и света, откуда бы ни шел свет, с Востока или Запада» (Быковский, 1893: 3). Также Быковский отмечает отсутствие пустого декоративного характера, но наоборот присутствие органической связи художественной формы с самим зданием. Влияние мотивов резьбы по дереву рассматривается им не как пустое украшательство, а как отражение господствующего глубокого эстетического чувства, присущего человеку того времени. Отмечается этим исследователем не только своеобразный эффект, проникнутый религиозным настроением в древнем церковном зодчестве, но и переосмысление инженерных конструкций. Например, своеобразие шатровых и сводчатых покрытий храмов, опирающихся на пересечения сводов, а не на столбы как это было принято в византийской традиции. Тем самым он акцентирует внимание на переосмыслении византийского наследия, внесении новых элементов согласно целесообразности и развития строительного дела.

В статье «Родник русского искусства» Г.Г. Гагарин делает больший акцент на влияние византийского искусства и в конструктивном и художественном отношении рассматривает в основном византийское искусство, как идеал прошлого, к которому стоит стремиться. Но, помимо этого, он все же выделяет такие архитектурные элементы русского религиозного зодчества как луковичеобразные купола, проникшие в русское зодчество вместе с монгольским влиянием, берущим начало от мусульманских аравитян. Конструктивное влияние Италии и Германии он рассматривает скорее как «ломанное» и «сбивающее с толку» (Гагарин, 1893: 10). Более того, наличие огромного количества элементов, влияющих на архитектуру России, он рассматривает как основную причину беспорядка, как в строениях храмов, так и в умах. Как пример приводится изменение положения иконостаса, которое привело к перекрытию апсиды, обычно завершавшую перспективу храма, и замену больших живописных или мозаичных изображений в апсиде на множество мелких икон на иконостасе. Такое положение дел разрушительно повлияло на общее настроение внутри церквей, а с приходом римского классицизма и вовсе вытеснило древние чувственные творения фальшивым подражанием западу.

В гражданской архитектуре XXII–XV веков еще более свободно отражались потребности времени. Прирубка одного помещения к другому, характерная также для деревянного зодчества чуждая стремлению к европейской объединяющей концепции сооружения – также является, по мнению Быковского отличительной конструктивной особенностью русского стиля в архитектуре. Вся конструкция здания подчинена потребностям человека, живущего в здании – «малые оконца, массивные простенки – не столько нужно было света, как важно было сохранить тепло; затейливые кровли, которые все не идут дальше известных небольших размеров – все вытекает из плана, из внутреннего расположения, без заботы о фальшивой симметрии: нужно здесь окно большое, а там малое, нужна дверь здесь, а не там, так оно и будет» (Быковский, 1893: 4).

В статье «Археологические исследования Старой Ладogi» (Бенуа, Гейслер, 1894: 6–8) дается подробное описание находок XII века, обнаруженных при исследовании. И хотя основной целью изысканий является выяснение конструкции найденных развалин церквей и военных сооружений

XXII века, очень большое внимание уделяется также художественным находкам, которые удалось найти в сохранившемся виде. А именно сохранившиеся куски фресок, в том числе фреска с Георгием Победоносцем, следы древнего орнамента и изображения святых угодников, символические рисунки и надписи. Все это, согласно статье, было скопировано в цвете для каталогизации и публикации.

Дмитриев А. в статье «Некоторые древности Пскова» также проводит исследование отличительных особенностей архитектуры, объясняя важность исследования тем, что Псков, основанный в 883 году, существовал долгое время как пограничная крепость и «не допускал западный дух проникать за его высокие стены» (Дмитриев, 1897: 35). В своей статье он проводит обзор памятников церковного, гражданского и стратегического зодчества. Им особо отмечаются такие сооружения как звонницы, воспользоваться которыми мог каждый гражданин в целях оповещения об опасности. А также применение каолиновых плиток в качестве черепицы для церковных куполов, и большое количество изразцов, украшающих фасады, и украшенных типичным рисунком, исполненным в красном и зеленом цвете. В гражданской архитектуре он отмечает небольшое влияние итальянского возрождения, представленного в основном в барельефных орнаментах, однако он отмечает, что самобытность и этих форм сохраняется и дополняется оригинальными смещением итальянских розеток и разнообразных кувшинов с цветками наверху. Дмитриев делает акцент на том, что реставрация подобных образцов древнего искусства должна доверяться только профессионалам, способным сохранить аутентичное древнее русское искусство.

На основании исследования публикаций журнала «Зодчий» за 1893–1897 год можно сделать вывод, что многие исследователи и творческие деятели в XIX испытывают ощущение утраты истинного пути русского искусства, в частности архитектуры, и рассматривают слепое подражание и копирование западных образцов, сложившееся в этом направлении, как тупиковую ветвь развития. В поисках вдохновения чаще всего исследователи обращаются к архитектурным традициям XII–XVII веков, поискам исторического влияния разных культур, но в особенности наследия византийского влияния на русскую религиозную архитектуру. Особый интерес к периоду XII–XIII века обуславливается тем, что в этот период искусство России испытывает наименьшее влияние западного искусства и развивается изолированно, переосмысляя византийское наследие через призму народного искусства и мастерства. Многие исследователи соглашались с тем, что древнее русское искусство пронизано чувственностью, светом, и в своем развитии придерживается целесообразности и соответствия потребностям человека, а не концепции здания и симметрии, что характерно для классицизма. Большое значение придается поиску конструктивных решений, форм, художественного оформления, присущего древнему русскому искусству для формирования нового понимания русского стиля, но при этом акцент делается на глубокое понимание, а не слепое подражание и копирование. Быковский К.М. приводит такие слова своего отца, преподавателя архитектурного училища: «Мы, имея перед глазами столько разнообразных зданий, не заботимся изыскивать причины того или другого вкуса архитектуры, мы делаем снимки со всех существующих зданий, подражая всем народам и приводим художество в обессилие. Вот поприще, предстоящее архитекторам нашего времени, поприще многотрудное, но славное; мы должны подражать не формам древних, а примеру их. Иметь архитектуру собственную, национальную, и да проявится настоящей дух нашего отечества и в произведениях архитектуры» (Быковский, 1893: 4).

5. Заключение

В основу анализа материалов ежемесячного архитектурного и художественно-технического журнала «Зодчий» легла теория изобразительного искусства В.И. Жуковского, Д.В. Пивоварова, Н.П. Кошцевой. В качестве исследовательского материала были проанализированы статьи ежемесячного архитектурного и художественно-технологического журнала «Зодчий» с целью анализа памятников отечественного искусства и выявлению действительно подлинных национальных черт русской культуры. Особый интерес представили статьи Л.В. Даля, посвященные вопросам стиля – это вопросы национального самосознания и самопознания. Рассмотренное исследование можно назвать базовым как для самого автора, так и для его современников. В дальнейшем Л.В. Даль посвятит большое количество статей более подробному и тщательному рассмотрению отдельных памятников и признаков «русского стиля» в отечественном зодчестве.

Литература

- Бенуа, Гейслер, 1894 – Бенуа Л.Н., Гейслер М.Ф. Археологические исследования в Старой Ладогe // *Зодчий*. 1894. №1. С. 6-8.
- Быковский, 1893 – Быковский К.М. О значении изучения древних русских памятников для современного зодчества // *Зодчий*. 1893. №2. С. 2-5.
- Гагарин, 1893 – Гагарин Г.Г. Родник русского искусства // *Зодчий*. 1893. №2. С. 9-12.
- Даль и др., 1895 – Даль Л.В., Гагарин Г.Г., Горностаев И.И. и др. О русском стиле // *Зодчий*. 1895. №10. С. 73-80.
- Даль, 1872 – Даль Л.В. Историческое исследование памятников русского зодчества // *Зодчий*. 1872. № 2. С. 9-11.

- [Даль, 1872a](#) – *Даль Л.В.* Историческое исследование памятников русского зодчества // *Зодчий*. 1872a. № 5. С. 68-70.
- [Даль, 1872b](#) – *Даль Л.В.* Историческое исследование памятников русского зодчества // *Зодчий*. 1872b. № 7. С. 101-105.
- [Даль, 1873](#) – *Даль Л.В.* Историческое исследование памятников русского зодчества // *Зодчий*. 1873. № 1. С. 4-7.
- [Даль, 1873a](#) – *Даль Л.В.* Историческое исследование памятников русского зодчества // *Зодчий*. 1873a. № 5. С. 56-59.
- [Даль, 1875](#) – *Даль Л.В.* Историческое исследование памятников русского зодчества // *Зодчий*. 1875. № 11, 12. С. 132-134.
- [Дегтяренко и др., 2022](#) – *Дегтяренко К.А., Менжуренко Ю.Н., Пчелкина Д.С., Шпак А.А.* Древние художественные произведения Центральной Сибири // *Журнал Сибирского федерального университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 6. С. 799-810.
- [Дмитриев, 1897](#) – *Дмитриев А.* Некоторые древности Пскова // *Зодчий*. 1897. №5. С. 35-38.
- [Жуковский, 2011](#) – *Жуковский В.И.* Теория изобразительного искусства. СПб.: Алетейя, 2011. 496 с.
- [Замараева и др., 2022](#) – *Замараева Ю.С., Лецинская Н.М., Сертакова Е.А.* Анализ особенностей традиционных видов хозяйственной деятельности в Красноярском крае: досоветский, советский, современный периоды // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022, 6(3), с. 78-95. DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-3-78-95. EDN LHACMC
- [Кириченко, 2020](#) – *Кириченко Е.И.* Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. М.: БуксМАрт, 2020. 580 с.
- [Копцева, 2022](#) – *Копцева Н.П.* Актуальные исследования традиционных видов хозяйственной деятельности коренных народов Севера // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. 6(4). с. 22-32. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-4-22-32. EDN ARTHFD.
- [Копцева и др., 2017](#) – *Копцева Н.П., Лузан В.С., Разумовская В.А., Кирко В.И.* Контент-анализ российского федерального и региональных базовых законодательных актов в области культурной политики // *Международный журнал семиотики права - revue internationale de semiotique juridique*. 2017. 30(1). С. 23-50.
- [Лисовский, 2009](#) – *Лисовский В.Г.* Архитектура России XVIII начала XX века. Поиски национального стиля. М.: Белый город, 2009. 567 с.
- [Печёнкин, 2018](#) – *Печёнкин И.Е.* Несколько соображений о русском стиле в архитектуре XIX века // *Артикульт*. 2018. 29(1). С. 50-59.
- [Семичева, 2015](#) – *Семичева Т. С.* Становление и развитие «русского стиля» в архитектуре Российской империи XIX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2015. № 4. С. 86-95.
- [Сергеева, 2023](#) – *Сергеева Н.А.* Понятие «визуальность» в современных теории и истории искусства // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. Т. 7. № 2. С. 108-115.
- [Сергеева, Замараева 2023](#) – *Сергеева Н.А., Замараева Ю.С.* Создание новых художественных объединений в советском изобразительном искусстве 1917-1922 гг. // *Журнал Сибирского федерального университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 7. С. 1043-1061. EDN YDDUBL
- [Султанов, 1897](#) – *Султанов Н.В.* Новое издание по истории русской архитектуры «Памятники древнего русского зодчества» // *Зодчий*. 1897. №9. С. 72.
- [Koptseva, Sitnikova, 2022](#) – *Koptseva N.P., Sitnikova A.A.* Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research // *Journal of Siberian Federal University*. Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 15. Is. 5. Pp. 666-678.
- [Koptseva et al., 2022](#) – *Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S.* The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century // *Bylye Gody*. 2022. №17 (2). Pp. 867-875.
- [Koptseva, Reznikova, 2015](#) – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V.* Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai // *Bylye Gody*. 2015. №38 (4). Pp. 1028-1038.

References

- [Benua, Gejsler, 1894](#) – *Benua, L.N., Gejsler, M.F.* (1894). Arheologicheskie issledovaniya v Staroj Ladoge [Archaeological research in Staraya Ladoga]. *Zodchij*. 1: 6-8. [in Russian]
- [Bykovskij, 1893](#) – *Bykovskij, K.M.* (1893). O znachenii izucheniya drevnih russkih pamyatnikov dlya sovremennogo zodchestva [On the importance of studying ancient Russian monuments for modern architecture]. *Zodchij*. 2: 2-5. [in Russian]
- [Dal' et al., 1895](#) – *Dal', L.V., Gagarin, G.G., Gornostaev, I.I., Sokolovskij, E.N.* (1895). O russkom stile [About Russian style]. *Zodchij*. 10: 73-80. [in Russian]
- [Dal', 1872](#) – *Dal', L.V.* (1872). Istoricheskoe issledovanie pamyatnikov russkogo zodchestva [Historical research of monuments of Russian architecture]. *Zodchij*. 2: 9-11. [in Russian]

- [Dal', 1872a](#) – *Dal', L.V.* (1872). Istoricheskoe issledovanie pamyatnikov russkogo zodchestva [Historical research of monuments of Russian architecture]. *Zodchij*. 5: 68-70. [in Russian]
- [Dal', 1872b](#) – *Dal', L.V.* (1872). Istoricheskoe issledovanie pamyatnikov russkogo zodchestva [Historical research of monuments of Russian architecture]. *Zodchij*. 7: 101-105. [in Russian]
- [Dal', 1873](#) – *Dal', L.V.* (1873). Istoricheskoe issledovanie pamyatnikov russkogo zodchestva [Historical research of monuments of Russian architecture]. *Zodchij*. 1: 4-7. [in Russian]
- [Dal', 1873a](#) – *Dal', L.V.* (1873). Istoricheskoe issledovanie pamyatnikov russkogo zodchestva [Historical research of monuments of Russian architecture]. *Zodchij*. 5: 56-59. [in Russian]
- [Dal', 1875](#) – *Dal', L.V.* (1875). Istoricheskoe issledovanie pamyatnikov russkogo zodchestva [Historical research of monuments of Russian architecture]. *Zodchij*. 11, 12: 132-134. [in Russian]
- [Degtyarenko i dr., 2022](#) – Degtyarenko, K.A., Menzhurenko, Yu.N., Pchelkina, D.S., Shpak, A.A. (2022). Drevnie hudozhestvennye proizvedeniya Central'noj Sibiri [Ancient art works of Central Siberia]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 15(6): 799-810. [in Russian]
- [Dmitriev, 1897](#) – *Dmitriev, A.* (1897). Nekotorye drevnosti Pskova [Some antiquities of Pskov]. *Zodchij*. 5: 35-38. [in Russian]
- [Gagarin, 1893](#) – *Gagarin, G.G.* (1893). Rodnik russkogo iskusstva [Spring of Russian art]. *Zodchij*. 2: 9-12. [in Russian]
- [Kirichenko, 2020](#) – *Kirichenko, E.I.* (2020). Russkij stil'. Poiski vyrazheniya nacional'noj samobytnosti. Narodnost' i nacional'nost' [Russian style. The search for expression of national identity. Nationality and nationality]. M. BuksMART, 580 p. [in Russian]
- [Koptseva, 2022](#) – *Koptseva, N.P.* (2022). Aktual'nye issledovaniya tradicionnykh vidov hozyajstvennoj deyatel'nosti korennykh narodov Severa [Actual research of traditional economic activities of the indigenous peoples of the North]. *Severnyye Arhivy i Ekspeditsii*. 6(4): 22-32. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-4-22-32. EDN ARTHFD. [in Russian]
- [Koptseva, Sitnikova, 2022b](#) – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A.* (2022). Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 15(5): 666-678.
- [Koptseva et al., 2022](#) – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S.* (2022). The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. *Bylye Gody*. 17(2): 867-875.
- [Koptseva, Reznikova, 2015](#) – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V.* (2015). Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. *Bylye Gody*. 38(4): 1028-1038.
- [Lisovskij, 2009](#) – *Lisovskij, V.G.* (2009). Arhitektura Rossii XVIII nachala XX veka. Poiski nacional'nogo stilja [Architecture of Russia in the 18th and early 20th centuries. Searches for national style]. M.: Belyj gorod, 567 p. [in Russian]
- [Pechjonkin, 2018](#) – *Pechjonkin, I.E.* (2018). Neskol'ko soobrazhenij o russkom stile v arhitekture XIX veka [Several thoughts on the Russian style in the architecture of the 19th century]. *Artikul't*. 29(1): 50-59. [in Russian]
- [Semicheva, 2015](#) – *Semicheva, T.S.* (2015). Stanovlenie i razvitie «russkogo stilja» v arhitekture Rossijsko imperii XIX v. [Formation and development of the “Russian style” in the architecture of the Russian Empire in the 19th century]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. Serija: Istorija Rossii. 4: 86-95. [in Russian]
- [Sergeeva, 2023](#) – *Sergeeva, N.A.* (2023). Ponyatie «vizual'nost'» v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of «visual» in modern theory and history of art]. *Northern Archives and Expeditions*. 7(2): 108-115. [in Russian]
- [Sergeeva, Zamaraeva, 2023](#) – *Sergeeva, N.A., Zamaraeva, Y.S.* (2023). Sozdanie novykh hudozhestvennykh ob'edinenij v sovetskom izobrazitel'nom iskusstve 1917-1922 gg [The creation of new artistic associations in the Soviet fine arts of 1917-1922 gg]. *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*. 16(7): 1043-1061. EDN YDDUBL. [in Russian]
- [Sultanov, 1897](#) – *Sultanov, N.V.* (1897). Novoe izdanie po istorii russkoj arhitektury «Pamyatniki drevnego russkogo zodchestva» [New publication on the history of Russian architecture “Monuments of Ancient Russian Architecture”]. *Zodchij*. 9: 72. [in Russian]
- [Zamaraeva et al., 2022](#) – *Zamaraeva, Yu.S., Leshchinskaya, N.M., Sertakova, E.A.* (2022). Analiz osobennostej tradicionnykh vidov hozyajstvennoj deyatel'nosti v Krasnoyarskom krae: dosovetskij, sovetskij, sovremennij periody [Analysis of the features of traditional types of economic activity in the Krasnoyarsk Territory: pre-Soviet, Soviet, modern periods]. *Severnyye Arhivy i Ekspeditsii*. 6(3): 78-95. DOI: 10.31806/2542-1158-2022-6-3-78-95 EDN LHACMC. [in Russian]
- [Zhukovskij, 2011](#) – *Zhukovskij, V.I.* (2011). Teorija izobrazitel'nogo iskusstva [Theory of fine arts]. SPb.: Aleteja, 496 p. [in Russian]

«Русский стиль» в искусстве на примере анализа архитектурного и художественно-технического журнала «Зодчий»

Анна Александровна Омелик ^{a,*}, Анастасия Викторовна Кистова ^{a,b},
Наталья Анатольевна Сергеева ^{a,c}, Тихон Константинович Ермаков ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова, Российская Федерация

^c Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского,
Российская Федерация

Аннотация. В данной статье методологическим основанием для анализа материалов архитектурного и художественно-просветительского журнала «Зодчий» применяется концептуальная теория искусствоведческой критики изобразительного искусства В.И. Жуковского, Д.В. Пивоварова, Н.П. Копцевой. Первая часть работы посвящена теоретическому осмыслению понятия «русский стиль» в искусстве. Во второй части статьи качестве исследовательского материала представлен анализ статей ежемесячного архитектурного и художественно-технологического журнала «Зодчий» с 1872 года по 1875 и, в третьей части, рассмотрены статьи с 1893 по 1897 года с целью выявления подлинно национальных особенностей русской культуры и «русского стиля». Особый интерес вызвали статьи Л.В. Даля, посвященные вопросам стиля – это вопросы национальной идентичности и самопознания. Рассматриваемое исследование можно назвать базовым, как для самого автора, так и для его современников. В дальнейшем Л.В. Даль посвятит большое количество статей более детальному и тщательному рассмотрению отдельных памятников и признаков «русского стиля» в русской архитектуре. Также, рассмотрены работы таких авторов как, И.И. Горностаевым, Г.Г. Гагариным и Е.Н. Соколовским, А. Дмитриева и другие. Исследователи определяют влияние культурных традиций, таких как византийская культурная традиция; традиции ломбардского, венгерского, монгольского и итальянского искусства, которые были переосмыслены русскими архитекторами и сформировали особенности «русского стиля» в России XIX века.

Следует, отметить, что ежемесячный архитектурный и художественно-технический журнал является бесценным источником материалов для искусствоведов и исследователей русской культуры и искусства XIX века. Статьи, посвященные русской архитектуре, наполнены знаточескими данными и представляют исследовательский интерес.

Ключевые слова: «русский стиль», искусство, архитектура древнерусское зодчество, журнал «Зодчий».

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: omelik@inbox.ru (А.А. Омелик), kistochka7@mail.ru (А.В. Кистова), nasergeeva@sfu-kras.ru (Н.А. Сергеева), erm-tihon@mail.ru (Т.К. Ермаков)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 249-258
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.249

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

St. Petersburg University in the History of Training Kazakh Specialists in the second half of XIX – early XX centuries

Aidar Aitmukhambetov ^a, Serikzhan Ismailov ^{a, *}, Alibek Tabuldenov ^a, Sergey Simonov ^b

^a Kostanai Regional University named after A. Baitursynuly, Kostanai, Republic of Kazakhstan

^b Kostanai Academy of the Ministry of Internal Affairs named after Sh. Kabylbaev, Kostanai, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the second half of the XIX century, Kazakh young men received the right to study at St. Petersburg University. During the period under study, more than 20 people received qualified training at the university. All of them represented different social groups. From social categories the largest group of students of this university were representatives of sultan dynasties, which was a common phenomenon of that time. This social stratum was the most progressive and well-off among the Kazakh people in terms of economic and social status. Students were educated in law, physics, mathematics and philological specialities.

Students received their initial training in educational institutions according to strictly established standards, the basic fundamentals of which were required for admission to university. Education in gymnasiums provided the right to enrol in higher education, which Kazakh young men took advantage of. Often the professional successes of older relatives and close friends were motivating factors in the choice of university applicants. During the student period, students showed perseverance and persistence in obtaining comprehensive knowledge in order to realise their opportunities in the service. It should be noted that during the study period, students had the opportunity to travel to other universities to obtain additional competences. This form of education allowed them to listen to a course of lectures from leading scientists in other universities and training centres.

Some Kazakh trainees, due to health complications, had to extend their education to complete a full course of study and become certified specialists. Subsequently, the specialists established themselves as employees, demonstrating high professional qualities at their place of service.

Keywords: student, university, scholarship, judicial sphere, management, lecture, sultan, aristocrat.

1. Введение

Во второй половине XIX века казахские юноши начинают поступать в Санкт-Петербургский университет. Казахская общественность имела четкое представление о статусе Санкт-Петербурга как самого крупного и значимого административного центра, в котором длительный период жил и творчески трудился один из ярких лидеров казахской интеллектуальной элиты, аристократ и чингизид Ч.Ч. Валиханов. Несомненно, Санкт-Петербургский университет воспринимался подготовленными длительным процессом обучения в школах и гимназиях молодыми людьми и их родителями как престижный вуз, обучение в котором гипотетически определяло карьеру и конкурентоспособность дипломированных специалистов в системе администрирования и законодательства. Мировоззрение абитуриентов накануне их перемещения в Санкт-Петербург складывалось под влиянием многих объективных факторов, в частности, таких как процесс

* Corresponding author

E-mail addresses: ismailov_7777@mail.ru (S. Ismailov), aidar_abaivi4@mail.ru (A. Aitmukhambetov), nauryzi8@mail.ru (A. Tabuldenov), simonovsw@mail.ru (S. Simonov)

преобразования управленческой модели в регионе проживания казахского населения, изменение ролевой специфики представителей старших поколений из династических фамилий, организация новых форм поведения служащих всех уровней.

Казахские студенты обучались на юридическом, физико-математическом факультетах, а также на факультете восточных языков. Подавляющее большинство из них выбирали специальность по изучению права, что предполагало включение подготовленных выпускников в судебно-правовые структуры со строгой регламентацией делопроизводства, жесткой профессиональной дисциплиной и ненормированным графиком. Очевидно, студенты оценивали благоприятные аспекты запланированного будущего в служении своему народу и улучшении общественного прогресса. Казахское студенчество отличалось региональным разнообразием и социальной неоднородностью с высоким удельным весом выходцев из привилегированных слоев в лице султанов и близких к ним социальных категорий.

Целевые установки и задачи исследования заключаются в изучении казахского студенчества по таким категориям, как их количество, регионы проживания, качество гимназической довузовской подготовки, социальный состав, состояние дисциплины и успеваемости в период обучения в вузе.

2. Материалы и методы

В процессе написания данной работы авторы использовали документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Томской области (Томск, Российская Федерация), Государственного архива Тобольска (Тобольск, Российская Федерация), Государственного архива Астаны (Астана, Республика Казахстан). Данные архивные учреждения имеют обширные материалы, которые позволяют создать достаточно полную картину обучения казахской молодежи в Санкт-Петербургском университете. Особую ценность представляют извлеченные архивные источники РГИА. Данное архивное учреждение содержит достаточный материал, который раскрывает количественные и качественные показатели, а также характеристики обучающегося казахского студенчества. При написании статьи авторами был использован системный подход. Данный метод позволил систематизировать обширный материал по казахским юношам, которые учились в российском университете. Он позволяет раскрыть такие аспекты, как численный состав, социальное происхождение, место проживания и т.д. Вводимые в научный оборот архивные источники в достаточной мере раскрывают многие стороны жизнедеятельности казахских студентов.

Историко-системный метод использован авторами для работы последовательного изложения материала и логического построения. Наиболее востребованным является метод критического анализа, позволяющий подходить критически к источникам и интерпретировать их в контексте понимания и раскрытия основной линии изложения представленного материала.

В процессе исследования представители авторской группы исходили из принципов историзма и добросовестного анализа. В ходе работы над публикацией авторы использовали методы описания и измерения, синтеза, сопоставления событий, а также поисковый метод. Апеллирование к этим методам предопределяет создание статьи на основе логической интерпретации фактов и научно обоснованных умозаключений. Метод сравнительного анализа применялся с целью выяснения качества гимназической подготовки и степени успеваемости казахских студентов в университете. Данные статистические материалы содержатся в исследованных архивных делах. Поисковый метод использовался с целью нахождения сведений относительно казахских студентов. В архивах были найдены фонды по Санкт-Петербургскому университету. Анализ личных дел позволил обнаружить материалы по казахским студентам. Применялся метод описания и измерения данных, на основе которых сформировалось представление об уровне жизни, имущественно-финансовом статусе, состоянии здоровья ряда студентов. Методы синтеза и сопоставления событий оказались востребованными для понимания многих аспектов жизнедеятельности студентов в Санкт-Петербурге, в частности, таких аспектов, как сфера их научных интересов, деловые поездки, стремление к успеху в учебном процессе.

3. Обсуждение

В работах отдельных казахстанских исследователей рассматривался вопрос формирования казахского студенчества. Одним из этих исследователей является М. Абдеш. В своем труде он исследовал процесс обучения казахской молодежи. В данном ракурсе им представлен список студентов, получивших образование в высших учебных заведениях исследуемого времени (Абдеш, 1998: 42).

Б.А. Кенжетаев относится к группе исследователей категорий казахского студенчества. На примере университетов Казани он выявил ряд представителей казахской молодежи, которые обучались в различных учреждениях высшей школы (Кенжетаев, 1988: 56). Б. Кенжетаев на основе анализа архивных материалов ввел в научный оборот ранее неизвестные документы. Его труд насыщен количественными показателями и различного рода характеристиками, позволяющими определить социальный статус, место проживания, учебную успеваемость казахских студентов.

Казанские учебные заведения сыграли значительную роль в формировании казахской интеллигенции. Данный вопрос рассмотрен в статье «Обучение казахских студентов в Казанском университете в конце XIX – начале XX вв.» (Nurusheva et al., 2023). Авторы, используя архивные источники, смогли показать процесс становления учащейся казахской молодежи в период их обучения в вузе Казани. Известно, что многие видные деятели казахского народа обучались в казанских учебных заведениях, получая медицинские и юридические специальности.

Одним из ученых, посвятивших свои работы изучению аспектов формирования когорты казахских студентов, является Г.С. Султангалиева (Султангалиева, 2002). В данном ракурсе автор на основе изучения архивных документов выявила более 20-ти представителей казахской молодежи, которые являлись выходцами из Оренбургского региона. Данные персоналии проходили обучение в университетах Российской империи. По окончании университета они состоялись в качестве специалистов и функционировали в различных профессиональных сферах.

Исследователь С.М. Михайлова (Михайлова, 1991) рассматривает количественные и качественные характеристики казахского студенчества. Она проанализировала казахское студенчество казанских вузов. Казахские абитуриенты выбирали Казань в качестве образовательного центра на основе объективных реалий культурной и территориальной близости смежных регионов. Соответствующие обстоятельства предопределили процесс адаптации казахских студентов к новым условиям во взаимодействии с местной интеллигенцией и творческий потенциал для дальнейшей социализации.

Вопросом обучения казахского студенчества в вузах занимался Х.М. Абжанов (Абжанов, 2005). В своей статье автор рассматривал деятельность казахской интеллигенции, которая получила свое образование в высших учебных заведениях России. В данном аспекте выделяются такие персоналии, как А. Букейханов, Х. Досмухамедов и другие. Они в процессе повседневной деятельности демонстрировали истинные ценности служения обществу и являлись подвижниками во всех жизненно важных сферах.

Необходимо отметить, что проблема формирования и обучения казахских студентов в российских вузах в XIX – начале XX вв. рассматривалась и другими авторами. В рамках данных публикаций авторы поставили цель – представить историю казахского студенчества Санкт-Петербургского университета изучаемого периода.

4. Результаты

Во второй половине XIX века казахские юноши начинают поступать в Санкт-Петербургский университет. Согласно анализу архивных источников в университете за этот хронологический период обучалось около двух десятков студентов: Нуралиханов Селим-Гирей, Сейдалин Жиганшах, Темиров Аббас, Темиров Абдулла, Ниязов Батыр-Хаир, Каратаев Бахытжан, Сейдалин Аббас, Ниязов Абдул-Керим, Джантурин Селим-Гирей, Валихан Искандер Газы, Джанайдаров С-Б., Чокаев Мустафа, Турлубаев Айдархан, Суйнишгалиев Сейдахмет, Кулманов Бахтыгерей, Сыртанов Барлыбек, Саматов Баскен, Султангазин Дин-Мухамед, Марсеков Раимжан, Алиев Мырзабек, Акпаев Жакып. Все они являлись уроженцами разных регионов. В частности, от Тургайской области учились Сейдалин Жиганшах, Саматов Баскен, Темировы Абдулла и Аббас. Уральскую область представлял Каратаев Султан Бахытжан. Уроженцами Семипалатинской области были Акпаев Жакып и Султангазин Дин-Мухамед. Мустафа Шокаев был выходцем из Сырдарьинской области. Искандер Валихан и Айдархан Турлубаев – из Акмолинской области. Во Внутренней Орде проживали Ниязов Батыр-Хаир, Кулманов Бахтыгерей, Нуралиханов Селим-Гирей (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34521, 25945, 35843, 64558, 23168, 55955, 29087, 36393, 29082, 28856, 68344, 37347; ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 1763; ГАГА. Ф. 430. Оп. 9. Д. 9; Абдеш, 1998: 42).

Начальное образование казахские юноши получали в волостных и уездных школах и училищах по месту проживания семьи. Дальнейшую углубленную подготовку юноши осознанно проходили в гимназиях, которые находились в крупных административных центрах. Таким образом, анализ архивных документов показывает, что подавляющее большинство из них состояли на обучении в Оренбургской гимназии. Казахские юноши учились в Санкт-Петербургской, Омской, Томской, Семипалатинской, Ташкентской, Тобольской и Троицкой гимназиях. Характерно пребывание молодых людей в учебных заведениях, которые регионально располагались на больших расстояниях от исторической территории проживания казахов. Например, уроженец Акмолинской области И.Г. Вали-Хан несколько лет пребывал в Санкт-Петербургской 6-й гимназии, о чем было уведомлено в его документах: «Аттестат зрелости от 6-й Санкт-Петербургской гимназии. Дан султану Искандеру Газы Вали-Хану, родившемуся 9 августа 1873 года, обучавшемуся с 5 класса в Санкт-Петербургской 6-й гимназии и пробывшему 1 год в VIII классе, в том, что поведение его было отличное, исправительность в написании письменных работ безукоризненная, был постоянно прилежным, любознательность одинаковая по всем предметам» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 7. Д. 28856. Л. 3). Валихан являлся выходцем из султанской семьи, которая обладала высоким социальным статусом в обществе. Очевидно, объективные обстоятельства получения престижных знаний предопределили выбор Валихана и его родителей. В практике обучения гимназистов часто фиксировались эпизоды их переводов из одних гимназий в другие, что объяснялось различными причинами, в частности,

наличием выделяемых для обучения в конкретное учебное заведение стипендий и возможностью контактов с родственниками и близкими, что являлось проявлением тесных корпоративных связей традиционного казахского общества. Например, С-Б. Джанайдаров первоначально обучался в Томском университете. В 1906 году он перевелся в Санкт-Петербургский университет. Мотивы своего перевода он обосновал следующим образом: «Я сам материально не обеспечен. Перевелся я в императорский Санкт-Петербургский университет потому, что здесь в университете имеются киргизские (казахские примечание автора) земские стипендии, про которые я в прошлом году не знал» (ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 680. Л. 18).

В Петербурге проживали и активно взаимодействовали с казахскими представителями два казахских высокопоставленных военных. Это выходцы из аристократических династий: генерал-майор Чингисхан и полковник гвардии Валихан. Они оказывали возможную помощь казахским студентам, многие из которых также представляли социально статусные султанские фамилии. Например, в родстве с Чингисханом состоял султан Джантурин Селим-Гирей (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23168. Л. 15). Султан Сейдалин Жиган-Шах отмечал в документах в качестве родственника Чингисхана и Валихана (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 1). Чингисхан в апреле 1884 года лично ходатайствовал перед деканом факультета о возможности переноса экзамена для своего родственника, студента С-Г. Джантурина, по причине болезни: «Господину Декану Математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Племянник мой студент 1 курса Султан С-Г. Джантурин по случаю болезни тифозного характера не может держать экзамен. Не признаете ли возможным разрешить моему племяннику держать экзамен по его выздоровлению бог даст в Августе настоящего года. Медицинское свидетельство находится у Инспектора студентов. Свиты Его Величества Генерал-майор Чингис-хан» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23168. Л. 14). Разрешение было получено.

Сейдалин Жиган-Шах в своем обращении к ректору университета в качестве причин, которые побудили его выбрать именно Санкт-Петербургский университет, акцентировал внимание на имеющихся вакансиях на областную стипендию и на наличии представительных родственников: «При этом присовокупляю, что следующие причины побудили выбрать Санкт-Петербургский университет: 1. Его Превосходительство Военный Губернатор Тургайской области дал свое согласие на занятие мной киргизской (казахской) стипендии при Санкт-Петербургском университете. 2. В Петербурге проживает мой родственник Генерал от кавалерии в отставке Губайдулла Чингис-Хан и полковник гвардии султан из киргиз (казахов) Вали-Хан. Кроме того, в будущем году будет учиться в Михайловском артиллерийском училище брат мой, окончивший в текущем году курс наук в Оренбургском кадетском корпусе» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 1). Сейдалин Жиган-Шах по примеру своего отца два года пробыл в Оренбургском кадетском корпусе, учащиеся которого получали военное образование. Его отец, статский советник А. Сейдалин, ходатайствовал в административные структуры о принятии сына в кадетский корпус. Во второй половине XIX века несколько десятков казахов получили образование в кадетских корпусах. Дальнейшее обучение в течение пяти лет он проходил в Оренбургской гимназии (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 2).

Таким образом, представители казахской общественности имели представление о статусе и значимости специализированных учебных заведений в системе образовательной модели. В гимназиях преподавались предметы, научно-образовательная база которых являлась востребованной для адаптации в университетах. Ряд гимназистов характеризовались наличием только положительных результатов. В частности, Батыр-Хаир Ниязов по всем дисциплинам гимназического курса имел отличный показатель. По итогам пребывания в гимназии он в 1892 г. был удостоен золотой медали. Представители ректората университета сделали акцент на этом факте в деловой переписке с руководством гимназии: «... присланная при отношении от 9 февраля сего года за № 185 золотая медаль для выдачи студенту СПУ Батыр-Хану Ниязову в университет получена». Медаль была получена в 1894 году (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 7. Д. 29087. Л. 3, 20). Директор гимназии Сатурнов в письме инспектору Санкт-Петербургского университета объяснял причины предоставления награды Ниязову следующим образом: «Золотая медаль выдана Ниязову от Педагогического Совета Оренбургской гимназии за благонравие и успехи по окончании курса в Оренбургской гимназии» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 7. Д. 29087. Л. 47).

Доминанта положительных результатов зафиксирована в «Аттестате зрелости» об окончании Оренбургской гимназии Султан-Бакытжана Каратаева. Директор гимназии Якубович представил характеристику Каратаева, в содержании которой акцентировал внимание на успеваемости и дисциплине: «Дан сей Бахыт-Жану Бисалиевичу Каратаеву магометанского вероисповедания, сыну султана, родившемуся в кочевке Ак-Бакай Уральской области 10 мая 1863 г., обучавшемуся 8 лет в Оренбургской гимназии и пробывшему один год в VIII классе в том, во-первых что на основе наблюдений за все время обучения его в Оренбургской гимназии, поведение его вообще было отличное, исправительность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ хорошая, прилежание хорошее и любознательность ко всем вообще предметам хорошая...» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 25945. Л. 2).

Уроженец Семипалатинской области Акпаев обучался в Омской гимназии, впоследствии перевелся на обучение в гимназию Томска. Директор гимназии оставил хороший отзыв относительно гимназического периода Акпаева: «Аттестат зрелости Дан сей Акпаеву, вероисповедания магометанского, сыну киргиза, родившемуся в 1876 году 25 октября и пробывшему 1 год в VIII классе, обучавшемуся 7 лет в Омской 1 год в Томской гимназиях в том, что, во-первых, на основе наблюдений за все время обучения его в Томской гимназии поведение его вообще было отличное, исправимость в посещениях и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ хорошая, прилежание хорошее и любознательность весьма достаточная» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35843. Л. 3).

Характеристики подобного содержания были применимы по отношению ко всем казахским студентам. Итак, соответствующие персоналии в гимназический период обучения ориентировались на достижение достойных знаний с целью получения возможности продолжения обучения в университетах. Анализ «Аттестатов зрелости», то есть официальных документов об успеваемости и качестве знаний казахских гимназистов, демонстрирует их стремление познания всех дисциплин. В частности, дипломированные выпускники имели хорошие показатели по языковым дисциплинам: греческому, латинскому, французскому, немецкому языкам. Исследованные гимназисты А.-К. Ниязов, С.-Г. Джантурин, И.-Г. Вали-Хан, М. Чокаев, А.А. Темиров, Б.Ю. Ниязов, Б.Б. Каратаев, Ж.Д. Акпаев, А. Турлубаев проявили положительные результаты по данным предметам. Таким образом, базовые познания в классических дисциплинах и качественное владение современными европейскими языками являлись необходимостью для результативного освоения университетского курса обучения.

Распределение студентов по факультетам выглядело следующим образом: 15 человек выбрали юридическую специальность, 4 обучались на востоковедении и 1 предпочел физико-математическое направление. Сопоставление показателей распределения студентов по факультетно по другим исследованным вузам выделенного хронологического периода свидетельствует об ориентации большинства казахских абитуриентов на правовые факультеты.

В рубежное время (XIX – начало XX вв.) сохранялась тенденция постоянных изменений административного сектора в регионе, которые определялись во многом наличием подготовленного штата специалистов с фундаментальным образованием в законодательной и управленческой сферах. Соответственно, большинство амбициозных молодых людей предпочитали юридические факультеты, по успешному окончанию которых планировали дальнейшие перспективы.

Большое влияние на молодых людей оказывали их старшие родственники, которые обладали определенными должностными позициями в официальной модели управления. В этом ракурсе вызывает интерес социальная структура казахского студенчества. Значительную часть из них составляли представители султанов – 7 человек. В документах подчеркивалась их принадлежность к султанским семьям. Очевидно, родственники студентов, как правило отцы и дяди, уже состоялись на гражданском или военном поприще. Например, отец С.-Г.З. Нуралиханова, султан Зулкарнай Чукиев Нуралиханов, имел звание хорунжего и состоял депутатом средней дистанции Внутренней Уральской линии, то есть являлся служащим местной администрации (РГИА. Ф.14. Оп. 3. Д. 36393. Л. 2). Отец студента Джантурина С.-Г., султан Саид-Хан Джантурин, служил в звании войскового старшины. Отец С.-Б.М. Джанайдарова, Мейрам Джанайдаров, занимал должность младшего помощника Атбасарского уездного начальника Акмолинской области (ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 680. Л. 12).

Родитель Ж. Сейдалина, султан Альмухамед Сейдалин, после завершения курса в Оренбургском кадетском корпусе начал военную карьеру прапорщиком в линейном батальоне. В течение 40 лет состоял на службе. Сопровождал в качестве охраны Бухарское посольство в Санкт-Петербург. По выходе в отставку работал в должности уездного судьи в Тургайской области (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 29).

Постепенно формировалась система последовательного обучения в университетах представителей определенных фамилий. Султан Темиров Абдулла Темирович был дипломированным выпускником юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Его сын, выпускник Тобольской гимназии Темиров Аббас Абдулович, учился на факультете Восточных языков данного университета в начале XX века (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 13. Д. 68344. Л. 8).

Джан-Султан Чувакович Сейдалин состоял студентом юридического факультета Казанского университета. Начал службу в судебной сфере. В 1900 году состоял членом Троицкого окружного суда в чине коллежского советника. Сын Д.-С.Ч. Сейдалина, Аббас Джан-Султанович Сейдалин, по окончании Троицкой гимназии поступил в 1914 г. на юридический факультет Санкт-Петербургского университета (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 64558. Л. 7, 11).

Для казахских юношей студенческий период являлся важным фактором их личностного развития и успешной социализации. В реестре документов о зачислении в университет имелись формулярные списки о служебной деятельности их родителей и выписки руководителей учебных учреждений относительно прилежания по дисциплинам. Дополнительно прикладывались документы, которые характеризовали социальный статус представителей ряда фамилий. В личном деле И.-Г. Вали-Хана содержалось свидетельство Департамента Геральдии Правительственного Сената о признании султанской семьи в качестве потомственных дворян (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 7. Д. 28856. Л. 1).

Анализ документов демонстрирует личную заинтересованность студентов в успешности обучения. В источниках не обнаружено сведений относительно недисциплинированного отношения казахских уроженцев. Все промежуточные показатели их семестровых периодов фиксировались в качестве отчетов. Ректорат вуза по итогам семестрового обучения в сухих строках оценил успеваемость студента А.-К. Ниязова: «... в 1892 году зачислен на юридический факультет, на котором слушал курсы по: Истории Римского права, истории Русского права, Церковному праву, Полицейскому праву, Политическому экономии, Статистике, Гражданскому праву и Судопроизводству, Торговому праву и Судопроизводству, Уголовному праву и Судопроизводству, Финансовому праву, Международному праву, Энциклопедическому праву, Истории Философии права. Участвовал в установленных учебным планом практических занятиях, подвергался испытаниям по немецкому языку и по выполнению всех условий, требуемых правилами зачетов полугодий, имеет восемь зачетных полугодий» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 3. Д. 29082. Л. 37). Документы подобного содержания фиксировались по другим казахским студентам.

Студент юридического факультета Акпаев за период обучения в вузе имел хорошую успеваемость по предметам: «Господину инспектору студентов. Студента IV курса юридического факультета Я. Акпаев.

Заявление.

Имею честь заявить Вашему Превосходительству, что при переходе из I-го на II-й курс получил следующие отметки: История Римского права – 4, Энциклопедия права – 4, Политическая экономия – 5. Со 2-го на 3: История Русского права – 5, Политическое право – 5, Государственное право – 4, Статистика – 5. С 3-го на 4: История философии права – 4, Церковное право – 3, Финансовое право – 5» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35843. Л. 57).

Изучение архивов резюмирует вывод о стремлении студентов рационально использовать Санкт-петербургский период. При наличии определенных возможностей они стремились расширить свой кругозор методом путешествий. Так, С.-Г. Джантурин в 1884 году персонально обращался к вузовскому руководству с просьбой о предоставлении ему права посетить Киев: «Представляя при сем свидетельство на жительство и билет на право посещения лекций, покорнейше прошу уволить меня в отпуск в г. Киев сроком на 15 января 1884 года. 1884 г., 19 декабря С.-Г. Джантурин» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23168. Л. 11). Он получил разрешение.

Студент И.Г. Вали-Хан ходатайствовал попечителю Санкт-Петербургского Учебного Округа о поездке за рубеж: «Студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета султан И.Г. Вали-Хан просит об увольнении его для сопровождении дяди с отпуском за границу сроком на 2 месяца» (РГИА. Ф. 14. Оп. 7. Д. 28856. Л. 37). Очевидно, родственник автора ходатайства являлся социально статусной и материально обеспеченной персоной, в окружении которой Вали-Хану, великолепно владевшему французским и немецким языками, предстояло выполнять организационно-управленческие функции, характерные для аристократических семей.

Некоторые студенты пытались получить дополнительные знания в других университетах и институтах. Например, Ж. Сейдалин летом 1902 года изъявил желание дополнительно посетить курсы в Санкт-Петербургском Археологическом институте, о чем с прошением обратился к ректору университета: «Желая слушать лекции в Императорском Археологическом институте, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о выдаче мне свидетельства о том, что для слушания лекций мне в означенном институте не имеется препятствий. Студент юридического факультета IV семестра Ж. Сейдалин. 1902 г., 7 июня, Санкт-Петербург» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 17). Студент Акпаев также обращался в ректорат университета с подобным прошением, на что получил удовлетворительный ответ: «Удостоверение. Дано сие Акпаеву для представления в Санкт-Петербургский Археологический институт к слушанию им лекций в означенном институте» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35843. Л. 52). Представители казахской общественности, прежде всего студенты, интеллигенция и чиновники, активно изучали родной край, творчески взаимодействовали с членами ИРГО, штудировали новинки литературы и периодики. В студенческий период юноши стремились прослушать научно-образовательные курсы в других университетах.

Большинство казахских студентов испытывали материальные трудности. Многие из них получали областные стипендии, которые формировались из денежных взносов казахского населения. Объем стипендий фиксировался в сумме от 300 до 350 рублей. Стипендиальные суммы распределялись на один год. Студенты искали возможности экономного распределения денег. Финансы требовались для оплаты лекционных курсов, найма жилья, покупки обмундирования и учебников. Наличие финансовых средств предоставляло студентам право получения дополнительного образования. Студент Акпаев составил прошение на имя инспектора студентов о предоставлении ему документов его финансовой платежеспособности с целью повышения квалификации: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство выдать мне удостоверение в том, что я состою стипендиатом Степных областей и никаких иных средств не имею. Это удостоверение будет предоставлено профессору мнемотехники С. Фрайнштайну, у которого я хочу брать уроки мнемотехники» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35843. Л. 5). Студенты писали руководству вуза и в областные инспекции по месту жительства о дефиците финансов. Данное обстоятельство негативно

отражалось на здоровье обучающихся. Они страдали тяжелыми недугами. В частности, Турлубаев болел ревматизмом ног, медики госпиталя Санкт-Петербурга диагностировали у Акпаева желудочное заболевание. По причине болезненного состояния затягивался процесс обучения юношей, которые вынуждены были брать отпуска. Они ходатайствовали о переносе сроков сдачи экзаменов по объективным причинам. Прослушавший курс обучения Акпаев актуализировал проблему сдачи экзаменов через год: «Слабость моего здоровья не позволяет мне держать государственный экзамен. Для серьезной подготовки необходимо остаться еще на один год на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. А потому я покорнейши прошу Ваше Превосходительство позволить мне еще остаться на 1 год с зачислением меня в число студентов. 1902 год, 4 апреля Акпаев» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35843. Л. 67).

Обращения подобного содержания являлись характерными для значительной категории студенчества. Некоторые представители из семей служащих сигнализировали о бедственном состоянии. Ж. Сейдалин на период поступления в вуз лишился своего отца, офицера и судьи А. Сейдалина. Его семья жила на пенсию, которая оказалась недостаточной для покрытия расходов. Отец Б. Ниязова был охарактеризован администрацией Внутренней Орды следующим образом: «Юсуп Чумбалович Ниязов человек несостоятельный, содержит 14 душ и есть ходатайство освободить его сына от уплаты взносов за учение» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 7. Д. 29087. Л. 46). В сложившихся обстоятельствах стипендиаты демонстрировали дисциплину и прилежание в стремлении получить качественные знания. В данном ракурсе примечательно обращение Каратаева к ректору Санкт-Петербургского университета, в содержании которого он просил освободить его от уплаты за слушание лекций с сохранением за ним областной стипендии по следующим обстоятельствам: «Получил на экзамене за весеннее полугодие «Гражданское право» 5, «Церковное право» – 4» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 25945. Л. 29). Таким образом, результативность обучения являлась важным фактором в дальнейшем совершенствовании казахских студентов с целью трудоустройства и работы в различных структурах.

По окончании вуза дипломированные специалисты начинали служебную деятельность в различных учреждениях. Важным обстоятельством зачисления специалистов на службу являлся университетский документ, который в содержательной сути подтверждал высокий уровень дисциплины. В 1902 году студент А. Турлубаев получил «Удостоверение» для предоставления в юридическую испытательную комиссию: «... Турлубаев за время обучения в Университете поведения был отличным» (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34521. Л. 15). Спустя год его товарищ Акпаев при зачислении в штат сотрудников Омской судебной Палаты получил университетскую справку об его благонадежности.

Карьера в юридической сфере «петербуржцев» начиналась вдали от родины. Выпускник 1914 года С-Б.М. Джанайдаров начал работать в Витебской губернии. В 1916 г. он занимал должность помощника податного инспектора Лепельского уезда Витебской губернии. В дальнейшем он перевелся в штат служащих Омского Округного Суда на должность податного инспектора Атбасарского участка Акмолинской области (ГАГА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 28. Л. 5).

Абдулла Темирович Темиров по окончании университета в 1891 г. начинал в должности судебного следователя при Уфимской палате уголовного и гражданского суда. Работал в Сырдарьинском, Аулиеатинском уездах в судебной сфере. В 1905 году состоял в штате Тобольского окружного суда в чине надворного советника со старшинством. Акпаев Жакып Джандердинович трудился судьей в Омской судебной палате. В 1904 году он состоял в чине служащих Тобольского окружного суда (ГАГА. Ф. 430. Оп. 9. Д. 9. Л. 7).

Марсеков Раимжан работал в должности судьи при Семипалатинском окружном суде. Состоял помощником присяжного поверенного, продолжил судебную деятельность при Омском окружном суде в 1905 году (ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 176. Л. 2). Турлубаев Айдархан начинал работать в Омской судебной палате. Далее он действовал в качестве судьи в Ишимском уезде в чине коллежского асессора при Тобольском окружном суде (ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 255. Л. 2). Таким образом, Санкт-Петербургский университет являлся важным фактором в истории подготовки казахских специалистов второй половины XIX – начала XX веков.

5. Заключение

Во второй половине XIX века начинается процесс обучения казахской молодежи в Санкт-Петербургском университете. Обучение юношей проходило за счет стипендий регионов их проживания. Ориентированные на успех юноши демонстрировали высокую степень дисциплинированности и результативности. К сожалению, многие студенты были подвергнуты различным заболеваниям, поэтому соответствующие факторы затрудняли их обучение. В студенческий период в исследуемой группе ярко проявились элементы корпоративного сотрудничества и родственных связей, наличие которых определяло адаптацию студентов и их социализацию в условиях большого города. Рационально мыслящие студенты ориентировались на расширение личного кругозора, научной сферы общения, что нашло отражение в получении ими дополнительных знаний в других университетах. Анализ источников демонстрирует стремление молодых специалистов реализовать свой потенциал на службе, в частности, выпускники университета

А. Турлубаев, Р. Марсеков, Ж. Акпаев, А. Темиров и Д. Сейдалин состоялись в качестве подготовленных юристов в государственных специализированных судебных структурах. Таким образом, в Санкт-Петербургском университете сформировалась группа профессионалов, которые доминировали в категории казахской интеллигенции исследуемого периода.

Литература

- Абдеш, 1998 – Абдеш М. Ертеден Ел тағынан // *Егемен Қазақстан*. 1998. С. 42.
 Абжанов, 2005 – Абжанов Х.М. Отечеству преданно служить // *Казахстанская правда*. 2005. 24 июня. №4. С.3.
 ГАГА – Государственный архив города Астаны.
 ГАТО – Государственный архив Томской области.
 ГАТ – Государственный архив Тобольска.
 Кенжетаяев, 1988 – Кенжетаяев Б.А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX – начале XX вв. Казань: ПИФ, 1988. 88 с.
 Михайлова, 1991 – Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX век). Казань, 1991. 359 с.
 РГИА – Центральный государственный исторический архив.
 Султангалиева, 2002 – Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002.
 Nurusheva et al., 2023 – Nurusheva G.K., Aitmukhambetov A.A., Simonov S.V. Education of Kazakh Students at Kazan University in the late 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 239-250.

References

- Abdesh, 1998 – Abdesh, M. (1998). Erteden El tagynan [From the throne of the country from time immemorial]. *Egemen Qazaqstan*. P. 42. [in Kazakh]
 Abzhanov, 2005 – Abzhanov, Kh.M. (2005). Otechestvu predanno sluzhit' [To serve the Fatherland faithfully]. *Kazakhstanskaya pravda*. 24 iyunya. 4: 3. [in Russian]
 GAGA – Gosudarstvennyi arkhiv goroda Astany [The State Archive of Astana city].
 GAT – Gosudarstvennyi arkhiv Tobol'ska [The State Archive of the Tobolsk].
 GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region].
 Kenzhetaev, 1988 – Kenzhetaev, B.A. (1988). Kazanskiye uchebnye zavedeniya i protsess formirovaniya kazakhskoi intelligentsii v seredine XIX – nachale XX vv. [Kazan educational institutions and the process of formation of the Kazakh intelligentsia in the middle of the XIX – beginning of the XX centuries]. Kazan': PIF, 88 p. [in Russian]
 Mikhailova, 1991 – Mikhailova, S.M. (1991). Kazanskiy universitet v dukhovnoi kul'ture narodov Vostoka Rossii (XIX vek) [Kazan University in the spiritual culture of the peoples of the East of Russia (XIX century)]. Kazan', 359 p. [in Russian]
 Nurusheva et al., 2023 – Nurusheva, G.K., Aitmukhambetov, A.A., Simonov, S.V. (2023). Education of Kazakh Students at Kazan University in the late 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 18(1): 239-250.
 RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
 Sultangalieva, 2002 – Sultangalieva, G.S. (2002). Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII – nachale XX vv.) [Western Kazakhstan in the system of ethno-cultural contacts (XVIII – early XX centuries)]. Ufa: RIO RUNMTs Goskomnauki RB. 120 p. [in Russian]

Санкт-Петербургский университет в истории подготовки казахских специалистов во второй половине XIX – начале XX вв.

Айдар Айтмухамбетов^а, Серикжан Исмаилов^{а,*}, Алибек Табулденов^а, Сергей Симонов^б

^а Костанайский региональный университет имени А. Байтұрсынұлы, г. Костанай, Республика Казахстан

^б Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, г. Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. Во второй половине XIX века казахские юноши получили право обучения в Санкт-Петербургском университете. В исследуемый период в вузе квалифицированную подготовку получили более 20-ти человек. Все они представляли разные социальные группы. Из социальных категорий

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ismailov_7777@mail.ru (А. Айтмухамбетов), aidar_abaivi4@mail.ru (С. Исмаилов), nauryz18@mail.ru (А. Табулденов), simonovsw@mail.ru (С. Симонов)

наибольшую группу обучающихся данного вуза составляли представители султанских династий, что являлось обычным явлением того времени. Эта социальная страта была по экономическому и общественному положению наиболее прогрессивной и обеспеченной. Студенты получили образование по юридическим, физико-математическим и филологическим специальностям.

Начальная подготовка осуществлялась в учреждениях по строго установленным стандартам, базовые основы которых оказались востребованными для зачисления в университет, чем пользовались казахские юноши. Зачастую профессиональные успехи старших родственников и близких являлись мотивирующими факторами для выбора абитуриентами университета. Студенты проявляли настойчивость и упорство в получении комплексных знаний с целью реализации своих возможностей на службе. Необходимо отметить, что в исследуемый период учащиеся имели возможность выезда в другие университеты для получения дополнительных компетенций. Такая форма обучения позволяла им прослушать курс лекций ведущих ученых в других университетах и учебных центрах.

Некоторые казахские обучающиеся в связи с осложнениями по состоянию здоровья вынуждены были продлевать образование, чтобы пройти полный курс обучения и стать дипломированными специалистами. Впоследствии специалисты состоялись в качестве служащих, демонстрируя высокие профессиональные качества по месту службы.

Ключевые слова: студент, университет, стипендия, судебная сфера, управление, лекция, султан, аристократ.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 258-267
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.258

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Verny Men's Gymnasium and Future Alash Figures

Orazgul Kh. Mukhatova^a, Shamek B. Tleubayev^a, Svetlana G. Belous^b, Arailym N. Konkabayeva^{a,*}

^a Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

On September 1, 1876, the local tsarist authorities opened the Verny men's gymnasium to enable the children of the indigenous nomadic population to receive a secondary education and continue their studies at the universities of the Russian Empire. Those who graduated from the gymnasium worked as translators in the center and districts of the Zhetysu region. In 1883–1911, future representatives of the Alash movement in Zhetysu were educated in this secondary educational institution. The purpose of the article is to study the first stage in the formation of Alash figures in Zhetysu – education at the Verny men's gymnasium; to consider the opening of this gymnasium and the rules for enrolling students, its potential, teaching staff, student apartment, conditions for admission to a boarding school; to analyze, on the basis of conduit sheets of students, academic performance, discipline, passing tests, reasons for the departure of Kazakh children; to reveal the essence and significance of the historical trace left by the men's gymnasium on the Zhetysu Alash figures and their life path. The article studies Alash figures in Zhetysu who studied at the Verny men's gymnasium in the late 19th – early 20th centuries (on the basis of archival sources). In the gymnasium, the children lived in a boarding house, studied Russian and French, Latin, algebra, geometry, history, geography, and took tests. They learned to live in a state-owned house, obey order, be true friends and reliable associates. They developed the skills of reading books, knowledge of languages and philosophical thinking, the ability to express their opinion. The childhood of the future leaders of the Alash movement in Zhetysu, who aspired to get an education, passed within the walls of the Verny men's gymnasium. Studying at the gymnasium predetermined their appointment to the civil service, receiving higher education and becoming qualified specialists in their field. Some of them occupied the administrative positions and became influential people in the region, while others were drawn into the national liberation struggle at the beginning of the 20th century.

Keywords: Verny, gymnasium, petition, student, boarding school, class, behavior, performance, conduit sheet, translator.

1. Введение

Российской империей в пореформенный период были заложены основы для становления казахской интеллигенции и формирования казахской национальной идентичности, ставшей впоследствии фундаментом возрождения исторической субъектности казахов. С.В. Любичанковский подчеркивает, что это происходило не вопреки, а именно вследствие реализации имперской политики аккультурации средствами просвещения. Интеграция казахов через образовательную систему империи привела к становлению новой элиты казахского народа не по праву крови, а исходя из приобретенных новых компетенций и взглядов на жизнь (Любичанковский, 2021: 106).

* Corresponding author

E-mail addresses: konkabayeva.arailym@mail.ru (A.N. Konkabayeva),
Orazgul7@rambler.ru (O.Kh. Mukhatova), Shamek_09@mail.ru (Sh.B. Tleubayev),
sbelous978@gmail.com (S.G. Belous)

Конструирование единого социокультурного пространства в регионе требовало открытия учебных заведений, принимавших инородцев. Ярким образцом такового стала Верненская мужская гимназия. Значительная часть жетысуских алашевцев получила среднее образование в этом учебном заведении. Там они изучали языки, развивали философское мышление и творческие способности, познавали арифметику и географию. Формировались их личные убеждения и духовный облик. Известный общественный деятель, депутат Государственной Думы, член Алаш-Орды Мухамеджан Тынышпаев, проходивший обучение в гимназии с 1889 по 1900 гг., писал: «Будучи гимназистом старших классов и студентом, понимал уже нужды киргизского населения, стал постепенно вникать во взаимоотношения между органами русской власти и киргизов, и по мере постепенного изменения условий киргизской жизни приходилось сравнивать, что было с киргизами раньше и что происходило в данный момент» (ЦГА РК. Ф. И-797. Оп. 1. Д. 46. Л. 401).

С конца XIX века вплоть до Октябрьской революции 1917 г. в Верненской мужской гимназии обучение прошли 2367 учеников, из них 109 детей-казахов. Почти все они были уроженцами Верненского уезда Семиреченской области. После окончания гимназии часть из более чем сотни учащихся продолжила обучение в высших учебных заведениях России. Одни стали признанными в крае квалифицированными специалистами, а другие несли службу в качестве переводчиков и толмачей в волостных и уездных правлениях. Одни заняли административную нишу и стали влиятельными людьми, другие втянулись в национально-освободительную борьбу в начале XX века и примкнули к движению Алаш. После Февральской революции они образовали казахские комитеты и пытались решать общественно-политические, социально-экономические и культурные проблемы края. В то же время, как отмечают А. Бисенова и А. Мукашева, первые казахские интеллектуалы являлись «трансляторами» европейской просвещенческой матрицы и европейской культуры на «местный» язык. Понимая, что для успешности в переговорах с имперскими структурами им нужно говорить с ними на «одном языке» просвещения и модернизации, многие казахские интеллектуалы попали в ловушку «колониальной мимикрии» (Бисенова, Мукашева, 2020: 446). Вместе с тем ряд авторов придерживается мнения о том, что новые учебные заведения так и не смогли подготовить лояльную к России элиту (Центральная Азия..., 2008: 166). Гибридность сознания и разнообразие стратегий поведения проявлялись не только среди кочевой элиты. Имперские чиновники, востоковеды, военные действовали в колониальной истории по-разному. П. Сартори и П. Шаблей подчеркивают, что становление отдельных личностей, особенности их мышления, подходы к изучению реальности в Казахской степи развивались в разнообразных и зачастую противоречивых условиях (Сартори, Шаблей, 2019: 41). Мы рассматриваем в статье образовательную среду Верненской гимназии как один из ключевых факторов становления будущих представителей интеллигенции в Жетысу.

2. Материалы и методы

Источниками для исследования рассматриваемого вопроса и реконструкции эпохи послужили документы фондов, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан). Были использованы следующие документы фонда И-94 «Верненская мужская гимназия»: циркуляры и распоряжения Министерства народного просвещения и главного инспектора народных училищ о постановке учебного процесса, протоколы заседаний членов педагогического совета Верненской мужской гимназии, отчеты о деятельности гимназии, протоколы комиссий по устным и письменным испытаниям, кондуитные листы учеников, сведения об обучающихся, аттестаты и свидетельства выпускников, распределение учеников в казахском ученическом пансионе, свидетельства об успехах и поведении учеников гимназии, отчетные ведомости классных наставников. Личные дела учеников, в том числе Салыка Аманжолова, Базарбая Маметова, Мухамеджана Тынышпаева и др. Фонд И-797 содержит материалы о восстании 1916 года. Вместе с тем в его документах имеются упоминания о Верненской гимназии. Документы фонда 390 Государственного архива города Алматы (г. Алматы, Казахстан) включают в себя перечень документов и требований для поступающих, сведения о возрасте обучающихся, о квартире для инородцев, а также содержание дисциплин и правила учебного заведения.

История зарождения духовного капитала деятелей Алаш в Семиречье заслуживает отдельного внимания в качестве объекта исследования. Актуальность проблемы предопределило отсутствие специальных работ по проблеме в отечественной исторической науке.

В основу исследования положен структурно-функциональный анализ, направленный на изучение социокультурных явлений как элементов системы. В работе применены принцип историзма, описательный, сравнительный и дескриптивный методы, потому как формирование будущей интеллигенции в стенах гимназии, особенности ее мотивации и восприятия при принятии решений в последующем неразрывно связаны и во многом предопределены комплексом социально-исторических условий, сложившихся в крае.

3. Обсуждение

В начале 1980-х – начале 1990-х годов история движения Алаш, долгие годы считавшаяся одной из «закрытых» тем, обрела ряд интерпретаций различного характера. Однако в научных исследованиях не получил отражения вклад жетысуских алашевцев в борьбу за национальную идентичность. Преимущественно в работах упоминались имена и краткие сведения о них. В фундаментальных исследованиях К. Нурпеис ([Нурпеис, 1995](#)) и М. Койгелдиева ([Койгелдиев, 2008](#)) поверхностно характеризуются деятели движения Алаш в Семиречье. В работе Б. Абдигалиулы ([Абдигалиулы, 2018](#)), посвященной истории Алашской армии, изучен вклад Б. Маметова и других деятелей в формирование воинских частей 1918–1920 гг. В коллективной монографии «Казахская государственность и Алаш-Орда» ([Қазақ мемлекеттілігі және Алашорда, 2018](#)) повествуется о I и II казахских съездах, проходивших в г. Верном, и об их участниках. В совместной работе У. Буркитбаева и Ж. Карабасова ([Бүркітбаев, 2020](#)) изучена жизнь и деятельность И. Жайнакова. Его же в качестве жетысуского деятеля Алаш рассматривает в своей статье Ш.Б. Тлеубаев ([Тлеубаев, 2022](#)). Отдельная статья посвящена кыргызскому деятелю Алаш Дюру Саурамбаеву ([Тлеубаев, Белоус, 2021](#)).

В энциклопедическом справочнике, составленном Э. Тилешевым и Д. Камзабекулы ([Тилешев, Камзабекулы, 2014](#)), приводятся сведения об отдельных деятелях Алаш в Семиречье. В работе Ж.М. Ескендирулы (Абдешев) «Министры Алаш-Орды» ([Ескендирулы, 2008](#)) дается краткая характеристика деятельности семиреченских алашевцев Садыка Аманжолова, Отынши Альжанова и Базарбая Мамбетова.

Помимо исследований отдельных жетысуских алашских деятелей, существуют труды, в которых собраны и опубликованы их произведения. Одной из них является работа С.М. Альжановой и С. Смагуловой ([Альжанова, Смагулова, 2004](#)), представляющая интерес для исследователей. В ней собраны документальные материалы о творчестве и судьбе Отынши Альжанова. Опубликованы сборники архивных документов «Движение Алаш и его семиреченские деятели» ([Алаш қозғалысы және оның жетісулық қайраткерлері, 2017](#)), «Движение Алаш» ([Алаш қозғалысы, 2007](#)) и «Казахские съезды» ([Қазақ съездері, 2007](#)). Опубликованные архивные материалы служат важным подспорьем в исследовании деятельности и судеб алашевцев.

4. Результаты

Открытие гимназии. В мае 1875 г. Общее собрание Государственного совета, рассмотрев представление Министерства народного просвещения, «мнением положило» учредить в Туркестанском крае Управление по учебной части и две прогимназии в городах Ташкенте и Верном. 31 июля 1876 г. в ведомстве Министерства народного просвещения была открыта четырехклассная Верненская прогимназия, которая первоначально состояла из двух основных и одного подготовительного классов ([ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 129. Л. 24](#)). М. Тынышпаев, раскрывая особенности обстановки в крае в контексте восстания 1916 г., затрагивал вопрос просвещения: «В 1876 г. генералом Колпаковским открыта в г. Верном мужская гимназия с пансионом для киргизских детей (в этом пансионе учился впоследствии и я); Около того же времени генералом фон Кауфманом открыта мужская гимназия в г. Ташкенте и тоже с пансионом для киргизских детей» ([ЦГА РК. Ф. И-797. Оп. 1. Д. 46. Л. 402](#)). С 1879 г. Верненская прогимназия была преобразована в шестиклассную, а с 1881 г. – в классическую гимназию ([ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 129. Л. 24](#)).

Появление образовательного учреждения в Семиречье было тесно связано с именем первого генерал-губернатора Туркестанского края Константина Петровича Кауфмана, направившего прошение правительству с обоснованием необходимости учебного заведения. Наряду с общими просветительскими задачами преследовалась цель предоставить детям местного кочевого населения возможность получить среднее образование и продолжить обучение в университетах Российской империи. Для коренного населения Семиречья открывались возможности повышения статуса благодаря тому, что их дети будут учиться, а затем работать переводчиками в местных органах власти. Потому новость об открытии учебного заведения в Верном была воспринята восторженно. Родителям учеников было удобно и выгодно, чтобы их дети обучались поблизости, а не в отдаленных регионах. Предпочтение отдавалось образованию мальчиков, нежели девочек.

Выбор Верного в качестве города для открытия прогимназии был неслучайным. Город был центром одного из пяти уездов, образованных в Семиреченской области. Согласно «Временному положению об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями» от 14 апреля 1867 г. территория Верненского уезда на юго-западе проходила по горам, которые служили водоразделом между бассейнами озера Балхаш и реки Чу, затем – по северному хребту Алатау, по горам, разделяющим верховья реки Чилика и Большого Кебина, по хребту, отделяющему правые притоки Чилика от бассейна Иссык-Куля. Отсюда по реке Кегень она доходила до Китайской границы ([ЦГА РК. Ф. И-41. Оп. 1. Д. 797 Л. 62](#)). Во второй половине XIX века Верный был экономическим и культурным центром Семиречья. Кроме того, город располагался на склонах Алатау и привлекал людей.

Прогимназия принимала учащихся в подготовительный, первый и второй классы. Пропшения о поступлении в прогимназию подавались с 26 августа 1876 г. в доме купца Абдулгазинова. На первое время, поскольку у гимназии не было своего здания, на аренду помещения приказом военного

губернатора выделили 1500 рублей. На эти деньги был арендован дом купца. Печатные прошения в виде типографской бумаги выдавались бесплатно. К прошениям требовали приложить метрические свидетельства о рождении и крещении, справку о привитии оспой (ГАГА. Ф. 390. Оп. 9 «С»-т. Д. 17. Л. 1). Помимо прочего, родители предоставляли свидетельство о звании. Для детей чиновников – послужные списки отцов, для детей податных сословий – засвидетельствованная копия того вида, по которому живут родители. В случае отсутствия родителей дети сами подавали выданный им вид и свидетельство о прививке от оспы. Возраст поступающих был четко определен. В подготовительный класс зачислялись дети не младше 8-ми и не старше 10-ти лет, в первый класс – не младше 10-ти, не старше 12-ти, во второй класс – не младше 11-ти, не старше 13-ти лет. В остальные классы дети принимались в соответствии с определенным в правилах возрастом (ГАГА. Ф. 390. Оп. 9 «С»-т. Д. 125. Л. 1).

В 1877 г. при прогимназии была учреждена киргизская (казахская) ученическая квартира для инородцев, которая затем превратилась в пансион. Здесь воспитывались поступающие дети казахов и мальчики, готовящиеся к поступлению на бесплатной основе. Правила об ученической квартире для инородцев утвердил 19 мая 1877 г. туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман. В первом параграфе Правил говорится следующее: «Ученическая квартира в г. Верном содержит на добровольные пожертвования киргиз на дело народного образования согласно утвержденным Г. Туркестанским генерал-губернатором штатом». Заведование ученической квартирой поручалось сверхштатному преподавателю прогимназии, специально назначенному для этого в число преподавателей прогимназии из лиц, окончивших курс по Восточному факультету Петербургского университета или в Лазаревском институте (ГАГА. Ф. 390. Оп. 9 «С»-т. Д. 26. Л. 1). В пансионе было два отделения: одно – подготовительное к поступлению в гимназию, а второе – гимназическое, для ее учеников. Часы занятий, программы и объем преподавания предметов подготовительного отделения определял педагогический совет и предоставлял на утверждение попечителя местного учебного округа. Предполагалось добавочное вознаграждение за уроки в подготовительном отделении пансиона и за практические занятия русским языком с воспитанниками из инородцев. Казахским детям выделялось 20 мест в пансионе. Согласно правилу, утвержденному Государственным советом 6 января 1897 г., пансион содержали на средства, ассигнуемые ежегодно из земских сборов в Семиреченской области (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 20509. Л. 1). Все обучающиеся один раз в год вносили плату за обучение в размере 40 рублей. К 1910 г. она достигла 50 рублей (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 526. Л. 42).

С начала 1878-1879 учебного года от поступающих в первый класс прогимназии требовалось умение бегло и осмысленно читать и по предложенным вопросам пересказывать прочитанное. Необходимо было знать наизусть несколько басен или стихотворений, уметь разделять звуки и буквы на гласные, согласные и полугласные, а также отличать все части речи (ГАГА. Ф. 390. Оп. 9 «С»-т. Д. 30. Л. 1). Казахские дети, окончившие подготовительный класс, сдавали контрольные работы по арифметике и русскому языку. В русских классах предполагалось изучение предмета о законах Божьих. Ученики, окончившие второй и третий классы, проходили испытания по русскому, латинскому, французскому и немецкому языкам, арифметике и географии (ГАГА. Ф. 390. Оп. 9 «С»-т. Д. 31. Л. 1). Содержание изучаемых дисциплин усложнялось от класса к классу.

В фундаментальной библиотеке гимназии хранилось 11 186 книг, в ученической – 2 797. В процессе обучения использовались атласы, глобусы, географические карты и учебные пособия (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 526. Л. 1). Для получения полного среднего образования мальчиков, в том числе казахских детей, в гимназии были созданы все условия.

Почетным попечителем гимназии стал военный губернатор Семиреченской области. В штат входили директор, инспектор, два помощника классных наставников, законоучитель, десять учителей различных наук и языков, учитель чистописания и рисования, а также четыре прочих должностных лица: врач, заведующий ученической квартирой казахских детей, учитель пения и учитель военной гимнастики. Всего 20 человек. Гимназия находилась в ведении Министерства народного просвещения и непосредственно подчинялась Управлению учебными заведениями Туркестанского края (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 129. Л. 25). На каждом совещании Педагогического совета обсуждались успеваемость и поведение учеников, принимались индивидуальные решения. Своевременно заполнялся кондуктный журнал, что упрощало анализ результатов обучения. Следует отметить, что из гимназии отчисляли непослушных учеников. Отличившихся хорошим поведением переводили в следующий класс с наградами I или II степени. К 1905 г. в гимназии числилось 343 ученика. Среди них были и казахские дети, впоследствии ставшие деятелями движения Алаш.

В 1882 году гимназия переехала в двухэтажное помещение. Постройка сносилась в 1887 и 1910 годах, так как второй этаж приходил в негодность в результате землетрясений. В советский период сооружение было отреставрировано, надстроен второй этаж. Здание гимназии сохранилось до наших дней.

Выходцы Верненской гимназии – будущие представители движения Алаш. Калыгул Шегиров был из числа первых казахских детей, обучавшихся в гимназии с 1883-1884 учебного года. Список его годовых отметок в 1888-1889 учебном году указывал на способности к естественным, нежели к гуманитарным наукам (русский язык – 3, латынь – 3, алгебра – 4, геометрия – 4, история – 3,

география – 3, французский язык – 3, дисциплина – 5). Итоговые испытания он сдал хорошо и в пятый класс был переведен без препятствий (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 109. Л. 11). В архивном фонде не зарегистрирован кондуитный лист Калыгула. Как и у большинства обучающихся мальчиков-казахов, его поведение было прилежным.

В 1888–1889 учебном году в первом классе гимназии обучался Исхак Жаксылыков. Исхак в течение учебного года по всем изучаемым предметам выходил «твердым хорошистом». Испытания сдавал на «отлично». Языки давались ему лучше, нежели арифметика и география. Решением педагогического совета гимназии был переведен во второй класс с наградой II степени (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп.1. Д. 106. Л. 8).

В 1888–1889 учебном году был принят на учебу Тубек Есенгулов. На первой странице кондуитного листа учащегося нет записей о его происхождении, месте и дате рождения, вероисповедании, национальности, времени поступления и уходе из гимназии. У других казахских детей, обучавшихся в Верненской мужской гимназии, заполнена первая страница журнала. В журнале указано, что после приема в первый класс гимназии Тубек не написал перевод с латыни и скрыл это, в связи с чем был оставлен в гимназии на один час после занятий по решению начальства (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 1800. Л. 4). В конце 1888–1889 учебного года решением Педагогического совета гимназии он, показавший хорошую успеваемость и отличное поведение в учебном году, был переведен во второй класс (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 106. Л. 12). 4 февраля 1891 г. Тубек заслушание был оставлен на два часа в гимназии 4 и 23 марта. Тем не менее 4 июля того же года он был переведен в 4 класс с наградой II степени. В кондуитном журнале зафиксировано, что Тубек Есенгулов покинул гимназию 31 октября 1896 г. в период обучения в восьмом классе. Этот факт подтверждает прошение его матери Дурданы Есенгуловой на имя директора. Она писала, что ее сын «по слабости здоровья и домашним обстоятельствам не может продолжать учение, а потому всепокорнейше просит выдать надлежащее свидетельство». Свидетельство об обучении Тубек Есенгулов получил 16 ноября 1896 г. (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 1800. Л. 1). Его переводили из класса в класс без существенных замечаний. К сожалению, других документов в фонде не отложилось.

После окончания гимназии он работал переводчиком в Жаркентском уезде. За честную службу ему был присвоен чин коллежского регистратора. Затем Тубек поступил в ветеринарный институт в Казани. По его окончании работал ветеринарным врачом в Жаркентском уезде, став одним из первых ветеринаров Семиреченской области.

Спустя три года после Тубека Есенгулова в младший приготовительный класс поступил Иса Тергеусизов. В кондуитном журнале Исы было записано, что он родился 1882 г. в Верненском уезде в простой казахской семье (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 2740. Л. 1-2). Иса учился удовлетворительно, однако поведение было отличным. Годовые итоговые баллы были такими же. В 1898 г. он должен был сдать испытание по арифметике, но не явился на экзамен. По решению педагогического совета Иса был исключен из гимназии 14 августа 1898 г. за отсутствие на экзамене и повторное обучение в 3 классе из-за неуспеваемости (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 2740. Л. 3). Согласно Правилам гимназии, ученик, пробывший в одном классе два года и не показавший успехов, исключался. 25 августа 1898 г. Иса написал расписку о возврате всех вещей, взятых им из пансиона после приезда в Малую Алматинскую волость (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 2740. Л. 4). Иса продолжил заниматься самостоятельно. Для этого требовались средства, и он решил устроиться переводчиком. Правила учебного заведения гласили: «Казахские мальчики, окончившие курс учения в гимназии, должны поступить для практических упражнений в письме в уездные Правления и по ближайшему с ними ознакомлению уездного начальника могут быть определяемы в должности: письмоводителей, переводчиков, освоенных учеников в те волости, в коих они числятся. Усердной и честной службой своей могут приобрести право и на высшие должности» (ГАГА. Ф.390. Оп. 9 «С»-т. Д. 26. Л. 2). Иса, начавший свою карьеру волостным переводчиком, был переведен на должность переводчика участкового пристава. Он обрел опыт, познакомился с людьми и стал авторитетным специалистом. Приказом военного губернатора Семиреченской области Иса был назначен на должность переводчика в Верненское уездное Правление. Иса Тергеусизов в числе семи делегатов участвовал в работе Второго общеказахского съезда в Оренбурге, состоявшегося 5-13 декабря 1917 г. Позже стал уполномоченным по формированию первой Алашской сотни в Семиречье.

В пансион принимали детей из семей среднего достатка. Для поступления в пансион руководство гимназии требовало документы, подтверждающие количество членов семьи, характеристику нравственных качеств просителей и описание социально-бытового положения. Были случаи отклонения прошений. Жаба и Миркасыму Сулейменовым, жителям Западно-Талгарской волости, прошения об устройстве младшего брата Курманбая и сына Самена в пансион были возвращены. От главы Верненского уездного требовалось направить сведения, касающиеся имущественного положения и морально-нравственных качеств просителей (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 5626. Л. 1). Управитель Западно-Талгарской волости написал письмо, в котором указывал, что у Миркасыма Сулейменова есть дом в Больше-Алматинской станице стоимостью 5000 рублей и около 1200 голов разного скота. У Жабы Сулейменова дом в г. Верном стоил не менее 4000 рублей и около 1000 голов разного скота (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 5626. Л. 6). Начальство гимназии заявило, что

Сулейменовы – казахи очень богатые, потому брата и сына могут содержать в гимназии за свой счет (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 562б. Л.7).

В 1893-1902 гг. в гимназии учился Ибраим Жайнаков. По мнению исследователя Ш.Б. Тлеубаева, Ибраим родился в 1886 г. в Больше-Алматинской волости (Тлеубаев, 2022: 136). После сдачи экзамена 16 июля 1893 г. он был принят в подготовительный класс. Его переводили в первый и третий классы за поведение с оценкой «отлично» и наградой II степени. При этом безупречной дисциплиной он не отличался: опаздывал на занятия, подсказывал своим друзьям во время уроков, уходил из гимназии без разрешения. За это его оставляли после уроков и объявляли выговоры. В результате в четвертом семестре 1899-1900 учебного года за поведение была поставлена оценка «хорошо». 16 июля 1902 г. из-за болезни он вынужден был покинуть гимназию (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 1657. Л. 6). После лечения Ибраим вернулся, однако в седьмом классе снова заболел. В прошении матери, вдовы штабс-капитана Шолпан Жайнаковой, от 13 мая 1902 г. на имя директора М.С. Вахрушева сказано, что «домашние обстоятельства и слабое здоровье сына Ибраима Жайнакова, ученика седьмого класса, заставляют забрать его из гимназии со свидетельством об окончании им шести классов и поведении» (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 1657. Л. 3).

В 1904 г. Ибраим стремился поступить в ветеринарный институт в Казани, но из-за болезни не смог учиться. После этого он сначала работал в Жаркентком уездном Правлении, затем в Семиреченском областном Правлении переводчиком. И. Жайнаков был лидером Семиреченского областного совета Алаш-Орды.

В 1894–1902 гг. в гимназии обучался Толембай Дуйсебаев (Тулембай). Толембай родился в 1884 г. в Больше-Алматинской волости. Хотя в гимназии его поведение было отличное, по решению Педагогического совета, состоявшегося 23 мая 1897 г., он был оставлен в первом классе, в котором пребывал два года. Нет сомнений, что мальчику из аула трудно было научиться говорить по-русски, писать, считать и рисовать. Стремление оправдать доверие отца и не отставать от сверстников требовало от него упорного труда.

Отец Толембая, Дуйсебай Шуманакулы, более двадцати лет был бием в Больше-Алматинской волости. Он был образованным, уважаемым и состоятельным человеком. Позже стал паломником, построил мечеть и совершил поездку в Мекку.

В конце 1902 года, когда Толембай учился в седьмом классе, его отец забрал сына из гимназии, ссылаясь на семейные обстоятельства (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 1662. Л. 1). Домашние проблемы были лишь предлогом, потому как в то время бии и волостные управители не были заинтересованы в том, чтобы их дети оканчивали гимназию. Важным считалось владение русским языком, навыками чтения и письма. Поскольку гимназии выдавали свидетельство об окончании определенного класса, то уровня третьего-четвертого класса считалось достаточно. В целях повышения своего статуса отцы стремились как можно скорее трудоустроить своих детей. Подобные поступки отцов, возлагавших большие надежды на будущее детей, – распространенное явление в истории казахов.

После возвращения учебников и учебных пособий Толембай вернулся в свой аул (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 1662. Л. 2-3). Позже он был принят на должность переводчика в Верненский уездной суд. Спустя некоторое время его перевели на должность переводчика жандарма Пишпекского уезда. Т. Дуйсебаев участвовал в работе I и II областных казахских съездах Семиречья. Являлся членом Семиреченского областного совета Алаш-Орды.

В первой половине 1904 г. к упомянутым ученикам присоединились Нургали Нурмухаммедов и Абдилкерим Садыков. Нургали поступил в подготовительный класс, а Абдилкерим – в первый класс, поскольку уже прошел подготовку в Пишпекском городском училище (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 2560. Л. 1). Согласно данным кондуитного журнала, он родился в 1891 г. в Талканской волости Пишпекского уезда. За хорошее поведение его регулярно переводили из класса в класс с наградой II степени. В первый год обучения Абдилкерим показывал среднюю успеваемость. В последующие годы учился хорошо. В четвертом и пятом классах он получал по русскому языку, геометрии, географии, естествознанию, рисованию – «хорошо», по арифметике, истории, чистописанию – «отлично». Однако в 1911 г. он не был допущен к устным испытаниям ввиду неуспеваемости по естественным дисциплинам. В том же году Абдилкерим оставил гимназию по просьбе отца Садыка Узбекова, стремившегося как можно скорее приобщить сына к службе в крае.

Прилежным поведением и успеваемостью отличался Салык Аманжолов. Родился будущий председатель Уржарского казахского комитета в 1889 г. Он – выходец из семьи зажиточного крестьянина Бакайской волости Верненского уезда. Осознавая важность знаний, отец Аюке отдал его в гимназию 10 августа 1897 г. (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 1269. Л. 2).

Среди детей были заболевшие инфекционными заболеваниями, потому в требованиях для поступления в гимназию прописывалось наличие прививок. Таковые Салыку были поставлены (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 1269. Л. 3). Руководство гимназии пристально следило за здоровьем детей: ставили прививки, сообщали родителям об ослабленных, госпитализировали и лечили при необходимости. Например, в 1890 году только один ребенок болел болезнью легких. Факт прививки Салыка подтверждается сведениями из отчета врача. В свидетельстве, выданном врачом, записано: «На правом плече ребенка восьми лет есть знак привития предохранительной оспы. Здоровье, равно

как и телосложение его, не представляют препятствий к поступлению в казенно-учебное заведение» (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 1269. Л. 3). Салыка переводили из класса в класс с наградой II степени. За десять лет он нарушил дисциплину лишь однажды. За самовольный уход с занятий он был наказан заключением в специальную комнату на четыре часа.

В мае 1907 г. Салык окончил гимназию и получил свидетельство о среднем образовании (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 1269. Л. 5). Однако мальчик уже тогда понимал, что ему нужны более глубокие знания. Позже он поступил на юридический факультет Императорского университета в Казани. В 1912 г. по окончании университета Салык вернулся домой. Работал в судебных учреждениях Аягуза и Урджара, пользовался уважением и был признан настоящим специалистом. На II Всеказахском съезде в декабре 1917 г. его избрали членом Правительства Алаш-Орды – Национального совета от Семиреченской области. На II съезде казахов в Семиречье он был избран членом областного совета Алаш-Орды. Активно участвовал в формировании Алашских войск.

Среди тех, кто учился в Верненской мужской гимназии, был будущий деятель движения Алаш в Жетысу – Кайсерке Токсанбаев. Он родился в 1890 г. в Верненском уезде. Точное место его рождения в кондуктном журнале не указано. Из прошения его отца Токсанбая Дузгенбаева можно выяснить, что Кайсерке жил в Мойынкумской волости. В августе 1899 г. Кайсерке сдал экзамен и поступил в младший приготовительный класс. В конце первого класса ему не удалось выдержать испытание по арифметике и пришлось остаться на второй год. В испытании принимали участие инспектор гимназии, два помощника из преподавателей и военный губернатор области. Кайсерке окончил последующие классы со средними оценками и хорошим поведением, но вынужден был покинуть гимназию, не окончив третью четверть шестого класса (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 2756. Л. 4-5). Причина оказалась типичной: отец написал прошение на имя директора гимназии с просьбой отчислить его сына, дабы тот мог поступить на службу. Он не стал ссылаться на домашние обстоятельства, как это чаще всего делали другие. 28 февраля 1909 г. Кайсерке выдали свидетельство №293 об окончании пятого класса, о возрасте и состоянии здоровья (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 2756. Л. 1). В свидетельстве о здоровье было сказано, что он лечился в льготном Верненском лазарете в качестве ученика четвертого класса бесплатно (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 2756. Л. 2).

После ухода из гимназии Кайсерке сразу же был принят на государственную службу приказом исполняющего обязанности губернатора Семиреченской области словесным переводчиком в Жаркентское уездное правление от 1 марта 1909 г. В разные годы занимал должности Коллежского регистратора, письменного переводчика Верненского уездного правления, губернского секретаря со старшинством, переводчика туземных языков в канцелярии Семиреченского переселенческого района (ЦГА РК. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 445. Л. 2). 21 февраля 1911 г. награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых (ЦГА РК. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 445. Л. 9). После победы Февральской революции К.Токсанбаева избрали членом Совета Семиреченского казахского комитета. Одновременно он занимал должность секретаря.

В гимназии учился Базарбай Маметов. Базарбай родился в 1891 г. в Лепсинском уезде. В 1900 г. его приняли в приготовительный класс, в 1907 г. в седьмой класс переведен с наградой II степени (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 2205. Л. 5). Несмотря на прилежное поведение, решением Педагогического совета он был оставлен повторно в восьмом классе, так как не смог сдать письменные экзамены за 1909–1910 учебный год. В следующем, 1910–1911 учебном году, он успешно прошел испытания, окончил восемь классов гимназии и получил аттестат о среднем образовании. По окончании гимназии Базарбай поступил на юридический факультет Императорского Казанского университета. Также, как и С. Аманжолов, он вошел в состав Алаш-Орды от Семиреченской области. На II съезде казахов Семиречья его избрали членом областного совета Алаш-Орды.

В августе 1901 г. в гимназию приняли Канатхана Сыртанова. Следует отметить, что в Верненской мужской гимназии учились братья Барлыбек, Болатхан и Дарибек Сыртановы. Канатхан поступил по совету Барлыбека Сыртанова, который дал расписку на имя директора о том, что на случай увольнения племянника Канатхана из гимназии и пансиона он обязуется по первому требованию забрать его к себе (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. Д. 2560. Л. 5).

Канатхан родился в 1892 г. в Капальском уезде Семиреченской области. В 1903 г. он был переведен в первый класс с наградой II степени. В первой половине 1903–1904 учебного года Канатхан обучался вместе с Нусипбеком Жакыпбаевым (поступил в подготовительный класс), Базарбаем Маметовым, Болатханом Сыртановым, Кайсерке Токсанбаевым и Салыком Аманжоловым (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 383. Л. 1, 4). Во втором полугодии этого учебного года к ним присоединился Жанеке Солтанаев. В архивных материалах фактически нет сведений о Нусипбеке Жакыпбаеве и Жанеке Солтанаеве. Их имена представлены только в журнале, где указан список учеников, начиная с приготовительного и заканчивая восьмым классом. Нусипбек Жакыпбаев учился на медицинском факультете Киевского университета. Окончив университет с отличием, он работал врачом в Семиреченской области. Активно участвовал в деятельности движения Алаш в Семиречье.

В марте 1909–1910 учебного года Канатхан написал прошение директору, где просил остаться в седьмом классе по состоянию здоровья. Врач выдал свидетельство о болезни. Вскоре его отец

Керимбек забрал Канатхана из гимназии ввиду домашних обстоятельств (ЦГА РК. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 2560. Л. 1). Позже Канатхан Сыртанов станет членом Капальского уездного совета Алаш-Орды.

В гимназии создавались условия для получения глубокого и всестороннего образования. Все тот же М. Тынышпаев писал: «Покойный генерал Колпаковский для открытых им гимназий (в начале прогимназии) и пансиона дал такой педагогический персонал, подобно которому (с точки зрения просвещения киргизов) теперь нигде не встречаем. Отечественные заботы о киргизских мальчиках первого директора – покойного Новака и высокогуманное отношение всего преподавательского персонала к киргизским мальчикам памятно всем бывшим воспитанникам этих незаметных, но поистине великих людей. О втором директоре гимназии М.В. Вахрушеве, моем воспитателе, проживающем сейчас в г. Верном, вспоминают не иначе как с величайшей благодарностью. Этот просвещенный идеалист, оказывается, под старость лет собирает летом вокруг себя случайных киргизских мальчиков, учит грамоте, русскому языку и т.д. Об этом официально никому неизвестно... Помню, как теперешний инспектор гимназии, престарелый А.Д. Юрашкевич по целым дням просиживал с вновь поступившими киргизскими мальчиками, чтобы к концу учебного года научить их говорить и писать» (ЦГА РК. Ф. И-797. Оп. 1. Д. 46. Л. 401-410). Какие бы цели не ставились перед колониальной администрацией края, очевидно равнодушное отношение истинных педагогов, взрастивших будущих интеллектуалов казахской степи.

5. Заключение

Благодаря унификации учебных заведений империя попыталась включить население окраин в относительно единую социокультурную среду, что естественным образом зачастую приводило к формированию нелояльного молодого поколения. Наряду с выстраиванием типичных карьерных траекторий представителями новой интеллигенции проявлялось отторжение идеи полной интеграции в имперское пространство. На фоне кризиса империи стала пробуждаться национальная идентичность.

Годы, которые обучающиеся посвятили получению образования, способствовали становлению их как личностей. В дальнейшем они стали членами правительства Алаш-Орды, председателями областных и уездных казахских комитетов и формировали войска Алаш. Гимназия оставила неизгладимый след в жизни будущих семиреченских алашевцев. В стенах гимназии и пансиона прошло их детство. Они социализировались, научились подчиняться правилам, быть верными друзьями и надежными соратниками. У них сформировались навыки владения русским и иностранными языками, возникла потребность в дальнейшем самообразовании посредством чтения. Годы учебы способствовали развитию мышления и способности выражать свое мнение. Благодаря полученным знаниям они смогли претендовать на должности государственных служащих, получили высшее образование, стали квалифицированными специалистами в своей области и верно служили интересам народа.

6. Благодарности

Статья подготовлена на основе исследования, проведенного в рамках проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Жетысуские деятели движения Алаш: судьбы и наследие» (регистрационный номер: АР 14872226).

Литература

Әбдіғалиұлы, 2018 – Әбдіғалиұлы Б. Алаш әскері. 1918-1920 жж. Астана: ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ, 2018. 392 б.

Алаш қозғалысы, 2007 – Алаш қозғалысы. Движение Алаш. Құжаттар мен материалдар жинағы. Сборник документов и материалов. 3-том. Екінші кітап / ред. М.К. Койгелдиев. Алматы: Ел-шежіре, 2007. 344 б.

Алаш қозғалысы..., 2017 – Алаш қозғалысы және оның жетісулық қайраткерлері. Құжаттар мен материалдар жинағы / Жауапты құрастырушы: А.М. Каипжанова. Алматы: Алматы облыстық мемлекеттік архиві, 2017. 145 б.

Алжанов, 2004 – Алжанов О. Шығармалар жинағы. / Құрастырушылар: С.М. Әлжанова, С.О. Смағұлова. Алматы: Алаш, 2004. 296 б.

Бисенова, Мукашева, 2020 – Бисенова А., Мукашева А. Колониальные интеллектуалы: между просвещенческой и представительской ролью // Новое литературное обозрение. 2020. № 6. С. 445-459.

Бүркітбаев, Қарабасов, 2020 – Бүркітбаев Ү., Қарабасов Ж. Ыбырайым Жайнаков және «Алаштың» жетісулық қайраткерлері. Алматы: Таугүл-Принт, 2020. 192 б.

ГАГА – Государственный архив города Алматы.

Ескендирулы (Әбдешев), 2008 – Ескендрұлы (Әбдешев) М. «Алаш Орда» министрлері. Министры «Алаш Орды». Алматы, 2008. 114 с.

Қазақ мемлекеттілігі..., 2018 – Қазақ мемлекеттілігі және Алашорда. Ұжымдық монография. Алматы: Литер-М, 2018. 720 б.

Қазақ съездері, 2007 – Қазақ съездері. Құжаттар мен материалдар жинағы. Сәуір 1917 ж. – желтоқсан 1919 ж. // Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы. 30 томдық. Т.4. Құрастырған К. Илиясова. Алматы: «Ел-шежіре», 2007. 352 б.

Қойгелдиев, 2008 – Қойгелдиев М. Алаш қозғалысы. Екітомдық монография. 2-т. Алматы, 2008. 480 б.

Любичанковский, 2021 – Любичанковский С.В. Формирование казахской интеллигенции в учебных заведениях Оренбургского края: ответ на вызовы пореформенной модернизации // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 106-114.

Нұрпейісов, 1995 – Нұрпейісов К. Алаш һәм Алашорда. Алматы, 1995. 256 б.

Сартори, Шаблей, 2019 – Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.

Тилешев, Қамзабекұлы, 2014 – Тилешев Е., Қамзабекұлы Д. Алаш қозғалысы. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы «Сардар» Баспа үйі, 2014. 528 б.

Тлеубаев, 2022 – Тлеубаев Ш.Б. Алаш қозғалысының жетісулық кайраткері Ыбырайым Жайнақов жөнінде // Электрондық ғылыми журналы. 2022. № 4 (32). Б. 134–144. [Электронный ресурс]. URL: edu.e-history.kz

Тлеубаев, Белоус, 2021 – Тлеубаев Ш.Б., Белоус С.Г. Дүр Саурамбаев: Алаш қозғалысына атсалысқан қырғыз зиялысы // Вестник «Исторические и социально-политические науки». Научно-методический журнал КазНПУ им. Абая. 2021. №4(71). С. 173–179.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Центральная Азия..., 2008 – Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

References

Abdigaliuly, 2018 – Abdigaliuly, B. (2018). Alash askeri. 1918-1920 zhzh. [Alash Army. 1918-1920 yy.]. Astana: KMSI under the President of the Republic of Kazakhstan. 392 p. [in Kazakh]

Alash kozgalysy, 2007 – Alash kozgalysy. (2007). Dvizhenie Alash. Kuzhattar men materialdar zhinagy. [Alash movement. Collection of documents and materials]. 3-tom. 2-kitap. Red. M.K. Koigeldiyev. Алматы: El-shezhire. 344 p. [in Kazakh]

Alash kozgalysy..., 2017 – Alash kozgalysy zhane onyn zhetisulyk kairatkerleri [Alash movement and its semirechye figures]. Compiler A.M. Kaipzhanova. Алматы: Almaty Regional State Archive, 2017. 145 p. [in Kazakh]

Alzhanov, 2004 – Alzhanov, O. (2004). Shygarmalar zhinagy [Collection of works]. Compiler: S.M. Alzhanov, S.O. Smagulova. Алматы: Alash. 296 p. [in Kazakh]

Bisenova, Mukasheva, 2020 – Bisenova, A., Mukasheva, A. (2020). Kolonial'nye intellektualy: mezhdru prosveshchencheskoi i predstavitel'skoi rol'ju [Colonial intellectuals: between the enlightenment and the representative role]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6: 445-459. [in Russian]

Burkitbaev, Karabasov, 2020 – Burkitbaev, U., Karabasov, J. (2020). Ibyraiym Zhainakov zhane «Alashtyn» zhetisulyk kairatkerleri [Ibrahim Zhainakov and Semirechensk figures Alash]. Алматы: Taugul-Print. 192 p. [in Kazakh]

Eskendiruly (Abdeshev), 2008 – Eskendiruly, (Abdeshev) M. (2008). Alashorda ministrleri. Ministry Alashordy [Ministers of Alashorda]. Алматы. 114 p.

GAGA – Gosudarstvennyi arhiv goroda Almaty [State archive of the city of Almaty].

Kazak memlekettiligi..., 2018 – Kazak memlekettiligi zhane Alashorda. Uzhyndyk monografiya. (2018). [Kazakh statehood and Alash-Orda. Collective monograph]. Алматы: Liter-M. 720 p. [In Kazakh].

Kazak s'ezderi..., 2007 – Kazak s'ezderi. Kuzhattar men materialdar zhinagy. Saur 1917 zh. – zheltoksan 1919 zh. [Kazakh congresses. Collection of documents and materials. April 1917 – December 1919]. Kazak ult-azattyk kozgalysy. 30 tomдық. Т.4. Kurastyrgan K. Iliysova. Алматы: «El-shezhire», 2007. 352 p. [in Kazakh]

Koigeldiev, 2008 – Koigeldiev, M. (2008). Alash kozgalysy [Alash movement]. Two-volume monograph. V.2. Алматы. 480 p. [in Kazakh]

Ljubichankovskii, 2021 – Ljubichankovskii, S.V. (2021). Formirovanie kazahskoi intelligencii v uchebnykh zavedeniyah Orenburgskogo kraia: otvet na vyzovy poreformennoi modernizatsii [Formation of the Kazakh intelligentsia in educational institutions of the Orenburg Region: response to the challenges of post-reform modernization]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 4(73): 106-114. [in Russian]

Nurpeisov, 1995 – Nurpeisov, K. (1995). Alash ham Alashorda [Alash and Alashorda]. Алматы. 256 p. [in Kazakh]

Sartori, Shablei, 2019 – Sartori, P., Shablei, P. (2019). Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniy v Kazahskoi stepi [Empire Experiments: Adat, Sharia and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie. 280 p. [in Russian]

Tileshev, Kamzabekuly, 2014 – Tileshev, E., Kamzabekuly, D. (2014). Alash kozgalysy Enciklopediyalyk anyktamalyk [Alash movement. Encyclopedic reference book]. Алматы, printing house «Sardar». 528 p. [in Kazakh]

Tleubayev, 2022 – Tleubayev, Sh.B. (2022). Alash kozgalysynyn zhetisulyk kairatkeri Ibyraiym Zhainakov zhoninde [About the Zhetysu figure of the Alash movement Abraham Zhainakov]. *Elektrondyk gylymi zhurnaly*. 4(32): 134-144. [Electronic resource]. URL: edu.e-history.kz [in Kazakh]

Tleubayev, Belous, 2021 – Tleubayev, Sh.B., Belous, S.G. (2021). Dur Saurambaev: alash kozgalysyna atsalskan kyrgyz ziyalysy [Daur Saurambaev: Kyrgyz intellectual who participated in Alash movement]. *Vestnik «Istoricheskie i social'no-politicheskie nauki»*. Nauchno-metodicheskii zhurnal KazNPU im. Abaya. 4(71): 173-179. [in Kazakh]

Tsentrал'naya Aziya..., 2008 – Central'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii. (2008). [Central Asia as part of the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 464 s. [in Russian]

TsSA RK – Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Верненская мужская гимназия и будущие деятели движения Алаш

Оразгуль Хасеновна Мухатова^a, Шамек Баянович Тлеубаев^a, Светлана Геннадьевна Белоус^b, Арайлым Нурболатовна Конкабаева^{a,*}

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. 1 сентября 1876 года местная администрация открыла Верненскую мужскую гимназию, чтобы дать возможность детям коренного кочевого населения получить среднее образование и продолжить обучение в университетах Российской империи. Окончившие гимназию работали переводчиками в центре и уездах Жетысуйской области. В 1883-1911 годах в этом среднем учебном заведении получили образование будущие представители движения Алаш в Жетысу. Цель статьи – изучить первый этап становления деятелей Алаш в Жетысу (обучение в Верненской мужской гимназии); рассмотреть создание гимназии и правила приема учащихся, потенциал, преподавательский состав, ученическую квартиру, условия приема в пансион; проанализировать на основе кондуитных листов успеваемость учеников, дисциплину, прохождение испытаний, причины ухода детей-казахов; выявить суть и значение исторического следа, оставленного мужской гимназией на жетысуских алашевцах и на их жизненном пути. В статье на основе архивных источников изучены деятели Алаш в Жетысу, обучавшиеся в Верненской мужской гимназии в конце XIX – начале XX веков. В гимназии дети жили в пансионе, изучали русский и французский языки, латынь, алгебру, геометрию, историю, географию и держали испытания. Будущие деятели движения научились жить в казенном доме, подчиняться порядку, быть верными друзьями и надежными соратниками. У них сформировались навыки чтения книг, владения языками и философским мышлением, умение выражать свое мнение. Обучение в гимназии предопределило их назначение на государственную службу. Они получали высшее образование и становились квалифицированными специалистами в своей области. Одни заняли административную нишу и стали влиятельными людьми в крае, другие втянулись в национально-освободительную борьбу в начале XX века.

Ключевые слова: Верный, гимназия, прошение, ученик, пансион, класс, поведение, успеваемость, кондуитный лист, переводчик.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: konkabayeva.arailym@mail.ru (А.Н. Конкабаева), Orazgul7@rambler.ru (О.Х. Мухатова), Shamek_09@mail.ru (Ш.Б. Тлеубаев), sbelous978@gmail.com (С.Г. Белоус)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 268-277
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.268

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Special Aspects of Siberian Intelligentsia Development in the XIX – the early XX centuries

Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Anna S. Zhulaeva ^a, Alena O. Zadorina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The sources of formation of Siberian Intelligentsia are the main study object in this paper. Intelligentsia is thought of as the only social group capable of solving collectively the scientific, cultural, and economic problems, the region faced, which determines its contribution and importance for the long-term development of Siberia. Analysis of authentic sources and published literature suggests that Intelligentsia in Siberia was just at the start of development into a certain social group in the second half of the 19th century. A small number of the local intelligentsia was completed at the expense of voluntary intellectuals who came to work from European Russia. Another source of increase of its members were political exiles, pertaining mainly to the noble intelligentsia or that of different social classes. Despite prohibitions and in violation of instructions of the central authorities, the Siberian administration had to make use of the skills and qualifications of the political exiles to settle various economic issues. Local intelligentsia, represented by regional officials, progressive-minded bureaucracy and merchants understood the need of drastic solution for the lack of intelligentsia in the region through its recruitment from the local population. To this end, various societies were created that consolidated the forces of the already existing intelligentsia and performed educational functions through organization of meetings, public readings, opening exhibitions and classes. The self-sacrifice of the intelligentsia, understanding of the importance of education for their own increase, great efforts to open secondary and higher educational institutions, resulted in the gradual creation of a unified educational space in Siberia by the beginning of the 20th century, which was of potential power to settle the problem of the regional intelligentsia deficiency.

Keywords: Siberia, intelligentsia, Russia, regionalism, political exile, education, societies.

1. Введение

«Интеллигенция есть лучшая часть общества, наиболее образованная, наиболее развитая, наиболее благородная, наиболее талантливая и творческая, она есть соль земли, истинная выразительница народного духа, носительница народных идеалов...» (Бердяев, 1998: 70). Так определял статус и предназначение интеллигенции Н. Бердяев. Однако он имел в виду лишь интеллигенцию дворянского происхождения, отказывая в этом разночинной интеллигенции, которая, по его мнению, была сословно ограниченной и не имела общенародного характера. Определение статуса интеллигенции всегда вызывало определенные трудности и имело противоречивые оценки исследователей в разные исторические эпохи.

Способность интеллигенции создавать общенациональные культурные ценности и делать их достоянием всего народа определила ее основополагающую роль в генезисе социокультурного пространства страны в целом. И если для центральной России в XIX веке вопрос о наличии интеллигенции как вполне оформившегося социального слоя не вызывал проблем, то для Сибирского региона он был весьма актуален. В 1877 г. была проведена перепись населения города

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), annzhul@mail.ru (A.S. Zhulaeva)

Омска, в 1880 г. перепись прошла в Томске. Среди населения, проживавшего в этих городах, перечислялись такие его категории, как чиновники, купцы, духовенство, мещане, казаки, крестьяне (Бородавкин и др., 1968: 102-103). Из данных переписи следует, что интеллигенция как особый социальный слой в ней не выделялась. В 1897 г. численность интеллигенции в Сибири, по данным Всероссийской переписи, составляла 35322 человек при общем количестве интеллигенции по России – 731000 человек (ПВПНРИ, 1904). Учитывая размер территории Сибири, такое количество интеллигенции для полноценного развития региона было явно недостаточно. Среди интеллигенции преобладали чиновники и служащие, сосредоточена она была главным образом в крупных городах. Губернские центры аккумулировали значительную долю интеллигенции соответствующих губерний. В Омске проживало 58,1 % от общего числа интеллигенции губернии, в Иркутске – 45,5 %, в Томске – 28,7 %, Красноярске – 23,9 % (Плотников, 1990: 100). Само понятие «интеллигенция» трактовалось сибиряками весьма широко. Так, театральный критик А. Корш в своей статье, описывая городскую интеллигенцию, присутствующую в театре, причислял к ней не только работников умственного труда, но и представителей местной администрации, в частности, полицмейстера и жандармского полковника (Суздальский, 1995: 18).

Благодаря постройке Сибирской железной дороги в регионе ускорились социально-экономические процессы, Сибирь стала активнее вовлекаться в общекультурную жизнь России. Всё острее вставал вопрос нехватки квалифицированных инженерных кадров, изыскателей, ученых, врачей, работников просвещения и культуры. Проблемы эти могла решить только интеллигенция, историческая миссия которой заключалась в поднятии культурного и экономического уровня сибирского региона.

2. Материалы и методы

Документы Государственного архива Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация), Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), опубликованные архивные материалы и воспоминания современников являются источниковой базой исследования.

Динамика численности интеллигенции Сибири прослеживается с помощью статистических данных, представленных в Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. (ПВПНРИ, 1904), во вторичных исторических источниках (Бородавкин и др., 1968; Плотников, 1990). Важным источником для анализа путей пополнения рядов интеллигенции Сибири являются мемуары очевидцев событий (Катанаев, 1992; Вячеслав Шишков..., 1987).

Теоретико-методологическая архитектура работы базируется на общенаучных и специально-исторических методах. Принцип историзма дал возможность проследить этапы формирования сибирской интеллигенции в определенную социальную группу. Проблемно-хронологический метод позволил рассмотреть закономерности процесса генерации сибирской интеллигенции с учетом эволюции во времени и пространстве. С помощью историко-генетического метода рассмотрены источники пополнения рядов интеллигенции Сибири.

3. Обсуждение

В научной литературе существует множество определений интеллигенции. Взгляд Н. Бердяева на предназначение и особый статус интеллигенции как определенной социальной группы лежит в основе обоснования ее роли в культурном развитии Сибири (Бердяев, 1998). Статистические данные об интеллигенции, проживавшей на территории Сибири, содержатся в переписи населения, проведенной в 1897 г. (ПВПНРИ, 1904). Как исторический источник могут рассматриваться статьи и очерки Г. Потанина о культуре края (Потанин, 1908), сборник статей о культурной жизни Томска, изданный в 1912 г. (Город Томск, 1912), статья Е. Колосова, анализирующая взгляды Н. Ядринцева и Г. Потанина на «пришлую» и местную интеллигенцию (Колосов, 1916). В воспоминаниях историка и этнографа Г. Катанаева рассказывается о мерах, которые применяли местные чиновники для воспитания из казачьих детей будущих интеллигентов (Катанаев, 1992). Воспоминания современников о В. Шишкове позволяют составить представление о роли приезжей интеллигенции в преобразованиях Сибирского региона (Вячеслав Шишков..., 1987).

Деятельности творческой интеллигенции Красноярска на рубеже XIX-XX вв. посвящена монография П. Мешалкина (Мешалкин, 1998), Томска – монография В. Суздальского (Суздальский, 1995). О социальном составе творческой интеллигенции помогают составить представление монография Снитко (Снитко, 1983), Омский историко-краеведческий словарь (ОИКС, 1994). Коллективная монография «История земли Шушенской» содержит сведения о системе образования, политических ссыльных, о людях, внесших определенный вклад в развитие Енисейской губернии (ИЗШ, 2019). Аналогичные вопросы, связанные с Иркутской губернией, освещает на своих страницах «История Земли Иркутской» (ИЗИ, 2002). Л. Олех в своем исследовании касается вопросов культурной и социальной политики в Сибири XIX века (Олех, 2001). Уроженцу Сибири А. Шапову, оригинальному мыслителю, историку и этнографу, посвящена книга А. Маджарова (Маджаров, 1992).

Наиболее полно осветить проблему формирования интеллигенции в Сибири помогают статьи, опубликованные в научных журналах. Деятельность Г. Потанина как выдающегося представителя

сибирской интеллигенции освещена в статье М. Шиловского (Шиловский, 2011). Концепции областников относительно взаимоотношений двух регионов, России и Сибири, представлены в статье С. Селиверстова (Селиверстов, 2007). Взгляды Г. Потанина и Н. Ядринцева на перспективный путь развития Сибири анализируются в статье И. Демина (Демин, 2014). Деятельности Н. Спешнева в качестве редактора «Иркутских губернских ведомостей» посвящена статья В. Шевцова (Шевцов, 2012). Оценку вклада купца П. Макушина в сибирскую образовательную систему дает Р. Фандо (Фандо, 2019). Проблеме развития гражданского общества в Сибири XIX века и участию в ее разрешении интеллигенции посвящена статья Л. Подольской (Подольская, 2012). Деятельность прибывшей на работу в Иркутск в качестве педагога-воспитателя Е. Ротчевой и влияние этой незаурядной женщины на интеллигенцию города рассмотрены в статье В. Шахерова (Шахеров, 2019). Статья О. Ищенко посвящена вопросам развития образовательного потенциала Сибирского региона (Ищенко, 2011). Ряд статей авторов данного исследования посвящен вопросам генезиса сибирской интеллигенции, источникам ее формирования и влияния на социокультурное пространство России XIX века (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhina et al., 2017; Gryaznukhina et al., 2021; Gryaznukhina et al., 2021).

4. Результаты

В 60-е годы XIX в. активизировался процесс генерации самосознания сибирской интеллигенции. В лице Н. Ядринцева, Г. Потанина, С. Шашкова, В. Анучина – будущих лидеров областничества, Сибирь обрела региональных патриотов, которые, понимая, что без интеллигенции невозможно развитие культуры края в целом, основную свою задачу видели в формировании и сплочении местной сибирской интеллигенции, дефицит которой ставил регион в зависимость от центральной России. Из различных областей империи на работу в Сибирь приезжали квалифицированные кадры. В этом процессе Г. Потанин усматривал недостаток, поскольку интеллигенция «не вырастает из недр местного общества, а пополняется из Европейской России и потому чувствует себя частью чужой области» (Потанин, 1908: 268). Тем не менее, сибирской общественностью признавалась необходимость приезжей интеллигенции для развития культуры края. В 1855 г., получив назначение на должность смотрительницы Сиропитательного дома Е. Медведниковой, в Иркутск приехала Елена Павловна Ротчева. Интеллигенция города в полной мере оценила ум и независимость этой необыкновенной женщины, придерживавшейся либеральных взглядов. В круг ее общения входили декабристы и петрашевцы, у себя на квартире она устраивала вечера с приглашением местной интеллигенции. У Ротчевой сформировался своеобразный салон, где слушали музыку, обсуждали статьи Герцена и предстоящие реформы, политические новости, проблемы и нужды края. Среди посетителей салона бывали чиновники, ссыльные, молодежь и даже сам генерал-губернатор Н. Н. Муравьев, покровительствовавший передовым идеям. Устраивались подобные вечера также в доме С. Трубецкого. Эти вечера и проводимые на них мероприятия способствовали сплочению и консолидации сил интеллигенции. Прогрессивные взгляды Ротчевой нашли отражение в ее педагогической деятельности. В качестве основы своей системы воспитания в приюте она положила доверие и внимание, расширила программу обучения. В приюте обучались многие дети декабристов. Обстоятельства личной жизни, отъезд дочерей, распад общества в связи с отъездом по амнистии декабристов и петрашевцев, способствовали тому, что Ротчева приняла решение покинуть город и вернуться в Петербург (Шахеров, 2019: 13-14). Несомненным является то, что эта незаурядная женщина оставила ощутимый след в культурной и общественной жизни Иркутска, показав собой образец подлинной интеллигентности.

В. Я. Шишков приехал на работу в Сибирь в качестве инженера. Он разрабатывал проекты строительства дорог и трактов, попутно собирал этнографический материал, который положил в основу своих очерков и рассказов. Побывав с экспедицией в деревнях Нижней Тунгуски, которые из-за отсутствия дорог были полностью изолированы от мира и сохранили образ жизни прошлых веков, он записал «проголосные» песни и былины. В 1912 г. они были изданы Иркутским Географическим Обществом (Вячеслав Шишков..., 1987: 20). Таким образом, исследователь сохранил для истории элементы культуры местных народов, о которых без его усилий, возможно, никогда бы не узнали. Реальные люди, сибиряки, стали прототипами героев его знаменитого романа «Угрюм-река». Прожив в Сибири двадцать лет, Шишков полюбил этот край и стал его патриотом, и поэтому таким непростым и трудным было для него расставание с Сибирью, когда в 1915 г. он решил вернуться в Центральную Россию.

В детские годы с родителями приехал в Иркутск И. Т. Савенков. Судьба этого многосторонне развитого человека тесным образом оказалась связанной с Сибирью. После получения высшего образования в Петербургском университете он стал преподавать физику, математику и естествознание в гимназии г. Красноярска. В городе им было учреждено Общество любителей драматического искусства, 22 года он выступал на сцене, по мнению многих, являясь талантливым актером и режиссером. Кроме того, с 1873 г. он являлся директором открытой учительской семинарии, был первоклассным шахматистом, ездил в экспедиции, в 1884 г. начал археологические

исследования красноярской Афонтовой горы, а в 1907 г. стал руководить Минусинским музеем (Мешалкин, 1998: 51, 53).

Во многом культура Сибири своим развитием обязана приехавшей из России интеллигенции. В 1887 г. в Красноярск приехал художник М. А. Рутченко. Он оформлял декорации в театре, открыл иконописную мастерскую, писал портреты местных жителей, преподавал в гимназии. В. И. Суриков, посещая родной Красноярск, всегда встречался с ним и поддерживал советами (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342). Такую разноплановую деятельность художника можно объяснить отсутствием местной интеллигенции, способной удовлетворять соответствующие потребности общества. М. Рутченко помогал в качестве ученика сибиряк Д. Каратанов, которому не удалось из-за финансовых трудностей окончить Петербургскую Академию, где он посещал классы в качестве студента-вольнотруженика. Художник смог вывести своего ученика на профессиональный уровень. В Петербурге была приобретена картина Каратанова «Начало пожара в тайге», написанный им задник для оперы А. Серова «Вражья сила» был одобрен его знаменитым сыном В. Серовым (ГАКК. Ф. 2620. Оп. 1. Д. 112. Л. 1). В 1914 г. в Омскую военную гимназию преподавать рисование был направлен А. Н. Клементьев, учившийся у И. Е. Репина и закончивший свое образование в Мюнхене. Он разработал устав «Общества художников Степного края», целью которого была организация выставок, лекций, создание художественной школы. Являясь страстным поклонником живописи, он организовывал рисовальные вечера, мечтая о создании в Омске художественного музея.

Трагически сложилась судьба К. Г. Неустроева, который после окончания Петербургского университета в 1881 г. прибыл в Иркутск. В качестве педагога-воспитателя он работал в мужской и женской гимназиях. Привлекая воспитанников гимназии и представителей местной интеллигенции, Неустроев организовал кружок, который оказывал поддержку политическим ссыльным, организовывал им побег, то есть занимался не просветительской, а скорее политической деятельностью. По доносу Неустроев был арестован. Однажды его в камере посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин. Посчитав себя оскорбленным поведением губернатора, молодой учитель дал ему пощечину, за которую был приговорен к смертной казни военно-полевым судом (История Земли Иркутской, 2002: 113). Так порой легко власть распоряжалась жизнями людей, лишая страну образованнейших ее представителей.

Досуг сибиряков также в основном зависел от приезжей творческой интеллигенции. Театральные потребности сибиряков удовлетворяли труппы приезжих антрепренеров и любительские театры, в организации которых большую роль сыграли декабристы. Только в конце XIX века в Сибири начинает складываться профессиональный театр.

Недостаток в квалифицированных кадрах из местной сибирской интеллигенции в определенной степени восполняли политические ссыльные, которые в основном принадлежали к категории разночинной интеллигенции. Н. Виташевский писал в 1892 г. Д. Клементьеву из Якутска: «Наш новый губернатор склонен думать, что наш брат, ссыльный, является единственной интеллигентной силой местного общества и вполне компетентен в исследовании и обсуждении вопросов об экономическом положении инородного населения области» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 95. Л. 29-30). В письме он также сообщал, что И. Черский записал якутские названия минералов, насекомых, растений. Из письма видно, что в отдельных районах единственными представителями интеллигенции, способными решать как хозяйственные, так и научные вопросы, были политические ссыльные.

Г. Потанин и Н. Ядринцев неоднозначно относились к интеллигенции из политссыльных. Безусловно, они были им благодарны за существенный вклад в развитие Сибири. Однако они – «чисто случайный элемент местной жизни, органически с ней не связанный и готовый немедленно сняться с места, как только изменятся общие условия политической жизни» (Колосов, 1916: 218). Ядринцев в одной из работ писал: «Ссыльная и изгнанническая поэзия носит печать субъективного ощущения, передает картины страны под влиянием исключительных впечатлений, страна для изгнанника рисуется совершенно иною, он вечно плачет, поет, в нем кипит желчь, ненависть к стране ссылки. Его симпатии в другой стране. При таких условиях страна не может вдохновить певца, а поэт остается ей чужд навсегда» (Колосов, 1916: 217, 218). Сибирский историк И. Вагин также утверждал, что «ссылка – язва Сибири, пока она существует, пока Сибирь волей-неволей должна принимать в свою среду ссыльных, – до тех пор она никогда не поднимется экономически и нравственно» (ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 116. Л. 563). И, тем не менее, ссыльные внесли весомый вклад в культурное развитие Сибири. Своим трудом они восполняли нехватку в регионе собственных квалифицированных кадров, которые в силу отсутствия местной интеллигенции просто не могли быть подготовлены. Показателен в этом плане пример польской политической ссылки. Как правило, профессии, которыми владели поляки, были востребованы, что помогало им адаптироваться к новым жизненным условиям. Они занимались обработкой металла, дерева, изготовлением одежды, лесными промыслами, юридической и врачебной деятельностью. Были среди них аптекари и часовщики, цирюльники и кондитеры, зоологи, геологи, археологи, сотрудничали они с Восточно-Сибирским отделом Географического общества. Многие из ссыльных, обзаведясь семьями и ведя свое хозяйство, навсегда оставались в Сибири. Так, в 1866 г. поляки, работавшие на Кругобайкальском тракте, подняли восстание, после подавления которого перед судом предстало 680 человек. В 1883 г. им было разрешено

вернуться на родину. Но воспользовались этим только 213 человек. Остальные навсегда остались в Сибири, естественным образом пополняя ряды сибирской интеллигенции (ИЗИ, 2002: 116).

Судьбы людей в Сибири складывались иногда совершенно удивительным образом. Разве мог потомственный польский дворянин И. И. Крафт, сосланный в 1864 г. в Енисейскую губернию, предполагать, что его сын Иван, получив образование в России и сделав карьеру, сначала займет должность губернатора Якутии, а затем в 1913 г. будет назначен губернатором Енисейской губернии (ИЗШ, 2019: 282)? Совместно с епископом Никоном, представлявшим собой духовную интеллигенцию, И. Крафт занялся решением, прежде всего, социальных вопросов. Борьба с пьянством, помощь бедным, сиротам, больным, открытие больниц и приютов, сохранение памятников и архивов были для него в приоритете. Подлинную человечность и гуманность при решении этих вопросов продемонстрировал губернатор на своем посту.

Известный историк, публицист, этнограф А. П. Щапов был коренным сибиряком. Получив образование в России, он стал преподавать историю в Казанском университете. За речь, произнесенную на панихиде по убитым в селе Бездна, он был арестован и сослан к себе на родину в Иркутск. Вернувшись на родину уже в качестве политического ссыльного, он продолжил заниматься научной деятельностью.

К середине XIX в. все острее вставал вопрос о будущем экономическом и культурном развитии Сибири. Передовые представители сибирской общественности в лице областников понимали, что силами политечных и приезжей интеллигенции, которая, отработав определенный срок, возвращалась обратно в Россию, этот вопрос не решить. Необходимо было создать условия для формирования местной интеллигенции, происхождение которой было бы связано с Сибирью, и которая знала бы нужды и проблемы региона. Способы формирования сибирской интеллигенции были различны. Г. Катанаев – историк, этнограф, исследователь Сибири – в своих воспоминаниях описывал процесс насильственного увеличения массы сибирской интеллигенции через реализацию директивы Наказного атамана немедленно отправлять на обучение в Омск детей казачьих офицеров, как только им исполнится 11 лет. Таким образом дополнили ряды интеллигенции выходцы из казацкой среды «известный ученый и путешественник Григорий Николаевич Потанин, Федор Николаевич Усов, Андрей Павлович Нестеров (редактор первой сибирской газеты «Сибирь») и проч., и проч...» (Катанаев, 1992: 21).

Местная сибирская интеллигенция имела только один источник своего формирования, она происходила из народа и являлась интеллигенцией первого поколения, которой предстояло пройти свой путь становления, сформировав собственные традиции. Известный сибирский писатель Г. Гребенщиков был сыном горнорабочего, художники Г. Гуркин, А. Никулин – детьми кустарей. Популярный сибирский писатель А. Сорокин происходил из купеческой семьи. Поэт Г. Вяткин родился в семье старшего урядника, А. Ершов – в семье рядового Омского резервного батальона, артист П. Некрасов, поэт И. Тачалов, писатель Ф. Березовский – в семьях рабочих (Снитко, 1983: 10, 91; ОИКС, 1994: 54, 82, 155, 254). Сибирский народ выдвинул из своей среды немало умных и талантливых людей, которые, получив образование, стали представлять собой местную сибирскую интеллигенцию. Сибиряк М. В. Загоскин после окончания Казанской духовной академии, вернувшись на родину, преподавал латинский язык и историю в Иркутской семинарии. Он писал учебные пособия по краеведению, сотрудничал в газете «Иркутские губернские ведомости», основал первую в Сибири частную газету «Амур», работал над романом о жизни и деятельности А. Щапова, на свои средства открыл школу. Коренным иркутянином был историк В. И. Вагин. Помимо адвокатской практики он занимался интеллектуальной деятельностью, написал книгу о М. М. Сперанском в Сибири, печатался в газетах и журналах, был редактором газеты «Сибирь», являлся членом ВСОРГО. Много сил приложил Вагин для открытия в городе общественной библиотеки, которая стала местом встреч для городской интеллигенции.

Сосредоточена интеллигенция была главным образом в губернских городах. Именно здесь в основном открывались учебные заведения, выходили газеты и журналы, работали театры, музеи, практиковали юристы и врачи. Одной из ступеней формирования местной интеллигенции являлось ее объединение в общества, которые давали возможность консолидировать ее силы. Целью своей общества ставили просвещение народа. Они устраивали выставки, концерты, выступали с лекциями, организовывали вечерние курсы и воскресные школы. Деятельность обществ была признана общественностью, быть членом какого-либо общества было почетным. Красноярский купец П. Гадалов оказывал материальную поддержку при постройке в городе театра, за что был избран почетным членом Общества любителей драматического искусства. Золотопромышленник А. Кузнецов, также уделявший большое внимание постройке театра, являлся председателем этого Общества. Благодаря усилиям губернатора И. Крафта и епископа Никона в Красноярске функционировало Общество трезвости, было создано Общество помощи бесприютным детям, Общество попечения о подкидышах. Научные силы имели возможность объединиться благодаря открытию в 1851 г. Восточно-Сибирского отделения императорского Русского географического общества, в работе которого принимала участие как местная интеллигенция, так и политические ссыльные. В 1868 г. было открыто Восточно-Сибирское отделение императорского Русского

технического общества, в компетенцию которого входило решение промышленных сельскохозяйственных вопросов. Купец П. Макушин организовал в Томске «Общество попечения о начальном образовании», целью которого являлось открытие народных школ и библиотек. Г. Потанин видел заслугу Макушина даже не в открытии школ, а в том, что это общество «приучило томскую интеллигенцию служить бескорыстно на общее благо» (Потанин, 1912: 93). Так формировались собственные традиции, основанные на подвижнической деятельности интеллигенции, которая трудилась часто за мизерную плату, а порой и совсем безвозмездно, исключительно из чувства долга. В 1890 г. в Томске открылись классы для девочек, где по воскресеньям они обучались рисованию. Профессиональные художники, получившие образование в России, преподавали там основы масляной живописи, лепку, рисунок, черчение, композицию рисунка. Работали они совершенно бесплатно (Адрианов, 1912: 341). За символическое вознаграждение работали учителя в открывшихся в Тобольске в 1903 г. музыкальных классах. Художественные силы Томска объединились в 1909 г. в Томское общество любителей художеств (ТОЛХ). В Омске художественная интеллигенция объединилась в «Общество любителей изящных искусств Степного края». Музыкальные общества существовали в Иркутске, Красноярске, Томске, Омске (ОИКС, 1994: 149). Образованное в Иркутске в 1867 г. Техническое общество объединило в своих рядах инженеров, техников, купцов и ремесленников, функционировало в городе и Общество статистов. После пожара в 1879 г. было создано Общество помощи погорельцам, которое действовало совместно с властями города (Подольская, 2012: 85). Таким образом, различные общества, решая научные, технические, просветительские, социальные проблемы, способствовали консолидации сил интеллигенции и имели огромное значение для Сибири. Общества взяли на себя и выполняли функции земств, которые существовали в европейской России, но которых не было в регионе.

Местная сибирская интеллигенция очень хорошо понимала, что без учебных заведений как среднего, так и высшего звена ей невозможно пополнить свои ряды. Невозможность получить образование непосредственно в Сибири пагубно сказывалась на развитии культуры края в целом. И поэтому сибирская общественность прилагала большие усилия для открытия различных учебных заведений непосредственно в регионе. Необходимость создать собственную систему образования хорошо понимали областники. В. Шишков, приехавший на работу в Сибирь, в одном из своих очерков писал: «Если не надо в Сибири школы драматического искусства, – есть-де в Москве, – то не надо и музыкальной, и художественной, – все это есть в Москве, пожалуйста в Москву пешком с котомкой или по железной дороге, только ради бога в Москву... В Москву, в Москву! – будут мечтать сибиряки, как чеховские «сестры», а время будет уходить и силы меркнуть» (Суздальский, 1995: 34). Писатель сам занимался просветительской деятельностью, обучал грамоте взрослых в воскресной школе, участвовал в народных чтениях и вечерах, входил в состав президиума научного Общества изучения Сибири (Вячеслав Шишков..., 1987: 25). А. Шапов под бременем долгов, влача голодное существование в родном ему Иркутске, продолжал свою научную деятельность, доказывая необходимость естественнонаучного образования народа. Знание, по его мнению, является основой разумной деятельности, которая поможет сохранить природные богатства Сибири, а также укажет выход «из хищнического, полудикого и самоистребляющего положения», в котором находится сибирский народ (Маджаров, 1992: 158). Благодаря усилиям местной интеллигенции, поддержанной прогрессивно настроенным купечеством и чиновничеством, в Сибири возрастало число общеобразовательных и профессиональных учебных заведений. К концу XIX века в регионе было 10 мужских гимназий и 15 женских. В Иркутске существовало юнкерское училище, которое давало военное образование. Духовная семинария готовила священников. Выпускницы духовного женского училища после шестилетнего обучения получали звание домашних учительниц. К 1888 г. в губернии работало 45 учебных заведений, обучалось в них 3870 учащихся. В Иркутске в 1872 г. была открыта учительская семинария, до 1910 г. она подготовила 304 педагога (ИЗИ, 2002: 119-121). Подготовке преподавательских кадров уделялось особое внимание. Проблема недостатка учителей была общероссийской. Учителя получали маленькую зарплату, труд их был непрестижным, ехать на работу в Сибирь мало кто соглашался. Без наличия же учителей начального и среднего звена невозможно воспитать потенциальных студентов для высших учебных заведений, выпускники которых дополнили бы ряды местной интеллигенции. Проблема эта в Сибири постепенно решалась. В 1902 г. учительский институт был открыт в Томске. В 1912 г. в Омске была открыта учительская семинария, а в 1912 г. – учительский институт. В 1916 г. в Тобольске открылся учительский институт. Кроме того, в Омске функционировали мужская гимназия, женская гимназия и прогимназия, техническое училище, фельдшерская школа, кадетский корпус. Училось в них 1300 человек. К концу XIX века в Томске существовало 64 учебных заведения, в которых обучалось более семи тысяч человек. Мужская и женская гимназии, духовная семинария, ремесленная школа, мореходный класс функционировали в Тобольске (Ищенко, 2011: 23-25). И хотя количество выпускников этих учебных заведений и не могло удовлетворить все потребности региона в квалифицированных кадрах, тем не менее, они пополняли собой ряды технической, педагогической, духовной, военной интеллигенции уже местного происхождения.

Долгожданным событием для всей Сибири явилось открытие в 1888 г. Томского университета. Оно было поддержано местным населением, нашло отклик у интеллигенции. Купцы и предприниматели для его открытия жертвовали деньги. В состав комиссии по организации Томского университета и Томского технологического института входил Д. И. Менделеев. Сибиряки по достоинству оценили его вклад в развитие образования в регионе, избрав ученого в 1904 г. почетным членом этих учебных заведений. Первоначально открылся, правда, только один факультет, медицинский. Набрано было 72 студента, которые в основном являлись выпускниками духовных семинарий, но среди них были также дети чиновников, разночинцев, купцов. Профессора вузов читали лекции и для населения (Олех, 2001: 132). Настоящим подвижником в развитии образования был купец П. И. Макушин. Больших трудов ему стоило открытие в Томске Народного университета. Дело тормозили петербургские чиновники. Только благодаря депутатам Государственной Думы удалось продвинуть дело и добиться для Макушина приема у министра народного просвещения. Наконец в 1916 г. Устав первого в Сибири Народного университета был утвержден. Целью его являлось распространение высшего образования в Сибири. Макушин лично пожертвовал 325 тыс. рублей на создание Народного университета (Фандо, 2019: 509-510). Благодаря усилиям сибирской общественности, помощи со стороны российской интеллигенции в Сибири открывались разнопрофильные учебные заведения как среднего, так и высшего звена, создавалось единое образовательное пространство, которое являлось одним из основных факторов, способствующих формированию местной интеллигенции.

5. Заключение

Единственным социальным слоем, который обладает достаточным уровнем интеллектуального развития и временем, чтобы создавать культурные ценности и транслировать их другим слоям общества, является интеллигенция. Без деятельности научной, технической, художественной, духовной, военной интеллигенции в принципе невозможно развитие ни одного общества. Стремительное вовлечение Сибири во второй половине XIX века в общероссийский процесс экономического и культурного развития выдвинуло на повестку дня вопрос о наличии в регионе интеллигенции, способной решать поставленные самой жизнью задачи дальнейшего развития региона. Тогда как в европейской России уже существовала своя потомственная интеллигенция, в Сибири она практически отсутствовала. Это обстоятельство выдвигало проблему наличия интеллигенции на передний план общественной жизни. Одним из способов решения этой проблемы было пополнение рядов местной интеллигенции за счет приехавших по направлению или по собственному желанию в Сибирь специалистов, которые трудились в качестве инженеров, изыскателей, ученых, художников, писателей. Они приезжали со своим сложившимся мировоззрением, со своими традициями, привнося новые элементы в культуру Сибири и тем самым обогащая ее. Другим источником пополнения рядов сибирской интеллигенции являлась политическая ссылка, сыгравшая огромную роль в культурном и экономическом развитии Сибири. Политссылные, как правило, принадлежавшие к дворянской или к разночинной интеллигенции, имели высокий уровень образованности, владели различными профессиональными навыками. Без их вклада в социально-культурную жизнь региона невозможно представить его дальнейшее прогрессивное развитие.

Общественность Сибири, областники, прогрессивно настроенное чиновничество, купечество понимали, что кардинальное решение вопроса зависит от воспитания собственной местной интеллигенции. Интеллигенция Сибири проживала в основном в крупных губернских городах. Томск, Омск, Красноярск, Иркутск являлись центрами научной, художественной, культурной жизни региона. Здесь были в основном сосредоточены основные силы интеллигенции, которая сплотилась вокруг научных, художественно-публицистических журналов, альманахов, что способствовало консолидации ее сил. Объединяло ее и общее понимание стоящих перед ней задач, которые она осознавала как служение общественным интересам. С этой целью представители интеллигенции объединялись в различные общества, функция которых заключалась в просвещении населения. Общества устраивали вечера, публичные чтения, концерты, выставки, привлекая в свои ряды новых членов, увеличивая тем самым свой состав. Формирование интеллигенции в регионе было затруднено из-за невозможности получить образование непосредственно в Сибири. Практически вся сибирская интеллигенция получала образование в европейской России. Необходимость преодолеть эту зависимость от центра, создав собственную систему образования, осознавалась общественностью Сибири. Проблема эта решалась благодаря усилиям местной интеллигенции, чиновникам, купцам, жертвовавшим денежные средства для открытия учебных заведений. Открытие, а затем и функционирование учебных заведений как среднего, так и высшего звена способствовало созданию в Сибири единого общеобразовательного пространства, что в свою очередь способствовало формированию местной интеллигенции как вполне определенной социальной группы, способной решать культурные и экономические проблемы региона.

Литература

- Адрианов, 1912** – Адрианов А. В. Об искусстве в Томске (историческая справка) / Город Томск. Томск. 1912. С. 337-341.
- Бердяев, 1998** – Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998. 398 с.
- Бородавкин и др., 1968** – Бородавкин А. П., Боярщинова З. Я., Боженко Л. И., и др. Очерки истории Томской области. Томск. 1968. 184 с.
- Вячеслав Шишков..., 1987** – Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников / Сост. Н. Н. Яновский. Новосибирск. 1987. 389 с.
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Город Томск, 1912** – Город Томск. Томск. 1912. 345 с.
- Демин, 2014** – Демин И. В. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин: диалог либерализма и консерватизма в сибирском областничестве // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2014. № 4(28). С. 243-252.
- ИЗИ, 2002** – История Земли Иркутской. Иркутск. 2002. 368 с.
- ИЗШ, 2019** – История земли Шушенской. В 2 кн. Кн. 1. Красноярск. 2019. 380 с.
- Ищенко, 2011** – Ищенко О. В. Развитие общего и профессионального образования в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. 13 (115). С. 22-28.
- Катанаев, 1992** – Катанаев Г. Е. Повестка к вставанию // *Омская старина*. 1992. № 2. С. 20-35.
- Колосов, 1916** – Колосов Е. Сибирские областники о пришлое и краевой интеллигенции // *Сибирские записки*. 1916. № 3. С. 206-221.
- Маджаров, 1992** – Маджаров А. С. Афанасий Шапов. Иркутск. 1992. 272 с.
- Мешалкин, 1998** – Мешалкин П. Н. Одержимые. О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX-XX вв. Красноярск. 1998. 184 с.
- ОИКС, 1994** – Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. 320 с.
- Олех, 2001** – Олех Л. Г. История Сибири. 2001. М.; Новосибирск. 2001. 314 с.
- ПВПНРИ, 1904** – Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1904.
- Плотников, 1990** – Плотников А. Е. Численность, состав, территориальное размещение интеллигенции Сибири (по переписи 1897 г.) / Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск. 1990. С. 95-105.
- Подольская, 2012** – Подольская Л. Я. Проблемы становления гражданского общества в Сибири XIX века // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2012. № 2 (3). Ч. 1. С. 80-87.
- Потанин, 1908** – Потанин Г. Н. Города Сибири. Нужды Сибири / Сибирь: ее современное состояние и нужды. СПб. 1908. С. 234-290.
- Селиверстов, 2007** – Селиверстов С. В. Г. Н. Потанин: сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX- начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 300-1. С. 107-115.
- Снитко, 1983** – Снитко Л. И. Первые художники Алтая. Л., 1983. 156 с.
- Суздальский, 1995** – Суздальский В. «Театр уж полон». Томск. 1995. 126 с.
- Фандо, 2019** – Фандо Р. А. Деятельность Петра Ивановича Макушина на поприще библиотечного дела и народного образования // *Библиотекословение*. 2019. Т. 68. № 5. С. 505-513.
- Шахеров, 2019** – Шахеров В. П. Три жизни «принцессы Елены». Личность Е. П. Ротчевой в контексте российской и американской истории // *Исторический курьер*. 2019. № 3 (5). Статья 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-01.PDF>
- Шевцов, 2012** – Шевцов В. В. Н. А. Спешнев – редактор неформальной части «Иркутских ведомостей» в 1857-1859 гг. // *Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке*. 2012. № 3(19). С. 47-53.
- Шиловский, 2011** – Шиловский М. В. Подвижник Сибири Г. Н. Потанин // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 2 (14). С. 5-8.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Gaydin S.T., Reut G.A. The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 811-820.
- Gryaznukhina et al., 2021** – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Maljutina L.F., Akhtamov E.A. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.
- Gryaznukhin et al., 2023** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Pfanenshtil I.A., Kozhevnikov S.V. The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1726-1735.

References

- Adrianov, 1912** – *Adrianov, A. V.* (1912). Ob iskusstve v Tomske (istoricheskaya spravka) [About art in Tomsk (historical background)]. *Gorod Tomsk*. Tomsk, pp. 337-341. [in Russian]
- Berdyayev, 1998** – *Berdyayev, N.A.* (1998). Dukhovnyi krizis intelligentsia [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Moscow. 398 p. [in Russian]
- Borodavkin i dr., 1968** – *Borodavkin, A.P., Boyarshchinova, Z.Ya., Bozhenko, L.I.* (1968). Ocherki istorii Tomskoi oblasti [Essays on the history of the Tomsk region]. Tomsk. 184 p.
- Demin, 2014** – *Demin, I.V.* (2014). N. M. Yadrinsev i G. N. Potanin: dialog liberalizma i konservatizma v sibirskom oblastnichestve [N. M. Yadrinsev and G. N. Potanin: the dialogue of liberalism and conservatism in the Siberian region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 4(28): 243-252. [in Russian]
- Fando, 2019** – *Fando, R.A.* (2019). Deyatel'nost' Petra Ivanovicha Makushina na poprishche bibliotchnogo dela i narodnogo obrazovaniya [The activities of Pyotr Ivanovich Makushin in the field of librarianship and public education]. *Bibliotekovedenie*. 68(5): 505-513. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [The State Archive of the Irkutsk region].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [The State Archive of the Krasnoyarsk Territory].
- Gorod Tomsk, 1912** – *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk, 1912. 345 p.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhin et al., 2023** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Pfanenshtil, I.A., Kozhevnikov, S.V.* (2023). The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia. *Bylye Gody*. 18(4): 1726-1735.
- Gryaznukhina et al., 2017** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Gaydin, S.T., Reut, G.A.* (2017). The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia's eyes. *Bylye Gody*. 45(3): 811-820.
- Gryaznukhina et al., 2021** – *Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina, L.F., Akhtamov, E.A.* (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.
- Ishchenko, 2011** – *Ishchenko, O.V.* (2011). Razvitie obshchego i professional'nogo obrazovaniya v Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The development of general and vocational education in Western Siberia in the second half of the XIX – early XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 13(115): 22-28. [in Russian]
- IZI, 2002** – *Istoriya Zemli Irkutskoi* [The History of the Irkutsk Land]. Irkutsk, 2002. 368 p. [in Russian]
- IZSh, 2019** – *Istoriya zemli Shushenskoj*. V 2 kn. Kn. 1 [The history of the land of Shushenskaya. In 2 books. Book 1]. Krasnoyarsk, 2019. 380 p. [in Russian]
- Katanaev, 1992** – *Katanaev, G.E.* (1992). Povestka k vstavaniyu [The summons to get up]. *Omskaya starina*. 2: 20-35. [in Russian]
- Kolosov, 1916** – *Kolosov, E.* (1916). Sibirskie oblastniki o prishloi i kraevoi intelligentsii [Siberian oblasts about the newcomers and the regional intelligentsia]. *Sibirskie zapisk*. 3: 206-221. [in Russian]
- Madzharov, 1992** – *Madzharov, A. S.* (1992). Afanasii Shchapov [Afanasy Shchapov]. Irkutsk. 272 p. [in Russian]
- Meshalkin, 1998** – *Meshalkin, P.N.* (1998). Oderzhimye. O deyatelyakh kul'tury Krasnoyarska na rubezhe XIX-XX vv. [Possessed. About the cultural figures of Krasnoyarsk at the turn of the XIX-XX centuries]. Krasnoyarsk. 184 p. [in Russian]
- OIKS, 1994** – *Vibe, P.P., Mikheev, A.P., Pugacheva, N.M.* (1994). Omskii istoriko-kraevedcheskii slovar' [Omsk Dictionary of Local History]. Moscow. 320 p. [in Russian]
- Olekh, 2001** – *Olekh, L.G.* (2001). Istoriya Sibiri [The History of Siberia]. Moscow; Novosibirsk. 314 p. [in Russian]
- Plotnikov, 1990** – *Plotnikov, A.E.* (1990). Chislennost', sostav, territorial'noe razmeshchenie intelligentsii Sibiri (po perepisi 1897 g.). Problemy istochnikovedeniya i istoriografii Sibiri dooktyabr'skogo perioda. Omsk, pp. 95-105. [in Russian]
- Podol'skaya, 2012** – *Podol'skaya, L.Ya.* (2012). Problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Sibiri XIX veka [Problems of the formation of civil society in Siberia of the XIX century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya»*. 2(3), part 1, pp. 80-87. [in Russian]
- Potanin, 1908** – *Potanin, G.N.* (1908). Goroda Sibiri. Nuzhdy Sibiri. Sibir': ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy [Cities of Siberia. The needs of Siberia. Siberia: its current state and needs]. Saint-Petersburg, pp. 234-290. [in Russian]
- PVPNRI, 1904** – *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii*. Pod red. N. A. Troinitskogo [The first general population census of the Russian Empire. Edited by N. A. Troynitsky]. Saint-Petersburg: Tsentral'nyi statisticheskii komitet MVD, 1904. [in Russian]
- Seliverstov, 2007** – *Seliverstov, S.V.* (2007). G. N. Potanin: sibirskoe oblastnichestvo mezhdru zapadnichestvom i evraziistvom (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [G. N. Potanin: Siberian regionalism

between Westernism and Eurasianism (the second half of the XIX- the beginning of the XX century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 300-1: 107-115. [in Russian]

Shakherov, 2019 – *Shakherov, V.P.* (2019). Tri zhizni «printsessy Eleny». Lichnost' E. P. Rotchevoi v kontekste rossiiskoi i amerikanskoi istorii [The three lives of "Princess Elena". The personality of E.P. Rotcheva in the context of Russian and American history]. *Istoricheskii kur'er*. 3(5). Article 1. [Electronic resource]. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-01.PDF> [in Russian]

Shevtsov, 2012 – *Shevtsov, V.V.* (2012). N. A. Speshnev – redaktor neformal'noi chasti «Irkutskikh vedomostei» v 1857-1859 gg. [N. A. Speshnev was the editor of the informal part of the Irkutsk Gazette in 1857-1859]. *Gumanitarnye issledovaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 3(19): 47-53. [in Russian]

Shilovskii, 2011 – *Shilovskii, M.V.* (2011). Podvizhnik Sibiri G. N. Potanin [Ascetic of Siberia G.N. Potanin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(14): 5-8. [in Russian]

Snitko, 1983 – *Snitko, L.I.* (1983). Pervye khudozhniki Altaya [The first artists of Altai]. Leningrad. 156 p. [in Russian]

Suzdal'skii, 1995 – *Suzdal'skii, V.* (1995). «Teatr uzhe polon» [“The theater is already full”]. Tomsk. 126 p. [in Russian]

Vyacheslav Shishkov..., 1987 – Vyacheslav Shishkov v vospominaniyakh sovremennikov [Vyacheslav Shishkov in the memoirs of contemporaries]. Sost. N. N. Yanovskii. Novosibirsk, 1987. 389 p. [in Russian]

Особенности формирования сибирской интеллигенции в XIX – начале XX вв.

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *},
 Анна Сергеевна Жулаева ^a, Алёна Олеговна Задорина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Источники формирования сибирской интеллигенции являются главным объектом исследования в данной статье. Интеллигенция рассматривается как единственная социальная группа, способная в совокупности решать научные, культурные, экономические проблемы, стоявшие перед регионом, что определяет ее роль и значение для перспективного развития Сибири. Анализ первоисточников и опубликованной литературы позволяют сделать вывод о том, что интеллигенция в Сибири во второй половине XIX века только начинает складываться в определенную социальную группу. Ряды незначительного числа местной интеллигенции пополнялись за счет добровольно приехавшей на работу интеллигенции из европейской России. Другим источником пополнения ее рядов были политические ссыльные, принадлежавшие в основной массе к дворянской или разночинной интеллигенции. Сибирская администрация, невзирая на запреты и нарушая инструкции центральных властей, вынуждена была использовать умения, навыки и квалификацию политссыльных для решения различных хозяйственных вопросов. Местная интеллигенция в лице областников, прогрессивно настроенное чиновничество и купечество понимали необходимость кардинального решения вопроса нехватки интеллигенции в регионе через пополнение ее из местного населения. С этой целью создавались различные общества, которые консолидировали силы уже имевшейся интеллигенции и выполняли просветительские функции, устраивая вечера, публичные чтения, открывая выставки и классы. Самоотверженный труд интеллигенции, понимание значения образования для пополнения собственных рядов, большие усилия по открытию средних и высших учебных заведений привели к постепенному созданию в Сибири к началу XX века единого образовательного пространства, которое потенциально могло решить проблему отсутствия региональной интеллигенции.

Ключевые слова: Сибирь, интеллигенция, Россия, областничество, политическая ссылка, образование, общества.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), annzhul@mail.ru (А.С. Жулаева)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 278-289
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.278

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Expulsion from the Poorhouse in the second half of the XIX – early XX centuries (based on Materials of Siberia)

Alexander S. Kovalev ^{a, *}, Nikolai R. Novosel'tsev ^{a, d}, Dmitry V. Rakhinsky ^{a, b, c}, Oleg I. Savin ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

^d Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Russian Federation

Abstract

This research based on the previously obtained results of studying the social care of disabled and elderly people in Siberia in the XIX – early XX centuries, it used previously unpublished archival materials. This study deals with the process of expulsion of disabled citizens from charitable institutions. Historiographic analysis shows that this aspect of the daily life of the poorhouse has been fragmentarily considered by historians of public charity, who believe that the exception was a rather rare and exceptional fact. While agreeing with their position in principle, it should be noted that each case of expulsion was unique and required a detailed investigation. Microhistoric analysis combined with a historical and anthropological approach, which are used to study the internal processes in the poorhouse, make it possible to consider the grounds for dismissal of those under consideration and the exclusion procedure itself, as well as to identify different types of objective and subjective reasons why disabled and elderly people left the institution.

The conducted research suggests that those admitted to the poorhouse did not realize the degree of their own material wellbeing and security in conditions when society could not offer other forms of social assistance, easily parting with the received place in it. At the same time, the expulsion from the poorhouse became a serious life test for those who inadvertently left the institution itself, or were dismissed by the administration of the almshouse by the decision of the Board of Trustees, since there were very few opportunities to return to the almshouse, which doomed a disabled person or an elderly person to a beggarly existence.

Keywords: poorhouse, public charity, disabled people, elderly people, expulsion.

1. Введение

В XXI в. политики, представители общественности, ученые и практики, организаторы социальной работы с инвалидами и пожилыми людьми стали говорить о том, что российская модель помощи, перенявшая принципы советского социального обеспечения и представленная в основном помещением нетрудоспособных лиц в стационарные заведения (дома для престарелых и инвалидов), должна пройти процесс деинституционализации в том смысле, чтобы инвалиды и пожилые люди могли как можно дольше оставаться вне интернатных учреждений и получать помощь в домашних условиях. И сейчас нередко звучат призывы к тому, чтобы те, кто даже уже находится в специализированных учреждениях социального обслуживания, были возвращены в «естественную» социальную среду. При этом в качестве аргумента в пользу такого подхода довольно часто приводится опыт дореволюционной России, где якобы помощь в «открытом социуме» преобладала над институциональными практиками. Один из авторов настоящей статьи, А.С. Ковалев, вместе со своими коллегами, регулярно публикуя материалы

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), OlegGTS@yandex.ru (O.I. Savin)

по истории социальной помощи инвалидам и пожилым людям в XIX веке на примере Сибири, неоднократно делал выводы о том, насколько значимым было общественное призрение в богоугодном заведении (Ковалев, 2011a; Kovalev et al., 2019a; Kovalev et al., 2019b).

Богадельня во второй половине XIX – начале XX вв. в России была основным институтом призрения одиноких и финансово несостоятельных нетрудоспособных граждан. Традиции семейной заботы об инвалидах и стариках постепенно разрушались (Kovalev et al., 2023b), и в условиях становления капиталистического общества, перехода к нуклеарной семье помещение нетрудоспособного человека, не имевшего родственников и не способного к труду, в богоугодное заведение становилось единственной возможностью для его выживания. Это прекрасно осознавали сами инвалиды и пожилые люди, которые просились в богадельню. Понимая, что других вариантов призрения для них не было, большинство обеспечиваемых в богадельне старались попасть в нее и сохранить за собой место. Однако наряду с процедурой приема в богадельню существовала и практика исключения из нее. Цели настоящей статьи – рассмотреть причины, по которым нетрудоспособные призреваемые исключались из богадельни; проследить перспективы возвращения в богадельню; определить степень адекватности принимаемых администрацией богоугодного заведения и Попечительским советом богадельни решений об исключении тех или иных лиц; обобщить и оценить имевшийся опыт.

2. Материалы и методы

Документальную базу исследования составили документы фондов, хранящихся в Государственном архиве Красноярского края (г. Красноярск, Российская Федерация), а именно фонд богадельни им. Т.И. Щеголевой в Красноярске (Ф. 166), который включает в себя документы об открытии богадельни, выстроенной на средства купчихи Т.И. Щеголевой, постановления и отчеты Попечительского совета богадельни, прошения нуждающихся о приеме на призрение, а также фонд Конторы Красноярских богоугодных заведений (Ф. 518), содержащий предписания Енисейского приказа общественного призрения, ежемесячные ведомости о лицах, находившихся в местных богоугодных заведениях, регистрационные журналы больницы и богадельни.

Основными источниками послужили личные заявления призреваемых в богадельне с просьбой об исключении из нее, сведения эконома (смотрителя, старшего врача) богоугодного заведения о лицах, выбывших по естественным причинам, личному желанию, в связи с нарушением дисциплины, заключения и решения Попечительского совета о (не)возможности дальнейшего пребывания призреваемого в богадельне или в доме для умалишенных.

Методологическим основанием исследования является антропологический подход, дополненный принципами парадигмы «социально-исторического детерминизма», отношения между людьми, которые складываются в процессе их совместной деятельности и вызывают определенное поведение (Орлов, 2012: 34). Также следует исходить из того, что антропологический компонент любых изменений связан с возможностью разных людей жить в гармонии с другими людьми. Установление порядка совместной жизни людей связано со стремлением упорядочить текущие процессы и придать им позитивный смысл, поэтому все изменения направлены на благо человека (Танатова, 2004).

Помимо этого, в работе была использована методика исторического анализа качества жизни в специализированных учреждениях социальной помощи, предложенная одним из авторов статьи, в которой А.С. Ковалев использует стандарты исследования качества жизни, модифицированные с учетом конкретно-исторических обстоятельств общественного призрения пореформенного периода и апробированные при изучении условий жизни призреваемых в сибирских богадельнях в 1870-1917 гг. (Ковалев, 2011c). В частности, в качестве определенных маркеров для исследования могут быть приняты такие характеристики повседневной жизни в богадельне, как степень уважения личных прав и достоинства призреваемого при совместном проживании; качество предсмертного и посмертного обслуживания, пристойное содержание тела усопшего, соблюдение обрядовых церемоний; возможность поддержания контактов с семьей, друзьями, представителями местного сообщества; право управления собственной жизнью, принятие самостоятельных решений, защита собственных интересов от посягательств со стороны других призреваемых и персонала заведения; деятельность руководства учреждения в интересах проживающих в соответствии с принятыми правилами или требованиями (Ковалев, 2011c: 77-79, 81).

3. Обсуждение

Н.Н. Ершен, характеризуя функционирование богаделен в XVIII в., пишет о том, что представители Сената проводили регулярные проверки богаделен для исключения из них тунеядцев. Как ни странно, неспособность трудиться была основной причиной исключения из богоугодного заведения того времени, но сама процедура исключения не изучается (Ершен, 2014: 92).

В ряде других статей рассматривается порядок управления богадельней и указывается, как именно было организовано исключение (увольнение) призреваемых. Так, решение принимали члены Попечительского совета в главе с городской головой или старшим членом Городской управы,

и только от них зависело, исключат ли того или иного человека. При увольнении богадельным призреваемым возвращались деньги и вещи, а в случае их смерти имущество передавалось по наследству. Или, если старики не оставляли завещания либо у них не было наследников, имущество продавалось, а полученные средства перечислялись в фонд богоугодного заведения (Ковалев, 2011а; Фирсанова, 2014; Кудряшова, Ерилина, 2017; Косолапова, Федорова, 2021; Крылов, 2023).

Также в некоторых публикациях подробно рассматривается одна из причин, которая могла привести к исключению призреваемого, – это его реальный или надуманный конфликт со смотрителем богадельни. Например, о противостоянии отставного чиновника, незрячего инвалида, помещенного в богадельню, и Уфимской городской управы, не желавшей рассматривать жалобу призреваемого на неудовлетворительное содержание стариков и инвалидов в богадельне, подробно рассказывает А.В. Гайсина (Гайсина, 2013: 346). Подобный конфликт анализируется в одной из работ А.С. Ковалева (Ковалев, 2011с). В ней рассказывается о том, как в Томской богадельне братьев Королевых некто К. Гудимович «в каждом призреваемом, не подчинявшемся его воле, видел пьяницу или дебошира и с завидным постоянством писал в Томскую Городскую управу рапорты о безнравственном поведении своих подопечных» (Ковалев, 2011с: 82), раз за разом увольняя их из богадельни. Один старик четыре раза исключался из богадельни и возвращался обратно только потому, что не нашел общего языка со смотрителем. Описывая повседневность богадельни, автор обращается к инструкции по заведыванию богадельней, в которой указывалось, что «при неисполнении правил внутреннего распорядка призреваемыми» следовало «делать виновным замечания, выговоры, лишать их права отлучаться из богадельни» и даже «за проступки, общему порядку противные... сообразно летам и состоянию здоровья» призреваемые должны были содержаться «на хлебе и воде или к употреблению в работе в самой богадельне», а исключение было крайне исключительной мерой (Ковалев, 2011с: 82). Когда смотритель богадельни поменялся, все несправедливо исключенные вернулись обратно в учреждение.

То, что увольнение из богадельни являлось самой крайней мерой, подтверждает А.Г. Любарец, который отмечает, что эта мера «применялась в случае самовольной отлучки из богадельни, не подтвердившейся жалобы на другого призреваемого, многократные нарушения правил богадельни. Также покинуть богадельню можно было по собственному желанию или при умопомешательстве, подтвержденном врачебным диагнозом» (Любарец, 2011: 303).

В статье «Общественное призрение пожилых людей в богадельнях в конце XIX – начале XX вв. (на примере г. Томска)» А.С. Ковалев со своими коллегами в 2019 г. уже задавался вопросами: «...В какой форме происходило исключение из богадельни? Как конкретно выгоняли пожилого человека, у которого не было ни угла, ни средств на пропитание? О чем думали в этот момент сам исключаемый, остальные призреваемые и сам смотритель? Как относились ко всей этой истории другие старики?» (Kovalev et al., 2019a: 1277). Однако на тот момент времени не было найдено источников, которые помогли бы ответить на эти вопросы. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

4. Результаты

Первая причина, по которой призреваемый покидал богадельню, т.е. фактически был исключен из нее, была вполне естественной, связанной со смертью пожилого человека (реже – инвалида). Чаще всего пожилые люди в богадельне умирали от следующих заболеваний: горячка, паралич, чахотка, водянка, катар желудка, редко – «от старости». По сути, такая формулировка означала, что у старика был «букет» заболеваний или же призреваемый на самом деле был настолько стар годами, что врач просто не устанавливал диагноз.

Частота смертей в богадельне Т.И. Щеголевой за 1880–1883 гг. согласно уведомлениям эконома представлена в следующей диаграмме (Рисунок 1).

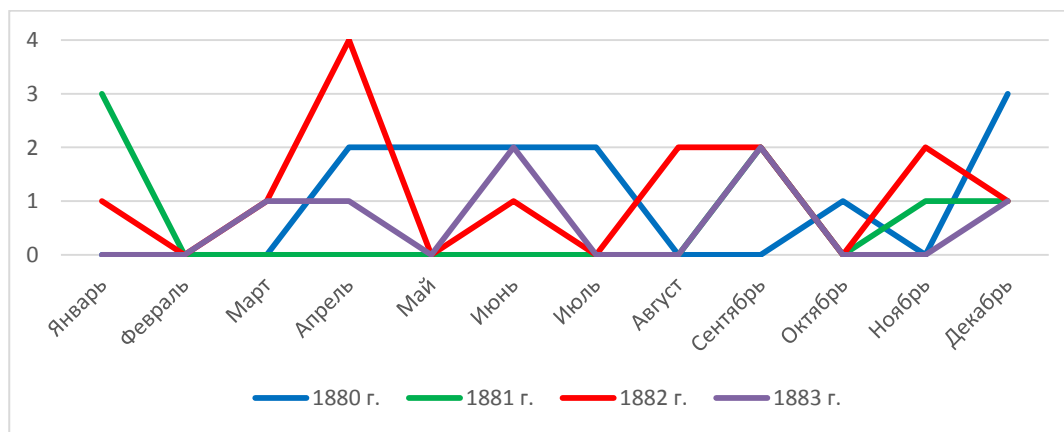

Рис. 1. Частота смертей в красноярской богадельне Т.И. Щеголевой (1880–1883 гг.)

Как следует из [Рисунка 1](#), смертность в богоугодном заведении была довольно низкой – от 7 до 12-14 чел. в год, т.е. в среднем 1-2 чел. в месяц. При условии, что в богадельне в начале 1880-х гг. одновременно проживало 40 чел., это составляет от 17 до 35 %. Иногда бывало, как в 1881 г., когда в течение семи месяцев не были отмечены случаи ухода из жизни, а порой случалось и так, что за один месяц умирали сразу 4 человека. Можно говорить об определенной «сезонности» смертности в богадельне, поскольку очевидно, что в зимние месяцы пожилые люди умирали чаще.

Чаще всего это были лица, которые уже поступали в богадельню с серьезным заболеванием и доживали в ней свой век. Так, крестьянка Частоостровской волости Марфа Арямова после того, как ее поразил паралич, четыре года пыталась попасть в богадельню Т.И. Щеголевой. Когда же ее, наконец, приняли, состояние здоровья женщины было таким слабым, что уже через полтора месяца она скончалась ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 10–12](#)).

51-летний красноярский мещанин Иван Михайлов страдал от порока сердца, по просьбе жены как своеобразный пенсионер был зачислен в богадельню и всего через месяц скончался ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 25](#)). Мещанин Чабанов уже при поступлении «замечен был в чахоточной болезни и день ото дня ему становилось хуже и хуже, так как к излечению болезни никаких лекарств» не было, и вскоре его не стало ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 31](#)). То же самое случилось с отставным коллежским секретарем Ф.Т. Ковригиным, который поступил в богадельню, будучи серьезно больным туберкулезом, и покинул ее, едва успев туда попасть ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 51](#)). В его случае интересно, что при исключении из богадельни «за смертью» в его «деле» была сделана приписка: «Был похоронен по христианскому обряду. Как он получал пенсию, то от него остался расчетный лист, по которому в счет пенсии было удержано за гроб, могилу, заказанную обедню, восковые свечи и прочее 7 руб. 15 коп.» ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 55](#)).

Всего два года прожил в богадельне престарелый отставной коллежский секретарь В.М. Яновский, паралич которого регулярно ухудшал состояние его здоровья. Но его «малозначительный пенсион 3 руб. 63 коп.» хватило только на минимально возможные ритуальные услуги ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 88](#)). Дело в том, что все призываемые при жизни писали своеобразное завещание в пользу богадельни, оставляя 3 руб., чтобы эконом мог их «употребить на похороны – на вынос и отпевание в церкви».

Впрочем, было и много таких, кто находился в заведении и достаточно продолжительное время и отправлялся на тот свет из-за проблем со здоровьем или в связи с преклонным возрастом. 8 лет проживала в Щеголевой богадельне Анфиса Богданова, скончавшись от катара желудка ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 16, 20](#)). Ф.П. Павлов был принят в возрасте 62 лет и скончался через 10 лет «от старости» ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 36–37](#)).

Конечно, случалось и так, что призываемые умирали неожиданно. Например, инвалид Богданов скончался от внезапного приступа после четырех лет пребывания в богадельне в возрасте 56 лет. После него осталась шкатулка с вещами, которую в соответствии с законом забрала его дочь ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 26, 31](#)). В других случаях, когда распоряжений о том, что делать с вещами покойных, не было, их могли передать родственнику (обычно супругу), если он тоже находился в богадельне, либо, что было чаще, раздать в присутствии эконома другим призываемым ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 130б](#)).

Говоря об исключении из богадельни по причине ухода человека из жизни, нельзя не остановиться на том, каков был предсмертный и посмертный опыт призываемых. Например, Томский городской врач в июне 1909 г. рассказывал, как его вызывали к умирающему старику: «...Заехав в богадельню часов в 7 вечера я застал Кузнецова еще живого... Означенный Кузнецов лежал на краю кровати на левом боку, причем большая часть левой половины туловища и лица помещалась в узком пространстве между кроватью и стеной... Оказалось, что [он] находится уже в предсмертной агонии. Пульс едва прощупывался, дыхание было хрипящим, больной был без сознания. Левая половина лица... была отекая, особенно левый глаз, на туловище с левой стороны были пролежни. Через 7 часов Кузнецов умер» ([Ковалев, 2011с: 77](#)).

Причиной смерти призываемого стал не столько паралич, сколько невнимательное отношение к состоянию его здоровья смотрителя богадельни, который вовремя не обратил внимание на то, что престарелый лежит в одной позе несколько часов, не своевременно вызвал врача.

Впрочем, не везде наблюдалось подобное отношение. Так, в Красноярской богадельне им. Т.И. Щеголевой человек, который чувствовал, что ему осталось недолго, просил эконома потратить оставшиеся у него средства (в том числе от продажи заведению своих вещей) «на разные прихоти, которые не может давать богадельня, как, например, на мед, бруснику, огурцы и прочее, что очень естественно, т.к. у больных является желание на какие-нибудь прихоти [при] жизни». В отчетах Попечительского совета также сообщалось о посмертной заботе, которую оказывали эконом и соседи призываемого: «Смерть призываемых большей частью бывает сознательная, из них почти никто не умирает без исповеди и причащения, многие соборуются. Похороны происходят достойно и назначаются сорокоусты» ([ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 31. Л. 16](#)).

Второй причиной, по которой призываемые покидали богадельню, было их собственное желание. Как и при поступлении в заведение, они писали прошение на имя городского головы,

являвшегося председателем Попечительского совета, с просьбой об исключении. Мотивы выхода из богоугодного заведения могли быть разными. Скажем, П.М. Касторский, который в 52 года просился в богадельню, поскольку «по старости и дряхлости и неизлечимой болезни... ни к каким работам не способен, а родственников, которые могли бы содержать, не имеет», был принят в нее, но уже через 11 дней, вероятно, столкнувшись с особыми условиями проживания, объявил, что нашел в себе силы пропитываться собственным трудом и попросил об увольнении (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 33-34).

Поселенка Агафья Куприянова, устроенная в богадельню за свой счет, будучи полностью слепой, попросила, чтобы для ухода за ней наняли особую прислугу. Попечительский совет разъяснил ей, что в правилах богадельни нет положений, разрешающих по случаю слепоты иметь для призреваемых особых нянек. Тогда женщина изъявила желание покинуть богадельню, что и сделала через две недели (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 70-71).

В обоих описанных выше случаях важно добавить, что подобное отношение к призрению поднимает вопрос о моральном выборе пожилого человека, поскольку, попадая в богадельню, он с большой вероятностью занимал место другого просителя, которому это место действительно требовалось, и вполне могло произойти так, что за эти 10-14 дней без помещения в богадельню такой человек мог значительно ухудшить состояние своего здоровья или вовсе погибнуть.

Два года находилась в богадельне Маремьяна Мартыновичева, но в 1878 г. неожиданно заявила, что у нее появились обстоятельства, «требующие ее на место родины», а также «по желанию побывать по Святым местам... она вовсе оставляет богадельню». Любопытно, что взята она была в богадельню «по неимению средств для пропитания», и откуда у пожилой женщины, два года получавшей казенное призрение, внезапно появились денежные средства для проживания и даже путешествия, остается только гадать (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 43, 46).

Летом 1877 г. супруги Кочергины написали прошение об исключении из богадельни, где проживали с ноября 1876 г. Вполне вероятно, что так старики переживали зиму (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 82). Впрочем, для временного нахождения в богадельне были другие основания, об этом речь пойдет чуть дальше.

Иногда призреваемый просто менял одно заведение на другое. Так, находившаяся на призрении в богадельне «девица 80 лет Екатерина Ивановна Многогрешнова, желая поступить в красноярскую женскую общину при монастыре, возвратив находящиеся у нее принадлежащие богадельне вещи все сполна, выбыла из богадельни по собственному желанию» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 31).

Вероятно, даже при том, что правилами богадельни был предусмотрен прием тех, кто не способен к труду, в реальной жизни «нетрудоспособный» пожилой человек не обязательно мог проживать всю жизнь в богадельне. К примеру, находившаяся на призрении в богадельне красноярская мещанская вдова, 63-летняя Прасковья Ключикова, добровольно выбыла из нее, получив место няньки в частном доме (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 33).

Иногда некоторые пожилые люди, стремившиеся попасть в богадельню, не зная о том, как на самом деле устроена в ней жизнь, представляли ее себе своеобразным «райским уголком», а когда оказывались в заведении и разочаровывались, пытались вырваться обратно и вести привычный, не связанный с выполнением требований устава богадельни образ жизни. Но чаще всего это было бродяжничество и сбор милостыни: «Призреваемый... самовольно отлучился из богадельни... и через несколько дней был найден у Собора в числе нищих, просящих милостыню, который на предложение смотрителя вернуться в богадельню отказался исполнить это предложение» (цит. по: Ковалев, 2011с: 97). Он заявил смотрителю, что недоволен условиями проживания, от призрения отказывается и просит его исключить.

Третьей причиной, по которой призреваемого исключали из богадельни, было неподобающее поведение или предосудительные поступки, противоречащие уставу богадельни. Самым популярным основанием для исключения по этому поводу была ситуация, при которой призреваемый самовольно отлучался из богадельни и возвращался в нетрезвом состоянии, а то и вовсе не возвращался, продав всю одежду, которая на нем была. Так, о находящемся на призрении в богадельне красноярском мещанине Е.О. Недоимцеве эконоом писал: «...Творит разные бесчинства, отлучается без спроса, возвращается пьяным, а когда было сдано замечание о самовольном отлучении, то он тайком ушел... и, захватив с собою принадлежащие богадельне вещи – рубаху холщовую, порты, брюки и пальто драповое и пальто суконное, картуз [нрзб] сапоги – всего на сумму 14 руб. 3 коп. и до сего дня не возвращался» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 28). Самостоятельный розыск «беглеца» успехов не принес, разве что выяснилось от других призреваемых, что им Недоимцев «говорил, что уходит из богадельни [нрзб] и что и сбывает [вещи]» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 28). Попечительский совет потребовал немедленно уволить Недоимцева, обязать полицию его найти и вернуть вещи, что и было сделано.

Нередкими были истории, когда один призреваемый забирал вещи другого, порой даже умершего призреваемого, самовольно отлучался в город, продавал там то, что унес, а деньги пропивал (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 59). Так, мещанка Анна Коновалова, будучи принятой, по свидетельству красноярской мещанской управы, в хорошем поведении, во время шествия на Троицу «со Св. Образом... надела на себя весь богадельный наряд, т.е. рубаху хозяйственную, пальто фланели

коричневой [нрзб] на вате, шаль черную, платок синий, ботинки и чулки и не возвратилась того же дня вместе с прочими» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 62). Когда прошло 10 дней, эконом стал подозревать, что она «позакладывала эти вещи, скрывается... под видом нищей. В течение этого времени о Коноваловой через служителей деланы розыски, и как следы ее были открыты, то о тех розысках... сообщили полицейскому управлению и, наконец через полицию ее... разыскали без вышеозначенной одежды» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 62). Женщину под присмотром препроводили обратно в богадельню и «на спрос ее, где одежда, она говорит, что имела запой, и что в том виде она свалилась и не помнит, кто ее обобрал. Но ясно доказывается, что она позакладывала все это и не хочет сделать в этом свое признание» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 62). Коновалову исключили и постановили: «Поскольку в богадельню принимают на основании ручательства в хорошем поведении, то местные власти должны обеспечить контроль людей, требующих сочувствия. Просить мещанскую управу [учитывать это] в ручательстве на будущее» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 62).

Некая Гликерия Темнова была исключена за то, что неоднократно замечалась в предосудительном поведении, хотя ее раз за разом оставляли в заведении. Терпение эконома и Попечительского совета лопнуло, когда в очередной раз она отпросилась на базар за овощами, а сама просила милостыню и «на базаре всем рассказывала, что в богадельне сидит голодом» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 11).

Типичной была и ситуация, когда призреваемого исключали за злоупотребление спиртными напитками и хулиганское поведение в богадельне. Отставной солдат Кондрат Потылицын неоднократно был замечен в нетрезвом виде, периодически самовольно отлучался из богадельни и, после очередного загула вернувшись в богадельню, «нанес страшные оскорбления... призреваемым». Эконом богадельни написал в Попечительский совет: «...Так как Потылицын неоднократно уже [предупреждался]... становится очевидным и для меня, и для призреваемых, с которыми он часто ссорится, что [он] должен быть уволенным» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 26-27).

А вот довольно редкий и любопытный случай, когда призреваемая даже не успела как-то себя проявить. Красноярская мещанка Авдотья Саминцева уже была принята в богадельню, но была исключена из-за поступившего на нее отзыва ее бывшего соседа, что она «женщина вздорного характера». Попечительский совет прислушался к мнению уважаемого члена мещанского общества и согласился уволить Саминцеву (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 5. Л. 25).

Важно отметить, что в случае «неподобающего» поведения эконома богадельни и Попечительский совет должны были отличить сознательное нарушение правил проживания от проявлений психического заболевания, хотя последнее также становилось еще одной причиной для исключения из богадельни и перевода в дом для умалишенных. Например, врач сообщил руководству богадельни им. Т.И. Щеголевой, что «находящийся на призрении в богадельне старик красноярский мещанин Ефим Поляков, 67 лет... страдает расстройством умственных способностей с потерей памяти и склонностью к разрушительным действиям и поступкам, которые беспокоят не только других призреваемых, но и могут быть небезопасными, почему... необходим постоянный надзор, каковой трудно осуществлять в заведении, не приспособленном для душевнобольных» (ГАКК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 222. Л. 159-161). На основании этого Попечительский совет с согласия Красноярской конторы богоугодных заведений исключил пожилого человека из богадельни с помещением в отделение для умалишенных при Красноярской городской больнице. Что интересно, в этом случае призреваемого перемещали вместе с казенными вещами, о чем делалось соответствующее распоряжение.

Как уже отмечалось в одной из предыдущих статей, некоторые призреваемые, у которых не было права на проживание в богадельне, не понимали, насколько им повезло иметь благодетеля, который был готов их содержать, как в случае с красноярским мещанином Красиковым, которого из-за границы содержал благотворитель И.С. Верещагин, уплачивая за него всю сумму и оставляя еще 10 руб. на удовлетворение частных нужд, но Красиков деньги пропивал, возвращался в богадельню нетрезвым и вел себя неподобающе, устраивая драки. Некоторое время эконом и Попечительский совет терпели Красикова, пока из Китая за него шли платежи, но когда призреваемый самовольно покинул заведение и стал нищенствовать, то немедленно был исключен (Kovalev et al., 2023a: 1874).

Находившийся на призрении в богадельне 83-летний Петр Матвеев периодически посещал своего друга Кабакова, для чего «был временно увольняем и всегда являлся аккуратно». Когда его друг скончался, то Матвеев изъявил желание навестить его сына. Был он у Кабакова-младшего или нет, неизвестно, но обратно в заведение он не вернулся, а еще через несколько дней его обнаружили собиравшим милостыню. Причина оказалась банальной: как и в прочих похожих ситуациях, Матвеев заявил, что вещи с него сняли в то время, когда он был пьян, и что после такого поступка он не мог явиться в богадельню.

Естественно, провинившегося старика исключили, но его случай стал показательным и отправным для изменения отношения администрации богадельни к временным отлучкам. Эконом Попов обратился в Попечительский совет с письмом, в котором отмечал, что его не устраивает «временное увольнение призреваемых к их знакомым и родственникам... Такие отлучки не удобны, ибо некоторые призреваемые, пропитывающие себя до поступления в богадельню милостынею,

не оставляют этой привычки» и, оказавшись снова вне стен заведения, «бывают вовсе не там, куда отпрашиваются. Такое поведение может навлекать на богадельню ложное [представление]» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 24. Л. 7-70б.). Эконом предложил временное увольнение призреваемых допускать тогда только, когда их родственники или знакомые будут лично о том просить, и на время отлучки выдавать им специальные билеты: «Такое дополнение ... даст возможность иметь наблюдение за призреваемыми во время их отлучки, тем более что призреваемые настолько всем обеспечены, что и отлучки их модно считать только прихотью» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 24. Л. 8-80б.). Предложение эконома было принято.

Следующей причиной, по которой призреваемые покидали богадельню, было возвращение в семью или переезд к родственникам. Например, мещанка Степанида Кочергина решила прожить у своего племянника, самовольно отлучилась из богадельни и автоматически была исключена из нее решением Попечительского совета (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 16. Л. 5). Некто Потылицина была принята на призрение в богадельню, но в течение месяца так и не явилась. Попечительский совет произвел расследование и выяснил, что ее приютили чужие люди, и из заведения уволил (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 16-160б).

Мещанка Анна Ливиневская несколько лет находилась на призрении в богадельне, хотя у нее была дочь, но ее материальное состояние не позволяло содержать больную престарелую мать. Но как только она вышла замуж, и супруг был не против того, чтобы взять тещу к себе на пропитание, Ливиневская обратилась с просьбой отчислить ее из богадельни и уехала к дочери (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 12).

Интересной является история Марфы Бобровниковой. Вдова рабочего, прикрепленного к Алтайскому горному правлению, в прошении красноярскому городскому голове рассказывала, что, оставшись одна после смерти мужа она, «будучи одерживая болезнью, слабостью зрения, увечьем правой руки», неоднократно просила поместить ее в богадельню Т.И. Щеголевой, но у нее было собственное жилье, и ее просьбу не удовлетворяли. Однако в ночь с 17 на 18 апреля 1881 г. в Красноярске случился знаменитый пожар, дом ее согрел, она осталась без крова и средств к существованию. У женщины были родственники в Барнауле, но «беспомощная старость, болезнь и недостаток» не позволяли ей к ним переехать. Она обращалась в разные общественные благотворительные организации, но ей нигде не помогли помочь, даже признавая ее «находящейся в критическом положении» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 27). Так продолжалось полгода, пока ее не приняли в богадельню, где М. Бобровникова прожила восемь месяцев. За это время она успела поправить здоровье, собраться с силами, а тем временем родственники нашли возможность ей помочь и приняли ее к себе, в результате чего она добровольно выбыла из богадельни.

Еще одной причиной исключения из богадельни могло стать несоответствие статусу призреваемого. К примеру, в августе 1876 г. в богадельню был принят красноярский мещанин 60 лет И.А. Филиппов. В своем прошении, как и все, он указывал, что не имеет родственников и средств для того, чтобы себя обеспечивать. Однако в декабре того же года Попечительский совет обнаружил, что Филиппов «имеет за собою бакалейное ремесло» и, «как усмотрено во время нахождения его в богадельне, Филиппов... в силах еще пропитывать себя», а потому «должен быть *отпущен на свободу*» (выделено нами – авт.) (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 58-59).

Другой похожий случай связан с тем, что во время одного из посещений богадельни Т.И. Щеголевой красноярский городской голова П.М. Прейн выяснил, что призреваемая Федорова утаила от Попечительского совета, что у нее есть взрослый сын, получавший жалование, достаточное для того, чтобы взять мать к себе на пропитание. Женщину из богадельни исключили (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 53. Л. 116-1160б.).

Также находящийся на призрении мог выбыть из богадельни на том основании, что он находился в заведении временно. К примеру, мещанка Д.М. Шишкина просила Иркутскую городскую управу поместить в богадельню своего престарелого мужа. Однако в процессе приема в учреждение выяснилось, что старик страдает неизлечимым заболеванием и требует направления в больницу. Но и там пожилого человека принять отказались, поскольку у него нашли старческий маразм, с которым могли принять только в дом для умалишенных. Мест в больнице не было, но после нажима губернатора руководство больницы все-таки согласилось принять пожилого мужчину на лечение, но только когда освободится койка. Тем временем мещанин Шишкин был помещен в богадельню «на непродолжительное время в виде исключения». Когда срок временного пребывания истек, жене Шишкина пришлось заново придумывать, как устроиться в больницу или призреть своего мужа (Kovalev et al., 2019b: 1542).

Еще одной причиной исключения призреваемого из богадельни было то, что его могли забрать на свое попечение посторонние люди. Так, в 1879 г. некий мещанин С.А. Кошков обратился с просьбой забрать из Красноярской гражданской богадельни офицерского сына П. Васильева. Он обязался принять инвалида «на свое призрение... пропитывать и содержать до смерти... и до прошения милостыни не допустить, а в противном случае подвергать себя ответственности перед правительством» (цит. по: Kovalev et al., 2019b: 1541). Передача инвалида из богадельни на попечение частного лица представляла собой несколько этапов. Во-первых, представитель Енисейского приказа

общественного призрения определял, есть ли у потенциального попечителя средства для содержания призреваемого, о чем делал запрос в городское полицейское управление, откуда должна была прийти бумага о финансах попечителя, наличии дома, собственного хозяйства и т.п. Далее выяснялось, есть ли у инвалида право на получение пенсии, и если таковое было, то препятствий для передачи не было. В случае с инвалидом П. Васильевым оказалось, что он призревался за свой счет, и $\frac{2}{3}$ из его пенсии уходило на содержание в богадельне, а также у него была сберегательная книжка на солидную сумму в 200 руб. После передачи его на руки попечителю выплаты в счет богадельни прекращались, а книжка была выдана обратно на руки (Kovalev et al., 2019b: 1541-1542).

Наконец, в ряде случаев можно говорить о нескольких причинах, которые способствовали выходу из состава призреваемых. Так, находившийся на призрении с 28 апреля 1881 г. отставной унтер-офицер Я.В. Ковальский ходатайствовал о получении военной пенсии. Получив, решил оставить богадельню по собственному желанию. Однако стоит помнить, что человек, имевший достаточные средства, мог пропитывать себя самостоятельно. Кроме того, Ковальский, находясь в богадельне, регулярно конфликтовал с другими призреваемыми и, как иронично заметил эконоом, направляя бумаги о его отчислении в Попечительский совет, «уходом своим доставил всем удовольствие» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 58об.).

Красноярский мещанин А.Г. Илюхин, находясь в богадельне, отлучался без спроса из заведения, «неоднократно предавался пьянству и при своем крайне сварливом характере производил шум, не давая покоя [другим проживающим]». Эконом богадельни потребовал его исключить, присовокупив к основному и довольно клишированному тексту о нетерпимости подобного поведения в богоугодном заведении тот факт, что Илюхину было всего 56 лет, и он «может еще питаться своими собственными трудами, если уж находит средства на пьянство» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 19. Л. 11-11об.). Против него сыграли оба факта, и он был исключен из богадельни сразу по двум основаниям.

Призреваемый Шеголевской богадельни Бродников «не одиножды напившись пьяным, заводил разные неприличные ругательства, не могущие быть терпимыми в богоугодном заведении». Когда его в очередной раз предупредили, что он может покинуть заведение, в порыве гнева пожилой человек заявил, что и сам готов покинуть богадельню и уехать на родину в Ачинск. Эконом богадельни направил свое прошение и заявление Бродникова, а Попечительский совет, что показательно, имея, согласно правилам богадельни, право увольнять по собственному желанию или за предосудительные поступки, исключил старика именно за «непристойный поступок» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4. Л. 50-50об.). Это обстоятельство было довольно значимым в том смысле, что вернуться обратно в богадельню тому, кто ушел из нее по своей воле, было проще, чем тому, кого из нее уволили за предосудительные поступки.

Следует добавить, что белье и одежду у Бродникова отобрали, выдали билет о его увольнении из богадельни, о чем уведомили Ачинского мещанского старосту. Но пожилой человек в Ачинск не уехал, а стал бродягой.

Кстати, что касается возвращения в богадельню, то здесь для бывшего призреваемого могло быть несколько вариантов. Так, в одном случае некая А.Ф. Целищева проживала с 1875 по 1877 гг. в богадельне и была исключена за предосудительные поступки, но снова «по бедственному состоянию и отсутствию родственников» просила принять ее обратно. Однако «ввиду того, чтобы не допустить вторично в среде призреваемых богадельни какое-либо нарушение спокойствия через сварливый неуживчивый характер Целищевой» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 24. Л. 1-2), Попечительский совет принял решение оставить ее прошение без удовлетворения.

Вторая ситуация связана с уже упоминавшейся призреваемой Федоровой, которую исключили из богадельни как имеющую родственника. Однако сын, на словах согласившийся принять мать к себе, на деле ее не кормил, денег не давал, ограничившись тем, что выделил ей угол в своем доме. Дважды городской голова писал Красноярскому мещанскому старосте, чтобы тот воздействовал на сына Федоровой, и обязал его давать матери полное пропитание, но в результате женщина снова попросилась в богадельню, куда ее, учитывая сложившуюся ситуацию, по личной просьбе городского головы П.М. Прейна повторно приняли (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 53. Л. 116-116об.).

Обычно Попечительский совет в отношении к исключенным проявлял твердость и решимость более никогда не допускать провинившихся в богадельню. Анализ архивных дел, в которых встречаются прошения о повторном приеме на призрение в богадельню, показывает, что удовлетворяли подобные прошения крайне редко, всего 2-3 раза за 30 с лишним лет. Одним из таких редких решений стало дело о возвращении в богадельню того самого А.Г. Илюхина, исключенного сразу по двум основаниям.

При рассмотрении дела выяснилось, что первопричиной увольнения Илюхина все-таки было «дурное поведение (пьянство)», но Илюхин, обратившийся с просьбой о принятии его вновь на призрение в богадельню из-за того, что «он по своему болезненному состоянию решительно не имеет никаких средств к существованию», обещал исправить свое дурное поведение. При этом за него заступился эконом богадельни, который, как оказалось, следил за Илюхиным после его исключения и предоставил удостоверение, что тот «испытывает крайнюю нужду, и он неоднократно раскаивался в

своей ошибке и делал обещания больше вина не пить» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 48-48об.). Эконом добавлял, что во время нахождения в богадельне Илюхин «был услужлив, только у пьяного характер сварливый, что можно устранить, не позволяя ему отлучек ни под какими предлогами», и что он может не только вернуться в богадельню, но и быть полезным для ухода за слепыми.

В результате Попечительский совет решил, что «поступок не составляет большой важности ввиду раскаяния Илюхина в своей ошибке и обещания его ничего подобного более не повторять», и что Илюхин, оказывается, «был уволен лишь для примера прочим призреваемым», а потому «вполне заслуживает... снисхождения к сделанному им поступку и принятия его вновь на призрение в богадельню» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 4949об.).

Одним из условий возвращения просителя в богадельню было требование того, чтобы «он во время нахождения в богадельне вел себя безупречно и буде повторить вновь поступок, за который он был уже уволен, то он должен быть уволен из богадельни навсегда» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 49об.). Однако ни раскаяние, ни данные Илюхиным обещания, ни снисходительность членов Попечительского совета, ни доброе отношение к нему со стороны эконома богадельни не возымели должного действия. В скором времени его снова, на этот раз окончательно, исключили из богадельни за рецидив (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 10. Л. 58).

А вот история «со счастливым концом». С 1876 г. в богадельне Т.И. Щеголевой проживала красноярка В.В. Кучерова из поселенцев. В 1879 г. она заявила, что ей плохо живется в богадельне и попросила уволить ее по собственному желанию. Однако еще через год женщина снова обратилась с прошением принять ее обратно, теперь уже уверяя, что в богадельне ей жилось лучше. С учетом того, что за три года ни в чем предосудительном Кучерова замечена не была, поведения и нрава была хорошего, ее приняли обратно, и теперь она осталась в богадельне до конца своих дней (Ковалев, 2010: 105).

5. Заключение

Подводя итоги, следует сначала еще раз сказать о том, по каким причинам призреваемые в богадельне лица могли быть из нее исключены: 1) естественный уход из жизни, нередко связанный с длительным или коротким предсмертным периодом; 2) отказ от призрения по собственному желанию; 3) предосудительное поведение, особенно в отношении других призреваемых и персонала богадельни; 4) возвращение на попечение в семью или к родственникам; 5) несоответствие статусу призреваемого в богоугодном заведении (наличие родственников, средств к существованию и т.п.), часто определяемые постфактум; 6) временное нахождение в богадельне; 7) переход на попечение к сторонним благотворителям, а также при комбинации разных указанных причин.

Процедура исключения была длительной и крайне бюрократизированной. Даже выбывание по естественным причинам требовало оформления целого ряда документов от эконома богадельни, далее следовало представление всех бумаг в Попечительский совет, который на своем заседании принимал решение об увольнении из заведения. Действительно, это была исключительная мера, однако применялась довольно широко.

Если исходить из того, что нетрудоспособность сама по себе была социальным катастрофой в XIX – начале XX в., и наиболее вероятным способом совладания с проблемами, которые приносил статус инвалида или пожилого человека, было получение социальной помощи в условиях богадельни, то исключение из нее в большинстве случаев, не связанных со смертью призываемого или добровольным выходом из учреждения, также становилось если не катастрофой, то как минимум очень серьезным жизненным затруднением.

Можно условно поделить всех призреваемых, находившихся в богадельне, на две группы. И те, и другие не понимали, к каким последствиям может привести увольнение. Одни, к сожалению, не понимали, в каких условиях они живут, не воспринимали богадельню как учреждение с определенным режимом и требованиями, правилами поведения, несоблюдение которых могло повлечь за собой исключение из богоугодного заведения. У других же возникали определенные когнитивные противоречия, связанные с тем, как они себе представляли богадельню, и какой оказывалась жизнь в ней на самом деле. Они не осознавали, какой будет жизнь за пределами богадельни. Порой, выписавшись из нее по личному заявлению, полагали, что в случае чего могут вернуться, а этого не случалось. Поскольку возвращение в богадельню после исключения было большой редкостью, исключение или добровольный выход из учреждения означали почти всегда, что эта форма социальной помощи больше не будет доступной для нетрудоспособного человека.

Литература

Гайсина, 2013 – Гайсина А.В. Земская благотворительность в конце XIX – начале XX вв. (на примере Уфимской губернии) // *Политика и Общество*. 2013. Т. 3. С. 345-349.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Ершен, 2014 – Ершен Н.Н. Становление российского законодательства о регулировании труда социальных работников в России до XX века // *Труд и социальные отношения*. 2014. Т.25. № 7. С. 90-96.

Ковалев, 2011a – Ковалев А.С. Богадельня как институт общественного призрения пожилых людей во второй пол. XIX – нач. XX в. (на примере г. Красноярск) / *Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2011. № 21-2. С. 157-160.

Ковалев, 2011b – Ковалев А.С. Восприятие старости пожилыми сибиряками во второй половине XIX – начале XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. Вопросы теории и практики. 2011. № 2-2(8). С. 92-99.

Ковалев, 2011c – Ковалев А.С. К вопросу о методологии исторического анализа качества жизни в учреждениях социального обслуживания // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. Вопросы теории и практики. 2011. № 3-3. С. 75-83.

Ковалев, 2010 – Ковалев А.С. Условия и качество жизни пожилых людей в богадельнях Красноярск во второй половине XIX – начале XX в. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2010. № 1. С. 102-105.

Косолапова, Федорова, 2021 – Косолапова И.С., Федорова М.В. Устройство, содержание и быт в арзамасских благотворительных учреждениях на примере общественной богадельни / *Православие и русская литература: сборник статей участников VII Всероссийской научно-практической конференции (27-28 мая 2021 г.)*. Арзамас, 2021 С. 266–273.

Крылов, 2023 – Крылов И.В. Дом призрения имени Ф.С. и П.И. Сергеевых: история создания и место в системе социального попечительства Бежецка Тверской губернии // *Studia Humanitatis*. 2023. № 2. С. 5-27.

Кудряшова, Ерилина, 2017 – Кудряшова А.С., Ерилина Ю.А. Развитие системы благотворительности в городе Арзамасе в XIX веке // *Таврический научный обозреватель*. 2017. № 5 (22). С. 30-33.

Любарец, 2011 – Любарец А.Г. Церковно-приходские благотворительные учреждения в Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в // *Ярославский педагогический вестник*. 2011. Т. 1. № 4. С. 301-304.

Орлов, 2012 – Орлов И.Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания М.: ВШЭ, 2012. 191 с.

Танатова, 2004 – Танатова Д.К. Антропологический подход в социологии М.: Дашков и К°, 2004. 264 с.

Фирсанова, 2014 – Фирсанова О.В. Благотворительные заведения немецких евангелическо-лютеранских приходов Санкт-Петербурга (середина XIX – начало XX века) // *Научное мнение*. 2014. № 9-3. С. 79-82.

Kovalev et al., 2019a – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Savin O.I., Savina E.V. Public Charity of the Elderly People in Poorhouses in the late XIX – early XX centuries (on the Example of Tomsk) // *Bylye Gody*. Vol. 53. Is. 3. Pp. 1272-1280

Kovalev et al., 2019b – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Savin O.I., Savina E.V. Elderly People in Siberia in the XIX – early XX centuries: Problems of Social Status and Main Directions of Public Charity in the "Open" Society // *Bylye Gody*. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1537-1545.

Kovalev et al., 2023a – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Ravochkin N.N. Public Charity At Own Expense: «Svoekoshtnye» Boarders in an Almshouse the End of XIX - The Beginning of XX Century (The Example of Krasnoyarsk) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1869-1880.

Kovalev et al., 2023b – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Ravochkin N.N. Destruction of the Family Model of Assistance and Support for Disabled Population in the second half of the XIX – early XX centuries (on the Materials of the city of Krasnoyarsk) // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 830-841.

References

Ershen, 2014 – Ershen, N.N. (2014). Stanovlenie rossijskogo zakonodatel'stva o regulirovanii truda social'nyh rabotnikov v Rossii do HH veka [The formation of Russian legislation on the regulation of labor of social workers in Russia before the twentieth century]. *Trud i social'nye otnoshenija*. 25(7): 90-96. [in Russian]

Firsanova, 2014 – Firsanova, O.V. (2014). Blagotvoritel'nye zavedeniya nemeck-kih evangelicheskolojuteranskih prihodov Sankt-Peterburga (seredina XIX – nachalo XX veka) Charitable institutions of the German Evangelical Lutheran parishes of St. Petersburg (mid-XIX – early XX century). *Nauchnoe mnenie*. 9-3: 79-82. [in Russian]

Gajsina, 2013 – Gajsina, A.V. (2013). Zemskaja blagotvoritel'nost' v konce XIX – nachale XX vv. (na primere Ufimskoj gubernii) [Zemstvo charity in the late XIX – early XX centuries (on the example of the Ufa province)]. *Politika i Obshhestvo*. 3: 345-349. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Region].

Kosolapova, Fedorova, 2021 – Kosolapova, I.S., Fedorova, M.V. (2021). Ustroistvo, sodержanie i byt v arzamasskih blagotvoritel'nyh uchrezhdenijah na primere obshhestvennoj bogadel'ni [Organization, maintenance and life in Arzamas charitable institutions at the public almshouse]. *Pravoslavie i russkaja*

literatura: sbornik statej uchastnikov VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii (27-28 maja 2021 g.). Arzamas, pp. 266-273. [in Russian]

Kovalev, 2010 – Kovalev, A.S. (2010). Uslovija i kachestvo zhizni pozhilyh ljudej v bogadel'njah vo vtoroj polovine XIX - nachale XX vv. (na primere g. Krasnojarska) [Conditions and quality of life of elderly people in almshouses in the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of the city of Krasnoyarsk)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1: 102-105. [in Russian]

Kovalev, 2011a – Kovalev, A.S. (2011) Bogadel'nja kak institut obshhestvennogo prizrenija pozhilyh ljudej vo vtoroj pol. XIX – nach. XX v. [Almshouse as an institution of public charity for the elderly in the second half XIX – beginning XX century (on the example of Krasnoyarsk)]. *Ezhegodnaja bogoslovskaja konferencija Pravoslavnogo Svato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 21-2: 157-160. [in Russian]

Kovalev, 2011b – Kovalev, A.S. (2011). Vosprijatie starosti pozhilymi sibirja-kami vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Perception of old age by elderly Siberians in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'tura i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2: 92-99. [in Russian]

Kovalev, 2011c – Kovalev, A.S. (2011). K voprosu o metodologii istoricheskogo analiza kachestva zhizni v uchrezhdenijah social'nogo obsluzhivanija [On the methodology of historical analysis of the quality of life in social service institutions]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'tura i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 3-3: 75-83. [in Russian]

Krylov, 2023 – Krylov, I.V. (2023). Dom prizrenija imeni F.S. i P.I. Sergee-vyh: istorija sozdanija i mesto v sisteme social'nogo popechitel'stva Bezhecka Tverskoj gubernii [F.S. and P.I. Sergeikh Charity House: the history of creation and place in the system of social guardianship of Bezhet'sk, Tver province]. *Studia Humanitatis*. 2: 5-27. [in Russian]

Kudrjashova, Erilina, 2017 – Kudrjashova, A.S., Erilina, Y.A. (2017). Razvitie si-stemy blagotvoritel'nosti v gorode Arzamase v XIX veke [The development of the system of charity in the city of Arzamas in the XIX century]. *Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'*. 5(22): 30-33. [in Russian]

Ljubarec, 2011 – Ljubarec, A.G. (2011). Tserkovno-prihodskie blagotvoritel'nye uchrezhdenija v Jaroslavskoj eparhii v konce XIX – nachale XX v [Parish charitable institutions in the Yaroslavl diocese at the end of the XIX – beginning of the XX century]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 1(4): 301-304. [in Russian]

Orlov, 2012 – Orlov, I.B. (2012). «Chelovek istoricheskij» v sisteme gumanitar-nogo znanija [“Historical man” in the system of humanitarian knowledge]. Moscow. 191 p. [in Russian]

Tanatova, 2004 – Tanatova, D.K. (2004). Antropologicheskij podhod v sociologii [Anthropological approach in sociology]. Moscow. 264 p. [in Russian]

Исключение из богадельни во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Сибири)

Александр Сергеевич Ковалев^{a,*}, Николай Рзавич Новосельцев^{a,d},
Дмитрий Владимирович Рахинский^{a,b,c}, Олег Игоревич Савин^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

^d Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Российская Федерация

Аннотация. В представленном исследовании на основе полученных ранее результатов изучения общественного призрения инвалидов и пожилых людей в Сибири в XIX – начале XX вв., а также с использованием ранее не публиковавшихся архивных материалов изучается процесс исключения из богоугодных заведений нетрудоспособных граждан. Историографический анализ показывает, что этот аспект повседневности богадельни фрагментарно рассматривался историками общественного призрения, которые полагают, что исключение было довольно редким фактом. Принципиально соглашаясь с их позицией, следует отметить, что каждый случай исключения был уникальным и требовал подробного разбирательства. Микроисторический анализ в сочетании с историко-антропологическим подходом, который применяется для исследования внутренних процессов в богадельне, позволяет рассмотреть основания для увольнения призреваемых и саму

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев),
NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.П. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский),
OlegGTS@yandex.ru (О.И. Савин)

процедуру исключения, а также выявить разные виды объективных и субъективных причин, по которым инвалиды и пожилые люди покидали богоугодное заведение.

Проведенное исследование дает основания считать, что лица, принятые в богадельню, не осознавали степени собственной обеспеченности и защищенности в условиях, когда общество не могло предложить другие формы социальной помощи, легко расставаясь с полученным местом в ней. В то же время исключение из богадельни становилось серьезным жизненным испытанием для тех, кто по неосторожности сам покинул заведение или был уволен администрацией богадельни по решению Попечительского совета, поскольку возможностей вернуться в богадельню было крайне мало, что обрекало инвалида или пожилого человека на нищенское существование.

Ключевые слова: богадельня, общественное призрение, инвалиды, пожилые люди, исключение.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 290-301
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.290

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Innovations in Russian Arms Production in the Period of the 1880s – 1890s

Yulia B. Nadtochiy^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article attempts to consider the issue of the use of innovations in weapons production in the pre-revolutionary period of time in Russia, in connection with which various examples of different types of innovations, both developed and applied, in domestic weapons production during the 1880s – 1890s, are studied, which became the purpose of the study.

In tsarist Russia, the concept of “innovation” was not used (was absent), however, as the study showed, it was innovations (innovative developments, various innovations) that contributed and contribute to the development of domestic weapons production (as well as other types of production) of the studied time period.

The sources used in the study clearly demonstrate the presence of various innovations (with the misuse of this concept) in pre-revolutionary weapons production, identified based on the specific content of this concept, the interpretation of which in the article, in particular, is considered both in domestic and foreign dictionaries of that time period.

In the course of this work, some examples of different types of innovations used in weapons production in the Russian Empire are identified and described.

Keywords: production development, innovations, inventions, weapons production, Russian Empire.

1. Введение

Известно, что разработка и применение инноваций в любой сфере производства является движущей силой развития этого производства и экономики страны в целом. Роль инноваций в экономическом развитии страны постоянно изучается и наполняется новым содержанием.

По сути, инновация – это развитие, это постоянное развитие, и оно не прекращается, не останавливается, иначе сейчас мы не добились бы того, что у нас есть, т.е. появления тех технологий, продуктов и пр., которыми активно пользуется современный человек. Поэтому в настоящее время есть предположение, что термин «развитие» и термин «инновация» имеют идентичное значение, и что «инновация» как более современный термин заменил термин «развитие».

Окружающие нас инновации внедряются и применяются абсолютно в разных сферах человеческой деятельности: инновации в строительстве, инновации в спорте, инновации в педагогике, инновации в менеджменте и пр. В рамках одного предприятия также может быть большой спектр инноваций: инновации в используемом на предприятии сырье, инновационное оборудование, инновационные технологии, инновации в методах управления, инновации при реорганизации производства (реорганизации заводов), социальные инновации и др.

Для того чтобы провести исследование, посвященное выявлению примеров разных инноваций в отечественном оружейном производстве дореволюционного периода, необходимо разобраться в сущности понятия «инновация» и рассмотреть разные признанные классификации инноваций, поэтому придется обратиться и к некоторым современным научным изысканиям в области инноваций.

* Corresponding author

E-mail addresses: Yflnjxbq-7e@yandex.ru (Yu.B. Nadtochiy)

В настоящее время в области инноваций основным методологическим документом признается «Руководство Осло – Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (разработано совместно ОЭСР и Евростатом), которое впервые опубликовано в 1992 году, переиздано в 1997 году, 2005 году и актуальная версия на данный момент времени вышла в 2018 году. В последней версии Руководства предлагается рассматривать два вида/типа инноваций – продуктовые (услуги, товары) и процессные (инновации в бизнес-процессах, т.е. методы производства, логистики, управления, маркетинговые методы и др.) (Oslo Manual, 2018). В Руководстве дается общее определение понятия «инновация»: «инновация – это новый или усовершенствованный продукт или процесс, или их комбинация, который значительно отличается от предыдущих продуктов или процессов, производившихся в организации, и который стал доступен потенциальным пользователям (продукт) или введен в эксплуатацию (процесс)» (Oslo Manual, 2018: 20).

В отечественных трудах разных лет даются такие определения рассматриваемого понятия: 1) «инновации (нововведения) – это внесение в разнообразные виды человеческой деятельности новых элементов (видов, способов), повышающих результативность этой деятельности» (Яковец, 2004: 9); 2) в общей форме: «инновация (нововведение) – это применение силы человеческого знания (чаще всего науки, но не только) для повышения эффективности того или иного вида человеческой деятельности» (Яковец, 2015: 6).

Есть подход, где научные открытия и изобретения являются основой для появления инноваций, т.е. по сущности массового применения этих научных открытий и изобретений (Яковец, 2015). Однако существует и подход, подразумевающий, что инновации и изобретения – это схожие и взаимозаменяемые понятия, поэтому рассмотрим разницу между этими двумя понятиями.

Изобретение больше рассматривается как создание чего-то нового (зачастую не существовавшего) и здесь оно больше схоже с понятием «новация», а инновация больше относится к воплощению, практической реализации задуманного (идеи), связанного с новым изобретением или усовершенствованием чего-либо (продукта, процесса), к внедрению и распространению полученного результата для использования (в том числе, и с целью получения материальной выгоды).

Таким образом, под инновациями можно понимать нововведения, применяемые, распространяемые и коммерциализируемые.

Сейчас разработано много различных классификаций инноваций по разным признакам, в том числе, и разных авторских классификаций. Например, классификация Й. Шумпетера, считающегося родоначальником классического подхода к инновациям. Он впервые использовал термин «инновация» (инновации определяются Й. Шумпетером как «осуществление новых комбинаций» (Шумпетер, 2008: 158)): «1) изготовление нового; 2) внедрение нового; 3) освоение нового рынка сбыта; 4) получение нового источника сырья или полуфабрикатов; 5) проведение соответствующей реорганизации» (Шумпетер, 2008: 158 – 159).

Или классификация Г. Менша, где общепризнанно, что автором по степени радикальности выделяется три типа инноваций (Mensch, 1979).

В таблице по результатам исследования частоты инноваций (нововведений) разной степени радикальности в период 1953–1973 годов Г. Менш отмечает следующие типы инноваций (в зависимости от степени радикальности) (Mensch, 1979: 31): основные (базисные) инновации, радикальные инновации, очень важные усовершенствования-инновации, важные инновации в области улучшения, обыденное (рутинное, простое) улучшение, незначительная дифференциация продукта или процесса с помощью новой технологии.

А в самом тексте работы «Технологический пат: инновации преодолевают депрессию» («Das technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression») автором уже по степени радикальности рассматриваются три типа инноваций: базисные/Basisinnovationen (технологические и нетехнологические (социальные)), улучшающие/Verbesserungsinnovationen и псевдоинновации (фиктивные инновации)/Schein-Innovationen (Mensch, 1975).

Г. Менш в своих трудах рассматривает и классификацию новаций (на рынке капитала): «новое – это: базовые новации, которые могут положить начало новым отраслям экономики; радикальные инновации, способствующие совершенствованию отстающих отраслей традиционной промышленности; информационное обеспечение финансовых операций, позволяющее ускорить процесс инвестирования в эффективные инновации» (Менш, 2006: 18).

По классификации нашего соотечественника Ю.В. Яковца выделяется много видов инноваций по разным признакам для классификации существующих инноваций, так, например, по сфере применения, по уровню новизны, по пространству действия (Яковец, 2004: 12-19).

По сфере применения инноваций Ю.В. Яковец выделяет такие типы, как: 1) технологические (расширение ассортимента продукции и улучшение ее качества – инновация-продукт и улучшение качества технологий – инновация-процесс); 2) экологические (бережное, рациональное использование природных ресурсов и уменьшение вредного воздействия на окружающую среду); 3) экономические (эффективные формы производства, методы организации труда, новые финансовые инструменты и пр.); 4) социально-политические (новые формы социальной помощи,

политической деятельности и организаций); 5) государственно-правовые (новые формы организации госвласти и управления на разных уровнях); 6) военные и в области правопорядка (новые способы ведения боевых действий и борьбы с правовыми нарушениями и организации сил правопорядка и вооруженных сил и пр.); 7) инновации в духовной сфере (научные, педагогические, художественные, музыкальные, литературные и др.) (Яковец, 2004: 12-14).

Если критерием является уровень новизны, то выделяются следующие типы инноваций: 1) эпохальные (обозначают переход к новому технологическому или экономическому способу производства, социокультурному строю, знаменуют фундаментальные трансформации какой-либо сферы жизни общества); 2) базисные (представляют радикальные изменения/преобразования в какой-либо сфере общества – принципиально новые продукты и процессы); 3) улучшающие (направлены на развитие и модификацию базисных инноваций, способствуют их распространению в разных сферах); 4) микроинновации (направлены на улучшение уже существующих инноваций: используемой технологии, выпускаемой продукции и пр.); 5) псевдоинновации (подразумевают частичное незначительное улучшение устаревших инноваций); 6) антиинновации (носят разрушающий характер) (Яковец, 2004: 14-17). Понятие «антиинновации» введено Ю.В. Яковцом для того, чтобы показать и отрицательную сторону некоторых нововведений.

По пространству действия (по пространственной сфере) в зависимости от предыдущих двух критериев рассматриваются такие инновации, как: 1) глобальные, 2) цивилизационные, 3) национальные, 4) региональные, 5) локальные и 6) точечные (Яковец, 2004: 17-19).

В целом, по мнению В.Ю. Яковца, глубина различных инноваций неодинакова: от самых мелких изменений (микроинноваций) до принципиально новых продуктов или процессов (базисных инноваций) и крупных эпохальных инноваций. Существуют также и инновации со знаком «минус», например, псевдоинновации и являющиеся опасными антиинновации (Яковец, 2015: 9).

Также можно встретить и другие классификации, совершенно по-другому определяющие разные виды инноваций, например, по типу новизны. Это инновации: 1) для рынка; 2) для отрасли; 3) для предприятия; 4) для подразделения предприятия; 5) для конкретного работника и др.

На данный момент времени классификации именно оружейных инноваций или инноваций в оружейном производстве не создано, однако далее можно воспользоваться описанными ранее классификациями инноваций, которые подойдут и для выявления/изучения инноваций, используемых в отечественном оружейном производстве дореволюционного времени.

Таким образом, автор ставит своей целью выявить и рассмотреть примеры разных видов разрабатываемых и применяемых инноваций в оружейном производстве в дореволюционное время (в период 1880–1890 годов).

2. Материалы и методы

Значимыми источниками для проведенного исследования являются опубликованные материалы, описывающие развитие отечественного вооружения, оружейного производства, утверждение образцов оружия для армии, различные испытания оружия, инструкции по применению оружия и пр.: документы, справочники, энциклопедии, отчеты, сборники и другие научные труды (Приказы по Военному ведомству ..., 1881; Оружейный сборник, 1880, 1891, 1899; Военная энциклопедия, 1911; Оружейные заводы, 1898; Крылов, 1906; Федоров, 1911 и др.).

На основе изученных опубликованных исторических материалов можно сделать вывод о наличии разных видов инноваций в оружейном производстве в основном в период царствования Александра III и частично Николая II.

Работа выполнена в основном с применением классических общенаучных методов познания и исторического метода. Применение метода анализа в совокупности с синтезом позволили выявить наличие разных видов инноваций в соответствии с существующими классификациями инноваций. Базовым подходом к изучению инноваций, применяемых в оружейном производстве Российской империи, стал комплексный анализ доступных исторических материалов (документов, отчетов и пр.), касающихся отечественных разработок, связанных с ними испытаний и дальнейшего использования этих разработок в производстве.

Также использовались сравнительно-исторический и хронологический методы. Сравнительно-исторический метод позволил выявить особенности отечественного производства оружия и нововведения в этой области в дореволюционный период времени (в частности, в 1880–1890 годы) и провести параллель с современным пониманием инноваций, так как в тот период времени данное понятие отсутствовало, но сами инновации (нововведения) имели место, а хронологический метод позволил обозначить определенную последовательность появления/применения инноваций.

3. Обсуждение

Историография применения/внедрения инноваций (именно инноваций) в дореволюционный период освещена достаточно слабо. В целом историографию темы проведенного исследования можно разделить на две части: 1) различные факты развития оружейного производства в России и

2) рассмотрение разных нововведений (изобретений) на примерах отечественного оружейного производства имперского периода.

Инновации в дореволюционный период времени не изучались (именно использование этого понятия отсутствует), но о становлении и развитии отечественных оружейных заводов, а также о различных изобретениях и разработках, которые использовались на этих заводах, написаны исторические очерки разных периодов ([Оружейные заводы, 1898](#); [Бенда, 2020](#); [Дроздова, 2009](#) и др.).

В различных научных трудах и публицистических статьях описывается в основном, как появляется разное оружие (для пехоты, морского флота и пр.). Выпускаются различные справочники, посвященные вопросам развития отечественного вооружения, например, «Вооружение русской армии за XIX столетие», «Сначала был порох», «Корабельная артиллерия Российского флота 1867-1922» ([Федоров, 1911](#); [Плотников, 1992](#); [Широкорад, 1997](#) и др.) и др.

Исследуются и описываются особенности разработки первых отечественных магазинных винтовок разных годов (например, 1870-х, 1880-х годов) на основе изучения испытаний в разных странах разнообразных магазинных винтовок ([Оводков, 2018](#)).

Сейчас также нет исследований, посвященных именно изучению/выявлению разных видов инноваций, используемых или внедряемых на казенных оружейных заводах в царской России. Но как заводы развивались, какие использовали технологии, сырье, материалы, оборудование и др., изучалось и изучается в разных отечественных и зарубежных трудах ([Беляев, 2007](#); [Грэхэм, 2014](#)). Однако стоит отметить, что Л. Грэхэм в своем труде описывает несколько отрицательный пример Тульского оружейного завода для развития инноваций в Российской империи и в настоящее время (отчасти это происходит и за счет изучения автором работ, изданных в послереволюционный период, где критикуется капиталистическая власть и показывается ее негативное воздействие/влияние на трудовой класс) ([Грэхэм, 2014](#)). В истории завода даже указывается на такой факт, как сопротивление тульских мастеров разного рода инновациям на заводах (в 1705 году), так как с их появлением тульские мастера боялись лишиться рабочих мест и заработка. Однако стоит отметить, что это издания послереволюционные ([История Тульского Оружейного Завода, 1973](#)).

По сути это и есть исследования, посвященные описанию разных инноваций (нововведений) без употребления этого термина. Изобретения, новшества, вводимые на заводах и используемые при производстве, можно рассматривать как инновации в царской России.

Стоит отметить, что в современных научных работах изучаются инновации того времени в разных сферах жизнедеятельности человека: например, финансовые инновации ([Семенкова, 2013](#)), инновации в текстильной промышленности ([Балашов, 2011](#)), новшества (здесь можно говорить и о нововведениях) в системе охраны Императоров (создание единой службы Императорской охраны, изменение порядка охраны, работа с охранной агентурой, разработка должностных инструкций и пр.) ([Гребенкин, 2022](#)) и др.

Как указывалось ранее, инновации часто отождествляются с изобретениями, поэтому появляются статьи в сети Интернет (иногда и без указания авторства), в которых описываются различные отечественные изобретения до революции. Отличия этих двух понятий постоянно обсуждаются в научном сообществе, но обычно суть отличий сводится к тому, что инновация несколько проще, чем изобретение, а изобретение может не быть коммерциализируемым и практически применяемым, поэтому может и не превратиться в инновацию. Таким образом, инновацию зачастую рассматривают как внедрение в нашу жизнь изобретений (новшеств) и их постоянное совершенствование/усовершенствование. Существует также мнение, что новация – это идея, а результат разработки и внедрения этой идеи (конечный этап применения идеи, практическое освоение идеи) – это уже инновация. Однако в интернетовских статьях описываемые изобретения зачастую называются инновациями.

В связи со скудностью сведений, как было отмечено выше, относительно подробного описания процесса разработки и применения инноваций в дореволюционный период времени в статье содержится авторское понимание и интерпретация разных видов инноваций в оружейном производстве в Российской империи.

4. Результаты

В отечественных словарях тех времен, конечно же, слово «инновация» отсутствует. Но есть понятия «новый», «новизна», «новина» и даже «новшество» и др.

Новизна определяется по-разному, и одно из определений гласит «качество вещи новой» ([Словарь Академии Российской, 1793: 542](#)), а «новый» – 1) «недавно сделанный», 2) «недавно в рассуждении других вещей существовать начавший», 3) «говорится в отношении ко всему тому, что вновь изобретено, введено в употребление, учреждено, вымышлено и прочее» ([Словарь Академии Российской, 1793: 540](#)). В Толковом словаре Владимира Даля «новый» – «недавно созданный, сделанный, явленный» ... «другой, иной, не тот, что был прежде», «доселе неведомый или небывший» ([Толковый словарь..., 1881: 565](#)). И есть слово «новшество», под которым понимается «введение новизны, новых обычаев, порядков» ([Толковый словарь..., 1881: 566](#)).

А вот в «Американском словаре английского языка» Ноа Уэбстера 1828 года издания есть слово «инновация» («innovation») и оно определяется как: «изменение, вызванное введением чего-то нового, изменение установленных законов, обычаев, обрядов или практики» (Webster, 1828a: 983). Есть еще такое слово, как «innovate», которое дословно можно перевести как «вводить новшества» (нововведение, создавать новое). Это значит: «1) изменить или переделать, введя что-то новое; 2) привнести что-то новое; 3) вносить изменения во что-либо устоявшееся» (Webster, 1828a: 983). И приводится такое слово, как «novelty» – «новинка», «новшество»: «1) новизна; 2) недавность происхождения или внедрения» (Webster, 1828b: 196). Также дается определение понятия «инноватор» – это: 1) «инициатор изменений; 2) тот, кто вводит новшества или вносит изменения, вводя что-то новое» (Webster, 1828a: 983).

В словаре 1907 года издания, который является идентичным изданием полного словаря Уэбстера, включающего его выпуски 1864, 1879 и 1884 годов, слово «инновация» («Innovation») также определяется как: 1) «акт новшества; введение чего-либо нового, а также обычаев, обрядов и т.д.; 2) изменение, осуществляемое путем новшества; изменение обычаев; что-то новое и противоречащее установленным обычаям, манерам или обрядам» (Webster's International..., 1907: 766).

Рассмотрим некоторые факты из более раннего периода времени, которые позволяют судить о наличии определенных инноваций (нововведений) в оружейном производстве.

В конце 60-х – начале 70-х годов говорится о развитии техники, что повлияло на изготовление стволов: необходимость в кузнечной работе отпадает, так как «стволы стали вытачиваться из специальных стальных болванок» (История Тульского Оружейного Завода, 1973: 72).

Начало 1870-х годов связано с технической реконструкцией Тульского оружейного завода: в Англии было заказано «около 900 специальных станков с приспособлениями и лекалами для ежедневного производства 300 ружей при односменной работе», что позволило повысить производительность труда более, чем в два раза (История Тульского..., 1973: 80). В итоге завод был капитально перестроен и расширен (История Тульского..., 1973: 81), что позволяет говорить о наличии радикальных инноваций, способствующих реорганизации завода.

Сосредоточение всего оружейного производства на одном казенном заводе, которое стало возможным после проведенной реконструкции, позволило «все до мельчайшего винтика» производить в зданиях завода (История Тульского..., 1973: 82).

Во второй половине XIX века происходит освоение двух типов ручного огнестрельного оружия, так называемой берданки (усовершенствованной русскими конструкторами) и сконструированной на заводе трехлинейной мосинской винтовки (История Тульского..., 1973: 83), что указывает на наличие разного уровня/степени улучшающих инноваций.

Базисными инновациями по приведенной выше классификации Г. Менша, наверное, можно считать реконструкцию завода и переход от ручного труда на механизированный с использованием станочного оборудования (с точки зрения появления в мире вообще машин/станков, это эпохальное нововведение).

В связи с недостаточностью сведений по описанию именно процесса разработки новшеств, а также их введения (внедрения), трудно определять тип/вид инновации (новшества и нововведения). По этой же причине приходится обращаться к работам, изданным после революции. Стоит также указать на то, что нет единой принятой классификации инноваций (а отдельная классификация новаций, т.е. новшеств, вообще отсутствует или совпадает с классификацией инноваций), поэтому каждый автор может интерпретировать ту или иную инновацию в соответствии со своими выводами и заключениями.

В 1895 году малокалиберные винтовки Бердана пехотного образца, выпускаемые на Тульском оружейном заводе, «заменены 3-линейной магазинной винтовкой образца 1891 года, разработанного полковником С.И. Мосиным» на Тульском оружейном заводе (впоследствии С.И. Мосин стал начальником Сестрорецкого оружейного завода) «и принятых для всей армии. Эти ружья также драгунского образца и изготовлены на Ижевском оружейном заводе» (Оружейные заводы, 1898: 3-5). В конструкции Сергея Ивановича Мосина была предусмотрена специальная безотказная отсечка-отражатель для предотвращения подачи из магазина в ствольную коробку сразу двух патронов. «Это было единственное в своем роде устройство», которое «превосходило все известные тогда способы заряжания и устранения двойной подачи патронов в вертикальном срединном магазине» (Плотников, 1992: 93), что говорит о базисной микроинновации в применяемых способах заряжания винтовки. На испытаниях винтовка, разработанная С.И. Мосиным, «показала преимущества в конструктивном оформлении, технологичности и дальностью» (Плотников, 1992: 94).

«Государь Император, в 16-й день прошлого апреля месяца, высочайше соизволил утвердить испытанный образец новой пачечной винтовки уменьшенного калибра и патрон к ней, а также и пачечной обоймы к патронам и Высочайше повелеть соизволил именовать винтовку эту «3-линейною винтовкой образца 1891 года» (Правительственные распоряжения, 1891:1).

Основываясь на исследованиях ружей, зарубежные специалисты приняли решение о перевооружении армии ружьями уменьшенного калибра, что повлекло создание «бездымного» пороха для таких ружей (Оружейные заводы, 1898: 6-7).

Скорее к улучшающим инновациям можно отнести создание отечественного бездымного пороха, так как он разрабатывается на основе изучения опыта зарубежных стран.

Отечественные разработки такого пороха проходили под руководством Д.И. Менделеева. В октябре 1890 года Д.И. Менделеев пишет совместно с И.М. Чельцовым и Л.Г. Федотовым докладную записку Н.М. Чихачеву «О бездымном порохе», в которой дается анализ современного состояния порохового дела за границей и представляется программа того, как применить полученные сведения в России ([Летопись жизни..., 1984: 289](#)).

В 1890 году Д.И. Менделеев активно изучал данные по производству пороха на заводе, описывал результаты испытаний различных видов пороха, а также расчеты нитрационных смесей. И в конце 1890 года составляет секретную докладную записку П.С. Ванновскому «Об экономических условиях приготовления принятого для перевооружения армии бездымного пороха» ([Летопись жизни..., 1984: 290-291](#)).

А уже 23 января 1891 года Д.И. Менделеев заканчивает испытания и получает наилучший конечный продукт, который назвал пироколлодием ([Летопись жизни..., 1984: 313](#)). Также разработана вся технология производства пироколлодия и на его основе – бездымного пороха, превосходящего по своим характеристикам все иностранные. После испытаний, проведенных в 1892 году, пироколлодийный порох, разработанный под руководством Д.И. Менделеева, получает высокую оценку специалистов ([Летопись жизни..., 1984: 313](#)).

В своих сочинениях Д.И. Менделеев пишет: «свойства пироколлодийного пороха делают его высшим из известных сортов бездымного пороха для стрельбы из орудий всяких калибров» ([Менделеев, 1949: 200](#)).

В.Г. Федоров, перечисляя образцы оружия, бывшие на вооружении русской армии, указывает на использование следующих образцов в период 1880–1890 годов: 1880 г. – 4,2 линейный револьвер системы Смита-Вессона 3-го образца, 1891 г. – трехлинейная винтовка и 1895 год – трехлинейный револьвер ([Федоров, 1911: 7](#)).

Из холодного оружия в 1881 году была утверждена шашка: «Государь Император, в 6 день июня сего года, высочайше соизволил утвердить образцы нового холодного оружия для войск, а именно: шашки, казачьей шашки и палаша» ([Приказы по Военному ведомству, 1881: 1053](#)).

С 1881 года было принято решение об использовании одинакового ручного огнестрельного оружия на флоте и в пехоте. Позже флотские команды были вооружены 3-линейными винтовками, снабженными магазинными пачками в 5 патронов. Этот образец магазинного ружья, как было указано ранее, разработан полковником С.И. Мосиным ([Оружейные заводы, 1898: 4-5](#)).

Изготавливалось оружие в те времена на всю нашу армию и флот на четырех оружейных заводах: 1) Тульском (г. Тула, река Упа); 2) Сестрорецком (недалеко от г. Петербурга, река Сестра); Ижевском (Вятская губерния, река Ижа); 4) Златоустовском (Уфимская губерния). Тульский, Сестрорецкий и Ижевский заводы предназначались для изготовления преимущественно огнестрельного оружия, а Златоустовский (Златоустовская оружейная фабрика) – холодного ([Оружейные заводы, 1898: 12](#)).

Рассмотрим некоторые факты из истории оружейных заводов, также позволяющие судить о существовании разных видов инноваций.

Для выпуска более новой винтовки (винтовки Мосина), для увеличения производительности (продуктивности) Тульского завода требовалась его реконструкция и закупка нового оборудования – новых станков, поэтому для «расширения завода был пристроен с правой его стороны двухэтажный каменный корпус, в нижнем этаже которого помещалась мастерская пушек Гочкиса и снарядов к ним. Для освещения завода установлено электрическое освещение» ([Оружейные заводы, 1898: 30](#)). Мастера Тульского завода командировались за границу с целью изучения производства иностранного оружия, которое было испытано и принято на вооружение русской армии в те годы ([Оружейные заводы, 1898: 43](#)). Это можно отнести к организационным инновациям, которые еще называются организационно-управленческими. Использование электричества можно отнести к так называемым «сопутствующим»/применяемым инновациям, которые были разработаны и предложены в других областях промышленности и применены для развития отечественного оружейного производства.

В описании завода отмечается, что в 1892 и 1893 годах начинается установка машинной разработки частей 3-линейного ружья, а в 1896 году отмечается наибольшая производительность Тульского оружейного завода и наибольшая продуктивность работы благодаря опытности и навыкам, приобретенным мастерами завода ([Описание Императорского..., 1901: 19](#)).

О наличии технических и/или технологических инноваций можно судить по следующему описанию Сестрорецкого завода. На Сестрорецком заводе пользовались водяной силой, для чего река Сестра была запружена для образования водохранилища ([Оружейные заводы, 1898: 48-49](#)). Для приведения в действие всех станков завода (875 станков) в 1890-годах, для постоянной работы без остановок, заводу требовалось использование дополнительной силы. В распоряжении завода находилось: 1) 320 водяных сил (турбины); 2) 230 паровых сил, из которых 150 сил отделялось для электрического освещения; 3) 56 газовых сил (газомоторы); 4) 50 электрических сил (электромоторы) ([Оружейные заводы, 1898: 50](#)).

Об организационно-управленческих инновациях на Сестрорецком заводе также свидетельствует следующий факт: «в день средним числом выходило около 200 ружей, так что на каждое ружье приходится только 7 рабочих. Однако если бы этим семи рабочим предоставить все станки завода, они одни могли бы одно ружье сделать только лишь за 15 дней. Почему же спрашивается в первом случае такой успех? Причина кроется в разделении труда» ([Оружейные заводы, 1898: 52](#)). При этом авторы утверждают, что нигде больше нет такого совершенного разделения труда, как на оружейных заводах ([Оружейные заводы, 1898: 52](#)).

Ижевский оружейный завод изготовлял еще и сталь для стволов и частей ружей, а также и сорта инструментальной стали для технических учреждений артиллерийского ведомства. Сталь Ижевского завода на испытаниях была признана не хуже заграничной стали, и все оружейные заводы перешли на ижевскую инструментальную сталь ([Оружейные заводы, 1898: 61](#)).

Также наличие технологических инноваций на Ижевском заводе иллюстрирует и следующее описание: ижевский завод был не только единственным в России заводом, где изготовлялась сталь для ручного огнестрельного оружия, но и в самом производстве стали было выработано на заводе много приемов и способов выделки, «характерно отличающих его работу и изделия от доставляемых другими сталелитейными заводами» ([Оружейные заводы, 1898: 72](#)). При заводе наряду с химической и механической лабораториями для проведения разного рода исследований металлов была устроена и лаборатория для микрофотографии. Полученные в ней снимки позволяли сделать интересные научные выводы относительно строения разных сортов стали ([Оружейные заводы, 1898: 86-87](#)).

Про Златоустовскую фабрику есть следующие сведения: «в начале 1880-х годов на фабрике заменили ковку клинков прокаткой их в специальных валках, а также, для достижения равномерного нагрева их перед закалкой, ввели в употребление свинцовые ванны, что уменьшило собою количество брака и одновременно подняло качество клинков» ([Фабрично-заводская..., 1896: 99](#)). Также на фабрике заменили литую тигельную сталь на мартеновскую и для отделки клинков применили точильные станки с наждачными кружками, ввели штамповку медного прибора к оружию и механическую обработку деревянных ножей ([Фабрично-заводская..., 1896: 99](#)). Все это указывает на улучшающие инновации в технологии изготовления холодного оружия.

Стоит отметить, что развитие нашего оружейного производства – это непрерывающиеся инновации (разработки) как отечественных изобретателей, мастеров и др., так и зарубежных, а также адаптация, усовершенствование, модернизация существующего оружия разного производства.

Рассмотрим еще один вид инноваций на примере оружейных заводов – это социальные инновации, которые оказывали влияние и на производительность труда рабочих заводов.

Для улучшения быта рабочих Тульского оружейного завода была учреждена ссудо-сберегательная касса и открыта бесплатная читальня ([Оружейные заводы, 1898: 30](#)). Организация досуга рабочих Сестрорецкого завода с целью борьбы с пьянством и праздноностью выглядела следующим образом: было создано благотворительное общество, открылась бесплатная народная читальня, школы, больницы, был организован народный хор, а также народная труппа, оркестр рабочих и пр. ([Оружейные заводы, 1898: 56-59](#)). При Ижевском заводе находились ремесленная школа, народное училище, лазарет, аптека. Там проживал земский врач ([Оружейные заводы, 1898: 88](#)).

Немного позже в Отчете И.А. Крылова по результатам его командировки за границу в 1904 году на заводы Германии, Франции и Бельгии с целью изучения разных образцов оружия рассматриваются и сравниваются немецкий (способ Маркотти), американский и английский, французский, шведский, новейший немецкий (способ Белера) и русский способы производства оружейных стволов. Например, русский способ Ижевского завода описывается следующим образом: «заключает в себе умеренную наклепку и ковку с последующим отжигом обыкновенной углеродистой стали ($C = 0,4$) и тепловую обработку сверленных черновых ствольных болванок. Тепловая обработка состоит в прогонке конопляного масла под большим давлением по каналу раскаленных, до требуемой температуры нагрева, начерно сверленных стволов. Ижевская обработка стволов наиболее рациональна, так как строение стенок в стволах при этом способе вполне отвечает распределению усилий в стенках стволов при выстреле: наибольший предел упругости получается в слоях ближайших к каналу» ([Крылов, 1906: 14 – 15](#)). Это нововведение можно обозначить как процессные инновации (инновации-процессы).

На основе краткого обзора винтовок, разработанных и используемых в разных европейских странах (Франции, Австрии, Германии, Италии), были сделаны выводы о том, что в российской винтовке отсутствуют все недостатки, выявленные в иностранных ружьях ([Мансуров, 1894: 6-11](#)) и, «оставаясь до последнего времени при Бердановской винтовке, изучая все касающееся современных перевооружений ..., мы выработали свое магазинное ружье, воспользовавшись опытами Запада» ([Мансуров, 1894: 12](#)). Это улучшающая инновация, а также инновация-продукт (или продуктовая инновация).

Во время своей командировки И.А. Крылов посетил оружейные заводы в разных странах, изучил деятельность различных заграничных лабораторий, рассмотрел различные способы изготовления стволов, методы анализа сплавов, сортов стали, применяемых при изготовлении оружия за границей. Они не были описаны в литературе, их «надо видеть самому» с целью

совершенствования отечественного оружейного производства (Крылов, 1906: 21). Также он провел тщательный сравнительный анализ того, как это делается за границей и на наших оружейных заводах (Ижевском, Тульском). Такая командировка поспособствовала внедрению инноваций на нашем производстве (здесь можно говорить об инновациях для отрасли внутри страны и в рамках оружейных заводов).

Интерес представляет еще и такой факт. По результатам проведенных испытаний разных изобретений для отечественного производства оружия специальной комиссией принималось решение о новизне предложений и их рациональности. Так, например, были предложены разными разработчиками ускорители, приспособленные к нашим винтовкам: «изобретение господина Брюшоллери состоит в ускорителе, приставляемом с левой стороны ствольной коробки ..... в этом изобретении Оружейный отдел не признал никакой новизны, напротив было признано, что оно представляется менее совершенным, чем ранее известные ускорители: Малкова, Ли, Маузера и других» (Юрлов, 1899: 28).

Во всех описаниях вооружения нашей армии тех лет в основном говорится об оружии зарубежного производства, которое дорабатывалось нашими мастерами, что свидетельствует об улучшающих инновациях. Так, например, в «Оружейном сборнике» №3 за 1880 год указывается на правительственное распоряжение о принятии для вооружения наших войск револьвера Смита-Вессона 3-го образца: «Государь Император в 23-й день февраля сего года Высочайше повелел соизволить: для вооружения всех наших войск принять, на будущее время, револьверы системы Смита-Вессона 3-го образца» (Оружейный сборник, 1880: 2). О доработках свидетельствует следующее описание револьвера: «первоначальный образец револьвера Смита-Вессона, с целью упрощения и улучшения системы, был изменен в некоторых составных его частях», «впоследствии времени в револьвере 2-го образца последовали также изменения в некоторых детальном его частях» (Револьверы системы..., 1882: 1-2). Или вот такое подтверждение доработки зарубежных образцов: абордажные пистолеты, которые были «заменены револьвером образца 1870 года, системы Галан, измененной и улучшенной морским техническим комитетом», в 1880 году были заказаны Тульскому оружейному заводу (Оружейные заводы, 1898: 3-4).

В «Военной энциклопедии» говорится о таком нововведении, как использование металлических патронов для винтовок: «инициатива перехода в России к металлическим патронам для винтовок принадлежит Императору Александру III, который в бытность Наследником, ознакомившись с системой лейтенанта Баранова, на свой риск и счет приказал переделать на заводе Путилова 10 000 винтовок» (Военная энциклопедия, 1911: 387).

О разработке (именно о разработке и его разработчиках) патрона очень мало сведений. «Боевой патрон состоит из гильзы с закраиной. В гильзу насыпается порох и вставляются пуля и капсюль» (Описание..., 1910: 68), – так описывается используемый патрон в Описании 3-линейной винтовки образца 1891 года. «Русский 7,62-мм (3-линейный) винтовочный патрон образца 1891 года имел гильзу бутылочной формы, изготовленную из латуни, с выступающим фланцем» (Чумак, 2007: 107). «Выступающий фланец перешел к гильзе нового русского винтовочного патрона как бы по наследству от австрийского винтовочного патрона-прототипа» (Чумак, 2007: 107). В описании данного патрона практически везде говорится о том, что для оболочки пули был выбран мельхиор (История материальной..., 1904: 314-315), который в отличие от стальной и медной оболочек, применяемых ранее, был более жестким и не был подвержен коррозии, что также указывает на определенную инновацию (по сути, микроинновацию) в изготовлении отечественных патронов.

5. Заключение

В соответствии с поставленной целью исследования были найдены и описаны примеры разных типов инноваций, используемых в отечественном оружейном производстве в период 1880–1890 годов, от самых, казалось бы, незначительных инноваций, таких как спектакли для рабочих с целью организации их досуга, до масштабных, изменивших всю технологию оружейного производства (например, появление в мире бездымного пороха или станочного оборудования). В целом были рассмотрены разные нововведения, способствующие развитию российского оружейного производства в дореволюционный период времени.

Стоит отметить, что тип/вид инновации определяется достаточно условно, так как для этого не хватает полноценных сведений о том, как разрабатывалась инновация: на основе каких-то других разработок или с нуля, применялась вообще впервые у нас или были аналоги за рубежом и пр.

Также причиной условного определения инноваций служит отсутствие единой универсальной классификации инноваций (как практически и во всех областях науки), поэтому интерпретировать то или иное нововведение можно по-разному в зависимости от разных факторов и одновременно отнести к разным типам инноваций, например, улучшающие инновации-продукты для оружейного завода. К тому же классификации инноваций стали появляться гораздо позже рассматриваемого периода времени.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод: инновации (нововведения) были, есть и будут, без этого невозможно никакое движение вперед, никакое любое развитие (развитие промышленности, развитие общества, цивилизации) даже при отсутствии этого термина или

замене его другим. Поэтому развитие рассматривается как непрерывный процесс «производства» новаций (новшеств) и внедрения этих новшеств – инноваций (нововведений). Развитие – это и есть новации и инновации.

Литература

- Балашов, 2011** – Балашов А.М. Инновации дореволюционных предпринимателей // *Теория и практика общественного развития: научный журнал*. 2011. № 6. С. 269-271.
- Беляев, 2007** – Беляев И. Особенности оружейного производства в дореволюционной России // *Калашников*. 2007. № 8. С. 72-75.
- Бенда, 2020** – Бенда В.Н. Оружейная промышленность России в период военных реформ 60 – 70-х годов XIX столетия // *Преподаватель XXI век*. 2020. № 2, ч. 2. С. 221-235.
- Военная энциклопедия, 1911** – Военная энциклопедия / Под ред. Ген. штаба полк. В.Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А.В. фон Шварца [и др.]. Т.4. Санкт-Петербург: Т-во И.Д. Сытина, 1911. 646 с.
- Гребенкин, 2022** – Гребенкин А.Н. Разработка концепции охраны его императорского величества в 1881 г. // *Гуманитарные исследования Центральной России*. 2022. № 1 (22). С. 29-39. DOI: 10.24412/2541-9056-2022-122-29-39
- Грэхэм, 2014** – Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России; пер. с англ. Юлии Константиновой. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 272 с.
- Дроздова, 2009** – Дроздова Е.Е. Изобретательство на оружейных заводах военного ведомства России во второй половине XIX в. – 1914 г. // *Вестник Южного научного центра РАН*. 2009. Т. 5. № 3. С. 145-149.
- История материальной..., 1904** – История материальной части артиллерии / Сост. полк. А. Нилус, пом. инспектора классов Михайловск. арт. училища, штатный воен. препод. Михайлов. арт. акад. Т. 2. История материальной части полевой артиллерии XIX века. Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1904. 490 с.
- История Тульского..., 1973** – История Тульского Оружейного Завода. 1712 – 1972. М.: «Мысль», 1973. 494 с.
- Крылов, 1906** – Крылов И.А. Отчет о командировке за границу. Санкт-Петербург: типо-лит. Шредера, 1906. 134 с.
- Летопись жизни..., 1984** – Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева / [Р. Б. Добротин, Н. Г. Карпило, Л. С. Керова, Д. Н. Трифонов]; Отв. ред. А. В. Сторонкин. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. 517 с.
- Мансуров, 1894** – Мансуров Н.Н. Записки о 3-х линейной винтовке образца 1891 года и о сравнении ее с иностранными ружьями. Санкт-Петербург: тип. М-ва вн. дел, 1894. 18 с.
- Менделеев, 1949** – Менделеев Д.И. Сочинения. Т. 9. Пороха. 1949. 314 с.
- Менш, 2006** – Менш Г. Цунами на рынках капитала // *Экономические стратегии*. 2006. № 2 (44). С. 18-23.
- Оводков, 2018** – Оводков Н.А. К истории разработки первых отечественных магазинных винтовок 1880-х годов // *Военно-исторический журнал*. [Электронный ресурс]. URL: <http://history.milportal.ru/kistorii-razrabotki-pervyx-otechestvennykh-magazinnnykh-vintovok-1880-x-godov/?ysclid=lqxmojaez5883177068> (дата обращения: 03.01.2024).
- Описание Императорского..., 1901** – Описание Императорского Тульского оружейного завода / Сост. И.А. Крылов. Тула: тип. Губ. правл., 1901. 19 с.
- Описание..., 1910** – Описание 3-х линейной винтовки образца 1891 г. и 3-х линейного револьвера обр. 1895 г.: особое приложение к "Наставлению для обучения стрельбе из винтовок и револьверов". Санкт-Петербург: Военная типография, 1910. 109 с.
- Оружейные заводы, 1898** – Оружейные заводы: (Тульский, Сестрорецкий и Ижевский) / [Сергей Зыбин, Михаил Нехлюдов, Михаил Левицкий]. Кронштадт: типо-лит. Д.М. Комарова. 1898. 89 с.
- Оружейный сборник, 1880** – Оружейный сборник. Санкт-Петербург: В. Бестужев-Рюмин. 1880. № 3. 384 с.
- Плотников, 1992** – Плотников С.Е. Сначала был порох: Рассказы о стрелковом оружии. М.: Просвещение, 1992. 223 с.
- Правительственные распоряжения, 1891** – Правительственные распоряжения // *Оружейный сборник*. 1891. № 2. Официальный отдел. С. 1-7.
- Приказы по Военному ведомству ..., 1881** – Россия. Военное министерство. Приказы по Военному ведомству ... [по годам]. СПб., 1853-1917. ... 1881: № 1-242, 1138 с.
- Револьверы системы..., 1882** – Револьверы системы Смитта-Вессона, состоящие на вооружении русских войск / Сост. М. Эпихин. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1882. 153 с.
- Семенкова, 2013** – Семенкова Т. Г. Инновации министерства финансов России при императоре Александре II // *Актуальные вопросы современной науки*. 2013. № 25. С. 47-59.

- Словарь Академии Российской, 1793** – Словарь Академии Российской. Ч. 4. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук. 1793. 1272 с.
- Толковый словарь..., 1881** – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т.2. Санкт-Петербург; Москва. 1881. 807 с.
- Фабрично-заводская..., 1896** – Фабрично-заводская промышленность и торговля России: с приложением общей карты фабрично-заводской промышленности Российской Империи. Санкт-Петербург: Тип. И. А. Ефрона, 1896. 636 с.
- Федоров, 1911** – Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие: с атласом чертежей различных образцов ручного огнестрельного оружия, бывших на вооружении русской армии / гв. полк. В. Г. Федоров; печ. по распоряжению Гл. артиллерийского упр. Санкт-Петербург: Т-во худож. печати, 1911. 432 с.
- Чумак, 2007** – Чумак Р.Н. Русский 7,62-мм винтовочный патрон: история и эволюция. Санкт-Петербург: Атлант, 2007. 189 с.
- Широкоград, 1997** – Широкоград А.Б. Корабельная артиллерия Российского флота 1867-1922 // Приложение к журналу «Моделлист-конструктор». 1997. № 2 (14). С. 1-41.
- Шумпетер, 2008** – Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
- Юрлов, 1899** – Юрлов Н.И. Обзор опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г. // Оружейный сборник. 1899. № 2. Отд. I. С. 1-28.
- Яковец, 2004** – Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. Москва: Экономика, 2004. 437 с.
- Яковец, 2015** – Яковец Ю.В. Грамматика инноваций и стратегия инновационного прорыва. Пособие для молодых инноваторов. М.: МИСК, 2015. 43 с.
- Mensch, 1975** – Mensch G. Das Technologische Patt: Innovationen überwinden die depression. Frankfurt am Main: Umschau. Verlag, 1975. 287 s. [in German]
- Mensch, 1979** – Mensch G. Stalemate in technology: innovations overcome the depression. Cambridge, Mass.: Ballinger Publishing Company, 1979. 241 p.
- Oslo Manual, 2018** – Oslo Manual. Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation, 4th Edition. OECD Publishing, 2018. 256 p.
- Webster, 1828a** – Webster N. American Dictionary of the English Language, New York, 1828. Vol. 1. 1017 p.
- Webster, 1828b** – Webster N. American Dictionary of the English Language, New York, 1828. Vol. 2. 959 p.
- Webster's International..., 1907** – Webster's International Dictionary of the English Language (1907). London: George Bell & Sons Collection, 960 p.

References

- Balashov, 2011** – Balashov, A.M. (2011). Innovatsii dorevolyutsionnykh predprinimatelei [Innovations of pre-revolutionary entrepreneurs]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya: nauchnyi zhurnal*. 6: 269-271. [in Russian]
- Belyaev, 2007** – Belyaev, I. (2007). Osobennosti oruzheynogo proizvodstva v dorevolyutsionnoi Rossii [Features of weapons production in pre-revolutionary Russia]. *Kalashnikov*. 8: 72-75. [in Russian]
- Benda, 2020** – Benda, V.N. (2020). Oruzheynaya promyshlennost' Rossii v period voennykh reform 60 – 70-kh godov XIX stoletiya [The Russian arms industry during the period of military reforms of the 60 – 70s of the XIX century]. *Prepodavatel' XXI vek*. Ch. 2. 2: 221-235. [in Russian]
- Chumak, 2007** – Chumak, R.N. (2007). Russkii 7,62-mm vintovochnyi patron: istoriya i evolyutsiya [Russian 7.62mm rifle cartridge: history and evolution]. Sankt-Peterburg: Atlant, 189 p. [in Russian]
- Drozdova, 2009** – Drozdova, E.E. (2009). Izobretatel'stvo na oruzheinykh zavodakh voennogo vedomstva Rossii vo vtoroi polovine XIX v. – 1914 g. [Invention at the arms factories of the Russian military Department in the second half of the XIX century. – 1914]. *Vestnik Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN*. 5. 3: 145-149. [in Russian]
- Fabriчно-zavodskaya..., 1896** – Fabriчно-zavodskaya promyshlennost' i torgovlya Rossii: s prilozheniem obshchei karty fabriчно-zavodskoi promyshlennosti Rossiiskoi Imperii [Factory industry and trade of Russia: with the application of the general map of the factory industry of the Russian Empire]. Sankt-Peterburg: Tip. I. A. Efrona, 1896. 636 p. [in Russian]
- Fedorov, 1911** – Fedorov, V.G. (1911). Vooruzhenie russkoi armii za XIX stoletie: s atlasom chertezhei razlichnykh obraztsov ruchnogo ognestrel'nogo oruzhiya, byvshikh na vooruzhenii russkoi armii [Russian Russian army armament for the XIX century: with an atlas of drawings of various samples of handguns that were in service with the Russian army]. Gv. polk. V. G. Fedorov; печ. по rasporyazheniyu Gl. artilleriiskogo upr. Sankt-Peterburg: T-vo khudozh. pechati, 432 p. [in Russian]
- Grebenkin, 2022** – Grebenkin, A.N. (2022). Razrabotka kontseptsii okhrany ego imperatorskogo velichestva v 1881 g. [Development of the concept of protection of his Imperial Majesty in 1881]. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noi Rossii*. 1(22): 29-39. DOI: 10.24412/2541-9056-2022-122-29-39 [in Russian]

- Grekhem, 2014** – *Grekhem, L.* (2014). Smozhet li Rossiya konkurirovat'? Istoriya innovatsii v tsarskoi, sovetskoi i sovremennoi Rossii [Will Russia be able to compete? The History of Innovation in Tsarist, Soviet and Modern Russia]; per. s angl. Yulii Konstantinovoi. Moskva: Mann, Ivanov i Ferber, 272 p. [in Russian]
- Istoriya material'noi..., 1904** – Istoriya material'noi chasti artillerii [The history of the material part of the artillery]. Sost. polk. A. Nilus, pom. inspektora klassov Mikhailovsk. art. uchilishcha, shtatnyi voen. prepod. Mikhailov. art. akad. T. 2. Istoriya material'noi chasti polevoi artillerii XIX veka. Sankt-Peterburg: tip. P.P. Soikina, 1904. 490 p. [in Russian]
- Istoriya Tul'skogo..., 1973** – Istoriya Tul'skogo Oruzheinogo Zavoda [The History of the Tula Arms Factory]. 1712 – 1972. M.: «Mysl'», 1973. 494 p. [in Russian]
- Krylov, 1906** – *Krylov, I.A.* (1906). Otchet o komandirovke za granitsu [Report on a business trip abroad]. Sankt-Peterburg: tipo-lit. Shredera, 134 p. [in Russian]
- Letopis' zhizni..., 1984** – Letopis' zhizni i deyatel'nosti D. I. Mendeleeva Chronicle of the life and work of D. I. Mendeleev]. [R. B. Dobrotin, N. G. Karpilo, L. S. Kerova, D. N. Trifonov]; Otv. red. A. V. Storonkin. Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie, 1984. 517 p. [in Russian]
- Mansurov, 1894** – *Mansurov, N.N.* (1894). Zapiski o 3-kh lineinoy vintovke obraztsa 1891 goda i o sravnenii ee s inostrannymi ruzh'yami [Notes on the 3-line rifle of the 1891 model and its comparison with foreign rifles]. Sankt-Peterburg: tip. M-va vn. del, 18 p. [in Russian]
- Mendeleev, 1949** – *Mendeleev, D.I.* (1949). Sochineniya [Writings]. T. 9. Porokha. 314 p. [in Russian]
- Mensch, 1975** – *Mensch, G.* (1975). Das Technologische Patt: Innovationen überwinden die depression. Frankfurt am Main: Umschau. Verlag, 287 p. [in German]
- Mensch, 1979** – *Mensch, G.* (1979). Stalemate in technology: innovations overcome the depression. Cambridge, Mass.: Ballinger Publishing Company, 241 p.
- Mensh, 2006** – *Mensh, G.* (2006). Tsunami na rynkakh kapitala [Tsunami in the capital markets]. *Ekonomicheskoe strategii*. 2(44): 18-23. [in Russian]
- Opisanie Imperatorskogo..., 1901** – Opisanie Imperatorskogo Tul'skogo oruzheinogo zavoda [Description of the Imperial Tula Arms Factory]. Sost. I.A. Krylov. Tula: tip. Gub. prav., 1901. 19 p. [in Russian]
- Opisanie..., 1910** – Opisanie 3-kh lineinoy vintovki obraztsa 1891 g. i 3-kh lineinogo revol'vera obr. 1895 g.: osoboe prilozhenie k "Nastavleniyu dlya obucheniya strel'be iz vintovok i revol'verov" [Description of a 3-line rifle of the 1891 model and a 3-line revolver of the 1895 model: a special appendix to the "Manual for teaching shooting from rifles and revolvers"]. Sankt-Peterburg: Voennaya tipografiya, 1910. 109 p. [in Russian]
- Oruzheinye zavody, 1898** – Oruzheinye zavody: (Tul'skii, Sestroretskii i Izhevskii) [Armory factories]: (Tula, Sestroretsky and Izhevsk). [Sergei Zybin, Mikhail Nekhlyudov, Mikhail Levitskii]. Kronshtadt: tipo-lit. D.M. Komarova. 1898. 89 p. [in Russian]
- Oruzheinyi sbornik, 1880** – *Oruzheinyi sbornik*. Sankt-Peterburg: V. Bestuzhev-Ryumin. 1880. № 3. 384 p. [in Russian]
- Oslo Manual, 2018** – Oslo Manual (2018). Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation, 4th Edition. OECD Publishing, 256 p.
- Ovodkov, 2018** – *Ovodkov, N.A.* (2018). K istorii razrabotki pervykh otechestvennykh magazinnykh vintovok 1880-kh godov [To the history of the development of the first national magazine rifles of the 1880s]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. [Electronic resource]. URL: <http://history.milportal.ru/k-istorii-razrabotki-pervyx-otchestvennyx-magazinnyx-vintovok-1880-x-godov/?ysclid=lqxmjaez5883177068> (date of access: 03.01.2024). [in Russian]
- Plotnikov, 1992** – *Plotnikov, S.E.* (1992). Snachala byl porokh: Rasskazy o strelkovom oruzhii [First there was gunpowder: Stories about small arms]. M.: Prosveshchenie, 223 p. [in Russian]
- Pravitel'stvennye rasporyazheniya, 1891** – Pravitel'stvennye rasporyazheniya [Government orders]. *Oruzheinyi sbornik*. 1891. № 2. Ofitsial'nyi otdel. Pp. 1-7. [in Russian]
- Prikazy po Voennomu vedomstvu ..., 1881** – Rossiya. Voennoe ministerstvo. Prikazy po Voennomu vedomstvu ... [po godam] [Russia. The Ministry of War. Orders for the Military Department ... [by year]]. SPb., 1853-1917. ... 1881: № 1-242, 1138 p. [in Russian]
- Revol'very sistemy..., 1882** – Revol'very sistemy Smitta-Vessona, sostoyashchie na vooruzhenii russkikh voisk Smith-Wesson revolvers in service with Russian troops]. Sost. M. Epikhin. Sankt-Peterburg: Gos. tip., 1882. 153 p. [in Russian]
- Semenkova, 2013** – *Semenkova, T.G.* (2013). Innovatsii ministerstva finansov Rossii pri imperatore Aleksandre II [Innovations of the Ministry of Finance of Russia under Emperor Alexander II]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki*. 25: 47-59. [in Russian]
- Shirokorad, 1997** – *Shirokorad, A.B.* (1997). Korabel'naya artilleriya Rossiiskogo flota 1867-1922 [Naval artillery of the Russian Navy 1867-1922]. *Prilozhenie k zhurnalu «Modelist-konstruktor»*. 2(14): 1-41. [in Russian]
- Shumpeter, 2008** – *Shumpeter, I.A.* (2008). Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy]: per. s angl. M.: Eksmo, 864 p. [in Russian]

- [Slovar' Akademii Rossiiskoi, 1793](#) – Slovar' Akademii Rossiiskoi [Dictionary of the Russian Academy]. Ch. 4. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. 1793. 1272 p. [in Russian]
- [Tolkovyi slovar'..., 1881](#) – Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dalya [Explanatory dictionary of the living Great Russian language by Vladimir Dal]. T.2. Sankt-Peterburg; Moskva. 1881. 807 p. [in Russian]
- [Voennaya entsiklopediya, 1911](#) – Voennaya entsiklopediya [Military Encyclopedia]. Pod red. Gen. shtaba polk. V.F. Novitskogo, voen. inzh. podpolk. A.V. fon Shvartsa [i dr.]. T.4. Sankt-Peterburg: T-vo I.D. Sytina, 1911. 646 p. [in Russian]
- [Webster, 1828a](#) – *Webster, N.* (1828). American Dictionary of the English Language, New York, Volume 1. 1017 p.
- [Webster, 1828b](#) – *Webster, N.* (1828). American Dictionary of the English Language, New York, Volume 2. 959 p.
- [Webster's International..., 1907](#) – Webster's International Dictionary of the English Language (1907). London: George Bell & Sons Collection, 960 p.
- [Yakovets, 2004](#) – *Yakovets, Yu.V.* (2004). Epokhal'nye innovatsii XXI veka [Epoch-making innovations of the XXI century]. Moskva: Ekonomika, 437 p. [in Russian]
- [Yakovets, 2015](#) – *Yakovets, Yu.V.* (2015). Grammatika innovatsii i strategiya innovatsionnogo proryva [The grammar of innovation and the strategy of innovative breakthrough. Handbook for young innovators]. Posobie dlya molodykh innovatorov. M.: MISK, 43 p. [in Russian]
- [Yurlov, 1899](#) – *Yurlov, N.I.* (1899). Obzor opytov, predshestvovavshikh perevooruzheniyu nashei armii 3-kh lin. vintovkami obr. 1891 g. [A review of the experiments that preceded the rearmament of our army of 3 lines. rifles mod. 1891]. *Oruzheinyi sbornik*. 2. Otd. I. Pp. 1-28. [in Russian]

Инновации в российском оружейном производстве в период 1880-х – 1890-х гг.

Юлия Борисовна Надточий^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть вопрос использования инноваций в оружейном производстве в дореволюционный период времени в России, в связи с чем изучаются примеры разных видов инноваций, как разрабатываемых, так и применяемых в отечественном оружейном производстве в период 1880-х – 1890-х годов, что и стало целью проведенного исследования.

В царской России понятие «инновация» не использовалось (отсутствовало), однако, как показало проведенное исследование, именно инновации (инновационные разработки, различные нововведения) способствовали и способствуют развитию отечественного оружейного производства (как и других видов производства) изучаемого периода времени.

Использованные при проведении исследования источники наглядно демонстрируют наличие разнообразных инноваций (при неупотреблении данного понятия) в дореволюционном оружейном производстве, выявленных с опорой на определенное содержание данного понятия, толкование которого в статье, в частности, рассматривается как в отечественных, так и в зарубежных словарях того периода времени.

В ходе проведенной работы определены и описаны некоторые примеры разных видов инноваций, используемых в оружейном производстве в Российской империи.

Ключевые слова: развитие производства, инновации, нововведения, новшества, изобретения, оружейное производство, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Yflnjxbq-7e@yandex.ru (Ю.Б. Надточий)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 302-311
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.302

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Political and Humanistic Role of Guljamal Khan during and after the Annexation of Merv to Russia

Илья И. Аминов ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

Dedicated to Guljamal Khan (um), a representative of the Turkmen tribe of Tekin, who played an important role in the socio-economic and political development of this part of Central Asia (the southern region of modern Turkmenistan) in the late XIX – early XX centuries. The article states that in the most difficult times for the Tekin tribe – the period of the military conquest of the Akhal (1881) and the annexation of the Merv (1884) oases by Russia, Guljamal, despite the traditional role of a silent housewife for a Turkmen woman who had no political rights, contributed to the decision of the council of tribal elders on the peaceful settlement and the establishment of Russian control in The Merv oasis. As a result, the long wars, economic and political instability on the Merv and then on the entire Turkmen land were put to an end. In the long-standing confrontation between the Russian Empire and Great Britain, Russia won for Central Asia and the Middle East. The study of the humanistic role of Guljamal was also able to reveal new gender facets of the First World War. Using the example of an empathetic reading of her messages (appeals) to the highest authorities of the Russian government, an attempt was made to reconstruct the attitude of the militant and courageous Tekin people to the Supreme Decree of June 25, 1916 on the mobilization of the foreign population of Central Asia for works on the construction of defensive structures in the area of the active army, the motives of the political and humanistic position of Guljamal, defended, as in the years the annexation of Merv to Russia, the ideals of goodness and justice, the right of its people to national and cultural identity, honor and dignity.

Keywords: Transcaspian region, Akhal-Teke and Merv oases, Guljamal Khan, Turkmens-teke, World War I, labor mobilization.

1. Введение

Среди памятных событий в истории взаимоотношений Российской империи и Туркмении, где роль женщины строгаише ограничивалась предписаниями Ислама и стояла в стороне от политики и общественной жизни, следует отметить награждение туркменки Гюльджамал 15 апреля 1909 г. в честь ознаменования 25-летия присоединения Мервского оазиса (ныне Марыйский велаят (область) современного Туркменистана) от лица русского императора Николая II – золотым перстнем с бриллиантовыми украшениями, с вензелевым изображением Высочайшего имени (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5087. Л. 9-11, 19-24). Столь щедрая признательность предназначалась преданной стороннице России, известной ханше, лично содействовавшей присоединению Мервского оазиса к России, не случайно. Ни один из центральноазиатских оазисов не имел в политическом отношении такого значения для Российской империи, как оазис Мерв (Древняя Маргиана), расположенный примерно в 600 км на юго-восток от южной оконечности Каспийского моря и в 300 км на север от Герата (Афганистан), так называемого «ключа к Индии».

* Corresponding author

E-mail addresses: aminovii@mail.ru (I.I. Aminov)

После военного покорения туркменского Ахалтекинского оазиса (Ахалтеке) генералом М.Д. Скобелевым и воцарением в этом регионе спокойствия, Мерв оставался «гнездом» разбойных нападений со стороны текинцев-туркмен, от которых страдала не только Центральная Азия, но и Персия (Иран). Окончательной расправе с мервскими разбойниками и дальнейшему продвижению русских войск к Афганистану препятствовала Британия, встревоженная падением в январе 1881 г. Геоктепинской крепости – цитадели антирусского сопротивления в Ахалтеке. Непрерывно усиливая антирусскую пропаганду, направляя в Мерв своих многочисленных агентов, представители английской военно-политической разведки стремились влиять на мервских элит, в том числе на Гюльдзамал-хан для того, чтобы противодействовать возрастающему влиянию русских (Гелла, 2002: 23). Однако содействие со стороны этой женщины, стремившейся бескровно, посредством организованного созыва народного совета (генгеш¹) разрешить данный конфликт, а также умелые действия российских военных и дипломатов позволили в 1884 г. (Вестник Европы, 1904: 111) включить Мерв, а затем и другие, примыкавшие к нему оазисы Южного Туркменистана, в состав российского государства преимущественно договорным, то есть мирным путем (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5087. Л. 10). Присоединение Мервского оазиса к Российской империи и образование в составе Закаспийской области административной единицы – Мервского округа (в дальнейшем Мервского уезда), позволило России получить преимущество прямого сообщения между Каспийским морем и Аму-Дарьей, а, следовательно, и с Русским Туркестаном (см. Рисунок 1).

Рис. 1. Герб Мерва, утвержденный 22 октября 1908 г. (Свод законов Российской империи, № 31079)

Несмотря на противодействие со стороны Великобритании и Афганистана, Россия воспользовалась этим преимуществом, продолжила строительство на туркменской земле городов, Закаспийской железной дороги, вызывавшей восхищение всего мира. Благодаря своему центральному положению между Ахалом, Хивой и Бухарой, с одной стороны, Ираном и многими важными пунктами Афганистана – с другой, Мервский и другие оазисы Южного Туркменистана получили возможность включиться в российскую экономику и стать регионами стабильности, процветания и правопорядка (Герих, 1902). Для многочисленных туркменских племен (теке, йомуд, алили, салор, сарык) и других, ставших закаспийскими подданными Российской империи, было заложено основание будущей национальной государственности в советское (Туркменская ССР с 27 октября 1924 г.) и в постсоветское (с 26 октября 1991 г. Независимый (Нейтральный) Туркменистан) время.

2. Материалы и методы

Получить информацию по теме исследования помогли неопубликованные ранее материалы ЦГАТ – Центрального государственного архива Туркменистана (фонды 1, 97), хранящиеся с конца XIX столетия в Ашхабаде (Ашхабад, Туркменистан), РГВИА – Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация) (фонд 400), РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург, Российская Федерация) (Ф. ДП. IV д-во), включая отчеты и приказы, туркестанских и закаспийских администраторов, высших военных и

¹ Генгеш или маслахат (чрезвычайный маслахат) – общеплеменное собрание или совет старшин. В работах генгеша, созданного в Мерве 1 января 1884 г., принимали участие поручик М. Алиханов и майор милиции Махтумкули-хан. Краткое содержание речи Алиханова на этом собрании можно прочесть в работе Тихомирова, 1960: 149).

гражданских чиновников, касающихся исторического описания туркменских племен, их быта, верований, правовых обычаев, предпочтений и т.д.

На основе применения конкретно-исторического, структурного и системного методов исследования, автором сделаны выводы, актуальные для восполнения некоторых пробелов в российско-туркменских отношениях. Благодаря рефлексивно-эмпатическому прочтению посланий (обращений) ханши Мервского оазиса Гюльджамал в высшие органы российской власти автором была предпринята попытка реконструкции отношения воинственных и мужественных туркмен текинского племени к Высочайшему указу от 25-го июня 1916 г. о мобилизации инородческого населения Центральной Азии для работ по устройству оборонительных сооружений в районе действующей армии (а также политико-гуманистических мотивов Гюльджамал-хан), отстоявшей, как и в годы присоединения Мерва к России, идеалы добра и справедливости, право своего народа на национально-культурную самобытность, честь и достоинство.

3. Обсуждение

Тема мирного присоединения Россией Мервского оазиса и последующих, связанных с этим присоединением событий, активно изучаются историками уже более 140 лет. Однако, если в имперский период больше писалось о благожелательном отношении туркменского народа к установлению в Мерве российской власти (Алиханов-Аварский, 1904; Чарыков, 1914; Череванский, 1896: 161-168¹), в советский период – о колонизаторских целях политики царизма в Туркмении, его насильственных методах (Павленко, 1932: 34-35), то в последние годы внимание ученых акцентируется на влиянии жизненных приоритетов отдельной личности на историческую судьбу своего народа. Так, если имя Гюльджамал-хан лишь фрагментарно упоминалось в архивных источниках на фоне военно-дипломатических действий Российской империи в Туркмении (РГВИА. Ф. 400. Д. 8. Л. 50-59; 73-74; РГВИА. Ф. 400. Д. 59, 1888 г. Л. 1-2; ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5087. Л. 12-15; ЦГАТ. Ф. 97. Оп. 1, Д. 259. Л. 95; РГИА СПб. Ф. ДП. IV д-во. Д. 130. Ч. 1. Т. 2. 1916 г. Л. 63-66 и другие), в воспоминаниях очевидцев (Алиханов-Аварский, 1904; Чарыков, 1914), в монографической (Тихомиров, 1960: 86, 147, 148, 160, 183, 218) литературе, то в настоящее время прослеживается интерес к прижизненной позиции Гюльджамал-хан, той политико-гуманистической роли, которую ей удалось сыграть в истории своего народа, его национальной государственности (Атдаев, 2023: 55-63; Котюкова, 2016: 357-358; Почекаев, 2021: 161-168 и другие).

Вместе с тем биографические сведения о Гюльджамал и в настоящее время крайне скудны. Известно, что родилась она в 1836 г.; дата смерти точно не установлена (примерно 1919 г.). Дважды была замужем. После второго замужества проживала с сыном Юсуп-ханом в Мервском уезде между городами Мары и Байрам-Али (Революционное движение..., 1946). При завоевании Мервского края добровольно вместе со своим народом перешла в русское подданство. В силу этого обстоятельства получила безграничный кредит доверия со стороны русского правительства, была уважаема и популярна среди текинцев-туркмен и некоренного населения Закаспийской области (см. Рисунок 2).

Несколько больше известно о членах семьи Гюльджамал:

- втором муже – Нурберды-хане (умер в 1880 г.), предводителе туркмен Мервского и Ахалского оазисов, носившем титул Хан Ханов, легендарном вожде, дважды разбивавшем регулярные иранские войска, главном организаторе ахал-текинского сопротивления русской военной экспедиции (1879–1880);

Рис. 2. Русская и текинская элита Закаспия. В центре Гюльджамал – вдова Нурберды-хана. Крайний слева – их сын Юсуп-хан. г. Мерв, 1887 г.

¹ В романе Череванского (1896) Гюльджамал легко узнается в образе Улькан-ханум.

- пасынке – Махтумкули-хане (ок. 1848–1923), защитнике Геоктепинской крепости (1881), ставшем впоследствии благодаря сотрудничеству с Россией подполковником колониальной милиции, депутатом Государственной Думы второго созыва от населения Закаспийской области, некоторое время занимавшем пост исполняющего обязанности начальника Тедженского уезда. Похоронен в Геок-тепе, в гробнице отца Нурберды-хана (Кадыров, 2001: 206);

- сыне Магомед Юсуф-хане – одном из четырех соправителей мервского народа, майоре колониальной милиции, кавалере орденов Анны и Станислава 3-й степени (ЦГАТ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 259. Л. 95) и т.д.

Унаследовав от покойного мужа в 1880 г. ханский титул, Гюльджамал оставалась влиятельной и уважаемой личностью и после присоединения Мерва к России. С ней считались старейшины не только текинских, но и других туркменских родов. Об этом хорошо знали в Петербурге, Лондоне, Берлине. Ее трогательно-материнская забота о своем народе и одновременно взвешенные в условиях неопределенности и риска предостережения российских властей смогли минимизировать последствия крупного вооруженного восстания среди туркмен в годы Первой мировой войны. Причиной тому стал Высочайший указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации инородческого населения Средней Азии для работ по устройству оборонительных сооружений в районе действующей армии (Собрание узаконений..., 1916).

События, связанные с мобилизацией инородцев Центральной Азии, свидетельствуют, что весть о наборе рабочих мгновенно разнеслась и взбудоражила все аулы Закаспия. Установив вдоль Закаспийской железной дороги «словесный телеграф», туркмены, до конца не понимавшие целей этой мобилизации, выходили к каждому поезду для того, чтобы узнать, что думают другие о тревожных новостях, а главное – сообщить соплеменникам решения сходов своих аулов: «рабочих для фронта не давать, из аулов не выпускать» (Восстание 1916 года в Туркмении, 1938: 55). Поскольку первыми о тыловых работах узнало коренное население Ахала и Мерва, к ханше для вынесения совместного решения в тот же день потянулись старейшины – почетные представители текинских родов...

4. Результаты

Свою позицию по вопросу трудовой мобилизации Гюльджамал-хан выразила в письменном обращении к начальнику Мервского уезда Закаспийской области (РГИА СПб. Ф. ДП. IV д-во. Д. 130. Ч. 1. Т. 2. 1916 г. Л. 63-66). В своей просьбе об освобождении текинцев от тыловых работ ханша привела обоснованные доводы со ссылками на укоренившиеся обычаи и традиции своего народа, игнорирование которых стало бы пагубным для его морально-психологического состояния и физического здоровья.

Согласно обычаю, существующему веками, текинцы, будучи преимущественно воинами, никогда не выполняли унижительных для себя земляных работ. Во все времена для рытья колодцев, канав и каналов нанимались пришлые рабочие из Персии и Афганистана. И с этим обычаем, как утверждала Гюльджамал, нельзя не считаться.

По суровым климатическим условиям тыл армии, растянувшийся на тысячи верст в северо- и юго-западных губерниях России, совершенно отличался от Закаспийской области. Непривычные к холодному климату текинцы, предостерегала Гюльджамал, оказались бы физически не в состоянии выполнять совершенно непривычную для них работу, что, в свою очередь, привело бы к массовой гибели. Принимая же во внимание значительные расходы, связанные с доставкой туркмен-текинцев на фронт из Закаспийской области, мобилизация туркмен не принесла бы стране должной пользы. Зная характер своих земляков, Гюльджамал предупреждала, что осознание бесплодности принесенной жертвы стало бы невыносимым и тяжелым гнетом для любого текинца.

В то же время отдать свой ратный труд, а если понадобится и саму жизнь за царя и родину, каждый текинец, по мнению Гюльджамал, был способен с гордостью и желанием. Свидетельство тому – кровь, пролитая в эту войну джигитами туркменского конного полка, набранного исключительно из добровольцев, для которых быть мужчиной означало быть одновременно и воином. Следовательно, все прочие стороны мужественности текинцев находились на периферии моральных ценностей этого этноса.

Экскурс в историю формирования воинских подразделений из текинцев с целью интеграции этнической элиты в российское общество свидетельствует о том, что данный вопрос поднимался за несколько лет до присоединения Мерва к России (Гундогдыев, 2012: 21). К первому опыту относится создание в 1881 г. личного конвоя начальника Закаспийской области генерала А.В. Комарова, в состав которого вошло 20 джигитов из местных жителей (Котюкова, 2016: 357-358). Далее это подразделение подверглось реорганизации, став отрядом временной конной милиции, затем отрядом туркменской конной милиции из лучших ахальцев и мервцев (1885), прославившихся в боях за Кушку с афганскими наемниками. В ноябре 1892 г. Туркменская милиция была преобразована в Туркменский конно-иррегулярный дивизион (см. рис. 3), а в январе 1911 г. – Туркменский конный дивизион (ПСЗРИ-3. Т. 31 (1911). Ч. 1. СПб., 1914. № 34725: 43-44), присягнувший на верность престолу, то есть царской службе.

Рис. 3. Воины Туркменского конно-иррегулярного дивизиона. 1896 г.
Фотограф А.С. Луарсабов

30-го июля 1914 г., на следующий день после начала Первой мировой войны, Туркменский конный дивизион, вошедший в состав 11-й кавалерийской дивизии, был реорганизован в добровольческий *Туркменский конный полк*. Это формирование было экипировано на средства коренного населения Закаспийской области (Кузьмин, 1997: 14). Через два с половиной месяца участия в боевых действиях в полку, насчитывавшем 627 бойцов, 67 человек стали кавалерами Георгиевского креста, свыше 70-ти бойцов награждены медалями «За храбрость», орденами Святой Анны и Святого Станислава. Полк заслужил славу непобедимого (Гундогдыев, 2005), а его полковая святыня – штандарт – по сей день хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге (Андреев, 2014: 161-169).

Под командованием полковника С.П. Зыкова (см. Рисунок 4) текинцы прославились своими героическими молниеносными атаками. Они перехватывали инициативу в боях, обеспечивая тем самым победы в сражениях против австро-венгерских пехотных дивизий под Лодзью (14 ноября 1914 г.), Душлице-Дуже (23 ноября 1914 г.). Поскольку это подразделение состояло преимущественно из текинцев Мерва и Ахала, с 31-го марта 1916 г. оно стало называться *Текинским конным полком*. В крупнейшем Доброноуцком сражении в июне 1916 г. полк в 600 сабель уничтожил 2 тыс. и взял в плен более 3 тыс. солдат и офицеров противника (Лужбин, 2014: 243). Примечательно то, что в истории этого уникального подразделения не найти ни единого случая падения боеспособности, дезертирства, братания с противником и других нарушений воинской присяги (Лужбин, 2014: 241, 257). Желая лишь служить в конном полку среди текинцев, даже учитывая то, что эта привилегия распространялась лишь на этническую элиту, было значительно больше, нежели требовали нормы комплектования военного министерства.

Рис. 4. Текинский конный полк во главе с командиром полковником С.П. Зыковым (слева)

В самом же Закаспии, судя по тексту обращения Гюльджамал, мобилизационные мероприятия на тыловые работы среди непривилегированной части местного населения протекали не столь успешно. Одной из главных причин, по мнению ханши, стало то, что Указ от 25 июня 1916 г. распространялся на текинцев в возрасте от 19-ти до 30-ти лет, которые, будучи женатыми, имели несколько детей. Призыв же текинцев для нужд прифронтового тыла оставлял их жен в положении, не позволявшем заменить ни мужа, ни отца.

Поскольку законы и обычаи Шариата всегда ограничивали доступные для мусульманки сферы деятельности, отдаление от туркменской семьи мужской половины даже во имя защиты родины, по мнению Гюльджамал-хан, не привело бы к трансформации традиционной роли жены-туркменки. Другими словами, туркменка, в основе образа жизни которой было затворничество, не уподобилась бы русской женщине, не стала бы главой семьи, «решительной солдаткой», «героиней бытового фронта», рьяной защитницей семейных ценностей. Даже в условиях военного времени туркменка не посмела бы отлучиться на ближайший рынок, заговорить с посторонним мужчиной и т.д. Ей был доступен единственный вид труда – домашний. Даже продукцию собственных рук (кошмы, паласы, ковры) она сбывала через скупщиков. Все эти сложности, по утверждению Гюльджамал, не были женским капризом. Даже при денежной поддержке ушедшего на прифронтовые работы мужа женщина не смогла бы самостоятельно вести хозяйство, работать на производстве и в поле, содержать детей. Кроме того, текинские женщины не стали бы уважать и любить своих мужей меньше (больше) или сомневаться в их мужественности за то, что они не спешат принять участие в этой войне ([Восстание 1916 года, 1938: 134](#)). К тому же осознание того, что, уходя в тыл армии, текинцы оставляют, а точнее «бросают свои семьи на произвол судьбы», действовало на всех крайне угнетающе¹.

Убеждая в неприемлемости для текинцев мобилизационных трудовых мер, Гюльджамал прибегла к хозяйственным расчетам. Она предложила заменить работы в далеком тылу натуральной повинностью или другими работами в пределах Закаспия. Несмотря на то, что текинцы Мервского уезда в мирное время преимущественно были хлопководами, а уборка хлопчатника начиналась в августе, явка призванных в конце июля, по рассуждению Гюльджамал, стала бы экономически невыгодной для государства. Поскольку во время уборки хлопка в крае всегда ощущалась острая потребность в рабочих руках, уход 5-ти тыс. наиболее сильных и молодых работников невольно привел бы к тому, что сбор хлопка, имевшего важнейшее значение для нужд государственной обороны, остался бы незавершенным ([РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 24-25](#)). Вместе с тем, отмечалось ханшей, призыв 5-ти тыс. человек почему-то рассматривался правительством чем-то незначительным в плане количества. Но если в Мервском оазисе всего было кибиток около 25-ти тыс. с общим числом до 180-ти тыс. душ, среди которых 20 тыс. – мужчины, то получалось, что призыву подвергалось 12 % от общего числа мужчин, или 1/4 часть, причем самых молодых и сильных. Призыв текинцев к работам в тылу армии, делала вывод Гюльджамал, едва ли сможет привести к положительному результату, то есть увеличить число полезных рабочих. Между тем как для самих текинцев, так и для местного хлопководства призывная мера станет не просто обременительной, а неприемлемой ни с политической, ни с экономической точки зрения.

Далее Гюльджамал пыталась найти компромиссный выход из сложившегося положения. Отступая на время от анализа текста обращения Гюльджамал, отметим, что из-за острого недостатка пришлых (не местных) рабочих, большая часть которых была призвана в действующую армию, предприятия Закаспия пришли в упадок. Добыча нефти на о. Челекене к 1916 г. по сравнению с 1912 г. ([Нефтяное дело, 1918: 10](#)) сократилась в десять раз, значительно упала добыча соли, угля, серы. Многие предприятия были закрыты. Значительно сократилось рыболовство, охотничьи и другие промыслы. Несмотря на то что различного рода «добровольные» пожертвования на нужды фронта носили фактически обязательный характер², Гюльджамал во имя сохранения жизни, здоровья и семейного благополучия текинцев старалась убедить имперские власти вместо разверстки рабочих воспользоваться дополнительными силами и средствами мирного коренного населения. Говоря о нуждах государственной обороны и способах достижения скорой победы над врагом, Гюльджамал наряду с увеличением производства хлопка, шерсти, каракуля, кибиток, кошм предлагала следующее: организовать добровольные денежные пожертвования; реквизировать часть оставшихся лошадей, верблюдов, овец для транспортных и продовольственных нужд действующей армии; разработать новые месторождения серы высшего качества в пределах Асхабадского уезда (Дарваза) (там она имела в неисчерпаемых количествах); организовать доставку серы на железную дорогу и т.д.

В случае неотвратимости призыва на тыловые работы Гюльджамал просила хотя бы отсрочки для того, чтобы текинцы смогли освоиться и разобраться в совершенно новых для них понятиях,

¹ Более же взрослые мужчины призывного возраста рассуждали следующим образом: «сам не пойду и детей своих не отдам».

² Только в первые два года войны (1914–1915) было реквизировано у коренного населения Закаспийской области: лошадей – 6872, верблюдов – 12 805, арб – 299, кибиток – 1659, другого разного имущества на сумму свыше 200 тыс. рублей, наличными деньгами – 1 187 627 рублей. См.: [История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2: 378](#).

обсудить реализацию мобилизационного процесса без «вольного» толкования на местах. Время ей было необходимо и для того, чтобы убедить многочисленных текинцев, разбросанных по аулам, поверить в то, что не все проблемы можно решить за деньги в нужном для себя направлении, а главное в то, что в условиях военного времени отменялся пункт подписанного договора о добровольном присоединении Мерва к России (1884), согласно которому мервцы навсегда освобождались от личных повинностей.

В конце своего обращения Гюльджамал-хан как наиболее уважаемая представительница текинского племени выразила готовность лично подать настоящее прошение о замене работы в тылу армии высшему петроградскому руководству, а если потребуется, то и Его Императорскому Величеству. При этом она заверяла, что в любом случае будет просить население Мервского и других уездов Закаспия проявить преданность белому царю и беспрекословно подчиниться законным распоряжениям начальства ([Восстание 1916 года, 1938: 135](#)).

Однако обстановка, складывавшаяся в важнейших районах Закаспия, свидетельствовала об обратном. Протестное движение коренного населения против трудовой мобилизации неуклонно росло, принимая все более угрожающий характер.

Поскольку руководство уездов призвало старейшин предоставить рабочих 15 июля 1916 г. без достаточного времени на организацию подготовительных мер, в этот же день исполняющий должность начальника Закаспийской области генерал-майор Н.К. Калмаков телеграфировал в Ташкент о неизбежности применения насильственных действий: «К набору рабочих будет приступлено принудительно, так как добровольно туркмены их не дают, оказывая пока пассивное сопротивление» ([Восстание 1916 года, 1938: 133](#)).

Так, не явка текинцев Ахала и Мерва на пункты сбора вынудило Н.К. Калмакова направить в Мервский уезд сотню 2-го Семиреченского полка, взвод конно-горной батареи и роту пехоты; в Асхабадский уезд – роту 3-го запасного полка, конную сотню пограничной стражи, пулеметную команду и взвод конно-горной батареи. Несмотря на эти устрашающие меры, антимобилизационное движение в аулах продолжало расти.

Протесты усиливались и в других районах Закаспия. На аульных сходах Красноводского, Тедженского уездов единодушно постановлялось: рабочих для фронта не давать. Если же начальство выберет насильственное рекрутирование, сопротивляться вплоть до физической расправы над ним. Атмосферу накаляли к тому же слухи о том, что более зажиточной прослойке туркмен будет предоставлена возможность откупиться от набора за счет бедноты ([Восстание 1916 года, 1938: 135](#)).

Тедженский уездный начальник 22-го июля 1916 года сообщал, что волнения среди полукошачевого населения не стихают, положение серьезное. В депеше подчеркивалось, что аресты главарей возможны лишь при наличии достаточной силы ([Восстание 1916 года, 1938: 44](#)).

Ротмистр Серахской пограничной стражи 24-го июля докладывал, что незамедлительно вышел на усмирение взбунтовавшейся четырехтысячной толпы. Кровавопролития удалось избежать только благодаря полученной телеграмме об отсрочке набора, узнав о которой, собравшиеся без сопротивления разошлись ([Восстание 1916 года, 1938: 44](#)).

Мирное урегулирование назревавшего конфликта произошло благодаря отчаянному посланию из Мерва. В этот раз Гюльджамал обратилась к своему давнему знакомому – опытному военачальнику, администратору, знатоку Закаспийского края, бывшему начальнику Области (1890–1898), а на тот момент главнокомандующему армиями Северного фронта А.Н. Куропаткину. Называя происходящее «беспрецедентным несчастьем», она взмолилась ходатайствовать перед Его Императорским Величеством об отсрочке призыва до конца сбора урожая хлопка или иного срока, позволившего бы текинцам освоиться и распределить исполнение этой повинности согласно требованиям справедливости и нового, неизвестного ранее гражданского долга ([Сокол, 2016: 100-101](#)).

Не предполагая столь значимых для туркменского народа последствий, Куропаткин переадресовал экстренное письмо Гюльджамал-хан в Ставку начальнику штаба армии М.В. Алексееву, а копии – Военному и Внутренних дел министрам с просьбой доложить Государю свое ходатайство о снисхождении относительно призыва текинцев в качестве рабочей силы. Это ходатайство 22-го июля 1916 г. повлекло за собой совершенно неожиданные последствия. Куропаткин был назначен Туркестанским генерал-губернатором. После своего назначения он исполнил просьбу Гюльджамал-хан. Учитывая то, что текинцы несли боевую службу в составе элитной кавалерийской части русской армии – Текинском конном полку, было решено направлять соплеменников не на унижительное для них сооружение окопов и строительство дорог, а на охрану военных объектов: переправ, железнодорожных мостов, пунктов водоснабжения и связи ([Сокол, 2016: 100-101](#)). Таким образом, повстанческие выступления, как и прочие проявления социальной напряженности среди текинцев, были остановлены, а к осени 1916 г. и вовсе сошли на нет. Восстание затронуло Атрекский, Чикишлярский районы Закаспия и граничившую с ним Астрабатскую провинцию (Персия), где компактно проживали иные, не текинские туркменские кочующие племена.

5. Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что анализ письменных обращений Гюльджамал-хан к руководству Российской империи выявил интенцию автора и связанную с ней политико-гуманистическую направленность ее личности. Мотивы, заставившие ханшу обращаться к высокопоставленному начальству, могут быть поняты благодаря гармонии ее конвенционального «Я» с тремя ипостасями текинского племени – религиозной, этнической и социокультурной. Гюльджамал, остро осознавая ценность каждого человека, видела свое предназначение в незамедлительной помощи своему народу – защите любыми средствами его жизни, здоровья и семейного благополучия. В то же время письменные обращения Гюльджамал, несмотря на ее сильный рациональный характер и бесспорные лидерские качества, обрели форму верноподданнической мольбы о принятии эталонов традиционной туркменской семьи, осознании невозможности, бессмысленности в ней гендерных перемен даже в годы военного времени. Образ Гюльджамал-хан, дважды внесшей достойную лепту в стабилизацию непростой обстановки в Мервском оазисе, и в настоящее время воспринимается как пример бесстрашной защитницы своего народа, миротворицы и провозвестницы внешнеполитического курса современного Нейтрального Туркменистана, гарантирующего развитие мирных, дружественных отношений со всеми государствами мира, утверждение высших идеалов человечества, возможность жить, трудиться и воспитывать молодое поколение в духе национального самосознания и народных традиций.

Литература

- [Алиханов-Аварский, 1904](#) – Алиханов-Аварский М. Закаспийские воспоминания. 1881-1885 // *Вестник Европы*. 1904. № 9. С. 70-79.
- [Андреев, 2014](#) – Андреев А.А. Туркмены в первой мировой войне: текинский конный полк // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2014. Т. 10. № 2. С. 161–169.
- [Атдаев, 2023](#) – Атдаев С.Д. Легко ли быть ханом? / *Традиционные общества: неизвестное прошлое: Материалы XIX Международной научно-практической конференции, Челябинск, 24–25 мая 2023 года* / Редколлегия: П.Б. Уваров (гл. ред.), А. Е. Бушуева, Н.И. Тахиров, Д.В. Чарыков. Челябинск, 2023. С. 55-63.
- [Восстание 1916 года, 1938](#) – Восстание 1916 года в Туркмении (документы и материалы). Ашхабад, 938. 319 с.
- [Гелла, 2002](#) – Гелла Т.Н. Россия и Германия во внешнеполитических планах английских политических кругов на рубеже XIX-XX вв. / *В сб. Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI – XX вв.* М., 2002. С. 243-251.
- [Герих, 1902](#) – Герих П. фон. Афганистан и его политическое значение. СПб., 1902. 63 с.
- [Гундогдыев, 2005](#) – Гундогдыев О. Ратные традиции туркмен // *Туркменистан*. Апрель. 2005. № 3. С. 14-20.
- [Гундогдыев, 2012](#) – Гундогдыев О. Боевой путь Текинского конного полка (1914-1918 гг.). Ашхабад, 2012. 216 с.
- [Кадыров, 2001](#) – Кадыров Ш. Российско-туркменский исторический словарь. В двух томах. Т. 1. Берген, 2001. 456 с.
- [Котюкова, 2016](#) – Котюкова Т.В. Окраина на особом положении...Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. 391 с.
- [Кузьмин, 1997](#) – Кузьмин Н. Генерал Корнилов: Роман-хроника. М., 1997. 510 с.
- [Лужбин, 2014](#) – Лужбин А.В. Действия русской конницы в сражениях Первой мировой войны. СПб., 2014. 397 с.
- [Нефтяное дело, 1918](#) – Нефтяное дело: издание Совета Съезда нефтепромышленников в Баку. Баку, 1899–1920.
- [Павленко, 1932](#) – Павленко П.А. Путешествие в Туркмению. М., 1932. 197 с.
- [Почекаев, 2021](#) – Почекаев Р.Ю. Общественная жизнь туркмен ахалтекинского оазиса в романе В.П. Череванского «Под боевым огнем» // *Уральский исторический вестник*. 2021. № 2(71). С. 161-168.
- [ПСЗРИ](#) – Полное собрание законов Российской империи Т. 31. (1911). Ч. 1. СПб., 1914. № 34725. С. 43–44.
- [РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
- [Революционное движение..., 1946](#) – Революционное движение в Туркмении в 1908-1917 гг. Сборник документов. Кн. 4. Составитель проф. А.Г. Соловьев/Под. ред. А.Г. Соловьева, Г.И. Карпова, Д.Ф. Масловец. Ашхабад-Москва, 1946. 275 с.
- [Собрание узаконений..., 1916](#) – Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отд. 1. № 182. От 6 июля 1916 г. Ст. 1747.
- [Сокол, 2016](#) – Сокол Э.Д. Восстание 1916 года в русской Центральной Азии. Бишкек, 2016. 191 с.
- [Тихомиров, 1960](#) – Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960. 239 с.
- [ЦГАТ](#) – Центральный государственный архив Туркменистана.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Чарыков, 1914](#) – Чарыков Н.В. Мирное завоевание Мерва (Из воспоминаний о походе генерала

А.В. Комарова в 1885 году) // *Исторический вестник*. 1914. № 11 (ноябрь). С. 73-80.

Череванский, 1896 – *Череванский В.П.* Под боевым огнем: ист. хроника: В 2 ч. / Вл. Череванский. СПб., 1896. 214 с.

References

- Alihanov-Avarskij, 1904** – *Alihanov-Avarskij, M.* (1904). Zakaspijskie vospominaniya. 1881-1885 [Transcaspian memories. 1881-1885]. *Vestnik Evropy*. 9: 70-79. [in Russian]
- Andreev, 2014** – *Andreev, A.A.* (2014). Turkmeny v pervoj mirovoj vojne: tekinskij konnyj polk [Turkmens in the First World War: Tekin Cavalry Regiment]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 10(2): 161-169. [in Russian]
- Atdaev, 2023** – *Atdaev, S.D.* (2023). Legko li byt' khanom? [Is it easy to be a khan?]. *Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe: Materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Chelyabinsk, 24–25 maya 2023 goda*. Redkollegiya: P.B. Uvarov (gl. red.), A. E. Bushueva, N.I. Takhirov, D.V. Charykov. Chelyabinsk, pp. 55-63. [in Russian]
- Charykov, 1914** – *Charykov, N.V.* (1914). Mirnoe zavoevanie Merva (Iz vospominanij o pohode generala A.V. Komarova v 1885 godu) [The peaceful conquest of Merv (From the memoirs of the campaign of General A.V. Komarov in 1885)]. *Istoricheskij vestnik*, 1914, Nr 11 (noyabr'), pp. 73-80. [in Russian]
- Cherevanskij, 1896** – *Cherevanskij, V.P.* (1896). Pod boevym ognem: ist. Hronika [Under live fire: historical chronicle]: V 2 ch. SPb., 214 p. [in Russian]
- Gella, 2002** – *Gella, T.N.* (2002). Rossiya i Germaniya vo vneshnepoliticheskikh planah anglijskikh politicheskikh krugov na rubezhe XIX-XX vv. [Russia and Germany in the foreign policy plans of British political circles at the turn of the XIX-XX centuries]. V sb. *Rossiya, Pol'sha, Germaniya v evropejskoj i mirovoj politike XVI – XX vv.* M., pp. 243-251. [in Russian]
- Gerih, 1902** – *Gerih, P. fon.* (1902). Afganistan i ego politicheskoe znachenie [Afghanistan and its political significance]. SPb., 63 p. [in Russian]
- Gundogdyev, 2005** – *Gundogdyev, O.* (2005). Ratnye tradicii turkmen [Military traditions of Turkmens]. *Turkmenistan*. April'. 3: 14-20. [in Russian]
- Gundogdyev, 2012** – *Gundogdyev, O.* (2012). Boevoj put' Tekinskogo konnogo polka (1914-1918 gg.) [The combat path of the Tekin Cavalry Regiment (1914-1918)]. Ashkhabad, 216 p. [in Russian]
- Kadyrov, 2001** – *Kadyrov, S.H.* (2001). Rossijsko-turkmenskij istoricheskij slovar' [Russian-Turkmen Historical Dictionary]. V dvuh tomah. Tom 1. Bergen, 456 p. [in Russian]
- Kotyukova, 2016** – *Kotyukova, T.V.* (2016). Okraina na osobom polozhenii...Turkestan v preddverii dramy [The outskirts are in a special position...Turkestan on the eve of the drama]. M., 391 p. [in Russian]
- Kuz'min, 1997** – *Kuz'min, N.* (1997). General Kornilov: Roman-hronika [General Kornilov: A novel chronicle]. M., 510 p. [in Russian]
- Luzhbin, 2014** – *Luzhbin, A.V.* (2014). Dejstviya russkoj konnicy v srazheniyah Pervoj mirovoj vojny: monografiya [Actions of the Russian cavalry in the battles of the First World War]. SPb, 397 p. [in Russian]
- Neftyanoe delo, 1918** – *Neftyanoe delo: izdanie Soveta S"ezda neftepromyshlennikov v Baku* [Oil business: publication of the Council of the Congress of Oil Producers in Baku]. Baku, 1899–1920. [in Russian]
- Pavlenko, 1932** – *Pavlenko, P.A.* (1932). Puteshestvie v Turkmeniyu [Travel to Turkmenistan]. M., 197 p. [in Russian]
- Pochekaev, 2021** – *Pochekaev, R.Yu.* (2021). Obshchestvennaya zhizn' turkmen ahaltekinskogo oazisa v romane V. P. Cherevanskogo «Pod boevym ognem» [The social life of the Turkmens of the Akhal-Teke oasis in V. P. Cherevansky's novel «Under Fire»]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2(71): 161-168. [in Russian]
- PSZRI** – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. T. 31. (1911). Ch. 1. SPB., 1914, Nr 34725, pp. 43-44. [in Russian]
- Revoljucionnoe dvizhenie..., 1946** – *Revoljucionnoe dvizhenie v Turkmenii v 1908-1917 gg.* [The revolutionary movement in Turkmenistan in 1908-1917]. Sbornik dokumentov. Kn. 4. Sostavitel' prof. A.G. Solov'ev. Pod. red. A.G. Solov'eva, G.I. Karpova, D.F. Maslovec. Ashkhabad-Moskva, 1946. 275 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- RGVIA** – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Sobranie zakonov..., 1916** – *Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate* [Collection of Laws and Government Orders issued under the Governing Senate], otd. 1, Nr 182, ot 6 iyulya 1916 g. St. 1747. [in Russian]
- Sokol, 2016** – *Sokol, E.D.* (2016). Vosstanie 1916 goda v russkoj Central'noj Azii [The 1916 Uprising in Russian Central Asia]. Bishkek: Res Publica, 191 p. [in Russian]
- Tihomirov, 1960** – *Tihomirov, M.N.* (1960). Prisoedinenie Merva k Rossii [Joining of Merv to Russia]. M., 239 p. [in Russian]
- TsGAT** – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Turkmenistana [Central State Archive of Turkmenistan].

[Vosstanie 1916 goda, 1938](#) – Vosstanie 1916 goda v Turkmenii (dokumenty i materialy) [The 1916 Uprising in Turkmenistan (documents and materials)]. Ashkhabad, 1938. 319 p. [in Russian]

Политико-гуманистическая роль Гюльджамал-хан во время и после присоединения Мерва к России

Илья Исакович Аминов ^{a,*}

^aМосковский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. Посвящается Гюльджамал-хан(ум) – представительнице туркменского племени текинцев, сыгравшей в конце XIX – начале XX века важную роль в социально-экономическом и политическом развитии этой части Центральной Азии (южный регион современного Туркменистана). В статье утверждается, что в самые трудные для текинского племени времена – период военного покорения Ахальского (1881) и присоединения Мервского (1884) оазисов Россией, Гюльджамал, несмотря на традиционную для туркменской женщины роль безмолвной домохозяйки, не имевшей политических прав, способствовала решению советом родовых старейшин вопроса о мирном урегулировании и установлении российского контроля в Мервском оазисе. В результате этого был положен конец длительным войнам, экономической и политической нестабильности на Мервской, а затем и на всей туркменской земле. В многолетнем противостоянии Российской империи и Великобритании Россия одержала победу за Центральную Азию и Средний Восток. Изучение политико-гуманистической роли Гюльджамал смогло также раскрыть новые гендерные грани Первой мировой войны. На примере эмпатийного прочтения ее посланий (обращений) в высшие инстанции российской власти предпринята попытка реконструкции отношения воинственных и мужественных текинцев к Высочайшему указу от 25-го июня 1916 г. о мобилизации инородческого населения Центральной Азии для работ по устройству оборонительных сооружений в районе действующей армии, мотивов, позиции Гюльджамал, отстаивавшей, как и в годы присоединения Мерва к России, идеалы добра и справедливости, право своего народа на национально-культурную самобытность, честь и достоинство.

Ключевые слова: Закаспийская область, Ахалтекинский и Мервский оазисы, Гюльджамал-хан, туркмены-текинцы(теке), Первая мировая война, трудовая мобилизация.

---

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: aminovii@mail.ru (И.И. Аминов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 312-324
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.312

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The History Image of the Fatherland in the Essays of the First Part of the First Volume in Edition “Zhivopisnaya Rossiya (“Picturesque Russia”)” (1881)

Natalia P. Koptseva ^{a, *}, Anna A. Shpak ^a, Yulia N. Menzhurenko ^a, Kenija A. Degtyarenko ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is an analysis of the historical concept that was used in the first part of the first volume of the 1881 edition of “Zhivopisnaya Rossiya”, under the general academician editorship by P.P. Semenov-Tien Shan. The importance of the multi-volume publication “Zhivopisnaya Rossiya” for the historical and cultural heritage of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries is indicated. The first part of the first volume – “Zhivopisnaya Rossiya”: consists of two large sections: “Northern Russia. The Far North and North-East of European Russia” and “Ozernaya and Ancient Novgorod region”, including 20 essays, with a large number of illustrations. The structure of the first part and first volume of “Zhivopisnaya Rossiya” is considered as a source that allows us to identify the main historical model elements used by its authors, highlights the main historical events significant for the image formation of the Fatherland for the historical essays authors creating them at the XIX century end. The authors of the first part of the first volume highlight the historical, cultural, economic and political aspects of the life of the peoples of the North and Northeast of Russia, emphasizing the importance of geographical, climatic conditions and socio-economic processes for understanding the specifics of the history of the Russian Empire, which is actively developing new territories. The special attention in their historical model is paid to historical information about the creation and development of monasteries, villages and towns, and their role in the socio-cultural, economic, and political development of the northern territories and Russia as a whole. The article focuses on the importance of Orthodoxy and the coexistence of many cultural groups involved in the formation of a complex Russian identity. It is pointed out the scale and multidimensional nature of the research underlying the historical model, which is based on the authors of the essays of the first part of the first volume, published in “Zhivopisnaya Rossiya” in 1881. In their understanding of history, the diversity and complexity of factors contributing to the development of the northern and northeastern territories are emphasized, and a positive historical image of the Russian Empire is created.

Keywords: “Zhivopisnaya Rossiya”, historical model, North, Northeast of European Russia, people's colonization, historical source.

1. Введение

Актуальность исследования издания «Живописная Россия» (1881) обусловлена источниковедческой ценностью изданий, которые носят комплексный характер, создавая достоверный исторический образ общественной жизни своей эпохи. История Российской империи охватывает историю всех народов, ее населяющих, и все стороны их бытия. Периодические издания как источники этнокультурной истории народов России, как правило, включали сначала этнографические заметки путешественников, а с момента становления Императорского Русского географического общества появляются отчеты региональных отделений этого общества.

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), annaheyy@gmail.com (A.A. Shpak), yulia-avdeeva2406@mail.ru (Yu.N. Menzhurenko), akseniya.krupkina@mail.ru (K.A. Degtyarenko)

Большинство образованных людей Российской империи считали своим долгом быть корреспондентами тех или иных периодических изданий, участвовать в общественных дискуссиях, сообщать те или иные сведения о местах, где они проживают. В связи с этим периодические издания входят в состав важнейших исторических источников по истории Отечества.

Публикации периодических изданий направлены на широкую аудиторию, для них характерно разнообразие жанров, глубина описаний, детальное изложение фактов и элементы художественной образности. С этим связана сложность анализа таких изданий и важность правильно подобранной методологической базы исследования.

Данная статья посвящена анализу 1 части 1 тома известнейшего издания «Живописная Россия», данная часть была издана под названием «Северная Россия. Север и Северо-Восток Европейской России. Озерная или Древне-Новгородская область» в 1881 г. Ранее это издание как исторический источник не исследовалось, хотя оно хорошо известно как выдающийся памятник русского издательского дела в связи с богатой иллюстрированностью издания и качественным изложением представленного историко-географического содержания.

2. Материалы и методы

1. Источниковая база данного исследования – том 1, часть 1 издания «Живописная Россия» 1881 г. Издание «Живописная Россия» в целом состоит из 19 книг, которые с 70-х гг. XIX века были подготовлены издательством «Товарищество М.О. Вольф» и в 1881–1901 гг. вышли в свет. Издание представляет собой всестороннее художественно-научное описание Российской империи под общей редакцией сенатора, вице-председателя Императорского Русского Географического Общества академика Петром Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским. Содержание иллюстрированных книг включает в себя не только географическое описание необъятных просторов Российской империи, но и представляет ее культуру, жизнедеятельность различных народов, населявших страну. В истории российского книгопечатания «Живописная Россия» считается одним из самых дорогих и качественных изданий, к созданию которого были привлечены лучшие ученые, литераторы, художники, фотографы, издатели. В 1900 г. при пожаре на книжном складе сгорел почти весь запас готовых томов и листов, восстановить которые по ряду причин было невозможно. На сегодняшний день издание является библиографической редкостью.

2. Методологической основой исследования является источниковедческий анализ данного исторического источника. Такой анализ позволяет исследовать изложенные факты, касающиеся событий, ключевых исторических личностей, территорий, народов и их традиционного устройства жизни Российской империи. Кроме того, это позволит выявить информационно-научный потенциал данного источника для историко-культурных исследований Российской империи конца XIX – начала XX вв.

Кроме того, в статье используется историко-системный метод, при котором определенная историческая действительность рассматривается как целостная система, складывающаяся из внутренних механизмов функционирования отдельных ее элементов. Этот метод позволяет выявить многочисленные факторы, способствующие формированию исторической модели, а также указать на проблемные области, которые необходимо учитывать в прогнозировании дальнейшего развития страны.

3. Обсуждение

Периодические издания являются значимыми историческими источниками, имеющими комплексную природу. Данное положение обосновывает историк и источниковед В.М. Рынков в работе «Периодическая печать: место в системе исторических источников»: «... периодика никогда не была и не станет видом исторических источников, а напротив, сама может содержать в себе источники всех видов» (Рынков, 2010: 46). К анализу периодической печати как комплексного исторического источника с точки зрения многоаспектности и расширения возможностей историографического метода обращались Д.И. Тушканов (Тушканов, 2017), Д.Л. Шереметьева (Шереметьева, 2014), Данилевский (Данилевский и др., 2015).

В исследуемый исторический период было выпущено в свет достаточное количество периодических изданий, задачей которых было всестороннее освещение истории Российской империи (Сын отечества, 1812–1852; Исторический вестник, 1880; Древняя и новая Россия, 1875–1881; Отечественные записки, 1818–1884; Русский архив, 1863–1917; Журнал для всех, 1895–1906; Природа и люди, 1889–1917). Эти журналы не ограничивались описанием исторических сведений, они собирали и освещали материалы из разных областей, затрагивающих политическую, экономическую, религиозную и социально-культурную жизнь Российской империи. Большое место занимали материалы по этнографии, фольклору и традиционной народной культуре, а также материалы литературно-библиографического характера.

На сегодняшний день в работах многих российских и зарубежных авторов можно увидеть использование изданий и журналов конца XIX – нач. XX века в качестве ключевых источников необходимой информации (Смирнов, 2018; Hardwick, 2012; Watson, 2015; Кискидосова, 2020; Koptseva, Reznikova, 2015; Koptseva et al., 2016; Koptseva et al., 2021; Koptseva et al., 2021a; Koptseva et al., 2022; Колесник, 2023; Sereckina, 2023, Сергеева, 2023; Омелик, 2023; Сертакова, Ситникова, 2022 и др.).

С.Г. Пяткова (Пяткова, 2017) представляет материалы журнала «Русская старина» как источник по истории политической ссылки в Сибирь. Этот журнал был оценен автором ввиду содержания в нем широкого круга исторических источников, а также текстов воспоминаний ссыльных и современников о ссылке.

А.Н. Кежутин (Кежутин, 2012) проводит комплексный анализ медицинской периодической печати, посвященной социальным болезням общества в дореволюционной России. И.В. Корнилова и Т.А. Магсумов (Корнилова, Магсумов, 2017) обратились к российской периодике для исследования истории женского образования в стране и происходящих вокруг этой проблематики общественных дискуссий.

В.Л. Нестерова (Нестерова, 2013) обращается к изучению отечественной женской периодической печати как транслятору истории повседневности XIX века. Такой анализ позволил воссоздать процесс трансформации социальных ролей женщины, который повлек за собой соответствующие изменения в обществе и типологические изменения в прессе.

И.С. Тахушева (Тахушева, 2020) рассматривает журнал «Современник» (1836–1866) как многоплановый исторический источник, который репрезентировал историю народов Северного Кавказа, транслируя не только их повседневную жизнь, но и традиции, обычаи, ментальные особенности, специфику политики, формы и методы интеграции Кавказа в состав России.

Н.П. Копцева, Д.С. Пчелкина, Ю.Н. Менжуренко и К.А. Дегтяренко (Копцева и др., 2022) берут за основу источниковедческого анализа издание «Сибирский сборник» (1886) для выявления ключевых концептов о Севере как уникальном регионе, для которого характерны специфические условия жизни и который населяют различные самобытные народы.

А.А. Ситникова, Н.М. Лещинская, Е.А. Сертакова и М.А. Колесник (Ситникова и др., 2022) исследуют материалы журнала «Сине-фоно» как источник по истории экранизации литературных произведений в России нач. XX в. Д.В. Иванова (Иванова, 2023) рассматривает журнал «Нива» как ценный исторический источник для изучения повседневной жизни населения.

Таким образом, анализ периодических изданий в качестве комплексных исторических источников в настоящее время развивается и признан современными исследователями в качестве достоверного исторического метода.

4. Результаты

Первая часть первого тома издания «Живописная Россия» за 1881 год состоит из двух разделов: «Северная Россия. Крайний Север и Северо-Восток Европейской России» в двенадцати очерках и «Озерная или Древне-Новгородская область» в восьми очерках с вступлением от издателя М. Вольфа и вступительным очерком Д.И. Иловайского. Авторами очерков двух разделов являются: С.В. Максимов, В.И. Немирович-Данченко, К.С. Мережковский, П.В. Охочинский, В.Н. Майнов, П.П. Семенов, Ив. Поляков, Н.И. Костомаров, Д. Аверкиев.

Оформление «Живописной России» (как это следует из ее названия) содержит большое количество иллюстративного материала, в том числе, обращает внимание оформление обложек и страницы с выходными данными (Рисунок 1, 2, 3). Именно обложка издания отражает его содержание и образно представляет историческую модель в значимых императорских символах: двуглавого орла, алого знамени, геральдических лилий в орнаменте, изображения знаков городов на знамени, листьев дуба. Изображения контурно имеют яркий золотой цвет. Суммарно данные символы обладают ясным для современников первого издания значением. Соединение таких символов в одном изображении означает мощь и единство Российской империи, подчеркивается ее историческое величие и стратегическое значение российских городов как ключевых точек развития и могущества страны. Двуглавый орел как герб символизирует власть императора над Востоком и Западом, алое знамя на золотом фоне в обрамлении дубовых листьев акцентирует силу, величие и богатство страны. Узловые точки на знамени репрезентируют важность городов в историческом и культурном наследии России.

Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920) во вступительной публикации к первому тому «Живописной России» 1881 года (Рисунок 4) повествует об истории возникновения и развития русского государства (Живописная Россия, 1881: 10). Известный историк, являясь автором положений о происхождении русского государства, отличных от представлений о скандинавском происхождении русов и основной роли скандинавов в создании первых государств восточных славян, отмечает: «Русское имя появилось на скрижалях истории» в 94 году до н.э., когда войска понтийского царя Митридата VI разбили роксолан – народ, тождественный, по мнению автора, росам, русам. Сведения об этих событиях были зафиксированы древнегреческим историком и географом Страбоном, на него и ссылается Д.И. Иловайский. Он рассматривает особенности формирования древнерусского государства, отмечая последовательную необходимость расширять территорию, двигаясь на север и северо-восток, и наращивать торгово-экономические, внешнеполитические, промышленные силы.

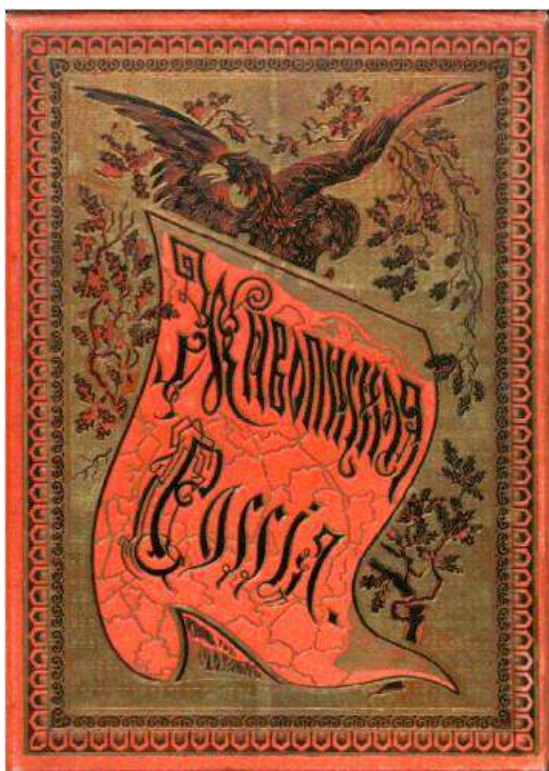

Рис. 1. Обложка издания «Живописная Россия» 1881 года (том 1, часть 1)

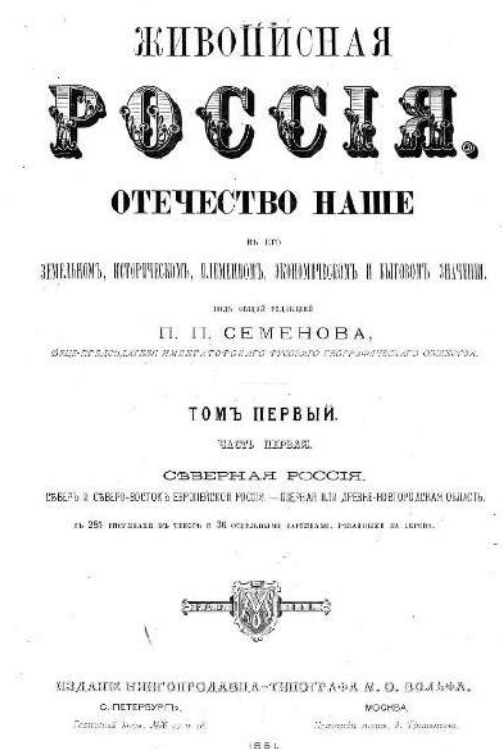

Рис. 2. Выходные данные издания «Живописная Россия» 1881 года (том 1, часть 1)

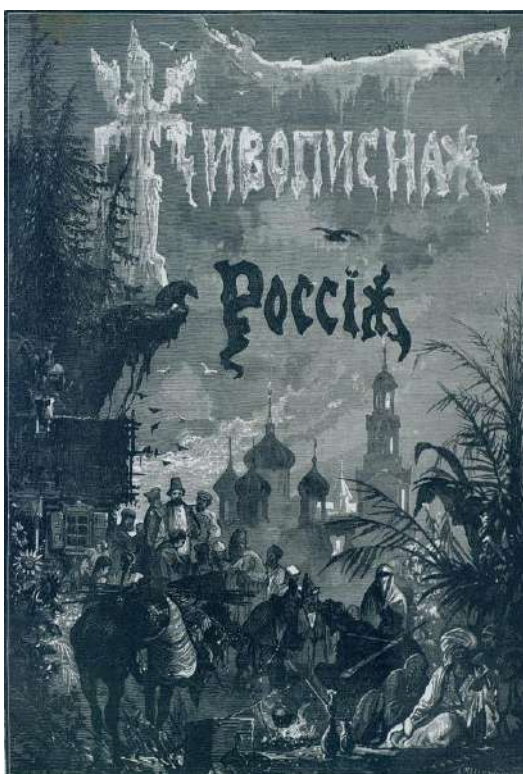

Рис. 3. Внутренняя обложка издания «Живописная Россия» 1881 года (том 1, часть 1)

Обратимся более подробно к самим очеркам, всего их 20: 12 из первого раздела и 8 из второго. Очерки первого раздела: Очерк I. Первобытный лес С.В. Максимова; Очерк II. Лесные жители С.В. Максимова; Очерк III. Мезенская тундра В.И. Немировича-Данченко; Очерк IV. Морские промыслы крайнего севера К.С. Мережковского; Очерк V. У Студеного моря В.И. Немировича-Данченко; Очерк VI. Лопская земля В.И. Немировича-Данченко; Очерк VII. Северный океан и его полярные окраины П.В. Охочинского; Очерк VIII. Новая Земля и Колгуев остров П.В. Охочинского;

Очерк IX. Забытая река В.Н. Майнова; Очерк X. Лесные города С. В. Максимова; Очерк XI. Вотчина Зосимы и Савватия В.Н. Майнова; Очерк XII. Область крайнего севера Европейской России в ее современном экономическом состоянии П.П. Семенова. Очерки второго раздела: Очерк I. Глубокое прошлое Озерной Области И. Полякова, Очерк II. Большие северорусские озера И. Полякова, Очерк III. Каменный век в России И. Полякова, Очерк IV. Северно-русские народоправства Н.И. Костомарова, Очерк V. Историческая судьба господина Великого Новгорода Д. Аверкиева, Очерк VI. Древнейшие монастыри Новгородской и Псковской земли Н.И. Костомарова, Очерк VII. Островные монастыри Н.И. Костомарова, С.В. Максимова, Очерк VIII. Города Озерной области С.В. Максимова.

Рис. 4. Страница издания «Живописная Россия» 1881 года (том 1, часть 1)

Выделяя базовые положения исторической концепции, лежащей в основе издания «Живописная Россия», следует выделить экономические, политические, социальные, религиозные, этнографические и ряд других взаимосвязанных между собой факторов, которые были ключевыми в данной концепции.

Очерки раздела «Северная Россия. Крайний Север и Северо-Восток Европейской России» историко-географически описывают Архангельскую и Вологодскую губернии с Белым морем, Новой Землей и Северным океаном. Очерки второго раздела «Озерная и Древне-Новгородская область» включают в себя ближайшие территории Ладожского озера, выхода к Балтийскому морю, а также территории связанные с губерниями: Новгородская, Псковская и Олонецкая. Опубликованные материалы подчеркивают своеобразие территорий Российской империи, с описанием географических, природно-климатических особенностей с указанием географических координат, флоры и фауны, нередко встречаются изображения и отсылки к фольклору. Особо ценными являются многочисленные иллюстрации, приведенные в издании, которые собирались с большим трудом с привлечением различных ресурсов (музейных коллекциях, библиотеках и т.д.) для формирования журнала.

Авторами первой части первого тома «Живописной России» вводятся местные названия, наименования и даются их определения – «леса, которые в сплошных и непрерывных насаждениях известны в европейской России под общим названием *тайболы*, в западной Сибири под названием – *урманов*, в восточной Сибири – *тайги* <...> всякому лесу предшествует подлесье, наиболее известное народу под словом *раменья*» ([Живописная Россия, 1881: 5](#)); «На борах растет уже другой сорт сосны – *конда*, и боровой лес называется *кондовым* <...> слои древесины мелки и смолисты, блонь небольшая, цвет древесины красноватый <...> Выстроенные по Двине и по Белому морю из этого кондового леса Божьи храмы выстаивают третью сотню лет» ([Живописная Россия, 1881: 6](#)); «*дебри*, т.е. такие е неприступные, глухие и частые леса, с трещами и буреломом, но уже не хвойные красные, а лиственные черные» ([Живописная Россия, 1881: 10](#)); «леса низменностей принадлежат к числу красивейших лиственных лесов, получивших, вследствие своей особенности, особое название *шахры* и *пармы*» ([Живописная Россия, 1881: 30](#)); «*починок* – одинокое жилье <...> назывался селенем (селом), когда срубался соседний лес, подсушивался и выжигался, заводились новые мелкие

хозяйства и с ними новые зимние жилища (с печкой для отопления, а потому *исътопъки, истопки, истъбы*, т.е. *избы*)» (*Живописная Россия, 1881: 32*) и др.

Здесь же даны этнографические описания, изображения народов, населяющих северные территории Российской империи: зырян, вогулов, карелов, черемисов, остяков, самоедов и т.д. (*Живописная Россия, 1881: 3-28, 61-104, 105-144, 233-260*). Приводятся примеры мифологии, фольклора религиозных верований, культурных и бытовых особенностей этих народов.

Так, этнограф Сергей Васильевич Максимов (1831–1901) в очерке «Первобытный лес» (*Живописная Россия, 1881: 3-28*) отмечает: дальнейшее развитие лесных «инородцев», противодействие их «вырождению» возможно только благодаря взаимодействию с более развитыми соседствующими народами или усовершенствованию жизни и деятельности для освоения природных ресурсов, что, в свою очередь, делает возможным и необходимым их вхождение в процессы общественного, индустриального развития региона и России в целом.

Путь к освоению земли и природных ресурсов, развитию торговых отношений С.В. Максимов фиксирует у лесных жителей, которые перешли на оседлый образ жизни, начали заниматься земледелием (*Живописная Россия, 1881: 29-60*). В качестве примера автор приводит земледельческие племена прикарпатских территорий, новгородцев, которые продвинулись на север, до верховьев рек и морских побережий. Продвижение на север и северо-восток закрепилось возведением таких городков, как Великий Устюг, Вологда, Вага, Холмогоры, Каргополь, Соль-Вычегодская. Подчеркивается общинное начало, характерное для народов, осваивающих новые территории – формировались промысловые, торговые, продовольственные артели, крестьянские общества для облегчения жизни, труда и увеличения эффективности результатов деятельности. Существовали монастырские общины, «в местах нынешней Вологодской губернии, имевшей 88 монастырей, видное место принадлежало монастырской колонизации <...> желавшие возделывать непочатую землю обещали за труд всякие льготы и барыши и старались удерживать пришельцев строгим исполнением своих обещаний» (*Живописная Россия, 1881: 38*).

Район севера и северо-востока Европейской части богат на такие полезные ископаемые как: железную руду и соль. Данный регион сочетает в себе традиционный северный промысел по добыче пушнины, рыболовство (*Живописная Россия, 1881: 302, 362*) на всей территории Русского Севера, топка сала (*Живописная Россия, 1881: 287*). Рассматриваются перспективные народные промыслы по плетению кружева, резьба по кости, и создание гребней, в том числе из рога (*Живописная Россия, 1881: 326*).

Делается научное описание территориальных, колониальных процессов, происходивших не только на территории «Беломорской области» (*Живописная Россия 1881: 314*), но и «Древне-Новгородской», где местные коренные жители вытеснялись или ассимилировались с русским населением. Авторы видят, положительные стороны этого явления, например, в сплоченности, когда новые колонизированные территории позволяют губерниям вести лучшую экономическую деятельность по отношению к другим и центру. В то же время они фиксируют и негативные стороны колонизации: растворение, исчезновение как особой культурной группы определенной части коренного населения, или, например, военные битвы за территорию, например, с зырянами (*Живописная Россия, 1881: 318*), «заволоцкой чудью» (*Живописная Россия, 1881: 316*).

В анализе появления и расширения русских городов упоминаются разные сословия, проживающие на их территориях: слободские и посадские люди, бедняки и кулаки, духовенство, дворянство, крестьяне, мещане, купцы и др. Урбанизации Российской империи способствовали разные сословия в зависимости от того, какие именно группы преобладали на той или иной территории.

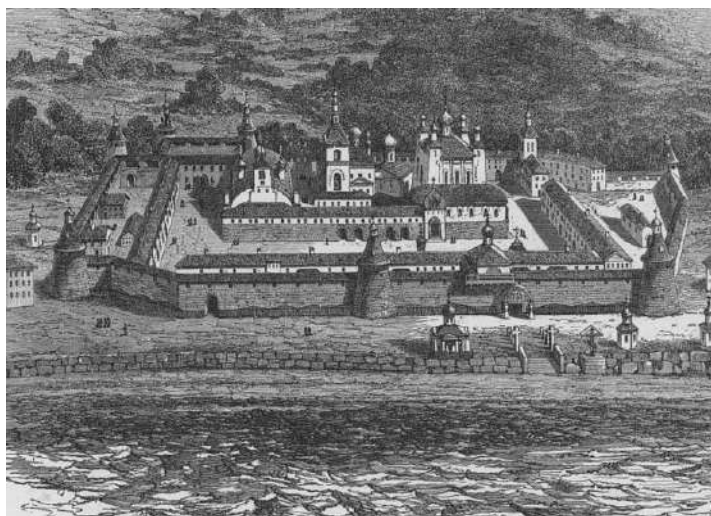
Часто при планировании острогов, стратегически важное значение имели ближайшие транспортные пути, водные пути – устья рек, древнейшие сооружения и центры. По разным причинам до XIX века сохранились только некоторые из них, что были особо значимыми центрами или были перестроены на каменные. Все города севера и северо-востока Европейской части России служили опорой на северной границе, соответственно с изменением границ, некоторые приграничные города приходили в упадок.

Особая роль отводится в издании «Живописная Россия» в контексте истории Российской империи отводится религии, а именно православию, так как оно играло важнейшую роль в формировании городов в качестве духовно-конфессиональной основы социальной жизни. Зачастую монастыри становились началом формирования поселений, когда, например, к ушедшим в глушь, на север святым отшельникам присоединялись люди с целью приблизиться или помочь «святым людям». Так создавались храмы, отдельные кельи, со временем образуя «святые обители», монастыри, у монастырских стен организовывались свободные поселения (слободы). Вокруг монастырей образовывались ярмарки, способствующие торгово-экономическому развитию. В наиболее развитых монастырских слободах быстро увеличивалось население.

Как способствующие историческому освоению русских земель в первой части первого тома «Живописной России» упоминаются следующие монастыри: Кирилов, Гledenский, Михаила-Архангела, Соловецкий (*Живописная Россия, 1881: 263*), Кирило-Белозерский (*Живописная Россия, 1881: 286*), Валаамский (*Живописная Россия, 1881: 361*), Юрьев (*Живописная Россия, 1881: 442*),

Тихвинский ([Живописная Россия, 1881: 443](#)), Медведецкий, Никольский, Святогорский Мирожский ([Живописная Россия, 1881: 445](#)), Новоозерский, Крыпецкий, Евфросиниев ([Живописная Россия, 1881: 452](#)), Карельский ([Живописная Россия, 1881: 467](#)), и многие другие. В этом же качестве рассматриваются основные церкви и монастыри крупных территориальных русских центров: Вологды, Мурманска, Архангельска, Великого Новгорода, Пскова и других.

Особо в контексте приграничного развития Российской империи подчеркивается роль Соловецкого монастыря ([Рисунок 5](#)). Он был стратегически важен для России, начиная с XVII века, из-за близкой границы со Швецией и Польшей и, соответственно, имел большое значение для развития морских путей по Белому морю. Из-за этого же монастырь неоднократно подвергался нападениям и грабежам со стороны приграничных шведских военных отрядов. Другим важным историческим периодом для Соловецкого монастыря является прибытие в 1694 году царя Петра I во время кораблекрушения, а также дальнейшее противостояние шведам и выход России к Финскому заливу и Балтийскому морю. При монастыре как экономическом и социально-культурном духовном центре общественной жизни функционировали: гостиница, кузница, ремесленное и сельское производство, школа, библиотека, больница и т.д. Позднее его территория становится рыбопромышленным центром, где создаются дополнительные доки, разгружающие Архангельский порт, водоподъемное здание и водяные мельницы.

Рис. 5. Общий вид Соловецкого монастыря в издании «Живописная Россия», 1881 года (том 1, часть 1)

В качестве важного экономического и социального явления в «Живописной России» указываются ярмарки как пространство сбыта и обмена продуктов промыслов, охоты, сельского хозяйства и т.д. Среди ярмарок отдельно выделяются Красноборская в Сольвычегодская ([Живописная Россия, 18881: 268](#)), три большие ярмарки в селе Устье ([Живописная Россия, 1881: 271](#)), «маргаритовская» в Архангельске, «евдокиевская» в селе Благовещенском, «никольская» в Пинеге, «вологодская» в Вологде, «лальская» в Лальске, «введенская» в Грязновце ([Живописная Россия, 1881: 331](#)) и др.

Монастыри в «Живописной России» описываются в качестве стратегически важных поселений близ водных путей. В таком качестве упоминаются: Соловецкий, Михайло-Архангельский, Балаамский монастыри и ряд других. Именно вокруг них формируются будущие городские центры России.

В качестве исторически значимых личностей представлены основатели и настоятели монастырей, с помощью которых производило освоение Русского Севера: отец Иоанн, капитан парохода «Надежда» ([Живописная Россия, 1881: 308](#)), святые отцы Зосима и Савватий ([Рисунок 6](#)) ([Живописная Россия, 1881: 450](#)). В качестве значимого исторического события описываются обстоятельства принятия Никоновской реформы в разных монастырях, где противостояние между различными доктринами обсуждается с негативной позиции, и авторы «Живописной России» задаются вопросами о целесообразности данной реформы, которая привела северные русские монастыри в упадок.

С.В. Максимов подчеркивает историческую значимость старообрядческих общин, возникших после раскола Русской православной церкви, их колонизирующей деятельности по освоению территорий Российской империи. Служители монастырей учили грамоте, чтению, переписыванию священных книг, вследствие чего многие жители населенных пунктов Севера и Северо-Востока Российской империи были грамотны и имели склонность к академической деятельности. Наиболее ярким примером является, конечно, Михаил Васильевич Ломоносов. Нельзя забывать историческое

значение исследовательской деятельности, направленной на изучение родных территорий, и другими северными учеными, среди которых – Василий Васильевич Крестинин и Александр Иванович Фомин.

Рис. 6. Основатели Соловецкого Монастыря: святые отцы Савватий и Зосима. «Живописная Россия», 1881 года (том 1, часть 1)

В качестве основы исторической модели в «Живописной России» у ее авторов, описывающих первые страницы российской истории, встречаются ссылки на разные летописи: Ипатьевскую и Нестерову, которые упоминаются как источники для описания процессов создания северорусских городов – Суздаля, Устюга и Вологды ([Живописная Россия, 1881: 261](#)).

Как значимый исторический процесс представлена здесь торговля на прибрежных территориях Белого моря, которая имела значительное влияние на рост и развитие северных и северо-восточных русских городов. Так, авторы показывают, что через р. Онегу доступ к морю имело население достаточно большой территории северо-востока России, это позволяло вести торговлю и имело важное международное значение.

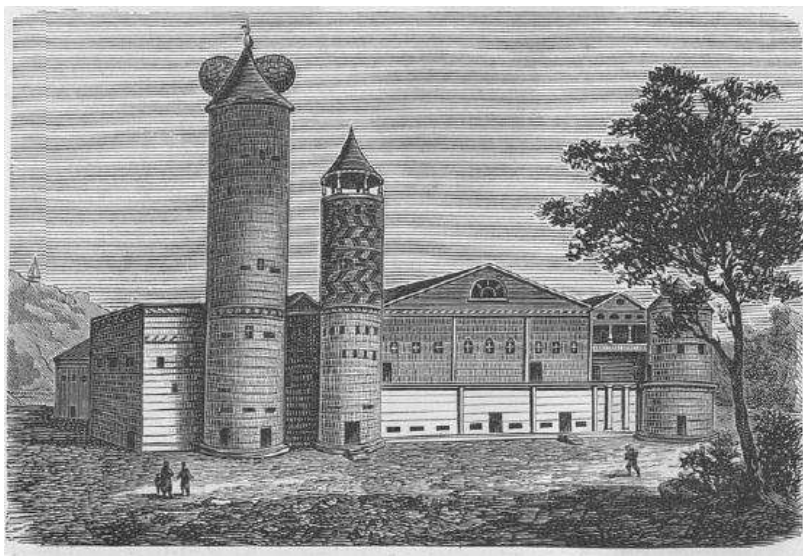
Внешнюю угрозу в Беломорской области, указывали авторы «Живописной России», представляли «немецкие люди Свитского короля» ([Живописная Россия 1881: 264](#)), для отпора которым строились остроги: Кемский, Сумский, Кольский, Пустозерский. В связи с темой истории строительства острогов обсуждается типичная схема его обороны, в частности, представленная в исторических событиях XVI–XVII веков, когда обитатели северных и северо-восточных русских острогов вели битвы против шведских финляндцев, литовских людей и «инородцев».

Подчеркивается историческое значение торговли и выхода к морю для торгово-промышленных экспедиций с территории Беломорской области куда входили следующие местности: «Кубенская, Сухоно-Югская, Двинско-Онежская, Пинежско-Вычегодская, Мезенско-Печорская и Кемско-Лапландская» ([Живописная Россия, 1881: 313](#)). Постепенно складывается развитая инфраструктура ручной и морской северной и северо-восточной торговли, указывается на «значение Двинской судоходной системы», куда входили «Волоки, ведущие к ней из Вятской губернии; Ярославско-Вологодская железная дорога и канал Герцога Александра Виртенбергского; Волковые и внутренние пристани края; Направление и характер судоходного движения; Беломорские порты, отпускная и привозная их торговля и значение в ней транзита» ([Живописная Россия, 1881: 314](#)).

Древне-Новгородская область рассматривается в исторической модели «Живописной России» как одна из самых стратегически важных локаций, имеющая специфику климатических, географических, исторических и других условий, но наибольшее значение для ее стратегического расположения имело наличие выхода к Финскому заливу, Ладожское озеро, в целом значительная сеть рек и озер. Отмечаются исторически сформировавшиеся водные пути сообщения, которые имеют значение для современности: «Есть еще одно направление, по которому существует на Ладожском озере постоянное пароходное сообщение, – это от Шлиссельбурга по направлению к Коневцу, Валааму и Сердоболу, в северо-западный край озера» ([Живописная Россия, 1881: 359](#)). В тоже время грузовые транспортные переводки осуществляются в данной области посредством каналов ([Живописная Россия, 1881: 359](#)).

Для авторов исторической концепции «Живописной России» нет сомнений в исторической значимости речных и морских перевозок на северных и северо-восточных территориях Русского Европейского Севера. Так, в качестве значительного исторического события рассказывается о том, что на карельских землях, на р. Двина получило развитие строительство морских и речных судов. Осип Баженин в Вавчуге выстроил для Петра I в 1694 году «первый русский корабль с первым русским коммерческим флагом» (*Живописная Россия, 1881: 47*), запустив строительство военных и коммерческих кораблей на вавчужской верфи (в том числе по заказу иностранцев) и в целом на северных территориях Российской империи. Архитектурная изобретательность северных мастеров была проявлена в таких памятниках деревянной архитектуры, как «Воскресенский собор в Коле деревянный, построенный в 1684 году и сгоревший в 1854 году, увенчанный восемнадцатью главами, вместе с такою же многоглавой (о 23-х) церковью в Кижском погосте (Олонецкой губ.), с церковью в с. Нюхче (на Белом море) <...> дом в Сольвычегодске знаменитых богачей Строгоновых» (*Рисунок 7*) (*Живописная Россия, 1881: 47-48*). Освоили русские люди на северных территориях такие экономически значимые промыслы, как выгонку смолы и дегтя.

Рис. 7. Дом Строгоновых в Сольвычегодске как иллюстрация «Живописной России» 1881 года (том 1, часть 1)

Таким образом, очерки «Живописной России» позволяют понять развитие Российской империи в контексте истории ее территориального продвижения на Север и Северо-Восток. Здесь подробно рассматриваются возможности освоения и развития северных и северо-восточных российских территорий (например, путем разведения породистых коров и лошадей), раскрывается историческая роль прибрежных территорий и выходов к Северному Ледовитому океану. Подчеркивается особое значение водных артерий страны, которые служили важнейшей инфраструктурой для развития продовольственных, лесозаготовительных промыслов и, как следствие, торговли, открытия портов и других мест для налаживания взаимовыгодных отношений, в том числе, с иностранными соседями.

Авторы «Живописной России» исторически обосновывают необходимость расширять территорию древнерусского государства, укреплять и развивать его торгово-экономические, внешнеполитические, промышленные позиции, экономическая, социальная и культурная история страны проходила в движении ее жителей по направлению к северу и северо-востоку Европы, а затем Азии. Путем народной колонизации новых территорий, благодаря процессам оседлости, которые шли параллельно с обширной деятельностью, связанной с открытием и освоением северных рек, морей, Северного Ледовитого океана, происходило продвижение русского населения на Север и Северо-Восток, закрепление его на новых территориях. Для успешной деятельности по освоению новой земли, наращивания эффективности в промыслах и производствах ресурсов формировались такие социальные группы как общины (земледельческие, крестьянские, монастырские, старообрядческие и т.д.) и артели. Успешное развитие государства на его северных окраинах было показательным и подкреплялось концентрацией населения на Севере и Северо-Востоке.

Авторами исторической концепции, лежащей в основе очерков «Живописной России», отмечается, что после открытия царем Петром I западного морского пути через Балтику и бассейны Атлантического океана (когда большой рост и развитие получили южные земли Российской империи), дальнейшее интенсивное продвижение в Сибирь и на Северо-Восток приостановилось, а развитие Русского Европейского Севера пошло на спад.

5. Заключение

Издание «Живописная Россия» в качестве источника представляет собой комплексный анализ истории, культуры и географии России через создание и публикацию детальных очерков, содержание которых начинается с обзора географических и климатических условий, и включает исторические сведения обо всех территориях Российской империи, создании ее городов, монастырей, острогов и крепостей, причинах и условиях их возникновения. Публикуемые в этом издании материалы базируются на глубоких и серьезных академических исследованиях географических, климатических, археологических и иных аспектов российской истории.

Особенность издания как источника по истории России заключается также в том, что его авторы сочетают фактическое изложение с поэтическими, фольклорными отступлениями и богатым иллюстративным сопровождением, позволяющим читателю наглядно представить описываемые места и исторические события. Важность монастырей, историческое развитие городов, их географическое и стратегическое значение подробно рассматриваются в контексте социально-экономических, политических, геополитических и культурных процессов. Использование исторических свидетельств и первоисточников, включение локального фольклора и культурных элементов подчеркивают уникальность каждой местности и способствуют более глубокому пониманию исторических процессов и культурного развития регионов России.

Развитие новых территорий, в данном случае – Европейского Севера России, согласно исторической модели, на которое базируется «Живописная Россия», вносит вклад в общее социально-экономическое процветание Российской империи, укрепляет торговые и промышленные связи, а также способствует геополитической значимости. Важную роль в этой исторической концепции играет православие и национальная культура, формирующие российскую идентичность и особенности социальных и культурных процессов на различных территориях империи. Развитие территорий, указывают авторы, требует учета местных традиций и культуры коренного населения, что способствует достижению коллективного блага, созданного и осваиваемого солидарно.

Историческая модель «Живописной России» исходит из комплексности обустройства и исторической уникальности каждой территории Российской империи, указывая на необходимость учета конкретных региональных и локальных обстоятельств в проектировании дальнейшего территориального развития государства. В дальнейшем представляется перспективным продолжить реконструкцию исторической модели, изложенную в иных томах «Живописной России», каждый из которых посвящен конкретным и обширным областям, входившим в Российскую империю в конце XIX – начале XX вв.

Литература

- Данилевский и др., 2015 – Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М. и др. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М. 2015. 685 с.
- Древняя и новая Россия, 1875–1881 – Исторический иллюстрированный ежемесячный журнал «Древняя и новая Россия», 1875–1881.
- Живописная Россия, 1881 – Издание «Живописная Россия». СПб. 1881. Т.1. Ч. 1. 558 с.
- Журнал для всех, 1895–1906 – Журнал «Журнал для всех». 1895–1906.
- Иванова, 2015 – Иванова Д. В. Журнал «Нива» в истории периодической печати России рубежа XIX-XX вв. Нижний Тагил: Российский государственный профессионально-педагогический университет. 2015. С. 178-184.
- Исторический вестник, 1880 – Журнал «Исторический вестник». 1880. Т. 1. 1165 с.
- Кежутин, 2012 – Кежутин А.Н. Специфика медицинской периодики рубежа XIX–XX вв. как исторического источника изучения социальных болезней российского общества // Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2012. №4.
- Кискидосова, 2020 – Кискидосова Т. А. «Городская повседневность» в региональной периодике второй половины XIX - начала XX века: обзор современной историографии // Гуманитарный вектор. 2020. №3.
- Нестерова, 2013 – Нестерова В. Л. Отечественная женская периодическая печать XIX века как информационный источник по истории повседневности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. №4 (176).
- Омелик, 2023 – Омелик, А. А. Трансформации визуального искусства под влиянием искусственного интеллекта // Северные Архивы и Экспедиции. 2023. Т. 7. № 2. С. 126-132.
- Отечественные записки, 1818–1884 – Русский литературный журнал «Отечественные записки». 1818–1884.
- Природа и Люди, 1910 – Журнал «Природа и Люди». 1889–1917.
- Пяткова, 2017 – Пяткова С.Г. Материалы журнала «Русская старина» 1870-1880-х годов как источник по истории политической ссылки в Сибирь XIX века. Пенза: «Наука и Просвещение». 2017. С. 268-274.
- Русский архив, 1863–1917 – Историко-литературный журнал «Русский архив». 1863–1917.
- Рынков, 2010 – Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44-50.

- Сергеева, 2023 – Сергеева Н. А. Понятие «визуальность» в современных теории и истории искусства // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. Т. 7. № 2. С. 108-115.
- Сертакова, Ситникова, 2022 – Сертакова Е.А., Ситникова А.А. Устав об «Управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам Енисейской губернии в XIX – начале XX веках // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. 6(2). С. 94-106.
- Смирнов, 2018 – Смирнов Я.А. Периодическая печать как историографический источник // *Вестник социально-политических наук*. 2018. № 17. С. 94-98.
- Сын отечества, 1812–1852 – Журнал «Сын отечества». 1812–1852.
- Тахушева, 2020 – Тахушева И.С. Российские периодические издания XIX в. в историографическом пространстве Северного Кавказа (по материалам журнала «Современник») // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. №2.
- Тушканов, 2017 – Тушканов Д.И. Положение периодической печати Саратовской губернии в начале XX века по материалам газеты «Вольская жизнь» // *Вестник ВИЭПП*. 2017. С. 22-25.
- Шереметьева, 2014 – Шереметьева Д.Л. Газеты как источник изучения политической адаптации населения Сибири в условиях гражданской войны // *Власть и общество в Сибири в XX веке*. 2014. С. 104-113.
- Hardwick, 2012 – Hardwick J. Early victorian periodicals and the colonial church of England // *Nineteenth Century Prose*. 2012. 39(1–2): 255-284.
- Kolesnik et al., 2023 – Kolesnik, M.A., Leshchinskaia, N.M., Omelik, A.A., Ermakov, T.K. The art of decorating mass soviet holidays (1918–1923) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. 16(11): 1918-1935.
- Koptseva et al., 2016 – Koptseva, N. P., Luzan, V. S., Razumovskaya, V. A., Kirko, V. I. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2016. Vol. 29, Nr 2. pp. 1-28.
- Koptseva et al., 2021 – Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Shpak A. A. The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 990-999.
- Koptseva et al., 2021a – Koptseva N. P., Reznikova K. V., Menzhurenko Yu. N. The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 2043-2052.
- Koptseva et al., 2022 – Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S., Menzhurenko Yu. N. The image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 867-875.
- Koptseva, Reznikova, 2015 – Koptseva, N. P., Reznikova, K. V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai // *Bylye Gody*. 2015. 38 (4): 1028-1038.
- Leshchinskaia et al., 2023 – Leshchinskaia N.M., Tarasova M.V., Kolesnik M.A. Boris Mikhailovich Kustodiev’s Paintings from 1917–1922: A Philosophical and Art Historical Analysis // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. 16(4): 536-550.
- Seredkina, 2023 – Seredkina N.N. Cultural and educational activities among the indigenous and indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk territory in the Soviet period: analysis of the materials of the Evenki archive // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. 16(8): 1382-1395.
- Sitnikova et al., 2022 – Sitnikova A.A., Leshchinskaya N.M., Sertakova E.A., Kolesnik M.A. The “Cine-Phono” Journal as a Source on the History of Film Adaptation of Literary Works in Russia at the beginning of the 20th century // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1955-1967.
- Watson, 2015 – Watson M. Unsettled borders and memories: A «local» indigenous perspective on contemporary globalization // *Journal of Aesthetics and Culture*. 2015. 7: 1-19.

References

- Danilevskij et al., 2015 – Danilevskij, I.N., Kabanov, V.V., Medushevskaya, O.M., et al. (2015). *Istochnikovovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii* [Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history]. Moscow, 685 p. [in Russian]
- Drevnyaya i novaya Rossiya, 1875–1881 – Istoricheskii illyustrirovannyi ezheemesyachnyi zhurnal «Drevnyaya i novaya Rossiya» [The historical illustrated monthly journal “Drevnyaya i novaya Rossiya” published in 1875–1881]. [in Russian]
- Hardwick, 2012 – Hardwick, J. (2012). Early victorian periodicals and the colonial church of England. *Nineteenth Century Prose*. 39(1–2): 255-284.
- Istoricheskij Vestnik, 1880 – Zhurnal “Istoricheskij Vestnik” 1880 goda izdaniya [The journal “Istoricheskij Vestnik” published in 1880]. [in Russian]
- Ivanova, 2015 – Ivanova, D.V. (2015). Zhurnal «Niva» v istorii periodicheskoy pechati Rossii rubezha XIX-XX vv. [The journal “Niva” in the history of Russian periodical press at the turn of the 19th-20th centuries]. Nizhniy Tagil: Russian State Professional Pedagogical University, pp. 178-184. [in Russian]

- Kezhutin, 2012** – *Kezhutin, A.N.* (2012). Spetsifika meditsinskoy periodiki rubezha XIX–XX vv. kak istoricheskogo istochnika izucheniya sotsial'nykh bolezney rossiyskogo obshchestva [The specificity of medical periodicals at the turn of the 19th–20th centuries as a historical source for studying the social diseases of Russian society]. *Vestnik IvGU. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 4. [in Russian]
- Kiskidosova, 2020** – *Kiskidosova, T.A.* (2020). Gorodskaya povsednevnost v regional'noy periodike vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: obzor sovremennoy istoriografii [Urban everyday life in regional periodicals of the second half of the 19th – early 20th centuries: A review of modern historiography]. *Gumanitarnyi vector.* 3. [in Russian]
- Kolesnik et al., 2023** – *Kolesnik, M.A., Leshchinskaia, N.M., Omelik, A.A., Ermakov, T.K.* (2023). The art of decorating mass soviet holidays (1918–1923). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 16(11): 1918–1935.
- Koptseva et al., 2016** – *Koptseva, N.P., Luzan, V.S., Razumovskaya, V.A., Kirko, V.I.* (2016). The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy. *International Journal for the Semiotics of Law.* 29(2): 1–28.
- Koptseva et al., 2021** – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Shpak, A.A.* (2021). The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire. *Bylye Gody.* 16(2): 990–999.
- Koptseva et al., 2021a** – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N.* (2021). The Journal «Cinephono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916. *Bylye Gody.* 16(4): 2043–2052.
- Koptseva et al., 2022** – *Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Menzhurenko, Yu.N.* (2022). The image of the North in periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. *Bylye Gody.* 17(2): 867–875.
- Koptseva, Reznikova, 2015** – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V.* (2015). Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. *Bylye Gody.* 38(4): 1028–1038.
- Leshchinskaia et al., 2023** – *Leshchinskaia, N.M., Tarasova, M.V., Kolesnik, M.A.* (2023). Boris Mikhailovich Kustodiev's Paintings from 1917–1922: A Philosophical and Art Historical Analysis. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 16(4): 536–550.
- Nesterova, 2013** – *Nesterova, V.L.* (2013). Otechestvennaya zhenskaya periodicheskaya pechat' XIX veka kak informatsionnyy istochnik po istorii povsednevnosti [National women's periodical press of the 19th century as an informational source for the history of everyday life]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennye nauki.* 4(176). [in Russian]
- Omelyk, 2023** – *Omelyk, A.A.* (2023). Transformatsii vizual'nogo iskusstva pod vliyaniem iskusstvennogo intellekta [Transformations of visual art under the influence of artificial intelligence]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii.* 7(2): 126–132. [in Russian]
- Otechestvennye Zapiski, 1818–1884** – Russkiy literaturnyy zhurnal «Otechestvennye Zapiski» 1818–1884 godov izdaniya [The Russian literary journal “Otechestvennye Zapiski” published in 1818–1884]. [in Russian]
- Pyatkova, 2017** – *Pyatkova, S.G.* (2017). Materialy zhurnala «Russkaya starina» 1870–1880-kh godov kak istochnik po istorii politicheskoy ssylki v Sibir' XIX veka [Materials of the «Russian Antiquity» journal of the 1870s–1880s as a source for the history of political exile to Siberia in the 19th century]. Penza. «Nauka i Prosveshchenie». Pp. 268–274. [in Russian]
- Russkiy Arkhiv, 1863–1917** – Istoriko-literaturnyy zhurnal “Russkiy Arkhiv” 1863–1917 godov izdaniya [The historical-literary journal “Russkiy Arkhiv” published in 1863–1917]. [in Russian]
- Rynkov, 2010** – *Rynkov, V.M.* (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical Printing: A Place in the System of Historical Sources]. *Otechestvennye arkhivy.* 3: 44–50. [in Russian]
- Seredkina, 2023** – *Seredkina, N.N.* (2023). Cultural and educational activities among the indigenous and indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk territory in the Soviet period: analysis of the materials of the Evenki archive. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 16(8): 1382–1395.
- Sergeeva, 2023** – *Sergeeva, N.A.* (2023). Ponyatie «vizual'nost'» v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of «visuality» in contemporary theory and history of art]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii.* 7(2): 108–115. [in Russian]
- Sertakova, Sitnikova, 2022** – *Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A.* (2022). Ustav ob «Upravlenii inorodtsev», sostavlennyy M.M. Speranskim, i osobennosti ego realizatsii po otnosheniyu k korenym malochislennym narodam Eniseyskoy gubernii v XIX – nachale XX vekakh [The charter on the «Management of natives», compiled by M.M. Speransky, and its implementation features in relation to the indigenous small-numbered peoples of the Yenisei province in the 19th – early 20th centuries]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii.* 6(2): 94–106. [in Russian]
- Sheremet'eva, 2014** – *Sheremet'eva, D.L.* (2014). Gaiety kak istochnik izucheniya politicheskoy adaptatsii naseleniya Sibiri v usloviyah grazhdanskoy vojny [Newspapers as a source for studying the political adaptation of the Siberian population in the conditions of the Civil War]. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke.* Pp. 104–113. [in Russian]

[Sitnikova et al., 2022](#) – *Sitnikova, A.A., Leshchinskaya, N.M., Sertakova, E.A., Kolesnik, M.A. (2022). The “Cine-Phono” Journal as a Source on the History of Film Adaptation of Literary Works in Russia at the beginning of the 20th century. *Bylye Gody*. 17(4): 1955-1967.*

[Smirnov, 2018](#) – *Smirnov, Y.A. (2018). Periodicheskaya pechat' kak istoriograficheskiy istochnik [Periodical press as a historiographical source]. *Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk*. 17: 94-98. [in Russian]*

[Syn Otechestva, 1812–1852](#) – *Zhurnal “Syn Otechestva” 1812-1852 godov izdaniya [The journal “Syn Otechestva” published in 1812–1852]. [in Russian]*

[Takhusheva, 2020](#) – *Takhusheva, I.S. (2020). Rossiyskie periodicheskie izdaniya XIX v. v istoriograficheskom prostranstve Severnogo Kavkaza (po materialam zhurnala «Sovremennik») [Russian periodical publications of the 19th century in the historiographical space of the North Caucasus (based on the materials of the journal «Contemporary»)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2. [in Russian]*

[Tushkanov, 2017](#) – *Tushkanov, D.I. (2017). Polozhenie periodicheskoy pechati Saratovskoy gubernii v nachale XX veka po materialam gazety «Vol'skaya zhizn'» [The position of the periodical press of the Saratov province at the beginning of the XX century based on the materials of the newspaper “Volskaya zhizn”]. *Vestnik VIEP*. Pp. 22-25. [in Russian]*

[Watson, 2015](#) – *Watson, M. (2015). Unsettled borders and memories: A «local» indigenous perspective on contemporary globalization. *Journal of Aesthetics and Culture*. 7: 1-19.*

[Zhivopisnaya Rossiya, 1881](#) – *Izдание «Zhivopisnaya Rossiya». SPb. 1881. T.1. Ch. 1. 558 p. [in Russian]*

[Zhurnal dlya Vsekh, 1895–1906](#) – *Zhurnal “Zhurnal dlya Vsekh” 1895-1906 godov izdaniya [The journal “Zhurnal dlya Vsekh” published in 1895–1906]. [in Russian]*

Образ истории отечества в очерках первой части первого тома издания «Живописная Россия» (1881 г.)

Наталья Петровна Копцева ^{a, *}, Анна Андреевна Шпак ^a, Юлия Николаевна Менжуренко ^a,
Ксения Александровна Дегтяренко ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья представляет собой анализ исторической концепции, которая была использована первой части первого тома издания «Живописная Россия» 1881 года, под общей редакцией академика П.П. Семенова-Тянь-Шанского. Указывается значимость многотомного издания «Живописная Россия» для изучения исторического и культурного наследия Российской империи конца XIX – начала XX вв. Первая часть первого тома «Живописной России» состоит из двух больших разделов: «Северная Россия. Крайний Север и Северо-Восток Европейской России» и «Озерная и Древне-Новгородская область», включая 20 очерков, с большим количеством иллюстраций. Рассматривается структура первой части первого тома «Живописной России» как источника, позволяющего выделить основные элементы исторической модели, которую применяли ее авторы, выделяются основные исторические события, значимые для формирования образа Отечества для авторов исторических очерков, создающих их в конце XIX века. Авторы первой части первого тома выделяют исторические, культурные, экономические и политические аспекты жизни народов Севера и Северо-Востока России, подчеркивая важность географических, климатических условий и социально-экономических процессов для понимания специфики истории Российской империи, активно осваивающей новые территории. Особое внимание в их исторической модели уделяется историческим сведениям о создании и развитии монастырей, сел и городов, и их роли в социально-культурном, экономическом, политическом развитии северных территорий и России в целом. В статье акцентируется внимание на значении православия и сосуществовании многих культурных групп, участвующих в формировании комплексной российской идентичности. Указывается на масштабность и многоаспектность исследований, лежащих в основе исторической модели, на которую опираются авторы очерков первой части первого тома, опубликованных в «Живописной России» 1881 года. В их осмыслении истории акцентируется многообразие и комплексность факторов, способствующих освоению северных и северо-восточных территорий, создается позитивный исторический образ Российской империи.

Ключевые слова: «Живописная Россия», историческая модель, Север, Северо-Восток Европейской России, народная колонизация, исторический источник.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева), annaheyy@gmail.com (А.А. Шпак), yulia-avdeeva2406@mail.ru (Ю.Н. Менжуренко), akseniya.krupkina@mail.ru (К.А. Дегтяренко)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 325-331
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.325

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 2

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article considers the system of public education on the territory of Kharkiv province during the imperial period. This part of work examines the period from 1881 to 1917.

The source base of the study is represented by documents of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg, Russian Federation) as well as the annual publications of the Kharkov Provincial Statistical Committee: “Khar'kovskie kalendari” published in the period 1893–1903 and annual “Obzory Khar'kovskoi gubernii”, which were appendices to the most recent reports of the governor of the Kharkov province. The work uses “Obzory” for 1880–1916.

The authors conclude that in the period from 1880 to 1916, the public education system on the territory of the Kharkiv province went through a period of significant growth. The number of higher educational institutions increased 3 times and reached 6. Almost the same growth was given by secondary educational institutions in 1916, reaching 66, as well as lower educational institutions – reaching 1,599 schools together with higher primary educational institutions. As a result, by January 1, 1916, about 200 thousand students were at their desks in the province. However, despite significant successes in the field of public education, it was still far from victorious relations, since, according to officials of the Ministry of Public Education, about 100 thousand more school-age children (8-11 years old) were not enrolled in the Russian Public School.

Keywords: Kharkiv province, the system of public education, Russian Empire, 1732–1917.

1. Введение

В 1803 г. в Российской империи был создан один из старейших учебных округов – Харьковский учебный округ (Cherkasov, 2023: 1686). В 1897 г. в состав округа помимо Харьковской губернии входили территории Воронежской, Курской, Пензенской, Тамбовской губерний и области Войска Донского. По числу населения Харьковская губерния не была среди лидеров, однако она занимала первое место в учебном округе по количеству городского населения – более 367 тыс. человек (Население империи..., 1898: 28). В данной работе мы хотели бы рассмотреть систему народного образования Харьковской губернии в имперский период, а в данной части исследования мы рассмотрим период с 1881 по 1917 гг.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена документами Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) а также ежегодными изданиями Харьковского губернского статистического комитета: «Харьковскими календарями» изданными в период 1893–1903 гг. и ежегодными «Обзорами Харьковской губернии», которые являлись

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

приложениями к всеподданейшим отчетам губернатора Харьковской губернии. В работе использованы «Обзоры» за 1880–1916 гг.

«Харьковский календарь» использовался нами как источник информации о системе народного образования, однако после 1903 г. из «Харьковского календаря» эти материалы были исключены, этим объясняется неиспользование этого источника для рассмотрения картины народного образования на территории Харьковской губернии в период после 1903 г.

Методология нашего исследования представлена традиционными историческими методами и принципами. Работа опирается на принципы историзма, системности и объективности. Ввиду новизны нашего исследования рукопись построена по описательному принципу с представлением материалов в хронологическом порядке. Это, на наш взгляд, позволяет наиболее многогранно взглянуть на исторические события, которые создавали целостную картину развития системы народного образования на территории Харьковской губернии в имперский период.

3. Обсуждение

Ввиду того, что историография, посвященная системе народного образования на территории Харьковской губернии, была представлена в предыдущей части работы (См. [Rajović, Bratanovskii, 2023: 1643-1651](#)), то мы хотели бы здесь обратить внимание на новейшие исследования, посвященные нашей теме, а также сфокусируемся на других трудах, имеющих важное значения для понимания имперской модели народного образования.

Так, в 2023 г. вышла работа А.М. Мамалаиева и других о педагогических периодических издания Харьковского учебного округа, где рассматривались в том числе журналы, издававшиеся на территории Харьковской губернии ([Mamadaliyev et al., 2023](#)). Среди работ общероссийского масштаба представляет интерес труд Н.А. Шевченко и других о системе начального образования в Российской империи в конце XIX в. ([Shevchenko et al., 2018](#)). Среди работ о губернских системах образования для нас представляют интерес территория Вологодской губернии, данной темой занимался А.А. Черкасов и другие ([Cherkasov et al., 2019; Cherkasov et al., 2019a; Cherkasov et al., 2019b; Cherkasov et al., 2019c](#)), а также две губернии на территории Кавказского учебного округа: Ставропольская губерния – данной темой занимались О.В. Натолочная и другие ([Natolochnaya et al., 2020; Natolochnaya et al., 2020a; Natolochnaya et al., 2020b](#)) и Тифлисская губерния – исследовали ее А.М. Мамадалиев и другие ([Mamadaliyev et al., 2020; Mamadaliyev et al., 2020a; Mamadaliyev et al., 2020b; Mamadaliyev et al., 2020c](#)).

4. Результаты

Итак, к 1880 г. на территории Харьковской губернии было 515 учебных заведений с количеством учащихся 31898 человек. К высшей ступени образования относились два учебных заведения (Харьковский университет и Повивальный институт). Сеть средних учебных заведений достигла 23 единиц ([Обзор..., 1880: 55](#)). Низшее образование было представлено 13 учебными заведениями для мальчиков, а начальное образование было представлено 475 начальными учебными заведениями разных ведомств ([Rajović, Bratanovskii, 2023: 1648](#)).

В 1885 г. общее количество учебных заведений достигло 660 с 49204 учащимися ([Обзор..., 1886: 67](#)). В том числе был открыт Харьковский технологический институт. В средних учебных заведениях количество учащихся женщин превышало количество учащихся мужчин. Так, в Харькове было 5 мужских учебных заведений (3 мужских гимназии, мужская прогимназия и реальное училище) и 10 женских (7 женских гимназий, 4 из них частные, 2 прогимназии и институт благородных девиц). В этих заведениях обучалось 1921 человек мужского пола и 2128 – женского ([Обзор..., 1886: 67](#)).

В 1887 г. высших учебных заведений на территории Харьковской губернии было 3, средних – 19 (из них 9 мужских и 10 женских), низших учебных заведений, включая начальные, насчитывалось 694 (из них 532 под управлением училищных советов, 42 – в непосредственном ведении Дирекции народных училищ, 4 – ведомства Главного управления государственного коннозаводства, 2 – Министерства внутренних дел и 114 школ Духовного ведомства) ([Обзор..., 1888: 63-64](#)).

В 1890 г. на территории губернии было 873 учебных заведения, а количество учащихся – 59863 человека обоего пола ([Харьковский календарь, 1893: 200](#)).

В 1891 г. на территории губернии было 922 учебных заведения с общим количеством учащихся 65380 человек (из них 51316 мальчиков и 14064 девочек) ([Харьковский календарь, 1893: 199-200](#)). В трех высших учебных заведениях (Императорский Харьковский университет, Харьковский практический технический институт и Харьковский ветеринарный институт) обучалось 1698 человек, в 40 средних учебных заведения губернии обучалось 7932 ученика, а в 879 низших учебных заведениях обучалось 55750 учеников ([Харьковский календарь, 1893: 200](#)).

В ведении Харьковской дирекции народных училищ к 1 января 1892 г. находилось 613 училищ, в которых обучалось 37475 мальчиков и 8120 девочек. Помимо этого, в 1891 г. на территории губернии было 240 школ других ведомств: 1) школ ведомства учреждений императрицы Марии (2 школы с 214 учениц); 2) школ ведомства Главного управления Государственного коннозаводства (4 школы с 129 учащимися мальчиками); 3) церковно-приходских училищ и школ грамотности

(234 учебных заведения с 6914 учащимися, из них 6212 мальчиков и 702 девочки) ([Харьковский календарь, 1893: 200](#)).

Помимо учебных заведений для образования юношества, на территории губернии было 7 воскресных школ для взрослых, из них 2 в Харькове, одна в Сумах, одна в г. Славянске и 2 в Купянском уезде губернии ([Харьковский календарь, 1893: 200](#)).

Говоря о вероисповедальном и сословном составе учащихся в 1891 г. нужно отметить, что большинство учащихся были православными 45175 учеников, 233 – иудеями, 68 католиками, 69 лютеран и 50 учащихся других исповеданий. По сословиям к детям дворян и чиновников относилось 709 человек, 523 – дети лиц духовного звания, 5934 ученика представителей городских сословий, 38370 учеников из числа сельских сословий и 59 учеников из прочих сословий ([Харьковский календарь, 1893: 200](#)).

Помимо этого, в 1892 г. в губернии было 5 ремесленных училищ: Харьковское, Лебединское, Купянское, Волчанское и Штеповское. Общее количество учащихся в них было 189 учеников мужского пола ([Харьковский календарь, 1893: 201](#)).

В 1894 г. количество учебных заведений на территории Харьковской губернии приблизилось к психологической отметке в 1 тыс. и составило в абсолютном выражении 997 учебных заведений, в которых обучалось 68419 учеников (53778 мальчиков и 14641 девочка) ([Харьковский календарь, 1896: 134-135](#)).

К 1897 г. в губернии происходит резкий рост количества школ Духовного ведомства. Так, если в 1894 г. их было всего 265 ([Харьковский календарь, 1896: 134-135](#)), то в 1897 г. их стало 755 ([Харьковский календарь, 1899: 321](#)). В результате общее количество учебных заведений достигло почти 1,5 тыс. (1443 учебных заведения) с 96 тыс. учащихся (76713 мальчиков и 20128 девочек) ([Харьковский календарь, 1899: 320-321](#)).

В 1901 г. общее количество учебных заведений возросло до 1699, а общее количество учащихся достигло 124929 (91580 мальчиков и 31349 девочек) ([Харьковский календарь, 1903: 86](#)). В регионе также продолжало оставаться три высших учебных заведения, а вот количество средних учебных заведений сократилось до 36 (за счет уменьшения количества частных учебных заведений), низшие же учебные заведения составляли 1660 единиц ([Харьковский календарь, 1903: 86](#)). В то же время резко возросло количество ремесленных училищ, которых в это время насчитывалось уже 12 (одно училище в Харькове, одно в Лебедине, одно в Старобельске, а также 9 Александровских ремесленных училищ в городах Ахтырке, Валках, Волчанске, Змиеве, Купянске, Белополье, Краснокутске и в селах Штеповке и Ново-Псков, учрежденных в память о почившем императоре Александре II) ([Харьковский календарь, 1903: 86-87](#)).

В том же 1901 г. классы ручного труда имелись в 28 училищах, а рукоделие преподавалось в 95 учебных заведениях. К этому времени в начальных учебных заведениях начинает распространяться и обучение сельскому хозяйству – садоводству и огородничеству. Так, эти практические навыки прививались в 136 начальных училищах ([Харьковский календарь, 1903: 87](#)).

В 1905 г. общее количество учебных заведений составляло 1908 ([Обзор..., 1907: 43](#)).

В 1906 г. в губернии было 1991 учебное заведение, в которых обучалось 167 тыс. учащихся ([Обзор..., 1907: 43](#)). Кстати, Дирекция народных училищ Харьковской губернии состояла из директора и 10 инспекторов. Соответственно числу инспекторов и губерния была разделена на 10 инспекторских участков ([Обзор..., 1907: 43](#)).

На 1 января 1909 г. на территории губернии было 1212 учебных заведений с 113 тысячами учащихся ([Обзор..., 1909: 43](#)).

В 1910 г. количество учебных заведений достигло 1302, а количество учащихся увеличилось до 124966 человек (89655 мальчиков и 35311 девочек) ([Обзор..., 1911: 51](#)). В это время состав учащихся по вероисповеданию оставался без изменений. Так, первое место занимали православные 122803 человека, представители других христианских конфессий насчитывали 1169 человек, а представители иудейства – 994 человека ([Обзор..., 1911: 51](#)).

В 1912 г. в губернии было 5 высших учебных заведения (помимо существовавших, открыты женский медицинский институт и высшие женские курсы), 58 средних (в том числе 17 частных женских гимназий) и 1872 начальных. При этом только в начальных учебных заведениях в 1912 г. за партой находилось 143474 ученика, еще более 23 тыс. учащихся обучалось в высших и средних учебных заведениях ([Обзор..., 1913: 56](#)).

К 1 января 1914 г. в ведении Дирекции народных училищ Харьковской губернии находилось 1595 училищ, в том числе: высших начальных (6-классных) – 20, городских по положению 1872 г. – 2, ремесленных – 12, низшая ремесленная школа – 1, частных – 57, воскресных – 34 и начальных – 1469 ([Обзор..., 1914: 48](#)). При этом учащихся в начальных училищах было 145 тыс. (99556 лиц мужского пола и 46073 лиц женского пола) ([Обзор..., 1914: 48](#)). Несколько изменился состав учащихся по вероисповеданию: первое место – православные (141408 человек), а на второе место вышли иудеи (2856 человек), на третьем месте стали представители других христианских конфессий (1349), а также появились среди учащихся другие нехристианские вероисповедания – 16 ([Обзор..., 1914: 48](#)).

В 1914 г. количество высших учебных заведений в Харьковской губернии достигло 6, так как добавился Харьковский коммерческий институт. Количество средних учебных заведений достигло 66. Сеть же начальных училищ в области достигла к 1 января 1915 г. – 1671 учебного заведения, из которых: 22 высших начальных, 2 городских училища по положению 1872 г., 12 – ремесленных, 1 низшая ремесленная школа, 53 – частных, 34 – воскресных и 1547 – начальных. Учащихся только в начальных учебных заведениях насчитывалось 150848 человек ([Обзор..., 1915: 36](#)).

На 1 января 1915 г. во всех учебных заведениях Харьковской губернии обучалось 187794 учащихся, а всего лиц, достигших школьного возраста (8-11 лет), по мнению специалистов Министерства народного просвещения, насчитывалось 301064 человека ([РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1](#)). Это наглядно демонстрирует, что в деле народного образования на территории губернии еще было много работы – неохваченными школами в губернии оставалось более 1/3 детей школьного возраста. Тем не менее местная дирекция учебных заведений не останавливалась на достигнутом.

Так, на 1 января 1916 г. на территории Харьковской губернии были следующие высшие учебные заведения: Императорский Харьковский университет (количество учащихся 4083 человека), Харьковский технологический институт императора Александра III (1753 учащихся), Харьковский ветеринарный институт императора Николая I (491 учащихся), Фельдшерская школа при Ветеринарном институте (37 учащихся), высшие коммерческие курсы для лиц обоего пола: Женский медицинский институт Харьковского медицинского общества (1200 учащихся), Высшие женские курсы общества трудящихся женщин (1954 учащихся). Итого в высших учебных заведениях обучалось 9518 человек ([Обзор..., 1916: 35](#)).

В это же время сеть средних учебных заведений достигла 66, в их числе были 17 мужских гимназий, 8 реальных училищ, Сумский кадетский корпус, Харьковская духовная семинария, Харьковский институт императрицы Марии и 30 женских гимназий ([Обзор..., 1916: 35](#)).

И, наконец, в начале 1916 г. губерния располагала 1573 начальными училищами (143 в городах и 1430 в селах). На обучении в этих училищах в 1916 г. находилось 166292 ученика (107396 мальчиков и 58896 девочек). Помимо этого, количество высших начальных учебных заведений достигло 26, а обучалось в них 3688 учащихся ([Обзор..., 1916: 34](#)).

Таким образом, на 1 января 1916 г. на территории губернии, несмотря на находящуюся в разгаре Первую мировую войну, насчитывалось 1671 учебное заведение, в которых обучалось с учетом средних учебных заведений, около 200 тыс. человек.

5. Заключение

Итак, подводя итоги, мы должны отметить, что в период с 1880 по 1916 г. система народного образования на территории Харьковской губернии прошла период динамичного развития. Количество высших учебных заведений увеличилось в 3 раза и достигло 6. Практически аналогичный рост дали средние учебные заведения в 1916 г. достигнув значения 66, а также низшие учебные заведения – достигнув 1599 училищ вместе с высшими начальными учебными заведениями. В результате к 1 января 1916 г. в губернии за партией оказалось около 200 тыс. учащихся. Однако, несмотря на значительные успехи в деле народного образования, до победных реляций было еще далеко, так как, по сведениям чиновников Министерства народного образования, еще около 100 тыс. детей школьного возраста (8-11 лет) не были охвачены Русской народной школой.

Литература

[Население империи..., 1898](#) – Население империи по переписи 28-го января 1897 г. По уездам. Санкт-Петербург, 1898.

[Обзор..., 1880](#) – Обзор Харьковской губернии за 1880 год. Харьков, 1880.

[Обзор..., 1886](#) – Обзор Харьковской губернии за 1885 год. Харьков, 1886.

[Обзор..., 1888](#) – Обзор Харьковской губернии за 1887 год. Харьков, 1888.

[Обзор..., 1907](#) – Обзор Харьковской губернии за 1906 год. Харьков, 1907.

[Обзор..., 1909](#) – Обзор Харьковской губернии за 1908 год. Харьков, 1909.

[Обзор..., 1911](#) – Обзор Харьковской губернии за 1910 год. Харьков, 1911.

[Обзор..., 1913](#) – Обзор Харьковской губернии за 1912 год. Харьков, 1913.

[Обзор..., 1914](#) – Обзор Харьковской губернии за 1913 год. Харьков, 1914.

[Обзор..., 1915](#) – Обзор Харьковской губернии за 1914 год. Харьков, 1915.

[Обзор..., 1916](#) – Обзор Харьковской губернии за 1915 год. Харьков, 1916.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Харьковский календарь, 1893](#) – *Харьковский календарь на 1893 г.* Харьков, 1893.

[Харьковский календарь, 1896](#) – *Харьковский календарь на 1893 г.* Харьков, 1896.

[Харьковский календарь, 1899](#) – *Харьковский календарь на 1899 г.* Харьков, 1899.

[Харьковский календарь, 1903](#) – *Харьковский календарь на 1903 г.* Харьков, 1903.

[Cherkasov et al., 2019](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(1): 208-214.

- [Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(2): 418-424.
- [Cherkasov et al., 2019b](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(3): 624-637.
- [Cherkasov et al., 2019c](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 4 // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. 8(4): 973-983.
- [Cherkasov, 2023](#) – Cherkasov A.A. Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1683-1694.
- [Mamadaliev et al., 2020](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliev et al., 2020a](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 530-540.
- [Mamadaliev et al., 2020b](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1065-1084.
- [Mamadaliev et al., 2020c](#) – Mamadaliev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4 // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2409-2426.
- [Mamadaliev et al., 2023](#) – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 781-788.
- [Natolochnaya et al., 2020](#) – Natolochnaya O.V., Zimovets L.G., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 473-480.
- [Natolochnaya et al., 2020a](#) – Natolochnaya O.V., Makarov Y.N., Allalyev R.M., Svechnikov V.A. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 679-688.
- [Natolochnaya et al., 2020b](#) – Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Ivantsov V.G. The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 984-992.
- [Rajović, Bratanovskii, 2023](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1643-1651.
- [Shevchenko et al., 2018](#) – Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A., Miku N.V. Public education in the Russian empire at the end of the 19th century // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(1): 226-231.

References

- [Cherkasov et al., 2019](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 208-214.
- [Cherkasov et al., 2019a](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 8(2): 418-424.
- [Cherkasov et al., 2019b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 8(3): 624-637.
- [Cherkasov et al., 2019c](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2019). Development of school education in the Vologda governorate (1725-1917). Part 4. *European Journal of Contemporary Education*. 8(4): 973-983.
- [Cherkasov, 2023](#) – Cherkasov, A.A. (2023). Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries). *Bylye Gody*. 18(4): 1683-1694.
- [Khar'kovskii kalendar', 1893](#) – *Khar'kovskii kalendar' na 1893 g.* Khar'kov, 1893. [in Russian]
- [Khar'kovskii kalendar', 1896](#) – *Khar'kovskii kalendar' na 1896 g.* Khar'kov, 1896. [in Russian]
- [Khar'kovskii kalendar', 1899](#) – *Khar'kovskii kalendar' na 1899 g.* Khar'kov, 1899. [in Russian]
- [Khar'kovskii kalendar', 1903](#) – *Khar'kovskii kalendar' na 1903 g.* Khar'kov, 1903. [in Russian]
- [Mamadaliev et al., 2020](#) – Mamadaliev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(1): 235-247.

Mamadaliyev et al., 2020a – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 530-540.

Mamadaliyev et al., 2020b – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 3. *Bylye Gody*. 57(3): 1065-1084.

Mamadaliyev et al., 2020c – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 4. *Bylye Gody*. 58(4): 2409-2426.

Mamadaliyev et al., 2023 – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917. *Bylye Gody*. 18(2): 781-788.

Naselenie imperii..., 1898 – Naselenie imperii po perepisi 28-go yanvarya 1897 g. Po uezdam [Population of the empire according to the census of January 28, 1897. By county]. Sankt-Peterburg, 1898. [in Russian]

Natolochnaya et al., 2020 – Natolochnaya, O.V., Zimovets, L.G., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 473-480.

Natolochnaya et al., 2020a – Natolochnaya, O.V., Makarov, Y.N., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 679-688.

Natolochnaya et al., 2020b – Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Ivantsov, V.G. (2020). The System of Public Education in Stavropol Governorate in the Period 1804–1917. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 984-992.

Obzor..., 1880 – *Obzor Khar'kovskoi gubernii za 1880 god*. Khar'kov, 1880. [in Russian]

Obzor..., 1886 – *Obzor Khar'kovskoi gubernii za 1885 god*. Khar'kov, 1886. [in Russian]

Obzor..., 1888 – *Obzor Khar'kovskoi gubernii za 1887 god*. Khar'kov, 1888. [in Russian]

Obzor..., 1907 – *Obzor Khar'kovskoi gubernii za 1906 god*. Khar'kov, 1907. [in Russian]

Obzor..., 1909 – *Obzor Khar'kovskoi gubernii za 1908 god*. Khar'kov, 1909. [in Russian]

Obzor..., 1911 – *Obzor Khar'kovskoi gubernii za 1910 god*. Khar'kov, 1911. [in Russian]

Obzor..., 1913 – *Obzor Khar'kovskoi gubernii za 1912 god*. Khar'kov, 1913. [in Russian]

Obzor..., 1914 – *Obzor Khar'kovskoi gubernii za 1913 god*. Khar'kov, 1914. [in Russian]

Obzor..., 1915 – *Obzor Khar'kovskoi gubernii za 1914 god*. Khar'kov, 1915. [in Russian]

Obzor..., 1916 – *Obzor Khar'kovskoi gubernii za 1915 god*. Khar'kov, 1916. [in Russian]

Rajović, Bratanovskii, 2023 – Rajović, G., Bratanovskii, S.N. (2023). The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1. *Bylye Gody*. 18(4): 1643-1651.

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Shevchenko et al., 2018 – Shevchenko, N.A., Kucherkov, I.A., Shirev, D.A., Miku, N.V. (2018). Public education in the Russian empire at the end of the 19th century. *European Journal of Contemporary Education*. 7(1): 226-231.

Система народного образования на территории Харьковской губернии в XIX – начале XX вв. Часть 2

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается система народного образования на территории Харьковской губернии в имперский период. В данной части работы рассматривается период с 1881 по 1917 гг.

Источниковая база исследования представлена документами Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также ежегодными изданиями Харьковского губернского статистического комитета: «Харьковскими календарями», изданными в период 1893–1903 гг., и ежегодными «Обзорами Харьковской губернии», которые являлись приложениями к всеподданейшим отчетам губернатора Харьковской губернии. В работе использованы «Обзоры» за 1880–1916 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

В заключении авторы отмечают, что в период с 1880 по 1916 г. система народного образования на территории Харьковской губернии прошла период динамичного развития. Количество высших учебных заведений увеличилось в 3 раза и достигло 6. Практически аналогичный рост дали средние учебные заведения в 1916 г. достигнув значения 66, а также низшие учебные заведения – достигнув 1599 училищ вместе с высшими начальными учебными заведениями. В результате к 1 января 1916 г. в губернии за партой оказалось около 200 тыс. учащихся. Однако, несмотря на значительные успехи в деле народного образования, до победных реляций было еще далеко, так как, по сведениям чиновников Министерства народного образования, еще около 100 тыс. детей школьного возраста (8-11 лет) не были охвачены Русской народной школой.

Ключевые слова: Харьковская губерния, система народного просвещения, Российская империя, 1732–1917 гг.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 332-342
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.332

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Features of Elections and the Formation of Representative Meetings in the Cities of the Tobolsk Province on the Reform of 1892

Alexander B. Khramtsov ^{a, *}

^a Industrial university of Tyumen, Russian Federation

Abstract

For the first time with the involvement of archival sources, the article examined the results of elections to representative meetings (city councils, meetings of commissioners) of cities of the Tobolsk province on the reform of 1892, indicating the level of electoral activity of voters. It is estimated that in general, less than 1 % of city residents were granted the right to vote in local elections due to various kinds of censors, and less than 33 % of voters took part in the elections directly. Difficulties in organizing elections, their correct conduct and approval of the results were noted in all cities of the province. In fact, every election was accompanied by various violations and protracted scandals, which led to additional checks by the provincial authorities and the police, re-leaving the electoral lists, canceling the results and calling new elections, thereby delaying the process of forming local self-government bodies. It was established that at the level of individual cities, the process of electing vowel city meetings both by objective and subjective factors had its own specifics: participation in elections by proxy of persons without personal qualification, as well as the participation of institutions, firms and enterprises. Under the 1892 law, local elections were held 6 times. In the local thoughts of Tyumen, Tobolsk and Kurgan, large entrepreneurs and industrialists of the region prevailed, in small towns – bourgeois as small traders and artisans. The vowel re-election rate averaged 60 %. Representative meetings “turned” into an elitist authority, inaccessible to most of the population of Siberian cities.

Keywords: elections, voters, city councils, vowels, commissioners, voter turnout, governor.

1. Введение

Новая городская реформа 1892 г. ликвидировала трехразрядную избирательную систему, ввела высокий имущественный ценз для избирателей, чем «отрезала» от участия в выборах мелких собственников. С введением этой реформы сложности в организации выборов, проведении и утверждении их итогов наблюдались во всех городах региона. В процессе становления местного самоуправления города сталкивались с массой однотипных проблем (Толочко и др., 2003: 56). Реформа значительно усилила губернскую опеку за городским управлением. Ряд ученых полагал, что губернаторский надзор в отношении производства местных выборов по реформе 1892 г. стал более последовательным и позволял пресекать нарушения закона в начальной стадии, еще до жалоб избирателей на процедурные ошибки голосования и подведения итогов выборов (Кизеветгер, 1997: 111).

Тобольская губерния включала 10 окружных (уездных) городов, выборы в них проходили каждые 4 года, причем не в единый день голосования, а в разное время, исходя из местных условий. В этом контексте интересно провести оценку результатов выборов в местные представительные собрания, выявить общие и специфические факторы избирательного процесса на уровне отдельных городов.

* Corresponding author

E-mail addresses: khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

2. Материалы и методы

В рамках исследования данной темы первую и основную группу источников составили извлеченные из регионального архива (государственный архив города Тобольска (Тобольск, Российская Федерация) – служебные документы, составленные в процессе выборов и подведения их итогов: списки избирателей, отчеты городских голов, баллотировочные листы, переписка, листки личного состава гласных и их кандидатов и др. Вторая группа источников – публикации газет по выборам в городах («Сибирский вестник», «Вестник Западной Сибири») и третья группа – публикации исследователей.

Основу данной работы составили классические исследовательские принципы: историзм и научная объективность. Благодаря этим принципам осуществлялся критический анализ исторических документов, выявлялись их ошибки и неточности. Итоги местных выборов оценивались по объективным данным и с помощью субъективных оценок, среди них газетные заметки, протесты и заявления избирателей, что позволило рассмотреть избирательный процесс с разных сторон, выявить его особенности и показать его противоречивость. Оценить результаты выборов гласных представительных собраний в городах губернии дали возможность общенаучные (аналитико-синтетический, сравнительный, аналогия) и специальные методы (типологический, системный, контент-анализ).

Посредством хронологического метода показаны изменения на выборах, отмечавшиеся с периодичностью созыва городских собраний. С помощью аналитического метода установлены факторы, определявшие электоральную активность населения. Посредством методов синтетического, типологического и аналогии выявлены трудности с проведением выборов, присущие всем городам, а также нетипичность отдельных факторов. С помощью историко-сравнительного метода и контент-анализа дана оценка показателей и динамике выборов, степени участия в них избирателей в разных городах. А посредством системного метода представлена совокупность фактов, явлений и процессов, связанных с формированием институтов общественного самоуправления в сибирских городах.

3. Обсуждение

На современном этапе проблемы становления органов местного самоуправления в сибирских городах стали объектом исследования для целого ряда ученых. Пожалуй, первой стала работа А.В. Нардовой, в которой была приведена статистика местных выборов в городские собрания. Однако автор рассмотрел итоги лишь первых выборов по закону 1892 г. и на материалах крупных городов (Нардова, 1994).

Среди общих работ, посвященных избирательной системе местного самоуправления, процедуре выборов, порядку их проведения, следует выделить статью А.В. Борисова. Интересно, что автор среди немногих ученых считает, что городские реформы 1870 г. и 1892 г. создали эффективную систему местного самоуправления (Борисов, 2011: 326); омские историки проанализировали этапы становления городского самоуправления в Западной Сибири в имперский период, в том числе проблемы выборов в городах края (Толочко и др., 2003).

В последние годы научный интерес к истории проведения выборов и практик формирования органов самоуправления заметно возрос, а в отдельных городах прослежена их эволюция. Скажем, И.А. Коновалов изучает данную тему на материалах городов Степного края, Омска (Коновалов, 2023), Д.А. Кокшаров – городов Зауралья, Кургана и Шадринска (Кокшаров, 2009), К.А. Анкушева и А.Б. Храпцов – городов Тобольской губернии (Анкушева, 2007; Khramtsov, 2023) Л.А. Еремина и К.В. Лен – городов Томской губернии (Еремина, 2011; Лен, 2006). Тем не менее еще многие вопросы организации выборов и становления института представительной власти в городах региона остаются малоисследованными. Особенно не достаточно комплексных работ, основанных на широкой источниковой базе, анализирующих количественные и качественные показатели местных выборов и формирования городских собраний по реформе 1892 гг. (ПСЗ, 1895: 430-456).

4. Результаты

Так, первые выборы в городах Тобольской губернии по закону 1892 г. состоялись в 1893-1895 гг. Цензовая избирательная система исключала мелких собственников и квартиронанимателей из числа участников формирования личных составов городских собраний (Khramtsov, 2023: 2038). Минимальный порог оценки собственности жителей для участия в выборах в губернском Тобольске и Тюмени составил 1000 руб., в окружных городах – Курган, Ишим, Тара – 300 руб. и в малых – Березов, Сургут, Туринск, Тюкалинск и Ялуторовск – 100 руб. В последних 5 городах вместо дум и управ вводились собрания уполномоченных во главе со старостами и их помощниками (Храпцов, 2023).

По состоянию на 1893 г. в городах Тобольской губернии проживало 100 657 чел. По новым правилам избирательное право получили всего 888 чел. или менее 1 % жителей городов, 40 % из них приняли участие в выборах. Аналогичная ситуация наблюдалась в городах Томской губернии (Еремина, 2011: 69). Со знаком минус отменились Ишим и Курган с 29 % явкой избирателей (таблица 1). Показателен был сход мещан в Сургуте 13 февраля 1894 г., где был принят общественный

приговор об учреждении общегородского управления в упрощенном виде. До этого времени в городе действовал лишь мещанский староста (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 501. Л. 2).

Таблица 1. Итоги выборов гласных (уполномоченных) на первое четырехлетие по реформе 1892 г. (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546. Л. 205-247, 253-259; Статистика..., 1895: 35)

№	Город/годы созыва городского собрания	Всего жителей в городе (1893 г.)	Всего лиц, внесенных в список избирателей	Число лиц, принявших участие в выборах/%	Число лиц, избранных в гласные (уполномоченные)	Число избранных кандидатов
1	Березов/ 1895–1899 гг.	2293	81	30 / 37 %	12	3
2	Ишим/ 1895–1899 гг.	7505	91	27 / 29,7 %	20	4
3	Курган/ 1894–1898 гг.	9050	139	41 / 29,5 %	20	4
4	Сургут 1895–1899 гг.	1603	40	40 / 100 %	12	3
5	Тара/ 1894–1898 гг.	10190	87	32 / 36,8 %	20	8
6	Тобольск/ 1893–1897 гг.	22752	84	33 / 39,3 %	20	1
7	Турунск/ 1894–1898 гг.	4355	41	27 / 65,8 %	15	3
8	Тюкалинск/ 1895–1899 гг.	4373	85	37 / 43,5 %	15	5
9	Тюмень/ 1894–1898 гг.	33107	194	68 / 35 %	23	7
10	Ялуторовск/ 1894–1898 гг.	5429	46	25 / 54,3 %	12	3
Всего		100657	888	360 / 40,5 %	169	41

Вторые выборы прошли также при низкой явке избирателей. Газета сообщала, что выборы проходили тихо, смирно, так как ни прений, ни партий нет. Это происходило от равнодушия обывателей к самоуправлению, гласные заседания не посещались, а во избежание лишней гласности на заседания посторонних не пускали (СВ, 1888: 4). Гласные обычно делились на две группы: купцов, занимающихся коммерческой деятельностью и безмолвствующее большинство мещан (Лен, 2006: 93). Любопытно, что перепись населения в 1897 г. показала меньшую численность горожан, чем прежний учет, тем не менее количество избирателей выросло на 27 % в 9-ти городах. Лишь в Березове их число немного сократилось (Таблица 2). Явка свыше 50 % от всех участников выборов была превышена в Сургуте, Березове, Турунске и Тюкалинске, низкая – в Ишиме – 25 %, в Кургане и Тюмени – 21 %.

Таблица 2. Итоги выборов гласных (уполномоченных) на второе четырехлетие по реформе 1892 г. (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 608. Л. 29-31; Перепись..., 1905: 12)

№	Город/годы созыва городского собрания	Всего жителей в городе (1897 г.)	Всего лиц, внесенных в список избирателей	Число лиц, принявших участие в выборах/%	Число лиц, избранных в гласные (уполномоченные)	Число избранных кандидатов
1	Березов/ 1899–1903 гг.	1070	77	49 / 63,6 %	12	3
2	Ишим/ 1899–1903 гг.	7153	137	34 / 24,8 %	20	5
3	Курган/ 1898–1902 гг.	10301	182	38 / 20,9 %	23	4
4	Сургут/ 1899–1903 гг.	1120	44	34 / 77,3 %	12	4
5	Тара/ 1898–1902 гг.	7223	117	32 / 27,4 %	20	10

6	Тобольск/ 1897–1901 гг.	20425	112	62 / 55,4 %	20	5
7	Турунск/ 1899–1903 гг.	3167	104	59 / 56,7 %	15	7
8	Тюкалинск/ 1899–1903 гг.	4018	104	37 / 35,6 %	15	3
9	Тюмень/ 1899–1903 гг.	29544	275	59 / 21,5 %	29	6
10	Ялуторовск/ 1899–1903 гг.	3330	67	31 / 46,3 %	12	3
Всего		87351	1219	435 / 35,7 %	178	50

Третьи выборы в 1902–1903 гг. состоялись также при небольшой явке избирателей. При этом общее количество избирателей возросло, например, в Тобольске и Ялуторовске в 2 раза (Таблица 3). Только в Тюмени на 17 % сократилось число избирателей. Вероятно, местная управа осуществила переоценку недвижимости жителей, в процессе которой уменьшилось число объектов с оценкой от 1000 руб., что требовал избирательный ценз.

Таблица 3. Итоги выборов гласных (уполномоченных) на третьем четырехлетии по реформе 1892 г. (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1088. Л. 6-7, 8-9, 12-13, 15-16, 19-20, 23-24, 26-27, 30-31, 34-35, 48-49; Д. 1089. Л. 7, 14, 26, 30, 34, 38, 42, 49, 54, 60; Календарь, 1904: 14)

№	Город/годы созыва городского собрания	Всего жителей в городе (1902 г.)	Всего лиц, внесенных в список избирателей	Число лиц, принявших участие в выборах / %	Число лиц, избранных в гласные (уполномоченные)	Число избранных кандидатов
1	Березов/ 1903–1907 гг.	1169	76	29 / 38,2 %	12	3
2	Ишим/ 1903–1907 гг.	7815	120	24 / 20 %	20	4
3	Курган/ 1902–1906 гг.	10875	212	41 / 19,3 %	26	7
4	Сургут/ 1903–1907 гг.	1233	74	38 / 51,4 %	12	4
5	Тара/ 1902–1906 гг.	7727	142	39 / 27,5 %	23	5
6	Тобольск/ 1901–1905 гг.	21349	247	95 / 38,5 %	26	6
7	Турунск/ 1903–1907 гг.	3151	120	30 / 25 %	15	7
8	Тюкалинск/ 1903–1907 гг.	4288	150	29 / 19,3 %	15	5
9	Тюмень / 1903–1907 гг.	29819	229	60 / 26,2 %	26	8
10	Ялуторовск/ 1903–1907 гг.	3554	142	40 / 28,2 %	12	4
Всего		90 980	1512	425 / 28,1 %	187	53

Интересно рассмотреть соотношение избирателей на уровне отдельных городов. Например, в Ялуторовске список избирателей от 17 сентября 1902 г. включал 142 избирателя, из них 107 мужчин и 35 женщин (имели пассивное избирательное право, уполномочивали лиц мужского пола для участия в выборах). 10 ноября 1902 г. на местные выборы пришли 38 человек с личным цензом и 2 по

доверенности, всего 40, 25 баллотировались на 12 мест в городском собрании (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 610. Л. 11, 23-25).

В Березове список избирателей на четырехлетие 1903–1907 гг. изначально состоял из 80 избирателей: 7 купцов, 5 чиновников, 54 мещанина и 14 крестьян. Затем были «удалены» недоимщики, и в окончательном списке осталось 76 человек. На участок пришли 29 из них, 18 баллотировались в городское собрание. Было избрано 10 уполномоченных с личным цензом и 2 уполномоченных по доверенности (от отца и от матери). Что касается оценки собственности избирателей, то в Березове при цензе в 100 руб. наиболее дорогостоящим домом владела чиновница Н.М. Давыдовская, ее дом был оценен в 8000 руб., купец А.С. Плеханов – 5000 руб., мещанин С.П. Шахов – 4000 руб., купец Ф.И. Равский – 4000 руб. (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 600. Л. 4-6, 9-10, 11-11 об., 14).

Выборы на четвертое четырехлетие при общем росте численности избирателей на 6,5 % также не отличались высокими показателями их явки на участки (Таблица 4). Низкий процент участия жителей показали выборы в Тюмени – 18,6 %, наиболее высокий в Таре – 43 %. Более того, на уровне отдельных городов отмечались разные тенденции: в 7-ми из них фиксировался рост населения (Ишим и Тюкалинск – в 1,5 раза, Курган – более чем в 2 раза), в северных поселениях (Березов и Сургут) фактически ничего не менялось, они «застыли», а в губернском Тобольске снизилось число жителей на 6 %.

Список избирателей по Ялуторовску (1906 г.) включал 149 человек. Первым в нем был купец А.В. Колмаков с оценкой недвижимой собственности в 20 000 руб. Согласно отчету в выборах приняли участие 34 избирателя, а баллотировались 23 жителя. В городское собрание из 15 членов «прошли» 9 мещан, 4 дворянина (чиновника) и 2 купца. Были избраны 5 кандидатов – все мещане (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 717. Л. 8-15 а, 20-22, 25-25 об.).

Таблица 4. Итоги выборов гласных (уполномоченных) на четвертое четырехлетие по реформе 1892 г. (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1088. Л. 6-7, 8-9, 12-13, 15-16, 19-20, 23-24, 26-27, 30-31, 34-35, 48-49; Д. 1089. Л. 7, 14, 26, 30, 34, 38, 42, 49, 54, 60; Обзор..., 1907: 11)

№	Город/годы созыва городского собрания	Всего жителей в городе (1906 г.)	Всего лиц, внесенных в список избирателей	Число лиц, принявших участие в выборах	Число лиц, избранных в гласные (уполномоченные)	Число избранных кандидатов
1	Березов/ 1907–1911 гг.	1179	71	22 / 31 %	12	3
2	Ишим/ 1907–1911 гг.	11768	145	58 / 40 %	20	4
3	Курган/ 1906–1910 гг.	23542	262	84 / 32,1 %	29	8
4	Сургут/ 1907–1911 гг.	1258	87	37 / 42,5 %	12	4
5	Тара/ 1906–1910 гг.	8308	112	49 / 43,8 %	23	13
6	Тобольск/ 1906–1910 гг.	20065	272	83 / 30,5 %	29	6
7	Турунск/ 1907–1911 гг.	3543	123	34 / 27,6 %	15	7
8	Тюкалинск/ 1907–1911 гг.	6363	123	40 / 32,5 %	15	3
9	Тюмень/ 1907–1911 гг.	33410	274	51 / 18,6 %	29	8
10	Ялуторовск/ 1907–1911 гг.	4394	149	34 / 22,8 %	15	5
Всего		113 830	1618	492 / 30,4 %	199	61

Список домохозяев с правом голоса на местных выборах в Тюкалинске состоял из 123 жителей. Первый купец Ф.С. Афонин – с оценкой собственности в 11 960 руб. Последний в списке – крестьянин с оценкой собственности в 110 руб. На выборы пришли 40 избирателей. В состав городских уполномоченных были избраны 10 мещан, 2 купца, 1 почетный гражданин и 2 крестьянина, а также 3 кандидата: 1 крестьянин, 1 чиновник и 1 мещанин.

Результаты данных выборов опротестовала группа уполномоченных и мещан в количестве 6-ти человек. 10 мая 1907 г. они подали заявление губернатору об отмене этих результатов и проведении новых выборов. По их утверждению, были допущены следующие «неправильности»: 1) большинство

уполномоченных оказались торгующими, бывшими уполномоченными подряд несколько лет, т.е. почти те же самые, что и в 1906 г.; 2) уполномоченные уже из своей среды, только без всякого приглашения мещан, избрали старосту В.И. Фирстова, за которым, как ходят слухи, есть недоимки и который имеет винную торговлю сейчас и имел ранее. Означенный В.И. Фирстов достаточно уже известен городу по своей службе в роли гласного; 3) помощник городского старосты Поспелов удержался единственно лишь благодаря торгующим гласным, тогда как мещане предлагали двух или трех кандидатов, лиц испытанных.

Ведение дел городского хозяйства, по мнению заявителей, требовало для себя лиц, не могущих смешивать интересы города со своими собственными, как это наблюдается подряд несколько лет благодаря тому, что подавляющее большинство гласных из года в год состояло из класса купцов. Как заботятся последние об интересах города и его нуждах, видно из их отношения к делу. Всякие заседания и собрания по делам города состоят иногда из 4-5 гласных купцов, старосты и помощника его. Приговоры и протоколы подобных заседаний различаются отсутствовавшим гласным для подписи и купцы подписывают и предоставляют бесконтрольно старосте, его помощнику, секретарю. Они ходатайствовали об отмене результатов выборов и о проведении выборов старосты из мещан как основных налогоплательщиков, что позволит «поправить дела города все время идущие и ведущие город к полнейшему обнищанию, долгам и к полному хаосу и беспорядку ведению дел городского хозяйства. Городской староста Ахматов представил губернатору обстоятельный доклад, что в частности В.И. Фирстов все числившиеся за ним недоимки оплатил. В итоге данная жалоба осталась «без уважения» (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 715. Л. 7-11, 17-18, 20-21 об., 46-47).

Выборы на пятое четырехлетие прошли с большим процентом участия жителей, чем прошлые выборы: во-первых, общая численность избирателей выросла на 24 %, во-вторых, поднялась явка жителей на участки на 30 %, в-третьих, на 9 % выросла численность городских избранных (гласных). В Кургане число избирателей умножилось в 2 раза. Только в Тобольске и Березове наблюдалась небольшая коррекция по понижению числа жителей с правом голоса (Таблица 5).

Таблица 5. Итоги выборов гласных (уполномоченных) на пятое четырехлетие по реформе 1892 г. (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1088. Л. 6-7, 8-9, 12-13, 15-16, 19-20, 23-24, 26-27, 30-31, 34-35, 48-49; Д. 1089. Л. 7, 14, 26, 30, 34, 38, 42, 49, 54, 60; Обзор..., 1911: Таблица. Лит. Б/2)

№	Город/годы созыва городского собрания	Всего жителей в городе (1910 г.)	Всего лиц, внесенных в список избирателей	Число лиц, принявших участие в выборах/%	Число лиц, избранных в гласные (уполномоченные)	Число избранных кандидатов
1	Березов/ 1911–1915 гг.	1280	68	20 / 29,4 %	12	3
2	Ишим/ 1911–1915 гг.	11954	150	72 / 48 %	23	14
3	Курган/ 1910– 1914 гг.	35043	520	163 / 31,3 %	40	8
4	Сургут/ 1911–1915 гг.	1383	110	48 / 43,6 %	12	4
5	Тара/ 1910–1914 гг.	12431	151	71 / 47 %	23	15
6	Тобольск/ 1910–1914 гг.	20745	268	108 / 40,3 %	29	6
7	Туринск/ 1911–1915 гг.	3128	116	43 / 37,1 %	15	7
8	Тюкалинск/ 1911–1915 гг.	5275	162	26 / 16 %	15	3
9	Тюмень/ 1911–1915 гг.	35350	368	96 / 26,1 %	35	7
10	Ялуторовск/ 1911–1915 гг.	4423	217	52 / 24 %	15	5
Всего		131 012	2130	699 / 32,8 %	219	72

Пятые выборы оказались богатыми на скандалы и нарушения. Например, в Сургуте в выборах собрания городских уполномоченных на 1911-1915 гг. приняли участие 50 избирателей. Выбрали 12 членов и 3-х кандидатов. И только после подведения итогов выборов выяснилось, что в числе избранных был мещанин А.П. Кушников, который состоял под судом: «подсудим по делу за разбой не подлежит избранию в уполномоченные и другие общественные службы». Кушникова в срочном порядке исключили, заменив другим кандидатом (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 898. Л. 7-11, 16-16 об., 21-22).

В Туринске из списка избирателей пришлось исключить 18 человек как недоимщиков по сборам. В итоге в список вошли 116 избирателей, двое из них – по торговым свидетельствам. В выборах на четырехлетие 1911-1915 гг. участвовали 43 избирателя, среди них были неграмотные, о чем свидетельствует протокол выборов. Любопытно, что уездный исправник составил список уполномоченных с указанием рода деятельности: А.А. Самылов-Леонтьев – мельник, В.Е. Стадухин – лесной кондуктор, В.К. Яворский – сборщик винных лавок, Ф.И. Кузнецов – хлебник, М.С. Рысев – кожевник, Ф.И. Мальцев – торговец, Г.В. Каскин – часовой мастер, И.А. Мальцев – сапожник, С.Я. Яненко – лесничий, М.М. Боярский – учитель приходского училища, А.А. Мальцев – сапожник, Н.С. Кудашев – кожевник, П.Н. Козлов – хлебопек, П.Н. Рычков – землепашец, Ф.Ф. Фаддеев – присяжный казначейства. Кандидаты: В.И. Тугулуков – кожевник, П.С. Балаганов – городской староста, К.С. Митренин – кожевник, И.Я. Караваев – хлебопек, О.С. Лебедев и Н.Е. Орлянкин (вместе работали в конторе), М.И. Тихомиров – уездный врач, П.А. Кузнецов – кожевник, О.Я. Малых – портной. По этому списку можно судить, что в городском собрании преобладали мещане как мелкие торговцы и ремесленники (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 900. Л. 2-3, 6-10, 14-15, 21-21 об., 36-36 об.).

Однако службой данного состава городского управления оказались не довольны избиратели, о чем писали местные газеты. Например, сообщалось о недоверии жителей к управлению городским хозяйством старостой Ф.И. Кузнецовым: «забили тревогу выбиравшие, но уже поздно... управление городом идет ускоренным темпом по наклонной плоскости к общему неблагополучию туринских обывателей» (ВЗС, 1913: 2).

В Березове изначально в список избирателей включили 87 человек (1910 г.). После удаления недоимщиков в списке осталось 67. В выборах участвовало 20 избирателей, которые выбрали 12 уполномоченных и 3 кандидата. Губернатору было подано прошение, согласно которому заявитель считал, что нельзя утверждать итоги выборов с такой низкой явкой и нужно провести новые выборы. Однако из губернской администрации последовал ответ, что число участников выборов превышало количество членов, подлежащих избранию. Результаты выборов были утверждены. Позже выяснилось, что жалобу подал избиратель, не попавший в новый состав городского собрания (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 895. Л. 2-3об., 10, 19-20об., 22-22об.).

Аналогичная ситуация возникала в Тюкалинске, где на итоги местных выборов группа жителей подала заявление о допущенных на них нарушениях (поступило губернатору 30 декабря 1910 г.). Они писали, что в выборах 12 декабря 1910 г. были допущены неправомерности, которые «ни в коем случае не служат делу охранения интересов жителей города Тюкалинска». Заявители посчитали, что «в выборах участвовало избирателей всего 25 человек, объяснить это можно только тем, что городское управление поставило малое количество лиц в известность о дне выборов». Они просили губернатора отменить результаты выборов. Общее губернское управление в заседании 12 января 1911 г. отказало просителям, так как недельный срок подачи жалоб на результаты выборов истек, и в выборах участвовало количество избирателей, которое превышало число подлежащих избранию уполномоченных и кандидатов к ним (15/3) (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 899. Л. 59-59об., 66-66об.).

Последние выборы на шестое четырехлетие в большинстве городов Тобольской губернии состоялись уже в условиях начавшейся Первой мировой войны (за исключением Тобольска). Из 150 тыс. горожан участвовать в выборах имели право 2658 (1,8%), из них на выборы пришли 775 или 29 % (Таблица 6).

В частности, в Ишиме выборы проходили 15 октября 1914 г. с 10 утра до 4 часов вечера. В списке значилось 200 избирателей, включая 17 торгово-промышленных фирм. Всего 217 избирателей. На выборах использовались избирательные записки. Согласно отчету городского головы, «баллотировка производилась спокойно, правильно, никаких нарушений и недоразумений ни в чем не обнаружилось». На 26 мест в местной думе баллотировались 108 кандидатов. В состав гласных думы избраны: купцы и почетные граждане – 7, мещане – 12, чиновники – 5, крестьяне – 2. В состав 20 кандидатов избраны: купцы – 4, мещане – 5, чиновники – 5, крестьяне – 6 (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1191. Л. 23-26.).

Таблица 6. Итоги выборов гласных (уполномоченных) на шестое четырехлетие по реформе 1892 г. (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1191. Л. 10-11об; 17-18; Д. 1097. Л. 14-16, 21-22; Д. 1186. 10-10об., 17-18; Д. 1187. Л. 8-15, 26; Д. 1188. Л. 6-8, 22-25; Д. 1174. Л. 28-37, 51; Д. 1175. Л. 11-14, 36-37; Д. 1177. Л. 11-11об., 17; Д. 1190. Л. 10-11, 16-17; Д. 1288. Л. 26-27; Обзор..., 1916: 5)

№	Город / годы созыва городского собрания	Всего жителей в городе (1914 г.)	Всего лиц, внесенных в список избирателей	Число лиц, принявших участие в выборах / %	Число лиц, избранных в гласные (уполномоченные)	Число избранных кандидатов
1	Березов/ 1915–1919 гг.	1216	71	25 / 35,2 %	12	3

2	Ишим/ 1915–1919 гг.	15804	200	80 / 40 %	26	20
3	Курган/ 1914–1918 гг.	37822	830	168 / 20,2 %	40	8
4	Сургут/ 1915–1919 гг.	1542	93	44 / 47,3 %	12	3
5	Тара/ 1914–1918 гг.	11825	222	57 / 25,7 %	26	14
6	Тобольск/ 1914–1918 гг.	23732	276	115 / 42,1 %	29	6
7	Турунск/ 1915–1919 гг.	3057	149	50 / 33,6 %	15	10
8	Тюкалинск/ 1915–1919 гг.	5496	178	55 / 30,9 %	15	6
9	Тюмень/ 1915–1919 гг.	44931	361	125 / 34,6 %	35	7
10	Ялуторовск/ 1915–1919 гг.	4580	278	56 / 20,1 %	15	3
Всего		150 005	2658	775 / 29,2 %	225	80

В Тюмени выборы были назначены на 22 ноября 1914 г. Первоначально в список вошли 455 избирателей, были исключены 93 недоимщика = 362 избирателя, также исключен мещанин, внесенный ошибочно с имуществом 850 руб. Согласно списку избирателей, в городе проживали самые состоятельные горожане: например, купец А.И. Текутьев владел собственностью на 76 тыс. руб. (самый богатый житель в регионе), купец Н.У. Ядрышников – в 30 тыс. руб., А.Ф. Аверкиев в 35 800 руб., что в 10 раз больше бюджета Березова. Явка на выборы составила 125 человек, из них 19 человек голосовали по доверенностям (например, от «Общества охотников конного бега» – П.А. Брюханов, от казенного винного склада – Ф.Э. Станевич). Выборы прошли спокойно, баллотировались 125 кандидатов, избран был состав местной думы из 35 гласных и 7 кандидатов (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1188. Л. 6-8, 22-27).

Больше всего избирателей насчитывалось в Кургане – 797 человек + торговые предприятия = 830. Например, в списке значились: Сибирский торговый банк, Волжско-Камский коммерческий банк, ТД «И.П. Колпакова Наследники». В Кургане проживали торговые люди «среднего класса», скажем, купец М.М. Дунаев владел недвижимостью на 21 380 руб., купец Г.Л. Кропанин – 19 685 руб., почетный гражданин А.Д. Смолин – 15 955 руб., почетный гражданин Ф.Д. Смолин – 13 300 руб. Среди предприятий в списке избирателей был казенный склад министерства финансов, владел собственностью 236 000 руб., Союз маслодельных артелей – 11 800 руб. Городской глава Ф.В. Шветов ввиду большого количества избирателей просил губернатора разрешить 24 и 28 августа 1914 г. провести предварительные собрания для определения кандидатов в гласные. В этих выборах приняли участие 168 избирателей. Из 40 избранных в думу 26 (65%) служили гласными в прежних созывах, в частности, Ф.Д. Смолин был в думе с 1898-1918 гг. На выборах городского головы был переизбран Ф.В. Шветов. Он получил 22 голоса «за», 14 голосов «против» (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1174. Л. 9-37, 44-44об.).

Выборы на шестое четырехлетие также не обошлись без конфликтных ситуаций. В частности, 10 сентября 1915 г. Ялуторовский. уездный исправник, подал рапорт губернатору на итоги местных выборов, в котором отметил, что «мещанин Федор Тимофеевич Неговский (в списке № 14) не может быть допущен ни к какой общественной деятельности. Он нрава в высшей степени строптивного, грубый по самой натуре, не умеет разбираться в понятиях о дозволенном и недозволенном. Не было примера, чтобы он прийдя в городскую управу по своим частным делам, не нанес оскорбления кому-либо из состава служащих. Неговский до закрытия продажи вина был известен, как форменный алкоголик». В порядке подсчета голосов его заменил Павел Андреевич Зыков, чиновник в отставке, прослуживший бессрочно по почтовому ведомству более 35 лет. Остальные избранные лица вполне удовлетворяли всем требованиям.

В Ялуторовске группа из 9 уполномоченных городского собрания и кандидатов к ним приняла заявление, согласно которому 9 октября 1915 г. новым городским старостой был избран Иван Викторович Николаевский. Заявители нашли выбранное лицо абсолютно несоответствующим указанной должности: «человек узких интересов, совершенно неспособный». Губернская администрация запросила у правительственных начальников сведения о И.В. Николаевском. Согласно рапорту ялуторовского воинского начальника от 15 октября 1915 г., он «человек с ограниченным умом, совершенно не развитый, не имеющий ни частного ни общественного авторитета, как из бывших чернорабочих на золотых приисках, причем выбор его произошел вследствие большинства голосов партии таких-же уполномоченных из крестьян, переселившихся из селений в город. Выбор такого лица в старосты Ялуторовска, города бедного и неблагоустроенного,

требующего от представителя города особенную гибкость ума, общественной инициативы и распорядительности, не соответствует своему назначению». Начальник Тобольского губернского жандармского управления 5 ноября 1915 г. доложил губернатору, что И.В. Николаевский и его помощник В.Я. Ульянов по делам управления не проходили.

6 ноября 1915 г. местный уездный исправник доложил губернатору, что мещанин И.В. Николаевский за время проживания в городе с 1903 г. судим не был. По оценке исправника, «поведения и нравственные его качества не имеют за собой ни отрицательной, ни похвальной оценки, замечается невежество и неряшливость». Николаевский имел порядочные денежные средства, его стремление занять должность старосты имело единственную цель наживы в виде получаемого жалования. В результате начальник губернии не нашел оснований для его утверждения в должности (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1288. Л. 35-35 об., 42-42 об., 43-43 об. 57, 58).

На итоги выборов в Сургуте в губернское управление 31 марта 1915 г. поступила «анонимка». По утверждению анонима, в состав избранных уполномоченных попали три лица, не имевшие в городе собственной недвижимости «даже на одну копейку рубля»: 1) Иван Галактионович Клепиков, 2) Иван Михайлович Кайдалов и 3) Александр Павлович Кайдалов. Аноним просил выборы не утверждать, от должностей их отстранить. Сургутский староста в рапорте от 25 августа 1915 г. доложил, что названные жители имели требуемую собственность: 1) И.Г. Клепиков – на 2000 руб., имущество принадлежало трем братьям, хотя между братьями раздела не проводилось, каждый из них владел долей по 666 руб.; 2) И.М. Кайдалов как единственный сын владел вместе со своей матерью собственностью в 500 руб., а также имел торговое свидетельство по 3 разряду; 3) А.П. Кайдалов владел в городе отцовским домом более 10 лет, по городской оценке, в 100 руб. Данные лица были избраны законно. Губернатор результаты выборов оставил в силе (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1186. Л. 29-29 об., 30-31).

5. Заключение

Анализ результатов выборов в представительные собрания в городах Тобольской губернии по закону 1892 г. показал, с какими сложностями столкнулись местные власти в ходе реализации этой реформы. Фактически каждые выборы не обходились без нарушений и скандалов, вызванных как объективными, так и субъективными факторами. По данному закону выборы в городах региона проводились 6 раз. За 1892–1915 гг. при росте численности городских жителей более чем на 66 % и соответственно количеству избирателей на 33,4 % их электоральная активность оставалась низкой. В среднем в выборах участвовали менее 33 % от списочного состава. Идея широкого участия в общественных делах не нашла должного понимания у сибиряков, в связи с чем городские собрания «превратились» в элитарный орган власти, закрытый от большинства населения. Также этому содействовал высокий коэффициент переизбираемости гласных, достигавший в среднем 60 %. Местные думы состояли из гласных-предпринимателей региона и выражали их интересы.

Литература

Анкушева, 2007 – Анкушева К.А. Организация и деятельность Тюменской городской думы на основе городских положений 1870 и 1892 годов // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2007. № 1. С. 206-212.

Борисов, 2011 – Борисов А.В. Избирательный закон и организация системы выборов по городским положениям 1870 и 1892 гг. // *Известия Пензенского государственного университета им. В. Г. Белинского*. 2011. № 23. С. 326-332.

ВЗС, 1913 – *Вестник Западной Сибири*. 1913. № 189.

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.

Еремина, 2011 – Еремина Л.А. Органы городского самоуправления Томска в конце XIX – начале XX века (социальный состав, структура, функции) // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История. Филология. 2011. Т. 10. Вып. 1. С. 69-73.

Календарь, 1904 – *Адрес-календарь Тобольской губернии на 1904 г.* Тобольск: губ. тип., 1904.

Кизеветтер, 1996 – Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881-1914. М.: Искусство, 1997. 395 с.

Кокшаров, 2009 – Кокшаров Д.А. Представительная власть в Зауралье: история и современность. Челябинск, 2009. 343 с.

Коновалов, 2023 – Коновалов И.А. Особенности местного самоуправления в Степном генерал-губернаторстве // *Правоприменение*. 2023. Т. 7. № 2. С. 27-33.

Лен, 2006 – Лен К.В. Организация городского самоуправления в Западной Сибири после введения городского положения 1870 года // *Муниципальное право*. 2006. № 4. С. 88-94.

Нардова, 1994 – Нардова А.В. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб.: Наука, 1994. 158 с.

Обзор..., 1907 – Обзор Тобольской губернии за 1906 г. Тобольск: губ. тип., 1907.

Обзор..., 1911 – Обзор Тобольской губернии за 1910 г. Тобольск: губ. тип., 1911.

Обзор, 1916 – Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск: губ. тип., 1916.

- Перепись..., 1905** – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXXVIII. Тобольская губерния. СПб.: ЦСК МВД, 1905.
- ПСЗ, 1895** – Полное Собрание Законов. Собр. III. Т. XII. Оtd. 1-е. СПб., 1895. Ст. 8707. С. 430-456.
- СВ, 1888** – *Сибирский вестник*. 1888. № 3.
- Статистика..., 1895** – Статистика Российской империи XXIX. Волости и населенные места 1893 г. Вып. 10. Тобольская губерния. СПб.: ЦСК МВД, 1895.
- Толочко, Коновалов, 2003** – Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. 196 с.
- Храмцов, 2023** – Храмцов А.Б. Городские старосты и их помощники в системе управления малым поселением: правовой статус и социальный состав // *Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2023. № 1. С. 25-29.
- Khramtsov, 2023** – Khramtsov A.B. Electoral Activity of Voters and the Practice of Forming Representative Assemblies in the cities of Siberia (1900s) // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 2036-2044.

References

- Ankusheva, 2007** – Ankusheva, K.A. (2007). Organizatsiya i deyatelnost' Tyumenskoi gorodskoi dumy na osnove gorodovykh polozhenii 1870 i 1892 godov [Organization and activities of the Tyumen City Council on the basis of the city regulations of 1870 and 1892]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. 1: 206-212. [in Russian]
- Borisov, 2011** – Borisov, A.V. (2011). Izbiratel'nyi zakon i organizatsiya sistemy vyborov po gorodovym polozheniyam 1870 i 1892 gg. [Electoral law and the organization of the election system under the city regulations of 1870 and 1892]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. 23: 326-332. [in Russian]
- Eremina, 2011** – Eremina, L.A. (2011). Organy gorodskogo samoupravleniya Tomska v kontse XIX – nachale XX veka (sotsial'nyi sostav, struktura, funktsii) [City self-government bodies of Tomsk in the late XIX – early XX centuries (social composition, structure, functions)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Filologiya. 10(1): 69-73. [in Russian]
- GAT** – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State Archives in Tobolsk].
- Kalendar', 1904** – *Adres-kalendar' Tobol'skoi gubernii na 1904 g.* [Address-calendar of the Tobolsk province for 1904]. Tobol'sk: gub. tip., 1904. [in Russian]
- Khramtsov, 2023** – Khramtsov, A.B. (2023). Electoral Activity of Voters and the Practice of Forming Representative Assemblies in the cities of Siberia (1900s). *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 2036-2044.
- Khramtsov, 2023** – Khramtsov, A.B. (2023). Gorodskie starosty i ikh pomoshchniki v sisteme upravleniya malym poseleniem: pravovoi status i sotsial'nyi sostav [City elders and their assistants in the management system of a small settlement: legal status and social composition]. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy*. 1: 25-29. [in Russian]
- Kizevetter, 1996** – Kizevetter, A.A. (1996). Na rubezhe dvukh stoletii: Vospominaniya 1881-1914 [At the turn of two centuries: Memoirs 1881-1914]. M.: Iskusstvo, 395 p. [in Russian]
- Koksharov, 2009** – Koksharov, D.A. (2009). Predstavitel'naya vlast' v Zaural'e: istoriya i sovremennost' [Representative power in the Trans-Urals: history and modernity]. Chelyabinsk, 343 p. [in Russian]
- Konovалov, 2023** – Konovалov, I.A. (2023). Osobennosti mestnogo samoupravleniya v Stepnom general-gubernatorstve [Features of local self-government in the Steppe Governor General]. *Pravoprimenenie*. 7(2): 27-33. [in Russian]
- Len, 2006** – Len, K.V. (2006). Organizatsiya gorodskogo samoupravleniya v Zapadnoi Sibiri posle vvedeniya gorodovogo polozheniya 1870 g. [Organization of urban self-government in Western Siberia after the introduction of the urban situation of 1870]. *Munitsipal'noe pravo*. 4: 88-94. [in Russian]
- Nardova, 1994** – Nardova, A.V. (1994). Samoderzhavie i gorodskie dumy v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Autocracy and city councils in Russia in the late XIX - early XX centuries]. SPb.: Nauka, 158 p. [in Russian]
- Obzor, 1916** – Obzor Tobol'skoi gubernii za 1914 g. [Review of the Tobolsk province for 1914]. Tobol'sk: gub. tip., 1916. [in Russian].
- Obzor..., 1907** – Obzor Tobol'skoi gubernii za 1906 g. [Review of the Tobolsk province for 1906]. Tobol'sk: gub. tip., 1907. [in Russian]
- Obzor..., 1911** – Obzor Tobol'skoi gubernii za 1910 g. [Review of the Tobolsk province for 1910]. Tobol'sk: gub. tip., 1911. [in Russian]
- Perepis'..., 1905** – Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii. 1897 g. [The first general census of the population of the Russian Empire. 1897]. Т. LXXVIII. Tobol'skaya guberniya. SPb.: TsSK MVD, 1905. [in Russian]
- PSZ, 1895** – Polnoe Sobranie Zakonov [Full Collection of Laws]. Sобр. III. Т. XII. Оtd. 1-е. SPb., 1895. Ст. 8707. pp. 430-456. [in Russian]

[Statistika..., 1895](#) – Statistika Rossiiskoi imperii XXIX. Volosti i naselennye mesta 1893 g. [Statistics of the Russian Empire XXIX. Volosts and populated places of 1893]. Vyp. 10. Tobol'skaya guberniya. SPb.: TsSK MVD, 1895. [in Russian]

[SV, 1888](#) – *Sibirskii vestnik*. 1888. № 3. [in Russian]

[Tolochko, Kononov, 2003](#) – *Tolochko, A.P., Kononov, I.A., Merenkova, E.Yu., Chudakov, O.V.* (2003). Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoi Sibiri v dorevolyutsionnyi period: stanovlenie i razvitie [Urban self-government in Western Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]: monografiya. Omsk, 196 p. [in Russian]

[VZS, 1913](#) – *Vestnik Zapadnoi Sibiri*. 1913. № 189. [in Russian]

Особенности выборов и формирования представительных собраний в городах Тобольской губернии по реформе 1892 года

Александр Борисович Храмов ^{a, *}

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые с привлечением архивных источников исследованы результаты выборов в представительные собрания (городские думы, собрания уполномоченных) городов Тобольской губернии по реформе 1892 г., свидетельствующие об уровне электоральной активности избирателей. Подсчитано, что в целом право голоса на местных выборах в силу разного рода цензов было предоставлено менее 1 % жителей городов, а непосредственное участие в выборах приняли менее 33 % избирателей. Трудности в организации выборов, их правильном проведении и утверждении итогов отмечались во всех городах губернии. Фактически каждые выборы сопровождалась разными нарушениями и затяжными скандалами, которые приводили к дополнительным проверкам губернскими властями и полицией, пересоставлению избирательных списков, отмене результатов и назначению новых выборов, тем самым затягивался процесс формирования органов местного самоуправления. Установлено, что на уровне отдельных городов процесс избрания гласных городских собраний как по объективным, так и субъективным факторам имел свою специфику: участие в выборах по доверенности лиц без личного ценза, как и участие учреждений, фирм и предприятий. По закону 1892 г. местные выборы состоялись 6 раз. В местных думах Тюмени, Тобольска и Кургана преобладали крупные предприниматели и промышленники региона, в малых городах – мещане как мелкие торговцы и ремесленники. Коэффициент переизбираемости гласных составлял в среднем 60 %. Представительные собрания «превратились» в элитарный орган власти, недоступный для большей части населения сибирских городов.

Ключевые слова: выборы, избиратели, городские думы, гласные, уполномоченные, явка избирателей, губернатор.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 343-352
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.343

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Socio-Demographic Situation of the Russian Population on the Territory of Western Kazakhstan (late 19th – early 20th centuries)

Altynai Zhurasova ^{a, *}, Gulnara Esseeva ^a, Raushan Serik ^a, Lyazzat Alkhamova ^b

^a West Kazakhstan University, Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^b Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems, Republic of Kazakhstan

Abstract

The formation of the Russian population in the national structure of Western Kazakhstan is directly related to the historical processes that took place in the region, as well as the territory of border Russia. Western Kazakhstan has always been an important area of interethnic relations between representatives of various nationalities, including Russians and Kazakhs. The formation of the Russian ethnic group in the population structure of Western Kazakhstan had deep historical roots and took place within the framework of various components. The three main constituent elements in the structure of the Russian ethnic group in the pre-revolutionary period should include Cossacks, nonresidents and immigrants. This article examines the issues of formation, settlement and other demographic characteristics of the Russian ethnic group in Western Kazakhstan during the period under consideration. This is the period when the process of integration of the Russian ethnic group acquires the most intense and large-scale character. The study also analyses the dynamics of quantitative and qualitative changes in the composition of the Russian population of the region. Special attention is paid to the characterisation of the main trends in the socio-demographic development of the Russian ethnos in the period under consideration.

The materials of the article are based on the use of archival materials, statistical sources, scientific research of various periods. In addition, the materials of the general population census of the Russian Empire in 1897, which gives a rich layer of data on the number, distribution, sex and social structure of the Russian ethnos in the pre-revolutionary period, are analysed in the materials of the article.

Due to the fact that this work belongs to the category of historical and demographic, statistical methods of analysis, systematisation, criticism and mutual verification of sources were applied in the study.

Keywords: formation, number, settlement, Russian ethnos, population, census, dynamics, Western Kazakhstan, Cossacks, nonresidents, migrants.

1. Введение

По своему этническому составу и многообразию культур Казахстан является уникальным государством, в котором проживают представители более ста национальностей. Поэтому одной из важнейших проблем современной исторической науки Казахстана является изучение истории формирования и становления многонациональной структуры населения, выявление роли отдельных этносов в истории развития нашего государства.

Как отмечал академик М.К. Козыбаев, каждый этнос Казахстана имеет свое место в истории нашего государства, «являясь не только субъектом, но и объектом исторического прогресса». Историческая же самореализация этноса, проявление его социального творчества, по мнению автора, зависят от его количественных и качественных характеристик (Козыбаев, 1991: 8).

* Corresponding author

E-mail addresses: azhurasova@mail.ru (A. Zhurasova), eseeva70@mail.ru (G. Esseeva), serikrau@gmail.com (R. Serik), Lyazzat1128@mail.ru (L. Alkhamova)

Западный Казахстан имеет наиболее протяженную границу с Россией, что стало причиной постоянных взаимосвязей на протяжении очень длительного исторического периода. Русские являлись одной из самых многочисленных этнических групп практически на всех этапах формирования национальной структуры Западного Казахстана. Отметим также, что данный процесс был напрямую связан с историческими процессами, происходившими в регионе.

Самые первые русские поселенцы на территории Западного Казахстана появились еще в XVI столетии, а по некоторым источникам и раньше. С принятием русского подданства и развернувшейся вследствие этого активной колонизации региона рост русского населения приобретает очень большие масштабы. Еще более усилилось движение русских на территорию региона в ходе переселенческой политики царизма. В результате всех этих процессов уже в конце XIX века численность русских в регионе была достаточно высока.

Западный Казахстан на протяжении многих столетий представлял собой важный регион на перекрестке различных культур и народов.

В период с 1897 по 1917 гг. русский народ начал активно расселяться в этом районе, что привело к изменениям в демографической структуре региона и социокультурной среде. В представленной работе будут рассмотрены демографические характеристики русского населения Западного Казахстана в указанный период времени. Целью данного исследования является изучение истории формирования и социально-демографического развития русского населения в национальной структуре Западного Казахстана в дореволюционный период.

2. Материалы и методы

Материалы статьи базируются на использовании архивных документов: государственный архив Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация) и центральный государственный архив Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), статистических источников, научных исследований авторов различных периодов. Важным источником по дореволюционному периоду является перепись 1897 года. Материалы переписи 1897 года дают богатый пласт сведений о численности, размещении, половой и социальной структуре русского этноса в дореволюционный период. Социально-демографические процессы, протекавшие в рамках рассматриваемой этнической группы, изучаются в контексте исторического развития Западного Казахстана.

При изучении процессов формирования, увеличения численности русского населения в регионе были применены методы историко-сравнительного и проблемно-хронологического анализа, что позволило более глубоко и последовательно осветить происходившие изменения.

Для полного раскрытия закономерностей историко-демографического развития русского населения региона были применены историко-статистические методы обработки материалов, научных подсчетов, анализа, критики и сопоставления имеющихся источников и материалов.

3. Обсуждение

Первые исследования дореволюционного периода по изучаемой тематике представлены работами по истории уральского казачества.

Одним из крупных авторов дореволюционного периода, труды которого представляют значительный интерес для изучаемой проблемы, является Н.П. Огановский. В одной из работ исследователя освещена история возникновения одного из первых переселенческих поселков в Уральской области (Огановский, 1900: 171-172). Автор освещает историю его заселения, анализирует причины переселения крестьян, определяет занятия и количественный состав переселенцев. Во второй работе исследователя, освещающей вопросы народонаселения и землепользования в области на период 1904 года, содержится информация по всем основным компонентам в структуре русской этнической группы: казакам, иногородцам и переселенцам (Огановский, 1904: 110-211). Здесь нашли освещение такие важные для нас вопросы, как динамика численности, формы хозяйствования, плотность расселения, занятия различных групп русского населения.

Важный пласт различных сведений по истории войскового и невойскового населения содержатся в работе Н.А. Бородин «Уральское казачье войско». В исследовании содержится подробное описание населения войсковой территории с указанием численности, а также с характеристикой социальной структуры и хозяйственной жизни. В ней приводятся материалы о национальной структуре и конфессиональном составе населения войска (Бородин, 1891).

В годы переселенческого движения на территорию региона на страницах местных изданий стали появляются статьи, авторы которых преследовали цель помочь переселенцам в решении злободневных проблем в хозяйственной жизни крестьян. Ряд заметок посвящен агрономическим проблемам и ветеринарии, в других излагаются правила возведения построек и т.д. (Невпрович, 1911: 171-195; Матвеев, 1914: 170-183). Из этих работ мы можем узнать о хозяйственно-бытовых сторонах жизни переселенцев.

Разнообразные аспекты истории русского населения получили освещение в трудах ряда других дореволюционных исследователей. Особое место среди них занимает работа А.И. Добросмыслова (Добросмыслов, 1901: 524). В исследовании рассматриваются различные стороны жизни русских

переселенцев Тургайской области. Следует отметить, что автор являлся активным сторонником распространения русской культуры среди местного населения посредством открытия русских учебных заведений в степи.

К разряду исследований, важных для изучения истории русского этноса в регионе, следует отнести работу Н.Е. Бекмахановой ([Бекмаханова, 1986: 242](#)), где изучаются вопросы народонаселения Казахстана в дореволюционный период. В работах автора нашли подробное освещение вопросы численности, расселения, этнической структуры населения войска, характера его взаимоотношений с местными жителями.

Особенности демографического развития русского населения Казахстана в указанный период освещены в исследовании Н.В. Алексеенко «Население дореволюционного Казахстана» ([Алексеенко, 1981: 111](#)). Здесь приводятся сведения по истории формирования русского этноса в рамках изучаемого региона. На основе изучения широкого спектра статистических материалов автором выявляются изменения в демографическом развитии регионов Казахстана.

4. Результаты

Первые представители русского этноса поселились на территории региона в конце XV – начале XVI веков. Эти поселенцы заложили основу уральского казачества, которое являлось одной из важнейших составляющих в составе русской этнической группы региона в дореволюционный период. Особое место казачества в колониальной политике царизма обеспечило быстрый рост численности казаков и расширение зоны их расселения в Западном Казахстане. Формирование русской этнической группы в составе населения региона происходило различными путями и из различных по происхождению групп. Само же понятие «русское население» применительно к дореволюционному времени отличается от современной трактовки. На начальной стадии формирования оно зачастую употреблялось в отношении всех пришедших с «русской земли» людей. Это нашло отражение и в архивных материалах, и в исследованиях дореволюционных авторов, и в справочных изданиях того периода. Причиной этому был высокий удельный вес русских в основных группах пришлого населения. Исходя из специфики изучаемой нами проблемы, считаем необходимым более подробно остановиться на данном вопросе.

Позицию лидирующей по численности национальной группы в составе Уральского казачьего войска русские имели изначально. В немалой степени данный факт был обусловлен тем, что на первых порах формирование казачьего войска происходило за счет притока выходцев исконно русских земель. В работе В.М. Кабузана отмечается, что практически весь состав Яицкого войска, по переписи 1747 года, представляли русские ([Кабузан, 1990: 47](#)).

Прием в казаки представителей других этнических групп (калмыков, татар и т.д.), последовавший в дальнейшей истории войска, несколько изменил картину. Но все же подавляющее большинство в национальной структуре войскового населения сохраняли русские. Так, численность русских в составе войска только за 1858–1862 годы увеличилась на 4468 человек. Если в 1858 году абсолютная численность русских составляла 65869 человек, то 1862 году – 70337 человек. При этом удельный вес русских в этнической структуре войска оставался на протяжении этих лет неизменным, составив 86 %. То есть доля русских в национальной структуре Уральского казачьего войска за рассматриваемые годы не изменялась, хотя численность русского этноса постепенно увеличивается. Это происходило вследствие расширения структуры войска за счет других национальных групп: татар, калмыков и т.д. Однако динамика численности других этнических групп, кроме русских, характеризовалась колебаниями или же увеличивалась совсем незначительно. Если численность русских в составе войска с каждым годом увеличивалась, то в разрезе других этносов столь устойчивых тенденций к росту не наблюдалось. К примеру, численность татар в составе войска в 1859 году составляла 4034 человека, а в следующем году уменьшилась до 3892 человек. Численность же калмыков увеличилась за этот период только на 20 человек ([Бемаханова, 1980: 260](#)).

В последней трети XIX века наблюдается увеличение доли русских в составе войскового населения. На эту тенденцию указывал Н. Бородин, отмечавший, что «племенной» состав войска в 1876–1885 годах изменился в пользу русских. Удельный вес русских в этническом составе войскового населения в 1886 году, согласно данным исследователя, составлял уже 93 %. Численность же других этнических групп имела тенденцию к уменьшению, что также имело свои причины. К примеру, башкир причисляли к крестьянам, а каракалпаки почти были ассимилированы русскими ([Бородин 1891: 139](#)).

То есть в основе увеличения доли русских в составе войска лежали как социальные изменения, связанные с отходом ряда этнических компонентов в другие общественные категории, так и процессы ассимиляции некоторых национальных групп русскими.

Этнический состав невойскового населения также не был однородным. По данным, приведенным исследователем Н. Огановским, на 1885 год на 1000 иногородцев приходилось 759 русских, 127 татар и 108 казахов. В небольшом количестве в состав иногородцев входили поляки, немцы, евреи, башкиры. Как указывает автор, в последующие годы преобладание русских в национальной структуре данной категории населения сохраняется ([Огановский, 1904: 154](#)). Об этом

свидетельствуют и другие источники. В архивных материалах, характеризующих статистические данные по войсковой территории Уральской области по состоянию на 1887 год, имеются сведения о национальном составе иногородцев.

В этнической структуре иногородцев на данный год насчитывалось 26800 русских, 5016 татар и 4674 казахов (ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 255. Л. 65).

Учитывая, что казаки и иногородцы проживали на одной территории, рассмотрим более детально материалы по этнической структуре данных категорий населения. Если рассмотреть данные итогов подворной переписи населения войсковой территории, проводившейся Н. Бородиным в 1885 году, то выявляется следующая картина. Общая численность представителей русского этноса среди войскового населения – 93658 человек, а среди иногородцев – 28059 человек. В половой структуре русской этнической группы среди казачьего населения преобладали женщины: 48015 человек, мужчин было 45015. Среди невойскового населения преобладали мужчины – 14613, а численность женщин составляла 13446 человек.

Приведенные данные наглядно демонстрируют, что этническая структура войскового населения и иногородцев имеет различия. Структура войскового населения фактически представлена только тремя этническими группами: русскими (93658 человек), татарами (5378 человек) и поляками (2 человека.). Национальный состав иногородцев отличается пестротой. В эту группу входили русские – 28059 человек; татары – 4701 человек; казахи – 3989 человек; башкиры – 88 человек; евреи – 60 человек; немцы – 31 человек; поляки – 16 человек (Бородин, 1891: 138).

Как мы указывали выше, численный состав русских в составе иногороднего населения на указанный год составил 28059 человек. Если сопоставить данные цифры с материалами об общей численности иногороднего населения за этот год, можно вычислить долю русских в его составе. Согласно Н. Огановскому, общая численность иногороднего населения в 1885 году составляла 36950 человек (Огановский, 1904: 213). Значит, удельный вес русских в национальной структуре иногородцев, составлял 76 %.

Основной сферой занятий иногороднего населения являлись торговля и ремесленное производство. Это послужило основой для выделения иногородцев в особую категорию населения региона и определяло специфику их хозяйственной жизни, а также социального статуса в структуре населения региона. Значимость этой категории населения в процессе формирования русской этнической группы в регионе особенно возрастает со второй половины XIX века.

Важным фактором формирования русского населения в национальной структуре региона являлось переселенческое движение. До второй половины XIX века крестьянские переселения на территорию Западного Казахстана были незначительны. Интенсивное проникновение крестьянских масс на территорию изучаемого региона начинается после отмены крепостного права в России. Главной причиной данного процесса являлся недостаток земельного фонда в центральных и южных частях Российской империи.

Можно выделить несколько этапов в периодизации переселенческого движения в Западном Казахстане. К первому этапу данного процесса он относит период до царской реформы 1861 года, когда крестьяне, находившиеся в крепостной зависимости, не имели свободы передвижения. Поэтому переселения на территорию региона носили эпизодический характер.

Второй этап в переселенческом движении в Западном Казахстане охватывает период с 1861 года до начала 90-х годов. После отмены крепостного права российское крестьянство, получившее ничтожные наделы пахотных земель и оказавшееся в очень трудных экономических условиях, начинает движение в поисках новых земель. Этот период характеризуется началом самовольных, нелегальных перемещений крестьян на территорию региона.

В 1891–1892-е годы начинается следующий этап в рамках переселенческого движения. Данный период был отмечен не только изменениями его масштабов, получивших более значительный размах. После принятия закона 1889 года правительство берет течение данного процесса под свой контроль (Огановский, 1900: 171-173).

На основании приведенных материалов можно говорить об изменении самого характера этого процесса, постепенно принимающего узаконенные формы.

Согласно архивным данным, начальный этап переселенческого движения в Тургайской области был зафиксирован в 1848 году в Михайловском поселке, когда прибыло четыре семьи крестьян. Дальнейшее заселение этого поселка продолжилось лишь в 1889 году, когда в данную местность прибыло еще пять семей переселенцев – всего же 66 человек. Районами бывшего проживания крестьян являлись Рязанская, Харьковская, Тамбовская и Курская губернии. Сначала они арендовали около 500 десятин земли по 10 копеек за десятину, а позже попросили выделения им наделов в «вечные владения».

В основе данного шага со стороны переселенцев лежало принятие закона 1889 года. Их просьба была удовлетворена в 1891 году, когда им было выделено 1327 десятин земли. Арендная плата за пользование землей возросла до 42 копеек за одну десятину, сроки же пользования наделами были определены в 12 лет. В начале 90-х годов прибыло еще 12 семей, которые также были выходцами

различных губерний России: Тамбовской, Казанской, Самарской, Воронежской и Харьковской (ЦГАРК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 18. Л. 2).

Переселенческий процесс в эти годы приобретает отчетливо выраженный государственно регулируемый характер. В законах от 6 июня 1904 года и 29 ноября 1906 года регламентировалась и упорядочивалась система выдачи льгот и «ходаческих свидетельств» переселенцам. При этом помощь правительства оказывалась только тем, кто заранее присмотрел участок (Переселение..., 1907: 5-7).

Изложенные факты показывают, что до реформы 1861 года наблюдаются лишь единичные случаи переселения крестьян. В дальнейшем переселенческий процесс усиливается, но его развитие в двух областях региона было различным. В Тургайской области просьбы о наделении землей со стороны переселенцев решались в основном положительно, а в Уральской области дело обстояло несколько иначе. Тургайская область располагала более значительными земельными фондами.

Одним из факторов, тормозивших переселенческое движение в Уральской области, было нахождение на ее территории казачьих укреплений. Уральские казаки имели в распоряжении значительную территорию, форма пользования которой носила общинный характер. Поэтому данные земли не могли быть причислены к переселенческому фонду.

Определить статистику демографических показателей русского населения региона в конце XIX века позволяют материалы первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года.

Национальность в рамках данной переписи производилось путем выявления родного языка опрашиваемого. Если он считал родным русский язык, то он был отнесен к данной национальности.

Общая численность русских в Западном Казахстане, исходя из материалов переписи, составила 175512 человек. Кроме того, перепись дает сведения о расселении русских в пределах изучаемого региона.

В Уральском уезде численность русских составляла 124072 человек (42,3 %); в Гурьевском уезде данные показатели составили 14667 человек (16,9 %); в Калмыковском уезде – 21796 человек (12,8 %), в Актюбинском уезде – 3248 человек (2,8 %), Мангышлакском уезде – 1795 человек (2,6 %). В оставшихся трех уездах численность русских была незначительной: в Иргизском уезде – 875 человек (0,9 %), в Букеевском – 660 (0,3 %), Темирском – 359 человек (0,4 %).

Из этих данных можно сделать вывод о том, что характер расселения русских на территории региона был неравномерным. Основная масса русского этноса проживала в Уральской области, в состав которой входили три уезда: Уральский, Гурьевский и Калмыковский, в которых плотность расселения русских была довольно высока.

Эти территории относятся к казачьим поселениям, где формирование русского населения начинается гораздо раньше, чем в других областях Западного Казахстана. В других частях региона процесс интеграции русского этноса был связан с переселенческим движением, которое вступает в активную фазу только в начале XX века.

Более подробный анализ картины размещения русских в Уральской области показывает диспропорции между численным составом городского и сельского населения. Если численность русских в сельских населенных пунктах составляла 115368 человек, то в городах – 45526 человек. Самое большое количество русских проживало в самом городе Уральске (31679 человек). Вторым по численности русских был город Илецк, где на момент переписи 1897 года расселилось 5578 представителей изучаемой этнической группы (Первая..., 1904а: 4, 168).

Если рассмотреть численность русских в разрезе трех его основных компонентов, то численность только собственно войсковых казаков составляла 106688 человек, то есть 60,7 % от общей численности русских в регионе. Данный факт свидетельствует о том, что Уральское казачье войско представляло собой фактически этнически однородную среду, где абсолютное большинство составляли русские. Уральское войсковое казачество занимало обширную площадь 62067,8 кв. верст. Границами Уральского казачьего войска к концу XIX века являлись на севере – Общий Сырт, на востоке – линия, проходящая за 15 верст от левого берега р. Урал, на юге – Каспийское море, а на западе – р. Большой Узень (Первая..., 1904а: 3).

В городах войсковой территории – Уральске, Илеке, Калмыкове и Гурьеве – на 1897 год проживало 20185 человек. Подавляющее большинство войскового населения проживало в сельской местности (Огановский, 1904: 212).

Численность русских в Мангышлакском уезде была невысокой – 1795 человек. В 1834 году на берегу Каспийского моря было воздвигнуто Ново-Александровское укрепление. Через некоторое время укрепление переносится на Мангышлакский полуостров и названо Александровским фортом. В первое время на форте размещались русские казаки для охраны рыбных промыслов. Зимой 1870 года Мангышлакский уезд вместе с Александровским фортом был передан в управление Дагестанского военного губернатора. Таким образом, было образовано Красноводское приставство. В ходе серии административных преобразований 70-х годов XIX века был образован Закаспийский военный округ. По материалам переписи 1897 года, Мангышлакский уезд входил в состав Закаспийской области, образованной в 1881 году. В центре уезда, Форте Александровском, проживало 165 русских жителей, прибывших из Астраханской и Могилевской губерний. Всего же на момент

переписи в этом населенном пункте проживало постоянно 202 русских жителя. В сельских населенных пунктах проживало 1593 русских (Первая..., 1904b: 4, 5).

Незначительным был состав русских жителей в Букеевской орде. Они в небольшом количестве расселились в отдельных ее частях. В центральном населенном пункте, Ханской ставке, проживало 416 русских жителей (Первая, 1904c: 42,43).

Дополнительные сведения о расселении русских дают другие источники. В поселке Таловка, который входил в состав Букеевской орды, проживало 50 русских, что составляло 8,3 % от общего контингента жителей. В 1895 году в этом поселке было завершено строительство русской православной церкви, что свидетельствует о том, что правительство заботилось об улучшении условий жизни русского населения (Воскресенский, 2001: 164-203).

Решение об открытии церкви на территории Внутренней орды было принято царским правительством еще в 1843 году. В связи с этим решением хан Джангир провел перепись православного населения уезда. По данным переписи, численность русских в данной части региона составляла 269 человек. Число постоянных русских жителей, проживающих при дворе хана, составляло 114 человек. Вторую категорию русских жителей представляло казачество. К третьей категории относились русские торговцы (около 300 человек), которые приезжали во время ярмарок, периодически проводившихся на территории уезда (История Букеевского ханства, 2002: 408).

Проведение торговых ярмарок на территории Букеевской способствовало зарождению культурных и хозяйственных отношений между казахами и русскими и являлась важным каналом торгово-экономических связей. В Тургайской области, в отличие от других частей региона, численность русских преобладала в городах. В самом Актюбинске численность русских жителей составляла 1728 человек, а в сельских населенных пунктах – 1520 человек. Количество русских из числа городских жителей в Иргизском уезде – 579 человек, а сельских – 296 человек (Первая..., 1904d: 38).

Заметное влияние на характер расселения русских, безусловно, оказывали природно-географические и климатические условия. Практически все русские поселения располагались возле рек и других источников пресной воды (Огановский, 1904: 147).

Значительное расширение территории расселения русских наблюдается в начале XX века, оно было связано с приходом переселенцев. В это время быстро начинает увеличиваться число русских на землях, не являвшихся территорией уральского казачьего войска. В Уральской области интенсивное переселенческое движение наблюдается на территории двух уездов: Уральского и Темирского. Например, в 1897–1913 годы в Уральском уезде численность русских возросла на 88712 человек. В Темирском же уезде этот показатель составил 17149 человек (Данилевский, Рудницкий, 1927: 36).

Переселенческий процесс носил в этот период активный характер в Тургайской области.

В начале XX века на территории региона появляются русские населенные пункты, основанные крестьянами-переселенцами. В 1906 году был основан самый первый переселенческий поселок Никольский. Уже в следующем 1907 году были образованы 17 новых переселенческих поселений: Приуральный, Александровский, Васильевский, Григорьевский и другие. В 1908 году возникло еще десять новых поселений, и, таким образом, только за три указанных года на территории региона возникло 28 пораженческих поселков. Согласно статистике, в период с 1911 по 1915 годы появилось еще 14 переселенческих поселков: Ильинский, Лебедевский, Донецкий, Маринский, Михайловский, Петровский и т.д. (Данилевский, Рудницкий, 1927: 33).

В Гурьевском уезде численность русских была не столь велика, а районами компактного их проживания в дореволюционный период были населенные пункты Жилая коса, Ракуша и Прорва.

Самым многочисленным среди этих населенных пунктов являлась Жилая коса, которая представляла собой центр приэмбаенских рыбных промыслов. Поселок был образован на северо-восточном побережье Каспийского моря при впадении в него реки Эмбы. Поселок являлся крупнейшим центром по ловле и обработке рыбной продукции. В селении насчитывалось примерно 200 домов, где проживали большей частью приезжие. Национальный состав жителей поселка был, по всей видимости, пестрым, хотя в обзорах Уральской области этот поселок назывался русским. Первые русские жители поселились здесь в 60-х годах XIX века. К началу XX века их число составляло 911 человек. Однако численность постоянного русского населения здесь не имела особой тенденции к росту. Наплыв людей в поселок происходил весной, в период икрометания, когда сюда наезжали до 25 тысяч рабочих и ловцов. Основное же население составляли богатые рыбопромышленники, на средства которых содержались даже больница и школа.

В сорока верстах от Жилой косы находилось русское рыбопромышленное поселение Ракуша. Образовано оно было чуть раньше, примерно в 1850-х гг. Поселок Ракуша состоял из 25 «исключительно русских» хозяйств, в состав которых входили мещане и крестьяне разных губерний: Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской, Астраханской, а также Рязанской. Все хозяйства использовали наемный труд. По словам современников, только три из них можно было отнести к крупным промысловым хозяйствам. Основная же масса дворов селения представляла собой небольшой «рыбосольный стан».

Еще одно русское поселение Каспийского побережья, Сиротино, было расположено в 120 верстах в юго-восточном направлении от Жилой косы на острове Прорва. В статистических обозрениях дореволюционного периода это поселение упоминалось и по названию острова. Поселок был образован астраханским мещанином Сиротиным совместно с несколькими русскими рыбаками в 1891 году. Главным занятием жителей деревни являлась рыбная ловля. В основном здесь проживали русские из выходцев Астраханской, Нижегородской и Самарской губерний (Поленов, 2001: 202-208).

Следует отметить, что численный состав русских в этих поселениях был небольшой. Так, по данным на 1899 год здесь проживало всего 1990 русских жителей (Обзор..., 1900: 2).

В 1901 году численный состав населенных пунктов немного увеличивается до 2084 человек. В половой структуре преобладали мужчины, что, скорее всего, было связано со спецификой хозяйственной деятельности данных поселений. Вместе с тем источники свидетельствуют о том, что за период с 1899 по 1901 гг. сюда прибыло 68 женщин и 26 мужчин (Обзор..., 1902: 3).

В начале XX века наблюдаются некоторые изменения в характере размещения русских в разрезе уездов. В Уральском уезде русские составляли большинство в национальной структуре населения (73,2 %). Общая численность жителей Уральского уезда составляла 290342 человека, из них русских – 212784 человека. В результате активного переселенческого процесса произошли структурные изменения в составе русского этноса. Если ранее превалировала численность казаков, то по данным на 1913 год их численность составляла 93840 человек или 44 % от общего числа жителей. В Гурьевском уезде данный показатель составлял 46,7 %, а в Лбищенском уезде казаки продолжали сохранять большинство (66,7 %) (Данилевский, Рудницкий, 1927: 36).

До начала Первой мировой войны динамика численности русских в регионе идет по возрастающей схеме. За период с 1897 года по 1915 год численность русских увеличилась на 250,5 тысяч человек (Сдыков, 2004: 401).

Увеличение численности русских происходило в разрезе всех структурных составляющих этноса. К началу Первой мировой войны на войсковой территории насчитывалось 408 населенных пунктов, где проживало 161514 казаков. За период с 1897 года по 1914 год численность русских в рамках казачьего сословия увеличилась на 54826 человек. Численность иногородцев, проживающих на данной территории, составляет к этому времени уже 121049 человек (Данилевский, Рудницкий, 1927: 12, 32).

На изменение количественных показателей русского населения свое влияние оказывали как механический прирост, так и процессы прироста русских за счет естественного воспроизводства. Различной была степень влияния данных демографических факторов на отдельные группы населения. Если переселенческий контингент русских жителей увеличивался главным образом вследствие миграционного притока, то рост численности казачьего населения, проживавшего на территории региона более длительный срок, происходил вследствие естественных факторов воспроизводства. Миграции уже не являются причиной увеличения численности войскового населения и даже вызывают его убыль. Статистические материалы, характеризующие демографические показатели в рамках казачьего сословия за 1876–1885 гг., показывают уменьшение численности казаков вследствие миграционного оттока на 2505 человек (Бородин, 189: 155).

То есть к началу XX века миграции не дают прироста русских в рамках казачьего сословия и даже имеют отрицательные показатели. Увеличение численности среди казачьего сословия происходило вследствие естественного прироста. Так, прирост войскового населения только за 1887 год составил 1,2 %, о чем свидетельствуют данные отчета за этот год (ГАОО. Ф.164. Оп.1. Д.255. Л. 64).

По мере увеличения численности русских все более важную роль начинают играть и факторы естественного прироста. Так, в период с 1901 по 1915 гг. показатель естественного прироста этноса Уральской губернии составлял 14,5 человек в расчете на 1000 жителей (Статистический справочник..., 1925: 23).

По данным на 1914 год, в Уральской области родилось 13054 ребенка русской национальности. Количество же умерших в разрезе этноса за данный год составила 7272 человека. Таким образом, естественный прирост русского населения области только за один год составил 5788 человек (Обзор..., 1915: 5).

Приведенные материалы и сведения свидетельствуют о том, что изучаемый период стал временем активного роста численности русского этноса в национальной структуре Западного Казахстана. Это было вызвано интенсивными миграционными процессами и нарастающей положительной динамикой естественного воспроизводства. Если в начале русские проживали в основном в границах Уральского казачьего войска, то с активизацией переселенческого движения территория расселения русского этноса в Западном Казахстане значительно увеличилась.

Сам процесс формирования русского этноса в структуре населения Западного Казахстана был обусловлен различными факторами экономического и политического характера. Процесс интеграции русского этноса происходил в различных группах населения, характеризующихся своими специфическими особенностями.

5. Заключение

Процесс формирования русских в структуре населения Западного Казахстана в дореволюционный период имел глубокие исторические корни и происходил в рамках различных групп пришлого населения. К этим компонентам в структуре русского населения нужно отнести казаков, иногородцев и переселенцев. Об этом свидетельствует высокий удельный вес русского этноса в национальном составе указанных групп населения.

Наиболее быстрый рост численности русского этноса в дореволюционный период происходил в природно-климатических, а также ландшафтных зонах, благоприятных для развития земледелия. Высока была концентрация русских в городских населенных пунктах, однако численность жителей села в составе русского этноса на начальных этапах формирования была преобладающей. Включение основных групп русских в структуру населения региона отразилось на картине его экономического развития. В хозяйственной жизни региона важное место приобретает развитие земледелия, которое относилось к числу основных занятий русского населения.

Интенсивный рост численности русского этноса в Западном Казахстане в дореволюционный период был вызван активным миграционным притоком и положительной динамикой естественного прироста. Значимость этих факторов для отдельных групп русского населения была различной. Хозяйственно-культурный тип трех основных групп русского населения в дореволюционный период имел существенные различия, но все они сохраняли единство в языке, психологии, этническом самосознании, что легло в основу образования постоянного русского населения на территории региона.

Литература

- [Алексеевко, 1981](#) – *Алексеевко Н.В.* Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата: Наука, 1981. 111с.
- [Бекмаханова, 1986](#) – *Бекмаханова Н.Е.* - Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX века – 1917г.). М.: Наука, 1986. 242 с.
- [Бекмаханова, 1980](#) – *Бекмаханова Н.Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: последняя четверть XVIII – 60 годы XIX в. М.: Наука, 1980. 280 с.
- [Бородин, 1891](#) – *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах. Т.1.Уральск, 1891. 947 с.
- [Воскресенский, 2001](#) – *Воскресенский А.* Школьный альбом Букеевской орды / Букеевской орде 200 лет. Книга 3. Алматы, 2001. С. 164-203.
- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
- [Данилевский, Рудницкий, 1927](#) – *Данилевский К., Рудницкий Е.* Урало-Каспийский край (Уральская губерния и бывшие земли уральского казачьего войска и Уральская область). Уральск, 1927. 223 с.
- [Добросмыслов, 1901](#) – *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. Оренбург, 1901. 524 с.
- [Кабузан, 1990](#) – *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 256 с.
- [Козыбаев, 1991](#) – *Козыбаев М.К.* Демографические исследования в Казахстане: итоги и перспективы // *Хабаршы-Вестник АН. Каз. ССР.* 1991. № 11. С. 7-13.
- [История Букеевского ханства, 2002](#) – История Букеевского ханства (1801-1852 гг.). Сборник документов и материалов. Сост.: Жанаев Б.Т., Иночкин В.А., Сагнаева С.Х. Алматы, 2002. 1120 с.
- [Матвеев, 1914](#) – *Матвеев Н.* О способах борьбы с засухой // *Справочная книжка и Адрес-Календарь Тургайской области на 1914 год, Оренбург.* 1914. С. 170-183.
- [Неврович, 1911](#) – *Неврович Н.Г.* На помощь деревне // *Справочная книжка и Адрес-Календарь Тургайской области на 1911 год, Оренбург,* 1911. С. 171-195.
- ЦГАРК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- [Сдыков, 2004](#) – *Сдыков М.Н.* История населения Западного Казахстана. Алматы, 2004. 405 с.
- [Статистический справочник..., 1925](#) – Статистический справочник по Уральской губернии. Выпуск 1. Уральск, 1925. 111 с.
- [Обзор..., 1900](#) – Обзор Уральской области за 1899 год, Уральск, 1900.
- [Обзор..., 1902](#) – Обзор Уральской области за 1901 год, Уральск, 1902.
- [Обзор..., 1915](#) – Обзор Уральской области за 1914 год, Уральск, 1915. 151 с.
- [Огановский, 1900](#) – *Огановский Н.П.* Переселенческое дело в Уральской области // *Памятная книжка и Адрес-календарь Уральской области на 1900 год.* Уральск, 1900. 360 с.
- [Огановский, 1904](#) – *Огановский Н.П.* Историко-статистический обзор Уральской области за 1904 год. *Памятная книжка и Адрес-календарь Уральской области на 1904 год.* с. 110-211.
- [Переселение..., 1907](#) – Переселение в Степной край в 1907 году. Справочная книжка о переселении в области Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую и Семипалатинскую. СПб., 1907. Выпуск XXXVII. 168 с.
- [Первая..., 1904а](#) – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г./ Под ред. Тройницкого Н.А. ТомLXXXVIII, Уральская область. СПб. Издательство ЦСК МВД, 1904. 125 с.

Первая..., 1904b – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXXII. Закаспийская область. Издание Центрального Статистического комитета МВД. Под ред. Тройницкого Н.А. СПб., 1904. 170 с.

Первая, 1904c – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Тетр.2. Астраханская губерния. Издание Центрального Статистического комитета МВД. Под ред. Тройницкого Н.А. СПб., 1904. 160 с.

Первая..., 1904d – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXXVII. Тургайская область. Издание Центрального Статистического комитета МВД. Под ред. Тройницкого Н.А. СПб. 1904. 103 с.

Поленов, 2001 – Поленов А. Пути торгово-промыслового движения в Букеевской орде и в пограничных с нею местностях. Букеевской орде 200 лет. Книга 6. Алматы, 2001. 256 с.

References

Alekseenko, 1981 – *Alekseenko, N.V.*(1981). Naselenie dorevolüsiionnogo Kazahstana (chislenost, razmešenie, sostav, 1870 – 1914 gg.). [The population of pre-revolutionary Kazakhstan (number, location, composition, 1870-1914)]. Alma-Ata: Nauka. [in Russian]

Bekmahanova, 1986 – *Bekmahanova, N.E.* (1986). Mnogonasionalnoe naselenie Kazahstana i Kirgizii v epohu kapitalizma (60-e gody XIX veka -1917g.).[Multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (60s of the XIX century - 1917)]. M.: Nauka. [in Russian]

Bekmahanova, 1980 – *Bekmahanova, N.E.* (1980). Formirovanie mnogonasionalnogo naselenia Kazahstana i Severnoi Kirgizii: posledniaia chetvert XYIII – 60 gody XIX v.[Formation of the multinational population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan: the last quarter of the XVIII – 60 years of the XIX centuries]. M.: Nauka. P. 280. [in Russian]

Borodin, 1891 – *Borodin, N.A.* (1891). Uralskoe kazache voisko. Statisticheskoe opisanie v dvuhtomah. [Ural Cossack army] T.1.Uralsk. P. 947. [in Russian]

Voskresenski, 2001 – *Voskresenski, A.* (2001). Školnyi albom Bukeevskoi ordy [The Bukeevskaya Horde School Album]. Bukeevskoi orde 200 let. Kniga 3. Алматы. Pp. 164-203. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State Archive of the Orenburg Region].

Danilevski, Rudniski, 1927– *Danilevski, K., Rudniski, E.* (1901). Uralo-Kaspiski kraj [Ural-Caspian Region]. Uralskaia gubernia i byvsie zemli uralskogo kazachego voiska i Uralskaia oblast. Uralsk. [in Russian]

Dobrosmyslov, 1901 – *Dobrosmyslov, A.* (1901). Turgaiskaia oblast. İstoricheski ocherk [Turgay region. Historical essay]. Orenburg. 524 p. [in Russian]

Kabuzan, 1990 – *Kabuzan, V.M.* (1990). Narody Rosii v XVIII veke. Chislenost i etnicheski sostav [The peoples of Russia in the XVIII century. Number and ethnic composition]. M.: Nauka. [in Russian]

Kozybaev, 1991 – *Kozybaev, V.M.*(1991). Demograficheskie issledovania v Kazahstane: itogi i perspektivy [Demographic research in Kazakhstan: results and prospects]. *Habarşy-Vestnik AN. Kaz. SSR. Алматы.* 11: 7-13. [in Russian]

Istoria Bukeevskogo hanstva, 2002– *Istoria Bukeevskogo hanstva (1801-1852 gg).* [History of the Bukeev Khanate]. Sbornik dokumentov i materialov. Sost.: Janaev B.T., İnochkin V.A., Sagnaeva S.H. Алматы. [in Russian]

Matveev, 1914 – *Matveev, N.*(1914). O sposobah borby s zasuhoi [On ways to combat drought]. Spravochnaia knijka i Adres-Kalendar» Turgaiskoi oblasti na 1914 god, Orenburg. Pp. 170-183. [in Russian]

Nevprovich, 1911 – *Nevprovich, N.* (1911). Na pomoşh derevne [To help the village]. Spravochnaia knijka i Adres-Kalendar. Turgaiskoi oblasti na 1911 god. Orenburg. Pp. 171-195. [in Russian]

Sdykov, 2004 – *Sdykov M.* (2004). İstoria naselenia Zapadnogo Kazahstana.[History of the population of Western Kazakhstan]. Алматы. 2004. s. 405. [in Russian].

Statisticheski spravochnik..., 1925 – Statisticheski spravochnik po Uralskoi gubernii [Statistical handbook of the Ural province]. Vyp. 1. Uralsk. 1925. P. 111. [in Russian]

Obzor..., 1900 – Obzor Uralskoi oblasti za 1899 god [Overview of the Ural region in 1899]. Uralsk. [in Russian]

Obzor..., 1902 – Obzor Uralskoi oblasti za 1901 god [Overview of the Ural region in 1901]. Uralsk. [in Russian]

Obzor..., 1915 – Obzor Uralskoi oblasti za 1914 god. [Overview of the Ural region in 1914]. Uralsk. [in Russian].

Oganovski, 1900 – *Oganovski, N.* (1900). Pereselencheskoe delo v Uralskoi oblasti [Resettlement business in the Ural region]. Pamiatnaia knijka i Adres-kalendar Uralskoi oblasti na 1900 god. Uralsk. Pp. 171-172. [in Russian]

Oganovski, 1904 – *Oganovski, N.* (1904). İstoriko-statisticheski obzor Uralskoi oblasti za 1904 god [Historical and statistical review of the Ural region for 1904]. Pamiatnaia knijka i Adres-kalendar Uralskoi oblasti na 1904 god. Pp. 110-211. [in Russian]

Pereselenie..., 1907 – Pereselenie v Stepnoi kraj v 1907 godu. Spravochnaia knijka o pereselenii v oblasti Turgaiskuii, Uralskuii, Akmolinskuii Semipalatinskuii. [Resettlement to the Steppe Region in

1907. Reference book on resettlement in the regions of Turgay, Ural, Akmola and Semipalatinsk]. SPb. 1907. Vypusk XXXVII. [in Russian]

Pervaya..., 1904a – Pervaya Vseobšāia perepis naselenia Rosiskoi imperii, 1897 goda [The first General Population Census of the Russian Empire, 1897]. Pod red. Troiniskogo N.A. Tom LXXXVIII, Uralskaia oblast, SPb. Izdatelstvo SSK MVD. 1904. P. 125. [in Russian]

Pervaya..., 1904b – Pervaya Vseobšāia perepis naselenia Rosiskoi imperii, 1897 goda [The first General Population Census of the Russian Empire, 1897]. LXXXII. Zakaspiskaia oblast. Izdanie Sentralnogo Statisticheskogo komiteta MVD. Podred. Troiniskogo N.A. SPb. 1904. [in Russian]

Pervaya..., 1904c – Pervaya Vseobšāia perepis naselenia Rosiskoi imperii, 1897 goda [The first General Population Census of the Russian Empire, 1897]. Tetr.2. Astrahanskaia gubernia. Izdanie Sentralnogo Statisticheskogo komiteta MVD. Podred. Troiniskogo N.A. SPb. 1904. [in Russian]

Pervaya..., 1904d – Pervaya Vseobšāia perepis naselenia Rosiskoi imperii 1897 goda [The first General Population Census of the Russian Empire, 1897]. LXXXVII. Turgaiskaia oblast. Izdanie Sentralnogo Statisticheskogo komiteta MVD. Pod red. Troiniskogo N.A. SPb. 1904. [in Russian]

Polenov, 2001 – *Polenov, A.* (2001). Puti torgovo-promyslovogo dvijenia v Bukeyevskoi ordei v pogranichnyh s neiu mestnostah [Ways of trade and industrial movement in the Bukeyev Horde and in the areas bordering it]. Bukeyevskioorde 200 let. Kniga 6. Almaty. [in Russian]

К вопросу о социально-демографическом положении русского населения на территории Западного Казахстана (конец XIX – начало XX вв.)

Алтынай Журасова ^{a,*}, Гульнара Есеева ^a, Раушан Серик ^a, Лаззат Алхамова ^b

^a Западно-Казахстанский университет имени М.Утемисова, Республика Казахстан

^b Казахстанский университет инновационных и телекоммуникационных систем, Республика Казахстан

Аннотация. Формирование русского населения в национальной структуре Западного Казахстана напрямую связано с историческими процессами, происходившими в регионе, а также на территории приграничной России. Западный Казахстан всегда являлся важной зоной межэтнических связей между представителями различных национальностей, в том числе между русскими и казахами. Складывание русской этнической группы в структуре населения Западного Казахстана имело глубокие исторические корни и происходило в рамках различных компонентов. К трем основным составляющим элементам в структуре русского этноса в дореволюционный период нужно отнести казаков, иногородцев и переселенцев. В данной статье рассмотрены вопросы формирования, расселения и других демографических характеристик русской этнической группы в Западном Казахстане в рассматриваемый нами период. Это период, когда процесс интеграции русского этноса приобретает наиболее интенсивный и масштабный характер. В рамках исследования также анализируется динамика количественных и качественных изменений в составе русского населения региона. Особое внимание уделяется характеристике основных тенденций в социально-демографическом развитии русского этноса в рассматриваемый период.

Ключевые слова: формирование, численность, расселение, русский этнос, население, перепись, динамика, Западный Казахстан, казаки, иногородцы, переселенцы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: azhurasova@mail.ru (А. Журасова), eseeva70@mail.ru (Г. Есеева), serikrau@gmail.com (Р. Серик), Lyazzat1128@mail.ru (Л. Алхамова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 353-365
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.353

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Journal “Mir Iskusstva” (1899–1904) as a Source on the History of Women's Artistic Creativity

Natalia M. Leshchinskaia ^{a, *}, Maria A. Kolesnik ^a, Aleksandra A. Sitnikova ^a, Ekaterina A. Sertakova ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The relevance of the study is related to the modern revision of the history of art in order to highlight the role of women artists in the development of fine art in different eras. This study was carried out on the basis of a content analysis of the journal “Mir iskusstva”, published at the turn of the 19th-20th centuries, the aesthetic preferences of which were given to modern art and the Russian national style. As a result of the study, it was established that significant attention is paid to women's creativity on the pages of the journal – the main personalities are A. Ostroumova, E. Polenova, M. Yakunchikova, N. Davydova, A. Golubkina and some others. Some of the covers of the journal were made by these artists; reproductions of their works and critical articles about their work were published on the pages of the journal. As a feature of women's creativity, we can highlight the fact that at the turn of the century, traditional women's crafts and activities related to knowledge of Russian folklore became a significant foundation for the advancement of women into the professional artistic environment, since the formation of the Russian national style required a deep acquaintance with folk culture.

Keywords: journal “Mir iskusstva”, national Russian art, women's artistic creativity.

1. Введение

В первой четверти XXI века многие специалисты в области развития изобразительного искусства (критики, кураторы, исследователи и др.) фиксируют новые повороты в искусстве – в частности, от постмодернистского стиля в сторону новых стилей – метамодерна, романтического концептуализма, новой искренности и т.д. Поиск новых путей для развития искусства зачастую осуществляется через ревизию старого, через переосмысление и изменение представлений о шедеврах и рядовых произведениях прошлого, через поиск тех начинаний, которые уже случились в истории искусства, но не были моментально подхвачены и были забыты. Одним из ключевых векторов переосмысления истории искусства в XXI веке является ревизия истории искусства с точки зрения развития женского художественного творчества, которое практически до конца XX века считалось менее значимым и выразительным, чем мужское художественное творчество. Сегодня этот вопрос серьезно пересматривается: выпускают новые книги по истории искусства, где на первый план выводят женщин-художниц, игравших значительную роль в развитии искусства с эпохи Возрождения; публикуют новые свидетельства того, что значение женщин-художниц в развитии тех или иных художественных направлений в искусстве недооценена. В свете этого гендерного подхода к изучению истории искусства стоит обратить внимание на журнал «Мир искусства», выпускавшийся на рубеже XIX-XX веков: на страницах этого журнала женское художественное творчество женщин-соратниц, членов кружка «Мир искусства» представлено качественно – М. Якунчикова создает обложки для журнала, творчеству Е. Поленовой посвящены целые номера и статьи журнала,

* Corresponding author

E-mail addresses: trogonulia@gmail.com (N.M. Leshchinskaia), masha_kolesnik@mail.ru (M.A. Kolesnik), sem_dobrianka@mail.ru (A.A. Sitnikova), sertachok@mail.ru (E.A. Sertakova)

в отдельных публикациях описаны сложности совмещения женских бытовых хлопот и искусства и т.п. Целью настоящего исследования является ревизия развития русского изобразительного искусства на рубеже XIX-XX веков с точки зрения гендерного подхода, выявление значимых персоналий в женской истории искусства этого периода и описание особенностей их художественного творчества.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве исследовательского материала для данной работы послужили публикации о женском художественном творчестве, представленные в журнале «Мир искусства». Данный журнал является значимым источником по истории художественной культуры. Наравне с другими подобными изданиями, позволяющими реконструировать события и процессы более чем вековой давности, изучать различные грани истории и культуры дореволюционной России (Koptseva, Reznikova, 2015; Koptseva et al., 2022; Сергеева, 2023; Ситникова, 2023).

2.2. Наиболее подходящим методом для изучения текстов является количественный и качественный контент-анализ. Данный метод позволяет исследовать тексты различной направленности и содержания, что неоднократно было подтверждено учеными на практике (Koptseva et al., 2016; Дегтяренко, 2021; Ситникова, 2022; Сергеева, Замаараева, 2023; Кошчева и др., 2023). В настоящем исследовании метод контент-анализа применен для изучения текстовых материалов, опубликованных в журнале «Мир искусства», в которых зафиксированы сведения о творчестве женщин, посвятивших себя занятиям визуальными искусствами на рубеже XIX-XX веков.

3. Обсуждение

В качестве исследовательского источника журнал «Мир искусства» рассматривается искусствоведами, культурологами, историками, филологами и журналистами с завидной регулярностью. Помимо тезисов конференций и полнотекстовых статей, ему посвящены разделы монографий (Киселев, 2021) и диссертаций (Асташкин, 2013). Прежде всего предметом интереса выступают: история журнала как частного проекта (Вебер, 2021), его оформление и характер эстетического манифеста (Яковлева, 2017), новый взгляд на искусство (Sertakova et al., 2023), роль издания в эпохе Серебряного века (Небылица, Киютина, 2022). Некоторые статьи посвящены рассмотрению более узких вопросов, представленных на страницах журнала – например, специфике образа детства в напечатанных репродукциях (Абдуллина, 2022).

Многие авторы отмечают «революционность» журнала. Мирискусники привлекали внимание публики к истории русского национального искусства, неакадемическому творчеству мастеров-индивидуалистов, демократизировали понятие «художественного вкуса» и многое другое. Сам журнал был произведением коллективного творчества ярких и самобытных мастеров (Sertakova et al., 2023). Очень важно, что ряд статей журнала был посвящен художницам, публиковались репродукции их работ, они были привлечены к оформлению обложек и страниц издания. При этом, женское искусство в журнале «Мир искусства» еще ни разу не попадало в поле исследовательских интересов.

Да и в целом женское искусство времен Российской империи изучено недостаточно. Среди исследовательских статей выделяются работы Е. В. Гладковой (Гладкова, 2015), Т.Ф. Верижниковой (Verizhnikova, 2017), О. Н. Филипповой (Филиппова, 2020), М.Г. Смолиной (Смолина, 2023). Данные статьи посвящены рассмотрению творчества А. Остроумовой-Лебедевой, М.К. Тенишевой, Е.Д. Поленовой, М.В. Якунчиковой, А.С. Голубкиной, которые наравне с мужчинами в кон. XIX – нач. XX века реформировали традиционный язык изобразительного искусства, смогли добиться признания на профессиональном поприще и стали играть заметную роль в русском искусстве.

Настоящая статья посвящена исследованию женского художественного творчества в Российской империи, представленного в критических статьях, заметках, оформлении и иллюстративном материале журнала «Мир искусства».

4. Результаты

По результатам исследования журнала «Мир искусства» становится ясно, что участие женщин в развитии художественного процесса на рубеже XIX-XX веков становится значительным: главными героинями, способствующими развитию национального стиля в изобразительном искусстве этого времени, можно считать таких художниц, как А. Остроумова, Е. Поленова, М. Якунчикова и Н. Давыдова и некоторых других, о которых пишут критики журнала и иллюстрации которых публикуют.

4.1. На страницах журнала «Мир искусства» неоднократно упоминается имя Анны Петровны Остроумовой (в дальнейшем известной русской и советской художницы Остроумовой-Лебедевой (1871–1955)).

Впервые о ней пишет Александр Бенуа в критической статье, посвященной обзору выставки учеников Академии художеств. Достаточно резко высказываясь относительно мастерства молодых художников и их учителей-наставников, в финале статьи он переходит к редким приятным открытиям мероприятия, среди которых ярко выделяется фигура молодой г-жи Остроумовой и ее цветные гравюры. Он замечает, что его «несказанно радуется, что и у нас находится такой редкий по своей специальности и высокому достоинству талант, которому, я надеюсь, удастся возродить в

России это дивное искусство, по самой сути своей глубоко-художественное» (Бенуа, 1899: 71). Помимо таланта Остроумовой, автор статьи отмечает ее технический навык работы с резцом, тонкое чутье цвета, простоту и поэтизм линий. Открытие ее имени становится для него знаковым, и критик, в качестве заключения обзора выставки и финальной строчки статьи, дает рекомендацию художнице браться за более крупные вещи и укреплять руку, чтобы выработать размах и беглость гравюр, подобных Дюреру и Гуго-де-Карпи.

Подобную заметку можно обнаружить и в 4 номере 1900 года. В этот раз критический текст об ученической выставке в Академии художеств был написан Сергеем Дягилевым. Начиная с упоминания о том, что все газеты единодушно бранили выставку, подобно своему коллеге, автор называет «интересными вещами» гравюры Остроумовой. Он пишет, что в них чувствуется редкое чутье цвета и линии, «ее гравюры соединяют в себе приятную грубость смелого штриха с бархатистой мягкостью красочных сочетаний» (Дягилев, 1900: 213).

После окончания смотров ученических работ ведущие деятели издания стали приглашать художницу к участию в выставках, организованных журналом «Мир искусства». На первой же выставке гравюры Остроумовой приобрела Ее Императорское Высочество Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская. Интерес к работам печатной графики стал возрастать.

Начиная с 3 тома 1900 года в журнале появляются ее работы: две оригинальные гравюры на дереве отдельными приложениями и две гравюры, выполненные по рисункам Е. Лансере. В 5 томе 1901 года публикуются две гравюры, а в первом номере 7 тома 1902 года опубликовано 9 гравюр на дереве и 1 рисунок. 11 номер 8 тома журнала 1902 года открывается 7 оригинальными деревянными гравюрами А. Остроумовой на отдельных листах и 10 снимками с оригинальных гравюр. В приложении этого же номера приведены 4 хромолитографии оригинальных гравюр в красках (Рисунок 1). Издание данных гравюр анонсировалось заранее, чтобы желающие успели оформить подписку и получить сделанные художницей изображения Санкт-Петербурга. В 1 номере 11 тома 1904 года опубликована оригинальная гравюра на дереве в красках «Памятник Петру I». Работы Остроумовой полностью соответствовали эстетической концепции журнала – они отражали индивидуализм творческой манеры художницы, тематически были связаны с Россией и ее восприятием, были просты и душевны для восприятия широкой публикой.

Рис. 1. Иллюстрация из журнала «Мир искусства». 1902. № 11, с. 258.
Е. А. Остроумова. Хромолитография оригинальной гравюры в красках.

Творчеству художницы был посвящен даже отдельный материал 11 номера 8 тома 1902 года. В Сведениях, приведенных С. Дягилевым, дается информация об Остроумовой: у кого она училась мастерству живописи (в России в мастерской И.Е. Репина, во Франции в мастерской Уистлера), как в ней проснулся интерес к граверному искусству, как во время поездки в Париж она серьезно занялась изучением итальянских гравюр и т.д. В публикации сообщается, что значительное влияние на художницу оказало знакомство с А.Н. Бенуа, о том, что именно он поспособствовал раскрытию ее художественного дарования, пригласив к участию в выставке «Мир искусства» в 1900 году (Дягилев, 1902: 55). Также сообщается, что Бенуа написал о ней в своей «Истории русской живописи»: «И Остроумова, подобно Якунчиковой, движимая призванием, взялась за цветную гравюру на дереве, в которой в наше время выдвинулись только два мастера – Лепэр и Ривер, и которая больше столетия была в полном загоне, главным образом по причине огромных трудностей, связанных с этой техникой. И Якунчикова, и Остроумова взяли за эти способы не из пустого оригинальничания, но по свободному душевному влечению, движимые желанием давать в своих работах лишь строго обдуманное, неумолимо очищенное от случайностей, потому и более полное, честное и гармоничное целое» (Дягилев, 1902: 55). Помимо этого, Бенуа не раз говорил о высоком мастерстве и благородстве работ художниц, отмечая, что они должны занять важное место в истории русской гравюры.

В дальнейших номерах упоминание имени Остроумовой встречается в перечне участников российских и зарубежных выставок с формулировкой «хорошо известная читателям «Мира искусства» художница».

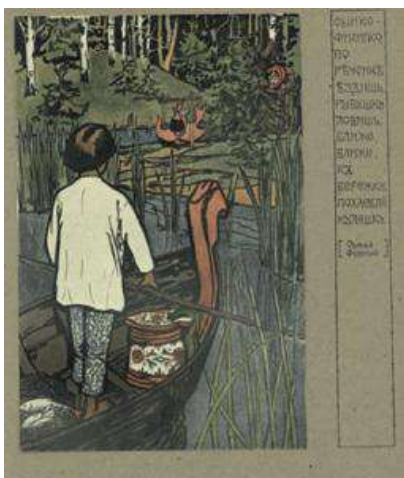
4.2. Елена Дмитриевна Поленова была совсем недолго сотрудницей журнала «Мир искусства», умерла она в 1898 г., когда вышел первый его выпуск. Во втором номере журнала, целиком посвященном художнице, помещена большая статья о ней (Борок, 1899: 97-120). Пишут о Е.Д. Поленовой следующие весьма значимые слова: «Выдающаяся, талантливая женщина, она была одним из главных представителей современного русского искусства, и роль ее в истории нашей живописи имеет огромную важность и значение» (Борок, 1899: 97).

Из данной статьи мы узнаем, что с детского возраста художница была окружена творческой средой: обучалась у Павла Петровича Чистякова, Ивана Николаевича Крамского, у французского художника Шарля Шаплена. Занятия историей и археологией сформировали у нее любовь к русской старине, что во многом повлияло на так называемый русский стиль всего ее творчества. Поступив в школу Общества поощрения художеств в конце 1870-х гг. она заинтересовалась декоративно-прикладным искусством, став через несколько лет руководителем керамического класса в этой же школе. Художница всегда много и увлеченно работала, параллельно занимаясь живописью и созданием керамических изделий, руководя также и рисовальным кружком. Во время пребывания в Абрамцево она увлеклась новым делом – созданием типов русской мебели для столярной мастерской, в которой дела шли не особенно успешно до ее появления там (Рисунок 2). Занималась она также и иконописанием, и созданием многочисленных эскизов для вышивок (Рисунок 4).

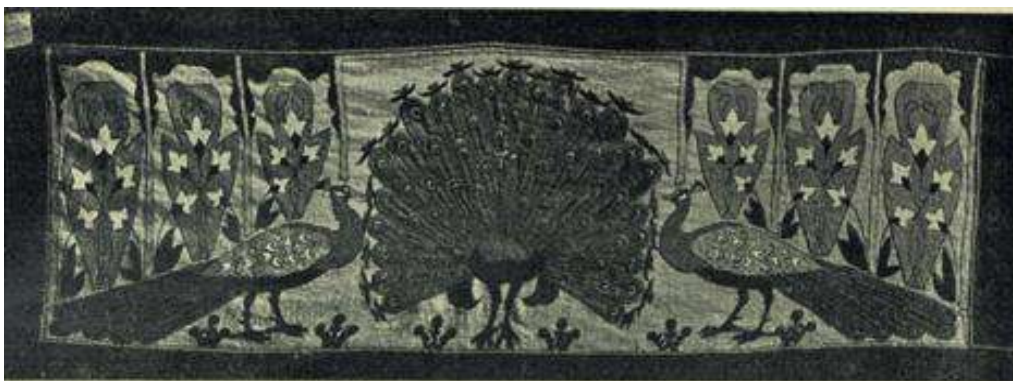
Рис. 2. Иллюстрация из журнала «Мир искусства». 1899. № 18-19, с. 115. Е. Д. Поленова «Рисунок стола».

Вообще весь номер журнала сопровождается большим количеством репродукций произведений художницы, среди которых эскизы предметов мебели, произведения декоративно-прикладного искусства, иллюстрации к сказкам и быличкам, которые Е. Д. Поленова сама собирала в своих экспедициях по русским деревенькам. Одна из таких напечатана в номере 18-19 журнала за 1899 г. под названием «Сынко-Филипко» (Поленова, 1899: 121-126) (Рисунок 3).

Рис. 3. Иллюстрация из журнала «Мир искусства». 1899. № 18-19. Иллюстрация Е. Д. Поленовой к сказке «Сынко-Филипко».

Встречаются в журнале и отдельные упоминания о работах Е. Д. Поленовой. Например, в разделе «Заметки» в №15-16, в четвертом томе за 1900 г. сообщается о статье в журнале «Die Kunst», в которой автор очень хвалит работы русских художниц и отмечает особенно произведения Е.Д. Поленовой, восторгается вышивкой и коврами, выполненными по ее эскизам, выделяя один ковер с изображениями павлинов, приобретенный Мекльсфилдской школой и выставленном в ее музее (Дягилев, 1900: 70). Автор подчеркивает, что искусство русской художницы вполне вписывается в контекст западноевропейского искусства, упоминая, что музей этот имеет отношение к Кенсингтонскому музею в Лондоне. В качестве образца русского национального стиля выделен также ковер «Иванушка-дурачок». В том же контексте – краткая заметка по поводу журнала «Revue encyclopédique», где работы Е. Д. Поленовой наряду с другими художниками отмечены тем, что в них «соединены самые современные задачи декоративного искусства со строго национальными традициями» (Дягилев, 1900: 163).

Рис. 4. Иллюстрация из журнала «Мир искусства». 1899. № 18-19, с. 117. Вышивка по рисунку Е. Поленовой.

Упоминание о Е. Д. Поленовой также встречается в статье о М. В. Якунчиковой в № 3 за 1904 г. (Борок, 1904). Автор текста Н. Борок сообщает, что были обе художницы близки в силу увлечения искусством и что Е. Д. Поленова имела способность «вызывать в людях сознание их сил, внушать им веру в себя, направлять и воодушевлять их на работу» (Борок, 1904: 107). Известно также, что она могла организовывать исследовательскую работу, например, в 1886 г. инициировала изучение исторических и археологических памятников Москвы для близкого круга художниц. В целом из статьи возникает портрет Е. Д. Поленовой как наставницы для более молодых, увлеченных искусством женщин в силу того, что сама она была очень образованной, а также способной ободрить в тяжелой жизненной ситуации. Встречи с близким по духу человеком благотворно сказывались и на творческой деятельности самой Е. Д. Поленовой, как, например, во время ее пребывания в Париже и встреч с М. В. Якунчиковой (Борок, 1904: 121).

4.3. На страницах журнала «Мир искусства» встречаются публикации о Марии Васильевне Якунчиковой – русской художнице, одной из первых получивших профессиональное образование, проявившей свой талант в занятиях станковой живописью, офортом, книжной графикой и декоративно-прикладным искусством. А также о Марии Федоровне Якунчиковой – супруге Владимира Васильевича Якунчикова, брата Марии Васильевны. Мария Федоровна также была творческим человеком, занималась декоративно-прикладным искусством, выступала в качестве заказчика многих работ, а также упоминается как владелица произведений искусств, которые использовались для иллюстрирования журнала.

Упоминания о Марии Васильевне Якунчиковой встречаются буквально в каждом номере: текстовые сообщения, либо как автора работ, представленных в качестве иллюстраций журнала. О ней упоминается в заметках, сообщающих о предстоящих выставках, устраиваемых редакцией журнала «Мир искусства» в залах особняка барона Штиглица: о первой международной выставке 1899 года (Дягилев, 1899: 40), анонс выставки 1900 года, где были представлены исключительно русские мастера (Дягилев, 1900: 64). Среди публикаций о достижениях Марии Васильевны следует упомянуть материалы о Всемирной выставке, а также перечень персон, награжденных на Всемирной выставке в Париже (Дягилев, 1900: 67).

Примечательно, что в каждом номере журнала публиковались репродукции работ Марии Васильевны. Даже после ее безвременного ухода. Последний номер «Мир искусства» 1904 года в приложении содержит фототипию портрета М. В. Якунчиковой с ребенком – рисунок, выполненный И. Е. Репиным.

Мария Васильевна умерла в 1902 году, некролог Сергея Дягилева исполнен горечи и сожаления об утрате. Автор искренне пишет о Якунчиковой как о человеке, художнике,

единомышленнике. Подчеркивает ее русскость в характере, в даровании, в духе, в творчестве, называет «поэтом русских лесных лужаек» (Дягилев, 1902: 59).

Он с болью упоминает о ее жизненных трудностях, с которыми она не справилась и погибла: «Она не могла со всем этим справиться, она милый поэт русских лесных лужаек, сельского кладбища с покосившимися крестами, монастырских ворот и деревянного крылечка – куда-же ей, столь хрупкой и тонкой, было воевать с жизнью. И она погибла» (Дягилев, 1902: 59).

В номере опубликована статья «М.В. Якунчикова» Н. Борок. Под этим псевдонимом Наталья Васильевна Поленова (урожденная Якунчикова) написала о своей родной сестре. Статья представляет собой биографический очерк, где детально описываются разные события и обстоятельства, повлиявшие на жизнь и творчество М.В. Якунчиковой. Так, например, детально описываются пейзажи подмосковного имения «Введенское» Звенигородского уезда, где прошло детство художницы. Именно эта среда определила тематику и сюжеты произведений Марии Васильевны. Описывается путь ученичества, называются мастера, ставшие учителями Якунчиковой. А также Натальей Васильевной уделяется много внимания описанию внутреннего мира сестры, ее переживаниям, нежной дружбе с Еленой Дмитриевной Поленовой: «Подолгу беседовали между собой М. В. и Е. Д., и между ними установилось духовное родство. Елена Дмитриевна, как старшая и к тому-же очень образованная женщина, имела большое влияние на развитие М. В. Мария Васильевна же, со своей стороны, как натура очень чуткая, пытливо добивалась постоянного анализа самых разнообразных чувств и впечатлений. Эти минуты духовного настроения и художественного восторга М.В. называла «общением с призраком». Когда наступала эта счастливая пора, работала с вдохновением и надеждой» (Борок, 1904: 107).

Статья Н. Борок ценна также тем, что в ней приводятся мысли и размышления самой М.В. Якунчиковой из ее писем и дневниковых заметок, раскрывающие особенности личности художницы – ее наблюдательность, трепетное отношение к каждому впечатлению. Мария Васильевна неоднократно бывала за границей, погружалась в бурную творческую жизнь Парижа, представляла свои работы в Salon Champs de Mars, но всегда стремилась в Россию и особенно побывать во Введенском: «В Россию ее тянет родная природа и деревенская жизнь; они вдохновляют ее и дают силу творчества» (Борок, 1904: 114).

В очерке затронута и линия личной жизни М.В. Якунчиковой. Семейная жизнь с доктором Л.Н. Вебером принесла ей счастье, но и своеобразные трудности: «Личное счастье на время отодвинуло серьезные занятия живописью; кроме того, явились и новые заботы: устройство постоянной квартиры в Париже и летнего местопребывания в Швейцарии. Но когда все это удалось сделать и жизнь наладилась, М. В. с обновленным духом отдалась художественным мечтам» (Борок, 1904: 120).

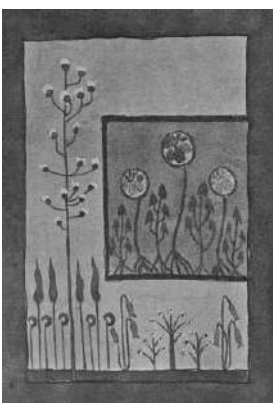
Лето 1899 года Мария Васильевна провела в России. Совместно с М.Ф. Якунчиковой она готовила вещи для предстоящей Всемирной выставки в Париже. Этот период в жизни художницы назван моментом расцвета жизни и художественного развития. Но это длилось недолго. Вскорости ей предстоит пережить тяжелую болезнь сына и смерть племянника. Эти мрачные события подрывают ее дух и физическое здоровье. Якунчикова заболевает чахоткой. Затем в течение двух лет она борется с недугом, но погибает: «14/27 декабря при звоне Рождественских колоколов, напоминавших о духовном обновлении мира, Мария Васильевна ушла от жизни земной». Такими словами завершается публикация Н. Борок, представляющая собой, несомненно, ценный исторический документ, но представляющий не только сухие факты биографии М.В. Якунчиковой, но и раскрывающий ее внутренний мир, что невероятно ценно для понимания творчества художницы.

В выпуске 5 из 11 тома от 1904 года вышла статья Юрия Череды, где с невероятной нежностью и трепетом автор пишет о М.В. Якунчиковой, восторгается ее русскостью, проявленной «и в ее темах, и в красках, и в мыслях, и в письмах, полных все той же неизменно-глубокой, теплеющей, тихой влюбленности». И приводит цитату из ее письма: «Здесь так хорошо, – пишет она, – что я просто рассказать не могу; такая деревня, такая осень, так уютно – слов не хватает» (Череда, 1904: 103). Автор публикации отмечает, что впечатления, полученные художницей в усадьбе Якунчиковых во Введенском, стали ее вдохновением, и рассуждает, о чем могли бы быть думы, запечатленные в пейзажах, воспринятых Марией Васильевной из окон верхнего этажа: «Но в чем же дума ее из верхнего летнего окошка, из-за кисейной полуспущенной шторы... с широкой, душистой Введенской террасы?... Может, просто любит она на живописно-расположенный на том берегу Москвы реки городок Звенигород, и лишь в нем мерещится ей новая, прочная, дружная, честная жизнь; или забрезжил вновь «призрак», «общенье с призраком», как называла она «минуты духовного настроения и художественного восторга», и загляделась она дальше на тайный синий горизонт, где кончается уже все наше, здешнее, видимое и зарождается новое, зарождаются лишь ожидания?...» (Череда, 1904: 103).

Рис. 5. Иллюстрация из журнала «Мир искусства». 1900. № 19-20. с. 76.
М.В. Якунчикова «Из окна старого дома».

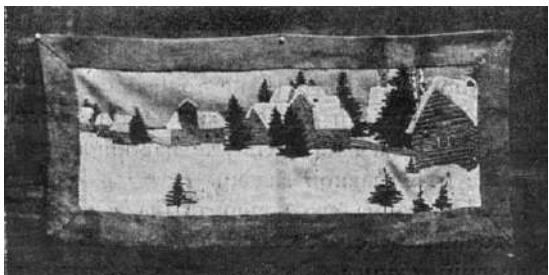
4.4. Значительное внимание на страницах журнала «Мир искусства» уделяется декоративно-прикладному искусству, одним из основных векторов для творческих поисков мирискусников становится изучение русской народной старины. В декоративно-прикладном искусстве лучше всего прослеживаются народные мотивы русского искусства – узоры, деревянная резьба, вышивка, украшение домашней утвари и т.д. Помимо того, что на страницах журнала публикуют репродукции с изображениями старинных русских вещей из деревень, художницы рубежа веков также обращаются к созданию подобных произведений в «русском духе». Поскольку декоративно-прикладное творчество, связанное с украшением быта, созданием осмысленности в организации повседневной жизни, традиционно было связано с женским рукоделием и мастерством, то неудивительно, что именно в области ДПИ встречается значительное количество имен именно художниц. Интересно, что в одной из своих статей Д. Философов обращает внимание на тенденцию создания женских сообществ по развитию ручного труда, воссозданию образцов русской вышивки, в частности, для достижения коммерческих выгод – так, в статье «Реформы в обществе поощрения» он кратко описывает деятельность А.Л. Полонской и созданного ею начинания «Общество ручного труда» (Философов, 1901: 130-131). Но самой упоминаемой мастерницей в области декоративно-прикладного искусства на страницах журнала является Наталья Яковлевна Давыдова – художница, ученица К. Коровина. В журнале напечатано около десяти ее произведений – это рисунки для ковров, скатертей, наволочек, крышек ларцов и др. (Рисунок 6). Ключевые мотивы ее творчества: 1) растительные орнаменты, причем, орнаменты, созданные на основе изучения русского разнотравья (одуванчики, колокольчики, васильки и т.п.), которые представлены в процессе роста и возрастания – типичного мотива для искусства эпохи модерна, ставящего акцент на стремлении всего живого к развитию и, прежде всего, духовному росту;

Рис. 6. Иллюстрация из журнала «Мир искусства». 1899. № 5. с. 81.
Н.Я. Давыдова. Рисунок для ковра.

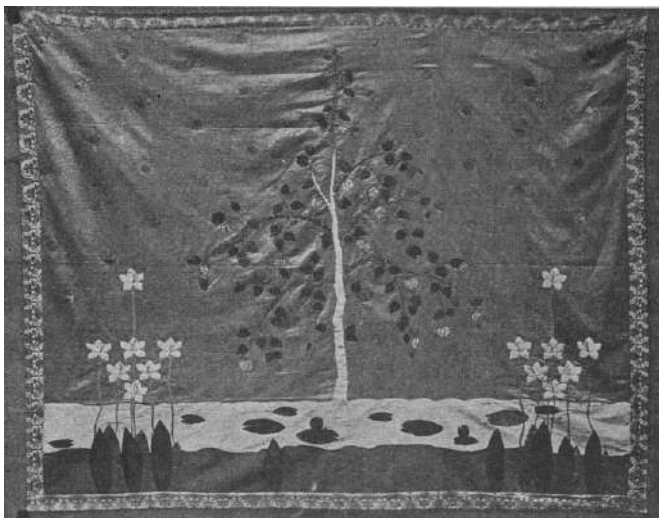
2) луковичные главы древнерусских церквей, силуэты деревянных русских церквей и деревенских домов, также обозначающие, прежде всего, национальный колорит (Рисунок 7).

Рис. 7. Иллюстрация из журнала «Мир искусства». 1900. № 21-22. с. 100. Н.Я. Давыдова. Вышивка в русском павильоне на Парижской выставке.

В разделе «Сведения» в номере 5 от 1899 года о ней сообщается: «Художница Н. Я. Давыдова, живущая постоянно в Москве, посвятила себя исключительно работе на поприще прикладного искусства. Помещенные в настоящем номере рисунки ее исполнены по специальному заказу г-жи Якунчиковой и предназначены служить мотивом для вышивания занавесей, скатертей и ковров, исполняемых в мастерских г-жи Якунчиковой в Тамбовской губ. Из работ, выполненных по рисункам Давыдовой, особенно достойны внимания скатерти и занавеси, сделанные из грубого полотна матово-синего и глиняного цвета. Цветы и орнаменты художницы вышиваются по такому полотну гладью, разноцветными шелками» (*Сведения, 1899: 39*). Таким образом, стоит обратить внимание на то, что работы по созданию произведений ДПИ были практически всегда связаны с заказом, а также можно обратить внимание на тот факт, что иллюстрации Н.Я. Давыдовой появляются в журнале «Мир искусства» до 1900 года, впоследствии не встречаются. Еще реже на страницах журнала встречаются репродукции вышивок по рисункам Екатерины Николаевны Чоколовой, для которой также основными элементами изображений становятся деревья и растения, типичная для России, где мотив роста вновь занимает центральное место, но процесс роста и композиционная организация рисунков становятся более витиеватыми и усложняются (*Рисунок 8*).

Рис. 8. Иллюстрация из журнала «Мир искусства». 1899. № 11-12. с. 189. Чоколова. Вышивка по рисунку

Еще одна женщина, творчеству которой уделяется внимание на страницах журнала, является скульптор Анна Семеновна Голубкина. В. Розанов так кратко представляет ее творческую биографию в своей статье «Об успехах русской скульптуры»: «Из работ г-жи А. Голубкиной, говорят, простой женщины из неинтеллигентной среды, которая, чувствуя в себе необыкновенное призвание, отправилась в Париж и поступила, не зная никакого, кроме русского языка, к одному знаменитому тамошнему скульптору в мастерскую, хороши: «Старость» и «Бюсты» (*Розанов, 1901: 113*). В произведениях, представленных на страницах журнала, действительно прочитывается французская школа скульптуры эпохи модерна – в частности, пластичность и текучесть формы О. Родена, у которого, как известно, А. Голубкина, тоже брала уроки; внимание к метаморфозам и изменчивости бытия. Одна из наиболее интересных ее работ, опубликованных на страницах журнала, подписана просто «Скульптура». Сегодня, пользуясь открытыми источниками, можно установить, что это репродукция вазы «Туман», где из вихря на мгновение проявляются молодое и старое лицо (*Рисунок 9*).

Рис. 9. Иллюстрация из журнала «Мир искусства». 1900. № 19-20. с. 86. Голубкина. Скульптура (Ваза «Туман»).

5. Заключение

Выстраивая выводы исследования от общего к частному, отметим, что, во-первых, преимущественно публикации журнала «Мир искусства» посвящены творчеству мужчин. Во-вторых, в разных контекстах – от сдержанного упоминания до яростной едкой критики, о творчестве мужчин-художников пишут авторы-мужчины. В то же время в публикациях, посвященных женщинам-художницам, авторы деликатны и высоко оценивают творческие поиски дам. Содержание журнала «Мир искусства» позволяет раскрыть нюансы истории художественного творчества женщин. Изучая иллюстративный и текстовые материалы, можно сформировать представление о роли женщин в искусстве, о их значении в становлении новых направлений художественного творчества, а также их непростой судьбе. Анализ публикаций, посвященных А.П. Остроумовой, М.В. Якунчиковой, Е.Д. Поленовой, Н. Давыдовой, Е. Чоколовой, А. Голубкиной позволяет сделать ряд заключений.

Обращает на себя внимание тот факт, что женщины, посвятившие себя искусству, изначально были так или иначе связаны с творческой средой: среди родных и друзей каждой из них были выдающиеся мастера. Сами же художницы дружили, поддерживали друг друга, что подкреплялось в том числе и переплетением родственных связей. Так, например, Мария Федоровна Якунчикова (урожденная Мамонтова) была супругой Владимира Васильевича Якунчикова, родного брата Марии Васильевны Якунчиковой (в замужестве Вебер), дружившей с художницей Еленой Дмитриевной Поленовой, сестрой живописца Василия Поленова. В свою очередь, супругой Василия Поленова была Наталья Васильевна Поленова урожденная Якунчикова, родная сестра художницы Марии Васильевны Якунчиковой.

Публикации журнала «Мир искусства» дают возможность познакомиться с репродукциями произведений художниц конца XIX – начала XX вв, с их достижениями и успехами, сформировать представление о том, какие творческие задачи решались хрупкими женщинами, не уступая мужчинам. Примечательно, что статьи, заметки содержат в себе не только исторические факты, но и раскрывают внутренний мир художниц, описывают их чувства и духовные стремления, что позволяет более точно понять содержание созданных ими произведений.

Также обращает на себя внимание то, насколько разносторонней деятельностью могли заниматься художницы, как, например, в случае с Е. Д. Поленовой: занятия живописью, декоративно-прикладным искусством, изучение истории, археологии и технологии создания керамических изделий, организация учебного процесса по различным направлениям художественного творчества.

Творческие биографии женщин-художниц второй половины XIX века свидетельствуют о том, что путь к искусству для них мог сложиться двумя путями: женщины уже могли попытаться получить профессиональное художественное образование наравне с мужчинами, даже отправиться за границу для обучения у ведущих зарубежных художников; или пойти более известным путем – превратить традиционное женское художественное ремесло (шитье, вышивка, декорирование жилищ) в выставочное искусство. Другой вывод о женском творчестве внутри группы «Мир искусства» говорит о том, что женщины-художницы в большей степени, чем мужчины, опять же в силу своих традиционных практик, были знакомы с народными и фольклорными истоками русского искусства и занимались их превращением в произведения профессионального искусства. Наконец, статьи критиков журнала говорят о том, что мужчины были прекрасно знакомы с огромным количеством проблем, которые мешали женщинам рубежа XIX–XX веков полноценно участвовать в художественной жизни – это и материнство, и необходимость вести домашнее хозяйство, которые зачастую приводили к тому, что талантливые

женщины были вынуждены полностью оставить занятия искусством, – но критики писали об этом с легкой ноткой сожаления, представляя эти факты как неизменную данность.

Литература

- Абдуллина, 2022 – Абдуллина Д.А. Детский мир на страницах журнала «Мир искусства» (1898-1904) // *Academia*. 2022. №1. С. 106-120.
- Асташкин, 2013 – Асташкин А. Г. Типологические и жанровые особенности элитарных журналов об искусстве начала XX в. (на материале журналов «Мир искусства», «Весы», «Золотое руно» и других): специальность 10.01.10 «Журналистика»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.
- Бенуа, 1899 – Бенуа А. Ученческая выставка в Академии художеств // *Мир искусства*. 1899. 21-22. С. 67-71.
- Борок, 1899 – Борок Н. Е. Д. Поленова // *Мир искусства*. 1899. 2(18-19). С. 97-120.
- Борок, 1904 – Борок Н. М.В. Якунчикова // *Мир искусства*. 1904. 11(1-3). С. 105-124.
- Вебер, 2021 – Вебер Е.Е. Журнал «Мир искусства»: история, развитие // *Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории*. 2021. С. 227-233.
- Гладкова, 2015 – Гладкова Е. В. Вклад русских художниц рубежа XIX - XX веков в декоративно-прикладное искусство России (М.К. Тенишева, Е.Д. Поленова, М.В. Якунчикова) // *Декоративно-прикладное искусство и образование*. 2015. 2(13). С. 11-17.
- Дегтяренко, 2021 – Дегтяренко К.А. Концептуальные основания этнических исследований // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2021. № 5 (4). С. 8-16.
- Дягилев, 1900 – Дягилев С. Заметки // *Мир искусства*. 1899. 1(1-2). С.40-43.
- Дягилев, 1900 – Дягилев С. Заметки // *Мир искусства*. 1900. 4(15-16). С. 67-70.
- Дягилев, 1900 – Дягилев С. Заметки // *Мир искусства*. 1900. 4(19-20). С. 63-66.
- Дягилев, 1900 – Дягилев С. Заметки // *Мир искусства*. 1900. 4(20-21). С. 212-213.
- Дягилев, 1902 – Дягилев С. М.В. Якунчикова // *Мир искусства*. 1902. 8 (11-12). С. 59.
- Дягилев, 1902 – Дягилев С. Сведения // *Мир искусства*. 1902. 8(11). С. 55-56.
- Киселев, 2021 – Киселев М.Ф. Графика журнала «Мир искусства» в контексте русского модерна // *Связь времен: история искусств в контексте символизма*. Т. II. Москва: БуксМАрт. 2021. С. 391-450.
- Копцева и др., 2023 – Копцева Н.П., Середкина Н.Н., Дегтяренко К.А. Эстетические трансформации как идейная основа советского изобразительного искусства 1917-1922 гг. // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 16 (4). С. 522-535.
- Небылица, Кютина, 2022 – Небылица О.А., Кютина И.И. Роль журнала «Мир искусства» в Серебряном веке // *Актуальные проблемы современной гуманитарной науки*. 2022. С. 129-133.
- Поленова, 1899 – Поленова Е.Д. Сынок-Филиппко. Сказка, записанная Е. Поленовой // *Мир искусства*. 1899. 2(18-19). С. 121-126.
- Розанов, 1901 – Розанов В. Успехи нашей скульптуры // *Мир искусства*. 1901. № 2-3. С. 113
- Сведения, 1899 – Сведения // *Мир искусства*. 1899. 5. С. 39.
- Сергеева, 2023 – Сергеева Н.А. Понятие «визуальность» в современных теории и истории искусства // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. № 7 (2). С. 108-115.
- Сергеева, Замараева, 2023 – Сергеева Н. А., Замараева Ю. С. Создание новых художественных объединений в советском изобразительном искусстве 1917-1922 гг. // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. 16(7). С. 1043-1061.
- Ситникова, 2022 – Ситникова А.А. Северные экспедиции и образ Арктики в зарубежной живописи XIX века // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. 6 (1). С. 240-249.
- Ситникова, 2023 – Ситникова А.А. Городская художественная культура: современные концептуальные основания и методологические подходы к изучению // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. 16 (11). С. 1999-2009.
- Смолина, 2023 – Смолина М.Г. Творчество А.С. Голубкиной: отношения скульптора и материала // *Женская вселенная русского искусства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28–29 сентября 2023 года*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица. 2023. С. 180-187.
- Филиппова, 2020 – Филиппова О. Н. Петербург в творчестве Анны Остроумовой-Лебедевой // *Искусство Евразии*. 2020. 2(17). С. 70-81.
- Философов, 1901 – Философов Д. Реформы в обществе поощрения // *Мир искусства*. 1901. 8-9. С. 130-131.
- Череда, 1904 – Череда Ю. Звенигородский уезд. (Чехов, Чайковский, Якунчикова) // *Мир искусства*. 1904. 11 (5). С. 101-104.
- Яковлева, 2017 – Яковлева А. С. Эстетизм и декадентство в статьях журнала «Мир искусства» // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2017. №3 (32). С. 150-152.

[Koptseva et al., 2016](#) – Koptseva N.P., Luzan V.S., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2016. 29 (2). Pp. 1-28.

[Koptseva et al., 2022](#) – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S., Menzhurenko Yu.N. The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 867-875.

[Koptseva, Reznikova, 2015](#) – Koptseva N.P., Reznikova K.V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38, Is. 4. Pp. 1028-1038.

[Sertakova et al., 2023](#) – Sertakova E.A., Leshchinskaia N.M., Kolesnik M.A., Sitnikova A.A. The Journal “Mir Iskusstva” (1899–1904) as a Source on the History of Russian Art at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 2025-2035.

[Verizhnikova, 2017](#) – Verizhnikova T.F. James Whistler and Anna Ostroumova-Lebedeva in Paris, 1899: the Story of an archive document // *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*. 2017. 7(1). Pp. 87-97.

References

[Abdullina, 2022](#) – Abdullina, D.A. (2022). Detskiy mir na stranitsakh zhurnala «Mir iskusstva» (1898-1904) [Children's world on the pages of the journal “Mir iskusstva” (1898-1904)]. *Academia*. 1: 106-120. [in Russian]

[Astashkin, 2013](#) – Astashkin, A.G. (2013). Tipologicheskiye i zhanrovyye osobennosti elitarnykh zhurnalov ob iskusstve nachala XX v. (na materiale zhurnalov «Mir iskusstva», «Vesy», «Zolotoye runo» i drugikh) [Typological and genre features of elite art magazines of the early 20th century (based on the journals “Mir iskusstva”, “Vesy”, “Zolotoye runo”]: 10.01.10 “Journalism”: abstract of a dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Ekaterinburg, 26 p. [in Russian]

[Benua, 1899](#) – Benua, A. (1899). Uchenicheskaya vystavka v Akademii khudozhestv [Student exhibition at the Academy of Arts]. *Mir iskusstva*. 21-22: 67-71. [in Russian]

[Borok, 1899](#) – Borok, N. (1899). E.D. Polenova. *Mir iskusstva*. 2(18-19): 97-120. [in Russian]

[Borok, 1904](#) – Borok, N. (1904). M.V. Yakunchikova. *Mir iskusstva*. 11(1-3): 105-124.

[Chereda, 1904](#) – Chereda, Yu. (1904). Zvenigorodskiy uyezd (Chekhov, Chaykovskiy, Yakunchikova) [Zvenigorod district (Chekhov, Tchaikovsky, Yakunchikova)]. *Mir iskusstva*. 11(5): 101-104. [in Russian]

[Degtyarenko, 2021](#) – Degtyarenko, K.A. (2021). Kontseptual'nyye osnovaniya etnicheskikh issledovaniy [Conceptual Foundations of Ethnic Studies]. *Northern archives and expeditions*. 5(4): 8-16. [in Russian]

[Dyagilev, 1899](#) – Dyagilev, S. (1899). Zametki [Notes]. *Mir iskusstva*. 1(1-2): 40-43. [in Russian]

[Dyagilev, 1900](#) – Dyagilev, S. (1900). Zametki [Notes]. *Mir iskusstva*. 4(20-21): 212-213. [in Russian]

[Dyagilev, 1900](#) – Dyagilev, S. (1900). Zametki [Notes]. *Mir iskusstva*. 4(15-16): 67-70. [in Russian]

[Dyagilev, 1900](#) – Dyagilev, S. (1900). Zametki [Notes]. *Mir iskusstva*. 4(19-20): 63-66. [in Russian]

[Dyagilev, 1902](#) – Dyagilev, S. (1902). M.V. Yakunchikova. *Mir iskusstva*. 8(11-12): 59. [in Russian]

[Dyagilev, 1902](#) – Dyagilev, S. (1902). Svedeniya [Information]. *Mir iskusstva*. 8(11): 55-56. [in Russian]

[Filippova, 2020](#) – Filippova, O.N. (2020). Peterburg v tvorchestve Anny Ostroumovoy-Lebedevoy [Petersburg in the works of Anna Ostroumova-Lebedeva]. *Art of Eurasia*. 2(17): 70-81. [in Russian]

[Filosofov, 1901](#) – Filosofov, D. (1901). Reformy v obshchestve pooshchreniya [Reforms in the society of encouragement]. *Mir iskusstva*. 8-9: 130-131. [in Russian]

[Gladkova, 2015](#) – Gladkova, E.V. (2015). Vklad russkikh khudozhnits rubezha XIX – XX vekov v dekorativno-prikladnoye iskusstvo Rossii (M.K. Tenisheva, Ye.D. Polenova, M.V. Yakunchikova) [Contribution of Russian artists of the turn of the 19th - 20th centuries to the decorative and applied art of Russia (M.K. Tenisheva, E.D. Polenova, M.V. Yakunchikova)]. *Dekorativno-prikladnoye iskusstvo i obrazovaniye*. 2(13): 11-17. [in Russian]

[Kiselev, 2021](#) – Kiselev, M.F. (2021). Grafika zhurnala «Mir iskusstva» v kontekste russkogo moderna [Graphics of the magazine “Mir iskusstva” in the context of Russian Art Nouveau]. *Svyaz' vremen: istoriya iskusstv v kontekste simvolizma*. T. II. Moskva: BuksMArt, pp. 391-450. [in Russian]

[Koptseva et al., 2022](#) – Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Menzhurenko, Yu.N. (2022). The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. *Bylye Gody*. 17(2): 867-875.

[Koptseva i dr., 2016](#) – Koptseva, N.P., Luzan, V.S., Razumovskaya, V.A., Kirko, V.I. (2016). The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy, *International Journal for the Semiotics of Law*. 29(2): 1-28.

[Koptseva i dr., 2023](#) – Koptseva, N.P., Seredkina, N.N., Degtyarenko, K.A. (2023). Esteticheskiye transformatsii kak ideynaya osnova sovetskogo izobrazitel'nogo iskusstva 1917-1922 gg. [Aesthetic transformations as the ideological basis of Soviet fine arts in 1917-1922]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(4): 522-535. [in Russian]

Koptseva, Reznikova, 2015 – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V. (2015). Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. *Bylye Gody*. 38(4): 1028-1038.

Nebylitsa, Kiyutina, 2022 – Nebylitsa, O.A., Kiyutina, I.I. (2022). Rol' zhurnala «Mir iskusstva» v Serebryanom veke [The role of the journal “Mir iskusstva” in the Silver Age]. *Aktual'nyye problemy sovremennoy gumanitarnoy nauki*. Pp. 129-133. [in Russian]

Polenova, 1899 – Polenova, E.D. (1899). Sinko-Filipko. Volshebnyaya skazka skazannaya E. Polenovoy [Synko-Filipko. A fairy tale recorded by E. Polenova]. *Mir iskusstva*. 2(18-19): 121-126. [in Russian]

Rozanov, 1901 – Rozanov, V. (1901). Uspekhi nashey skul'ptury [The successes of our sculpture]. *Mir iskusstva*. 2-3: 113. [in Russian]

Sergeeva, 2023 – Sergeeva, N.A. (2023). Ponyatiye «vizual'nost'» v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of "visuality" in modern theory and history of art]. *Northern archives and expeditions*. 7(2): 108-115. [in Russian]

Sergeeva, Zamaraeva, 2023 – Sergeeva, N.A., Zamaraeva, Yu.S. (2023). Sozdaniye novykh khudozhestvennykh ob'yedineniy v sovetskom izobrazitel'nom iskusstve 1917-1922 gg. [Creation of new art associations in the Soviet fine arts 1917-1922]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(7): 1043-1061. [in Russian]

Sertakova et al., 2023 – Sertakova, E.A., Leshchinskaia, N.M., Kolesnik, M.A., Sitnikova, A.A. (2023). The Journal “Mir Iskusstva” (1899–1904) as a Source on the History of Russian Art at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. *Bylye Gody*. 18(4): 2025-2035.

Sitnikova, 2022 – Sitnikova, A.A. (2022). Severnyye ekspeditsii i obraz Arktiki v zarubezhnoy zhivopisi XIX veka [Northern Expeditions and the Image of the Arctic in Foreign Painting of the 19th century]. *Northern archives and expeditions*. 6(1): 240-249. [in Russian]

Sitnikova, 2023 – Sitnikova, A.A. (2023). Gorodskaya khudozhestvennaya kul'tura: sovremennyye kontseptual'nyye osnovaniya i metodologicheskiye podkhody k izucheniyu [Urban artistic culture: modern conceptual foundations and methodological approaches to study]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16 (11): 1999-2009. [in Russian]

Smolina, 2023 – Smolina, M. G. (2023). Tvorchestvo A.S. Golubkinoy: otnosheniya skul'ptora i materiala [Creativity of A.S. Golubkina: the relationship between the sculptor and the material]. *Zhenskaya vseleinnaya russkogo iskusstva: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 28–29 sentyabrya 2023 goda*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya gosudarstvennaya khudozhestvenno-promyshlennaya akademiya imeni A.L. Shtiglitsa, pp. 180-187. [in Russian]

Svedeniya, 1899 – Svedeniya [Data]. *Mir iskusstva*. 1899. 5: 39. [in Russian]

Veber, 2021 – Veber, Ye.Ye. (2021). Zhurnal «Mir iskusstva»: istoriya, razvitiye [The journal “Mir iskusstva”: history, development]. *Tvorchestvo V.I. Likhonosova i aktual'nyye problemy razvitiya yazyka, literatury, zhurnalistiki, istorii*. Pp. 227-233. [in Russian]

Verizhnikova, 2017 – Verizhnikova, T.F. (2017). James Whistler and Anna Ostroumova-Lebedeva in Paris, 1899: the Story of an archive document. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*. 7(1): 87-97.

Yakovleva, 2017 – Yakovleva, A.S. (2017). Estetizm i dekadentstvo v stat'yakh zhurnala «Mir iskusstva» [Aestheticism and decadence in the articles of the magazine «Mir iskusstva»]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 3(32): 150-152. [in Russian]

Журнал «Мир искусства» (1899–1904 гг.) как источник по истории женского художественного творчества

Наталья Михайловна Лещинская ^{а, *}, Мария Александровна Колесник ^а,
Александра Александровна Ситникова ^а, Екатерина Анатольевна Сертакова ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования связана с современной ревизией истории искусства с целью высвечивания роли женщин-художниц в развитии изобразительного искусства в разные эпохи. Настоящее исследование проведено на основе контент-анализа журнала «Мир искусства», публиковавшегося на рубеже XIX–XX веков, на страницах которого эстетические предпочтения отводились искусству модерна и русскому национальному стилю. В результате исследования установлено, что женскому творчеству на страницах журнала уделяется значительное внимание – главными персоналиями являются А. Остроумова, Е. Поленова, М. Якунчикова, Н. Давыдова,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: trognonulia@gmail.com (Н.М. Лещинская),
masha_kolesnik@mail.ru (М.А. Колесник), sem_dobrianka@mail.ru (А.А. Ситникова),
sertachok@mail.ru (Е.А. Сертакова)

А. Голубкина и некоторые другие. Часть обложек журнала выполнены этими художницами, на страницах журнала опубликованы репродукции их произведений и критические статьи об их творчестве. В качестве особенностей женского творчества можно выделить то, что на рубеже веков традиционные женские ремесла и занятия, связанные со знанием русского фольклора, стали значимым фундаментом для продвижения женщин в профессиональную художественную среду, так как становление русского национального стиля требовало глубокого знакомства с народной культурой.

Ключевые слова: журнал «Мир искусства», национальное русское искусство, женское художественное творчество.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 366-373
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.366

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Charitable Donations of Siberians to the Russian Red Cross Society during the Military Campaign in China (1900–1901)

Tatyana A. Kattsina ^{a, *}, Ksenia A. Tishkina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to an important and little-explored topic – charity in wartime conditions. It contains material on private charitable donations from the Siberian population to the Russian Red Cross Society during the military campaign in China (1900–1901). The authors rely on a wide range of written sources and achievements of modern historiography, guided by an interdisciplinary approach.

The directions of work of the Russian Red Cross Society are demonstrated, the dynamics of donations for 1900, as well as the structure and state of the capitals of the Yenisei local government are shown. The channels for receiving donations and the contribution of individual citizens are indicated. According to the authors, the center of gravity in the organization of assistance to the Russian Red Cross Society has been significantly shifted towards the public. Even a fragmentary examination of the phenomenon of charity in Siberian society shows that it has a deep moral and humanistic meaning.

Keywords: Siberia, Russian-Chinese War, Russian Red Cross Society, charity, donations.

1. Введение

В 1900–1901 гг. Россия в составе международной коалиции (Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия, США, Италия, Япония) приняла широкомасштабные военные действия против вооруженных сил и отрядов народного сопротивления (восстания ихэтуаней) Цинского Китая на территории от Амура до Пекина (Дацзышен, 2014: 119; Ростов, Панченко, 2018: 139), за которыми закрепилось официальное название «военная кампания в Китае». В силу «китайских осложнений» на военное положение были переведены все гарнизоны Приамурского и Сибирского военных округов, а также части войск, расположенные в Семиреченской области Туркестанского военного округа (ПСЗРИ, 1902: 940).

Российское общество Красного Креста (сокращенно: РОКК, Красный Крест) незамедлительно отреагировало на начало вооруженного конфликта, активизировав свою деятельность по надлежащему уходу за больными и ранеными воинами, а также по оказанию помощи проезжающим на театр военных действий войскам. Выполнение этих задач было сопряжено со значительными расходами, превышающими имеющиеся в распоряжении РОКК средства. Требовались дополнительные ресурсы (денежные, материальные, трудовые).

В данной статье предстоит охарактеризовать благотворительные пожертвования населения Сибири РОКК на Дальнем Востоке для оказания помощи нуждающимся во время военного конфликта в Китае (1900–1901 гг.).

2. Материалы и методы

2.1. Статья написана с привлечением документов, выявленных в государственном архиве Алтайского края (Барнаул, Российская Федерация) (ф. 170 – Бийское уездное полицейское

* Corresponding author

E-mail addresses: tkatsina@sfu-kras.ru (T.A. Kattsina), ksetishkina@mail.ru (K.A. Tishkina)

управление), Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация) (ф. 160 – Енисейская губернская казенная палата), Томской области (Томск, Российская Федерация) (ф. 3 – Томское губернское управление) и впервые введенных в научный оборот. Использовались утвержденные верховной властью тексты законодательных актов, тематически имеющие отношение к разрабатываемому вопросу, циркулярные распоряжения Главного управления РОКК, материалы газет неправительственного происхождения («Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Енисей»), повествующие о мероприятиях отделов РОКК на Дальнем Востоке и поступавших в их пользу пожертвованиях. Полезным оказалось «Воззвание его Преосвященства, Преосвященнейшего Евфимия, Епископа Енисейского и Красноярского, к Енисейской пастве о пожертвовании в пользу больных и раненых воинов на Востоке», сражающихся с «китайскими мятежниками». Значимая, наиболее полная и подробная информация, посвященная деятельности РОКК во время вооруженного столкновения в Китае (1900–1901 гг.), почерпнута из «Вестника Российского общества Красного Креста» – главного печатного органа организации, который до 1907 г. выходил еженедельно.

2.2. Исследование, хронологические рамки которого ограничены началом и окончанием военной кампании в Китае (1900–1901 гг.), базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем исторические, социологические и правовые знания. Прежде всего, это совокупность концепций, разработанных отечественными источниковедцами в отношении классификации письменных источников и их критики. Для уяснения и объяснения сути и значимости закона, того или иного нормативного акта, так или иначе касающегося деятельности РОКК или событий военной кампании в Китае, применялся метод формально-юридического анализа. На основе метода описательной статистики представлена динамика целевых пожертвований, поступивших в Главное управление РОКК в 1900 г. на нужды больных и раненых в рядах войск, действующих на Дальнем Востоке. С помощью сравнительно-исторического метода изучались те изменения, которые претерпела деятельность РОКК на Дальнем Востоке за время российско-китайского конфликта.

3. Обсуждение

В современной отечественной историографии немало научных работ посвящено истории РОКК XIX – начала XX вв. (Соколова, 2013а, Соколова, 2013б; Рудой, 2013; Борзых, 2018; Чистяков, 2018 и другие авторы), однако участие общества в военной кампании в Китае (1900–1901 гг.) упоминается в них эпизодически. В исследовании Д.В. Скажутина (Скажутин, 2017) процесс становления сестринского дела в Забайкалье тесно вплетен во временной промежуток, условными рамками которого являются боксерское восстание (восстание ихэтуаней) и Русско-японская война. В серии статей С.Д. Батоева (Батоев, 2017; Батоев, 2018) рассмотрена организация регионального управления РОКК в начале XX в., но преимущественно в контексте развития медицины в Забайкалье. Накоплен положительный опыт в изучении деятельности отделов РОКК на Дальнем Востоке (Романова, 2015; Романова, 2016) и непосредственно на территории Китая (Черникова, 2020) во время русско-китайского конфликта 1900–1901 гг. Как видим, исследования охватывают организационную, ресурсную и деятельностьную стороны РОКК в интересующий нас временной отрезок. Авторы настоящей статьи рассчитывают внести свой вклад в разработку вопроса о финансовых ресурсах РОКК во время конфликта в Китае, используя для этого материалы по Сибири.

4. Результаты

Как известно, Российское общество Красного Креста было преобразовано в 1879 г. из Общества попечения о раненых и больных воинах, учрежденного по указу императора Александра II в 1867 г.

Структура РОКК складывалась из главного, окружных и местных управлений и комитетов, общин милосердия, лазаретов, передвижных санитарных отрядов, аптек, складов и др.

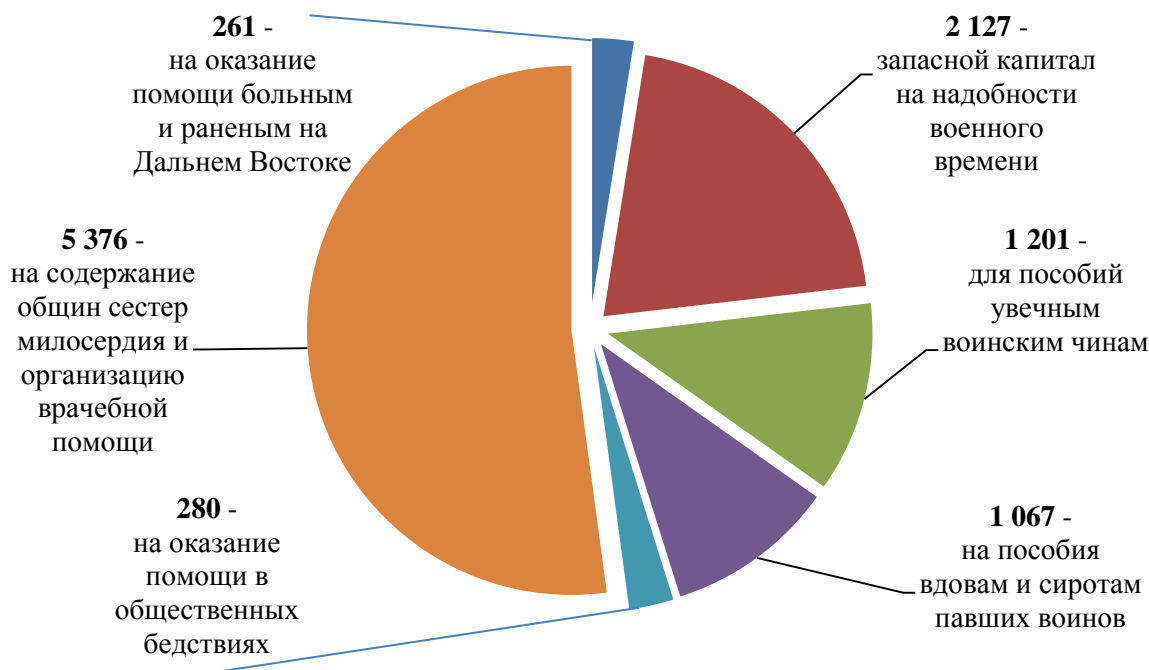
В начале XX в. РОКК находилось под августейшим покровительством императрицы Марии Федоровны. Руководителями его региональных управлений, как правило, становились губернаторы. С началом военной кампании в Китае исполнительная власть в деле помощи РОКК на Дальнем Востоке была возложена на Его Высочество принца Александра Петровича Ольденбургского. В тылу образовано три района ответственности общества (Печилийский, Приамурский и Забайкальский), во главе каждого из них назначен уполномоченный РОКК.

В связи с отдаленностью театра военных действий от центрального склада Главного управления РОКК, неудобством путей сообщения (особенно в период закрытия навигации по Шилке и Амуру), отсутствием на местных рынках восточно-азиатской окраины предметов, необходимых для раненых и больных, было решено открыть в некоторых пунктах запасные склады госпитального снабжения (Циркуляр..., 1900: 225). Окружным и местным управлениям РОКК в Сибири следовало взять на себя изготовление и закупку, кроме лазаретного имущества, разных вещей и продуктов (Циркуляр, 1900: 225). Согласно «Списку офицерских и солдатских вещей на 100 комплектов» требовалось сформировать комплекты, каждый из трех перемен носильного и постельного белья, халата, пары туфель. Кроме того, в соответствующем количестве набрюшники (повязка ватная или иная на живот), чехлы для одеял, скатерти, салфетки, посудные полотенца, передники для прислуги и проч. Подчеркивалось, что собранные вещи должны быть только новыми. Необходимы были табак и

папиросы, а из продуктов «для усиленного питания больных и выздоравливающих» – чай, коньяк и марсала (крепленое десертное вино), сахар, консервы, сгущенное молоко, шоколад (Циркуляр..., 1900: 226; Красный крест, 1901: 2).

Снаряжение и отправление отрядов Красного Креста, сестер милосердия, заготовка необходимых перевязочных средств и инвентаря для лазаретов и госпиталей требовали значительных ресурсов. Представить направления работы, структуру и состояние капиталов местных учреждений РОКК позволяет Рисунок 1 (составлен по: Благотворительность в России, 1907: 386-387).

Рис. 1. Структура капиталов Енисейского местного управления РОКК в 1901 г., руб.

Источниками финансирования деятельности РОКК служили частные благотворительные пожертвования, поступления из государственной казны, различные сборы. Так, для увеличения средств РОКК в его пользу до окончания военных действий были установлены следующие сборы: 28 июля 1900 г. – дополнительный, по пять рублей в полугодие за каждый заграничный паспорт (ПСЗРИ, 1902: 973); 15 октября – особый, с проезжающих по железным дорогам пассажиров (кроме лиц, проезжающих по воинским документам), 5 коп. за одну поездку с пассажиров первого и второго классов, уплачивающих за одну поездку не менее 2 руб., а с пассажиров третьего класса – не менее 8 руб. (ПСЗРИ, 1902: 1062). Сбор вводился с 15 ноября 1900 г., распространялся и на пассажиров, проезжающих по бесплатным билетам первого и второго классов, независимо от расстояния проезда.

Широко исполнять задачи РОКК согласно действительной потребности в его помощи помогали частные пожертвования, поступавшие специально на это дело. Как следует из доклада общему собранию РОКК главноуполномоченного по оказанию помощи больным и раненым на Дальнем Востоке Н. Вельяминова, с начала военных действий в Китае до конца 1900 г. поступило в кассу Главного управления РОКК частных пожертвований 997 490,11 руб., паспортного сбора – 114 924,65 руб.; израсходовано из общей суммы (1 112 414,76 руб.) – 847 202,54 руб. (Красный Крест, 1901: 1).

Чиновники разных ведомств и рангов обращались к населению с воззваниями, призывами к активной, напряженной работе по сбору пожертвований в пользу РОКК. Каналами информирования выступали местные газеты. Быстрый отклик получали личные обращения высокопоставленного чиновника. Например, томский губернатор С.А. Вяземский направил письмо бийскому уездному исправнику В.Н. Тукмачеву с просьбой «пригласить население <...> к участию в деле милосердия пожертвованием <...> денег и материалов» (ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 132. Л. 89об.). Все собранное должно было отправляться в Томское местное управление РОКК, а из него – в Главное управление.

Обращаясь к деятельности Томского местного управления РОКК, мы видим, что в его распоряжение поступило: в сентябре 1900 г. 116,61 руб. от Нижне-Чарышского волостного правления Алтайского округа, 4,79 руб. и 14 ½ аршинов холста из деревни Усть-Камышское (ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 132. Л. 73, 79), 190 руб. от городского головы Мариинска, в ноябре – 480,85 руб. от горного исправника Алтайского округа, в декабре – 134 руб. от томского исправника, 32 руб. от Барнаульской старообрядческой общины (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4615. Л. 2). Точного подсчета поступлений сделать нельзя, но их в действительности было гораздо больше. Среди жертвователей в пользу РОКК значатся

княгиня Е.А. Вяземская, торговый дом «братьев Ерофеевых» в Каинске, служащие и мастера Таскаевского маслодельного завода близ Берска, товарищество «А.Ф. Второв с сыновьями» ([Список..., 1900: 4](#)).

В благотворительных акциях для РОКК участвовали и инородцы. Например, родовой староста Кергежской волости зайсан М. Полушкин передал через Бийское казначейство 21,55 руб., бийского уездного исправника – 24 ½ аршина холста и полотенце; инородцы Второй Чуйской волости собрали 30,45 руб., Первой Алтайской – 85,24 руб. ([ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 132. Л. 118, 122, 163](#)).

От крестьянского населения пожертвования поступали, главным образом, вещами и холстом ([ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 132. Л. 200, 201](#)). Так, в ноябре Томское местное управление РОКК сообщало о получении 1 076 руб. и девяти тюков с холстом и разными вещами ([ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 132. Л. 181, 189](#)).

С неперменным участием церковных старост прихожане Бийской Успенской церкви пожертвовали Красному Кресту 145 аршин холста, прихожане Михайло-Архангельской церкви (с. Фоминское) – шесть рубашек, четверо подштанников, шесть наволочек, десять полотенцев и такое же количество пар шерстяных чулок ([ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 132. Л. 200, 201](#)). Через священников собирались пожертвования по подписным листам.

Значительное внимание уделено было РОКК епископом Енисейским и Красноярским Евфимием. По его предложению члены Енисейской духовной консистории и все ее служащие изъявили готовность отчислять из получаемого ими содержания по 2 % в пользу РОКК ежемесячно до прекращения военных действий ([Рапорт, 1900: 441](#)). В губернии развернулась кампания по сбору пожертвований в пользу Красного Креста ([ГААК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1365](#)), работу которого епископ оценил так: «раненые, оставшиеся на поле брани, бережно подбирались, перевозились в безопасное место, удаленное от битвы, перевязывались, поились-кормились и под нежным уходом любвеобильных русских женщин, принявших на себя великий подвиг ухода за ранеными и больными, и нравственно, и физически отдыхали от ужасов войны, нередко снова возвращались к жизни и тем же Красным Крестом перевозились на родину, где неоправившиеся еще окончательно от ран и недугов находили дальнейший приют в лечебных заведениях общества Красного Креста» ([Воззвание..., 1900: 6](#)).

Часть пожертвований, которые аккумулировали местные управления и комитеты РОКК в Сибири, шла на закупку необходимых материалов для изготовления госпитального белья, а другая направлялась в Главное управление РОКК. Динамика пожертвований, поступивших из Сибири с 12 сентября по 31 декабря 1900 г., представлена в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Динамика пожертвований, поступивших в кассу Главного управления РОКК от сибирских местных управлений и комитетов с 12 сентября по 31 декабря 1900 г., (руб.)

Местные управления и комитеты РОКК	Период поступления пожертвований					
	12–21 сентября	26 октября – 3 ноября	10–17 ноября	7–15 декабря	16–31 декабря	22–31 декабря
Тобольский	159,45	–	–	–	781,86	–
Томский	–	1 571,57	–	12 500,00	1 079,36	–
Якутский	–	–	1 022,34	–	179,94	–
Забайкальское управление	–	2 000,00	–	–	–	2 100,00
Степное окружное управление	617,80	–	–	132,57	–	–

Источник: [Пожертвование..., 1900a: 310](#); [Пожертвование..., 1900b: 370](#); [Пожертвование..., 1900c: 387](#); [Пожертвование..., 1900d: 435](#); [Пожертвование..., 1900e: 447](#); [Пожертвование..., 1901: 5](#)

В Иркутске, который мог стать одним из пунктов, куда будут стекаться раненые, местные дамы по инициативе А.П. Моллериус, супруги губернатора, организовали при местном отделе РОКК дамский комитет для изготовления принадлежностей, необходимых военно-полевым госпиталям ([Иркутский дамский..., 1900: 1](#)). В короткий срок сочувствующие данному начинанию пожертвовали 6 557,75 руб. ([Отчет о деятельности..., 1903: 10](#)). За месяц работы дамский комитет изготовил 110 комплектов белья, которые поступили на оборудование лазарета РОКК в Иркутске при местной Мариинской общине сестер милосердия. Несмотря на то что дамский комитет приостановил свою работу в октябре 1900 г., пожертвования в его адрес продолжали поступать до декабря, а затем были переданы в распоряжение Восточно-Сибирского окружного управления РОКК ([От Восточно-Сибирского..., 1900: 1](#)).

Как отмечает исследователь О.В. Чистяков, Красный Крест истратил на нужды военного времени около 1,4 млн. руб., что полностью покрывалось собранными в этот период пожертвованиями в сумме 1,78 млн. руб. ([Чистяков, 2018: 231](#)). Только в течение октября в Печилийском районе были открыты: в Симинтине лазарет на 25 человек, в Порт-Артуре местная больница Красного Креста на 200 кроватей и лазарет Ее Величества государыни императрицы Марии

Федоровны на 75 мест, принял на себя службу по эвакуации морем плавучий лазарет Красного Креста «Царица» (Красный Крест, 1901: 3-4). Особенно ценным было то, что деятельность Красного Креста была одобрена в самых теплых выражениях представителями воинов, служить которым – главная задача РОКК (Красный Крест, 1901: 5; Наши раненые, 1900: 2).

5. Заключение

В мае 1900 г. РОКК в связи с окончанием боевых действий свернуло свою работу в зоне военного конфликта. Как показало проведенное исследование, центр тяжести в организации помощи Красному Кресту был существенно смещен в сторону общественности. Даже фрагментарное рассмотрение явления благотворительности в сибирском обществе показывает, что оно имеет глубокий нравственный и гуманистический смысл.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20109, URL: <https://rscf.ru/project/22-18-20109/>», Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

Литература

- Батоев, 2017 – Батоев С.Д. Читинская и Верхнеудинская общины сестер милосердия в истории здравоохранения Забайкалья // *Quantum Satis*. 2017. № 1(3-4). С. 107-115.
- Батоев, 2018 – Батоев С.Д. Начало институционализации здравоохранения Забайкалья в дореволюционный период // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2018. № 54. С. 5-9. DOI: 10.17223/19988613/54/1
- Благотворительность в России, 1907 – Благотворительность в России. СПб.: Типолиитография Н.Л. Ныркина, 1907. Т. 1. 959 с. разд. паг.
- Борзых, 2018 – Борзых А.С. Деятельность вологодской общины сестер милосердия в контексте функционирования вологодского местного управления Российского Общества Красного Креста в к. XIX – нач. XX вв. // *Вестник ПСТГУ*. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 83. С. 110-119.
- Воззвание..., 1900 – Воззвание его Преосвященства, Преосвященнейшего Евфимия, Епископа Енисейского и Красноярского, к Енисейской пастве о пожертвовании в пользу больных и раненых воинов на Востоке. Красноярск, 1900. 12 с.
- ГААК – Государственный архив Алтайского края.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- ГАТО – Государственный архив Томской области.
- Дацьшен, 2014 – Дацьшен В.Г. Сибирский округ во время военной кампании в Китае в 1900–1901 гг. // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2014. № 6(22). С. 119-128. DOI: 10.15293/2226-3365.1406.10
- Иркутский дамский..., 1900 – Иркутский дамский комитет Общества Красного Креста // Восточное обозрение. 1900. 13 августа. С. 1.
- Красный крест, 1901 – Красный крест на Дальнем Востоке к 1 января 1901 года. Доклад общему собранию членов Российского общества Красного Креста 28 января 1901 года. СПб.: Государственная типография, [1901]. 9 с.
- Наши раненые, 1900 – Наши раненые // *Сибирская жизнь*. 1900. 17 сентября. С. 2.
- От Восточно-Сибирского..., 1900 – От Восточно-Сибирского Окружного Управления РОКК // Восточное обозрение. 1900. 17 декабря. С. 1.
- Отчет о деятельности..., 1903 – Отчет о деятельности Восточно-Сибирского окружного управления и Мариинской Общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста, состоящего под Августейшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. Иркутск, 1903. 59 с.
- Пожертвование..., 1900а – Пожертвование в помощь больным и раненым русским воинам на Дальнем Востоке, поступившие в кассу Главного Управления Российского Общества Красного Креста с 12 по 21 сентября 1900 г. // *Вестник Российского общества Красного Креста*. 1900. № 39. С. 310.
- Пожертвование..., 1900б – Пожертвование в помощь больным и раненым русским воинам на Дальнем Востоке, поступившие в кассу Главного Управления Российского Общества Красного Креста с 26 октября по 3 ноября 1900 г. // *Вестник Российского общества Красного Креста*. 1900. № 45. С. 370.
- Пожертвование..., 1900с – Пожертвование в помощь больным и раненым русским воинам на Дальнем Востоке, поступившие в кассу Главного Управления Российского Общества Красного Креста с 10 по 17 ноября 1900 г. // *Вестник Российского общества Красного Креста*. 1900. № 47. С. 387-388.
- Пожертвование..., 1900д – Пожертвование в помощь больным и раненым русским воинам на Дальнем Востоке, поступившие в кассу Главного Управления Российского Общества Красного Креста с 7 по 15 декабря 1900 г. // *Вестник Российского общества Красного Креста*. 1900. № 51. С. 435.

Пожертвование..., 1900e – Пожертвование в помощь больным и раненым русским воинам на Дальнем Востоке, поступившие в кассу Главного Управления Российского Общества Красного Креста с 15 по 22 декабря 1900 г. // *Вестник Российского общества Красного Креста*. 1900. № 52. С. 447.

Пожертвование..., 1901 – Пожертвование в помощь больным и раненым русским воинам на Дальнем Востоке, поступившие в кассу Главного Управления Российского Общества Красного Креста с 22 по 31 декабря 1900 г. // *Вестник Российского общества Красного Креста*. 1901. № 1. С. 5.

ПСЗРИ, 1902 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XX. СПб.: Государственная типография, 1902. 1183 с.

Рапорт, 1900 – Рапорт // *Енисейские епархиальные ведомости*. 1900. № 17. С. 441.

Романова, 2015 – Романова В.В. Деятельность Красного Креста в Приамурском генерал-губернаторстве в конце XIX – начале XX в. // *История медицины*. 2015. Т. 2. № 2. С. 242-251. DOI: 10.17720/2409-5583.t2.2.2015.18w

Романова, 2016 – Романова В.В. Из истории деятельности местных отделений Российского общества Красного Креста на территории Маньчжурии // *История медицины*. 2016. Т. 3. № 4. С. 375-385. DOI: 10.17720/2409-5583.t3.4.2016.30d.

Ростов, Панченко, 2018 – Ростов Н.Д., Панченко И.А. Иркутск и русско-китайский конфликт 1900 г. (по материалам «Известий Иркутской городской Думы») // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2018. №14(4). С. 137-147. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-137-147

Рудой, 2013 – Рудой Н.А. Участие общин Российского общества Красного Креста в международных событиях конца XIX – начала XX вв. // *Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья*. 2013. № 1. С. 179-181.

Скажутин, 2017 – Скажутин Д. Становление сестринского дела в Забайкалье: 1900–1905. Чита, 2017. 126 с.: ил.

Соколова, 2013a – Соколова В. Организация общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста (1854–1918 гг.) // *Клио*. 2013a. № 4 (76). С. 40-50.

Соколова, 2013b – Соколова В.А. Российское общество Красного Креста в военных конфликтах (1870–1902) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. Серия 2. 2013б. Вып. 3. С. 162-168.

Список, 1900 – Список // *Сибирская жизнь*. 1900. 29 сентября. С. 4.

Циркуляр..., 1900 – Циркуляр окружным и местным управлением Общества Красного Креста. 14 июля 1900 г. № 7 // *Вестник Российского общества Красного Креста*. 1900. № 29. С. 225-226.

Черникова, 2020 – Черникова Л.П. Краткая историческая справка о благотворительной деятельности в Харбине и об организациях Красного Креста в Маньчжурии в 1900–1958 гг. // *Электронный научнообразовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. Вып. 2 (88). [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840008990-8-1/>. DOI: 10.18254/S207987840008990-8

Чистяков, 2018 – Чистяков О.В. Деятельность Российского общества Красного Креста в вооруженных конфликтах (1867–1917 гг.) // *Пути к миру и безопасности*. 2018. № 1(54). С. 223-238. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-223-238

References

Batoev, 2017 – Batoev, S.D. (2017). Chitinskaya i Verhneudinskaya obshchiny sester miloserdiya v istorii zdavoohraneniya Zabajkal'ya [Chita and Verkhneudinsk communities of nurses in the history of healthcare in Transbaikalia]. *Quantum Satis*. 1(3-4): 107-115. [in Russian]

Batoev, 2018 – Batoev, S.D. (2018). Nachalo institucionalizacii zdavoohraneniya Zabajkal'ya v dorevolucionnyj period [The beginning of the institutionalization of healthcare in Transbaikalia in the pre-revolutionary period]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 54: 5-9. DOI: 10.17223/19988613/54/1 [in Russian]

Blagotvoritel'nost' v Rossii, 1907 – Blagotvoritel'nost' v Rossii [Charity in Russia]. SPb, [1907]. Т. 1. 959 s. razd. pag. [in Russian]

Borzyh, 2018 – Borzyh, A.S. (2018). Deyatel'nost' vologodskoj obshchiny sester miloserdiya v kontekste funkcionirovaniya vologodskogo mestnogo upravleniya Rossijskogo Obshchestva Krasnogo Kresta v k. XIX – nach. XX vv. [Activities of the Vologda community of nurses in the context of the functioning of the Vologda local government of the Russian Red Cross Society in the XIX – early years. XX centuries]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi*. 83: 110-119. [in Russian]

Chernikova, 2020 – Chernikova, L.P. (2020). Kratkaya istoricheskaya spravka o blagotvoritel'noj deyatel'nosti v Harbine i ob organizacijah Krasnogo Kresta v Man'chzhurii v 1900–1958 gg. [Brief historical background on charitable activities in Harbin and the Red Cross organizations in Manchuria in 1900–1958]. *Elektronnyj nauchnoobrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. 11. 2(88). [Electronic resource]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840008990-8-1/>. DOI: 10.18254/S207987840008990-8 [in Russian]

Chistyakov, 2018 – Chistyakov, O.V. (2018). Deyatel'nost' Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta v vooruzhennykh konfliktah (1867–1917 gg.) [Activities of the Russian Red Cross Society in armed conflicts

- (1867–1917)]. *Puti k miru i bezopasnosti*. 1(54): 223-238. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-223-238 [in Russian]
- Dacyshen, 2014** – *Dacyshen, V.G.* (2014). Sibirskij okrug vo vremya voennoj kampanii v Kitae v 1900–1901 gg. [Siberian district during military campaigns in China 1900-1901]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6(22): 119-128. DOI: 10.15293/2226-3365.1406.10 [in Russian]
- GAAK** – Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja [State Archive of the Altai Territory].
- GAKK** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Territory].
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State Archives of the Tomsk Region].
- Irkutskij Damskij Komitet, 1900** – Irkutskij Damskij Komitet Ob-va Krasnogo Kresta [Irkutsk Ladies' Committee of the Red Cross Society]. *Vostochnoe obozrenie*. 1900. 13 avgusta. P. 1. [in Russian]
- Krasnyj Krest, 1901** – Krasnyj krest na Dal'nem Vostoke k 1 yanvarya 1901 goda. Doklad obshchemu sobraniyu chlenov Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta 28 yanvarya 1901 goda [Red Cross in the Far East by January 1, 1901. Report to the general meeting of members of the Russian Red Cross Society on January 28, 1901]. SPb, [1901]. 9 p. [in Russian]
- Nashi ranenye, 1900**– Nashi ranenye [Our wounded]. *Sibirskaya zhizn'*. 1900. 17 sentyabrya. P. 2. [in Russian]
- Ot Vostochno-Sibirskogo..., 1900** – Ot Vostochno-Sibirskogo Okruzhnogo Upravleniya ROKK [From the East Siberian District Directorate of the ROKK, 1900 – From the East Siberian District Directorate of the ROKK]. *Vostochnoe obozrenie*. 1900. 17 dekabrya. P. 1. [in Russian]
- Otchet o deyatel'nosti..., 1903** – Otchet o deyatel'nosti Vostochno-Sibirskogo okruzhnogo upravleniya i Mariinskij Obshchiny sester miloserdiya Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta, sostoyashchego pod Avgustejskim pokrovitel'stvom Eya Imperatorskogo Velichestva Gosudaryni Imperatricy Marii Fedorovny [Report on the activities of the East Siberian District Administration and the Mariinsky Community of Sisters of Charity of the Russian Red Cross Society, which is under the August patronage of Her Imperial Majesty the Empress Maria Feodorovna]. Irkutsk, 1903. 59 p. [in Russian]
- Pozhertvovanie..., 1900a** – Pozhertvovanie v pomoshch' bol'nym i ranenym russkim voynom na Dal'nem Vostoke, postupivshie v kassu Glavnogo Upravleniya Rossijskogo Obshchestva Krasnogo Kresta s 12 po 21 sentyabrya 1900 g. [Donation to help sick and wounded Russian soldiers in the Far East, received at the cash desk of the Main Directorate of the Russian Red Cross Society from September 12 to 21, 1900]. *Vestnik Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta*. 1900. 39: 310. [in Russian]
- Pozhertvovanie..., 1900b** – Pozhertvovanie v pomoshch' bol'nym i ranenym russkim voynom na Dal'nem Vostoke, postupivshie v kassu Glavnogo Upravleniya Rossijskogo Obshchestva Krasnogo Kresta s 26 oktyabrya po 3 noyabrya 1900 g. [Donation to help sick and wounded Russian soldiers in the Far East, received at the cash desk of the Main Directorate of the Russian Red Cross Society from October 26 to November 3, 1900]. *Vestnik Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta*. 1900. 45: 370. [in Russian]
- Pozhertvovanie..., 1900c** – Pozhertvovanie v pomoshch' bol'nym i ranenym russkim voynom na Dal'nem Vostoke, postupivshie v kassu Glavnogo Upravleniya Rossijskogo Obshchestva Krasnogo Kresta s 10 po 17 noyabrya 1900 g. [Donation to help sick and wounded Russian soldiers in the Far East, received at the cash desk of the Main Directorate of the Russian Red Cross Society from November 10 to 17, 1900]. *Vestnik Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta*. 1900. 47: 387-388. [in Russian]
- Pozhertvovanie..., 1900d** – Pozhertvovanie v pomoshch' bol'nym i ranenym russkim voynom na Dal'nem Vostoke, postupivshie v kassu Glavnogo Upravleniya Rossijskogo Obshchestva Krasnogo Kresta s 7 po 15 dekabrya 1900 g. [Donation to help sick and wounded Russian soldiers in the Far East, received at the cash desk of the Main Directorate of the Russian Red Cross Society from December 7 to 15, 1900]. *Vestnik Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta*. 1900. 51: 435. [in Russian]
- Pozhertvovanie..., 1900e** – Pozhertvovanie v pomoshch' bol'nym i ranenym russkim voynom na Dal'nem Vostoke, postupivshie v kassu Glavnogo Upravleniya Rossijskogo Obshchestva Krasnogo Kresta s 15 po 22 dekabrya 1900 g. [Donation to help sick and wounded Russian soldiers in the Far East, received at the cash desk of the Main Directorate of the Russian Red Cross Society from December 15 to 22, 1900]. *Vestnik Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta*. 1900. 52: 447. [in Russian]
- Pozhertvovanie..., 1901** – Pozhertvovanie v pomoshch' bol'nym i ranenym russkim voynom na Dal'nem Vostoke, postupivshie v kassu Glavnogo Upravleniya Rossijskogo Obshchestva Krasnogo Kresta s 22 po 31 dekabrya 1900 g. [Donation to help sick and wounded Russian soldiers in the Far East, received at the cash desk of the Main Directorate of the Russian Red Cross Society from December 22 to 31, 1900]. *Vestnik Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta*. 1: 5. [in Russian]
- PSZRI, 1902** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie tret'ye. Vol. XX. SPb., 1902. 1183 p. [in Russian]
- Raport, 1900** – Raport [Return]. *Enisejskie eparhial'nye vedomosti*. 1900. 17: 441. [in Russian]
- Romanova, 2015** – *Romanova, V.V.* (2015). Deyatelnost' Krasnogo Kresta v Priamurskom general-gubernatorstve v konce XIX – nachale XX v. [Activities of the Red Cross in the Amur Governorate General at the end of the 19th - beginning of the 20th century]. *Istoriya mediciny*. 2(2): 242-251. DOI: 10.17720/2409-5583.t2.2.2015.18w [in Russian]

Romanova, 2016 – Romanova, V.V. (2016). Iz istorii deyatelnosti mestnykh otdelenij Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta na territorii Man'chzhurii [From the history of the activities of local branches of the Russian Red Cross Society in Manchuria]. *Istoriya mediciny*. 3(4): 375-385. DOI: 10.17720/2409-5583.t3.4.2016.30d [in Russian]

Rostov, Panchenko, 2018 – Rostov, N.D., Panchenko, I.A. (2018). Irkutsk i russko-kitajskij konflikt 1900 g. (po materialam «Izvestij Irkutskoj gorodskoj Dumy») [Irkutsk and the Russian-Chinese conflict of 1900 (based on materials from “Izvestia of the Irkutsk City Duma”)]. *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij*. 14(4): 137-147. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-137-147 [in Russian]

Rudoj, 2013 – Rudoj, N.A. (2013). Uchastie obshchin Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta v mezhdunarodnykh sobytiyah konca XIX – nachala XX vv. [Participation of communities of the Russian Red Cross Society in international events of the late XIX – early XX centuries]. *Rossijskaya akademiya medicinskih nauk. Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya*. 1: 179-181. [in Russian]

Skazhutin, 2017 – Skazhutin, D. (2017). Stanovlenie sestrinskogo dela v Zabajkal'e: 1900–1905 [The formation of nursing in Transbaikalia: 1900–1905]. Chita, 126 p.: il. [in Russian]

Sokolova, 2013a – Sokolova, V. (2013). Organizaciya obshchin sester miloserdiya Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta (1854–1918 gg.) [Organization of communities of nurses of the Russian Red Cross Society (1854–1918)]. *Klio*. 4(76): 40-50. [in Russian]

Sokolova, 2013b – Sokolova, V.A. (2013). Rossijskoe obshchestvo Krasnogo Kresta v voennykh konfliktah (1870–1902) [Russian Red Cross Society in military conflicts (1870-1902)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. Seriya 2. 3*: 162-168. [in Russian]

Spisok, 1900 – Spisok [Register]. *Sibirskaya zhizn'*. 1900. 29 sentyabrya. P. 4. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1900 – Tsirkulyar okruzhnym i mestnym upravleniem Obshchestva Krasnogo Kresta. 14 iyulya 1900 g., № 7 [Circular by the district and local administration of the Red Cross Society. July 14, 1900, No. 7]. *Vestnik Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta*. 1900. 29: 225-226. [in Russian]

Vozzvanie..., 1900 – Vozzvanie ego Preosvyashchenstva, Preosvyashchenneshogo Evfimiya, Episkopa Enisejskogo i Krasnoyarskogo, k Enisejskoj pastve o pozhertvovanii v pol'zu bol'nyh i ranenyyh voynov na Vostoke [Appeal of His Eminence, Most Reverend Euthymius, Bishop of Yenisei and Krasnoyarsk, to the Yenisei flock about donations in favor of sick and wounded soldiers in the East]. Krasnoyarsk, 1900. 12 p. [in Russian]

Благотворительные пожертвования сибиряков Российскому обществу Красного Креста во время военной кампании в Китае (1900–1901)

Татьяна Анатольевна Катцина ^{a, *}, Ксения Алексеевна Тишкина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена важной и малоисследованной теме – благотворительности в условиях военного времени. Содержит материал о частных благотворительных пожертвованиях населения Сибири Российскому обществу Красного Креста во время военной кампании в Китае (1900–1901 гг.). Авторы опираются на широкий круг письменных источников и достижения современной историографии, руководствуются междисциплинарным подходом.

Продемонстрированы направления работы Российского общества Красного Креста, приведена динамика пожертвований за 1900 г., а также структура и состояние капиталов Енисейского местного управления. Указаны каналы поступления пожертвований, вклад отдельных граждан. По мнению авторов, центр тяжести в организации помощи Российскому обществу Красного Креста был существенно смещен в сторону общественности. Даже фрагментарное рассмотрение явления благотворительности в сибирском обществе показывает, что оно имеет глубокий нравственный и гуманистический смысл.

Ключевые слова: Сибирь, Русско-китайская война, Российское общество Красного Креста, благотворительность, пожертвования.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tkatsina@sfu-kras.ru (Т.А. Катцина), ksetishkina@mail.ru (К.А. Тишкина)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 374-382
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.374

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian Villagers in Revolutionary Fire, 1902–1907: Generation’s Factor

Vladimir B. Bezgin ^{a, *}, Aleksei Y. Viazinkin ^a, Kuzma A. Yakimov ^a

^aTambov State Technical University, Tambov, Russian Federation

Abstract

The paper studies the role of the “revolutionary turning point” generation in the Russian revolutionary movement of 1902–1907. The source base for the study includes documents from central and regional archives and periodicals. Representatives of this generation were peasant children, adolescents and young people. The participation of children and adolescents in agrarian protests was established on the basis of gubernatorial reports, police reports and court chronicles. Young peasants or people from the peasant environment, who often had the city life experience, actively participated in revolutionary propaganda and creation of revolutionary cells in the village. The authors explore the specifics of their social experience on the basis of archival materials, including memories and questionnaires, which allows to consider the historical context not only from the perspective of a chronicle, but also in the framework of historical memory of social experience.

The authors found that the participation of children in agrarian protests most often manifested themselves in passive forms of resistance and were spontaneous in nature. In turn, it was young people aged 16 to 24 years (the “revolutionary turning point” generation) who provided the most active assistance to the revolutionary cause. This was largely facilitated by the fact that rural youth, who managed to break away from the care of family and community, were more susceptible to the influence of left-wing radical ideas. Leaving for work in the cities and entering educational institutions, many people from peasant families easily fell under the influence of revolutionary ideas. The romanticization of the “heroic” image of a revolutionist, combined with youthful maximalism and a relatively low level of education, quickly turned young peasants into active participants of the revolutionary movement, in contrast to children and teenagers who rebelled mainly spontaneously, together with their community. At the same time, many of those who left for the cities subsequently worked secretly in rural revolutionary cells stimulating the spread of revolutionary influence in the village.

Keywords: “revolutionary turning point” generation, Russian village, revolution of 1905–1907, agrarian history, history of generations, generational factor, children, youth.

1. Introduction

The fate of the Russian peasantry during the years of the “revolutionary turning point”, during a period of radical changes in the way of village life, represents a truly pressing problem in Russian peasant studies. The purpose of the study is to identify the socio-demographic, socio-historical and socio-psychological characteristics of the participation of the “revolutionary turning point” generation in the revolutionary events of 1902–1907 in the Russian village, i.e. children, adolescents, peasant youth and young people from the peasant environment.

The socio-demographic approach to the study of the generational factor comes down to the analysis of the following aspects of the problem: gender, national, and educational. A socio-historical analysis of the problem allows us to identify the behavioral motives of representatives of the “revolutionary turning point”

* Corresponding author

E-mail addresses: vladyka62@mail.ru (V.B. Bezgin)

generation in agrarian turmoil and the Russian revolutionary movement in 1902–1907. The research focuses on the age of political initiation of representatives of the studied generation and the dynamics of the revolutionary participation. The use of the generational approach to the analysis of agrarian protests allows us to determine the role of rural children, adolescents and youth in the revolutionary events of the designated period.

2. Materials and methods

The source base for the study includes archival materials from the collections of the Russian State Historical Archive (Saint Petersburg, Russian Federation), the State Archive of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation) and the State Archive of the Kursk Region (Kursk, Russian Federation). In order to study the socio-demographic characteristics of representatives of the studied generation, it was important to turn to the materials of the biographical directory of the Society of Political Prisoners and Exiled Settlers “Political Penal Servitude and Exile”, the data of which became the basis for creating a database table and conducting a prosopographic study of revolutionists of peasant origin.

In addition, the study involved materials from newspapers and journals “Russkie Vedomosti”, “Rech”, “Tambovsky Golos”, “Voronezhskoe Slovo”, “Kurskaya Zhizn”, “Katorga and Ssylka”.

The research methodology is dictated by the objectives and materials on which the comprehensive historical analysis is based.

The study of the generational factor in revolutionary processes and events in the Russian village of 1902–1907 required turning to the methodology of generational research. The focus of the research is on a specific socio-demographic group, i.e. the “revolutionary turning point” generation. The author of this concept, domestic researcher Yu. A. Levada, attributed to this generation those who were born “around the 90s of the 19th century” (Levada, 2006: 34). The generational approach to the study of the problem makes it possible to use the methods of social demography and historical anthropology, which expands the research field and creates the precondition for a new scientific result.

In accordance with the definition of K. Mannheim, we consider a generation to be a socio-demographic group in which everyone is connected to each other by the fact that “they experience the impact of social and intellectual symptoms of the dynamic destabilization process” (Mannheim, 1998: 28). Thus, members of one generation are not only children, adolescents and rural youth, but also young people from the peasant environment who have retained ties with the village. It was the latter who played a key role in the development of a special style of the generation, which was formed on the basis of “new contacts” (in the terminology of K. Mannheim). The revolutionary idea and the leveling of secular and spiritual authorities were of decisive importance in the formation of the center of new worldview structures (Mannheim, 1998: 33) allowing the generation to reach the level of self-determination.

The methodological basis of the work was also the concept of the peasant revolution of 1902–1922 (Danilov, 1996; Shanin, 1997), which later received theoretical justification (Kondrashin, 2008).

3. Discussion

The importance of the communal structure in the social and cultural organization of the Russian village predetermined the degree of involvement of children and adolescents in various forms of the agrarian movement. The main organizational resource of agrarian protest is the community (Kondrashin, 2020: 199). There is a certain consensus among historians on this issue (Kabytov, Barinova, 2021: 237; Varfolomeev, Shumilova, 2022: 144).

The protest movement in 1905–1907 in the Russian village was widespread. Peasants actively participated in various forms of protest, including the destruction of landowners and private estates, the seizure of land and hayfields, and collective logging. According to V.V. Kondrashin, 20–30 % of the rural population of the Russian Empire participated in such activities (Kondrashin, 2020: 198).

A number of modern studies describe some socio-demographic aspects of the identified problem (Bezgin, Yakimov, 2022; Yakimov, 2021). The scientific result of these studies shows that “the apogee of the revolutionary protests among the youth occurred during the period of the first Russian revolution of 1905–1907” (Bezgin, Yakimov, 2022: 1243). V.B. Bezgin analyzed the impact of the protests of the first Russian revolution on the younger generation of the Russian village noting the particular activity of adolescents in the agricultural movement (Bezgin, 2023: 74). However, a number of aspects of the identified problem, which allows us to answer the question about the historical formation of generational style, have not yet been studied.

4. Results

4.1 Children and adolescents

The content of historical sources dictates the following classification. Adolescents are a category of minors from 14 to 21 years old (legal age, time of conscription into the army). Children are a category of minors up to 14 years (the onset of adolescence and the beginning of full-time work on a peasant farm).

The participation of children and adolescents in pogroms of estates was due to the fact that, in accordance with community traditions, decisions on collective actions were made at gatherings. This presupposed the general participation of local villagers: “The alarm sounded on the church bell, a crowd

gathered, armed with stakes, moved towards the intended estate, followed by carts with women and adolescents, and all this moved with shouts, whoops and noise” (Perepelitsyn, Kudinova, 2013: 123).

The presence of children during pogroms was also recorded in the materials of investigative cases. In the Sevsky district of the Oryol province, on February 20, 1905, children took part in the grain theft (RGIA. F. 1405. Op. 108. D. 6811. L. 150b.). The police officer reported about the crowds of 10-year-old boys surrounding the agitators in the settlement of Borisovka, Grayvoronsky district, Kursk province (GAKO. F. 1. Op. 15. D. 14. L. 220b.). The participation of children in riots on the lands of the landowner Romanov near the village of Maryina, Golitsynvolost, Kozlovsky district, Tambov province, was reported by the local prosecutor (RGIA. F. 1405. Op. 108. D. 6977. L. 2).

Children and adolescents also became participants in clashes between local peasants and the police, which ended in death (Voronezh Word. 1906. May 17. No. 115). The indictment of the Kursk District Court testifies to the participation of children in the pogrom of the landowner household: “the peasants, preceded by children, began to break the glass in the windows of manager Egorov’s apartment and throw his property into the yard” (Kurskaya Zhizn, 1906b). Of course, children and adolescents caused less damage during pogroms than adult peasants, but nevertheless their participation was significant: “Adults broke and threw away property, and women and children picked up everything they liked and took it home. In front of the crowd there were boys who broke windows with stones and helped drag property” (Varfolomeev, Shumilova 2022: 140). After a pogrom organized by adult peasants, adolescents and children could participate in the looting of property: “At first, the peasants beat and broke everything, and then, when most of the buildings in the estate caught fire, having been set on fire by adolescents and children who were in the crowd, they began to plunder household property, mainly, bread and alcohol. Three witnesses saw how Alexander Marochkin, 17 years old, carried a lit bunch of straw outside the carpenter’s workshop during the pogrom, how he then broke the windows in the manager’s house and shouted to the crowd: “Whoever has matches, take them!” (Russian Vedomosti, 1905a).

One of the motivations for the peasant protest was violence by government officials, including against children and adolescents.

The leaflet of the Borisoglebsk group of Social Democrats dated November 30, 1905 reported the following: “An officer of the 6th reserve cavalry regiment, Mr. Shcherbinin, who volunteered to pacify the peasants, was flogging them with a sense of pleasure and voluptuousness. Without any reason, solely out of pleasure, this scoundrel flogs men, flogs women and even children!” (Dubyshkin, 1930). Similar evidence came from other places: “They beat them with whips, whips with woven wire and lead tips, they mutilated them with rifle butts and shot them... They beat adults, they beat adolescents, women, and old people. They flogged them to the point of insensibility, many to death” (Zasodimsky, 1922).

On the estate of Knyaz Baryatinsky, Lgov district, Kursk province, on May 24, 1906, the Cossacks, having discovered four teenage shepherds in the landowner’s meadow, used whips as physical punishment. One of the adolescents managed to inform local adult peasants about this. As a result of the subsequent clash, one peasant was killed and one was seriously injured (Kurskaya Zhizn, 1906a).

Monstrous in their cruelty, reprisals against peasants, including adolescents and old people, could not but arouse hatred towards the authorities, especially in the minds of young people, adolescents and children. In the village of Chernavka, the Cossacks raped girls aged 13–15 years old (Veselovsky, 1907: 89). It can be assumed that flogging of fathers and brothers were a strong psychological trauma for the young residents of the village.

Often children and adolescents became random victims of punitive actions of the authorities (Tambovsky Golos, 1905; Tambovsky Golos, 1906). Alcohol consumption by adolescents could also be a factor in the protest movement. In November 1905, 13 state-owned shops were destroyed in the Novooskol district of the Kursk province. Hooligan acts associated with the looting of wine warehouses and government shops were common among village youth aged 14 to 25 years old, engaged in crafts or other trades (Evdokimova, 2019: 110).

At the same time, the authorities could mitigate the punishment for minor participants in agrarian protests and pogroms (Rech. 1906. February 24. No. 2; Russkie Vedomosti, 1905b; Pashkov, 2012: 140). According to the provisions of Article 269 of The Code of Punishments, deprivation of special rights and benefits was not applied for minor participants in rural pogroms, and punishment was replaced by prison correctional companies with imprisonment, and its term was reduced by at least half. In addition, judges believed that the participation of minors in illegal acts was the result of incitement, and therefore reduced the degree of their responsibility.

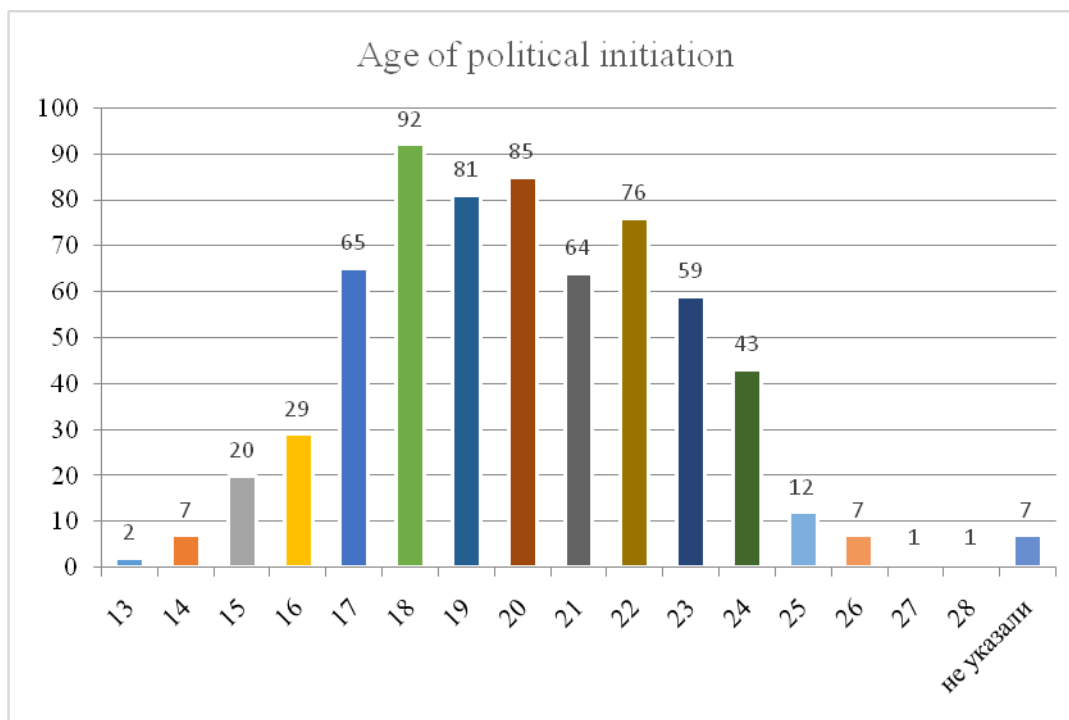
4.2. Youth

The study of the role of youth in the Russian revolutionary movement of the early 20th century was carried out on the basis of a socio-demographic study of the biographical characteristics of the “revolutionary turning point” generation, as well as a socio-historical analysis of the radicalization factors of sentiments among people from peasant families. In 1934, the Society of Political Prisoners and Exiled Settlers numbered 2,980 members, while the number of those who were born between 1881 and 1896 and came from a peasant family was 651 people (21.8 %) (Politicheskaya katorga, 1934: 15-833). It is important to note that when creating the database table, we took into account the class origin of political prisoners, while their

revolutionary path might not always be connected with the village. At the same time, one cannot fail to take into account the significant influence of the habitus of patriarchal rural society on the formation of the socio-demographic portrait of a rural radical.

In the cohort under consideration, there is a noticeable predominance of men – 622 people (90.5 %), which is mainly due to the traditional idea of the place and role of Russian women in rural society at the beginning of the 20th century. Obviously, the socialization of girls proceeded differently. The main social role for which the girl was prepared in the family essentially from birth was the role of mother. While the education of girls at universities and gymnasiums seemed not only unnecessary, but also a harmful and unsafe activity.

Let us turn to the consideration of the national composition of the form in question. The results of the quantitative analysis showed the expected predominance of the most numerous ethnic groups living on the territory of the Russian Empire. The absolute majority among them were Russians (52.9 %). The share of Ukrainians was also very significant – 102 people (15.6 %). Moreover, in the sample under consideration there were only 24 Belarusians (3.2 %). The stratum of revolutionary-minded Latvians turned out to significantly exceed the share in the empire – 89 people (13.6 %). Such a significant part of Latvians among the revolutionary-minded part of the Russian peasantry can be probably explained by the Russification policy of the imperial government. Similar reasons for the radicalization of sentiments were characteristic of people from Georgian (5.3 %) and Polish (3.9 %) peasant families. It is noteworthy that the share of Jewish revolutionists in the sample under consideration was only 1.2 %, while in the overall composition of the Society of Political Prisoners they made up about a fifth (Yakimov, 2021: 170). However, this is not surprising, given that the vast majority of Jews lived in cities in the Pale of Settlement and, with rare exceptions, did not engage in agricultural work. Other national groups included: Armenians, Bulgarians, Lithuanians, Maris, Moldavians, Ossetians, Uzbeks, Chuvashs, and Estonians.

Fig. 1. Age of political initiation

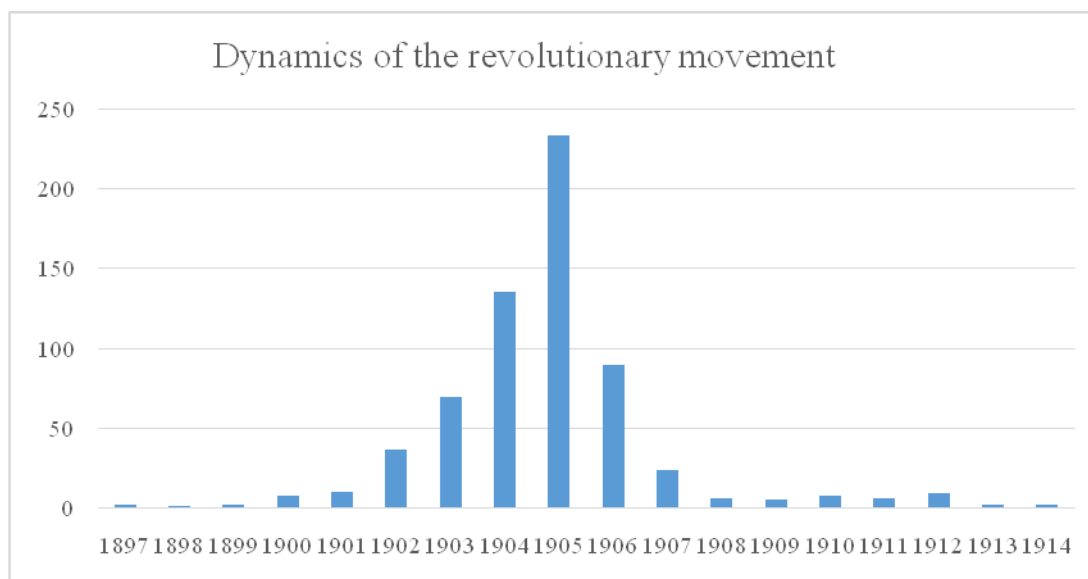
The analysis of the starting age of revolutionary activity is of no less scientific interest. The study showed that the majority of peasants of the generation under consideration joined one or another revolutionary organization at the age of 16 to 24 years (92.2 %). Such a young age of the start of revolutionary activity is mainly explained by the lack of family ties and corresponding obligations, as well as isolation from the care of older relatives. In addition, it was during these years that they studied in gymnasiums and universities, where the majority of young people fell under the influence of revolutionary agitation. No less important was the tendency of the younger generation to romanticize the “exploits” of revolutionists. Among the representatives of the generation under consideration were those who joined the revolutionary movement at the age of 13 to 15 years (4.6 %). At such a young age, their revolutionary activity was usually limited to the distribution and storage of illegal literature. The proportion of those who joined a revolutionary organization after 25 years of age was very small (3.2 %).

The level of education among people from peasant families was relatively low, which was mainly due to the fact that most of them simply could not afford to study at gymnasiums and universities. Difficulties in obtaining the desired level of education contributed to the radicalization of rural youth, making them more susceptible to the content of revolutionary agitation. However, only 8 people (1.2 %) described themselves as illiterate. The vast majority indicated that they had a lower education (51.6 %), which meant attending primary school. There were also those who indicated “home” in the education column (17.1 %), the relative prevalence of which was caused by the increase of the number of zemstvo home schools towards the end of the 20th century, which made it possible to combine schooling with agricultural work. About a quarter of the revolutionists (23.5 %) had a secondary education, which in most cases involved studying at a gymnasium or seminary.

It is not surprising that educational organizations themselves became places where people from peasant families became acquainted with revolutionary ideas. In particular, a native of the village Koporye, St. Petersburg province, F.S. Petrov joined the revolutionary organization through the mediation of Kronstadt gymnasium students (Katorga and Ssylka, 1934: 130). A significant part of peasants found themselves left out of the educational organization (6.7 %), and often the reason for their exclusion was promoting the revolutionary movement. For example, I.M. Kukhalishvili was expelled from the theological seminary after participating in the October events of 1905, and the reason for the exclusion from the school of E.Kh. Rumba was the dissemination of revolutionary literature (Politicheskaya Katorga, 1934: 341, 553).

At the same time, the analysis of autobiographies of political prisoners of peasant origin indicates an increased desire of rural youth for education. However, most of them could not afford to study in higher and secondary educational institutions. In this regard, the memoirs of the peasant M.G. Vanidze are noteworthy: “My parents, poor peasants, only allowed me to graduate from a two-year primary school, after which, having no funds, they could not give me the opportunity to continue my education” (GARF. F. 533 Op. 2. D. 300. L. 3). Being the youngest child in a large peasant family, N.S. Ershov noted that “he studied for a short time on copper pennies bargained for by his mother at the market” (GARF. F. 533. Op. 2.D. 661a. L. 4).

The lack of education among some peasants was also associated with their difficult financial situation. In particular, the peasant I.P. Timoshenkopo wrote that he could not continue his studies at the gymnasium, because his family did not have enough funds to continue his studies (GARF. F. 533. Op. 2. D. 2011. L. 3). Peasant P.V. Strafun was forced to stop his education at the age of 12, because his father needed additional hands on the farm (GARF. F. 533. Op. 2. D. 1943. L. 3). No less illustrative are the memoirs of T.S. Vishnevsky, a political prisoner from the peasantry: “I did not graduate from parochial school, because the need that reigned in my father’s family forced the latter to tear me away from my studies and make me an assistant to ease our financial situation” (GARF. F. 533. Op. 2. D. 363. L. 5). Thus, the increased desire of rural youth for education was restrained by the low level of material wealth in the majority of village families.

Fig. 2. Dynamics of the revolutionary movement

The analysis of the dynamics of the revolutionary movement among peasants of the generation under consideration at the beginning of the 20th century is also of particular interest. The overwhelming majority of political prisoners indicated in their biographical data the year of the beginning of revolutionary activity, which served as the initial data for analyzing the dynamics of revolutionary activity. As the results of the quantitative analysis showed, the majority of people from peasant families joined the revolutionary movement during the years of the first Russian revolution – 345 people (53.6 %), while the majority of them joined it in 1905 – 233 people (36.2 %). A significant proportion of peasants – 240 people (37.3 %) came

under the influence of revolutionary organizations in 1902–1904. We believe that the key reason for the spread of revolutionary sentiments among peasants was the problem of land scarcity on most peasant farms that had worsened by the beginning of the 20th century.

In the overwhelming majority of cases, the period of continuous assistance to the revolutionary cause among people from peasant families was from 1 to 3 years (66.7 %). At the same time, some peasants were arrested several months after the start of revolutionary activity (14.6 %). However, the proportion of those who managed to avoid arrest for more than 3 years was insignificant (18.7 %). As data from the autobiographies of political prisoners show, the reason for their arrest could be possession of weapons, participation in revolutionary agitation, as well as the distribution of illegal literature. However, there were also those who showed their dissatisfaction with the existing order in more radical forms. For example, K.S. Semerin committed the murder of an official of special assignments, N.E. Elkin was arrested for an armed attack on the quartermaster's sergeant major, I.M. Panferov participated in the preparation of the assassination attempt on the commander of the Kazan district troops Sadnetsky (*Politicheskaya Katorga*, 1934: 576–577, 210, 475).

It is also important to note that many of peasant political prisoners of the “revolutionary turning point” generation were arrested two or more times (32.7 %), and therefore, it is not surprising that they subsequently ended up in penal servitude or exile. In this regard, individual human destinies are noteworthy. For example, the peasant K.A. Kiselev was arrested four times in the period from 1905 to 1916, and the Ukrainian I.T. Krivoruchenkov was arrested 6 times in the period from 1905 to 1911 (*Politicheskaya Katorga*, 1934: 281, 324). The prevalence of repeated arrests is largely due to the fact that many political prisoners fled from places of serving their sentences. In total, the study identified 86 escaped political prisoners, which is 13.2 % of the total number of peasant political prisoners of the generation under consideration. Among them were those who, hiding from political persecution, went abroad.

It should be noted that many future political prisoners became acquainted with revolutionary ideas in the villages. We agree with M. Steinberg's point of view that in the historical conditions of the “revolutionary turning point” even elementary education “stimulated new thoughts about the possible and the impossible” (*Steinberg*, 2018: 277). For example, the peasant F.M. Bezugly came under revolutionary influence thanks to his older brother, who kept the works of Lavrov, Kropotkin and other populists in the barn (*GARF. F. 533. Op. 2. D. 140. L. 3*). A native of the Kiev province A.M. Gopkalo recalled that the source of his revolutionary sentiments was illegal literature, which he obtained in rural areas through Narodnaya Volya teachers (*GARF. F. 533. Op. 2. D. 482. L. 3*). The prevalence of illegal revolutionary literature among rural youth in the town of Kolyshki, Vitebsk province, was recalled by the peasant Z.P. Filippovsky (*GARF. F. 533. Op. 2. D. 2109. L. 3*). Peasant V.A. Shein became interested in socialist ideas in the village through the mediation of his peasant relatives (*GARF. F. 533. Op. 2. D. 2286. L. 7*). Although based on the above examples, it is impossible to establish the exact quantitative coverage of rural youth with revolutionary ideas, it can be argued that the popularity of left-wing radical propaganda in the Russian village was increasing.

At the same time, the majority of peasants, due to their illiteracy, did not fully understand the differences between the content of the propaganda of various socialist organizations. For example, political prisoner A.N. Prasolov recalled that most of peasants in his village had very vague ideas about socialism (*Prasolov*, 1928: 44). To a much greater extent, the feeling of belonging to the revolutionary struggle, which expressed their protest and sometimes anti-government sentiment, was important for rural youth. For clarity, here is an excerpt from the autobiography of the peasant G.M. Strygin: “At the extras that representatives of different parties organized for us, speakers touched revolutionary topics, but personally I did not particularly understand the parties' programs. We liked the mere fact that they were talking about our interests, about our needs” (*GARF. F. 533. Op. 1. D. 173. L. 48*). According to the testimony of political prisoner A. Cherkunov, among the rural youth of the Kherson province, the desire to understand the essence of revolutionary propaganda was so significant that many of them literally crammed Bolshevik slogans, not understanding the meaning of many of the words used (*Katorga and Ssylka*, 1925: 38).

Intensification of agrarian turmoil at the beginning of the 20th century also contributed to the radicalization of rural youth. An excerpt from the autobiography of a peasant from the Saratov province I.Ya. Korotkov is noteworthy: “The peasant performances only warmed us up, and I myself had even more energy” (*GARF. F. 533. Op. 1. D. 204. L. 2*). The memoirs of political prisoner A.N. Prasolov also prove that in the Voronezh province among young peasants such words as “revolutionary” and “striker” were pronounced with particular pride (*Prasolov*, 1928: 35).

The analysis of the surviving autobiographies of political prisoners indicates that many people from peasant families joined the revolutionary movement while studying in educational organizations. In particular, peasant N.S. Ershov noted that, under the influence of illegal literature, in his last year of study at the Kungur School he became a revolutionist (*GARF. F. 533. Op. 2. D. 661 a. L. 4*). Peasant A.I. Trenin indicated in his autobiography that his acquaintance with some seminarians became a determining factor in the formation of socialist views (*GARF. F. 533. Op. 2. D. 2021. L. 4*). Coming from a peasant family, Ya.P. Naumenko noted that it was the students who introduced him to revolutionary literature and brought him to the meeting of revolutionists for the first time (*GARF. F. 533. Op. 2. D. 1363. L. 3*).

Another important factor in the radicalization of sentiments among people from peasant families was the urban environment, since many of them joined the revolutionary movement through acquaintance with the labor movement. Thus, peasant I.I. Borisov, who left to work in the city, met the revolutionist G. Zinoviev at a factory, through whom he later joined the Socialist Revolutionists (GARF. F. 533. Op. 2. D. 223. L. 3). Another native of a peasant family, N.E. Elkin, heard about the fight against the “exploiters” from a conversation among workers, which prompted him to study illegal literature (GARF. F. 533. Op. 2. D. 650. L. 4ob.). Many young peasant workers were dissatisfied with the working conditions, which also affected the nature of their mood. Peasant S.I. Semenov, who moved from the village to the city, subsequently recalled that it was the difficult working conditions that became decisive in his intention to become a revolutionist (GARF. F. 533. Op. 2. D. 1811. L. 3). Leaving his native village, the young peasant, who had experienced many material difficulties of village life, found himself in the urban environment, being emotionally prepared to perceive left-wing radical propaganda. In particular, peasant Z.P. Filippovsky argued that urban propagandists did not take much time to convince him, since being a poor peasant he himself felt all the hardships and deprivations of rural life (GARF. F. 533. Op. 2. D. 2109 L. 3).

It should be noted that many peasants who went to the city to earn money continued to maintain contact with the village, as a result of which they became conductors of revolutionary ideas among rural residents. For example, peasant A.M. Tipunkov, after joining the socialist revolutionists, returned to his native village and began to engage in revolutionary agitation among the villagers (Kan, 2004: 198). Similar revolutionary paths can be found in other surviving autobiographies of political prisoners of peasant origin (GARF. F. 533. Op. 2. D. 1070. L. 5, GARF. F. 533. Op. 2. D. 140. L. 3, GARF. F. 533. Op. 2. D. 2109. L. 3). At the same time, some young revolutionaries returned to the village also because it was very unsafe to assist the revolutionary cause in the city. In this regard, the memoirs of peasant N.A. Manyukov are noteworthy, where he noted that his revolutionary cell managed to acquire a manual printing press for the production of illegal leaflets, which was placed in the village of Kazinka. However, almost immediately after it was transported to the city, searches and arrests were carried out (GARF. F. 533. Op. 2. D. 2224. L. 3-4).

Thus, the accelerated modernization of all aspects of social life, inherent in the late 19th – early 20th centuries, pushed peasant youth into the cities, however, subsequently a significant part of them returned to the village to work as organizers of revolutionary cells. For example, peasant V.A. Shein received illegal literature from Samara through railway drivers, after which he distributed it among the villagers (GARF. F. 533. Op. 2. D. 2286. L. 7). G.V. Shcherbakov recalled that “in 1904, a fairly strong connection was established with the city, which was already quite carefully giving out its illegal literature” (GARF. F. 533. Op. 2. D. 2349. L. 3ob.). Peasant I.I. Chelyshev, who joined the revolutionary movement, recalled that he established “a strong connection with the people as a member of the Socialist Revolutionary Party <...> I expanded my influence on peasants through oral and printed propaganda” (GARF. F. 533. Op. 2 D. 2213. L. 4).

The social atmosphere of the revolutionary days itself played an important role in the process of forming left-radical sentiments among people from peasant families. In particular, the starting point of revolutionary sentiments of peasant F.M. Bezugloy, according to his personal testimony, was his impressions of the events of 1905 in Krasnodar, where his father worked at that time (GARF. F. 533. Op. 2. D. 140. L. 3). An excerpt from the autobiography of a political prisoner of peasant origin V. S. Ternavtsev is even more illustrative: “The All-Russian strike greeted me as a boy who was very interested in everything that was happening. At the age of 16, I had to take part in an armed uprising with a pike in my hands, which I made myself” (GARF. F. 533. Op. 2.D. 1998. L. 5).

5. Conclusion

If young children were observers of the events taking place, then rural youths, along with adult peasants, played an active role in them, and sometimes acted as instigators of turmoil. The analysis of the sources showed that the participation of children and adolescents in the agrarian movement is due to the nature of the collective actions in the community and the traditional attitude of peasants towards “other people’s” property.

In turn, the socio-demographic analysis showed that among villagers there were young people aged 16 to 24 years who were most susceptible to the influence of revolutionary propaganda. Leaving the familiar peasant world, rural youth, who had experienced a lot of material difficulties of village life, became especially susceptible to left-wing radical ideas, which many of them became acquainted with in the process of receiving education or communicating with populist teachers and urban workers. Moreover, unlike peasant children who participated in agrarian turmoil mainly spontaneously, young people not only joined revolutionary cells, but also actively contributed to their work, including in rural areas. In most cases, in villages, young radicals were engaged in the distribution of illegal literature, storage of weapons, and revolutionary agitation.

It was the “revolutionary turning point” generation that was the subject of radical social transformations in Russia at the beginning of the 20th century, which, on the one hand, determined a special generational style, and, on the other hand, constituted its logic of development.

6. Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

References

- Bezgin, 2023** – *Bezgin, V.B.* (2023). Krest'yanskie deti i podrostki v agrarnyh vystupleniyah 1905–1907 godov. [Peasant children and adolescents in agrarian uprisings of 1905–1907]. *Krest'yanovedenie*. 8(3): 63-77. [in Russian]
- Bezgin, Yakimov, 2022** – *Bezgin, V.B., Yakimov, K.A.* (2022). Social'no-demograficheskiy portret politkatorzhan pokoleniya «revolyucionnogo pereloma» nachala XX veka. [Socio-demographic portrait of political prisoners of the “revolutionary turning point” generation of the early 20th century]. *Vestnik arhivista*. 4: 1235-1247. [in Russian]
- Varfolomeev, Shumilova, 2022** – *Varfolomeev, Yu.V., Shumilova, L.N.* (2022). Pogromnye «illyuminacii»: osobennosti i harakter krest'yanskih besporyadkov v Saratovskoj gubernii v 1905 godu (po materialam sudebnyh processov) [Pogrom “illuminations”: features and nature of peasant riots in the Saratov province in 1905 (based on court proceedings)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(78): 135-145. [in Russian]
- Veselovskij, 1907** – *Veselovskij, B.* (1907). Krest'yanskij vopros I krest'yanskoe dvizhenie v Rossii (1902–1906 gg.) [The peasant question and the peasant movement in Russia (1902–1906)]. Saint Petersburg. [in Russian]
- Voronezhskoeslovo, 1906** – *Voronezhskoe slovo* [Voronezh word]. 1906. 17 May. P. 115. [in Russian]
- GAKO** – Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti. [State Archives of the Kursk Region].
- GARF** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Kan, 2004** – *Kan, G.S.* (2004). Aleksandr Tipunkov: sud'ba politkatorzhanina [Alexander Tipunkov: the fate of a political prisoner]. *Vsesoyuznoe Obshchestvo politkatorzhan i ssyl'noposelencev: Obrazovanie, razvitie, likvidaciya 1921–1935; Byvshie chleny obshchestva vo vremya Bol'shogo terrora: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (26–28 oktyabrya 2001 g.)*. Moscow. Pp. 197-203. [in Russian]
- Danilov, 1996** – *Danilov, V.P.* (1996). Krest'yanskaya revolyuciya v Rossii. 1902–1922 gg. [Peasant revolution in Russia. 1902–1922]. *Krest'iane i vlast': Materialy nauchnoj konferentsii*. Moscow, Tambov. Pp. 4-23. [in Russian]
- Dubyshkin, 1930** – *Dubyshkin, I.* (1930). K 25-letiyu revolyucii 1905 goda. Krest'yanskoe dvizhenie v Borisoglebskom uезде 1905 goda [To the 25th anniversary of the 1905 revolution. Peasant movement in Borisoglebsky district in 1905]. *Kommunar*. 25. Nov. 2. [in Russian]
- Evdokimova, 2019** – *Evdokimova, A.G.* (2019). Proyavleniya revolyucii 1905 g. v rossijskoj provincii na primere agrarnoj Kurskoj gubernii [Manifestations of the 1905 revolution in the Russian province using the example of the agrarian Kursk province]. Diss. ... kand ist. nauk. (07.00.02). Kursk. [in Russian]
- Zasodimskij, 1922** – *Zasodimskij, P.V.* (1922). O krest'yanskih volneniyah v 1905–1906 godah [About peasant turmoil in 1905–1906]. *Severnyj Kraj*. 2. March–April. [in Russian]
- Kabytov, Barinov, 2021** – *Kabytov, S.P., Barinova, E.P.* (2021). Agrarnye «besporyadki» v Rossii 1902–1904 gg.: novye vyzovy krest'yan imperskoj vlasti [Agrarian “unrest” in Russia 1902–1904: new challenges of peasants to imperial power]. *«Vyzov» v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriyai sovremennost': materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*, April 1–3. 1: 233-240. [in Russian]
- Katorga i ssylka, 1925** – *Katorga i ssylka*. 1925. 3(16): 275. [in Russian]
- Katorga i ssylka, 1934** – *Katorga i ssylka*. 1934. 4(113): 173. [in Russian]
- Kondrashin, 2008** – *Kondrashin, V.V.* (2008). «Krest'yanskay arevolyciya v Rossii. 1902–1922 gg.»: nauchnyj proekt i nauchnaya koncepciya (predvaritel'ny ezametki) [“Peasant Revolution in Russia. 1902–1922”: scientific project and scientific concept (preliminary notes)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2(19): 85-89. [in Russian]
- Kondrashin, 2020** – *Kondrashin, V.V.* (2020). Krest'yanskoe dvizhenie v gody pervoj russkoj revolyucii [Peasant movement during the years of the first Russian revolution]. *Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii*. 26: 195-212. [in Russian]
- Kurskaya zhizn, 1906a** – *Kurskaya zhizn*. 1906. 15. May 27. [in Russian]
- Kurskaya zhizn, 1906b** – *Kurskaya zhizn*. 1906. 20. June 2. [in Russian]
- Levada, 2006** – *Levada, Yu.A.* (2006) *Ishchem cheloveka: Sociologicheskie ocherki, 2000–2005* [Looking for a person: Sociological essays, 2000–2005]. Moscow. 384 p. [in Russian]
- Mannheim, 1998** – *Mannheim, K.* (1998). Problema pokolenij [The problem of generations]. *Novoel iteraturnoe obozrenie*. 2(30): 7-47. [in Russian]
- Pashkov, 2012** – *Pashkov, E.V.* (2012). Pogromy kazennyh vinnyh lavok v Kurskoj gubernii v 1905 g. [Pogroms of state-owned wine shops in the Kursk province in 1905]. *Voprosy istorii*. 11: 137-140. [in Russian]
- Perepelicyan, Kudinova, 2013** – *Perepelicyan, A.V., Kudinova, Yu.V.* (2013). Krest'yanskoe dvizhenie v Voronezhskoj gubernii v gody pervoj russkoj revolyucii [Peasant movement in the Voronezh province during

the years of the first Russian revolution]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istorija, politologija, ekonomika, informatika*. 26. 8(151): 120-124. [in Russian]

[Politicheskaya katorga i ssylka, 1934](#) – Politicheskaya katorga i ssylka [Political servitude and exile]. Moscow, 1934. 886 p. [in Russian]

[Prasolov, 1928](#) – *Prasolov, A.N.* (1928). Kak turovskie krest'yane borolis' s samodержaviem [How Turov peasants fought the autocracy]. Moscow. 63 p. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

[Rech, 1906](#) – *Rech.* 1906. Feb. 24. 2. [in Russian]

[Russkie vedomosti, 1905a](#) – *Russkie vedomosti* [Russian gazette]. 1905. July 5. 179. [in Russian]

[Russkie vedomosti, 1905b](#) – *Russkie vedomosti* [Russian gazette]. 1905. July 25. 199. [in Russian]

[Tambovskij golos, 1905](#) – *Tambovskij golos* [Tambov voice]. 1905. December 2. 63. [in Russian]

[Tambovskij golos, 1906](#) – *Tambovskij golos* [Tambov voice]. 1906. May 30. 35. [in Russian]

[Shanin, 1997](#) – *Shanin, T.* (1997). Revolyutsiya kak moment istiny. Rossiya 1905–1907 – 1917–1922 gg. [Revolution as a moment of truth. Russia 1905–1907 – 1917–1922]. Moscow. 560 p. [in Russian]

[Steinberg, 2018](#) – *Steinberg, M.* (2018). The Russian Revolution, 1905-1921. [The Russian Revolution, 1905-1921]. Moscow. 560 p. [in Russian]

[Yakimov, 2021](#) – *Yakimov, K.A.* (2021). Social'no-demograficheskij oblik evreev-revolucionerov (na materialah Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'noposelencev) [Socio-demographic appearance of Jewish revolutionaries (based on materials from the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 26(193): 169-179. [in Russian]

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 383-394
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.383

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Crafts of Migrant Peasants in Siberia During the Period of Activity of the Siberian Railway Committee (Based on the Results of an Economic Survey in 1903)

Dmitry N. Belyanin ^{a, *}, Viktor N. Razgon ^b, Anton V. Razgon ^c

^aT.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

^bAltai State University, Barnaul, Russian Federation

^cFinancial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article, based on the analysis of materials from a statistical survey of settlement farms conducted by the Resettlement Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in 1903, examines the crafts of migrant peasants who settled in various geographical zones of Siberia during the period of the Siberian Railway Committee. The relationship between the level of involvement of migrants in crafts and hiring for agricultural work and the duration of their residence in the Siberia is also studied.

Non-agricultural economic activities were of the greatest importance for the migrant peasants who settled in the taiga zone of Siberia, which was determined by the availability of natural resources and difficulties in farming in this geographical zone.

A comparative analysis of the economic occupations of migrant groups that differ in the time of settlement in Siberia shows that the proportion of households and their members engaged in crafts and employed in agricultural work tends to increase from early settlement groups to later ones.

The majority of migrant peasants engaged in crafts combined them with farming, however, the professionalization of crafts was more pronounced among the "older" migrants in terms of settlement time, who adapted to a greater extent to the natural, climatic and social environment and were more deeply integrated into the economy of the Siberian region.

Keywords: crafts, hire work, agrarian migrations, colonization, resettlement policy, peasantry, siberian village, adaptation of migrants, Resettlement Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, Committee of the Siberian Railway, Siberia.

1. Введение

Аграрная колонизация Сибири в период деятельности Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД) (1892–1905 гг.) стала значимым этапом в освоении сибирских пространств Российским государством. На рубеже XIX–XX вв. крестьянским переселениям в Сибирь придавалось большое экономическое и геополитическое значение. Переселенцы должны были обеспечить строящуюся Транссибирскую магистраль грузопотоками, о чем писал С.Ю. Витте в своей записке, адресованной Комитету Сибирской железной дороги, 1 февраля 1893 г. (Белянин, 2014: 203–204). Значимость переселений обуславливалась и стратегическими замыслами правительства Российской империи по проникновению в Корею и Китай, в которых Сибири отводилась роль своеобразного тылового плацдарма.

В исследованиях по истории крестьянских переселений в Сибирь основной акцент делается на изучении сельскохозяйственного освоения региона, а промысловая деятельность крестьян-переселенцев остается на периферии исследовательского интереса. С одной стороны, это является закономерным, поскольку основная масса переселенцев была занята трудом в сфере

* Corresponding author

E-mail addresses: bdn73@list.ru (D.N. Belyanin)

сельскохозяйственного производства, но с другой – может привести к недооценке роли и значения промыслов в экономике сибирского региона и хозяйственной адаптации переселенцев.

2. Материалы и методы

Основным источником для написания данной статьи послужили материалы хозяйственно-статистического обследования переселенческих поселков в Сибири, проведенного Переселенческим управлением в 1903 г. Целью обследования являлось получение подробных сведений об экономическом положении переселенческих домохозяйств с тем, чтобы использовать их для выработки мер, направленных на совершенствование правительственной политики по оказанию материальной помощи направлявшимся за Урал крестьянам-мигрантам, определение норм домообзаводственных ссуд в зависимости от условий водворения переселенцев в различных естественно-географических районах (*Материалы... вып. XIX, 1905: I*).

Обследование охватило основные районы колонизации: Акмолинскую и Семипалатинскую области, Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии. Статистический материал был получен в ходе подворного обследования переселенческих дворов в типичных по хозяйственным признакам поселках. Подлежавшие обследованию поселки были предварительно намечены уездными съездами в соответствии с общими характерными особенностями каждой группы переселенческих участков и приблизительными данными о стоимости оборудования хозяйств. Подворный опрос проводился, главным образом, земскими статистиками под началом переселенческого чиновника И.А. Молодых, а обобщающий анализ статистических данных был сделан под руководством заведующего статистическими работами при Переселенческом управлении В.В. Алексева.

Обследование, проводившееся среди переселенцев, осевших за Уралом в 1893–1903 гг., охватило 233 переселенческих поселка (16% от общего количества новых поселений, возникших за Уралом в 1893–1903 гг.) с населением 87454 человека. По природно-географическим зонам общее количество обследованных поселков распределилось следующим образом: степная зона – 36 поселков, лесостепная – 94, лесисто-подтаежная – 33 и таежная – 80 (подсчитано по: *Материалы... вып. XIX, 1905: I–III, V–IX*).

В зависимости от сроков водворения на участке обследованные переселенческие хозяйства были разделены на несколько групп: I. – поселившиеся по 1896 г., II. – в 1897–1899 гг., III. – в 1900–1901 гг., IV. – в 1902 г. и V. – поселившиеся в 1903 г. Более 2/3 обследованных дворов приходилось на «старшие» по времени водворения группы (43,4 % – на группу I и 26,1 % – на группу II (подсчитано по: *Таблица 1*), включавшие переселенческие дворы, уже приступившие к домообзаводству, в которых более корректно обозначилась дифференциация хозяйств по обеспеченности скотом, инвентарем, жильем и т.п.

Таблица 1. Число обследованных дворов и их семейный состав в разных возрастных группах (*Материалы... вып. XIX, 1905: 100*)

Группы переселенцев	Всего дворов обследовано	Из них с неизвестным составом семьи	Число мужчин	Число женщин	Итого лиц обоого пола
I.	5953	286	20000	17504	37504
II.	3572	68	12136	10885	23021
III.	2617	8	8979	7810	16789
IV.	956	6	3286	2862	6148
V.	614	6	2126	1866	3992
Итого	13712	374	46527	40927	87454

Как видно из *Таблицы 1*, 2,7 % обследованных дворов не дали показаний о численном составе своих семей. Часть дворов во время статистико-экономического обследования 1903 г. попытались скрыть свои доходы. Так, из 3981 человека, которые в 1903 г. сообщили о своем участии в промысловой деятельности, 396 (или около 10 %) не дали точных показаний о размерах своего заработка (*Материалы... вып. XXXIII, 1906: 328–329*). Однако в целом собранные Переселенческим управлением данные имеют достаточную степень репрезентативности, могут служить основой для объективной реконструкции промысловой деятельности переселенческих хозяйств Сибири на рубеже XIX–XX вв.

В качестве дополнительного источника нами были использованы материалы, собранные агрономом В.И. Юфревым, который исследовал бюджеты переселенческих хозяйств, а также изучал проблему адаптации новоселов в урманной полосе Тарского уезда. Данные, собранные В.И. Юфревым, позволили дополнить и уточнить сведения, которые были получены Переселенческим управлением.

Выбор научного инструментария был обусловлен спецификой использованных авторами источников. В рамках исследования нами были использованы общенаучные и специально-научные методы исследования. В числе общенаучных методов были использованы логический, аналитический и статистический. Использование логического и аналитического методов позволило проанализировать и обобщить данные, извлеченные из исторических источников. Для обработки количественных данных, содержащихся в обследовании 1903 г., авторами использовались методы статистического анализа.

В числе специально-научных методов авторы использовали историко-типологический и историко-сравнительный методы. Историко-типологический метод позволил сгруппировать данные, извлеченные из источников, и представить их в обобщающих таблицах. Применение историко-сравнительного метода дало возможность выявить специфику участия в промыслах групп переселенцев, различавших по времени водворения и проживавших в различных природно-климатических зонах Сибири.

3. Обсуждение

Отечественная историография промысловой деятельности сибирского крестьянства достаточно обширна, но специальных работ, посвященных изучению промысловых занятий переселенцев, немного. В советский период сибирскими историками были исследованы несколько аспектов участия переселенцев в промыслах: причины переселений промысловиков в Сибирь (Большаков, 1978: 94-112); влияние крестьянских переселений на развитие сибирских промыслов (Соловьева, 1981: 79-96; Горьковская, 1981: 110-125; Томилова, 1972: 290-304); воздействие промысловой деятельности крестьян-переселенцев на экологию сибирского региона (Бочанова, 1985: 129-145).

В современной историографии исследована деятельность Переселенческого управления, направленная на развитие промыслов за Уралом (Карташова, 2018: 35-40), распространение промыслов среди переселенцев в отдельных регионах Сибири: на территории Алтайского округа (Разгон, 2004: 136-159; Разгон и др., 2013; Razgon et al., 2021: 375-383), в Томской губернии (Belyanin et al., 2021: 2053-2062), в урманной части Туринского уезда Тобольской губернии (Belyanin et al., 2022: 1990-2000). При этом объектом исследования в перечисленных выше работах является промысловая деятельность переселенцев в основном периода Столыпинских реформ, тогда как специальные исследования о развитии промыслов у переселенцев, прибывших за Урал в период деятельности Комитета Сибирской железной дороги, отсутствуют.

Недостаточная изученность темы определяет актуальность нашего исследования, в котором содержится попытка на основе анализа данных статистического обследования, проведенного Переселенческим управлением в 1903 г., определить уровень вовлеченности в промысловые занятия и степень их профессионализации у крестьян-переселенцев в зависимости от времени и природно-географической зоны поселения.

4. Результаты

Во время проведения экономического обследования переселенческих хозяйств в 1903 г. Переселенческое управление не обошло вниманием вопрос о промысловой деятельности крестьян-новоселов. В ходе опроса Переселенческим управлением были получены данные о степени вовлеченности в промысловую деятельность как переселенческих дворов, так и людей. Данные об участии в промыслах переселенческих хозяйств, сгруппированных по времени их водворения в Сибири, представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Участие в промыслах переселенческих хозяйств разных возрастных групп (Материалы... вып. XIX, 1905: 18, 52, 64, 98; Материалы... вып. XXXIII, 1906: 196, 256, 280, 324)

Абсолютные и относительные показатели участия переселенцев в промысловой деятельности	Возрастные группы переселенческих дворов					Итого
	I	II	III	IV	V	
Количество обследованных дворов	5963	3572	2617	956	614	13712
Из них заявили об участии в промыслах	1213	795	560	227	143	2938
Доля дворов, занятых в промыслах	20,3 %	22,3 %	21,4 %	23,7 %	23,3 %	21,4 %
Число переселенцев обоего пола в обследованных дворах	37504	23021	16789	6148	3992	87454
Из них заявили об участии в промыслах	1515	1160	783	324	199	3981

Доля переселенцев обоого пола, участвовавших в промыслах	4,0 %	5,0 %	4,7 %	5,3 %	5,0 %	4,6 %

Отраженное в рассматриваемой таблице характерное для всех групп переселенцев пятикратное расхождение между показателями, определяющими удельный вес участвующих в промыслах дворов и промысловиков обоого пола, свидетельствует о том, что каждый двор из числа участвовавших в промыслах делегировал в промысловую деятельность, как правило, не более одного-двух членов семьи, а основной трудовой потенциал переселенческих домохозяйств был задействован не в промыслах, а в сельскохозяйственном производстве.

Сравнительный анализ данных, отражающих вовлеченность в промысловые занятия различающихся по времени водворения групп переселенцев, показывает, что в общей массе обследованных хозяйств доля дворов и людей, занятых в промыслах, имеет тенденцию к некоторому сокращению от самых «молодых» групп переселенческих дворов к самым «старшим» (Таблица 2).

Такая тенденция во многом объясняется тем, что один из самых распространенных видов промысловой деятельности, учтенных в ходе обследования – наем на сельскохозяйственные работы – имел для значительной части переселенцев временный характер. Эта особенность уже была отмечена в одной из предыдущих наших работ (Belyanin et al., 2021: 2053-2062). Примечательно, что стадию батрачества проходили не только очевидно нуждавшиеся в средствах бедняцкие переселенческие семьи, но и даже зажиточные. Например, в пос. Васильевка Тобольской губернии (210 дворов) через батрачество прошли все дворы, даже самые зажиточные (Владиславлев, 1899: 106-107). Факт участия зажиточных переселенцев в найме на сельскохозяйственные работы отмечался и в отечественной историографии (Степынин, 1962: 173, 197-198).

Обследование переселенческих хозяйств, проведенное в 1903 г., показало, что в целом из 3981 переселенца, заявившего об участии в промыслах, на долю «поденщиков», годовых и срочных работников, чернорабочих и пастухов приходится почти 21 %. При этом самый высокий показатель участвующих в промыслах в качестве наемных работников фиксируется в V (самой молодой) возрастной группе переселенцев – 27,6 %. В следующих возрастных группах доля сельскохозяйственных рабочих в общей массе переселенцев-промысловиков сокращается: среди переселенцев, водворившихся в 1902 г., их доля снижается до 20,1 %, а среди прибывших в 1897–1899 гг. – до 16,4 % (подсчитано по: Материалы... вып. XXXIII, 1906: 328-330). Правда, нужно отметить, что в самой возрастной группе (поселившихся до 1897 г.) среди занятых промыслами доля нанявшихся на сельскохозяйственные работы возрастает до 24,5 % (подсчитано по: Материалы... вып. XXXIII, 1906: 328-330). На наш взгляд, это объясняется семейными разделениями, происходившими в этой имеющей самый продолжительный стаж проживания в Сибири переселенческой группе, в ходе которых из «больших» (двух- или трехпоколенных) семей выделялись молодые самостоятельные семьи, использовавшие наем на сельскохозяйственные работы как источник дохода для своего обустройства. Но за исключением самой старшей возрастной группы тенденция снижения участия переселенцев в найме на сельскохозяйственные работы прослеживается отчетливо. По мере развития своих хозяйств переселенцы более «старших» возрастных групп меньше нанимались в чужие хозяйства и больше работали на себя.

Данные экономического обследования 1903 г., представленные в Таблице 2, находят подтверждение в материалах, собранных В.И. Юферевым, который в 1903–1904 гг. исследовал бюджеты переселенцев. Это исследование носило локальный характер, кроме того, Юферев использовал несколько иные возрастные группировки переселенческих дворов, чем Переселенческое управление, поэтому полностью коррелировать экономические обследования, проведенные им и Переселенческим управлением, нельзя. Тем не менее материалы, собранные Юферевым, в целом подтверждают тенденцию сокращения доли доходов от промыслов в бюджетах переселенцев от более молодых возрастных групп к более старшим. Так, по данным В.И. Юферова, доля доходов от промыслов в бюджетах переселенцев достигала максимума у переселенцев III возрастной группы (водворенные в 1900–1902 гг.) – 26,4 %, затем понижалась до 18,5 % у переселенцев II группы (водворенные в 1897–1899 гг.) и достигала показателя 11,4 % у переселенцев I группы (водворенные по 1896 г. и ранее). При этом исследование, проведенное Юферевым, показало, что в самой молодой возрастной группе переселенческих хозяйств (водворенные в 1903–1904 гг.) доля доходов от промыслов оказалась невелика – всего 7,1 %, но это объяснимо методикой исследования, которую использовал Юферев. Он выбирал «типичный» для данного района переселенческий поселок, в котором опрос проводился только у среднего по зажиточности домохозяйства (Юферев, 1906: 1, 28). Бедняцкие и зажиточные дворы Юферевым в материалы обследования включены не были, что, конечно, сильно обедняет значимость собранных им данных. Тем не менее, даже с учетом всех особенностей, материалы, собранные Юферевым, подтверждают представленную в Таблице 2 общую тенденцию снижения участия переселенцев в промысловой деятельности от более молодых возрастных групп к более старшим.

В разных природно-географических зонах степень вовлеченности переселенческих хозяйств в промышленную деятельность могла сильно отличаться. Например, в таежной зоне Томской губернии из 1405 подвергнутых обследованию переселенческих дворов (Материалы... вып. XIX, 1905: 86), занятых промыслами, было зафиксировано 604 (Материалы... вып. XXXIII, 1906: 312) или почти 43 %, что в 2 раза больше среднего показателя, представленного в Таблице 2. Поэтому для получения более объективной картины мы сгруппировали данные о промышленной деятельности переселенцев по отдельным природно-географическим зонам (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Участие в промыслах переселенцев, водворявшихся в разных природно-географических зонах Сибири (Материалы... вып. XIX, 1905: 18, 52, 64, 98; Материалы... вып. XXXIII, 1906: 196, 256, 280, 324)

Показатели участия переселенцев в промышленной деятельности	Природно-географические зоны				Итого
	степная	лесостепная	лесисто-подтаежная	таежная	
Количество обследованных дворов	4013	5630	1260	2809	13712
Из них заявили об участии в промыслах	563	944	351	1080	2938
Доля дворов, занятых в промыслах	14 %	16,8 %	27,9 %	38,5 %	21,4 %
Число переселенцев обоего пола в обследованных дворах	25377	36088	8179	17810	87454
Из них заявили об участии в промыслах	615	1157	428	1781	3981
Доля переселенцев обоего пола, участвовавших в промыслах	2,4 %	3,2 %	5,2 %	10 %	4,6 %

Данные Таблицы 3 показывают, что степень участия в промышленной деятельности у переселенцев степной и лесостепной зон была невелика: 14–16,8 % дворов и 2,4–3,2 % членов семей. В лесисто-подтаежной зоне этот показатель возрастал соответственно до 27,9 % и 5,2 %, а в таежной достигал максимальных значений – 38,5 % и 10 %. Заметим, что более высокую степень вовлеченности в промышленную деятельность переселенческих дворов таежной зоны можно объяснить как наличием в ней обширных промысловых угодий, так и «переизбытком» рабочих рук в семьях водворявшихся здесь переселенцев. Если взять в расчет дворы, которые дали показания о составе своих семей, то доля хозяйств с 4 и более мужскими работниками будет выражаться следующими показателями: в степной зоне доля таких домохозяйств составляла 3,5 %, в лесостепной – 5,3 %, в лесисто-подтаежной – 5 %, в таежной – 5,5 % (подсчитано по: Материалы... вып. XIX, 1905: 18-19, 52-53, 64-65, 98-99). Доля «многоработных» дворов в переселенческих хозяйствах таежных поселков заметно выше, чем в степной, и, хотя и ненамного, но выше, чем лесостепной и лесисто-подтаежной зонах. Однако в степной и лесостепной зонах трудовые ресурсы переселенческих дворов сразу и в высокой степени могли вовлекаться в сельскохозяйственную деятельность, так как на переселенческих участках в этих зонах имелись готовые для распашки земли. Переселенческие участки в лесисто-подтаежной зоне отличались высокой степенью «лесистости», но при этом имели и свободные пространства – гари, елани и т.п., поэтому на подтаежных участках в переселенческих хозяйствах часть трудовых ресурсов тоже сразу вовлекалась в сельскохозяйственную деятельность, а часть членов семей переселенцев были вынуждены искать сторонние заработки, в том числе в виде промышленной деятельности. Поэтому среди переселенцев лесисто-подтаежной зоны мы видим почти двукратное (по сравнению со степной и лесостепной зонами) увеличение дворов и людей, вовлеченных в промыслы. Переселенческие участки в таежной зоне имели очень мало свободных пространств (а то и вовсе были полностью заросшими лесом), поэтому переселенческие хозяйства (особенно в первые годы после водворения) должны были искать сторонние источники дохода. Это объясняет, почему в лесисто-подтаежной зоне почти треть, а в таежной больше трети хозяйств были вовлечены в промышленную деятельность.

Следует также заметить, что подтаежная и таежная зоны – это районы рискованного земледелия, где вероятность неурожая из-за природно-климатических условий была выше. Так, климатические условия на участках по р. Шиша в урманной части Тарского уезда характеризовались продолжительной холодной зимой, коротким летом с поздними холодами и ранними заморозками. Первые заморозки бывали уже в конце июля и более сильные – в начале августа. Заморозки были в этом районе настолько обычным явлением, что год, когда их не бывало, считался исключительным. Заморозки в конце июля и начале августа совпадали со временем налива хлебов, а побитые морозом хлеба давали лишь тонкое и щуплое зерно. В июне 1904 г. были настолько холодные летние ночи, что на более низких местах померзли листья картофеля и гороха (Юфев, 1907: 274). В Минусинском

уезде тайга с весны долго держала в себе снег, который «дышал» холодом, а осенью тайга охлаждалась быстрее, чем степь, и насылала на несозревший хлеб «утренники» (утренние холода) (Дедлов, 2021: 114). Поэтому переселенцы в этих зонах могли целенаправленно диверсифицировать свои хозяйства за счет видов деятельности, не связанных с земледелием. Именно поэтому доля переселенческих дворов, вовлеченных в промыслы, последовательно возрастает по мере продвижения на север от степи и лесостепи к подтаежной и таежной зонам (Таблица 3).

Небольшая вовлеченность в промыслы переселенческих дворов степной зоны может быть объяснена также тем, что степные переселенческие участки заселялись в значительной части выходцами их губерний Малороссии. Так, из 4013 обследованных в 1903 г. дворов степной зоны на долю Киевской, Полтавской, Подольской, Таврической, Харьковской, Черниговской, Херсонской и Бессарабской губерний приходилось 2043 двора или 51 % (подсчитано по: *Материалы... вып. XIX, 1905: 18, 121*). Нами ранее отмечалось, что эти губернии были «непромысловыми», и выходцы из этих губерний отличались наименьшей вовлеченностью в промысловую деятельность (Razgon et al., 2021: 378). И, напротив, подтаежные и таежные участки нередко заселялись крестьянами-переселенцами из нечерноземных или северных губерний Европейской России, среди которых доля промысловиков была выше.

Анализ статистических материалов, собранных Переселенческим управлением, показал, что в промысловую деятельность были вовлечены в основном переселенцы-мужчины. Участие женщин в промыслах было незначительным: из 3981 человека, заявившего об участии в промысловой деятельности во всех природно-географических зонах, женщины составляли лишь около 5 % (211 чел.). Причем основная часть женщин, участвовавших в промыслах, проживала на таежных переселенческих участках: из 211 показаний женщин о занятости промыслами 131 (62,1 %) относилось к таежному району. В степной, лесостепной и лесисто-подтаежной зонах степень вовлечения женщин в промыслы была совсем незначительной: 80 женщин из 2200 человек, занятых промыслами (3,6 %) (подсчитано по: *Материалы... вып. XXXIII, 1906: 196, 256, 280, 324, 328*). Слабое участие женщин в промыслах связано с тем, что подавляющее большинство ремесленных профессий относилось в начале XX в. к «мужским»: лесорубы, кровельщики, сапожники, кузнецы, плотники, пимокаты и пр. Эти профессии требовали физической силы либо наличия специфических профессиональных навыков.

Проведенный нами ранее анализ данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по Алтайской губернии показал, что большинство переселенцев, участвовавших в промыслах, совмещали их с занятием сельским хозяйством, и лишь около трети переселенцев либо не имели вовсе покровов, либо имели посев незначительный (не больше 1 десятины) (Razgon et al., 2021: 379) и основной доход получали от промыслов. Материалы экономического обследования переселенцев 1903 г. дают возможность представить общую картину по Сибири в целом. Анкетирование переселенцев в ходе обследования 1903 г. включало распределение переселенческих дворов по характеру их вовлеченности в промысловую деятельность на три группы: а) занятые в промыслах без отрыва от земледелия; б) частично отрывавшиеся от земледелия для участия в промыслах; в) полностью оторвавшиеся от земледелия для участия в промыслах.

Анализ результатов этого анкетирования, представленный в Таблице 4, показывает, что в среднем около половины всех переселенцев участвовали в промыслах без отрыва от земледелия. Однако во II–V возрастных группах доля таких дворов была заметно больше, чем в самой «старой» по времени поселения I группе. Доля дворов, частично оторвавшихся от земледелия для участия в промыслах, примерно одинакова во II, IV и V группах, но заметно выше в самой возрастной I группе. Доля дворов, полностью порвавших с земледелием, во II–V возрастных группах относительно невелика – 14–18 % и только в самой «старшей» группе этот показатель заметно выше – 25,6 %.

Таким образом, можно утверждать, что новоселы II–V групп в своих хозяйственных занятиях или ориентировались в основном на земледелие, или сочетали земледелие с промыслами, придавая промыслам лишь подсобный характер в виде дополнительного источника дохода. В самой «возрастной» I группе уменьшилась доля переселенцев, занимавшихся промыслами без отрыва от сельскохозяйственной деятельности, и, напротив, выросла доля тех, кто ориентировался в основном на промысловые занятия и порвавших с земледелием (примерно четверть имевших промыслы переселенцев этой группы занимались исключительно промысловой деятельностью, т.е. являлись профессиональными промысловиками) (Таблица 4).

Экономическое обследование переселенческих хозяйств показало, что основная масса переселенцев занималась промыслами в районах своего проживания. Доля людей, выезжавших на дальние расстояния для отхожих промыслов, была небольшой. Так, из 3981 человека, участвовавшего в промыслах, 3163 переселенцев или 79,5 % были заняты местными промыслами; в отхожих промыслах на большие расстояния уезжал каждый пятый из переселенцев-промысловиков. Причем в разных возрастных переселенческих группах степень участия в «дальних» промыслах была неодинаковой. Во II–V возрастных группах доля таких переселенцев с некоторыми колебаниями варьировалась в диапазоне от 20,1 до 12,8 %. Однако среди переселенцев самой «старшей» возрастной группы (водворенные по 1896 г. и ранее) доля тех, кто уезжал на промыслы на дальние расстояния, повышается до 28,8 % (подсчитано по: *Материалы... вып. XXXIII, 1906: 328*). Последний показатель

очень близок данным по переселенцам, полностью порвавшим с земледелием для участия в промыслах: в самой «старшей» возрастной группе таких было 25,6 % (Таблица 4). Это косвенно подтверждает, что именно переселенцы самой «старшей» возрастной группы чаще других занимались промысловой деятельностью на постоянной, профессиональной основе.

Таблица 4. Характер участия в промысловой деятельности переселенцев разных по времени поселения групп (Материалы... вып. XXXIII, 1906: 328-329)

Группы переселенцев по степени участия в промыслах	Возрастные группы переселенческих дворов					Итого
	I	II	III	IV	V	
Количество переселенцев обоего пола, занятых промыслами, в том числе:	1515	1160	783	324	199	3981
занятых в промыслах без отрыва от земледелия, чел.						
%	577	682	429	192	116	1996
	38,1	58,8	54,8	59,3	58,3	50,1
частично отрывавшихся от земледелия для участия в промыслах, чел.	550	306	235	73	49	1213
%	36,3	26,4	30,0	22,5	24,6	30,5
полностью оторвавшихся от земледелия для участия в промыслах, чел.	388	172	119	59	34	772
%	25,6	14,8	15,2	18,2	17,1	19,4
занятых в промысловой деятельности до 3 месяцев в году, чел.	536	640	457	174	119	1926
%	35,4	55,2	58,4	53,7	59,8	48,4
занятых в промысловой деятельности круглый год, чел.	517	214	187	73	45	1036
%	34,1	18,5	23,9	22,5	22,6	26,0

Для более точного выяснения степени вовлеченности переселенческих хозяйств в промысловую деятельность Переселенческое управление во время обследования в 1903 г. провело разделение всех «промысловиков» на группы по времени занятости промыслами в течение года. Категория переселенцев, занятых промыслами до 3-х месяцев в году, может быть отнесена к тем, кто не порвал связи с земледелием и использовал промыслы лишь как дополнительный сезонный источник дохода. Доля таких людей составляла больше половины во всех возрастных группах переселенцев, кроме самой «старшей», в которой этот показатель был заметно ниже – 35,4 %. Это подтверждает, что переселенцы более «младших» возрастных групп в основной массе ориентировались на земледелие, придавая промыслам вид сезонного занятия, а среди переселенцев самой «старшей» возрастной группы формировалась категория крестьян, занимавшихся промыслами на постоянной основе без участия в земледелии. Этот вывод подтверждается и данными о переселенцах, которые были заняты промысловой деятельностью круглый год: во II–V возрастных группах доля таких промысловиков варьируется от 18,5 % до 23,9 %, а в I (самой возрастной) группе резко вырастает до 34,1 % (Таблица 4).

Таким образом, если по количественным показателям, отражающим общие масштабы участия в промыслах (доля дворов и членов семей, занятых промыслами), переселенцы, составлявшие самую «старшую» по времени водворения группу, уступали переселенцам более позднего времени поселения (Таблица 2), то по качественным параметрам, отражающим степень профессионализации промысловых занятий, превосходили их (Таблица 4). Это означает, что важным условием профессионализации промысловых занятий переселенцев являлся более высокий уровень адаптированности к новой природно-географической и социальной среде обитания.

Как видно из Таблицы 5, в которой представлены сведения о характере промысловых занятий крестьян-переселенцев, водворявшихся на жительство в разных природно-географических зонах Сибири, наибольшим уровнем профессионализации и отрыва от земледелия отличались промысловые занятия переселенцев, оседавших в поселках переходных лесостепной и лесисто-подтаежной зон. В наибольшей мере предпочитали использовать промыслы в качестве побочного источника дохода переселенцы, селившиеся на таежных участках: из общего числа занимавшихся промыслами в этой зоне мигрантов 2/3 были вовлечены в промысловую деятельность не более 3-х месяцев в году и без отрыва от земледелия, тогда как полностью порвали с земледелием лишь 12,4 % опрошенных, а занимались промыслами круглогодично – 14,8 %.

Таблица 5. Вовлеченность переселенцев в промышленную деятельность в разных природно-географических зонах Сибири (Материалы... вып. XIX, 1905: 18, 52, 64, 98; Материалы... вып. XXXIII, 1906: 196-197, 256-257, 280-281, 324-325)

Категории переселенцев-промысловиков	Природно-географические зоны				Итого
	степная	лесостепная	лесисто-подтаежная	таежная	
Кол-во переселенцев обоого пола, занимавшихся промыслами, в том числе:	615	1157	428	1781	3981
занятых в промыслах без отрыва от земледелия, чел.	200	381	173	1242	1996
%	32,5	32,9	40,4	69,7	50,1
частично отрывавшихся от земледелия для участия в промыслах, чел.	3615	391	144	317	1213
%	8,7	33,8	33,7	17,8	30,5
полностью оторвавшихся от земледелия для участия в промыслах, чел.	54	385	111	222	772
%	8,8	33,3	25,9	12,4	19,4
занятых в промыслах до 3-х месяцев в году, чел.	166	476	184	1100	1926
%	26,9	41,1	42,9	61,8	48,4
занятых в промыслах круглый год, чел.	286	358	129	264	1037
%	46,5	30,9	30,1	14,8	26,1

Содержащиеся в материалах обследования 1903 г. данные о характере промысловых занятий переселенцев таежных участков подтверждаются другими источниками. Так, в начале XX в. агроном В. Юферев проводил исследование экономического положения переселенцев, устроившихся на участках по р. Шишу в урманной части Тарского уезда. Анализ бюджетов переселенческих семей на этих участках показал, что в массе денежных доходов на долю доходов от промыслов приходилось 45,6 %, однако если учитывать совокупные денежные и натуральные доходы, то на долю доходов от промыслов приходилось лишь 17,9 %, тогда как на долю доходов от земли и скота – соответственно 42,7 % и 25,8 % (Юферев, 1907: 295). Данные, собранные В.И. Юферевым, подтверждают ориентированность переселенцев таежных участков на сельскохозяйственную деятельность, где промыслам отводилась роль дополнительного дохода.

Примечательно, что в таежной зоне доля переселенцев, участвовавших в промыслах без отрыва от земледелия, не менялась в зависимости от давности водворения, оставаясь стабильно высокой во всех возрастных группах: 65,5–76,3 % (подсчитано по: Материалы... вып. XXXIII, 1906: 324). Эти данные показывают, что переселенцы таежных участков на протяжении всего периода проживания в Сибири воспринимали земледелие как основной вид хозяйственной деятельности, отводя промыслам роль лишь дополнительного источника дохода.

В целом основная масса переселенцев-промысловиков во всех географических зонах, как видно из Таблицы 5, предпочитала в той или иной степени совмещать земледелие и промышленную деятельность. Лишь менее 20 % из переселенцев-промысловиков основным занятием имели промыслы, прекратив земледелие. Причем почти половина переселенцев-промысловиков была занята промыслами лишь 3 месяца в году, что говорит о сезонном характере промыслов для них. Это позволяет утверждать, что основная масса переселенцев-промысловиков продолжала заниматься земледелием, используя промыслы лишь как дополнительный источник дохода.

5. Заключение

Таким образом, анализ материалов экономического обследования переселенцев, проведенного в 1903 г. Переселенческим управлением, позволяет сделать следующие выводы:

- основная масса переселенческих хозяйств не была вовлечена в промышленную деятельность: в среднем участвовало в промыслах каждое пятое переселенческое хозяйство и лишь 4,6 % опрошенных переселенцев. Заявившие об участии в промыслах переселенческие семьи отличались относительной многолюдностью, но в среднем из каждой семьи лишь один ее представитель (а в трети промысловых семей – два) были вовлечены в промышленную деятельность. При этом в разных природно-географических зонах степень вовлеченности переселенцев в промыслы была неодинаковой. В наименьшей степени участвовали в промыслах переселенческие хозяйства степных и лесостепных участков, в лесисто-подтаежной и таежной зонах доля хозяйств, занимавшихся промыслами, была в 2-3 раза выше;

- в общей массе обследованных хозяйств более «молодые» дворы в большей степени были вовлечены в промышленную деятельность, чем более «возрастные». Это можно объяснить тем, что один из самых распространенных видов промыслов среди переселенцев – наем на сельскохозяйственные работы – во многом носил не постоянный, а временный характер: часть переселенцев нанимались батраками лишь в первые годы после переезда в Сибирь, но по мере становления собственных хозяйств многие новоселы этот вид деятельности прекращали;

- основная масса переселенцев, участвовавших в промышленной деятельности, предпочитала не порывать с земледелием. В наибольшей степени сочетали земледелие и промыслы переселенцы из «молодых» по времени поселения групп. Лишь в самой «возрастной» группе доля хозяйств, полностью порвавших с земледелием, возрастает до 25,6%, а доля занимавшихся промыслами круглогодично увеличивается до 34,1%, что можно объяснить тем, что переселенцы, прожившие в Сибири дольше, были в большей мере адаптированы к местным условиям, что давало им возможность более оптимально использовать особенности «кормящего ландшафта»;

- степень вовлеченности переселенцев в промыслы заметно варьировалась по природно-географическим зонам расселения. В наибольшей степени группа «профессиональных» промышленников, полностью порвавших с земледелием, формировалась в переселенческих поселках лесостепной и лесисто-подтаежной зон. В степной зоне даже с учетом того, что более 46 % переселенцев, вовлеченных в промыслы, занимались ими круглый год, доля полностью порвавших с земледелием была невысокой – всего 8,8 %. Среди переселенцев таежной зоны доля людей, вовлеченных в промышленную деятельность, была высокой, однако для 2/3 из них занятие промыслами имело сезонный характер – 3 месяца в году. Лишь менее 15 % переселенческих хозяйств в таежной зоне полностью порвали с земледелием и занимались промыслами круглый год.

В целом, данные, собранные Переселенческим управлением в 1903 г., показывают, что примерно 80 % переселенцев, от числа участвовавших в промыслах, предпочитали сочетать сельскохозяйственную и промышленную деятельность. Примерно половина из них участвовала в промыслах лишь до 3-х месяцев в году, и лишь четверть из вовлеченных в промыслы занимались ими круглый год.

Литература

Белянин, 2014 – Белянин Д.Н. Проект С.Ю. Витте по колонизации Сибири в связи со строительством Сибирской железной дороги / *Словные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века): Сб. мат. Всерос. науч. конф.* / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Изд-во «Параллель»; Институт истории СО РАН, 2014. С. 202-217.

Большаков, 1978 – Большаков В.Н. Относительное перенаселение в России как объективное условие формирования рынка наемного труда в Сибири в конце XIX – начале XX вв. / *Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 94-112.

Бочанова, 1985 – Бочанова Г.А. Промышленное освоение Сибири в конце XIX – начале XX в. (вопросы экологии) / *Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в.: Труды традиции крестьян.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 129-149.

Владиславлев, 1899 – Владиславлев В. Хозяйственное положение Тобольских новоселов // *Русское богатство.* 1899. № 6(9). С. 102-127.

Горьковская, 1981 – Горьковская З.П. Труды традиции русских крестьян в промыслах Сибири периода капитализма // *Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма.* Новосибирск: НГПИ МП РСФСР, 1981. С. 110-125.

Дедлов, 2021 – Дедлов В.Л. Панорама Сибири (путевые заметки). М.: Гос. публичная историч. б-ка России, 2021. 304 с.

Карташова, 2018 – Карташова М.В. Главное управление землеустройства и земледелия и развитие кустарных промыслов на востоке России в начале XX вв. // *Российская история.* 2018. № 2. С. 35-40.

Материалы..., 1905 – Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1905. Вып. 19. Ч. 1. Таблицы. IV, X, 549 с.

Материалы..., 1906 – Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1906. Вып. 33. Ч. 3. Таблицы. [2], XXII, 345 с.

Разгон..., 2004 – *Разгон В.Н.* Промысловые занятия сельского населения Алтая по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. / Историческое профессиоведение. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 136-159.

Разгон и др., 2013 – *Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А.* Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.

Соловьева, 1981 – *Соловьева Е.И.* Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. 327 с.

Степынин, 1962 – *Степынин В.А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма в эпоху капитализма. Красноярск: [б.и.], 1962. 565 с.

Томилова, 1972 – *Томилова Н.К.* Влияние переселений на развитие производительных сил Алтайского округа во второй половине XIX в. // Из истории Сибири. Вып.4. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. С. 290–304.

Юфев, 1906 – *Юфев В.И.* Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае. Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях: Опыт исследования бюджетов переселенцев: Текст и табл. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1906. [2], 48, 111 с.

Юфев, 1907 – *Юфев В.* Переселенцы в Тарских урманах // Вопросы колонизации. 1907. № 2. С. 272-300.

Belyanin et al., 2022 – *Belyanin D.N., Razgon V.N., Razgon A.V.* Crafts and Employment of Migrants in the Urman Zone of the Turinsk District of the Tobolsk Province According to the Results of a Statistical Survey Conducted under the Leadership of V.K. Kuznetsov in 1912. // *Bylye Gody*. 17(4): 1990-2000. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1990

Belyanin et al., 2021 – *Belyanin D.N., Razgon V.N., Razgon A.V.* Crafts and Hiring for Agricultural Work of Settlers of the Tomsk Province According to the Results of an Economic Survey Conducted Under the Leadership of V.Ya. Nagnibeda in 1911–1912 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 2053-2062. DOI: 10.13187/bg.2021.4.2053

Razgon et al., 2021 – *Razgon V.N., Belyanin D.N., Razgon A.V.* Craft Activities of Stolypin Migrants in the Altai Okrug // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 375-383. DOI: 10.13187/bg.2021.1.375

References

Belyanin, 2014 – *Belyanin, D.N.* (2014). Proekt S.Yu. Vitte po kolonizacii Sibiri v svyazi so stroitel'stvom Sibirskoj zheleznoj dorogi [Project S.Yu. Witte on the colonization of Siberia in connection with the construction of the Siberian Railway]. *Soslovnye i sociokul'turnye transformacii naseleniya Aziatskoj Rossii (XVII – nachalo XX veka): Sbornik materialov vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Novosibirsk: Izd-vo «Parallel»; Institut istorii SO RAN, pp. 202-217. [in Russian]

Belyanin et al., 2022 – *Belyanin, D.N., Razgon, V.N., Razgon, A.V.* (2022). Crafts and Employment of Migrants in the Urman Zone of the Turinsk District of the Tobolsk Province According to the Results of a Statistical Survey Conducted under the Leadership of V.K. Kuznetsov in 1912. *Bylye Gody*. 17(4): 1990-2000. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1990

Belyanin et al., 2021 – *Belyanin, D.N., Razgon, V.N., Razgon, A.V.* (2021). Crafts and Hiring for Agricultural Work of Settlers of the Tomsk Province According to the Results of an Economic Survey Conducted Under the Leadership of V.Ya. Nagnibeda in 1911–1912. *Bylye Gody*. 16(4): 2053-2062. DOI: 10.13187/bg.2021.4.2053

Bochanova, 1985 – *Bochanova, G.A.* (1985). Promyslovoe osvoenie Sibiri v kontse XX – nachale XX vv. (voprosy ekologii) [Commercial development of Siberia in the late XX – early XX centuries. (environmental issues)]. *Zemledel'cheskoe osvoenie Sibiri v kontse XVII – nachale XX vv.: Trudovye traditsii krest'yan*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, pp. 129-146. [in Russian]

Bol'shakov, 1978 – *Bol'shakov, V.N.* (1978). Otnositel'noe perenaselenie v Rossii kak ob'ektivnoe uslovie formirovanie rynka naemnogo truda v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Relative overpopulation in Russia as an objective condition for the formation of the wage labor market in Siberia in the late XIX – early XX centuries.]. *Voprosy formirovaniya russkogo naseleniya Sibiri v XVII – nachale XIX vv.* Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. Pp. 94-112. [in Russian]

Gor'kovskaya, 1981 – *Gor'kovskaya, Z.P.* (1981). Trudovye traditsii russkikh krest'yan v promyslakh Sibiri perioda kapitalizma [Labor traditions of Russian peasants in the Siberian handicrafts of the capitalist period]. *Krest'yanstvo Sibiri perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma*. Novosibirsk: NGPI MP RSFSR, pp. 113-122. [in Russian]

- Dedlov, 2021** – *Dedlov, V.L.* (2021). Panorama Sibiri (putevye zametki) [Panorama of Siberia (travel notes)]. M.: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, 304 p. [in Russian]
- Kartashova, 2018** – *Kartashova, M.V.* (2018). Glavnoe upravlenie zemleustroistva i zemledeliya i razvitie kustarnykh promyslov na vostoке Rossii v nachale XX vv. [Main Directorate of Land Management and Agriculture and the development of handicrafts in the East of Russia at the beginning of the XX century]. *Rossiiskaya istoriya*. 2: 35-40. [in Russian]
- Materialy..., 1905** – Materialy po obsledovaniyu pereselencheskogo hozyajstva v Stepnom krae, Tobol'skoj, Tomskoj, Enisejskoj i Irkutskoj guberniyah. Vypusk 19. Chast' 1. Tablicy. [Materials on the survey of the resettlement economy in the Steppe Territory, Tobolsk, Tomsk, Yenisei and Irkutsk provinces. Issue 19. Part 1. Tables]. SPb.: Elektro-tipografiya N.Ya. Stojkovej, IV, X, 549 p. [in Russian]
- Materialy..., 1906** – Materialy po obsledovaniyu pereselencheskogo hozyajstva v Stepnom krae, Tobol'skoj, Tomskoj, Enisejskoj i Irkutskoj guberniyah. Vypusk 33. Chast' 3. Tablicy. [Materials on the survey of the resettlement economy in the Steppe Territory, Tobolsk, Tomsk, Yenisei and Irkutsk provinces. Issue 33. Part 3. Tables]. SPb.: Elektro-tipografiya N.Ya. Stojkovej, IV, X, 549 p. [in Russian]
- Razgon et al., 2021** – *Razgon, V.N., Belyanin, D.N., Razgon, A.V.* (2021). Craft Activities of Stolypin Migrants in the Altai Okrug. *Bylye Gody*. 16(1): 375-383. DOI: 10.13187/bg.2021.1.375
- Razgon i dr., 2013** – *Razgon, V.N., Khramkov, A.A., Pozharskaya, K.A.* (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: reseselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul. 348 p. [in Russian]
- Razgon, 2004** – *Razgon, V.N.* (2004) Promyslovye zanyatiya sel'skogo naseleniya Altaya po materialam sel'skokhozyaistvennoi perepisi 1917 g. [Crafts of the rural population of Altai based on the materials of the agricultural census of 1917]. *Istoricheskoe professiovedenie*. Barnaul: Izd-vo AltGU, pp. 136-159. [in Russian]
- Solov'eva, 1981** – *Solov'eva, E.I.* (1981). Promysly sibirskogo krest'yanstva v poreformennyi period [Crafts of the Siberian peasantry in the post-reform period]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, 329 p. [in Russian]
- Stepynin, 1962** – *Stepynin, V.A.* (1962). Kolonizatsiya Enisejskoj gubernii v epohu kapitalizma v epohu kapitalizma [Colonization of the Yenisei province in the era of capitalism in the era of capitalism]. Krasnoyarsk, 565 p. [in Russian]
- Tomilova, 1972** – *Tomilova, N.K.* (1972). Vliyanie pereselenii na razvitie pro-izvoditel'nykh sil Altaiskogo okruga vo vtoroi polovine XIX v. [The influence of migrations on the development of the productive forces of the Altai District in the second half of the XIX century]. *Iz istorii Sibiri*. Is. 4. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, pp. 290–304. [in Russian]
- Vladislavlev, 1899** – *Vladislavlev, V.* (1899). Hozyajstvennoe polozhenie Tobol'skih novoselov [Economic situation of Tobolsk new settlers]. *Russkoe bogatstvo*. 6(9): 102-127. [in Russian]
- Yuferev, 1906** – *Yuferev, V.I.* (1906). Materialy po obsledovaniyu pereselencheskogo hozyajstva v Stepnom krae. Tobol'skoj, Tomskoj, Enisejskoj i Irkutskoj guberniyah: Opyt issledovaniya byudzhetov pereselencev: Tekst i tablicy [Materials on the survey of the resettlement economy in the Steppe Territory. Tobolsk, Tomsk, Yenisei and Irkutsk provinces: Experience in researching the budgets of migrants: Text and tables] SPb.: Elektro-tipografiya N.Ya. Stojkovej, [2], 48, 111 p. [in Russian]
- Yuferev, 1907** – *Yuferev, V.* (1907). Pereselency v Tarskih urmanah [Settlers in Tara Urmans]. *Voprosy kolonizatsii*. 2: 272-300. [in Russian]

Промыслы сибирских переселенцев в период деятельности Комитета Сибирской железной дороги (по данным экономического обследования 1903 г.)

Дмитрий Николаевич Беянин ^{a, *}, Виктор Николаевич Разгон ^b, Антон Викторович Разгон ^c

^a Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

^b Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^c Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа материалов статистического обследования переселенческих хозяйств, проведенного Переселенческим управлением Министерства внутренних дел Российской империи в 1903 г., рассматриваются промыслы крестьян-переселенцев, обосновавшихся в различных географических зонах Сибири в период деятельности Комитета Сибирской железной дороги. Авторы выявили и исследовали связь между уровнем вовлеченности переселенцев в ремесла, наймом на сельскохозяйственные работы и продолжительностью их проживания в Сибири.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: bdn73@list.ru (Д.Н. Беянин)

Для крестьян-переселенцев, поселившихся в таежной зоне Сибири, большое значение имели несельскохозяйственные виды экономической деятельности, что определялось наличием природных ресурсов и трудностями ведения хозяйства в этой географической зоне.

Сравнительный анализ хозяйственных занятий групп переселенцев, различающихся по времени расселения в Сибири, показывает, что доля хозяйств и новоселов, занимающихся ремеслами, имеет тенденцию к увеличению от ранних групп расселения к более поздним.

Большинство крестьян-переселенцев, занимавшихся ремеслами, совмещали их с земледелием, однако профессионализация ремесел была более выражена у «старших» по времени оседлости мигрантов, которые в большей степени адаптировались к природно-климатической и социальной среде и были более глубоко интегрированы в экономику сибирского региона.

Ключевые слова: промыслы, аграрные миграции, колонизация, переселенческая политика, крестьянство, сибирская деревня, адаптация переселенцев, Сибирь, Переселенческое управление, Комитет Сибирской железной дороги.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 395-406
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.395

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Suffrage and Its Implementation by Kazakh Deputies of the State Duma of Russia at the beginning of the XXth century. Alikhan Bukeikhanov and Shaimerden Koshygulov

Samat Zhumatay^a, Olzhas N. Mukanov^b, Gyulnar K. Mukanova^{c,*}, Zilyikha Sh. Bimakanova^d

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

^b Judicial Administration of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^c Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Ministry of Science and Higher Education of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^d North Kazakhstan University named after M. Kozybayev, Republic of Kazakhstan

Abstract

Suffrage by citizens of the Russian Empire was realized at the beginning of the twentieth century. Among the elected to the Duma were non-Kazakhs. The source base of the study of parliamentarians and their political careers: scientist Bukeikhanov and Mullah Koshygulov - archived materials of the former State Duma and the press of Russia of the early twentieth century. The topic is poorly covered in historical literature, since both deputies were victims of Soviet repression. The authors studied the sources from the funds of the RGAKFFD, RGIA (Russian Federation), TCC DAB OAK (Turkey), the Central State Archive of Kazakhstan (Kazakhstan). Methods of dialectical logic, analysis and synthesis, retrospection, verification and reconstructing little-known aspects of the all-Russian political process were used. Although the educational qualifications of Bukeikhanov (secular) and Koshygulov (Islamic) differed, as did their lifestyle, both deputies took seriously the possibility of determining the fate of the people in the high rank of Duma members. There were curious parallels between the public activity of deputies during the period under study, in the context of international relations. Koshygulov visited the Ottoman Empire. The self-identification of the people's deputies did not go beyond the scope of Russian citizenship.

Keywords: Duma, Russia, suffrage, deputies, Kazakhs, Forest, archives, press, Steppe region.

1. Введение

Актуальность изучения биографий, выборных позиций, публицистики и общественной деятельности депутатов-иностранцев первых российских Дум обусловлена степенью социального резонанса, произведенного ими в начале XX века, и образно названного эпохой «пробуждения» Азии. Объект исследования выводит на географическую «глубинку» империи Степной край, где процесс выборов был внове и не мог не сопровождаться рефлексией передовой части общества. Методология «изучения» персоналий общественных деятелей в советский период складывалась достаточно примитивно: лояльное поведение и «рабоче-крестьянское» социальное происхождение открывало имярек путь в анналы истории. Личности же, проявившие задатки лидеров еще в дореволюционный период и удостоенные быть народными избранниками, при новой советской власти были зачислены в стан «врагов», «сотрудничавших с царем». Современные методологии дают возможность восстановить путь, которым шли первые народные избранники, преодолевая косность общественного мнения и препоны в имперском законодательстве по отношению к «иностранцам». Характерно, что общественная деятельность казахских депутатов Думы складывалась в определенной степени в

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova), kopeev95@mail.ru (S. Zhumatay), olzhas.mukanov.84@mail.ru (O.N. Mukanov), bimakanova1956@mail.ru (Z.Sh. Bimakanova)

зависимости от их идентичности, приверженности к атрибутам вероисповедания и насущным проблемам момента. Эти и иные аспекты дополняют общую картину формирования института российского парламентаризма.

2. Материалы и методы

Материалами для написания статьи послужили источники из следующих архивов: Государственный архив Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Российский государственный архив кинофотофонодокументов (Красногорск, Российская Федерация), архив Стамбула – Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi Külliyesi (Стамбул, Турция), Центральный государственный архив Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), которые позволяют провести анализ политических взглядов казахских депутатов, равно как особенности их предпочтений в выборе агитационных ресурсов.

Методика выявления, верификации и критического анализа содержания источников основана на методах диалектической логики, принципе историзма. Используются компаративный метод, а также методы анализа и синтеза, ретроспекции. Аутентичные источники помогают восстановить эволюцию географии перемещений депутатов-инородцев, в том числе за пределы империи. Оригинальные документы отражают стиль их сношений с официальными ведомствами. Этому стилю придерживался А.Н. Букейханов, к слову, преодолевая природную горячность, которую по молодости ему ставили в укор на службе в первые годы (РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 1307. Л. 16). Вкупе с материалами дореволюционной прессы, где Букейханов размещал важную для него информацию (газета «Голос степи» (Омск), «Иртыш» (Омск, Павлодар и др.), представляют интерес официальные источники о его служебной деятельности как отражение личностных проявлений будущего политика. Материалы о Ш. Косшыгулове также отложились в РГИА. Например: РГИА. Ф. 1278 Оп. 2. Д. 3700 (Прошения и жалобы, телеграммы разных лиц, не рассмотренные Государственной Думой о наделении землей, лишении земли киргизского населения Кокчетавского уезда Акмолинской губернии, определении на службу и др.), РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 213 (Государственная Дума I, II, III и IV созывов. Личный состав Госдумы. А). Дела со сведениями о Членах Государственной Думы: О Шеймордане (так в источнике. – Авт.) Кошчегулове. (От Акмолинской области). Н. 20.02.; К. 03.06. 1907 г. О Косшыгулове были изучены материалы в казахстанских архивах (ЦГА РК) в дореволюционных фондах за 1903 год в связи с его перепиской с казахским поэтом-мыслителем А.Кунанбаевым. К примеру, жандармская слежка и перлюстрация писем к Абаю Кунанбаеву вывела на адресата из Кокшетау, муллу Ш.Косшыгулова. Затем 8 апреля 1903 года телеграмма военного губернатора Акмолинской области поступила в канцелярию Семипалатинского губернатора. В ней сообщалось: «У Косшыгулова нашлись почтовые квитанции. Он 6 июня 1902 года отправил письма Садвакасу Шорманову в Батовске и Кеншинову в Зайсане, 7 марта 1903 года – Кунанбаеву в Семипалатинске. Надо провести обыск. Романов, генерал-губернатор Акмолинской области» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 871. Л. 35). Обнаружение фотоснимков – отдельный сюжет. В разных региональных архивах, музейных коллекциях и семейных альбомах постепенно проявлялись сквозь годы лица тех граждан, кто четко осознал свою миссию – быть законными представителями своих народов и регионов империи. Одна из редких фотографий Букейханова в ателье Буллы (снята в Санкт-Петербурге, в 1906 году) хранится в фондах РГАКФД (№ 48345. Шифр В 1152. 1906 год). Фотографии Ш.Косшыгулова-депутата также имеются. Они отложились в РГИА (РГИА. Ф. 1278 Оп. 1. Д. 213. Н. 20.02.; К. 03.06. 1907 г.).

В фондах ГАРФ были выявлены и исследованы любопытные материалы о соратниках А.Н.Букейханова по самарскому периоду, к примеру архивное дело «О князе Вячеславе Александрове Кугушеве» (ГАРФ. Ф. 63), «О студенте Лесного института князе Вячеславе Александровиче Кугушеве», «О губернском секретаре князе В.А. Кугушеве» (ГАРФ. Ф. 102). Также в ГАРФ идентифицированы материалы о семье А.Букейханова, в частности, послужные списки его единственной дочери, Елизаветы Алихановны, медработника, т.к. после смерти супруги Букейхановы жили в Москве с дочерью и воспитывали внука (ГАРФ. Ф. 539).

Источниковая база изучения взглядов и общественной деятельности А.Букейханова значительно пополнилась изданием многотомных сборников документов. Были опубликованы собрания писем, сочинений, переводов депутата Думы (см. Букейхан, 2009; Букейхан, 2012).

Ряд источников на турецком языке начала XX века, прямо касающиеся избирательного права российских казахов, позволили уточнить международный резонанс на роспуск Думы (см. Тааруф-и Муслимин, 1328 /1910). В научный оборот нами введены публикации А.Тажеддин в турецком журнале «Тааруф-и Муслимин», где он писал в 1908 году: «Все киргизы (казахи. – Авт.), а также мусульманское население, проживающее в Сибири, Степи м Мауреннахре, были лишены права избирать и, так сказать, своего культурного права, царским Указом, изданным 3 июля 1907 года» (Тажеддин, 1908: 62-65). Авторы публикаций затрагивали тему нехватки земельных площадей и отъема лесных массивов в пользу переселенцев, в частности в Степной край. Также в ТСС ДАВ ОАК сохранилось обращение Абдулхамида 2 к Николаю от 17 ноября 1910 года по поводу притеснений

российских мусульман (ТСС ДАВ ОАК. Ф. 84. Оп.1. Д. 2902) и другие, которые отражают пристальный интерес османского истеблишмента к положению имперской уммы.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и системности, обусловившие изучение источников и историографии XIX – начала XX вв. в контексте конкретно-исторической эпохи как единого, многослойного процесса зарождения и формирования исторических знаний о народных избранниках-инородцах с учетом воздействия на исследуемый процесс различных факторов. При изучении источников использовались сравнительно-исторический (сопоставление взглядов отдельных авторов) и проблемно-хронологический (изучение фактов и явлений в хронологической последовательности, обеспечивающей понимание преемственности в историческом процессе) методы.

3. Обсуждение

Постсоветские издания по персоналиям исторических личностей начала XX века из состава депутатского корпуса Госдумы постепенно пополнили актуальный задел научных публикаций (Mukanova, 2016; Жанаберген, 2023 и др.).

Публикации на раннем этапе постсоветской историографии, пришедшемся на 1990 годы, раскрывали негативные стороны сталинских репрессий, что однозначно привлекло внимание научного сообщества к историческим персоналиям, в их числе харизматичные личности А. Букейханов и Ш. Косшыгулов. Казахский ученый Сеитов Э.А. провел научное исследование общественно-политической деятельности А. Букейханова одним из первых (Сеитов, 1996), также о нем издала монографию А.К. Мамраева (Мамраева, 1998). Закономерно, по мнению М. Блока, когда изучение коллективной психологии людей прошлого означает распространение принципа историзма и на сознание человека, который по природе своей является «великой переменной величиной» (Блок, 1973: 198).

Казахский ученый С. Аккулы, изучив документы жандармерии, сделал любопытный вывод, что в них этнический казах Букейханов, за которым был в г. Самаре установлен негласный надзор, указан под кличкой «Калмык» (Аккулы, 2013: 20).

Исследователь Д. Камзабекулы (Камзабекулы, 2022: 2), ссылаясь на раритетное издание (Аршаруни, Габидуллин, 1931), пишет, что в европейской печати (Венгрия, Дания) в 1909 году слышны были отголоски визита Ш. Косшыгулова в Турцию. Узбекский исследователь Z. Abdirashidov в своей статье в турецком журнале «Türkiye Rusya Araştırmaları Dergisi» (Abdirashidov, 2020: 55-100) анализирует политические тенденции в российском Туркестане, борьбу самодержавия с так называемым панисламизмом. В данной публикации рассматриваются деятельность депутатов в Думе первых созывов и позиция казахского корреспондента турецких газет начала XX века Ахмада Таджуддина из г. Троицка (Abdirashidov, 2020: 67-68, 78-86).

Монография российского историка, профессора В.И. Козодоя, основанная на архивах, привнесла новое веяние в тему изучения политических партий, боровшихся за места в царской Думе (Козодой, 2021). Книга Виктора Козодоя на данный момент является единственным в России системным исследованием биографии и общественно-политических взглядов А.Н. Букейханова. В ней нашли место уточнения этапов биографии и подтвержденные архивами этапы политической карьеры казахского политика (Козодой, 2021: 25-35).

По персоналии Ш. Косшыгулова научных публикаций сравнительно немного; его скоропостижная кончина вследствие высылки в Сибирь советской администрацией, долгое замалчивание его деятельности имели результатом дефицит информации. Лишь в последние годы интерес к этой несомненно одаренной личности стал проявляться благодаря исследованиям молодого ученого, С. Жуматай (Zhumatay, 2022; Zhumatay, 2023). Увидела свет совместная статья С. Жуматай и Г. Мукановой (Mukanova et al., 2022).

Из последних по времени публикаций историков Казахстана следует отметить статью Н. Алимбай и др. (Алимбай, 2023: 7-40), где раскрываются методы самодержавия по дискредитации потенциальных депутатов из числа инородцев. К несомненным достоинствам публикации относится привлечение новых источников из архива Думы, разбор публицистики А. Букейханова, что позволило внести коррективы в определение этнического представительства ряда депутатов Думы (Алимбай, 2023: 12, 28).

Зарубежные исследователи уверены, что на основе открывшегося после распада Союза доступа к архивам открылись новые «перспективы для провинций» (Heywood, Smele, 2013: 5), что позволяет по-новому взглянуть на «роль национальных и религиозных меньшинств и на ту роль, которую играли отдельные лица, социальные группы, политические партии и учреждения».

Польский исследователь Е. Chmielewski (Chmielewski, 1970: 170) еще в начале 1970 годов в своей монографии подробно рассмотрел стенографические отчеты всех четырех Дум и Государственного совета, газетные публикации начала XX века, воспоминания участников и очевидцев, а также имеющуюся на момент создания книги литературу как русскую, так и польскую по различным аспектам проблемы. Этот труд является одним из ранних по истории рассмотрения российской Думой вопросов, вызванных этнокультурными запросами инородцев в начале XX века.

Британские историки осуществили определенный задел в изучении политической партии конституционной демократии (кадетов) (Enticott, 2016). Питер Энтикотт, научный сотрудник Школы славянских и восточноевропейских исследований в Лондоне, работал в Уэльском университете, Британском институте и Фолькуниверситете (Стокгольм). Он уверен, что его книга «бросает вызов мнению о том, что кадеты по своей сути были экстремистами, доктринерами и не желали идти на компромисс». По его мнению, окончательный провал партии кадетов (к которой принадлежал А.Букейханов) был в первую очередь обусловлен непримиримостью старого режима.

Отмечая наличие публикаций, большинство которых вышли в постперестроечный период, необходимо резюмировать, что это были лишь первые шаги на пути переосмысления роли и места первых парламентариев царской Думы из числа инородцев-казахов. Современный этап исследований преследует задачи не столько констатации факта их выборности, сколько детальной реконструкции их программы и публичного стиля на примере А. Букейханова и Ш. Косшыгулова, освещения их попыток коммуникации с международными сообществами, проявления этничности и идентичности.

4. Результаты

Становление политических платформ представителей «инородческих народов» в пределах Российской империи в первом десятилетии XX века состоялось не одномоментно. В период, предшествовавший избранию его в депутаты Первой Государственной Думы, казах-чингизид А.Н. Букейханов активно искал пути самореализации через прикладные исследования, публицистику, смену местожительства, использование связей и возможностей влиятельных чингизидов из других регионов, расширение диапазона полезных знакомств и т.д. Советская историография игнорировала фигуру Букейханова по причине его принадлежности к партии кадетов, самарской ложе масонов, а также по причине его аристократического происхождения. В 1938 году он был приговорен к расстрелу, так и не признав советскую власть (Христофоров, 2017: 1).

Депутат от казахского населения Акмолинской области в обе первые Госдумы Ш. Косшыгулов не имел аристократического происхождения (в отличие от чингизида Букейханова), однако сумел оставить не менее яркий след в истории российского парламентаризма. Казах Косшыгулов Шаймерден родился в 1874 году в Котуркольской волости Кокчетавского уезда Акмолинской области. Известен был как мулла, общественный деятель (Абуев и др., 2020: 56-58). Получил духовное образование в Кокчетавском, затем в Петропавловском медресе, преподавал там же. Имел к тому же в Кокчетаве магазин книг и периодических изданий. В 1903 в административном порядке он был выслан на 5 лет в Якутию «за агитацию среди киргизского населения на религиозной почве» (Шиловский, 2019: 140).

После издания Манифеста 17 октября 1905 года он был амнистирован. В июне 1906 года Косшыгулов избран депутатом I Государственной Думы от «киргизского» населения Акмолинской области. В феврале 1907 года вновь избран депутатом II Госдумы от «инородческого» населения Акмолинской области. Входил в состав мусульманской фракции Думы. В марте-июне 1907 года на личные средства выпускал приложение «Серке» к газете на татарском языке «Улфат» (Шиловский, 2019: 140). По одной из версий, именно Ш. Косшыгулов по согласованию с Букейхановым выезжал в Турцию в 1907–1911 гг. для расширения внешних связей мусульманской секции, на что косвенно указывают сведения А. Тажеддина в турецком журнале «Тааруф-и Муслимин» (Тажеддин, 1908: 62-65). Деятельность Косшыгулова финансировалась, в том числе, и его родными братьями, которые владели к началу XX века землями, магазинами и кондитерской фабрикой в Акмолинской области.

Личные качества депутатов-казахов отвечали запросам сообщества: Букейханов был целеустремленным и волевым человеком, учеба давалась ему легко, о чем позволяет судить лист аттестации выпускника Санкт-Петербургского Императорского Лесного института 1895 года А. Букейханова. В архивах данного образовательного учреждения, что интересно, содержатся сведения о переэкзаменовках студентов.

Букейханов лишь единожды воспользовался разрешением на переэкзаменовку, чтобы повторно сдать экзамен по химии на втором курсе (РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 1307. Л. 36). По остальным дисциплинам он успевал на «хорошо» и «отлично». Среди студентов пользовался авторитетом. Об успеваемости Косшыгулова сведений не сохранилось, но вся его политическая карьера свидетельствует о его эрудиции, преданности поставленной цели, решительности и последовательности в достижении выбранных задач.

Букейханов, имея аристократическое происхождение (чингизид по крови), сумел проникнуться общенародными чаяниями, накопив практический опыт аудита в поземельных отношениях. Знание русского языка, профессиональное образование ученого-лесоведа, напористость и жизненные уроки позволили ему прийти в политику самостоятельно. Напротив, Косшыгулов – выходец из рядовых казахов, русским языком изъясняться письменно затруднялся. Это его нисколько не смущало. Шаймерден имел духовное образование, носил традиционную казахскую одежду и головной убор (тюбетейку), однако был харизматичен по-своему. Пополнив ряды депутатов Госдумы, нисколько не тушевался. Он довольно быстро влился в мусульманскую секцию. На фотографиях имеет вполне respectable вид. Его

активная позиция и манера публично доказывать неправоту оппонентов (вплоть до губернатора) снискали ему симпатии потенциальных избирателей в депутатский корпус I Госдумы.

Порядочность Алихана Нурмухамедовича снискала ему верных соратников. Одним из его верных друзей был В. Кутушев, о котором ряд авторов приводит лишь факт его знакомства с Букейхановым в Самаре. Однако Кутушев был связан с семьей Алихана до его кончины. Так, после 1917 года он перебрался в Москву и продолжил тесное общение с семьей казахского султана. Горячее участие князя в судьбах дочери и внука Алихана наводит на мысль, что ему поручил казахский деятель в случае своего ареста и заключения заботиться о своих близких. Более того, именно Кутушев оказал действенную поддержку Лизе Алихановне в получении пособий после кончины в 1933 году Смагула Садвокасова, ее супруга. Его данные указаны на бланке заявления Е.А. Садвокасовой в органы социального обеспечения Москвы по потере отца. Лиза работала, но являться в государственное учреждение для нее было опасно, и она в заявлении сделала приписку: «Новую (пенсионную) книжку прошу вручить в НКСО (наркомат социального обеспечения) персональному пенсионеру В.А. Кутушеву. Ел.А. Садвокасова. 3 марта 1937 г.» (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 4. Д. 2032. Л. 7).

Кто был В.А. Кутушев, которому дочь Букейханова доверила в 1937 году получить новую пенсионную книжку? (Она получала пенсию по потере супруга на несовершеннолетнего сына. Члены семьи Букейханова находились под негласным надзором, и входить в государственные ведомства Елизавете Алихановне было опасно, а пенсионеру Кутушеву это было сподручнее). До революции в доме князя В. Кутушева в Самаре (бывшая ул. Казанская, 30) проживал А.Н. Букейханов (с 1908 по 1917 гг.). В Самаре он оказался, вернувшись из политической ссылки, где оба отбывали срок, там же познакомились и подружились. Необходимо вписать имя этого замечательного человека, который сделал очень много, чтобы уберечь семью А.Н. Букейханова. Князь и меценат Кутушев Вячеслав Александрович рано вступил в политическое поле империи. В архивах о нем отложился ряд источников, большинство которых – материалы полицейского надзора. К примеру, дело «О студенте Лесного института князе Вячеславе Александровиче Кутушеве» датируется 1883 годом (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 977. Л. 1-2). Содержание «дела» прямо указывает на его активное участие в социальных протестных акциях. Кутушев достаточно рано погрузился в процесс гражданской активности настолько, что департамент полиции счел необходимым перлюстрировать письма, которые приходили на адрес В. Кутушева. Это следует из другого «дела», также датированного 1883 годом под названием: «О выяснении личности, упоминаемой в корреспонденции на имя Вячеслава Кутушева» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 83. Д. 203. Л. 1-3). Следующее «Дело» под названием «О князе Вячеславе Александрове Кутушеве» хранится в московском архиве (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 21. Д. 1242).

Служка за князем продолжилась и в последующие годы. Так, в 1893 году, ровно десять лет спустя, на него вновь завели «дело» на тридцати листах. Название его отражает изменившийся социальный статус бывшего студента: «О губернском секретаре князе В.А. Кутушеве» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. Д. 281).

Человек, о котором столь последовательно выискивала компрометирующие материалы царская охранка, стал преданным другом семьи Букейхановых. Благородство было присуще Вячеславу Александровичу. Он, как и Алихан, выбрал профессию ученого-лесоведа, окончил Лесной институт в Москве. Судьба сблизила уроженца башкирского края Кутушева с казахом Букейхановым. Оба разделяли единые политические взгляды, вплоть до демократической эволюции монархического строя России. Достигнутый ими уровень образования позволил им критически анализировать правовой режим лесов и земельных площадей империи, окончательно утвердиться в выборе пути реформ, парламентского формата государственного управления.

Отблески интереса А.Букейханова к турецкому реформаторскому движению присутствуют в его публикациях, хотя отсутствуют прямые упоминания им младотурков и других лидеров мнения в Малой Азии. Что касается политических реформ в Китае и Японии, то эти государственные образования тоже представлены в публицистике Букейханова. Мотивацией к активному участию в выборном процессе для Алихана Нурмухамедовича могли стать международные события и личный профессиональный опыт. Так, известно его, молодого ученого-лесоведа, участие в аудите земельных споров и экспедициях по обследованию Степного края и Омского уезда. Противоречивость актов правительства относительно переселения крестьян в регионы, где издавна проживали казахи, содержала потенциальные риски социальных волнений.

Букейханов, располагая информацией о многочисленных нарушениях прав казахского населения, осознавая всю ответственность, счел нужным выдвинуть свою кандидатуру в депутаты Думы, тем более, что сознание жителей часто бывало скованно разными предрассудками, и помышлять о праве на выборность им не приходилось. Букейханов избирает местную периодическую печать в качестве рупора для декларирования своей позиции, благодаря чему возможно восстановить вехи его прихода в большую политику. К примеру, в омской газете «Голос степи» от 13 января 1907 года, в выходных данных которой указано «политическая, общественная и литературная», им опубликовано «Открытое письмо киргизам Семипалатинской области». В нем есть следующие строки: «Внесенный на основании квартирного ценза омскою городскою управою в список избирателей по г. Омску, я был исключен из этого списка при печатании его в типографии

Акмолинского областного правления. Я подал жалобу в уездную омскую по выборам в Г. Д. (так в тексте, Госдума. – Авт.) комиссию, прося восстановить мое нарушенное неизвестными мне лицами избирательное право». Далее автор демонстрирует великолепные знания российского законодательства, когда пишет: «12 декабря уездная омская по выборам в Г.Д. комиссия внесла меня в дополнительный список по избирательному в Г.Д. съезду по г. Омску. При этом, как мне известно, комиссия руководствовалась следующими данными. Бывшим членам распущенной Г.Д. предъявлено судебною властью обвинение за подписание и распространение «выборгского воззвания» по 3 п. 1 ч. 129 ст. уголовного уложения. На основании 26 ст. этого же уложения обвиняемым по 3 п. 1 ч. 129 ст. суд грозит «лишением прав состояния для дворян, священнослужителей, монашествующих и вообще лиц духовного звания, почетных граждан и купцов» (Букейханов, 1907: 2).

Публицистику Букейханова отличает выразительность слога и внутренняя логика, четкое изложение сути проблемы и позиций автора. Надо отметить, что не каждый «инородец», даже имевший привилегированное султанское происхождение, в то время имел смелость открыто выразить протест решениям властей. Примечательно, что в публицистике казахского султана А.Букейханова фигурирует выражение «мое избирательное право» (!). В нем отражается высокий уровень гражданской самоидентификации.

Региональные сибирские газеты в 1907 году печатали тесты Букейханова, за что редакции получали нарекания. К примеру, С. Аккулы пишет, что газета «Голос степи» изначально выходила в городе Омск с 1 января 1907 года, но прекратила свое существование после 42-го номера в конце февраля того же года. Это совпадает с моментом, когда Алихан Букейханов особым присутствием Санкт-Петербургского суда был осужден на три месяца тюрьмы за подписание «Выборгского воззвания». Он отбывал наказание в тюрьме Семипалатинска (Аккулыулы, 2009: 23).

А.Н. Букейханов печатался и в омской газете «Иртыш» (редактор-издатель И.А. Поваренных). К примеру, в номере за №33 от 27 августа 1906 года в «Иртыше» сообщалось, что на многочисленных крестьянских сходах принимаются резолюции в адрес императора с просьбой освободить арестованных членов Госдумы, поскольку им была обещана неприкосновенность (Иртыш, 1906: 4). С мая 1907 года газета «Иртыш» выходила в Павлодаре, то есть она продолжала издаваться, сменив адрес.

Концепция составления политического портрета казахов-депутатов Думы начала XX века обусловлена атмосферой мировой политики в канун Первой мировой войны. «Восточный вопрос» был актуальным во внешней политике царизма. Безусловно, А.Н. Букейханов интересовался международными новостями и был осведомлен о событиях 1912-го года в Китае. Известия о Синьхайской революции со свержением династии Цин всколыхнули сообщество и наряду с Ленскими событиями 1912-го года на приисках в Якутии оказались импульсом к активизации внутрироссийской оппозиции режима Романовых. Взаимоотношения Российской и Цинской империй складывались неровно, приграничные напряженности чередовались мирными периодами, альянс в целом выдерживался благодаря ловкости дипломатии и традиционному обету status quo (Mukanova, 2018: 776-785). Теперь же Россия оказывалась в роли догоняющего со своим громоздким и неэффективным двором на фоне обновляющейся Поднебесной. Сунь Ятсен и его сторонники делали акцент на национальных приоритетах, обозначив амбициозное политическое течение «младокитайцев». На западе Азии к власти стремились «младотурки». Экс-депутаты Госдумы, в том числе Букейханов, видели в зарубежных реформационных процессах на востоке и западе Азии шанс перестроить систему правления в собственном государстве. Обстановка в Сибири способствовала вызреванию демократических настроений и выдвижению лидеров мнения. 23-го мая 1913-го года Г.Н. Потанин посетил Омск и Отдел географического общества, о чем сообщили региональные СМИ. Фигура ученого и общественного деятеля была значимой для сибиряков, к его мнению прислушивался и Букейханов (Потанин, 1913: 2).

В своем прошении от 3-го января 1915-го года в Лесной Департамент Главного Управления Землеустройства и Земледелия лесовод А.Н. Букейханов, хлопотавший о переводе «на частную лесную службу в Донской Земельный Банк», просил уведомить его «по месту жительства: г. Самара, дом № 30, по Казанской ул.» (РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 1307. Л. 51).

Данное прошение с личной подписью А.Н. Букейханова позволило уточнить род его занятий в Самаре, где он проживал в доме вышеупомянутого его друга, князя Кугушева (чингизид), чей адрес и был указан в прошении. Лесной институт первые годы после окончания заведения отслеживал трудоустройство своих выпускников, для чего запрашивал сведения с места их прикрепления о дальнейшем продвижении их по службе. В «деле» А. Букейханова отложились официальные письма и приказы о его продвижении по службе в Омске. О его поведении в документе, заверенном самим Управляющим Государственным имуществом, есть замечание: «Недостаточно тактичен вследствие молодости и еще неустановившихся взглядов» (РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 1307. Л.16).

То замечание, вписанное в аттестацию Букейханова за 1895 год, могло навредить его дальнейшей карьере, однако последующие характеристики и официальные приказы по Корпусу Лесничих не содержат иных негативных характеристик. Напротив, в Приказе по Корпусу Лесничих от 15-го июня 1902-го года есть запись: «30. Произведен за выслугу лет, в следующий чин: из Губернских в Коллежские Секретари Букейханов (Алихан), причисленный к Министерству Земледелия и

Государственных Имуществ, состоящий по Корпусу Лесничих с 5 августа 1898 года» (РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 1307. Л. 430б.).

С лета 1904 года А.Н. Букейханов занимается вопросами подготовки земельных участков для переселенцев в Степной край, о чем гласит Приказ Департамента Государственных Земельных Имуществ от 12-го августа 1904-го года за №11223: «3 августа с.г. назначить Коллежского Секретаря Букейханова производителем работ Омской временной партии по заготовлению переселенческих участков» (РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 1307. Л. 46).

1904 год окажется судьбоносным для будущего лидера политической элиты казахов. Букейханов воочию убедился в том, что практика размещения переселенцев нарушает земельные права местных жителей, лишает их возможности самим осваивать природные ресурсы и порождает социальный конфликт. Он публикует под псевдонимами информацию в периодических изданиях Омска и других городов региона. Решение бороться цивилизованными методами за справедливость, а именно отстаивать права жителей края посредством личного баллотирования в Государственную Думу, созрело.

К началу второго десятилетия XX века противостояние в обществе достигло крайних пределов. Вопросы веры порой вступали в противоречие со здравым смыслом. В газете «Пришимье» Акмолинской области в июле 1913-го года за подписью «Мусульманин» было напечатано «Письмо в редакцию»: «Милостивый государь, господин редактор! Прошу не отказать в помещении на столбцах редактируемой Вами газеты несколько строк, являющихся ответом на заметку в №76 «Приишимья», помещенную под заглавием «Общедоступный сад и мусульмане» (Мусульманин, 1913: 2).

Упраздненное в 1849-ом г. магометанское кладбище, на котором по Высочайше утвержденному плану назначено устроить городской сад, ввиду ходатайства Петропавловского магометанского общества чрез своего представителя Сулеймана Кулакова в 1860-ом г. по представлению министра внутренних дел последовало Высочайшее Государя Императора соизволение в 22-й день декабря 1860-го г. на разрешение обратиться к кладбищу под сад *исключительно для магометан*, так как для общего городского гулянья достаточно двух садов, предположенных по плану: одного в подгорной части, а другого на бывшем русском кладбище. В разрешенном для магометан саду мусульманское население имело в виду совершать поминки по умершим своим родственникам, а жены и дети женского пола – гулять одни, с воспрещением жителям немагометанского вероисповедания посещать этот сад, который общество обязалось обнести оградой, а ключ хранить у своего единоверца по выбору общества. Об изложении Тобольская Губернская Строительная Комиссия сообщила для сведения и исполнения Петропавловской Городской Ратуше 10-го апреля 1861-го г. за №715 и Городской Полиции того же числа за №714 для объявления Кулакову. Четыре квартала земли г. Петропавловска для устройства мечети и сада куплено у Петропавловской Городской Управы за 400 р. бухарцем Алимбаем Джалтыровым по постановлению Городской Думы, состоявшемуся 27-го сентября 1878-го г., в чем выдано было Джалтырову свидетельство от 1-го июня 1888-го г. за №1192. Магометанское общество купленное место (в количестве четырех кварталов) обнесло забором, окопало рвом, устроило мусульманский сад и построило мечеть, что стоило немалых денег. И далее ежегодно утрачивало большие средства на содержание сада и ремонт тротуаров с забором (Мусульманин, 1913: 2). «Желание же некоторых лиц из русских устроить общедоступный детский сад со всеми приспособлениями для игр, как говорится в заметке, возможно отнести к неосведомленности автора и его товарищей о всех тех справках из архива, на основании которых магометане устроили сад исключительно для себя и построили мечеть. Раз появится общедоступный сад, то появиться должен и буфет с выпивкой, и гулянья с песнями и играми, что вблизи мечети неблагопристойно, с этим мнением должен согласиться всякий из отцов города. На основании означенных данных мусульманское население сад свой уступить другому обществу не может. Мусульманин» (Мусульманин, 1913: 2).

Частные интересы владельцев земельных участков в городе Степного края, как следует из обращения, наложились на чувства верующих и могли стать началом серьезных межнациональных столкновений. Букейханов оказался прав, предполагая, к чему может привести нерегулируемый поток переселенцев. Например, к 1914-му году острота переселенческого вопроса в Степном крае сопровождалась гласным сносом казахских зимовок (кыстау) и вселением на их места переселенцев. В газете «Пришимье» (выходила в Петропавловске) за 18-е марта 1914-го года (№37) было напечатано следующее объявление: «Снос киргизских зимовок. В текущем году в Акмолинской и Семипалатинской областях предполагается снести более 1 ½ тысяч киргизских зимовок, на оплату которых отпущено 100 000 рублей. В истекшем году снесено 1372 зимовки на сумму 80 тысяч рублей» (Пришимье, 1914: 2).

Снос кыстау для казахских семей означал безвозвратную потерю родовых земель, которыми пользовались издревле и где покоились предки, с выселением в неизвестность. Иными словами, их обрекали на «вечное кочевание». Однако климатические условия Акмолинской и Семипалатинской областей на начало XX века были таковы, что в зимний период было необходимо вернуться в зимовки, защищенные от ветра и снежных заносов. Формально за это предполагалась денежная компенсация, но трудно предположить, что бы мог приобрести глава рода, семьи, казахский шаруа за

бумажные купюры. Если указанные выше 80 тысяч рублей разделить на снесенные в 1913-ом году 1372 кыстау, то выходит цифра в 58 руб. (расчеты наши. – Авт.). Землями распоряжалось Управление государственных имуществ, в результате казахские хозяйства вынуждены были покидать земли предков и владеть жалкое существование.

В целом, из всего обширного списка депутатов первых Дум большинство кандидатов-казахов не использовало широко прессу как инструмент предвыборной агитации, в отличие от самого Алихана Букейханова и Якупа (Жакыпа) Акпаева (оба имели высшее юридическое образование). В одной из статей в газете «Голос степи» за февраль 1907-го года названы фамилии казахов-кандидатов в Госдуму: «Каркаралы Семипал. Обл. В 10 волостях избраны выборщиками от киргиз: 1) По Дагандельской – Бейсембай Тойсапин, Кожамкул Байтышев. 2) По Бекаринской – Такиш Майлыбаев, Якуп Акпаев. 3) Бюрлинской – Токмухаммед Алтанторин, Абдыгалий Мулдабаев. 4) Акботинской – Хажике Досмаков, Оспан Байбюсенов. 5) Эдрейской – Нурмухаммед Нуртазин, Кокабай Алчимбаев. 6) Токраунской – Тохмет Крюнчин, Нурмухаммед Бульконбаев. 7) Акчатавской – Дуйсен Бейсенбин, Абен Турсунов. 8) Нуринской – выборы не состоялись. 9) Аксаринской – Ибрай Койбасов, Нурмагамбет Джилкибаев. 10) Котан-Булакской – Садуакас Джабаев, Маликаждар Сыздыков». Разъяснялось также, что в отношении кандидата в члены Госдумы Я. Акпаева были приняты меры, и он был исключен из числа выборщиков по настоянию семипалатинского губернатора. На авторство Букейханова указывают знание подробностей хода выборов и примечание: «10 января в Токраунской волости бывший член Г.Д., А.Н. Букейханов был вторично избран в выборщики, но уездная по выборам комиссия исключила его из числа выборщиков. Первые выборы по Токраунской волости, бывшие 10 декабря прошлого года, когда А.Н. Букейханов был избран выборщиком, были отменены также после телеграммы Семипалатинского губернатора» ([К выборам..., 1907: 3](#)).

Обращает на себя внимание билингвизм публикаций Букейханова. Пословицы на родном казахском языке Алихан Нурмухамедович приводил в конце статей, написанных на русском языке, тем самым усиливая основную мысль и добиваясь, чтобы смысл статей был понятен казахскому читателю и закрепился в его сознании посредством устойчивых выражений (для ср.: Шаймерден Косшыгулов не владел письменным русским языком, что даже создало процедурные сложности во время утверждения его кандидатуры).

В силу разного образовательного ценза и отношения к атрибутам мусульманского вероисповедания А. Букейханов и Ш. Косшыгулов действовали по-разному. Если первый использовал русскоязычные газеты в довольно широком диапазоне (Омск, Иркутск, Петропавловск, Томск), адресуя информацию русскоязычной читательской аудитории, то Ш. Косшыгулов изначально проводил устную агитацию по своей предвыборной платформе среди прихожан-мусульман Кокчетавского уезда Акмолинской области. Соответственно, он встречался с потенциальными избирателями в мечети, а также на ярмарках, базарах – местах скопления единоверцев. Его ораторское искусство имело успех, такие контакты были эффективны, и Ш. Косшыгулов заручился поддержкой не только избирателей в Акмолинской области, но и впоследствии стал популярен в мусульманской фракции Думы. Шаймерден Косшыгулов визуально отмечается на фотографиях среди азербайджанцев, татар, башкир и представителей других инородческих народов, исповедующих ислам.

Примечательно, что, заручившись поддержкой и советами А.Н. Букейханова, Шаймерден Косшыгулов проявил себя в налаживании международных связей, о чем сообщалось в европейской прессе. По возрасту оба депутата были относительно близки: Алихану на момент подписания Выборгского воззвания против роспуска Думы исполнился 41 год, Шаймердену – 34 года. Источники из фондов РГИА подтверждают тот факт, что в адрес Председателя Думы поступали письменные обращения от Ш. Косшыгулова (Коцегулова) на русском языке, он пользовался услугами переводчиков. Стиль письменных обращений Косшыгулова, соответственно, идентифицировать представляется сложным, ведь переводы опосредованно передавали суть требований народного избранника в сдержанной форме. Также непросто идентифицировать те образные выражения, которыми мог бы оперировать казахский депутат на родном языке ([РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3700](#)).

Букейханов же, напротив, безупречно и виртуозно владел русским языком и лишь изредка использовал казахские пословицы, впрочем, тут же приводя перевод их смысла. Стиль письменных обращений обоих имеет схожие черты: запросы составлены грамотно, со знанием дела, четко выражается цель запроса и указан адресат и автор ([РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 213. Государственная Дума I, II, III и IV СОЗЫВОВ. Личный состав Государственной Думы. А](#)). Дела со сведениями о Членах Государственной Думы: О Шеймордане Коцегулове (От Акмолинской области). Н. 20.02.; К. 03.06. 1907 г.

5. Заключение

В фондах ряда российских, турецких и казахстанских архивов, в турецкой периодической печати начала XX века отложились любопытные источники по общественно-политической деятельности депутатов-инородцев от казахского населения Степного края в первых российских

Думах. Документы и материалы отражают системную работу народных избранников и дополняют общую картину складывания первых ростков парламентаризма в имперский период.

Для самих инородцев-депутатов Госдумы, казахов, участие в выборах и затем в работе секций Думы были моментами исключительной важности как возможность реализации национально-культурной идентичности в правовом поле. Казахские деятели, пусть в ограниченных рамках, смогли реализовать свое избирательное право в пределах отпущенного на это хронологического периода. Это важно отметить, поскольку ряд других народов империи в Сибири и Северной Азии (якуты и др.) в начале XX века вовсе не был допущен к статусу выборщиков. Социальный резонанс с началом выборов в Госдуму, безусловно, был колоссальный. Передовые представители сообществ оценили исторический шанс приобщиться к избирательному праву и вели последовательную агитацию с целью привлечения потенциальных избирателей.

При изучении биографий общественных деятелей начала XX века из числа «инородцев» аутентичными источниками являются те периодические издания, в которых они размещали информационные и публицистические материалы. Этот способ привлечения внимания избирателей косвенно подтверждает их желание реализовать свое избирательное право. В ситуации дефицита источников, автографов и иных письменных документов искомую информацию следует изыскивать из устных сообщений (мемуары, нарративы), фотодокументов и проч. Подспорьем в сборе сведений о деятельности депутатов-инородцев оказываются проявления ими этничности и идентичности (язык, традиции, вероисповедание) и расширение направления исследования в соответствующем спектре. Немаловажно подходить к обозначенной теме с учетом общеполитического фона: основных событий всемирной истории (Первая мировая война и т.п.), ведущих акторов эпохи (главы монархий, лидеры общественного мнения). Как результат в политико-правовом поле Российской империи в начале XX века происходили тектонические трансформации, а именно: постепенный дрейф монархии к парламентскому формату по образцу развитых европейских держав. И в этом процессе реализации избирательного права с переменным успехом участвовали и депутаты-инородцы, в том числе казахи А. Букейханов и Ш. Косшыгулов.

Литература

Абуев и др., 2020 – Абуев К.К., Шарипова А.Б., Оспанова Ж.К., Жапекова Г.К. Известные кокшетауцы о великом Абае // *Отан тарихы*. 2020. № 2(90). С. 50 – 61.

Акулыулы, 2009 – Акулыулы С. Найдены новые сведения об Алихане Букейхане и Ахмете Байтурсынулы. 18.11.2009 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30509505&pos=4;-98#pos=4;-98

Акулыулы, 2013 – Акулыулы С. Загадки «Самарского периода» // *Мысль*. 2013. № 4. С. 19-25.

Алимбай и др., 2023 – Алимбай Н., Кабульдинов З.Е., Смагулов Б.К. Вопросы крестьянской колонизации Степного края в Государственной думе Российской империи (1906-1917 гг.) // *Turkic Studies Journal Journal*. 2023. №3. С. 7-40.

Аршаруни, Габидуллин, 1931 – Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Безбожник, 1931. 141 с.

Блок, 1973 – Блок М. Апология истории, или ремесло историка. Перевод с фр. Отв. Ред. А.Я. Гуревич. Москва: Наука, 1973. 232 с.

Букейханов, 1907 – Букейханов А.Н. Открытое письмо киргизам Семипалатинской области // *Голос степи* (Омск) от 13 января 1907 год. С. 2.

Букейхан, 2009 – Букейхан А. Полное собрание сочинений в 7 томах. Астана: Сарыарка, 2009. 564 с.

Букейхан, 2012 – Букейхан А. Тандамалы – Избранное. Соб.соч. Том 1. Алматы: Олке, 2012. 248 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Жанаберген, 2023 – Жанаберген Б. Первые депутаты // *QMonitor*. 2023. 20 марта.

Жуматай и др., 2022 – Жуматай С., Джиеналиев Е.К., Кумар А., Кашкинбаева А., Капбарова Г. Адаптация этносов в Казахстане в ходе переселенческой политики царизма в XIX – начале XX вв. // *Вопросы истории*. 2022. № 12(3). С. 80-93.

Иртыш, 1906 – Иртыш. 27 августа 1906. С.4.

Камзабекулы, 2022 – Камзабекулы Д. Алаштың рухани серпілуіндегі Ә.Н. Бөкейхан бастаған кайраткерлер ұстанымы // *E-history.kz* 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/kz/projects/show/23096>

Козодой, 2021 – Козодой В.И. Алихан Букейханов: человек-эпоха. Новосибирск: Дом мира, 2021. 312 с.

К выборам..., 1907 – К выборам в Государственную Думу // *Голос степи*. 1907 февраля 9. С. 3.

Мамраева, 1998 – Мамраева А.К. Общественно-политическая деятельность и политико-правовые взгляды А. Букейханова. Караганда. Болашак-Баспа. 1998. 96 с.

Мусульманин, 1913 – Мусульманин. Письмо в редакцию // *Приишимье*. 13 июня 1913 года. С. 2.

ОАК ПГА ТР – Османский архивный комплекс Президентского государственного архива Турецкой Республики, г. Стамбул.

- Потанин..., 1913 – Потанин в Омске // *Приишимье* (Петропавловск). 1913 июня 6. С. 2.
 Приишимье, 1914 – *Приишимье*. 1914 марта 18. № 37. С. 2.
 РГАКФФД – Российский государственный архив кинофотофонодокументов, г. Санкт-Петербург.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Сеитов, 1996 – *Сеитов Э. А.Н.* Букейханов как историк и общественно-политический деятель. Алматы: Гылым, 1996. 98 с.
 Тааруф-и Муслимин, 1908-1910 – *Тааруф-и Муслимин*. 17 Жамазиал-Ула 1328/ 1910, 13 мая 1326 / 1908. Т 1. № 4. С. 62-65.
 Тажеддин, 1908 – *Тажеддин А.* Кыргыздар және Думаның соңғы қаулысы (шешімі) // Тааруф-и Муслимин. 17 Жамазиал-Ула 1328, 13 мамыр 1326. Том 1. № 4. С. 62-65.
 Христофоров, 2017 – *Христофоров В.С.* Алихан Букейханов: «Советскую власть не люблю...» [Электронный ресурс]. URL: <https://exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/14463/>
 ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
 Шиловский, 2019 – *Шиловский* (ред.) Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX в.: Энциклопедический словарь. Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2019. 398 с.
 Abdirashidov, 2020 – *Abdirashidov Z.* Политические и интеллектуальные тенденции в Туркестане в начале XX века: Взгляд из Петербурга и Стамбула // *Türkiye Rusya Araştırmaları Dergisi*. 2020. № 4. С. 55-100.
 Chmielewski, 1970 – *Chmielewski E.* The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville: University of Tennessee Press, 1970. 188 p.
 Enticott, 2016 – *Enticott P.* The Russian Liberals and the Revolution of 1905. Routledge, 2016. 208 p.
 Heywood, Smele, 2013 – *Heywood A.J., Smele J.D.* The Russian Revolution of 1905: Centenary Perspectives. Routledge, 2013. 297 p.
 Mukanova, 2016 – *Mukanova G.K.* The Russian Parliamentarism XX century: socio-cultural mission and media resources of the State Duma, in emigration // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40 (2): 500-507.
 Mukanova, 2018 – *Mukanova G.K.* Russia and China on the way to the alliance of civilizations, the end of the XIX - Early XX centuries (on the example of printed publications) // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 776-785. DOI: 10.13187/bg.2018.2.776
 Mukanova et al, 2022 – *Mukanova G.K., Abisheva O.T., Zhumatay S., Batyrkhanova Z.A.* Volunteering from Culture, or Education of Charity through Art among Muslim Students in Russian Turkestan, Turn of the 19th – 20th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 824-833.
 Zhumatay, Tashagul, 2023 – *Zhumatay S., Tashagul A.* (2023). Representation of the population of the Steppe region in the State Duma of Russia at the beginning of the twentieth century / *Materials of the International Conference "Mirzo Ulugbek is a great scientist, thinker and statesman"*. Tashkent, 2023. Pp. 280-287.

References

- Abdirashidov, 2020 – *Abdirashidov, Z.* (2020). Politicheskie i intellektual'nye tendentsii v Turkestane v nachale XX veka: Vzglyad iz Peterburga i Stambula [Political and intellectual trends in Turkestan at the beginning of the twentieth century: A View from St. Petersburg and Istanbul]. *Türkiye Rusya Araştırmaları Dergisi*. 4: 55-100. [in Russian]
 Abuev et al., 2020 – *Abuev, K.K., Sharipova, A.B., Ospanova, Zh.K., Zhapekova, G.K.* (2020). Izvestnye kokshetausy o velikom Abae [Famous Kokshetau people about the great Abai]. *Otan tarikhy*. 2(90): 50-61. [in Russian]
 Akkulyuly, 2009 – *Akkulyuly, S.* (2009). Naideny novye svedeniya ob Alikhane Bukeikhane i Akhmete Baitursynuly [New information about Alikhan Bukeikhan and Akhmet Baitursynuly has been found]. [Electronic resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30509505&pos=4;-98#pos=4;-98 [in Russian]
 Akkulyuly, 2013 – *Akkulyuly, S.* (2013). Zagadki «Samarskogo perioda» [Riddles of the "Samara period"]. *Mysl*. 4: 19-25. [in Russian]
 Alimbai i dr., 2023 – *Alimbai, N., Kabul'dinov, Z.E., Smagulov, B.K.* (2023) Voprosy krest'yanskoi kolonizatsii Stepnogo kraya v Gosudarstvennoi dume Rossiiskoi imperii (1906-1917 gg.) [Issues of peasant colonization of the Steppe Region in the State Duma of the Russian Empire (1906-1917)]. *Turkic Studies Journal*. 3: 7-40. [in Russian]
 Arsharuni, Gabidullin, 1931 – *Arsharuni, A., Gabidullin, Kh.* (1931). Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii [Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia]. Moscow: The Godless. 141 p. [in Russian]
 Blok, 1973 – *Blok M.* (1973). Apologiya istorii, ili remeslo istorika [The apology of history, or the craft of the historian]. Moscow: Nauka. 232 p. [in Russian]
 Bukeikhan, 2009 – *Bukeikhan, A.* (2009). Polnoe sobranie sochinenii v 7 tomakh [The complete works in 7 volumes]. Astana: Saryarka. 564 p. [in Russian], [in Kazakh]

- Bukeikhan, 2012** – *Bukeikhan A.* (2012). Tandamaly – Izbrannoe [Favorites]. Vol. 1. Almaty: Olke. 248 p. [in Russian], [in Kazakh]
- Bukeikhanov, 1907** – *Bukeikhanov, A.N.* (1907). Otkrytoe pis'mo kirgizam Semipalatinskoi oblasti [An open letter to the Kyrgyz of Semipalatinsk region]. *Golos stepi* (Omsk). January 13. P. 2. [in Russian]
- Chmielewski, 1970** – *Chmielewski E.* (1970). The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville: University of Tennessee Press. 188 p.
- Enticott, 2016** – *Enticott, P.* (2016). The Russian Liberals and the Revolution of 1905. Routledge. 208 p.
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].
- Heywood, Smele, 2013** – *Heywood, A.J., Smele, J.D.* (2013). The Russian Revolution of 1905: Centenary Perspectives. Routledge. 297 p.
- Irtys, 1906** – *Irtys* [Irtys]. 1906. August 27th. P. 4. [in Russian]
- K vyboram, 1907** – K vyboram v Gosudarstvennyu Dumu [For the elections to the State Duma]. *Golos stepi*. February 9, 1907. P. 3. [in Russian]
- Kamzabekuly, 2022** – *Kamzabekuly, D.* (2022). Alashtyn rukhani serpilindegi A.N. Bokeikhan bastagan kairatkerler ustanymy [The position of figures led by A. N. Bukeikhanov in the spiritual revival of Alash]. *E-history.kz* 2022. [Electronic resource]. URL: <https://e-history.kz/kz/projects/show/23096> [in Kazakh]
- Khriforov, 2017** – *Khriforov, V.S.* (2017). Alikhan Bukeikhanov: "I don't like the Soviet government...". [Electronic resource]. URL: <https://exclusive.kz/expertiza/obshchestvo/14463/> [in Russian]
- Kozodoi, 2021** – *Kozodoi, V.I.* (2021). Alikhan Bukeikhanov: chelovek-epokha [Alikhan Bukeikhanov: Man-epoch]. Novosibirsk: Dom mira. 312 p. [in Russian]
- Mamraeva, 1998** – *Mamraeva, A.K.* (1998). Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' i politiko-pravovye vzglyady A. Bukeikhanova [Socio-political activity and political and legal views of A. Bukeikhanov]. Karaganda: Bolashak-Baspa. 96 p. [in Russian]
- Mukanova et al., 2022** – *Mukanova, G.K., Abisheva, O.T., Zhumatay, S., Batyrkhanova, Z.A.* (2022). Volunteering from Culture, or Education of Charity through Art among Muslim Students in Russian Turkestan, Turn of the 19th – 20th centuries. *Bylye Gody*. 17(2): 824-833.
- Mukanova, 2016** – *Mukanova, G.K.* (2016). The Russian Parliamentarism XX century: socio-cultural mission and media resources of the State Duma, in emigration. *Bylye Gody*. 40(2): 500-507.
- Mukanova, 2018** – *Mukanova, G.K.* (2018). Russia and China on the way to the alliance of civilizations, the end of the XIX – early XX centuries (on the example of printed publications). *Bylye Gody*. 48(2): 776-785. DOI: 10.13187/bg.2018.2.776
- Musul'manin, 1913** – *Musul'manin* (1913). Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Priishim'e*, June 13th. P. 2. [in Russian]
- Potanin, 1913** – Potanin v Omske [Potanin in Omsk]. *Priishim'e* (Petrovsk). 1913. March, 6. P. 2. [in Russian]
- Priishim'e, 1914** – *Priishim'e* [Priishimye]. 1914. March 18th. p.2. [in Russian]
- RGAKFFD** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv kinofotofonodokumentov [Russian State Archive of Cinema-Photo-Phono Documents].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].
- Seitov, 1996** – *Seitov, E.* (1996) A.N. Bukeikhanov kak istorik i obshchestvenno-politicheskii deyatel' [A.N. Bukeikhanov as a historian and public and political figure]. Almaty: Gylym. 98 p. [in Russian]
- Shilovskii (ed.), 2019** – *Shilovskii, M.V.* (2019). Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.: Entsiklopedicheskii slovar' [Socio-political life of Siberia in the late XIX – early XX centuries: Encyclopedic Dictionary]. Novosibirsk: Parallel', 398 p. [in Russian]
- Taaruf-i Muslimin, 1908-1910** – *Taaruf-i Muslimin* [Definition of a Muslim]. 1(4): 62-65. [in Turkish]
- Tazheddin, 1908** – *Tazheddin, A.* (1908). Kyrgyzdar zhane Dumanyn songy kauly sy (sheshimi) [Kyrgyz and The Last resolution (decision) of the Duma]. *taaruf-i Muslimin*. 17 *Zhamazial-Ula* 1328, 13 *mamyr* 1326 /1908. 1(4): 62-65. [in Turkish]
- TCC DAB OAK** – Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi Külliyesi [The Ottoman Archive Complex of the Presidential State Archive of the Republic of Turkey].
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Zhanabergen, 2023** – *Zhanabergen, B.* (2023). Pervye deputaty [First deputies]. *QMonitor*. 20.03.2023. [in Russian]
- Zhumatay et al., 2022** – *Zhumatay, S., Jiyenaliev, Y.K., Kumar, A., Kashkinbayeva, A., Kapbarova, G.* (2022) [Adaptation of ethnic groups in Kazakhstan during the resettlement policy of Tsarism in the 19th – early 20th centuries]. *Voprosy istorii*. 12(3): 80-93. [in Russian]
- Zhumatay, Tashagul, 2023** – *Zhumatay, S., Tashagul, A.* (2023) Representation of the population of the Steppe region in the State Duma of Russia at the beginning of the twentieth century. Materials of the International Conference "Mirzo Ulugbek is a great scientist, thinker and statesman". Tashkent. Pp. 280-287.

Избирательное право и его реализация казахами-депутатами Российской Государственной Думы в начале XX века. Алихан Букейханов и Шаймерден Коспыгулов

Самат Жуматай ^a, Олжас Муканов ^b, Гюльнар Муканова ^{c, *}, Зылыяха Бимаканова ^d

^a Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

^b Судебная Администрация Республики Казахстан, Республика Казахстан

^c Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК, Республика Казахстан

^d Северо-Казахстанский Университет имени М. Козыбаева, Республика Казахстан

Аннотация. Избирательное право гражданами Российской империи было реализовано в начале XX века. В числе избранников в Думе были инородцы-казахи. Источники исследования жизни парламентариев и их политической карьеры (ученого Букейханова и муллы Коспыгулова) хранятся в архивах. Это материалы бывшей Государственной Думы и пресса России начала XX века. Тема слабо освещается в исторической литературе, поскольку оба депутата стали жертвами советских репрессий. Авторы изучили источники из фондов РГАКФД, РГИА (Российская Федерация), ТСС ДАВ ОАК (Турция), Центрального государственного архива Казахстана (Казахстан). При анализе материалов применялись методы диалектической логики, анализа и синтеза, ретроспекции, верификации. Результаты исследования представляют интерес в плане реконструкции малоизвестных аспектов общероссийского политического процесса. Хотя образовательный ценз Букейханова (светский) и Коспыгулова (исламский) отличались, как и образ их жизни, оба депутата серьезно отнеслись к возможности определять судьбы народа в высоком ранге членов Думы. Имели место любопытные параллели между общественной активностью депутатов в исследуемый период в контексте международных отношений. Речь идет о векторах внешней политики царизма в Малой Азии, априори считавшейся оплотом исламского влияния. Ш. Коспыгулов посетил Османскую империю, выполняя определенную миссию. Данный факт впервые вводится в научный оборот и расширяет знания о международных контактах депутатов-инородцев. Самоидентификация народных избранников не выходила за рамки российского гражданства, вместе с тем религиозный ценз был использован для поиска политических партнеров извне.

Ключевые слова: Дума, Россия, избирательное право, депутаты, казахи, Лесной, архивы, пресса, Степной край.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Gulnar_mukanova@mail.ru (Г. Муканова), koreev95@mail.ru (С. Жуматай), olzhas.mukanov.84@mail.ru (О. Муканов), bimakanova1956@mail.ru (З. Бимаканова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 407-415
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.407

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Public Role of Deputies Elected to the State Duma from the Steppe Region: An Effective Dialogue between Government and Society

Timur A. Apendiyev ^a, Gaukhar B. Batyrbekkyzy ^{b, *}, Dinashieva L. Sarsembekkyzy ^c,
 Botabek B. Tokishkadirov ^d

^a Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b M.O. Auezov South Kazakhstan State University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

^c International University of Tourism and Hospitality, Turkestan, Republic of Kazakhstan

^d Shakarim University of Semey, Semey, Republic of Kazakhstan

Abstract

At the beginning of the XX century, the local elite of the Steppe Governor-General, whose main population consisted of Kazakhs, began to actively participate in the political system of the empire. The tsarist administration showed great interest in the implementation of this process. The tsarist government decided to create political mechanisms linking society and power. As a result, the State Duma was convened. The State Duma paved the way for the establishment of an effective dialogue between the authorities and the population. Deputies elected from the Steppe Governor-General played their role in the functioning of the new political system. They have contributed to the solution of social and domestic issues of local Kazakhs in the highest authorities. Deputies were considered bright representatives of society in the power structure.

The national composition of the deputies elected from the Steppe Governor-General was different. Among them were Russians, Kazakhs and Cossacks. This change made it possible to consistently solve individual issues of various ethnic groups inhabiting the administrative region. The main composition of the deputies consisted of the Kazakh elite. The local elite was properly aware of the main problems with which they lived in society. The overwhelming majority of deputies of the State Duma were persons who previously held various positions in the tsarist administration. For this reason, they managed to find optimal solutions to any state issues. This article provides a historical analysis of the activities of the deputies of the State Duma elected from the Kazakhs of the Steppe Governorate-General. In addition, a scientific assessment of the political role of deputies in establishing an effective dialogue between society and the authorities is given. The parliamentary elections caused the appearance of new historical figures on the Historical scene.

Keywords: Ak-mola region, Semipalatinsk region, Steppe Governor-General, State Duma, deputies, local elite.

1. Введение

В начале XX века произошли большие изменения в политической системе Российской империи. Одним из них можно назвать создание народного представительства в системе власти. Деятельность народного представительства связана с историей Государственной Думы. Госдума стремилась урегулировать отношения между народом и властью. В связи с этим решением царского правительства в Государственную Думу были избраны представители различных национальностей в составе империи. Этот исторический процесс оказался одним из ярких политических прогрессов в истории России.

* Corresponding author

E-mail addresses: goha_batyr@mail.ru (G.B. Batyrbekkyzy)

В первый и второй созыв Государственной Думы постоянно избиралась интеллигенция казахов Степного края. Они стремились внести свой вклад в конструктивное решение социально-бытовых проблем населения края в структуре власти. Среди депутатов, избранных из Степного края, были русские, казаки и казахи. Значительную роль в поднятии хозяйственных вопросов кочевых казахов на уровне власти также сыграли русские депутаты. Это свидетельствует о том, что Государственная Дума стала площадкой для обсуждения общественных вопросов.

2. Материалы и методы

Работа опирается на две группы исторических источников: первая – архивные материалы, часть из которых впервые вводится в научный оборот, вторая – опубликованные документы.

К первой группе относятся документы, отложившиеся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (Алматы, Казахстан). Среди этих документов имеется целый пласт источников, характеризующих ход и результаты выборов, проведенных в областях Степного генерал-губернаторства.

Ко второй группе относятся сборники опубликованных документов, в том числе, по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях ([Материалы по обследованию..., 1905](#)). Данный сборник материалов содержит важные статистические данные, характеризующие особенности хозяйства и быта казахов Степного края.

При написании статьи были использованы ретроспективный метод и метод исторического анализа, а также структурный и другие методы. С помощью ретроспективного метода мы можем понять политическую роль избранных в Государственную Думу лиц в современной историографии. Метод сравнительно-исторического анализа позволил оценить результаты деятельности казахских депутатов, избранных в Думу первого и второго созывов. С помощью структурного метода мы можем определить уровень влияния избирательных процессов на внутреннюю структуру общества.

Типологический метод способствовал разделению хозяйственного и бытового характера казахов Степного края по административному расположению. С помощью объективного метода мы с научной точки зрения принимаем причины политико-социальных предпосылок, повлиявших на созыв Государственной Думы.

3. Обсуждение

Эту тему в контексте историографического подхода можно разделить на 3 этапа: 1) дореволюционный; 2) советский; 3) постсоветский. Среди вышперечисленных периодов особую роль играет постсоветская историография, потому что именно в этот период были осуществлены публикации, раскрывающие историческое научное значение темы. А в советский период Государственная Дума относилась к числу исторических вопросов, которые среди дореволюционных тем имели меньшее значение. Дореволюционная историография не имеет большого объема из-за короткого периода. Но в дореволюционных исследованиях отражены предпосылки, способствовавшие созыву Государственной Думы, и исходные данные относительно хода ее избирательного процесса.

Концепции процесса развития права в государственном устройстве России впервые систематически рассматриваются в исследованиях Б.Н. Чичерина ([Чичерин, 1896](#); [Чичерин, 1898](#)). Автор стремился дать последовательную оценку роли права в укреплении механизмов российской государственности. Условия становления и развития парламентаризма в Российской империи подробно обсуждались в труде А.Д. Градовского ([Градовский, 1907](#)). Данный автор как правовед стремился дать оценку изменениям новых политико-правовых формаций в империи, которые могли бы способствовать положительному развитию государства. Г.Г. Савич ([Савич, 1907](#)) связывает формирование государственной думы с формированием нового государственного устройства.

В научном труде Н.М. Коркунова ([Коркунов, 1909](#)) осуществлена общая характеристика истории права российской государственности. Он дал обширный обзор процессов становления и развития системы российского права XVI–XVIII вв. Кроме того, он придавал значение условиям вызревания правовой реформы в государственной системе начала XX века. Н.И. Палиенко ([Палиенко, 1903](#); [Палиенко, 1910](#)) в своих публикациях обращал внимание на результаты функционирования форм правления и основных законов в России. Автор дал научную оценку конституционным особенностям первого и второго созывов Государственной Думы.

В научной работе В.М. Гессена ([Гессен, 1911](#)) дается объяснение роли сессии в России. Ученый сделал правовой анализ недостатков, совершенных в Госдуме первого созыва, и конкретизировал их весомыми аргументами.

А.С. Алексеев ([Алексеев, 1912](#)) провел сравнительный анализ развития сферы права в Российской империи и в других европейских странах. С.А. Котляревский ([Котляревский, 1912](#)) акцентировал внимание на юридических предпосылках основных законов империи. С.А. Корф ([Корф, 1915](#)) придавал значение влиянию законов, принятых во второй Государственной Думе, на социально-экономические процессы.

В целом исследования по дореволюционной тематике отличаются анализом истории Российского государственного права, а также изучением проблем текущей правовой системы. Есть

основания полагать, что историография этого периода мало интересовалась объективной оценкой деятельности Государственной Думы. Это связано с тем, что авторы хорошо понимали невидимую пропасть между Государственной Думой и основной политической властью.

Понятно, что в историографии советских времен был сделан односторонний научный подход к деятельности Государственной Думы. Хотя в основном политико-идеологическая направленность Государственной Думы была близка к целям и интересам большевиков, советские историки расценивали решения депутатов Думы как молчаливый компромисс с империей. Их обвиняли в низкой активности в политической борьбе.

В исследовании В.П. Семенникова (Семенников, 1927) отражены переписки депутатов Государственной Думы. Автор также стремился проанализировать переписку императора Николая II с министрами. В.П. Семенников стремился определить некоторую слабость российской правовой системы на основе писем политических деятелей.

Н.А. Лапин (Лапин, 1932) дал оценку ситуации развития правовой сферы в России в 1915–1917 годах, отмечая в ней прогрессивные изменения. В 1960–1970-е годы в концепции советской историографии произошел ряд позитивных изменений. Появились исследования первой русской революции 1905 года и ее влияния на формирование первой Государственной Думы. Советские историки сосредоточились на том, чтобы охарактеризовать созыв Государственной Думы как самое позитивное изменение времен имперской России. Значительную роль в этом направлении играют исследования В.С. Дякина (Дякин, 1967; Дякин, 1976). Данный автор пытается обосновать вынужденное согласие властей империи на создание Государственной Думы. Тем временем советский историк не скрывает, что в России совершению радикальных юридических изменений препятствовали трусливые депутаты Государственной Думы из разряда буржуазии.

А.Я. Аврех (Аврех, 1985) проанализировал политико-идеологические условия, повлиявшие на роспуск второй Государственной Думы. Н.Г. Думова (Думова, 1988) дала оценку созданию кадетской партии и ее вкладу в развитие правовой системы. Также автор акцентировал внимание на определении целей и интересов представителей других народов в составе Российской империи, которые были членами партии кадетов.

Советская историография приложила усилия к обсуждению политико-правовой роли Государственной Думы с точки зрения социалистического научного принципа в целом. В то время как одна группа советских историков оценивала создание Государственной Думы как политико-правовой прогресс, другая группа пыталась осудить ее компромиссность и несмелость.

Уничтожение научных шаблонов политико-идеологического характера и широкое использование архивных данных, несомненно, повысит ценность постсоветской историографии. Формирование Государственной Думы и исторические аспекты ее политико-правовой и социальной роли широко обсуждались российскими и казахстанскими авторами.

С.С. Ольденбург (Ольденбург, 1991) приводил аргументы в пользу влияния Государственной Думы на ослабление политико-идеологической системы Российской империи. Эта исследовательская работа оказалась одной из первых, в которой объективно оценивались отношения между Государственной Думой и политической властью. Ф.А. Головин (Головин, 1994) проанализировал взгляды и политические действия императора Николая II при Государственной Думе. В публикации С.Е. Крыжановского (Крыжановский, 1997) описывается научное определение политических позиций консерваторов, избранных в Государственную Думу.

Исследования С.В. Куликова (Куликов, 1998; Куликов, 2004; Куликов, 2006) направлены на всестороннее научное определение истории деятельности Государственной Думы России, существовавшей в 1906–1917 годах. Данный ученый внес большой вклад в науку, введя в научный оборот новые сведения, касающиеся истории IV Государственной Думы, работавшей в 1914–1917 годах.

В историографии Казахстана вопрос Государственной Думы Российской империи после 2000-х годов получил большее рассмотрение. Авторы проявили интерес к изучению исторической деятельности казахских депутатов, избранных от Степного края и Оренбургского генерал-губернаторства. Они ввели в оборот новые документы в архивах Казахстана и России. В этих документах определены факты, касающиеся процесса участия казахов в выборах и роли депутатов в решении общественных вопросов в Степном крае и Оренбургском генерал-губернаторстве.

Ю.П. Родионов (Родионов, 2000) дал научную оценку процессу участия казахов Акмолинской области в Государственной Думе I и II. В исследовательской работе А.П. Толочко, Р.С. Буктугутова (Толочко, Буктугутова, 2004) были опубликованы материалы, определяющие развитие и направление общественных движений в Степном крае в 1895–1917 годах. Р.С. Буктугутова (Буктугутова, 2010) обратила внимание на краткую биографию и историческую роль казахских депутатов, избранных из Степного края.

В публикации З.Г. Сактагановой, Ю.Г. Попова (Сактаганова, Попов, 2009) исторически обсуждалась жизнь и деятельность одного из избранных в Государственную Думу казахских депутатов Жакыпа Акбаева в Санкт-Петербурге. В статье Султана Хана Аккулы (Аккулы, 2019) дана всесторонняя оценка исторической деятельности казахских депутатов, избранных в I и

II Государственные Думы. Автор стремился к объективному мнению о роли депутатов в продвижении общественных вопросов в системе власти.

В целом постсоветская историография отличается широтой своей фактической базы и разнообразием теоретико-методологических принципов.

4. Результаты

Степной край включал Семипалатинскую и Акмолинскую области. Выборы в I Государственную Думу начались в Степном крае в конце апреля 1906 года (Буктугутова, 2010: 57). В этот период был определен список кандидатов и избирателей. Но тем временем I Государственная Дума уже начала свою работу. Основная предвыборная борьба развернулась в городах Степного края – Омске, Акмолинске, Семипалатинске, Петропавловске, Усть-Каменогорске. В ходе предвыборной кампании первого созыва Государственной Думы в Семипалатинской области победу одержал журналист, публицист А. Н. Букейханов (Буктургутова, 2007: 15). Для участия в работе Думы он прибыл в Санкт-Петербург 3 июля 1906 года (Государственная Дума в России, 1995: 62).

А.Н. Букейханов в своей предвыборной кампании пообещал обществу активное участие в решении вопросов справедливого распределения земли, совершенствования образовательного дела, регулирования здравоохранения и др. По мнению А.Н. Букейханова, регулирование аграрного вопроса в Семипалатинской области приобрело первое значение среди намеченных плановых работ (Буктугутова, 2010: 57). На последующих местах были предусмотрены задачи по обеспечению начального образования детей кочевых казахов и совершенствованию сферы здравоохранения (Буктугутова, 2010: 57).

Большую роль в организации избирательных кампаний в Семипалатинской области и выполнении установленных порядков сыграла местная царская администрация. Соответствующие поручения были даны уездным и волостным управлениям со стороны генерал-губернатора края и губернатора области для проведения выборов в рамках определенной системы.

Избирательная кампания среди казахов Акмолинской области Степного края прошла в непростом состоянии. В Акмолинской области на выборах в Государственную Думу изъявили желание баллотироваться 6 казахов, и у всех были свои достоинства в обществе. Основной день выборов прошел в Кокшетау 15 июня 1906 года (Султан Хан, 2019). Из кандидатов на выборах победил 36-летний мулла Шаймерден Косшыгулов (1874–1936). Ш. Косшыгулов был известным религиозным деятелем казахов Акмолинской области. 15 августа 1906 года принял участие в Третьем Всероссийском мусульманском съезде в Нижнем Новгороде в качестве делегата (Султан Хан, 2019).

Он активно принял участие в разработке проектов постановлений по делам религий в ходе съезда. В результате съезда был создан «Союз мусульман России», и Ш. Косшыгулов был избран членом Центрального комитета этой организации. Вернувшись со съезда, он превратил свой дом в школу и занялся религиозным просвещением (Мусульманские депутаты..., 1998: 70). Просветительскую деятельность вел в соответствии с правилами союза мусульман России. В осуществлении своих идей он стремился наладить конструктивные отношения с местной царской администрацией. Таким образом он хотел принести пользу обществу.

В предвыборную программу Шаймердена Косшыгулова вошли вопросы урегулирования переселенческих вопросов, увеличения государственной помощи крестьянам области и организации мусульманских образовательных учреждений. Но Ш. Косшыгулов не успел приступить к работе Думы. В связи с досрочным роспуском I Государственной Думы результаты выборов в Акмолинской области остались неутвержденными (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 126. Л. 23).

В целом депутаты, избранные в I Государственную думу от имени казахов Степного края, не успели приступить к своим мандатам. Это было вызвано деятельностью Думы, которая просуществовала недолго под влиянием различных политических давлений.

Но есть основания полагать, что предвыборная работа I Государственной Думы сблизила диалог между простым народом и властью. С помощью депутатов царская администрация смогла услышать ряд важных вопросов населения в социально-хозяйственной и образовательной сферах. Очевидно, что это возложило на органы власти дополнительную ответственность.

Вскоре начались выборы во II Госдуму. В январе-феврале 1907 года началась избирательная кампания во внутренних губерниях России. Именно в этот период избирательные работы шли параллельно в областях Степного края. Отличительной особенностью по организации I Государственной Думы от II Государственной Думы было то, что избирательные кампании осуществлялись разрозненно в разных регионах империи, а избирательные мероприятия II Государственной Думы осуществлялись одновременно (Мусульманские депутаты..., 1998: 71).

В ноябре 1906 года были утверждены избирательные комиссии в городах и уездах Степного генерал-губернаторства. В декабре началась работа по регистрации кандидатов на выборы (Буктугутова, 2010: 58). Таким образом, подготовительная работа к выборам во II Государственную Думу приобрела комплексный характер. По правилам выборов в зависимости от количества жителей в каждой области депутаты стали кандидатами от русской и казахской национальностей. В Акмолинской области выборы депутатов, представляющих русских жителей, прошли 16 февраля

1907 года, а выборы депутатов, представляющих казахов, прошли 20 февраля (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 125. Л. 2).

Результаты выборов в Степном крае показали следующие результаты: от имени казахского населения Акмолинской области во II Государственную Думу был избран Ш. Косшыгулов, от русского населения – социал-демократ А.К. Виноградов (Мусульманские депутаты..., 1998: 74).

От казахского населения Семипалатинска второй области Степного края были избраны управляющий Сейтеновской волостью Т. Норекенов, от русского населения – Н.Я. Коншин, от Сибирского казачьего войска – И.П. Лаптев (Толочко, Буктугутова, 2004: 9). Вышеназванные депутаты, избранные из Степного края, в свое время вступили в должность II Государственной Думы.

Среди казахских депутатов, избранных из Степного края, политической активностью отличился Ш. Косшыгулов. Он установил связи политико-идеологического назначения с представителями разных национальностей, избранными в Государственную Думу II. За счет собственных средств удалось издать газету «Серке» (Буктугутова, 2007: 11). В этой газете были опубликованы статьи, рассказывающие о литературе и культуре казахского народа. Кроме того, Ш. Косшыгулов вошел в состав редакции газеты «Ульфат», которая издавалась в Санкт-Петербурге на татарском языке (Султан Хан, 2019). В ней он опубликовал статьи, которые определяли его политические взгляды. Ш. Косшыгулов, выстраивая тесные отношения с администрацией царского правительства, рассматривал пути решения хозяйственных и социальных проблем казахов Степного края (Султан Хан, 2019).

II Государственная Дума была разделена на различные фракции и группы с точки зрения политико-идеологических взглядов. Среди них широкую популярность приобрели трудовая группа, мусульманская фракция и группа сибирских депутатов. Депутаты, избранные из Степного края, стали членами мусульманской фракции и группы депутатов Сибири (Султан Хан, 2019). Ш. Косшыгулов и Т. Норекенов, считавшиеся членами мусульманской фракции, имели общие интересы и с группой сибирских депутатов. Представители группы сибирских депутатов и мусульманской фракции проявили активность в разработке законопроектов, предусматривающих решение аграрного вопроса (Мусульманские депутаты..., 1998: 129).

В отношении юридических особенностей регулирования аграрной сферы Степного края были высказаны мнения Ш. Косшыгулова и Н.Я. Коншина (Усманова, 2005: 116). Хорошо разбираясь в образе жизни кочевого казахского общества, Ш. Косшыгулов и Т. Норекенов предложили провести аграрную реформу не только в сфере земледелия, но и в регионах кочевого хозяйства (Султан Хан, 2019). С этой целью они посетили начальника управления расселения и земледелия князя А.И. Васильчикова и высказали свои мысли. Данная встреча повлияла на руководство царского правительства, на восприятие ряда деталей из особенностей социально-хозяйственной жизни народов окраинных регионов.

В начале XX века около 80 % казахского населения Степного края жили кочевым хозяйством (Толочко, Буктугутова, 2004: 12). Разделение и регулирование их зон перекочевки постоянно вызывало дополнительные вопросы для царской администрации. В связи с этим между кочевыми народами постоянно происходили конфликты за землю. Борьба с последствиями потребовала уточнения законодательных постановлений о земле. Депутаты Степного края пообещали поднять данный вопрос в Думе (Толочко, Буктугутова, 2004: 10). Местное население выразило уверенность в том, что вопрос будет решен на высших ступенях власти (Усманова, 2005: 124).

Но, несмотря на то, что земельный вопрос по ряду политико-идеологических причин не был решен в Думе, мы не исключаем, что в последующих аграрных реформах царского правительства он немного был урегулирован.

II Дума начала свою работу 20 февраля 1907 года (Родионов, 2000: 77). Известно, что тогда было избрано 518 депутатов. Среди предложенных к принятию в Думе законов преимущественно обсуждался аграрный вопрос. Кроме того, в Думе были созданы комиссии по различным вопросам (Родионов, 2000: 78). В эти комиссии вошли депутаты Степного края. К примеру, избранный из Акмолинской области А.В. Виноградов вошел в комиссию по вопросам о неприкосновенности личности (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 126. Л. 18). Избранный из Семипалатинской области Н.Я. Коншин был принят в состав комиссии по местному суду. Необходимо отметить наличие у Н.Я. Коншина общего юридического образования. В связи с этим он стал консультантом по разработке законодательных проектов в сибирской группе депутатов (Сактаганова, Попов, 2009: 16).

Н.Я. Коншин является одним из инициаторов совершенствования правовых норм в отношении жителей Степного края. Он поддержал утверждение специальных правовых постановлений для русского и казахского населения края с учетом их образа жизни (Родионов, 2000: 79).

Депутаты, избранные в Госдуму, были одним из политических механизмов, способствовавших достижению народом и властью общего согласия. Не вызывает сомнений тот факт, что, несмотря на неполноту осуществления предложенных депутатами законов, царские власти учли пути решения насущных проблем в ходе последующих реформ.

5. Заключение

В начале XX века царская администрация открыла возможность избрания народных представительств в системе власти. Ожидалось, что народные представительства будут способствовать диалогу власти и общества. Объективное проведение выборов показало заинтересованность правящей власти в выборе настоящих народных представительств. Итоги выборов в Степном крае обосновывают нашу точку зрения. Депутаты, избранные от казахского и русского населения Степного края, приняли активное участие в разработке законопроектов, регулирующих хозяйственно-социальные вопросы края, потому что они проявляли всесторонний интерес к выполнению обещаний, данных перед народом.

Литература

- Аврех, 1985** – Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М.: Наука, 1985. 259 с.
- Алексеев, 1912** – Алексеев А.С. Министерская власть. Харьков: Тип. и литогр. М. Зильберг и Савовья, 1912.
- Буктургутова, 2007** – Буктургутова Р.С. Общественное движение в Степном крае в конце XIX–начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Спец. 07.00.02 – «Отечественная история. Омск, 2007. 51 с.
- Буктургутова, 2010** – Буктургутова Р.С. Представительство населения степного края в Государственной Думе // *Вестник КазНУ*. 2010. № 2. С. 56-63.
- Гессен, 1911** – Гессен В.М. Основы конституционного права. СПб.: Изд. юрид. кн. склада Право, 1911.
- Головин, 1994** – Головин Ф.А. Николай II / Николай II: Воспоминания. Дневники / Сост. Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин. СПб., 1994. С. 86.
- Государственная Дума в России, 1995** – Государственная Дума в России (1906–1917): Обзор. / Ред.: Твердохлеб А.А., Шевырин В.М. М.: Наука, 1995.
- Градовский, 1907** – Градовский А.Д. Начала русского государственного права / О государственном устройстве. Ч.1. СПб., 1907. С. 26.
- Думова, 1988** – Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988. 244.
- Дякин, 1976** – Дякин В.С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906-1914 гг.) / Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. С. 7.
- Дякин, 1988** – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.
- Лалин, 1932** – Лалин Н.А. Особенности истории российского права. Ленинград: Кн. мост, 1932.
- Котляревский, 1912** – Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. Москва, 1912 г.
- Корф, 1915** – Корф С.А. Русское государственное право. Ч.1. Пг., 1915.
- Крыжановский, 1997** – Крыжановский С.Е. Записки русского консерватора // *Вопросы истории*. № 37. 1997. С. 121-139.
- Куликов, 1998** – Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914-февраль 1917) / Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 258-259.
- Куликов, 2004** – Куликов С.В. Ораторы России в Государственной думе (1906–1917). Сост. совм. с М.А. Буланаковой и О.А. Патрикеевой. В 2-х тт. СПб., 2004.
- Куликов, 2006** – Куликов С.В. Кривенко В.С. в Министерстве Двора. СПб.: ИРН, 2006.
- Мусульманские депутаты..., 1998** – Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг.: сб. док. и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. Уфа: Китап, 1998. 384 с.
- Насибуллин, 2006** – Насибуллин Р.А. Изучение истории избирательного права зарубежных стран в русском дореволюционном государствоведении // *Юридические науки*. 2006. № 2. С. 48-61.
- Ольденбург, 1991** – Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Москва: Петрополь, 1991.
- Палиенко, 1903** – Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Тип. Губ. прав., 1903. 586 стр.
- Палиенко, 1903** – Палиенко Н.И. Основные законы и форма правления в России. Ярославль: Тип. Губ. прав., 1903. 586 стр.
- Сактаганова, Попов, 2009** – Сактаганова З.Г., Попов Ю.Г. Жакып Акбаев – годы в Санкт-Петербурге // *Вестник КарГУ*. 2009. №1. С. 14-19.
- Савич, 1907** – Савич Г.Г. Новый государственный строй России: справочная книга. СПб.: Тип. Акционер. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1907. 602 с.
- Семенников, 1927** – Семенников В.П. Монархия перед крушением 1914-1917: бумаги Николая II и другие документы: статьи В.П. Семенникова. Москва, 1927.
- Султан Хан, 2019** – Султан Хан Аккулы. I, II Дума және казак депутаттары. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/kz/news/show/1132>. (дата обращения: 18.10.2022).

Родионов, 2000 – Родионов Ю.П. Выборы в I и II Государственные думы от казахского населения Акмолинской области / *Валихановские чтения-5. Материалы Республиканской научно-практической конференции*. Т.2. Кокшетау, 2000. С. 77-79.

Толочко, Буктугутова, 2004 – Толочко А.П., Буктугутова Р.С. Общественное движение в Степном крае в 1895-марте 1917 гг. Хроника, материалы, документы. Омск, 2004. С. 9.

Усманова, 2005 – Усманова Д.М. Мусульманские представители в Российском Парламенте (1906–1916 гг.). Казань, 2005. 584 с.

Чичерин, 1896 – Чичерин Б.Н. Курс государственной науки / Социология. Ч. 2. Москва, 1896. С. 207.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Чичерин, 1898 – Чичерин Б.Н. Курс государственной науки / Политика. Ч.3. Москва, 1898. С. 404-405.

References

Alekseev, 1912 – Alekseev, A.S. (1912). Ministerskaya vlast' [Ministerial power]. Har'kov: Tip. i litogr. M. Zil'berg i Savov'ya. [in Russian]

Avrekh, 1985 – Avrekh, A.Ya. (1985). Raspad tret'eiyun'skoj sistemy [The collapse of the Third June system]. M.: Nauka. 259 p. [in Russian]

Buktugutova, 2010 – Buktugutova, R.S. (2010). Predstavitel'svo naseleniya stepnogo kraja v Gosudarstvennoj Dume [Representation of the population of the steppe region in the State Duma]. *Vestnik KazNU*. 2: 56-63. [in Russian]

Bukturgutova, 2007 – Bukturgutova, R.S. (2007). Obshchestvennoe dvizhenie v Stepnom krae v konce XIX–nachale XX vv.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Social movement in the Steppe region in the late XIX–early XX centuries.: abstract. dis. ... doctor of historical sciences]. Spec. 07.00.02 – «Otechestvennaya istoriya». R.S. Bukturgutova. Omsk. 51 p. [in Russian]

Chicherin, 1896 – Chicherin, B.N. (1896). Kurs gosudarstvennoj nauki [State Science Course]. Sociologiya. Vol. 2. Moskva. 207 p. [in Russian]

Chicherin, 1898 – Chicherin, B.N. (1898). Kurs gosudarstvennoj nauki [State Science Course]. Politika. Vol. 3. Moskva. Pp. 404-405. [in Russian]

Dumova, 1988 – Dumova, N.G. (1988). Kadetskaya partiya v period pervoj mirovoj vojny i Fevral'skoj revolyucii [The Cadet Party during the First World War and the February Revolution]. M.: Nauka. 244 p. [in Russian]

Dyakin, 1976 – Dyakin, V.S. (1976). Chrezvychajno-ukaznoe zakonodatel'stvo v Rossii (1906-1914 gg.) [Extremely-decree legislation in Russia (1906-1914)]. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Leningrad. P. 7. [in Russian]

Dyakin, 1988 – Dyakin, V.S. (1988). Burzhuaziya, dvoryanstvo i carizm v 1911-1914 gg. Razlozhenie tret'eiyun'skoj sistemy [Bourgeoisie, nobility and Tsarism in 1911-1914. Decomposition of the Third June system]. Leningrad. [in Russian]

Gessen, 1911 – Gessen, V.M. (1911). Osnovy konstitucionnogo prava [Fundamentals of constitutional law]. SPb.: Izd. yurid. kn. sklada Pravo. [in Russian]

Golovin, 1994 – Golovin, F.A. (1994). Nikolai II. Nikolai II: Vospominaniya. Dnevnik [Nicholai II. Nicholai II: Memoirs. Diaries]. Sost. B.V. Ananich i R.Sh. Ganelin. SPb. P. 86. [in Russian]

Gosudarstvennaya Duma v Rossii, 1995 – Gosudarstvennaya Duma v Rossii (1906–1917): Obzor [The State Duma in Russia (1906-1917): An Overview]. (1995). Red.: Tverdohleb A.A., Shevyrin V.M. M.: Nauka. [in Russian]

Gradovskij, 1907 – Gradovskij, A.D. (1907). Nachala russkogo gosudarstvennogo prava [The beginnings of Russian State Law]. O gosudarstvennom ustrojstve. Vol. 1. SPb. P. 26. [in Russian]

Korf, 1915 – Korf, S.A. (1915). Russkoe gosudarstvennoe pravo [Russian State Law]. Vol.1. Petrograd.

Kotlyarevskij, 1912 – Kotlyarevskij, S.A. (1912). Yuridicheskie predposylki russkih osnovnyh zakonov [Legal prerequisites of the Russian basic laws]. Moskva. [in Russian]

Kryzhanovskij, 1997 – Kryzhanovskij, S.E. (1997). Zapiski russkogo konservatora [Notes of a Russian conservative]. *Voprosy istorii*. 37: 121-139. [in Russian]

Kulikov, 1998 – Kulikov, S.V. (1998). IV Gosudarstvennaya дума i formirovanie vysshej ispolnitel'noj vlasti v gody Pervoj mirovoj vojny (iyul' 1914-fevral' 1917). Rossiya v XIX–XX vv [IV State Duma and the formation of the Supreme Executive power during the First World War (July 1914-February 1917). Russia in the XIX–XX centuries.]. SPb. Pp. 258-259. [in Russian]

Kulikov, 2004 – Kulikov, S.V. (2004). Oratory Rossii v Gosudarstvennoj dume (1906–1917) [Speakers of Russia in the State Duma (1906-1917)]. Sost. sovm. s M.A. Bulanakovej i O.A. Patrikeevoj. V 2-h tt. SPb. [in Russian]

Kulikov, 2006 – Kulikov, S.V. (2006). Krivenko V.S. v Ministerstve Dvora [Krivenko V.S. in the Ministry of the Yard]. SPb.: IRN. [in Russian]

Lapin, 1932 – Lapin, N.A. (1932). Osobennosti istorii rossijskogo prava [Features of the history of Russian law]. Leningrad: Kn. most. [in Russian]

Musul'manskie deputaty..., 1998 – Musul'manskie deputaty Gosudarstvennoj dumy Rossii. 1906–9017 gg.: sb. dok. i materialov [Muslim deputies of the State Duma of Russia. 1906–9017: sat. doc. and materials]. (1998). Sost. L.A. Yamaeva. Ufa: Kitap. 384 p. [in Russian]

Nasibullin, 2006 – *Nasibullin, R.A.* (2006). Izuchenie istorii izbiratel'nogo prava zarubezhnyh stran v russkom dorevolucionnom gosudarstvovedenii [Study of the history of the electoral law of foreign countries in Russian pre-revolutionary state studies]. *Yuridicheskie nauki.* 2: 48–61. [in Russian]

Ol'denburg, 1991 – *Ol'denburg, S.S.* (1991). Carstvovanie imperatora Nikolaya II [The reign of Emperor Nicholas II]. Moskva: Petropol'. [in Russian]

Palienko, 1903 – *Palienko, N.I.* (1903). Osnovnye zakony i forma pravleniya v Rossii [Basic laws and form of government in Russia]. Yaroslavl': Tip. Gub. prav. 586 p. [in Russian]

Palienko, 1903 – *Palienko, N.I.* (1903). Suverenitet. Istoricheskoe razvitie idei suvereniteta i ee pravovoe znachenie [Sovereignty. Historical development of the idea of sovereignty and its legal significance]. Yaroslavl': Tip. Gub. prav. 586 p. [in Russian]

Rodionov, 2000 – *Rodionov, Yu.P.* (2000). Vybory v I i II Gosudarstvennye dumy ot kazahskogo naseleniya Akmolinskoj oblasti [Elections to the I and II State Duma from the Kazakh population of Akmola region]. *Valihanovskie chteniya-5. Materialy Respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii.* T. 2. Kokshetau. Pp. 77–79. [in Russian]

Saktaganova, Popov, 2009 – *Saktaganova, Z.G., Popov, Yu.G.* (2009). Zhakyp Akbaev – gody v Sankt-Peterburge [Zhakyp Akbayev – years in St. Petersburg]. *Vestnik KarGU.* 1: 14–19. [in Russian]

Savich, 1907 – *Savich, G.G.* (1907). Novyj gosudarstvennyj stroj Rossii: spravochnaya kniga [The new state system of Russia: reference book]. SPb.: Tip. Akcioner. o-va Brokgauz-Efron. 602 p. [in Russian]

Semennikov, 1927 – *Semennikov, V.P.* (1927). Monarhiya pered krusheniem 1914–1917: bumagi Nikolaya II i drugie dokumenty: stat'i V.P. Semennikova [The monarchy before the collapse of 1914–1917: papers of Nicholas II and other documents: articles by V.P. Semennikov]. Moskva. [in Russian]

Sultan Han, 2019 – *Sultan Han Akkuly* (2019). I, II Duma zhane kazak deputattary [I, II Duma and Kazakh deputies]. (2019). [Electronic resource]. URL: <https://e-history.kz/kz/news/show/1132> (date of access: 18.10.2022).

Tolochko, Buktugutova, 2004 – *Tolochko, A.P., Buktugutova, R.S.* (2004). Obshchestvennoe dvizhenie v Stepnom krae v 1895–marte 1917 gg. Hronika, materialy, dokumenty [Social movement in the Steppe region in 1895–March 1917. Chronicle, materials, documents]. Omsk. P. 9. [in Russian]

TsGA RK – Tsentralny gosudarstvennyy arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Usmanova, 2005 – *Usmanova, D.M.* (2005). Musul'manskie predstaviteli v Rossijskom Parlamente (1906–1916 gg.) [Muslim representatives in the Russian Parliament (1906–1916)]. Kazan, 584 p. [in Russian]

Общественная роль депутатов, избранных в Государственную Думу от Степного края: эффективный диалог власти и общества

Тимур Акимханович Апендиев ^a, Гаухар Батырбековна Батырбеккызы ^{b, *},
Динашиева Ляззат Сарсембеккызы ^c, Токишкадилов Ботабек Бейбитбекович ^d

^a Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Республика Казахстан

^b Южно-Казахстанский государственный университет имени М. О. Ауэзова, Шымкент, Республика Казахстан

^c Международный университет туризма и гостеприимства, Туркестан, Республика Казахстан

^d Семипалатинский государственный университет имени Шакарима, Семей, Республика Казахстан

Аннотация. В начале XX века местная элита Степного генерал-губернаторства, основное население которого состояло из казахов, стала активно участвовать в политической системе империи. Большую заинтересованность в осуществлении данного процесса проявила царская администрация.

Царское правительство решило создать политические механизмы, связывающие общество и власть. В результате была созвана Государственная Дума, которая проложила путь к установлению эффективного диалога между властью и населением. Свою роль в функционировании новой политической системы сыграли депутаты, избранные от Степного генерал-губернаторства. Они внесли свой вклад в решение социально-бытовых вопросов местных казахов в высших органах власти. Депутаты считались яркими представителями общества во властной структуре.

Национальный состав депутатов, избранных от Степного генерал-губернаторства, был разным. Среди них были русские, казахи и казаки. Это изменение позволило последовательно решать отдельные вопросы различных этносов, населявших административный регион.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: goha_batyr@mail.ru (Г.Б. Батырбеккызы)

Основной состав депутатов состоял из элиты казахов. Местная элита была должным образом осведомлена о главных проблемах общества. Подавляющим большинством депутатов Государственной Думы являлись лица, ранее занимавшие различные должности в царской администрации. По этой причине им удалось найти оптимальные решения государственных вопросов.

В этой статье сделан исторический анализ деятельности депутатов Государственной Думы, избранных от казахов Степного генерал-губернаторства. Кроме того, дана научная оценка политической роли депутатов в налаживании эффективного диалога между обществом и властью. Депутатские выборы вызвали появление на исторической сцене новых исторических личностей.

Ключевые слова: Акмолинская область, Семипалатинская область, Степное генерал-губернаторство, Государственная Дума, депутаты, местная элита.

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 416-427
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.416

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Journal “Dlya Narodnogo Uchitelya” (1907) as a Source on the Education History in the Russian Empire at the beginning of the XX century

Julia S. Zamaraeva ^{a, b, *}, Natalya N. Sereckina ^a, Natalya P. Koptseva ^a, Natalya N. Pimenova ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Dmitry Khvorostovsky Siberian State Academy of Arts, Russian Federation

Abstract

This study is devoted to the study of issues of the journal “Dlya narodnogo uchitelya” for 1907, the first year of publication of the publication; the authors analyzed 20 of its issues. The materials are publications in three thematic areas – dedicated to preschool education, public school and public university. The study shows that at the beginning of the 20th century, important issues of supplementing and strengthening the education system, as well as overcoming crisis phenomena in education, were being resolved in Russian education. The journal “Dlya narodnogo uchitelya” is an important and informative source about the history of the development of the education system at the beginning of the twentieth century in the Russian Empire; the study of its contents made it possible to see the overall picture of sustainable phenomena and innovations in this area of the country’s culture. In particular, the publications demonstrate that in order to develop universal public education in Russia at the beginning of the twentieth century, the creation of public kindergartens as educational institutions is proposed. It also demonstrates the special role of public universities as one of the engines for the development of the level of education and culture of Russian society.

Keywords: journal “Dlya narodnogo uchitelya”, Russian Empire, preschool education, public school, people's university, 1907.

1. Введение

Педагогический журнал «Для народного учителя» издавался в Москве под редакцией Н.В. Тулупова и П.М. Шестакова и при активном участии книгоиздателя и просветителя И.Д. Сытина в 1907–1917 годах. Издание печаталось два раза в месяц, в целом в год выходило 20 его выпусков (печать журнала прерывалась на июль и август). Журнал способствовал формированию сообщества работников народного образования, просвещал их в области актуального законодательства о народном образовании, передовой педагогической мысли и практических рекомендаций. Основными разделами журнала были «Хроника учительской жизни», «Хроника народных университетов», «Законы, относящиеся к народному образованию», «Библиография».

В журнальных выпусках 1907 года авторами статей обсуждаются вопросы создания детских садов как новой формы дошкольных образовательно-воспитательных учреждений в России с целью формирования базовых знаний у детей младшего возраста. В ряде других статей рассматривается процесс активной стадии сотрудничества деятелей земства и учителей городских, сельских, светских и церковно-приходских школ для всеобщего просвещения и народного образования посредством создания различных форм Советов (родительских, учительских и пр.). Одна из широко представленных в журнале тем – тема народного университета, его роли в развитии культуры российского общества.

* Corresponding author

E-mail addresses: rybka08@bk.ru (Ju.S. Zamaraeva), nnevolko@sfu-kras.ru (N.N. Sereckina), decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), pimenovapluzhnik@mail.ru (N.N. Pimenova)

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для данного исследования выступают выпуски журнала «Для народного учителя» за первый год выпуска журнала – 1907-й. Тематически исследование сфокусировано на трех направлениях: для детального рассмотрения выбраны статьи, посвященные дошкольному образованию, народной школе и народному университету.

2.2. Ключевой метод исследования

Методом исследования выступает источниковедческий анализ. На начальном этапе номера журнала «Для народного учителя» за 1907 год были изучены на предмет тематических направлений публикаций. Авторами выделены наиболее интересные с точки зрения освещения в публикациях темы: дошкольное образование, народная школа, народный университет. В дальнейшем публикации, раскрывающие данные темы, проанализированы детально, в результате составлено представление об истории развития дошкольного образования, народной школы и народного университета в начале XX века в Российской империи.

Методологически исследование опирается на исследовательский подход к периодическим изданиям (Носова, 2023; Семенчук, 2023; Гермизеева, Глазунова, 2023; Koptseva et al., 2022; Koptseva, Reznikova, 2015) и другим документам времени (Sertakova, 2023; Sertakova et al., 2023; Koptseva et al., 2023; Сертакова, Ситникова, 2022; Ситникова и др., 2022; Лещинская, 2021; Koptseva, Reznikova, 2015), который рассматривает их как значимые исторические источники.

3. Обсуждение

История издания журнала «Для народного учителя» составила 10 лет. Это очень значимое десятилетие для Российской империи – предреволюционное. Новостная повестка и тематика политических изменений также затрагивалась публикациями журнала: исследователи отмечают, что в одной из своих редакционных статей журнал «подчеркивал факт активного участия российского учительства в подготовке и осуществлении революции» (Смирнов, 1994: 140). Также на страницах журнала выказывается активная поддержка февральской революции, а содействие укреплению нового свободного строя государства названо «долгом и гражданской обязанностью всех и каждого» (Карпова, 2017). Стоит отметить, что этот журнал был одним из наиболее массовых педагогических изданий своего времени, и, несмотря на внимание к актуальным событиям, основное его содержание фокусировалось на вопросах педагогики. Исследователи также отмечают, что журнал «Для народного учителя» пользовался особой популярностью, и связано это было с его передовыми взглядами на педагогику (Королихина, 2009). В частности, в программной статье редакторы издания Н.В. Тулупов и Н.М. Шестаков утверждали, что идеалом для них является «свободная школа со свободным учителем во главе» (Обрезкова, 2000: 296). Одной из причин популярности журнала можно назвать также ориентированность на педагогическую реальность: издание освещало не только подходы и теории, но и активно обращалось к тому, что происходит в конкретных российских школах. Один из разделов журнала был отведен под публикацию отчетов о разного рода педагогических мероприятиях, освещалась хроника событий в российских школах, публиковались письма учителей. В то же время одной из задач журнала была как раз задача вооружения отечественных педагогов стройными и передовыми теориями и методиками. По словам исследователей, издание было нацелено на содействие обновлению российской школы в соответствии с научными данными и актуальными задачами времени. Редакция работала над анализом и систематизацией самых свежих педагогических идей, мировых и отечественных тенденций, результатом чего стали публикации аналитических записок и практических руководств по вопросам школьного и внешкольного образования (Милованов, 2019). Издание регулярно публикует в помощь учителям рецензии на новые научные и методические книги как отечественных, так и зарубежных авторов, обзоры педагогической литературы и рефераты научных работ (Боцманова, Гусева, 1997).

Современными исследователями данное периодическое издание рассматривается как исторический источник, однако отдельных статей, посвященных именно журналу «Для народного учителя», обнаружить не удается. Исследования в основном посвящены общим темам, которые освещаются в педагогической периодике дореволюционного периода. Публикации касаются новаторской в области педагогики стороны содержания журнала. Так, в статье О.Б. Лобановой замечено, что именно в журнале «Для народного учителя» была впервые озвучена и утверждена идея свободной школы (Лобанова, 2007). Одной из таких передовых для начала XX века идей, обсуждаемых на страницах журнала, была и идея юношеского самоуправления в школах. В журнале на эту тему была развернута целая дискуссия, в ходе которой обстановка в российских школах сопоставлялась с опытом европейских школ и обозначались острые проблемы подобной методики в империи (Беленцов, 2013). Журнал поднимал и изучал вопросы профессионального самоопределения учащихся (Шерайзина и др., 2017), кризиса современной ему отечественной школы (Соломатина, 2018: 95). На его страницах публиковались результаты авторских исследований таких, как, например, статья Н.А. Рыбникова «Идеалы деревенских школьников», в которой анализируются результаты опроса деревенских школьников на предмет того, кого из известных им людей выбирают школьники как образец для подражания (Боцманова, 1997).

4. Результаты

4.1. История развития дошкольного образования и народной школы в системе образования Российской империи начала XX века

В журнале «Для народного учителя» 1907 года в выпусках №7, 14 и 17 опубликованы статьи, посвященные обсуждению необходимости создания дошкольного образования. С вопросом «Нужны ли нам образовательные учреждения для детей дошкольного возраста?» обращается автор статьи В.Е. Игнатъев к читателям и последовательно приводит рациональные доводы для скорейшего начала дела в подготовке детей младшего возраста к более прочному усвоению знаний в начальной школе и приучению к духовной деятельности. Автор отмечает, что чем раньше начнется изучение духовных сторон детской души, чем внимательнее и детальнее будет изучен духовный мир ребенка, его круг понятий и интересов, тем эффективнее станет обучение ребенка учителем-воспитателем на первом этапе, «когда ребенок создает ту сумму представлений и понятий, на которых в дальнейшем он будет строить свои умозаключения, свою умственную работу» (Игнатъев, 1907: 1). В отличие от материнских школ во Франции и детских садов для подготовительного обучения в Германии, в Российской Империи должны появиться образовательно-воспитательные учреждения как источник первого знания ребенка, его морали и первого гражданского воспитания. Дошкольная подготовка как пропедевтика закрепляет те пути, которые должна развить начальная школа, поэтому затраты на народное образование становятся живым духовным капиталом, передаваемым из поколения в поколение: «все затраты на этому пути полезны и одним из средств для осуществления этого является правильно организованное дошкольное образование» (Игнатъев, 1907: 4). В статье «Народные детские сады» П.М. Шестаков освещает историю детских садов для создания в России этих новых учреждений. Автор считает, что создание народного детского сада повлечет правильное и разумное воспитание, прежде всего среди бедного населения. Дошкольное и школьное воспитание так тесно связаны между собой, что отделять их друг от друга губительно: «поступление в школу детей, не получивших никакой подготовки, вызывает такую резкую перемену в психологии детей, что на большинство из них оно действует ошеломляющим образом: в начале школьных занятий замечается какая-то растерянность, граничащая с абсолютным непониманием, необыкновенной тупостью, что, конечно, препятствует нормальному ходу занятий» (Шестаков, 1907: 29-30). Автор резюмирует, что только открытие детских садов может служить гарантией полного преобразования школы, только открытие народных детских садов станет залогом предупреждения многочисленных пороков.

Народному образованию в журнальных выпусках 1970 года уделено большое внимание со стороны редакции, поскольку именно в это время происходит поиск активного взаимодействия между деятелями земства и руководителями образовательных учреждений в развитии всеобщего народного образования.

И.П. Белокожский в статье «Земство, школа и учитель» описывает неприемлемую ситуацию о разрушении основ народного образования со стороны представителей крепостничества, завоевавших бюрократией московское губернское земство с целью повсеместного закрытия школ, библиотек, книжных складов, прекращения народных чтений, торговли с книгами, сокращения расходов на народные библиотеки. Еще в более худшем состоянии народное образование состоит в Курском, Ярославском, Саратовском и других губернских земствах, где за последние десять лет вся культурная работа разлагается крепостниками. Автор пишет: «Нужно ли говорить, что это нашествие на земство вандалов более всего отразилось на так называемом «третьем элементе» в земстве, на главных проводниках земских начинаний: на инженерах, докторах, агрономах и более всего на народных учителях. ... В самом бедственном положении оказались учителя и учительницы начальных земских школ» (Белокожский, 1907: 12). Автор твердо убежден, что журнал «Для народного учителя» призван соединить разьединенных деятелей народного образования и тогда на развалинах старого сословного земства возникнет новая жизнь, которая восстановит новое, молодое, всесословное земство – представителя нужд всего населения: «И это земство призовет все лучшие силы страны, чтобы скорее удовлетворить запросы жизни настрадавшегося народа и вывести измученную страну на путь, ведущий к свету, свободе и счастью».

И.П. Белокожский в статье «Учитель в деревне» продолжает описывать ситуацию о сельском учительстве и непозволительном отношении к учителю как учителю-чиновнику. Автор отмечает, что в настоящее время лучшие учителя, искренне служащие на благо народного образования и преданные делу просвещения деревенского населения, подвержены увольнению, преследованию и гонению вплоть до тюремного заключения. Крестьянские восстания поднимаются по причине несправедливого отношения к учителям, аресты которых проходят во всех сельских губерниях. Прекратить процесс искоренения деревенской интеллигенции поможет «натиск народной воли, этой силы, которую не может подавить никакая власть», где народная воля во многом является результатом учения о единстве народа и стремления единения со своим народом (Белокожский, 1907: 5).

В журнальных выпусках освещена тема церковно-приходских школ и их деятельности в период после 17 октября 1905 года. И.В. Сахаров в статье «О союзном движении учащихся ц.-приходских школ» пишет, что волна освободительного движения захватила учащихся: «Они не остались глухи к пробудившемуся самосознанию русского общества» (Сахаров, 1907: 12). Общие собрания

обучающихся городских и церковно-народных московских школ способствовали их объединению и корпоративному действию против следующей идеи: «Учащийся народной школы должен быть светочем в беспроглядной русской тьме. С факелом свободы, во всеоружии знания, он должен шествовать впереди – бодро, самоуверенно, отринув всякие страхи. Долой рабство! Раб не должен воспитывать будущих свободных граждан! Так действуйте же дружно, сплоченно, авторитетом корпорации» (Сахаров, 1907: 13). Революционный настрой учащихся способствовал написанию Устава корпоративной церковно-учительской организации, и уже в начале ноября 1905 года на общем собрании был прочитан первый реферат под названием «Запросы учащихся церковно-приходских школ» о тяжелом материальном и правовом положении, улучшение которого становилось основной компетенцией корпорации. Целью организации стало объединение светской и церковной школ и включение церковной школы в программу развития народного просвещения. В программные задачи входили защита своих прав при современном течении жизни; выяснение недостатков церковной школы и положения учащихся; разработка типового (вневедомственного) проекта начальной народной школы. Основными положениями стали заведывание учебной частью учащимися под своей личной ответственностью; свобода выбора учебников, методов обучения и распределения урочных часов для преподавания; создание школьного совета с равными правами голоса; прием и завершение обучения зависят от учащегося; контроль за обучающимися осуществляет только епархиальный наблюдатель (ка светское лицо, педагог, избранный самими учащимися и утвержденный епархиальным начальством); личное время обучающегося никем не контролируется; общество (приход), которое обслуживается школой, может представлять в корпорацию кандидатов на должность учащегося; корректные межличностные отношения; свободное право вступать в союзы, собрания, иметь политические убеждения среди обучающихся. Однако намеченным планам не суждено было реализоваться: 10 декабря 1907 года Указом Св. Синода создание Московской корпорации церковных школ было признано безосновательным. Идею объединения в дальнейшем подхватили церковные кружки в губерниях.

В 1907 году в образовательной среде активно обсуждался вопрос о создании родительской организации при каждой школе как новой формы участия родителей в ее управлении. В четвертом выпуске журнала опубликовано Положение об участии родителей, степени их включенности в школьную жизнь, состав Совета родителей, права и обязанности (Никольский, 1907: 33-34). Необходимая потребность повышения уровня народного образования привела к еще одному нововведению – созданию советов учителей как регуляторного и функционирующего органа школьного управления. Передовые земства осознавали необходимость участия учителей в управлении школьного дела при продуктивном взаимодействии в формате совещательных школьных советов. Основные вопросы для обсуждения сводились к следующему: заботы о материальной поддержке учителей и учащихся, выбор учебников и учебных пособий, составление каталогов школьных и народных библиотек, выработка программ народных чтений, организация библиотек, рекомендация кандидатов на учительские должности, разбор конфликтов в среде учащихся (Никольский, 1907а: 10-14).

Важную задачу для развития школьного образования в Российской Империи ставит Н.В. Чехов в статье «О выработке программы народной школы». Речь идет о создании новых программ с подробными планами занятий для развития начального обучения и народной школы в земских школах: «такая программа должна дать не только указания на материал, пригодный для прохождения в школе, но прежде всего дать руководящую идею нового направления в школе» (Чехов, 1907: 2). Расширение курса начальной школы планировалось с публикации в журнале «Для народного учителя» уже разработанных учебных материалов, что способствовало ускорению общей работы и ее плодотворному развитию. Автором предложено учитывать при разработке программы особенности школы (с четырех- или трехгодичными курсами) количество учителей в школе (два или один), план распределения числа часов занятий учителя по каждому предмету с учениками каждого отделения и число самостоятельных уроков (для определения числа предметов), включение в план часов для самостоятельной работы. В качестве примера приведен учебный план, разработанный комиссией при Петербургской земской учительской школе. Содержание учебного плана определяют следующие предметы: Закон Божий, родной язык, арифметика, мироведение, черчение и рисование, пение. К занятиям должна быть рекомендована литература, программа должна быть снабжена методическими рекомендациями по освоению учебного материала.

Таким образом, в начале XX века процессу дошкольного, начального и школьного образования как единой образовательной системе уделяется повышенное внимание со стороны ученых, учителей и родителей, земств и Министерства Российского образования. В решение создать детские народные сады заложена задача по воспитанию и подготовке младшего поколения для усвоения базовых знаний, духовного и нравственного развития. Социализация младшего поколения должна была осуществляться посредством создания и введения новых образовательных школьных программ, разработанных с учетом типа учреждения. Важным является то, что народное образование имело широкое значение: оно предназначалось для всех слоев населения без исключения. Требовалась слаженная, обоснованная и планомерная работа по укреплению основ традиционных ценностей Российской культуры в программе развития всех образовательных уровней. Для полноценного

развития школьной деятельности планировалось введение различных совещательных органов, в управление которых включены представители земства, учителя школы и родители.

4.2. История развития народного университета в Российской империи

Одной из широко обсуждаемых тем на страницах журнала «Для народного учителя» за 1907 год является тема народного университета, его роли в развитии культуры российского общества. Данной теме посвящены статьи «Идея народного университета в современном русском обществе» (Сыромятников, 1907: 3-5), «Московское общество народных университетов» (Московское общество..., 1907: 5-11), «Устав Московского общества народных университетов» (Устав..., 1907: 31-32), «Народные университеты» (Народные университеты, 1907: 16-20), «Организация лекций в провинции» (Организация..., 1907: 20-22), «Первый всероссийский съезд деятелей обществ народных университетов» (Первый всероссийский съезд..., 1907: 30-32), «Народные университеты» (Народные университеты, 1907a: 18-19), «Народные университеты» (Народные университеты, 1907b: 10-11).

В статье «Народные университеты» (Народные университеты, 1907: 16-20) отмечается, что идея создания народных университетов в Российской империи начинает реализовываться в конце XIX века. В 1893 году в Москве была создана комиссия «по организации домашнего чтения», в задачи которой входила помощь в реализации самообразования людей «путем заочного руководства» (Народные университеты, 1907: 20). Вскоре данная комиссия создала «лекционное бюро» с целью организации чтения лекций в отдаленных от культурных центров провинциях. Оно выполняло посредническую функцию, осуществляя связь ученых университета и местных организаторов открытых научных лекций, курсов и бесед. Поскольку приглашение лекторов влекло за собой определенную финансовую нагрузку, то на случай отсутствия возможности у провинции оплачивать проезд лектора, «лекционное бюро организовало проект рукописей для прочтения на месте кем-либо из известных лекционному бюро лиц» (Организация..., 1907: 20).

В начале XX века в Российской империи идея создания народного университета приобретает особое значение. Образуется специальная структура в виде Общества народных университетов, в задачи которого входила научно-просветительская функция. Первоначально такие общества были созданы в Петербурге и Москве в 1906 году (Московское..., 1907: 6). Затем подобную практику создания обществ народных университетов повторили и другие города Российской империи.

Деятельность Московского Общества народных университетов регламентировалась Уставом, утвержденным в 1906 году. Данный Устав впоследствии стал тем опорным документом, на который опирались в своей деятельности созданные отдельные региональные Общества народных университетов.

Устав Московского Общества народных университетов опубликован в первом выпуске журнала «Для народного учителя» (Устав..., 1907: 31-32). Согласно первому разделу Устава «Цель, деятельность и права Общества», «Общество имеет своей задачей устройство научно-просветительских учреждений в Москве и Московской губернии, а также содействовать таковым же начинаниям в пределах России» (Устав..., 1907: 31). Основными форматами, посредством которых реализовывалась просветительская функция Общества, были систематические образовательные и профессиональные курсы, отдельные лекции, образовательные экскурсии, занятия по искусству. Среди направлений работы также названо создание научно-образовательных музеев, лабораторий, обсерваторий и иных учебно-вспомогательных учреждений, в том числе открытие библиотек, читален, организация выставок. Наряду с этим в поле деятельности членов Общества входит, согласно Уставу, издание брошюр, книг, картин, таблиц, карт.

Во втором разделе «Состава Общества» расписаны требования к составу Общества. Согласно документу, «Общество состоит из неограниченного числа членов, каковыми могут быть:

- 1) учреждения (правительственные и общественные учреждения, земства, города, общества, товарищества и проч.);
- 2) отдельные лица обоего пола всех состояний, званий и вероисповеданий, достигшие 21 года» (Устав..., 1907: 31).

Вступление учреждений или отдельных лиц в членство данного Общества осуществляется посредством их представления двумя членами Правления. «Правление имеет право перенести вопрос о принятии заявленного члена на решение общего собрания (закрытым голосованием), но не иначе, как с согласия заявленного члена» (Устав..., 1907: 31). При этом каждый желающий мог вступить в члены Общества.

Все члены общества обязывались платить членские взносы. При неуплате член Общества исключался из его состава.

В третьем разделе «Организация и управление делами Общества» описано, каким образом осуществляется организация и управление делами Общества. Выделены следующие органы, заведующие делами Общества: 1) общие собрания членов; 2) Правление; 3) ревизионная комиссия; 4) комиссии и секции, организуемые общим собранием.

Правление Общества находится в Москве. Не реже одного раза в год Правление организует общее собрание.

В четвертом разделе Устава «Средства Общества» прописаны источники доходов Общества. Наконец, в пятом разделе «Закрытие Общества» прописана возможность передачи имущества Общества под иное дальнейшее назначение в случае прекращения деятельности Общества.

После утверждения данного Устава Московского общества народных университетов началась системная работа членов данного Общества. Были выработаны программы чтений в народном университете, основаны секции, разработаны инструкции этим секциям ([Московское общество..., 1907: 6](#)). Особую популярность приобрели систематические чтения и открытые лекции.

В статье «Московское общество народных университетов» отмечается, что изначально народный университет включал в себя четыре отделения: литературное, юридическое, естественнонаучное и медицинское. Далее сказано, что «для каждого из них были выработаны программы, определено число часов, приглашены лекторы из профессоров Московского университета, приват-доцентов, известных в Москве педагогов и литераторов. Так, по литературному отделению решено было познакомить слушателей с развитием русской литературы в XIX веке и с иностранными писателями, имевшими мировое значение. С этой целью было предположено прочитать в первом семестре 12 двухчасовых лекций по русской литературе и 9 по иностранной; во втором семестре – 14 лекций по русской литературе и 6 по иностранной. Главное внимание предполагалось обращать на связь литературного развития с жизнью общества» ([Московское общество..., 1907: 6](#)).

Весь курс юридического отделения включал в себя 37 двухчасовых лекций, которые были распределены на 3 семестра.

Главная цель медицинского отделения состояла в ознакомлении «аудитории со здоровым и больным человеком, с устройством человеческого организма, с происходящими в нем явлениями, с причинами болезней и некоторыми наиболее распространенными недугами. Учение о здоровом человеке предполагалось изложить в 15 лекциях и столько же лекций посвятить на знакомство с больным человеком и причинами болезней» ([Московское общество..., 1907: 7](#)).

Программу естественнонаучного отделения составили главные предметы естествознания, которые были распределены на 78 двухчасовых лекций.

С самого начала своей работы Общество народных университетов приняло решение о том, что лекции для слушателей будут платными. Данная мера была принята с целью формирования ответственного отношения со стороны слушателей к процессу обучения. Отмечается, что «для назначения платы были и другие соображения: боялись случайности в посещениях лекций, неправильности в занятиях слушателей, еще недостаточно привыкших к регулярной умственной работе; боялись, что систематичность курсов не приведет ни к чему вследствие постоянной перемены слушающей публики. Главным же аргументом все-таки было отсутствие средств у Общества» ([Московское общество..., 1907: 7](#)).

Плата за курсы устанавливалась разная, в зависимости от того, к какому социальному кругу принадлежал слушатель. Для рабочих цена устанавливалась минимальная, тогда как для более состоятельных людей стоимость была в три раза больше. Данный подход к проведению платных лекций в целом возразений со стороны слушателей не имел, за исключением лишь собственно размера платы.

Помимо стремления к формированию ответственного и систематического подхода слушателей к прохождению курса обучения, Общество изначально определило необходимость оплаты работы лекторов. Данный подход объясняется следующим образом: «Общество с самого начала хотело уничтожить принцип благотворительности, унижительный для слушателей и ставящий все общественные начинания в зависимости от того, останется или нет у лекторов свободное время для бесплатной службы на пользу Общества» ([Московское общество..., 1907: 7](#)).

Несмотря на введение платы за обучение, желающих прослушать курс лекций было достаточно. Особый интерес вызвали литературное и юридическое отделения. В силу большого интереса к лекциям данных отделений приходилось открывать параллельные курсы, чтобы все желающие имели возможность прослушать лекции.

Среди слушателей были главным образом приказчики магазинов, конторщики, рабочие: токари, слесари, маляры, столяры. Большинство из них имело низшее образование, за редким исключением на лекции приходили лица, окончившие высшее учебное заведение ([Московское общество..., 1907: 8](#)).

Несмотря на востребованность, организаторы народного университета столкнулись с рядом проблем. Во-первых, аудитории народного университета изначально располагались в Москве и Петербурге. Соответственно, слушатели отдаленных регионов не имели возможности посещать лекции либо посещали их нерегулярно. Во-вторых, плата за лекции для многих была крайне высокой. Поэтому лекции посещались преимущественно «благородной публикой», которая ясно осознала необходимость образования и желающая его получать ([Московское общество..., 1907: 8](#)).

Высоко оценивал значение народного университета для российского общества доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РСФСР (1944) Борис Иванович Сыромятников. В своей статье «Идея народного университета в современном русском обществе», опубликованная в

первом выпуске журнале «Для народного учителя», Борис Иванович отмечает, что идея народного университета является результатом «современного освободительного движения» (Сыромятников, 1907: 3). Осознание взаимосвязи свободы и культуры, которая тесным образом была связана с образованием и образованностью человека, усилило интерес и потребность российского общества в получении знаний. Б.И. Сыромятников пишет: «Призванный к самостоятельной гражданской жизни, народ почувствовал, что ему нужны не только одни готовые политические лозунги, но и прочное знание, что теперь каждый должен стремиться к тому, чтобы стать и просвещенным и сознательным гражданином» (Сыромятников, 1907: 3). Народный университет, по замечанию автора, таким образом, призван был «сыграть великую культурную роль» через воспитание «новых» людей и формирование «нового» общества (Сыромятников, 1907: 4). Данный образовательный проект начала XX века выступал одним из факторов развития российской культуры и общества (Народные университеты, 1907b: 10).

Среди требований к курсам Б.И. Сыромятников отмечал необходимость их постоянной адаптации под уровень знаний слушателей. Согласно ученому, курсы должны быть «приспособлены к пониманию наименее образованных классов общества и прежде всего для трудового населения. Научность лекций должна сочетаться, таким образом, с общедоступностью изложения – таков основной принцип демократизации просвещения» (Сыромятников, 1907: 4).

Одновременно с открытием курсов в Москве и Московской области создается Санкт-Петербургское Общество народных университетов. В 1907 году данная практика была повторена в других городах Российской Империи, в частности в Нижнем Новгороде, Симферополе, Луге, Екатеринодаре, Архангельске, Смоленске, Саратове и других городах (Народные университеты, 1907; Народные университеты, 1907a; Народные университеты, 1907b).

В Луге Общество народных университетов начало свою работу в 1907 году (Народные университеты, 1907: 16-20). Первоначально лекторы здесь работали на безвозмездной основе. Среди них были преподаватели, врачи, юристы.

В перечень запланированных систематических курсов, организуемых Обществом, вошли лекции по трем отраслям знания: естественные, общественные и гуманитарные науки. Первая бесплатная лекция была проведена 1 апреля 1907 года и была посвящена теме «Что такое народный университет? Его история, задачи и организация». Число слушателей, согласно данным статьи «Народные университеты» (Народные университеты, 1907: 16), составило 900 человек, что являлось крайне высоким показателем.

8 апреля начался курс по истории культуры, состоявший из 4 лекций, посвященных первобытной культуре. Ввиду большого количества желающих курс читался и в воскресенье, и в понедельник.

Среди слушателей были преимущественно женщины всех возрастов и положений, «затем мелкие служащие ..., учащая молодежь и рабочие; крестьян было очень мало» (Народные университеты, 1907: 17).

В мае был прочитан курс, состоящий из 5 лекций, «О химических явлениях». Лектором выступил преподаватель местного училища К. П. Кудзин.

В рамках Лужского народного университета были открыты вечерние общеобразовательные курсы для взрослых.

В мае 1907 года возникло Кубанское Общество народных университетов в Екатеринодаре. Данное общество имело своей целью организовывать просветительские курсы в г. Екатеринодаре и Кубанской области. Формы организации деятельности Общества были аналогичными деятельности Московского Общества народных университетов. С целью охвата как можно большего числа людей для вовлечения их в работу народного университета было разработано 2 типа лекций: «во-первых, систематические курсы, которые давали бы возможность пройти слушателям курс среднего учебного заведения и подготавливали бы таким образом к поступлению в высшие учебные заведения; во-вторых, общеобразовательные популярные лекции по разным отраслям науки, по возможности тоже систематические, но не связанные программами учебных заведений» (Народные университеты, 1907: 19).

В октябре 1907 г. открывается народный университет в Архангельске по инициативе Николая Аркадьевича Варнаховского (Народные университеты, 1907a: 18-19) и в Смоленске.

9 ноября 1907 года состоялось открытие Саратовского народного университета (Народные университеты, 1907b: 10-11). С целью чтения лекций сюда приглашались лекторы из ведущих университетов Российской империи. Среди лекторов были такие ученые, как Петр Семенович Коган, специалист по истории литературы, профессор Московского государственного университета, который читал лекции в Саратовском народном университете по истории западной литературы. Лектором также был Николай Дмитриевич Россов, критик, общественный деятель, который читал лекции по истории русской интеллигенции. Читались также лекции по химии, физике, психологии (Народные университеты, 1907b: 11).

Одной из форм работы Общества народных университетов был всероссийский съезд, в рамках которого обсуждался широкий спектр вопросов – от проблем внешкольного образования и народного

просвещения до профессионального образования, качества и научного уровня преподавания в народном университете (*Первый всероссийский съезд...*, 1907: 30-32).

Таким образом, в начале XX века произошли существенные позитивные изменения в расширении системы образования в Российской Федерации и развитии уровня образования российского общества. Одним из важнейших механизмов в данном процессе стала практика работы народных университетов. Данная форма обучения была ориентирована на все взрослое население, независимо от пола, национальности и вероисповедания. Посредством создания, наряду с Московским и Петербургским Обществами народных университетов, отдельных региональных Обществ население отдельных провинций, отдаленных от центра, получило возможность повысить уровень своих знаний.

5. Заключение

В системе российского образования в начале XX столетия решались важные вопросы ее дополнения и укрепления, а также преодоления кризисных явлений. Журнал «Для народного учителя» выступает важным и информативным источником об истории развития системы образования в начале XX века в Российской империи. Исследование его содержания позволило увидеть общую картину устойчивых явлений и нововведений в этой сфере культуры страны.

Анализ педагогической периодики показывает, что образование в Российской империи нуждается во внедрении наиболее передовой научной мысли в педагогическую практику, и издатели берут на себя такую просветительскую миссию, как и миссию по сплочению отечественного сообщества, а также миссию по продвижению новых форм образования, созданию цельной системы.

Для развития всеобщего народного образования в России начала XX века предлагается создание народных детских садов как образовательно-воспитательных учреждений, главная функция которых видится в прививке детям дошкольного возраста начал воспитания, необходимых для формирования культурной личности, с которыми они могли бы успешно продолжать обучение в начальной народной школе. Активное детское участие утверждается важным, понимается как то, что должно быть поддержано в школах (городских, сельских, церковно-приходских) посредством создания и развития деятельности земства, учителей и родителей. Плодотворное значение имело участие учителей для деятельности школьных советов, поскольку они становились защитниками дела народного образования и интересов учащихся.

Одним из сильнейших двигателей развития российского общества, уровня образования граждан в начале XX века стали народные университеты. Этот по-настоящему широко просветительский проект был ориентирован на все взрослое население, вне зависимости от возраста и пола, национальности и вероисповедания. Создание отдельных региональных Обществ народных университетов позволило открыть доступ к образованию целого ряда отдельных отдаленных от центра провинций Российской империи. В целом можно говорить о постепенном и целенаправленном сложении в дореволюционной России многоуровневой и целостной системы образования, а также о расширении ее аудитории, о предоставлении доступа к обучению все большему числу граждан. Образование в начале XX века расширяет свой охват, а процесс этот питается посредством периодических изданий, нацеленных на создание и удержание активного сообщества педагогов и просветителей, повышение компетентности учителей, продвижение передовых педагогических идей и совершенствование отечественной системы образования.

Литература

Беленцов, 2013 – Беленцов С.И. Юношеское самоуправление: укрепление дисциплины или формирование сознательности (исторический аспект) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология.* 2013. 4 (31). С. 40-49.

Белоконский, 1907 – Белоконский И.П. Земство, школа и учитель // *Для народного учителя.* 1907. № 1. С. 12-13.

Боцманова, Гусева, 1997 – Боцманова М.Э., Гусева Е.П. Николай Александрович Рыбников (обзор архивных материалов) // *Вопросы психологии.* 1997. №6. С. 96-108.

Гермизеева, Глазунова, 2023 – Гермизеева В.В., Глазунова Т.В. Повседневная жизнь Омска в начале XX века на страницах местных периодических изданий // *Вестник Нижневартковского государственного университета.* 2023. № 1. С. 37-46.

Игнатьев, 1907 – Игнатьев В.Е. Нужны ли нам образовательные учреждения для детей «дошкольного возраста»? // *Для народного учителя.* 1907. № 7. С. 1-4.

Карпова, 2017 – Карпова В.В. Оценка февральской революции в педагогической прессе в 1917 году / *Февраль 1917: взгляд через столетие. Материалы международной научной конференции 28 февраля 2017 г.* СПб, 2017. С. 85-90.

Королихина, 2009 – Королихина О.Б. Ведущие тенденции совершенствования профессионального педагогического образования // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология.* 2009. №. 3. С. 103-116.

- Лещинская, 2021 – Лещинская Н.М. Культурологические подходы к анализу произведений декоративно-прикладного искусства // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2021. 5 (2). С. 9-15.
- Лобанова, 2007 – Лобанова О.Б. Периодическая печать как основная форма распространения передового педагогического опыта в Енисейской губернии в начале XX века // *Современные проблемы науки и образования*. 2007. №. 2. С. 32-35.
- Милованов, 2019 – Милованов К.Ю. Периодическая и справочная литература по народному образованию начала XX в. как исторический источник // *Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации*. 2019. С. 352-358.
- Московское общество..., 1907 – Московское общество народных университетов // *Для народного учителя*. 1907. № 1. С. 5-11.
- Народные университеты, 1907 – Народные университеты // *Для народного учителя*. 1907. № 16. С. 16-20.
- Народные университеты, 1907a – Народные университеты // *Для народного учителя*. 1907. № 19. С. 18-19.
- Народные университеты, 1907b – Народные университеты // *Для народного учителя*. 1907. № 20. С. 10-11.
- Никольский, 1907 – Никольский Дм. Родительские организации при школах // *Для народного учителя*. 1907. № 3. С. 33-34.
- Никольский, 1907a – Никольский Дм. Школьные советы и народный учитель // *Для народного учителя*. 1907. № 4. С. 10-14.
- Носова, 2023 – Носова М.С. Журнал «Знание – сила» как исторический источник по изучению советских популяризаторских практик / *Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Международной научно-практической конференции, Витебск, 27-29 апреля 2023 г.: в 2 т.* Витебск, 2023. Т. 2. С. 216-218.
- Обрезкова, 2000 – Обрезкова И. Педагогическая периодика России XIX – начала XX века // *Народное образование в России*. М., 2000. С. 288–297.
- Организация..., 1907 – Организация лекций в провинции // *Для народного учителя*. 1907. № 17. С. 20-22.
- Первый..., 1907 – Первый всероссийский съезд деятелей обществ народных университетов // *Для народного учителя*. 1907. № 18. С. 30-32.
- Сахаров, 1907 – Сахаров И.В. О союзном движении учащихся ц.-приходских школ // *Для народного учителя*. 1907. № 3. С. 12-16.
- Семенчук, 2023 – Семенчук К.А. Церковная периодическая печать рубежа XIX–XX вв. об инородцах Сибири и Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 489. С. 143-152.
- Сертакова, Ситникова, 2022 – Сертакова Е.А., Ситникова А.А. Устав об «Управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам енисейской губернии в XIX – начале XX // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. 6 (2). С. 94-106.
- Ситникова и др., 2022 – Ситникова А.А., Пименова Н.Н., Колесник М.А., Замараева Ю.С., Сертакова Е.А. Историография исследований кетской культуры // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. 6 (3). С. 20-39.
- Смирнов, 1994 – Смирнов Н.Н. Учительство и общественно-политическое движение России в 1917 г. // *Рабочие и российское общество: Вторая половина XIX-начало XX века*. СПб, 1994. С. 138-150.
- Соломатина, 2018 – Соломатина Т.Б. Состояние дореволюционного российского образования накануне социальных потрясений 1917 года // *Инициативы XXI века*. 2018. №. 3-4. С. 94-97.
- Сыромятников, 1907 – Сыромятников Б. И. Идея народного университета в современном русском обществе // *Для народного учителя*. 1907. № 1. С. 3-5.
- Устав..., 1907 – Устав Московского общества народных университетов // *Для народного учителя*. 1907. № 1. С. 31-32.
- Чехов, 1907 – Чехов Н.В. О выработке программы народной школы // *Для народного учителя*. 1907. № 17. С. 1-4.
- Шерайзина и др., 2017 – Шерайзина Р.М., Донина И.А., Медник Е.А., Александрова Н.В., Казаренко А.В., Поломошнова, С.А. Профессиональное самоопределение обучающихся: историко-педагогический аспект // *Теория, практика и перспективы развития современной школы*. 2017. С. 119-132.
- Шестаков, 1907 – Шестаков П.М. Народные детские сады // *Для народного учителя*. 1907. № 14. С. 28-31.
- Koptseva, Reznikova, 2015 – Koptseva N.P., Reznikova K.V. Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai // *Bylye Gody*. 2015. 38(4). Pp. 1028-1038.

[Koptseva et al., 2022](#) – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Pchelkina D.S., Menzhurenko Yu.N. The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century // *Bylye Gody*. 2022. 17(2). Pp. 867-875.

[Koptseva et al., 2023](#) – Koptseva N.P., Seredkina N.N., Degtyarenko K.A. Aesthetic Transformations as the Ideal Basis of Soviet Fine Art 1917-1922 // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. 16(4). Pp. 522-535.

[Sertakova, 2023](#) – Sertakova E.A. «Farewell to Angara» as a Cultural Trauma of Collective Memory (on the Material of Analysis of Krasnoyarsk Documentary Film) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. 16(11). Pp. 2010-2020.

[Sertakova et al., 2023](#) – Sertakova E.A., Kolesnik M.A., Omelik A.A. The Image of Scientific and Technical Progress in the Fine Arts of Pavel Filonov // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2023. 16(4). Pp. 594-607.

References

[Belentsov, 2013](#) – Belentsov, S.I. (2013). Yunosheskoye samoupravleniye: ukrepleniye distsipliny ili formirovaniye soznatel'nosti (istoricheskiy aspekt) [Youth self-government: strengthening discipline or creating consciousness (historical aspect)]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya. 4(31): 40-49. [in Russian]

[Belokonsky, 1907](#) – Belokonsky, I.P. (1907). Zemstvo, shkola i uchitel' [Zemstvo, school and teacher]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 1: 12-13. [in Russian]

[Botsmanova, Guseva, 1997](#) – Botsmanova, M.E., Guseva, E.P. (1997). Nikolay Aleksandrovich Rybnikov (obzor arkhivnykh materialov) [Nikolai Aleksandrovich Rybnikov (review of archival materials)]. *Voprosy psikhologii*. 6: 96-108. [in Russian]

[Chekhov, 1907](#) – Chekhov, N.V. (1907). O vyrabotke programmy narodnoy shkoly [On the development of a public school program]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 17: 1-4. [in Russian]

[Germizeyeva, Glazunova, 2023](#) – Germizeyeva, V.V., Glazunova, T.V. (2023). Povsednevnyaya zhizn' Omska v nachale XX veka na stranitsakh mestnykh periodicheskikh izdaniy [Everyday life of Omsk at the beginning of the twentieth century on the pages of local periodicals]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1: 37-46. [in Russian]

[Ignat'yev, 1907](#) – Ignat'yev, V.Ye. (1907) Nuzhny li nam obrazovatel'nyye uchrezhdeniya dlya detey «doshkol'nogo vozrasta»? [Do we need educational institutions for preschool children?]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 7: 1-4. [in Russian]

[Karpova, 2017](#) – Karpova, V.V. (2017). Otsenka fevral'skoy revolyutsii v pedagogicheskoy presse v 1917 godu [An assessment of the February Revolution in the pedagogical press in 1917]. *Fevral' 1917: vzglyad cherez stoletie. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 28 fevralya 2017 g. SPb*, pp. 85-90. [in Russian]

[Koptseva, Reznikova, 2015](#) – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V. (2015). Refinement of the Causes of Ethnic Migration North Selkups Based on the Historical Memory of Indigenous Ethnic Groups Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai. *Bylye Gody*. 38(4): 1028-1038.

[Koptseva et al., 2022](#) – Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Menzhurenko, Yu.N. (2022) The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire at the end of the XIX century. *Bylye Gody*. 17(2): 867-875.

[Koptseva et al., 2023](#) – Koptseva, N.P., Seredkina, N.N., Degtyarenko, K.A. (2023). Aesthetic Transformations as the Ideal Basis of Soviet Fine Art 1917-1922. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(4): 522-535.

[Korolikhina, 2009](#) – Korolikhina, O.B. (2009). Vedushchiye tendentsii sovershenstvovaniya professional'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Leading trends in improving professional teacher education]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. 3: 103-116. [in Russian]

[Leshchinskaya, 2021](#) – Leshchinskaya, N.M. (2021). Kul'turologicheskiye podkhody k analizu proizvedeniy dekorativno-prikladnogo iskusstva [Cultural approaches to the analysis of works of decorative and applied art]. *Severnnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 5(2): 9-15. [in Russian]

[Lobanova, 2007](#) – Lobanova, O.B. (2007). Periodicheskaya pechat' kak osnovnaya forma rasprostraneniya peredovogo pedagogicheskogo opyta v Yeniseyskoy gubernii v nachale XX veka [Periodical printing as the main form of dissemination of advanced pedagogical experience in the Yenisei province at the beginning of the twentieth century]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2: 32-35. [in Russian]

[Milovanov, 2019](#) – Milovanov, K.Yu. (2019). Periodicheskaya i spravoch'naya literatura po narodnomu obrazovaniyu nachala XX v. kak istoricheskiy istochnik [Periodicals and reference literature on public education of the early twentieth century. as a historical source]. *Istochniki issledovaniya o pedagogicheskom proshlom: interpretatsiya problem i problemy interpretatsii*, pp. 352-358. [in Russian]

[Moskovskoe obshchestvo..., 1907](#) – Moskovskoe obshchestvo narodnykh universitetov [Moscow Society of People's Universities]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 1907. 1: 5-11. [in Russian]

- Narodny universitety, 1907** – Narodnye universitety [People's Universities]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 1907. 16: 16-20. [in Russian]
- Narodny universitety, 1907a** – Narodnye universitety [People's Universities]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 1907. 19: 18-19. [in Russian]
- Narodny universitety, 1907b** – Narodnye universitety [People's Universities]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 1907. 20: 10-11. [in Russian]
- Nikol'skiy, 1907** – *Nikol'skiy, Dm.* (1907). Roditel'skiye organizatsii pri shkolakh [Parent organizations at schools]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 3: 33-34. [in Russian]
- Nikol'skiy, 1907a** – *Nikol'skiy, Dm.* (1907). Shkol'nyye sovety i narodnyy uchitel' [School councils and the people's teacher]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 4: 10-14. [in Russian]
- Nosova, 2023** – *Nosova, M.S.* (2023). Zhurnal «Znaniye – sila» kak istoricheskiy istochnik po izucheniyu sovetskikh populyarizatorskikh praktik [Journal “Znaniye – sila” as a historical source for the study of Soviet popularization practices]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Vitebsk, 27-29 aprelya 2023 g.: v 2 t. Vitebsk, 2023. T. 2. Pp. 216-218. [in Russian]
- Obrezkova, 2000** – *Obrezkova, I.* (2000). Pedagogicheskaya periodika Rossii XIX – nachala XX veka [Pedagogical periodicals in Russia in the 19th – early 20th centuries]. *Narodnoe obrazovanie v Rossii*. M., pp. 288-297. [in Russian]
- Organizaciya..., 1907** – Organizatsiya lektsij v provintsii [Organization of lectures in the province]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 1907. 17: 20-22. [in Russian]
- Pervyj..., 1907** – Pervyj vserossijskij s'ezd deyatelej obshchestv narodnykh universitetov [First All-Russian Congress of People's University Societies]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 1907. 18: 30-32. [in Russian]
- Sakharov, 1907** – *Sakharov, I.V.* (1907). O soyuznom dvizhenii uchashchikh tserkovno-prikhodskikh shkol [About the union movement of teachers of parochial schools]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 3: 12-16. [in Russian]
- Semenchuk, 2023** – *Semenchuk, K.A.* (2023). Tserkovnaya periodicheskaya pechat' rubezha XIX–XX vv. ob inorodtsakh Sibiri i Dal'nego Vostoka [Church periodicals at the turn of the 19th–20th centuries. about foreigners of Siberia and the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 489: 143-152. [in Russian]
- Sertakova, Sitnikova, 2022** – *Sertakova, Ye.A., Sitnikova, A.A.* (2022). Ustav ob «Upravlenii inorodtsev», sostavlennyy M.M. Speranskim, i osobennosti yego realizatsii po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam yeniseyskoy gubernii v XIX – nachale XX [The Charter on the «Management of Foreigners», drawn up by M.M. Speransky, and the features of its implementation in relation to the indigenous peoples of the Yenisei province in the 19th – early 20th years]. *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*. 6(2): 94-106. [in Russian]
- Sertakova, 2023** – *Sertakova, E.A.* (2023). «Farewell to Angara» as a Cultural Trauma of Collective Memory (on the Material of Analysis of Krasnoyarsk Documentary Film). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(11): 2010-2020.
- Sertakova et al., 2023** – *Sertakova, E.A., Kolesnik, M.A., Omelik, A.A.* (2023). The Image of Scientific and Technical Progress in the Fine Arts of Pavel Filonov. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(4): 594-607.
- Sherayzina i dr., 2017** – *Sherayzina, R.M., Donina, I.A., Mednik, E.A., Aleksandrova, N.V., Kazarenko, A.V., Polomoshnova, S.A.* (2017). Professional'noye samoopredeleniye obuchayushchikhsya: istoriko-pedagogicheskiy aspekt [Professional self-determination of students: historical and pedagogical aspect]. *Teoriya, praktika i perspektivy razvitiya sovremennoi shkoly*, pp. 119-132. [in Russian]
- Shestakov, 1907** – *Shestakov, P.M.* (1907). Narodnyye detskiye sady [Folk kindergartens]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 14: 28-31. [in Russian]
- Sitnikova i dr., 2022** – *Sitnikova, A.A., Pimenova, N.N., Kolesnik, M.A., Zamaraeva, Y.S., Sertakova, E.A.* (2022) Istoriografiya issledovaniy ketskoy kul'tury [Historiography of Ket culture research]. *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*. 6(3): 20-39. [in Russian]
- Smirnov, 1994** – *Smirnov, N.N.* (1994). Uchitel'stvo i obshchestvenno-politicheskoye dvizheniye Rossii v 1917 g. [Teaching and the socio-political movement of Russia in 1917]. *Rabochie i rossiiskoe obshchestvo: Vtoraya polovina XIX-nachalo XX veka*. SPb, pp. 138-150. [in Russian]
- Solomatina, 2018** – *Solomatina, T.B.* (2018). Sostoyaniye dorevolyutsionnogo rossiyskogo obrazovaniya nakanune sotsial'nykh potryaseniy 1917 goda [The state of pre-revolutionary Russian education on the eve of the social upheavals of 1917]. *Iniitsiativy XXI veka*. 3-4: 94-97. [in Russian]
- Syromyatnikov, 1907** – *Syromyatnikov, B.I.* (1907). Ideya narodnogo universiteta v sovremennom russkom obshchestve [The idea of a people's university in modern Russian society]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 1: 3-5. [in Russian]
- Ustav..., 1907** – Ustav Moskovskogo obshchestva narodnykh universitetov [Charter of the Moscow Society of People's Universities]. *Dlya narodnogo uchitelya*. 1907. 1: 31-32. [in Russian]

Журнал «Для народного учителя» (1907) как источник по истории образования Российской империи начала XX века

Юлия Сергеевна Замараева ^{a, b, *}, Наталья Николаевна Середкина ^a, Наталья Петровна Копцева ^a,
Наталья Николаевна Пименова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского,
Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению выпусков журнала «Для народного учителя» за 1907 год. Авторами проанализированы 20 его выпусков. Материалами являются публикации по трем тематическим направлениям, посвященным дошкольному образованию, народной школе и народному университету. Исследование показывает, что в начале XX столетия в российском образовании решались важные вопросы дополнения и укрепления системы обучения, а также преодоления кризисных явлений в образовании. Журнал «Для народного учителя» выступает важным и информативным источником об истории развития системы образования в начале XX века в Российской империи. Исследование его содержания позволило увидеть общую картину устойчивых явлений и нововведений в этой сфере культуры страны. В частности, публикации демонстрируют, что с целью развития всеобщего народного образования в России начала XX века предлагается создание народных детских садов как образовательно-воспитательных учреждений, а также демонстрирует особую роль народных университетов как одного из двигателей развития уровня образования и культуры российского общества.

Ключевые слова: журнал «Для народного учителя», Российская империя, дошкольное образование, народная школа, народный университет, 1907.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rybka08@bk.ru (Ю.С. Замараева), nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина), decanka@mail.ru (Н.П. Копцева), pimenovapluzhnik@mail.ru (Н.Н. Пименова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 428-438
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.428

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From the History of the Popularization of “Nomadic” Theater in Central Asia through the Kazakh Periodical Press at the beginning of the XX century

Samat Zhumatay ^a, Gyulnar K. Mukanova ^{b,*}, Ainagul M. Yespenbetova ^c, Dzhanargul Mutalova ^d

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

^b Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

^c K.Zhubanov Aktobe Regional University, Republic of Kazakhstan

^d Zhangir khan West Kazakhstan Agrarian and Technical University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The purpose of this study was to identify the features of popularization of the idea of theater and drama in the Kazakh community, through the first periodicals in their native language at the beginning of the twentieth century. The events of the first decade of the twentieth century (the Russo-Japanese war, 1905, elections to the State Duma, etc.), as it turned out, stirred up not only the political, but also the cultural life of communities in the eastern regions within the Russian Empire. The awakening of consciousness was reflected in the preference for visual means of communication, which at that time included theatrical productions, circus and musical evenings. The periodical press of the Russian East, in this case Central Asia, actively participated in the coverage of this process. It is curious that graduates of Jadidi educational institutions have made a certain contribution to the popularization of the idea of the national theater and drama. This social process is comparable in terms of goal-setting with a larger-scale all-Russian cultural and educational process known as “Peredvizhniki”. The tendency to bring cultural achievements to the masses in the last third of the nineteenth century found a response, which is important, in remote regions of Russia: Magazines and newspapers in Tatar and Kazakh languages were published about the events of the theatrical life of foreigners. The materials of the study were the press, published by the Arabic headset in a common alphabet understandable to a number of Turkic-speaking peoples – the newspaper “Kazakh” and others. The popularization of musical and dramatic works and stage art among the masses in the eastern regions of the empire certainly had specific features. As a result, interest in theater and drama among the Turkic-speaking peoples of Russia was accompanied by intercultural exchange, referred to in the special literature as the “import” of popular plays by Russian classics, with their subsequent processing (adaptation) to ethnocultural features. The “theatrical” theme was used for the purpose of education and formation of civic consciousness by the nascent Kazakh political parties; the genre of theater criticism was emerging.

Keywords: Central Asia, Russia, Kazakhs, history, theater, repertoire, recitation, drama, charity, periodicals.

1. Введение

Пореформенный период истории Российской империи представляет интерес в плане зарождения межкультурного обмена в сфере театра и драматургии. Идея «передвижников» заключалась в продвижении культурных достижений посредством сцены (часто – импровизированной), между тем история реализации данного посыла в Центральной Азии отразилась в периодических изданиях начала XX века, зарегистрированных в Главном управлении по

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova), kopeev95@mail.ru (S. Zhumatay), aikami@mail.ru (A.M. Yespenbetova), mutalova.dzhanargul@mail.ru (D.S. Mutalova)

делам печати как «инородческие». В современный научный оборот указанные сведения не были до сих пор введены по целому ряду причин. Исходя из этого, авторы определяют актуальность статьи исходя из ряда материалов и письменных источников начала XX века. Рамки исследования темы охватывали примерно с 1911 по 1916 годы и немногим позже (межвременье или период активности казахской политической партии Алаш: март–декабрь 1917 г.) этап активной популяризации театра как выразительного средства просвещения и духовной мобилизации. Мотивацией драматических казахских постановок была потребность в коллективной эмпатии в сложных социальных ситуациях. Для малограмотного и преимущественно кочевого населения, не имевшего доступ к газетам, зрелищные постановки были важным актом социализации.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников привлечены архивные документы: по истории казахского общества на рубеже XIX–XX веков из фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (г. Семей, Казахстан); материалы, освещающие тему театральной жизни России, в рамках указанного периода, из фондов Российского Государственного архива литературы и искусства (Москва, Российская Федерация) а также документы из истории создания дореволюционных казахских периодических изданий из фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Источниками о деятельности актеров «кочевых» театров, первых пьесах послужили экземпляры дореволюционных газет и журналов на казахском и татарском языке (арабской гарнитурой): газеты «Казакстан» (1911–1913), «Вакт» (1915), «Казах» (1913–1917) (в качестве заголовка учредителями издания был взят этноним «казак»; в переводе на русский язык «Казах»), «Сары-Арка» (1917), «Бирлик туы» (1917), журнал «Айкап» (1911–1912), на русском языке «Семиреченские областные ведомости» (1913) и др.

2.2. Методологическую основу исследования составили принципы диалектической логики, объективности и историзма, а также системный подход. Их применение на основе комплексного и всестороннего анализа архивных и опубликованных источников отечественной и зарубежной историографии позволило выявить эволюцию контента инородческой прессы как следствие конкретно-исторических условий, равно как установить определенные причинно-следственные связи и тенденции в популяризации театра в жизни казахского социума на фоне социально-политических реформ в России на рубеже XIX – XX вв. Применение методов верификации письменных источников и критического анализа их контента, хронологического, историко-системного, а также сравнительно-исторического анализа обусловлено было как спецификой этнокультурных моделей социального поведения конкретных исторических личностей, так и необходимостью сопоставления стилистики авторских материалов в периодической печати начала XX века.

3. Обсуждение

Культура российского Востока познается опосредованно: через знания языка, традиций, индикаторов идентичности, аутентичные переводы, экспертные мнения, представляет интерес анализ концепций режиссеров и декораторов театров в рамках парадигмы: культура Запада или Востока преобладала в театральном искусстве Азии в начале XX века? Какую роль сыграла русскоязычная драматургия в продвижении новых сюжетных линий? В далеком 1964 году в издании Кэмбриджского университета, которое в СССР принято было относить к «советологическим» увидела свет статья Edward Allworth, где критически была освещена советская концепция культуры народов Востока, согласно которой в современном Туркестане (Средняя Азия и Казахстан) театр появился лишь с установлением советской власти (Allworth, 1964). В исследовании Allworth обратил внимание на печатные пьесы «Падаркуш» М. Бехбуди (1913) и «Махрамлар» Шашуди (1912). С тех пор исследователи немного продвинулись в этом вопросе, в постсоветских республиках констатируют положения, освещенные Allworth в 1964 году (Махмуд, 2018: 56). Интерес между тем представляет история «импорта» и осуществления переводов популярных пьес российских авторов на восточные языки, при поддержке определенной социальной категории - просвещенной части восточных обществ. Историография темы «восточного» театра империи разработана все еще недостаточно. Безусловно, интересны материалы об ориентализме в русской культуре (Алексеев-Апраксин, 2011: 207). В 1999 году вышла книга С.А. Серовой по Серебряному веку и театральным реформам с восточной эстетикой (Серова, 1999). Русско-японские театральные связи изучались С. Марахоновой (Марахонова, 2014) и М. Колко (Колко, 2016).

Существует мнение, что театр Азии черпает репертуар преимущественно в историко-культурном наследии – мифах, легендах, сказках. Это, безусловно, характерно для восточного мировоззрения, тогда как и европейская культура вдохновляется старинными сюжетами для театра. Объективная трудность исследования – в узкой специализации авторов и привлечении социально-политической, филологической и культурологической литературы (Kendirbaeva, 1999; Мейерхольд и другие, 2000).

Геолокация исследований театров Востока в период «холодной» войны и «железного занавеса» больше концентрировалась на японском архипелаге (Miller, 2009; Powell, 2016). Автором издания «Исторический словарь японского традиционного театра» является Сэмюэл Лейтер (Leiter, 2014). Из оригинальных можно назвать труд Катрин Хеннион (Hennion, 2012). Известно, что Вс. Мейерхольд перевел с немецкого (!) японскую пьесу «Теракойя», однако ставил это произведение другой режиссер (Тучинская, 2013: 244-255). Из зарубежных исследователей театра Японии выделяется Жан-Жак Чуден (Tschudin, 2015). Вопросы взаимовлияния русской и корейской театральные культуры затронуты в исследовании Hyunju (Hyunju, 2020). Тема межкультурного обмена китайского и русского театров начала XX века рассмотрена в очерке А. Хисамутдинова (Хисамутдинов, 2015) и статье Е. Шулуновой (Шулунова, 2014).

В 2009 году увидело свет интересное издание американского исследователя, профессора-япониста из Brigham University (США) Дж. Скотт Миллера (Miller, 2009), а именно: «Исторический словарь современной японской литературы и театра». «Исторический словарь современной японской литературы и театра» Miller'a включает более 500 статей и указаний на литературные и исторические события, жанры и концепции, сыгравшие роль в эволюции японской культуры (Miller, 2009). Американский исследователь Peter Berton из непредвиденных итогов русско-японской войны 1904–1905 годов называет тот, что к 1916 году Россия и Япония стали союзниками, что способствовало культурному обмену (Berton, 2012: 12).

Зарубежная историография темы азиатского театра более полно стала складываться после распада Союза, проявив интерес к истории культуры и театра экс-советских республик. Так, Wu Yun Ta Na издал книгу о театре Монголии (Wu Yun Ta Na, 1991).

В современной научной литературе Японии Tomohiko Uyama анализирует роль географического фактора в истории Центральной Азии начала XX века (Uyama, 2020). «Белым пятном» в истории театра Центральной Азии остается процесс формирования национальных трупп в начале XX века. К сожалению, история театра в центрально-азиатском регионе начала XX века остается фрагментарной, так как многие талантливые режиссеры, композиторы и актеры были репрессированы. Истории казахского театра отводилось место в рамках идеологии победившей идеологии, хронологические рамки процесса произвольно были сдвинуты к середине 1920 годов. В научный оборот не вошли свидетельства об этапе «кочевого» театра и казахской драматургии, а тема популяризации посредством дореволюционной печати была отнесена к явлениям «буржуазным», «классово чуждым», «алашордынским». Несмотря на наличие обобщающих изданий по истории казахского (советского) театра (Театральная энциклопедия, 1963; Кундакбаев, 1976; Шанин, 1988), мемуаров (Жиенкулова, 1983; Касымова, 2017) и энциклопедических справочников (Казахский театр, 2005) до сих пор не систематизированы данные о ранних пьесах, поставленных казахскими педагогами и учащимися джадидских учебных заведений, не осуществлена классификация контента пьес казахских авторов и социального статуса сочинителей. Из научного оборота выпали данные о географической локации постановок начала XX века. Вклад отдельных авторов казахских пьес в развитие драматургии вкраплены в научные исследования (Отеева, 2003). Чудом сохранилось уфимское издание первой казахской пьесы К. Тогусова (Тогусов, 1915). Современные авторы обращают внимание на культурно-просветительскую роль джадидских медресе (Прохоров, 2020: 5) и казахской интеллигенции Алаш (Нурпеисов, Жусуп, 2022).

4. Результаты

Древнее искусство развлекать присуще было казахам и монголам, кыргызам и узбекам, таджикам и др. Посредством перевоплощений, импровизации, подражания звукам природы, пародий и пантомим рождалось искусство «кочующего» театра без особых декораций и грима. Тематику импровизаций были сцены из жизни, драмы, любви. В первых постановках (женские роли играли мужчины) популяризировались родовые традиции, то есть «кочевой» театр играл воспитывающую роль в первую очередь.

Об организации музыкальных вечеров с элементами театральные постановки сообщали в начале XX века региональные газеты и журналы на казахском языке. Так, в Семипалатинске в годы Первой мировой войны учащаяся молодежь и учителя Кульжановы, Марсековы, Аймаутовы ставили небольшие пьесы. Доход от продаж билетов направлялся на благотворительность в пользу неимущих учащихся (Казах. 1914. № 51. 21 февраля). Все это делалось для просвещения, со сцены старались донести до зрителей инновации в экономике и культуре, информировать о полезном. Новое искусно вплеталось в привычные образы, чтобы нововведения воспринимались быстрее.

Творчество Н.В. Гоголя оказало заметное влияние на развитие казахской драмы. Так, первое крупное прозаическое произведение на казахском языке – роман Спандияра Кубеева «Калым» (1913 год) несет на себе заметное «гоголевское» влияние (Кереева-Канафиева, 1980: 39). Наибольшее влияние творчество Гоголя оказало на формирование казахской сатиры. Переводы производились неоднократно, но многие переводчики были репрессированы, а экземпляры пьес «исчезали» вместе с авторами (Хотинская, 2008). На рубеже XX века театры ряда восточных народов ставили пьесы Л. Толстого, А. Островского, Н. Гоголя. В большинстве, то были постановки по мотивам спектаклей,

увиденных в Европе. Например, японец Симакура Хогэцу, в 1900-х гг. учившийся в Европе, увидел пьесу Л.Толстого «Воскресение» в постановке Лондонского Королевского театра в 1903 г. В марте 1914 г. Токийский Художественный театр под руководством Хогэцу осуществил самостоятельную постановку драмы «Воскресение» на японском языке. Пьеса была поставлена больше 400 раз, и в Японии, и на Тайване, в Корее (Колко, 2016: 35). Русский студент-востоковед Сергей Елисеев, изучавший японскую культуру в Токийском университете, заинтересовался театром Кабуки. В 1911 г. он написал рецензию на пьесу Гоголя «Ревизор», поставленную в японском театре «Юракудза» (Марахонова, 2014: 59). В соседнем Китае после свержения монархии Цин (1911 год) издавался ежемесячный журнал Сицзюй («Театр»), где публиковались переводы пьес драматургов Европы и России. «...На сцене китайского театра ставились «Власть тьмы» Л. Толстого, «Гроза» А. Островского, «Ревизор» Н. Гоголя» (Шулунова, 2014: 776).

Аналогичная тенденция проявилась в культуре Кореи. Исследователь Чон Хенджу пишет об «импорте» русской литературы в историю корейской литературы (Hyunju, 2020: 21-28). Первым русским литературным произведением, появившимся в Корее, была «Победа любви» Толстого, переведенная Чхве Намсеоном (1890–1957) в 1908 году и поставленная на сцене в 1910 году (Hyunju, 2020: 24).

Возвращаясь к специфике «кочевого» театра в Степном и Туркестанском краях империи, здесь пьесы с русского переводили на тюрки (казахский, узбекский, татарский). Характерный штрих театрализованных постановок на Востоке на рубеже XX века заключался в распространении интереса к сцене среди учащейся молодежи. В школах легче решались вопросы с помещениями для репетиций и постановок, согласование с руководством учебного заведения и местной администрацией; приглашение зрителей и реклама, сбор средств и проч.

Процесс заимствования театральных пьес в начале XX века был расхожим явлением: еще до революции режиссер В.Э. Мейерхольд заинтересовался танцами на сцене восточных театров. В 1909 году для мейерхольдовской труппы был заказан перевод на русский язык немецкой версии пьесы «Тэракоя» японского драматурга Такэда Идзумо (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Д. 2744. Л. 2).

В фонде В.Э. Мейерхольда в РГАЛИ сохранилась библиография по театрам разных стран, которую он составлял с 1901 по 1910 годы. В этот список был включен и японский театр (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Д. 489. Л. 18).

Казахские газеты и журналы информировали о театральных новинках в городах Туркестанского края, тесно сотрудничая с редакциями татарских газет. Так, татарская «Вакт» в № 1679 за 1915 год опубликовала заметку «Мусульманский театр в Туркестане» (Вакт, 1915). Редакция газеты «Казах» в № 98 от 23 января 1915 года опубликовала из нее перепечатку (Казах. 1915. № 98). Газета «Казах» в 1916 году в № 170 сообщила: «Казахская пьеса под названием «Надандык курбаны» («Жертва невежества») вышла в свет. Автор - Кольбай Тогусов» (Казах. 1916. № 170. Февраль).

Обращает на себя внимание тот факт, что контент ранних казахских драм на этапе 1911–1917 опирался на повседневность, этнографические наблюдения, сюжеты были взяты из жизни. Обычно то были одноактные пьесы, крайне редко пяти- и шестиактные (Тогусов, 1915). Чаще реализовывались комедийные сюжеты, что преследовало конкретную цель поднять моральный дух населения. Первые казахские спектакли выполняли миссию, далекую от политических и идеологических сюжетов, больше уделяя внимания борьбе с невежеством и бытовым коллизиям, в определенной мере назидательного типа. В числе авторов ранних пьес были граждански активные члены сообщества, как К.Тогусов. Выяснилось, что К. Тогусов совмещал творчество с активной общественной деятельностью, за что неоднократно попадал в немилость администрации: в августе 1909 года он был арестован «за подстрекательство киргиз к аграрным беспорядкам и восстанию» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5927. Л. 26), однако освобожден в ноябре того же года благодаря ходатайству членов Думы А.Г. Мягкого и Н.В. Некрасова (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5927. Л. 44). Последовал новый арест в декабре 1910 года по обвинению «...подбивает население к неплатежу повинностей» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5927. Л. 45), до августа 1912 года содержался в заключении. С 1913 года К. Тогусов переехал в Наманган, затем в Ташкент и предпочел менее радикальную творческую деятельность. В «Театральной энциклопедии» 1963 года указывается: «Казахская драматургия возникла в 1911–1912. Первые казахские драматурги – К. Тогусов и И. Мендыханов (автор пьесы «Малдыбай») (Театральная энциклопедия, 1963: 14). Пьесу из трех частей «Жертва просвещения» Тогусов издал в 1915 году в г. Уфе (Отепова, 2003). Любопытно, что именно эта пьеса подверглась критике со стороны редакции «Казах», по политическим разногласиям (Казах. 1916. № 177). Так возникли истоки жанра казахской театральной критики (Какишев, 1994: 49). Факт создания пьес Берниязом Сулеевым отражен в заметке «Казахский театр в Оренбурге» в газете «Бирлик туы», где сообщается о постановке силами казахских учащихся-членов общества «Игилик» драмы Б. Кулеева «Шын суйискендер» («Истинно влюбленные») (Бирлик туы. 1918. № 28). Заработанные от продажи билетов на спектакль средства передавались в помощь малоимущим учащимся. В официальных биографиях Б. Кулеева указан 1917 как год написания драмы (Абдиманулы, Шортанбаев, 2017: 74). Есть сведения о дореволюционных рукописных пьесах Бекмухамеда Серкебаева: «Жер дауы» (1912), «Кызыл бузау»

(1913), «Баксы» (1914), «Айел тендиги» (1915), «Газиза» (1915) (Абдиманулы, 2017: 21). Известно, что Б. Серкебаев был выпускником уфимского медресе «Галия», где шакирдам прививались манеры декламации (Прохоров, 2020: 5).

Даже эти разрозненные сведения об истоках «кочевого» театра в центрально-азиатском сегменте империи указывают на упорное желание просвещенной части казахского общества приобщиться к новому виду искусства. Пользовались популярностью постановки, которые имели успех в центральных городах и культурных столицах Сибири, таких как Омск, Оренбург. Отсюда содержание драматических произведений Толстого, Гоголя, Островского импортировалось в провинциальные центры (Петропавловск, Семипалатинск) и далее в Степь. В канун Первой мировой войны в г. Омск казахская учащаяся молодежь живо интересовалась театром. По воспоминаниям Б. Серкебаева, зимой 1913–1914 годов он жил на квартире с Ж. Шаниным, будущим директором Казтеатра. Шанин проявлял интерес к европейской культуре, учился игре на скрипке и мандолине, посещал театр (ЦДНИ ВКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 198. Л. 231).

В г. Копал меценатом Маман би Калкабайулы и его сыновьями в 1889 году на собственные средства было основано учебное заведение «Мамания». Выпускник этой джадидской школы И. Джансугуров впоследствии создал немало популярных пьес. Объявления о благотворительных спектаклях начала XX века печатались в казахских газетах Российской империи регулярно; к примеру, редактором Е. Буйриным в издании «Казакстан», выходившем сначала в г. Астрахани, затем в г. Уральске, в 1910–1913 годах (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. 1911. Д. 252. Л. 12). В 1911–1912 годах в городах Петропавловск, Семипалатинск, Перовск, Уральск были созданы первые казахские труппы, не без влияния «кочующего» татарского театра Сайяр из Оренбурга (Казах мадениети..., 2005). Вне сомнений, идея «передвижников» имела в регионе глубокое воздействие.

Спектакли ставились учащимися-казахами и за пределами отчего края, в известном медресе «Галия» в городе Уфа, где в начале второго десятилетия XX века учились дети казахов (Прохоров, 2020: 5). Также в казахских газетах часто писали о популярном борце Мукане Мунайтпасове, выступления которого проходили с большим успехом, его показательные номера включали в программу после спектаклей в гг. Оренбург, Омск и др. (Казах. 1913. № 15), (Казах. 1913. № 25). Выступления казахского борца, имевшего мировую известность, освещались на страницах «Казах» и в 1916 году (Казах. 1916. № 191). Газета информировала о его победах в цирке г. Камышин (Казах. 1916. № 193). Борец проводил показательные номера (Казах. 1916. № 194) и часть гонорара передавал в поддержку редакции (Казах. 1916. № 210).

К дореволюционному периоду относится и зарождение в Семиреченской области, городе Верном театрального искусства в среде мусульман (казахи, татары, башкиры). 5 октября 1913 года в помещении Коммерческого собрания состоялся первый музыкально-драматический вечер, устроенный членами местной уммы в пользу мусульманской народной библиотеки-читальни. На мероприятии была показана одноактная комедия на татарском языке «Беренче театр» («Первый театр») А. Камалова. Пьеса отразила зарождение театра в борьбе с предрассудками. В газете «Семиреченские областные ведомости» сообщалось, что свои роли самодеятельные актеры исполнили великолепно. Музыкальные номера, танцы и игры дополнили программу вечера (Семиреченские..., 1913: 4).

«Кочевой» театр в годы Первой мировой войны должен был разрядить напряженную атмосферу. Газета «Казах» в № 98 от 23 января 1915 года опубликовала перепечатку из декабрьского 1914 года № 1679 татарской газеты «Вакт», в которой сообщалось о мусульманском театре в Туркестане. По данным «Вакт» была сыграна пьеса Махмуда Бехбуди «Падаркуш», в которой был задействован учитель Коньркожа Хо(д)жиков. Поскольку не оказалось пьесы на казахском языке, выбрали пьесу на узбекском. После спектакля были исполнены песни и мелодии на домбре и пианино. Сборы от концерта направлены на приобретение необходимых вещей для мобилизованных. В этой заметке конца 1914 – начала 1915 года использован термин «театр китабы» в смысле «пьеса» (Казах. 1915. № 98). Учитель К.Ходжиков был известным просветителем, историком и организатором (Казахстан..., 2006. V: 360). Примечательно, что его супруга, Ходжикова-Лапина Латипа, впоследствии известный декоратор казахского театра, организовала «передвижную» выставку картин казахских художников в окрестностях г. Кызылорда на верблюдах (Кузембаева, 2024: 6).

Туркестанцы охотно посещали постановки, спрос на пьесы возрос, и вскоре появилась возможность ставить творения казахских авторов. В газете «Казах» 12 апреля 1915 года в заметке «Туркестан» сообщалось, что Садык Отегенов и Мауленгул Байзаков готовы организовать в мае театральное представление («театр Ойнау») в пользу мусульман Карса. Пьеса из жизни казахов «Ак жайнатар тапты» была написана жителем Туркестана Сулейменом Кунжарьковым, но еще не напечатана (Казах. 1915. № 118). Потребность казахского сообщества в печатных пьесах ясно выражена в объявлении, подписанном К. Жубановым и Х. Ашыгалбиевым. Они приглашали потенциальных авторов романов, пьес, стихов связаться с ними для издания книг по адресу: станция Джурун (ныне Актюбинской области) (Казах. 1915. № 154).

Материалы о театральных новинках регулярно выходили в казахской печати в 1916 и последующие два года. В 1916 году увидела свет информация в газете «Казах» о театре в г. Атбасар и

Тургае ([Казах. 1916. № 166](#)). В 170 номере «Казах» за 1916 год прошла информация о пьесе Тогусова и указаны адреса редакций, где можно приобрести экземпляры пьесы: г. Троицк, редакция журнала «Айкап», г. Зайсан - магазин Юсуфа Сейфаллина, г. Уфа – редакция «Турмыш» ([Казах. 1916. № 170](#)). События, связанные с восстанием 1916 года в казахских и среднеазиатских областях империи, вновь актуализировали тему драматических постановок. Благотворительные сборы со спектаклей в пользу бедных и мобилизованных на фронт были продолжены.

Самоидентификация казахов в исследуемый период обозначена в периодической печати начала XX века, как «Алаш». К примеру, в информациях о театральных постановках в газете «Казах» присутствует фраза: «Ай мен кундей, Алаш улына бирдей», что в переносном смысле означало «Единение Алаш закономерно, как Луна и Солнце на небесах» ([Казах. 1915. № 154](#)). Обозначенная самоидентификация (народ «Алаш») характерна и для корреспондентов журнала «Айкап» (1911–1915 гг.). Ввиду большей консервативности издания, в «Айкапе» тема театра и драматургии поднималась редко. В одной из заметок о состоявшемся в г. Перовск концерте содержится призыв к казахским знатокам домбры и вокала совершенствовать свои наклонности ([Айкап. 1912. №1](#)).

Бурные события февраля-марта и осени 1917 года переключили национальную элиту Алаш на решение насущных политических и экономических задач. Южные области края – Сырдарьинская и Семиреченская, не оставались в стороне от новой тенденции. В ноябре следующего года в городе Перовск (каз. Акмешит) учащиеся сыграли пьесу из жизни казахов «Тан тамаша» («Прекрасное утро») Рахата Толешева, о чем сообщала ташкентская газета «Бирлик туы» («Единство»). Был создан «Союз учащейся казахской молодежи», который взял на себя инициативу издавать и распространять пьесы Р.Толешева (им была создана пьеса «Ага султан» и др.) ([Бирлик туы. № 17 от 14 декабря 1917](#)). В городе Казалинске учащимися также был создан кружок любителей театра, участники которого объявили сбор пьес. В кружки и союзы входила молодежь разных национальностей: казахи, узбеки, татары и русские ([Бирлик туы. 1918 от 15 февраля. № 23](#)). Данная тенденция – создание молодежных объединений – характерна для восточных народов России в первые десятилетия XX века. Они создавались в городах Омск, Петропавловск, Акмолинск, Семипалатинск, казахская и татарская молодежь устраивала благотворительные спектакли. В Прииртышье в тот период становится известен талантливый автор и постановщик пьес «Рабига», «Мансапкорлар» («Карьеристы»), «Канания - Шарбану», «Шернияз», «Сылан кыз» («Модница») и др., Жусипбек Аймауытов ([Казахстан..., 2005. II: 29](#)). Одна из пьес им написана в 1916 году и посвящена отправке на тыловые работы казахов. 17 декабря 1917 года в Семипалатинске он поставил пьесу «Рабига» ([Казахстан..., 2004. I: 79](#)). Светский характер первых казахских спектаклей не вызывает сомнений; их авторы и исполнители много читали современных им авторов, стремились передать зрителям тягу к знаниям, просвещению. Их начинания приветствовали авторы старшего поколения, например М.Ж. Копеев, в письме Ж. Аймауытову ([Копейулы, 2023: 290-293](#)).

В городе Чимкент татарская и казахская молодежь поставила благотворительный спектакль «Чингизхан», были исполнены стихи Абая и Миржакыпа. Среди исполнителей запомнился 13-14-летний певец Жандарбеков. Полученные средства передали для голодающих в питательный пункт ([Бирлик туы. 1918. № 26 от 22 марта](#)). В г. Оренбурге казахская учащаяся молодежь из общества «Игилик» поставила благотворительную пьесу Б. Кулеева, заработанные средства были переданы малоимущим ([Бирлик туы. 1918. № 28 от 27 марта](#)). Сыновья известного казахского просветителя Абая Кунанбаева (1845–1905) на основе поэмы Шакарима «Енлик-Кебек» создали пьесу и осуществили представление для собравшихся на свадьбу родных ([Сары-Арка. 1917. Июля 17. № 2](#)). Это действие происходило в аульной местности.

Парадоксально, но факт: жители края, исповедуя ислам, тем не менее охотно откликались на зрелищные постановки и сами в них участвовали (преимущественно молодежь), что должно было диссонировать с догмами религии. Казахское сообщество, таким образом, демонстрировало гибкость и адаптацию к современным для того времени трендам. Особенно охотно посещались выступления казахского борца М. Мунайтпасова; о его победах сообщала и газета Сары-Арка ([Сары-Арка. 1917. № 26. 26 декабря](#)). В этом же номере газеты писали о созданном в Семипалатинске декабре 1916 года казахской молодежью обществе «Талап», которое одной из целей просветительской работы ставит задачу распространять новости о театре. Написанная казахским педагогом Билалом Сулеевым комедия «Картага салынган катын» впервые была поставлена в Алматы. В ней прозвучали сатирические нотки гоголевских комедий.

Сам по себе факт театрализации имел прогрессивное значение. «Кочевой» театр и драматургия у мусульманских народов России в указанных хронологических рамках подлежит к прогрессивным прорывным проектам самореализации.

5. Заключение

Популяризация современных форм театра на рубеже XIX–XX века у кочевых народов имела особенности. В казахском социуме процесс происходил вопреки запретам («харам») в исламе. Практика же идентификации и «импорта» оригинальных сюжетов для театральных постановок в обозначенный хронологический период в азиатские общества, связанные с Россией политико-

дипломатическими и торгово-экономическими контактами, имела определенно общую природу. В ходе исследования письменных источников систематизированы данные о ранних пьесах, поставленных казахскими педагогами и учащимися джадидских учебных заведений, уточнены сведения о географии ранних постановок. Спектакли ставились в разных регионах – Степном и Туркестанском краях, что обусловило «импорт» ряда пьес татарских и узбекских (сарг) авторов. Заметна была тенденция к заимствованию сюжетов русскоязычных пьес, что логично ввиду экономико-географических устойчивых связей; ближайшие города – Омск, Оренбург, Казань и Уфа, Ташкент и другие – были локациями для «импорта» культурных достижений в пределах империи. Геолокация первых постановок охватывает области: Акмолинскую, Тургайскую, Семипалатинскую и Сырдарьинскую в большей степени и в меньшей – Семиреченскую. Последнее могло быть связано с преобладанием на юге мусульманских традиций; так, в прессе начала XX века редки сообщения о казахских спектаклях в Копале, Лепсы и соседнем Пишпеке.

Системным данный процесс характеризовать представляется сложным; нередко понравившуюся пьесы привозили в страны Востока извне, спонтанно. Можно утверждать, что в начале XX века не было какого-либо координированного управления данным процессом со стороны государства либо конкретного общественного объединения. Типичными векторами пополнения театрального репертуара азиатских обществ в начале XX столетия были: «челночные» миграции социально активных учащихся, выпускников европейских (в том числе российских) учебных заведений, которым довелось посетить театральные постановки и оценить их потенциальный успех у восточного зрителя.

Меценаты нередко способствовали покупке костюмов и реквизита, школьные сообщества за счет благотворительных сборов оплачивали написание пьес, самодеятельные постановки способствовали раскрытию творческих способностей юных актеров, исполнителей. Очевидно, что был дан импульс полиязычным практикам и поиску терминов на восточных языках для театральной лексики; обозначилась дефиниция «театр Китабы» (пьеса, дословно «театральная книга») для обозначения особого жанра письменной авторской продукции, что отражено в периодической печати начала XX века.

Примечательно, что самоидентификация казахов в описываемый период укладывалась в емкое определение «Алаш», что подтверждается текстами о театральных спектаклях в казахских газетах того периода. Локализация стационарных школ в городской местности имела преимущество в большем доступе к подписным печатным изданиям, ведь собственно, подписчиками журналов и газет были педагоги, которые и направляли информации о постановках в эти издания. Пресса освещала те факты, о которых получала сообщения через «обратную связь», однако из поля зрения редакций выпадали аульные кочевые школы, где также могли ставиться спектакли.

Для реализации идеи получения текстов, их перевода на восточные языки и последующей адаптации к восточной ментальности прилагались определенные усилия. Сопутствующими обстоятельствами исследуемой межкультурной коммуникации в начале XX века были: рост самосознания в восточных обществах и интерес к культуре соседних народов, увеличение численности джадидских учебных заведений в Российском Туркестане и повышение гражданской активности лидеров общественного мнения.

Благодаря возвращаемым в научный оборот источникам в виде дореволюционных печатных изданий на казахском языке, редакторами и корреспондентами которых были представители передовой части общества, репрессированные в известный политический период, имеет смысл продолжить поиски по реконструкции истории самодеятельной драматургии этносов и этнических групп, идентифицировавших себя подданными российской короны.

Пополнение репертуаров театральных групп, часто самодеятельных, путем «импорта» пьес свидетельствует о высокой потребности в духовном обновлении, поскольку приобщение к произведениям мастеров вызывало определенную амплитуду сопереживания, эмпатии. Процесс имел осознанный характер на уровне заинтересованной части восточных сообществ.

Жанровая специфика казахских пьес позволяет отнести их к музыкально-драматическим. Популярными, помимо собственно пьес, в программе вечеров были декламация и музыкальные номера, игра на различных музыкальных инструментах. В начале XX века инструментами популяризации театра и драматургии в казахском обществе оказались: печатные средства массовой информации, программы деятельности молодежных общественных объединений. Призывы к сочинению новых пьес печатались параллельно с информацией о пьесах русских, азербайджанских, татарских, узбекских и таджикских авторов. В дореволюционных источниках сохранились имена авторов драм (К. Тогусов, Ж. Аймауытов, К. Кеменгеров, С. Кунжарыков, Р. Тулешов и мн. др.) и редакторов Е. Буйрина, М. Сералина, А. Байтурсынова, М. Шокая, М. Дулатова, Р. Марсекова и др. Возможно, первые казахские пьесы не были совершенными с точки зрения классического театрального репертуара, но то были вехи эволюции национальной культуры наряду с периодической печатью.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках реализации проекта Фундаментальных научных исследований (ФНИ) BR20280975 «Исторические традиции казахской государственности и проблемы сохранения национальной идентичности» при финансовой поддержке КН МНВО РК.

Литература

- Абдиманулы, Шортанбаев, 2017** – Абдиманулы О., Шортанбаев Ш. XX ғасыр басындағы әдебиет. Алматы: Казак университети, 2017. 406 с.
- Алексеев-Апраксин, 2011** – Алексеев-Апраксин А.М. Ориентализм в истории культуры Петербурга // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2011. №1. С. 207-214.
- Буравова, 2021** – Буравова М.А. История переводов произведений Н.В. Гоголя на узбекский язык // *Культура и цивилизация*. 2021. Том 11. № 3. С. 60-67.
- Вакт, 1915** – Вакт. 1915. № 1679 от 16 янв.
- Жиенкулова, 1983** – Жиенкулова Ш. Омирим менин – онерим. Алматы: Жазушы, 1983. 216 с.
- Какишев, 1994** – Какишев Т. Казак әдебиет сынынын тарихы. Алматы: Санат, 1994. 448 с.
- Казах мадениети, 2005** – Казах мадениети. Энциклопедический справочник. Алматы: Аруна Ltd., 2005. 656 с.
- Казахстан..., 2005** – Казахстан. Национальная энциклопедия. гл. ред. Б. Аяган. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2005. Т. I-V.
- Касымова, 2017** – Касымова Д. Мемуары Розы Баглановой как источник по истории казахской культуры в 1930-е годы // *Айқап*. 2017. № 3. С. 75-80.
- Кереева-Канафиева, 1980** – Кереева-Канафиева К.Ш. Русско-казахские литературные отношения (Вторая половина XIX – первое десятилетие XX века). 2-е изд. Алма-Ата: Казахстан, 1980. 280 с.
- Колко, 2016** – Колко М. «Воскресение» Симамуры Хогэцу – смысл названия и его метаморфозы // *Japanese Slavic and East European Studies*. 2016. Vol. 37. Pp. 35-49.
- Копейулы, 2023** – Копейулы М.Ж. Избранное. Книга 2. Сост. А. Оралбек. Алматы: Сенимен болашак, 2023. 320 с.
- Кузембаева, 2024** – Кузембаева Н. Латипа Мунайтпаскызы // *Егемен Казакстан*. 31 окт. 2024. С. 6.
- Кундакбаев, 1976** – Кундакбаев Б. Путь театра. Алма-Ата: Жалын, 1976. 264 с.
- Марахонова, 2014** – Марахонова С.И. (Пребывание Сергея Елисеева в Японии (1908–1914 гг.) // *Восточный архив*. 2014. № 2(30). С. 55-64.
- Махмуд, 2018** – Махмуд Л. Исхокхон Ибрат яратган бог. В кн.: Исхокхон Ибрат яратган бог. Рисола, маколалар, хотиралар. Наманган: «Наманган» нашриёти, 2018. 256 с.
- Мейерхольд и др., 2000** – [Б. а.] Мейерхольд и другие. Документы и материалы. Мейерхольдовский сборник. Вып. 2. М., 2000. 768 с.
- Нурпеисов, Жусуп, 2022** – Нурпеисов Е.К., Жусуп С.А. Исторические факты о суверенитете Алаш // *Отан тарихы*. 2022. № 4. С. 101-110.
- Отеева, 2003** – Отеева Г.Е. Общественно-политическая деятельность К. Тогусова. Автореферат канд. ист. наук. Алматы: Казак университет, 2003. 38 с.
- Прохоров, 2020** – Прохоров И. Беспокойная «Галия» // *Казахстанская правда*. 2020. 9 окт. С.5.
- РГАЛИ** – Российский государственный архив литературы и искусства.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Семиреченские..., 1913** – Семиреченские областные ведомости. 8 окт.1913 г.
- Серова, 2017** – Серова С.А. Театральная культура серебряного века в России и художественные традиции Востока (Китай, Япония, Индия). М.: Институт востоковедения РАН, 2017. 416 с.
- Театральная энциклопедия, 1963** – Театральная энциклопедия. Т. 2. Глав. ред. П. А. Марков. М.: Советская энциклопедия, 1963. 1216 стб.
- Тогусов, 1915** – Тогусов К. Надандык курбаны. Драма в трех частях. Уфа (и. н.), 1915.
- Тучинская, 2013** – Тучинская А. Я. Мейерхольд и "театр сильных ощущений" антреприза Казанского, 1909 год // *Вопросы театра*. 2013. №1-2. С. 244-255.
- Хисамутдинов, 2015** – Хисамутдинов А.А. Русский театр в Китае. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2015. 63 с.
- Хотинская, 2008** – Хотинская Г. Некоторые заметки и информационная справка о переводах на иностранные языки произведений Н. В. Гоголя. 29.09.2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chgk.eu/MUOR/Festivali/Perevody_Gogolja.htm
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦДНИ ВКО** – Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (г. Семей, Казахстан).
- Шанин, 1988** – Шанин Ж. Аркалык батыр. Сост. Р. Нургалиев. Алматы: Онер, 1988. 400 с.
- Шулунова, 2014** – Шулунова Е.К. Китайский драматический театр Хуацзюй и русская театральная культура начала XX в. // *Общество и государство в Китае*. 2014. № 2. С. 773-779.

- [Allworth, 1964](#) – *Allworth E.* The Beginnings of the Modern Turkestanian Theater. *Slavic Review*. 1964. 23 (4): 676-687.
- [Berton, 2012](#) – *Berton R.* Russo-Japanese Relations, 1905–1917: From Enemies to Allies. New York: Routledge, 2012. 20 p.
- [Hennion, 2012](#) – *Hennion C.* La Naissance du théâtre moderne à Tokyo (1842-1924): Du kabuki de la fin d'Edo au Petit Théâtre de Tsukiji. *Entretiens Ed.*, 2012. 416 p. [in French]
- [Hyunju, 2020](#) – *Hyunju C.* An overview of the importation of Russian literature into modern and contemporary history of Korean literature. *The journal of direction and development of Korean studies in Russia*. 2020. 1(1): 21-28.
- [Kendirbaeva, 1999](#) – *Kendirbaeva, G.* (1999). 'We are children of Alash...' The Kazakh intelligentsia at the beginning of the 20th century in search of national identity and prospects of the cultural survival of the Kazakh people. *Central Asian Survey*. 18(1): 5-36.
- [Leiter, 2014](#) – *Leiter S.L.* Historical Dictionary of Japanese Traditional Theatre. 2nd ed. Rowman & Littlefield Publishers, 2014. 1099 p.
- [Miller, 2009](#) – *Miller J. S.* Historical Dictionary of Modern Japanese Literature and Theater. Langem: Scarecrow Press, Rowman & Littlefield Publishers, 2009. 262 p.
- [Powell, 2016](#) – *Powell B.* Japan's Modern Theatre: A Century of Change and Continuity. Oxford: Routledge, 2016. 250 p.
- [Tschudin, 2015](#) – *Tschudin J.* Histoire du théâtre classique Japonais. Toulouse: Editions Anacharsis, 2015. 494 p.
- [Uyama, 2020](#) – *Uyama T.* Why in Central Asia, why in 1916? The revolt as an interface of the Russian colonial crisis and the World War. In: *The Central Asian Revolt of 1916: A collapsing empire in the age of war and revolution*. Ed. A. Chokobaeva, Cloé Drieu, A. Morrison. Manchester University Press, 2020. 384 p. Pp. 27-44.
- [Wu Yun Ta Na, 1991](#) – *Wu Yun Ta Na.* Theatre (Mongolia). Inner Mongolia Education Press, 1991.

References

- [Abdimanuly, Shortanbaev, 2017](#) – *Abdimanuly, O., Shortanbaev, Sh.* (2017). XX gasyr basyndagy adebiet [Literature of the early twentieth century]. Almaty. 406 p. [in Kazakh]
- [Alekshev-Apraksin, 2011](#) – *Alekshev-Apraksin, A.M.* (2011). Orientalizm v istorii kul'tury Peterburga [Orientalism in the history of culture of St. Petersburg]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 1: 207-214. [in Russian]
- [Allworth, 1964](#) – *Allworth, E.* (1964). The Beginnings of the Modern Turkestanian Theater. *Slavic Review*. 23(4): 676-687.
- [Berton, 2012](#) – *Berton, R.* (2012). Russo-Japanese Relations, 1905–1917: From Enemies to Allies. New York: Routledge. 20 p.
- [Buravova, 2021](#) – *Buravova, M.A.* (2021). Istoriya perevodov proizvedenii N.V. Gogolya na uzbekskii yazyk [The history of translations of N.V. Gogol's works into the Uzbek language]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. 11(3): 60-67. [In Russian]
- [TGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [TsDNI VKO](#) – Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti (Semei, Kazakhstan) [Center for Documentation of Contemporary History of the East Kazakhstan Region (Semei, Kazakhstan)].
- [Hennion, 2012](#) – *Hennion, C.* (2012). La Naissance du théâtre moderne à Tokyo (1842-1924): Du kabuki de la fin d'Edo au Petit Théâtre de Tsukiji [The Birth of modern theater in Tokyo (1842-1924): From the kabuki of the end of Edo to the Small Theater of Tsukiji]. *Entretiens Ed.* 416 p. [in French]
- [Hyunju, 2020](#) – *Hyunju, C.* (2020). An overview of the importation of Russian literature into modern and contemporary history of Korean literature. *The journal of direction and development of Korean studies in Russia*. 1(1): 21-28.
- [Kakishev, 1994](#) – *Kakishev, T.* (1994). Kazak adebietinin synynyn tarikhy [The history of criticism in Kazakh literature]. Almaty. 448 p. [in Kazakh]
- [Kazak madenieti, 2005](#) – *Kazak madenieti.* Entsiklopedicheskii spravochnik [Kazakh culture. An encyclopedic reference book]. Almaty, 2005. 656 p. [in Kazakh]
- [Kazakhstan..., 2005](#) – *Kazakhstan.* Natsional'naya entsiklopediya [Kazakhstan. The National Encyclopedia]. Kazakhstan. Natsional'naya entsiklopediya. gl. red. B. Ayagan. Almaty: Kazak entsiklopediyasy, 2005. T. I-V. [in Russian]
- [Kasymova, 2017](#) – *Kasymova, D.* (2017). Memuary Rozy Baglanovoi kak istochnik po istorii kazakhskoi kul'tury v 1930-e gody [Memoirs of Rosa Baglanova as a source on the history of Kazakh culture in the 1930s]. *Aikap*. 3: 75-80. [in Russian]
- [Kendirbaeva, 1999](#) – *Kendirbaeva, G.* (1999). 'We are children of Alash...' The Kazakh intelligentsia at the beginning of the 20th century in search of national identity and prospects of the cultural survival of the Kazakh people. *Central Asian Survey*. 18(1): 5-36.

- Kereeva-Kanafieva, 1980** – *Kereeva-Kanafieva, K.Sh.* (1980). Russko-kazakhskie literaturnye otnosheniya (Vtoraya polovina XIX – pervoe desyatiletie XX veka) [Russian-Kazakh literary relations (The second half of the XIX – the first decade of the XX century)]. Alma-Ata. 280 p. [in Russian]
- Khisamutdinov, 2015** – *Khisamutdinov, A.A.* (2015). Russkii teatr v Kitae. [Russian Theater in China] Vladivostok. 63 p. [in Russian]
- Khotinskaya, 2008** – *Khotinskaya, G.* (2008). Nekotorye zametki i informatsionnaya spravka o perevodakh na inostrannyye yazyki proizvedenii N. V. Gogolya [Some notes and information about translations into foreign languages of Gogol's works] 29.09. 2008. [Electronic resource]. URL: http://www.chgk.eu/MUOR/Festivali/Perevody_Gogolja.htm [in Russian]
- Kolko, 2016** – *Kolko, M.* (2016). «Voskresenie» Simamury Khogetsu – smysl nazvaniya i ego metamorfozy ["Resurrection" by Shimamura Hogetsu – the meaning of the name and its metamorphosis]. *Japanese Slavic and East European Studies*. 37: 35-49. [in Russian]
- Kopeiuly, 2023** – *Kopeiuly, M.Z.* (2023). Izbrannoe [Selected works]. Book 2. Comp. A. Oralbek. Almaty. 320 p. [in Kazakh]
- Kundakbaev, 1976** – *Kundakbaev, B.* (1976). Put' teatra [The way of the theater]. Alma-Ata. 264 p. [in Russian]
- Kuzembaeva, 2024** – *Kuzembaeva, N.* (2024). Latipa Munaitpaskyzy [Latipa Munaitpaskyzy]. *Egemen Kazakstan*. 31.01.2024. P. 6. [in Kazakh]
- Leiter, 2014** – *Leiter, S.L.* (2014). Historical Dictionary of Japanese Traditional Theatre. 2nd ed. Rowman & Littlefield Publishers. 1099 p.
- Makhmud, 2018** – *Makhmud, L.* (2018). Iskhokkhon Ibrat yaratgan bog [The Creator of the garden]. Namangan. 256 p. [in Uzbek]
- Marakhonova, 2014** – *Marakhonova, S.I.* (2014). Prebyvanie Sergeya Eliseeva v Yaponii (1908–1914) [Sergey Eliseev's stay in Japan (1908–1914)]. *Vostochnyi arkhiv*. 2(30): 55-64. [in Russian]
- Meierkhol'd et al, 2000** – *Meierkhol'd et al.* (2000). Dokumenty i materialy. Meierkhol'dovskii sbornik [Documents and materials. The Meyerhold Collection]. Is. 2. M. 768 p. [in Russian]
- Miller, 2009** – *Miller, J.S.* (2009). Historical Dictionary of Modern Japanese Literature and Theater. Langem: Scarecrow Press, Rowman & Littlefield Publishers. 262 p.
- Nurpeisov, Zhusup, 2022** – *Nurpeisov, E.K., Zhusup, S.A.* (2022). Istoricheskie fakty o suverenitete Alash [Historical facts about the sovereignty of Alash]. *History of the motherland*. 4: 101-110. [in Russian]
- Otepova, 2003** – *Otepova, G.E.* (2003). Obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost' K. Togusova [K. Togusov's socio-political activity]. Avtoreferat kand. ist. nauk. Almaty: Kazak universitet, 38 p. [in Russian]
- Prokhorov, 2020** – *Prokhorov, I.* (2020). Bepokoinaya «Galiya» [Restless “Galia”]. *Kazakhstanskaya pravda*. 9 Okt. P. 5. [in Russian]
- RGALI** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].
- Semirechenskie..., 1913** – Semirechenskie oblastnye vedomosti [Semirechensk regional news]. 1913. 8 Okt. [in Russian]
- Serova, 2017** – *Serova, S.A.* (2017). Teatral'naya kul'tura serebryanogo veka v Rossii i khudozhestvennye traditsii Vostoka (Kitai, Yaponiya, Indiya) [The theatrical culture of the Silver Age in Russia and the artistic traditions of the East (China, Japan, India)]. M., 416 p. [in Russian]
- Shanin, 1988** – *Shanin, Zh.* (1988). Arkalyk batyr. Comp. R. Nurgaliev. Almaty. 400 p. [in Kazakh]
- Shulunova, 2014** – *Shulunova, E.K.* (2014). Kitaiskii dramaticheskii teatr Khuatszyui i russkaya teatral'naya kul'tura nachala 20 v. [Chinese Huajui Drama Theater and Russian theatrical culture of the early twentieth century]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2: 773-779. [in Russian]
- Teatral'naya entsiklopediya, 1963** – Teatral'naya entsiklopediya [The Theatrical Encyclopedia]. Vol. 2. M., 1963. [in Russian]
- Tuchinskaya, 2013** – *Tuchinskaya, A.Ya.* (2013). Meierkhol'd i "teatr sil'nykh oshchushchenii" antrepriza Kazanskogo, 1909 [Meyerhold and the "theater of strong feelings" by Kazansky's enterprise, 1909]. *Voprosy teatra*. 1-2: 244-255. [in Russian]
- Togusov, 1915** – *Togusov, K.* (1915). Nadandyk kurbany [The victim of ignorance]. Ufa. [in Kazakh]
- Powell, 2016** – *Powell, B.* (2016). Japan's Modern Theatre: A Century of Change and Continuity. Oxford: Routledge. 250 p.
- Tschudin, 2015** – *Tschudin, J.-J.* (2015). Histoire du théâtre classique Japonais [History of Japanese classical theater. Toulouse: Editions Anacharssis. 494 p. [in French]
- Uyama, 2020** – *Uyama, T.* (2020). Why in Central Asia, why in 1916? The revolt as an interface of the Russian colonial crisis and the World War. In: The Central Asian Revolt of 1916: A collapsing empire in the age of war and revolution. Ed. A. Chokobaeva, Cloé Drieu, A. Morrison. Manchester University Press. 384 p. Pp. 27-44.
- Vakt, 1915** – *Vakt*. 1915. № 1679. [in Tatar]
- Wu Yun Ta Na, 1991** – *Wu Yun Ta Na* (1991). Theatre (Mongolia). Inner Mongolia Education Press; 1991.

Zhienkulova, 1983 – *Zhienkulova, Sh.* (1983). Omirim menin – onerim [My life is my art]. Almaty. 216 p. [in Kazakh]

Из истории популяризации «кочевого» театра в Центральной Азии через казахскую периодическую печать в начале XX века

Самат Жуматай ^a, Гюльнар К. Муканова ^{b, *}, Айнагул М. Еспенбетова ^c,
Джанаргул С. Муталова ^d

^a Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии имени Ч.Ч.Валиханова, Республика Казахстан

^c Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, Республика Казахстан

^d Западно-Казахстанский аграрно-технический университет им. Жангир хана, Республика Казахстан

Аннотация. Целью данного исследования было выявить особенности популяризации идеи театра и драматургии в казахском сообществе посредством первых периодических изданий на родном языке в начале XX века. События первого десятилетия XX века (русско-японская война, 1905 год, выборы в Государственную Думу и проч.), как выяснилось, всколыхнули не только политическую, но и в целом культурную жизнь сообществ восточных регионов в пределах Российской империи. Пробуждение сознания нашло отражение в предпочтении визуальных средств коммуникации, к числу которых в тот период относились театральные постановки, цирковые и музыкальные вечера. В освещении обозначенного процесса активно участвовала периодическая печать российского Востока, в данном случае Центральной Азии. Любопытно, что выпускники джадидских учебных заведений внесли определенный вклад в популяризацию идеи национального театра и драматургии. Данный социальный процесс сравним по целеполаганию с более масштабным общероссийским культурно-просветительским процессом, известным как «передвижники». Тенденция доносить достижения культуры в массы в последней трети XIX века нашла отклик, что немаловажно, и в отдаленных областях России: о событиях театральной жизни инородцев печатали журналы и газеты на татарском и казахском языках. Материалами исследования послужила пресса, издававшаяся арабской гарнитурой на понятном для ряда тюркоязычных народов общем алфавите – газета «Казах» и другие. Популяризация в массах музыкальных и драматических произведений сценического искусства в восточных регионах империи, безусловно, имела специфические черты. Как следствие, интерес к театру и драматургии среди тюркоязычных народов России сопровождался межкультурным обменом, именуемым в специальной литературе «импортом» популярных пьес русских классиков с последующей их переработкой (адаптацией) к этнокультурным особенностям. «Театральная» тема использовалась в целях просвещения и формирования гражданского сознания зарождавшимися казахскими политическими партиями. Появился жанр театральной критики.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, казахи, история, театр, репертуар, декламация, драматургия, благотворительность, периодические издания.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова),
kopeev95@mail.ru (С. Жуматай), aikami@mail.ru (А.М. Еспенбетова),
mutalova.dzhanargul@mail.ru (Д.С. Муталова)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 439-445
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.439

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Siege of Przemyśl (1914–1915) in the Russian Periodical Press

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

Russian periodical press materials are used to examine the siege of the Austrian fortress of Przemyśl (1914–1915). Russian central and regional newspapers of the First World War period were used as materials, namely: “Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga”, “Voennyi telegraf” and “Voennyi vestnik” daily newspaper. The siege of Przemyśl was covered on the pages of these newspapers in the period from December 2, 1914 to March 11, 1915.

In conclusion, the authors state that the siege of any fortress is a matter that requires a significant amount of time or a significant amount of human and technical resources. In the first case, it is enough to simply qualitatively block the fortress and wait for surrender, and in the second – to participate in bloody and expensive assaults. In Przemyśl, the Russian army, after an unsuccessful first attempt to seize the fortress, decided to act according to the scenario of a long-term siege. Despite the fact that the siege lasted a long time (from the end of October 1914 to the beginning of March 1915), in the media in 1914 very little was written about the siege of Przemyśl. The information silence in the Russian periodical press was a consequence of the lack of active hostilities around the fortress, which was broken only when the Austrian garrison made unsuccessful attempts to break through. In January-February 1915, when the situation of the Austrian garrison became more and more doomed, more events began to take place around the fortress, some of which demonstrated defeatist sentiments among the Austrian soldiers. Finally, on March 9, 1915, the Przemyśl fortress fell.

Keywords: newspapers, “Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga”, “Voennyi telegraf”, “Voennyi vestnik”, siege, Przemyśl, 1914–1915, Russian army, World War I.

1. Введение

Осада австрийской крепости Перемышль русской армией в годы Первой мировой войны является одним из наиболее громких дел Русской императорской армии в начальный период войны. Предпосылками к осаде стал неудачный штурм, который был осуществлен с 5 по 8 октября 1914 г. После штурма крепость была на некоторое время деблокирована и в конце октября вновь окружена русскими войсками. В этот раз русское командование решило взять крепость измором. В данной работе мы хотели бы рассмотреть отражение темы осады Перемышля в русской периодической печати.

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

2. Материалы и методы

В качестве материалов использовались русские центральные и региональные газеты периода Первой мировой войны, а именно: «Солдатский вестник Петроградского военного округа» – газета издавалась в г. Петрограде (периодичность: 3 номера в неделю), «Военный телеграф» – ежедневная газета, издавалась в г. Петрограде и «Военный вестник» – ежедневная газета (г. Екатеринодар, Кубанская область). Тема нашего исследования освещалась на страницах этих газет в период с 2 декабря 1914 г. по 11 марта 1915 г.

Ввиду того, что в работе в качестве источников привлечена русская периодическая печать периода Первой мировой войны, посвященная освещению осады Перемышля в 1914–1915 гг., то методологическим базисом стал метод контент-анализа. Применение в работе этого метода позволило нам отобрать материалы, посвященные теме нашего исследования. При помощи ретроспективного метода – представить события в хронологической последовательности и произвести анализ причинно-следственных связей.

3. Обсуждение

Тема осады Перемышля в российской историографии рассматривалась неоднократно. Так, например, И.В. Обьедков изучал стенограммы пресс-конференции русского генерального штаба и отражение в них темы осады крепости Перемышль (Обьедков, 2014). Другой исследователь, Е.Л. Кривочуприн, уделил внимание предпосылкам осады крепости, а именно неудачной попытке ее взятия накануне осады (Кривочуприн, 2014). Обращались авторы и к теме взятия Перемышля на материалах периодической печати. Этой теме уделила свое внимание М.Э. Клопова (Клопова, 2016).

Вообще, тема Первой мировой войны на материалах русской периодической печати в последнее время рассматривалась часто. Так, например, тему «Дети на войне» на материалах армейской газеты рассматривали Г. Раевич и С. Братановский (Rajović, Bratanovskii, 2023). Также Г. Раевич и другие обращались к этой теме. Т.А. Магсумов и другие рассматривали газету «Задуманное слово» как источник по Первой мировой войне (Rajović et al., 2022), обращались к изучению Первой мировой войны на страницах газеты «Студенческий вестник Киевского коммерческого института» (Magsumov et al., 2023). В свою очередь, В.С. Каменский рассматривал литературную пропаганду и литераторов, работавших в период Первой мировой войны (Kamensky, 2021), а В.А. Пархоменко – образ врага, который формировался периодической печатью в годы Первой мировой войны (Parkhomenko, 2018).

Таким образом, несмотря на обращение к тематике нашего исследования отдельных специалистов, тема осады Перемышля на материалах русской периодической печати до настоящего времени не становилась объектом исследования, что и предопределило наше обращение к данной теме.

4. Результаты

Одна из первых публикаций о событиях под Перемышлем появилась в «Солдатском вестнике Петроградского военного округа» 2 декабря 1914 г. В заметке под названием «Тяжелое положение гарнизона в Перемышле» отмечалось, что 30 ноября прибыло несколько тысяч пленных австрийцев из Перемышля. Пленные рассказывали, что в крепости голод, пищу выдавали всего три раза в неделю и что со дня на день можно ожидать сдачи крепости. Всего было доставлено около пяти тысяч пленных солдат и 54 офицера (Тяжелое положение..., 1914: 3).

В этой же публикации со ссылкой на сестру милосердия Анну Попович (жительница Равы-Русской), которая вернулась из Перемышля, указывалось, что в крепости находилось много германских войск. Австрийские же войска предпочитали сдаваться в плен, бросая ружья, а затем направлялись по канавам в сторону русских. Заметья из фортов, что солдаты дезертируют, немцы часто расстреливали их шрапнельным артиллерийским огнем и огнем из пулеметов (Тяжелое положение..., 1914: 3).

Очередная публикация, иллюстрирующая осаду Перемышля, появилась в «Солдатском вестнике Петроградского военного округа» 10 декабря 1914 г. Так, в сообщении от штаба Верховного Главнокомандующего сообщалось, что в районе Перемышля австрийцы пытались произвести вылазку значительными силами в направлении на Бирчу, но попытка эта привела к печальным для них результатам. Атакованные во фланг русскими войсками австрийцы были отброшены, потеряв много пленных. Спустя день части Перемышльского гарнизона вновь пытались производить вылазки в различных направлениях, но всюду были отброшены к своим укреплениям с большим для них уроном (От штаба..., 1914: 1-2).

В этом же номере за 10 декабря в рубрике «Военный обзор» корреспондент газеты резюмировал, что «последние известия с театра войны сообщают о двух новых явлениях в ходе военных действий – одно на далеком западном театре, другое на нашем фронте – о начале наступления наших союзников на их северном фланге и о попытке к прорыву австрийцев из Перемышля. Оба они означают «начало конца» – первое для германцев на их Западном фронте, второе – для гарнизона Перемышля» (Военный обзор, 1914: 2).

Чуть больше деталей о вылазках гарнизона Перемышля мы находим в той же газете в том же номере за 10 декабря в материале «Из действующей армии». Так, в газете сообщалось, что 2 декабря под Перемышлем части гарнизона пытались произвести две вылазки одновременно в северном и южном направлении. Русские войска, перейдя в контратаку, заставили противника отступить в крепость. При этом русскими было захвачено в плен пять офицеров и 300 нижних чинов, а также три пулемета (*Из действующей армии, 1914: 2*).

Тем временем осада Перемышля шла своим чередом. 13 декабря 1914 г. в «Солдатском вестнике Петроградского военного округа» в заметке «От штаба Верховного Главнокомандующего» отмечалось, что под Перемышлем австрийцы опять произвели вылазку, причем несколько неприятельских рот, выдвинувшихся вперед, были совершенно уничтожены русскими войсками, а остатки взяты в плен; при этом захвачено 1,5 версты полевой железной дороги. Взятые у неприятеля пулеметы были тут же использованы русской пехотой для обстрела подходивших резервов противника (*От штаба..., 1914а: 1*).

21 января русская печать вновь сообщила о некотором успехе под Перемышлем. Так, по сообщению в «Солдатском вестнике Петроградского военного округа», к югу от укрепрайона русские войска продвинулись вперед и захватили 60 пленных. При этом также отмечалось, что под Перемышлем без существенных перемен (*Из действующей армии, 1915: 3*).

25 января 1915 г. к обсуждению темы осады Перемышля подключилась и газета «Военный телеграф», которая дала ряд важных пояснений, касаемых осады этой австрийской крепости. Так, в заметке «Под Перемышлем» отмечалось, что достаточно некоторой осведомленности о характере укреплений первоклассной австрийской крепости, чтобы понять медлительность, в которой некоторые «стратеги» готовы упрекать командующих русской осадной армией. Повторяющиеся время от времени сообщения штаба Верховного главнокомандующего, что «под Перемышлем – без перемен», говорит только, что не наступил еще момент, когда охваченная мощным боевым кольцом твердыня могла бы быть потрясена в своем основании. Крепость падет, когда пробьет ее час, под совместными ударами русской армии и ее союзника – времени, неуклонно подтачивающего жизненные силы осажденных (*С-ко, 1915: 2*). При этом автор дал некоторое представление и о фортификационных сооружениях самой крепости: «Перемышль окружен концентрическими кругами укреплений. Внешний радиус состоит из проволочных заграждений, шириной в несколько сажень, соединенных электрическими проводами, по которым в любой момент может быть пущен ток высокого напряжения. Затем, ближе к крепости, следуют покатые земляные прикритыи, отделенные рвами; еще ближе – фланкирующие постройки, а там – волчьи ямы и прочее. Кроме того, предполагают, что подступы к фортам заложены фугасами... На крепостных фортах в течение ночи горят прожекторы большой мощности. Эти «глаза» прорезывают тьму, бросая длинные ленты света, от которых ничего не может укрыться» (*С-ко, 1915: 2*).

Об особенностях боевой жизни осажденных и осаждающих автор из «Военного телеграфа» отмечал, что бывают недели, когда на всем фронте осажденные и осаждающие сохраняют спокойствие. Обычно такая тишина нарушается, только когда австрийцы делали попытку вылазки. Чаще вылазка направлена была на юго-запад. Но до сих пор ни одна попытка не удалась: артиллерийским и ружейным огнем русских войск австрийцы с большими потерями возвращались назад (*С-ко, 1915: 2*).

Несколько слов автор сказал и о численности гарнизона и степени готовности к осаде. Так, относительно численности гарнизона Перемышля существовало две версии. По одной версии, в крепости до 50 тыс. человек, по другой – от 80 до 90 тыс. (*С-ко, 1915: 2*). Во время первой осады, когда австрийцы были захвачены врасплох русским наступлением в Галиции, в крепости находилось всего 35–40 тыс. человек. Затем, когда русским войскам пришлось отступить и временно снять осаду крепости, австрийцы в продолжение месяца до русского второго наступления и осады Перемышля увеличили численность гарнизона и довели запасы снарядов и продовольствия до максимума. По данным автора, жители ближайших к крепости селений рассказывали, что после снятия первой осады все дороги к Перемышлю были переполнены обозами, днем и ночью доставлявшими боевые снаряды и съестные припасы. И теперь, когда связь с внешним миром прервана, австрийцы пытались пополнять запасы воздушным путем: аэропланы время от времени подвозили партии консервов (*С-ко, 1915: 2*).

При этом некоторые сведения сообщались и о психологическом состоянии осажденных. Так, по рассказам подобранных после вылазки раненых австрийцев, 6-го января в одном из фортов крепости вспыхнул бунт среди частей мадьярских полков. Для подавления восстания по ним был открыт огонь с соседних фортов, а для ликвидации бунта и отвлечения внимания всего гарнизона было приказано открыть огонь со всех фортов в сторону русских позиций под предлогом, что русские якобы пошли на штурм... (*С-ко, 1915: 2*).

11 февраля 1915 г. в «Солдатском вестнике Петроградского военного округа» вновь была опубликована заметка «От штаба Верховного Главнокомандующего», в которой отмечалось, что под Перемышлем русские войска отразили две вылазки гарнизона крепости, понесшего большие потери (*От штаба..., 1915: 1*). Некоторые детали об этой вылазке были напечатаны в этом же номере газеты в

рубрике «Из действующей армии». Так, «под Перемышлем утром 5 февраля противник силою около бригады произвел вылазку в направлении на Берлин, но русские войска перешли в наступление, которое увенчалось полным успехом. Противник отступил, оставив много убитых и раненых. Взяты в плен 1 офицер и 73 нижних чина» ([Из действующей армии, 1915a: 3](#)).

Спустя две недели, 23 февраля 1915 г., к обсуждению темы осады Перемышля присоединилась газета «Военный вестник». В публикации под названием «У Перемышля» отмечалось, что за последнее время гарнизон Перемышля не предпринимал вылазок, но крепостная артиллерия проявляла большую активность и ежедневно выпускала значительное количество тяжелых снарядов в занимаемые русскими войсками позиции. Впрочем, огонь этот являлся совершенно безвредным, так как на тысячу выпущенных крепостью тяжелых снарядов у русских часто приходилось только один раненый; особенно энергичный огонь вели австрийцы по русским аэропланам; при их почти ежедневных пролетах над крепостью множество шрапнелей рвалось в небе, но этот огонь всегда оставался безрезультатным ([У Перемышля, 1915: 2](#)).

4 марта 1915 г. на страницах «Солдатского вестника Петроградского военного округа», в сообщении «От штаба Верховного Главнокомандующего», сообщалось, что под Перемышлем русская пехота неожиданно для себя овладела неприятельскими позициями у села Малковице. Занимавший эти позиции австрийский батальон был взят в плен ([От штаба..., 1915a: 2](#)). По всей вероятности, неожиданное взятие австрийских позиций было связано с деморализацией защищавшего его батальона. Также сообщалось, что 2 марта под Перемышлем шел артиллерийский бой ([От штаба..., 1915a: 2](#)).

Об артиллерийской стрельбе под Перемышлем писала и газета «Военный вестник» за 4 марта 1915 г. ([Бои у Перемышля, 1915: 2](#)).

7 марта 1915 г. в «Солдатском вестнике Петроградского военного округа» была сделана очередная публикация о событиях под Перемышлем. Так, в сообщении «Из действующей армии» отмечалось, что под Перемышлем в ночь на 28 февраля русские войска неожиданной ночной атакой выбили противника, захватив деревню Маковице и укрепленные высоты в районе деревни Валова. При этом было захвачено 8 офицеров, 400 нижних чинов пленными, 2 пулемета, 2 телеграфных аппарата, много проводов и переносные рельсы ([Из действующей армии, 1915b: 2](#)).

Спустя несколько дней, 11 марта 1915 г., в той же газете сообщалось, что, по поступившим данным, вылазка из Перемышля 6 марта была произведена всей 23-й гонведной австрийской дивизией в составе 2-го, 5-го, 7-го и 8-го полков. При отбитии вылазки русскими войсками было взято в плен 107 офицеров, в том числе командир 2-го гонведного полка и 3954 нижних чина; кроме того, было захвачено 16 пулеметов. Потери названной гонведной дивизии убитыми и ранеными, по показанию всех пленных, были весьма значительны. 7-го марта под Перемышлем продолжался энергичный артиллерийский бой. На Западном фронте русскими войсками было взято селение Красичин. На всем обводе крепости гарнизон был отеснен на линию фортов. В ночь на 8-е марта части гарнизона вновь пытались произвести вылазку в северо-восточном направлении на Уйковице, однако ответными мерами они были отброшены обратно с большими для себя потерями ([От штаба..., 1915b: 1](#)).

По всей вероятности, сдача ряда принципиальных для обороны австрийских рубежей привела к необратимым последствиям. В результате развязка событий под Перемышлем произошла достаточно быстро. В этом же номере газеты была опубликована победная реляция: «Сегодня утром, 9 марта, крепость Перемышль сдалась нашим войскам. На Ставке в присутствии ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Верховного Главнокомандующего и всего Штаба отслужено благодарственное молебствие» ([От штаба..., 1915c: 2](#)).

В этом же номере были предоставлены некоторые сведения о последних днях обороны этой цитадели. Так, в заметке «Последние дни Перемышля» отмечалось, что перед вылазкой гарнизона Перемышля 6 марта войскам был отдан следующий приказ генерала Кусманека, коменданта крепости Перемышль, от 5 марта: «Солдаты, полгода прошло с тех пор, как мы, как дети почти всех национальностей нашей возлюбленной родины, плечом к плечу беспрерывно противостоим неприятелю. Благодаря Божьей помощи и нашей храбрости, мне удалось, несмотря на холода и лишения, защитить крепость от неприятеля. Вам в большой мере уже удалось заслужить признательного верховного вождя армии, благодарность страны и даже уважение неприятеля. Там, в нашей возлюбленной стране, тысячи и тысячи сердец бьются из-за вас. Миллионы ждут с затаенным дыханием известий от вас. Представляю вам, герои, мое последнее требование: честь нашей армии и страны того требует.

Я поведу вас, чтобы стальным клином пробить железное кольцо неприятеля, а потом неутомимыми усилиями продвигаться все далее и далее, до тех пор, пока мы не присоединимся к нашей армии, которая ценой тяжелых сражений уже близко подошла к нам. Мы находимся накануне больших боев, потому что противник не пожелает выпустить давно желанную добычу. Но знайте, настоящие защитники Перемышля, у каждого из вас должна быть только одна мысль – вперед, безостановочно вперед, все, что стоит на нашем пути, надо растоптать.

Солдаты, мы разделили последние наши запасы. Честь нашей страны и каждого из нас нам запрещает, чтобы мы после столь тяжелой, славной, победоносной борьбы попали во власть неприятеля, как беспомощная толпа. Герои, солдаты, нам нужно пробиться, и мы пробьемся» (*Последние дни Перемышля, 1915: 2-3*).

По сведениям источника, за последние дни перед вылазкой гарнизон Перемышля получил усиленное довольствие, солдаты получили на руки на пять дней сухарей, консервы, одеяла, новые сапоги. В инструкции, розданной офицерам, указывалось рассказать солдатам, что при возвращении в крепость их ждет бесславная участь, и поэтому они должны разорвать русский фронт во что бы то ни стало. Восточное направление было избрано для вылазки как линия наименьшего сопротивления русских, и притом оно приводило в район расположения больших русских магазинов и складов боевых припасов.

В вылазке должны были участвовать свыше 20 тыс. штыков, но многие части, несмотря на приказ коменданта, вперед не двинулись. В вылазке действительное участие приняла только 23-я гонведная дивизия, а также некоторые части 85-й ландверной бригады и 4-го гусарского полка, которые и потерпели решительное поражение.

В официальном австрийском сообщении, исходящем из Вены, указывалось, что гарнизон Перемышля вернулся в крепость после того, как он нарвался на крупные силы русских. К этому нужно добавить, что под Перемышлем русские войска никогда не располагали крупными силами, большая вылазка была отбита преимущественно русскими ополченскими дружинами и немногими батальонами второочередных пехотных полков (*Последние дни Перемышля, 1915: 2-3*).

В плен в Перемышле попали 9 генералов, свыше 2,5 тыс. офицеров и 117 тыс. солдат. В качестве трофеев было захвачено 900 орудий и обширные запасы вооружений.

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что осада любой крепости – это дело, требующее значительного количества времени или значительного количества людского и технического ресурса. В первом случае достаточно просто качественно блокировать крепость и выжидать капитуляции, а во втором – участвовать в кровопролитных и дорогостоящих штурмах. В Перемышле русская армия после неудачной первой попытки овладеть крепостью решила действовать по сценарию долговременной осады. Несмотря на то что осада длилась долго (с конца октября 1914 г. по начало марта 1915 г.), в средствах массовой информации в 1914 г. очень мало писали об осаде Перемышля. Информационная тишина в русской периодической печати была следствием отсутствия активных боевых действий вокруг крепости, которая нарушалась, только когда австрийский гарнизон предпринимал безуспешные попытки прорыва. В январе-феврале 1915 г., когда положение австрийского гарнизона становится все более обреченным, вокруг крепости начинает происходить больше событий, часть из которых демонстрирует пораженческие настроения среди австрийских солдат. Наконец, 9 марта 1915 г. крепость Перемышль пала.

Литература

- Бои у Перемышля, 1915** – Бои у Перемышля // *Военный вестник*. 1915. 4 марта. С. 2.
- Военный обзор, 1914** – Военный обзор // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1914. 10 дек. С. 2.
- Из действующей армии, 1914** – Из действующей армии // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1914. 10 дек. С. 2.
- Из действующей армии, 1915** – Из действующей армии // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1915. 21 янв. С. 3.
- Из действующей армии, 1915a** – Из действующей армии // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1915. 11 февр. С. 3.
- Из действующей армии, 1915b** – Из действующей армии // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1915. 7 марта. С. 2.
- Клопова, 2016** – Клопова М.Э. Взятие Перемышля на страницах русской прессы. Март 1915 г. // Материалы ежегодной международной научно-практической конференции Первая мировая война. Взгляд спустя столетие. 2016. Т. 2. С. 318-329.
- Кривочуприн, 2014** – Кривочуприн Е.Л. Погром в Перемышле 15.09.1914 г. и его отражение в периодике // *Русин*. 2014. 3(37): 38-47.
- Объедков, 2014** – Объедков И.В. Пресс-конференции в генеральном штабе и осада Перемышля в 1914-1915 гг. // *Вестник МГПУ. Серия: исторические науки*. 2014. 1(13): 42-47.
- От штаба..., 1914** – От штаба Верховного Главнокомандующего // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1914. 10 дек. С. 1-2.
- От штаба..., 1914a** – От штаба Верховного Главнокомандующего // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1914. 13 дек. С. 1.
- От штаба..., 1915** – От штаба Верховного Главнокомандующего // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1915. 11 февр. С. 1.

- [От штаба..., 1915a](#) – От штаба Верховного Главнокомандующего // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1915. 4 марта. С. 2.
- [От штаба..., 1915b](#) – От штаба Верховного Главнокомандующего // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1915. 11 марта. С. 1.
- [От штаба..., 1915c](#) – От штаба Верховного Главнокомандующего // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1915. 11 марта. С. 2.
- [Последние дни Перемышля, 1915](#) – Последние дни Перемышля // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1915. 11 марта. С. 2-3.
- [С-ко, 1915](#) – С-ко Б. Под Перемышлем // *Военный телеграф*. 1915. 25 янв.
- [Тяжелое положение..., 1914](#) – Тяжелое положение гарнизона в Перемышле // *Солдатский вестник Петроградского военного округа*. 1914. 2 дек. С. 3.
- [У Перемышля, 1915](#) – У Перемышля // *Военный вестник*. 1915. 23 февр. С. 2.
- [Kamensky, 2021](#) – Kamensky V.S. Literary Propaganda and Litterateurs during World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(1): 16-22.
- [Magsumov et al., 2023](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The First World War on the Pages of the Journal “Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta” // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 998-1006.
- [Parkhomenko, 2018](#) – Parkhomenko V.A. “The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2018. 5(2): 49-54.
- [Rajović et al., 2022](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.E., Bratanovskya M.S. The Journal “Zadushevnoe Slovo” as a Source on the History of the First World War // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1267-1272.
- [Rajović, Bratanovskii, 2023](#) – Rajović, G., Bratanovskii, S.N. The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”) // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1532-1538.

References

- [Boi u Peremyshlya, 1915](#) – Boi u Peremyshlya [Battles near Przemyśl]. *Voennyi vestnik*. 1915. 4 marta. P. 2. [in Russian]
- [Iz deistvuyushchei armii, 1914](#) – Iz deistvuyushchei armii [From the active army]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1914. 10 dek. P. 2. [in Russian]
- [Iz deistvuyushchei armii, 1915](#) – Iz deistvuyushchei armii [From the active army]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1915. 21 yanv. P. 3. [in Russian]
- [Iz deistvuyushchei armii, 1915a](#) – Iz deistvuyushchei armii [From the active army]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1915. 11 fevr. P. 3. [in Russian]
- [Iz deistvuyushchei armii, 1915b](#) – Iz deistvuyushchei armii [From the active army]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1915. 7 marta. P. 2. [in Russian]
- [Kamensky, 2021](#) – Kamensky, V.S. (2021). Literary Propaganda and Litterateurs during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(1): 16-22.
- [Klopova, 2016](#) – Klopova, M.E. (2016). Vzyatie Peremyshlya na stranitsakh russkoi pressy. Mart 1915 g. [The capture of Przemyśl on the pages of the Russian press. March 1915]. *Materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Pervaya mirovaya voina. Vzglyad spustya stoletie*. T. 2. Pp. 318-329. [in Russian]
- [Krivochuprin, 2014](#) – Krivochuprin, E.L. (2014). Pogrom v Peremyshle 15.09.1914 g. i ego otrazhenie v periodike [The pogrom in Przemyśl on September 15, 1914 and its reflection in periodicals]. *Rusin*. 3(37): 38-47. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2023](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2023). The First World War on the Pages of the Journal “Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta”. *Bylye Gody*. 18(2): 998-1006.
- [Ob"edkov, 2014](#) – Ob"edkov, I.V. (2014). Press-konferentsii v general'nom shtabe i osada Peremyshlya v 1914-1915 gg. [Press conferences at the General Staff and the siege of Przemyśl in 1914-1915]. *Vestnik MGPU. Seriya: istoricheskie nauki*. 1(13): 42-47. [in Russian]
- [Ot shtaba..., 1914](#) – Ot shtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1914. 10 dek. Pp. 1-2. [in Russian]
- [Ot shtaba..., 1914a](#) – Ot shtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1914. 13 dek. P. 1. [in Russian]
- [Ot shtaba..., 1915](#) – Ot shtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1915. 11 fevr. P. 1. [in Russian]
- [Ot shtaba..., 1915a](#) – Ot shtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1915. 4 marta. P. 2. [in Russian]

Ot shtaba..., 1915b – Ot shtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1915. 11 marta. P. 1. [in Russian]

Ot shtaba..., 1915c – Ot shtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1915. 11 marta. P. 2. [in Russian]

Parkhomenko, 2018 – Parkhomenko V.A. “The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2018. 5(2): 49-54.

Poslednie dni Peremyshlya, 1915 – Poslednie dni Peremyshlya [The last days of Przemysl]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1915. 11 marta. Pp. 2-3. [in Russian]

Rajović et al., 2022 – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.E., Bratanovskya, M.S. (2022). The Journal “Zadushevnoe Slovo” as a Source on the History of the First World War. *Bylye Gody*. 17(3): 1267-1272.

Rajović, Bratanovskii, 2023 – Rajović, G., Bratanovskii, S.N. (2023). The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”). *Bylye Gody*. 18(3): 1532-1538.

S-ko, 1915 – S-ko B. Pod Peremyshlem [Near Przemysl]. *Voennyi telegraf*. 1915. 25 yanv. [in Russian]

Tyazheloe polozhenie..., 1914 – Tyazheloe polozhenie garnizona v Peremyshle [Difficult situation of the garrison in Przemysl]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1914. 2 dek. P. 3. [in Russian]

U Peremyshlya, 1915 – U Peremyshlya [At Przemysl]. *Voennyi vestnik*. 1915. 23 fevr. P. 2. [in Russian]

Voennyi obzor, 1914 – Voennyi obzor [Military review]. *Soldatskii vestnik Petrogradskogo voennogo okruga*. 1914. 10 dek. P. 2. [in Russian]

Осада Перемышля (1914–1915 гг.) в русской периодической печати

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зулфугарзаде ^d
Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе на материалах русской периодической печати рассматривается осада австрийской крепости Перемышль (1914–1915 гг.). В качестве материалов использовались русские центральные и региональные газеты периода Первой мировой войны, а именно: «Солдатский вестник Петроградского военного округа», «Военный телеграф» и «Военный вестник» ежедневная газета. Осада Перемышля освещалась на страницах этих газет в период с 2 декабря 1914 г. по 11 марта 1915 г.

В заключении авторы отмечают, что осада любой крепости – это дело, требующее значительного количества времени или значительного количества людского и технического ресурса. В первом случае достаточно просто качественно блокировать крепость и выждать капитуляции, а во втором – участвовать в кровопролитных и дорогостоящих штурмах. В Перемышле русская армия после неудачной первой попытки овладеть крепостью решила действовать по сценарию долговременной осады. Несмотря на то что осада длилась долго (с конца октября 1914 г. по начало марта 1915 г.), в средствах массовой информации в 1914 г. очень мало писали об осаде Перемышля. Информационная тишина в русской периодической печати была следствием отсутствия активных боевых действий вокруг крепости, которая нарушалась, только когда австрийский гарнизон предпринимал безуспешные попытки прорыва. В январе-феврале 1915 г., когда положение австрийского гарнизона становится все более обреченным, вокруг крепости начинает происходить больше событий, часть из которых демонстрирует пораженческие настроения среди австрийских солдат. Наконец, 9 марта 1915 г. крепость Перемышль пала.

Ключевые слова: газеты, «Солдатский вестник Петроградского военного округа», «Военный телеграф», «Военный вестник», осада, Перемышль, 1914–1915 гг., Русская армия, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 446-453
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.446

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Theme of Quality of Life in the Public Rhetoric of the Imperial People's Party during the First World War

Pavel S. Seleznev^{a, *}, Vadim V. Zubov^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

As part of the presented research, the issue of representation of the topic of quality of life in the public rhetoric of the leaders of the Imperial People's Party during the First World War will be studied. The source base of the work was formed by attracting unpublished archival materials from the funds of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Historical Archive and personal sources. The methodological basis of the work is built on the basis of a combination of structural and comparative analysis. The authors come to the conclusion that, within the framework of public rhetoric, the leaders and ideologists of the Imperial People's Party actively defended the need to implement a large-scale set of government programs to improve the quality of life of large sections of the population. Due to this, it was planned to ensure the long-term consolidation of the nation and maintain its viability in the conditions of widespread socio-economic transformations. The system of measures proposed by the party leaders included the intensification of resettlement policy, an increase in public investment in collective economic infrastructure, the creation of financial instruments to support the intensification of agricultural production of small and medium-sized owners, measures to strengthen trade unions and the creation of state insurance programs, limiting the length of the working day, and the transition to universal primary education (mainly technical), reforming tax policy in favor of the most widespread social strata and a number of measures aimed at combating alcoholism and supporting family and motherhood. At the same time, the party delegated a significant part of the initiatives (primarily those related to improving the quality of life of workers) to other political forces, which naturally neutralized the effectiveness of its leaders' attempts to expand the program of measures they presented to resolve the "labor issue." At the same time, the range of proposals designed to alleviate the financial situation of peasants was quite limited.

The proposals of members of the Imperial People's Party to improve the quality of life of the population in many aspects duplicated the initiatives of other parties, but also contained a number of significant original elements, including in terms of reforming tax, educational and family policies.

Keywords: Imperial People's Party, quality of life, World War I, public rhetoric, agrarian question, labor question.

1. Введение

Тема репрезентации путей повышения качества жизни широких слоев населения в рамках публичного дискурса политических партий периода Первой мировой войны традиционно относится к числу наиболее активно обсуждаемых исследователями исторических сюжетов. Последнее представляется закономерным: описывая способы решения актуальных социально-экономических проблем, партии конструировали образы будущего, постепенно превращавшиеся в один из основных ресурсов конкуренции за поддержку со стороны армии и большинства населения в тылу.

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), VVZubov@fa.ru (V.V. Zubov)

Однако в большинстве случаев исследователи, опираясь на собственное познание, концентрируют внимание на стратегиях повышения качества жизни, сформулированных партиями – ключевыми участниками революционных событий февраля-октября 1917 г. Как следствие, программные установки прочих партий игнорируются либо исследуются по остаточному принципу, результатом чего становится возникновение существенных лакун в научной системе знаний относительно борьбы партий за симпатии фронта и тыла. Ситуацию усугубляет наличие тенденции к обобщению позиций идеологически близких групп, на практике имевших разную социальную базу и обладавших отличным видением образа будущего России.

При этом упускается из виду то, что на протяжении большей части Первой мировой войны многие политические силы, сыгравшие в итоге ключевую роль в выработке и реализации социально-экономических реформ в России, пребывали в статусе политических аутсайдеров либо маргиналов (примером чего может служить партия большевиков), что прямо указывает на отсутствие выраженной корреляции между текущим размером партии и ее политическим потенциалом.

В итоге у исследователей возникает искаженное представление о содержании и динамике политической дискуссии вокруг темы повышения качества жизни населения, которая, охватывая одновременно крестьянский и рабочий «вопросы», наряду с темой вариативности урегулирования глобального конфликта формировала ядро общественно-политической повестки периода Первой мировой войны.

Выбор кейса Имперской народной партии обусловлен, с одной стороны, достаточно низкой степенью изученности ее деятельности, а с другой, – наличием попыток лидеров партии синтезировать подходы националистов, либералов и социал-демократов с целью выработки основы для консолидации широких слоев общества. Обращение к публичной риторике, а не программным документам партии, позволяет изучить динамику развития ее позиции (в силу краткого периода существования Имперской народной партии ее программные документы не претерпели существенных изменений на протяжении исследуемого хронологического отрезка).

2. Материалы и методы

Источниковая база работы сформирована за счет привлечения неопубликованных архивных материалов, а также источников личного происхождения.

В первом случае нами использовались источники, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) и Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В частности, исследование выстроено на основе информации, полученной при ознакомлении с фондами Департамента полиции Министерства внутренних дел и Государственной Думы I, II, III и IV созывов.

Из числа источников личного происхождения авторы использовали материалы дневников М.М. Богословского, а также воспоминания А.В. Бельгарда и М.М. Винавера ([Винавер, 1926](#); [Бельгард, 2009](#); [Богословский, 2011](#)).

Методологическая основа исследования выстроена посредством синтеза элементов структурного и сравнительного анализа. Использование структурного подхода позволило выделить позицию Имперской народной партии относительно путей улучшения качества жизни конкретных социальных групп, а также систематизировать позиции членов партии относительно наиболее актуальных проблем описываемого периода. Обращение к сравнительному анализу дало возможность выделить внутри позиции партии по соответствующим вопросам универсальные и специфические элементы.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема не получила широкого освещения по объективным причинам. Имперская народная партия была создана лишь весной 1914 г. Как следствие, опубликованные в данный период работы затрагивают по большей части предысторию партии и биографии ее лидеров. При этом данные работы относились скорее к категории политической публицистики и основывались преимущественно на результатах включенного наблюдения, материалах периодической печати и источниках личного происхождения. Содержание упомянутых работ характеризует высокий уровень политической ангажированности, что негативно отражается на степени объективности и достоверности изложенной в них информации. Как следствие, политический курс Имперской народной партии отображался преимущественно с позиций ее конкурентов и идеологических противников ([Пасхалов, 1911](#); [Тихомиров, 1912](#); [Шечков, 1912](#); [Балашев, 1915](#)).

Исследования советского периода характеризует широкомасштабное расширение источниковой базы изысканий и совершенствование методологического инструментария. Однако в то же время их авторы были в значительной степени ограничены в плане возможности концептуализации введенной в научный оборот информации. В значительной степени исследователи были вынуждены выступать в роли апологетов, с одной стороны, установок официальной идеологии, а с другой, – тезисов работ лидеров партии большевиков, подготовленных в период Первой мировой

войны. Помимо того, внимание исследователей концентрировалось преимущественно на изучении политики крупных партий, сформированных еще до начала Первой мировой войны. Как следствие, история Имперской народной партии изучалась преимущественно в контексте ее кооперации и конкуренции с прочими политическими объединениями (Лаверычев, 1967; Слонимский, 1975; Черменский, 1976; Дякин, 1988; Флоринский, 1988; Аврех, 1989; Алексеева, 1990).

В рамках постсоветской историографии была предпринята попытка ревизии темы за счет отказа от идеологизированных подходов к ее изучению. Однако в то же время внимание исследователей продолжает концентрироваться либо на крупных парламентских партиях, либо на их лидерах. Имеет место и акцент на освещении деятельности партий, активно и напрямую взаимодействовавших с исполнительной властью. Как следствие, деятельность Имперской народной партии и ее программы повышения качества жизни подданных империи остаются на периферии зоны внимания исследователей (Айрапетов, 2003; Гайда, 2008; Иванов, 2006; Кирьянов, 2006; Шацко, 2000; Шелохаев, 1996).

4. Результаты

Имперская народная партия позиционировала себя, в первую очередь, как национал-демократическую, т.е. выражающую интересы большинства представителей титульной нации. И это предполагало необходимость хотя бы декларативной репрезентации большинства этнических русских империи, т.е. крестьян. Лидеры партии, впрочем, подчеркивали, что выражают интересы условных «народных трудовых масс». К числу их представителей руководство партии относило крестьян, рабочих, большинство мещан, ремесленников, приказчиков, служащих, казаков и трудовую интеллигенцию. Некоторые представители партии (как, например, П.В. Васильев), заимствуя политический лексикон марксистов, также относили к трудовым массам мелкую буржуазию, определяя ее представителей как ядро сторонников нацдемов. При этом подчеркивалось, что речь идет именно о «крестьянской буржуазии». В целом можно признать, что при помощи данного термина обозначалась социальная категория, традиционно определяемая в рамках отечественной историографии как крестьяне-середняки. Исходя из этого, представители Имперской народной партии противопоставляли себя октябристам, кадетам и прочим крупным партиям как «крупнобуржуазными», представляющими, в первую очередь, интересы истеблишмента. Подчеркивалось, что для прочих партий IV Думы депутаты-крестьяне, общая численность которых фиксировалась на уровне приблизительно 80 человек, якобы представляют собой лишь «послушных заднекамечников» (ГАРФ. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 390. Л. 37; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 89. Л. 78-81).

Стремление обрести поддержку своего «естественного электората» закономерно подталкивало партию к активной эксплуатации социально-экономической повестки в разрезе проблем качества жизни большинства своих избирателей. И потому публичная риторика лидеров Имперской народной партии выстраивалась на основе критического дискурса. Характеризуя положение широких слоев крестьянства, руководство партии заостряло внимание не только на вопросах «бесправия и забитости землепашцев», но и на проблемах высокого уровня бедности и низкой степени грамотности, темах хронических голодовок и распространения алкоголизма. В качестве универсального решения большинства проблем деревни рассматривалось именно повышение благосостояния, правосознания, нравственного и интеллектуального уровня крестьянской массы. Продвижение в парламенте соответствующей повестки провозглашалось основной целью Независимой группы, возглавляемой М.А. Карауловым, фракцией Имперской народной партии, насчитывавшей 14 депутатов (Бельгард, 2009: 115; ГАРФ. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 301. Л. 43; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 301. Л. 57).

Во многом в содержательном плане риторика Имперской народной партии относительно повышения качества жизни крестьян и иных широких слоев населения в отдельных аспектах слабо отличалась от установок иных партий. Однако зачастую условно «шаблонные решения», предлагаемые лидерами партии, содержали в себе принципиально новые тезисы.

Так, в качестве одного из ключевых ресурсов решения аграрного вопроса представители Имперской народной партии обозначали переселение крестьян в Сибирь, на Дальний Восток и в Среднюю Азию. При этом отрицалась необходимость полномасштабного руководства реализацией соответствующих проектов со стороны государства. В частности, П.В. Васильев настаивал на том, что прямое управление со стороны властей будет скорее тормозить частную инициативу переселенцев. С точки зрения идеологов нацдемов (например, А.Л. Горязина), государству в рамках проектов колонизации предпочтительно ограничить свое участие созданием транспортной, социальной и логистической инфраструктуры (дорог, больниц, складов и т.д.), предоставлением в аренду семян и сельхозорудий и т.д. (Богословский, 2011: 83; ГАРФ. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 268. Л. 78, 101, 102; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 268. Л. 91-94).

Также лидеры и идеологи партии призывали к расширению площади крестьянских и казачьих земель за счет реформы Крестьянского банка (в частности, соответствующую инициативу неоднократно озвучивал И.И. фон Зек). Помимо того, большое внимание уделялось поддержке программ интенсификации сельскохозяйственного производства. В частности, предлагалось повысить эффективность землепользования за счет создания сети опытных и показательных полей,

организации складов сельхозинвентаря и улучшенных семян, формирования выборной сельскохозяйственной инспекции, появления доступного для большинства крестьян мелиоративного кредита. Также отстаивался тезис об отмене всех процессуальных ограничений, распространявшихся на сельских жителей, и о ликвидации института земских начальников (ГАРФ. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 332. Л. 77, 95-99; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 332. Л. 14-22).

Решение рабочего вопроса в ключе повышения качества жизни представителей «трудовых масс» лидеры Имперской народной партии связывали, в первую очередь, с развитием профсоюзного движения. Нацдемы осуждали жесткие действия властей по отношению к профсоюзам, подчеркивая, что государство должно не подавлять новые формы самоорганизации подданных, а интегрировать их в сложившуюся инфраструктуру взаимодействия государства и общества. За счет этого профсоюзам может быть придан характер ресурса повышения качества жизни рабочих, в то время как потенциал использования данных структур для развертывания революционного движения будет минимизирован. Последнее это обеспечит переключение внимания охваченных профсоюзным движением рабочих с организации стачек и участия в политической борьбе на выстраивание инфраструктуры взаимопомощи (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 390. Л. 21, 22). В качестве модели «идеального профсоюза» представители Имперской народной партии обозначали немецкие «ферейны» и британские «тред-юнионы». Также руководство партии настаивало на необходимости внедрения программ медицинского и пенсионного страхования по линии государства для промышленных рабочих, а также на поддержке создания кооперативов и обществ взаимопомощи, официальной фиксации минимального размера заработной платы, перехода к практике заключения коллективных договоров, создания структур медиации (промысловых судов и примирительных камер) для урегулирования конфликтов между работниками и нанимателями (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 426. Л. 32-37).

В целом парадигма решения рабочего вопроса в глазах нацдемов выстраивалась на основе принципа обеспечения государством возможности легальной коллективной защиты рабочими своих интересов перед лицом нанимателей. По мнению лидеров и идеологов партии, чаще всего забастовки носили справедливый («оборонительный») и неполитический характер, причиной их возникновения являлись попытки работодателей ухудшить условия труда или запугать протестовавших против этого рабочих (так, соответствующую позицию отстаивал Н.П. Пештич) (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 444. Л. 77).

Интересно отметить, что даже в начале Первой мировой войны, в период пика шпиономании, руководство Имперской народной партии, в отличие от многих лидеров консерваторов и националистов, отказывалось рассматривать забастовки с экономическими требованиями как акции саботажа, организованные на «немецкие» деньги либо под влиянием «еврейской агитации» (Винавер, 1926: 108; ГАРФ. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 301. Л. 125; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 518. Л. 47).

Во второй половине 1916 г. в публичной риторике нацдемов появились также призывы к созданию Министерства труда, формированию независимой промысловой, горной и фабричной инспекции на выборных началах, повсеместного сокращения продолжительности рабочего дня и установления обязательного отдыха в праздничные дни. Также были озвучены требования охватить программами государственного страхования случаи увольнения по независящим от работника причинам (например, в результате разорения компании), а также инвалидности и смерти (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 692. Л. 24, 25).

В то же время важно отметить, что ближе к середине войны нацдемы в рамках публичной риторики делегировали задачу реализации обозначенной программы в рамках своей публичной риторики еще не существующей «рабочей партии». В данном случае необходимо пояснить, что, несмотря на заявленную претензию на представительство интересов «народных трудовых масс», уже в 1915 г. лидеры Имперской народной партии начали периодически подчеркивать в публичном пространстве, что возглавляемая ими организация остается преимущественно «крестьянской» (в плане выражения интересов избирателей) (ГАРФ. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 89. Л. 112; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 507. Л. 55).

Сравнение подходов партии к решению аграрного и рабочего «вопросов» позволяет заключить, что в первом случае нацдемы активно заимствовали подходы либералов, умеренных правых и центристов, а во втором – во многом призывали к использованию реформистского инструментария социал-демократов.

В рамках публичной риторики лидеры Имперской народной партии объясняли это наличием существенных расхождений в психологических установках крестьян и рабочих (детерминированных спецификой условий труда), что предполагало необходимость выработки принципиально разных подходов к повышению их качества жизни.

Крестьянин, с точки зрения идеологов Имперской народной партии (в частности, данную концепцию разрабатывал и продвигал П.В. Васильев), в равной степени невосприимчив как к общинным установкам, так и к социалистической пропаганде. Специфика ведения хозяйства естественным образом вынуждает его выступать именно в качестве организатора и владельца производства, предпринимателя-собственника, готового использовать инструменты кооперации с другими землевладельцами лишь в крайне ограниченных масштабах. Рабочие, занятые на

высокоспециализированных производствах, не имеют стимулов для развития частной инициативы, эмоционально и материально отчуждены от вырабатываемой продукции и в большей степени заинтересованы в объединении усилий ради отстаивания корпоративных интересов. Интегрировать задачи репрезентации интересов двух социальных групп и повышения качества жизни их представителей, согласно данной концепции, можно лишь в рамках продвижения общедемократической повестки (включая разработку и реализацию программ всеобщего начального образования, смягчение избирательного ценза и т.д. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 580. Л. 39).

Однако можно предположить, что разница в подходах к решению аграрного и рабочего вопросов обуславливалась во многом и приоритетностью крестьянства как ядра электората партии. Последнее обуславливало необходимость презентации наиболее реалистичных инициатив по аграрной проблематике, в то время как отсутствие высокой заинтересованности в привлечении избирателей рабочих допускало возможность шагов, потенциально подрывающих доверие данной социальной группе (т.е. предложения заведомо популистских мер).

Тема повышения качества жизни основной массы населения поднималась также в контексте решения отдельных социальных проблем. В частности, нацдемы в целом поддержали введенные властями ограничения на продажу различных алкогольных напитков и спирта. Однако в то же время представители Имперской народной партии отмечали наличие такой проблемы, как рост употребления суррогатного алкоголя, сочетавшийся со сравнительно низкой доступностью многих продуктов питания для большинства рабочих и крестьян. Как полагали нацдемы, именно «голодное пьянство» наряду с ориентацией на потребление именно крепкого алкоголя способствовало тому, что демографический и социальный эффект распространения пьянства ощущался в России сильнее, чем в странах Европы или США. Представители партии в целом скептически относились к идее сокращения масштабов алкоголизма за счет внедрения прямых запретов на употребление спиртного, предлагая в качестве альтернативы использовать повышение цен на водку, вино и спирт. Также отмечалась необходимость отказа государства от винной монополии после завершения войны. В то же время нацдемы добивались как можно более оперативного закрытия игорных заведений (в первую очередь, лотошных клубов) (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 986. Л. 45; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 927. Л. 41).

Сквозь призму темы повышения качества жизни партия рассматривала и тему абортов. Партия выступала против их легализации, но в то же время настаивала на необходимости внедрения программ защиты материнства, выделения средств на проекты государственного воспитания незаконнорожденных детей (наряду с криминализацией действий мужчин-«соблазнитель») (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 924. Л. 58).

Начиная с 1915 г. нацдемы также отстаивали необходимость введения сразу шестилетнего обязательного начального образования (с техническим уклоном), рассматривая эту меру как инструмент формирования массовых слоев высококвалифицированных рабочих и крестьян с необходимым уровнем знаний в области агрономии (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 533. Л. 72; РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 717. Л. 92).

Представители имперской народной партии настаивали также на необходимости введения прогрессивного подоходного и поимущественного налогов, сокращения размера косвенного налога на предметы первой необходимости, увеличения акцизов с табачной продукции и алкоголя, налогов на предметы роскоши. Именно за счет этого предлагалось финансировать обозначенные выше социальные инициативы (РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 1348. Л. 51).

5. Заключение

В целом можно заключить, что в рамках своей публичной риторики лидеры Имперской народной партии активно продвигали тезис о необходимости выработки и воплощения в жизнь широкомасштабного комплекса государственных программ по повышению качества жизни основной массы населения. Последнее рассматривалось в качестве ключевой гарантии консолидации нации и сохранения ее жизнеспособности. Указанная программа включала в себя активизацию переселенческой политики, расширение государственных инвестиций в хозяйственную инфраструктуру общего пользования, формирование финансовых инструментов для поддержки интенсификации сельского хозяйства, меры по развитию профсоюзов и созданию программ государственного страхования, ограничение продолжительности рабочего дня, переход к всеобщему начальному образованию (преимущественно технического профиля), реформирование налоговой политики в пользу наиболее массовых общественных страт и ряд мер, направленных на борьбу с алкоголизмом и поддержку семьи и материнства. В то же время необходимо отметить, что значительную часть обозначенных предложений (касающихся мер прямого и косвенного повышения качества жизни рабочих) Имперская народная партия фактически делегировала иным политическим силам, что нивелировало попытки ее лидеров расширить презентуемую ими программу мер по решению «рабочего вопроса». Также необходимо заострить внимание на том, что комплекс предложений, призванных облегчить материальное положение крестьян, был достаточно ограничен.

Отказ нацдемов от популистских стратегий свидетельствовал о достаточно высоком уровне политического сознания руководства партии, но в то же время объективно нивелировал ее возможности в плане наращивания поддержки среди ядра собственного электората.

В значительной степени предложения членов Имперской народной партии по повышению качества жизни населения дублировали инициативы иных партий. В частности, они были во многом идентичны инициативам центристов, либералов и умеренных правых в плане решения аграрного вопроса и предложениям социал-демократов в контексте улучшения положения промышленных рабочих. Однако в то же время инициативы нацдемов содержали ряд значимых оригинальных элементов, в первую очередь, в плане реформирования налоговой, образовательной и семейной политики.

В целом по отдельным направлениям социально-экономических инициатив мы можем отметить наличие смещения позиции партии в сторону левого сектора политических сил, однако в большинстве случаев речь идет об инициативах по улучшению положения рабочих, которые партия не планировала реализовывать самостоятельно.

Литература

- Аврех, 1989 – Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
- Айрапетов, 2003 – Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003.
- Алексеева, 1990 – Алексеева И.В. Агония Сердечного согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917 гг. Л., 1990.
- Балашев, 1915 – Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915.
- Бельгард, 2009 – Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009.
- Богословский, 2011 – Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011.
- Винавер, 1926 – Винавер М.М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Париж, 1926.
- Гайда, 2008 – Гайда Ф.А. Бюрократ глазами либерала: российское правительство в восприятии парламентской оппозиции (1911–1917 гг.) / Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 647–656.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Демин, 1996 – Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996.
- Дякин, 1988 – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьейиньской системы. Л., 1988.
- Иванов, 2006 – Иванов А.А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). СПб., 2006.
- Кирьянов, 2006 – Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.
- Кольшко, 2009 – Кольшко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009.
- Лаверычев, 1967 – Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.
- Леонов, 1999 – Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // *Вопросы истории*. 1999. № 11–12. С. 29–48.
- Пасхалов, 1911 – Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. М., 1911.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Слонимский, 1975 – Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975.
- Соловьев, 2011 – Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России. Механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.
- Тихомиров, 1912 – Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. М., 1912.
- Флоринский, 1988 – Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988.
- Черменский, 1976 – Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.
- Шаццло, 2000 – Шаццло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000.
- Шелохаев, 1996 – Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 1996. № 7. С. 130–137.
- Шепелев, 1987 – Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.
- Шечков, 1912 – Шечков Г. Очевидные недостатки Государственной думы третьего созыва и неотложность их устранения. Харьков, 1912.

References

- Airapetov, 2003** – *Airapetov, O.R.* (2003). Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i revolyutsiyu (1907–1917) [Generals, Liberals and Entrepreneurs: Working for the Front and the Revolution (1907–1917)]. M. [in Russian]
- Alekseeva, 1990** – *Alekseeva, I.V.* (1990). Agoniya Serdechnogo soglasiya: tsarizm, burzhuaziya i ikh soyuzniki po Antante. 1914–1917 gg. [The agony of cordial consent: tsarism, the bourgeoisie and their allies in the Entente] L. [in Russian]
- Avrekh, 1985** – *Avrekh, A.Ya.* (1985). Raspad tret'eyun'skoi sistemy [The collapse of the June 3rd system]. M. [in Russian]
- Avrekh, 1989** – *Avrekh, A.Ya.* (1989). Tsarizm nakanune sverzheniya [Tsarism on the eve of the overthrow]. M., 1989. [in Russian]
- Balashov, 1915** – *Balashov, I.P.* (1915). Bereгите Dumu [Take care of Duma]. Pg. [in Russian]
- Bel'gard, 2009** – *Bel'gard, A.V.* (2009). Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]
- Bogoslovskii, 2011** – *Bogoslovskii, M.M.* (2011). Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Diaries (1913–1919): From the collection of the State Historical Museum]. M. [in Russian]
- Chermenskii, 1976** – *Chermenskii, E.D.* (1976). IV Gosudarstvennaya дума i sverzhenie tsarizma v Rossii [Chermensky E.D. IV State Duma and the overthrow of tsarism in Russia]. M. [in Russian]
- Demin, 1996** – *Demin, V.A.* (1996). Gosudarstvennaya дума Rossii (1906–1917): mekhanizm funktsionirovaniya [State Duma of Russia (1906–1917): mechanism of functioning]. M. [in Russian]
- Dyakin, 1988** – *Dyakin, V.S.* (1988). Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eyun'skoi sistemy [Bourgeoisie, nobility and tsarism in 1911–1914 Decomposition of the June 3 system]. L. [in Russian]
- Florinskii, 1988** – *Florinskii, M.F.* (1988). Krizis gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [The crisis of public administration in Russia during the First World War]. L., [in Russian]
- Gaida, 2008** – *Gaida, F.A.* (2008). Byurokrat glazami liberala: rossiiskoe pravitel'stvo v vospriyatii parlamentskoi oppozitsii (1911–1917 gg.) [Bureaucrat through the Eyes of a Liberal: The Russian Government as Perceived by the Parliamentary Opposition (1911–1917)]. *Petr Andreevich Zaionchkovskii. Sbornik statei i vospominanii k stoletiyu istorika*. M. Pp. 647–656. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Ivanov, 2006** – *Ivanov, A.A.* (2006). Poslednie zashchitniki monarkhii: Fraktsiya pravyykh IV Gosudarstvennoi dumy v gody Pervoi mirovoi voyny (1914 – fevral' 1917 g.) [The Last Defenders of the Monarchy: The Right Faction of the IV State Duma during the First World War (1914 – February 1917)]. SPb. [in Russian]
- Kir'yanov, 2006** – *Kir'yanov, I.K.* (2006). Rossiiskie parlamentarii nachala KhKh veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliamentarians at the beginning of the 20th century: new politicians in a new political space]. Perm'. [in Russian]
- Kolyshko, 2009** – *Kolyshko, I.I.* (2009). Velikii raspad: Vospominaniya [The Great Decay: A Memoir]. SPb. [in Russian]
- Laverychev, 1967** – *Laverychev, V.Ya.* (1967). Po tu storonu barrikad. Iz istorii bor'by moskovskoi burzhuazii s revolyutsiei [On the other side of the barricades. From the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie against the revolution]. M. [in Russian]
- Leonov, 1999** – *Leonov, S.V.* (1999). Partiinaya sistema Rossii (konets XIX v. – 1917 god) [The party system of Russia (the end of the 19th century – 1917)]. *Voprosy istorii*. 11–12: 29–48. [in Russian]
- Paskhalov, 1911** – *Paskhalov, K.* (1911). Pogreshnosti obnovlennogo 17 oktyabrya 1905 goda Gosudarstvennogo stroya i popytka ikh ustraneniya [Errors of the State system updated on October 17, 1905 and an attempt to eliminate them]. M. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Shatsilo, 2000** – *Shatsillo, K.F.* (2000). Ot Portsmutskogo mira k Pervoi mirovoi voine. Generaly i politika [From the Peace of Portsmouth to the First World War. Generals and Politics]. M. [in Russian]
- Shechkov, 1912** – *Shechkov, G.* (1912). Ochevidnye nedostatki Gosudarstvennoi dumy tret'ego sozyva i neotlozhnost' ikh ustraneniya [Obvious shortcomings of the State Duma of the third convocation and the urgency of their elimination]. Khar'kov. [in Russian]
- Shelokhaev, 1996** – *Shelokhaev, V.V.* (1996). Liberaly i massy v gody Pervoi mirovoi voyny [Liberals and masses during the First World War]. *Voprosy istorii*. 7: 130–137. [in Russian]
- Shepelev, 1987** – *Shepelev, L.E.* (1987). Tsarizm i burzhuaziya v 1904–1914 gg. [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914]. L. [in Russian]
- Slonimskii, 1975** – *Slonimskii, A.G.* (1975). Katastrofa russkogo liberalizma. Progressivnyi blok nakanune i vo vremya Fevral'skoi revolyutsii 1917 goda [The catastrophe of Russian liberalism. The Progressive Bloc on the Eve and During the February Revolution of 1917]. Dushanbe. [in Russian]
- Solov'ev, 2011** – *Solov'ev, K.A.* (2011). Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii. Mekhanizmy vzaimodeistviya (1906–1914) [Legislative and executive power in Russia. Mechanisms of Interaction]. M. [in Russian]

Tikhomirov, 1912 – *Tikhomirov, L.A.* (1912). K reforme obnovlennoi Rossii [Toward the Reform of a Renewed Russia]. M. [in Russian]

Vinaver, 1926 – *Vinaver, M.M.* (1926). Nedavnee. Vospominaniya i kharakteristiki [Recent. Memories and characteristics]. Parizh. [in Russian]

Тема качества жизни в публичной риторике Имперской народной партии в период Первой мировой войны

Павел Сергеевич Селезнев ^{a, *}, Вадим Владиславович Зубов ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В рамках представленного исследования подвергнут изучению вопрос о репрезентации темы качества жизни в публичной риторике лидеров Имперской народной партии в период Первой мировой войны. Источниковая база работы формировалась путем привлечения неопубликованных архивных материалов из фондов Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива и источников личного происхождения. Методологическая основа работы выстроена на основе комбинирования структурного и сравнительного анализов. Авторы приходят к заключению, что в рамках публичной риторики руководители и идеологи Имперской народной партии активно отстаивали положение о необходимости реализации широкомасштабного комплекса государственных программ по повышению качества жизни широких слоев населения. За счет этого планировалось обеспечить долгосрочную консолидацию нации и сохранить ее жизнеспособность в условиях повсеместных социально-экономических трансформаций. Система предложенных лидерами партий мер охватывала активизацию переселенческой политики, увеличение государственных инвестиций в хозяйственную инфраструктуру коллективного пользования, создание финансовых инструментов для поддержки интенсификации сельскохозяйственного производства мелких и средних собственников, меры по укреплению профсоюзов и созданию программ государственного страхования, ограничение продолжительности рабочего дня, переход к всеобщему начальному образованию (преимущественно технической направленности), реформирование налоговой политики в пользу наиболее массовых общественных страт и ряд мер, направленных на борьбу с алкоголизмом и поддержку семьи и материнства. При этом значительную часть инициатив (в первую очередь, относящихся к повышению качества жизни рабочих) партия делегировала иным политическим силам, что закономерно нивелировало результативность попыток ее лидеров расширить презентуемую ими программу мер по решению «рабочего вопроса». В то же время комплекс предложений, призванных облегчить материальное положение крестьян, был достаточно ограничен.

Предложения членов Имперской народной партии по повышению качества жизни населения во многих аспектах дублировали инициативы иных партий, но также содержали ряд значимых оригинальных элементов, в том числе, в плане реформирования налоговой, образовательной и семейной политики.

Ключевые слова: Имперская народная партия, качество жизни, Первая мировая война, публичная риторика, аграрный вопрос, рабочий вопрос.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), VVZubov@fa.ru (В.В. Зубов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 454-464
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.454

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Initial Stage of the Gorlitskaya Operation (1915). Causal Relationships of the Defeat of the Russian Army

Gregory Popov^d, Oksana B. Barabash^a, Bella A. Bulgarova^a, Oleg Yu. Kazenkov^{b,c,*}

^a Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

^b Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^c P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

^d Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the initial stage of the Gorlitskaya operation, from the point of view of identifying the common causes of the defeat of the Russian army in the first decade of May 1915 in Galicia. The authors rely on the concept of the crisis of the command of the Russian Army as a basic one in the study of Russia's participation in the First World War. Based on documents from both Russian and German archives, the authors conclude that in the spring of 1915 there was a crisis of command at various levels in Russia, the Russian high command did not understand the new methods of warfare, unlike the command of the army of Kaiser Germany. The Russian high command considered heavy artillery as a means of fighting fortresses and their defense, but not as a means of fighting at the front, unlike the Germans and Austrians, who began to widely use heavy artillery on the Eastern Front in 1915. The paper shows that the Russian command made many mistakes at the tactical and small strategic levels on the Southwestern Front, in particular, creating an incorrect defense configuration. Reserves were sent to help the Southwestern Front untimely and in insufficient numbers when the offensive of the States of the Center in Galicia began. The authors believe that the Russian army had a chance to win at the initial stage of the Gorlitskaya battle, but it was missed due to a number of strategic mistakes. At the same time, the authors believe that the military-technical superiority over Russia in 1915 was exaggerated and this issue needs clarification and elaboration.

Keywords: Russia in the First World War, Gorlitsky breakthrough, history of artillery, Eastern Front of the First World War.

1. Введение

Тема причин неудач России в Первой мировой войне до сих пор остается полем для дискуссий. Выдвигаются разные концепции. Например, известный историк И.В. Поткина в своей монографии выдвинула идею, что конфронтация власти и оппозиции в итоге привела к тяжелому военному кризису России в 1917 г. (Поткина, 2022: 121). Подобное утверждает также историк И.Н. Шапкин (Шапкин, 2021: 24). Однако данное суждение больше справедливо все-таки для ситуации второго полугодия 1916 г., но едва ли объяснило бы провал обороны сил Юго-Западного фронта в апреле-мае (по старому стилю) в Карпатах (Горлицкая операция). К тому же до апреля 1915 г. российские войска сражались здесь в основном с армией Австро-Венгрии, и доля германских войск на южном фланге Восточного фронта не была превосходящей по численности личного состава австро-венгерских соединений вплоть до 1917 г.

* Corresponding author

E-mail addresses: o.kazenkov@gmail.com (O.Yu. Kazenkov)

Другое мнение касательно причин неудач Российской империи в Первой мировой войне сводится к следующему: экономическое и технологическое отставание России уже предопределило исход ее борьбы с государствами Центра (Бокарев, 2017; Назаренко, 2017) (назовем это «экономической» концепцией). В целом, такой взгляд на эту проблему возник в СССР, отражая во многом марксистские представления о состоянии национального хозяйства России и ее технологий в начале XXв., но его придерживался и ряд авторов на Западе.

Третий подход, берущий свое начало еще в ранний советский период, гласит, что поражения армии России на фронтах Первой мировой войны было вызвано недостатками в управлении войсками на уровнях полевых армий и корпусов, а также общей стратегии Ставки (назовем это концепцией «кризиса командования»). Это мнение было сформулировано рядом участников Великой войны, включая особенно А.А. Брусилова (Брусилов, 2019) и И.И. Вацетиса (Вацетис, 1923). Как считал Брусилов, его Луцкий прорыв не возымел ожидаемого эффекта, ход войны не был радикальным образом изменен для России.

Анализ Горлицкой операции или, примем на себя смелость утверждать, Горлицкой битвы, дает нам ключ к пониманию причин неудач армии России в годы Великой войны. Мобилизации экономик всех сторон войны находились еще в начальной стадии, государства Центра после Битвы на Марне находились в стратегическом тупике, время работало против них, так как Англия все более втягивала в свою военную экономику доминионы, колонии и дружественных нейтралов, включая США, когда Германия оказалась отрезанной от своих колоний и старых торговых партнеров в результате морской блокады. Генеральный штаб Русской армии сделал акцент на Карпатах, так как в ходе операций по овладению крепостью Пшемьсль и отражению попыток ее деблокировать российское высшее командование увидело здесь для себя большие перспективы.

Соответственно, цель настоящей статьи – протестировать два последних из трех указанных выше мнения о причинах неудач армии России в Великой войне. Если ключевую роль в поражении войск Юго-Западного фронта в то время сыграло военно-техническое превосходство Центра (в первую очередь, в артиллерии), то верна «экономическая» концепция. Если такового превосходства противника не было или имело место не столь значительное преимущество, то верна концепция «кризиса командования». Из цели вытекают следующие задачи: а) выявить потенциалы сторон перед и во время Горлицкой битвы, включая состояние артиллерийских частей; б) выявить характер боевых действий на Карпатах накануне и во время этой битвы, выявить в хронологическом порядке реакции командований различных уровней на кризис в полосе боевых действий Юго-Западного фронта в апреле-мае 1915 г.; в) проследить оценки причин этого кризиса представителями военных элит России и государств Центра.

2. Материалы и методы

Как показал наш анализ историографии, специальных масштабных исследований событий (не рассмотрено научно взаимодействие Ставки, командований ЮЗФ и 3-й армии в первые дни майского кризиса на фронте в Карпатах), связанных с Горлицкой битвой, нет. В России она даже битвой не именуется, несмотря на то что общие потери Русской армии составили около 500 тыс. человек (за полтора месяца боев на Юго-Западном фронте), потери противника были немногим меньше. В этой связи эта битва стоит в одном ряду с такими великими событиями Первой мировой войны, как, например, Верден или Сомма. Однако отличительной чертой событий мая-июня 1915 г. в Карпатах было то, что война оставалась маневренной, в отличие от ситуации на Западном фронте.

Мы выбрали для военно-исторического анализа первые дни Горлицкой операции государств Центра, так как в это время решился исход дальнейшей операции и именно в первые две недели мая 1915 г. выявились основные недостатки командования Русской армией.

В своем анализе мы опираемся на архивные материалы в основном фондов Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация). Особое место занимает в списке наших источников «Летопись войны» (1915 – Год войны, 1915), опубликованная в Санкт-Петербурге в нескольких томах еще до октябрьского переворота. Несмотря на то, что это официальный и прошедший жесткую цензуру источник, он представляет интерес, так как содержит структурированное изложение боевых действий Русской армии на разных фронтах в строгом хронологическом порядке. Кроме того, данный источник базируется во многом на сводках Ставки, что придает особую ценность, так как отражает видение проблем на фронте Высшим командованием именно в момент, когда происходили те или иные события. Что касается мемуарной и аналитической литературы межвоенного и последующих периодов, то надо отметить, что в них повторялись старые аксиомы, например, утверждение о колоссальном превосходстве Германии и Австро-Венгрии в тяжелой артиллерии, которое фактически, как мы утверждаем, не было столь большим и не могло быть центральным фактором поражения Русской армии в условиях борьбы в горной местности. Советская историография однозначно представляла действия командования Русской армией во время тех и других событий как неправильные или даже иногда преступно-халатные, что соответствовало «клеймению царизма» как обреченной на коллапс системы политического устройства России. В этой связи тактический уровень боевых операций на Карпатах весной 1915 г. не

привлекал большого внимания советских историков, которые проводили анализ по принципу «и так все понятно». Западная историография, включая немецкую, объясняла причину успеха Центра под Горлицей примерно в том же духе, что и советская: более передовые государства разбили «полуазиатскую» монархию. Да, Германия и Австро-Венгрия добились успехов, но большой ценой, в итоге 4-я австро-венгерская армия потеряла опытные кадры, ослабла, что и предопределило в дальнейшем ситуацию в Галиции в пользу России уже во время Брусиловского прорыва.

В работе мы сопоставляем сведения о стратегических управлениях и решениях противоборствовавших сторон с данными тактического уровня. Более 90 % информации на этот счет взято из опубликованных и неопубликованных архивных документов. Такой анализ необходим с точки зрения определения роли, в первую очередь, тяжелой артиллерии в Горлицкой битве, но также и с точки зрения значения стратегических решений, в первую очередь, Ставки и командования ЮЗФ. В этой связи мы сделали акцент на отслеживании стратегических решений российского высшего командования в хронологическом порядке. Мы сосредоточились на решении следующей задачи: стратегические решения сторон и их воплощение на тактическом уровне, что соответствует историко-проблемному методу. Определенное внимание мы уделили оснащенности Русской армии системами артиллерийского вооружения и их распределения. В этом месте мы доказываем, что нехватка тяжелых орудий у ЮЗФ в период Горлицкой битвы было вызвано представлениями русских стратегов о роли тяжелой артиллерии в войне. Этот тип артиллерии был связан с обороной и штурмом крепостей. И в этой связи мы обращаемся к проблемно-историческому методу.

3. Обсуждение

Как мы сказали выше, литературы по Горлицкой операции в современной историографии нет, но в общих работах о Первой мировой войне, разумеется, данная битва отражена в отечественной и зарубежной литературе (Дюпюи, Дюпюи, 1998: 805). Горлицкая битва обычно описывается как операция только 11-й германской и 4-й австро-венгерской армий против 3-й русской армии, что неверно, так как 8-я и 9-я русские армии на своих участках оказались достаточно быстро вовлечены в эту битву, которая битвой часто не именуется. Как дается часто неточное в общей литературе по Первой мировой войне описание начального этапа Горлицкой битвы, когда говорится, что русские войска оборонялись (Строков, 1974: 289-299; Ляхов, 1965; Шефов, 2006: 103-111), а через три дня начали отступать, фактически соединения 3-й армии контрнаступали на левом берегу р. Сан, отвечая на прорыв линии обороны X-го корпуса.

Как мы уже отмечали, относительно Горлицкой битвы в советской литературе и в западных работах дается необъективное суждение о действиях российского командования разных уровней. Советская литература страдает особой идеологической предвзятостью, и это касается практически всей оценки действий Русской армии в Первой мировой войне. А.М. Зайончковский (бывший русский генерал, перешедший в Гражданскую войну на сторону Советской власти) рассматривает тактику контратак как большую ошибку (Зайончковский, 2002: 307), но в условиях отсутствия мощных долгосрочных укреплений у командования ЮЗФ часто не было выбора. В целом, А.М. Зайончковский лишь в общих чертах описывает события, связанные с Горлицким прорывом, не объясняя причин тактических неудач соединений 3-й армии.

Вышедшая в 1921 г. работа тоже бывшего русского генерала М. Бонч-Бруевича «Потеря нами Галиции в 1915 г.» охватывает серию стратегических вопросов, связанных с Горлицкой операцией и сопутствовавших ей событий, акцент при этом делается на ошибках Ставки.

В немецкой литературе, даже основанной на архивных документах, происходит, разумеется, превозношение «германского военного гения» (Фалькенгайн, 2014; Гофман, 1929), а Горлицкое наступление преподносится как блестящая победа в духе блицкрига. Правда, в специализированных немецких работах веймарского периода, описывающих боевой путь отдельных соединений имперской армии, нередко можно встретить иные оценки событий, включая и сюжет с Горлицкой операцией. После Второй мировой войны наблюдался интерес немецкой исторической науки к операциям германской армии на Восточном фронте в годы Первой мировой войны.

Относительно подробно Горлицкая битва описана у О.Р. Айрапетова, однако у него почти нет анализа тактических сторон этой битвы. В данной работе повторены старые положения российской и западной историографии: отсталая технологически Русская армия на фоне грубых ошибок своего командования не смогла сдержать прорыв армий Центра под Горлицей (Айрапетов, 2014: 106-124). По сути О.Р. Айрапетов отразил в своих взглядах на проблему неудач Русской армии в 1915 г. концептуальные идеи советских военных историков 1920-х гг.

Редкой работой, рассматривающей связь между тактикой, технологией и стратегией в Первую мировую войну в России, является диссертация Гордеева Ю.Н. о методике обороны русских армейских корпусов (Гордеев, 1999). По поводу Горлицкой битвы в этой работе дается интересная концептуальная идея, что на участке X оборонительные рубежи оказались недостаточно подготовленными, работа над ними еще продолжалась. Однако на участке XXV имела место похожая ситуация: по приказу командира этого корпуса генерала Н. Рогозы инженеры создали не сплошные окопные линии, а отдельные узлы сопротивления, чтобы было удобнее маневрировать резервами,

которым надлежало наносить контрудары (Гордеев, 1999: 97). Это вытекало из представлений многих русских военачальников о правильно организованной обороне (Гордеев, 1999: 97), что в результате обернулось бедой для 3-й армии.

Немалый интерес, на наш взгляд, представляет собой диссертационная работа А.В. Лужбина, посвященная кавалерии ЮЗФ в Первой мировой войне в целом (Лужбин, 2004). Однако сюжет о Горлицкой операции описан А.В. Лужибиным на основе опубликованного в СССР Сборника документов, посвященных Горлицкому прорыву. Внимание при этом сконцентрировано на фазе отступления сил ЮЗФ.

В 2014 г. вышла юбилейная в большей степени научно-популярная работа академика РАЕН В.Б. Миронова, посвященная участию России в Первой мировой войне. Горлицкому прорыву там тоже уделено внимание. В.Б. Миронов рассматривает «снарядный голод» и нехватку тяжелых орудий (их почти полное отсутствие) в качестве причин поражения русских войск в этой битве (Миронов, 2014: 139). Правда, В.Б. Мироновым не раскрывается причина данных явлений: были ли они связаны с логистикой непосредственно ЮЗФ или же с общей плохой работой оборонной промышленности России. Кроме того, важные тезисы работы В.Б. Миронова не снабжены ссылками на архивные источники.

Большой для нас интерес представляет работа профессора С.Д. Половецкого (Половецкий, 2016: 13), изданная в сборнике трудов, посвященных России в период Первой мировой войны. Нам трудно согласиться с утверждением этого историка, что в 1915 г. в Русской армии изменилось практически все, особенно в силу того, что не было активности на Западном фронте и приходилось действовать против трех «мощных империй» (Половецкий, 2016: 13), включая Османскую. Турция османов на то время не была мощной, ей даже сложно было перед этим противостоять в Балканской войне южным славянам. Во-вторых, Западный фронт все-таки имел активность в 1915 г., правда, не такую, как во время Битвы на Марне. Но, отметим, значительный вклад в успехи Антанты внесло отражение немецкого наступления во Фландрии весной 1915 г., когда имперская армия широко применила боевые отравляющие газы. В мае-июне 1915 г. французы провели наступление при Нойоне, которое оказалось успешным, но не решившим больших стратегических задач. Неудачи в Горлицкой битве представлены С.Д. Половецким как ограниченный стратегический успех Русской армии. Однако в работе С.Д. Половецкого нет ссылок на архивные документы.

4. Результаты

Наступление австро-германских войск оказалось встречным, а Юго-Западный фронт, двигаясь на запад с целью взятия перевалов через Карпаты, выполнял с конца марта 1915 г. ограниченную задачу – очистить Заднестрие от австро-венгров (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 142. Л. 1). В связи с тем что войскам приходилось двигаться в горах, им было предписано также в конце марта сократить численность орудий при наступающих частях до необходимого минимума (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 142. Л. 10). Полевые укрепления русскими войсками местами не создавались, что также объяснимо их наступлением.

Положение Австро-Венгрии было тяжелым из-за потери крепости Перемышль 30 марта 1915 г. и неудачных попыток ее деблокады. Однако и Юго-Западный фронт в последней декаде марта понес ощутимые потери, австро-венгерские соединения продемонстрировали способность проводить интенсивные тактические контратаки. Особо тяжелые бои шли на участке Россохач – Тухла, где австро-венграм удалось отбить высоты 992 и 943. Особо большие потери понес 28 корпус Русской армии, и это было вызвано во многом огнем артиллерии противника (РГВИА. Ф. 2067. Оп.1. Д. 142. Л. 97). В связи с этим 3-ей и 8-ой армиям было приказано приостановить наступление, кроме осуществления действий для улучшения своего тактического положения, и ждать подкреплений. Штаб Юго-Западного фронта признал, что австро-венгры сумели перебросить в Карпаты свежие части (РГВИА. Ф. 2067. Оп.1. Д. 142. Л. 106).

В начале апреля 1915 г. командующий ЮЗФ генерал Иванов все-таки запросил у Радко-Дмитриева соображения по поводу возможностей вторжения 3-й армии в Венгрию. Радко-Дмитриев ответил, что армия к этому не готова, так как после наступления не привела еще себя в порядок и не получила должного количества подкреплений. Положение армии оценивалось Радко-Дмитриевым как не вызывающее оптимизма, на каждый корпус армии приходилось более 30-ти верст фронта, что очень много даже для обороны (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 250. Отчетные материалы. Л. 288).

Таким образом, русские и австро-венгерские части в Карпатах весь март и первую половину апреля 1915 г. обменивались атаками и артиллерийскими обстрелами, борьба велась в основном за командные высоты. Поэтому, когда началось наступление под Горлицей против сил 3-ей армии, в сводках штаба это событие значилось как обычное явление, отмечен был только довольно сильный артиллерийский огонь против 9-го и 10-го корпусов (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 142. Л. 377).

Состояние армий Юго-Западного фронта на 15-е апреля 1915 г. (29 апреля по новому стилю) было не таким плохим, как отражено в популярном мнении о Горлицкой битве. Нас интересует, в первую очередь, артиллерия, так как обычно дефицит артиллерийских орудий рассматривают как

главный фактор неудач русских войск в битвах Первой мировой войны, включая Горлицкую операцию (Centek, Kulacz, 2018) (Таблица 1).

Таблица 1. Состав артиллерии 3-ей и 8-ой армий Юго-Западного фронта по армиям. Составлено по: (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 371. Л. 514, 601; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 369)

Армия, №	Скорострельных орудий (полевых)	Тяжелых орудий	Орудий других типов (из них гаубицы)
III	531	15	152 (64)
IV	380	23	104 (74)
VIII	333	7	77 (33)

Да, по немецким данным, у 11-ой имперской армии было значительное превосходство над русской 3-ей армией в тяжелой артиллерии (назывались цифры, что под Горлицей у русских были 3-4 тяжелых орудия), но остается открытым вопрос, что считалось в России и в Германии тяжелым орудием. Например, 107-мм (42-линейная) пушка относилась к «тяжелой артиллерии», но одновременно считалась и скорострельной. Но при этом 122-мм легкая полевая гаубица рассматривалась в качестве системы полевой артиллерии, как и стандартное орудие 76 мм. В Русской армии артиллерийские системы классифицировались не по калибру, как в большинстве армий мира, а по функциональности (Олейников, 2020). Поэтому 64 гаубицы 3-ей армии вполне могли быть фактически орудиями тяжелой артиллерии. Но часто в условиях Карпатских гор было сложно доставить на передовую тяжелые орудия. Кроме того, до Горлицкого прорыва русская военная мысль рассматривала тяжелую артиллерию как средство для штурма крепостей или, наоборот, для их обороны. Большая эффективность этого средства в полевых условиях вызывала сомнения.

Состав тяжелой артиллерии крепости Ковно в конце марта 1915 г. показывает, что даже в это время высшее командование Русской армии продолжало связывать этот тип артиллерии с крепостями. В Ковно были оставлены восьмидюймовые облегченные пушки (12 шт.), восьмидюймовые легкие мортиры (4 шт.), мортиры того же калибра, но стальные (8 шт.), мортиры того же калибра, но чугунные (7 шт.), шестидюймовые медные мортиры (48 шт.), медные мортиры шестидюймовые с трубкой (6 шт.), полевые шестидюймовые мортиры (30 шт.), шестидюймовые крепостные гаубицы (6 шт.), 48-линейные гаубицы (12 шт.), 42-линейные скорострельные пушки (3 шт.). Да, многое из перечисленного в Ковно было устаревшим, как и 42-линейные скорострельные пушки образца 1877 г. Даже они в условиях Карпатских гор могли стать какой-то помощью русской пехоте и кавалерии, которые часто оказывались вовсе без артиллерийской поддержки. В этой крепости еще оставались также 112 трехлинейных пулеметов (РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 107). Словом, всего этого арсенала хватало бы, чтобы остановить 2-3 мая германо-австро-венгерские войска под Горлицей. Часть арсенала крепости к 23-му марта 1915 г. была передана в действующую армию, но попали эти вооружения на Северо-Западный фронт, когда ЮЗФ испытывал серьезный недостаток в артиллерии и пулеметах. В подчиненной штабу ЮЗФ Брестской крепости на 1-е июня 1915 г. состояло 20 тяжелых и 8 скорострельных орудий (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 565. Л. 40) (120 мм, фактически тоже тяжелых). В Новогеоргиевской крепости только 42-линейных пушек насчитывалось 114 шт. (РГВИА. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 24. Л. 208) в конце 1914 г., не считая много других артиллерийских систем (правда, часть находилась в резерве). В итоге крепости не спасли Россию от поражений в западных губерниях в 1915 г., они не остановили противника.

Что касается «снарядного голода», то мы его не отрицаем, но в одном из приказов Брусилова за 12-е мая 1915 г. (по старому стилю) указано, что главная причина неудач русской артиллерии в 8-ой армии было плохое управление и неправильное сосредоточение огня, что затрудняло контрбатареиную борьбу (РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 71. Л. 167).

В плане контрнаступления германского командования в Восточной Галиции (по линии рек Сан – верхний Днестр) было остановить русское наступление и вывести части 11-ой имперской армии ко Львову. Главный удар должен был прийти по 3-ей армии генерала Радко-Дмитриева, южнее которой находилась 8-я армия генерала Брусилова с севера – 4-я армия А.Е. Эверта. Положение 4-ой армии Эверта было сложным из-за растянутости ее фронта при нехватке войск (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 143. Л. 326), поэтому существенную помощь 3-ей армии Эверт оказать не мог.

В конце марта 1915 г. начальник Генерального штаба германской армии фон Фалькенхаузен пришел к выводу, что без очередной поддержки австро-венгерской 3-ей армии на Карпатах положение Двуетной монархии значительно ухудшится, несмотря на то что на этом направлении уже действовали отдельные германские части, включенные в Южную армию под командованием немецкого генерала А. фон Лизингена и группу (фактически армию) Р. фон Войриша. Правда, большинство солдат и офицеров этих соединений были австро-венграми.

Официальная Вена прямо поставила германский Генштаб в известность, что в случае отсутствия помощи со стороны Берлина Австро-Венгрия пойдет на мир с Россией (Letter of Adolph

Wild von Hohenborn (then Minister of War) to his wife, 3 April 1915, BA/MA, N44/3; Hans von Plessen (commander of the Imperial Headquarters), "Tagebuch" 5 April 1915, BA/MA, W 10/50656). В начале апреля 1915 после размышлений фон Фалькенхаузен сделал прогноз, что без вмешательства имперской армии Австро-Венгрия рухнет через 6 недель. (Stone, 2010: 127). Также возросла вероятность вступления в войну Италии и Румынии, наступление Русской в Восточной Галиции армии ускорило это событие.

Район Горлице был выбран как главное место для удара из-за хорошей сети железных дорог. Там можно было задействовать 4 германских армейских корпуса при сильной поддержке артиллерии. 11-я армия (в составе 8-ой пехотных дивизий) получила 352 легких (полевых) и 144 тяжелых орудия, к ним добавились 200 австро-венгерских (Beispiele fuer Artillerie-Starken bei Durchbruchs angriffen, BA/MA, W10/50160). В подчинение командующего 11-ой армией фон Макензена поступила 4-я австро-венгерская армия. Также две пехотные и одна кавалерийская дивизия австро-венгров были включены непосредственно в состав 11-ой армии. Немцы сделали ставку на внезапность, которая была достигнута за счет очень быстрой (20 дней) переброски целой полевой армии в Галицию, а также на тесное тактическое взаимодействие корпусной артиллерии и пехоты.

Однако на стороне Макензена была также плохая логистика Русской армии, резервный III Кавказский корпус мог быть переброшен на помощь Радко-Дмитриеву только к 4-му маю, через 2 дня после начала наступления 11-ой имперской армии. Передислокация к Горлице частей из других русских армий была также затруднена. Связь между 3-ей и 4-ой армиями была обеспечена одной только 8-ой дивизией, из-за чего невозможно было проводить согласованные действия двух армий на правом берегу Вислы (РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 71. Л. 74) (Радко-Дмитриев бросил перед этим все силы в наступление на Карпатах, ослабив свой северный фланг). Кроме того, штаб ЮЗФ до 25-го апреля 1915 г. имел слабые представления о составе атаковавших его сил противника. Только в середине 20-х чисел апреля от пленных стало известно, что части фронта столкнулись с переброшенными с Западного фронта немецкими соединениями (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2372. Л. 110).

Макензен ввел в бой 700 орудий, но у нас есть сомнения, что все сразу. Кроме того, как следует из одного из донесений III Кавказского корпуса, в ходе продолжения своего наступления 6-го мая вечером в районе р. Вислока немцы вели огонь немногим более часа (РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 71. Л. 22). Правда, в донесении отмечено, что части корпуса несли большие потери от артиллерийского огня.

Решающую роль в Горлицкой битве сыграла атака 11-ой Баварской дивизии ранним утром 2-го мая 1915 г. позиций 9-ой русской пехотной дивизии, которая защищала слишком широкий фронт (Bundes archiv–Militar archiv Freiburgim Breisgau, PH11/303 Kriegstagebuchdes Oberkommandosder 11. Armee, 18.4.–30.6.1915; PH 8 I/442, Abschrift des Kriegstagebuches der 11. bayr. Inf. Div. 24.4.–30.6.1915). Правый фланг этой дивизии был также атакован достаточно хорошо подготовленной 119-ой Прусской дивизией. Командовавший баварцами генерал Кнойсель надеялся, в первую очередь, на выделенные ему в поддержку 56 тяжелых орудий и мортир, то есть почти треть всей тяжелой артиллерии, приданной 11-ой армии. Однако эти надежды оправдались лишь частично. Сначала баварцы понесли потери от дружественного огня, когда пошли в атаку (у немецких артиллеристов еще не было достаточно опыта огневого вала), затем они перенесли огонь на русские коммуникации в тылу, оставив свою наступающую пехоту без поддержки на некоторое время, чего стало достаточно оставшимся в живых на своих укреплениях русским, чтобы начать выкашивать ружейным огнем наступающие цепи противника. 3-й полк 11-ой Баварской дивизии потерял 700 человек убитыми и ранеными в утренней атаке, то есть четверть личного состава (Stengel, 1924: 15). Сказалась ошибка германского командования. В составе наступающих пехотных частей этой дивизии было только 6 тяжелых пулеметов, которые принесли мало пользы. Баварцы вели бой целый день, взяв в плен 900 русских, в основном это были контуженные или деморализованные огнем тяжелой немецкой артиллерии солдаты. Однако главная причина была не столько в германской артиллерии, сколько в отсутствии резервов за спиной 9-ой дивизии, она не получила в течение дня подкреплений, предназначенных для закрытия четырехкилометрового «окна» немецкого прорыва под Горлице, а III Кавказский корпус подоспел слишком поздно.

Не менее показателен случай прорыва 119-ой Прусской дивизии на участке Брянского полка. Как и в ситуации с наступлением баварцев, пруссаков поддерживала интенсивным огнем артиллерия. Немцы уже думали, что русские покинули передовые окопы и отошли в тыл, что означало упорную борьбу с обороняющимися в лесистой горной местности. Кроме того, русская пехота оставалась под обстрелом в домах окрестных с Горлицей деревень (BA–MA, PH 8 I/421, Abschrift des Kriegstagebuches der 119. Infanterie-Division 30.4.–30.6.15), что часто означало верную смерть от огня тяжелых мортир. Несмотря на такие недочеты в организации обороны, русским удалось оказать 46-му полку 119-ой дивизии действенное сопротивление, пруссаки на засеках попали под пулеметный огонь. К счастью для 46-го полка, пулеметов у русских пехотинцев оказалось мало, потери этого полка убитыми и ранеными составили 7 офицеров и 343 рядовых в основном в первой половине дня 2-го мая. По воспоминаниям офицера из другого, 58-го полка 119-ой дивизии, огонь русских пулеметов буквально выкашивал ряды пруссаков (Schmidt et al., 1934: 77). Саму Горлицу частям 119-ой дивизии удалось взять благодаря тому, что немецкая тяжелая артиллерия расстреляла на

марше брошенное командованиям X корпуса на помощь гарнизону города подкрепление (численностью примерно до бригады). За два дня боев потери 119-ой дивизии составили убитыми и ранеными 41 офицер и 1323 нижних чина (Kalm, 1930: 202).

В официальной сводке Ставки (именовалась еще Высшим командованием) о боях под Горлицей 19-20 апреля 1915 г. (по старому стилю) не сказано ни слова (1915 – Год войны, 1915: 337). Напротив, говорится об успешных отражениях атак противника (1915 – Год войны, 1915: 337). В сводке за 22-е апреля 1915 г. (по старому стилю) говорится об упорных боях под Биеч-Ясло, где противник наступал под прикрытием тяжелой артиллерии (1915 – Год войны, 1915: 340). Это достаточно достоверная сводка о наступлении под Горлицей.

Были и ошибки. Показательна судьба 52-го Сибирского пехотного полка, которому в ночь с 5-го на 6-е мая 1915 г. было приказано вместе с другими частями X корпуса, используя скудные плавсредства, переправиться на левый берег р. Сан, но полк, не будучи прикрытым с флангов, подвергся к рассвету сильному артиллерийскому обстрелу и был атакован целой бригадой австрийцев, которые его прижали к реке. Сибирцы были разбиты (РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 71. Л. 17). В этом контрнаступлении, которое велось при слабой поддержке артиллерии, принимали участие, помимо X корпуса, также IX корпус и III Кавказский кавкорпус (РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 71. Л. 14). Сложной при форсировании Сана оказалась ситуация 63-ей дивизии. Командование корпуса не учло, что уровень воды в реке заметно поднялся из-за дождей, поэтому переход вброд стал невозможен. Паромная переправа не была налажена, солдаты дивизии поодиночке переплывали реку (РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 71. Л. 12), при этом никакого сопротивления в тот момент австрийцы не оказывали, их еще было мало.

Германо-австро-венгерская группировка вела наступление не только против 3-ей армии, но также и против 8-ой армии Брусилова (РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 71. Л. 65). В этой связи Брусилов принял решение контратаковать 9-го мая 1915 г. силами 7-го и 28-го корпусов. 8-го мая 1915 г. (по старому стилю) генерал Н.И. Иванов дал приказ Брусилову вести наступление на левом берегу Сана (РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 71. Л. 64). Данный приказ был дан Н.И. Ивановым в соответствии с решениями Совета ЮЗФ в г. Холм 7-го мая 1915 г. (по новому стилю), когда было подтверждено, что войска фронта не будут отступать из долины р. Сан (Die Operationen des Jahres 1915: 434). До этого Брусилову было сложно наступать, потому что сами австро-венгры подвергли сильным атакам его XVII корпус. В этой связи не совсем понятно, почему Верховный главнокомандующий считал, что противнику удалось относительно легко провести наступление против 3-ей армии из-за пассивности 4-ой и 8-ой армий (Бонч-Бруевич, 1926). Напрашивается такой вывод, что великий князь Николай Николаевич не владел полнотой информации о положении 8-ой армии. Заявление о том, что 4-я армия вела себя нерешительно, тоже вызывает вполне обоснованные сомнения. 7-го мая 1915 г. части 4-ой армии пытались овладеть позициями противника в районе Осины, но безуспешно (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3617. Л. 10). Под Ловницей 83-я дивизия этой армии сумела достичь в ночь на 7-е мая ограниченного успеха, то же самое касается 75-ой дивизии на линии Закржев-Бышев (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3617. Л. 11).

Тогда же Н.И. Иванов обозначил неудачу 3-ей армии как локальную, не считая это крупным поражением. Примерно также 20-го апреля 1915 г. (по старому стилю) и несколько дней позднее оценивалась ситуация в Ставке (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 592. Л. 401). В написанной в эмиграции монографии мемуарного типа бывшего уже тогда генерала Ю.Н. Данилова (Данилов, 1924: 307) звучат обвинения в адрес командования ЮЗФ в неверной оценке потенциала германского наступления.

У командования ЮЗФ была надежда на стратегические резервы: V Кавказский корпус, который перебрасывался из Одессы, и XV корпус, передислокация которого шла с Северо-Западного фронта. Однако и здесь Радко-Дмитриеву не повезло: XV корпус прибыл 10-го мая (по старому стилю, и это уже достаточно поздно, уже после завершения начальной фазы германского наступления) без 6-ой пехотной дивизии и ее артиллерии, а также 15-го мортирного дивизиона и некоторых других частей, в этой связи боеспособность корпуса была оценена как низкая (РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 71. Л. 64. Л. 120). Кроме того, один дивизион артиллерии 45-ой дивизии остался в Радоме.

Не совсем точно представляли себе ситуацию в Ставке. Так, например, 1-го мая 1915 г. генерал-адъютант великий князь Николай Николаевич сообщил в Царское село Николаю II, что 3-я и 4-я армии отступают при незначительном давлении противника (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 592. Л. 420). Донесение Николая Николаевича от 30-го апреля также достаточно оптимистично. Отступление корпусов 3-ей армии, по его мнению, шло, в целом, успешно (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 592. Л. 418). Правда, 29-го апреля глава Ставки признал, что 3-я и 8-я армии понесли большие потери, но при этом им отмечается успешное наступление 9-ой армии (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 592. Л. 416). То есть одна часть фронта отступала с большими потерями, а другая наступала.

Командир IX корпуса в составе 3-ей армии генерал А.М. Драгомиров по-другому оценивал ситуацию, нежели генерал Иванов. Первый пришел к выводу 7-го мая о необходимости отступить за р. Сан, но штаб ЮЗФ настоял на укреплении позиций и обороне (Die Operationen des Jahres, 1915: 435). 11-го мая 1915 г. Радко-Дмитриев все-таки после настоятельного соответствующего требования

перед штабом ЮЗФ дал приказ на отступление за р. Сан, в этой связи 4-я армия тоже была вынуждена начать отход, чтобы не быть обойденной противником с южного фланга (*Die Operationen des Jahres, 1915: 435*). Однако во многом это действие начальника 3-ей армии было связано с решением Ставки от 28-го апреля 1915 г. начать отход 3-ей, 4-ой и 8-ой армий на линию Сан-Висла, что было продиктовано неудачным контрударом 21-го корпуса (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 592. Л. 414), на который русским командованием возлагались особые надежды. В этой связи 9-ой и 11-ой армиям Николай Николаевич приказал наступать, чтобы облегчить положение остальных отступавших армий ЮЗФ, при этом главнокомандующий Русской армией надеялся, что 3-я, 4-я и 8-я армии, получив подкрепления на новых позициях, смогут перейти в общее наступление (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 592. Л. 414).

5. Заключение

Горлицкая битва отражает известную «формулу», которая вела к поражениям армий в эпоху мировых войн и не только: ресурсы оказались не в том месте и не в то время. Систем тяжелой артиллерии у Русской армии было к маю 1915 г. вполне достаточно для отражения германо-австро-венгерского наступления, но их не оказалось в нужных масштабах в распоряжении 3-ей и 8-ой армий. То же самое можно сказать и о пулеметах.

2-го мая 1915 г. в районе Горлице не оказалось людских резервов, что также стало важным фактором поражения 3-ей армии. Сыграл свою роль также случай: вражеский аэроплан обнаружил двигавшуюся к Горлице русскую колонну подкреплений. Этой случайности можно было бы избежать, будь с российской стороны противодействие в воздухе.

Словом, имел место кризис командования, если брать во внимание конкретно Горлицкую операцию. Но даже после первых неудач 3-ей армии ни командование ЮЗФ, ни Ставка не сделали должных выводов, рассматривая долгое время ситуацию под Горлицей как временно неблагоприятную.

Был ли шанс у Русской армии отразить вражеское наступление на Карпатах в начале мая 1915 г.? Из всего сказанного нами выше мы делаем вывод, что, да, шанс на победу в оборонительной операции был, но только при условии наличия пулеметов минимум в два раза больше от фактического количества у 3-ей армии ЮЗФ на начало Горлицкой битвы. Контрудар с прорывом на левый берег р. Сан трех корпусов был также ошибочным решением, вытекавшим из общего мнения Ставки о ситуации на Юго-западном фронте, и это решение также заметно снизило шансы России на победу в этой битве. Конфигурация расположения частей 9-ой пехотной дивизии под Горлицей, когда русские подразделения этой дивизии оказались разбросанными по относительно большой территории и должны были оборонять широкий фронт, также сыграла свою негативную роль в развитии начального этапа описанной нами битвы.

Смысла в проведении наступления 9-ой армии было мало, гораздо более целесообразно Ставке было бы перебросить ее кавалерийские части на помощь 3-ей армии.

Роль тяжелой артиллерии в победе армий Центра под Горлицей преувеличена. Напротив, бои на Карпатах начала мая 1915 г. показали, что число орудий в условиях горной местности должно быть намного большим, чем оказалось в реальности, и при низкой маневренности артиллерия мало полезна в условиях оказания пехотой противника упорного сопротивления с применением пулеметов. Фактически тяжелых орудий в армиях ЮЗФ было немало, но существовали сложности с их логистикой.

В связи со всем сказанным выше верна концепция кризиса командования, ставшего причиной поражения 3-ей армии ЮЗФ в мае 1915 г., как, очевидно, и других военных неудач Российской империи в период Первой мировой войны.

6. Благодарности

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Литература

Айрапетов, 2014 – Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914– 1917). 1915 год. Апогей. М.: Кучково поле, 2014. 413 с.

Бокарев, 2009 – Бокарев Ю.П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования / Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. С. 9–22.

Бонч-Бруевич, 1926 – Бонч-Бруевич М.Д. Потеря нами Галиции в 1915 году. Ч. 2: Катастрофа в 3-й армии. Л., 1926. 268 с.

Брусилов, 2019 – Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: ПрозайК, 2019. 256 с.

Вацетис, 1923 – *Вацетис И.И.* Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и в начале сентября 1914 г.: стратегический очерк: действия 1 и 2 русских армий и 8 германской армии; Воен. акад. РККА. М., 1923. 104 с.

Гордеев, 1999 – *Гордеев Ю.Н.* Построение и ведение обороны русскими армейскими корпусами в первой мировой войне 1914-1918 гг.: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 1999.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гофман, 1929 – *Гофман М.* Записки и дневники. 1914-1918: перевод с немецкого / генерал Макс Гофман; предисл. начальника Военной акад. им. Фрунзе Р. Эйдемана. Ленинград: Красная газета, 1929. 262 с.

1915 – Год войны – 1915 – Год войны: с 19-го июля 1914 г. по 19-е июля 1915 г. / предисл. А. Оглина. М.: Изд. Д. Я. Маховского, 1915. 588 с.

Данилов, 1924 – *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин: Слово, 1924. 456 с.

Дюпюи, Дюпюи, 1998 – *Дюпюи Р., Дюпюи Т.* Всемирная история войн: В 4 т. Спб.; М., 1997-1998. Т. 3. 1016 с.

Зайончковский, 2002 – *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. 878 с.

Лужбин, 2004 – *Лужбин А.В.* Кавалерия Юго-Западного фронта Первой мировой войны: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2004.

Ляхов, 1965 – *Ляхов В.* Прорыв русского фронта в 1915 году // *Военно-исторический журнал*. 1965. № 6. С. 122-125.

Миронов, 2014 – *Миронов В.Б.* Первая мировая война: борьба миров. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 303 с.

Назаренко, 2017 – *Назаренко К.Б.* Ответы на десять вопросов по истории Февральской революции / Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2017. Т. 5. С. 60-66.

Олейников, 2020 – *Олейников А.* Русская артиллерия в Первой мировой войне. Интернет-приложение к Военно-историческому журналу. 07.04.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://history.milportal.ru/russkaya-tyazhelaya-artilleriya-pervoj-mirovoj/> (дата обращения: 01.10.2023).

Половецкий, 2016 – *Половецкий С.Д.* Русская армия в 1915 г.: новое в стратегии и тактике боевых действий // *Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год: доклады и выступления участников V Международной научно-практической конференции*. М., Изд-во МНЭПУ, 2016. С. 66-75.

Поткина, 2022 – *Поткина И.В.* В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 годах. СПб.: Нестор-История, 2022. 379 с.

РГВА – Российский государственный военный архив.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Строков, 1974 – *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: Военизат, 1974. 616 с.

Шапкин, 2023 – *Шапкин И.Н.* Опыт перестройки российского народного хозяйства и управления в годы Первой мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 7-24.

Шефов, 2006 – *Шефов Н.А.* Битвы России. М: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 699 с.

Фалькенгайн, 2014 – *Фалькенгайн Э. фон.* Верховное командование 1914-1916 годов в его важнейших решениях. М.: Кучковополе, 2014. 279 с.

1915 – Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Winter und Frühjahr. V. Der Feldzug in Galizien bis Mitte 1915. Reichsarchiv. Potsdam, 1931.

Bundesarchiv-Militärarchiv – Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA).

Centek, Kulacz, 2018 – *Centek J., Kulacz S.* The reasons for the successful breakthrough at Gorlice // *Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym*PL. 2018. t. 45 (2). Pp. 85-95.

Kalm, 1930 – *Kalm von O.T.* Gorlice. Schlachten des Weltkrieges. In Einzeldarstellungen bearbeitet und herausgegeben im Auftrage des Reichsarchivs. Bd. 30. Berlin: Stallung, 1930. 96 p.

Schmidt et al., 1934 – *Schmidt W., Winkelmann O., Altermann M.* Das Königlich Preußische 3. Posensche Infanterie-Regiment Nr. 58 im Weltkrieg. Berlin: Verlag Bernhard Sporn, 1934. 150 p.

Stengel, 1924 – *Stengel von F.* Das königlich bayerische 3. Infanterieregiment Prinz Karl von Bayern. München, 1924. 493 p.

Stone, 2010 – *Stone N.* World War One: A Short History. London: Penguin Books. 2010. 216 p.

References

1915 – Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Winter und Frühjahr. V. Der Feldzug in Galizien bis Mitte 1915. Reichsarchiv. Potsdam, 1931.

1915 – God voiny – 1915 – God voiny [1915 – The year of the war]: s 19-go iyulya 1914 g. po 19-e iyulya 1915 g. Predisl. A. Oglina. М.: Изд. Д. Я. Makhovskogo, 1915. 588 p. [in Russian]

- Airapetov, 2014** – *Airapetov, O.R.* (2014). Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917). 1915 god. Apogei [The participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). 1915. Apogee]. M.: Kuchkovo pole, 413 p. [in Russian]
- Bokarev, 2009** – *Bokarev, Yu.P.* (2009). Mobilizatsionnaya ekonomika v Rossii i Germanii v gody pervoi mirovoi voyny. Opyt komparativnogo issledovaniya [The mobilization economy in Russia and Germany during the First World War. Comparative research experience]. Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Chelyabinsk, 28–29 noyabrya 2009 g. Pod red. G.A. Goncharova, S.A. Bakanova. Chelyabinsk: OOO «Entsiklopediya». Pp. 9–22. [in Russian]
- Bonch-Bruevich, 1926** – *Bonch-Bruevich, M.D.* (1926). Poterya nami Galitsii v 1915 godu du [Our loss of Galicia in 1915]. Ch. 2: Katastrofa v 3-i armii. L., 268 p. [in Russian]
- Brusilov, 2019** – *Brusilov, A.A.* (2019). Moi vospominaniya [My memories]. M.: Prozaik, 256 p. [in Russian]
- Bundesarchiv-Militärarchiv** – Bundesarchiv-Militärarchiv (BA–MA) [German Military Archive].
- Centek, Kulacz, 2018** – *Centek, J., Kulacz, S.* (2018). The reasons for the successful breakthrough at Gorlice. *Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym* PL. 45(2): 85–95.
- Danilov, 1924** – *Danilov, Yu.N.* (1924). Rossiya v mirovoi voine 1914–1915 gg. [Russia in the World War 1914–1915]. Berlin: Slovo, 456 p. [in Russian]
- Dyupyui, Dyupyui, 1998** – *Dyupyui, P., Dyupyui, T.* (1998). Vsemirnaya istoriya vojn [The World History of Wars]: V 4 t. Spb.; M., 1997–1998. T. 3. 1016 p. [in Russian]
- Fal'kengain, 2014** – *Fal'kengain, E. fon.* (2014). Verkhovnoe komandovanie 1914–1916 godov v ego vazhneishikh resheniyakh [The Supreme Military Command of 1914–1916 in its most important decisions]. M.: Kuchkovopole, 279 p. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Gofman, 1929** – *Gofman, M.* (1929). Zapiski i dnevniki [Notes and diaries]. 1914–1918: perevod s nemetskogo. General Maks Gofman; predisl. nachal'nika VoЕННОI akad. im. Frunze R. Eidemana. Leningrad: Krasnaya gazeta, 262 p. [in Russian]
- Gordeev, 1999** – *Gordeev, Yu.N.* (1999). Postroenie i vedenie oborony russkimi armeiskimi korpusami v pervoi mirovoi voine 1914–1918 gg. [The construction and conduct of defense by Russian army corps in the First World War 1914–1918]: dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk. M. [in Russian]
- Kalm, 1930** – *Kalm, von O.T.* (1930). Gorlice. Schlachten des Weltkrieges. In Einzeldarstellungen bearbeitet und herausgegeben im Auftrage des Reichsarchivs. Bd. 30. Berlin: Stallung, 96 p.
- Luzhbin, 2004** – *Luzhbin, A.V.* (2004). Kavaleriya Yugo-Zapadnogo fronta Pervoi mirovoi voyny [Cavalry of the Southwestern Front of the First World War]: dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- Lyakhov, 1965** – *Lyakhov, V.* (1965). Proryv russkogo fronta v 1915 godu [The breakthrough of the Russian Front in 1915]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 6: 122–125. [in Russian]
- Mironov, 2014** – *Mironov, V.B.* (2014). Pervaya mirovaya voina: bor'ba mirov [The First World War: the struggle of the worlds]. M.: OLMA Media Grupp, 303 p. [in Russian]
- Nazarenko, 2017** – *Nazarenko, K.B.* (2017). Otvet na desyat' voprosov po istorii Fevral'skoi revolyutsii [The answer to ten questions on the history of the February Revolution]. *Rossiya v epokhu revolyutsii i reform*. Problemy istorii i istoriografii. 5: 60–66. [in Russian]
- Oleinikov, 2020** – *Oleinikov, A.* (2020). Russkaya artilleriya v Pervoi mirovoi voine [Russian artillery in the First World War]. Internet-prilozhenie k Voенно-istoricheskomu zhurnalu. 07.04.2020. [Electronic resource]. URL: <http://history.milportal.ru/russkaya-tyazhelaya-artilleriya-pervoj-mirovoj/> (date of access: 01.10.2023). [in Russian]
- Polovetskii, 2016** – *Polovetskii, S.D.* (2016). Russkaya armiya v 1915 g.: novej strategii i taktike boevykh deistvii [The Russian Army in 1915: new in the strategy and tactics of combat operations]. *Pervaya mirovaya voina: vzglyad spustya stoletie. 1915 god: doklady i vystupleniya uchastnikov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. M., Izd-vo MNEPU. Pp. 66–75. [in Russian]
- Potkina, 2022** – *Potkina, I.V.* (2022). V preddverii katastrofy. Gosudarstvo i ekonomika Rossii v 1914–1917 godakh [In the run-up to the disaster. The State and the economy of Russia in 1914–1917]. SPb.: Nestor-Istoriya, 379 p. [in Russian]
- RGVA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian state military archive].
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv [Russian state military historical archive].
- Schmidt et al., 1934** – *Schmidt, W., Winkelmann, O., Altermann, M.* (1934). Das Königlich Preußische 3. Posensche Infanterie-Regiment Nr. 58 im Weltkrieg. Berlin: Verlag Bernhard Sporn, 150 p.
- Shapkin, 2023** – *Shapkin, I.N.* (2023). Opyt perestroiki rossiiskogo narodnogo khozyaistva i upravleniya v gody Pervoi mirovoi voyny [The experience of restructuring the Russian national economy and management during the First World War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 68(1): 7–24. [in Russian]

- Shefov, 2006 – *Shefov, H.A.* (2006). *Bitvy Rossii [Battles of Russia]*. M: ACT: ACT MOSKVA, 699 p. [in Russian]
- Stengel, 1924 – *Stengel, von F.* (1924). *Das königlich bayerische 3. Infanterieregiment Prinz Karl von Bayern*. München, 493 p.
- Stone, 2010 – *Stone, N.* (2010). *World War One: A Short History*. London: Penguin Books. 216 p.
- Strokov, 1974 – *Strokov, A.A.* (1974). *Vooruzhennye sily i voennoe iskusstvo v Pervoi mirovoi voine [The Armed Forces and the art of war in the First World War]*. M.: Voenizat, 616 p. [in Russian]
- Vatsetis, 1923 – *Vatsetis, I.I.* (1923). *Boevye deistviya v Vostochnoi Prussii v iyule, avguste i v nachale sentyabrya 1914 g.: strategicheskii ocherk: deistviya 1 i 2 russkikh armii i 8 germanskoi armii; Voен. akad. RKKA [Military operations in East Prussia in July, August and early September 1914: strategic outline: actions of the 1st and 2nd Russian armies and the 8th German Army; Military. acad. Red Army]*. M., 104 p. [in Russian]
- Zaionchkovskii, 2002 – *Zaionchkovskii, A.M.* (2002). *Pervaya mirovaya voina [The First World War]*. SPb.: ООО «Izdatel'stvo «Poligon», 878 p. [in Russian]

Начальный этап Горлицкой операции (1915 г.). Причинно-следственные связи поражения Русской армии

Григорий Германович Попов^d, Оксана Борисовна Барабаш^a, Белла Ахмедовна Булгарова^a, Олег Юрьевич Казенков^{b, c, *}

^a Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Российская Федерация

^b Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

^c Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

^d Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается начальный этап Горлицкой операции с точки зрения выявления общих причин поражения Русской армии в первой декаде мая 1915 г. в Галиции. Авторы опираются на концепцию кризиса командования Русской армии как базовую в изучении участия России в Первой мировой войне. На базе документов как из российских, так и из немецких архивов авторы приходят к выводу, что весной 1915 г. в России имел место кризис командования на разных уровнях, русский высший командный состав не понял новых методов ведения войны, в отличие от командования армии кайзеровской Германии. Русское высшее командование рассматривало тяжелую артиллерию в качестве средства борьбы с крепостями и их обороны, но не как средства борьбы на фронте, в отличие от немцев и австрийцев, которые стали в 1915 г. широко применять тяжелую артиллерию на Восточном фронте. В работе показано, что русское командование сделало немало ошибок на тактическом и малом стратегическом уровнях на Юго-Западном фронте, в частности, создавая неправильную конфигурацию обороны. Резервы были отправлены в помощь Юго-Западному фронту несвоевременно и в недостаточном количестве, когда началось наступление государств Центра в Галиции. Авторы считают, что у Русской армии был шанс на победу на начальном этапе Горлицкой битвы, но он был упущен из-за ряда стратегических ошибок. Вместе с тем авторы считают, что военно-техническое превосходство над Россией в 1915 году преувеличено, и данный вопрос нуждается в уточнениях и проработке.

Ключевые слова: Россия в Первой мировой войне, Горлицкий прорыв, история артиллерии, Восточный фронт Первой мировой войны.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: o.kazenzkov@gmail.com (О.Ю. Казенков)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 465-471
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.465

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper “Soldatskii Vestnik” (May 22 – September 7, 1916). Part 2

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Alexander Y. Epifanov ^d, Ivan N. Kuksin ^e

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russian Federation

^e Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The paper considers the coverage of the Brusilov breakthrough of the Russian troops of the Southwestern Front on the pages of the newspaper Soldatsky Vestnik. The attention is paid to the coverage of the second month of this offensive operation, namely June 23 – July 22, 1916. The source base of the study is represented by the issues of the newspaper “Soldatsky Vestnik”, published by the headquarters of the 6th Russian Army. To cover the Brusilov breakthrough, all issues of the newspaper for the period from June 23 to July 22, 1916 were involved, namely: 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185.

The authors conclude that in the second month of the offensive operation of the Russian troops of the Southwestern Front (commander General A.A. Brusilov) in the period from June 23 to July 22, 1916, materials on the total number of enemy losses for the entire period of fighting ceased to be published in the periodical press. Now materials about prisoners and the number of captured trophies are published in the context of a specific military operation. Despite the fact that the effect of surprise no longer existed, the Russian army continued to conduct private offensive operations in various places and achieved some success in a number of places. At this time, with references to foreign sources (usually allied media), the narrative begins to be introduced that the Russian offensive managed to penetrate the enemy's echeloned defenses, the enemy was left without reserves and the question of the final defeat of the enemy is only a matter of time. In addition, during the second month of offensive fighting, materials on effective interaction began to be published in the media.

Keywords: newspaper, “Soldatskii vestnik”, World War I, Brusilov's breakthrough, May 22, 1916, Russian Empire, Russian Army, South-Western Front.

1. Введение

Как известно, Брусиловский прорыв, состоявшийся с 22 мая по 7 сентября 1916 г., являлся одной из наиболее успешных наступательных операций русской армии в период Первой мировой войны. В разное время прорыв осуществлялся силами шести русских армий Юго-Западного фронта, общее руководство которыми осуществлял генерал-адъютант А.А. Брусилов. В данной работе делается попытка рассмотреть отражение Брусиловского прорыва в русской армейской периодической печати, а именно в газете «Солдатский вестник», издаваемой штабом 6-й русской армии. В настоящей работе мы хотели бы рассмотреть освещение в печати второго месяца этой наступательной операции, а именно периода 23 июня – 22 июля 1916 г.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

2. Материалы и методы

Источниковая база нашего исследования представлена подшивкой армейской газеты «Солдатский вестник», издаваемой штабом 6-й русской армии. Для освещения Брусиловского прорыва были привлечены все номера газеты за период с 23 июня по 22 июля 1916 г., а именно номера: 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185. В указанное время газета издавалась на четырех страницах формата А3 и печаталась в типографии Императорской Николаевской военной академии в Петрограде. Редактором газеты был полковник П.А. Риттих. Помимо официальной информации от штаба Верховного Главнокомандующего, в газете публиковались материалы, посвященные событиям на других, в том числе союзных фронтах.

Методология нашего исследования, как и ранее, опирается на источниковедческий метод и метод контент-анализа. Благодаря источниковедческому методу мы можем провести внутреннюю критику армейской газеты «Солдатский вестник» и выявить нарративы, которые сотрудники газеты пытались донести до своей читательской аудитории. Что касается метода контент-анализа, то он применялся для сбора и анализа всей информации, которая публиковалась в газете в период с 23 июня по 22 июля 1916 г.

3. Обсуждение

В предыдущей части работы мы уже рассматривали некоторые труды о Брусиловском прорыве, поэтому сейчас мы хотели бы уделить внимание работам, освещающим и другие военные события 1916 г. События второго периода Первой мировой войны (1916–1917 гг.) рассматривались в многочисленных публикациях. Так, например, Первая мировая война на страницах региональной печати рассматривалась в работе Т.А. Магсумова и других на примере «Студенческого вестника Киевского коммерческого института» (Magsumov et al., 2023); образам героев Первой мировой войны в сознании современников и потомков уделил внимание С.И. Белов (Belov, 2023); Н.В. Митюков и И.Ю. Черкасова обратились к теме военных заказов 1916–1917 гг. для нужд русского флота (Mitiukov, Cherkasova, 2022; Mitiukov, Cherkasova, 2023); В.Б. Каратаев и другие обращались к теме захвата на турецком фронте в 1916 г. крепости Эрзерум (Karataev et al., 2016); проблемам русско-румынских дипломатических переговоров о вступлении Румынии в Первую мировую войну уделил внимание S. Arhire (Arhire, 2019).

Помимо этого, важно отметить, что и газета «Солдатский вестник» уже становилась источником для изучения такой проблемы, как дети и война. Данной проблеме посвятили работу Г. Райович и С.Н. Братановский (Rajović, Bratanovskii, 2023).

4. Результаты

Итак, в первой части нашей работы мы рассмотрели освещение Брусиловского прорыва в армейской газете «Солдатский вестник» в первый месяц развития этой наступательной операции (22 мая – 22 июня 1916 г.) (Rajović et al., 2023: 2118–2127).

В последующее время в прессе продолжали публиковаться материалы, посвященные Брусиловскому прорыву. 29 июня 1916 г. в очередном выпуске газеты «Солдатский вестник» № 178 была опубликована сводка от штаба Верховного Главнокомандующего, рассказывающая об успехах русской армии. Так, в районе ст. Маневичи русскими войсками было захвачено в плен 75 офицеров и 2 тыс. нижних чинов. В районе Отово большое количество австрийцев было порублено, а около 600 человек были взяты в плен и захвачено пять орудий, шесть пулеметов и три пулеметных отделения в полной запряжке. Русскими войсками были заняты деревни Лешневка и Грива (севернее мест Городок и не доходя 10 верст до р. Стохода). Восточнее Монастержиска захвачена деревня Грегоров, где было взято в плен 1 тыс. человек. По приблизительному подсчёту, в боях 21–24 июня между Стырью и Стоходом взято в плен не менее 300 офицеров, в том числе 2 командира полков, около 12 тыс. нижних чинов, не менее 45 тяжелых и легких орудий, около 45 пулеметов, множество артиллерийских снарядов, ружейных патронов, оружия, склады продовольствия и фуража. К югу от железной дороги Сарны-Ковель с боем взяты деревни Гулевичи и Кашовка. После упорных боев войска генерала Лечицкого (командующий 9-й армии Юго-Западного фронта – Авт.) заняли в южной Галиции важный узловой пункт Делатынь, в котором были захвачены склады боевых припасов (стальных щитов, ручных гранат, патронов и проволоки) (От штаба..., 1916: 1). По итогам подсчетов армией генерала Лечицкого за время с 10 по 24 июня было взято в плен 674 офицера, 30 875 нижних чинов и захвачено 18 орудий, 100 пулеметов и 14 зарядных ящиков.

Также в этом же номере были отмечены и успехи генерала Каледина, который в период с 21 по 25 июня взял в плен 341 офицера, 9 145 нижних чинов, 10 орудий, 48 пулеметов, 16 минометов и бомбометов, 7 930 винтовок, 62 наполненных зарядных ящика, 3 прожектора и склады инженерного имущества (От штаба..., 1916: 1).

Помимо официальных материалов штаба русской армии, в рубрике «Последние известия» была опубликована заметка из газеты «Дэйли Ньюс» под названием «Сила русской артиллерии», датированная 20 июня, в которой отмечалась поразительная сила огня русской артиллерии во время наступления русских войск на Юго-Западном фронте. По сведениям газеты, потери австрийцев были чрезвычайно высоки. Так, например, только в районе селения Окна австрийцы потеряли до 40 тыс. человек (Сила русской артиллерии, 1916: 2).

2 июля 1916 г. вышел очередной 179-й номер газеты. В сводках от верховного главнокомандующего в этом номере отмечались следующие успехи: 27 июня русскими войсками западнее Гулевицы было взято в плен 24 офицера, 745 нижних чинов, среди которых были австрийцы и немцы (От штаба..., 1916a: 1); в Галиции, в районе западнее Нижней Стрыпы, местами шли упорные бои. Неприятель переходил в энергичные контратаки. Здесь русскими войсками было взято в плен свыше 2 тыс. нижних чинов, захвачено 1 орудие и пулеметы (От штаба..., 1916a: 1); в районе западнее Стрыпы австрийцы и германцы вели яростные контратаки. Число взятых здесь в плен и трофеев увеличилось до 3200 нижних чинов германцев и австрийцев, двух орудий, 19 пулеметов, одного бомбомета (От штаба..., 1916a: 2).

В этом же номере в рубрике «Сведения из иностранной печати» в размещенной заметке из газеты под названием «Вестминстер Газет» (Лондон) от 14/1-го июля отмечалось, что русские доказали возможность одним ударом овладеть сильнейшими тремя оборонительными линиями австрийцев и то, что русская победа окажет «громадное влияние на исход войны». Русское наступление доказывает, что нет непреступных позиций. Австрийцы, полагаясь на силу своих укреплений, проволочных заграждений и пулеметов, слишком ослабили живую силу своих армий, расположенных на русском фронте, и отправили значительное количество войск из Галиции и Буковины на итальянский фронт. Вследствие этого русская пехота смогла овладеть австрийскими позициями, считавшимися непреступными. Русский успех доказывал, что центральные державы не в состоянии вести наступления на каком-либо из фронтов, не делая тем самым невозможной защиту занимаемой ими территории на другом фронте. За свое наступление в Трентино австрийцы заплатили поражением в Галиции и Буковине. Нападение на Верден сделало для немцев невозможным оказать какую бы то ни было помощь австрийцам. Все это позволяло надеяться, что наступил такой момент, когда, благодаря «военному истощению», австро-германские силы уменьшатся настолько, что армии центральных держав будут не в состоянии защищать свои укрепления. Это время еще не наступило, но все признаки говорят о том, что оно приближается (Австро-Венгрия, 1916: 3).

6 июля 1916 г. в 180-м номере «Солдатского вестника» сообщалось о некоторых локальных успехах русской армии. Так, на некоторых участках (Остров-Губин) неприятель после крайне упорного сопротивления был опрокинут и, угрожаемый обходом с тыла, начал отступать. Русским командованием были получены сведения, что одним из полков захвачены тяжелая и одна легкая батареи неприятеля. Кроме того, захвачено было еще несколько других орудий. Общее число пленных, взятых в этом бою, еще не выяснено. К моменту публикации их было зарегистрировано около трех тысяч (От штаба..., 1916b: 1). Успешные бои были и в районе нижней Липы, успешное продвижение русских продолжалось. Противник оказывал здесь упорное сопротивление. В боях в этом районе русскими войсками было взято в плен 226 офицеров и 5872 нижних чина и захвачено 24 орудия, из которых 12 тяжелых, 14 пулеметов, несколько тысяч винтовок и другое имущество. Кроме того, здесь было взято в плен 51 офицер и 2165 нижних чинов. Общее же число пленных и трофеев, взятых на 3 июля в боях на Вольни, составляло приблизительно 317 офицеров, 12637 нижних чинов, 30 орудий, из которых 17 тяжелых (10-сантиметровых, 6-ти и 9-дюймовых), большое количество пулеметов и много другой добычи (От штаба..., 1916b: 2).

В этом же 180-м номере газеты была опубликована заметка «На месте недавних боев», в которой был брошен нарратив о русских чудо-богатырях, сумевших захватить мощные фортификационные сооружения неприятеля. В этой заметке, в частности, отмечалось, что при осмотре взятых русскими войсками позиций поражала мощность заготовленных на зиму неприятелем укреплений. Так, например, у Косюковки бесчисленными рядами тянулись проволочные заграждения, фугасы и волчьи ямы. Все это было покрыто опрокинутыми деревьями с заостренными сучьями, которые должны были, по мнению противника, составить для русского наступления непреодолимое препятствие. Над многими окопами и блиндажами были устроены предохранительные железные колпаки. Только глядя на эти полевые твердыни, можно было понять, как изумительны подходы, пробитые к окопам противника героизмом русских войск. «Наши чудо-богатыри, поминутно окапываясь, шаг за шагом прорезали длинные коридоры во вражеских проволочных заграждениях, пробираясь к брешам, пробитым нашей артиллерией в неприятельских окопах. Отсюда с громким русским «ура» наши герои бросались уже прямо в штыки. Настроение наших раненых поражает бодростью: «Весело нынче работать, – говорят они, – артиллерия больно хорошо помогает, потому, значит, убитых мало»» (На месте недавних боев, 1916: 3). Публикация частного мнения раненого стрелка также была направлена на формирование нарратива о взаимодействии русской пехоты и артиллерии и о добавлении нового месседжа о незначительных потерях атакующих частей.

9 июля 1916 г. был опубликован 181-й номер «Солдатского вестника». Из материалов от штаба верховного главнокомандующего главным месседжем было то, что ввиду проливных дождей вода в реках в зоне Брусиловского прорыва сильно поднялась, что серьезно затруднило ведение боевых действий. Тем не менее и в этом номере были сообщения о локальных успехах. Так, сообщалось, что русская армия заняла переправы через Стырь. Противник отошел к высотам у м. Берестечко и частично начал сдаваться в плен. В районе м. Берестечко завязался бой. Пленных было

зарегистрировано около 50 офицеров и более 1600 нижних чинов. Войска генерала Сахарова, преодолев все трудности переправы под сосредоточенным огнем неприятеля через болотистую долину р. Липы, 7 июля опрокинули неприятеля, частью уже обратившегося в беспорядочное бегство. Русская артиллерия беглым огнем обстреляла отступающие колонны противника. Переправившись через Липу частями, за вчерашний день было захвачено около 1 тыс. пленных, 10 пулеметов, 4 горных орудия, из которых 3 в запряжке. Пленные, согласно сведениям корреспондентов, продолжали поступать ([От штаба..., 1916с: 2](#)).

В этом же номере газеты был использован новый жанр – противник о русском наступлении. Так под рубрикой «Телеграммы» была напечатана заметка «Немцы о русском наступлении». По сведениям из Стокгольма за 5 июля 1916 г., Германский генеральный штаб составил довольно в осторожных выражениях сегодняшнее официальное сообщение. Относительно событий на фронте армии Гинденбурга в сообщении говорится только об ожесточенных русских атаках и об упорных боях, но ничего не упоминается, как обычно, о том, что русская армия отразила атаки, в то же время умалчивается и о том, что русские продвинулись вперед ([Немцы о русском наступлении, 1916: 3-4](#)). Ничего нет удивительного в том, что противник не писал о своих неудачах, так как противник также заботился о психологическом состоянии своей армии и тыла.

13 июля 1916 г. в 182-м номере «Солдатского вестника» в сводках от штаба верховного главнокомандующего сообщалось, что 7 и 8 июля войсками генерала Сахарова было взято в плен более 300 офицеров и более 12 тыс. нижних чинов. Таким образом, совокупное число пленных в период с 3 июля достигло 26 тыс. человек. Общее же число захваченных орудий и пулеметов уточнялось. В районе деревень Вербень-Пляшево (на правом берегу Стыри, южнее впадения р. Липы) русскими войсками был окружен австрийский 13-й ландверный полк, который весь сдался в плен ([От штаба..., 1916d: 2](#)). В этот же день сообщалось и об удачных делах казаков, которые 10 июля в числе 49 человек напали на неприятеля в районе горы Томнатик (50 верст северо-западнее Кимполунга) и взяли в плен 4 офицера и 57 нижних чинов ([От штаба..., 1916d: 2](#)).

16 июля 1916 г. в 183-м номере газеты «Солдатский вестник» сообщалось, что в районе р. Слониовки (приток Стыри) русские войска, перейдя на левый берег реки, продолжали теснить отступающего противника. Противник понес большие потери. Русскими войсками взято в плен 63 офицера, 4 тыс. нижних чинов, 5 орудий, 6 пулеметов, 12 зарядных ящиков и разное другое имущество. При этом сообщалось, что пленные продолжают прибывать ([От штаба..., 1916e: 1](#)). Также от штаба верховного главнокомандующего сообщалось, что, по дополнительным сведениям, общее число пленных, захваченных в боях за 12 июля, достигло 128 офицеров и 6250 нижних чинов, 5 орудий, 22 пулемета. Всего же за время боев с 3 по 12 июля войсками генерала Сахарова было взято в плен более 34 тыс. офицеров и нижних чинов противника, а также захвачено 45 орудий и 71 пулемет ([От штаба..., 1916e: 1-2](#)). Также штаб сообщал, что в западном направлении от Луцка русские части, перейдя в наступление, прорвали весь фронт противника и, разгромив врага, продвигаются вперед. Русская конница преследует разбитого противника. В этом районе было захвачено 46 орудий (из них 6 мортир), 6 пулеметов, до 50 офицеров (в том числе 2 генерала и 2 командира полка) и более 9 тыс. нижних чинов ([От штаба..., 1916e: 2](#)).

В этом же номере под рубрикой «Последние известия» была опубликована заметка «Неизбежное поражение немцев», в которой сообщалось, что в газете «Neue Zürcher Zeitung» был опубликован материал о наступательных операциях генерала Брусилова, в котором их сравнивали с лучшими операциями русских в 1812–1813 гг., когда решающую роль играла русская кавалерия. В заметке отмечалось, что русская армия была мобилизована и снабжена достаточно, и наступательная энергия войск велика настолько, что они в состоянии выполнить любые задачи. Австро-германские войска могут только отсрочить свое неизбежное поражение, но не изменить обстановку на восточном театре в свою пользу ([Неизбежное поражение немцев, 1916: 2](#)). Таким образом, до читателя начал доводиться новый нарратив о том, что окончательное поражение противника – это вопрос времени. Причем нужно добавить, что этот нарратив был введен союзниками.

20 июля 1916 г. вышел 184-й номер «Солдатского вестника», в нем сообщалось о возобновлении широкомасштабного наступления войсками генерала Брусилова. Так, в сообщении от штаба верховного главнокомандующего сообщалось, что армии генерала Брусилова, перейдя в наступление, отбросили противника по всему фронту, от железной дороги Ковель-Рожище до района города Брод, захватив последний пункт. Войска генерала Лечицкого сбили противника на Станиславском направлении, к югу от р. Днестра, захватив при этом пленных и трофеи ([От штаба..., 1916f: 1](#)). Здесь же сообщалось о храбрости Кавказской туземной дивизии, которая атакой в конном строю взяла Езерзаны (по дороге на Тлумач) ([От штаба..., 1916f: 1](#)). Помимо этого, сообщалось, что войсками генерала Брусилова за 15 и 16 июля взято пленных 2 генерала, более 650 офицеров, 32 тыс. нижних чинов, из них значительное количество составляют германцы, 91 или 114 орудий, из них 29 тяжелых. В том числе войсками генерала Лечицкого взято 21 германское тяжелое орудие, 85 пулеметов. В это число частью вошли взятые войсками генерала Сахарова в трехдневных боях под Бродами 216 офицеров, 13569 нижних чинов, 9 орудий, 40 пулеметов, около 15 тыс. винтовок. Всего же войсками генерала Сахарова с 3 по 15 июля было взято 940 офицеров, 39152 нижних чина, 49 орудий,

из них 17 тяжелых, 100 пулеметов, 30 минометов и бомбометов, 80 ящиков бомб, 76 зарядных ящиков, 58 пулеметных двуколок, 6 артиллерийских и инженерных складов ([От штаба..., 1916f: 1](#)).

Здесь же сообщалось об исключительной атаке роты одного из стрелковых полков, которая, прорвавшись в тыл противника, прошла через артиллерийскую батарею, отразила атаку германской конницы, взяла в плен командира полка и благополучно вернулась в свое расположение ([От штаба..., 1916f: 2](#)). О деморализации противника наглядно свидетельствовал очередной случай пленения полка в полном составе. Такой случай произошел на реке Стоход, где сдался 31-й гонведный полк. В этой же зоне были взяты в плен 21 офицер и 914 нижних чинов, а также захвачены 4 пулемета. На других участках фронта шли упорные бои, так как противник, не желая отступать, оказывал ожесточенное сопротивление ([От штаба..., 1916f: 2](#)). На ковельском и луцком направлениях все контратаки противника были отбиты. При наступлении в районе Чехувь-Дубенка (к юго-востоку от Монастержиска) русские полки переправились через болотистую реку Коропец по груды в воде, так как все мосты были уничтожены противником, и, перейдя на западный берег, укрепились на нем. Здесь взято в плен более 1 тыс. нижних чинов австро-германцев ([От штаба..., 1916f: 2](#)).

Наконец, в газете от 23 июля 1916 г. за № 185 отмечалось, что на фронте произошла некоторая стабилизация обстановки, связанная с необходимым отдыхом ранее участвующих в наступлении частей. Поэтому в номере в разделе от штаба верховного главнокомандующего мало внимания уделялось успехам русской армии, а больше частным случаям на фронте. Так, в ночь на 20 июля противник произвел газовую атаку в районе Сморгони по обеим сторонам железной дороги. Атака началась около часа ночи, и газ выпускался шесть раз с промежутками около часа между волнами, и выпуск газа закончился около шести часов утра. Газы были своевременно обнаружены, и пытавшиеся наступать вслед за газовой атакой немцы были встречены ружейным и пулеметным огнем и, понеся большие потери, не выйдя даже за свои проволочные заграждения, быстро отступили в свои окопы ([От штаба..., 1916g: 1](#)). На реке Стоход, в районе Любешова, русские войска, переправившиеся на левый берег, заняли ряд высот и на них укрепились. На р. Ставок (левый приток Стохода) русские части с боем подошли к самой реке, причем из-за дер. Рудка-Миринская разгорелся ожесточенный бой, доходивший до штыкового боя на улицах. Деревня несколько раз переходила из рук в руки и в конце концов осталась за русскими войсками. Все попытки противника выбить русскую пехоту из этой деревни окончились для него неудачей. Противник был отброшен за р. Ставок, причем взято в плен около 600 солдат и офицеров и захвачено 12 пулеметов. На остальном фронте обычная перестрелка ([От штаба..., 1916g: 1](#)). В то же время южнее Брод на линии рек Граберка и Сереть в войсках генерала Сахарова шел бой, русскими войсками взято около 1300 пленных ([От штаба..., 1916g: 1](#)).

В этом же номере под рубрикой «Последние известия» была опубликована заметка «Немцы послали все свои резервы». В этой заметке со ссылкой на газету «Roumanie» сообщалось, что последствия русской победы с каждым днем ощущаются все сильнее. Наибольший интерес представляет развитие событий в районе Стыри, куда германцы послали все свои резервы из Брест-Литовска и Ковеля ([Немцы послали все свои резервы, 1916: 2](#)). Данный нарратив со ссылкой на сведения союзников был направлен, в первую очередь, на военнослужащих русской армии. Основная мысль его заключалась в том, что у противника нет больше резервов и русская армия может еще больше брать инициативу в свои руки.

5. Заключение

Итак, во второй месяц проведения наступательной операции русских войск Юго-Западного фронта (командующий генерал А.А. Брусиллов) в период с 23 июня по 22 июля 1916 г. в периодической печати перестают публиковаться материалы об общем количестве потерь противника за весь период боев. Теперь материалы о пленных и количестве захваченных трофеев публикуются в контексте конкретной войсковой операции. Несмотря на то что эффекта неожиданности уже не существовало, русская армия в разных местах продолжала проводить частные наступательные операции и в ряде мест достигала определенных успехов. В это время со ссылками на иностранные источники (как правило, союзные СМИ) начинает вводиться нарратив о том, что русское наступление сумело пробить эшелонированную оборону противника, противник остался без резервов и вопрос об окончательном поражении неприятеля – это вопрос лишь времени. Помимо этого, на второй месяц наступательных боев в средствах массовой информации начали публиковаться материалы об эффективном взаимодействии русской пехоты и артиллерии и о минимальных потерях атакующих русских частей.

Литература

[Австро-Венгрия, 1916](#) – Австро-Венгрия // *Солдатский вестник*. 1916. 2 июля. № 179.

[На месте недавних боев, 1916](#) – На месте недавних боев // *Солдатский вестник*. 1916. 6 июля. № 180.

[Неизбежное поражение немцев, 1916](#) – Неизбежное поражение немцев // *Солдатский вестник*. 1916. 16 июля. № 183.

[Немцы о русском наступлении, 1916](#) – Немцы о русском наступлении // *Солдатский вестник*. 1916. 9 июля. № 181.

- [Немцы послали все свои резервы, 1916](#) – Немцы послали все свои резервы // *Солдатский вестник*. 1916. 23 июля. № 185.
- [От штаба..., 1916](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 29 июня. № 178.
- [От штаба..., 1916a](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 2 июля. № 179.
- [От штаба..., 1916b](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 6 июля. № 180.
- [От штаба..., 1916c](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 9 июля. № 181.
- [От штаба..., 1916d](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 13 июля. № 182.
- [От штаба..., 1916e](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 16 июля. № 183.
- [От штаба..., 1916f](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 20 июля. № 184.
- [От штаба..., 1916g](#) – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 23 июля. № 185.
- [Сила русской артиллерии, 1916](#) – Сила русской артиллерии // *Солдатский вестник*. 1916. 29 июня. № 178.
- [Arhire, 2019](#) – Arhire S. The Russian-Romanian Diplomatic Negotiations between 1914 and 1916 for Romania's Entry into the First World War // *Bylye Gody*. 2019. 54(4): 1907-1917.
- [Belov, 2023](#) – Belov S.I. Images of the Heroes of the First World War in the Minds of Contemporaries and Descendants // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 452-464.
- [Karataev et al., 2016](#) – Karataev V.B., Zulfugarzade T.E., Cherkasova N.N. To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance // *Bylye Gody*. 2016. 42(4): 1368-1377.
- [Magsumov et al., 2023](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The First World War on the Pages of the Journal "Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta" // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 998-1006.
- [Mitiukov, Cherkasova, 2022](#) – Mitiukov N.W., Cherkasova I.Yu. Barges of the Votkinsk Plant, Ordered by the Naval Ministry in 1916–1917 // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 1050-1059.
- [Mitiukov, Cherkasova, 2023](#) – Mitiukov N.W., Cherkasova I.Yu. Barges and Praams of the Baltic Fleet in World War I and the Civil War // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 438-451.
- [Rajović et al., 2023](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Bratanovskaya M.S. Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper "Soldatskii Vestnik" (May 22 – June 22, 1916). Part 1 // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 2118-2127.
- [Rajović, Bratanovskii, 2023](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N. The Evolution of the Image "Children at War 1914–1915" (based on the Materials of the Newspaper "Soldatskii Vestnik") // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1532-1538.

References

- [Avstro-Vengriya, 1916](#) – Avstro-Vengriya [Austria-Hungary]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 2 iyulya. № 179. [in Russian]
- [Na meste nedavnikh boev, 1916](#) – Na meste nedavnikh boev [At the site of recent battles]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 6 iyulya. № 180. [in Russian]
- [Neizbezhnoe porazhenie nemtsev, 1916](#) – Neizbezhnoe porazhenie nemtsev [The inevitable defeat of the Germans]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 16 iyulya. № 183. [in Russian]
- [Nemtsy o rusском nastuplenii, 1916](#) – Nemtsy o rusском nastuplenii [The Germans about the Russian offensive]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 9 iyulya. № 181. [in Russian]
- [Nemtsy poslali vse svoi rezervy, 1916](#) – Nemtsy poslali vse svoi rezervy [The Germans sent all their reserves]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 23 iyulya. № 185. [in Russian]
- [От штаба..., 1916](#) – От штаба verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 29 iyunya. № 178. [in Russian]
- [От штаба..., 1916a](#) – От штаба verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 2 iyulya. № 179. [in Russian]
- [От штаба..., 1916b](#) – От штаба verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 6 iyulya. № 180. [in Russian]
- [От штаба..., 1916c](#) – От штаба verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 9 iyulya. № 181. [in Russian]
- [От штаба..., 1916d](#) – От штаба verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 13 iyulya. № 182. [in Russian]
- [От штаба..., 1916e](#) – От штаба verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 16 iyulya. № 183. [in Russian]

- [Ot shtaba..., 1916f](#) – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 20 iyulya. № 184. [in Russian]
- [Ot shtaba..., 1916g](#) – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 23 iyulya. № 185. [in Russian]
- [Sila russkoi artillerii, 1916](#) – Sila russkoi artillerii [The strength of Russian artillery]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 29 iyunya. № 178. [in Russian]
- [Arhire, 2019](#) – *Arhire, S.* (2019). The Russian-Romanian Diplomatic Negotiations between 1914 and 1916 for Romania's Entry into the First World War. *Bylye Gody*. 54(4): 1907-1917.
- [Belov, 2023](#) – *Belov, S.I.* (2023). Images of the Heroes of the First World War in the Minds of Contemporaries and Descendants. *Bylye Gody*. 18(1): 452-464.
- [Karataev et al., 2016](#) – *Karataev, V.B., Zulfugarzade, T.E., Cherkasova, N.N.* (2016). To the 100th Anniversary of Storming of the Erzerum: the Offensive Operation and Its Significance. *Bylye Gody*. 42(4): 1368-1377.
- [Magsumov et al., 2023](#) – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2023). The First World War on the Pages of the Journal "Studencheskii Byulleten' Kievskogo Kommercheskogo Instituta". *Bylye Gody*. 18(2): 998-1006.
- [Mitiukov, Cherkasova, 2022](#) – *Mitiukov, N.W., Cherkasova, I.Yu.* (2022). Barges of the Votkinsk Plant, Ordered by the Naval Ministry in 1916–1917. *Bylye Gody*. 17(2): 1050-1059.
- [Mitiukov, Cherkasova, 2023](#) – *Mitiukov, N.W., Cherkasova, I.Yu.* (2023). Barges and Praams of the Baltic Fleet in World War I and the Civil War. *Bylye Gody*. 18(1): 438-451.
- [Rajović et al., 2023](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Bratanovskaya, M.S.* (2023). Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper "Soldatskii Vestnik" (May 22 – June 22, 1916). Part 1. *Bylye Gody*. 18(4): 2118-2127.
- [Rajović, Bratanovskii, 2023](#) – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N.* (2023). The Evolution of the Image "Children at War 1914–1915" (based on the Materials of the Newspaper "Soldatskii Vestnik"). *Bylye Gody*. 18(3): 1532-1538.

Освещение Брусиловского прорыва в русской армейской газете «Солдатский вестник» (22 мая – 7 сентября 1916 г.). Часть 2

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Епифанов ^d, Иван Николаевич Куксин ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается освещение Брусиловского прорыва русских войск Юго-Западного фронта на страницах газеты «Солдатский вестник». Уделено внимание освещению второго месяца этой наступательной операции, а именно 23 июня – 22 июля 1916 г. Источниковая база исследования представлена номерами газеты «Солдатский вестник», издаваемой штабом 6-й русской армии. Для освещения Брусиловского прорыва были привлечены все номера газеты за период с 23 июня по 22 июля 1916 г., а именно номера: 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185.

В заключении авторы отмечают, что во второй месяц проведения наступательной операции русских войск Юго-Западного фронта (командующий генерал А.А. Брусилов) в период с 23 июня по 22 июля 1916 г. в периодической печати перестают публиковаться материалы об общем количестве потерь противника за весь период боев. Теперь материалы о пленных и количестве захваченных трофеев публикуются в контексте конкретной войсковой операции. Несмотря на то, что эффекта неожиданности уже не существовало, русская армия в разных местах продолжала проводить частные наступательные операции и в ряде мест достигала определенных успехов. В это время со ссылками на иностранные источники (как правило, союзные СМИ) начинает вводиться нарратив о том, что русское наступление сумело пробить эшелонированную оборону противника, противник остался без резервов и вопрос об окончательном поражении неприятеля – это вопрос лишь времени. Помимо этого, на второй месяц наступательных боев в средствах массовой информации начали публиковаться материалы об эффективном взаимодействии русской пехоты и артиллерии и о минимальных потерях атакующих русских частей.

Ключевые слова: газета, «Солдатский вестник», Первая мировая война, Брусиловский прорыв, 22 мая 1916 г., Российская империя, Русская армия, Юго-Западный фронт.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 472-479
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.472

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Head of the Russian Imperial House of Romanov, Grand Duchess Maria Vladimirovna: Touches to a Biographical Portrait (on the 70th Anniversary of Her Birth)

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The paper attempts to create a biographical portrait of the Head of the Russian Imperial House of Romanov, Grand Duchess Maria Vladimirovna. The source base of the research was the collection of documents “Acts of the Head of the Russian Imperial House of Romanov, Grand Duchess Maria Vladimirovna”, published in Washington in 2023. The work is based on general historical (historical-comparative, historical-systemic) and highly specialized (bibliographic) methods. The combination of these methods allowed, in the author's opinion, to create a lifetime biographical portrait of the Head of the Russian Imperial House of Romanov, Grand Duchess Maria Vladimirovna, and draw some preliminary conclusions.

The author concludes that Grand Duchess Maria Vladimirovna was born in 1953 in the family of the Head of the Russian Imperial House. In 1969 she took the oath of allegiance to the country that expelled her ancestors in 1917. Despite this significant circumstance, Maria Vladimirovna carried and continues to carry her cross – the cross of service to the Fatherland. She met Russia almost immediately after the collapse of the USSR, in 1992. Over the subsequent period, despite the fact that her place of permanent residence is Madrid, she visited the former territories of the Russian Empire about 100 times, of which she was in the Russian Federation more than 80 times. Since the early 2000s Grand Duchess Maria Vladimirovna takes an active part in the public life of Russia. Her interests and affairs include issues related to caring for the Russian Orthodox Church, popularizing the history of Russia and helping compatriots. Historically, it was on these principles that what was previously called the Russian Empire stood, and the name of these principles was “Orthodoxy, autocracy, nationality”.

Keywords: Maria Vladimirovna, Head of the Russian Imperial House of Romanov, Grand Duchess, 1953, biography, “Acts of the Head of the Russian Imperial House of Romanov Grand Duchess Maria Vladimirovna”, collection of documents.

1. Введение

23 декабря 2023 г. Главе Российского Императорского Дома Романовых Великой Княгине Марии Владимировне исполнилось 70 лет. Вне всякого сомнения, 70-летие – это срок немалый, в особенности, если учитывать гиперактивную динамику конца XX – начала XXI вв. Динамику, которая проявилась и в развитии технологий, и в сломе политических моделей, и в новых трендах жизни российского общества. Именно этот путь вместе с соотечественниками проходит Великая Княгиня Мария Владимировна, которая уже оставила собственные следы в исторической памяти российского общества. В данной работе мы хотели бы нанести первые штрихи для создания биографического портрета Главы Российского Императорского Дома Романовых Великой Княгини Марии Владимировны.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования стал сборник документов «Акты Главы Российского Императорского Дома Романовых Великой Княгини Марии Владимировны», изданный в Вашингтоне в 2023 г. (Акты..., 2023). Характеризуя этот исторический источник, нужно отметить, что он был составлен из 44 официальных материалов (37 обращений и 7 рескриптов), опубликованных Главой Российского Императорского Дома в период с 1976 по 2022 гг. Данный источник является важной составной частью для понимания мировоззрения Главы Императорского Дома по разным вопросам.

Ввиду специфики исследования работа опирается на общеисторические (историко-сравнительный, историко-системный) и узкоспециализированные (библиографический) методы. Совокупность применения этих методов позволила нам создать прижизненный биографический портрет Главы Российского Императорского Дома Романовых Великой Княгини Марии Владимировны и сделать некоторые предварительные выводы.

3. Обсуждение

Историография, посвященная Главе Российского Императорского Дома, отличается своей немногочисленностью. В связи с этим мы хотели бы включить в историографический обзор и работы, посвященные Российскому Императорскому Дому в изгнании. Так, среди работ, посвященных Российскому Императорскому Дому и опубликованных в эмиграции, мы можем назвать произведение Г.К. Граф «Августейший блюститель государева престола государь Великий Князь Кирилл Владимирович» (Граф, 1922), а также труд А. Волкова «Российский Императорский Дом», изданный в Нью-Йорке в 1969 г. (Волков, 1969).

В современный российский период историки продолжают заниматься изучением данной темы. Так, например, А.Н. Закатов рассматривал сразу несколько аспектов общественно-политической жизни представителей Дома Романовых в изгнании: роль императора Кирилла I в февральских событиях 1917 г. (Закатов, 1998); предпосылки объявления Великим Князем Кириллом Владимировичем себя императором в изгнании и подписания соответствующего акта 13 сентября 1924 г. (Закатов, 2013а); позднее в своей работе «История продолжается» А.Н. Закатов рассматривал благотворительную деятельность Великой Княгини Марии Владимировны и Великого Князя Георгия Михайловича (Закатов, 2013).

Также в новейшей российской историографии хотелось бы отметить работы С.В. Думина: его работу «Право на престол» (Думин, 1993), книгу «Романовы. Императорский Дом в изгнании. Семейная хроника» (Думин, 1998) и труд «Российский Императорский Дом и Закон о престолонаследии» (Думин, 2002). Имеются упоминания представителей Российского Императорского Дома периода Второй мировой и в работе И.И. Бондаренко, Д.В. Климова «Великая Отечественная война. Иллюстрированная хроника» (Бондаренко, Климов, 2015).

В последнее время появляются книги с обширными комментариями Главы Российского Императорского Дома Великой Княгини Марии Владимировны. Так, это было, например, в книге К.С. Коваль и других «Растим ребёнка вместе: история, психология, современный опыт воспитания детей» (Коваль и др., 2023).

Завершая наш краткий обзор, приходится констатировать, что тема нашего исследования в настоящее время изучена фрагментарно и она продолжает ждать своего исследователя.

4. Результаты

Великая Княгиня Мария Владимировна родилась 23 декабря 1953 г. (Dumin, 2013: 74), ее родителями были Великий Князь Владимир Кириллович Романов и Великая Княгиня Леонида Георгиевна (урожденная Княжна Багратион-Мухранская и Грузинская). Мария Владимировна родилась в Мадриде (Испания).

В ее детстве, в отличие от поколения ее деда и отца, было много общения со сверстниками. Родители ознакомили ее не только с работами дореволюционных классиков, но и с произведениями советских писателей. Позднее Мария Владимировна (Рисунок 1) отмечала, что любила читать сочинения К. Чуковского «Айболит» и «Мойдодыр» и практически наизусть знала произведение Н. Носова «Бобик в гостях у Барбоса» (Коваль и др., 2023).

Первой учительницей Великой Княгини была Франциска Аром, которая родилась в СССР и переехала в Испанию в конце 1950-х гг. Франциска обучала Марию русскому языку, а после уроков занималась с ней гимнастикой и шахматами. Позднее Франциска Аром была вынуждена уехать во Францию, и ее место заняла Нина Николаевна Ортего (в девичестве Глушкевич). Нина Николаевна прибыла в Испанию вместе с мужем-испанцем по программе репатриации (Коваль и др., 2023).

Среднее образование Мария Владимировна получила в Английской школе в Мадриде, а высшее – в Оксфордском университете. Как она сама позднее отмечала, ей всегда нравились гуманитарные предметы, и она мечтала заниматься археологией (Коваль и др., 2023).

Рис. 1. Великая Княжна Мария Владимировна в детском возрасте

В 16-летнем возрасте, достигнув династического совершеннолетия, Великая Княжна принесла присягу на верность Отечеству и своему августейшему отцу ([Рисунок 2](#)).

Рис. 2. Великая Княжна Мария Владимировна. Март 1969 г.

Помимо официальной учебной программы, Мария Владимировна осваивала дополнительные предметы: русский язык, русскую литературу, историю. Особое внимание в семье уделялось православному воспитанию. Среди преподавателей и наставников Закона Божия у Марии Владимировны были: известный церковно-общественный деятель, правед и историк архимандрит Рафаил (Иваницкий-Ингило), ректор Свято-Сергиевского института в Париже протопресвитер

Алексий Князев, архиепископ Вашингтонский и Флоридский Никон (Рклицкий), а также святитель Иоанн (Максимович) (Коваль и др., 2023).

В 1976 г. в 23-летнем возрасте Великая Княгиня Мария Владимировна вступила в брак с принцем Францем Вильгельмом Прусским, который принял православие и получил имя Михаила Павловича. Венчание состоялось 22 сентября 1976 г. в церкви Святых Апостола Андрея Первозванного и Великомученика Дмитрия Солунского. На венчании присутствовали испанская королевская чета (король Хуан Карлос I и королева София), король Италии Умберто II, царь Болгарии Симеон II, вдовствующая царица Болгарии Иоанна, королева Египта Фарида с дочерью, король Албании в изгнании Лека I с супругой и другие официальные лица. Много поздравлений и пожеланий получила Великая Княгиня Мария Владимировна и от соотечественников. Церемония и пожелания произвели неизгладимое впечатление на Великую Княгиню, и она на следующий день, 23 сентября, выступила со своим первым обращением к соотечественникам. В этом документе Мария Владимировна отмечала: «Меня и моего супруга, Великого Князя Михаила Павловича, глубоко тронули те неподдельные радостные пожелания, которые принесли нам многочисленные соотечественники по поводу бракосочетания нашего и за которые мы выражаем им нашу душевную благодарность» (Акты..., 2023: 10).

Рис. 3. Великая Княгиня Мария Владимировна и ее супруг Великий Князь Михаил Павлович. В день венчания 22 сентября 1976 г.

13 марта 1981 г. от этого брака в Мадриде родился сын, Великий Князь Георгий Михайлович, а спустя 4 года, 19 июня 1985 г., брак Марии Владимировны и Михаила Павловича был расторгнут.

В 1989 г. после смерти Князя императорской крови Василия Александровича Великая Княгиня стала прямой наследницей своего отца. В 1992 г. после смерти Великого Князя Владимира Кирилловича Мария Владимировна опубликовала обращение о «восприятии ею прав и обязанностей Главы Императорского Дома». В этом обращении от 13/26 апреля 1992 г. Великая Княгиня Мария Владимировна писала: «... настоящим заявляю, что в полном соответствии с волей моего отца и в глубоком осознании лежащего на мне священного долга, я преемственно воспринимаю, по дошедшему до меня наследственному верховному праву Главы Российского Императорского Дома, все права и обязанности, принадлежащие мне в силу Основных законов Российской империи и учреждения о Императорской фамилии» (Акты..., 2023: 11). Таким образом, в 1992 г. Великая Княгиня Мария Владимировна становится главой Российского Императорского Дома Романовых.

С этого времени Великая Княгиня Мария Владимировна начинает часто посещать Россию с визитами и принимать активное участие в общественно-политической жизни страны. Это время совпало с созданием в России широкого легитимистского монархического движения и проведением уже с 1992 г. всероссийских монархических съездов. Созданные в это время организации имели и собственные средства массовой информации – журнал «Престол», газеты «Монархист», «Жизнь за Царя», «Гражданин Империи» и др. (Rajović, 2021: 93-98)

В марте 1998 г. Мария Владимировна выступает с программным обращением по поводу сложного положения русских людей, оказавшихся после распада СССР за пределами России ([Акты..., 2023: 13-14](#)).

Спустя месяц, 9 апреля 1998 г., сын Марии Владимировны Цесаревич Георгий Михайлович ([Рисунок 4](#)) в Иерусалиме принял династическую присягу. Церемония состоялась в патриаршей резиденции патриарха Иерусалимского Диодора ([Акты..., 2023: 15](#)).

Рис. 4. Великий Князь Георгий Михайлович и Великая Княгиня Мария Владимировна. Династическое совершеннолетие Георгия Михайловича. Иерусалим. 23 марта 1997 г.

В 1999 г. Великая Княгиня выступила с обращением к соотечественникам в связи с 80-летием расстрела в Петропавловской крепости Великих Князей Павла Александровича, Дмитрия Константиновича, Николая Михайловича и Георгия Михайловича. В этом обращении Мария Владимировна процитировала слова царя-мученика Николая II: «То зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но не зло победит зло, а только любовь» ([Акты..., 2023: 17](#)). Забегая вперед, скажем, что в используемом нами сборнике документов «Акты Главы Российского Императорского Дома...» это выражение будет цитироваться многократно, а сам Николай II упоминаться 12 раз – больше, чем все другие исторические личности ([Акты..., 2023: 86-87](#)).

Великая Княгиня Мария Владимировна реагировала на многие памятные исторические события. Так, 24 марта 2001 г. Глава Императорского Дома обратилась к соотечественникам в связи с 200-летием мученической кончины императора Павла I. В своем обращении Мария Владимировна отмечала, что «на протяжении двух столетий его роль в истории России была принижена, а память незаслуженно оскорбляема» ([Акты..., 2023: 19](#)). Отмечая заслуги Павла I, Мария Владимировна назвала главную из них – построение государственной системы, основанной на законности и порядке ([Акты..., 2023: 19](#)).

Являясь чадом Русской Православной Церкви, Великая Княгиня Мария Владимировна всегда отстаивала интересы Церкви. Так, например, живое участие Главы Российского Императорского Дома вызвала инициатива министерства образования и науки Российской Федерации о введении в старших классах начальной школы (4–5 классы) новой дисциплины по выбору – «Основы православной культуры». В поднявшейся в СМИ шумихе о недопустимости религиозного образования в светских школах Великая Княгиня Мария Владимировна выступила 12 июня 2004 г. с обращением в поддержку этой министерской инициативы. В своем обращении Мария Владимировна отмечала: «Преподавание «Основ Православной культуры» по выбору, на добровольной основе, нисколько не противоречит светскому характеру государства и школы. Оно не ограничивает право выбора тех или иных религиозных или безрелигиозных убеждений, но напротив, обогащает и позволяет самостоятельно принять решение, важное и определяющее для жизни каждого человека...» ([Акты..., 2023: 21](#)).

1 декабря 2005 г. Мария Владимировна инициировала процесс признания расстрелянных в 1918 г. императора Николая II и его семьи жертвами политических репрессий. После долгих дискуссий и обсуждений в октябре 2008 г. Президиум Верховного суда – высшая судебная инстанция Российской Федерации – признал царя и его семью жертвами политических репрессий и реабилитировал их.

Мария Владимировна поддерживала связи со всеми первоиерархами Русской Православной Церкви как в России, так и за рубежом. В период с 2004 г. она выступала с обращениями или рескриптами: к патриарху Московскому и всея Руси Алексию II (10 июня 2004 г.), а позднее к патриарху Кириллу (1 февраля 2010 г. и 20 ноября 2011 г.); к митрополиту Восточно-Американскому и Нью-Йоркскому Илариону (10 декабря 2009 г.); к митрополиту Берлинскому и Германскому Марку (17 мая 2022 г.); к митрополиту Восточно-Американскому и Нью-Йоркскому Николаю (17 сентября 2022 г.); к архиепископу Тираспольскому и Дубоссарскому Юстиниану (10 мая 2009 г.); к митрополиту Киевскому и всея Украины Владимиру (23 ноября 2010 г.) (Акты..., 2023: 27-80) и другим.

В декабре 2008 г. Великая Княгиня Мария Владимировна приняла под свое покровительство Российский государственный торгово-экономический университет. Спустя несколько лет в апреле 2012 г. Великая Княгиня Мария Владимировна приняла под свое шефство и сторожевой корабль Балтийского флота «Ярослав Мудрый» (Рисунок 5).

Рис. 5. Сторожевой корабль «Ярослав Мудрый». Балтийский флот России

В начале XXI в. печальным атрибутом социальной жизни мирового сообщества стали террористические акты. Великая Княгиня Мария Владимировна трижды реагировала своими обращениями на эти варварские методы политической борьбы: 29 марта 2010 г. – после взрыва в московском метро (Акты..., 2023: 28), 11 апреля 2011 г. – после взрыва в минском метро (Акты..., 2023: 37) и 14 ноября 2015 г. – в связи с серией терактов в Египте, Франции и Ливане (Акты..., 2023: 61). Вызывало беспокойство Главы Российского Императорского Дома и ситуация в Украине, из 37 обращений этой теме было уделено 3, а именно два документа в 2014 г. (Акты..., 2023: 48-49) и один в 2022 г. (Акты..., 2023: 70).

23 мая 2010 г. в семье Великой Княгини произошло горе – в возрасте 95 лет скончалась ее мать Великая Княгиня Леонида Георгиевна. В этот же день в своем обращении Мария Владимировна отмечала: «С глубоким прискорбием извещаю, что минувшей ночью Господь призвал к себе мою возлюбленную мать Ее Императорское Высочество Вдовствующую Государыню Великую Княгиню Леониду Георгиевну» (Акты..., 2023: 31).

В том же 2010 г. Великая Княгиня Мария Владимировна подписала ряд обращений, приуроченных к юбилейным датам. Так, 4 мая 2010 г. Глава Императорского Дома обратилась к участникам юбилейного съезда дворянского собрания (Акты..., 2023: 29-30); спустя несколько месяцев, 18 июня, последовало обращение в связи с 300-летием армянской общины города Санкт-Петербурга (Акты..., 2023: 2); 1 марта 2012 г. – обращение в связи с 400-летием преодоления смуты и восстановления российской государственности (Акты..., 2023: 40-45); 8 сентября 2012 г. – в связи с 200-летием победы в Отечественной войне 1812 г. (Акты..., 2023: 46-47); 1 августа 2014 г. – обращение в связи со 100-летием начала Первой мировой войны (Акты..., 2023: 50-52); 9 мая 2015 г. – обращение в связи с 70-летием победы в годы ВОВ (Акты..., 2023: 55-58); 16 мая 2015 г. – обращение в связи со 150-летием российского общества Красного Креста (Акты..., 2023: 62-63); 4 ноября 2017 г. – обращение в связи со 100-летием революции 1917 г. (Акты..., 2023: 64-67).

23 декабря 2011 г. Мария Владимировна выступила с воззванием оказать содействие сооружению в Москве памятника патриарху Гермогену (Акты..., 2023: 39). Личность патриарха известна по событиям Смутного времени, когда он принял мученическую смерть от поляков и стал, таким образом, одним из вдохновителей русского патриотизма наравне с Мининым и князем Пожарским. Забегая вперед, скажем, что 25 мая 2013 г. памятник патриарху Гермогену был установлен на Красной площади в Москве.

Поддерживала Великая Княгиня Мария Владимировна и участников международного форума по интеллектуальной собственности (Акты..., 2023: 38). Несколько раз она реагировала своим обращениями в связи с изданием книг. Так, в 2015 г. вышли в свет две книги, посвященные Великой Отечественной войне: «Война, уступи место живописи» (Акты..., 2023: 53) и «Великая Отечественная война. Иллюстрированная хроника» (Акты..., 2023: 54). Третья книга появилась также в 2015 г., и она называлась: «Династия Романовых и мусульмане Империи» (Акты..., 2023: 59-60).

В 2013 г. Великая Княгиня взяла под свое покровительство престижную литературную премию «Наследие». Эта премия была учреждена Российским Императорским Домом и Российским союзом писателей. Задачами премии являлся поиск талантливых произведений, посвященных России. В 2014 г. Великая Княгиня Мария Владимировна стала председателем попечительского совета императорского фонда исследования онкологических заболеваний. Участвовала в многочисленных благотворительных и просветительских мероприятиях. Как отмечал в 2013 г. директор Канцелярии Е.И.В. А.Н. Закатов: «Под покровительством Главы Дома Романовых состоит ряд благотворительных фондов, отдельных программ и инициатив» (Закатов, 2013: 31).

5. Заключение

Великая Княгиня Мария Владимировна родилась в 1953 г. в семье Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича. В 1969 г. она принесла присягу на верность стране, которая в 1917 г. изгнала ее предков. Несмотря на это существенное обстоятельство, Мария Владимировна несла и продолжает нести свой крест – крест служения Отечеству. С Россией она познакомилась практически сразу же после крушения СССР, в 1992 г. За последующий период, несмотря на место своего постоянного проживания в Мадриде, она около 100 раз посещала бывшие территории Российской империи, из них более 80 раз была в Российской Федерации. С начала 2000-х гг. Великая Княгиня Мария Владимировна принимает активное участие в общественной жизни России. В сфере ее интересов и дел вошли вопросы, связанные с заботой о Русской Православной Церкви, с популяризацией истории России и помощью соотечественникам. Так уж исторически сложилось, что именно на этих началах стояло то, что ранее называлось Российской империей, и имя этим началам – «Православие, самодержавие, народность».

Литература

- Акты..., 2023 – Акты Главы Российского Императорского Дома Романовых Великой Княгини Марии Владимировны. Сборник документов. Вашингтон, 2023.
- Бондаренко, Климов, 2015 – Бондаренко И.И., Климов Д.В. Великая Отечественная война. Иллюстрированная хроника. Братислава, 2015.
- Волков, 1969 – Волков А. Российский Императорский Дом. Нью-Йорк, 1969.
- Граф, 1922 – Граф Г.К. Августейший благодетель государева престола государь Великий Князь Кирилл Владимирович. Мюнхен, 1922.
- Думин, 1993 – Думин С.В. Право на престол // Родина. 1993. № 1. С. 38-43.
- Думин, 1998 – Думин С.В. Романовы. Императорский Дом в изгнании. Семейная хроника. М., 1998.
- Думин, 2002 – Думин С.В. Российский Императорский Дом и Закон о престолонаследии // Гербовед. 2002. № 5 (59). С. 65-91.
- Закатов, 1998 – Закатов А.Н. Император Кирилл I в февральские дни 1917 г. М., 1998.
- Закатов, 2013 – Закатов А.Н. История продолжается // Русская история. 2013. № 2(25). С. 28-33.
- Закатов, 2013а – Закатов А.Н. Становление династии Романовых в изгнании // Исторический вестник. 2013. Т. 3 (150). С. 208-253.
- Коваль и др., 2023 – Коваль К.С., Туманова М.А., Парамонова А.А. Растим ребёнка вместе: история, психология, современный опыт воспитания детей. М., 2023.
- Dumin, 2013 – Dumin S.V. Unequal Marriages within the Russian Imperial Home and the 1911 Meeting of the Grand Dukes // Bylye Gody. 2013. 30(4): 62-78.
- Rajović, 2021 – Rajović G. The Newspaper “Vestnik Leib-Gvardii” (1992–1997) as a Historical Source // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2021. 8(2): 93-98.

References

- Akty..., 2023 – Akty Glavy Rossiiskogo Imperatorskogo Doma Romanovykh Velikoi Knyagini Marii Vladimirovny. Sbornik dokumentov [Acts of the Head of the Russian Imperial House of Romanov, Grand Duchess Maria Vladimirovna]. Washington, 2023. [in Russian]

- Bondarenko, Klimov, 2015 – Bondarenko, I.I., Klimov, D.V. (2015). Velikaya Otechestvennaya voina. Illyustrirovannaya khronika [The Great Patriotic War. Illustrated chronicle]. Bratislava. [in Russian]
- Dumin, 1993 – Dumin, S.V. (1993). Pravo na prestol [Right to the throne]. *Rodina*. 1: 38-43. [in Russian]
- Dumin, 1998 – Dumin, S.V. (1998). Romanovy. Imperatorskii Dom v izgnanii. Semeinaya khronika [Romanovs. Imperial House in exile. Family chronicle]. M. [in Russian]
- Dumin, 2002 – Dumin, S.V. (2002). Rossiiskii Imperatorskii Dom i Zakon o prestolonasledii [Russian Imperial House and the Law on Succession to the Throne]. *Gerboved*. 5(59): 65-91. [in Russian]
- Dumin, 2013 – Dumin, S.V. (2013). Unequal Marriages within the Russian Imperial Home and the 1911 Meeting of the Grand Dukes. *Bylye Gody*. 30(4): 62-78.
- Graf, 1922 – Graf, G.K. (1922). Avgusteishii blyustitel' gosudareva prestola gosudar' Velikii Knyaz' Kirill Vladimirovich [The most august guardian of the sovereign throne, Sovereign Grand Duke Kirill Vladimirovich]. Myunkhen. [in Russian]
- Koval' i dr., 2023 – Koval', K.S., Tumanova, M.A., Paramonova, A.A. (2023). Rastim rebenka vmeste: istoriya, psikhologiya, sovremenniy opyt vospitaniya detei [Raising a child together: history, psychology, modern experience of raising children]. M. [in Russian]
- Rajović, 2021 – Rajović, G. (2021). The Newspaper “Vestnik Leib-Gvardii” (1992–1997) as a Historical Source. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(2): 93-98.
- Volkov, 1969 – Volkov, A. (1969). Rossiiskii Imperatorskii Dom [Russian Imperial House]. N'yu-Iork. [in Russian]
- Zakatov, 1998 – Zakatov, A.N. (1998). Imperator Kirill I v fevral'skie dni 1917 g. [Emperor Kirill I in the February days of 1917]. M. [in Russian]
- Zakatov, 2013 – Zakatov, A.N. (2013). Istoriya prodolzhaetsya [The story continues]. *Russkaya istoriya*. 2(25): 28-33. [in Russian]
- Zakatov, 2013a – Zakatov, A.N. (2013). Stanovlenie dinastii Romanovykh v izgnanii [The formation of the Romanov dynasty in exile]. *Istoricheskii vestnik*. T. 3 (150): 208-253. [in Russian]

Глава Российского Императорского Дома Романовых Великая Княгиня Мария Владимировна: штрихи к биографическому портрету (к 70-летию со дня рождения)

Александр Арвелодович Черкасов^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В работе делается попытка создания биографического портрета Главы Российского Императорского Дома Романовых Великой Княгини Марии Владимировны. Источниковой базой исследования стал сборник документов «Акты Главы Российского Императорского Дома Романовых Великой Княгини Марии Владимировны», изданный в Вашингтоне в 2023 г. Работа опирается на общеисторические (историко-сравнительный, историко-системный) и узкоспециализированные (библиографический) методы. Совокупность применения этих методов позволила, по мнению автора, создать прижизненный биографический портрет Главы Российского Императорского Дома Романовых Великой Княгини Марии Владимировны и сделать некоторые предварительные выводы.

В заключении автор отмечает, что Великая Княгиня Мария Владимировна родилась в 1953 г. в семье Главы Российского Императорского Дома. В 1969 г. она принесла присягу на верность стране, которая в 1917 г. изгнала ее предков. Несмотря на это существенное обстоятельство, Мария Владимировна несла и продолжает нести свой крест – крест служения Отечеству. С Россией она познакомилась практически сразу же после крушения СССР, в 1992 г. За последующий период, несмотря на то, что местом её постоянного проживания является Мадрид, она около 100 раз посещала бывшие территории Российской империи, из них более 80 раз была в Российской Федерации. С начала 2000-х гг. Великая Княгиня Мария Владимировна принимает активное участие в общественной жизни России. В сферу ее интересов и дел вошли вопросы, связанные с заботой о Русской Православной Церкви, с популяризацией истории России и помощью соотечественникам. Так уж исторически сложилось, что именно на этих началах стояло то, что ранее называлось Российской империей, и имя этим началам – «Православие, самодержавие, народность».

Ключевые слова: Мария Владимировна, Глава Российского Императорского Дома Романовых, Великая Княгиня, 1953 г., биография, «Акты Главы Российского Императорского Дома Романовых Великой Княгини Марии Владимировны», сборник документов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.cherkasov@cherkasgu.net (А.А. Черкасов)

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(1): 480-491
 DOI: 10.13187/bg.2024.1.480

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Economic Structure, Labor Use and Adaptation of Former Soviet Citizens Who Moved in a Planned Manner from the PRC to Kazakhstan in 1954–1963

Manara Ch. Kalybekova ^{a, *}, Nadezhda A. Kubik ^b, Ziyabek E. Kabuldinov ^a

^a Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

^b State Archive of Pavlodar Region, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article discusses with the issues of household management, labor use and adaptation of repatriates from the People's Republic of China during the campaign for the development of fallow and virgin lands in Kazakhstan. The campaign itself became a major socio-political event, the main goal of which was to resolve the food issue. It expressed in the development of grain production in Kazakhstan, in which D.A. Kunaev played an important role as Chairman of the Council of Ministers of the Kazakh SSR, then as the first secretary of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan (1960–1962). From the moment of its inception, the Soviet economic system was focused on strengthening the position of the state and solved modernization problems exclusively using emergency methods. The state tried to solve the economic problems of the 1950s and 1960s through an industrial breakthrough and a policy of developing virgin and fallow lands carried out using administrative management methods, which led to an increase in the workforce in all areas of production in the republic. The replenishment of the labor force for work in state farms and collective farms of the republic was supposed to be carried out through planned resettlement from different regions of the USSR, as well as the reception of immigrants from China. The leadership of Kazakhstan was forced to solve problems associated with the distribution of the population throughout the republic, based on the priorities of geopolitics and solving economic problems of developing virgin lands, filling industrial facilities with labor and minimizing ethno-demographic risks. Since the population arriving in Kazakhstan had a variegated ethnic and social composition, in general, the migration of the Kazakh population and other ethnic groups from China to the republic was very difficult. To ensure reliability and completeness, the topic covered in the article is considered on the basis of documents from the state archives of Kazakhstan.

Keywords: adaptation, economic and living situation, labor use, re-emigration, virgin lands, campaign for the development of virgin lands, repatriates, People's Republic of China.

1. Введение

Экономические реформы, направленные на увеличение производства зерна для решения продовольственного вопроса в Казахской ССР, были одной из ключевых стратегий советского руководства в рамках начатой широкомасштабной государственной программы по увеличению сельскохозяйственной продукции в 1950-1960-е годы. Беспрецедентная по своим масштабам кампания по освоению целинных земель требовала не только огромных материальных затрат, но и значительных человеческих ресурсов. На помощь добровольным переселенцам, набранным по призыву партии и комсомола, на целинные земли были отправлены и репатрианты – бывшие советские граждане из Болгарии и Китайской Народной Республики, изъявившие желание вернуться

* Corresponding author

E-mail addresses: K.manara69@gmail.com (M.Ch. Kalybekova),
kubiknadezda@mail.ru (N.A. Kubik)

на родину. В результате работа кампании по не только на решение важнейших экономических проблем, но и на социально-культурную жизнь Казахстана.

2. Материалы и методы

Историческая объективность проблемы достигалась привлечением широкого круга новых, в большинстве своем ранее не публиковавшихся документов, следующих фондов: 1016 – Павлодарское областное управление сельского хозяйства, 889 – Железинский райисполком, 646 – Павлодарский обласполком Государственного архива Павлодарской области (Павлодар, Казахстан) и фонда 1987 – Переселенческое управление Народного комиссариата земледелия Казахской ССР (Государственный комитет КазССР по труду) Центрального Государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), а также воспоминаний свидетелей и очевидцев. Введение в научный оборот комплекса новых исторических источников в данной статье позволит внести вклад в объективное освещение переселенческой политики СССР из КНР. Чтобы раскрыть поставленную проблему исследования, были использованы конкретно-исторический, проблемно-хронологический, статистический и описательный методы исследования. В ходе написания работы были использованы методы объективного анализа роли и места репатриантов из Китайской Народной Республики в Казахстан в подъеме экономического потенциала страны в годы освоения залежных земель. Материалы изложены последовательно, с учетом хронологии, архивные документы и письменные источники дадут возможность более детально и системно изучить хозяйственно-бытовое устройство, трудовое использование бывших советских граждан, переселившихся в плановом порядке из КНР в Казахскую ССР в тесной связи с политикой, осуществляемой государством по отношению к ним.

3. Обсуждение

Одной из малоизученных проблем в отечественной истории является переселение репатриантов в Казахскую ССР из Китайской Народной Республики в 1954–1963 гг. в связи с развертыванием кампании по освоению целинных и залежных земель, а также их хозяйственное устройство и адаптация. Большую значимость для исследования данной проблемы имеет монография Мендикуловой Г.М., Атантаева Б.Ж. «История миграции между Казахстаном и Китаем в 1860–1960-е гг.», где представлено комплексное изучение истории переселения из КНР в Казахскую ССР (Мендикулова, Атантаев, 2008: 232). В монографии «Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг.» автор на основе материалов российских и казахстанских архивов рассматривает опыт осуществления советской экономической модернизации в Казахстане в 1946–1970 гг., анализирует содержание «советской модели экономики», варианты интерпретации этого концепта в зарубежной, в том числе российской историографии. Исследовано функционирование административно-командной системы и различных вертикалей управления в Казахстане в 1946–1970 гг. (Сактаганова, 2017: 365). Определенный интерес для изучения экономического развития Казахстана представляет работа Ж.Б. Абылхожина «Очерки социально-экономической истории Казахстана XX века», где автор рассматривает иррациональность экономических реформ (Абылхожин, 1997: 360). В значительной степени пополнил историографию сборник документов и материалов «Освоение целинных и залежных земель в Кустанайской области», в котором достаточно ёмко и объективно отражен процесс проведения экономических реформ для развития пшеничного производства в Кустанайской области, его влияние на социально-экономическое развитие данного региона (Сборник..., 2010: 640). Демографическая ситуация в Казахской ССР и влияние на нее миграционных процессов конца XIX в. – 80-х гг. XX века исследуются М.Х. Асылбековым и А.Б. Галиевым (Асылбеков, Галиев, 1991: 192). Большой вклад в изучение истории переселения в 1940–1960-е гг. XX в. из КНР внесла монография «Миграция из Китая в Казахстан: история и современность» С.Б. Кожировой (Кожирова, 2017: 304). В книге В.А. Козлова «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.)» 3 глава посвящена «целинному синдрому» (Козлов, 2010: 463). Развитие приграничных районов Синьцзяна и демографический аспект миграций, масштабы и география распространения, динамика и типы миграций, их влияние на жизнь семей мигрантов и адаптационная роль в период кризиса анализируются в работе «Трудовая миграция как средство адаптации и экономическому кризису в Казахстане» (Садовская, 2001: 216), а также китайской миграции 1960–1970-х гг. в Казахстан (Садовская, 2014: 444) и Ж. Аубакировой (Аубакирова, 2010: 190). Мобильность казахского населения Казахстана и Синьцзяна, эмиграционная и реэмиграционную динамику в казахстано-синьцзянском приграничье с 1880-х до начала 1960-х гг. с акцентом на эмиграцию периода голода начала 1930-х гг. и возвратную миграцию 1954–1963 гг. рассматривает Аблажей Н.Н. (Аблажей, 2014: 273). История российской диаспоры в Китае представлены в воспоминаниях, кинофотодокументах очевидцев и свидетелей (Слободчиков, 2005: 431), в личных архивах Н.Д. Старосельской (Старосельская, 2006: 375). Е.Е. Аурилене рассматривает оригинальную концепцию истории российской диаспоры, сформировавшейся в Китае в 1920–1959 гг. (Аурилене, 2008: 272). Однако, несмотря на наличие широкого интереса к данной проблеме, роль и место репатриантов из КНР в осуществлении кампании по освоению залежных земель в Казахстане, а также их хозяйственное устройство и адаптация еще недостаточно освещены.

4. Результат

Крупномасштабный проект Советского государства под названием «Освоение целинных земель» имел своей целью ускоренное развитие сельского хозяйства и ликвидацию отставания в производстве зерна, а также решение продовольственного кризиса, для чего планировалось введение в сельскохозяйственный оборот обширных площадей залежей на территории Казахстана, Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Это требовало дополнительного привлечения трудовых ресурсов, что в значительной части решалось за счет межреспубликанской миграции путем привлечения трудовых ресурсов из РСФСР, Украины, Молдавии, Белоруссии и др. регионов СССР.

Частично проблему нехватки квалифицированных кадров в сельском хозяйстве удалось решить за счет репатриантов из КНР.

В 1954 г. было принято Постановление Совета Министров СССР от 18 апреля 1954 г. № 751-329с, которое разрешало въезд на территорию СССР на постоянное жительство 6 тыс. семей советских граждан, изъявивших желание покинуть КНР. Затраты на перевоз переселенцев брало на себя государство. Начался массовый отъезд русских из Китая в СССР на целину (Аблажей, 2007: 196-200). Начиная с 1954 по 1961 г. включительно на территорию Казахской ССР ежегодно в организованном порядке прибывали граждане из Китайской Народной Республики. Всего за этот период было принято 22695 семей репатриантов – 134117 человек (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 22). Практически все выехавшие в СССР репатрианты из КНР оказались в северо-западных областях Казахстана, Центральной и Южной Сибири, Южном Урале и Дальнем Востоке, где осуществлялась массовая распашка целинных и залежных земель. Для большей части мигрантов мотивом, побудившим к возвращению в СССР, стала программа КНР по насильственной ассимиляции неханьских народов, что проявилось в отмене арабского алфавита у уйгуров и казахов, перевод их на латинизированную письменность и перевод их на латинизированную письменность, в основе которой – китайский фонетический алфавит. Представителей тюркских этнических меньшинств понуждали изучать китайский язык, насильственно приобщали к китайской культуре, практически запрещая соблюдение собственных этнических традиций.

О том, как восприняли советские граждане в КНР весть о возможности вернуться на родину, читаем в воспоминаниях Е.Л. Комендант: «И вот в начале 1954 г. это, наконец, свершилось, нас повезли на освоение целины в телячьих вагонах. Местное население в СССР не верило, что мы добровольно переехали, и считали, что мы рвалсь на Родину, молодежь встретила известие об отъезде на ура. В срочном порядке все влюбленные пары переженались и буквально через неделю-две уезжали» (Смирнов, 2014).

По воспоминаниям Г. Литвинцева: «...На приграничной станции Отпор эшелоны встречали «покупатели» живой силы из целинных хозяйств Сибири и Казахстана. Они ходили по вагонам и выбирали работников покрепче и помоложе. Наш вагон в числе десяти прочих достался Глубокинскому совхозу Курганской области. После двух недель пути нас высадили на станции Шумиха и на разбитых грузовичках повезли в глухомань, куда и сейчас, спустя полвека, нелегко добраться из-за бездорожья. У плоских длинных барakov, похожих на китайские фанзы, нас плотно обступили женщины и дети. Они смотрели во все глаза и угрюмо молчали. Позже местные простодушно признавались, что ожидали увидеть настоящих китайцев, вероятно, в шелковых халатах, с косичками, с веерами и зонтиками в руках. Наш будничный, слишком обычный вид их удивил и разочаровал» (Литвинцев, 2004).

Для прибывающих переселенцев была разработана комплексная программа социальной поддержки, в целом делавшая условия репатриации привлекательными с финансовой стороны. Затраты, связанные с приемом, транспортировкой переселенцев и провозом багажа от границы СССР до места назначения, а также обязательства по трудоустройству брало на себя государство. Единовременное пособие составляло на главу семьи 3000 руб. и на каждого члена семьи по 600 руб. По месту вселения они должны были получить государственную ссуду через Сельхозбанк на строительство дома или надворных построек в размере 10-15 тыс. руб. и на приобретение коровы или другого скота в размере 2-3 тыс. руб. (ГАПО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 765. Л. 100).

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 19 февраля 1953 г. № 517, на репатриантов и реэмигрантов распространялись льготы для плановых переселенцев: освобождение колхозников-переселенцев и колхозов от уплаты сельскохозяйственного налога, от обязательных поставок государству продуктов сельского хозяйства и животноводства (кроме молока), от обязательных поставок государству продуктов сельского хозяйства с приусадебных участков и индивидуальных огородов. Также переселенцам в местах вселения выдавалась продовольственная ссуда в размере 1,5 ц зерна или муки на главу семьи и 0,5 ц на каждого члена семьи.

Советы министров республик, крайисполкомы, облисполкомы были обязаны передавать переселенцам из имеющихся у колхозов и сельских Советов свободных построек дома с надворными постройками и усадьбами (ГАПО. Ф. 889. Оп. 1. Д. 256. Л. 187, 189-191).

Трудоустройство возвращающихся из-за границы советских граждан и членов их семей распоряжением Совета Министров от 4 октября 1955 г. № 898-р было возложено на областные, городские и районные исполкомы, а также Министерства сельского хозяйства, совхозов и рыбной

промышленности Казахской ССР, которые по направлениям МВД СССР должны были трудоустроить прибывших с предоставлением им жилой площади. МВД Казахской ССР надлежало обеспечить своевременную выдачу прибывшим в Казахскую ССР гражданам паспорта, а членам их семей, не являющимся гражданами СССР, вида на жительство (ГАПО. Ф. 889. Оп. 1. Д. 240. Л. 139).

На основании приказа Министерства сельского хозяйства Казахской ССР от 8 февраля 1955 г. № 46 «Об упорядочении дела сельскохозяйственного переселения» хозяйственное устройство переселенцев было возложено на Главное управление по орг. колхозным делам Министерства сельского хозяйства, Главное управление капитального строительства, начальников областных управлений сельского хозяйства. Главному управлению капитального строительства надлежало в пятидневные сроки подобрать типовые проекты домов с надворными постройками для строительства переселенцам, утвердить план размещения по каждому колхозу с учетом потребности в рабочей силе и перспектив развития, обеспечить отоваривание обменных квитанций на скот и оказывать помощь в обзаведении скотом с использованием кредитов Сельхозбанка (ГАПО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 765. Л. 138-139). Для приема и размещения переселенцев местные исполнительные органы обязывались организовать приемные пункты по приему переселенцев на железнодорожных станциях, обеспечить приемные пункты необходимым инвентарем и оборудованием, организовать комнату матери и ребенка; организовать на приемных пунктах торговлю хлебом и другими продуктами питания, товарами первой необходимости.

Приток переселенцев оказался гораздо больше запланированного, в связи с чем на практике прибывшим переселенцам пришлось столкнуться с большими трудностями, обусловленными неготовностью местного руководства к приему такого количества населения.

В приказе Министерства совхозов Казахской ССР от 20 августа 1955 г. № 246 говорится о том, что прибывшие из Китая в Казахстан в 1955 г. 7465 семей советских граждан значительно пополнили совхозы рабочей силой, но многие директора совхозов и начальники областных управлений сельского хозяйства вместо принятия необходимых мер по устройству их на работу по специальности, созданию жилищно-бытовых условий, встали на путь увольнения из совхозов и предоставления им отпусков на неопределенное время, в результате чего, по неполным данным, из совхозов республики выехало более 100 семей. Только из Кустанайского зерносовхоза выехало 15 семей в Челябинскую область. В Министерство совхозов Казахской ССР поступали многочисленные жалобы на непредставление ссуды на индивидуальное строительство и приобретение скота, на плохое снабжение продовольственными и промышленными товарами. Например, директора Ортауского и Кзыл-Тусского совхозов Карагандинской области даже не обратились в Госбанк для оформления кредитов для переселенцев. Этим же приказом начальникам областных совхозов предписывалось провести до 10 сентября 1955 г. сплошную проверку во всех совхозах, куда были направлены советские граждане, прибывшие из Китайской Народной Республики, по вопросу размещения, трудоустройства и культурно-бытового обслуживания переселенцев (ГАПО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 767. Л. 62).

Проверкой, произведенной представителями Совета Министров СССР, ЦК КПК и Совмина КазССР, были установлены факты грубого нарушения Постановления Совета Министров СССР относительно устройства прибывших из КНР советских граждан. Так, в совхозе им. Х лет Казахской ССР Павлодарской области бывший директор совхоза В.С. Садыков безответственно отнесся к приему и устройству переселенцев. Из 39 семей в составе 257 человек, прибывших в совхоз, трудоустроено было 135 трудоспособных, остальные – дети и престарелые. В.С. Садыковым 14 семей из числа прибывших были вывезены в голую безводную степь за 30 км от центральной усадьбы совхоза и расселены на территории фермы в трех палатках. К тому же не были приняты меры по обеспечению их продовольствием и бытовому устройству, распределение на работу производилось без учета специальности и опыта (ГАПО. Ф. 646. Оп. 1с. Д. 95. Л. 97). После проверки все недостающие стройматериалы были завезены на ферму № 3, 14 семей закончили строительство собственных двух- и четырехкомнатных домов (ГАПО. Ф. 646. Оп. 1с. Д. 95. Л. 98).

В совхозе им. 25 лет Октября Куйбышевского района Павлодарской области в первые дни семьи прибывших были размещены в нежилых постройках – сараях с незастекленными окнами, испорченными дверями. Семья В.Я. Капанадзе с двумя детьми была размещена в полутемной кладовке площадью 7 кв. м. Для прибывших плохо была организована продажа продуктов питания, промтоваров, товаров ширпотреба и стройматериалов (ГАПО. Ф. 646. Оп. 1с. Д. 95. Л. 99). Имелись большие перебои в обеспечении продуктами питания: мукой, сахаром, мясом, сливочным маслом; стройматериалами: жердями, досками, шифером, гвоздями, стеклом, электропроводом (ГАПО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 767. Л. 41).

В Постановлении ЦК КП(б)К и Совета Министров Казахской ССР от 12 ноября 1955 г. № 781 «О неотложных мерах по устранению крупных недостатков в трудовом и бытовом устройстве граждан, переселившихся в колхозы и совхозы республики из Китая, Украины, Молдавии и других мест», отмечалось, что Министерство сельского хозяйства, Министерство совхозов, Министерство городского и сельского строительства, Казпотребсоюз и их местные организации, а также отдельные руководители областных и районных партийных и советских органов не приняли мер к осуществлению важнейших мероприятий по приему и устройству переселенцев. В результате из

установленного плана подготовки 19500 домов на 1 октября 1955 г. колхозами хозяйственным способом построено только 4711 домов, Министерством городского и сельского строительства из плана 11500 домов построено только 568 домов, так как системой потребительской кооперации не был выполнен план завоза строительных материалов для строительства домов переселенцев. Особенно плохо велось строительство домов в колхозах Кокчетавской, Южно-Казахстанской, Акмолинской, Северо-Казахстанской и Павлодарской областей. Во многих областях создавалось такое нетерпимое положение, когда значительная часть приехавших переселенцев выезжала обратно или переходила на работу в промышленные предприятия и др. организации. По причине необеспечения жильем из 2598 семей переселенцев, прибывших в колхозы Кокчетавской области, выбыло обратно 663 семьи, 146 семей перешли на работу в предприятия и организации; по Акмолинской области выбыло обратно 415 семей, по Павлодарской – 416 семей, по Южно-Казахстанской – 209 семей и т.д.

Имели место факты грубого, пренебрежительного отношения к переселенцам со стороны некоторых руководителей колхозов: «Председатель колхоза «Енбекши» Кагановического района Павлодарской области Коцегулов выживает переселенцев из колхоза, заявляет, чтобы они уезжали, откуда приехали» (ГАПО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 767. Л. 4, 4 об., 5). В Галкинском районе Павлодарской области из 25 семей, прибывших в район, были обеспечены жилплощадью только 14 семей, остальные размещены в порядке уплотнения в домах колхозников, а также в непригодных к жилью помещениях: кладовках, кухнях, шалашах-временках и других жилищах (ГАПО. Ф. 785. Оп. 1. Д. 816. Л. 42-44).

В отчете об итогах сплошной проверки хозяйственного устройства переселенцев по колхозам Павлодарской области сказано, что на 1 октября 1955 г. в область прибыло 7889 человек (2131 семья), из них выбыло 381, имела домов 971 семья, приусадебные участки имело 478 семей. Из прибывших за 1954 г. 2310 человек (740 семей) выбыла 471 семья, имело домов 395, приусадебные участки – 378 семей (ГАПО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 765. Л. 22).

Во многих колхозах не была оказана помощь переселенцам в приобретении коров и других видов скота. По данным на 1 ноября 1955 г. из 16575 семей переселенцев 4804 хозяйства не имели коров. Особенно большое количество переселенцев, не имеющих коров, было в колхозах Павлодарской, Кокчетавской, Южно-Казахстанской и Северо-Казахстанской областей (ГАПО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 765. Л. 16-19).

Неблагополучным было и положение с трудоустройством прибывших граждан. Имелись факты, когда до колхозников не доводились нормы выработки и расценки работ в трудовнях. Плохо обстояли дела с завозом и продажей предметов первой необходимости, в магазинах при колхозах не было хозяйственного мыла, сахара, домашней посуды, а также теплого белья, детской обуви, теплой одежды и валенок. Райпотребсоюзом недостаточно завозился для продажи керосин, имелись случаи освещения переселенцами жилищ с помощью коптилок на растительном масле. Прибывшие переселенцы совершенно не были обеспечены топливом. Плохо обстояло дело с медицинским обслуживанием: в колхозе им. Джамбула проживающим на животноводческих фермах гражданам не был проведен медицинский осмотр. Имели место факты отказа в медицинской помощи прибывшим в районную больницу к врачу переселенцам. Не все прибывшие получили ссуду на строительство домов и приобретение коров, приобрели коров всего 9 семей (ГАПО. Ф. 785. Оп. 1. Д. 816. Л. 42-44).

В целом документы свидетельствуют, что ожидания целинников, связанные с переездом на новое место жительства, не оправдались. Адаптация репатриантов к новым условиям жизни проходила сложно. Нерешенность бытовых проблем порождала многочисленные жалобы на неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, сложности с трудоустройством и др. В коллективной жалобе репатриантов, размещенных в колхозе «Память Кирова» Железинского района Павлодарской области, Железинскому райисполкому от 28 июля 1955 г. говорится, что вместо строительства запланированных 10 домов строилось только три, и стройка была приостановлена в связи с нехваткой рабочих рук. «Это положение нас очень тревожит, и мы отчаиваемся вспомнить о близкой зиме, потому что в последнее время председатель колхоза начинает ссылаться на нехватку рабочей силы и говорит о том, что если постройку закончить не сможем, то зиму как-нибудь переживем» (ГАПО. Ф. 889. Оп. 1. Д. 219. Л. 131-132).

5 ноября 1954 г. были обследованы условия проживания и трудоустройства переселенцев из Китая Викулова А.А., Викулова В.А., Викулова М.А., Березина Г.Н., Березина Г.Н., проживающих в Калининской МТС Железинского района Павлодарской области. Викулов Арсений Александрович специальности не имел, работал на разных работах, дочь работала секретарем директора, сын – штурвальным. Семье из пяти человек был предоставлен дом из пласта 36 кв. м, столы, стулья и домашний инвентарь имелись. Ссуду на строительство семья не получала ввиду того, что дом построили из местных материалов с помощью директора МТС. Ссуду на приобретение коровы в размере 3000 получили, но корова приобретена не была. На семью в колхозе куплено картофеля 7 ц, лук, но не было капусты, огурцов. Приобретена 1 т сена, дополнительно требовалась 1 т, дров подвезена 1 машина. Одеждой и обувью на зиму вся семья была обеспечена (ГАПО. Ф. 889. Оп. 1. Д. 208. Л. 4).

Одной из причин жалоб граждан, прибывших из КНР, стало трудоустройство не по специальности. В письме председателя Павлодарского облисполкома Ш. Уразбаева председателям райсоветов от 27 сентября 1956 г. № 49с приводятся факты трудоустройства прибывших, особенно из Синьцзяна, ранее работавших учителями, журналистами, чиновниками, не по специальности: летчик Уалиев работал чабаном в колхозе, бывший ответственный редактор провинциальной газеты, переводчик политической литературы с китайского на казахский язык Акас – пастухом в колхозе и т. д., что побуждало их ходатайствовать о выезде в другие республики СССР или обратно в Китай (ГАПО. Ф. 646. Оп. 2с. Д. 5. Л. 41-42).

Несмотря на многочисленные проверки и принимаемые меры, недостатки в трудовом и бытовом устройстве граждан, прибывших из КНР, сохранялись и в последующие годы.

В Постановлении Совета Министров Казахской ССР от 29 февраля 1956 г. № 130-13 «Об устройстве принятых из КНР советских граждан, переехавших в Алма-Атинскую, Восточно-Казахстанскую, Семипалатинскую и Талды-Курганскую области», говорится: « Совет Министров Казахской ССР отмечает, что Министерство сельского хозяйства Казахской ССР, Министерство совхозов Казахской ССР и облисполкомы не приняли необходимых мер к выполнению постановления Совета Министров Казахской ССР от 22 марта 1955 г. № 156-20с и постановления ЦК КП Казахстана и Совета Министров Казахской ССР от 12 ноября 1955 г. № 781, в результате чего многие семьи не были хозяйственно устроены и закреплены в местах их первоначального вселения, в связи с чем в конце 1955 г. и в начале 1956 г. в Алма-Атинскую, Восточно-Казахстанскую, Семипалатинскую и Талды-Курганскую области из других мест неорганизованно прибыло 3820 семей с общим количеством 19300 человек» (ГАПО. Ф. 646. Оп. 3с. Д. 9. Л. 39).

Проверка показала, что министерства «не проявили должной заботы в хозяйственно-бытовом устройстве этих граждан и не приняли мер к обеспечению их жильем, топливом и товарами первой необходимости. Крайне недостаточно проводили среди них культурно-просветительную работу, а также не обеспечили полный охват детей школьного возраста учебой и не организовали обучение взрослого населения на родном языке на основе русской графики». Постановлением предписывалось обеспечить прибывших граждан работой с учетом их квалификации и жилой площадью, граждан, не имеющих специальности, охватить обучением путем отправки на курсы механизаторов и охвата агрозоветучебой; выделить прибывшим из северо-восточных областей и Киргизской ССР продовольственную ссуду из резервного фонда Совета Министров Казахской ССР; выделить дополнительно в первом квартале 1956 г. для продажи прибывшим из КНР гражданам Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Семипалатинской, Талды-Курганской областей муки сортовой, крупы разной, макаронных изделий, чая; принять необходимые меры к обеспечению бесперебойного снабжения продовольствием и промышленными товарами – хозяйственным мылом, керосином, лампами, теплой одеждой, обувью, предметами домашнего обихода; обеспечить охват учебой детей и организовать обучение взрослых граждан, выдать госпособие многодетным и одиноким матерям, в месячный срок обеспечить выдачу всем общегражданских паспортов (ГАПО. Ф. 646. Оп. 3с. Д. 9. Л. 39-42).

Несмотря на принимаемые меры, большое количество постановлений, распоряжений союзных и местных исполнительных органов, недостатки в деле размещения, трудоустройства и культурно-бытового обслуживания репатриантов в последующие годы полностью устранить не удалось. В Постановлении Совета Министров Казахской ССР от 6 февраля 1957 г. № 66-10с отмечалось, что местные советские сельскохозяйственные органы, органы народного образования, руководители других организаций и промышленных предприятий все еще не уделили должного внимания вопросам трудового и жилищного устройства этих граждан, не проявили заботы об организации краткосрочных курсов для репатриантов, не имеющих специальности и не могущих работать по специальности в силу незнания языка и по другим причинам, а также охвату детей школьного возраста обучением в школах. В результате такого невнимательного отношения некоторые из реэмигрантов попали в трудные условия жизни, долгое время не могли найти работу, устроиться с жильем и вследствие этого вынуждены разъезжать по республике в поисках работы и жилищно-бытового устройства, а иногда добивались разрешения на выезд в КНР. В этом же постановлении отмечалось, что отсутствие заботы о трудоустройстве и создании необходимых жилищно-бытовых условий репатриантам и реэмигрантам ставит их в тяжелое материально-бытовое положение, что порождает среди них нездоровые настроения и недоброжелательное отношение к советской действительности, что мешает дальнейшему делу репатриации из-за границы советских граждан. От руководителей советских хозяйственных органов требовалось решительное пресечение фактов безответственности устройства репатриантов и помимо мер по трудовому и жилищному устройству, обеспечению ссудой и др. Министерство просвещения Казахской ССР обязывалось произвести учет всех детей школьного возраста и, начиная с 1957-1958 учебного года, полностью охватить их учебой, а педагогов из числа переселенцев обеспечить трудоустройством по специальности (ГАПО. Ф. 646. Оп. 3с. Д. 11. Л. 12, 120б.).

В апреле-сентябре 1959 г. переселение советских граждан из КНР продолжилось. Они доставлялись флотом Балхаш-Илийского пароходства с пристани Сандаходзе по пристани Илийск.

На пристани Илийск, в поселках Или, Маканчи и Хоргос было организовано медицинское обслуживание и санитарная обработка прибывающих и дальнейшая их отправка к местам назначения (ГАПО. Ф. 646. Оп. 3с. Д. 15. Л. 42-45).

В Постановлении Совета Министров Казахской ССР от 15 августа 1959 г. № 717-78с «О мерах улучшения обслуживания граждан, репатрируемых из Китайской Народной Республики» отмечалось, что Алма-Атинский облисполком, Министерство здравоохранения Казахской ССР, Министерство торговли Казахской ССР и Казпотребсоюз не приняли должных мер по организации приема репатрируемых, их медицинскому обслуживанию, своевременному выделению и отовариванию фондов на промышленные и продовольственные товары, предназначенные для этого контингента, в связи с чем необходимо было принять меры по улучшению медицинского обслуживания как в пунктах приема (Хоргос, Панфилов, Бахты, Маканчи, Или, Сумба), так и в местах вселения на постоянное жительство, для чего выделить в необходимом количестве медикаменты. Казпотребсоюзу срочно выделить достаточные фонды на промышленные и продовольственные товары и обеспечить их своевременный завоз, обеспечить завоз в III и IV кварталах 1959 г. 4000 кв. м сборных жилых домов для продажи репатриантам, вселяемым в колхозы Панфиловского района, выделить Панфиловскому и Нарынкольскому районам дополнительно к фондам III и IV кварталов 1959 г. для продажи репатриантам промышленные, продовольственные и строительные товары; обязать исполкомы областных и районных Советов депутатов трудящихся, директоров совхозов и председателей правлений колхозов обеспечить размещение, хозяйственно-бытовое и трудовое устройство граждан, прибывающих из КНР; принять меры к охвату всех детей школьного возраста учебой; выделить в III квартале 1959 г. дополнительно на кредитование мероприятий по хозяйственному устройству переселенцев в колхозах и совхозах Алма-Атинской области 10,0 млн. руб., в том числе 1,0 млн. руб. для Панфиловского района; обеспечить бесперебойную выдачу наличных денег репатриантам; закончить до 1 октября 1959 г. сборку и ввести в действие 40 рубленых жилых домов, полученных Октябрьским совхозом Панфиловского района (ГАПО. Ф. 646. Оп. 3с. Д. 15. Л. 143-146).

Несмотря на недостатки в организации приема и размещения репатрируемых, переселение бывших советских граждан из КНР продолжилось и в последующие годы, причем часть из них прибывала в неорганизованном порядке, что было связано с ужесточением национальной политики Коммунистической партии Китая по отношению к неханьским народам, к которым принадлежали казахи, уйгуры, дунгане, русские, киргизы и другие этнические группы, проживавшие в Синьцзяне. С 15 апреля по 1 мая советско-китайская граница была открыта для беженцев из Синьцзяна. Из КНР без визы в неорганизованном порядке на территорию Казахстана прибыло 16 606 семей, что составило 71 796 человек. Всем гражданам, перешедшим границу без консульских виз, в апреле-мае 1962 г. на основании Постановления Совета Министров Казахской ССР от 20 мая 1962 г. № 388-51с было выдано единовременное безвозвратное пособие в размере 40 руб. на каждого человека, организован бесплатный проезд до места вселения, а также оказана помощь продуктами питания и промышленными товарами.

В целях оказания максимальной помощи в обеспечении жильем и создания необходимых хозяйственно-бытовых условий для этих граждан, в соответствии с Постановлением Совета Министров Казахской ССР от 17 сентября 1962 г. 689 семьям, прибывшим в апреле-мае 1962 г. из КНР, было выделено и выдано 12 000 коров, в том числе гражданам, оставшимся на территории Алма-Атинской области, выдано 5850 коров (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 23-24). Совет Министров Казахской ССР выделил 10 млн. руб. на строительство жилых домов в совхозах, в том числе Семипалатинской области – 4,4 млн. руб., Алма-Атинской области – 3 млн. руб. и Восточно-Казахстанской – 0,6 млн. руб. Для обеспечения жилищных условий гражданам, прибывшим из КНР, были выделены строительные материалы в следующем количестве: деталей жилых домов – на 220 тыс. кв. м, цемента – 12 тыс. т, оконного стекла – 6 660 тыс. кв. м, мягкой кровли – 4 млн. кв. м, шифера – 2 млн. усл. плит, стали разной – 600 т, катанки – 150 т, стали кровельной – 500 т, с тем, чтобы жилые дома закончить строительством к 1 октября 1962 г. Правительством Казахстана были выделены для продажи и распределены по областям продукты питания: мука – 1500 т, мясо – 750 т (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 24).

В конце мая 1962 г. самовольный переход границы был прекращен (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 22, 23) и в сентябре 1962 г. возобновился прием граждан из Китайской Народной Республики в организованный порядок, и с этого времени по 1 января 1963 г. было принято 5766 семей – 26643 чел. Всего за 1962 г. было принято 22372 семьи – 98439 чел. Этим гражданам советскими и партийными органами Казахстана было уделено большое внимание (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 22).

С начала 1963 г. до 10 мая 1963 г. было принято и расселено по областям Казахской ССР 1830 семей – 20 487 человек. Разместить большое количество прибывших граждан в Алма-Атинской и Семипалатинской областях, откуда они ранее перешли на территорию Китая, не представлялось возможным из-за неподготовленности и отсутствия в хозяйствах этих областей жилья, поэтому, в

соответствии с указанием Совета Министров Казахской ССР они были размещены в колхозах и совхозах семи областей следующим образом (Таблица 1).

Таблица 1. Расселение репатриантов по областям Казахской ССР (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 23)

Наименование областей	1962 год		1963 год		Всего за 1962 и 1963 годы	
	семей	человек	семей	человек	семей	человек
Семипалатинская	8852	38947	5	46	8857	38993
Алма-Атинская	7456	32805	518	5799	7974	38604
Чимкентская	3103	13655	140	1554	3243	15209
Карагандинская	738	3249	586	6593	1324	9842
Джамбульская	1260	5544	189	2113	1449	7657
Восточно-Казахстанская	391	1722	6	57	397	1779
Кзыл-Ординская	-	-	316	3538	316	3538
другие республики	572	2517	70	787	642	3304
Всего	22372	98439	1830	20487	24202	118926

Все трудоспособные граждане, прибывшие из Китайской Народной Республики, в основном были трудоустроены в сельском хозяйстве. Значительная часть из числа казахского населения работала в животноводстве. Уйгурское население было размещено и трудоустроено в районах областей, где развито овощное и бахчевое хозяйство.

Совет Министров Казахской ССР 18 января 1963 г. принял специальное постановление «О мерах по улучшению хозяйственно-бытовых условий граждан, прибывших из Китайской Народной Республики», в котором была предусмотрена большая помощь этим гражданам в жилищно-бытовом устройстве, этим же постановлением Совет Министров Республики предложил директорам совхозов, принимавших граждан из КНР, обеспечить в первую очередь их жилой площадью за счет имеющегося и строящегося жилого фонда совхозов. Этим же постановлением правительства колхозам Алма-Атинской, Семипалатинской и Джамбульской областей для строительства домов гражданам, прибывшим из КНР, было выделено: стандартных домов жилой площадью на 12000 кв. м, леса круглого – 12000 куб. м, цемента – 6500 т, шифера – 1,5 млн. условных плит, мягкой кровли – 65000 кв. м, стали кровельной – 8 т, стекла оконного – 21000 кв. м, гвоздей – 100 т и другие строительные материалы.

Для продажи переселенцам из КНР было выделено 5400 т. муки, 22 т. сахара и большое количество продовольственных товаров, а также теплая одежда. Размер денежного пособия, согласно Постановлению Совета Министров СССР от 25 сентября 1958 г. № 1078-520, составлял 300 руб. на главу семьи и по 60 руб. на каждого члена семьи (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 25). Эти пособия выдавались нуждающимся семьям, направленным на работу и жительство в сельскую местность. Кроме того, всем прибывшим из Китайской Народной Республики гражданам был обеспечен бесплатный проезд по железной дороге и автотранспортом до мест вселения и выделялись суточные на время проезда.

Основная масса прибывших, преодолев первоначальные трудности, была к этому времени трудоустроена, обеспечена жильем и активно включилась в совхозное и колхозное строительство, чем вносила большой вклад в экономику сельского хозяйства республики, поскольку среди репатриантов имелось много опытных чабанов, животноводов, механизаторов, строителей. Многие колхозы и совхозы Алма-Атинской, Семипалатинской, Карагандинской, Чимкентской областей пополнились квалифицированными животноводческими кадрами, в которых до прибытия переселенцев их Китая ощущался большой недостаток.

Вследствие того, что репатрианты из КНР первоначально были расселены без учета проживания их родственников, а также их прежнего места жительства до ухода в Китай в течение 1962 и 1963 гг. часть из них самостоятельно переехала с мест вселения в другие области к родственникам и в места прежнего жительства, а именно: из Кзыл-Ординской области – 131 семья, из Карагандинской – 79 семей, из Джамбульской – 120 и из Чимкентской – 288 семей. Все эти семьи переехали главным образом в Алма-Атинскую область (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 26).

Из 119000 граждан, прибывших в Казахстан, в колхозах и совхозах Алма-Атинской и Семипалатинской областей находилось 85000 чел., и поэтому положение дел с их хозяйственно-бытовым устройством в этих областях являлось характерным (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 26).

В Семипалатинской области для строительства домов и квартир колхозы области получили: стандартные дома жилой площадью в 3500 кв. м, леса круглого – 3300 куб. м, стекла оконного – 6400 кв. м, шифера – 0,3 млн. усл. плит, цемента – 1800 т, гвоздей – 28 т, стали кровельной – 2,3 т, катанки – 9,5 т. (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 27). При этом в отдельных хозяйствах

неудовлетворительно велось строительство жилых домов, не полностью осваивались отпущенные на строительство кредиты, часть семей жила в непригодных для жилья помещениях, в некоторых населенных пунктах отсутствовали бани общественного пользования. Из 8242 детей школьного возраста учебой было охвачено 8062, дети граждан КНР были устроены: в школы интернаты – 2717 учащихся, в общественные интернаты – 3540 учащихся, в бюджетные интернаты – 810 учащихся, в пансионаты – 350 учащихся (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 27).

Прибывшие в Алма-Атинскую область в 1962 и 1963 гг. 7974 семьи – 38604 чел. в основном были размещены и трудоустроены в колхозах и совхозах. Кроме того, самовольно на воссоединение со своими родственниками из других областей республики переехало более 1800 семей. Им было предоставлено 5607 квартир и домов. В 1963 г. было вновь построено 484 дома и 1040 глинобитных домов и в стадии строительства находилось 1204 дома. Часть семей еще не была обеспечена жильем и проживала в непригодных для жилья помещениях и на уплотнении у старожилов.

Колхозам области были отпущены для строительства домов гражданам из КНР строительные материалы: стандартные дома жилой площадью 6000 кв. м, лес круглый – 5800 куб. м, стекло оконное – 10000 кв. м, шифер – 0,6 млн. усл. плит, цемент – 3100 т, гвозди – 48 т, сталь – 3,8 т и катанка – 12 т. Это значительно улучшило положение дел в области с размещением репатриантов (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 28).

Все трудоспособные граждане, прибывшие в 1962 и 1963 гг. в Алма-Атинскую область, в основном были трудоустроены и работали в животноводстве чабанами, скотниками, доярками и разнорабочими в полеводстве. Многие семьи, включившись в трудовую жизнь, имели в работе высокие показатели. Например, в колхозе им. Калинина Панфиловского района семья Мауленова, в которой имелось 2 трудоспособных, заработали 813 трудодней, получив за них 1413 рублей. Сам Мауленов, работая чабаном, получил от каждых 100 маток по 118 ягнят. Семья имела дом, корову и мелкий скот. Мауленов был избран депутатом райсовета (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 29).

Однако в Алма-Атинской области не везде уделялось должное внимание прибывшим из КНР гражданам. Например, в совхоз «Жоломан» Гвардейского производственного управления в 1962 году прибыло 78 семей граждан из КНР, из которых 28 семей выбыло из-за низких заработков и плохих жилищных условий (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 29).

Во многих совхозах Кызыл-Ординской области из-за бездушно-бюрократического отношения со стороны руководителей отдельных хозяйств и отсутствия заботы в культурно-бытовом обслуживании переселенцев многие семьи покинули места вселения. Директор совхоза «XXII партсъезд» Казалинского производственного управления А.С. Ким всех прибывших граждан разместил на участке «Куль-Арык», который находился 25 км от центрального участка, где не было местных жителей, и оставили их там на произвол судьбы. В результате такого недопустимого отношения со стороны руководителя этого совхоза 11 семей репатриантов из прибывших 12 семей уехали из совхоза (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 29).

В остальных четырех областях, принявших репатриантов, все граждане были трудоустроены, а жильем не везде полностью обеспечены. Из пяти областей несколько лучше обстояло дело с обеспеченностью жильем в Джамбульской и Чимкентской областях.

Вопросы хозяйственно-бытового и трудового устройства граждан, прибывших из КНР, неоднократно рассматривались на бюро Чимкентского, Джамбульского и Семипалатинского обкомов партии и на заседаниях исполкомов всех областных советов депутатов трудящихся, где принимались меры к улучшению бытового и трудового устройства этих граждан.

Руководители ряда колхозов, совхозов и производственных управлений Алма-Атинской и Кызыл-Ординской областей не проявили должного внимания вопросам обеспечения граждан, прибывших из КНР, жильем, что привело к поступлению от отдельных репатрированных граждан жалоб и заявлений в партийные, советские и хозяйственные органы, а в отдельных случаях к их выбытию из колхозов и совхозов вселения.

Только за 1963 г. управлением переселения и организованного набора рабочих Госкомитета Казахской ССР было рассмотрено 143 заявления и жалобы, поступивших от граждан, прибывших из КНР, из них: по вопросам трудоустройства – 8, получения пособия – 29, получения ссуды на строительство – 7, возврата скота, сданного на границе КНР, – 11, розыска родных и выдачи паспортов – 88 (ЦГА РК. Ф. 1987. Оп. 1с. Д. 126. Л. 30).

Особую сложность в рассмотрении жалоб представляли вопросы, связанные с воссоединением с оставшимися на территории КНР родными и близкими, поскольку вопрос о предоставлении последним возможности выехать в Казахстан разрешался только через Министерство иностранных дел, что требовало значительного времени на ожидание.

Несмотря на пестрый национальный состав репатриантов (например, в Павлодарской области из прибывших в 1955 году 255 семей, 1417 чел., казахов было 900 чел., русских 314 чел., уйгур 83 чел., татар 71 чел., узбеков 30 чел., прочих 19 чел. (ГАПО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 733. Л. 85)), процесс ассимиляции с местным населением благодаря этнической и языковой общности произошел довольно быстро. По воспоминаниям Г. Литвинцева «Первые годы репатрианты еще держались друг за друга, соблюдали обычаи, жениться предпочитали на своих, знались, наезжали в гости. Но уже их

дети стали забывать прежнее землячество и родство, пообтерлись и стали вполне советскими. По отцу могу судить, как менялись сл временем взгляды и настроения. «Там жить было свободней и интереснее, а здесь легче, спокойней», – говорил он под старость. В семидесятые годы его как-то разыскал и навестил двоюродный брат из Австралии, тоже бывший харбинец. Спустя двадцать лет им уже трудно было понять друг друга. Их сняли со льдины, называвшейся Русской Маньчжурией, и развезли на разные континенты. А сама льдина растаяла...» (Литвинцев, 2004).

5. Заключение

Таким образом, основным побудительным мотивом возвращения бывших советских граждан из КНР стало желание вернуться на родную землю, а также кампания по насильственной ассимиляции и вытеснению ханьских народов с территории Китая. При этом части переселенцев удалось вернуться именно в те места, откуда они выехали в КНР. Благодаря этнической, культурной и отчасти языковой общности процесс ассимиляции с местным населением произошел довольно быстро.

Имевшиеся в деле размещения, трудоустройства и культурно-бытового обслуживания, а также в адаптации репатриантов трудности, обусловленные недостаточной продуманной политикой освоения целинных и залежных земель и неподготовленностью в местах вселения, стали причиной нарастания социальной напряженности и разочарования репатриантов, но в целом республиканским и местным исполнительным органам удалось создать удовлетворительные условия жизни и труда. Благодаря поддержке государства, заинтересованного в обеспечении трудовыми ресурсами беспрецедентной по своему масштабу кампании по освоению целинных земель, репатрианты были в целом обеспечены жильем, строительными, промышленными и продовольственными товарами, трудоустроены в колхозах и совхозах республики, дети школьного возраста охвачены школьным обучением.

Количество репатриантов – бывших советских граждан, вернувшихся из КНР в СССР, было не столь большим, как количество внутрисоюзных и внутриобластных плановых переселенцев, но они внесли свой вклад в освоение целинных земель в Казахстане.

Основная масса прибывших, преодолев первоначальные трудности, активно включилась в колхозное и совхозное строительство, своим трудом принося большую пользу в подъеме экономики сельского хозяйства республики, поскольку среди них имелось много опытных чабанов, животноводов, механизаторов и строителей. Многие колхозы и совхозы республики пополнились квалифицированными животноводческими кадрами, в которых до прибытия переселенцев из Китайской Народной Республики ощущался большой недостаток.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта АР14872044 «Вклад Д.А. Кунаева в социально-экономическое развитие Казахстана и сохранения территориальной целостности Республики» при финансовой поддержке Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан.

Литература

- Аблажей, 2014 – *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Караганды: Болашак-Баспа, 2014. 273 с.
- Аблажей, 2007 – *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.
- Абылхожин, 1997 – *Абылхожин Ж.Б.* очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы: Туран, 1997. 360 с.
- Асылбеков, Галиев, 1991 – *Асылбеков М.Х., Галиев А.Б.* Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980 гг.). Алматы: Галым, 1991. 192 с.
- Аубакирова, 2010 – *Аубакирова Ж.С.* Воспроизводство населения Казахстана (этнорегиональный аспект). Усть-Каменогорск, 2010. 190 с.
- Аурилене, 2008 – *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае: (1920-1950 гг.). Хабаровск: Частная коллекция, 2008. 272 с.
- ГАПО – Государственный архив Павлодарской области
- Кожирова, 2017 – *Кожирова С.* Миграция из Китая в Казахстан: история и современность. Алматы: Мир, 2017. 304 с.
- Козлов, 2010 – *Козлов В.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). М.: Российская политическая энциклопедия РОССПЭН, 2010. 463 с.
- Левитский, 2002 – *Левитский В.В.* Воскресение имени. Харьков: Эксклюзив, 2002. 204 с.
- Литвинцев, 2004 – *Литвинцев Г.* Русские эмигранты из Китая. Воспоминания русского репатрианта / *Российская газета «Дальний Восток».* 2004, 29 июля. № 3537. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2004/07/29/repatriaziya.html> (дата обращения: 19.10.2023 г.)
- Мендыкулова, Атантаева, 2008 – *Мендыкулова Г.М., Атантаева Б.Ж.* История миграций между Казахстаном и Китаем в 1860-1960-е гг. Алматы: «Са-Ға», 2008. 232 с.

- [Русская эмиграция...](#), 2009 – Русская эмиграция в Китае: материалы к библиографии / сост. Н.А. Егорова, Москва, 2009. 148 с.
- [Садовская, 2001](#) – *Садовская Е.Ю.* Трудовая миграция как средство адаптации и экономическому кризису в Казахстане. Алматы: Галым, 2002. 216 с.
- [Садовская, 2014](#) – *Садовская Е.Ю.* Китайская миграция в Республике Казахстан: традиции шёлкового пути и новые векторы сотрудничества. Алматы: Раритет, 2014. 444 с.
- [Сактаганова, 2017](#) – *Сактаганова З.Г.* Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг. Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. 365 с.
- [Сборник документов...](#), 2010 – Сборник документов «Освоение целинных и залежных земель в Кустанайской области». Костанай: ТОО «Костанайполиграфия», 2010. 640 с.
- [Слободчиков, 2005](#) – *Слободчиков В.А.* О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М.: Центрполиграф, 2005. 431 с.
- [Смирнов, 2014](#) – *Смирнов С.В.* «Русская Атлантида»: воспоминания русских репатриантов из Китая и проблема конструирования диаспорической идентичности / Журнальный клуб «Интелрос» НЛО. [2014](#). № 127. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru> (дата обращения 19.10.2023)
- [Старосельская, 2006](#) – *Старосельская Н.Д.* Повседневная жизнь «Русского Китая». М.: Молодая гвардия, 2006. 375 с.
- [ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан

References

- [Ablazhey, 2014](#) – *Ablazhey, N.N.* (2014). Kazakhskiy migratsionnyy mayatnik «Kazakhstan – Sin'tsyan». Emigratsiy. Repatriyatsiya. Integratsiya [Kazakh migration pendulum “Kazakhstan – Xinjiang”. Emigration. Repatriation. Integration]. Karagandy: Bolashak-Baspa, 273 p. [in Russian]
- [Ablazhey, 2007](#) – *Ablazhey, N.N.* (2007). S vostoka na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitaye [From East to East: Russian emigration in China]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 300 p. [in Russian]
- [Abylkhozhin, 1997](#) – *Abylkhozhin, Zh.B.* (1997). Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana. XX vek [Essays on the socio-economic history of Kazakhstan. XX century]. Almaty: Turan, 360 p. [in Russian]
- [Asylbekov, Galiyev, 1991](#) – *Asylbekov, M.Kh., Galiyev, A.B.* (1991). Sotsial'no-demograficheskiye protsessy v Kazakhstane (1917-1980 gg.) [Socio-demographic processes in Kazakhstan (1917-1980)]. Almaty: Galym, 192 p. [in Russian]
- [Aubakirova, 2010](#) – *Aubakirova, Zh.S.* (2010). Vosproizvodstvo naseleniya Kazakhstana (etnoregional'nyy aspekt) [Reproduction of the population of Kazakhstan (ethnoregional aspect)]. Ust'-Kamenogorsk, 190 p. [in Russian]
- [Aurilene, 2008](#) – *Aurilene, Ye.Ye.* (2008). Rossiyskaya diaspora v Kitaye: (1920-1950 gg.) [Russian diaspora in China: (1920-1950)]. Khabarovsk: Chastnaya kolleksiya, 272 p. [in Russian]
- [GAPO](#) – Gosudarstvennyy arkhiv Pavlodarskoy oblasti [The State Archive of Pavlodar region].
- [Kozhirova, 2017](#) – *Kozhirova, S.* (2017). Migratsiya iz Kitaya v Kazakhstan: istoriya i sovremennost' [Migration from China to Kazakhstan: history and modernity]. Almaty: Mir, 304 p. [in Russian]
- [Kozlov, 2010](#) – *Kozlov, V.* (2010). Massovyye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-kh gg.). [Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980s)]. М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya ROSSPEN, 463 p. [in Russian]
- [Levitskiy, 2002](#) – *Levitskiy, V.V.* (2002). Voskreseniye imeni [Resurrection of the name]. Khar'kov: Eksklyuziv, 204 p. [in Russian]
- [Litvintsev, 2004](#) – *Litvintsev, G.* (2004). Russkiye emigranty iz Kitaya. Vospominaniya russkogo repatrianta [Russian emigrants from China. Memoirs of a Russian repatriate]. Rossiyskaya gazeta «Dal'niy Vostok», 2004, 29 iyulya. № 3537. [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2004/07/29/repatriaziya.html> (date of access: 19.10.2023). [in Russian]
- [Mendykulova, Atantayeva, 2008](#) – *Mendykulova, G.M., Atantayeva, B.Zh.* (2008). Istoriya migratsiy mezhdru Kazakhstanom i Kitayem v 1860-1960-ye gg. [The history of migrations between Kazakhstan and China in the 1860-1960s.]. Almaty: «Sa-Ga», 232 p. [in Russian]
- [Russkaya emigratsiya...](#), 2009 – Russkaya emigratsiya v Kitaye: materialy k bibliografii [Russian emigration in China: materials for bibliography]. Sost. N.A. Yegorova, Moskva, 2009. 148 p. [in Russian]
- [Sadovskaya, 2001](#) – *Sadovskaya, Ye.Yu.* (2001). Trudovaya migratsiya kak sredstvo adaptatsii i economic skomu krizisu v Kazakhstane [Labor migration as a means of adaptation to the economic crisis in Kazakhstan]. Almaty: Galym, 216 p. [in Russian]
- [Sadovskaya, 2014](#) – *Sadovskaya, Ye.Yu.* (2014). Kitayskaya migratsiya v Respublike Kazakhstan: traditsii sholkovogo puti i novyye vektory sotrudnichestva [Chinese migration in the Republic of Kazakhstan: traditions of the Silk Road and new vectors of cooperation]. Almaty: Raritet, 444 p. [in Russian]
- [Saktaganova, 2017](#) – *Saktaganova, Z.G.* (2017). Ekonomicheskaya modernizatsiya Kazakhstana. 1946–1970 gg. [Economic modernization of Kazakhstan. 1946-1970]. Karaganda: Izd-vo KarGU, 365 p. [in Russian]

[Sbornik dokumentov..., 2010](#) – Sbornik dokumentov «Osvoyeniye tselinnykh i zaleznykh zemel' v Kustanayskoy oblasti» [“Development of virgin and fallow lands in the Kostanay region”]. Kostanay: TOO «Kostanaypoligrafya», 640 p. [in Russian]

[Slobodchikov, 2005](#) – *Slobodchikov, V.A.* (2005). O sud'be izgnannikov pechal'noy...About the sad fate of the exiles...]. Kharbin. Shankhay. M.: Tsentropoligraf, 431 p. [in Russian]

[Smirnov, 2014](#) – *Smirnov, S.V.* (2014). «Russkaya Atlantida»: vospominaniya russkikh repatriantov iz Kitaya i problema konstruirovaniya diasporicheskoy identichnosti [“Russian Atlantis”: Memoirs of Russian Repatriates from China and the problem of Constructing a Diasporic identity]. Zhurnal'nyy klub «Intelros» NLO, 2014. № 127. [Electronic resource]. URL: <http://www.intelros.ru> (date of access: 19.10.2023). [in Russian]

[Starosel'skaya, 2006](#) – *Starosel'skaya, N.D.* (2006). Povsednevnyaya zhizn' «Russkogo Kitaya» [The daily life of “Russian China”]. M.: Molodaya gvardiya, 375 p. [in Russian]

[TSGA RK](#) – Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

О хозяйственном устройстве, трудоустройстве и адаптации бывших советских граждан, переселившихся в плановом порядке из КНР в Казахстан в 1954-1963 гг.

Манара Чальтееновна Калыбекова ^{a, *}, Надежда Александровна Кубик ^b,
Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Республика Казахстан

^b Государственный архив Павлодарской области, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы хозяйственно-бытового устройства, трудоустройства и адаптации репатриантов из Китайской Народной Республики в период осуществления кампании по освоению залежных и целинных земель в Казахстане. Сама кампания стала крупным социально-политическим событием, основной целью которого являлось решение продовольственного вопроса, выразившееся в развитии зернового производства в Казахстане, в котором важную роль сыграл Д.А. Кунаев как председатель Совета Министров Казахской ССР, затем первый секретарь ЦК Компартии Казахстана (1960–1962 гг.). Советская экономическая система с момента становления была ориентирована на укрепление позиций государства и решала модернизационные задачи исключительно чрезвычайными методами. Задачи экономики государства 1950-1960-х гг. государство пыталось решить посредством индустриального рывка и политики освоения целинных и залежных земель, осуществленных с помощью административных методов хозяйствования, что повлекло увеличение рабочей силы во всех сферах производства в республике. Пополнение рабочей силы для работы в совхозах и колхозах республики предполагалось осуществить путем планового переселения из разных регионов СССР, а также приема переселенцев из Китая. Руководство Казахстана вынуждено было решать проблемы, связанные с распределением населения по республике, исходя из приоритетов геополитики и решения экономических задач по освоению целины, наполнения рабочей силой промышленных объектов и минимизации этнодемографических рисков. Поскольку прибывающее в Казахстан население имело пестрый этнический и социальный состав, то в целом миграция в республику казахского населения и других этнических групп из Китая представляла большую сложность. Освещаемая в статье тема для обеспечения достоверности и полноты рассматривается на основе документов государственных архивов Казахстана.

Ключевые слова: адаптация, хозяйственно-бытовое устройство, трудоустройство, ремиграция, целина, кампания по освоению целинных земель, репатрианты, Китайская Народная Республика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: K.manara69@gmail.com (М.Ч. Калыбекова),
kubiknadezda@mail.ru (Н.А. Кубик)